

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

Департамент психологии

ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Материалы V Международной научной конференции
9–11 декабря 2015 г.

2015

Москва

Университетская книга

Издание материалов V Международной научной конференции «Психология индивидуальности» осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-14056)

УДК 159.9
ББК 88
П 86

Редакционная коллегия

В.Д. Шадриков, В.А. Ключарев, Д.А. Леонтьев, Е.Б. Старовойтенко, А.К. Болотова, И.Н. Семенов, В.П. Серкин, А.В. Россохин, А.Н. Татарко, Б.В. Чернышев, В.А. Штроо, Н.Ю. Новицкий, О.Н. Молчанова, А.С. Елисеенко, С.С. Кургинян

П 86 V Международная научная конференция «Психология индивидуальности»: сборник материалов / А.С. Елисеенко. – М.: Литературное агентство «Университетская книга», 2015. – 576 с.

ISBN 978-5-98699-178-8

Представлены материалы V Международной научной конференции «Психология индивидуальности». Освещены методологические проблемы изучения индивидуальности, индивидуальность в свете социализации личности, индивидуальность в кризисных ситуациях, проблемы развития и становления индивидуальности, индивидуальность в бизнесе и организации, индивидуальность и профессия, клинический и прикладной психоанализ: психоаналитический коучинг, консультирование и психотерапия; психоанализ групп и организаций, психофизиология индивидуальных различий, индивидуальность в теоретической и практической психологии личности, индивидуальность и культура, личность, мотивация и качество жизни, способности и предметная мысль человека, индивидуальные особенности когнитивного контроля. Изложены результаты новейших исследований в этих областях, проведенных в России и за рубежом.

Для ученых, разрабатывающих проблемы психологии, докторантов, аспирантов и магистрантов, подготавливающих диссертации по психологическим направлениям (специальностям), представителей других гуманитарных наук, а также для всех интересующихся вопросами психологии индивидуальности.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-98699-178-8

© Национальный исследовательский университет «Высшей школы экономики», 2015
© Авторы публикаций, 2015
© Литературное агентство «Университетская книга», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	5
Раздел 2. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....	35
Раздел 3. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ.....	85
Раздел 4. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.....	129
Раздел 5. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В БИЗНЕСЕ И ОРГАНИЗАЦИИ.....	169
Раздел 6. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИЯ	211
Раздел 7. КЛИНИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ КОУЧИНГ, КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ПСИХОТЕРАПИЯ; ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП И ОРГАНИЗАЦИЙ	293
Раздел 8. ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ.....	343
Раздел 9. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ	417
Раздел 10. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА	441
Раздел 11. ЛИЧНОСТЬ, МОТИВАЦИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ.....	493
Раздел 12. СПОСОБНОСТИ И ПРЕДМЕТНАЯ МЫСЛЬ ЧЕЛОВЕКА.....	541
Раздел 13. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО КОНТРОЛЯ.....	565

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зливков В.Л., Лукомская С.А., Федан Е.В.</i> Взаимосвязь каузальных атрибуций, психологической упругости и аутентичности личности	7
<i>Балл Г.А., Мединцев В.А.</i> Индивидуальное самопроектирование: системное описание	8
<i>Белашева Х.В.</i> Индивидуально–психологические особенности интернет–зависимых подростков, проживающих в условиях мегаполиса и сельской местности	10
<i>Неверов А.Н.</i> Индивидуальность и экономическая активность: методологические аспекты.....	11
<i>Мазилев В.А.</i> Индивидуальность, внутренний мир и перспективы психологии.....	12
<i>Шадриков В.Д.</i> Исторические и методологические подходы к описанию индивидуальности.....	14
<i>Балл Г.А., Зливков В.Л., Лукомская С.А.</i> К разработке психологического понятия «аутентичность»	17
<i>Радчикова Н.П., Жук Н.Н.</i> Метод выборки переживаний (ESM) как способ выявления нелинейной динамики характеристик личности.....	18
<i>Семенов И.Н.</i> Методологические проблемы психологии индивидуальности как человеческого капитала	20
<i>Егорова М.С.</i> Методология исследования негативных характеристик в структуре индивидуальности.....	22
<i>Меньшикова Л.В.</i> О выделении «единицы» анализа индивидуальности	23
<i>Музыка А.Л.</i> Одаренная личность как тип и как индивидуальность	24
<i>Нагибина Н.Л., Титова Ж.Г.</i> Представления человека о структуре «я – тело – душа – мир»	26
<i>Пахмутова М.А.</i> Применение понятия «самоорганизация» как ресурс системного исследования личности	27
<i>Минасян Г.Г.</i> Проблема оценки влияния индивидуальности на экономические и социальные изменения.....	29
<i>Костригин А.А.</i> «Психология живой личности» В.А. Снегирева.....	30
<i>Овчинникова Т.Н.</i> Судьба индивидуальности в России	32

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАУЗАЛЬНЫХ АТТРИБУЦИЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УПРУГОСТИ И АУТЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Зливков В.Л., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Лукомская С.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Федан Е.В., младший научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Аннотация. Рассмотрена связь каузальных атрибуций, психологической упругости и особенностей аутентичности. Аутентичные личности характеризуются высоким уровнем автономного внутреннего контроля и психологической упругостью. Аутентичность самовыражения и высокий уровень самопринятия связаны с безличным внутренним контролем, низким уровнем психологической упругости и общим низким уровнем аутентичности.

Ключевые слова: аутентичность, каузальные атрибуции, психологическая упругость.

Abstract. The relationship between causal attributions, psychological resilience and characteristics of authenticity. Authentic personality characterized by a high level of autonomous internal control and the psychological resilience, authenticity and a high level of expression of self-related internal control impersonal, low psychological resilience and the generally low level of authenticity.

Keywords: authenticity, causal attribution, psychological resilience.

Актуальным для современного общества является создание благоприятных условий для максимального развития личности, эффективности ее жизненного пути, обретения автономии и аутентичности. Концепт аутентичности в экзистенциальной психологии связан с проблемами личностного самоопределения и возможностью управлять собственной жизнью. Важным критерием данного концепта является его субъективность, т.е. невозможность полной объективации опыта аутентичности, который, как и любая форма опыта, носит черты интегрального феномена, включающего рациональные, поведенческие и чувственно-эмоциональные составляющие [1].

В эмпирическом исследовании мы определили особенности аутентичности при различных

каузальных атрибуциях и выраженности психологической упругости. Для изучения выраженности автономии авторы использовали методику «Внутренняя мотивация» (вопросник каузальных атрибуций Э. Деси и Р. Райана), согласно которой автономный контроль связан с рефлексивной автономией, а внешний – с реактивной. Для определения аутентичности использована «Шкала аутентичности» (А.М. Вуд в адаптации С. Нартовой-Бочавер и В. Бардадымова, 2012). В контексте исследования нами апробирована методика Connor – Davidson Resilience Scale (CD-RISC, 2007), согласно которой психологическая упругость определяет процесс адаптации личности к сильным стрессовым условиям [2].

Испытуемые с внешним видом контроля (мужчины – 19,23 %, женщины – 23,07 %) характеризуются

ются пассивной субъектной позицией к собственной жизни. В организации значимых событий они в значительной степени полагаются на референтных других, именно поэтому у них высокие притязания и низкий уровень осознания ответственности за результаты своей деятельности. Испытуемые с данным типом саморегуляции руководствуются в организации собственной деятельности усвоенными нормами и установками референтных лиц. При этом наблюдается низкий уровень психологической упругости (12,6) и аутентичности (аутентичность самовыражения – 22,1; неограниченность другими – 11,3; самопринятие – 20,1).

Испытуемые с автономным внутренним контролем (мужчины – 15,38 %, женщины – 17,30 %) руководствуются собственно выбранными и усвоенными образцами поведения. Автономный тип с преобладающими собственными побуждениями характеризует испытуемых как ответственных и самоорганизующихся, инициативных и активных в принятии важных решений своей жизни, склонных к креативному решению жизненных проблем. Им свойственен высокий уровень психологической упругости (38,4) и высокий уровень аутентичности (аутентичность самовыражения – 30,4; неограниченность другими – 34,9; самопринятие – 28,6).

Испытуемые с безличным внутренним контролем (мужчины – 13,46 %, женщины – 11,53 %) ориентируются преимущественно на общественно принятые стереотипы, не ощущают себя автоном-

ными и способными самостоятельно принимать решения. Выявлен низкий уровень психологической упругости (10,1) и аутентичности, при этом выражена такая составляющая аутентичности, как самопринятие (30,2), наблюдаются низкие показатели по аутентичности самовыражения – 12,5 неограниченности другими – 4,2 [1]. Аутентичные личности характеризуются как имеющие высокий уровень автономного внутреннего контроля и высокий уровень психологической упругости, при этом аутентичность самовыражения и высокий уровень самопринятия статистически значимо связаны с безличным внутренним контролем, низким уровнем психологической упругости и общим низким уровнем аутентичности, обусловленным высокими показателями по шкале неограниченности другими. Низкие показатели всех составляющих аутентичности наблюдаются при внешних каузальных атрибуциях и низкой психологической упругости.

Литература

1. Зливков В.Л., Лукомська С.О. Поняття кризи автентичності у психологічних дослідженнях // Теоретичні і прикладні проблеми психології. Збірник наукових праць. 2014. № 3 (35). С. 189–196.
2. Connor K.M., Davidson J.R. Development of a new resilience scale: the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // *Depress Anxiety*. 2003. 18(2). P. 76–82.

© Зливков В.Л., Лукомская С.А., Федан Е.В.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ САМОПРОЕКТИРОВАНИЕ: СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ

Балл Г.А., доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины, заведующий лабораторией методологии и теории психологии Института психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Мединцев В.А., кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии Института психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Аннотация. Разрабатываемый нами метод системного описания применен к индивидуальному самопроектированию – реформированию и функционированию личного проекта. Последний охватывает замысел себя и совокупность реализующих его процессов. Анализ процессов самопроектирования может быть проведен по трем направлениям в зависимости от роли личного проекта в этих процессах.

Ключевые слова: самопроектирование, личный проект, замысел себя.

Abstract. Our method of systemic description we apply to individual Self designing (reforming and performing of a personal project). The latter contains the idea of Self and a set of processes that

implement that idea. The analysis of the processes of Self designing may be used at three directions depending on the personal project role in that processes.

Keywords: self designing, personal project, idea of Self.

Согласно разрабатываемому нами методу системного анализа любой изучаемый в психологии процесс должен быть представлен как изменение психических и других объектов (ниже – *модусов*; детальнее, с использованием понятий теории множеств, см. [Ошибка: источник перекрестной ссылки не найден] и др.).

Указанный метод мы применяем к описанию *самопроектирования* – (ре)формирования и функционирования *личного проекта*. Последний рассматриваем как психическое достояние лица, характеризующее его *замысел себя* и совокупность процессов, реализующих этот замысел. Личный проект, по Н.В. Чепелевой и О.А. Зарецкой [1], представляет собой объединение *личностного* и *жизненного* проектов.

Реализуя метод, рассматриваем следующие модусы: *личный проект*; *идентичность* (она охватывает Я-реальное и Я-желаемое); *паттерны рефлексии, освоенные лицом*; *другие компоненты личности*. Кроме того, будем рассматривать как отдельные модусы, интериоризованные в психику данного лица: *психические модусы других лиц* (к ним можно отнести, в частности, выраженные в речи, мимике, действиях других лиц одобрение/неодобрение действий данного лица); *паттерны культуры* (действий, отношений, эмоциональных проявлений и др.); *материальные модусы* жизнедеятельности лица, включая результаты выполнения им предыдущего личного проекта.

Проведем анализ по направлениям, полученным выделением процессов, в которых личный проект является их результатом или фактором. Уточним, что в качестве фактора модус может быть рассмотрен двояко: как исходный, преобразуемый в ходе процесса; как закон (точнее, носитель закона), по которому происходит преобразование. Выделяем три направления анализа процессов самопроектирования: (1) личный проект как результат; (2) личный проект как исходный модус; (3) личный проект как закон преобразования.

Покажем пример анализа процессов направления (1). Рассмотрим процесс, в котором исходным является модус *паттернов рефлексии*, результатом – *личный проект*, а законом преобразования (точнее, носителем этого закона) – *паттерны культуры*. В этом процессе все или некоторые паттерны рефлексии будут введены в проект как подлежащие совершенствованию.

Регуляторами являются, например, образцы совершенствования рефлексивных способностей, – существующие в научной философии или в пара-научных практиках.

Примером описания одного из процессов направления (2) может быть процесс, в котором *личный проект* является исходным модусом, *идентичность* – результатом, а *рефлексия* – законом процесса. Идентичность претерпевает изменения за счет изменений компонентов личного проекта в ее составе, например модуса «Я, обладающий личным проектом» (в составе Я-реального). Рефлексия регулирует изменение этого модуса, обновляя его отношения с другими компонентами Я-реального: Я-профессионал, Я-мыслитель и пр.

Направление (3) проиллюстрируем процессом, в котором исходным модусом и результатом являются *другие компоненты личности*, а законом преобразования – *личный проект* (т.е. регулируемое рефлексией изменение компонентов личности). Например, в соответствии с личным проектом для достижения лицом высоких спортивных результатов он будет реализовывать повышенные требования к совершенствованию своих волевых качеств.

Реформирование личного проекта может происходить многократно, в частности в связи с биографически значимыми событиями. Возможны типы личного проекта (в том числе привязанные к тем или иным возрастным этапам), различающиеся по степени детализации структуры: временной (числу выделяемых этапов) и содержательной (набору рассматриваемых модусов). Сложность структуры личного проекта – число уровней, число компонентов на каждом уровне, степень детализации процессов, выделенных как компоненты структуры, – может быть рассмотрена как одна из характеристик данного лица.

Литература

1. Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України / за ред. Чепелевої Н.В. 2014. Т. II. Психологічна герменевтика. Вип. 8. С. 4–15.
2. Балл Г.А., Мединцев В.А. Системное описание культурных процессов и его психологические применения // Технологии развития интеллекта. 2014. Т. 1. № 7.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМЫХ ПОДРОСТКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Белашева Х.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии и социальной работы
АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

Аннотация. На основе анализа эмпирических исследований по проблеме распространения интернет-зависимости среди подростков выдвигается гипотеза о существовании различий в индивидуально-психологических свойствах их личности, которые могут быть обусловлены условиями их жизнедеятельности. Показывается, что подростки, проживающие в условиях сельской местности, более уязвимы в отношении формирования у них интернет-зависимого поведения, чем подростки, проживающие в мегаполисе.

Ключевые слова: интернет-зависимость, индивидуально-психологические свойства, креативность.

Abstract. Based on the analysis of empirical studies on the proliferation of Internet addiction among teens, the hypothesis of the existence of differences in the individual psychological characteristics of personality that can be attributed to the conditions of their life. It is shown that adolescents living in rural areas are more vulnerable to the formation of their Internet addiction behavior than adolescents living in the city.

Keywords: Internet addiction, individual psychological characteristics, creativity.

Учитывая особенную подверженность подростков интернет-ресурсам, когда их личностное становление и идентификация происходят в эпоху высокоразвитых информационных технологий, можно наблюдать, что последние как стимулируют познавательную активность и развивают личность, так и деформируют и нарушают ее [1].

Невозможно не признать того факта, что интернет удовлетворяет одну из базовых потребностей человека – потребность в общении, в связи с чем мы наблюдаем преимущественно доминирующую стратегию поведения подростка – уход от реального общения [2]. Причины подобного поведения, как представляется, полимодальны, определить их возможно, учитывая все уровни индивидуального развития подростка. Однако информационное развитие распространяется неравномерно. В сельской местности интернет появился гораздо позже (а в некоторых местностях он и вовсе до сих пор отсутствует), чем в социально и экономически более развитых городах-мегаполисах, например в Москве. При этом жизнедеятельность подростка, проживающего в сельской местности, менее разнообразна, ограничена и отличается от жизнедеятельности подростка, проживающего в условиях мегаполиса, которая изобилует различными информационными продуктами, способствующими высокому уровню развития познавательных способностей и раскрытия творческого потенциала.

В связи с обозначенной выше проблемой нами было организовано и проведено эмпирическое исследование. С помощью анкеты участника нами была сформирована выборка исследования, состоящая из подростков, проживающих в Москве (34 человека), и подростков сельских школ Кемеровской области (26 человек).

В результате проведенного исследования было установлено, что у подростков, проживающих в сельской местности, более выражены признаки интернет-зависимости, чем у их сверстников из мегаполиса. При этом у подростков обеих групп не было выявлено патологического аддиктивного интернет-зависимого поведения, а в основном они характеризуются наличием признаков пограничного интернет-зависимого поведения, при котором, как отмечает К. Янг, наблюдаются лишь некоторые проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом [3].

Для подростков, проживающих в условиях мегаполиса, характерны преимущественно такие индивидуально-психологические свойства их личности, как общительность (фактор А), эмоциональная устойчивость (фактор С), возбудимость (фактор D), беспечность и легкомыслие (фактор F), а подростки сельской местности по сравнению с подростками мегаполиса менее общительны (ниже значения по фактору А), но обладают более развитыми интеллектуальными способностями (фактор В), что, возможно, и повлияло на

отсутствие у них творческих способностей. Подростки, проживающие в условиях сельской местности, сдержанны в своих эмоциях, достаточно инертны, осторожны, благодушны и неторопливы в отличие от подростков мегаполиса (низкие показатели по шкале D). Также были установлены различия между подростками с интернет-зависимостью и без нее в таких индивидуально-психологических свойствах их личности, как (1) в силе возбуждения нервной системы, скорее всего потому, что их высокая, неутолимая психическая активность обуславливает неиссякаемый интерес к интернету и находит свое выражение как раз во времени, проводимом ими в виртуальном мире; (2) в самооценочной тревожности, которая отражает причинность их обращения к виртуальному миру, где можно симулировать, играть и не получать обратную адекватную оценку своих личностных качеств; (3) в непоследовательности, автономности и позитивном отношении матери, проявляющихся в их воспитании.

Таким образом, выявленные нами особенности в индивидуально-психологических свойствах у подростков, проживающих в условиях мегаполиса и сельской местности, настолько разнообразны и охватывают все компоненты их социально-психологического, личностного и индивидуального пространства, что значительно затрудняют установление причин возникновения у них интернет-зависимости.

Литература

1. Белашева Х.В. Интернет-зависимость как предиктор формирования нарушений личности с различными типами межполушарных асимметрий // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 224–235.
2. Дрена М.И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 189.
3. Янг К. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.

© Белашева Х.В., 2015

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Неверов А.Н., доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Рассматривается проблема построения междисциплинарной концепции экономической активности за счет интеграции психологии индивидуальности, теории опережающего отражения и неаустрийской школы экономической теории. Делается вывод, что ключевым этапом на данном пути выступает операционализация категории «индивидуальность» с позиций междисциплинарной релевантности.

Ключевые слова: индивидуальность, экономическая активность, экономическая психология, междисциплинарная релевантность.

Abstract. It is considered the problem of interdisciplinary concept of economic activity building through the integration of personality psychology, theory of anticipatory reflection and neo-austrian school of economics. It is concluded that a key step in this way is an operationalization of the category «personality» from the standpoint of interdisciplinary relevance.

Keywords: individuality, economic activity, economic psychology, interdisciplinary relevance.

Современное состояние исследований проблемы построения системы знаний о психологии экономической активности характеризуется одновременным существованием и развитием целого ряда взаимоисключающих подходов. В качестве основных подходов выступают неоклассическая

модель homo economicus и ее модификации, австрийская школа политэкономии, субъектно-деятельностный подход отечественной психологии и ряд других концепций. Существенным различием в данных подходах является дифференциация представлений о природе человеческого по-

¹ Работа подготовлена при поддержке Совета по Грантам Президента Российской Федерации по поддержке молодых российских ученых (Проект МД-6937.2015.6 «Экономико-психологическое моделирование стратегического экономического поведения в условиях ноосферной стадии эволюции социально-экономических систем»).

ведения и вызванные этим различия в базовых допущениях о рациональном и нерациональном, возможностях и природе предсказания, феномене экономической деятельности и т.д.

Наиболее популярным в современной науке можно считать подход Л. Мизеса к человеческой деятельности, основанный на ее принципиальной субъективности и ненаблюдаемости психических явлений [1]. Эмпирической основой данного подхода выступают данные наблюдения и самонаблюдения (интроспекции), а основным инструментом анализа – формально-логические законы и принципы. В этой связи снижается возможность фальсифицируемости и верифицируемости модели человеческой деятельности, что снижает научную достоверность построений, а также становится невозможным применение количественных методов. В то же время в рамках развития данного подхода предложена концепция предпринимательства как деятельности по адекватному планированию [5], близкая по своей методологии теории опережающего отражения [2]. Однако сопоставление данной концепции и субъектно-деятельностного подхода ни на теоретико-методологическом, ни на экспериментально-эмпирическом уровнях не проводилось.

Результаты исследований Д. Лейзера, С. Жиронде, Дж. Акерлофа, Р. Шиллера и ряда других авторов показывают, что одним из наиболее слабых мест существующих концептуальных построений является неспособность учета психических явлений в моделях социально-экономических процессов. Представляется, что обязательным шагом на пути решения данной проблемы должна выступать операционализация понятия «индивидуальность» применительно к экономической активности [3, 6, 7]. При этом ключевым моментом здесь выступает реализация постулата междисциплинарной релевантности данной категории [4, 6]. Ключевым вопросом на данном пути выступает комплексное рассмотрение индивидуальности, стратегии экономической активности и социально-экономических процессов.

Решение данного вопроса является одним из необходимых этапов становления экономической психологии как области междисциплинарного

знания, способной интегрировать, сопоставить и достроить существующие исследования психолого-экономических процессов, феноменов и явлений. Фундаментом для этого могут стать достижения отечественной психологической и психофизиологической традиций (П.К. Анохин, В.Б. Швырков, Н.А. Бернштейн, И.О. Александров, Ю.И. Александров, В.Д. Небылицын, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, В.Д. Шадриков, А.Л. Журавлев и др.), позволяющие преодолеть фрагментарность и методологическую противоречивость существующих результатов и подходов к пониманию экономической активности и роли индивидуальности в социально-экономических процессах.

Литература

1. *Ананьев О.И.* Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики, 2013. 50 с.
2. *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 504 с.
3. *Брушлинский А.В.* Целостность субъекта – основание для системности всех его качеств // Избранные психологические труды. М.: ИП РАН, 2006. С. 510–523.
4. *Журавлев А.Л., Курпейченко А.Б.* Некоторые направления и условия развития отечественной экономической психологии. Перспективы развития экономической психологии и ее проблематика // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы 10-й между. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск, 2009. С. 22–28.
5. *Кирцнер И.* Конкуренция и предпринимательство. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 239 с.
6. *Неверов А.Н.* Общая экономическая психология: синтез, моделирование и эксперимент // Экономическая психология в современном мире: сб. науч. статей / под ред. А.Н. Лебедева. М., 2012. С. 214–237.
7. *Шадриков В.Д.* От индивида к индивидуальности: введение в психологию. М.: Когито-центр, 2010. 656 с.

© Неверов А.Н.,

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, ВНУТРЕННИЙ МИР И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИИ

Мазиллов В.А., доктор психологических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет

Аннотация. Обосновывается подход, согласно которому индивидуальность рассматривается в контексте внутреннего мира человека. Утверждается, что трактовка предмета психологии как

внутреннего мира способствует продуктивному исследованию индивидуальности и в перспективе ведет к разрешению кризиса в психологии.

Ключевые слова: индивидуальность, внутренний мир, предмет психологии, кризис.

Abstract. The article explains the approach that the individual is considered in the context of man's inner world. It is argued that the treatment of the subject of psychology as inner peace contributes to the study of personality and productive in the long term lead to the resolution of the crisis in psychology.

Keywords: personality, the inner world, the subject of psychology, crisis.

Известно, что в психологии существуют разнообразные подходы к проблеме индивидуальности. Перспективы того или иного подхода связаны в первую очередь с тем, в соотношении с какими понятиями рассматривается изучаемое явление. А.Л. Журавлев и В.А. Кольцова замечают, что «среди самых сложных задач, с которыми сталкивается любая наука, выделяются формирование ее категориального аппарата и систематизация имеющихся теоретических представлений и эмпирических данных» [1, с. 5]. Именно поэтому нам представляется, что наиболее перспективным подходом к исследованию индивидуальности является подход В.Д. Шадрикова, в соответствии с которым индивидуальность рассматривается в связи с раскрытием внутреннего мира человека [6].

Кратко остановимся на основных преимуществах такого подхода.

Во-первых, преодолевается двойной функционализм: психические процессы обычно рассматриваются изолированно друг от друга, психические качества – изолированно от психических процессов. В результате общая психология обретает единство, отсутствие которого не позволяет создать непротиворечивую систему психологических понятий. Это открывает новые и многообещающие перспективы в исследовании индивидуальности [5].

Во-вторых, и это главное, такой подход использует понятие «внутренний мир человека» [6]. Этот аспект имеет революционизирующее значение для всей психологии в целом, поскольку позволяет использовать его в качестве предмета общей психологии. Как показали наши исследования, «внутренний мир человека» полностью соответствует требованиям, предъявляемым к предмету психологии, поскольку это понятие позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение, вместилище всю психическую реальность в полном объеме [2; 3; 4].

Подготовлен учебник для будущих психологов [7], в котором использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека» и показано, что внутренний мир отражает бытие человека

и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. Внутренний мир как субстанциональная сущность характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя [7].

Не имея возможности дать развернутое обоснование (в силу ограниченности объема настоящей публикации) остановимся лишь на одном моменте. Как представляется, полагание понятия «внутренний мир человека» в качестве предмета психологии позволит в перспективе разрешить кризис, существующий в этой науке со второй половины XIX в. Поясним это. Кризис психологии может быть преодолен только целенаправленной совместной работой психологического сообщества, т.е. именно социальным путем. Первопричина кризиса лежит, по нашему мнению, именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета. Как представляется, кризис в психологии имеет уровневое строение. Полезно выделение трех основных уровней. Это позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор, хотя может проявляться на разных уровнях. По меньшей мере их три. Первый, относительно неглубокий, – уровень отражения закономерностей любого раз-

вития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические, и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень основных парадигм. Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил, что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». История психологии в XX в. может быть уподоблена движению маятника: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее половине (естественнонаучной или герменевтической). Иными словами, когда части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гараи и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе. И, наконец, третий, самый глубокий, уровень связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Брентано и В. Дильтея).

Истоки глубинного кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX в., которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление

физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой – разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики духовного). На наш взгляд, обращение к трактовке предмета психологии как внутреннего мира позволяет удовлетворительно разрешить эти проблемы.

Литература

1. Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Предисловие // Шадриков В.Д. От индивида к индивидуальности. М.: ИП РАН, 2009.
2. Мазилев В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 55–72.
3. Мазилев В.А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 3–21.
4. Мазилев В.А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9–24.
5. Мазилев В.А. Психология академическая и практическая: актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 87–96.
6. Шадриков В.Д. От индивида к индивидуальности: Введение в психологию М.: Институт психологии РАН, 2009.
7. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.

© Мазилев В.А., 2015

ИСТОРИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПИСАНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Шадриков В.Д., доктор психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются различные точки зрения на понимание индивидуальности. Показывается различное толкование индивидуальности и детерминанты, которые лежат в основе этого понятия. Обосновывается точка зрения, что человек сам творит свою индивидуальность. Показывается ограниченность описания индивидуальности в конкретном исследовании.

Ключевые слова: индивидуальность, сотворение индивидуальности, многомерность.

Abstract. Different points of view on the understanding of individuality. Showing different interpretations of individuality and determinants that underlie this concept. It substantiates the view that man creates his own personality. Shows limited description of the individual in a particular study.

Keywords: personality, identity creation, multidimensionality.

Ответить на вопрос о характере и механизмах порождения мыслей можно только, разобравшись в том, что есть индивидуальность и в том, что есть порождение (творение).

К уникальности человека обращается уже Библия (Ветхий Завет составлен, начиная от 1300 и до 100 гг. до н.э.), его первые книги имеют древнейшую устную историю [6]. В книге Бытие отмечается: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему» [3]. И далее уточняется: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» [3].

Сотворив человека, Бог наделил его свободой воли сотворять себя: идти к Богу или от Бога. Сотворяя себя, человек может развивать себя «по подобию» Бога, во всем многообразии качеств, оставаясь при этом единой сущностью, индивидуальностью. Этот путь к индивидуальности прослеживается в трудах религиозных философов, Отцов и Учителей церкви. Так, например, Святой Августин (354–430 гг.) отмечал в «Исповеди», что проблема всех проблем – это человек. Не мир загадка, а мы сами. «Что же за тайна человек! Ведь ты, Господи, и число волос на его голове знаешь, так что ни один из них не упадет без ведома Твоего. И все же, куда проще сосчитать волосинки, чем страсти и душевные колебания» [1].

Аврелия интересуется конкретный человек во всех его проявлениях, прежде всего в борьбе его воли и желаний, «несовпадения человеческой воли с Божественной, что, в конце концов, ведет к открытию “Я” как личности» [6, с. 57]. «Познай самого себя» по Августину означает «познай себя как образ и подобие Бога» [6, с. 58]. Интересна трактовка Августином процесса восприятия. Результат восприятия есть не только следствие воздействия внешнего объекта на человека, но и результат, формируемый под влиянием души, изнутри. В терминах души здесь прописан субъективный характер восприятия. Из понимания человека как индивидуальности религиозные философы и теологи делают вывод об индивидуальном бессмертии.

Осознавая все богатство личности, Фома Аквинский писал, что «личность означает то, что есть самое совершенное во всей природе» [6, с. 149].

Рассматривая понятие «индивидуальность», шотландский ученый-теолог Дунс Скотт (1266–1308) отмечает, что этот термин указывает на индивидуализирующее сущее.

Большое внимание индивидуальности уделяет Уильям Оккам (ок. 1280–1349). Он настаивает на том, что индивидуальное является единственным объектом науки.

Глубокой разработке проблема индивидуальности подвергнута в работах Николая Кузанского. Он рассматривает человека как «микрокосм», отражающий целостность универсума. «И поскольку может быть только один универсум (Бог), но много обособленного, частичного и раздельного, то многие обособленные и раздельные люди несут в себе вид и образ единого совершенного универсума и в таком разнообразном множестве бесчисленных малых текучих, сменяющих друг друга миров устойчивое единство большого универсума разворачивается с наиболее возможным совершенством» (Н. Кузанский. Соч. Т. 2. С. 271).

Прекрасный образец подхода к индивидуальности человека мы находим в работах Пико дела Мирандолы (1463–1494).

«Вот самая превосходная речь, которую Пико вложил в уста Бога. Это обращение к человеку, только что созданному, имело самый широкий отклик у современников: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определяешь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы отсюда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”» [6].

Подводя итог краткому обзору, мы можем сказать, что индивидуальность сотворяется самим человеком, его активностью и волей. Такова точка зрения большинства философов и теологов со времен Древности и Средневековья. Таким образом, понятие индивидуальности имеет глубокие временные корни. К сожалению, в работах отечественных психологов эти корни понятия индивидуальности не прослеживаются. Можно стоять на позициях материализма или теизма, но это не освобождает от серьезного исторического анализа понятия индивидуальности. Главный вывод, который следует сделать, это то, что человек сам *творит* свою индивидуальность, свое «Я». При этом многообразии качеств индивидуальность представляет собой целостную субстанцию, не сводимую к ее проявлениям (отдельным ощущениям, образам, мыслям, чувствам, желаниям и др.). Индивиду-

альность как субстанция отражает сущность человека, пребывающую во времени, проявляющуюся в поведении как «сущее, причина существования которого в нем самом, существующее как причина самого себя» [7, с. 26]. Проявления сущности (индивидуальности) многообразны. Наш анализ различных источников позволяет выделить следующий тезаурус этих проявлений: разум, свобода воли, трудолюбие, общительность, физическая развитость. В отдельную группу можно выделить нравственные проявления индивидуальности: тихий, скромный, смиренный, снисходительный, невспыльчивый, негневлимый, многотерпеливый, благостный, добросердечный, милосердный, покорный, послушный, осознающие свои слабости, недостатки, раскаянный, укротивший свои страсти, добрый, спокойный и добрый нравом, прощающий, сострадательный, снисходительный, благосклонный, желающий и делающий добро другим, свободный от пороков (чистый сердцем), совестливый (с чистой совестью), прямой, откровенный, жизненный, щедрый, лишенный криводушия, лицемерия и лукавства, творящий мир (в несогласных), любящий других, неагрессивный, живущий в мире с другими.

Более подробно вопрос о психологических характеристиках индивидуальности рассмотрен нами в работе [9].

Современная наука показывает, что у индивидуальности есть естественнонаучная основа: генотипическая обусловленность, многообразие связей в головном мозге, индивидуальные вариации функционирования эндокринной системы, ретикулярной формации, характеристики метаболизма, морфология нервной системы, скорость ее созревания и др. «При таком диапазоне генетической, структурной и биохимической изменчивости, – отмечает Олпорт, – мы должны ожидать широких вариантов темперамента, мотивации и вообще каждой известной психической функции» [5, с. 219].

Природная уникальность человека в сочетании с многообразными воздействиями внешней среды – семьи, этноса, социального окружения, образования и профессиональной деятельности – порождает бесконечные вариации индивидуальности человека. Это ставит *коммуникативную, методологическую* проблему в изучении и описании индивидуальности конкретного человека.

В любой психограмме индивид не может быть описан во всей полноте существенных признаков. Индивидуальность бесконечна. Поэтому в психограмме, описывающей обычного человека, необходимо стремиться наметить *тенденцию своеобразия*

индивида. «Интегративная психографическая схема будет отмечаться не действительной полнотой, а действенной».

В силу сказанного исследование индивидуальности должно предполагать разработку теоретически обоснованной общей (генеральной) психографической схемы исследования. «Важно подчеркнуть, что генеральная схема исследования не есть характеристика индивидуальности. Это *предварительное условие* исследования индивидуальности» [9, с. 78–79]. Наличие генеральной схемы и ее теоретического обоснования может служить основой для соотношения различных исследований индивидуальности, что является условием реализации коммуникативной составляющей методологии психологической науки [4].

На базе генеральной схемы могут разрабатываться психографические схемы решения частных задач. На базе частных профессиографических схем выполнение *коммуникативной* составляющей методологии психологической науки становится уже более затруднительно, а часто и невыполнимо.

Общие схемы могут разрабатываться для отдельных сфер психики, в этом случае и частные схемы будут касаться только этой сферы.

Примером подхода к разработке генеральной схемы может служить работа Б.Г. Ананьева по изучению человека как предмета познания [2], частных схем – исследование профессиональных качеств (ПВК) в профессиональной деятельности с позиции психологической функциональной системы деятельности – общая схема [8].

При разработке генеральной схемы мы исходим из широкого круга описаний человека (в философии, социологии, психологии, художественной литературе), при составлении конкретной психографической схемы – прежде всего из требований конкретной ситуации, в которой мы изучаем человека. При разработке частных схем необходимо учитывать принцип операциональности, разработанный Д.А. Ошаниным.

На уровне частных схем желательно использовать малопараметрические модели индивидуальности.

С учетом широчайшего спектра признаков, характеризующих индивидуальность, важным методологическим принципом является *вероятностный характер выводов* в отношении поведения конкретного человека. У психологов не должно возникать комплекса неполноценности. Такой подход характерен для всех наук, предмет изучения которых сложен, например теоретическая физика, экономика, метеорология и другие.

Литература

1. *Аврелий А.* Исповедь / пер. с лат. М.К. Сергеевко, вступ. статья А.А. Столярова. М.: Ренессанс, 1991.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
3. Библия. М.: РБО, 2000.
4. *Мазилев В.А.* Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль, 2002.
5. *Олпорт Г.* Становление личности: избр. труды / под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.
6. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Кн. 2. Средневековье (От Библейского послания до Макиавелли). СПб.: Петрополис, 1994.
7. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
8. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
9. *Шадриков В.Д.* Психологическая характеристика нормального Человека, или Познай самого себя. М.: Логос, 2009.

© Шадриков В.Д., 2015

К РАЗРАБОТКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «АУТЕНТИЧНОСТЬ»

Балл Г.А., доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины, заведующий лабораторией методологии и теории психологии Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Злишков В.Л., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Лукомская С.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории методологии и теории психологии

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Аннотация. Концепт аутентичности определяется как образ жизни, характеризующийся несогласованностью внутреннего опыта (мыслей, чувств, физиологических состояний), открытостью в поведении и межличностных отношениях с другими людьми. Рассмотрены психическая, поведенческая и эмоциональная аутентичность личности.

Ключевые слова: аутентичность, идентичность, личность.

Abstract. The concept of identity is defined as a way of life characterized by inconsistency inner experience (thoughts, feelings, physiological conditions), openness in behavior and interpersonal relationships with other people. Considered mental, behavioral and emotional authenticity of identity.

Keywords: authenticity, identity, personality.

Хотя значимость представления об аутентичности для психологии личности признается весьма широко, четкая характеристика соответствующего понятия, на которую мог бы опереться психолог-исследователь, наталкивается на серьезные трудности. Дело в том, что упомянутое представление – это скорее не научное понятие, а концепт (от строгих научных понятий концепты отличаются нечеткостью и эмоциональной насыщенностью). Оно сформировалось в рамках практической психологии для обозначения качества, которое психологи (прежде всего гуманистические и экзистенциальные) стремились видеть у своих подопечных и по возможности помогать его сохранению (восстановлению, становлению). Здесь реа-

лизуется разграничивающий подход к разработке понятийного аппарата (см. [1]), приемлемый для психолога-практика (пусть содержание понятия не очень ясно, воспринимается во многом интуитивно, но это хорошее качество и, если в результате проведенной работы выигрывает и клиент, и люди, с которыми он взаимодействует, главная цель достигнута). Однако такая логика рассуждений не подходит психологу-исследователю, для которого естественно предпочитать обобщающий подход (см. [1]). Последний, помимо прочего, четко различает некое свойство лица как таковое, роль этого свойства в жизни и деятельности данного лица и других лиц. Эта роль в зависимости от многих обстоятельств (и критериев оценки) может

быть положительной, отрицательной и нейтральной. Поэтому надо смириться с тем, что обладание рассматриваемым свойством (в данном случае – аутентичностью) не всегда желательно; что то, что исследователь назовет аутентичностью, не всегда будет соответствовать интуитивному пониманию этого термина большинством психологов. Вместе с тем следует стремиться к тому, чтобы формируемое относительно четкое *понятие* аутентичности по своему содержанию было бы по возможности близко к упомянутому интуитивному пониманию, иными словами, к тому *концепту* аутентичности, которым реально пользуются психологи.

Предполагается различие в личности сущностного слоя (метафорически обозначаемого многими психологами как «ядро», «*стержень*» и т.п.) и поверхностных слоев. Последние могут быть в разной степени согласованы с ядром, что характеризует степень *целостности* личности. Согласованные с ядром феномены психики и поведения будем называть *нормальными* (точнее, соответствующими *личностной норме*). *Психическая аутентичность* тем выше:

- ◆ чем стабильнее ядро личности, т.е. чем оно меньше изменяется с течением времени или в зависимости от внешних обстоятельств;
- ◆ чем выше степень *целостности* личности и чем различные психические феномены ближе к нормальным для данного лица.

Поведенческая аутентичность тем выше, чем в большей мере поведение лица ближе к нормальному для него и меньше подвержено влиянию внешних обстоятельств – сравните трактовку аутентичного поведения как отражающего подлинные мотивы и ценности личности. Поведенческая аутентичность проявляется:

- ◆ вне контроля сознания – в произвольных компонентах поведения (в том числе в произвольных жестах, мимике, паралингвистических компонентах речи и т.п.);
- ◆ под контролем сознания: в семантике речевых и других *коммуникативных* актов; в содержании действий (в особенности социально значимых действий – *поступков*).

Аутентичная личность (психический уровень) характеризуется умением искренне, открыто выражать свои мысли и чувства, адекватной высокой самооценкой. Понятие личностной аутентичности (А. Weigert) введено для акцентирования внимания на том, что она проявляется преимущественно в проблемных ситуациях, когда необходимо сделать свой выбор, ориентироваться на собственные приоритеты и ценности [2]. Поведенческий уровень аутентичности определяется в ее связи с идентичностью личности. Аутентичность является моральной ценностью, средством самопознания и способом достижения идентичности и стабильности «Я» в динамическом обществе. Целесообразно рассматривать и эмоциональный уровень аутентичности, заключающийся в ощущении психологического благополучия и удовлетворенности жизнью.

Литература

1. Балл Г.А. «Отношение» в контексте двухуровневой модели категориально-понятийного аппарата психологии // Мир психологии. 2011. № 4. С. 39–53.

2. Authenticity in culture, self and society / [Ed. by P. Vannini, P. Williams]. Farnham, UK: Ashgate, 2009. 490 p.

© Балл Г.А., Зливков В.Л., Лукомская С.А., 2015

МЕТОД ВЫБОРКИ ПЕРЕЖИВАНИЙ (ESM) КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕЛИНЕЙНОЙ ДИНАМИКИ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ

Радчикова Н.П., кандидат психологических наук, доцент
Жук Н.Н.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Аннотация. Предлагается использовать метод выборки переживаний (ESM) для получения длительных временных рядов по некоторым психологическим характеристикам (например, трудовой мотивации) для дальнейшей оценки паттерна изменения данной характеристики с помощью метода рекуррентных диаграмм. Пилотажные исследования позволяют предположить наличие детерминированного хаоса в динамике психологических характеристик.

Ключевые слова: метод выборки переживаний (ESM), трудовая мотивация, нелинейная динамика, рекуррентные диаграммы.

Abstract. It is suggested to use experience sampling method (ESM) in order to obtain sufficiently long time series that could be used to estimate dynamical patterns of various psychological characteristics (e.g., work motivation) with the help of recurrence plot method. Pilot research allows suggesting the existence of deterministic chaos in the dynamics of psychological characteristics.

Keywords: Experience sampling method (ESM), work motivation, non-linear dynamics, recurrence plots.

В последние годы трудовая мотивация стала рассматриваться в динамике, появились первые эмпирические подтверждения ее нелинейного поведения [1, 5]. Известно, что сложные системы часто характеризуются нелинейностью и хаотическим поведением, что позволяет предположить, что трудовая мотивация является менее стабильным феноменом, чем предполагалось в большинстве классических мотивационных теорий. Изменение трудовой мотивации может быть процессом, который являет высокую степень нерегулярности и флуктуаций во времени, что обычно не принималось во внимание в исследованиях в данной области [5].

Достаточно точные оценки характера изменения какого-либо показателя во времени можно получить с помощью метода рекуррентных диаграмм. Это техника двумерного представления, которая показывает корреляцию расстояния в динамических рядах. Рекуррентные диаграммы не требовательны к качеству входных данных и позволяют совмещать визуальные возможности (диаграммы) и мощный численный аппарат (меры). Несмотря на достоинства этого метода, на постсоветском пространстве и особенно в практике социальных исследований он применяется крайне редко. Одним из ограничивающих факторов является то, что для применения данного метода должны использоваться достаточно длинные временные ряды – собранный в разные моменты времени статистический материал о значении каких-либо параметра (в простейшем случае одного) исследуемого процесса. Временной ряд существенно отличается от простой выборки данных, так как при анализе учитывается взаимосвязь измерений со временем, а не только статистическое разнообразие и статистические характеристики выборки.

Для получения временных рядов в социальных науках можно использовать метод выборки переживаний (ESM – experience sampling method), предложенный в 1980-х гг. М. Чиксентмихайи и Р. Ларсеном [4]. В основе метода выборки переживаний лежит идиографический подход (один человек, много ситуаций) в отличие от более традиционного номотетического подхода (одна ситуация, много людей). Такой метод получения данных позволяет в большей степени проследить изменения, происходящие с отдельным человеком, в противовес идее личностных черт либо характеристик, подчеркивающих идею постоянства

внутри индивида при одновременном отличии от других людей [2]. При применении метода выборки переживаний возможно сочетание идиографического и номотетического подходов – идиотетический подход, при котором закономерности, свойственные индивиду, сравниваются с показателями каждого участника эксперимента, что позволяет обнаружить некие общие тенденции, свойственные всей группе испытуемых.

К недостаткам метода выборки переживаний можно отнести отсутствие стабильной межперсональной системы мер, позволяющей сравнивать количественные показатели состояний между разными людьми. Тем не менее предполагается, что внутри личности имеются некие стабильные «метрики», и оценка 6 всегда больше оценки 5 у каждого конкретного человека [3]. По мнению некоторых исследователей, применяющих данный метод, «моментальность» ответа в сочетании с повторяемостью и «экологией» создают даже более высокую внутреннюю валидность, чем в бумажных опросниках, при заполнении которых испытуемый, как правило, всегда имеет возможность исказить результаты [3].

Пилотажные исследования позволяют предположить наличие детерминированного хаоса в динамике некоторых психологических характеристик и трудовой мотивации в том числе.

Литература

1. Самарина Г.П., Дорошко С.Е., Чекирда В.А. Ноосферная экономика: назад к истокам. Базисное значение труда и мотивации. СПб.: ПИФ.com, 2008.
2. Experience sampling methods: a modern idiographic approach to personality research / S.T. Connor, H. Tennen, W. Fleeson // Soc. Personal Psychol. Compass. 2009. № 3. P. 292–313.
3. Hektner J.M., Schmidt J.A., Csikszentmihalyi M. Experience Sampling Method: Measuring the Quality of Everyday Life. Sage Publications, 2007.
4. Larson R., Csikszentmihalyi M. The experience sampling method // New Directions for Methodology of Social and Behavioral Sciences H.T. Reis (Ed.). Vol. 15. San Francisco: Jossey-Bass, 1983. P. 41–56.
5. Navarro J., Arrieta C. Chaos in Human Behavior: The Case of Work Motivation // The Spanish Journal of Psychology. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 244–256.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Семенов И.Н., доктор психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются философско-методологические представления об индивидуальности человека в контексте его экономического поведения. Подчеркивается необходимость разработки психологических моделей человека как капитала, которые бы включали в себя механизмы развития его творческого потенциала как индивидуальности, и приводится авторская модель развития рефлексивно-творческого потенциала человека.

Ключевые слова: экономическое поведение, индивидуальность, рефлексия.

Abstract. We consider the philosophical and methodological concepts of individuality in the context of its economic behavior. It emphasizes the need to develop models of human psychology as the capital, which would include a mechanism for the development of his creativity as individuals, and provides the author's model of development of reflective and creative human potential.

Keywords: economic behavior, personality, reflection.

В контексте проводимых в России рыночных преобразований становится актуальным изучение психолого-экономической проблематики: психологического обеспечения реформ и его концептуально-технологических средств. Их разработка требует психологического исследования различных аспектов экономического поведения человека (как собственника, менеджера, маркетолога, потребителя и т.п.), конкурентоспособности специалиста, продуктивности его профессиональной деятельности, эффективного использования человеческих ресурсов (их диагностики, реализации, развития) в целях оптимизации управления персоналом различных социально-экономических институций (от фирм малого, среднего, крупного бизнеса до общенациональных и межнациональных корпораций). Одним из важных аспектов экономического поведения человека является капитализация им собственных ресурсов и потенциала (от здоровья, способностей и воли через знания, умения и профессионализм до мастерства, рефлексии и творчества) в конкретных социально-экономических условиях. Учет этой конкретики экономического поведения человека как капитала предполагает релевантное ей исследование его индивидуальности, раскрывающейся специфическим образом в процессе капитализации. Такое исследование должно базироваться как на социально-экономических трактовках человеческого капитала, так и на философско-психоло-

гических представлениях об индивидуальности человека.

Рассмотрим философско-методологические предпосылки психологического изучения проблематики психологии индивидуальности. Одной из характерных тенденций развития современной экономики является переход от «Человека экономического» (*Homo oeconomicus*) к «Человеку творческому» (*Homo creator*). В связи с этим необходима разработка психологических моделей человека как капитала, включающих в себя механизмы развития его творческого потенциала как индивидуальности.

Имеющиеся и развивающиеся в психологии индивидуальности научные подходы, как правило, акцентируют различные аспекты ее изучения, что в совокупности составляет палитру соответствующих предметных областей. В настоящее время к наиболее развитым можно отнести такие традиционные предметные области психологического изучения индивидуальности, как психофизиология индивидуальных различий основных свойств нервной системы и темперамента, индивидуального стиля психических процессов и деятельности, индивидуальных особенностей субъекта и профиля личности, индивидуального проявления способностей и одаренности, индивидуальных особенностей профессионализма и творчества в их социокультурном и рефлексивном опосредовании.

Продуктивность творчества во многом определяется его рефлексивностью как в сфере науки и культуры, так и управления и экономики. Актуальное проявление творчества, с нашей точки зрения, является моментом реализации потенциала творческих способностей, который одновременно служит основой их дальнейшего развития. Разработанная нами модель развития рефлексивно-творческого потенциала человека акцентирует одновременность развития человека в нескольких соотнесенных друг с другом измерениях его бытия, т.е. в нескольких векторах его развития.

В качестве базовых выделяются физиологически-возрастной, социально-образовательный и профессионально-карьерный векторы. Первый – это вектор натурализации человека, т.е. его физиологически-возрастного, естественного природного роста. Этот естественный аспект человека как капитала представляет собой психофизиологическую совокупность задатков и способностей человека на очередном этапе его жизни. Второй – вектор социализации человека, т.е. его социально-образовательный рост. Этот знаниевый (или когнитивный, эпистемический) аспект человека как капитала представляет собой уровень образованности, достигаемый человеком в системе общего, среднего и высшего профессионального образования. Третий – вектор профессионализации человека, т.е. его статусно-карьерного роста. Этот деятельностный аспект человека как капитала представляет собой совокупность профессиональных умений и практических навыков осуществления им своей работы в той или иной социально-экономической структуре (частной или государственной). Именно деятельностный вектор имеет решающее значение для эффективности капитализации человека, ибо вектор профессионализации позволяет определить результаты и возможности осуществления человеком трудовой деятельности через выяснение его профессиональной пригодности, психологической готовности к данному виду труда, степени социальной ответственности за его процесс и результаты. Однако три базовых вектора биосоциального роста человека представляют собой лишь объективные тенденции накопления естественных ресурсов человека как капитала. Эти тенденции предзаданы природой и обществом, актуализируясь в жизни каждого нормального человека как бы «сами собой» в силу изначально присущей ему матрично-генной программы и реализующей ее с течением времени нормативно-ролевой инерции биосоциальной жизнедеятельности. Выделенные объективные тенденции естественного роста человека создают возможности для самостоятельного (и в

этом смысле искусственного) осуществления им субъектных векторов собственного развития, производных от волевой и творческой активности его «Я», которое суверенно самоопределяется в общественной и личной жизни, а главное – ответственно самореализуется в профессиональной деятельности и социально-экономическом поведении. В психологической модели человека как капитала мы выделяем еще три вектора, которые характеризуют субъектное развитие индивида. Один из них – четвертый вектор активизации в модели – произведен от биоэнергетики организма человека и представляет собой трансформацию его биологической активности (через становление произвольности психических процессов и формирование волевой сферы) в самостоятельную экзистенциальную активность субъекта, обеспечивающую его целенаправленное саморазвитие и творческое самосовершенствование. Пятый – вектор персонализации – характеризует индивидуальное становление человека вплоть до формирования социально ответственной личности, что позволяет субъекту интегрировать свое целостное «Я» и свою жизнедеятельность в системе множественных (в том числе социально-экономических) взаимосвязей и взаимодействий с окружающим миром. Шестой – вектор культурализации – характеризует ассимиляцию человеком и обогащение его капиталом достижений культуры, свободное самоопределение относительно них, соотнесение с усвоенными культурными образцами, в особенности с выбранными в качестве эталонов своей инновационно-профессиональной деятельности и своего социально-экономического поведения. Взаимодействие объективных векторов роста человека и субъектных векторов его развития обеспечивается седьмым – рефлексивным – вектором, являющимся системообразующим в психолого-экономической модели человека как капитала. Рефлексия как самоанализ и переосмысление субъектом содержания своего сознания обеспечивает оптимальное взаимосогласование всех остальных векторов объективного роста и субъектного развития человека и его капитала.

Литература

1. Семенов И.Н. Рефлексивная психология инновационного образования // под ред. М. Берулава. М.: Наследие ММК, 2013.
2. Семенов И.Н. Системодеятельностная методология и рефлексивная психология мышления. М.: Институт развития им. Г.П. Щедровицкого, 2014.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Егорова М.С., доктор психологических наук
МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет психологии

Аннотация. Рассматривается теоретический контекст изучения негативных характеристик и направления эмпирических исследований, связанных с определением места негативных характеристик в структуре индивидуальности, их связью со стратегиями межличностных отношений и особенностями адаптации в социуме. Обсуждаются методологические проблемы исследования негативных характеристик.

Ключевые слова: «темная триада», макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, диссоциальные черты личности, шестифакторная структура личности.

Abstract. Psychology of individual differences of the new century is marked by the interest to the «dark» personality traits, their structure and association within interpersonal relations, adaptation and development. The article deals with the methodology of the «dark» traits research and with the results of the empirical study, fulfilled on Russian population.

Keywords: the Dark triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, dissocial traits.

С начала века в исследованиях, ведущихся в психологии индивидуальных различий, центральным предметом исследования и обсуждения становятся негативные черты личности. Их статус в современной психологии индивидуальных различий определяется следующим:

- ◆ из года в год возрастает количество исследований негативных характеристик, среди которых наиболее выделяется «темная триада» – комплекс взаимосвязанных черт личности, включающий макиавеллизм и неклинические нарциссизм и психопатию [7];
- ◆ предполагается, что индивидуальные различия по «темным» чертам личности представляют собой континуум, полюса которого находятся за гранью психологической нормы. Эта позиция имеет ряд последствий для отбора негативных черт, методов их диагностики и теоретических представлений о соотношении нормы и патологии. Во-первых, целый ряд «темных» черт, вариативность которых исследуется на норме, имеет длительную историю исследования в клинической психологии и психиатрии. Так, две черты «темной триады» (нарциссизм и психопатия) с начала XX в. исследовались в связи со специфическими расстройствами личности; диссоциальность, которая рассматривается в контексте «нормальных» черт личности, выделена как сочетание отклонений от нормы, описанных в DSM–V [2]. Во-вторых, методы диагностики ряда негативных черт

личности представляют собой (по крайней мере, на первых этапах исследования) адаптацию клинических опросников. В-третьих, теоретические представления о норме и патологии сводятся к количественным на феноменологическом уровне и качественным на уровне регуляции поведения;

- ◆ при проведении ревизии структуры базовых черт личности показана целесообразность включения в базовую структуру наряду с факторами «большой пятерки» фактора, описывающего социально неодобряемое поведение. Так, шестифакторная структура черт [6] содержит фактор, содержание которого связано с честностью (неприятием обмана в любых формах, независимо от вероятности его обнаружения);
- ◆ теоретический контекст исследований максимально широк и связан с теорией подкрепления, социально-психологическими представлениями о нишах развития, взглядами психологии развития на содержание этапов взросления, с эволюционными представлениями об адаптивном поведении;
- ◆ наиболее актуальной темой исследований является анализ роли «темных» характеристик в адаптивном/дезадаптивном поведении и в межличностных отношениях (см. обзоры [1; 3; 4; 5]).

Методологические проблемы исследования негативных характеристик рассматриваются на ма-

териале наших исследований. В цикле исследований, проведенном на репрезентативных выборках, включающих в сумме более 1500 взрослых респондентов (возраст 16–84 года), рассматривается место «темной триады» в структуре психологических характеристик, социально-демографические (пол, возраст, образование, структура родительской и собственной семьи) причины ее вариативности и психологические корреляты. Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 14-06-00400-а.

Литература

1. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. 7(38). 12.
2. Dimensional assessment of normal and abnormal personality in adults of the general population: Comparison of «five» and «alternative five» personality models / A. Aluja, M. Martí-Guiu, E. Blanco, A. Blanch // Personality and Individual Differences. 2016. 89. 6–12.

3. A meta-analytic review of the Dark Triad-intelligence connection / E.H. O'Boyle, D. Forsyth, G.C. Banks, P.A. Story // Journal of Research in Personality. 2013. 47. 6. P. 789–794.

4. Furnham A., Richards S., Paulhus D. The Dark Triad: A 10 year review // Social and Personality Psychology Compass. 2013. 7(3). P. 199–215.

5. Measuring malevolence: Quantitative issues surrounding the Dark Triad of personality / A. Furnham, S. Richards, L. Rangel, D.N. Jones // Personality and Individual Differences. 2014. 67. P. 114–121.

6. Lee K., Ashton M.C. Psychopathy, Machiavellianism, and Narcissism in the Five-Factor Model and the HEXACO model of personality structure // Personality and Individual Differences. 2005. 38 (7). P. 1571–1582.

7. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. 36. 6(6). P. 556–563.

© Егорова М.С., 2015

О ВЫДЕЛЕНИИ «ЕДИНИЦЫ» АНАЛИЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Меньшикова Л.В., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Новосибирский государственный технический университет

Аннотация. Предлагается подход, который базируется на теоретическом представлении об индивидуальном развитии как прогрессирующем развитии координации в динамическом ядре индивидуальности, которое включает переживания, категориальную систему значений и личностные смыслы. Показано наличие противоречий между указанными элементами этой динамической системы при рассмотрении когнитивной, аффективной и коммуникативной сфер в индивидуальном развитии студентов вуза.

Ключевые слова: индивидуальность, развитие, координация, переживания, значения, смыслы.

Abstract. In this report an approach has been taken which is based on the theoretical understanding of individuality development as a progressing coordination development in the individuality dynamic core which includes experiences, categorical semantic matrix and personality meanings. The author shows the existence of contradictions between the specified elements of this dynamic system when considering the cognitive, affective, and communicative spheres in the individuality development of undergraduate students.

Keywords: individuality, development, coordination, experiences, categorical semantic matrix, personality meanings.

Методологический и теоретико-экспериментальный уровень разработки проблемы индивидуальности позволяет в настоящее время сосуществовать различным точкам зрения. Однако на этом фоне можно заметить определенную тенденцию, связанную с постепенным переходом от

комплексного рассмотрения структуры индивидуальности к системному, имеющему своей целью выделение ядра, «единицы» анализа индивидуальности.

Настоящее исследование имело целью в рамках концепции Б.Г. Ананьева развить представ-

ления о «динамическом ядре» индивидуальности со стороны особенностей организации ее внутреннего мира и на основе этих представлений изучить закономерности развития отдельных подструктур индивидуальности студентов (когнитивной, аффективной, коммуникативной) в период их обучения в вузе.

Б.Г. Ананьев, анализируя сложные процессы онтогенетического развития различных психофизиологических и социальных свойств индивидуальности человека, сделал существенное теоретическое обобщение: центральными механизмами, объединяющими эти свойства в единую систему, являются механизмы субординации (иерархии) и механизмы координации, сохраняющие индивидуальную автономию элементов [1, с. 264].

Дополнительный анализ, проведенный нами, позволил конкретизировать эти общие положения и разработать теоретическую модель, в которой сделана попытка определить центральный механизм, влияющий на развитие индивидуальности студентов [2, с. 73]. Учитывая то, что индивидуальность – это интегратор всех свойств человека, нам представляется, что единицей анализа индивидуальности является динамическая система, включающая в себя переживания, иерархию смыслов, а также «категориальную сетку значений», в которой интерпретируется жизненный опыт переживаний человека. Подвергаясь когнитивной обработке в индивидуальной сетке значений, конкретные переживания приобретают новое качество, позволяющее им более активно вступать во взаимодействие с системой смыслов личности.

В выделенной динамической «единице» анализа индивидуальности – система переживаний, значений и смыслов – стягиваются воедино свойства человека как индивида, субъекта деятельности и личности со стороны их представленности во внутреннем мире.

Лонгитюдное исследование психологических закономерностей развития отдельных подструктур индивидуальности студентов (когнитивной,

аффективной, коммуникативной), которое осуществлялось в рамках психологической службы Новосибирского государственного технического университета, показало наличие определенных противоречий между элементами этой динамической системы:

- ◆ в когнитивной подструктуре индивидуальности это проявляется в диспропорции развития вербальных и образно-эмоциональных компонентов мышления, а также в недостаточном развитии механизма их координации;
- ◆ в аффективной сфере часто встречается отсутствие координации переживаний с семантическими структурами сознания, что проявляется в недостаточной «означенности» этих переживаний в категориальной системе значений. Неразвитость указанного механизма приводит к снижению возможностей саморегуляции состояний студентов (особенно в ситуациях нервно-психического напряжения, связанных с различными формами социальной фрустрации);
- ◆ в коммуникативной подструктуре индивидуальности студентов проявляется рассогласование между личностным смыслом коммуникативных актов и их психосемантикой.

Указанные типы противоречий, потенциально являясь источником развития индивидуальности студентов, не находят конструктивного разрешения в среде вуза, закладывая основу для дезинтеграции внутреннего мира. Рассмотрение типов противоречий внутри динамической системы, составляющей ядро индивидуальности, дает возможность выделить типы индивидуального развития студентов, определить его сильные стороны и дефекты.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
2. Меньшикова Л.В. Прикладное значение концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 70–80.

ОДАРЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ТИП И КАК ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Музыка А.Л., кандидат психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии одаренности
Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

Аннотация. Субъектные ценности рассматриваются как особые образования в сознании одаренной личности, позволяющие анализировать ее и как представителя определенного психологического типа, и как индивидуальность.

Ключевые слова: одаренная личность, субъектные ценности, личностные ценности, индивидуальность.

Abstract. Subjective values are considered as special formations of gifted personality consciousness. These mental features define psychological type and individuality of gifted personality.

Keywords: gifted personality, subjective values, personality values, individuality.

На современном этапе развития психология *одаренности* трансформируется в психологию *одаренной личности* и имеет все предпосылки стать психологией одаренной индивидуальности. В рабочей концепции одаренности даны определения двух ключевых понятий: «одаренность» и «одаренный ребенок» [4]. Получили распространение более общие «личностные» понятия, которые соотносятся не столько с одаренностью как отдельным личностным свойством, сколько с целостной личностью: когнитивный стиль *личности*, ментальный опыт *личности* (М.А. Холодная), стратегии творческой деятельности *личности* (В.А. Моляко).

Эти интегральные понятия служат критериями отнесения субъекта к определенному типу – одаренной личности. Эти же понятия, вернее их сложные «личностные» структуры, служат психологическими инструментами для моделирования одаренной личности как индивидуальности. В качестве примера рассмотрим стратегии и тактики творческой деятельности, предложенные В.А. Моляко [2]. Применение субъектом для получения творческого результата стратегий комбинирования, аналогизирования, реконструирования, универсальной стратегии и стратегии случайных подстановок, а также более чем двадцати тактик можно рассматривать как проявление одаренной личности. То, какие именно из этих стратегий и тактик и в каких соотношениях применяются, есть основание для выводов об индивидуальности субъекта творческой деятельности.

С позиций разрабатываемого нами субъектно-ценностного подхода *одаренной можно назвать личность*, которая отличается следующими особенностями:

- ◆ наивысшим уровнем развития способностей и экстраординарными достижениями в соответствующей деятельности;
- ◆ ценностным отношением к своим способностям как к основе личностной идентичности;
- ◆ творческой направленностью;
- ◆ направленностью на саморазвитие;
- ◆ субъектно-ценностной саморегуляцией [3].

В качестве единицы исследования одаренной личности нами взяты особым образом взаимодействующие личностные ценности, которые, исходя

из их способности быть внутренними регуляторами деятельности и личностного развития, были названы *субъектными ценностями*.

Моделирование ценностного сознания одаренной личности состоит из нескольких этапов. При помощи биографического интервью определяется круг референтных людей. Затем с помощью метода триад Дж. Келли (либо других приемов) реконструируется перечень личностных ценностей испытуемого. В результате факторного анализа матрицы «я + референтные люди = личностные ценности» получаем семантическое пространство, образованное, как правило, двумя основными факторами. Конструкты, образующие эти факторы, исходя из их содержания, можно определить как этические и деятельностные ценности. Таким образом, одаренные люди отличаются особыми группами этических и деятельностных личностных ценностей, значимо коррелирующих с обоими факторами и между собой, которые мы назвали субъектными ценностями. Похожую структуру ценностной регуляции описывает Г.А. Балл, рассматривая взаимодействие нравственных и инструментальных ценностей как условие решения субъектом ценностных коллизий [1].

Расценивая субъектные ценности как внутреннее регуляционное ядро личности, мы установили, что им одновременно присущи и устойчивость, и гибкость (феномен изменчивой устойчивости). Устойчивость обеспечивается тем, что в ядро входят только относительно неизменные личностные ценности – результаты личного ценностного опыта субъекта. Механизм обеспечения гибкости субъектных ценностей следующий: в зависимости от оценки человеком соотношения жизненной ситуации и ресурсного потенциала личностных ценностей может меняться значимость того или иного ценностного конструкта, равно как и сила его связей с остальными личностными ценностями.

Таким образом, наличие в структуре индивидуального сознания субъектных ценностей, отражающих имплицитные ценностно-смысловые предпосылки личностного развития и инструментальные характеристики соответствующей деятельности, позволяет отнести субъекта к пси-

хологическому типу «одаренная личность». Как индивидуальность одаренную личность характеризует уникальная семантика этических и деятельностных личностных ценностей, обусловленная историей их возникновения и развития в процессе жизненного пути человека.

Литература

1. Балл Г.О. Раціогуманістичний підхід до визначення засад ціннісно налаштованої соціальної поведінки // Психологія і особистість. 2015. № 2 (8). Ч. 1. С. 6–22.

2. Моляко В.А. Творческая конструктология (пролегомены). Киев: Освіта України, 2007. 388 с.

3. Музыка О.Л. Співвідношення здібностей та обдарованості: суб'єктно-ціннісний підхід // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України. К.: Фенікс, 2013. Т. XII. Психологія творчості. Вип. 17. С. 223–233.

4. Рабочая концепция одаренности / Д.Б. Богоявленская, В.Д. Шадриков и др. 2-е изд. расш. перераб. М., 2003. 90 с.

© Музыка А.Л., 2015

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА О СТРУКТУРЕ «Я – ТЕЛО – ДУША – МИР»

Нагибина Н.Л., доктор психологических наук профессор, научный руководитель International Institute of Differential Psychology, Берлин, Германия

Титова Ж.Г.

АНО «Центр развития человека», Москва

Аннотация. Рассматриваются результаты проведенного эмпирического исследования субъективных образных представлений о структуре «Я – Тело – Душа – Мир». Показано, что существуют типичные варианты представлений о структуре «Я – Тело – Душа – Мир», которые описываются в характеристиках активности, открытости, независимости, напряженности, разноцветности и доминантности. Выделена факторная структура взаимосвязей.

Ключевые слова: представления, образ, «Я», тело, душа, мир, психологический тип, содержательный анализ, структура взаимосвязей.

Abstract. The results of an empirical research of subjective images «Self–body–soul– world» are presented. The typical variants of the images may be described as complexes of characteristics: openness, activity, independence, tension, variety of colors, dominance. Factors and psychological types are described.

Keywords: images, Self, body, soul, world, psychotype, structure of relationship.

В психологической науке до сегодняшнего дня преобладает тенденция изучения частных психических процессов и свойств, легко выражаемых в количественных соотношениях. С подчинением методологического аппарата психологии статистике и объективным методам, взятым из точных наук, собственно человек как индивидуум со своей уникальной и неповторимой личностью уходит на задний план. Очевидно, что исследователей отталкивает большое количество переменных со слабо предсказуемыми зависимостями, которое необходимо учитывать, изучая «неповторимое», при этом результаты такого изучения не всегда возможно представить в терминах точных наук.

Об этой тенденции писал К. Юнг: «Чем больше в поле зрения ученого начинает господствовать

индивидуальный объект, тем живее, практичнее и шире оказывается полученное знание. Разумеется, на этом пути осложняются все последующие предметы исследования, а неопределенность отдельных факторов растет пропорционально увеличению их числа, т.е. ведет к увеличению возможности заблуждения. Понятно, что академическая психология пугается этого риска и предпочитает обходить сложные случаи, обращаясь к более простым вопросам» [3, с. 27].

Исходя из вышеизложенных фактов, нами предпринята попытка создать методику и проанализировать индивидуальную для каждого человека структуру представлений – о собственных «Я», теле, душе и о мире в целом.

Метод. Рисунок метафорических представлений о структуре связей «Я – Тело – Душа – Мир»

был использован для диагностики особенностей соответствующих компонентов данной структуры. Испытуемому предлагалось создать на бумаге образы «Я», мира, тела и души, охарактеризовать эти образы и взаимодействия между ними и письменно пояснить идею своих представлений. Для оценки данных, представленных в протоколах, был использован метод субъективного шкалирования, хорошо зарекомендовавший себя при анализе реальности, совмещающей в себе сознательный и бессознательный компоненты познания. Многомерность, вариативность и многозначность образов потребовала большой работы над созданием окончательной исследовательской сетки шкал.

Испытуемые. Общее число – 168 человек, представлены 483 ситуации. Основное исследование было проведено на выборке в 110 студентов-дизайнеров МГУДТ (мужчин 6, женщин 104, возраст от 18 до 21 года). Выбор испытуемых обусловлен тем, что они должны обладать достаточной рефлексией и не испытывать затруднений в представлении на бумаге сложных внутренних образов.

Процедура определения характеристик анализа каждого протокола прошла несколько этапов. Были выделены основные характеристики структуры «Я – Тело – Душа – Мир», на которые обращали внимание испытуемые. Созданы сводные таблицы трактовок для компонентов структуры «Я – Тело – Душа – Мир» и взаимодействий между ними. Отработан наиболее удобный, информативный и продуктивный набор шкал для оценки характеристик компонентов. Выделены следующие универсальные оценочные характеристики: независимость, активность, открытость, напряженность, разноцветность и доминантность. Каждый компонент структуры «Я – Тело – Душа – Мир» оценивался по этим характеристикам методом субъективного шкалирования по

десятибалльной шкале. Такой формат обработки протоколов позволил представить для каждого испытуемого структуру «Я – Тело – Душа – Мир» как набор из 24 оценок (4 компонента по 6 шкалам). Данные по всем испытуемым были сведены в общую таблицу и факторизованы. Было выделено два фактора: «активность» (однополярный) и «открытость-напряженность» (биполярный).

Кластерный анализ сводной таблицы данных позволил выделить типичные варианты представлений. Было выделено 12 вариантов (типов) структуры «Я – Тело – Душа – Мир».

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- ◆ созданная методика позволяет произвести содержательный анализ взаимосвязей структуры «Я – Тело – Душа – Мир»;
- ◆ структура «Я – Тело – Душа – Мир» может быть адекватно представлена в рамках шкал «пассивность – активность» и «открытость (расслабленность) – закрытость (напряженность)» как по каждому компоненту отдельно, так и в целом;
- ◆ существуют мировоззренческие типы, описываемые в характеристиках активности, открытости, независимости, напряженности, разноцветности, доминантности каждого компонента структуры «Я – Тело – Душа – Мир».

Литература

1. Познание и личность: типологический подход / Н.Л. Нагибина, Н.Г. Артемцева и др. М.: Книга и бизнес, 2004.
2. *Нагибина Н.Л.* Психология типов. Системный подход. Психодиагностические методики. М.: Ин-т молодежи, 2000.
3. *Юнг К.Г.* Современность и будущее. М.: Университетское, 1992.

© Нагибина Н.Л., Титова Ж.Г., 2015

ПРИМЕНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «САМООРГАНИЗАЦИЯ» КАК РЕСУРС СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Пахмутова М.А., аспирант кафедры психологии развития и образования института педагогики и психологии
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Аннотация. Рассматривается возможность применения понятия «самоорганизация» для исследования личности с позиций системного подхода. Обосновывается целесообразность включе-

ния поведенческих черт и ценностных ориентаций в структуру связей, раскрывающих целостность личности. Описаны возможные результаты использования данной модели структуры взаимосвязей.

Ключевые слова: системный подход, самоорганизация личности, поведенческие черты, ценностные ориентации.

Abstract. The opportunity of application of definition «self-organization» for study of a personality from system approach's positions is considered. The expediency of including behavioral traits and values in the relations structure revealing unity is grounded. The probable results of applying this model of relations structure described.

Keywords: system approach, personality's self-organization, behavioral traits, values.

Исследование личности человека сегодня так же актуально для психологической науки, как и столетие назад. Различные направления психологической мысли раскрывают все новые грани человеческой индивидуальности. Дифференциация исследований в этой сфере способствует развитию прикладных областей психологии и повышению эффективности технологий практических психологов. Однако вопросы, относящиеся к целостному изучению личности, остаются недостаточно разрешенными.

Появление системного подхода в гуманитарных областях науки привело к развитию новых тенденций в организации исследований. Описание объекта с точки зрения его целостности и системности порождает ряд сложностей. Основными среди них являются: большой массив данных, получаемых при системном изучении личности, и выбор принципа построения структуры взаимосвязей между этими данными. Разрешение данных противоречий становится возможным при использовании понятия «самоорганизация» в исследовании личности.

Понятие «самоорганизация личности» относительно ново для психологической науки, подходы к нему только начинают оформляться [2, 3, 4, 5]. В настоящий момент самоорганизация личности понимается как «интегральная совокупность природных и социально приобретенных свойств, воплощенная в осознаваемых особенностях воли и интеллекта, мотивах поведения» [1]. Данное понятие уже содержит условное разделение характеристик и описывает их влияние на поведение человека.

Зарубежная психология имеет опыт нахождения оптимального набора характеристик, позволяющих уменьшать массив данных до определенного числа факторов. Данный опыт реализован в многофакторных опросниках (Р. Кеттел, Р. МакКаррае, П. Коста, Г. Айзенк и др.), которые позволяют исследователю выстраивать

структуру поведенческих черт. При описании самоорганизации личности ученый должен построить структуру характеристик по принципу наибольшей/наименьшей их выраженности и определить, какие черты способствуют личностной организации.

Однако структуры поведенческих черт не достаточно для системного исследования личности. Не менее важна мотивационная составляющая поведения, которая отражается на ценностных ориентациях личности. Ценностные ориентации также образуют иерархию по принципу наибольшей/наименьшей значимости, что оказывает влияние на самоорганизацию личности.

Между ценностями и чертами личности возникают многообразные связи, которые и позволяют описать личность с точки зрения ее целостности и системности. Наличие структуры наиболее выраженных черт, с одной стороны, и наиболее значимых ценностей, с другой – позволяет установить:

- ◆ черты личности, связанные с наиболее значимыми ценностями;
- ◆ ценности, определившие развитие наиболее выраженных черт;
- ◆ значение приоритетных ценностей в формировании взаимосвязей между качествами личности и ценностями;
- ◆ черты личности и ценностные ориентации, определяющие организованность деятельности.

Таким образом, применение понятия «самоорганизация личности» позволяет установить взаимосвязи между поведенческими чертами и ценностными ориентациями, а также описать личность в понятиях системного подхода.

Литература

1. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия. Минск: Хэлтон, 1998.

2. Князькова О.Н. Мотивационно-ценностные аспекты культуры самоорганизации личности студента // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 139–143.

3. Новикова Н.А. Социально-культурная самоорганизация учащейся молодежи в контексте личностно-ориентированного подхода // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–13. С. 2978–2981.

4. Яновская Т.Э. К вопросу о понятии «самоорганизация» в психолого-педагогических исследованиях // Естественно-гуманитарные исследования. 2013. № 2. С. 89–95.

5. Ishkov A.D. The features of self-organization of adults studying at a technical university // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. T. 142. P. 54–58.

© Пахмутова М.А., 2015

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ¹

Минасян Г.Г., старший научный сотрудник

Центр психолого-экономических исследований СНЦ РАН на базе Поволжского института управления имени П.А. Столыпина

Аннотация. Ставится проблема выявления и фиксации агентов социально-экономических изменений на основе анализа различных отраслей науки.

Ключевые слова: индивидуальность, экономическая психология, психология инноваций, субъектно-деятельностный подход, психометрический инструментарий, статистический инструментарий, инноватор, инновационная деятельность, анализ данных.

Abstract. This article raises the problem of identifying and fixing agents of socio-economic change on the basis of analysis of the various branches of science.

Keywords: individuality, economic psychology, psychology of innovation, subject-activity approach, Psychometric tools, statistical tools, innovator, innovation, data analysis.

На рубеже XVIII–XIX вв. в различных отраслях науки была сформулирована проблема выявления эволюционных механизмов, лежащих в основе трансформации природы, человека, общества, животного мира и т.д. Существенные результаты по изучению изменений достигнуты в целом ряде отраслей научного знания. В начале XX в. проблемой экономических и социальных изменений занимались такие ученые, как В. Зомбарт [2], М. Вебер [1], Й. Шумпетер [8], Г. Тард [7] и многие другие. Особо следует отметить работы Г. Тарда [7] и Й. Шумпетера [8], в которых была поставлена проблема инноваций как единиц социального, технологического и экономического изменения. Дальнейшее развитие данного направления заострило проблему выявления и фиксации социальных единиц, генерирующих инновации. В современной науке подобные единицы обозначаются различным образом: как инноваторы, изобретатели, предпри-

ниматели, лидеры и т.п. Однако на сегодняшний день, несмотря на постановку проблемы и фиксацию самого факта того, что активное меньшинство инноваторов оказывает определяющее влияние на социально-экономическое развитие, их эмпирическое изучение тормозится проблемой неразработанности необходимого для этого психометрического и статистического инструментария. Это связано с тем, что, согласно многочисленным данным, совокупный объем агентов социально-экономических изменений в общей массе не превышает 5 % (по разным оценкам от 3 до 5 %). Проводимые исследования показывают, что инноваторы обладают выраженной индивидуальностью [3].

Существующие статистические методы, основанные на общей теории вероятности и законе нормального распределения, вынуждают рассматривать их как артефакты, и тем самым de facto исключают их из рамок анализа. Отдельной про-

блемой в данном контексте выступает отсутствие сведений об «агентах обратных изменений», деятельность которых может гасить инновационную активность и выводить траекторию социально-экономических изменений в неэффективную плоскость (В.М. Полтерович [6], А.Н. Поддьяков [5] и др.). Между тем, невзирая на отсутствие необходимого инструментария для выявления и фиксации вышеозначенных агентов, из самого факта их существования выведен целый ряд научных теорий, во многом определяющий современные технологии прогнозирования социально-экономических изменений и экономическую политику ведущих стран мира. В психологии проблема единиц изменений традиционно рассматривалась либо как реализация природных задатков человека, либо как обусловленная интериоризацией социально-исторического опыта. Большинство психологических исследований были сосредоточены на агентах подавления изменений и обеспечения устойчивых элементов общественного развития: исследования конформизма, проблема изучения менталитета и национального характера, подражания и внушения, сопротивления инновациям и др. По-видимому, только в работах С. Московичи [4] был обнаружен и зафиксирован эффект влияния меньшинства, заключающийся в способности отдельных индивидов, диад, триад изменять групповые нормы, невзирая на то, что большинство членов группы изначально данные нормы разделяло и поддерживало. Сам феномен изменения групповых норм С. Московичи [4] (также как Й. Шумпетер [7] и Г. Тард [6]) обозначил как инновацию, а людей, обладающих такой способностью, как инноваторов. Тем не менее можно констатировать, что психологические исследования не концентрировались на эмпирическом изучении агентов социально-экономических изменений, хотя сам факт наличия таких агентов зафиксирован методами психологической науки.

Таким образом, можно констатировать, что современная гуманитарная наука установила факт действия в социальном пространстве известного принципа синергетики, согласно которому малые причины порождают большие следствия. Однако дальнейшее развитие исследований в данном направлении ограничивается отсутствием необходимого психометрического и методологического инструментария, способного на строго научной основе зафиксировать роль индивидуальности в социально-экономических изменениях и выявить психологическую структуру ее активности.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.
 2. Зомбарт В. Избранные работы / пер. с нем. М.: Территория будущего, 2005.
 3. Губайдуллина Г.Г. Деятельностно важные качества инновационной личности // I (IV) Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические и психологические проблемы управления». М., 2013.
 4. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
 5. Поддьяков А.Н. Компликология: создание деструктивных, конструктивных и диагностирующих трудностей. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2013.
 6. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. Вып. 2.
 7. Тард Г. Законы подражания / пер. с фр. М.: Академический проект, 2011. 304 с.
 8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с.
- © Минасян Г.Г., 2015

«ПСИХОЛОГИЯ ЖИВОЙ ЛИЧНОСТИ»

В.А. СНЕГИРЕВА

Костригин А.А., ассистент кафедры психологии управления
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация. Представлен оригинальный для последней четверти XIX в. подход к изучению человеческой души – «психология живой личности». Ее автор – казанский богослов и психолог Вениамин

¹ Работа подготовлена при поддержке Совета по Грантам Президента Российской Федерации по поддержке молодых российских ученых (Проект МД-6937.2015.6 «Экономико-психологическое моделирование стратегического экономического поведения в условиях ноосферной стадии эволюции социально-экономических систем»).

Алексеевич Снегирев. Ученый определяет психологию как науку о душевных явлениях, которые образуют единство и выражаются в конкретной человеческой личности. В работе используется проблемологический анализ.

Ключевые слова: В.А. Снегирев, психология живой личности, методология, история психологии, XIX век, предмет психологии, метод психологии, идеалистическая психология.

Abstract. An original for the last quarter of the XIX century approach to the study of the human soul – the «psychology of the person alive». Its author – Kazan theologian and psychologist Benjamin A. Snegirev. The scientist defines psychology as the science of mental phenomena which form a unity, and expressed in a particular human being. We use problemologicheskyy analysis.

Keywords: V.A. Snegirev, lively personality psychology, methodology, history of psychology, XIX century, the subject of psychology, the method of psychology, idealistic psychology.

Конец XIX в. – это бурное развитие всех направлений науки и искусства. Происходят перемены в области психологии: она выходит из состава философии, открываются экспериментальные лаборатории, создаются программы развития. Однако противоречивость, разнонаправленность в теориях ученых и мыслителей становились ведущей научной проблематикой: поиск психологией своего места выражался в ее «кочевании» по другим научным областям: физиологии, философии, религии, педагогики и др.

Одним из мыслителей, пытавшихся представить новую методологию изучения психических процессов в кризисное время, был Вениамин Алексеевич Снегирев. Он является представителем идеалистической психологии (или религиозно-философской).

В данной статье ставятся задачи анализа концепции «психологии живой личности» В.А. Снегирева и определение ее значения для методологии психологии в конце XIX в. Используется метод проблемологического анализа.

Вениамин Алексеевич Снегирев (1842–1889) – психолог, философ, профессор Казанской духовной академии. Преподавал психологию, метафизику и логику. Его биография и психологические взгляды изложены нами в других работах [5, 6, 7].

В.А. Снегирев разрабатывает собственную методологию психологической науки. Так, по его мнению, предмет психологии заключается в явлениях духовной жизни человека, данных человеку в опыте, доступных внутреннему и внешнему наблюдению, и подчиняется определенным законам своего происхождения и существования [4, с. 427]. Главным методом изучения душевных явлений является интроспекция.

По мнению В.А. Снегирева, психология исследует именно такие психические явления, которые присущи всем людям, при всех условиях их жизни, с помощью которых могут быть объясне-

ны явления частного характера, индивидуальные изменения «душевной жизни». В своих психологических и философских работах В.А. Снегирев тяготеет к персоналистическому взгляду на душу человека.

Душевные явления казанский мыслитель считал нематериальными, а потому не подлежащими каким-либо научным операциям, совершающимся над материальными объектами. Это последовательный уход от объективирования психических процессов. Человек состоит из двух условных частей: биологический организм и «живая эмпирическая личность» (это душевные процессы: мышление, память, воображение и др.). В.А. Снегирев обосновывает присущую человеку свободу: «человек сознательно с определенными целями изменяет естественный порядок предметов и явлений природы, комбинирует данные природою материалы в новые разнообразные формы, и кроме всего этого обладает способностью противодействовать прямым влияниям сил природы и возбуждениям своего организма телесного, направлять свою жизнь и деятельность сообразно с высшими отдаленными целями, воплощать в своей жизни <...> идеал совершенства» [2, с. 72].

Психологию В.А. Снегирева его ученик В.И. Несмелов считал психологией «живой» личности. Он отмечал, что, будучи одновременно и психологом-метафизиком, видевшим в душевных явлениях самостоятельное начало, и психологом-эмпириком, исследовавшим только факты эмпирического сознания, в различных психических процессах Снегирев «видел одну и ту же действующую личность, вместе – мыслящую, чувствующую и волящую, словом – живую человеческую личность, как она действительно существует и непосредственно каждым сознается и познается» [1, с. 117].

Подход В.А. Снегирева выражается в признании самостоятельности существования душев-

ных явлений и субстанциальности души, обосновании свободы воли, критике редуцирования человеческой личности к физиологическим процессам и детерминизму. Во всем том, что было естественной реакцией на кризис гуманитарных наук, «наук о духе».

Литература

1. Несмелов В.И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97–154.

2. Снегирев В.А. Науки о человеке // Православный собеседник. 1876. № 3. С. 62–89.

3. Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 768 с.

4. Снегирев В.А. Психология и логика, как философские науки // Православный собеседник. 1876. № 2. С. 427–451.

5. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Методологические аспекты психологии в работах В.А. Снегирева // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 11.

6. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX – начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. 2015. № 1. С. 63–69.

7. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А., Костригин А.А. Вениамин Алексеевич Снегирев: богослов и психолог // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 2. № 3. С. 138–149.

© Костригин А.А., 2015

СУДЬБА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В РОССИИ

Овчинникова Т.Н., кандидат психологических наук
Московский гуманитарный социальный институт

Аннотация. Представлен анализ социальной ситуации в современной России, анализируются особенности взаимоотношений народа с властью, противоречащие природе человеческого развития.

Ключевые слова: индивидуальность, развитие, причинно-следственные отношения, цель, смысл, органические и механические системы.

Abstract. The paper presents an analysis of the social situation in modern Russia, as well as analyzes the characteristics of people's relationship with the government, contrary to the nature of human development.

Keywords: personality development, causal relationships, goal, meaning, organical and mechanical systems.

Вот уже столетие основной и единственной «целью» развития России власти считают создание материально-технической и экономической основы общества. Все усилия направлены на то, чтобы создать систему (коммунизма, социализма, экономики). Сложившееся отношение власти заключается в убеждении, что, как только удастся выстроить экономическую систему, все сразу станут счастливы, так как заживут богато. Основным богатством страны, помимо природных ресурсов, следует считать человеческий потенциал, развитие которого возможно лишь в случае его активного (не реактивного!) взаимодействия с социальной средой. Чем более развита человеческая индивидуальность, тем больше люди расширяют свой кругозор, тем больше видят и понимают, тем полезнее они друг для друга.

Постоянное стремление сначала создать материально-техническую основу государства постепенно превратилось в основную и единственную цель, где человек рассматривается лишь как средство решения поставленных задач, как рабочая сила. В результате отношения оказываются перевернутыми: человек и его жизнь становятся средством (развития государственной системы), что приводит к тому, что средства жизни людей – деньги и имущество – становятся целью.

Все это происходит оттого, что отношение к живому развивающемуся субъекту в России строится как отношение к вещному миру. Человек и вещный мир развиваются по противоположным законам: по логике механических систем и логике органических систем (Э.В. Ильенков, А.С. Арсеньев, В.С. Библер и др.).

Если развитие *вещного* мира детерминировано *причинно-следственными* отношениями, где предмет можно собрать «из частей», то развитие *органической системы* осуществляется путем дифференциации от *целого к частям* по логике *целесолагания* [5], о которой люди в стране понятия не имеют.

В связи с этим *плановое* развитие хозяйства, строящееся по логике *причинно-следственных* отношений, где господствует детерминация *прошлым*, в России распространяется *абсолютно на все* отрасли хозяйства, включая сферы взаимодействия с *живыми* людьми (медицина, наука, образование, культура и проч.), где необходимо *целенаправленное* действие.

Целенаправленная деятельность, будучи *гибкой* по форме, *открытой* для поиска *новых средств*, в процессе достижения *цели* позволяет человеку *реализовать себя* и в различных видах деятельности. В сфере ментальности сформированная таким образом активность носит название *открытого мышления*. Оно сильно отличается от сложившегося в современном социуме *стандартного* мышления, когда человек, вооруженный в процессе обучения (в школах, вузах и прочих учебных заведениях) *набором средств* (умений, навыков и знаний), вынужден отыскивать впоследствии *цели* и *смыслы* для применения этих средств в реальной жизни и работе. Безусловно, такое положение дел обусловлено отсутствием в обществе *стратегической* цели, которая бы могла объединить живущих в стране людей, но об этом надо говорить особо.

Однако при работе с людьми (медицина, образование и проч.) реальные жизненные (*меняющиеся*) цели с трудом «втискиваются» в требуемые *планы*.

При *планомерной* деятельности на каком-то этапе уже не человек самостоятельно *руководствуется* планами, а «деятельность» начинает *руководить субъектом*, все крепче закручивая его своей логикой развития с течением времени.

При работе с людьми введенная свыше *планомерность* удобна *власти*, но препятствует развитию человека, делая из него *раба*. Такое отношение к человеку проявляется также в том, что почти любой труд сейчас в стране представлен в форме «услуги». Даже такие виды деятельности, как медицина, психология, образование и прочее превратились в «услуги». Однако, имея дело со здоровьем, культурой, образованием, видимо, следует ориентироваться не на оплату

«услуги», а на то, полезна ли она субъекту, насколько способствует его здоровью и развитию. Иначе можно оказать медвежью услугу ради заработка, что, к несчастью, постоянно делается.

К несчастью, понимание одного из важнейших принципов экономики, что человек является *творческим потенциалом* развития в обществе, у власти в России отсутствует. И это несмотря на то, что механизм творческого воплощения своих духовных сил в осуществляемой человеком деятельности позволяет ему не только создавать высококачественный продукт, увеличивая производительность, но и постоянно развиваться, реализуя себя в этом процессе. В этом состоит суть *диалектического* понимания процесса *взаимодействия* человека с окружающим миром, где *проживание* осуществляемой деятельности имеет не меньшее значение, чем *производительность* произведенного продукта. Чем более явно происходит *реализация сил* человеком, чем *глубже прожит* процесс деятельности, тем качественнее выполнена работа и больше *производительность*.

Более того, подобное творческое созидательное отношение к труду, позволяющее ему реализовать себя, делает человека счастливым, нужным другим людям, что ведет к его оздоровлению [6]. В противном случае человек вынужден искать иные точки приложения своих творческих сил, что проявляется во всевозможных нарушениях законов, вплоть до криминала [4].

Интересен также факт привлечения на работу людей из других государств при наличии в стране огромного числа безработных. Видимо, пользуясь особенностями их нрава (трудолюбием, исполнительностью, покорностью) и особенно их незащищенностью на чужой территории, им всегда можно навязать любые нечеловеческие условия работы, на которые не согласится местный житель, имеющий жилье и знающий свои права. Такая *рабская психология*, когда любого более или менее творческого человека можно превратить в *слугу*, оказывающего *услуги*, видимо, очень нравится современной власти: «Проявишь свое творчество в полную силу, пойдешь торговать на рынок».

Из сказанного может быть сделан вывод: власть всеми силами ведет борьбу с любыми проявлениями *индивидуальности*, ее ростки только мешают власти. Выход мы видим в *системной работе* с сознанием людей, раскрывая на *практике* их возможности *целенаправленной* деятельности, начиная с детства [7].

Литература

1. *Арсеньев А.С.* Философские основания понимания личности. М., 2001.
2. *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI веке. М., 1991.
3. *Ильенков Э.В.* Философия культуры. М., 1991.
4. *Овчинникова Т.Н.* Истоки криминального поведения в современной России // Психотерапия. 2014. № 3. С. 95–100.
5. *Овчинникова Т.Н.* Развивающийся человек в меняющемся мире // Психология и экономика. 2013. № 6. Т. 1.
6. *Овчинникова Т.Н.* Саморегуляция и психосоматика // Психотерапия. 2011. № 7. С. 67–74.
7. *Овчинникова Т.Н.* Дети в современном мире: социальная обусловленность развития // Психотерапия. 2015. № 5. С. 62–68.

© Овчинникова Т.Н., 2015

Раздел II

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жарков Г.В.</i> Буллинг как форма социального контроля над становлением индивидуальности.....	38
<i>Слепкова В.И.</i> В чем опасность социоцентрированности семьи.....	39
<i>Дагбаева С.Б.</i> Варианты этнической социализации	41
<i>Сергеева М.В.</i> Влияние пищевой аддикции на процесс социализации личности	42
<i>Хохлова Л.П.</i> Гетерогенез как процесс сопряжения субъектных миров, порождения и освоения индивидуальности	44
<i>Чумакова М.А.</i> Дифференциация «Я» и отношение к неопределенности	45
<i>Орлов А.Б.</i> Индивидуальность в контексте человекоцентрированного подхода.....	47
<i>Соина И.А.</i> Индивидуальные особенности построения личностью своего социально–психологического пространства	48
<i>Осинина Т.Н.</i> Индивидуальные различия в забывании учебного материала школьниками	50
<i>Марищук Л.В.</i> К вопросу о взаимосвязи академической субъектности и компетентности социального взаимодействия студентов	51
<i>Трофимова Ю.В.</i> К вопросу о взаимосвязи суверенности личности и самоорганизации деятельности.....	53
<i>Шапиро А.З.</i> К вопросу о лингвистическом аспекте развития индивидуальности в онтогенезе.....	54
<i>Мешкова Н.В.</i> К вопросу о социализации и самореализации одаренных учащихся.....	56
<i>Рудыхина О.В.</i> К проблеме становления индивидуальности студентов вуза	57
<i>Буров В.А.</i> Когнитивные ресурсы индивидуальности. Гетерогенные когнитивные комплексы.....	59
<i>Дедов Н.П.</i> Личность в пространстве мета–отношений.....	60
<i>Рассохина И.Ю.</i> Модель политической социализации.....	61

<i>Нурлыгаянов И.Н.</i> Негативные черты характера как проблема изучения психологии	63
<i>Нуркова В.В., Алюшева А.Р., Гурьева В.В.</i> О межпоколенной и внутрисемейной устойчивости структуры автобиографической памяти	64
<i>Сидельникова Н.Ю., Даначева М.Н., Рязанцева М.А.</i> Образование как фактор развития индивидуальности в процессе социализации и адаптации человека.....	66
<i>Разорина Д.Н.</i> Проблема внутриличностных механизмов становления идентичности.....	67
<i>Болотова А.К.</i> Развитие самосознания во времени как предтеча социализации личности	68
<i>Еремина Л.И.</i> Развитие социальной активности студентов	70
<i>Скутина Т.В.</i> Развитие характеристик субъектности в старшем юношеском возрасте посредством тренинга, основанного на «режиссировании»	71
<i>Щебетенко С.А.</i> Рефлективные адаптации характера и декомпозиция черт личности.....	73
<i>Гончарова Е.В., Мозговая Н.Н.</i> Роль IT-технологий в детском возрасте при становлении индивидуальности.....	74
<i>Фоменко Г.Ю.</i> Самоопределение личности: философские основания проблемы	76
<i>Азарёнок Н.В., Кузнецова Н.Б.</i> Связь экономической социализации молодежи с их социально-демографическим статусом	77
<i>Трунова М.С.</i> Символизация опыта в условиях безоценочного принятия: движение к индивидуальности.....	79
<i>Глебов В.В., Сидельников А.Ю., Кузьмина А.В.</i> Средовые факторы, влияющие на индивидуальность человека.....	80
<i>Уколова Е.М., Шумский В.Б.</i> Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях.....	81
<i>Глод Н.В.</i> Формирование представления о будущем у подростков из полных и неполных семей	83

БУЛЛИНГ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД СТАНОВЛЕНИЕМ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Жарков Г.В., кандидат психологических наук, докторант
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Рассматривается роль буллинга (школьной/дворовой травли) как механизма социального контроля становления особенностей индивидуальности представителей различных типов субкультур подростков и молодежи, а также варианты реагирования на него.

Ключевые слова: буллинг, рискованное поведение, идентичность, подростковые и молодежные субкультуры, формирование индивидуальности.

Abstract. The role of bullying (school/yard) as a mechanism of social control formation of personality characteristics from different types of subcultures of teenagers and youth, as well as options for responding to it.

Keywords: bullying, risky behavior, identity, adolescent and youth subcultures, the formation of personality.

Настоящее исследование основано на материалах изучения форм принятия риска, рискованного поведения и рискованных практик молодежи Владимирской области, которое автор проводит на протяжении последних двадцати лет в крупных и средних городах с населением от 80 до 350 тыс. человек. Основным методом исследования является формализованное ретроспективное интервью представителей трех основных выделенных нами типов субкультур: традиционные субкультуры («новые племена»), гегемонные («официальные» субкультуры) и альтернативные субкультуры/движения.

В процессе исследования было установлено, что буллинг (школьная/дворовая травля, преследование с применением всех форм насилия со стороны группы сверстников в отношении индивида) характерен для всех типов молодежных субкультур с той разницей, что для представителей традиционных и гегемонных субкультур характерен внутрисубкультурный и внутригрупповой буллинг, при котором субъекты и объекты травли причисляют себя к одной группе, а причиной буллинга выставляется недостаточное развитие «обязательных» для данной субкультуры черт,

недостаточная приверженность групповым ценностям и нормам или неучастие («неправильное» участие) в групповых практиках и ритуалах. При этом на случаи буллинга в отношении себя указывали примерно одинаковый процент респондентов вне зависимости от места во внутригрупповой социальной иерархии. Отличались только формы буллинга – в традиционных группах они значимо чаще носили характер физического насилия, в гегемонных группах – морального насилия и психологического давления.

Для участников альтернативных субкультурных движений гораздо более характерны различные формы буллинга со стороны внешних групп. Отличался и процент жертв буллинга – если в традиционных и гегемонных субкультурах он достигал 40–60 % в зависимости от группы (между типами субкультур) по этому показателю не было обнаружено значимых различий, то в альтернативных – от 70 до 90 %. При этом среди подростков и юношей, не имеющих ярких субкультурных признаков и не причисляющих себя к субкультуре, вероятность стать жертвой буллинга практически в два раза ниже и составляет не более 30 % выборки. Таким об-

разом, можно утверждать, что буллинг есть реакция окружения именно на индивидуальные, выделяющие личность из окружения черты и особенности.

Основными декларируемыми причинами начала (и продолжения) буллинга являются (по рангам) у подростков:

- ◆ внешние стилистические особенности поведения (одежда, приверженность определенному музыкальному стилю);
- ◆ телесность/внешние признаки;
- ◆ приверженность отвергаемым/стигматизируемым практикам.

В юношеском возрасте на первое место выходит именно приверженность отвергаемым, прежде всего рискованным практикам, которые противоречат ценностям той или иной конкретной субкультурной группы и особенно декларируемым как ценности и нормы «морального большинства». Стилистические особенности поведения отходят на третью позицию прежде всего из-за почти тотального влияния различных «модных» трендов. Телесность сохраняет свою вторую позицию.

Необходимо отметить, что распространенность и травматичность буллинга в отношении представителей субкультур, несколько уменьшившаяся в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг., в последние пять лет стала расти быстрыми темпами от когорты к когорте. На наш взгляд, это связано с двумя факторами – резким сужением спектра одобряемых видов поведения и взаимодействия (напомним о медиализации, а иногда и крими-

нализации пребывания в интернете, не говоря уже о сексуальных практиках) и насаждением определенных моделей поведения и практик, причем для достижения этих целей едва ли не на официальном уровне принято считать допустимыми весьма жесткие формы насилия (конечно, пока еще не стригут в классе, как в советский период, но, к примеру, представители РПЦ считают уместным поставить подростка на колени в публичном месте даже против его воли). Кстати, в 80 % исследованных нами случаев буллинга он был спровоцирован действиями старших (учителей, родителей, а иногда, увы, психологов и священнослужителей), и в более чем в половине случаев они его не только не пресекали, но опощали.

Для трех разных типов субкультур характерны различные типы реагирования на ситуацию буллинга. Для представителей альтернативных субкультур свойственно начало утрирования своих индивидуальных черт и «побег» на поиски «своей» субкультурной группы, в которой стигматизированные индивидуальные черты могут быть поддержаны и развиты в «понимающем» социальном окружении. Для «новых племен» характерно принятие требований группы и постепенное угасание выраженности индивидуальных черт, а для гегемонных групп – адаптация и формирование двойственной, диффузной идентичности с совершенно разными стилями «явного» и «скрытого» (реального или виртуального поведения).

© Жарков Г.В., 2015

В ЧЕМ ОПАСНОСТЬ СОЦИОЦЕНТРИРОВАННОСТИ СЕМЬИ

Слепкова В.И., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и семейной психологии Белорусский государственный педагогический университет

Аннотация. Рассматриваются признаки предпочтительной центрации семьи на социализации ребенка в ущерб развития его индивидуальности, приводящие к нервной анорексии и нервной булимии у девушек.

Ключевые слова: центрация семьи, семейные ценности, правила, запреты, сепарация от родительской семьи, нервная анорексия, нервная булимия.

Abstract. Evidence of preferable family centration upon child socialization to the disadvantage of his individuality character development is considered in the article. As a result that evidence can cause girl anorexia nervosa or bulimia nervosa.

Keywords: family centration, family values, rules, taboo, separation from the parent family, anorexia nervosa, bulimia nervosa.

Общепризнанным является факт, что семья служит посредником между человеком и обществом. А.Б. Орлов обращает внимание на наличие в семьях одновременно двух центраций [1]. С одной стороны, семья ответственна за социализацию ребенка, за усвоение им ценностей, правил и норм, необходимых для социального взаимодействия. С другой стороны, важная миссия каждой семьи – создание условий для проявления и развития индивидуальности ребенка. В реальной жизни каждая семья является одновременно и социоцентрированной и человекоцентрированной. Предпочтительная центрация на одной из них несет в себе опасности. Отсюда перед родителями стоит сложная задача: как, ориентируясь на социальные нормы, правила, стандарты, не только сохранить, но и создать условия для развития индивидуального потенциала ребенка.

Проведенное под нашим научным руководством исследование структурно-содержательных характеристик семей, имеющих дочерей с нарушениями пищевого поведения в виде нервной анорексии (НА) и нервной булимии (НБ), позволило выявить опасности социоцентрированности семей для здоровья и развития индивидуальности ребенка [2]. Выделим те признаки социоцентрированности исследуемой группы семей, которые создают условия для появления симптоматического поведения у детей.

Доминирование в семье ценностей («успех» и «воля»), направленных на достижение детьми социальной успешности с ориентацией на реализацию их в будущем. Внешняя красота, послушание, правильное поведение дочери в родительской и в своей будущей семье в роли жены и хозяйки, карьера – интериоризированные девушками семейные ценности. Сформированные волевые качества как средство достижения социального признания становятся и средством контроля тела. Такого рода ожидания от взрослеющей дочери коррелируют с культурным мифом о суперженщине, в котором женщина может расширить обязанности от роли жены и матери к работающей женщине, не ставя под угрозу качество внешности ни в одной из ее ролей.

Игнорирование родителями возрастных потребностей девушек-подростков, связанных с процессом взросления и сепарации от родительской семьи. Родительское требование «подчиняться семье» содержит послание дочерям принадлежать семье: отрицается право взрослеющих детей на автономию, на личное пространство, эмоциональное отделение от родительской семьи. Эмоциональный симбиоз или эмоциональное отчуждение – две крайности, характерные

для эмоциональных отношений родителей к детям, – свидетельствуют о неготовности и нежелании родителей к решению проблем, связанных с взрослением детей, стремление (чаще матери) сохранить эмоциональную зависимость дочерей.

Функционирование негласного запрета на открытое выражение чувств и эмоций в семье, препятствующего удовлетворению потребностей ребенка в привязанности, принятии, близости, ведущего к формированию у девушек интерцептивной некомпетентности.

Нарушенные супружеские отношения, несбалансированность семейной структуры по параметрам «внутрисемейная иерархия» и «сплоченность». Низкая либо высокая эмоциональная сплоченность в семье в равной мере подчеркивают незрелость супружеских отношений, а также нерешенность проблемы эмоционального отделения взрослеющих детей от родителей. Пассивная либо ригидная позиция одного или обоих родителей препятствует изменению правил внутрисемейного взаимодействия, необходимого для перехода семьи от одной стадии жизненного цикла к другой. Это ведет к появлению иерархической неконгруэнтности через развитие симптоматического поведения у ребенка. Ориентация на социальную успешность и развитие волевых качеств приводит к формированию у девушек с нарушениями пищевого поведения такой черты, как перфекционизм, который сочетается у них с эмоциональной некомпетентностью и личностной незрелостью. Соответствие внешности эталону красоты, пропагандируемому СМИ, воспринимается девушками с НА и НБ как проявление их индивидуальности, достигаемой за счет контроля собственного тела.

Таким образом, родительские семьи девушек с НА и НБ представляют собой *дисфункциональные* системы с ригидными ценностями и правилами. Латентная концепция развития ребенка, реализуемая родителями, – концепция социализации. В этих семьях социальные требования интериоризируются ребенком, и его внутренняя социальность выражается в главной идее – достижение социальной успешности в ущерб раскрытию своей индивидуальности.

Литература

1. Ильчик О.А. Межличностное взаимодействие в родительских и прародительских семьях девушек с нарушениями пищевого поведения: дисс. ... канд. психол. наук. Мн., 2015.
2. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики. М.: Академия, 2002.

ВАРИАНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Дагбаева С.Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования
Забайкальский государственный университет

Аннотация. Обсуждается проблема особенностей этнической социализации личности. Выделяются варианты этнической социализации: успешная, незавершенная и этническая десоциализация. При успешной этнической социализации личность характеризуется позитивной этнической идентичностью, развитой толерантностью и признанием ценностей этнокультурного многообразия. При незавершенной этнической социализации отмечаются неопределенная этническая идентичность, неустойчивая толерантность, утрата этнокультурных ценностей. При этнической десоциализации личность отличается гиперидентичностью (этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм), интолерантностью, неприятием ценностей других этнических групп.

Ключевые слова: успешная этническая социализация, незавершенная этническая социализация, этническая десоциализация.

Abstract. The problem of ethnic socialization. Allocated options ethnic socialization: successful, incomplete and ethnic desocialization.

Keywords: successful ethnic socialization, incomplete ethnic socialization, ethnic desocialization.

Этническая социализация сегодня выступает как процесс вхождения индивида в полиэтническое общество. Она рассматривается как процесс становления этнической идентичности, системы ценностных ориентаций и толерантности [1]. При успешной этнической социализации человек характеризуется ценностным признанием и принятием этнокультурного многообразия, позитивной этнической идентичностью, развитой толерантностью. Однако могут возникнуть различные нарушения этнической социализации личности за счет составляющих ее дефектов.

Характер влияния нарушений этнической социализации на психическое и психологическое здоровье человека является актуальным направлением в современных исследованиях. Так, выявлены взаимосвязи с самооценкой [8], депрессивными симптомами [9], самочувствием и когнитивной гибкостью [10], с наличием барьеров общения [11], с субъективным благополучием личности [6], с виктимизацией [4] и т.д.

В целом в качестве вариантов неуспешной этнической социализации следует выделить незавершенную и этническую десоциализацию.

Незавершенная этническая социализация характеризуется тем, что индивид не усваивает в должной мере нормы и ценности своей этнической группы, растворяясь в другой культуре или балансируя между двумя, не овладевая ни одной из них. Путаясь в идентичностях, индивид часто испытывает внутриличностные конфликты [3]. Возможны размывание этнической идентичности, ее неактуальность [2, с. 141], отрицание того,

что этнокультурные различия вообще существуют [7]. Человек, отдаляясь от своей этнической группы, ищет устойчивые социально-психологические ниши по другим критериям и утрачивает глубинное понимание своей этничности [12].

Этническая десоциализация характеризуется появлением дискриминационных форм межэтнических отношений, этнической нетерпимостью. Деструктивность в межэтнических отношениях обусловлена гиперидентичностью [2], наличием этнических стереотипов, предубеждений [3]. Этнокультурные различия воспринимаются как угрожающие, и индивиды защищаются от культурных различий, очерняя других, при этом собственная этническая группа оценивается как превосходящая другие [7]. Отмечаются факты физического или психологического насилия представителей этнических меньшинств [4], участие в радикальных группах [5] и т.д.

Итак, необходимо сделать следующие выводы:

- ◆ Об успешности или неуспешности этнической социализации личности свидетельствуют тип этнической идентичности, система ценностных ориентаций, уровень толерантности.
- ◆ Следует выделить три варианта этнической социализации: успешная, незавершенная и этническая десоциализация.

Литература

1. *Дагбаева С.Б.* Психолого-педагогическое обеспечение процесса этнической социализации учащихся средней школы: дисс. ... д-ра психол. наук. Чита, 2014.

2. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003. 368 с.
4. Хотинец В.Ю. Особенности виктимизации подростков в условиях дефицитарности инкультурации // На перекрестке миграции: от теоретических моделей к практическим решениям: сб. материалов четвертой Всероссийской науч.-практич. конференции (г. Москва, 25–26 октября 2013 г.) / под ред. О.Е. Хухлаева. М.: МГППУ, 2013. С. 102–103.
5. Хухлаев О.Е., Хухлаева О.В. Национализм как социально-психологический феномен в молодежной среде // Этнопсихология: вопросы теории и практики: сб. науч. трудов. Вып. 2. / под ред. О.Е. Хухлаева. М.: МГППУ, 2009. С. 86–95.
6. Шамионов Р.М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 68–81.
7. Bennett M. Becoming interculturally competent // Towards multiculturalism: A reader in multicultural education / ed. J. Wurzel. 2004. P. 62–77.
8. Brown C.M., Ling W. Ethnic-Racial Socialization Has an Indirect Effect on Self-Esteem for Asian American Emerging Adults // Psychology. 2012. Vol. 1. P. 152–180.
9. Ethnic Identity, Achievement, and Psychological Adjustment: Examining Risk and Resilience Among Youth From Immigrant Chinese Families in Canada / C.L. Costigan, C.M. Koryzma, J.M. Hua, L.J. Chance // Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology. 2010. Vol. 16. Issue 2. P. 264–273.
10. Kim B.S.K., Omizo M.M. Behavioral enculturation and acculturation, psychological functioning, and help-seeking attitudes among Asian American adolescents // Asian American Journal of Psychology. 2010. Vol. 1. P. 175–185.
11. Rivas-Drake D. Ethnic-Racial Socialization and Adjustment Among Latino College Students: The Mediating Roles of Ethnic Centrality, Public Regard, and Perceived Barriers to Opportunity // Journal of Youth & Adolescence. 2011. Vol. 40. Issue 5. P. 606–619.
12. Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Westport: CT, 2002. 144 p.

© Дарбаева С.Б., 2015

ВЛИЯНИЕ ПИЩЕВОЙ АДДИКЦИИ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Сергеева М.В., аспирант кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии
Курский государственный медицинский университет

Аннотация. Отражены результаты исследования влияния пищевой аддикции на процесс социализации личности. Рассмотрены психологические особенности личности, страдающей пищевой зависимостью, приводящие ее к социальной дезадаптации, которая проявляется деформацией системы внутренней регуляции, социальных установок, а также рассогласованностью индивида с окружающей средой.

Ключевые слова: социализация, социальная дезадаптация, пищевая аддикция, самоотношение, смысложизненные ориентации.

Abstract. The article represents the research results of the influence of food addiction on the process of socialization. The psychological features of the person suffering from food addiction, leading her to social disadaptation, which is manifested by the deformation of the system of internal regulation, social attitudes, as well as a mismatch of the individual with the environment.

Keywords: socialize, social disadaptation, food addiction, self, life orientation.

Проблема социализации исследуется в науке, начиная с XIX в., и до настоящего времени является малоизученной. Процесс социализации личности с точки зрения социально-психоло-

гического подхода заключается в привлечении человека к социальной жизни путем активного усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм

и ценностей, идеалов, позволяющих ему успешно функционировать в обществе [4]. На процесс социализации влияет ряд факторов, одним из которых является наличие у человека пищевой зависимости. Психологическими особенностями лиц, страдающих нарушением пищевого поведения (ожирением), являются склонность к длительному переживанию негативных эмоций, уход от проблем в ситуациях эмоционального напряжения, негативное самоотношение, низкий уровень субъективного контроля над значимыми событиями своей жизни и межличностными отношениями [1]. Перечисленные особенности приводят к серьезным осложнениям и трудностям социальной адаптации человека в обществе, проявляющихся комплексом эмоциональных и поведенческих нарушений. Целью исследования является изучение влияния пищевой аддикции на процесс социализации личности.

Эмпирическое исследование осуществлялось с использованием таких психодиагностических методик, как «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева, тест-опросник самоотношения личности С.Р. Пантелеева, В.В. Столина, опросник «Диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной, архивного метода и метода клинической беседы [2; 3; 5].

Организационной базой исследования стала ОБУЗ «Курская городская клиническая больница скорой медицинской помощи» г. Курска. Объем выборки составил 30 человека: ($n = 15$) испытуемых с нарушением пищевого поведения (ожирение) и ($n = 15$) испытуемых, не имеющих зависимости. В ходе исследования смысложизненных ориентаций была выявлена значимость различий по пяти шкалам, которая показала, что у испытуемых первой группы наблюдается неудовлетворенность своей жизнью в настоящем ($80,64 \pm 18,8$), так как они живут сегодняшним днем ($35,9 \pm 22,9$), неудовлетворенность результатами прожитого отрезка жизни ($22,9 \pm 8,9$), неверие в свои силы и возможность контролировать события собственной жизни ($20 \pm 6,9$), нежелание быть хозяином своей жизни ($14,4 \pm 5,5$), убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю ($17,8 \pm 7,62$).

Исследование самоотношения личности показало, что у лиц, страдающих пищевой зависимостью, наблюдаются низкая самооценка, готовность поставить себе в вину свои неудачи,

собственные недостатки ($90,05 \pm 6,76$), неудовлетворенность собой ($15,46 \pm 6,58$), нежелание контролировать собственную жизнь ($30,64 \pm 8,3$), отсутствие интереса к собственным мыслям и чувствам, неуверенность в своей интересности для других ($34,69 \pm 6,4$), непонимание самого себя ($24 \pm 4,42$). При исследовании социальных установок личности была выявлена значимость различий по шкалам: «ориентация на альтруизм», «ориентация на эгоизм», «ориентация на труд», которая показала, что испытуемые с нарушением пищевого поведения ориентируются на альтруистические ценности, часто в ущерб себе ($8,66 \pm 0,89$), практически не уделяют времени своей персоне ($2,8 \pm 1,97$), ориентируются исключительно на труд, все время используют для того, чтобы что-то сделать, не жалея выходных дней ($6,53 \pm 1,8$). Труд приносит им больше радостей и удовольствия, чем какие-то иные занятия.

Таким образом, происходит индивидуальная трансформация социального опыта, личность сначала воспринимает, усваивает социальный опыт, а затем воспроизводит его определенным образом в своем поведении, отношении к себе, другим людям. В результате преобладания в группе испытуемых с нарушением пищевого поведения низкой самооценки, чувства вины, неудовлетворенности своей жизнью в настоящем, неверия в свои силы, способности происходит социальная дезадаптация личности, проявляющаяся деформацией системы внутренней регуляции и социальных установок, стереотипов, ценностей, а также рассогласованием индивида с окружающей средой.

Литература

1. *Вознесенская Т.Г., Рыльцова Г.А.* Психологические и биологические аспекты нарушений пищевого поведения // *Обзорные психиатрии и медицинской психологии.* 1994. № 1. С. 29–37.
2. *Глуханюк Н.С.* Практикум по психодиагностике: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2005. 216 с.
3. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М., 2000. 18 с.
4. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: учебник для студ. пед. вузов / под ред. В.А. Сластенина. 5-е изд., доп. М.: Академия, 2005.
5. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. Самара, 2001. С. 641–648.

ГЕТЕРОГЕНЕЗ КАК ПРОЦЕСС СОПРЯЖЕНИЯ СУБЪЕКТНЫХ МИРОВ, ПОРОЖДЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Хохлова Л.П., кандидат психологических наук, доцент кафедры философской антропологии и арт-терапии

Московский социально-педагогический институт

Аннотация. Рассматривается трансмодальный подход к индивидуальности личности как продукту гетерогенеза сопряжения субъектных структур личности. Индивидуальность активизирует целостность человека в ситуации неопределенности, в условиях множественных разрывов смыслов событий. Трансмодальная когнитивная матрица – это множество разнородных контекстов или доменов, объединяемых в текст.

Ключевые слова: гетерогенез, трансуровневый субъект, сопряжение субъектных структур, трансмодальная когнитивная матрица.

Abstract. The individual personality is a product of heterogenesis pairing of the subjective structures of the individual. A personality will intensify the integrity of people in a situation of uncertainty, in the face of multiple ruptures of the meanings of the events. Transmodal cognitive matrix is a number of various contexts or domains that are grouped into the text.

Keywords: heterogenes, transuranic the subject, the pairing of subject structures, transmodal cognitive matrix.

Новым результатом постнеклассической методологии является введение оси сложности: гомогенности – гетерогенности [1]. По этой оси известная формула типов научной рациональности (S – Ср. – O) раскрывается через взаимодействующие между собой в разных вариантах сложности гомогенными/гетерогенными субъектами, гомогенными/гетерогенными объектами и гомогенными/гетерогенными инструментами. Трансмодальная субъектная аналитика и психология (Хохлова Л.П., 1989) рассматривает психику человека через бинарные и тернарные оппозиции, через гетерохронность и гетерогенность, через архе как самопроизвольный источник движения психики. Трансуровневые свойства субъект обретает, имея дело с разнообразными субъектными модальностями, модальностями практики и науки, а также неразвивающимися субъектными модальностями (Tr.S – Ср. – O1, O2, ... On). Личность как трансуровневый субъект отношений, базирующихся на линейной и нелинейной рефлексии; сознательной деятельности, в том числе нацеленной на управление сложностью внешнего мира и сложностью «внутренних когнитивных событий», способный к познанию, самопознанию и саморазвитию, использующий знания первого, второго и третьего порядков; обладающий системой социально-значимых черт, установок, мотивов, т.е. всего того, что характеризует его как члена общества и представителя родового древа, как представителя мира, в котором требуется навык

сопряжения субъектных миров разной степени сложности.

Субъект переходит от использования единственной онтологической позиции к гетерологической. Онтогенез как иерархическая форма движения развития психики (от низшей к высшей стадии), занимающий значимое место в теориях развития личности, в современных условиях сложностного мира может быть рассмотрен как частный случай гетерогенеза.

Классическая парадигма познания ориентирует субъекта использовать форматирование в качестве инструмента познания и в том случае, если в качестве объекта выступает хаос и неопределенность. Интерактивная площадка первого рода выступает как преобразователь нечетко выраженной информации в гомогенную и когнитивно-простую форму. Сопряжение между элементами идет по заданной формуле. Интерактивная площадка второго рода преобразовывает нечеткие знания в гомогенные, когнитивно-сложные смысловые конструкции на основе рефлексии. В обоих случаях субъект, владея рефлексивными способностями, привлекает к анализу неопределенные формы. В этих построениях, носящих объектный характер, ведущее значение придается наблюдателю (субъективно не связанному с инструментом и объектом познания) и теории, на которую он опирается. Существенный признак интерактивных площадок первого и второго рода состоит в том, что они задают то или иное основание для подбора неявной

Таблица 1

Связи показателей ДифЯ и отношения к неопределенности

Индексы	N	ER	EC	FO	IP	DifS
ТН	154 (НТН)	-.074	-.067	-.113	.220**	.176*
	184 (Баднер)	.099	-.094	.053	.030	-.017
	306 (MSTAT)	-.326**	-.084	-.400**	.393**	.448**
ИТН	154 (НТН)	.083	.014	.039	-.023	-.064
	184 (Баднер)	.165*	-.013	.251**	-.146*	-.204**
Межличностная ИТН	154 (НТН)	.322**	.151	.356**	-.363**	-.425**

* p < .05, ** p < .01.

информации и впускают в процедуру рефлексии только то, что имеет отношение к этому основанию. Интерактивной площадкой трансуровневого субъекта являются субъектные миры, где антиномия является частным случаем, а дуальные противоречия попадают в мир гетерологии, не дающей привилегии разным основаниям. Здесь мы имеем дело с трансмодальной гетерогенной когнитивной матрицей, данной человеку не сверху, а создаваемой им самим из разнородных контекстов, происходящих с ним событий. Рефлексия переходит в план управления гетерогенезом субъектных сред. Личность здесь может осуществлять переходы от одного события к другому выходом на синергию атласа контекстов, которая предстает как поиск архе из разнообразных смысловых пластов мысли, где ни один не может рассматриваться в качестве основного источника. Интерактивная площадка третьего рода здесь служит диалогу разноречивых субъектных культур, который выполняется трансуровневым субъектом – практиком координации рассеянного знания, трансдисциплинарных экстраполяций и межмодальных смысловых перескоков. Условием инициации развития личности, по-

рождения и освоения индивидуальности является наличие неиспользованной резервной зоны функциональных возможностей неразвивающихся субъектных модальностей, которые потенциально содержат в себе источник развития. Здесь мы имеем дело не с дуализмом противоречий («внешнее – внутреннее», «внутреннее – внутреннее»), а с многопозиционной системой противоречий («внешнее – внутреннее – абсурдное», «внутреннее – внутреннее – абсурдное»). Индивидуальность личности являет собой продукт гетерогенеза сопряжения субъектных структур личности и активизирует целостность человека в ситуации неопределенности, в условиях множественных разрывов смыслов событий.

Литература

1. Хохлова Л.П. Критерии и проблема успешности развития субъектно-гетерогенных социальных систем: матер. Всероссийской научной конференции «Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза» (г. Москва, 3 апреля 2012 г.). М.: Научный эксперт. С. 668–679.

© Хохлова Л.П., 2015

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ «Я» И ОТНОШЕНИЕ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Чумакова М.А., кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются результаты корреляционного исследования связей компонентов дифференциации «Я» и отношения к неопределенности. Показано, что для толерантной к неопределенности личности характерна высокая степень дифференциации «Я».

Ключевые слова: дифференциация «Я», толерантность к неопределенности, индивидуальные различия в отношении к неопределенности.

Abstract. The results of the study of the correlation links the components of differentiation «I» and attitudes toward uncertainty. It is shown that uncertainty avoidance personality characterized by a high degree of differentiation of the «I».

Keywords: differentiation of the «I», uncertainty avoidance, individual differences in regard to the uncertainty.

Дифференциация «Я» (ДифЯ) – конструкт в теории семейных систем М. Боуэна, отражающий способность различать свои мысли и чувства. Один полюс континуума ДифЯ представлен людьми, не чувствующими различий между эмоциями и мыслями, что приводит к подчинению жизни эмоциональной системе. Противоположный полюс данного континуума представлен людьми, умеющими контролировать свои эмоции и понимающими разницу между субъективными истинами и объективными фактами. Предполагается, что степень ДифЯ влияет на принятые человеком решения и на его способы преодоления тревоги [1].

Отношение к неопределенности, фиксируемое в настоящее время терминами толерантность (ТН) и интолерантность (ИТН) к неопределенности, рассматривается как одно из ключевых свойств, определяющих стратегии и способы принятия решения человеком. Предполагается, что толерантные к неопределенности личности обладают более гибким мышлением, позволяющим продуктивно разрешать неопределенные ситуации, а также в меньшей степени испытывают тревогу в неясных и непредсказуемых обстоятельствах [5].

Основной гипотезой данного исследования выступило предположение о связи личностных свойств ДифЯ и ТН/ИТН. Мы базируемся на общем представлении о том, что толерантные к неопределенности личности в условиях неясности и непредсказуемости ищут «опору» для разрешения ситуации «внутри себя» и наиболее продуктивно используют свой интеллектуально-личностный потенциал [3].

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе была осуществлена валидизация опросника ДифЯ на русскоязычной выборке. Методика определения степени ДифЯ впервые была предложена Э. Скаврон [8] и в дальнейшем была модифицирована Д. Дрейком [6]. В нашем исследовании использована краткая версия опросника Д. Дрейка. Был осуществлен перевод пунктов и проведен сбор данных на выборке 296 человек (181 женщина) в возрасте от 17 до 51 года ($M = 24.07$, $SD = 4.70$). Шкальная структура опросника верифицировалась средствами конфирматорного факторного анализа в пакете EQS for Windows. Были получены удовлетворительные коэффициенты пригодности модели: $S-B \chi^2_{(162)} = 346,09$, $p < .0001$, $CFI = .933$, $RMSEA = .062$, $90 \% CI .053, .071$. Таким образом, была подтверждена 4-шкальная структура опросника: ER – Эмоциональная реактивность –

склонность остро эмоционально реагировать на различные события; ЕС – стремление к дистанцированию – склонность избегать близкого контакта с другими людьми; FO – слияние с другими – зависимость от мнения и состояния окружающих; IP – Я-позиция – способность в ситуации тревоги сохранять ясность ума, не попадать во власть эмоций и сохранять собственную позицию. Также в соответствии с оригинальной методикой мы рассчитывали общий балл по опроснику: DF – дифференциация «Я» – общий уровень способности разделять когниции и эмоции и отстаивать свою позицию.

На втором этапе проводилось корреляционное исследование связи показателей по шкалам опросника ДифЯ и индексов ТН/ИТН. Были использованы Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН) [2], опросник Баднера [4] и шкала MSTAT-II [7]. Результаты корреляционного анализа и размеры выборок представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, общая гипотеза о связи ТН и ДифЯ подтвердилась. Данные результаты позволяют формулировать новые гипотезы, во-первых, о семейном контексте развития отношения к неопределенности с учетом представлений о формировании дифференцированности «Я» и, во-вторых, о роли индивидуальных различий в исполнительных функциях (как когнитивном механизме, обеспечивающим дифференциацию чувств и эмоций) в формировании отношения к неопределенности и регуляции принятия решений.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ: проект № 13-36-01254.

Литература

1. Вarga A.Y., Xamitova I.Yu. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 2. С. 137–146.
2. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.
3. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3.
4. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110.
5. Chumakova M.A., Kornilov S.A. Individual differences in attitudes towards uncertainty: evidence

for multiple latent profiles // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2013. Vol. 6. № 4. P. 94–108.

6. *Drake J.R.* Differentiation of Self Inventory-short form: creation and Initial evidence of construct validity / Murdock N.; University of Missouri – Kansas City, 2011. 88 p.

7. *McLain D.L.* Evidence of the Properties of an Ambiguity Tolerance Measure: The Multiple

Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II (MSTAT-II) // *Psychological Reports*. 2009. Vol. 105. № 3. P. 975–988.

8. *Skowron E.A., Friedlander M.L.* The Differentiation of Self Inventory: Development and Initial Validation // *Journal of Counseling Psychology*. 1998. Vol. 45. № 3. P. 235–246.

© Чумакова М.А., 2015

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННОГО ПОДХОДА

Орлов А.Б., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности департамента психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Процесс развития личности человека (индивидуализация) традиционно рассматривается как формирование индивидуальности. Согласно человекоцентрированному подходу развитие человека связано прежде всего с осознанием и принятием внешнего и внутреннего организмического жизненного опыта. Данный процесс становления (самоактуализации, самореализации) человека (индивидуация) представляет собой возникновение индивидности.

Ключевые слова: человек, личность, индивид, индивидуализация, индивидуальность, индивидуация, индивидность.

Abstract. The process of development of personality (individualization) is traditionally viewed as the process of formation of individuality. According to the person-centered approach, human development is primarily due to awareness and acceptance of internal and external organismic experience. The process of becoming of the person (self-actualization, self-fulfillment) – individuation – represents the occurrence of individity.

Keywords: person, personality, individual, individualization, individuality, individuation, individity.

Обращение к текстам основоположника человекоцентрированного подхода показывает, что в них фактически отсутствует термин «индивидуальность» («individuality»). Когда К. Роджерс [10; 13] пишет о человеке, он использует термины «человек» («person»), «личность» («personality») или «индивидум» («individual»). Все эти термины адекватны для описания эмпирического многообразия людей, удел которых – индивидуальность. И все же остается вопрос: почему термин «индивидуальность» оказывается невостребованным (хотя, конечно, он широко используется в традиционной психологии)?

Для ответа на этот вопрос необходимо выявить существенные аспекты значения термина «индивидуальность». Можно указать два таких аспекта: индивидуальность человека как его единичность, своеобразие, нетипичность, исключительность и индивидуальность как высший уровень иерархической организации всех свойств человека (и как индивида, и как личности) [3] и одновременно высший уровень его

обусловленности индивидными (нейрогормональными) и личностными (культурно-историческими) факторами [11].

Очевидно, что оба эти аспекта индивидуальности находятся в прямом противоречии с концепцией становления человека, разработанной К. Роджерсом [10]. Ключевое понятие данной концепции – «полноценно функционирующий человек» («the fully functioning person»). Такой человек является выражением не своей исключительности, но своей тотальности (общечеловечности). Он обнаруживает не свою обусловленность, но свою свободу.

В отечественной психологической традиции, опирающейся на марксизм-ленинизм, который в свою очередь базируется на традициях европейского умозрительного рационализма и Просвещения, индивидуальность рассматривается как итог и венец процесса индивидуализации человека (индивид – личность – индивидуальность) [4]. Во многом сходные представления об индивидуальности присущи мировой пси-

хологической традиции в целом (в пределах ее первых двух волн – психоаналитической и биохевиористской).

Гуманистическая психология в целом и человекоцентрированный подход в частности [4–6] имеют иные философско-методологические основания. В первую очередь – это христианская теология, отчетливые влияния которой можно проследить в трудах С. Кьеркегора [3], К. Юнга [12] и К. Роджерса [10; 13], разрабатывавших представление о диаметрально противоположной индивидуализации пути развития человека (этический тип развития, индивидуация, самоактуализация). Идеи преодоления исключительности человеческой экзистенции, обретения полноты бытия, осознания и принятия всей полноты организмического жизненного опыта – это идеи отнюдь не отстаивания индивидуальности, но, напротив, ее *преодоления* посредством самоосуществления человека. В ряде публикаций автора [7–9, 14] данный процесс трансформации человека рассматривается как возникновение антипода индивидуальности – *индивидности*.

Иначе говоря, человекоцентрированный подход как концептуальная система преобразует проблематику индивидуальности в проблематику индивидности (полноценно функционирующего человека). Человекоцентрированный подход как психопрактика создает необходимые и достаточные условия для реальной трансформации индивидуальности в индивидность.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Личность как предмет психологического исследования. М.: Просвещение, 1994.
2. *Егорова М.С.* Индивидуальность // Большой психологический словарь / под общ. ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 197–198.
3. *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Киев: Air Land, 1994.
4. *Орлов А.Б.* Перспективы гуманизации обучения (рец. на книгу: Rogers C. Freedom to learn for the 80's. Columbus – Toronto – London – Sydney: Ch. E. Merrill Publ. Company, A Bell & Howell Company, 1983. 312 p.) // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 142–146.
5. *Орлов А.Б.* Карл Роджерс и современный гуманизм // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1990. № 2. С. 55–58.
6. *Орлов А.Б.* Человекоцентрированный подход в психотерапии // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-центр, 2000. С. 268–300.
7. *Орлов А.Б.* Психологическое консультирование и психотерапия: триалогический подход // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 3–19.
8. *Орлов А.Б.* Психотерапия: от индивидуальности к индивидности // Психология индивидуальности: материалы IV Всероссийской научной конференции (г. Москва, 22–24 ноября 2012 г.) / отв. ред.: А.Б. Купрейченко, В.А. Штроо; науч. ред. Н.В. Антонова и др. М.: Логос, 2012. С. 62.
9. *Орлов А.Б., Орлова Н.А.* Индивидуальность vs. индивидность: роковой вопрос современности // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2011. № 1. С. 32–44.
10. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994.
11. *Шадриков В.Д.* От индивида к индивидуальности. М.: Когито-центр, 2009.
12. *Юнг К.* Психологические типы. СПб.: Ювента, М.: Прогресс, Универс, 1995.
13. *Kirschenbaum H., Henderson V.L.* (Eds.) The Carl Rogers Reader. Boston: Houghton Mifflin Company, 1989.
14. *Orlov A.B., Orlova N.A.* The psychological status of a psychotherapist // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. Vol. 11. No. 2. P. 136–149.

© Орлов А.Б., 2015

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СВОЕГО СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Соина И.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Российский новый университет

Аннотация. Рассматриваются особенности индивидуального построения личностного социально-психологического пространства субъектами с различной жизненной историей, включенными в разные системы связей и отношений.

Ключевые слова: личностное социально-психологическое пространство, значимость, Другой, Значимый другой, Психологически близкий другой.

Abstract. The features of the individual construction of the personal social and psychological space of subjects with different life story, included in different system of connections and relationships.

Keywords: personal social and psychological space, importance, friend, significant others, psychologically close friend.

В процессе своего развития и становления человек вступает в системы взаимодействий с другими людьми из своего окружения. При этом другие люди – это не просто предметы, о которых человек что-то узнает, но и активные субъекты, с которыми он сотрудничает, а также источники представлений, отражающие различные точки зрения. Таких точек зрения и мнений, иногда противоположных, в социальном окружении человека существует множество, но приемлемость присвоения или отвержения их взглядов, мнений, идеалов и представлений о мире будет во многом определять отношение личности к транслятору данных суждений и, более того, *степень их значимости* для нее. При этом не столько существование подобных людей рядом с субъектом формирования пространства, склонность к частым контактам и взаимодействию с ними, обусловленному взаимным интересом, сколько то значение для личности, которое имеет каждый представляемый Другой, смысловое наполнение имеющихся с ним отношений и их ценностная оценка личностью – все это в совокупности и определяет *значимость* избираемых объектов и включение их в качестве элементов в общую формируемую ею систему – *личностное социально-психологическое пространство*.

Социально-психологическое пространство формируется индивидом при взаимодействии с окружающим миром на разных уровнях, в том числе на уровне личности, и представлено как *«личностное социально-психологическое пространство, под которым понимается выделяемое сознанием пространство субъективно значимых (т.е. наделяемых особым значением, личностным смыслом и ценностью) Других, связанных психологическими отношениями с личностью, располагаемых ею в пространственной системе координат в соответствии с ее оценками и представлениями, ожиданиями и предпочтениями»* [3, с. 108]. В общем виде это пространство включает как субъективно значимых Других, так и всю систему значимых связей и отношений, представления об отношении Значимых других к окружающим, условиям и ситуациям, социальным объектам (и явлениям), значимость их оценок, взглядов, жизненных достижений и стремлений, а также значимость собственного выбора, целей, возможностей, перспектив и др. Включа-

емыми в личностное социально-психологическое пространство становятся отдельные Другие – как реальные, так и несуществующие реально.

В мотивах, побуждающих человека к активному выбору Значимых других (в том числе Психологически близких других), нередко обнаруживаются потребности, выражающие зависимость от условий существования и развития личности. Ведь устанавливая связи с людьми, индивид не только избавляется от одиночества. Он сам кому-то помогает, о ком-то заботится или, наоборот, вызывает помощь и заботу о себе. Вступая в межличностные отношения, он кого-то опекает, принимает в ком-то участие, в то же время удовлетворяя собственные социальные потребности в аффилиации, признании, преданности, сочувствии, доверии и др. Отношения, наполненные личностью особым смысловым содержанием, заключающие в себе важное значение, бывают особенно ценны для личности (будь она субъектом или объектом этих отношений), а следовательно, значимы. Поэтому в них включенный Другой тоже наделяется значимостью и, следовательно, оказывается представленным в формируемом ею личностном социально-психологическом пространстве.

В личностное социально-психологическое пространство могут быть введены различные Другие: как находящиеся в актуальном взаимодействии с тем, для кого они значимы, так и не входящие в состав непосредственного социального окружения личности. При этом важно заметить, что, становясь Значимыми другими, они воспринимаются личностью более ярко, с ярким эмоциональным оттенком, а представления об их взглядах, суждениях, поведении, отношении к окружающим видятся отчетливее. Их характеристики существуют в сознании личности, а функции реализуются путем обращения к их представляемым убеждениям (или предубеждениям, псевдоценностям) и поведению, например в связи со значимым для личности выбором или проблемной ситуацией [1, с. 218].

Значимость в формируемом личностью социально-психологическом пространстве представлена довольно широко: личностная значимость идеалов и возможностей, потребностей и желаний, стремлений и перспектив и т.д. Значимость может быть актуальной или потенциальной, но

и в том и в другом случае – переживаемой в настоящий момент. Ее уровень предопределяется тем, какое специальное для личности *значение* (реальное или мыслимое, желаемое или ожидаемое) имеет конкретный выбор, каким личностным *смыслом* наполнены связи и что в них имеет для субъекта формирования пространства особую *ценность*. Мы предлагаем рассматривать «значимость» как интегральный феномен, существующий в единстве его составляющих: значения, смысла и ценности» [3, с. 107]. При этом считаем необходимым понять, какое место занимает каждая составляющая в единой категории «значимость» и как личность осуществляет выбор значимых других с точки зрения тех их качеств

и индивидуальных особенностей, которые оказываются для нее в той или иной мере предпочтительными (значимыми).

Литература

1. Журавлев А.Л., Соина И.А. Роль ценностных ориентаций личности в формировании ее социально-психологического пространства // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 218–226.
2. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
3. Соина И.А. Личностное социально-психологическое пространство в системе других пространств данной категории // Вестник университета (ГУУ). 2011. С. 106–109.

© Соина И.А., 2015

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАБЫВАНИИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ШКОЛЬНИКАМИ

Осинина Т.Н., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики Государственный гуманитарно-технологический университет

Аннотация. Забывание учебного материала обусловлено системным взаимодействием разноразличных факторов и совершается в соответствии с субъектными и субъективно-личностными закономерностями функционирования мнемических процессов.

Ключевые слова: память, мнемические способности, запоминание, сохранение, воспроизведение, забывание, индивидуальные различия, собственно психологические закономерности.

Abstract. Forgetting the educational system due to the material factors and the interaction of different levels is done in accordance with the subjective and subjective-personal laws governing the functioning of mnemonic processes.

Keywords: memory, mnemonic abilities, memory, storage, reproduction, forgetting, individual differences, the actual psychological patterns.

Цель исследования – изучение участия в процессах воспроизведения и забывания разноразличных составляющих мнемической деятельности: функциональных, операционных и регулирующих механизмов. Лонгитюдный эксперимент продолжается в течение 2009–2015 гг. и включает диагностику продуктивности и уровня развития мнемических способностей, запоминание и непосредственное воспроизведение текста, воспроизведение текста через сутки, неделю, год, три года, пять лет после запоминания. Исследование проводится на базе школ города Орехово-Зуево Московской области. В эксперименте приняли участие 96 школьников 12–13 лет. На этапе эксперимента спустя год объем выборки составил 82 школьника 13–14 лет. Спустя три года в эксперименте приняли участие 60 школьников 15–16 лет, спустя пять лет – 25 школьников 17–18 лет [1].

Изучение мнемических способностей школьников осуществлялось с помощью методики диагностики мнемических способностей [3]. Исследование количественных и качественных показателей забытого учебного материала проводилось с использованием отрывка из учебника по биологии для 6-х классов (Пасечник, 2005), который называется «Семейство пасленовых». Экспериментальный материал включает 8 смысловых единиц, содержащих 27 предложений или 268 слов. Разработанная нами экспериментальная процедура предполагает учет количества забытых смысловых единиц, предложений, слов, а также количества допущенных привнесений и искажений [2].

В работе представлены результаты изучения количественных показателей забытого спустя три года после запоминания учебного материала школьниками с различным уровнем раз-

вития мнемических способностей. Школьники со вторым уровнем развития мнемических способностей через три года в среднем забывают 6,75 смысловых единиц, 24,25 предложений, 249,3 слов.

Учащиеся с третьим уровнем развития мнемических способностей через три года в среднем забывают 6,73 смысловых единиц, 23,4 предложений, 237,3 слов. Следует отметить, что у школьников с третьим уровнем развития мнемических способностей обнаружены значимые корреляционные связи между продуктивностью функциональных механизмов и количеством допущенных искажений ($r_s = 0,44$ при $p < 0,04$). Чем выше продуктивность функциональных механизмов мнемических способностей, тем реже школьники искажают учебный материал.

Школьники с четвертым уровнем развития мнемических способностей через три года в среднем забывают 6,71 смысловых единиц, 23,9 предложений, 242,4 слова. Следует отметить, что у школьников с четвертым уровнем развития мнемических способностей обнаружены значимые корреляционные связи между уровнем развития регулирующих механизмов и количеством забытых предложений ($r = 0,37$ при $p < 0,04$); уровнем развития регулирующих механизмов и количеством забытых слов ($r = 0,40$ при $p < 0,02$); уровнем развития регулирующих механизмов и количеством допущенных привнесений ($r_s = -0,44$ при $p < 0,01$). Наличие регулирующих механизмов в структуре мнемических способностей субъекта обуславливает уменьшение количества забытых предложений, слов, а также увеличение количества допущенных привнесений.

У школьников 15–16 лет с третьим и четвертым уровнями развития мнемических способностей обнаружены значимые различия по количеству искажений ($U = -2,36$; $p < 0,05$) при

воспроизведении учебного текста спустя три года после запоминания. Чем выше уровень развития мнемических способностей, тем реже учащиеся искажают учебный текст.

Полученные результаты позволяют выделить факторы, влияющие на процесс забывания: слабость природной основы памяти (продуктивность функциональных механизмов); слабость операционной основы памяти (уровень развития операционных механизмов; качественное своеобразие мнемических приемов); специфика регулирующей основы памяти (уровень развития регулирующих механизмов). При этом первые два фактора в значительной степени характеризуют человека как субъекта деятельности. Они определяют субъектные закономерности функционирования памяти, которые предопределены индивидуальными особенностями личности, но совершаются помимо ее сознания. Регуляция мнемического процесса – это в большей степени субъективно-личностные закономерности поведения и деятельности человека. Таким образом, забывание учебного материала школьниками с различным уровнем развития мнемических способностей имеет свою специфику, обусловленную в значительной степени сформированностью регулирующих механизмов мнемических способностей.

Литература

1. *Осинина Т.Н.* Лонгитюдное исследование воспроизведения учебного материала // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. № 6. С. 50–56.
2. *Черемошкина Л.В., Осинина Т.Н.* Память: закономерности воспроизведения учебного материала: монография. М.: Прометей, 2012.
3. *Черемошкина Л.В.* Психология памяти. М.: Аспект Пресс, 2009.

© Осинина Т.Н., 2015

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ И КОМПЕТЕНТНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ

Марищук Л.В., доктор психологических наук, профессор кафедры теории управления, права и психологии

Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске

Юхновец Т.И., преподаватель кафедры основ специальной педагогики и психологии факультета специального образования

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь субъектности личности студента в учебно-профессиональной деятельности и его социальной компетентности в различных аспектах (в формальной и неформальной деятельности, в сферах социальной активности и социальных решений).

Ключевые слова: субъектность студента, компетентность социального взаимодействия, формальное/неформальное общение, социальная активность/социальные решения.

Abstract. The interrelation of subjectivity of the identity of the student in educational professional activity and social competence, its various aspects (various levels of development in formal and informal the activity is considered; in spheres of social activity and social decisions).

Keywords: subjectivity of partners in communication, competence of social interaction.

Высокие риски конфликтов разного масштаба демонстрируют необходимость психологического сопровождения по оптимизации диалоговых форм совместной деятельности людей. Классики психологической мысли отводят первостепенную роль в развитии личности конструктивному потенциалу диалога как форме социального жизнетворчества личности, предполагающему системно организованные «умения вести разговор между двумя или несколькими лицами» [6, с. 160]. Категория диалога осмысливается в культурно-исторической концепции развития личности (Л.С. Выготский, В.П. Зинченко) [2], субъектно-деятельностной (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев) [4; 4; 5], в философских и психологических концепциях второй половины XX в. (герменевтике, феноменологии, социальном конструктивизме, постструктурализме) [3].

Понятие «субъектность» развилось в русле субъектного подхода, разработанного С.Л. Рубинштейном [4]. Цель жизнетворчества личности он видит в том, что субъект не только переживает, активно познает мир и самого себя, изменяя его и изменяясь сам, но взаимодействует с людьми, руководствуясь «принципом способствования реализации стремлений партнера по общению и деятельности к высшему уровню человеческого существования» [4]. Социальная направленность субъектной личности может быть проанализирована с точки зрения компетентности социального взаимодействия как успешности решения проблемной ситуации деятельности.

Психологические аспекты проблемы диалога затрагивают следующие вопросы: насколько развита индивидуальность партнеров по общению в ситуации встречи, насколько они способны к саморазвитию в процессе и под воздействием результатов этой встречи, как осуществляется процесс освоения личностью социального пространства со стороны каждого из партнеров. Возникает проблема исследования: как связана субъектность личности с ее социально-коммуникативным опытом. Феномен исследования – субъектность личности; аспект – взаимосвязь субъектности и компетентности социального вза-

имодействия студентов технических специальностей; гипотеза – предположение о том, что, несмотря на технический профиль профессионального образования, субъектные студенты ориентированы на личностное развитие партнера по взаимодействию.

Исследование проведено на базе МГВРК (2014–2015 учебный год). Студенты (61 человек) выполнили методики «Субъектная учебная активность» (А.А. Волочкова), «Компетентность социального взаимодействия» (Н.М. Кодинцева). Эмпирика обрабатывалась с помощью программы SPSS-21. Корреляционный анализ данных обнаружил большое количество достоверных взаимосвязей между структурными компонентами субъектности в учебно-профессиональной деятельности и компетентности социального взаимодействия в формальных/неформальных отношениях; социальной активности/принятия социальных решений. Так, с общим уровнем субъектности позитивно связаны: общий уровень компетентности социального взаимодействия ($r_s = 0,43; p < 0,001$), личностно-творческий уровень решения социальных задач взаимодействия в сферах формальных/неформальных отношений ($r_s = 0,40; p < 0,001$), социальной активности ($r_s = 0,34; p < 0,001$), принятия социальных решений ($r_s = 0,42; p < 0,001$). Негативно связаны: общий уровень субъектности и контрпродуктивный уровень компетентности социального взаимодействия ($r_s = -0,39; p < 0,001$).

Из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- ◆ В группах студентов технического профиля более выраженными являются сфера социальных решений (предполагающая социальную ответственность) на фоне сформированных неформальных отношений, при этом и те и другие взаимосвязаны с субъектностью в учебно-профессиональной деятельности.
- ◆ Субъектность студентов негативно взаимосвязана с нормативным уровнем компетентности социального взаимодействия в сфере неформальных отношений, т.е. с ростом выраженности субъектности уменьшается стереотипность

квазидружественных отношений, повышается ценность духовного диалогического общения.

- ◆ В профессиональном образовании для подготовки самостоятельной, ответственной, субъектной личности специалиста необходимо учитывать различные сферы и аспекты социального взаимодействия обучающегося.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.

2. *Выготский Л.С.* Проблемы общей психологии: собр. соч. В 6 т. М., 1982. Т. 2.

3. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. М., Прогресс, 1988.

4. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4.

5. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997.

6. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2007.

© Марищук Л.В., Юхновец Т.И., 2015

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ СУВЕРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И САМООРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Трофимова Ю.В., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики в органах внутренних дел

Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

Аннотация. В исследовании выделены два фактора, указывающие на различные связи суверенности и самоорганизации: кумулятивный эффект, где высокий уровень суверенности поддерживается высоким уровнем самоорганизации, компенсирующий эффект, где недостаточная суверенность компенсируется высоким уровнем самоорганизации.

Ключевые слова: суверенность личности, саморазвитие, системная антропологическая психология.

Abstract. The study highlighted two factors that indicate the different connection of sovereignty and self-organization: a cumulative effect where a high level of sovereignty is supported by a high level of self-organization; Compensating effect, where the lack of sovereignty is compensated by a high level of self-organization.

Keywords: personality sovereignty, self-development, system anthropological psychology.

В контексте системной антропологической психологии (В.Е. Ключко) суверенность связывается с саморазвитием как основанием устойчивого существования открытых систем (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский, Е.В. Некрасова, И.О. Логинова и др.). Саморазвитие, по мнению авторов, обеспечивает человеку возможность за счет самостоятельного выхода к культуре и «вычерпывания» из нее оснований для сохранения и развития своего многомерного мира порождать новые качества, мерности, которые детерминируют дальнейшее развитие человека [1; 2; 4].

На современном этапе саморазвитие рассматривается в двух смысловых контекстах. В первом контексте открывается общепсихологический механизм саморазвития, который сначала был обнаружен при исследовании мыслительной деятельности, а позже раскрыт применительно к становлению многомерного мира человека [1; 2]. Второй смысловой контекст раскрывает саморазвитие как сознательную деятельность че-

ловека, направленную на более полную реализацию себя, на координацию усилий человека для достижения стоящей перед ним цели. В этом контексте саморазвитие близко к пониманию самоорганизации деятельности как структурированию личного времени, тактическому планированию и стратегическому целеполаганию [3].

В проведенном исследовании решалась задача выявления взаимосвязи между характером суверенности и особенностей самоорганизации деятельности. Для указанных целей были использованы «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева), «Опросник самоорганизации деятельности» (Е.Ю. Мандрикова), «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер), «Уровень субъективного контроля», «Самоактуализационный тест». В исследовании приняло участие 90 студентов вузов Алтайского края.

В результате факторного анализа, проведенного с помощью метода главных компонент

с варимакс-вращением, было получено 6 факторов (70 % дисперсии). Рассмотрим два фактора с большей объяснительной дисперсией.

Так, в первый фактор с положительными значениями вошли шкалы «суверенность психологического пространства», «суверенность физического тела», «суверенность территории», «суверенность мира вещей», «суверенность привычек», «суверенность социальных отношений», «суверенность ценностей», «плановместность», «целеустремленность», «настойчивость», «жизнестойкость», «общая интернальность». Анализируя данный фактор, следует отметить, что высокие показатели суверенности в большей мере связаны со способностями к тактическому планированию и стратегическому целеполаганию, склонностью к приложению волевых усилий для завершения начатого дела, а также с установкой, что большинство важных событий в жизни было результатом собственных действий со стойким совладанием, с внутренним напряжением в стрессовых ситуациях. Таким образом, можно назвать данный фактор «продуктивность (высокая суверенность – высокая самоорганизация)».

Второй фактор представлен двумя полюсами. Отрицательный полюс представлен шкалами «суверенность привычек», «суверенность ценностей», «шкала поддержки», тогда как положительный полюс представлен шкалами «плановместность», «целеустремленность», «фиксация», «самоорганизация». Из данных следует, что по мере роста депривированной суверенности (т.е. конформных и несамостоятельных респондентов, затрудняющихся сохранять комфортный для себя распорядок, свободу вкусов и мировоззрения) для поддержания продуктивности необходимы все более сформированные способности к такти-

ческому планированию и стратегическому целеполаганию, склонности к использованию внешних средств организации деятельности, а также четкое следование намеченным планам, запланированной структуре организации событий во времени, потребности в четком расписании. Анализ факторных нагрузок позволяет назвать данный фактор «поддержание продуктивности за счет внешних стимулов».

Выделенные факторы указывают на различные связи суверенности и самоорганизации: в первом случае – по типу кумулятивного эффекта, где высокий уровень суверенности поддерживается высоким уровнем самоорганизации, а во втором случае выделен компенсирующий эффект – недостаточная суверенность компенсируется высоким уровнем самоорганизации.

Литература

1. Клочко А.В., Краснорядцева О.М. Суверенность личности как основание психологического здоровья // Сибирская психология сегодня: сб. науч. трудов. Кемерово, 2002. С. 91–105.
2. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск: ТГУ, 2009. 240 с.
3. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 59–83.
4. Трофимова Ю.В. Исследование процесса суверенизации человека в онтогенезе: идеи О.К. Тихомирова как точка опоры // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 30 мая – 1 июня 2013 г.) М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2013. С. 33–35.

© Трофимова Ю.В., 2015

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Шапиро А.З., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования

Аннотация. Рассматриваются психологические проблемы соотношения культурно-лингвистического и лингвопсихологического контекстов развития индивидуальности в онтогенезе. Подчеркивается, что упомянутые контексты, с одной стороны, находятся в оппозиции к педагогическому процессу изучения родного и иностранных языков в семье, а с другой – существенным образом дополняют этот процесс.

Ключевые слова: развитие индивидуальности, детство, семья, взрослость, лингвистика, биосоциальная проблема, идентичность.

Abstract. The author considers the problem of parity between cultural, linguistic and psychological contexts of personality development in ontogenesis. It is emphasized that the above contexts, on the one hand, are in opposition to the pedagogical process of learning the mother tongue and foreign languages in the family, and on the other, are an essential complement to this process.

Keywords: personality development, childhood, family, adulthood, linguistics, biosocial problem, identity.

Культурно-лингвистический контекст – это, условно говоря, те языки, изучением которых мог бы заняться данный человек, если бы была на то добрая воля его самого или его социального окружения. Лингвопсихологический контекст связан с тем, как человек усваивает языки, исходя из особенностей его психической жизни, а не того педагогического инструментария, который ему предлагается:

- ◆ в качестве «просто человека»;
- ◆ как члена данного общества, государства, локального сообщества;
- ◆ как объекта и субъекта психологической помощи (психологической культуры).

В этой связи автор обращает внимание на следующие четыре теоретико-психологические проблемы:

1. Соотношение природно-биологических, социобиологических и культурно-исторических факторов при исследовании источников, движущих сил, условий развития лингвистической стороны развития индивидуальности. Речь – видотипическое качество человека, сформировавшееся в филогенезе и социогенезе (на его ранних этапах). Не существуют биологические предпосылки к усвоению конкретного языка. Однако язык и речь, являясь социально-историческими образованиями, тем не менее, имеют эволюционно-генетическую основу, которая, в частности, состоит в том, что способности к усвоению языка различаются у разных людей, о чем убедительно свидетельствуют современные данные психогенетики, нейропсихологии и т.д.

2. Роль семьи и метасемейного окружения в усвоении языка и речи должна быть особо подчеркнута как для актуальной деятельности субъекта, так и для развития его индивидуальности на всех этапах онтогенеза. Под семейным контекстом имеются в виду те конкретные внутрисемейные взаимоотношения, которые имеют место в данной семье; метасемейный контекст – это та совокупность социокультурных норм и институтов, в которые включена конкретная семья. Показано, что семья, в отличие от метасемейного окружения, сразу, т.е. с момента рождения ребенка, а затем и на всех этапах онтогенеза ввиду своей культурно-исторической сущности находится в состоянии «инклюзии» по отношению к нему, в частности членами семьи учитываются соответствующие потребности людей, изучающих

иностранные языки, происходит принятие и поддержка их индивидуально-органических и индивидуально-психологических особенностей [3].

3. Возрастная специфика развития лингвистической стороны индивидуальности, несомненно, имеет место, но только в рамках «социальной ситуации развития» (Л.С. Выготский) человека, и не только в детстве (см. [1]). Ребенок никогда не заговорит на языке, который он не слышал в «доречевом» периоде своего развития, но и для взрослого человека этап пассивного усвоения языка должен предварять его активный этап. Интересные факты получены при изучении семей детей-билингвов. Например, по данным клинико-психологической работы автора с семьями детей-билингвов, мальчик Миша из Москвы, 3-х лет, говорит на 3-х языках: с мамой на испанском, с папой на английском, с бабушкой, во дворе и в детском саду на русском. Меньше всего по времени он говорит с папой, но, кажется, выбрал английский в качестве ведущего скорее всего потому, что на нем все его игры на планшете и большинство детских фильмов, которые ему доступны. На приеме говорил с мамой на английском, хотя мама и склоняла его к разговору на русском.

4. Понятие «развитие лингвистической индивидуальности» в социально-гражданском плане связано с современными научно-гуманитарными представлениями об «идентичности», которая в своих всеобщих формах подразделяется на региональную, государственную и общечеловеческую: как в качестве формально-правовой структуры, так и в аспектах самоидентичности (каким человек сам себя осознает) и идентичности человека в контексте его уже упомянутой выше «социальной ситуации развития», т.е. глазами его социального окружения (как ближнего, так и дальнего) – семьи, локального сообщества, государства и т.д. В последнем случае человек идентифицируется с определенной социальной или даже политической группой с соответствующими традициями, лидерами и т.д. Затем данная модель, если следовать Выготскому, интериоризируется, переходит во внутренний план собственно-психологического, индивидуально-личностного бытия, иногда порождая у субъекта внутренние и внешние конфликты. В связи с этим стоит ли говорить «о направленном формировании идентичности», о ее «социокультурном конструировании» – может быть, следует представлять

процесс становления индивидуальности как самоформирование субъекта в условиях действительного-позитивной принимающей социальной среды? Иностранные (неродные) языки здесь имеют особое значение: их изучение, по сути дела, дает средства развития индивидуальности, и современный российско-украинский кризис, в частности, дает этому убедительные доказательства [2].

Подводя итоги рассмотрению психологических проблем соотношения культурно-лингвистического и лингвопсихологического контекстов развития индивидуальности в онтогенезе, можно сделать вывод о том, что упомянутые контексты, с одной стороны, находятся в оппозиции к педагогическому процессу, а с другой – существенным образом дополняют его.

Литература

1. *Болотова А.К., Молчанова О.Н.* Психология развития и возрастная психология. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012.

2. The Psychological Contradictions in the Modern Russian-Ukrainian Conflict: How Can Contemporary Psychology Help? URL: <http://www.wilsoncenter.org/article/the-psychological-contradictions-the-modern-russian-ukrainian-conflict-how-can-contem>

3. *Shapiro A.* The Theme of the Family in Contemporary Society and Positive Family Psychology. Family Therapy Around the World: A Festschrift for Florence Kaslow / Ed.: William Nichols. Hawthorth Press, 2005.

© Шапиро А.З., 2015

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИЗАЦИИ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ

Мешкова Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Рассматриваются проблемы социализации одаренных детей и подростков, а также самореализации одаренных во взрослом возрасте. Приведены негативные стратегии, которые используют одаренные учащиеся на разных этапах онтогенеза. Подчеркивается, что без учета социально-психологической составляющей, а следовательно, и специальной подготовки всех участников образовательного процесса целенаправленная работа только с одаренными учащимися обречена на неуспех.

Ключевые слова: одаренные учащиеся, негативные стратегии поведения.

Abstract. We provide a review of the problems of socialization of gifted children and adolescents and self-realization of gifted adults. We present negative strategies that use the gifted students at different stages of ontogenesis. It is stressed that without social-psychological component, and the special training of all participants of the educational process, purposeful work with gifted students is bound to fail.

Keywords: gifted students, the negative behavior strategies.

Анализ результатов, полученных современными российскими и зарубежными исследователями, показывает, что проблема социализации и самореализации одаренных учащихся остается актуальной во многих странах мира [1; 2]. Нередко показателем наличия проблем подобного рода являются стратегии поведения, которые используют одаренные дети и подростки. Например, исследования зарубежных авторов демонстрируют, что наиболее распространенными стратегиями, к которым прибегают одаренные мальчики, подвергающиеся буллингу, является дружба с девочками или с детьми младшего возраста. Некоторые

из детей становятся хулиганами, другие начинают мстить одноклассникам, отказываясь помогать им в учебе; большинство одаренных детей не рассказывает взрослым о том, что подвергаются агрессии [6]. Чтобы избежать статуса аутсайдера и стигматизации сверстниками, одаренные дети маскируют собственную одаренность, принимают роль «шута»; в то время как одни бросают школу, другие учащиеся начинают демонстрировать атлетические способности, стараясь замаскировать интеллектуальные [4]. Перечисленные стратегии являются негативными для развития одаренных детей и сигналом для взрослых, что с ребенком

не все благополучно. В данном случае возникает необходимость проведения коррекционной работы не только с самими одаренными детьми, но и с их одноклассниками [1]. Хорошо, если в общеобразовательной школе окажется специалист, который сможет и распознать проблему, и профессионально ее разрешить. Однако, согласно отечественным исследованиям, даже педагоги, имеющие большой стаж педагогической работы и возглавляющие образовательные учреждения разного профиля, не всегда не только не знают, как решать возникающие с одаренными детьми проблемы, но зачастую не имеют представления об особенностях одаренных детей и подростков. В свою очередь, это затрудняет как своевременное выявление высоких способностей у таких учащихся, так и создание условий для реализации имеющегося потенциала [3].

Кроме того, некомпетентность педагогов и непросвещенность родителей оказывают негативное влияние на выбор профессии, а следовательно, и на самореализацию одаренных во взрослом возрасте. Согласно результатам чешских исследователей Дж. Мудрака и К. Забродска, возможны два варианта. Первый состоит в том, что дети, которые испытывают жесткое давление со стороны взрослых, теряют интерес к учебе и выбирают профессию, не связанную с имеющимися у них способностями. Во втором варианте легкость академических достижений в детском возрасте при отсутствии внимания и контроля со стороны взрослых приводит к тому, что возникающие трудности в процессе усложнения дисциплин в старших классах снижают мотивацию к учебе; в результате, став взрослым, человек начинает считать себя неспособным к занятиям в той области, где ранее был успешен, хотя и может выбрать соответствующую профессию [5].

Основываясь на перечисленных выше результатах, можно прийти к следующим выводам:

- ◆ Необходима просветительская работа с родителями, в рамках которой они будут ознакомлены с особенностями одаренных детей,

стратегиями воспитания, ориентирующими на дальнейшие достижения.

- ◆ Без целенаправленной помощи, оказываемой компетентными педагогами и просвещенными родителями, многие из одаренных детей, став взрослыми, не смогут реализовать свои способности и успешно функционировать в обществе. Иными словами, без учета социально-психологической составляющей социализация личности не всегда сопровождается реализацией индивидуальности, которой она обладает, т.е. одаренности.

Литература

1. Мешкова Н.В., Кондратьев М.Ю. Системная работа в сфере образования с одаренными детьми и подростками: социально-психологическая составляющая // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 5–25.
2. Мешкова Н.В. Зарубежные исследования одаренности: социально-психологический аспект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 1. С. 26–44. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76175.shtml> (дата обращения).
3. Попова Л.В., Мешкова Н.В. Представления администраторов образовательных учреждений об одаренных учащихся [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2015. Т. 7. № 1. С. 97–110. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2015/n1/75655.shtml (дата обращения).
4. Insiders or Outsiders: The Role of Social Context in the Peer Relations of Gifted Students / Ed-dles Hirsch K., [et al.] // Roeper Review. 2012. Vol. 34:1. P. 53–62.
5. Mudrak J., Zabrodsk K. Childhood Giftedness, Adolescent Agency: A Systemic Multiple Case Study // Gifted Child Quarterly. 2015. Vol. 59. № 1. P. 55–70.
6. Peterson J.S., Ray K.E. Bullying among the gifted: The subjective experience // Gifted Child Quarterly. 2006. Vol. 50. P. 252–266.

© Мешкова Н.В., 2015

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Рудыхина О.В., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии человека Института педагогики и психологии
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Аннотация. Рассматривается индивидуальность в контексте проблемы становления человека как субъекта жизнедеятельности. В исследовании, проведенном среди студентов вуза, обнаружена специфика субъектности в зависимости от гуманитарного и естественнонаучного профиля обучения.

Ключевые слова: индивидуальность, субъектность, субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях, интеллектуальные стили.

Abstract. Identity in the context of a problem of formation of the person as subject of activity is considered. In the research conducted among students of higher education institution specifics of subjectivity depending on a humanitarian and natural-science profile of training are found.

Keywords: identity, subjectivity, the subject-object orientations in life situations, intellectual styles.

Проблема познания индивидуальности, актуальная для современной психологии, является сложной и многогранной, поскольку ее решение предполагает рассмотрение познания как целостного субъекта, обладающего внутренним единством индивидных, психофизиологических, когнитивных, ценностно-мотивационных особенностей.

В данном контексте одной из важных проблем является определение психологических особенностей, объединяющих структурные компоненты индивидуальности. На наш взгляд, важно учитывать степень выраженности и направленность психической активности человека, т.е. рассматривать его как субъекта жизнедеятельности. Следовательно, целесообразно обратиться к принципам субъектного подхода [Ошибка: источник перекрестной ссылки не найден; 1; 2], при реализации которого становится возможным составить интегративное описание психологической организации человека и рассмотреть его в контексте жизнедеятельности. Неслучайно А.В. Брушлинский в своей работе обосновал понимание субъекта как интегративного образования психики, включающего все проявления человека как индивида, индивидуальности и личности [2]. Благодаря выделению специфической характеристики человека как субъекта – его активности в собственном развитии – А.В. Брушлинскому удалось обосновать, что категория «субъект» носит системный характер, объединяет все аспекты человеческой психики, а главное – обеспечивает инициативность человека в своей внешней и внутренней деятельности и поведении.

Для эмпирического изучения индивидуальности представляется эффективным обращение к концепции человека как субъекта жизнедеятельности [3]. Данный подход обладает теоретической и эмпирической значимостью, поскольку Е.Ю. Коржова обосновала понятие «субъект» в качестве центральной характеристики человека, а также привела теоретические и эмпирические доказательства функционирования субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях [3], более интегративного явления по сравнению с ценностными, смысложизненными, жизненными ориентациями.

Рассмотрение аспектов индивидуальности у студентов вуза, в частности у субъектов с разными профилями обучения, позволяет достичь более глубокого понимания факторов актуализации субъектности. Кроме того, важно уделить внимание изучению субъект-объектных ориентаций с когнитивно-стилевыми особенностями, отражающими специфику познавательных стратегий при постановке интеллектуальных задач и выборе способов их решения, поскольку интеллектуальные особенности являются одними из значимых для осуществления учебной деятельности.

Учитывая вышесказанное, мы провели эмпирическое исследование, имеющее цель определить специфику связи субъект-объектных ориентаций с интеллектуальными стилями у студентов разных профилей обучения.

В исследовании приняли участие студенты РГПУ им. А.И. Герцена ($n = 251$). Были использованы методики: «Опросник жизненных ориентаций» Е.Ю. Коржовой для определения показателей и типов субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях [3] и опросник «Стиль мышления» А. Харрисона и Р. Брэмсона для диагностики интеллектуальных стилей.

В группе с гуманитарным профилем ($n = 154$) выявлены взаимосвязи показателей субъект-объектных ориентаций с большинством интеллектуальных стилей. В группе с естественнонаучным профилем ($n = 97$) были выявлены связи с отдельными показателями субъект-объектных ориентаций. То есть у студентов гуманитарного профиля субъектность связана с интеллектуальными стилями, а у студентов естественнонаучного профиля связи с этими стилями фрагментарны. Это можно объяснить существованием различий в направленности: у студентов гуманитарного профиля более выражена ориентация на самопознание, что отражается в стилях, основанных на интуиции; у студентов естественнонаучного профиля проявления субъектности связаны с продуктивностью в учебной деятельности, это подтверждает ее связь с аналитическим стилем.

Таким образом, результаты данного исследования вносят вклад в решение проблемы становления индивидуальности студентов вуза с учетом особенностей их субъектной позиции и профессиональной специфики.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Брушлинский А.В. Психология субъекта / отв. ред. проф. В.В. Знаков. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
3. Коржова Е.Ю. Психологическое познание человека как субъекта жизнедеятельности: дисс. ... докт. психол. наук. СПб., 2001.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / сост. А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская. СПб.: Питер, 2002. 720 с.

© Рудыхина О.В., 2015

КОГНИТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ. ГЕТЕРОГЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Буров В.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Институт философии РАН

Аннотация. Рассматривается проблема качества когнитивных ресурсов человека в новой модели экономики. Вводятся представления о когнитивных матрицах человека и общества и когнитивных ресурсах экономики, неотделимом знании, его передаче в нейрокогнитивных коммуникациях. Индивидуальность рассматривается как держатель таких матриц и генетический участник процесса формирования когнитивных ресурсов.

Ключевые слова: когнитивная матрица, когнитивные ресурсы, когнитивные способности, перцептивные базы, неотделимое знание.

Abstract. We consider the problem of the quality of human cognitive resources in the new economic model. We introduce the notions of cognitive matrices of man and society, cognitive resources of the economy, personal knowledge, its transmission in neurocognitive communications. Individuality is regarded as the holder of such matrices, and how the genetic contributors to building their cognitive resources.

Keywords: cognitive matrix, cognitive resources, cognitive ability, perceptual framework, personal knowledge.

Рассматривая вопрос об оценке способностей, М.А. Холодная [4] делает вывод: «Все люди по факту рождения имеют равные права, в том числе право быть умным – независимо от цвета кожи, состояния здоровья, величины IQ, уровня тревожности и меры общительности». К сожалению, этот вывод пока остается без технологических решений.

Обращаясь к этому вопросу, приведем слова В.Л. Макарова [2]: «Есть кодифицированное знание, которое можно отделить от человека и разными способами передать другому – записать в виде учебника или статьи в словаре, в энциклопедии. Неотделимым же знанием обладает конкретный человек. <...> И если говорить об экономической стороне дела, то как продавать неотделимое знание? Вместе с носителем?»

Решение проблемы повышения эффективности образования мы видим в передаче обучающимся эффективного неотделимого знания, изменении управляющих когнитивных матриц и культурных кодов человека и общества, использовании новых когнитивных операторов, обеспечивающих лифт через пределы доступной

сегодня сложности. Для когнитивного ресурса определяющим становится формат неотделимого знания, индивидуального когнитивного проекта, творчества, миров активности.

Прежде всего, в качестве такого ресурса неотделимого знания мы выделяем перцептивные базы – способности к различению. Именно они определяют, что для человека является реальностью, а значит, и возможности действия. Еще один ресурс – транзактные базы. Это базы действий, коммуникации и автокоммуникации в различаемой человеком через перцептивные базы реальности. И, наконец, – базы опыта такого действия.

Открытия нейрокогнитологии [3] дают нам в качестве возможности передачи неотделимого знания механизм нейрокогнитивной коммуникации: при совместном действии и сопереживании возникает резонанс зеркальных систем, и происходит передача паттернов активности мозга и неотделимого личностного знания. Эффективность обучения может быть повышена использованием механизма нейрокогнитивной коммуникации – прямой нейрокогнитивной симуляции учеником

эффективного внутреннего действия учителя. Технологическая трансляция такого знания требует использования индивидуального отслеживаемого нейрокогнитивного контакта. Решать эту задачу можно, формируя нейрокогнитивную культуру профессиональной межличностной коммуникации в образовании.

Вводя перцептивные базы, нейрокогнитивные коммуникации и передачу неотделимого знания, мы изменяем структуру специального и научного знания и уходим от опоры только на отделенное от человека кодифицированное знание. Мы выходим на задачи когнитивного управления процессами, для которых нет представлений в кодифицированных знаниях. Прежде всего, речь идет о трансмодальных гетерогенных когнитивных комплексах, распаковка которых на гомогенные составляющие невозможна. Такое знание существует сразу во многих модальностях – кодифицированное знание, неотделимое личностное знание, нейрокогнитивное поведение, управляющие коды культуры, системы контекстов, в которых рассматривается тот или иной вопрос. Оно существенно гетерогенно – не определяется каким-либо одним фактором и не может быть разложено на действие отдельных факторов и причинно-следственных связей.

Сегодня в обществе господствуют представления о знании, которое большинству недоступно,

институционально принятый отбор немногих «способных» для качественного обучения и массовое пожизненное ограничение для большинства одного из основных прав человека – права быть умным. Для вхождения в новую модель экономики необходимо сформировать новые принимаемые обществом институты образования и науки – институты индивидуального когнитивного проекта, эффективного обучения для всех.

Литература

1. Буров В.А. Когнитивные коммуникации в онтологии сложности. Передача неотделимого знания. М.: НИЦ «Инженер», 2014. 128 с.
2. Макаров В.Л. Экономика знаний: контекст российских проблем // Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». М., 2004. Вып. 15. С. 6–54.
3. Риццолатти Дж., Синигалья С. Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур. 2012. 208 с.
4. Холодная М.А. Профессиональные иллюзии как следствие упрощенных представлений о человеческом интеллекте // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 4. С. 38–41.

© Буров В.А., 2015

ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕТА-ОТНОШЕНИЙ

Дедов Н.П., кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии Финансовый университет при правительстве Российской Федерации

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема изучения и понимания личности в современной психологической науке. Обращается внимание на ограниченность исследования человека как объекта. Предлагается для лучшего понимания природы личности рассматривать ее социальную природу взаимодействия с другим человеком. Именно другой человек отражает основные характеристики личности и наглядно показывает ее значимость и ценность. Пространство мета-отношений подчеркивает своеобразие участников и раскрывает их внутренний потенциал.

Ключевые слова: личность, социализация, взаимодействие, мета-отношение, потенциал, развитие, совершенствование.

Abstract. The urgent problems of the study and understanding of the individual in modern psychological science. Attention is drawn to the limitations of the study of man as an object. It is proposed to better understand the nature of the individual to consider the nature of its social interaction with the other person. That other person reflects the main characteristics of the individual and demonstrates its importance and value. Meta-space relationship emphasizes the uniqueness of the participants and reveals their inner potential.

Keywords: personality, socialization, interaction, meta-attitude, capacity development, improvement.

Современная психология устанавливает строгие закономерности исследования личности, ее специфических особенностей и закономерностей [4; 5]. Личность является объектом психологи-

ческого изучения и познания. Вся история существования психологической науки указывает на трудность, а в отдельных случаях и на невозможность адекватного исследования природы че-

ловека. Чаще всего говорится о том, что личность представляет собой многогранную, многоуровневую систему, включающую в себя несколько постоянно изменяющихся показателей и факторов, которые невозможно учитывать одновременно. В результате научные исследования человека как объекта ограничиваются только одной стороной или фактором, например эмоциями, памятью, восприятием, мышлением [2].

В то же время необходимо выделить аспект существования личности – ее социальную природу. Человек изначально есть социальное существо, которое может существовать только во взаимодействии с другими людьми. Приход ребенка в социум, его вовлечение в отношения с другими людьми непосредственно связан с его обучением социальным правилам, законам и ритуалам. Одна из основных задач родителей и ближайшего окружения – научить ребенка тем закономерностям, тем взаимосвязям, которые существуют в социальном мире, и где он длительное время будет находиться. Насколько успешно он будет обучаться, а также эффективность обучающих родительских программ предопределяет те успехи и достижения, которые он реализует в будущем. Роль семьи в развитии человека неопределима, что подтверждает большинство педагогов и психологов [3]. Именно здесь возникает особый вариант межличностного взаимодействия – мета-отношения, которые представляют собой взаимовлияние двух субъектов друг на друга в многомерном пространстве отношений. Данное пространство предполагает многовариантность взаимосвязей и их разноуровневость. Специфика межличностных мета-отношений состоит в том, что их участники начинают относиться к другому человеку как к личности, относиться к себе как к личности, т.е. переживать и чувствовать, мыслить и думать самостоятельно, а также соответствующим образом относиться к самой ситуации взаимодействия.

Важным показателем, который часто оставался за рамками научных исследований, стано-

вится эмоциональное состояние самих участников. Если они нейтрально относятся к другому человеку и к ситуации взаимодействия, с большой вероятностью межличностные отношения не будут развиваться. То же самое относится и к негативному состоянию, которое формирует особый тип восприятия – критический, когда другой человек вызывает раздражение и отрицательные чувства. Положительные эмоции и чувства предполагают принятие другого человека таким, какой он есть на самом деле, а также возможность оказать ему необходимую помощь и поддержку. Таким образом, люди учатся видеть в другом личность и индивидуальность, оставаясь при этом также индивидуальностью со своим особым набором психологических качеств и особенностей. Мета-отношения трансформируют, видоизменяют «простые» межличностные отношения, которые приобретают новое смысловое содержание и наполненность. Важными для личности становятся не только ее переживания и понимание взаимосвязи с другим человеком, но и собственная рефлексия. В результате у нее начинают проявляться и реализовываться творческие способности и умения, которые приводят к успешной социализации и адаптации [4].

Литература

1. Дедов Н.П. Роль «взамоинвестирования» в развитии потенциала личности в межличностных отношениях // Акмеология. № 1–2 (специальный выпуск) (ВАК). М., 2014. С. 72–73.
2. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2000.
3. Силлаева Е.Г. Психология общения. М.: Академия, 1999.
4. Фельдштейн Д.И. Психология становления личности. М.: Педагогика, 1994.
5. Шадриков В.Д. От индивида к индивидуальности. Введение в психологию. М.: ИП РАН, 2009.

© Дедов Н.П., 2015

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Рассохина И.Ю., кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий
Кемеровский государственный университет

Аннотация. Рассмотрены основные подходы зарубежных и отечественных авторов к процессу политической социализации, противопоставляются индивидуальный и общественный типы политической социализации. Предложена интегрированная модель процесса политической социализации.

Ключевые слова: политическая социализация личности, гражданская и политическая культура, теория политической социализации.

Abstract. The paper discusses basic approaches of foreign and native authors in the process of political socialization, individual and social types of political socialization are contrasted to each other. The integrated model of process of political socialization is also offered in the paper.

Keywords: political socialization of the individual, civil and political culture, the theory of political socialization.

Изучение процесса политической социализации берет начало с середины XX в. и связана с такими именами, как Д. Истон, Дж. Деннис, К. Дойч, Г. Алмонд, Г. Хайман, Р. Хесс, Дж. Тор-

ни, К. Лэнгтон, Р. Мерельман, Ф.И. Гринштейн и др. Процессы политической социализации происходят и на индивидуальном – микроуровне, и на надиндивидуальном – макроуровне. Социально-

Рис. 1. Модель процесса политической социализации

психологические теории описывают индивидуально-личностный аспект политической социализации (Д. Истон, Дж. Деннис, Г. Хайман, И.С. Кон), социологические теории характеризуют ее индивидуальный аспект (К. Дойч, Г. Алмонд, С. Верба, Д.В. Ольшанский). Соответственно принято рассматривать два типа политической социализации: индивидуальная и общественная [4].

Диалектика взаимодействия данных типов политической социализации отражает единство и противоречие понятий индивида и общества. Противостояние государства как общественного института, представляющего нормативно-ценностные образцы политической культуры и использующего аппарат принуждения, с одной стороны, и личности, стремящейся к свободному самовыражению и самоопределению, – с другой. Политическая социализация через освоение нормативных образцов, знаний, опыта, культуры помогает саморефлексии и эффективному выполнению политических функций и ролей, сохраняя духовную независимость и социальную зрелость.

С точки зрения системного взаимодействия феномены гражданской и политической культуры, с одной стороны, и процесс политической социализации – с другой, представляют сложную модель взаимодействия: гражданская и политическая культура выступают базовой платформой, начальным условием для процесса политической социализации и в конечном счете становится ре-

зультатом данного процесса (рис. 1). Социализация – это механизм преемственности, благодаря которому происходит передача социального, политического и культурного опыта, обеспечивается ментальная связь поколений.

Эффективность процесса политической социализации в конечном счете измеряется возможностью самореализации субъектов и защитой их интересов в гражданско-политической сфере, с одной стороны, и обеспечением стабильности общества и преемственности политической культуры – с другой.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 2–34.
2. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 288 с.
3. Щеглов И.А. Проблемы западных разработок политической социализации // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 157–160.
4. Яницкий М.С., Пфетцер С.А., Зеленин А.А. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: СО РАН, 2014. 146 с.

© Рассохина И.Ю., 2015

НЕГАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА КАК ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

Нурлыгаянов И.Н., кандидат психологических наук, доцент кафедры олигофренопедагогики и специальной психологии

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Ставится вопрос о необходимости изучения негативных черт характера. Эмпирически определены негативные черты характера, наиболее часто репрезентируемые в сознании испытуемых.

Ключевые слова: характер, черты, нравственная психология.

Abstract. The paper considers the question concerning the necessity of study of negative character traits. There are empirically detected negative character traits, which are more frequently represented in the consciousness of the patients.

Keywords: character, traits, moral psychology.

Проблема характера в последнее время мало привлекает отечественных исследователей, несмотря на то, что данная категория занимает центральное место в контексте изучения развития субъекта. Такому положению, вероятно, способствовал ряд факторов:

- ◆ вопросы характерологии вошли в спектр проблем, раскрываемых при анализе более широких понятий – личности и индивидуальности;
- ◆ отечественная психодиагностика не занималась разработкой инструментария для изучения характерологических качеств.

Анализ подходов к проблеме характера показал, что большинство ученых акцентирует внимание на описании положительных, социально одобряемых качеств. Объяснение этому лежит прежде всего в идеологической обстановке советского периода, когда и разрабатывались ведущие концепции характера (Б.Г. Ананьев, А.Г. Ковалев, В.Н. Мясищев, Н.Д. Левитов, И.В. Страхов). Целью советской педагогики и психологии было формирование гармонично развитой личности, в структуре которой чаще всего не было места противоречивым, нелицеприятным и малопривлекательным чертам характера. Негативные психологические черты, конечно, осуждались психологами, но имелась тенденция и представления их как малозначимых для советского человека.

В настоящее время, как отмечает М.И. Воловикова [1], одной из задач нравственной психологии выступает анализ созидания и разрушения личности, механизмов искаженности нравственного бытия. В работе казанских психологов [2] экспериментальным путем были исследованы полярные – позитивные и негативные – черты характера в структуре саморазвития субъекта.

Несмотря на осуждение в обществе такого рода свойств, негативные черты характера могут давать определенную выгоду их носителю. Прежде всего это касается сферы межличностного взаимодействия. Например, лицемерие способствует адаптации человека к новым условиям жизнедеятельности и к различным социальным группам, дает возможность успешного разрешения конфликтных ситуаций. В некоторых случаях эффекты, получаемые от реализации таких качеств в повседневной жизни, сопряжены с переживанием целой палитры состояний – удовольствия и радости (злорадства) от совершения каких-либо поступков, нанесения вреда сопернику, хотя этически не являются приемлемыми.

Интересен вопрос относительно репрезентации в сознании общества установок о негативных чертах характера – их распространенности и проявлениях. В проведенном нами исследовании ис-

пытующим необходимо было назвать негативные (отрицательные) черты характера, количество которых в ответах не ограничивалось. В качестве испытуемых выступили студенты старших курсов факультета психологии и практикующие психологи ($n = 103$).

Всего было выделено 128 качеств, отражающих негативную сторону характера человека. Испытуемые чаще всего называли такие качества, как «жадность» (30), «злость» (29), «эгоизм» (27), «лживость» (25), «агрессивность» (25), «грубость» (23), «лицемерие» (19), «лень» (15), «корысть» (14), «хамство» (13), «наглость» (12), «зависть» (12), «равнодушие» (12), «безразличие к людям» (11), «безответственность» (10). Также в список наиболее называемых качеств вошли «эгоцентризм» (9), «обидчивость» (7), «высокомерие» (7), «скупость» (7), «цинизм» (7), «алчность» (6), «нечестность» (6), «двуличие» (5), «жестокость» (5). Негативный полюс проявляется в архитектонике характера как в чертах, выражающих отношение к различным сторонам действительности и другим людям, к труду, к самому себе, так и в волевой активности человека.

Если обратить внимание на выделенные качества характера, можно обнаружить, что большинство из них не получили детального теоретического и эмпирического анализа в научной литературе. Без знания феноменологии негативных (отрицательных) черт характера невозможно и глубинное, целостное познание индивидуальности человека.

Литература

1. *Воловикова М.И.* Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / отв. ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 21–39.

2. *Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

© Нурлыгаянов И.Н., 2015

О МЕЖПОКОЛЕННОЙ И ВНУТРИСЕМЕЙНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТРУКТУРЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Нуркова В.В., доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии
Алюшева А.Р., аспирант кафедры общей психологии
Гурьева В.В., магистрант кафедры общей психологии
 Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Результатом эмпирического исследования на обширной выборке семейных диад стала экспликация социокультурной схемы организации целостной истории личного прошлого жизни во взаимосвязи с представлением о типичной (нормативной) жизни человека, которая осваивается в рамках конкретной семейной ситуации. Выявлена конфигурация межпоколенно и внутрисемейно устойчивых параметров индивидуальной автобиографической памяти.

Ключевые слова: автобиографическая память, история жизни, культурный жизненный сценарий.

Abstract. The objective of empirical study was to examine a structure of cultural life script, which supposed to determine individual life stories across generations. As a result we found a stable configuration of parameters with individual variations strictly correlated within family dyads.

Keywords: autobiographical memory, life story, cultural life script.

Одной из центральных экзистенциальных функций автобиографической памяти является создание и поддержание переживания уникальности своей жизни [4]. Однако анализ автобиографической продукции различного типа (автобиографические нарративы, мемуары, дневники, фотоальбомы и др.) показывает, что субъективная оценка личной уникальности во многом контрастирует с преобладанием типичных нормативно заданных содержаний [5]. Распространяется ли данная «иллюзия уникальности» и на формальные признаки автобиографии, которые выражают ее событийную насыщенность, эмоциональный контур и временное распределение воспоминаний?

В исследовании приняли участие 278 респондентов, составляющих семейные диады девушка/юноша – средний возраст 19,3 (1,7) и их родители – средний возраст 46,5 (5,6). В качестве основной методики экспликации истории жизни (включая ее неполно рефлекслируемые системные свойства) применялась методика «Линия жизни» (ЛЖ), где от испытуемых требовалось на листе бумаги А4, разделенном по центру стрелкой длиной 280 мм, обозначить значимые, наиболее запомнившиеся события своего прошлого, располагая их выше или ниже оси времени в соответствии с их валентностью. Для выявления культурного жизненного сценария как источника согласованности параметров индивидуальных историй жизни использовалась модификация ЛЖ – «Жизнь типичного человека».

В результате анализа данных выявлено, что ряд формальных характеристик структуры целостного представления о личном прошлом является внутрикультурно универсальным, содержится в разделяемом различными поколениями представлении о нормативной жизни типичного человека (культурный жизненный сценарий) и присваивается субъектом с корректировкой на особенности конкретной семейной ситуации развития. На основании того факта, что соответствующие переменные показали нормальное распределение, идентичное для выборок

представителей двух поколений, к структурообразующим параметрам истории жизни были отнесены следующие: ограниченный объем событийного наполнения истории жизни (около 16 воспоминаний); субъективная оценка длительности периода от начала жизни до первого значимого события (около 2 см в графическом выражении); преобладание числа позитивных воспоминаний над числом негативных с коэффициентом приблизительно 3,5; преобладание эмоциональной насыщенности пространства позитивного опыта над эмоциональной насыщенностью пространства негативного опыта (отношение около 1,2). Индивидуальная вариативность показателей структуры автобиографической памяти на уровне целостного представления о личном прошлом связана с особенностями внутрисемейного взаимодействия в процессе ее формирования, что подтверждается наличием сильных и положительных корреляционных взаимосвязей показателей по указанным параметрам между членами семейных диад.

Литература

1. *Алюшева А.Р.* Общекультурная и внутрисемейная трансмиссия структуры автобиографической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 4. С. 5–15.
2. *Алюшева А.Р.* Стилиевые особенности фиксации истории жизни в автобиографической памяти личности как результат внутрисемейной трансмиссии // Психология и право. 2015. № 2.
3. *Нуркова В.В., Гурьева В.В.* Культурная трансмиссия характеристик автобиографического компонента самосознания: матер. III всероссийской научной конференции «Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты» (г. Самара, 15–17 октября 2015 г.).
4. *Нуркова В.В.* Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исто-

рического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–25.

5. Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)ор-

ганизации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.10.2015).

© Нуркова В.В., Алюшева А.Р., Гурьева В.В., 2015

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Сидельникова Н.Ю., Даначева М.Н., Рязанцева М.А., соискатели кафедры экологии человека экологического факультета

Российский университет дружбы народов

Аннотация. Образование рассматривается как важный фактор развития индивидуальности в процессе социализации и адаптации человека. Показано, что образовательный процесс значительно влияет на становление человека в процессе его развития.

Ключевые слова: образование, школа, вуз, социализация, адаптация человека, индивидуальность.

Abstract. This article is dedicated to education as an important factor in the development of individuality in the process of socialization and adaptation. It is shown that the educational process has a significant influence on the development of man in the process of human development.

Keywords: education, school, university, socialization, human adaptation, individuality.

Индивидуальность человека является целостной системой, которая органически интегрирована в окружающий социум. Социальные условия, макро- и микросреда, в которых осуществляется жизнедеятельность конкретного человека, оказывают существенное влияние на становление и развитие его индивидуальности [4].

С самого рождения человек включается в процесс социализации, в котором происходит усвоение комплекса норм поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для жизнедеятельности в данном обществе. Свой социальный опыт индивид получает по разным каналам, ведущую роль среди которых на ранней стадии социализации играют родительско-детские отношения. На следующих этапах развития человека к этому процессу подключается школа и вся сфера образования в целом [5].

Образование на разных стадиях дает человеку своеобразный ключ к его индивидуальности. Однако надо заметить, что это не итог процесса развития индивидуальности, а всего лишь промежуточный период в жизнедеятельности и адаптации человека. Впереди, очевидно, человека еще будут ждать и личные переживания, и открытие своего «Я». Все это позволит сыграть определенную роль в проявлении индивидуальности человека [5].

Образование выступает одной из главных составных частей процесса социализации человеческой индивидуальности, поскольку в своем содержании обладает тремя необходимыми характеристиками: усвоение опыта, воспитание адекватных требованию общества качеств поведения, физическое и умственное развитие. Все эти характеристики трудно или почти невозможно воспитать (сформировать) без опоры на индивидуальные способности человека [7].

Формирование и развитие личности средствами образования помогает также решать задачу формирования у индивида элементарной и функциональной грамотности, которая предполагает знание основных правил общественного поведения, умение правильно поступать в тех или иных ситуациях, желание познавательной деятельности. Функциональная грамотность, которая закладывается уже в школе, зависит от умения человека владеть специальными профессионально направленными навыками и умениями, которые получают дальнейшее развитие в системе среднего специального и высшего образования. Эти важные навыки позволяют человеку успешнее адаптироваться в обществе [1–3].

Таким образом, обучение и воспитание средствами образовательной системы есть необхо-

дмая форма овладения человеком социально выработанным и социально значимым знанием. Развитие человека, формирование его личности и индивидуальности не ограничивается только социальным обучением. Без соответствующей системы образования человек не способен успешно освоить социальный опыт предшествующих поколений.

Литература

1. Глебов В.В. Процессы академической адаптации иностранных студентов к процессу вузовского образования в России // Вестник РУДН. 2012. № 5. С. 8–10. (Экология и безопасность жизнедеятельности).

2. Глебов В.В., Аникина Е.В., Рязанцева М.А. Различные подходы изучения адаптационных механизмов человека // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5. С. 135–136.

3. Даначева М.Н., Назаров В.А., Глебов В.В. Влияние экологических и гигиенических факто-

ров на психофизиологическое состояние школьников в условиях мегаполиса // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (1). С. 90–92.

4. Мудрик А.В. Социализация и воспитание подрастающих поколений. М., 1990.

5. Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество: проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М.: Политиздат, 1984.

6. Родионова О.М., Глебов В.В. Лекции по дисциплинам «Экологическая физиология» и «Биология человека»: учеб. пособие. в 2 ч. М.: РУДН, 2013. Ч. 1. 92 с.

7. Сидельникова Н.Ю., Глебов В.В., Радьш И.В. Сравнительный анализ умственной работоспособности и интеллекта детей младшего школьного возраста, проживающих в разных средовых условиях столичного мегаполиса // Технология живых систем. 2015. № 3. С. 13–17.

© Сидельникова Н.Ю., Даначева М.Н., Рязанцева М.А., 2015

ПРОБЛЕМА ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ МЕХАНИЗМОВ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Разорина Д.Н., аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Становление идентичности является динамическим процессом, благодаря которому новые элементы встраиваются в существующую структуру идентичности. Неспособность человека формировать свою идентичность может стать препятствием для его социализации. Отмечается необходимость включения в представления об идентичности мотивационного и регулятивного компонентов.

Ключевые слова: Я–концепция, идентичность, процессы идентичности, стили идентичности, неопределенность в «Я», движущие силы идентичности.

Abstract. The formation of identity is a dynamic process by which new elements are integrated into the existing structure of identity. Person's inability to shape his/her own identity may become an obstacle to his/her socialization. The need for the inclusion of the motivational and regulatory components into conception of identity is noted.

Keywords: self–concept, identity, identity processes, identity styles, self–uncertainty, identity motives.

Традиционно становление идентичности описывается как в значительной степени стихийное – как результат взаимодействия субъекта и социокультурного контекста. Сформированная и гармоничная (по тем или иным критериям в разных подходах) идентичность считается закономерным следствием успешной социализации. Внутриличностные факторы и закономерности изменения идентичности практически не рассматриваются, хотя можно предположить, что разви-

тие идентичности и социализация – это две стороны одного процесса.

Изменение идентичности можно описать в терминах общепсихологических процессов ассимиляции, аккомодации и оценивания, так называемых процессов идентичности [2]. За счет них новые элементы встраиваются и согласуются с существующей структурой идентичности и наделяются значениями и ценностями. Представляется, что эти процессы могут быть опосредованы

социально-когнитивными процессами и стратегиями, используемыми субъектами для того, чтобы выполнить или избежать задач конструирования, поддержания и/или реконструирования чувства идентичности [1]. Они включают три различных социально-когнитивных стиля переработки информации об идентичности: информационный, нормативный и диффузно-избегающий.

Результатом предпочтения диффузно-избегающего стиля может стать ощущение неопределенности в «Я». Согласно теории идентичности в условиях неопределенности [3], стратегия разрешения неопределенности зависит от оценки человеком собственных ресурсов. Когда человек уверен, что обладает достаточными ресурсами для уменьшения неопределенности, ощущение неопределенности переживается как вызов, побуждающий движение вперед или поведение, направленное на принятие решения. Если ресурсы оцениваются человеком как недостаточные, неопределенность переживается как угроза, побуждающая защитное или избегающее поведение, что препятствует адаптации к меняющимся условиям и социализации.

Приведенные выше положения демонстрируют необходимость включения в представления о становлении идентичности мотивационного и регулятивного компонентов, которые бы побуждали и осуществляли деятельность по формированию идентичности.

Хотя в литературе освещаются разработки в области динамики идентичности, они малочисленны и достаточно абстрактны. Так, существует представление о том, что движение к желаемым состояниям структуры идентичности и работа процессов идентичности направляется принципами, специфичными для исторического и культурного контекста. К ним относятся:

◆ жажда непрерывности;

- ◆ мотив самобытности/отличия;
- ◆ мотив самоэффективности;
- ◆ мотив самоуважения/самооценки [2];
- ◆ мотив причастности;
- ◆ стремление к смыслу [5];
- ◆ принцип психологической согласованности [4].

Подводя итог, можно сказать, что существующие представления как об идентичности, так и об ее изменении требуют пересмотра. Мотивационные и регулятивные компоненты, которые можно рассматривать как внутриличностные механизмы становления идентичности, должны быть четко определены, сформулированы и операционализированы.

Литература

1. *Berzonsky M.D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B.* The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // *Personality and Individual Differences*. 2011. V. 50. P. 295–299.
2. *Breakwell G.M.* Resisting representations and identity processes // *Papers on Social Representations*. 2010. V. 19. P. 61–611.
3. *Hogg M.A.* Social identity theory // *Contemporary social psychological theories* / Ed. Burke P.J. Stanford: Stanford University Press. 2006. P. 111–136.
4. *Jaspal R., Cinnirella M.* Coping with potentially incompatible identities: Accounts of religious, ethnic, and sexual identities from British Pakistani men who identify as Muslim and gay // *British Journal of Social Psychology*. 2010. № 4. V. 49. P. 849–870.
5. *Beyond self-esteem: Influence of multiple motives on identity construction* / *V.L. Vignoles, C. Regalia, C. Manzi, et al.* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. № 2. V. 90. P. 308–333.

© Разорина Д.Н., 2015

РАЗВИТИЕ САМОСОЗНАНИЯ ВО ВРЕМЕНИ КАК ПРЕДТЕЧА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Болотова А.К., доктор психологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается место и роль времени в онтогенезе становления личности и ее самосознания в процессе социализации. Дается анализ представлений о природе развития самосознания и его структурных компонентов, таких как самопознание, самоотношение и саморегуляция, во временном аспекте. Показано, что самосознание возникает онтогенетически позже сознания и включает временную детерминацию, «ощущение себя во времени жизни».

Ключевые слова: время, временная детерминация, самосознание, саморегуляция, онтогенез.

Abstract. The article presents an analysis of representations on nature of self-consciousness and its structural components origins and development in the temporal dimension. It is hypothesized that self-consciousness on different stages of ontogenesis manifests as self-cognition, self-attitude and self-regulation. Results indicate that self-consciousness emerges later than consciousness ontogenetically and includes a temporal determination «sense of self in the time of life».

Keywords: time, temporal determination, self-consciousness, self-regulation, ontogenesis.

Впервые к исследованию самосознания в отечественной психологии обратился Л.С. Выготский. Согласно ему самосознание – это социальное знание, перенесенное вовнутрь и отмеченное временной интенцией своего развития. Самосознание с раннего возраста развивается в плане постижения своего «Я» в прошлом, настоящем и будущем, что помогает соотносить свое «Я» во всех временных модусах. Способность к соотношению себя настоящего с собой в прошлом и будущем – важнейшее позитивное образование самосознания развивающейся личности, которое важно рассматривать в его временной развертке и разновременной включенности в социальное бытие.

Л.С. Выготский рассматривал самосознание не только как феномен личности и сознания, а как «особый временной момент» развития личности, биологически обоснованный и социально подготовленный всей его предшествующей историей. Образование самосознания – это определенная стадия в развитии личности, неизбежно вытекающая из предыдущих стадий, несущих определенную временную развертку. Процесс становления самосознания подростка Л.С. Выготский рассматривает также стадийно, где каждая предыдущая ступень как бы подготавливает последующую. Таким образом, осуществляется временная последовательность в развитии самосознания – от самопознания к самоотношению и саморегуляции. Становление человека как индивида и личности, процесс его социализации в обществе предполагает особое сочетание, совпадение во времени внутренних процессов развития и внешних условий. Это взаимодействие, одновременное взаимовлияние социального и индивидуального на процессы развития личности четко выражены в предложенном Л.С. Выготским понятии «социальная ситуация развития». По Выготскому, становление личности в онтогенезе и ее социализация определяются взаимодействием двух относительно автономных, но неразрывно связанных друг с другом рядов развития – натурального и социального (культурного).

В основе натурального ряда лежат процессы созревания и общие закономерности онтогенеза. Становление человека как личности осуществляется

только в процессе социализации, который и принято считать социальным рядом развития. При этом социальный ряд развития означает, что под длительным влиянием среды в целом идет приобретение индивида к нормам и правилам социального бытия, усвоение им культуры, а также утверждение себя через выполнение различных социальных ролей. Вместе с тем, как отмечает Б.Г. Ананьев, эти два ряда не тождественны. Наступление зрелости человека как индивида (физическая зрелость) и личности (гражданская ответственность) по времени не совпадают, и подобная гетерохронность развития зрелости в процессе социализации индивида сохраняется во всех общественно-исторических формациях. Это объясняется особенностями формирования такого структурного элемента личности, как самосознание. Развитие самосознание выступает как предтеча социализации личности в обществе, но важно отметить, что самосознание представляет собой сложный психический процесс, сущность которого состоит в восприятии личностью многочисленных образов самого себя в различных ситуациях деятельности и общения. В этих условиях самосознание все более усложняется, и по мере увеличения числа образов, интегрирующихся в представлении человека о самом себе, формируется все более адекватный образ собственного «Я» и его составляющие компоненты. В структуре самосознания принято выделять три составляющие – познавательная (самопознание), эмоционально-ценностная (самоотношение), регулятивная (саморегуляция), – обусловленные деятельностью человека. Многие авторы утверждают, что самосознание проходит определенный путь развития и является более поздним продуктом по сравнению с сознанием (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Г. Спиркин).

Самосознанию присуще непрерывное развитие: сфера самосознания непрерывно расширяется во времени благодаря осмыслению прошлого и планированию будущего (А.К. Болотова). На решающую роль отдаленных, т.е. перспективных целей, обращали внимание еще К. Левин и Б. Зейгарник. В процессе социализации, присвоения опыта и норм социального поведения в социуме человек выбирает свою линию поведения на относительно длительный срок. В таком случае он определяет свои жизненные цели и планы как

стратегию жизни, считает К.А. Абульханова. Эти временные перспективы и устремления играют роль детерминирующего фактора социализации личности в обществе, стремящейся проявить и ре-

ализовать свой личностный потенциал в конкретных ситуациях деятельности и межличностных отношений – «ощущение себя во времени жизни».

© Болотова А.К., 2015

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

Еремина Л.И., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и социальной работы факультета педагогики и психологии

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова

Аннотация. Дается сущностная характеристика понятия «социальная активность». Подчеркивается, что студент как субъект деятельности сам является носителем своей активности, собственным источником преобразования внешнего мира, действительности. Рассматриваются особенности развития социальной активности студентов. Приведены экспериментальные данные, показывающие взаимосвязь социальной активности и креативности студентов.

Ключевые слова: развитие, активность, социальная активность, креативность.

Abstract. Given the essential characteristic of the concept of «social activity». It is emphasized that student as the subject of activity itself is the carrier of the activity, their own source of transformation of the external world, of reality. Discusses the features of development of social activity of students. Experimental data showing the relationship between social activity and creativity of students.

Keywords: development, activity, social activity, creativity.

Изменения, происходящие в системе высшего образования, выдвигают проблему поиска путей развития социальной активности студентов в процессе профессионально-личностного становления. Современному обществу необходима активная созидательная личность, способная креативно решать возникающие проблемы в различных сферах жизнедеятельности человека.

Активность личности характеризует активную жизненную позицию человека, а также его способность производить общественно значимые преобразования в мире на основе присвоения материальной и духовной культуры [3]. Активность является составляющей поведения личности и группы (идеи Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Г.М. Андреевой, А.В. Петровского и др.).

Анализ исследований показал, что социальная активность характеризуется как степень проявления сил, возможностей и способностей человека (А.С. Капто), установка субъекта в деятельности (С.А. Потапова), готовность личности к социальной деятельности (Т.В. Тищенко), сознательная и целенаправленная деятельность личности и ее целостно-социально-психологическое качество (В.З. Коган) и проч.

Социальная активность определяется нами как определенная степень взаимодействия человека с окружающей действительностью. Носи-

телем социальной активности в рамках нашего исследования выступает студент и учебная студенческая группа [1].

Студент как субъект деятельности сам является носителем своей активности, собственным источником преобразования внешнего мира, действительности. Субъектность выражается в намерениях, потребностях, мотивах, установках, отношениях, целях, определяющих направленность и избирательность деятельности, в личностном смысле, т.е. значении деятельности для самого человека.

Социальная активность связана с внутренней мотивацией студента, с его потребностями, возможностями, интересами и реализуется в виде социально-полезных действий под влиянием мотивов и стимулов, в основе которых лежат общественно значимые потребности. Как общественное свойство личности социальная активность студента развивается через систему связей человека с окружающей социальной средой в процессе познания, деятельности и общения.

Значение социальной активности определяется содержанием и направленностью деятельности. Важно, в какой сфере общественной жизни студент ее проявляет. По мнению Р.М. Шамина [4], социальная активность личности понимается как частный случай инициативного воздействия субъекта на окружающую среду. Социальная активность личности предполагает

не только ее участие в общественной жизни, но прежде всего инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также к самой себе как субъекту социального бытия. Автор отмечает, что основной функцией активности выступает преобразование действительности посредством интеграции и привнесения в нее новых элементов. Через призму субъектно-бытийного подхода Р.М. Шамионов связывает социальную активность с разными условиями социального бытия (со-бытия), субъектностью личности, субъективностью отношений, со способностью личности конструктивно «со-бытийствовать» с другими, подчеркивает необходимость изучения социальной активности личности в соотношении с эффектами ее социализации.

В ходе исследования были выделены следующие особенности развития социальной активности студентов: мотивы, побуждающие к взаимодействию с социальным окружением; направленность на социальную деятельность; знания социального действия; самостоятельный социальный опыт активного взаимодействия с миром; творческое отношение к социальной жизнедеятельности.

В исследовании соотношения социальной активности и креативности студентов была показана взаимосвязь изучаемых явлений. При анализе результатов мы обнаружили, что чем ниже уровень социальной активности, тем ниже и уровень сформированности креативности студентов ($r_s = 0,65$), и наоборот. Полученная прямо пропорциональная зависимость ($r_s = 0,70$) говорит о том, что чем выше уровень сформированности креативности, тем выше и уровень развития социальной активности студентов [2].

Очевидно, что для развития социальной активности необходимо целенаправленное вклю-

чение студентов в совместную деятельность. При этом студенту надо научиться управлять своей социальной активностью в продуктивной деятельности. Исследование показало, что в социальном творчестве (социально-преобразующей деятельности) студент в полной мере может реализовать не только собственные возможности, но и проявить свою социальную активность.

Таким образом, развитие социальной активности предполагает перевод студента в активную жизненную позицию, развитие его творческой направленности, самостоятельности и инициативы, что в дальнейшем способствует выработке собственного понимания значимости социального действия, организации и реализации социально-образовательных проектов для позитивного преобразования окружающей социальной действительности.

Литература

1. Еремина Л.И. Влияние групповой креативности на социальное творчество студентов в Поволжском регионе: монография. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2014.
2. Еремина Л.И. Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // Известия Саратовского университета. 2015. Т. 4. Вып. 2 (14). С. 155–159. (Акмеология образования. Психология развития).
3. Психология: словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990.
4. Шамионов Р.М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.

© Еремина Л.И., 2015

РАЗВИТИЕ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТНОСТИ В СТАРШЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ ПОСРЕДСТВОМ ТРЕНИНГА, ОСНОВАННОГО НА «РЕЖИССИРОВАНИИ»

Скутина Т.В., кандидат психологических наук, доцент
Сибирский федеральный университет

Аннотация. Изучалась возможность изменения характеристик субъектности у юношей и девушек старшего юношеского возраста при участии в тренинге проектирования жизненной перспективы, основанном на использовании практик «режиссирования». Экспериментально показана более выраженная динамика показателей осознанности, авторства, целеполагания по сравнению с их динамикой в естественных условиях.

Ключевые слова: характеристики субъектности, юношеский возраст, тренинг проектирования жизненной перспективы, режиссирование.

Abstract. We studied the possibility of changing the characteristics of subjectivity in boys and girls older adolescence when participation in the Training design perspective on life, based on the practices of «directing productions». It is experimentally shown more expressed dynamics of indicators of awareness, attribution, goal setting, compared to their dynamics in vivo.

Keywords: characteristics of subjectivity, adolescence, training design life perspective, the position of Director.

Юность – это начало становления подлинного авторства в определении и реализации своего собственного взгляда на жизнь и индивидуального способа жизни [2]. Субъектная позиция позволяет представить человека не как бесстрастного деятеля-исполнителя, а как пристрастного сценариста своих действий (на высших уровнях развития – даже режиссера), которому присущи и определенные предпочтения, и мировоззренческие позиции, и целеустремленность преобразователя [1].

Для исследования были выбраны те значимые характеристики субъектности (А.В. Брушлинский, Д.А. Леонтьев, А.К. Осницкий, А.В. Петровский, В.И. Слободчиков и др.), которые доступны для эмпирического обнаружения относительно процессов осознания и презентации жизненной перспективы юношами и девушками. Экспериментально проверялось следующее предположение: если юноши и девушки примут участие в тренинге проектирования жизненной перспективы, основанном на практиках «режиссирования», то у них возрастут следующие показатели по методике «Каузометрии»: общая мотивационная насыщенность жизни, количество событий будущего; показатели по шкалам методики СЖО, а также в их проективных рассказах «Моя жизнь: сегодня и завтра» появится более ясная связь сегодняшних действий с целями в будущем по сравнению с юношами и девушками, которые не принимали участия в тренинге.

В качестве респондентов выступили 28 юношей и девушек 19–23 лет, студенты Сибирского федерального университета, 14 человек составили экспериментальную группу (участвовали в тренинге), 14 – контрольную.

Метафора режиссирования использовалась в работе как культурная метафора управляющей субъектной позиции. Как пишет А. Тарковский, главным в творчестве режиссера является его авторская сущность, умение сочинять и практически создавать художественно-целостный спектакль [3].

В тренинге участникам предлагалось встать в позицию режиссера и драматурга собственной жизни и средствами драматизации смоделировать ее проект в обозримой динамике, привлекая

в качестве актеров других участников тренинга, а также используя символические предметы. До этого, на первом этапе тренинга, участникам предлагалось проанализировать, в какой мере они реализовали до настоящего момента свой собственный, а не родительский сценарий жизни.

Сравнение данных предварительного и итогового замеров показало, что в экспериментальной группе по сравнению с контрольной:

- ◆ на статистически значимом уровне увеличились показатели «Каузометрии»: «общая мотивационная насыщенность жизни» и «количество событий будущего», что может говорить об увеличившейся осознанности связи сегодняшних поступков с целями в будущем и о том, что образ себя в будущем стал определенным, жизненная перспектива приобрела большую ясность;
 - ◆ значительно возросли показатели по субшкалам методики СЖО (кроме «локус контроля-Я»). Полученные данные могут говорить о том, что у испытуемых экспериментальной группы появилась большая осмысленность жизни; ее направленность и временная перспектива, цели в будущем стали осознаваться яснее. Жизненные события стали восприниматься как более контролируемые;
 - ◆ при анализе проективных рассказов была зафиксирована положительная динамика количества единиц содержания текстов у испытуемых экспериментальной группы по показателям «образ себя в будущем (своих успехов и достижений)», «описание своих действий по реализации целей» по сравнению с контрольной группой ($p \leq 0,05$), что может говорить о более ясном осознании связи сегодняшних поступков с целями в будущем.
- Данные интервью, проведенного с участниками спустя полтора месяца после тренинга, показали, что они связывают произошедшие изменения в видении жизненной перспективы с участием в тренинге, повлекшим новое осмысление событий прошлого и настоящего, их значимости и взаимосвязей, а также позволившем яснее и полнее увидеть планируемые события и возможность на них повлиять.

Литература

1. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

2. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 2005.

3. Тарковский А. Уроки режиссуры. СПб.: Питер, 2004.

© Скутина Т.В., 2015

РЕФЛЕКСИВНЫЕ АДАПТАЦИИ ХАРАКТЕРА И ДЕКОМПОЗИЦИЯ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ

Щебетенко С.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. Утверждается, что черты личности в рамках пятифакторной теории могут быть подвергнуты декомпозиции в терминах четырех рефлексивных адаптаций характера. Показано, что последние способны элиминировать эффекты черт, а также производить амбивалентные воздействия на внешние критерии, включая академическую успеваемость, поведение в социальных сетях и участие в этапе 2 лонгитюда.

Ключевые слова: черты личности, пятифакторная теория, адаптации характера.

Abstract. Within the five-factor theory framework, personality traits are presumed to be decomposed in terms of the four reflexive characteristic adaptations. The latter were shown to eliminate the effects of traits and to incrementally produce ambivalent effects on various behavioural outcomes such as academic achievement, online social networking behaviour, or sample attrition.

Keywords: personality traits, five-factor theory, characteristic adaptations

В рамках пятифакторной теории [3] мониторинг и обработку индивидом информации о личностных чертах можно назвать рефлексивными адаптациями характера. Ранее нами были выделены четыре их вида [2]: диспозициональная эффективность (субъективная успешность реагирования на ситуации, релевантные данной черте), отраженная черта (метаперцепция данной черты индивида, приписываемая значимым другим), установка на черту (положительная/отрицательная оценка черты индивидом), отраженная установка на черту (мнение индивида о той установке на черту, которая присуща значимым другим). Например, индивид может анализировать экстраверсию в плане его эффективности поведения в «экстравертированных» ситуациях, его отношения к экстраверсии как черте личности, мнению о том, насколько экстравертированным он кажется значимым другим, его мнению о том, нравится ли значимым другим экстраверсия как черта. На выборке в 1030 студентов было показано [2], что каждая из рефлексивных адаптаций вносит значимый и уникальный вклад в варьирование соответствующей черты и в этом смысле осуществляет декомпозицию последней. В регрессионной модели три рефлексивные адаптации вносили положительный, а отраженные

установки на черту – отрицательный вклад в соответствующую черту.

В разных контекстах были обнаружены амбивалентные отношения между эффектами рефлексивных адаптаций. Варьирование результатов ЕГЭ по математике ($n = 773$) зависело от низкой диспозициональной эффективности в добросовестности при одновременно положительной отраженной установке на эту черту. Варьирование ЕГЭ по русскому языку ($n = 985$) зависело от низкой эффективности в добросовестности, но при высокой отраженной добросовестности и положительной отраженной установке на эту черту. Академическая успеваемость в университете ($n = 764$) зависела от эффективности в нейротизме, отраженного нейротизма, но отрицательной отраженной установки на эту черту. Варьирование ЕГЭ по русскому языку зависело от эффективности в нейротизме, отраженного нейротизма, но отрицательной «прямой» установки на эту черту [4]. Рефлексивные адаптации вносили инкрементный вклад в вероятность участия в этапе 2 исследования с двумя волнами сбора данных; при этом изначально значимый вклад черт личности был элиминирован. Респонденты участвовали в этапе 2 при отраженной добросовестности, но отрицательной установке на нее, при поло-

жительной установке на доброжелательность, но низкой отраженной доброжелательности. Аналогичные эффекты были получены в поведении в социальных сетях.

Для объяснения этих результатов могут быть полезны теории двойственных процессов (dual-process theories). В целом они различают два типа обработки информации индивидом: основанный на правилах и основанный на ассоциациях. В частности, Штрак и Дойч [4] предложили рефлексивно-импульсивную модель социального поведения (RIM), релевантную обсуждаемой проблеме. RIM утверждает, что импульсивная система детерминант социального поведения ориентирована на приближение и избегание как базовые мотивационные ориентации (тезис 8 RIM). Теоретически (вплоть до терминологической тавтологии) рефлексивные адаптации характера представляют собой рефлексивную систему детерминант социального поведения. Следовательно, рефлексивные адаптации должны создавать путь от черт личности к поведению, основанный на рефлексии и мониторинге черт, связанных с ними метакогнитивных правилах и логике. Например, добросовестность и доброжелательность метакогнитивно предполагают конструктивное

социальное поведение, в частности участие в ранее начатом исследовании или академические успехи. Но после статистического контроля ковариаций сохраняется необъясненной предположительно «импульсивная» дисперсия рефлексивных адаптаций, которая может противоречить правилам и логике. Она может быть основана на ассоциациях и повторяющемся опыте и характеризует иррациональное поведение.

Литература

1. *Щебетенко С.А.* Отраженные установки на черты личности как предиктор успеваемости студентов // Психология и психотехника. 2015а. 1 (76). С. 70–82.
2. *Щебетенко С.А.* Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. 2015б, 36(6), в печати.
3. *McCra R.R., Cos P.T.* Personality in adulthood: A five-factor theory perspective. 2nd ed. NY: Guilford Press, 2003.
4. *Strack F., Deutsch R.* Reflective and impulsive determinants of social behavior // Personality and Social Psychology Review. 2004. 8(3). P. 220–247.

© Щебетенко С.А., 2015

РОЛЬ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ ПРИ СТАНОВЛЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Гончарова Е.В., бакалавр, ИФЖИМКК, педагогическое отделение

Мозговая Н.Н., кандидат психологических наук, доцент, кафедра психологии образования
Южный федеральный университет

Аннотация. Рассматриваются материалы психолого-педагогических исследований по особенностям взаимодействия детей с ИТ-технологиями. Анализируются особенности взаимосвязи среды развития и воспитания детей и влияния ЭВМ на психическое состояние ребенка. Подчеркивается важность отслеживания деятельности ребенка с техникой и тщательного подбора ресурсов, пригодных для понимания и освоения в конкретном возрасте.

Ключевые слова: личность ребенка, ИТ-технологии, компьютерные детские игры, индивидуальность, влияние.

Abstract. The materials of psychological and pedagogical research on the peculiarities of the interaction of children with the IT-technologies. Correlations of environment development and education of children and the impact of computers on the mental condition of the child. The importance of monitoring the activities of a child with a careful selection of equipment and resources that are suitable for the understanding and development of a particular age.

Keywords: child's personality, IT-technologies, computer games for children, personality, influence.

На современном этапе развития общества, в век высоких технологий, основательно проникших во все сферы жизни человека, вполне нор-

мальным представляется маленький ребенок со смартфоном/планшетом/ноутбуком в руках. Согласно опросу, проведенному О.О. Фереферовой,

86 % детей имеют компьютер, 46 % из них проводят за компьютером более 2 часов в день, 33 % дошкольников – не более 1 часа, 21 % – 2 часа [2].

Будучи с младенчества вовлеченными в мир ЭВМ, современные дети подвергают свою психику серьезному влиянию со стороны интернет-индустрии. В первую очередь это отражается на воображении и восприятии окружающей действительности. Так как многие игры предлагают погружение в иную реальность с полностью созданным визуальным, звуковым, смысловым наполнением, возможность дополнять и фантазировать остается незадействованной и со временем теряет свою значимость для ребенка. Как ни странно, такое влияние оказывают не только непосредственно сами компьютеры, но и компьютерные игры с конкретными функциями, выход за рамки которых не предполагается. Соответственно, такие игры, по мнению А.М. Прихожан, препятствуют исследовательской деятельности ребенка, создавая взамен макеты поведения – все нужно делать по шаблону, не задавая вопросов. Очевидным становится факт, что детям не нужно задумываться над необходимостью построения и доказательства причинно-следственных связей в игре, а потом и в жизни.

Есть, конечно, и положительные стороны влияния IT-технологий на индивидуальность в социуме. К примеру, нельзя не замечать тот факт, что компьютерные игры приучают человека действовать с помощью метода проб и ошибок, искать новые пути [1]. Это в какой-то степени формирует устойчивость психики к поражениям в целом, выходя за пределы сугубо виртуального мира.

В раннем детстве, от двух до пяти лет, при помощи специально подготовленных и адаптированных для данного возраста IT-симуляторов ребенок может развивать мелкую моторику, изучать цвета, буквы и т.д. Индустрия компьютерных программ для детей расширяется с каждым днем. Их популярность обусловлена тем, что родители в какой-то степени пытаются снять с себя ответственность за времяпрепровождение и обучение ребенка. Другой момент, который также приветствуется родителями, – это развитие самостоятельности ребенка, так как планшет с игрой привлекает внимание и дает возможность не замечать родителей довольно долгое время. С одной стороны, это возможность воспитывать самостоятельность, но с другой – это подмена родительского внимания.

Таким образом, появляется высокий уровень усидчивости, самостоятельности, но это может создать в будущем проблемы и для ребенка, и для родителей. Так, далеко не все родители обраща-

ют внимание на возрастные ограничения игр: «4+» или «6+» – разница не так уж и велика, но то, что было непонятно в 4 года, может обрести свое определение в подсознании и оставаться там долгие годы без разъяснения чего-то непонятного или даже страшного в понимании ребенка. Наедине с планшетами/смартфонами/ноутбуками ребенок может попасть на ресурсы, пагубно влияющие на его психику (это могут быть сайты с призывом к агрессии, порнография и проч.). Чтобы скопировать в память вырванное из всемирной сети, ребенку даже не обязательно уметь читать.

Иллюзорность виртуального мира привлекает настолько, что со временем может заменить реальный мир. Контакты с социумом перестают доставлять удовольствие, так как основываются на отличных от IT-технологий понятиях. Ребенку интереснее те игры, где он может почувствовать себя главным, есть возможность управлять предметами или побеждать «зло».

На современном уровне развития IT-технологий ЭВМ может представлять собой одновременно игрушку, музыкальный центр, телевидение, книги, но проблема лишь в том, что выберет ребенок. Неоспоримо, что до определенного развития уровня восприятия все, связанное с познанием мира, должно происходить исключительно под присмотром взрослых (родители, учителя) для регуляции информационного потока в соответствии с подготовленностью психики ребенка.

Влияние ЭВМ, как и интернета, в частности, зависит от семейного состояния и социальной среды, в которой растет ребенок. Практически любое искаженное представление ребенка можно исправить обычной беседой и разъяснением правильной точки зрения. Сайты, посещаемые вместе со взрослыми и доходчиво поясненные, уже не нанесут психологического вреда, как сайты, самостоятельно осмысленные ребенком.

Литература

1. *Прихожан А.М.* Влияние электронной информационной среды на развитие личности детей младшего школьного возраста [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 1 (9). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.10.2015).

2. *Фереферова О.О.* Влияние современных информационных технологий на личность дошкольника и разработка комплекса мероприятий по профилактике зависимости детей дошкольного возраста от информационных технологий [Электронный ресурс] URL: <http://nsportal.ru> (дата обращения: 14.10.2015).

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Фоменко Г.Ю., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанский государственный университет

Аннотация. Показано, как проблема самоопределения личности «произрастает» из множества сквозных философских тем, простое перечисление которых позволяет ощутить ее глубину и сложность, а также наметить направления и ориентиры исследовательского поиска: кто мы такие в данный момент истории; тема личности; тема усилия или интенсивности человеческой жизни; тема пути; тема личностного выбора; формообразование бытия.

Ключевые слова: самоопределение личности, условия неопределенности, «второе рождение», трансценденция, экзистенциальный тонус; модусы бытия личности.

Abstract. The article reveals how the problem of self-identity «grows» from a variety of cross-cutting philosophical topics, a simple listing of which allows one to experience its depth and complexity, as well as to outline the direction and objectives of the research found: who we are at this historical moment; a topic of personality; a topic of effort or intensity of human life; a topic of path of life; a topic of personal choice; forming of being.

Keywords: personal identity; conditions of uncertainty; «rebirth»; transcendence; existential tone; modes of being of personality.

Проблема самоопределения личности может быть рассмотрена как развитие и конкретизация ряда *сквозных философских тем* через их «преломление» к психологическому уровню анализа.

Обращаясь к философии, мы в полной мере отдаем себе отчет в специфике и условности философского языка.

Процессы самоопределения личности необходимы именно потому, что бытийно заданы условия неопределенности. Соответственно, *первая тема:* каждый человек и философия в целом пытаются найти ответ на вопросы: *Откуда я? Куда я? Зачем я? Кто мы такие?* [5] Более точно вопрошал Кант: «Кто мы такие в данный момент истории?» с подчеркиванием обязательного учета укорененности человека в реалиях настоящего конкретно-исторического периода [8, с. 173].

Вторая тема. Феномен личности. В методологии субъектно-бытийного подхода *личность* рассматривается как *субъект бытия* – такая постановка вопроса созвучна *теме героя* в классической философии: герой – тот, кто не участвует в сцеплении натуральных причин и действий... он сам становится в начало причин своих собственных поступков [6; 3].

Проблема личности связана с философской проблемой необходимости ее *второго рождения* в сочетании с *ужасом конкретности* и повседневности (М. Мамардашвили). Второе рождение

– это и «второе плавание», по Платону, акт собирания своей жизни в целое, собирания своего сознания в целое. Человек способен оставаться самим собой только тогда, когда он постоянно преодолевает себя, превосходит (трансцендирует) себя, в том числе наперекор обстоятельствам и влиянию других людей [4].

Третья тема – тема усилия. Кьеркегор вводит тему *усилия*, или *интенсивности человеческой жизни*. Соответственно, метафора Ницше «полый человек». Под полостью человека понималась незаполненность каждого отдельного человеческого существа его собственной внутренней личностной работой [4, с. 390]. Чтобы быть человеком и чтобы развиваться, необходимо то, что можно было бы обозначить понятием «*экзистенциальный тонус*» [2].

Четвертая тема – это тема *пути*. «Я – не продукт, не результат, а путь» [7, с. 38]. Психология становится изучением путей, на которых любое явление определяет свое место в мире [9, с. 15]. Но прежде всего это психологическая топология *пути* М. Мамардашвили [5]. По мнению Мамардашвили, ответы на вопросы: «Что же со мной происходит? Где я? Откуда я? И куда я?» можно узнать, лишь пройдя путь самому на фоне непрерывности процесса творения себя и своей жизни [5].

Столь же категорично и утверждение К. Ясперса: «Характер бытия человека – предпосылка всего» [10, с. 172]. Он же противопоставляет само-

бытие личности экзистенциальному плебейству человека, не желающего внутренней независимости [10, с. 186]. Согласно Л. Бинсвангеру, основная структура человека должна определяться как его возможные модусы бытия и не может быть осуществлена с помощью описания фактического содержания объекта [1, с. 27].

С темой *пути* непосредственно взаимосвязаны выделенные нами на основе конкретизации способов существования С.Л. Рубинштейна два модуса бытия личности в экстремальных условиях – предельный и экстремальный, подчеркнута возможность их флуктуации в зависимости от успешности разрешения разноуровневых противоречий [6].

Пятая тема – личностный выбор.

Шестая тема – формообразование бытия.

Эти философские темы получают свое развитие и конкретизацию в психологии в проблематике самоопределения личности. Последняя дополнительно заостряется специфической культурно-исторической ситуацией, которая актуализировала во всей очевидности требование к каждому человеку, касающееся необходимости непрерывности его «второго рождения», что выводит проблему самоопределения личности как субъекта во главу угла.

Литература

1. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. – «КСП+», М.; «Ювента» (при участии психологического центра «Ленато», СПб), 1999.

2. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 120–140.

3. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

4. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

5. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути URL: <http://www.philosophy.ru/library/mmk/topology.html> (дата обращения: 15.05.2013).

6. Рябикина З.И., Ожигова Л.Н., Фоменко Г.Ю. Развитие идей субъектного подхода в исследованиях психологов Кубанского университета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 60–69.

7. Тульчинский Г.Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 32–51.

8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. 320 с. (Новая наука политики).

9. Хилман Дж. Архетипическая психология. М.: Когито-Центр, 2006.

10. Ясперс К. Власть массы (из книги «Духовная ситуация времени») // Призрак толпы. М., Алгоритм, 2014. С. 11–204.

© Фоменко Г.Ю., 2015

СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ С ИХ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ СТАТУСОМ

Азарёнок Н.В., кандидат психологических наук, доцент

Кузнецова Н.Б.

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматриваются представления современной молодежи с различным социально-экономическим статусом об основных экономических феноменах («деньги», «богатство», «бедность» и «экономическое благополучие»), выступающих в качестве индикатора усвоения индивидуом социально-экономического опыта и результатом экономической социализации.

Ключевые слова: экономическая социализация, экономические представления, социально-демографический статус.

Abstract. We consider the presentation of contemporary young people with different socio-economic status of the main economic phenomena («money», «wealth», «poverty», «economic welfare»), acting

as an indicator of assimilation of individual socio-economic experience and the result of economic socialization.

Keywords: economic socialization, economic performance, social and demographic status.

Определяя понятие «социализация», большинство авторов рассматривают ее как процесс, который длится на протяжении всей жизни индивида и связан с усвоением ценностей, норм, социального опыта, с включением в систему общественных отношений. При этом отмечается наличие неразрывной связи между социализацией и индивидуализацией, а также влияние каждого из процессов на развитие индивида. Экономическая социализация рассматривается как частный случай общей социализации, что и определяет ее содержание – усвоение экономического опыта, знаний, ролей и, как следствие, – формирование экономического сознания, мышления, соответствующего экономического поведения и т.п. Поэтому в качестве результативных характеристик экономической социализации может рассматриваться сформированность элементов экономического сознания, адекватных общественным представлениям [1].

На основе анализа исследований экономического сознания (Е.С. Шибанова, В.А. Хащенко, А.Л. Журавлев, Т.В. Дробышева) в качестве основных экономических феноменов, служащих индикатором усвоения индивидом социально-экономического опыта, выбраны «деньги», «богатство», «бедность» и «экономическое благополучие».

Для того чтобы установить характер связи между социально-демографическим статусом молодежи и их представлениями об этих экономических феноменах, был использован коэффициент корреляции Пирсона. Наибольшее количество значимых связей установлено по следующим показателям социально-демографического статуса: «возраст», «уровень образования» и «место проживания».

Социально-демографический показатель «возраст» обратно слабо связан с восприятием бедности как результата бездействия ($r = -0,27$ при $p \leq 0,05$), т.е. молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет менее склонны связывать бедность с ленью, нежеланием работать по сравнению с молодежью 24–30 лет. Такая же тенденция наблюдается при описании экономического благополучия в контексте материального благополучия ($r = -0,27$ при $p \leq 0,05$) и предоставляемых возможностей ($r = -0,40$ при $p \leq 0,01$). У более молодых чаще наблюдается склонность рассматривать экономическое благополучие через понятия, связанные с материальным благополучием и возможностями. Прямая слабая связь

выявилась между представлениями об экономическом благополучии в виде статуса и власти ($r = 0,34$ при $p \leq 0,01$) и труда ($r = 0,33$ при $p \leq 0,05$). Следовательно, чем взрослее молодой человек, тем выше для него значимость труда для достижения экономического благополучия. Такая молодежь в большей степени признает возможность показать свое экономическое благополучие через успех, славу, власть.

Показатель «уровень образования» слабо связан с осознанием денег как средства существования ($r = 0,39$ при $p \leq 0,01$), и в качестве символов ($r = -0,32$ при $p \leq 0,05$). Чем выше уровень образования, тем больше проявляется тенденция воспринимать деньги как необходимое средство выживания и существования и меньше как некое символическое выражение (доллар, монета, банкнота и др.).

В зависимости от уровня образования молодежь по-разному относится к бедности и экономическому благополучию. Чем выше уровень образования, тем больше проявляется склонность рассматривать бедность как ограничения в жизни: нет возможности помогать другим, запрет, отсутствие выбора, нехватка возможностей и т.п. ($r = 0,29$ при $p \leq 0,05$). Чем выше образование молодежи, тем больше молодые склонны рассматривать экономическое благополучие как жадность, скупость, зависть со стороны других ($r = 0,37$ при $p \leq 0,01$) и одновременно как возможности, которые откроются при достижении экономического благополучия ($r = 0,28$ при $p \leq 0,05$).

Достаточно много связей в представлениях современной молодежи об экономических феноменах обусловлено показателем «место проживания». Например, в экономическом сознании городской молодежи больше внимания отводится эмоциональной составляющей денег, а сельская молодежь в большей степени воспринимает деньги с материальной стороны: наличие имущества, недвижимости, ценных вещей и др. Кроме того, с данным показателем связаны и значимость труда в отношении богатства ($r = 0,33$ при $p \leq 0,01$) и признание большой роли фортуны ($r = 0,28$ при $p \leq 0,05$) как причины бедности. Такое представление более свойственно сельской молодежи.

Литература

1. Дробышева Т.В. Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 312 с.

© Н.В. Азарёнок, Н.Б. Кузнецова, 2015

СИМВОЛИЗАЦИЯ ОПЫТА В УСЛОВИЯХ БЕЗОЦЕНОЧНОГО ПРИНЯТИЯ: ДВИЖЕНИЕ К ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Трунова М.С., аспирант кафедры психологии личности департамента психологии факультета социальных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного с опорой на ранее предложенную схему процедуры биологической обратной связи. Две инструкции, задающие различные установки на отношение к внутреннему опыту, использованы для моделирования двух противоположных направлений: «ценения» и «оценки». Показано, что при ценении внутреннего опыта процедура биологической обратной связи обладает психотерапевтическим эффектом.

Ключевые слова: биологическая обратная связь, человеко-центрированный подход, символизация опыта, ценение, самоисследование, субъективное.

Abstract. The article is devoted to the results of the empirical study based on the previously suggested scheme of biofeedback procedure. Two different instructions were used to simulate two opposite directions: valuing and evaluation. It was demonstrated that in case of valuing of inner experience biofeedback procedure has some psychotherapeutic outcomes.

Keywords: biofeedback, person-centered approach, symbolization, valuing, self-research, subjective.

Изучены психотерапевтические эффекты самоисследования внутреннего опыта при усилении его физиологической составляющей методом биологической обратной связи. Биологическая обратная связь (БОС, биоуправление) – метод, позволяющий научиться произвольному управлению физиологическими процессами путем представления их в форме сигналов, доступных восприятию и пониманию обучающегося. В соответствии с ранее предложенной схемой [4] проведено эмпирическое исследование. В нем приняли участие 30 человек, случайно образом распределенные на 2 экспериментальные группы.

С каждым участником проведен курс из 8 сеансов биоуправления. Процедура организована в форме компьютерной игры – гонок, в которых скорость движения игрока обратно пропорциональна пульсу [2]. Для моделирования гипотетических направлений использованы два типа инструкций. В соответствии с инструкцией испытуемых «тренинговой» группы (направление «оценки») просили добиться произвольного снижения пульса, тогда как испытуемые «терапевтической» группы («ценение») поощрялись к безусловному принятию своего состояния вне зависимости от текущих физиологических показателей. БОС в сочетании с установкой на отношение к опыту выступала в качестве независимой переменной. Согласно гипотезе исследования, установка на отношение к опыту влияет на качество его вербализации, что является частью более общих психотерапевтических изменений. В качестве зависимых перемен-

ных анализировались такие показатели, как физиологическая динамика тренинга с самоотчетом после каждого сеанса и характеристики вербализации опыта в «экспериментальных» сеансах.

Для оценки физиологических данных использовался коэффициент эффективности, рассчитанный по приросту длительности кардиоинтервалов.

Вербализация опыта оценивалась на материале, полученном во втором и седьмом сеансах, в ходе которых от испытуемых требовалось вслух проговаривать актуальное состояние при наличии и отсутствии обратной связи. 120 текстов составили материал экспертной оценки четырех психотерапевтов, проанализировавших тексты на предмет соответствия критериям, организованным в три блока: паттерны представления опыта [1], направленности внимания и обращения с опытом.

Попытки произвольного снижения пульса в тренинговой группе не привели к значимым изменениям к концу обучения. В терапевтической группе следствием «ценения» опыта, связанного с осознанием и принятием собственных переживаний, является тенденция к увеличению длительности кардиоинтервалов в последнем сеансе ($t = -2,09; p < 0,1$), что согласуется с представлениями о релаксации клиента в ходе успешной психотерапии [3]. Отметим, что различие групп до воздействия задано экспериментальной инструкцией. В речи участников «терапевтической» группы наблюдается тенденция к снижению паттернов, объективирующих опыт

($Z = -1,93$; $p < 0,1$), доля паттернов, отражающих «тенденцию к субъективному» ($Z = -2,04$; $p < 0,05$) и «субъективное» ($Z = -1,99$; $p < 0,05$), значимо возрастает. К концу курса при наличии обратной связи участники «терапевтической» группы стали уделять существенно большее внимание содержанию внутреннего мира ($Z = -2,36$; $p < 0,05$) и в значительно меньшей степени проявлять стремление контролировать свое состояние ($Z = -3,24$; $p < 0,01$), что согласуется с ожидаемым ростом самопринятия и доверия организму. Таким образом, самоисследование опыта в условиях безоценочного позитивного принятия (ценения) обладает психотерапевтическим эффектом.

Результаты исследования позволяют говорить о «психотерапевтической» составляющей БОС, что дает основание для использования данного

метода для изучения психотерапевтических изменений и комплексного исследования индивидуальности.

Литература

1. *Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001.
2. *Джафарова О.А.* Компьютерной игровое биоуправление // Биоуправление-21: теория и практика. Новосибирск. 2010. С. 81–98.
3. *Роджерс К.* Становление личности: Взгляд на психотерапию. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
4. *Трунова М.С., Орлов А.Б.* Метод биологической обратной связи: психотерапевтическая перспектива // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 33–43.

© Трунова М.С., 2015

СРЕДОВЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Глебов В.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры экологии человека
Сидельников А.Ю., Кузьмина А.В., соискатели кафедры экологии человека
Российский университет дружбы народов

Аннотация. Рассматривается комплекс средовых факторов, оказывающих значимое влияние на формирование индивидуальности человека. Рассмотрены факторы социальной и природной среды.
Ключевые слова: средовые факторы, индивидуальность, процессы формирования, социализация, социальные институты.

Abstract. This article is devoted to the complex environmental factors having a significant influence on the formation and human individuality. There are factors of social and natural environment.

Keywords: environmental factors, human individuality, process of formation, socialization, social institutions.

Под индивидуальностью понимают неповторимость, уникальность свойств человека [5]. Индивидуальность – это целостное психическое образование человека, которое возникает как результат рефлексирования и осознания своих личностных свойств, отраженных в структурных характеристиках личности [1]. Благодаря такому сочетанию возникает человек с уникальными, неповторимыми «свойствами», являющимися единственными в своем роде, которые отличают его от других людей [2].

Индивидуализация – это процесс формирования индивидуальности, понимаемой как целостность биосистемы. Процесс индивидуализации – это выделение человека как относительно самостоятельного субъекта в ходе исторического развития общественных отношений. Это одновре-

менно и процесс, и результат влияния комплекса факторов окружающей среды (биологической и социальной) [4].

Действие социальной среды на человека выражается в том, что огромное влияние на его индивидуальность оказывают социальные требования, ожидания, нормы, ценностные установки. В ходе социальных взаимоотношений индивидуальность человека проявляется в личностных и деловых качествах, необходимых для эффективного выполнения социальной роли.

Индивидуализация – это также процесс разделения общих для данной социальной группы, класса, социального слоя жизненных условий и замены их на все более специфические, которые возникают с переходом в другие социальные группы. По мнению К.А. Абульхановой (2009),

индивидуализация – это комплексный результат совмещения индивидуально-личностных требований, социальный набор ценностно-нормативных предписаний, проявление личностных и деловых качеств, необходимых для выполнения общественной роли и реализации социальных функций [1].

Огромное влияние на личность оказывает и организованное воспитание, которое позволяет человеку через самосознание и самовоспитание самому развивать (совершенствовать) личностные характеристики и содержание своей психики – формировать себя как личность. Именно осознанные деятельностные процессы – самосознание, самоопределение, самовыражение, самоутверждение, самореализация, саморегуляция – так называемые самости приводят сначала к зарождению индивидуальности, а затем к ее дальнейшему усложнению и развитию личности [6].

Несомненно, на индивидуальность накладывает свой отпечаток и национальность, вероисповедание, степень политической стабильности в стране, социально-экономическое развитие государства, региона, уровень и эффективность социальной защиты, уровень жизни и благосостояния населения, развитость социально-экономической, образовательной инфраструктуры, системы здравоохранения, культуры, наличие развитых социальных институтов и эффективность их функционирования [7].

Безусловно, на индивидуальность и формирование личности человека оказывает влияние и наследственность, которая может отражаться на особенностях физиологии высшей нервной деятельности, анатомических и физиологических особенностях.

Средовые факторы природно-географического направления также играют огромную роль в раз-

витии индивидуальности человека. К ним можно отнести географическое расположение места проживания (страна – регион), вид места проживания (город – село), природные, геофизические и климатические условия среды обитания, экологическое состояние среды обитания.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Проблема индивидуальности в психологии. Психология индивидуальности: новые модели и концепции: монография / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. С. 14–631.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
3. *Болотова А.К., Молчанова О.Н.* Психология развития и возрастная психология. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012.
4. *Глебов В.В., Аникина Е.В.* Влияние комплексных факторов на адаптацию популяции человека в условиях мегаполиса (на примере города Москвы) // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2010. № 3. С. 134–136.
5. *Мещеряков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь, 3-е изд. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
6. *Платонов К.К.* Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
7. *Пронина А.Н.* Методологическое обоснование целостности процесса социализации-индивидуализации личности // Психология образования в поликультурном пространстве. 2011. Т. 1. № 13. С. 26–34.
8. *Arakelov G.G., Glebov V.V.* Psychology future in development of neurosciences // Psychology in Russia: State of the Art. 2010. Vol. 3. P. 181–194.

© Глебов В.В., 2015

ТЕСТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ МОТИВАЦИЙ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Уколова Е.М., старший преподаватель кафедры психологии личности департамента психологии
Шумский В.Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности департамента психологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Разработан и валидизирован опросник «Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях» (ТЭММО), основанный на методологическом базисе концепции четырех фундаментальных экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле. Опросник предназначен для количественной оценки субъективного переживания одним из партнеров степени реализованности

экзистенциальных мотиваций в конкретных близких отношениях двух людей: любовных, дружеских и других видах партнерских отношений.

Ключевые слова: экзистенциальные мотивации, межличностные отношения, доверие, ценность жизни, аутентичность, смысл.

Abstract. Developed and passes the validation process the questionnaire «Test of existential motivations in interpersonal relationships» based on La~ngle's theory of the four fundamental existential motivations. The questionnaire is designed to quantify the subjective experience of fulfillment of existential motivations in a particular close relationship between two people: love, friendship and other types of partnerships.

Keywords: existential motivations, interpersonal relationships, trust, value of life, authenticity, meaning.

Авторы поставили задачу разработать оригинальную исследовательскую методику, направленную на измерение и оценку степени осуществления фундаментальных экзистенциальных мотиваций в близких межличностных отношениях. Тем самым была предпринята принципиальная попытка перехода от интегральных показателей экзистенциальной исполненности личности к оценке переживания экзистенциальной исполненности в конкретной жизненной сфере – близких межличностных отношениях.

Теоретическим базисом опросника выступила структура фундаментальных экзистенциальных мотиваций (ФМ) (Лэнгле, 2013). Опросник состоит из четырех основных шкал, соответствующих четырем фундаментальным экзистенциальным мотивациям, каждая из основных шкал содержит три субшкалы, соответствующие предпосылкам осуществления данной фундаментальной экзистенциальной мотивации (табл. 1).

Исходно для опросника было сформулировано 80 пунктов, содержание которых основывалось на вытекающих из теории представлениях о том, как четыре фундаментальные экзистенциальные мотивации реализуются в контексте близких межличностных отношений. Структура опросника проверялась на русскоязычной выборке ($n = 634$). При использовании эксплораторного факторного анализа и иерархического кластерного анализа, в соответствии с теоретическим представлением о предпосылках фундаментальных экзистенциальных мотиваций из исходного набора в 80 пунктов, было отобрано 36 пунктов, которые образовали 12 субшкал, по 3 пункта на каждую субшкалу. Конфирматорный факторный анализ подтвердил иерархическую структуру опросника, состоящую из 12 факторов первого порядка и 4 факторов второго порядка ($RMSEA < 0,06$; $CFI > 0,90$). Каждая из 12 субшкал и 4 шкал показали высокую надежность (α Кронбаха $> 0,80$).

Все шкалы опросника показали статистически значимые корреляции с двумя опросниками,

предназначенными для измерения общего уровня экзистенциальной исполненности в жизни личности – «Шкала экзистенции» (ШЭ) (Кривцова, Лэнгле, Орлер, 2011) и «Тест экзистенциальных мотиваций» (ТЭМ) (Корякина, 2011). Используя множественный регрессионный и путевой анализ мы обнаружили, что все четыре шкалы опросника ТЭМ значимо предсказываются шкалами 3-й и 4-й ФМ опросника ТЭММО. Это может говорить о том, что фрустрация третьей фундаментальной экзистенциальной мотивации (проживание аутентичности) в близких межличностных отношениях наиболее негативно сказывается на исполненности всех четырех фундаментальных мотиваций в жизни человека в целом.

Данные гендерных различий показали, что женщины более позитивно воспринимают близкие отношения. Единственная шкала (и соответствующие субшкалы), по которой не было значимых различий – это шкала переживания третьей фундаментальной экзистенциальной мотивации в отношениях. Можно предположить, что женщинам труднее оставаться аутентичными в близких межличностных отношениях, чем мужчинам.

Авторы также исследовали различия в переживании экзистенциальной исполненности в отношениях в зависимости от пола и типа отношений («свободные» отношения, гражданский брак, официально зарегистрированный брак). Полученные на нашей выборке данные показали, что степень включенности в отношения (возрастающая от «свободных» отношений к официальному браку) является более сильным предиктором экзистенциальной исполненности в отношениях, чем пол.

Авторы предлагают использовать «Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях» как новый русскоязычный опросник, предназначенный для научного исследования феноменов, возникающих в близких межличностных отношениях, а также в психологическом консультировании по проблемам партнерских отношений.

Таблица 1

**Четыре фундаментальные экзистенциальные мотивации в близких межличностных отношениях
и предпосылки их осуществления**

ФМ	Содержание мотивации	Предпосылки осуществления мотивации		
		Пространство	Защищенность	Опора
1-я ФМ	Доверие в отношениях	Пространство	Защищенность	Опора
2-я ФМ	Переживание ценности жизни в отношениях	Соотнесенность	Время	Близость
3-я ФМ	Аутентичность в отношениях	Заинтересованное внимание	Справедливое отношение	Признание ценности
4-я ФМ	Смысл отношений	Возможность совместной деятельности	Включенность в общий контекст	Совместное будущее

Литература

1. *Корякина Ю.М.* Опросник экзистенциальных мотиваций «ТЭМ» А. Лэнгле, П. Экхардт // Экзистенциальный анализ. 2011. № 3. С. 169–179.

2. *Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К.* Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. 2009. № 1. С. 141–170.

3. *Лэнгле А.* Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис, 2013.

4. *Ukolova E.M., Shumskiy V.B., Osin E.N.* TEMIR – A test to measure existential motivations in interpersonal relationships: Factorial structure, reliability, and validity // Existenzanalyse, 2014. Vol. 31. No. 2. P. 5–13.

© Уколова Е.М., Шумский В.Б., 2015

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ У ПОДРОСТКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Глод Н.В., преподаватель кафедры социальной и семейной психологии
Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматривается представление о будущем у подростков из полных и неполных семей. В представлениях о будущем можно увидеть потенциал личности, на основе изучения жизненных планов подростков возможно прогнозирование развития общества. Сформированность представлений о будущем может выступать критерием личностной и социальной зрелости.

Ключевые слова: представление о будущем, подростки, жизненные планы, полная семья, неполная семья.

Abstract. Under consideration is the view of the future of teenagers from traditional and one-parent families. The potential of the individual is seen in the vision of the future, on the base of studying teenagers' way of living the prediction of social progress is possible. Formed future's vision may stand as a criterion of individual and social maturity.

Keywords: vision of the future; teenagers; way of living; traditional family; one-parent family.

В представлениях о будущем выделяют два уровня: *ценностное*, или *идеальное, абстрактное будущее*, не привязанное к хронологии, и *конкретное планирование будущего*, расположенное на временной оси. Кроме того, существует еще один аспект изучения картины будущего – это эмоциональное отношение человека к своему будущему в целом. В качестве эмоционального компонента (измерения) личностной перспективы Т.С. Шляхтин рассматривает *значимость будущего для личности* [7, с. 14]. Однако, как отмечает С.А. Баш-

кова, обычно отношение к личностному будущему представляют через *оптимистическую либо пессимистическую установку на будущее* [2, с. 14].

Формирование образа будущего подростков имеет свою специфику [2]. В подростковом возрасте создаются системы ценностей, ориентирующих их в пространстве и времени жизни: разного рода перспективы, личностная рефлексия и другие формы ориентации [1, с. 8–45]. Важный момент в развитии подростка – формирование самоосознания, потребность осознать

себя как личность [5]. Подросток начинает по-новому оценивать свои отношения с семьей [6]. Особая значимость семейной микросреды объясняется в большой степени тем, что самостоятельность ребенка относительно, благополучие и сама жизнь его зависят от заботы и помощи воспитывающих его взрослых [4, с. 281]. Общение в семье позволяет подростку вырабатывать собственные взгляды, нормы, установки и идеи. Развитие зависит от того, насколько хорошие условия для общения предоставлены ему в семье; развитие также зависит от четкости и ясности общения в семье [8].

Нами было проведено исследование с целью изучения особенностей представлений подростков о своем будущем в полной и неполной семье. В исследовании приняли участие 80 подростков обоего пола. Исследование проводилось на базе СОШ № 217 г. Минска. Для выявления представления о будущем был использован метод контент-анализа свободных сочинений [3].

В ходе исследования подростки писали сочинение на тему «Мое будущее». При анализе сочинений оценивались следующие категории: «мотивация на достижения» и «мотивация на избегание», а также рассматривались такие аспекты, как «оптимистическое представление о будущем», т.е. ясное видение и представление своего будущего «у меня все получится» и «пессимистическое представление о будущем», т.е. будущее неопределенное, туманное «у меня ничего не получится».

Подростки-мальчики из полных семей чаще видят себя профессионально растущими, у них хорошо развита ориентация на карьерный рост и самосовершенствование. Девочки-подростки из полных семей ориентируются на создание и выполнение основной роли – матери и жены. В сочинениях прослеживается мотивация создания и поддержания близких, доверительных отношений внутри семейно-родственного круга при наличии хорошей материальной обеспеченности.

Подростки-мальчики из неполных семей инфантильны. Нет четкого представления о будущем. Будущее пессимистично. Девочки из неполных семей больше мотивированны на заработок и получение профессии. Девочки из неполных семей чаще выбирают для себя в будущем мужские роли. Роль матери и жены отходит на второй план.

На основании проведенного исследования можно заключить, что образ будущего подростков из полных и неполных семей отличается. Подростки из полных семей чаще ориентируются на «мотивацию достижения», их представление о будущем более оптимистично. Подростки из неполных семей ориентированы на «мотивацию избегания».

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Нравственный аспект мотивации учебной деятельности подростков // Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 38–45.
2. *Башкова С.А.* Особенности образа будущего у старшеклассников больших и малых городов: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. 152 с.
3. *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998.
4. *Детская психология: учеб. пособие / Я.Л. Коломинский, Е.А. Панько, А.Н. Белоус и др.; под ред. Я.Л. Коломинского, Е.А. Панько.* Минск: Университетское, 1988. 399 с.
5. *Кондратенко В.Г., Чернявская А.Г.* По лабиринтам души подростка. Минск: Высшая школа, 1991. 72 с.
6. *Овчарова Р.В.* Справочная книга школьного психолога. М.: Просвещение, Учебная литература, 1996. 352 с.
7. *Шляхтин Г.С.* Возрастные особенности временной перспективы личности // Психология личности и время: тезисы докладов. 1991. Т. 2. С. 13–16.
8. *Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений: курс лекций. М.: Апрель-Пресс, Эксмо-Пресс. 512 с.

Раздел III

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чеврениди А.А.</i> Влияние родительского развода на поведенческие паттерны старших подростков	87
<i>Войтко О.К.</i> Влияние свойств темперамента на формирование профессиональной речевой деятельности студентов психологов	88
<i>Сыроквашина К.В.</i> Внутриличностный конфликт и суицидальное поведение в подростковом возрасте	90
<i>Волкова С.А.</i> Возможности применения техники «Дерево» при индивидуальном психологическом консультировании	91
<i>Карпова Е.А.</i> Жизнестойкость как возможность преодоления трудностей самореализации	93
<i>Доценко Е.Л., Шумкова Ю.С.</i> Иждивенчество как социальная проблема	94
<i>Пергаменщик Л.А.</i> Индивидуальный код выживания	96
<i>Червякова Т.Г., Коноплева И.Н.</i> Исследования моббинга в нашей стране и за рубежом	97
<i>Запесоцкая И.В., Никишина В.Б.</i> Нарушение временной перцепции при состоянии зависимости	99
<i>Котова С.А.</i> Особенности копинг стратегий студенческой молодежи	100
<i>Пузыревич Н.Л.</i> Паркур как способ проявления индивидуальности современных подростков	102
<i>Одинцова М.А.</i> Потеря статуса безработными как психологическая травма	103
<i>Мельникова Д.В.</i> Применение ориентированной на решение краткосрочной терапии при работе со стрессовыми ситуациями и состояниями в уголовно исполнительной системе	105
<i>Тимченко В.А.</i> Проблема восстановительного периода специалистов, работающих в условиях повышенного риска	106
<i>Колесников Е.П.</i> Проблема психологического преодоления в зарубежной и отечественной традиции	107
<i>Хох И.Р.</i> Прогнозирование проявления адаптационного потенциала личности в условиях профессионального риска	109
<i>Иванов М.Б.</i> Проживание индивидуальности в ситуации информационной усталости	111
<i>Богомягова О.Н.</i> Психологическая травма, стресс, кризис в субъективном проживании индивидуального опыта	112
<i>Романова Н.М.</i> Разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность	114
<i>Туровцев Н.В., Семенов И.Н.</i> Рефлексия как ресурс совладания с конфликтностью и развития индивидуальности	115
<i>Фокин В.А.</i> Самоопределение как кристаллизация индивидуальности в конфликте	117
<i>Куксо П.А., Куксо О.Г.</i> Соотношение внутриличностного конфликта, темпераментальных и личностных показателей у студентов	119
<i>Козырева Н.В.</i> Стигматизация в группе дошкольного учреждения образования: описание ситуаций и рекомендации по преодолению проблемы	120
<i>Карнелович М.М.</i> Стратегии совладающего поведения матерей в ситуации болезни ребенка	122
<i>Малютина Ю.А.</i> Стресс и личность, склонная к депрессивным состояниям	123
<i>Селин А.В., Савостиков В.А.</i> Телесный опыт беременных женщин с угрозой выкидыша	125
<i>Мусийчук М.В., Мусийчук С.В.</i> Черный юмор как копинг стратегия кризисных состояний	126

ВЛИЯНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО РАЗВОДА НА ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Чеврениди А.А., аспирант кафедры общей и экспериментальной психологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Изучено влияние родительского развода на формирование поведенческих паттернов у старших подростков, а также проблемы развития, возникшие в результате переживания развода. Исследование посвящено рассмотрению некоторых поведенческих и эмоциональных особенностей старших подростков, переживающих развод родителей.

Ключевые слова: влияние развода, переживание развода, развитие, паттерны поведения.

Abstract. The article studies the problems of development of senior teenagers from the divorced families. The experimental investigation considers some behavioral and emotional features of senior teenagers.

Keywords: outcomes of parental divorce, the effects of divorce, experiencing divorce, development, and patterns of behavior.

Разводы в современном обществе стали массовым явлением. Многие психологи, работающие в сфере брака и семьи, такие как В.В. Бойко, И.Ф. Дементьева, И.Е. Калабихина и Г.Л. Сафарова, отмечают, что институт семьи переживает подлинный кризис, который характеризуется дисгармонизацией, дестабилизацией и распадом семьи, что способствует появлению различного рода нарушений в развитии и поведении старших подростков.

Как отмечают Л.И. Вассерман, И.А. Горьковская, Е.Е. Ромицына, более 60 % подростков с нервно-психическими расстройствами воспитываются в неполной семье. Исследования А.И. Захарова, Г. Фигдор, Д.Н. Исаева, В.М. Целуйко, П.Р. Амато и других свидетельствуют о травмирующем влиянии ситуации развода на личность ребенка.

Большому риску появления отклонений в развитии и поведении подвергаются подростки, живущие в условиях распавшейся семьи, так как зачастую процесс родительского развода сопровождается такими травмирующими факторами, как конфликты и спровоцированные

ими переживания, изменением условий воспитания ребенка, изменением внутрисемейных связей и т.д.

В период 2014–2015 гг. нами было проведено комплексное исследование влияния родительского развода на возникновение определенных паттернов в поведении старших подростков с целью выявления зависимости и связи между разводом родителей и психическим развитием детей, их эмоциональным состоянием и поведением.

Исследование проводилось посредством комплекса диагностических методик: опросник М. Ковач «Описание детской депрессии» для выявления состояния депрессии у старших подростков, переживающих развод родителей; опросник «Социально-психологической адаптивности» для выявления уровня адаптированности или, наоборот, дезадаптированности в системе межличностных отношений подростка; проективный тест Люшера для подтверждения состояния депрессии у старших подростков, переживающих развод родителей; опросник «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева; методика САН для

диагностики оперативной оценки самочувствия, активности и настроения; шкала Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина, направленная на выявление субъективной оценки уровня тревожности в данный момент. В исследовании приняли участие 62 старших подростка в возрасте 13–15 лет, переживающих развод родителей. Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ № 338 и № 775.

Психическое неблагополучие старших подростков, затрагивающее эмоциональную сферу после пережитого развода, имеет далеко идущие последствия. Мы начали изучение эмоционального неблагополучия подростков, которое ведет к формированию различных форм поведенческих паттернов, с изучения уровня их депрессивного состояния с помощью специально разработанного для этой цели опросника «Описание детской депрессии». В результате неблагополучие эмоциональной сферы, маскированная депрессия и само наличие депрессии из 62 опрошенных старших подростков, переживающих развод родителей, было выявлено у 80 % испытуемых. Это требует внимательного отношения со стороны специалистов и родителей. В результате исследования мы рискнули предположить, что те подростки, которые показали высокий балл по опроснику, направленному на выявление депрессии, проявят тенденцию к дезадаптации. Для этого мы использовали опросник «Социально-пси-

хологическая адаптированность», в результате чего данная зависимость была выявлена. Чтобы подтвердить проявившуюся зависимость между уровнем депрессии и уровнем адаптивности была проведена ранговая корреляция с использованием коэффициента по Спирмену. Для проведения более качественной диагностики был использован проективный тест Люшера, результаты которого только подтвердили полученные ранее данные. Далее мы продиагностировали этих же подростков на агрессивность с помощью опросника «Агрессивное поведение». Методика, позволяющая выявить определенный тип агрессивного поведения респондента, показала наличие агрессивности у всех испытуемых. Причем на первое место среди четырех основных типов агрессивного поведения выступает склонность к прямой вербальной агрессии. Эта статистика подтверждает предположение о том, что сильные переживания старшими подростками развода родителей могут привести к депрессии, дезадаптации, неблагополучному эмоциональному состоянию, к нарушениям и отклонениям в поведении, таким как повышенная агрессивность, заниженная самооценка, плохое самочувствие, низкая активность, плохое настроение, а также к наличию высокого уровня реактивной тревожности, что подтвердилось в методиках САН и шкале Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина.

© Чевренди А.А., 2015

ВЛИЯНИЕ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Войтко О.К., преподаватель кафедры общей и организационной психологии факультета психологии Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматривается структура профессиональной речевой деятельности студентов-психологов. Представлено исследование свойств темперамента и компонентов профессиональной речевой деятельности, проанализированы взаимосвязи. Определяется роль темперамента в эффективности формирования профессиональной речи будущих психологов в процессе образования.

Ключевые слова: профессиональная речевая деятельность, свойства темперамента, культура речи, специальный язык, формирование.

Abstract. The structure of professional speech activity students–psychologists. Presented by the study of the properties temperament and professional components of speech activity, we analyzed the relationship. The role of temperament in the efficiency formation of professional speech of the future psychologists in the educational process.

Keywords: professional speech activity, properties of temperament, culture of speech, special language, formation.

Профессиональная речевая деятельность психолога представляет собой систему знаний в области психологической науки и практики, необходимую для порождения речевого высказывания, готовность их применения в ситуации профессионального общения, реализуемой в научном, разговорном, официально-деловом и публицистическом стилях изложения. Отличительной особенностью профессиональной речевой деятельности является использование профессионализмов, требующих владения понятийно-категориальным аппаратом соответствующей сферы деятельности и системой терминов [1; 3].

Структурно профессиональная речевая деятельность может быть представлена следующими компонентами: специальный язык и культура речи. Культура речи понимается как система ее коммуникативных качеств [2].

В результате анализа психолого-педагогической литературы были выделены коммуникативные качества, сформированность которых, на наш взгляд, является необходимым условием успешного речевого общения психолога с клиентом. Первую категорию – «содержательность» речи – составили: информативность, точность, логичность, аргументированность, словесная иллюстрация, грамотность. Вторую категорию – «выразительность» речи – составили: темп, интонационная выразительность, лексическое разнообразие, громкость, готовность к речи. Третью категорию – «ясность» речи – составили: внятность, фонация. Четвертую категорию – «воздейственность» речи – составили: чистота, уверенность. Пятая категория – «этичность» – представлена подкатегориями вежливость и корректность.

В исследовании, целью которого было определить взаимосвязь свойств темперамента и коммуникативных качеств речи студентов-психологов приняли участие студенты 3-го курса факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета ($n = 145$). Исследование особенностей темперамента проводилось с помощью методики Я. Стреляу, профессиональной речевой деятельности – полустандартизированного интервью. Испытуемые отвечали на два вопроса: Что такое способности и как они проявляются? Что бы вы отнесли к общим, а что к специальным способностям? Обработка стенограмм интервью была проведена с помощью контент-анализа как качественно-количественного метода анализа текстов.

В результате корреляционного анализа были выявлены корреляционные связи уровня процессов возбуждения и лексического разнообразия речи ($r = 0,25$ при $p < 0,05$), громкости речи ($r = 0,25$ при $p < 0,05$), темпа ($r = 0,27$ при $p < 0,05$), выразительности речи ($r = 0,27$ при $p < 0,05$), готовности к речевому общению ($r = 0,16$ при $p < 0,05$), логичности ($r = 0,13$ при $p < 0,05$). Речь испытуемых, имеющих высокую силу процессов возбуждения, отличается более высокими показателями ее динамической стороны. Они склонны быстро реагировать на реплику адресанта, речь достаточно эмоциональна, ей свойственен быстрый темп, хорошо воспринимаема на слух, что, несомненно, привлекает внимание. Выявлены корреляционные связи уровня процессов торможения и темпа ($r = 0,24$ при $p < 0,05$), выразительности речи ($r = 0,22$, при $p < 0,05$), логичности ($r = 0,15$ при $p < 0,05$), готовности к речевому общению ($r = 0,12$ при $p < 0,05$). Полученные результаты показывают, что испытуемые, имеющие сильные нервные процессы со стороны торможения быстро реагируют ответными действиями на простые сенсорные сигналы, отличаются высоким самоконтролем, что проявляется в собранности и обдуманности сказанного ими.

Результаты проведенного исследования показали, что свойства нервной системы влияют не только на характер человека, но и на мыслительно-речевую деятельность, особенно ее динамическую сторону. Формирование профессиональной речевой деятельности студентов-психологов представляет собой сложный, многоплановый процесс взаимодействия преподавателя и студентов в учебно-профессиональных ситуациях. Основу этого процесса составляют методы и способы его организации с учетом индивидуально-личностных особенностей студентов, овладение техниками регуляции и контроля своей речевой деятельности сообразно ситуациям профессионального взаимодействия.

Литература

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс: признаки, функции. Волгоград: Перемена, 2009. 265 с.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2002. 536 с.
3. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М.: Норма, 2001. 560 с.

ВНУТРИЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ И СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Сыроквашина К.В., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста
ФМИЦПН им. В.П.Сербского Минздрава России, доцент кафедры юридической психологии и права
Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема суицидального поведения в подростковом возрасте. Приводятся основные факторы, влияющие на суицидальное поведение подростков. Анализируются мотивы совершения суицидов. Подробно рассматривается один из вариантов суицида в подростковом возрасте, ключевым моментом которого является переживание внутриличностного конфликта в связи со сложностью определения идентичности.

Ключевые слова: суицидальное поведение, подросток, идентичность, внутриличностный конфликт.

Abstract. The topical issue of suicidal behavior in adolescence. The basic factors that influence the suicidal behavior of adolescents. Analyzed the motives of suicide. More one option considered suicide in adolescence, the key point of which is the experience of the intrapersonal conflict due to the difficulty to determine identity.

Keywords: suicidal behavior, adolescent identity, intrapersonal conflict.

Одной из актуальных проблем современного психологического и междисциплинарного знания является суицидальное поведение, особенно среди детей и подростков. В подростковом возрасте наблюдается пик частоты совершения суицидальных действий [1]. За последнее время отмечен значительный рост завершенных суицидов среди подростков.

Подростковый возраст – один из наиболее сложных в отношении развития личности. Одной из основных задач в подростковом возрасте является формирование целостной и непротиворечивой идентичности, в том числе гендерной. При этом на формирование идентичности оказывает влияние множество факторов: семейные взаимоотношения, качество контакта со сверстниками, совокупность взаимоотношений в школе, гендерных стереотипов поведения и предпочитаемого объекта реализации собственных сексуальных влечений, обобщенные образы молодых людей, транслируемые средствами массовой информации и обладающие привлекательностью. Указанные факторы могут как облегчать формирование идентичности, так и осложнять этот процесс. Кроме того, важную роль может оказывать наличие психического расстройства у суицидента [2]. Наличие предшествовавших суицидальных попыток и других форм суицидального и аутодеструктивного поведения увеличивают риск совершения самоубийства.

Практика проведения посмертных судебно-психологических экспертиз по факту самоубийства несовершеннолетних позволяет подойти к оценке обстоятельств и условий совершения суицидов, учитывая личностные и ситуативные факторы. Среди традиционных мотивов суицидальных действий, наблюдаемых в подростковом возрасте, можно выделить переживания, связанные с любовными отношениями, причем не всегда в контексте отвержения; переживания, связанные с чувством одиночества; переживания, связанные с ощущением несоответствия стандартам (красоты или поведения). Кроме того, одним из вариантов является переживание внутриличностного конфликта в связи со сложностью определения идентичности в подростковом возрасте, что уточняет и модифицирует известное определение суицида как следствия социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта [3].

В таких случаях обращает на себя внимание позитивное описание подростка со стороны родителей и окружающих взрослых, он «вписывается» в их картину мира, будучи целеустремленным, демонстрируя социально одобряемое поведение, как правило, обладая позитивным статусом с точки зрения школьной успеваемости и академических достижений. При этом выясняется, что для подростка чрезвычайно значимым становится

взаимодействие с группой сверстников, разделение их увлечений и интересов, участие в специфических для данной возрастной группы формах активности: переписка в социальных сетях, участие в групповых встречах с употреблением алкогольных напитков и наркотических веществ, он может становиться свидетелем агрессивного и аутоагрессивного поведения. Переписка в социальных сетях становится особой субкультурой с введением специфической лексики и форм выражения. Быть принятым в этом сообществе – значит разделять ценности группы, вести себя в соответствии с этими ценностями. Все это формирует конфликт идентичности у подростка, поскольку, как правило, в его мироощущении мир сверстников и мир родителей противоположны по духу и содержанию. Это, с одной стороны, выполняет важную функцию по автономизации подростка, его отделению от родителей, а с другой – при особенно сильном смысловом противоречии между родительским миром и средой сверстников ставит перед выбором: с чем же ему следует идентифицироваться? В этот конфликт зачастую вмешивается школа как особый социальный институт, предъявляющий свои требования к идентичности подростка. Отмечаются характерные индивидуально-психологические особенности, а также особенности воспитания таких подростков.

Ключевым моментом с точки зрения реализации суицидальных действий становится конкретная ситуация, как правило, обладающая субъективной значимостью, в ходе которой внутриличностный конфликт обнажается и выходит на первый план в переживаниях подростка. Подросток встает перед проблемой лояльности, перед ситуацией, в которой риск обнаружения родителями его другой идентичности становится слишком велик. Данная ситуация обуславливает уязвимость подростка к суицидальным мыслям и намерениям, при этом риск самоубийства увеличивается в случае предшествовавших суицидальных попыток и саморазрушающего поведения.

Литература

1. Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение у подростков. Мн., 1988.
2. Попов Ю.В., Пичиков А.А. Особенности суицидального поведения у подростков (обзор литературы) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2011. № 4. С. 4–8.
3. Амбрумова А.Г. Психология самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. 1996. Т. 6. № 4. С. 14–20.

© Сыроквашина К.В., 2015

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКИ «ДЕРЕВО» ПРИ ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Волкова С.А., частнопрактикующий психолог–консультант

Аннотация. Рассматривается возможность использования техники «Дерево» при индивидуальной психокоррекции, способной за короткий срок выявить не только негативные когниции клиентов, но все три области проблем: поведенческую, эмоциональную, социальную, интегрируя различные подходы.

Ключевые слова: современные разработки, интеграция, психокоррекция, неврозы, страхи, фобии, индивидуальная психотерапия, техники.

Abstract. The modern way of life in big cities demands new ways and techniques of diagnostics and psychocorrection. This article focuses on the possible use of «the Tree» technique in individual psychocorrection. This technique integrates different approaches and in short term allows to detect client's negative cognitions along with behavioural, emotional and social difficulties (BESD).

Keywords: modern developments, integration, psychocorrection, neuroses, fears, phobias, individual psychocorrection, psychological techniques.

При психологической работе с использованием методики «Дерево» фиксируется отношение клиента к процессу работы, выявляется locus контроля, оценка причинно-следственных

связей нынешнего психологического состояния и возможностей разрешения конфликта, приведшего к невротизации. Данная психологическая методика интегрировала несколько направлений

психологии: НЛП (визуализация, якорение, краткосрочность и экономичность подхода) [3; 4], социальное прогнозирование (сбор предпосылок и построение прогнозного фона) [2], арт-терапию (использование рисунков для проработки проблематики) [5; 6; 7] и КБТ (структурирование, использование индивидуальных когнитивных схем, работа с автоматическими мыслями) [1; 8]. Данную технику отличает также мишенеориентированность и технологичность.

Технику «Дерево» можно использовать для диагностических задач и при психокоррекционной работе. Наглядность когнитивной карты клиента позволяет работать с установками и вступать в конструктивную конфронтацию для достижения лучших результатов. При этом происходит ускорение осознания и переработки информации клиентом (в большинстве случаев проведение работы занимает около 30 минут).

Данная техника применима к актуальным тревожным состояниям, фобиям и страхам, используется для уменьшения симптомов обсессивно-компульсивного расстройства, при расстройстве приспособительных реакций. Потенциально «Дерево» может быть использовано при работе с зависимостями и расстройствами питания, для подбора совладающего поведения и выработки индивидуальных приспособительных реакций в условиях соматической медицины и большой психиатрии (в том числе для повышения комплаентности).

Возможно применение метода для решения ситуационных персональных задач в условиях экономии времени, профориентации, личностного роста, разрешения внутриличностных конфликтов и повышения качества межличностных взаимоотношений.

Данная техника не подходит для работы с лицами, находящимися в состоянии психоза, имеющими задержку в развитии или сниженный интеллект, детьми и подростками (в силу еще несформировавшейся когнитивной картины мира), людьми, имеющими специфические нарушения, затрудняющие или делающие невозможным проведение методики (например, нарушения моторики, письма, счета, тремор и т.п.), находящимися в остром эмоциональном состоянии.

Используемые материалы: бумага формата А4, карандаш (СРТ), ручка шариковая, ручка цветная. Дополнительно можно использовать цветные карандаши, краски, фломастеры, цветные ручки.

Всю технику клиент рисует сам. Психолог или психотерапевт только направляет деятельность.

Этап 1: изображение ствола дерева как актуальной проблемы.

Этап 2: прорисовка корней (прошлого, предпосылки). По завершении рисования клиенту предлагается оценить в процентах долю влияния каждого корня на создавшуюся ситуацию.

Этап 3: прорисовка ветвей (будущего, возможных вариантов развития событий). Необходимо включать как негативные, так и позитивные варианты – от самых невероятных до наиболее возможных. Как и при работе с предпосылками, клиенту необходимо расставить проценты возможного развития событий.

Этап 4: оценка причинно-следственных связей актуальной проблемы. Клиенту предлагается оценить влияние названных им факторов (корней) на последствия (ветви).

Этап 5: отвлечение, оценка, расслабление. Когда прорисовка дерева выполнена, клиенту предлагается ненадолго отвлечься. После минутного переключения ему надо вновь взглянуть на рисунок, эмоционально оценить его.

Обычно уже на этапе построения причинно-следственных связей для клиента проясняются его когнитивные и поведенческие паттерны, эмоции становятся менее пугающими. Если ресурсы присутствуют, ситуация для клиента стала более понятной; можно переходить к дополнительным этапам помощи по изменению актуального состояния.

Литература

1. Бек А. Техники когнитивной психотерапии // Психологическое консультирование и психологическая терапия: Хрестоматия. Т. 1. / под ред. А.Б. Фенько. М.: МПЖ, 1999.
2. Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование: курс лекций. М.: Педагогическое общество России, 2002.
3. Боденхаммер Б., Холл М. НЛП-практик: полный сертификационный курс: учебник магии НЛП. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
4. О'Коннор Дж., Сеймур Д. Введение в НЛП / пер. с англ. К. Савельева К.М.: ФАИР, 2008.
5. Практикум по арт-терапии / под ред. А.И. Копытина. СПб.: Питер, 2001.
6. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2001.
7. Стариков П.А. Пиковые переживания и технологии творчества: учеб. пособие. Красноярск: филиал НОУ ВПО Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права. 2011.
8. Федоров А.П. Когнитивно-поведенческая психотерапия. СПб.: Питер, 2002.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

Карпова Е.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация. Рассматривается проблема жизнестойкости человека. Анализируются концепции С. Хобфолла, С. Мадди, Л.А. Александровой и др. Представлены основные компоненты жизнестойкости. Выделены качества, свойственные жизнестойкому человеку.

Ключевые слова: жизнестойкость, вовлеченность, контроль, риск, активность, поведение.

Abstract. Discussed the problem of human hardiness. Analyzes the concept S. Hobfolla, S. Muddy, L.A. Alexandrova and others. The main components of hardiness. Marked qualities of the hardiness of a person.

Keywords: hardiness, involvement, control, risk, activity, behavior.

Проблема определения факторов, способствующих повышению уровня жизнестойкости человека, является весьма значимой в периоды преодоления социально-экономических кризисов. Понятие жизнестойкости было введено С. Кобейса и С. Мадди и разрабатывалось на пересечении экзистенциальной психологии, психологии стресса и психологии совладающего поведения Д.А. Леонтьев считает, что жизнестойкость характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности [1, с. 15]. В современной отечественной и зарубежной психологии предпринимались и предпринимаются попытки целостного осмысления понятия «жизнестойкость». Согласно концепции С. Мадди, в состав этого понятия входят такие компоненты, как вовлеченность, контроль и принятие риска. В зависимости от уровня выраженности того или иного компонента в структуре жизнестойкости формируются стратегии совладания с трудными ситуациями, или индивидуальный стиль поведения.

Александрова Л.А. предлагает рассматривать жизнестойкость в контексте совладания с жизненными трудностями как способность личности к трансформации неблагоприятных обстоятельств своего развития, которая лежит в основе совладающего поведения [2, с. 83].

Белинская Е.П. отмечает, что современные психологические подходы к проблеме преодоления трудных жизненных ситуаций рассматривают совладание как динамический процесс, протекание которого определяется не только характеристиками самой ситуации, а также личностными особенностями субъекта, но и их взаимодействием, которое заключается в формировании комплексной когнитивной оценки, включающей в себя как интерпретацию субъек-

том ситуации, так и его представления о себе в ней [3, с. 2]. В данном контексте особое значение приобретает личностный смысл ситуации, когда человек способен воспринимать жизненные трудности как возможности.

В соответствии с концепцией С. Хобфолла для того, чтобы адаптироваться в сложных жизненных ситуациях, необходимы соответствующие ресурсы. [4, с. 513]. Разные ресурсы играют различную роль в адаптации человека и преодолении трудных жизненных событий. При этом, когда человек пытается справиться с теми или иными жизненными трудностями, его активность может быть направлена как на внешние обстоятельства, подлежащие изменению, так и на самого себя [5, с. 9].

Вызывает интерес и вопрос о том, какими качествами обладает жизнестойкий человек. Согласно исследованию зарубежных ученых (Pines, 1984; Rutter, 1984; Werner, 1989), выделяют пять качеств, непременно присущих жизнестойкому человеку: высокая адаптивность, уверенность в себе, независимость, стремление к достижениям, ограниченность контактов.

Кроме этого, можно отметить, что жизнестойкость является результатом социализации человека, и ее уровень может меняться в любом возрасте, а также под влиянием соответствующих образовательных технологий.

В соответствии с изложенным выше автором было проведено исследование. В данной статье приводится только эпизод этого исследования.

Цель исследования – определение выраженности факторов жизнестойкости у различных возрастных групп и их связь со стратегиями поведения. Объект исследования – студенты (55 человек) в возрасте от 19 до 20 лет.

Согласно результатам исследования уровень жизнестойкости студентов составляет 53,7 %. В соответствии с концепцией С. Мадди – это

низкий уровень жизнестойкости. Низкий уровень обусловлен в первую очередь слабой системой контроля, которая в этом возрасте находится в стадии формирования. Однако при этом молодые люди склонны к принятию риска – 71,5 %. Результаты девушек в отношении риска несколько скромнее – 63,8 %, но тоже достаточно высоки. Это обусловлено тем, что в этом возрасте существует много интересных возможностей для своей самореализации, следовательно, молодые люди стремятся к развитию и формируют новые знания и навыки за счет своего собственного опыта.

Литература

1. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

2. Александрова Л.А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2005. – Т. 51. № 7. С. 83–84.

3. Белинская Е.П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования (электр. изд-е). 2008. № 2.

4. Hobfoll S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989. 44. No. 3. P. 513–524.

5. Карпова Е.А., Воронина М.Ф. Ресурсные факторы жизнестойкости // Социология и право. 2013. № 3 (20). С. 5–11.

© Карпова Е.А., 2015

ИЖДИВЕНЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Доценко Е.Л., доктор психологических наук

Шумкова Ю.С., аспирант

Тюменский государственный университет

Аннотация. Поднимается проблема социального иждивенчества в современном обществе, осуществляется постановка цели и задач для последующей научной работы.

Ключевые слова: иждивенчество, социальное иждивенчество, факторы социального иждивенчества.

Abstract. Raises the problem of social dependency in modern society, is the formulation of goals and objectives for further research.

Keywords: parasitism, social dependency.

С каждым годом в российском обществе все более актуальной становится проблема социального иждивенчества. Статьи, посвященные иждивенчеству, появляются в научной, научно-популярной и публицистической литературе. Социальное иждивенчество проявляется в различных сферах и негативно влияет на их развитие.

О проявлениях иждивенчества, с которыми сталкиваются руководители организаций, пишет Н. Шебанова и разрабатывает принципы стимулирования персонала [9]. Касается вопроса иждивенчества в трудовом коллективе И.С. Кузнецов и отмечает, что члены группы работают менее напряженно, чем люди, работающие в одиночку. Одним из объяснений такого социального иждивенчества является желание «затеряться в толпе», чтобы их не слишком активный труд остался незамеченным [5]. Об иждивенческих настроениях среди инвалидов пишут В. Селезнев [7] и А. Ивкин [Ивкин А., 2015]. В. Селезнев говорит о том, что инвалиды демонстрируют иждивенческое

поведение в своем выборе незначительных, но стабильных материальных благ – выплаты по инвалидности вместо самостоятельного труда и приемлемой заработной платы [7]. О социальном иждивенчестве воспитанников детских домов пишут В.М. Волохатова [Волохатова В.М., 2012], А.И. Юдина [15], У.А. Голикова [Голикова У.А., 2015]. У подростков отмечается инфантилизм, непонимание материальной стороны жизни, перегруженность негативным социальным опытом и социальное иждивенчество.

Иждивенческие настроения, распространенные в российском обществе, стали помехой для реализации реформы ЖКХ, пишет В. Саенко. У собственников жилья появилась возможность пользоваться услугами частных компаний и тем самым контролировать процесс обслуживания зданий и прилегающих к ним территорий [Саенко В., 2005]. В рамках Тюменского региона М. Селюков [Селюков М.В., 2014] поднимает проблему иждивенческой жизни области за счет

месторождений нефти, открытых и разведанных еще в советские годы, недостаточной разработки новых месторождений.

В процессе исследования социального иждивенчества нами были выявлены противоречия между необходимостью преодоления данного явления в современном российском обществе и недостаточной разработкой вопроса социально-психологических факторов иждивенчества.

Мы считаем необходимыми рефлексию переживания человеком неопределенных и кризисных ситуаций и анализ возможных стратегий поведения и моделей принятия решений в них.

Выявленные противоречия позволили обозначить проблему исследования: как человек проживает (переживает) поступок – выбор между альтернативами.

Целью нашей работы стало выявление социально-психологических факторов социального иждивенчества.

Понятие и историю феномена социального иждивенчества рассматривают О. Тимченко, Т.Ю. Сидорина, Э. Бланден, Н. Фрейзер, Л. Гордон, И.С. Кузнецов, С. Венедиктов, Н. Шебанова [2; 5; 6; 7; 8; 9]. Иждивенчество как социальная проблема, зародившись в конце XVIII в., сохраняет свою актуальность и значимость до сих пор, затрагивая многие сферы жизни общества (экономическую, культурную, политическую и др.). Проблема иждивенчества имеет место не только в России, но и в других странах. Особенно широкое распространение иждивенчество в России получило в 1990-е гг. и проявляется как пассивная позиция избирателей, выпускников детских домов, инвалидов, безработных, потребителей услуг ЖКХ.

Анализу было подвергнуто содержание понятий «иждивенец», «социальное иждивенчество», представленных в российской и зарубежной литературе. Были выявлены новые смысловые аспекты данных понятий. Наиболее содержательным на данный момент мы приняли следующее определение понятия «социальное иждивенчество» – «это социально-экономическая зависимость субъекта от окружающего общества в плане обеспечения средствами к существованию» (И.С. Кузнецов) [7].

Причины и факторы социального иждивенчества анализируются Г. Бовтом, Е.И. Долгаевой, В.Н. Пантелеевым, В. Селезевым, И.С. Кузнецовым, Т.Ю. Сидориной, О. Тимченко [4; 3; 6; 7; 8]. В ходе анализа литературы были выделены причины и факторы социального иждивенчества.

В сфере экономики это монополия, отсутствие конкурирующих заграничных товаров, покрытие

государством расходов при неудачах предприятий и несчастных случаях [4;3].

В социальной сфере выделяют следующие факторы социального иждивенчества [5; 6; 7; 8]: отсутствие возможности самостоятельно достигнуть достойного уровня жизни; плохое исполнение государством своих конституционных обязанностей; страх инвалидов потерять минимальный доход от социальных выплат и потерпеть неудачу в профессиональной деятельности; отсутствие ценностей и мировоззренческой культуры, способствующей стремлению людей к независимости; отсутствие ощущения принадлежности российских граждан к социальной системе; низкий минимальный оклад и заработная плата; нехватка рабочих мест; высокие размеры социальной помощи и большая продолжительность их выплаты.

Литература

1. Бовт Г. Прививка иждивенчества. Сбылись ли мечты десятилетней давности? // Аргументы и факты. 2010. № 24. 16 июня.
2. Венедиктов С. Дефицит мастерства // Социальная защита. 2006. № 5. С. 15–17.
3. Долгаева Е.И. Патернализм или эффективное государство: социальные ожидания населения // Регионология. 2013. № 4. С. 185–195.
4. Ивкин А. Наличие безбарьерной среды для инвалидов способствует уходу от политики иждивенчества. URL: <http://strategy2050.kz/ru/news/5347> (дата обращения: 21.06.2015).
5. Кузнецов И.С. Роль иждивенчества в системе социального обеспечения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2009. № 3. С. 72–75.
6. Кузнецов И.С. Социальный портрет иждивенца глазами населения тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 4. С. 48–51.
7. Селезнев В. Противодействие дискриминации // Служба занятости. 2012. № 1. С. 52.
8. Сидорина Т.Ю., Тимченко О. Социальное иждивенчество – оборотная сторона благоденствия // Отечественные записки. 2012. № 5–50. С. 58–72.
9. Шебанова Н. Уйти от иждивенчества: как разработать систему оплаты труда и стимулирования персонала // Служба кадров и персонала. 2007. № 9. С. 7–11.
10. Blunden A. Welfare Dependency: The Need for a Historical Critique // Arena Magazine. Nbr. 2004. June 2004.
11. Fraser N. Gordon L. Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // Signs. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 309–336.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ КОД ВЫЖИВАНИЯ

Пергаменщик Л.А., доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и семейной психологии

Белорусский государственный педагогический университет

Аннотация. Анализируются попытки мировой психологии найти эффективную модель преодоления кризисной ситуации. Среди существующих подходов к индивидуальному коду выживания рассматривается концепция BASICPh, которая обогащена алгоритмом составления бизнес-плана, методами работы в кризисных ситуациях: диагностики, анализа и психологической помощи.

Ключевые слова: кризисное событие, индивидуальный код выживания, стратегия преодоления.

Abstract. In world psychology there are being analyzed efforts to determine an effective crisis management model. Among the existent approaches to the individual code of survival there being considered a BASIC Phconception, that is enriched by the algorithm of drafting a business plan and by the methods of working in crisis situations: diagnostics, analysis and psychological aid.

Keywords: crisis events, individual code of survival, coping strategy.

Идеи конструктивного преодоления кризисных событий мы обнаруживаем у В. Франкла в его концепции «выживание через веру в себя» [5] и у П. Тиллиха в концепции «мужество быть» [4]. Следующее поколение ученых для объяснения успешности преодоления людьми кризисных ситуаций выдвигало различные объяснительные механизмы. Так, А. Антоновский предложил концепт «когерентность» [3; 6], С. Мадди – «жизнестойкость» [2; 7], Дж. Гринберг – «решительность», а Дж. Розенбаум – «информированная находчивость» [1] и др.

Что общего в этих идеях? Во-первых, все они рассматривали травматическую ситуацию с позиции возможности ее преодоления, личностного развития, посттравматического роста. Во-вторых, несмотря на различные теоретические подходы, а следовательно, и разные концепции психологической помощи они выделяли *индивидуальные* для каждого человека стратегии преодоления.

Сравнив концепцию А. Антоновского (когерентность) и С. Мадди (жизнестойкость), мы обнаруживаем при расхождении в терминологии содержательное сходство: *достижимость, управляемость и осмысленность* у А. Антоновского и соответственно *вовлеченность, контроль, и принятие риска* у С. Мадди. На сходство и различие позитивных характеристик личности обратили внимание Д. Леонтьев и Е. Рассказова [2].

А. Антоновский считал, что успешное преодоление кризисной ситуации может привести человека к приобретению *позитивного опыта*. Кризисную ситуацию можно рассматривать как вызов, и задача человека не только научиться функционировать эффективно, несмотря на неблагоприятные жизненные условия, но обратить стресс себе на пользу. Последствия стресса за-

висят от *индивидуальных способов реагирования на него*. Исследования ученого показывают, что некоторые люди обладают иммунитетом против действий стресса (я бы добавил – индивидуальным иммунитетом) [3; 6].

Итак, в кризисной психологии среди ученых исследовательский акцент перешел от «пострадавших» к самостоятельно «выжившим», одновременно ученые приступили к *поиску индивидуального кода выживания*.

Практика психологической помощи в ситуации переживания травмы подсказала, а непредвзятый взгляд на мировую психологию подтвердил, что в истории науки было предпринято не так много попыток теоретически описать человеческий код выживания. Эту идею представил Мули Лаада в концепции BASICPh [8]. Ученый выводит шесть фундаментальных объяснений человеческого выживания: через мир эффектов (З. Фрейд), социального окружения (Э. Эриксон, А. Адлер), интуиции (К. Юнг), физиологический подход (И.П. Павлов), когнитивные процессы (А. Эллис), смыслы и ценности (В. Франкл, А. Маслоу).

М. Лаад формулирует многомерную модель, которая базируется на шести измерениях, описывающих палитру помощи человеку в преодолении негативного влияния кризисного события на здоровье и психологическое благополучие. Вот эти подходы:

- ◆ категория верования, убеждения и ценности (Belief and values) связана с задачей сообщения кризисному событию нового смысла, с воссозданием системы убеждений, нахождением смысла перенесенного страдания;
- ◆ категория аффекта (Affect) относится к «вентеляции», легализации прямых и косвенных

эмоциональных проявлений, переживаемых в связи с критическим событием;

- ◆ социальный фактор (Social) включает социальную поддержку, принадлежность к сообществу, организации, принятие роли;
- ◆ воображение и фантазия (Imaginative) связаны с использованием творчества, ролевого проигрывания, облегчения, отвлечения;
- ◆ познавательный, когнитивный фактор (Cognitive) относится к повышению готовности профессионалов к соответствующему поведению в условиях чрезвычайной ситуации, проведение профилактических и обучающих программ, например психологического дебрифинга;
- ◆ в физической (физиологической) (Physiological) составляющей акцент переносится на физическую активность как способствующую восстановлению и снижению травматического стресса, на использование релаксации и необходимой диеты.

Комбинация вышеописанных элементов и составляет индивидуальный код «выживания каждого» человека, который он предпочитает, а трата энергии – важнейшая составная часть многих методов совладания.

Модель BASIC Ph содержит, во-первых, многочисленные превентивные программы и, во-вто-

рых, благодаря своим психолингвистическим компонентам одновременно является инструментом как оценки, так и психологического картографирования.

Литература

1. Гринберг Дж. Управление стрессом. 7-е изд. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
2. Леонтьев Д.А. Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
3. Осин Е.Н. Чувство связанности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 22–40.
4. Тиллих Пауль. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
6. Antonovsky A. Unravelling the Mystery of Health. San Francisco: Jossey-Bass, 1987.
7. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. No 2.
8. Lahad M. Storymaking in assessment method for coping with stress. In S. Jennings (ed.), *dramatherapy Theory and Practice*. London: Routledge, 1992.

© Пергаменщик Л.А., 2015

ИССЛЕДОВАНИЯ МОББИНГА В НАШЕЙ СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ

Червякова Т.Г., Коноплева И.Н.

Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Рассматриваются основные исторические аспекты исследования моббинга в нашей стране и за рубежом. Подчеркивается, что моббинг является социальной системой, включающей в себя различные ролевые позиции, а также отмечаются некоторые особенности соотношения различных типов личности, которые повышают вероятность развития моббинга в школьной среде.

Ключевые слова: моббинг, подростки, особенности личности подростков.

Abstract. The article examines the main historical aspects of study of mobbing in our country and abroad. It is emphasized that mobbing is a social system that includes various role positions, and also some features of correlation between the various personality types, which increases the risk of mobbing in the school environment are mentioned.

Keywords: mobbing, teenagers, personal characteristics of adolescents.

Впервые публикации на тему школьной травли появились довольно давно, еще в 1905 г. К. Дьюкс опубликовал свою работу по этой теме,

но первые систематические исследования проблемы моббинга принадлежат скандинавским ученым, среди которых Д. Олвеус, П.П. Хайне-

манн, А. Пикас, Е. Роланд. После того, как Ден Олвеус в конце 1970-х гг. осуществил первое исследование по предотвращению проблемы моббинга, было проведено много исследований, которые позволили глубже понять проявления данного феномена, поведение в ситуации моббинга и факторы, его вызывающие [5]. Следует отметить британских исследователей В.Т. Ортона, Д.А. Лэйна, Д.П. Таттума, Е. Мунте [2]. В США особое внимание к моббингу стали проявлять в начале 1990-х гг.

В нашей стране мы отмечаем исследования, проведенные И.Б. Ачитаевой, 2010; О.Л. Глазман, 2009, В.Р. Петросянц, 2011. В своих публикациях проблемы моббинга касаются также отечественные психологи В.И. Вишневецкая, 2010; И.С. Кон, 2006; Д.А. Кутузова, 2007; О.Д. Маланцева, 2007; А.А. Стрельбицкая, 2010; Е.И. Файнштейн, 2010.

Вопросу влияния индивидуально-психологических особенностей личности подростка на принятие им роли в ситуации моббинга ученые уделяют особое внимание. Зарубежные исследователи предпринимали попытки создания некоего типологического портрета носителей ролей в ситуации моббинга в образовательной среде.

Д. Олвеус в своей первой книге о моббинге описывает два личностных типа – «школьный хулиган» и «мальчик для битья». Эти два личностных типа являются потенциальными преследователями и жертвами моббинга. Состав школьного класса может иметь четыре конфигурации:

- ◆ в нем нет потенциальных преследователей и жертв;
- ◆ в нем присутствует потенциальная жертва;
- ◆ в нем присутствует потенциальный преследователь;
- ◆ в нем присутствуют оба личностных типа.

При первом варианте в классе не существует риска возникновения моббинга или он минимален. Второй и третий варианты предполагают некоторую долю риска, а при четвертом варианте риск возникновения моббинга высок. Понятия «потенциальная жертва» и «потенциальный преследователь» подразумевают не только характеристики личности, но и наличие некоего контекста, который задается присутствием в контакте одновременно обоих типов. Следовательно, субъект, обладающий характерными для преследователя чертами личности, не обязательно станет заниматься травлей, однако, если рядом окажется потенциальная жертва, вероятность такого развития событий существенно возрастает [5].

Для того чтобы лучше понять индивидуально-психологические особенности участников моббинга, необходимо выяснить, какие позиции они занимают и какие роли играют. Последние исследования показали, что моббинг наиболее правильно рассматривать как социальное явление, в которое включены не только жертвы и агрессоры, но и все остальные. Существует достаточно много классификаций ролей в моббинге. В большинстве исследований выделяются три основных категории: преследователь, жертва, свидетель. Е. Роланд описывает моббинг-структуру как социальную систему, включающую в себя преследователей, их жертв и сторонних наблюдателей. Каждый участник системы имеет свое мнение по поводу происходящего [1].

В последнее время особое внимание исследователей привлекает позиция невольных свидетелей происходящего. Сами они не подвергаются непосредственной агрессии, но доказано, что в результате ощущения собственной беспомощности их самооценка резко снижается [3]. Финский исследователь К. Салмивалли и ее коллеги расширили категорию свидетелей в соответствии с их ролями по отношению к моббингу. Введение таких категорий требует получения дополнительных сведений обо всех учащихся и способствует лучшему пониманию причинно-следственных связей и разработке соответствующих мер для различных групп учащихся [4].

Роли жертвы и преследователя в западной литературе исследованы значительно лучше, нежели роли помощников, защитников и нейтральных участников.

Литература

1. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 159–166.
2. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15–18.
3. Лэйн Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лэйна и Э. Миллера. СПб., 2001. С. 240–276.
4. Петросянц В.Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде и их жизнестойкость: дис. ... канд. психол. Наук. СПб., 2011. 210 с.
5. Руланн Э. Как остановить травлю в школе. Психология моббинга / пер. с норвежск. М.: Генезис, 2012. 264 с.

НАРУШЕНИЕ ВРЕМЕННОЙ ПЕРЦЕПЦИИ ПРИ СОСТОЯНИИ ЗАВИСИМОСТИ

Запесоцкая И.В., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии

Никишина В.Б., доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии здоровья и коррекционной психологии

Курский государственный медицинский университет

Аннотация. Рассматривается проблема выявления особенностей временной перцепции при состоянии зависимости, критерии ее дисфункционального характера на нейропсихологическом уровне реализации: сохранность/нарушение хронологии, целостность/дробность перцептивных процессов, интегрированность/деинтегрированность временной перцептивной системы в целом.

Ключевые слова: временная перцепция, дисфункциональный характер временной перцепции, нейропсихологический уровень.

Abstract. The problem of identifying features of perception at the time a state of dependence, the criteria for its dysfunctional nature in neuropsychological implementation level: safety / violation history, integrity / granularity perceptual processes, integration / disintegration time perceptual system as a whole.

Keywords: temporary perception, perception dysfunctional nature of time, neuropsychological level.

Точное отражение различных временных отношений может рассматриваться в качестве показателя зрелости всех компонентов личности: когнитивного, мировоззренческого, мотивационно-поведенческого (А.В. Рыжухин, 2011). Восприятие времени – это образное отражение таких характеристик явлений окружающей действительности, как цикличность, длительность, скорость протекания и последовательность (А.Р. Лурья, 2006).

В данном виде восприятия различают ощущение длительности, основанное на висцеральной чувствительности, и собственно восприятие времени как результат развития этого ощущения (С.Л. Рубинштейн, 2005).

Помимо установления порядка или последовательности предшествующего и последующего, временная локализация включает определение величины интервалов, их отделяющих. Временная перцепция состоит из: непосредственного ощущения длительности, обусловленного висцеральной деятельностью, которое составляет чувственную основу временной перцепции; собственно восприятия времени, развивающееся на этой чувственной органической основе (С.Л. Рубинштейн, 2002).

Процесс возникновения состояния зависимости обусловлен снижением процессов произвольной саморегуляции и качественно иным стилем их протекания – разбалансированным (И.В. Запесоцкая, В.Б. Никишина, 2013). В соответствии

с этим дефицитарность переживаний психических состояний в поле субъект-субъектных отношений, характеризующих систему отношений личности, приводит к возникновению состояния зависимости, которое строится в субъект-объектной системе координат. В субъект-объектной направленности отношений место «значимого другого» занимает «значимое другое» – объект, что является организационным завершением процесса формирования состояния зависимости (И.В. Запесоцкая, 2012).

В исследовании приняли участие 52 пациента (мужчины), находящиеся на стационарном лечении в ОБУЗ «Областная наркологическая больница». В контрольную группу вошли 56 мужчин, проходивших процедуру профосмотра на базе ОБУЗ «Областная наркологическая больница», с заключением «здоров».

Методический инструментарий: методика событийной реконструкции временной перспективы личности (В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, А.А. Кузнецова), методика субъективной оценки длительности временных интервалов SALT (И.В. Запесоцкая, Д.С. Селиванова), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова), нейропсихологические пробы (Л.И. Вассерман с соавторами) для изучения зрительного, предметного, акустического и временного гнозиса используются нейропсихологические пробы, ассоциативный эксперимент (И.В. Запесоцкая, В.Б. Никишина).

Статистическая оценка полученных результатов проводилась с использованием статистического пакета STATISTICA 6.0.

Нейропсихологический статус больных алкогольной зависимостью характеризуется распадом перцептивных функций в большей степени предметного гнозиса, а также сохранностью наиболее простых зон правого полушария (акустический гнозис). Статистически значимые различия между экспериментальной и контрольной группой были обнаружены в предметном гнозисе ($U = 72$; при $p\text{-level} < 0,01$) и зрительном гнозисе ($U = 53$; при $p\text{-level} < 0,0$).

Решая задачу выявления особенностей временной перцепции при алкогольной зависимости, выявили, что для группы больных с алкогольной зависимостью обнаруживается тенденция к уменьшению временных интервалов. Характерен сходный со здоровыми профиль, но при этом с более низкими показателями, что говорит о ригидности процессов переключения.

Таким образом, нарушение временной перцепции определяется феноменологическим (сохран-

ность/нарушение хронологии), динамическим (целостность/дробность процессов хроногнозиса) и структурным критериями (интегрированность/дизинтегрированность общей временной перцептивной системы).

Литература

Запесоцкая И.В. Нарушение смысловой регуляции как иммерсионный механизм состояния зависимости // Психолого-педагогический поиск. 2012. № 23. С. 150–156.

Запесоцкая И.В., Никишина В.Б. Состояние зависимости: метапсихологический подход // Клиническая и специальная психология. 2013. № 2 (6). С. 77–90.

Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 20 с.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.

Рыжухин А.В. Специфика восприятия времени подростками с асоциальным поведением: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 23 с.

© Запесоцкая И.В., Никишина В.Б., 2015

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Котова С.А., кандидат психологических наук, доцент

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация. Рассматривается проблема адаптации студенческой молодежи на этапе высшего образования. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей совладания с новыми стрессовыми условиями существования в условиях интенсивного обучения, а также готовностью к вступлению в профессиональную деятельность. Выявлено, что переход к проблемноцентрированному копингу связан с обогащением смысложизненных ориентаций молодежи. Доминирование эмоциентрированного копинга в качестве ведущей стратегии поведения у современных студентов может стать барьером на пути эффективного образования и гармоничного развития.

Ключевые слова: высшее образование, адаптация, личностные характеристики, копинг-стратегии.

Abstract. In the article describes the problem of adaptation of students in the stage of higher education. The author presents the results of empirical studies of coping with stressful new conditions of existence in the conditions of intensive training. It is found that the transition to problematic coping is associated with enrichment of life expectations of young people. The dominance of emotional coping as the leading strategic behavior of the modern students can be a barrier to effective education and harmonious development.

Keywords: higher education, human adaptation, personality characteristics, coping.

Одной из важнейших в настоящее время является проблема совершенствования высшего образования, решающего задачу подготовки элитной

когорты специалистов завтрашнего дня. Именно высшее образование формирует стратегические трудовые ресурсы государства, от выносливости

и продуктивности выпускников вузов будет зависеть устойчивость и успешность развития страны в будущем [4]. Поставленная государством задача достижения нового качества подготовки студентов требует все более глубокого учета личностных ресурсов обучающихся, а также совершенствования механизмов управления процессом личностного роста.

Особенно остро эта проблема стоит при подготовке высших педагогических кадров. Педагогическая практика требует высокой моральной ответственности и все более расширяющейся компетентности. Социальный фактор отличается такой сложностью и многомерностью, что трудно поддается прогнозированию и относится к группе высокого риска. Это связано с разнообразием, динамичностью, противоречивостью, многофакторной обусловленностью и трудной прогнозируемостью возникающих социальных ситуаций [4]. Необходимость быстрой, гибкой, тонкой настройки и реагирования в межличностном взаимодействии предъявляет новые высокие требования к личностным характеристикам человека, работающего с детьми. Известно, что ученики стрессоустойчивых учителей более доброжелательны, открыты, общительны, эмоционально стабильны, расслаблены, интровертированы; ученики стрессонеустойчивых учителей более замкнуты, холодны, эмоционально нестабильны, покорны, зависимы, напряжены, экстравертированы. Поэтому современный выпускник должен обладать высокими показателями социальной адаптированности, эмпатийности, рефлексивности. Такая задача требует раннего выявления общих и специальных механизмов формирования и проявления адаптивного поведения уже на этапе вузовской подготовки.

Целью исследования стало изучение динамики копинг-стратегий и смысложизненных ориентаций у студентов на протяжении обучения. В исследовании приняли участие 87 студентов 1-го курса (средний возраст $18,3 \pm 0,9$) и 55 человек 5-го курса (средний возраст $22,2 \pm 1,01$ лет) РГПУ им. А.И. Герцена. Диагностический комплекс включал следующие методики: методику оценки копинг-стратегии Р. Лазаруса, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [2; 3].

Совладающее со стрессом – это сознательное поведение, направленное на активное изменение, преобразование ситуации, поддающейся контролю, или на приспособление к ней, если ситуация не поддается контролю. Копинг-стратегии рассматриваются как отдельные элементы сознательного социального поведения, с помо-

щью которых человек справляется с жизненными трудностями.

Рассмотрим особенности защитного поведения испытуемых разных возрастных групп. Доминирующей стратегией выступает эмоционентрированный копинг (студенты 1-го курса – $35,6 \pm 12,5$; студенты 5-го курса – $36,2 \pm 10,3$). Готовность использовать стратегию проблемоцентрированного копинга выражена слабее (студенты 1-го курса – $32,0 \pm 8,9$; студенты 5-го курса – $34,4 \pm 6,5$), но к окончанию обучения готовность показывает тенденцию к развитию.

Совладание с жизненными трудностями есть постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы. Эффективная стратегия совладания связана с уровнем осознания человеком ситуации, своих особенностей и себя в ситуации. Поэтому мы использовали в исследовании методику СЖО.

Результаты методики смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева выявили значимые изменения показателей студентов от 1-го к 5-му курсу (уровень значимости $p < 0,05$ для общего показателя). Приведем более конкретные данные по студентам 1-го и 5-го курсов соответственно: шкала «цели в жизни» – $28,6 \pm 5,8$ и $31,9 \pm 5,4$; шкала «процесс жизни» – $28,5 \pm 5,4$ и $32,1 \pm 5,6$; шкала «результативность жизни» – $23,0 \pm 5,1$ и $27,0 \pm 4,9$; шкала «локус контроля Я» – $17,9 \pm 4,0$ и $20,9 \pm 3,9$; шкала «локус контроля – жизнь» – $23,7 \pm 8,7$ и $31,6 \pm 6,2$. Значимые различия на уровне $p = 0,05$ выявлены по шкалам «результативность жизни», «локус контроля Я» и «локус контроля – жизнь». Эти результаты свидетельствуют об эффективно идущих процессах личностного роста студентов и их уверенности в своей дальнейшей жизни.

Корреляционный анализ подтвердил нашу гипотезу и показал, что связь результатов теста смысложизненных ориентаций и проблемоцентрированного копинга выражена ($r = 0,462$, $p = 0,013$). Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости в ходе образовательного процесса в вузе вводить упражнения и задания, непосредственно направленные на личностный рост студента, обогащение его внутреннего мира смысложизненными идеалами и ценностями.

Литература

1. Алферов Ж.А. Роль образования и науки в укреплении государства и развитии экономики

страны // Образование, которое мы можем потратить: сб. М., 2002. С. 18.

1. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования. Эмоциональный стресс / пер. с англ. Л.: Лениздат, 1970.

1. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.

4. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: Академия, 2004.

© Котова С.А., 2015

ПАРКУР КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Пузыревич Н.Л., кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной и семейной психологии

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Аннотация. Представлены результаты исследования экзистенциальной наполненности жизненного мира подростков, занимающихся паркуром. Отмечается, что паркур – это способ проявления индивидуальности современных подростков

Ключевые слова: паркур, экзистенциальная наполненность, подростки-трейсеры, подростки-спортсмены.

Abstract. The article presents the results of a study of existential fullness of life world of adolescence with tracers and adolescent athletes. It is noted that parkour is a way of existence of the identity of modern teenagers.

Keywords: parkour, existential fullness, adolescents tracers, adolescent athletes.

В условиях социальных, экономических и политических преобразований, происходящих в последние десятилетия, существенно возросло влияние неопределенности и риска на жизнь и здоровье человека. Следовательно, происходит усиление особенностей и свойств, отличающих одного человека от другого и выступающих ресурсом для преодоления кризисных событий жизненного пути. Одним из способов проявления уникальности и реализации индивидуального потенциала современных подростков является паркур.

В исследовании принимали участие 35 подростков 12–14 лет, занимающихся паркуром: 19 подростков-спортсменов и 16 подростков-трейсеров. Объектом исследования выступала экзистенциальная наполненность, сочетание психологических характеристик которой обуславливает проявление индивидуальности современных подростков. Исследование проводилось с помощью авторского варианта адаптированного для подросткового возраста опросника «Шкала экзистенции».

Исходя из концепции А. Лэнгле, экзистенциальная наполненность понимается как настоящая жизнь, полная глубоких чувств, реализованных

начинаний, собственных решений и переживания глубокого внутреннего согласия с тем, что имеет место быть, или с тем, что сделано [1].

Результаты, полученные в группе подростков-трейсеров, свидетельствуют о преобладании у респондентов показателей по категории «самотрансцендентность» ($t = 0,086148$, $p = 0,931569$) при приблизительно равных показателях по «свободе» ($t = 1,296553$, $p = 0,285506$) и «ответственности» ($t = 1,529177$, $p = 0,130266$). Следовательно, для подростков-трейсеров характерно самопринятие и эмоционально-ценностное отношение к миру. Респонденты данной группы ориентируются не только на цель, но и на смысл, вследствие чего для них характерны внутренняя и внешняя осмысленность, готовность к выходу за пределы собственных возможностей и поиск источников нового опыта. Полученные результаты объясняются приверженностью подростков-трейсеров идеям паркура, что обуславливает специфику их установок и поведения в повседневной жизни. Кроме того, паркур создает предпосылки для переживания подростками чувства взрослости, о чем свидетельствуют уравновешенные показатели по категориям «свободы» и «ответственности».

Для подростков-спортсменов характерно доминирование категории «ответственность» ($t = 0,597614$, $p = 0,576132$) при меньшей выраженности категорий «свободы» ($t = 0,083912$, $p = 0,936383$) и «самотрансцендентности» ($t = 0,404999$, $p = 0,686587$), что указывает на то, что границы личности перестают совпадать с границами человеческого «Я», а совпадают с границами ответственности. Следовательно, может наблюдаться рассогласование поведения личности с ее установками и приоритетами, что подтверждается ранее обозначенным у подростков-спортсменов рассогласованием ценностей на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов. Как показали результаты, полученные по данной шкале, у респондентов указанной группы, в отличие от подростков-трейсеров, отмечается сильное расхождение в значениях по категориям «свобода» и «ответственность», что характеризует их как склонных преимущественно к существованию в предлагаемых обстоятельствах, чем к жизни в контексте ее экзистенциального проживания и переживания интенсивности происходящих событий.

Качественный анализ персонально-экзистенциальных особенностей респондентов каждой из обозначенных групп свидетельствует о ряде особенностей подростков.

Группа подростков-трейсеров характеризуется сильным эмоциональным переживанием и поведением респондентов, наличием ярко выраженной готовности помогать окружающим при тенденции к собственной беззащитности. Отмечается равновесие в отношении нахождения возможностей жить, действовать и в переживании на чувстве долга, сочувствующая, включенная готовность к действию (например, при необходимости оказать помощь) и способность отдаваться ценностям в связи с их внутренней значимостью.

Группу подростков-спортсменов целесообразно рассматривать как следующую чувству долга, придерживающуюся заданного и обязательного, испытывающую несвободу и вместе с тем кажущуюся недоступной, с дистанцированным, эмоциональным переживанием и поведением, проживанием внешней свободы при недостатке внутреннего свободного пространства по отношению к себе самому.

Литература

Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью: четыре основных условия исполненной экзистенции / пер. с нем. Г. Похмелькиной, О.М. Ларченко // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1 (28). С. 5–23.

© Пузыревич Н.Л., 2015

ПОТЕРЯ СТАТУСА БЕЗРАБОТНЫМИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА

Одинцова М.А., кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения

Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Дан анализ реакций безработных на травмирующую ситуацию. Обнаружено, что лицам, оставшимся без работы, характерны гипертрофированные переживания страхов, психофизиологическое возбуждение и стремление к смягчению переживаний, связанных с воздействием психотравмирующей ситуации.

Ключевые слова: психологическая травма, социальная роль жертвы, статус, значимость.

Abstract. Analysis of reaction of the unemployed to the traumatic situation. Persons without jobs characterized by exaggerated feelings of fear, physiological arousal and avoidance. Due to the impact of the traumatic situation.

Keywords: psychological trauma, social role of the victim, the status, significance.

Потеря работы оценивается специалистами как тяжелая психотравмирующая ситуация, порождающая чувство ненужности, несостоятельности (Е.В. Харитоновна и др.). Сам факт по-

тери работы влечет за собой множество потерь: утрату материального достатка, стабильности и главное – статуса. Проблема статуса хорошо отражена в трехфакторной модели «значимого

другого» А.В. Петровского, в которой выделена особая категория анализа – значимость. Наряду с позитивными параметрами значимости (авторитет, аттракция и властные полномочия) автор выделяет и негативные (антипатия, антиреферентность и антистатусность) [2]. Негативные характеристики значимости сходятся в ярлыке: безработный точно так же, как и в других ярлыках, определяющихся стигматизацией. Если ярлык принимается, индивид начинает себя стигматизировать, что препятствует активному поиску работы и может способствовать деформации личности. В исследованиях показано, что с течением времени после потери работы состояние безработных лишь утяжеляется, происходит срыв компенсаторных механизмов, возрастает риск дезинтеграционных процессов в личности, человек постепенно адаптируется к своему состоянию хронического безработного (А.Ш. Бегиева, Л. Пельцман и др.). По данным Росстата на январь 2015 г., продолжительность поиска работы не превысила трех месяцев среди 33,5 % безработных, 39,1 % безработным характерно состояние утяжеленного стресса, 27,4 % безработных находятся в поиске работы от одного года и более [3]. Как видим, стремление к активному поиску работы характерно лишь для трети безработных, остальные 66,5 % пребывают либо в затяжном стрессовом состоянии, либо принимают стигму (ярлык) хронического безработного.

Стигматизация вызывает психологический дискомфорт, однако неосознанный страх быть обезличенным сильнее. Ведь «индивида, обделенного личностными характеристиками, можно уподобить нейтрину, гипотетической частице, которая бесследно пронизывает плотную среду, не производя в ней никаких изменений», – пишет А.В. Петровский [2, с. 112]. Возможно, поэтому почти треть безработных (согласно статистике) делают выбор в пользу негативной значимости и надолго «зависают» в положении жертвы. Это было доказано и в нашем исследовании психологической травматизации личности безработных. Так, было обнаружено, что группа безработных ($N = 27$) значимо отличается от группы занятых лиц ($N = 52$) в выборе социальной роли жертвы ($p = 0,051$) и в более активном стремлении к отрицательной значимости ($p = 0,050$). Иными словами, безработные, глубоко переживая утрату прежнего статуса, зачастую могут использовать деструктивные способы самоутверждения. Не случайно статистика пестрит данными о преступлениях, совершенных безработными, а без-

работица признается одной из основных причин преступности. Так, по данным Росстата, в первое полугодие 2015 г. число лиц без постоянного источника дохода, совершивших преступления, возросло на 6,3 % в сравнении с этим же периодом 2014 г. [3]

Наше исследование показало, что безработным характерны более глубокие переживания психологической травмы, выражающиеся в избегании ($p = 0,001$), физиологической возбудимости ($p = 0,003$) и в общем интегральном показателе травматизации ($p = 0,002$). Лицам, оставшимся без работы, в большей степени, чем занятым, характерны гипертрофированные переживания страхов, психофизиологическое возбуждение и стремление к смягчению переживаний, связанных с воздействием психотравмирующей ситуации путем избегания. Кроме того, можно отметить более высокий уровень проявления ассертивности занятых лиц в отличие от безработных ($p = 0,049$), что говорит о сниженной активности последних в достижении целей, получении необходимой информации, сформировавшемся чувстве неуверенности и ощущении собственной незначительности. Стоит отметить, что четверть безработных нашей выборки при оценке травматического жизненного события обозначили в качестве такового именно потерю работы с уточнением утраты статуса: «понижение по службе», «перевод на нижестоящую должность» с последующим увольнением и т.п. Как видим, потеря статуса действительно оценивается безработными как психотравмирующая ситуация и сопровождается соответствующими довольно болезненными переживаниями, что необходимо учитывать при работе с данной категорией людей.

Литература

1. *Одинцова М.А.* Безработица как один из факторов виктимизации современной женщины и особенности дистанционной помощи // Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий: матер. III международной научно-практической конференции. М.: МГППУ. 2013. С. 114–118.
2. *Петровский А.В.* Психология и время. СПб., 2007.
3. *Росстат.* Трудовые ресурсы. 2015 URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/ (дата обращения:).

ПРИМЕНЕНИЕ ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА РЕШЕНИЕ КРАТКОСРОЧНОЙ ТЕРАПИИ ПРИ РАБОТЕ СО СТРЕССОВЫМИ СИТУАЦИЯМИ И СОСТОЯНИЯМИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Мельникова Д.В., студентка V курса факультета юридической психологии
Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Рассматривается понятие «пенитенциарный стресс» и взаимосвязанные с ним реакции осужденных на условия содержания в местах лишения свободы. Описаны группы, для которых наиболее актуальна психотерапевтическая работа, связанная с данным состоянием. Освещается один из возможных способов психологической работы со стрессовыми ситуациями и состояниями – ориентированная на решение краткосрочная терапия. Обозначены основные методологические принципы и техники данного психотерапевтического подхода.

Ключевые слова: пенитенциарный стресс, кризисное состояние, ориентированная на решение краткосрочная терапия.

Abstract. The paper dwells on the notion of «penitentiary stress» and a reaction interconnected with it condemned on the conditions of detention. Groups connected with this state for which the psychotherapeutic work is most relevant are described. One of possible ways of psychological work with stressful situations and states – Solution-Focused Brief Therapy. The basic methodological principles and technology of this psychotherapeutic approach are designated.

Keywords: penitentiary stress, crisis statement, solution-focused brief therapy.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством «осужденные имеют право на психологическую помощь, оказываемую сотрудниками психологической службы исправительного учреждения и иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи» [3]. Важными задачами психологической службы уголовно-исполнительной системы являются психологическое консультирование осужденных, психологическая профилактика и коррекция деструктивных состояний. Предметом нашего исследования стал пенитенциарный стресс.

Пенитенциарный стресс – это комплекс глубоких психологических переживаний осужденного, обусловленный его реакцией на уголовное наказание, лишение свободы, влияние специфических стрессоров пенитенциарной среды (режим, скученность людей с различными нравами и характером, публичность, ограничение возможностей в удовлетворении витальных и социальных потребностей, необходимость приспособляться к правилам внутреннего распорядка дня, требованиям администрации, а также к криминальной субкультуре).

Из выборки, состоявшей из 169 осужденных, признаки стресса нами обнаружены у 65 % обследованных [1]. Исследуя данное состояние, были выявлены три группы контингента, для кото-

рых особенно актуальна психологическая работа в связи с наиболее часто встречающимися проявлениями пенитенциарного стресса: осужденные на стадии адаптации к исправительному учреждению (критерий Краскала – Уоллиса для независимых выборок $p = 0,006 < 0,05$); осужденные перед освобождением из исправительного учреждения (критерий Краскала – Уоллиса для независимых выборок $p = 0,011 < 0,05$); впервые осужденные (критерий Манна – Уитни $p = 0,003 < 0,05$) [1].

Для работы с пенитенциарным стрессом используется ориентированная на решение краткосрочная терапия (ОРКТ), основными методологическими принципами которой являются: фокус терапии – решение, а не проблема; сфокусированность на настоящем и будущем; изменения в жизни клиента постоянны и неизбежны [2]. В связи с указанными принципами такой вид терапии весьма актуален при работе со стрессом осужденных в силу следующих обстоятельств. Во-первых, описываемое состояние требует *незамедлительного разрешения* ввиду возможных негативных последствий для личности и окружающих людей. Во-вторых, с факторами, вызывающими пенитенциарный стресс, осужденные встречаются именно *в настоящем, а будущее является для осужденного ресурсным*. В-третьих, краткосрочность работы с осужденными во многих случаях диктуется

спецификой исправительных учреждений (с одной стороны, предъявляются требования охватить психопрофилактической и психокоррекционной работой всех лиц, которые склонны к проявлению агрессии или депрессии, а с другой – имеются существенные ограничения в штатной численности сотрудников психологической службы).

Применение краткосрочной терапии, ориентированной на решение, осуществляется как в групповой, так и индивидуальной формах. Среди основных техник, которые применяются в уголовно-исполнительной системе, можно назвать следующие: вопрос «о чуде», самооценка психического состояния при помощи шкалирования, определение минимально допустимых ухудшений и т.д.

Литература

1. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенициарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых // Психология и право. 2015. Т. 10. № 2. С. 105–116.
2. Основные теоретические положения и методологические принципы ОРКТ. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2F-balahonova-ek.narod.ru%2Ffolderfiles%2F1%2Fteoriya.doc&name=teoriya.doc&lang=ru&c=5622a556b504> (дата обращения: 16.10.2015).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации с изм. и доп. на 15 января 2014 г. М.: Эксмо, 2014. 352 с.

© Мельникова Д.В., 2015

ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕННОГО РИСКА

Тимченко В.А., аспирант научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии

Национальный университет гражданской защиты Украины

Аннотация. Рассматриваются особенности организации восстановительного периода спасателей, анализируются основные отличия психореабилитации от восстановительного периода, приводятся содержательные единицы этого процесса.

Ключевые слова: спасатель, восстановительный период, психореабилитация.

Abstract. The features of the organization of the recovery period lifeguards, analyzes the main differences psihoreabilitatsii of the recovery period, are meaningful units of that process.

Keywords: lifeguard, recovery period, psihoreabilitatsiya.

Длительное время в нашем обществе и соответственно в психологических кругах проблема диагностики и коррекции негативных последствий травмирующих событий для специалистов экстремальных профессий не воспринималась как приоритетная. Цель многих психологов в большинстве случаев была утилитарной – изучить условия и разработать рекомендации, которые обеспечат нормальный уровень функционирования человека как звена единой системы, от которой зависит ее эффективность. Что и как происходит с человеком потом, после выполнения заданий в условиях повышенного риска, какие изменения могут наблюдаться у специалиста – эти вопросы до недавних пор были не столь актуальными в исследовательском поле. К таким специалистам относятся и спасатели, которые занимаются ликвидацией последствий тех или иных чрезвычайных ситуаций.

Несмотря на то, что сегодня известен целый ряд исследований проблемы психологической и социально-психологической реабилитации личности, мы хотим обратить внимание на вопросы, касающиеся организации восстановительного периода спасателей [1; 2]. Перед тем как перейти к рассмотрению его особенностей, отметим, что в последнее время комплекс мероприятий, который организуется с целью восстановления психических и физических ресурсов специалистов Службы спасения, все чаще называют психологической реабилитацией. Однако употребление этого термина в данном контексте не совсем правомерно и скорее соответствует переводу с латинского языка слова «реабилитация» – восстановление, что отражает задачи и содержание осуществляемых мероприятий.

На наш взгляд, в этой ситуации надо говорить о психологическом обеспечении восстанови-

тельного периода деятельности, которое должно включать:

- ◆ психологическое информирование личного состава о возможных негативных психологических последствиях служебной деятельности в условиях воздействия стресс-факторов повышенной интенсивности и путях их преодоления;
- ◆ диагностику психического состояния спасателей, составляющих группу риска (те, кто выполнял наиболее сложные и стрессогенные задачи, ранее испытывал психологические проблемы, впервые принимал участие в выполнении специальных задач служебной деятельности, оказался изолированным в системе взаимодействия подразделения и т.д.);
- ◆ психологическое консультирование специалистов Службы спасения по вопросам, возникшим в связи с переживаемыми ими психологическими трудностями восстановительного периода;
- ◆ психологическую и социально-психологическую поддержку лицам, которые переживают трудности восстановительного периода;
- ◆ использование специализированных психологических методов, направленных на ускорение восстановительных процессов (психофизический тренинг, тренинг саморегуляции, группы интенсивного общения и т.д.).

Отметим, что, если во время восстановительного периода психологические трудности у спасателей не возникают, а те, которые возникают, достаточно эффективно преодолеваются спасателем самостоятельно, психологическая помощь будет носить психопрофилактический характер и приобретет форму психологического информирования, консультирования, психологической и социально-психологической поддержки. Также могут быть использованы специализированные психологические методы, ускоряющие восста-

новление. При возникновении у спасателя отклонений от нормального процесса восстановления с ним должна проводиться психокоррекционная работа, а при появлении устойчивых психологических трудностей – предоставляться психотерапевтическая помощь. Эти две формы психологической помощи так же, как и перечисленные выше, могут осуществляться подготовленным психологом во взаимодействии с медицинским персоналом.

Психологическая реабилитация, в отличие от указанных выше форм психологической помощи, должна осуществляться в тех случаях, когда восстановительный процесс возможен только при участии узких специалистов. Она представляет собой процесс организованного психологического воздействия, направленного на восстановление такого состояния психического здоровья специалистов Службы спасения, которое позволяет достаточно эффективно решать служебные и боевые задачи в любых условиях деятельности [3–4].

Литература

1. О проблеме психофизиологической реабилитации / Глушко А.Н., Овчинников Б.В., Яншин Л.А. и др. // Военно-медицинский журнал. 1994. № 3. С. 46–48.
2. Захаров В.И. Структурно-функциональные основы медико-социальной реабилитации раненых и больных // Проблемы реабилитации. 1999. № 1. С. 7–11.
3. Караяни А.Г. Психологическая реабилитация участников боевых действий. М., 2003. 80 с.
4. Новиков В.С. Боченков А.А., Чермянин С.В. Психофизиологическое обоснование проблемы коррекции и реабилитации участвовавших в боевых действиях военнослужащих // Военно-медицинский журнал. 1997. № 3. С. 53–56.

© Тимченко В.А., 2015

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Колесников Е.П., доцент кафедры общей психологии и психофизиологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Аннотация. Рассматриваются различные подходы к изучению способов (стратегий) преодоления субъектом проблемных ситуаций жизни.

Ключевые слова: проблемная ситуация жизни, преодоление проблемной ситуации.

Abstract. Different approaches to the study of ways (strategies) to overcome the subject of problematic situations of life.

Keywords: life problem situation, to overcome the problem situation.

В зарубежной психологии преодоление субъектом проблемной ситуации рассматривается в целом как проблема психологического преодоления (copingbehavior). Существуют три основных подхода к исследованию психологического преодоления:

- ◆ психологическое преодоление обусловлено динамикой Эго как одного из способов психологической защиты [5];
- ◆ психологическое преодоление – относительно постоянная предрасположенность личности отвечать на стрессовые события определенным образом [6];
- ◆ психологическое преодоление – динамический процесс, специфика которого определяется не только ситуацией, но и стадией развития конфликта субъекта с внешним миром [7].

Каждый из исследователей предлагает свою классификацию форм психологического преодоления, тем не менее большинство из них выстраиваются вокруг предложенных Р. Лазарусом и С. Фолкманом двух модусов психологического преодоления, которые определяются в зависимости от их направленности на *решение проблемы* либо на *изменение собственных установок в отношении проблемной ситуации* [9].

Ученые, исследующие когнитивную стратегию преодоления, выделяют два типа личностей, которые ей пользуются: «monitors» – ищущие информацию и «blunters» – закрытые для информации [8]. В качестве трех способов преодоления, определяемых направлением активности субъекта, рассматриваются ориентированность на *оценку ситуации*; *вмешательство* в ситуацию и *избегание* ситуации. Развивая эти представления, П. Виталиано [10] выделяет три типа эмоционально-ориентированного преодоления:

- ◆ *самообвинение*, проявляющееся в излишней самокритичности;
- ◆ *избегание* – человек продолжает себя вести так, будто бы ничего не произошло;
- ◆ *предпочитаемое истолкование*, при котором индивид трактует ситуацию в свою пользу, либо надеется на чудо.

Интересны взгляды некоторых ученых по вопросу об источниках психологических ресурсов, которыми индивид пользуется для преодоления проблемных ситуаций. В качестве таковых выделяются следующие сферы жизнедеятельности человека: познание и представление; чувства; отношения с людьми; духовность; физическое бытие. Адекватность обращения к той или иной сфере определяется спецификой содержания проблемной ситуации.

В отечественной психологии исследования преодоления проблемных и кризисных ситуаций представлены работами Ф.Е. Василюка [1],

Л.И. Анциферовой [2], Е.А. Донченко и Т.М. Титаренко [3] и др.

По Ф.Е. Василюку, человек преодолевает критическую ситуацию посредством *переживания* как формы деятельности, направленной на восстановление душевного равновесия. Процесс переживания при этом можно рассматривать в качестве одного из внутренних психологических механизмов, реализующих различные стратегии преодоления.

Подводя итог рассмотрению различных подходов к изучению способов (стратегий) преодоления субъектом проблемных ситуаций, необходимо отметить, что практически каждый из них опирается на свою собственную методолого-теоретическую базу (или обходится без нее), выделяя те или иные механизмы, формы и направления в развертывании психологического преодоления. Поэтому «создание удовлетворительной системной классификации видов психологического преодоления, – как отмечала С.К. Нартова-Бочавер, – дело будущего». Тем не менее в качестве возможных оснований упомянутой классификации она выделила следующие признаки психологического преодоления:

- ◆ ориентированность, или локус психологического преодоления (на проблему или на себя);
- ◆ область психического, в которой развертывается преодоление (внешняя деятельность, представления или чувства);
- ◆ эффективность (приносит желаемый результат по разрешению затруднений или нет);
- ◆ временная протяженность полученного эффекта (разрешается ситуация радикально или требует возврата к ней);
- ◆ ситуации, провоцирующие coping-поведение (кризисные или повседневные) [4, 23].

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 198 с.
2. *Анциферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.
3. *Донченко Е.А., Титаренко Т.М.* Личность: конфликт, гармония. 3-е изд. К.: Политиздат Украины, 1989. 175 с.
4. *Нартова-Бочавер С.К.* «Copingbehavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
5. *Amirkhan J.H.* A factor analytically derived measure of coping: The Coping Strategy Indicator. N.Y., 1988.

6. *Bilings A.G., Moos R.H.* Coping, stress, and social resources among adults with unipolar depression // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1984. V. 46. P. 877–91.

7. *Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K.* Accessing Coping Strategies: A theoretically based approach // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1989. V. 56. P. 267–283.

8. *Haan N.* Coping and Defending. N.Y., 1977.

9. *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. N.Y., 1984.

10. *Vitalino P.P. et al.* Coping Profiles Associated with Psychiatric, Physical Health, Work, and Family Problems // *Health Psychol.* 1990. V. 9 (3) P. 348–376.

© Колесников Е.П., 2015

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РИСКА

Хох И.Р., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии факультета психологии Башкирский государственный университет

Аннотация. Рассматривается опыт исследования личностного адаптационного потенциала на выборке сотрудников силовых структур в зависимости от содержательных компонентов их службы и статусных характеристик.

Ключевые слова: личностный адаптационный потенциал, нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, моральная нормативность.

Abstract. The experience of personal research on a sample of the adaptive capacity of the security forces, depending on the substantive components of their service life and performance status.

Keywords: personal adaptation potential, neuro-psychological stability, communication skills, moral norms.

Искаженное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушению адаптации, что может сопровождаться повышенной конфликтностью, непониманием своей социальной роли, ухудшением состояния здоровья. Процесс адаптации чрезвычайно гибок и динамичен, его успех во многом зависит от целого ряда объективных и субъективных условий, функционального состояния, социального опыта, жизненной установки и др. [1] Определенные условия труда той или иной степени интенсивности оказывают влияние на выраженность личностного адаптационного потенциала работников.

Характеристику личностного потенциала адаптации можно получить, оценив нервно-психическую устойчивость, коммуникативные способности и уровень моральной нормативности.

В нашем исследовании приняли участие сотрудники Управления по конвоированию ГУФСИН России по Республике Башкортостан, офицеры Управления по вооружению МО РФ и солдаты срочной службы.

Важно отметить, что содержание профессиональной деятельности указанных категорий сотрудников различны не только по степени возникновения рискованных ситуаций, но и по объему ответственности и контроля своего поведения. Например, сотрудники системы исполнения наказаний, сопровождающие осужденных в места их изоляции от общества, подвергают свое здоровье и жизнь большему риску, они более регламентированы в своем поведении, чем военнослужащие, находящиеся в мирных условиях повседневной службы.

Мы предположили, что специфика условий профессиональной деятельности дает возможность проявления адаптационного потенциала личности по-разному.

В качестве одной из психодиагностических методик в программе исследования применялся многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина [2].

Рассмотрим отдельные составляющие личностного адаптационного потенциала в выборках респондентов.

По показателю *нервно-психической устойчивости* в группах испытуемых мы получили достоверные отличия только между группами офицеров (конвоиров и военных) и солдат срочной службы. У офицерского состава указанных нами подразделений выявлен уровень нервно-психической устойчивости достоверно более высокий, чем у солдат срочной службы. На наш взгляд, данный феномен формируется при определенных факторах, когда повышается устойчивость к стрессу, если человек либо постоянно находится в напряженных ситуациях в условиях работы, либо в условиях неопределенности, как это было отмечено у военнослужащих офицерского состава. Также для данной категории сотрудников силовых структур их деятельность является основной профессией.

Различие в показателях нервно-психической устойчивости в выборке солдат срочной службы объясняется, на наш взгляд, возрастными различиями, меньшим опытом профессиональной деятельности и высокой степенью подчиненности вышестоящим лицам, а следовательно, происходит делегирование ответственности, и мотивация исполнения обязанностей низкая. При этом нужно отметить и влияние временного параметра на изучаемый нами показатель, так как срочная военная служба ограничивается одним годом, и только незначительное число военнослужащих данной категории изъявляют желание продолжить службу в профессиональном формате.

При сравнении показателей в выборках респондентов по *коммуникативным способностям* достоверных различий между ними выявлено не было. Коммуникативные способности, как психологические качества, необходимы в рамках службы не только для исполнения своих служебных обязанностей, но и для адаптации в условиях службы, в воинском и служебном коллективе.

Анализ результатов исследования по параметру *моральная нормативность* снова показал достоверно более высокий результат у офицеров ГУФСИН и МО РФ по сравнению с выборкой солдат срочной службы.

Моральная нормативность обеспечивает индивиду способность адекватно воспринимать предлагаемую для него определенную социальную роль. В контексте авторов теста вопросы, характеризующие уровень моральной нормативности индивида, отражают два основных компонента процесса социализации: восприятие морально-нравственных норм поведения и отношение к требованиям непосредственного социального окружения [3]. На наш взгляд, позитивная со-

циальная нагруженность таких ролей, как офицер, охраняющий граждан от внутренней угрозы (конвоир, сопровождающий осужденного в места лишения свободы), и офицер, охраняющий граждан от внешней угрозы (профессиональный военнослужащий), играет значительную роль в формировании высокой моральной нормативности и социальной желательности своей профессии. К сожалению, воинская обязанность стереотипно воспринимается в обществе обывателей как повинность, опасность, временная депривация привычного уклада жизни, отсюда и значимость данной роли для индивида субъективно определяется как низкая.

Анализируя общий показатель личностного адаптационного потенциала (ЛАП) в выборках респондентов, мы обнаружили, что он выше у офицерского состава ГУФСИН И МО РФ, но его представленность меняется в зависимости от стажа службы. Так, высокие показатели ЛАП характерны для офицеров, чей стаж не превышает пяти лет, в выборке офицеров, чей стаж от десяти лет и больше, наблюдается тенденция сохранения показателя ЛАП на среднем уровне проявления. Таким образом, мы обнаружили косвенное влияние синдрома профессионального выгорания на исследуемые показатели.

Известно, что адаптация человека к стрессогенным условиям во многом определяется существующими у него высшими адаптивными психофизиологическими уровнями: чем значительнее адаптационные способности человека, тем больше вероятность нормального функционирования организма.

Исходя из сказанного выше, следует подчеркнуть, что, чем выше показатели личностного адаптационного потенциала, тем в более жестких условиях человек может успешно выполнять профессиональные обязанности, тем выше вероятность сохранения им работоспособности и здоровья после воздействия стрессовых факторов.

Литература

1. *Китаев-Смык Л.А.* Сознание и стресс: Творчество. Совладание. Выгорание. Невроз. М.: Смысл, 2015. 768 с.
2. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
3. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2001. 448 с.

ПРОЖИВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ УСТАЛОСТИ

Иванов М.Б., магистрант второго года обучения, кафедра психологии личности департамента психологии факультета социальных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается феномен психоинформационной усталости, выявляется характер и динамика переживаний в ситуации информационной вовлеченности с позиции экзистенциально-аналитического подхода А. Лэнгле. Осуществляется работа по разграничению феномена информационной усталости в рамках разных контекстов, подчеркивается фактор переживаний субъекта данной вовлеченности в ситуации неопределенности. Обозначается потенциал возможного исследования феномена.

Ключевые слова: информационная усталость, экзистенциальный анализ, консультирование, психотерапия, неопределенность, информационные процессы, копинговые реакции.

Abstract. The article deals with information fatigue phenomenon, analyzing character and dynamics of experience being involved in informational process. The paper focuses on context differentiations of the phenomenon. The role of experience is preferable, while research into the causes of situation of indefiniteness. The paper also denotes the potential of research. The author works in tradition of existential psychotherapy by A. Langle.

Keywords: information fatigue syndrome, existential analysis, consulting, psychotherapy, indefiniteness, informational process, coping reactions.

Понятие *психоинформационной усталости* фиксирует ситуацию для субъекта, в рамках которой его существование сопровождается патологической (воспринимаемой как страдание) вовлеченностью в окружающие его информационные процессы. Интенсивность и скорость данных процессов может быть столь высока, что субъект частично утрачивает возможность реализовывать себя исходя из собственных установок и свойств, действовать с внутренним согласием.

Активность информационных процессов и все более возрастающая (практически всесторонняя) вовлеченность отдельно взятого человека или группы людей (например, в рамках корпоративных требований работать с информацией определенного объема и качества) приводит нас к необходимости поставить вопрос информационной усталости как требующий всестороннего рассмотрения и изучения.

В рамках практики консультирования и психотерапии в экзистенциально-аналитическом подходе А. Лэнгле (ЭА), феномен психоинформационной усталости базируется на содержании, близком к «я могу» первой фундаментальной мотивации (1ФМ): субъект ощущает новые возможности и укрепляет собственную точку зрения. Далее можно наблюдать переживание «мне нравится», рассматриваемого в рамках второй фундаментальной мотивации (2ФМ). Его можно охарактеризовать как «быть в курсе», «ничего не

упускать» – перед нами следование своего рода тренду вовлеченности в информацию.

Изначальное переживание «я хочу это знать ради конкретного случая» претерпевает изменение и становится «я хочу это знать, чтобы быть в курсе». Данные теряют свою содержательную привлекательность, имеет значение только факт погруженности в данные (примерами могут служить rss-ленты, «новости» в социальных сетях и т.п.). Появление мобильных приложений, которые помогают разобраться с другими приложениями (предназначенными, чтобы структурировать все те же информационные блоки), явно свидетельствуют в пользу данного утверждения.

Полная погруженность в информацию, выступая изначально как конституирующее начало (информации достаточно для принятия решений), становится травмирующим фактором (информации недостаточно, единственный выход – потреблять все большее количество данных). Сходным образом описанные выше феномены рассматриваются в медицине, инженерной психологии, организационной психологии, а также психологическом консультировании и психотерапии.

В то же время в фокусе внимания исследователей не всегда оказывается само переживание человека, испытывающего состояние стресса вследствие работы с информацией, вовлеченности в нее. Несмотря на схожесть протекания

состояния эмоционального выгорания и информационной усталости, большое значение приобретает переживание информационной вовлеченности субъекта, его эмоционально-информационные отношения с дефицитом и профицитом данных.

Таким образом, ключевым для консультирования и психотерапии будет фактор наличия и отсутствия информации. Условное наличие (профицит) и отсутствие (дефицит) информации выступают как определяющие в рамках ситуации психоинформационной усталости. Дефицит информации подразумевает недостаток ценных и полезных сведений, без которых невозможно принятие конкретных решений.

Процессы поиска или генерирования информации могут сопровождаться переживанием *потенциальной неполноты* (в рамках 1ФМ и третьей фундаментальной мотивации), отражающим неисчерпаемость данных, в которые вовлечен субъект (утрата переживания целостного представления об объекте или явлении). Стремление к целостному представлению об объекте или явлении может сопровождаться блокированием переживания его ценности (нарушение в рамках 2ФМ). Информационная вовлеченность включает также индивидуальные переживания *времени* (2ФМ) и пространства (1ФМ).

Переживание *времени*, в свою очередь, может проживаться через фактор «срочность» (в основном в ситуации принятия решений, а также в ситуации отложенного решения). Стремление к экономии личного времени может сопровождаться переживанием *достигнутой неполноты*. Установка на минимизацию затрат приводит к переживанию личной неэффективности (3ФМ) и утрате опоры в себе (1ФМ), переживаний, сходных с феноменом эмоционального вы-

горания (burn-out), тем не менее отличаясь от него по сути.

Избыток информации выступает сильным стрессогенным фактором и отражается на принятии решений. Адаптационными механизмами в этом случае будут копинговые реакции: «избегание», «агрессия» и «рефлекс мнимой смерти». Необходимо также отметить ситуацию *«аналитического шока»* (неспособность принимать решения в силу представлений, что данных для этого недостаточно, даже если при объективной оценке это не так). Возможно, дальнейшие исследования переживаний субъектом информационной вовлеченности позволят проследить генезис индивидуальных вариаций и потенциальную модель коллективных вариаций, зависящих от спецификации и объема задействованных данных.

Литература

1. *Forester T.* Megatrends or Megamistakes? What ever happened to the information society information. 1990.
2. *Freudenberg H., North G.* Burn-out bei Frauen. 2-nd ed. Frankfurt, 1992.
3. *Бодров В.А.* Информационный стресс. М., 2000.
4. *Еляков А.Д.* Дефицит и избыток информации в современном социуме // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 107–114.
5. *Лэнгле А.* Эмоциональное выгорание с позиции экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 3–16.
6. *Лэнгле А.* Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис, 2013.

© Иванов М.Б., 2015

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА, СТРЕСС, КРИЗИС В СУБЪЕКТИВНОМ ПРОЖИВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА

Богомягова О.Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация. Рассматривается критерий дифференциации индивидуального и социального опыта индивида. Фокусируется сущность стрессовой, кризисной, трудной жизненной ситуации и травматического опыта. Приведены аналитические данные психотерапевтической практики сопровождения травмированных.

Ключевые слова: стресс, кризис, трудная жизненная ситуация, психологическая травма, гештальт-терапия, психоанализ, психодрама.

Abstract. The criteria of differentiation of individual and social experience. Focuses essence of stress, crisis, difficult situations and traumatic experience. The analytical data support traumatic psychotherapeutic practice.

Keywords: stress, crisis, difficult life situation, psychological trauma, Gestalt therapy, psychoanalysis, psychodrama.

Индивидуальный опыт, который выносится разными людьми из объективно одинаковых социальных ситуаций, может быть существенно различным. Лежащее в основе процесса социализации усвоение социального опыта становится и источником индивидуализации личности, которая не только субъективно усваивает этот опыт, но и активно его перерабатывает [4]. Жизненные ситуации, с одной стороны, расширяют социальный опыт индивида, а с другой – субъективно проживаются человеком посредством своих личных достижений и в контексте индивидуального развития [4].

Дифференциация жизненной ситуации как стрессовой, кризисной, травматической определяет индивидуальное реагирование субъекта и стратегию социально-психологической помощи и поддержки. Критерием для определения этих событий является степень аффекта, беспомощности и безнадежности [1; 5].

Стресс принято определять как неспецифический ответ организма на любое предъявляемое к нему требование. Под стрессом понимают «состояние организма, возникающее при воздействии необычных раздражителей и приводящее к напряжению неспецифических адаптационных механизмов организма» (Р. Лазарус) [2].

Кризисная ситуация – это ситуация эмоционального и умственного стресса, требующая значительного изменения представлений человека о себе и о мире за короткий промежуток времени [2]. Ситуация кризиса требует выработки новых способов поведения и нахождения новых смыслов жизнедеятельности.

Трудная жизненная ситуация – это такая ситуация, в которой «в результате внешних воздействий или внутренних изменений происходит нарушение адаптации человека к жизни, в результате чего он не в состоянии удовлетворять свои основные жизненные потребности посредством моделей и способов поведения, выработанных в предыдущие периоды жизни» (Н.Г. Осухова) [5].

Травматическое событие – это то, что превышает возможности Эго по переработке этого события (О. Бермант-Полякова). Это аффект недоумения или шока, эмоциональная и когнитивная дезорганизация (Ф.Е. Василюк). Травма возникает только тогда, когда всех наших сил не хватает для того, чтобы справиться с происходящим

так, как мы этого желаем; когда происходит то, чего мы не в силах даже допустить [2].

Система профессиональной помощи и поддержки в проживании субъектом индивидуального опыта представлена в современной психотерапии различными направлениями. Обращаясь к сравнительному анализу психотерапевтических методов и подходов, сфокусируем внимание на тех видах терапии, которые в наибольшей степени представлены в практике г. Перми и Пермского края: гештальт-терапия, психоанализ и психодрама.

Гештальт-терапия в работе с психологическими травмами использует концепцию незавершенных действий или незавершенных ситуаций, представление о цикле контакта, механизмах его прерывания и об организмической саморегуляции (Мазур, 1998). Работа с травмой в гештальт-терапии направлена на восстановление целостного цикла реализации потребностей и преодоление защитных механизмов проекции, ретрофлексии, интроекции, а также слияния.

В гештальт-подходе широко используются техники диалога, эксперимента, а также техники работы с чувствами и телом. Они дают возможность завершить переживание травмы на разных уровнях (Перлз, Гудмен, 2001).

Психоаналитик в своей работе с клиентом особое внимание уделяет сопротивлению, механизмам психологической защиты, переносу, контрпереносу, возникновению и постепенное преодоление которых и дает толчок к динамическому развитию (как в системе «терапевт – клиент», так и для самого клиента). Большое значение в осознании имеет анализ сновидений, ошибок, ситуаций, связанных с забыванием и др.

Психодрама позволяет исследовать жизненную ситуацию с помощью ее воспроизведения и отыгрывания. Протагонист (клиент) является одновременно драматургом, режиссером и актером в одном лице [3]. Создание психодраматической сцены, построение геносоциограммы, использование техник дублирования, зеркала, обмена ролями, пустого стула, письма дают возможность осознания, принятия и отреагирования своих чувств, формирования нового взгляда на ситуацию, завершения незавершенных действий, осознания своих ресурсов (как внутренних, так и внешних) в сложной жизненной ситуации и оптимального ее разрешения. Таким образом, именно психодрама

сочетает в себе все три пути отреагирования эмоций и чувств: выражая их словом в ролевом диалоге, демонстрируя их в действии, выражая телесно. Именно в этом состоит максимальный эффект работы с травмой и травматическим опытом.

Литература

1. Бурмистрова Е.В. Психологическая помощь в кризисных ситуациях (предупреждение кризисных ситуаций в образовательной среде): метод. рекомендации для специалистов системы образования. М.: МГППУ, 2006.

2. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций //

Журнал практической психологии и психоанализа. 2001.

3. Психодрама – вдохновение и техника / под ред. П. Холмса и М. Карп.; пер. с англ. В. Мершавки, Г. Ченцовой. М.: Класс, 2002. 170 с. (Библиотека психологии и психотерапии).

4. Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия. Самара: Бархах-М, 2000. 238 с.

5. Синицына Т.Ю. Экстренная психологическая помощь в образовательных учреждениях учащимся с суицидальным поведением / под ред. О.В. Вихрстюк. М., 2012. 270 с.

© Богомяккова О.Н, 2015

РАЗНОВИДНОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Романова Н.М., кандидат социологических наук доцент кафедры общей и социальной психологии Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Аннотация. Разработана классификация вовлечения личности в криминальную деятельность на материале обобщения эмпирического психологического исследования обвиняемых и осужденных с использованием комплекса методов: анализ материалов уголовных дел, методов судебно-психологической экспертизы, наблюдения, беседы и тестирования выявлены разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность по психологическому основанию: эмоциональное, рациональное, опосредованное.

Ключевые слова: вовлечение, криминальная деятельность, разновидности вовлечения, эмоциональное вовлечение, рациональное вовлечение, опосредованное вовлечение.

Abstract. The article is devoted to the development of the classification of the individual involvement in criminal activities. On a material of the empirical generalization of psychological studies of accused and convicted using complex methods: analysis of materials of criminal cases, the methods of forensic – psychological examination, observation, interviews and testing revealed variations involving the individual in criminal on psychological grounds: emotional, rational, mediated.

Keywords: involvement, criminal activity, variety of involvement, emotional involvement, rational involvement, mediated involvement.

Российские и зарубежные исследователи определяют современный социум как «сложный», «становящийся» («текущий»), быстроменяющийся [1]. Для его развития характерна ускоряющаяся и усложняющаяся динамика [2; 3]. В изменяющемся социуме в результате быстрых и интенсивных изменений нормативные системы теряют стабильность, разрушаются, утрачивая свою регулятивную функцию.

Состояние современного российского общества определяется как аномия, признаками которой являются апатия и безразличие его членов [4]. В условиях аномии, характеризующейся ослаблением нормативного контроля

в обществе, расширяется поле девиантной самореализации личности, увеличиваются риски появления новых форм девиантного и криминального поведения [1], появляются новые источники и разновидности криминализации личности. К области криминальной активности приобщаются люди с самыми разными психологическими, социальными и правовыми характеристиками. Расширение побудительных и смысловых оснований криминального поведения является одной из причин вовлечения в преступную деятельность самых разных типов личностей. При этом вовлечение личности в преступную деятельность является реальной,

требующей своего анализа и разрешения социальной проблемой.

Вовлечение личности в криминальную деятельность мы понимаем как приобщение последней к преступному поведению в форме возникновения преступного намерения и последующего совершения преступления. Функция вовлечения в преступление представлена активностью двух видов: активностью вовлекающего субъекта в плане приобщения вовлекаемого к криминальному поведению и ответной активностью объекта вовлечения вследствие активных действий вовлечателя, выраженной в форме совершения преступления.

На материале обобщения данных эмпирического психологического исследования обвиняемых и осужденных с использованием комплекса методов – анализ материалов уголовных дел, методов судебно-психологической экспертизы, наблюдения, беседы и тестирования – выявлены разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность *по психологическому основанию*:

◆ *эмоциональное* (в ситуацию, в процесс, в действие). Оно может быть вынужденным (в случае, когда негативные эмоции захлестывают человека и он не может их контролировать) или результатом некритического восприятия ситуации субъектом (особенно актуально для молодых людей, которых легко вдохновить (призывом, примером), кроме того, в условиях группового эффекта у личности повышается энтузиазм, оптимизм, вера в безнаказанность;

◆ *рациональное* – под влиянием логических построений, в результате осмысления, когнитивной переработки информации;

◆ *опосредованное* (является результатом аффилиативной привязанности личности к значимому объекту, реакцией на апелляцию к социальным чувствам (любовь, дружба, помощь, сострадание) или взывание к социальной ответственности, помощи). Вовлечение происходит по схеме: человек – чувство – вовлечение – преступление. Вовлекатель *доминирует*, искушает, а вовлекаемый демонстрирует *уступчивость, конформность*.

Результативный аспект вовлечения в криминальную деятельность представлен параметром сформированности у вовлекаемого особого психологического образования – вовлеченности (разной степени выраженности) в криминальную деятельность.

Литература

1. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 2–12.

2. Пригожин И.Р., Стингерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 2001.

3. Пригожин И.Р. Сетевое общество // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 21–25.

Тоценко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3.

© Романова Н.М., 2015

РЕФЛЕКСИЯ КАК РЕСУРС СОВЛАДАНИЯ С КОНФЛИКТНОСТЬЮ И РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Туровцев Н.В., магистр психологии,

Семенов И.Н., доктор психологических наук, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается роль рефлексии в развитии индивидуальности человека в проблемно-конфликтных ситуациях. Проводимое исследование направлено на изучение рефлексии личностно-профессионального целеполагания как системообразующего фактора психологических ресурсов человека. Полученные данные эмпирического исследования подтверждают, что рефлексия является важнейшим механизмом перестройки и развития целеполагания и активации психологических ресурсов человека для достижения поставленных им значимых целей. Таким образом, запускаемые психологические ресурсы имеют целевое назначение, опосредованное рефлексией.

Ключевые слова: рефлексия, целеполагание, психологические ресурсы, совладающее поведение.

Abstract. The role of reflection in the development of human individuality in problem–conflict situations. Ongoing studies aimed at studying the reflection of personal and professional goal setting as a system of psychological factors of human resources. The findings of empirical studies suggest that reflection is the most important mechanism for the restructuring and development of targeting and activation of human psychological resources to achieve their important goals. Thus, triggered psychological resources are earmarked, indirect reflection.

Keywords: reflection, goal setting, psychological resources, coping behavior.

В современной психологии интенсивно изучается роль рефлексии в регуляции теоретического (В.В. Давыдов, А.З. Зак, К.С. Серегин) и творческого мышления (В.К. Зарецкий, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов), в организации индивидуальной (О.Д. Ковшуро, Я.А. Пономарев, В.Д. Шадриков) и групповой деятельности (Н.Г. Алексеев, А.В. Карпов, Г.П. Щедровицкий), в развитии личности в культуре (В.Г. Аникина, И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко) и общении (И.В. Берлянд, Г.И. Давыдова, И.В. Палагина). На этом доминирующем классическом фоне гораздо меньшее внимание уделяется исследованию роли рефлексии в конфликтном противоборстве (В.А. Лефевр, Г.Л. Смолян) и в совладающем с конфликтностью поведении (В.Е. Лепский, В.А. Петровский, Т.П. Скрипкина).

Так как наши исследования показали неоднородность рефлексии (И.Н. Семенов, 1973; И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, 1982) и выявили ее дифференциацию на различные рациональные и иррациональные типы (И.Н. Семенов, 1988, 1990), возникает проблема изучения рефлексии как интеллектуально-личностного ресурса развития индивидуальности человека в проблемно-конфликтных ситуациях (И.Н. Семенов, 1983). Изучение указанной проблемы открывает возможность экспериментального исследования этого рефлексивного ресурса человека для совладания им с конфликтностью как во внешнем поведении в неоднозначных ситуациях общения, так и во внутренне противоречивом самосознании индивидуальности. Наличие определенных ресурсов, потенциалов, возможностей расширяет поле деятельности человека, делая более достижимыми значимые цели в его жизни. Ядро психологического анализа – переход от субъективного отсутствия того или иного ресурса внутреннего мира человека к его открытию, конструированию и проектированию.

Проводимое нами исследование направлено на изучение рефлексии личностно-профессионального целеполагания как системообразующего фактора психологических ресурсов человека.

Проблема исследования: как студенты представляют и рефлексиируют свои психологические ресурсы, необходимые им для успешного дости-

жения их личностно-профессиональных целей. Согласно выдвинутой гипотезе студенты с продуктивными способами целеполагания и стихийной рефлексии своих целей, возможных внутренних трудностей и внешних препятствий на пути их достижения обладают относительно низким уровнем развития рефлексивности; студенты с преобладанием продуктивных способов постановки целей и активной рефлексии потенциальных проблемно-конфликтных ситуаций имеют относительно высокий уровень развития рефлексивности.

Объект исследования – личность студента, как носитель психологических ресурсов.

Предмет исследования – рефлексия личностно-профессионального целеполагания как системообразующий фактор психологических ресурсов.

Использовались методики – рефлексивный опросник «Рефлексия жизненных и профессиональных целей» И.Н. Семенова (2011), методика диагностики индивидуальной меры выраженности свойства рефлексивности А.В. Карпова (1998).

Экспериментально были обнаружены положительные корреляции общей рефлексивности, ретроспективной, ситуативной и перспективной рефлексии с общей осмысленностью жизни, что указывает на прямую связь рефлексивности и рефлексивных механизмов разных временных модусов с общей осмысленностью жизни. Рефлексия обеспечивает превращение человека в активного, самостоятельного и ответственного субъекта своей деятельности, предавая ей направленность и осмысленность. Выявлена положительная корреляция между ретроспективной рефлексией и результативностью жизни. Тем самым показано, что рефлексия играет важную роль в оценке удовлетворенности нынешней самореализацией, соотнесении ранее поставленных целей и достигнутых результатов. Важнейшим механизмом развития целеполагания является рефлексия, что подтверждается положительной взаимосвязью между рефлексивностью и перспективной рефлексией с целями в жизни. Поскольку в основе целеполагания лежат рефлексивные механизмы, то чем выше способность к рефлексии и перспективной рефлексии, тем

выше продуктивность и эффективность постановки целей. При анализе полученных ответов от студентов на открытые вопросы рефлексивного опросника «Рефлексия жизненных и профессиональных целей» И. Н. Семенова было обнаружено, что у респондентов с высокоразвитой рефлексивностью преобладает ориентация на постановку и активную рефлексию долгосрочных целей более крупного масштаба, которые можно отнести к целям высшего уровня. Слабая мотивация, проявляющаяся у студентов с низкоразвитой рефлексивностью, объясняет их ориентацию на внутреннее самоопределение. Чтобы замотивировать себя на выполнение определенной деятельности, необходимо самоопределиться в значимых целях личностно-профессионального развития. У студентов с высокоразвитой рефлексивностью такой сложности не обнаружено, их основные усилия на преодоление внутренних трудностей направлены на саморазвитие, что указывает на наличие значимых целей, которые они рефлексиируют. Несформированность целей не позволяет студентам мобилизовать рефлексию своих внутренних ресурсов для преодоления проблемно-конфликтных ситуаций и объясняет наличие трудностей, связанных с самой рефлексией. У студентов с высоким уровнем рефлексивности присутствуют ясные цели, за счет чего происходит мобилизация активной рефлексии причин и способов преодоления внешних препятствий и внутренних трудностей на пути достижения значимых целей.

Это доказывает, что психологические ресурсы имеют целевое назначение, опосредованное реф-

лексией. Важнейшим механизмом перестройки и развития целеполагания является рефлексия. Активная рефлексия своих целей – важный шаг в проектировании своей жизненной и профессиональной траектории. Чем более ясные и определенные цели ставит перед собой человек, тем активнее мобилизуется и разворачивается рефлексия внешних препятствий и внутренних трудностей на пути их достижения.

Результаты проведенного эмпирического исследования подтвердили гипотезу о том, что студенты, которые прибегают к непродуктивным способам целеполагания и примитивной рефлексии своих целей, возможных внутренних трудностей и внешних препятствий в их достижении, обладают относительно низким уровнем развития рефлексивности; студенты, у которых преобладают продуктивные способы постановки целей и активной рефлексии потенциальных проблемно-конфликтных ситуаций, имеют относительно высокий уровень развития рефлексивности.

Литература

1. Семенов И.Н. Социокультурная роль экзистенциальной рефлексии в развитии целеобразования и самоотношения творческой индивидуальности // Мир психологии. 2011. № 1.

2. Семенов И.Н., Туровцев Н.В. Системно-психологический подход к изучению рефлексивных ресурсов профессионального развития // Психология историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. № 5–6. С. 35–71.

© Туровцев Н.В., Семенов И.Н., 2015

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В КОНФЛИКТЕ

Фокин В.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Психология профессий и конфликта» факультета психологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Рассматривается принципиальная невозможность понимания детерминации конфликта как результата влияния внешних и внутренних факторов; обосновывается необходимость рассмотрения процесса самоопределения и его результата – личностной позиции – как средства выявления индивидуальности.

Ключевые слова: индивидуальность, конфликт, детерминация конфликта, личностная позиция, самоопределение

Abstract. A considerable part of the previous research of conflicts focusing only on the it's preconditions. The article brings forward the methodological problems in conflict's study and to the methodical principles for carrying out the study of the conflict. Much attention is given to self-determination to the conflict situation. The text gives an account of conflict behavior as a projective test.

Keywords: person, personality, conflict, self determination, conflict behavior, projective test, narrative

Несмотря на многократно возросшее число публикаций по межличностным конфликтам, остается нерешенной принципиальная проблема их детерминации. Полемиически заостряя сложившуюся традицию исследований в этой области, можно представить ситуацию так. Важнейшую роль играют: объективные особенности ситуации и индивидуально-личностные свойства и качества человека в их сложном переплетении и взаимодействии с внешними факторами. Предполагается, что любая вещь внешнего мира, идея, рассогласование по нормам и стилям поведения в принципе могут выступать «объективными причинами» конфликтов. Индивидуальные особенности личности, детерминирующие конфликт, также чрезвычайно разнородны: агрессивность, стремление карать, смещенная зависть, меркантильность, низкий уровень этического развития, психопатии, садистский характер, эмоциональная неустойчивость, низкая возможность волевого контроля, ограниченный репертуар поведенческих реакций, нерефлексивность, неадекватный прогноз развития ситуации и др. Выделяют значимые параметры индивидуальности, которые, как правило, можно измерить с помощью стандартных методик, сравнивая их с нормой. Затем из конкретной фактологии, качественно проанализированной или количественно исчисленной, создают некую целостность с более или менее сложной архитектурой и говорят, что это и детерминирует конфликт. Такая система координат, в которой мыслится и исследуется реальный живой человек, не выходит за рамки психологической детерминации его поведения. Смысловые, ценностные, этические, религиозные, экономические компоненты поведения выносятся за скобки. Отсюда – принципиальная невозможность объяснения самого факта вступления или невступления в конфликт. Для примера, в нашей практике имел место случай невступления в конфликт человека, понесшего многомиллиардный ущерб. Сама жизнь (имеем в виду реальные конфликты) продемонстрировала варибельность понимаемых таким образом причин, релятивировала их до степени, не позволяющей видеть в них действительно причины возникновения конфликтов. Фактически речь идет о предпосылках возникновения конфликтов. В такого рода объяснениях можно констатировать гетерогенезацию сферы психического (по аналогии с тем, как объяснялось падение тел с разной скоростью: камень падает быстрее, потому что его природа отличается от

природы пуха, а дым вообще поднимается вверх в силу присущей именно ему природы). Что же есть во всех без исключения конфликтах, точнее, переходе к ним? Это процесс самоопределения к ситуации, кристаллизация интегрального отношения к ней. В большинстве случаев этот процесс происходит спонтанно, часто совершенно бессознательно. Результатом его выступает личностная позиция. Известно, что человек в значимой ситуации использует для ориентации в ней систему категорий, классификаций, метрических шкал, адекватных естественно-научной практике, и специфические, сугубо индивидуальные «неметрические коды», «актуальные координаты ситуации». Второй тип отношений к миру – «пристрастность» – служит средством упорядочивания субъективного опыта, осмысления ситуации, определения интегрального отношения к ней, в том числе к выбору способов реагирования и ее разрешения. Эта работа имеет смысл только в «канве жизни», в упорядоченной на длительном отрезке времени последовательности событий, в отнесении ситуации к имеющему незыблемое для человека аксиологическое значение фону, набору жизненных правил, максим, рецептов поведения. Изучение процесса самоопределения к ситуации, его результатов, а именно, личностной позиции, позволяет выявить механизмы индивидуализации поведения, а значит, и человека, дает шанс уйти от попыток свести объяснения поведения к действию отдельных, произвольно выбранных свойств и качеств личности, избирательно влияющих на него именно в данной, конкретной ситуации. Наш опыт показывает, что люди, имеющие нередко поразительно похожие свойства и качества, выявленные с помощью стандартных методов исследования, ведут себя в феноменологически однородных конфликтах совершенно по-разному. Отсюда вытекает и проблема методов исследования. Отметим, что само конфликтное поведение выступает как проективный тест, поскольку очень часто качественно отличается как от декларированных самим человеком целей и задач, шире – его интегральной оценки самого себя в конфликте, так и от унылых «объективных», количественно выявленных психологических свойств и параметров. Огромный пласт значимой информации, индивидуализирующей участников конфликта, можно получить, по нашему убеждению, из нарратива – спонтанного текста описания ситуации ее участниками.

СООТНОШЕНИЕ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА, ТЕМПЕРАМЕНТАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ У СТУДЕНТОВ

Куксо П.А., кандидат биологических наук, доцент
Башкирский государственный университет

Куксо О.Г., доцент кафедры управления и информатики

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Институт экономики, информатики и управления

Аннотация. Рассматривается проблема внутриличностного конфликта у студентов. Цель данной работы – выявить особенности внутриличностного конфликта и некоторых темпераментальных и личностных показателей студентов. Было выделено три группы студентов с разным типом внутриличностного конфликта. Проведен сравнительный анализ темпераментальных и личностных показателей студентов у этих групп.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, темперамент, студенты.

Abstract. The problem of intrapersonal conflict among the students is considered. The aim of this work is to reveal the peculiarities of intrapersonal conflict and some temperamental and personal performance of students. Three groups of students with different types of intrapersonal conflict is highlighted. Comparative analysis of temperamental and personal factors of students in these groups is performed.

Keywords: intrapersonal conflict, temperament, students.

Как известно, внутриличностный конфликт рассматривается как столкновение интересов, потребностей, влечений личности, возникающих при условии их примерной паритетности по интенсивности и значимости, но разной направленности [1]. Внутренние конфликты появляются в результате усложнения личностной системы. Известно, что одним из факторов, приводящих к появлению внутренних конфликтов, является невозможность занять позицию «разумного» отношения к своему природному потенциалу [2]. В данной работе мы основывались на структурно-функциональном подходе, который был заложен в трудах В.С. Мерлина, Б.М. Теплова, В.Д. Небылицина. Некоторые показатели темперамента взаимосвязаны с внутриличностным конфликтом и оказывают огромное влияние на жизненный путь личности.

Для нас интересны особенности внутриличностного конфликта у студентов. Обучение в высшей школе связано с высокой учебной нагрузкой студентов. В этот важный период у многих молодых людей происходит выбор жизненных ориентиров, который сопровождается внутренней конфликтностью личности.

Цель данной работы – выявить особенности внутриличностного конфликта и некоторых темпераментальных и личностных показателей студентов. Для достижения поставленной цели была проведена оценка показателей следующих ме-

тодов: внутриличностный конфликт (Е.Б. Фанталова, 1992) «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» (УСЦД); возбуждение, торможение, подвижность (опросник для изучения темперамента Я. Стреляу); экстраверсия, интроверсия и нейротизм (личностный опросник ЕРІ Г. Айзенка); личностная и ситуационная тревожность (шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Спилбергера – Ханина). Проведен корреляционный и факторный дисперсионный анализ ANOVA с помощью программного пакета Statistica 10.0. В исследовании приняли участие студенты – 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет.

Результаты методики Е.Б. Фанталовой показали, что 69 % обследуемых имеют внутриличностный конфликт (ВЛК), 26 % испытуемых находятся в состоянии внутреннего вакуума (ВВ) и, наконец, 5 % испытуемых, участвовавших в исследовании, оказались в нейтральной зоне (НЗ).

У группы студентов с ВЛК выявлена положительная взаимосвязь возбуждения с торможением и экстраверсией ($r = 0,32$; $r = 0,26$ соответственно при $p < 0,05$) и отрицательная взаимосвязь с ситуативной тревожностью и личностной тревожностью ($r = -0,25$ и $r = -0,28$ соответственно при $p < 0,05$). Личностная и ситуативная тревожность прямо взаимосвязаны, что указывает на личностную нестабильность самооценки. Торможение положитель-

но взаимосвязано с возбуждением и отрицательно взаимосвязано с экстраверсией/интроверсией ($r = -0,47$ при $p < 0,05$). Следовательно, у испытуемых с ВЛК торможение связано с типом личности.

У группы студентов с ВВ показатель возбуждения имеет меньше связей с другими показателями по сравнению со студентами с ВЛК, нет связей с экстраверсией и подвижностью, вместе с тем наблюдается обратная связь с показателем ситуативной тревожности ($r = -0,58$ при $p < 0,05$) и личностной тревожности ($r = -0,46$ при $p < 0,05$) и положительная связь с показателем подвижности ($r = 0,43$ при $p < 0,05$). Чем выше возбуждение психических процессов испытуемых, тем выше их лабильность и ниже ситуативная и личностная тревожность.

У группы студентов с ВВ выявлена обратная связь уровня торможения с показателями ситуативной ($r = -0,431$ при $p < 0,05$) и личностной тревожности ($r = -0,459$ при $p < 0,05$), а также с показателем нейротизма ($r = 0,43$ при $p < 0,05$). Важно заметить, что этой последней связи не наблюдается у группы студентов с ВЛК. Обнаружена положительная связь между уровнями ситуативной и личностной тревожности ($r = 0,504$ при $p < 0,05$), нейротизмом ($r = 0,401$ при $p < 0,05$) и отрицательная взаимосвязь с показателями возбуждения и торможения ($r = -0,58$ и $r = -0,54$ соответственно при $p < 0,05$). Личностная тревожность у студентов с ВВ положительно взаимосвязана с нейротизмом ($r = 0,616$ при $p < 0,05$). Повышение уровня личностной тревожности сопровождается повышением нейротизма, т.е. ростом эмоциональной лабильности и гиперреактивности у испытуемых, и наоборот.

Таким образом, обучение в высшей школе связано с высокой учебной нагрузкой студентов. В этот важный период у многих студентов происходит выбор жизненных ориентиров на фоне глубинных социальных изменений. Эти и другие причины приводят к возникновению внутренней конфликтности личности. Большая часть студентов находится в состоянии внутриличностного конфликта, борьбы равных по значимости мотивов и внутренних переживаний. Для студентов с внутриличностным конфликтом характерны самые многочисленные связи темпераментальных и личностных показателей. Для них специфично более низкое торможение и возбуждение по сравнению со студентами с внутренним вакуумом и более высокое возбуждение по сравнению со студентами нейтральной зоны. Следует отметить, что настоящее изучение особенности внутриличностного конфликта и показателей темперамента указывает пути для дальнейшего более глубокого исследования проблемы внутриличностного конфликта.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. 4-е изд. / сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ: АСТ М; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. С. 288–289.
 2. Красильников И.А. Особенности личностных качеств у лиц с невротическими внутренними конфликтами // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. Вып. 2. С. 63–66.
- © Куксо П.А., Куксо О.Г., 2015

СТИГМАТИЗАЦИЯ В ГРУППЕ ДОШКОЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ОПИСАНИЕ СИТУАЦИЙ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Козырева Н.В., преподаватель кафедры психологии образования
Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматриваются теоретические предпосылки возникновения стигматизации в условиях группы учреждения дошкольного образования. Приводятся результаты исследования стигматизации (описание ситуаций стигматизации сверстника) и рекомендации по преодолению данной проблемы.

Ключевые слова: стигматизация, агрессия, дошкольный возраст.

Abstract. Theoretical preconditions of stigmatization emergence in pre-school educational group are discussed. The results of stigmatization study (stigmatization situations description) are presented; recommendations for overcoming this problem are discussed.

Keywords: stigmatization, aggression, preschool age.

Таблица 1

Ситуации стигматизации Руслана С.

Стигматизирующие	Ситуации стигматизации	Реакции Руслана С.
Данила Г.	После занятия смеялся над рисунком Руслана. Не пускал в подвижную игру на прогулке. Дразнил: «Бестолковый»	Заплакал, обзывался в ответ
Максим Б.	Смеялся, когда Руслан стоял в углу за плохое поведение. Не брал в игру. Толкал когда шли на прогулку. Смеялся, что Руслан бился головой об пол	Плакал, обзывался матерными словами
Артем В.	Смеялся и дразнил за эпилептический припадок: «Головой бьется об пол» и смеялся. Толкал, когда воспитатель не видит	Обзывался
Настя К.	Не берет в игру, когда он просится, говорит: «Ты нас обижаешь, вредный, уходи от нас». Смеется с другими девочками, что он не может на занятиях выполнять задания	Забирал игрушки. Обзывал девочек матерными словами
Ксюша С.	Не брала в игру вместе с Настей. Смеялась и показывала пальцем на него, когда у Руслана была истерика	Забирал игрушки. Обзывал девочек матерными словами.
Настя Г.	Не брала в игру вместе с другими девочками. Жаловалась на него воспитателю	Забирал игрушки. Обзывал девочек матерными словами
Никита	Дразнил вместе с другими мальчиками за то, что Руслан бился головой об пол. Говорил: «Бьется головой, как индюк, как индюк на поле». Во время переходов по лестнице на физкультуру или на прогулку ставит ему подножки, толкает	Обзывается в ответ и тоже толкает

Стигматизация как результат смещения агрессии некоторых представителей группы на носителя стигмы (отличия), проявляющийся в отсутствии готовности взаимодействовать с ним на равных (наклеивание ярлыков, виктимизация «инакого»), является актуальной проблемой в современной учебно-воспитательной среде. Э. Гоффман выделил типы стигм, создающие возможность прогнозирования жертвы стигматизации: «отвратительное тело» (физическое уродство, избыточный вес), «недостатки личного характера» (пьянство) и «родовые стигмы расы, национальности и религии» [3].

Теоретический анализ литературы показывает, что стигматизация может возникать уже в дошкольном возрасте. В это время происходят качественные и количественные изменения во взаимоотношениях и общении между детьми. Взаимное познание сопровождается взаимной оценкой, что позволяет выделить три вида позиций: равенства со сверстником, превосходства над ним и неравенства в пользу ровесника. Исследования показали, что к пяти годам у детей наблюдается отчетливое признание определенных групп и предпочтение их другим (включая расовые и гендерные предпочтения) [2].

Задачей исследования было выявление и описание ситуаций стигматизации сверстника. Исследование проводилось в период с марта по апрель 2013 г. на базе группы старшего дошкольного возраста яслей-сада № 19 г. Жлобина. Вы-

борку составили испытуемые в возрасте от 5 до 7 лет в количестве 20 человек, из них 10 девочек и 10 мальчиков. Для выявления и описания стигматизации сверстника в дошкольном учреждении применялись метод экспертных оценок, методика социометрии «У кого больше?» [4] и наблюдение. Экспертами являлись инспектор ДОУ, заведующая, методист, педагог-психолог, воспитатели группы.

По мнению экспертов, в группе старшего дошкольного возраста у Руслана С. есть проблемы во взаимодействии с детьми. Испытуемый имеет стигму по медицинскому признаку (эпилепсия). По результатам социометрии испытуемый относится к группе «отверженных» детей. Испытуемые, проявляющие разные виды агрессивного поведения по отношению к ребенку со стигмой («стигматизированному»), относятся к микрогруппе «стигматизирующие», испытуемые, не вмешивающиеся в ситуации стигматизации, относятся к микрогруппе «наблюдатели». Различные ситуации, которые можно классифицировать как ситуацию стигматизации, представлены в табл. 1.

Сверстники по отношению к Руслану С. проявляли косвенную, вербальную и физическую агрессию, а также игнорировали его. Стигматизированный в основном осуществлял ответную вербальную агрессию. Воспитатель старался противодействовать насмешкам детей и агрессивным нападениям на Руслана С., однако когда он отвора-

чивался, мальчики толкали или ставили подножки ребенку со стигмой, объясняя это тем, что они так шутят. Таким образом, результаты исследования показывают, что в группе дошкольного возраста может возникать проблема стигматизации сверстника, что проявляется в формах вербальной, косвенной, физической агрессии и игнорирования.

Для преодоления проблемы стигматизации воспитателю следует держать в поле зрения всех детей группы и уделять особое внимание ребенку со стигмой, вовремя защищая его от нападения сверстников. В целом необходимо воспитание у детей группы таких качеств, как эмпатия, толерантность, дружелюбие, взаимопомощь и т.д. Педагог-психолог дошкольного учреждения должен

своевременно диагностировать проблемы во взаимодействии детей группы, интегрировать сверстников, корректировать поведение агрессивно настроенных детей.

Литература

1. Коломинский Я.Л. Психология детского коллектива: система личных взаимоотношений. Мн.: Народная асвета, 1984. 239 с.

1. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

1. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Harmondsworth, 1986, p. 181.

© Козырева Н.В., 2015

СТРАТЕГИИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ МАТЕРЕЙ В СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ РЕБЕНКА

Карнелович М.М., старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Аннотация. Рассматривается совладающее поведение матерей в ситуации болезни ребенка с учетом возраста и семейного положения матери, количества детей в семье, наличия – отсутствия помощи отца ребенка и родителей супругов по уходу за болеющим ребенком. Установлены статистически значимые связи между стратегиями совладающего поведения матерей и типом их отношения к болезни ребенка.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг-стратегии, отношение к болезни ребенка.

Abstract. In the article the coping behavior of mothers in situation of illness of a child based on age and marital status of the mother, the number of children in the family, the presence – absence of the father of the child and help parents of spouses to care for ill child is consider. A statistically significant relationship between coping strategies of mothers and type of their relation to the child's illness are described.

Keywords: coping behavior, coping strategies, relation to a child's illness.

Болезнь ребенка – трудное жизненное событие, с которым женщина-мать сталкивается достаточно часто. Опыт медицинских работников показывает, что трудности, связанные с болезнью ребенка, не ограничиваются только действиями по его уходу. Для матери ситуация болезни ребенка нередко сопровождается сильными эмоциональными переживаниями. В связи с этим становится актуальным исследование способов преодоления матерями таких ситуаций и их связь с типами отношения к болезни ребенка.

Эмпирическое исследование взаимосвязи копинг-поведения матери и типа ее отношения

к болезни ребенка проводилось на базе УЗ «Гродненская областная инфекционная клиническая больница» (Республика Беларусь, г. Гродно). Выборка состояла из 42 женщин в возрасте 19–37 лет, находящихся на госпитализации по уходу за больным ребенком.

В качестве методов сбора эмпирических данных использовались методика исследования типов отношения к болезни (Е.А. Личко, Н.Я. Иванов), опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус). Первая методика была модифицирована и впервые на белорусской выборке использовалась для диагностики типа отношения матери к болезни ребенка.

У матерей заболевших детей были выявлены следующие наиболее предпочитаемые копинг-стратегии: поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы. Разрешение проблемы мать ищет за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки, она ориентирована на взаимодействие с другими людьми, ожидает поддержки, внимания, совета, сочувствия, конкретной действенной помощи. Матери также склонны преодолевать проблему болезни ребенка путем целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии поведения, планирования собственных действий по уходу за больным ребенком с учетом объективных условий, прошлого опыта лечения и имеющихся ресурсов.

В меньшей степени матери используют такой вид копинг-стратегии, как бегство – избегание. Это свидетельствует о том, что женщины в случае болезни своих детей пытаются каким-либо способом урегулировать, решить их, а не уйти от проблемы. Также в меньшей степени прибегают к копинг-стратегии – «дистанцирование». Это показывает, что лишь некоторая часть матерей пытается приложить когнитивные усилия, чтобы отделиться от трудной ситуации и уменьшить ее значимость.

С использованием *U*-критерия Манна – Уитни выявлены статистически значимые различия в копинг-стратегиях матерей в ситуации болезни их ребенка с учетом переменных: возраст матери, семейное положение, количество детей в семье, помощь мужа по уходу за больным ребенком, помощь родителей супругов по уходу за больным ребенком. Такие виды копинга, как «конфронтация» и «положительная переоценка» в ситуации болезни ребенка чаще используются матерями в возрасте от 19 до 25 лет. Матери, имеющие помощь родителей супругов по уходу за больным ребенком, склонны выбирать копинг-стратегию

«положительная переоценка». Для незамужних матерей в ситуации болезни ребенка характерна копинг-стратегия «конфронтация».

С помощью методики ТОБОЛ были выявлены типы отношения матерей к болезни их ребенка. Преобладающими типами отношения матерей к болезни ребенка являются: гармоничный, эргопатический и сенситивный, наименее выраженными – апатический, паранойяльный и дисфорический. С помощью коэффициента ранговой корреляции (по Спирмену) были установлены значимые связи между копинг-стратегиями и типами отношения матерей к болезни детей

Эмпирические результаты проведенного исследования позволили подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что отношение матери к болезни ребенка и ее совладающее поведение взаимосвязаны. Полученные в исследовании выводы могут применяться в работе медицинского персонала и клинических психологов учреждений здравоохранения при оказании терапевтической и психотерапевтической помощи матерям и детям, а также для разработки и внедрения программ психологического сопровождения матерей и их детей в ситуации болезни. Сотрудники социально-психологической службы учреждений образования могут использовать предложенный комплекс диагностических методик для выявления отношения матери к болезни ребенка и ее типичных стратегий совладания с трудной жизненной ситуацией, а также учитывать результаты психодиагностики при реализации индивидуального подхода к взаимодействию с матерями часто болеющих детей.

Литература

1. Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы: сб. науч. тр. / под ред. А.Л. Журавлева [и др.]; Ин-т психол., Рос. академия наук. М.: ИП РАН, 2008. 204 с.

© Карнелович М.М., 2015

СТРЕСС И ЛИЧНОСТЬ, СКЛОННАЯ К ДЕПРЕССИВНЫМ СОСТОЯНИЯМ

Малютина Ю.А., магистрант кафедры клинической психологии факультета психологии Башкирский государственный университет

Аннотация. Рассматривается влияние стресса на личность, склонную к депрессивным состояниям.

Ключевые слова: стресс, депрессия, депрессивные состояния.

Abstract. The article examines the impact of stress on a person prone to depressive states.

Keywords: stress, depression, depressive states.

По данным отечественного здравоохранения, примерно 15 млн россиян заболевают депрессией. К сожалению, многие даже не знают о существовании у себя психического расстройства, а некоторые только смутно догадываются о своем нездоровье. Это можно объяснить тем, что депрессия нередко имеет соматические «маски». Она прячется за различными симптомами других заболеваний. Проявляется в нарушении сна и аппетита, а также болями различной локализации. Диагностика не выявляет патологии, а пациент продолжает жаловаться на плохое самочувствие. Можно сказать, что до 70 % физических заболеваний сопровождаются депрессией в той или иной форме [3].

Депрессивные состояния – состояния подавленного настроения и угнетения потребностей. По К. Ясперсу, выделяют депрессивные реакции – психологически понятные ответы на жизненные стрессы, актуальные для человека независимо от его начального настроения, и фазы – состояния, возникающие сами по себе, эндогенно как обострение трудных особенностей характера [1].

Депрессивные состояния, или фазы, характеризуются триадой расстройств психических процессов: пониженным настроением, замедлением мыслительных процессов, двигательной заторможенностью.

Стресс – это состояние повышенного напряжения организма, он выступает в виде защитной реакции на различные неблагоприятные факторы, такие как физические или психические травмы, холод, голод и др. Необходимо сказать, что стрессовое состояние является крайне дискомфортным. Оно вызывает нарушение концентрации внимания, повышение раздражительности, утрату аппетита, а также приводит к потере полноценного сна и отдыха, что, в свою очередь, приводит к истощению организма как физическому, так и психическому [2].

Стресс негативно влияет на организм человека. Под его воздействием наблюдается снижение энергии, что влечет за собой быструю утомляемость. Истощаются силы, возникает ощущение бессилия и апатии. В первую очередь стресс влияет на эмоциональную сферу. Снижается настроение, чаще появляются депрессивные мысли. Человек все чаще концентрирует свои мысли на плохом, что приводит к увеличению факторов стресса, а это, в свою очередь, ведет к депрессив-

ным состояниям. Получается некий замкнутый круг, самостоятельный выход из которого затруднителен.

Стрессовыми состояниями, как и депрессивными состояниями, в мире страдает множество людей. К стрессовым состояниям следует относиться внимательнее, так как возможен переход к депрессивным состояниям и даже к тяжелым формам депрессии. Стресс является одной из первопричин возникновения депрессивных состояний и депрессии.

Специалисты утверждают, что связь стресса и депрессии вызвана тем, что ежедневное переживание человеком интенсивных стрессовых ситуаций заставляет организм вырабатывать гормоны адреналина и кортизола. Избыток этих гормонов в организме приводит к отрицательным последствиям для нервной системы. Увеличение концентрации кортизола в организме ведет к блокировке роста новых нейронов в участке мозга, что, в свою очередь, сказывается на настроении. Он также препятствует установлению связи между нейронами и тем самым блокирует рецепторы, стимулируемые серотонином, который служит нейромедиатором раздражения. Это может привести к депрессии [2].

Иными словами, депрессивные состояния можно рассматривать как ответную реакцию на стресс. В повседневной жизни со стрессом мы встречаемся часто, решая те или иные вопросы. После получения дозы стресса, организм обязательно реагирует, наступает защитная реакция в виде депрессивных состояний. Чем больше стресс, тем более яркая реакция и тем больше продолжительность и глубина депрессивных состояний. После стресса организм человека находится как бы в «разряженном», истощенном, депрессивном состоянии. Затем организм начинает накапливать энергию, снова «заряжаться», восстанавливаться и выходить из депрессивных состояний. Но здесь существуют риски: если стресс продолжительный и очень ярко выражен, есть вероятность того, что человек не сможет накопить силы и выйти из депрессивного состояния, и тогда велика вероятность развития депрессии.

Литература

1. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал 2006. Т. 27. № 6. С. 73–81.

2. Крутов С.С. Методика ММРІ: особенности и принципы использования в моделировании психологических аспектов производственной деятельности. М., 2008.

3. Третьяк Л.Л., Ковпак Д.В. Депрессия. Диагностика и методы лечения. М.: Наука и техника, 2011. 320 с.

© Малютина Ю.А., 2015

ТЕЛЕСНЫЙ ОПЫТ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН С УГРОЗОЙ ВЫКИДЫША¹

Селин А.В., доцент кафедры общей и клинической психологии
Савостиков В.А., студент факультета клинической психологии
Курский государственный медицинский университет

Аннотация. Анализируется проблема телесного опыта у беременных женщин. Рассматриваются сенсорный и рефлексивный аспекты телесного опыта. Показаны специфические изменения системы телесных ощущений и рефлексивных процессов у беременных женщин в ситуации угрозы выкидыша.

Ключевые слова: телесный опыт, телесные ощущения, беременность, угроза выкидыша.

Abstract. The problem of bodily experience in pregnant woman is analyzed. Sensory and reflexive aspects of bodily experience are considered. Specific changes of the system including bodily sensations and reflexive processes in pregnant woman with the threat of miscarriage have been explored.

Keywords: bodily experience, bodily sensations, the threat of miscarriage.

Проблема восприятия тела во время беременности занимает важное место среди аспектов психологической готовности к материнству. От данного фактора в большой степени зависит отношение матери к своему еще не родившемуся ребенку, который воспринимается ею как часть своего собственного тела [4]. Современные исследования показали, что для женщин с наличием патологий протекания беременности характерно отсутствие так называемой быстрой рефлексии позволяющей обнаруживать собственную неадекватную поведенческую стратегию и корректировать ее [2].

На основании анализа современных теоретических концепций из области психологии материнства (Г.Г. Филиппова, И.В. Добряков и др.), а также идеи изучения телесности как психологического феномена (А.Ш., Тхостов Т.Д. Василенко и др.) нами была выдвинута гипотеза исследования, заключающаяся в предположении об особенностях телесного опыта у беременных женщин с угрозой выкидыша.

В исследовании были использованы *опросник саморефлексии телесного потенциала* (Г.В. Ложкин, А.Ю. Рождественский), методика «Выбор дескрип-

торов интрацептивных ощущений» (А.Ш. Тхостов, О.В. Ефремова) и опросник BIQLI – влияние образа тела на качество жизни Т.Ф. Кэша в адаптации Л.Т. Баранской.

Выборку исследования составили беременные женщины, находящиеся на лечении в акушерском отделении патологии беременности Курского областного перинатального центра и обратившиеся за консультацией в Центр планирования семьи, в количестве 40 человек: 20 беременных женщин с угрозой выкидыша и 20 беременных женщин без патологии.

В ходе проведения исследования были рассмотрены различия, полученные при расчетах по *U*-критерию Манна – Уитни в переживании телесного опыта у беременных женщин с угрозой выкидыша и без патологии. Интерпретируя результаты исследования, укажем на то, что обнаружены различия в уровне саморефлексии телесного потенциала ($p = 0,016$), при этом у беременных женщин с угрозой выкидыша показатели значимо ниже, что свидетельствует о негативном влиянии патологического состояния – угрозы выкидыша на интеграцию нового телесного опыта в Я-структуру, тем самым формирующие

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Женщина в ситуации бесплодия: личностные детерминанты переживания социального опыта», проект № 15–06–10378.

восприятие своего тела как в большей степени направленного на решение социально ориентированных задач. Поскольку ввиду заболевания данные задачи не реализуются, происходит эмоциональная оценка переживаемых ощущений как негативных.

При анализе изменения ощущений отметим, что по шкалам «внутренние, знакомые, болезненные, опасные и частые ощущения» отмечается преобладание в группе с угрозой выкидыша, а по шкале «важные ощущения» отмечается уменьшение количества дескрипторов. Можно сказать, что в результате наличия патологии телесный опыт беременной расширяется за счет возникновения специфических ощущений и необходимости более точного дифференцирования телесных ощущений.

Обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости во влиянии образа тела на качество жизни ($p = 0,00113$). При этом в группе с угрозой выкидыша показатели выше, что свидетельствует о более позитивном переживании качества жизни во взаимосвязи с образом тела. Это свидетельствует о более позитивном отношении к своему телу и процессам, протекающим в организме беременной женщи-

ны. Беременность рассматривается как желанное и положительное состояние, вызывающее много позитивных эмоций.

На основании полученных в исследовании результатов мы можем сделать вывод, что такое специфическое состояние беременной женщины, как угроза выкидыша, вносит значимые изменения в переживание телесного опыта, характеризующиеся как разнонаправленный вектор положительных и отрицательных трансформаций.

Литература

1. Баранская Л.Т., Ткаченко А.Е., Татаурова С.С. Адаптация методики исследования образа тела в клинической психологии // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2008. № 3 (51). С. 63–69.
2. Василенко Т.Д. Жизненный путь личности: время и смысл человеческого бытия в норме и при соматической патологии. Курск: КГМУ, 2011. 570 с.
3. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2007. 287 с.
4. Филиппова. Г.Г. Материнство: сравнительно психологический подход. // Психологический журнал 1999. Т. 20. № 5. С. 81–88.

© Селин А.В., Савостиков В.А., 2015

ЧЕРНЫЙ ЮМОР КАК КОПИНГ-СТРАТЕГИЯ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ

Мусийчук М.В., доктор философских наук, доцент кафедры психологии
 Мусийчук С.В., кандидат философских наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом
 Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
 Институт педагогики, психологии и социальной работы
 Институт экономики и управления

Аннотация. Анализируются функции черного юмора, как эффективные копинг-стратегии преодоления кризисных состояний личности, таких как эмоциональное отстранение, ослабление напряжения, формирование объективного восприятия ситуации. Выделены функции черного юмора: обеспечение удовлетворительного самочувствия в неудовлетворительной ситуации; взгляд на ситуацию и самого себя со стороны; умение увидеть смешное в том, что воспринимается трагически.

Ключевые слова: когнитивно-аффективные основания черного юмора, функции черного юмора, кризисные состояния, копинг-стратегии.

Abstract. The functions of black humor, as effective coping strategies of overcoming of the crisis states of personality, are analyzed, such as: emotional removal, easing tension, forming of objective perception of situation. The functions of black humor are distinguished: providing of satisfactory feel in an unsatisfactory situation; look to the situation and itself outside; ability to see funny in that is perceived.

Keywords: когнитивно-аффективные grounds of black humor, function of black humor.

Когнитивно-аффективные основания черного юмора являются эффективной профилактикой кризисных состояний личности, поскольку создается альтернативное значение. Обратимся к анализу процесса создания значений, альтернативных имеющимся, через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, опосредованных игровой сущностью юмора, в предельном варианте – черного юмора [4; 5]. Черный юмор является способом реагирования на зло и абсурдность жизни. Он обладает психотерапевтическим эффектом и вызывает смех там, где всякий другой способ описания пробудит лишь плач (И.А. Бутенко, В.И. Жельвис, А. Цветков, С.Б. Дубин, А.И. Лаврентьев, Н.А. Масленкова и др.). Смеясь над пугающим, человек принижает значимость последнего и смотрит на страшное сверху вниз. Использовать юмор в такого рода обстоятельствах способны далеко не все. Перед лицом опасности, реальной или мнимой угрозы люди могут впадать в отчаяние, ярость, апатию, и лишь немногие способны отнестись к ней с юмором. Такое отношение свойственно личностям с сильным характером. Юмор таких личностей часто принимает форму самоиронии. Так, Ю.Д. Воробей и Т.Н. Арутюнян подчеркивают, что «смех над собой – высшая ступень комической оценки – доступен лишь тому, кто способен встать над собой, сделать еще один нравственный и интеллектуальный рывок – взглянуть на себя со стороны и увидеть как другого» [2]. По выражению П. Флоренского, «чувства наклоняют волю».

По мнению И.А. Бутенко [1, С. 144–147], черный юмор выполняет ряд функций. Одной из важнейших при этом является легализация в общественном сознании темы страха смерти путем объединения людей, поделившихся сходными переживаниями. Еще одна функция черного юмора актуализируется в среде детей и подростков посредством рассказывания и прослушивания черного юмора как своеобразное испытание на смелость, на причастность к группе сверстников. В черном юморе реализуется функция снятия страха перед техникой (бездушными машинами и механизмами). Подводя итог размышлениям о функциях черного юмора, И.А. Бутенко подчеркивает, что черный юмор «очень важен в психологическом плане, поскольку дает нам возможность отвлечься от своих неприятностей, которые на фоне чужих кошмаров кажутся мелкими, несерьезными».

Жельвис В.И. подчеркивает: «Очевидно, что человек, ценящий черный юмор, совсем не обязательно человек психически ущербный. Для него

такой вид юмора может играть роль прививки от подлинной агрессивности, то есть играть положительную роль» [3]. Таким образом, еще одна важнейшая функция черного юмора – проверка собственного психического здоровья.

Основные выводы: черный юмор является эффективной копинг-стратегией преодоления кризисных состояний вследствие того, что он повышает стрессоустойчивость личности, играет роль «прививки подлинной агрессивности». Эффективность действия черного юмора основана на его когнитивно-аффективной природе, проявляющейся в ряде факторов психофизиологического характера: улучшение процесса функционирования мозга и дыхания, стимуляция кровообращения, расслабление мышц, снижение уровня гормонов стресса, улучшение работы иммунной системы, увеличение количества эндорфинов (гормонов счастья). Мы считаем, что главное – это понимание философской перспективы, которую дает комическое, являясь ценным освобождающим опытом на различных уровнях личности. Мы полностью разделяем точку зрения Э. Берна, что ценность юмора с точки зрения выживания состоит в том, чтобы доставить человеку шанс прожить свою жизнь с максимально возможной при данных обстоятельствах эффективностью. Таким образом, в качестве генетических свойств юмора и как предельной формы – черного юмора, являющихся эффективными средством преодоления кризисных состояний личности выступают: эмоциональное отстранение, ослабление напряжения, объективное восприятие ситуации. Функции черного юмора: обеспечить удовлетворительное самочувствие в неудовлетворительной ситуации; взглянуть на ситуацию и самого себя как бы со стороны; умение увидеть смешное в том, что смешным не назовешь. Черный юмор – эффективное средство поддержания психики в равновесном состоянии независимо от трудностей, которые приходится переживать человеку.

Литература

1. Бутенко И.А. Из истории черного юмора // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 144.
2. Воробей Ю.Д., Арутюнян Т.Н. Смех как социокультурная характеристика человека // Роль государства в формировании современного общества. М., 1998. С. 42.
3. Жельвис В.И. Черный юмор: анатомия человеческой деструктивности // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 4. С. 138–140.
4. Мусийчук М.В., Мусийчук С.В. Когнитивно-аффективные механизмы юмора как средство

оптимизации психического здоровья // Ананьевские чтения – 2013. Психология в здравоохранении: матер. научной конференции (22–24 октября 2013 г.) / отв. ред. О. Ю. Щелкова. Скифия-принт, 2013. С. 357–359.

5 Мусийчук М. В., Мусийчук С. В. Юмор как средство повышения эффективности деятель-

ности психотерапевта // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: материалы научной конференции (19–21 октября 2010 г.) Ч. 1 / отв. ред. Л. А. Цветкова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2010. С. 582–583.

© Мусийчук М. В., Мусийчук С. В.

Раздел IV

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Полевая М.В.</i> Взаимосвязь личной социальной ответственности и прокрастинации в студенческом возрасте	131
<i>Шемет И.С.</i> Влияние индивидуальных особенностей рождения на успешность учебной деятельности	132
<i>Густова Л.В.</i> Влияние религиозности на развитие индивидуальности	134
<i>Филиппова С.А.</i> Влияние социальной среды на формирование индивидуальных характеристик гендерной идентичности	135
<i>Вартанова И.И.</i> Изменение взаимосвязей мотивации и локуса контроля в онтогенезе старших школьников	137
<i>Старагина И.П.</i> Индивидуальность и становление действия высказывания в онтогенезе	138
<i>Шемет С. С.</i> Исследование взаимосвязи индивидуальных особенностей рождения и успешности спортивной деятельности	140
<i>Гладких Э.И.</i> Исследование художественно эстетического тезауруса в контексте проблем развития личностной культуры	141
<i>Степанян Л.С., Асриян Э.В.</i> К проблеме формирования личностной децентрации у гимнасток	142
<i>Трухан Е.А.</i> Кризис личностного развития среднего ребенка в семье	144
<i>Лопаткова И.В.</i> Модель развития индивидуальности и субъектности студентов, будущих учителей изобразительного искусства	146
<i>Поддьяков Н.Н.</i> Неопределенность и мышление ребенка	148
<i>Манвелян Н.Г., Курносова Я.В.</i> Особенности личностного пространства и индивидуальности в онтогенетическом аспекте	149
<i>Молчанова О.Н., Никитина А.С.</i> Понимание чувства гордости детьми дошкольного возраста	150
<i>Белова Е.С.</i> Проблемы развития одаренных детей старшего дошкольного возраста	152
<i>Толстова О.И.</i> Продуктивность внимания подростков с акцентуациями характера	153
<i>Анненкова Н.В.</i> Прокрастинация как характеристика профессионального самоопределения студентов.....	154
<i>Венцова Т.Б.</i> Психодинамическая подструктура индивидуального характера в лонгитюдном исследовании	156
<i>Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Королева Н.А.</i> Разработка теста «Модель психического. Детский вариант»	157
<i>Слободская Е.Р., Козлова Е.А.</i> Ранний темперамент как предиктор развития личности	158
<i>Бабаева Ю.Д., Митина О.В., Хаджиева С.Р.</i> Связь показателей интеллектуального развития, коммуникативных умений и социометрического статуса в подростковом возрасте	160
<i>Хонский С.И.</i> Содержательные и структурные характеристики эмоционального интеллекта юношей и девушек с самоуничжительным стилем юмора	161
<i>Циринг Д.А., Пономарева И.В.</i> Становление индивидуальности у подростков с личностной беспомощностью	163
<i>Горлова Е.Л.</i> Третичные функции: неисследованная территория индивидуальности подростка	165
<i>Юрина И.Г.</i> Цветовые ассоциации представлений о творческом возрасте	166

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРОКРАСТИНАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Полевая М.В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой управления персоналом и психологии

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Представлены результаты психологического исследования взаимосвязи личной социальной ответственности и показателей прокрастинации у студентов первого курса.

Ключевые слова: прокрастинация, личная социальная ответственность, социальная ответственность.

Abstract. Results of psychological research of interrelation of personal social responsibility and indicators of a procrastination at first-year students are presented in article.

Keywords: procrastination, personal social responsibility, social responsibility.

В настоящее время под социальной ответственностью понимают целенаправленную деятельность бизнес-структур, направленную на создание и поддержание благоприятных социально-психологических условий в обществе, а также свойство личности, которое предоставляет возможность действовать согласно социальным нормам и правилам, осознавая социальные последствия своих действий [2; 3].

Социальная ответственность выполняет ряд функций, важнейшая из которых – регулятивная, так как именно благодаря ей формируются те ценности, идеи и стереотипы, которыми личность руководствуется в своем поведении. Существенной функцией является ценностно-ориентирующая, благодаря которой формируется система критериев оценочной деятельности, в роли которых выступают принципы. Следовательно, социальная ответственность – важнейшая категория регулирования общества, с помощью которой выстраиваются и формируются мировоззрение и идеи, в соответствии с которыми действует личность.

В то же время проблема личной социальной ответственности субъекта бизнеса разработана недостаточно. Можно отметить различные подходы к пониманию личной социальной ответственности. Например, А.В. Белов выделяет субъектный,

личностный (психологический) и практический уровни социальной ответственности [4]. Л.А. Барановская выделила безответственный, утилитарно-прагматический, нормативно-функциональный и созидательно-альтруистический уровни социальной ответственности. В исследованиях Н.В. Анненковой различаются уровни личной социальной ответственности: по отношению к «другому», к компании и к обществу [2; 3].

Прокрастинация, рассматриваемая и как черта личности, и как ситуативная характеристика индивида, определяется как добровольное, иррациональное откладывание намеченных действий, несмотря на то, что это может иметь отрицательный эффект для субъекта [1; 5; 6; 7].

Целью исследования стало выявление взаимосвязи уровня проявления прокрастинации и личностной социальной ответственности студентов. В исследовании приняли участие 96 студентов первого курса. Для диагностики социальной ответственности применялась методика оценки личной социальной ответственности Н.В. Анненковой. Для определения степени выраженности прокрастинации – опросник «Шкала студентов» С. Лэя.

Корреляционный анализ результатов исследования показал, что показатели прокрастинации

студентов имеют значимую взаимосвязь с их личной социальной ответственностью ($r = 0,474, p \leq 0,01$), личным социальным отношением к обществу ($r = 0,292, p \leq 0,05$) и личной социальной ответственностью, проявляемой по отношению к «другому» ($r = 0,398, p \leq 0,01$).

Таким образом, чем выше уровень личной социальной ответственности, тем выше показатель характерологической склонности к прокрастинации у студентов. Возможно, это связано с тем, что студентам в учебном процессе приходится часто сталкиваться с нарушением интеграции объективных (заданных учебными планами) и субъективных (личностных оценок интервалов времени) временных отношений в выполнении учебных заданий, которые на уровне поведения будут проявляться в откладывании до последнего решения актуальных учебных задач. Формируется напряженный тип прокрастинации, связанный с общей перегрузкой человека, когда теряется ощущение времени, удовлетворенность своими достижениями, решительность и уверенность в себе. Высокий уровень личной социальной ответственности порождает страх перед будущим, боязнь не справиться с поставленными перед ним задачами.

Литература

1. Анненкова Н.В. Особенности профессиональных предпочтений студентов в контексте

проблемы прокрастинации // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб. научных статей. Саратов, 2015. С. 75–79.

2. Анненкова Н.В., Камнева Е.В., Буянова С.М. Личностные характеристики индивидуальной социальной ответственности // Акмеология. 2012. № S2 (42). С. 23.

3. Анненкова Н.В., Мужичкова Ю.Е., Камнева Е.В. Психологические компоненты личной социальной ответственности // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика: сб. научных статей. Вып. 2. М.: Спутник+, 2014. С. 4–11.

4. Белов А.В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2011.

5. Камнева Е.В. Взаимосвязь личностных особенностей и прокрастинации в студенческом возрасте // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб. научных статей. Саратов, 2015. С. 79–82.

6. Киселева М.А. Особенности прокрастинации личности // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб. научных статей. Саратов, 2015. С. 31–34.

7. Мохова С.Б., Неврюев А.Н. Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 24–35.

© Полевая М.В., 2015.

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОЖДЕНИЯ НА УСПЕШНОСТЬ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шемет И.С., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии младшего школьника Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Рассматриваются результаты эмпирического исследования влияния индивидуальных особенностей рождения на успешность учебной деятельности.

Ключевые слова: тип рождения, индивидуальные особенности, успешность учебной деятельности, интегративное развитие психики.

Abstract. The results of empirical research of the impact of the individual characteristics of the birth of the success of training activities.

Keywords: type of birth, the individual characteristics, the success of educational activity, integrative development of the psyche.

Концепции, посвященные выявлению роли рождения в жизнедеятельности человека, разработаны в трудах З. Фрейда, О. Ранка, С. Фанти,

С. Грофа, Л. Демоза. Ряд исследований в области перинатальной психологии посвящен психологическим особенностям детей, рожденных путем

различных способов родовспоможения, которые провели Г.Г. Филиппова, Г.Н. Гоубева, М.В. Станякина, А.В. Дячук, А.В. Лозинская, К.С. Султанова, М.Э. Бернадская, В.И. Брутман, Г.И. Брехман. Эти исследования показывают, что тяжесть психофизической травмы, полученной во время рождения, накладывает существенный отпечаток на дальнейшее развитие человека, и от того, насколько благоприятно протекает процесс рождения, зависит благополучие будущих поколений в освоении различных видов деятельности.

В нашем исследовании мы опираемся на интегративный подход к психике И.С. Шемет, согласно которому психика человека как индивидуальная система управления жизнью и поведением в онтогенезе развивается интегративно, системно, нелинейно, но последовательно по семи стадиям – от телесной, эмоциональной, творческой (деятельности), мыслительной, социальной, сознательной до духовной. На каждой стадии есть уровень развития. Уровень развития предыдущей стадии обязательно будет предопределять уровень развития последующей. Процесс рождения в онтогенезе относится к телесной стадии интеграции психики, и от степени благополучия этого процесса зависит развитие следующих стадий психики, в том числе мыслительной и стадии деятельности.

Таким образом, основной гипотезой исследования стало то, что тип рождения, который задает и отражает уровень телесной интеграции психики ребенка (статуса физического здоровья, двигательной активности), будет определять уровень успешности деятельности, в том числе учебной. Дети, рожденные в процессе нормальных естественных родов, лучше успевают в учебе, чем дети, имеющие осложнения в рождении.

Цель нашего исследования состоит в изучении взаимосвязи особенностей рождения и успеваемости младших школьников.

Исследовательская работа проходила на базе ГБОУ СОШ № 2 и № 4 г. Сельцо Брянской области. Наблюдения и исследования были направлены на 91 ребенка от 6 до 10 лет, из них 41 мальчик и 50 девочек. Исследование проведено совместно с Ю. Лепевой. Для получения данных об особенностях рождения испытуемых к исследованию были привлечены матери младших школьников. В качестве экспертов в исследовании участвовали педагоги и психологи этих школ.

В качестве независимой переменной мы выбрали тип рождения (натальный тип), в качестве зависимой переменной – успеваемость в учебной деятельности. Основным показателем успеваемости

в учебной деятельности был взят средний балл оценок учащегося за полугодие.

С целью определения типа рождения у младших школьников была применена перинатальная анкета И.С. Шемет. Анкеты по особенностям рождения заполняли матери участников исследования.

Классификация типов рождения (натальных типов) была создана нами путем анализа современных способов родовспоможения с учетом сложности протекания процесса рождения, по степени физического и психического опыта, который ребенок получает в момент рождения. Натальные типы существенно отличаются друг от друга по количеству и качеству психологического и физического опыта, полученного в процессе биологического рождения:

1-й тип рождения (натальный тип) – рожденные при помощи метода кесарева сечения по медицинским показаниям, (операция по извлечению плода проведена до начала родовой деятельности);

2-й тип рождения (натальный тип) – рожденные при помощи метода экстренного кесарева сечения, (операция кесарева сечения предпринята после начала родовой деятельности);

3-й тип рождения (натальный тип) – рожденные раньше срока на 27–36 неделе беременности (недоношенные);

4-й тип рождения (натальный тип) – естественные, нормальные роды продолжительностью от 4 до 12 часов, вес новорожденного от 3 до 4 кг;

5-й тип рождения (натальный тип) – сложные роды, когда рождение шло с выдавливанием, наложением щипцов, обвитием пуповиной, ножками вперед или ягодицами вперед;

6-й тип рождения (натальный тип) – переношенные на 2 недели и более;

7-й тип рождения (натальный тип) – затяжные роды, длящиеся более 16 часов;

8-й тип рождения (натальный тип) – рожденные в процессе стремительных родов продолжительностью от 0 до 3 часов.

Дети, обучающиеся на «3», в основном относятся к 5-му типу рождения (сложные роды) – 41 % (7 человек), к 1-му типу рождения – 29 %, к 7-му типу рождения – 12 %, к 6-му типу рождения – 12 % и, наконец, к 2-му типу рождения – 6 %. Среди обучающихся на «3» не обнаружено детей 4-го типа рождения (нормальные естественные роды).

Дети-хорошисты преобладают в 4-м типе рождения – 23 % (12 человек), затем идут 5-й тип рождения – 19 %, 1-й тип рождения – 13 %, 8-й тип рож-

дения – 12 %, 7-й тип рождения – 11 %, 3-й и 2-й типы рождения – по 10 %, 6-й тип рождения – 2 %.

Дети-отличники чаще встречаются в 4-м типе рождения – 81 % (нормальные роды) – 17 человек. Также есть отличники в 3-м типе рождения – 9 % и в 1-м и 8-м типах рождения – по 5 %.

Таким образом, дети, более успешные в учебной деятельности, были рождены в процессе нормальных естественных родов без осложнений, менее успешные в учебной деятельности дети имеют осложнения в процессе рождения.

© Шемет И.С., 2015.

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Густова Л.В., кандидат психологических наук, индивидуальный предприниматель в сфере оказания услуг психологического консультирования (г. Москва)

Аннотация. Раскрывается психологический аспект влияния религиозности на развитие индивидуальности. В рамках религиозных систем процесс развития индивидуальности происходит в соответствии с эталоном, заложенным в ее идеологическую основу.

Ключевые слова: религиозность, личностные качества, развитие индивидуальности.

Abstract. Reveals the psychological aspect of the influence of religion on the development of personality. As part of the religious systems of the process of personality development occurs in accordance with the standard laid down in its ideological basis.

Keywords: religion, personality, personality development.

За последние десятилетия религиозные системы как системы духовного воспитания проникли в деятельность семьи, школы, армии, спорта, искусства и других институтов социализации личности. Это приводит к тому, что независимо от вероисповедания религиозность в той или иной мере проявляется в субъективном мире каждого человека в виде индивидуального отношения к религии, следованию религиозным традициям, в идеологических убеждениях, социальных отношениях, эмоциональных переживаниях, привычках, мировосприятии в целом. Системное научное понимание личности современного человека возможно лишь в том случае, если в ряду личностных качеств, возникающих в ходе социализации, религиозность будет учитываться как самостоятельное личностное качество, которое имеет свою феноменологию, количественную и качественную выраженность.

Нами было проведено эмпирическое исследование взаимосвязи между уровнем религиозности и личностными качествами на выборке 140 человек в возрасте 16–65 лет, относящих себя к православному вероисповеданию. Испытуемым было предложено заполнить опросник И.С. Шемет «Индивидуальный уровень религиозности» и личностный опросник Р. Кэттелла 16-РФ.

Цель – изучить взаимосвязь между уровнем религиозности и личностными качествами.

Гипотеза исследования – существует взаимосвязь между уровнем религиозности и личностными качествами. Личностные качества при высоком уровне религиозности будут в большей степени соответствовать эталону личности религиозной системы.

Эмпирическое исследование взаимосвязи между уровнем религиозности и интегративными личностными качествами выявило наличие значимых корреляционных взаимосвязей.

Выявлена положительная корреляционная взаимосвязь между уровнем религиозности со следующими личностными качествами: на уровне значимости $p = 0,01$: тревожность ($r = 0,42$), напряженность ($r = 0,36$), высокая нормативность поведения ($r = 0,25$), подозрительность ($r = 0,24$), на уровне значимости $p = 0,05$: высокий самоконтроль ($r = 0,21$).

Выявлена отрицательная корреляционная взаимосвязь между уровнем религиозности со следующими личностными качествами: на уровне значимости $p = 0,01$: доминантность ($r = -0,35$), экспрессивность ($r = -0,26$), на уровне значимости $p = 0,05$: смелость ($r = -0,44$).

Выявлены значимые различия между группами испытуемых с высоким и низким уровнем

религиозности по личностным качествам опросника Р. Кэттелла.

Испытуемым с низким уровнем религиозности свойственны такие личностные качества, как ослабленность ($p < 0,05$); спокойствие ($p < 0,05$), доминантность ($p < 0,05$), средний самоконтроль (гибкое отношение к социальным и культурным традициям) ($p < 0,05$).

Испытуемым с высоким уровнем религиозности свойственны такие личностные качества, как подозрительность ($p < 0,05$); тревожность ($p < 0,05$); напряженность ($p < 0,05$); подчиненность ($p < 0,05$), высокий самоконтроль ($p < 0,05$).

Личностные качества испытуемых с высоким уровнем религиозности на примере выборки испытуемых, относящих себя к православному вероисповеданию, в большей степени соответствуют эталону личности религиозной системы православия (смирение, кротость, воздержание, трезвение, целомудрие).

Таким образом, включенность человека в религиозную систему влияет на развитие индивидуальности в сторону эталона. В случае выборки испытуемых православного вероисповедания к эталону личности относятся такие качества, как смирение, кротость, воздержание, трезвение, целомудрие.

Подобные исследования помогут ученым определить допустимые границы религиозной

социализации и внедрить в систему социального воспитания методы нравственного, патриотического, психологического, эстетического образования, способствующие развитию субъектности, индивидуальности и социальной направленности поведения молодежи.

Кроме того, проведение психологических исследований религиозности позволит дать ответ на ряд злободневных социальных вопросов и выработать методические рекомендации, направленные на толерантное взаимодействие в поликонфессиональном российском обществе, международных отношениях и профилактике аномалий личности, вызванных религиозным фактором, социально-опасных явлений религиозного фанатизма, нетерпимости и религиозной зависимости.

Залог гармоничного развития человеческого сообщества, его психологического и социального здоровья основывается прежде всего на интеграции современного общества независимо от вероисповедания и утверждение приоритетной идеи мира во всем мире. Такой фундамент и ресурс для интеграции общества возможен только при глубоком научном понимании религиозности как системной детерминанты личности, обусловленной влиянием социально-культурной среды.

© Густова Л.В., 2015.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Филиппова С.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики факультета психологии

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Аннотация. Охарактеризованы факторы, затрудняющие формирование и проявление индивидуальных характеристик гендерной идентичности личности. Показано влияние родителей, специфика влияния современной социальной среды на формирование гендерной идентичности ребенка; влияние современной информационной среды на подростков и юношей.

Ключевые слова: гендерная идентичность, гендерные стереотипы, социальное влияние, индивидуальность.

Abstract. To characterize the factors that hinder the formation and expression of the individual characteristics of gender identity of the individual. The influence of the parents, the specific influence of contemporary social environment on the formation of gender identity of the child; the impact of modern information environment on teenagers and young men.

Keywords: gender identity, gender stereotypes, social influence, personality.

Гендерная идентичность личности формируется под влиянием социальных факторов. С первого дня жизни воспитательное воздействие родителей корректируется ими в соответствии с полом ребенка. «Большинство родителей считают необходимым воспитывать ребенка с учетом половых различий, однако почти половина опрошенных затрудняются сказать, как это правильно сделать» [3]. Гендерные представления родителей – это некий комплекс стереотипов, складывающихся из общепринятых императивов «мужчина/женщина должны...», установок, воспринятых от собственных родителей, жизненного опыта и проч. Специфическим образом проблема «соответствия полу» складывается в семьях, где один или оба родителя хотели ребенка другого пола. Ребенок растет в атмосфере ожидания быть кем-то другим, демонстрировать качества, несвойственные его полу. Специфической является воспитательная стратегия разведенных матерей, стремящихся вырастить сына не похожим на отца: личностные особенности, формы поведения ребенка, напоминающие бывшего мужа, пресекаются и отвергаются матерью.

Стратегия, формирующая воспитательное воздействие родителей на полоролевое развитие ребенка, может являться формой выражения родительской тревоги и страхов. М. Киммел называет стратегию воспитания мальчиков, основанную на страхе проявлять стереотипно женские черты и отрицание в себе их наличия, «маскулинность как гомофобия» [2]. Е.П. Ильин в отношении данного явления среди юношей и мужчин использует термин «фемифобия» – боязнь проявлять качества личности, традиционно считающиеся женскими. Массовая истерия, развернувшаяся в последние годы вокруг ЛГБТ-сообществ и гей-пропаганды, является формой проявления родительских страхов вырастить «не такого как все» ребенка [5].

Несмотря на размытость и неоднозначность современных гендерных стереотипов, в информационной среде (СМИ, сети интернет, рекламе) присутствуют гендерные ориентиры, идеалы и стандарты. Специфической характеристикой образов мужчин и женщин, создаваемых информационной средой, является недостижимость соответствия им для большинства населения. Эталоны внешности, безупречный стиль, атрибуты роскоши, выдающиеся профессиональные достижения недоступны большинству современных мужчин и женщин, выходят за границы их субъективной реальности. Стремление соответствовать пропагандируемым идеалам, форми-

рует предпосылки возникновения неудовлетворенности собой, перфекционизма, нарциссизма, демонстративности и прочего; игнорируются индивидуальные физические и психологические особенности, что искажает процесс становления индивидуальности личности.

Приобретенный с ранних лет опыт демонстрации ожидаемых родственниками, воспитателями, учителями, форм полоролевого поведения приобретает особую актуальность в старшем подростковом и юношеском возрасте. Исследование, проведенное среди учащихся средних специальных учебных заведений Тульской области (182 учащихся в возрасте 15–17 лет, 114 учащихся в возрасте 18–20 лет), показало отсутствие у большинства обследованных четко выраженной гендерной доминанты, выборка характеризуется как андрогинно-недифференцированная. При этом, наблюдается склонность юношей и девушек переоценивать маскулинность и феминность сверстников и сверстниц: юноши считают сверстников более маскулинными ($p \leq 0,01$), чем это есть в действительности, девушки считают сверстниц более феминными, нежели в действительности. Кроме того, девушки считают юношей более маскулинными, нежели сверстниц феминными ($p \leq 0,01$). Данная особенность указывает на стремление учащихся казаться более женственными или мужественными в глазах сверстников, проявлять несвойственные им качества и демонстрировать несвойственное поведение (в большей степени это характерно для юношей) [4]. З.М. Ахметгалеева отмечает, что соответствие традиционным стереотипам у юношей является важной составляющей формирования положительной эгоидентичности и дальнейшего личностного развития [4].

Становление индивидуальных характеристик гендерной идентичности происходит при ведущей роли внешних факторов: родительских ожиданий, социокультурных норм, гендерных стереотипов, идеалов и стандартов.

Литература

1. Ахметгалеева З.М. Соотношение рефлексивности личности и семантики стилей социальной перцепции в юношеском возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2006.
2. Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Гендерные исследования. 2005. № 13.
3. Тельнюк И.В. Индивидуально-дифференцированный подход к организации самостоятельной деятельности девочек и мальчиков 5–6 лет

в условиях детского сада: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Спб., 1999.

4. Филиппова С.А. Особенности гендерной идентичности в младшем юношеском возрасте // Семейная психология и семейная терапия. 2013. № 1. С. 17–31.

5. Филиппова С.А. Формирование тревожности, связанной с восприятием пола, в процессе

взаимодействия ребенка с родителями // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: Актуальные вопросы сопровождения и поддержки: матер. междунар. науч. – практ. конф. (Тула, 21–22 октября 2015 г.) / отв. ред. Н.А. Степанова. Тула: Тульский полиграфист, 2015. 496 с.

© Филиппова С.А., 2015.

ИЗМЕНЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МОТИВАЦИИ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Вартанова И.И., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Экспериментально исследуется динамика мотивационного профиля и локуса контроля в различных сферах, а также изменение взаимосвязей между ними на основе сопоставления (с учетом пола) двух групп старшеклассников (8–9 классы и 10–11 классы).

Ключевые слова: развитие, личность, мотивация, локус контроля.

Abstract. The change motivational profiles and locus of control in various fields, as well as changes in the relationships between them is studied by comparing (by gender) two groups of high school students (grades 8–9, and grades 10–11).

Keywords: development, personality, motivation, locus of control.

Развитие личности в старшем школьном возрасте определяется интенсивным развитием мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер. В этот переходный момент возникает устойчивая иерархическая структура мотивационной сферы [1], формируется внутренняя позиция по отношению к себе и другим людям. При этом очень важно, как подростки объясняют причины значимых для себя событий – где их локализуют [4]. Естественно, у одного и того же человека эта позиция будет различной в зависимости от типа ситуации и того, как она воспринимается. Поэтому говорят о многомерном профиле, компоненты которого привязаны к типам социальных ситуаций разной степени обобщенности [3]. Кроме того, возрастное развитие индивидуальности заключается в возникновении новых связей между отдельными свойствами, определяется внутренней логикой системных связей между ними [2].

Таким образом, задачей предпринятого исследования было проследить изменения лично-

сти в сензитивный период школьной жизни (8–11 классы) не только отдельно по параметрам мотивации и локуса контроля, но и выявить изменения системы их взаимосвязей. Для этого обследованы учащиеся двух школ г. Москвы, которые были разбиты на две группы: группа 1 – учащиеся 8-х и 9-х классов (35 девочек и 27 мальчиков), группа 2 – учащиеся 10-х и 11-х классов (35 девочек и 43 мальчика). Для выявления мотивационного профиля использовался специально разработанный опросник (в него вошли 70 утверждений, отражающих возможные варианты мотивировок учебы в школе в настоящем и отношения к профессиональному будущему). К полученным данным применялся факторный анализ. Было выделено 5 факторов, которые получили следующую интерпретацию:

- ◆ статусная мотивация;
- ◆ учебно-познавательная мотивация;
- ◆ мотивация достижения (успешное будущее);
- ◆ мотивация социальной ответственности;
- ◆ мотивация аффилиации.

Это позволило определить соответствующие индивидуальные мотивационные профили каждого учащегося и провести сопоставление выраженности соответствующей мотивации с показателями других методик путем вычисления соответствующих корреляций. Для определения локуса контроля использовался тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) в адаптации Бажина, Голынкиной и Эткинды [3], который позволяет оценить общую интернальность и интернальность в шести сферах: в области достижений, в области неудач, в семейных отношениях, в межличностных отношениях, в отношении здоровья и болезни. Сопоставительный анализ проводился по возрастным группам отдельно для мальчиков и девочек.

В результате для девочек сопоставление выделенных групп по Т-критерию Стьюдента позволило обнаружить значимое ($p < 0,05$) различие выраженности в данных выборках мотивации достижения (она убывает при взрослении). Выявлено также изменение связей мотивации и локуса контроля: в младшей группе обнаруживается значимая ($p < 0,05$) связь учебно-познавательной мотивации с интернальностью в сфере семейных отношений ($r = 0,36$), тогда как в старшей группе эта связь ослабевает, но усиливаются связи между статусной мотивацией и интернальностью в сфере межличностных отношений ($r = 0,5$) и мотивацией социальной ответственности с ин-

тернальностью в области достижений ($r = 0,37$). У мальчиков при взрослении ослабевает мотивация аффилиации и обнаруживается увеличение интернальности в области межличностных отношений и в сфере здоровья. При этом в младшей группе мальчики с мотивацией достижения реже берут на себя ответственность за результаты своей деятельности ($r = -0,41$), но в старшей группе этой связи не обнаруживается, а появляются положительные связи выраженности учебно-познавательной мотивации с общей интернальностью ($r = 0,31$) и интернальностью в области достижений ($r = 0,39$).

Литература

1. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 212 с.
 2. Мерлин В.С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды. М.: Изд-во Мос. психолого-социального ин-та; Воронеж: Модек, 2005. 544 с.
 3. Практикум по психодиагностике. Педагогика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 124–127.
 4. Rotter J Some problems and misconceptions related to the construct of internal versus external control of reinforcement // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1975. No 43. P. 56–67.
- © , 2015.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ОНТОГЕНЕЗЕ

Старагина И.П., кандидат психологических наук
Независимый научно-методический центр «Развивающее обучение»

Аннотация. Рассматривается действие высказывания как выразительное действие. Подчеркивается, что индивидуальность в любом возрасте проявляется в первую очередь в действии высказывания. Рассматриваются этапы становления этого действия в онтогенезе. На основе экспериментальных данных утверждается, что сценическое творчество в младшем школьном возрасте оказывает влияние на совершенствование действия высказывания.

Ключевые слова: развитие, действие высказывания, экспрессивность, драматическая задача, сценическое творчество.

Abstract. The article is about an action of utterance as an expressive action. It is shown that the individuality in any age is manifested firstly in the action of utterance. The article gives the stages of this action formation in ontogenesis. On the basis of experimental data one can argue that dramatic creativity in primary school age has an impact on improvement of the action of utterance.

Keywords: development, action of utterance, expression, dramatic task, dramatic creativity.

Бахтин М.М., размышляя о человеческом в человеке, т.е. о типичном, а не об индивидуальном, отмечает принципиальную для психологии индивидуальности особенность каждого отдельного человека: «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя и потенциальный)» [1, с. 304]. Мы полагаем, что индивидуальность в любом возрасте и в любой сфере жизни проявляется в первую очередь в действии высказывания. В рамках культурно-исторической психологии есть все основания для выделения этого действия в отдельное действие по отношению к речевому и предметному действиям. Металингвистика М.М. Бахтина [1] и теория сознания В.П. Зинченко [2] позволили нам выделить существенные признаки действия высказывания (*границы высказывания, адресованность, завершенность, экспрессивность, совместность, позиционность, рефлексивность*) и предположить, что это действие появляется в онтогенезе одним из первых и в процессе развития ребенка дифференцируется, выступая прайдействием для речевого и предметного действия [5]. Экспрессивность как существенная характеристика действия высказывания позволяет рассматривать это действие как выразительное действие, в отличие от речевого и предметного действий, которые, с нашей точки зрения, являются механическими действиями. Экспрессию человеческого тела – внутреннюю и внешнюю – мы включаем в состав операций действия высказывания. На этапе ориентировки мы отмечаем выделение – опознание – осмысление значений (*внутренняя экспрессия*) – готовность к ответу, а на исполнительном этапе происходит адресование – означивание смысла (*внешняя экспрессия*) – завершение [5]. В становлении действия высказывания в онтогенезе можно выделить несколько этапов.

Первый этап – *доречевое первичное высказывание*, на котором происходит оформление экспрессии тела ребенка при взаимодействии со взрослым в адресованное и завершенное поведение (действие высказывания) с использованием знаков (экспрессивно-мимические и предметно-действенные средства общения, по М.И. Лисиной) для выражения определенного смысла. Второй этап – *речевое первичное высказывание* – связан с использованием словесных средств, т.е. речевое действие включается в действие высказывания как операция по означиванию смысла при взаимодействии с реальным

собеседником в непосредственной ситуации общения. Третий этап – *речевое вторичное высказывание* – связан с использованием словесных средств во взаимодействии с воображаемым собеседником в опосредованной ситуации общения (письменная речь). Если на втором этапе несловесная составляющая собственной экспрессии в ситуации общения не является предметом рефлексии высказывающегося человека, на третьем этапе она становится предметом наблюдения и последующей рефлексии. Наши исследования показывают [3], что внимание к экспрессии тела и овладение собственной экспрессией является ответом ребенка на задачу, поставленную взрослым. Это происходит продуктивно в условиях решения драматических задач. Среди видов творчества, в которых раскрывается индивидуальность ребенка, в младшем школьном возрасте особое значение приобретает сценическое творчество, которое при содействии взрослого является трансформацией сюжетно-ролевой игры. Основываясь на имеющихся исследовательских данных [3; 4], мы утверждаем, что опыт решения драматических задач позволяет младшим школьникам (и далее подросткам) рассматривать сценическое творчество как такую сферу в их жизни, где можно безопасно проявлять свою индивидуальность, экспериментировать со смыслами и экспрессией своего тела, определяющей эти смыслы, и осознавать их.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
3. Старагина И.П. Переход от сюжетно-ролевой игры к сценическому творчеству в младшем школьном возрасте как задача развития // Психология третьего тысячелетия: II Международная научно-практическая конференция: сб. матер. / под общ. ред. Б.Г. Мещерякова. Дубна: Гос. ун-т «Дубна», 2015. С. 369–373.
4. Старагина И.П. Форма и содержание сценического творчества в младшем школьном возрасте // Культурно-историческая психология. 2010. № 2. С. 66–75.
5. Старагина И.П. Когнітивна, виконавча та афективно-оціночна частини дії висловлювання в контексті культурно-історичної психології // Вісник ХНПУ імені Г.С. Сковороди. Психологія. Вип. 48. Харків: ХНПУ, 2014. С. 225–233.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОЖДЕНИЯ И УСПЕШНОСТИ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шемет С.С., аспирант кафедры психологии

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма

Аннотация. Представлены результаты исследования, которое построено как четырехлетний лонгитюдный эксперимент. В нем показано, как под влиянием натального фактора проявляется успешность спортивной деятельности у футболистов 12–17 лет.

Ключевые слова: тип рождения, натальный психотип, успешность спортивной деятельности.

Abstract. The results of the study, which is constructed as a four-year longitudinal experiment. It shows how under the influence of natal factors manifest success of sports activity at players 12–17 years.

Keywords: type of birth, psycho-Natal, the success of sports activity.

Рождение (лат. *natus*) является уникальным фактом биографии человека, интегративно влияющим на психическое развитие и жизнедеятельность. Это самостоятельный фактор, не относящийся к наследственности и влиянию среды, в буквальном смысле это врожденный фактор, т.е. приобретаемый в процессе рождения.

Цель эмпирического исследования – изучить взаимосвязь натального типа с успешностью спортивной деятельности футболистов 12–17 лет.

Гипотеза исследования – существует взаимосвязь между типом рождения и успешностью спортивной деятельности.

Методы исследования – естественный лонгитюдный эксперимент, перинатальная анкета.

Выборка исследования – было проведено лонгитюдное исследование взаимосвязи типа рождения с успешностью спортивной деятельности. Данное исследование осуществлялось в период с 2009 по 2012 г. на базе футбольной школы ДЮСШ «Спартак» в г. Костроме. В качестве выборки испытуемых для эмпирического исследования мы взяли футболистов детской команды при профессиональном футбольном клубе 1996–1997 годов рождения в количестве 33 человека.

На протяжении четырех лет мы изучали одну и ту же группу футболистов 1996–1997 гг. рождения в процессе спортивной деятельности и один раз в год путем проведения диагностического среза фиксировали динамику изменений у этой группы. Всего было проведено четыре диагностических среза.

В ходе лонгитюдного исследования мы определили типы рождения на выборке футболистов 1996–1997 гг. рождения, в соответствии с которыми осуществили прогноз успешности спортивной деятельности по каждому футболисту, затем каж-

дый год проводили мониторинг распределения типов рождения на данной выборке, фиксировали, какие натальные типы выбывают по мере продвижения спортивной карьеры, а какие остаются.

Исследование показало, что в процессе лонгитюда изменилась структура группы футболистов по натальным типам. Футболистов, имеющих 4-й натальный тип (естественные нормальные роды продолжительностью 4–12 ч.) было 52 % в 1-м срезе, через 4 года в 4-м срезе их стало 88 %. В ходе спортивной карьеры у футболистов за четыре года из команды выбыли представители 2-го натального типа (кесарево сечение после схваток), в 1-м срезе – 12 %, через 4 года – 0 %; представители 3-го натального типа (недоношенные) в 1-м срезе – 6 %, во втором срезе – 0 %; представители 5-го натального типа (сложные роды) – 9 % в 1-м срезе, а в 4-м срезе 0 %; также отсеиваются представители 7-го натального типа (затяжные роды более 16 часов) – 9 % в 1-м срезе и 0 % в 4 срезе.

В 4-м срезе было выявлено, что футболисты, рожденные без осложнений в процессе нормальных естественных родов продолжительностью до 12 часов – 4-й натальный тип – представляют 88 % выборки. Это 17 футболистов, которые получили предложение о заключении контракта в профессиональный футбольный клуб. Также среди футболистов, с которыми заключили контракт в профессиональный футбольный клуб, один футболист имеет 8-й натальный тип (6 %) и один футболист имеет 1-й натальный тип (6 %). Это подтверждает гипотезу нашего исследования о том, что успешность футболистов 12–17 лет зависит от натального типа. Спортсмены, имеющие естественное рождение, продолжительностью 4–12 часов – 4-й натальный – тип более успешны в футболе, чем спортсмены остальных натальных типов.

Таким образом, эмпирически подтвердилось, что футболисты 4-го нательного типа являются более успешными в спортивной деятельности, они перешли из детско-юношеского в профессиональный спорт. Результаты нательного прогнозирования успешности спортивной деятельности футболистов 1996–1997 годов рождения за период 2009–2012 гг. практически сбылись в ходе нашего естественного лонгитюдного исследования.

Таким образом, естественное нормальное рождение без осложнений – 4-й нательный тип – способствует успешности в спортивной деятельности.

Литература

1. *Голубева Г.Н.* Этапы формирования активного двигательного режима ребенка в процессе адаптации к внешней среде // *Фундаменталь-*

ные исследования. 2010. № 9. С. 156–157. URL: www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7785189 (дата обращения).

2. *Гроф С.* За пределами мозга // Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stangrof.ru/grof_knigi.html (дата обращения).

3. *Парфентьев В.И.* Исследование взаимосвязи типа рождения и успешности спортивной деятельности // *Фундаментальные исследования.* 2013. № 6. Ч. 2. С. 470–473 URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10000745 (дата обращения).

4. *Шемет И.С.* Рождение и деятельность // *Вестник интегративной психологии. Журнал для психологов.* Вып.8. /под ред. В.В. Козлова. Ярославль; М., 2010. С. 104.

© Шемет С.С., 2015.

ИССЛЕДОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ТЕЗАУРУСА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Гладких З.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания музыки и изобразительного искусства
Курский государственный университет

Аннотация. Раскрывается значение художественно-эстетического тезауруса в исследовании личностной культуры. Анализируется роль онтогенетических и средовых факторов художественно-эстетической культуры личности, порождающих и развивающих индивидуальность.

Ключевые слова: художественно-эстетический тезаурус, личностная культура.

Abstract. The meaning of artistic-aesthetical thesaurus within a research of personal culture is being revealed. The role of ontogenetic and environmental factors of artistic-aesthetical culture that generate and develop the individuality is being analyzed.

Keywords: artistic-aesthetical thesaurus, personal culture.

Реализация личностно ориентированной парадигмы современного образования обуславливает возрастание интереса к теоретическим и практическим аспектам тезауриологии. С термином тезаурус (от греч. *th saur s* – запас, сокровище) ассоциируется культурное начало в человеке, и потому столь органично использование тезаурусного подхода в гуманитарном знании.

Методологические основания и перспективы тезаурусного подхода для развития гуманитарной науки и культурологии образования рассмотрены в трудах И.В. Вершинина, Т.Ф. Кузнецовой, В.А. Лукова, Вл.А. Лукова. Исследователи от-

мечают, что специфика применения тезаурусного подхода в культурологии, эстетике, психологии искусства и педагогике художественного образования обуславливается особенностями эстетического сознания. Именно в сфере искусства тезаурус в полной мере проявляет себя как систематизированный свод представлений о той части мировой культуры, которую может освоить субъект, и объединяющая эти представления на образной основе субъективная картина мира [1, с. 14].

Тезаурус отдельного человека есть открытая система, незамкнутость которой обусловлена принципиальной невозможностью освоения лич-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Курской области, проект № 14–16–46004а(р).

ностью культуры человечества в полном объеме. Индивидуальное восприятие мировой культуры сквозь призму ценностей обуславливает иерархичность тезауруса. Содержание этой сокровищницы неповторимо и несет на себе печать личностной культуры, ее ценностных ориентиров.

Художественно-эстетический тезаурус – это не только словарь, охватывающий понятия, связанные с определенной сферой человеческой деятельности, но и запас впечатлений от общения с искусством, образных представлений, интонационных моделей, эмоционально-ценностных отношений. Формирование художественно-эстетического тезауруса личности детерминировано воздействием макро- и микросреды, условиями воспитания, онтогенетическими и ситуативными факторами, влиянием референтных групп и личностей, художественным опытом и своеобразием экстрахудожественных и интрахудожественных импульсов.

В развитии художественно-эстетической культуры личности велико значение общих и специальных способностей, стимулов, мотивов и целей обращения человека к искусству, степени активности художественной деятельности, ценностных ориентаций. Существенную роль играют и внехудожественные характеристики: социально-демографические (пол, возраст, национальность, социальное происхождение, класс или страта, образование, профессия, род занятий, семейное и имущественное положение, место проживания и т.д.); индивидуально-психологические (особенности психических процессов, преобладание рационального или эмоционального начал, темперамент, эстетическое отношение к искусству, уровень общехудожественного развития, ценностные ориентации, жизненный опыт, общая культура).

Перечисленные факторы комплексно влияют на формирование художественно-эстетического тезауруса, организация элементов которого не остается неизменной: с эволюцией художественных предпочтений личности происходит его

переструктурирование, обогащение новыми элементами. Складывающаяся в сознании человека структура художественно-эстетического тезауруса выполняет функции фильтрации, отбора, оценки, перекодировки и преобразования поступающей из внешнего мира информации.

Тезаурусный анализ особенностей художественно-эстетического развития личности позволяет определить следующие измерения личностной культуры: степень развития художественного восприятия на эмоциональном и когнитивном уровнях, полноту и глубину знаний, богатство интонационных моделей, широту ассоциаций, систему кодов, структурную целостность и семантическое наполнение информации, технику использования художественно-выразительных средств, опыт решения творческих задач. Эти качества существенно влияют на индивидуальное сознание, поведение и деятельность.

Знание особенностей художественно-эстетического тезауруса необходимо для обеспечения личностной, социально-психологической совместности субъектов художественной коммуникации, выступающей в качестве «гипотетического *ключевого принципа* для объяснения процессов, эффектов и эффективности искусства» [2, с. 146]. Компетентность в данной области имеет важнейшее значение для установления субъект-субъектных отношений в образовательном процессе, для познания внутреннего мира другого человека и самопознания.

Литература

1. *Луков В.А.* История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003.
2. *Семёнов В.Е.* Социальная психология искусства как новое направление в психологической науке // Психология искусства: матер. Всерос. науч. – практ. конф. Самара: СамГПУ, 2003. Т. 1. С. 146–149.

© Гладких З.И., 2015.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ ДЕЦЕНТРАЦИИ У ГИМНАСТОК

Степанян Л.С., кандидат биологических наук, доцент кафедры общей психологии
Асриян Э.В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии
Ереванский государственный университет

Аннотация. Исследована проблема формирования и развития личностной децентрации у гимнасток. Показана тесная корреляционная взаимосвязь между уровнем пространственной и личност-

ной децентраций у спортсменов. Выявлен низкий уровень сформированности пространственной децентрации у гимнасток.

Ключевые слова: личность, пространство, децентрация, гимнастика.

Abstract. The problem of the formation and development of personal decentation at athletes was studied. The close correlation between the level of the spatial and personal decentration was found out. A low level of formation of spatial decentration at gymnasts was revealed.

Keywords: personality, space, decentration, gymnastics.

Представления о том, что децентрация личности является детерминантой успешного взаимодействия с внешним миром, основой самоопределения и саморазвития, возникли в результате многочисленных отечественных и зарубежных исследований [1–5].

Как нам представляется, развитие пространственной децентрации может стать основой формирования и развития как личностной, так и когнитивной децентрации, что во многом определяет успешность личности во всех сферах ее деятельности. Так, развитие пространственной ориентировки и представление о пространстве происходит в тесной связи с формированием ощущения схемы своего тела, с изменением структуры предметно-игрового действия, связанного с дальнейшим совершенствованием двигательных умений. Формирующиеся пространственные представления находят свое отражение и дальнейшее развитие в изобразительной, конструкторской, игровой деятельности, а главное – в психологических коррелятах у детей.

В результате исследований было установлено, что в раннем детстве спортивные тренировки, используемые, например в женской художественной гимнастике, в дальнейшем приводят к нарушениям восприятия пространства, и, как следствие, развитию пространственной децентрации. Процесс пространственной децентрации, являющийся одним из механизмов преодоления эгоцентризма, наиболее зависит от внешней среды, изменение которой не может не приводить к изменению механизмов децентрации, описанных Ж. Пиаже, Дж. Смедслундом, М. Феффер. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение влияния различных видов спортивной деятельности на развитие восприятия пространства.

На основании изложенного мы предположили, что развитие пространственной децентрации является предпосылкой формирования и развития личностной децентрации, в связи с чем задались целью исследовать эффективность влияния занятий спортом на формирование пространственной децентрации, а также определение связей между

пространственной и личностной децентраций на примере гимнасток.

В исследовании участвовали 30 гимнасток в возрасте 18–22 лет, стаж тренировок которых составлял больше десяти лет. Все испытуемые участвовали в исследовании на добровольной основе.

Для выявления уровня пространственной децентрации была использована созданная и адаптированная нами проективная методика, направленная на выявление трех уровней развития пространственной децентрации. Для определения уровня пространственной ориентации была использована методика «Часы». Уровень личностной децентрации определяли по тесту эгоцентрических ассоциаций.

Полученные данные подверглись корреляционному анализу (по Пирсону) с использованием пакета статистических программ SPSS20.0 for Windows. Проведенный корреляционный анализ исследуемых показателей выявил тесную корреляционную взаимосвязь между уровнем пространственной и личностной децентрации. Уровень личностной децентрации коррелировал с уровнем пространственной ориентировки на уровне тенденции. На основании анализа средних значений было выявлено, что спортсменов, занимающихся спортивной гимнастикой больше десяти лет, характеризует низкий уровень пространственной и личностной децентрации, в то время как уровень пространственной ориентировки находится в пределах средних значений.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. // Избранные психологические труды. В 2 т. М., 1980. 339 с.
2. *Аванесян Г.М.* Особенности проявлений «децентрации» в процессе профессиональной идентификации студентов: матер. Республиканской межвузовской конференции. Иджеван, 2015. С. 7–11.
3. *Выготский Л.С.* Вопросы детской психологии. М., 1998. 222 с.

4. Степанян Л.С., Григорян В.Г. Децентрическая позиция личности как предиктор эффективности деятельности государственных служащих. 9-я годовичная научн. конф: сб. научных статей. Ереван: Изд-во РАУ, 2015. Ч. 2, С. 22–26.

5. Asriyan E. V., Stepanyan L. S. The problem of relation between concepts em pathy and decen-tration in psychology. // ICEDP 2015: Intern. Conf. on Edu ca tional and Developmental Psychology, Dubai, UAE, Jan 30–31, 2015. P. 352.

© Степанян Л.С., 2015.

КРИЗИС ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

Трухан Е.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Белорусский государственный университет им. Максима Танка

Аннотация. Представлены результаты теоретического исследования кризисной ситуации развития среднего ребенка в семье. Определены основные особенности семейной ситуации развития среднего ребенка, его типичные психологические проблемы и личностные характеристики.

Ключевые слова: сиблинговая позиция, средний ребенок, личность, семья, кризисная ситуация.

Abstract. The article presents the results of a theoretical study of the crisis of the middle child in a family setting. Another set of results includes characteristics of the family situation of the middle child, typical psychological problems and personality traits.

Keywords: sibling position, middle child, personality, family, crisis.

Сиблинговая позиция среднего ребенка (второго из трех или одного из средних детей в большой многодетной семье) наиболее сложна для психологического анализа. Один из самых известных исследователей данной проблемы А. Адлер (к слову, сам занимавший позицию среднего ребенка в своей родительской семье) отмечал, что положение ребенка в семейной констелляции («созвездии»), связанное с порядком рождения и наличием братьев и сестер, имеет наибольшее значение для его воспитания и развития. При этом в работах А. Адлера часто можно встретить отождествление позиций второго и среднего ребенка [1; 2]. Необходимость разграничения эффектов порядка рождения и сиблинговой позиции мы уже обосновывали в предыдущих публикациях [7; 8].

Достаточно распространенным в психологической литературе является мнение о том, что средний ребенок имеет смешанные характеристики старшего и младшего из детей. Однако наше исследование показывает, что позиция среднего ребенка в семье по-своему уникальна.

Первоначально он занимал позицию младшего ребенка в семье, однако затем был вынужден уступить ее новорожденному брату или сестре. Если старший ребенок в такой ситуации лишается привилегий единственного ребенка (ситуация детронизации, по А. Адлеру), то средний – преи-

муществ и поблажек ребенка младшего. Он стремительно становится старше, родители внезапно начинают относиться к нему более требовательно и строго. А причина этих изменений – новорожденный брат или сестра, из-за которого и произошло это «изгнание из рая».

Но и позицию старшего ребенка он также не может примерить на себя в полной мере, властный и агрессивный первенец, однажды уже потерявший свои привилегии, пресекает любые попытки вторгнуться на «его» территорию.

Данная кризисная ситуация, которую мы называем *маргинальной*, вынуждает среднего ребенка:

- ◆ занять промежуточную, среднюю позицию. В. Томан отмечал в своих исследованиях, что средние сиблинги с детства учатся принимать на себя двойные и тройные роли [10];
- ◆ искать свою собственную нишу (открывать «новые земли»), где он может проявить себя и стать успешным;
- ◆ протестовать и бунтовать против сложившейся семейной структуры, в которой он занимает наименее выгодное положение. Исследования показывают, что привязанность к матери и просемейная позиция взаимосвязаны в соответствии с основными положениями эволюционной психологии [3].

Существует как минимум три возможных сценария дальнейшего развития данной ситуации, чем и объясняется противоречивость личностных характеристик среднего ребенка в различных литературных источниках.

Таким образом, одной из основных особенностей семейной ситуации развития среднего ребенка является *маргинальность*: утрата средним ребенком прежнего положения младшего в семье и сложности приспособления к новым условиям при появлении новорожденного брата или сестры делают его позицию «пограничной» между всеми членами семьи.

Среди других важных отличий ситуации развития среднего ребенка в семье следует отметить *наименьший «родительский вклад»*. Согласно Ф. Салловэю, зависимость родительского вклада от порядка рождения детей имеет U-образный вид, т.е. средние дети получают меньше родительских ресурсов, чем самый старший и самый младший [9]. Другие исследования также демонстрируют, что самый старший и самый младший из детей являются любимцами в многодетных семьях [5].

Однако именно *отсутствие родительской гиперопеки* и ожиданий способствует тому, что средний ребенок в наибольшей степени живет «своей жизнью»: делает то, что нужно и нравится ему самому. М. Руфо остроумно комментирует то, что средний ребенок может и не почувствовать себя обделенным, когда вечером оказывается в одиночестве перед телевизором, в то время как отец купает младенца, а мать учит читать старшего [6].

Существенное влияние оказывает и *двусторонняя конкуренция*, соперничество среднего ребенка как со старшим, так и младшим сиблингами. Если при этом, отмечает Р.У. Ричардсон, все дети одного пола, средний ребенок находится в самом проигрышном положении. Он получит меньше всего внимания и будет подавлен необходимостью конкуренции [5].

Перечисленные условия развития среднего ребенка в семье оказывают влияние на формирование его личности. Однако составить обобщенный личностный портрет среднего ребенка, как мы уже отметили выше, практически невозможно, поскольку неизвестно, какой способ разрешения ситуации маргинальности будет им выбран в каждом конкретном случае.

Так, если средний ребенок постарается занять промежуточную позицию между всеми членами семьи, это будет способствовать формированию у него умений ладить с людьми, договариваться,

вести переговоры, приспосабливаться и терпеть. Его личность будет отличаться дипломатичностью, гибкостью, услужливостью и нерешительностью. В качестве примера можно назвать Бенджамина Франклина, дипломатические способности которого позволили Америке заключить знаменитый Версальский мирный договор в XVIII в.

Если средний ребенок решит искать свой собственный, неповторимый путь и способы отличиться, его личности будут присущи такие качества, как открытость всему новому и авантюризм. Ярким примером является «первооткрыватель» космоса Юрий Гагарин, родившийся третьим в семье из четырех детей.

Если средний ребенок выберет протест против сложившейся семейной структуры и займет контрсемейную позицию, ему будут присущи мятежность и непринятие авторитетов. Такими качествами обладали совершивший государственный переворот Наполеон Бонапарт (второй ребенок в семье из восьми детей), а также автор бунтарской для своего времени теории эволюции Чарльз Дарвин (пятый ребенок в семье из шести детей).

Тем не менее большинство авторов сходятся во мнении, что все средние дети отличаются независимостью и умением налаживать отношения с людьми вне семьи.

Кризисная ситуация развития среднего ребенка в семье способствует появлению определенных психологических проблем у людей с данной сиблинговой позицией. Прежде всего это *трудности самоопределения* (личностного и профессионального). По мнению Р.У. Ричардсона, средний ребенок часто затрудняется в самоопределении и формировании отчетливой личности, потому что не имеет твердых ориентиров [5].

Еще одним проблемным аспектом является *слабая привязанность к родителям*. Ощущая недостаточную поддержку и заботу в семье, средний ребенок стремится компенсировать этот дефицит в общении вне семьи. В различных исследованиях было установлено, что средние дети реже упоминают родителей в качестве наиболее близких лиц, меньше других детей склонны обращаться к родителям за эмоциональной поддержкой [9]; средние дети меньше всего привязаны к родителям, сильно – к сиблингам и более всего – к друзьям и партнерам [3].

Многие исследователи отмечают *обидчивость и недоверчивость* средних детей. «Средние дети, не имея ни прав старшего ребенка, ни привилегий самого младшего, часто чувствуют, что жизнь

несправедлива» [5, с. 172]. Возможно, этим и объясняется более высокая вероятность параноидальных расстройств, которая была выявлена у средних детей [цит. по 4].

Значительные сложности связаны с использованием средними детьми *негативных способов привлечения внимания к себе*. Для того чтобы почувствовать свою значимость для родителей, средние дети могут становиться саморазрушителями (например пить и есть слишком много), социальными разрушителями (став членами банд или преступниками), но чаще они просто используют надоедливые, привлекающие внимание привычки [5].

Таким образом, кризисное событие в жизни среднего ребенка, вызванное изменением привычного положения младшего в семье вследствие рождения еще одного ребенка, провоцирует возникновение специфических для данной сиблинговой позиции проблем, а также предопределяет многовекторность его дальнейшего личностного развития.

Литература

1. Адлер А. Наука жить / сост. и общ. ред. А.А. Юдина. Киев: Port-Royal, 1997.
2. Адлер А. Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997.
3. Бутовская М.Л., Бойко Е.Ю., Гучинова Э.Б. Порядок рождения и привязанность к родственникам: кросс-культурный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии [Электронный ресурс]. 2004. № 2 (18). URL: <http://ethology.ru> (дата обращения: 27.08.2015).
4. Зырянова Н.М. Ранние сиблинговые исследования // Психологические исследования [Электронный ресурс]. 2008. № 2 (2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.08.2015).
5. Ричардсон Р.У. Семейный узы, которые связывают / пер. с англ. М.П. Смирновой. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
6. Руфо М. Братья и сестры, болезнь любви: Дети в семье – сложности роста / пер. с фр. О. Давтян. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
7. Трухан Е.А. Влияние порядка рождения и сиблинговой позиции ребенка на формирование его личности // Адукацыя і выхаванне. 2013. № 11. С. 69–5.
8. Трухан Е.А. Влияние порядка рождения и сиблинговой позиции ребенка на формирование его личности (окончание) // Адукацыя і выхаванне. 2013. № 12. С. 48–52.
9. Sulloway F.J. Birth Order // Evolutionary Family Psychology / ed. by C. Salmon and T. Shackelford. Oxford and New York: Oxford University Press, 2007. P. 162–182.
10. Toman W. Family constellation: Its effects on personality and social behavior. New York: Springer, 1976.

© Трухан Е.А., 2015.

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ, БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Лопаткова И.В., доктор психологических наук
Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Обосновывается и приводится модель создания эффективных условий развития индивидуальности и субъектности студентов, будущих преподавателей изобразительного искусства, в процессе высшего образования, обсуждаются ее целевые, психолого-педагогические и технологические аспекты.

Ключевые слова: индивидуальность, субъектность, развитие, художественное поле самоактуализации, рефлексия, образовательная среда.

Abstract. The article substantiates the model and is creating effective conditions for the development of individuality and subjectivity of students, future teachers of fine arts in the course of higher education, discussed its target, psycho-pedagogical and technological aspects.

Keywords: personality, subjectivity, development, artistic field of self-actualization, reflection, learning environment model.

Индивидуальность как совокупность своеобразных, уникальных качеств и свойств психики человека не может рассматриваться вне контекста его субъектности. Основными характеристиками субъектности, развитию которых уделяется большее внимание в предлагаемой модели и которые составляют ее содержание, являются способность к самоорганизации (синергетичность), научно-исследовательская, художественно-творческая и психолого-педагогическая индивидуальность и самостоятельность, способность к саморефлексии. При разработке модели учитывалось также трехмерное пространство психологических факторов, детерминирующих эффективность развития: психологические особенности субъектов образования (студентов, педагогов), в частности особенности личности, индивидуальности; особенности состояния и потенциала психических процессов (познавательных, формирующих, развивающих); особенности образовательной среды (совокупности внешних и внутренних условий, определяющих качество образования). Условно обозначим эти две стороны кубообразной модели развития субъектности как целевое и психолого-педагогическое содержание. Следующая составляющая (сторона) модели – методы и технологии, применяемые преподавателями высшей школы и самими студентами для субъектного освоения образовательно-профессионального пространства, точнее, его создания. Следует отметить, что каждая «точка» данной модели интегрирует особенности психологического содержания профессиональной деятельности художника и учителя как субъектов художественно-творческой и психолого-педагогической деятельности. Таким образом, развитие индивидуальности и субъектности будущих учителей изобразительного искусства становится разнонаправленным и многомерным и не может осуществляться в элементарном дисциплинарном или междисциплинарном пространстве. Технологическая составляющая модели включает:

- ◆ модульный подход: для освоения и присвоения информации по определенной тематике (блоку тем, объединенных по какому-либо принципу, например возрастному) создается дисциплинарный модуль, в рамках которого студенты совместно с коллективом преподавателей разрабатывают системы знаний по конкретной теме сразу с нескольких сторон;
- ◆ проблемная организация образовательной среды, которая должна сочетать в себе интенциональные и технологические характеристики минимум трех разнообразных образовательных сред: творчески-развивающего

художественного пространства (самостоятельное создание художественных образов, участие в художественно-творческом взаимодействии, эстетическое развитие); научно-исследовательского пространства (обнаружение проблемы, постановка и исследование гипотез, проведение экспериментальной работы, разработка авторских технологий) и практико-ориентированной деятельности (результатов производственной практики, в ходе которой студенты сталкиваются с конкретными задачами, проблемами, и необходимость решения которых обеспечивает требуемый уровень их познавательной и мотивационной активности, заинтересованности в поиске теоретической и технологической информации);

- ◆ личностно-развивающее пространство, благодаря которому студенты смогут обнаруживать в себе потенциально значимые для будущей профессиональной деятельности характеристики, использовать свою личную лабораторию для освоения образовательных психолого-педагогических и предметных (художественно-эстетических) технологий;
- ◆ художественно-творческое пространство, которое позволит интегрировать профессионально-предметные (художественно-творческие приемы, технологии, навыки и знания) и психолого-педагогические аспекты развития, инициировать синергетические процессы.

Основная технология, позволяющая интегрировать все обозначенные выше «точки» модели развития индивидуальности и субъектности, – технология художественного поля самоактуализации, которое определяется как множество значимых осознаваемых и неосознаваемых взаимозависимых фактов, воспринимаемых и транслируемых в художественных образах и событиях, посредством которых создается необходимый для развития субъектности конфликт знания и незнания. В нем осуществляется смена алгоритмов развития. Характерный для познания алгоритм – от смысла и понимания к отношению – сменяется на алгоритм познания посредством художественного образа – от чувственного, эмоционального отношения к образованию диалогичных смыслов, так как в основе художественного образа лежит противоречие. Это стимулирует оригинальный креативный подход к восприятию объекта познания и самовосприятию, разворачивает познавательную ситуацию в нестандартном плане, заставляет выйти за рамки обычных приемов и шаблонов, следовательно, инициирует субъектность.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И МЫШЛЕНИЕ РЕБЕНКА

Поддьяков Н.Н., доктор психологических наук, академик РАО
Российская академия образования

Аннотация. Обсуждается роль неопределенности в развитии мышления ребенка. Предлагается стратегия проблемного обучения, названная принципом развивающейся интриги. Ее смысл состоит в том, чтобы преодоление неопределенности в одних зонах когнитивной сферы сопровождалось возрастанием неопределенности в других ее зонах.

Ключевые слова: неопределенность, развитие, мышление ребенка.

Abstract. Role of uncertainty in children's thinking is discussed. The strategy of problem-based teaching called the principle of «developing intrigue» is introduced: overcoming of uncertainty in some zones of cognitive sphere should be accompanied with increase of uncertainty in other zones.

Keywords: uncertainty, development, children's thinking.

Мы выделяем два типа проблемности, неопределенности в контексте развития мышления ребенка:

Неопределенность, проблемность как внутреннее свойство знаний, представлений детей, как внутреннее свойство психики ребенка в целом. Потребность детей в преодолении этой неопределенности, проблемности стимулирует высокую творческую активность дошкольника. При некоторых обстоятельствах дети самостоятельно могут повышать неопределенность, проблемность своих знаний, мысленно экспериментируя с ними. Неопределенность, проблемность как внутреннее свойство психики ребенка является важнейшим стимулятором психической активности детей, их творческих потенций.

Неопределенность, незавершенность как свойство объектов окружающего мира (объектов природы, культуры), с которыми взаимодействует ребенок в процессе своей жизни и деятельности. Большинство объектов природы и культуры, как правило, находятся в процессе движения, изменения, развития и в связи с этим носят незавершенный, неопределенный характер. Мера неопределенности может быть различной в разных жизненных ситуациях. Чем выше неопределенность, тем сильнее она стимулирует психическую активность детей. Вместе с тем следует оговориться, что слишком высокая неопределенность может тормозить психическую активность. Но и в тех случаях, когда эта неопределенность выражена слабо, она может оказывать на ребенка мощное стимулирующее воздействие, если его внутренний мир, его когнитивная сфера носят эвристический характер. В этом случае дети чрезвычайно чувствительны к любым формам неопределенности. Они самостоятельно ищут, самостоятельно создают проблемные ситуации, проблемные зада-

чи. Важную роль здесь играет индивидуальность ребенка. Так, для одной категории дошкольников не требуется специального повышения неопределенности. Наши эксперименты показали, что самая обычная сказка или рассказ вызывают у этих детей множество самых неожиданных вопросов, догадок, предположений. Однако в ряде случаев, чтобы вызвать более интенсивную заинтересованность и активность дошкольника, мы различными способами и приемами добивались повышения уровня неопределенности, проблемности различных объектов, с которыми имели дело дети. Такой целенаправленный процесс повышения неопределенности, проблемности тех или иных объектов (ситуаций) для активизации мышления детей мы рассматриваем как процесс создания проблемных противоречивых ситуаций.

Авторы разработали стратегию проблемного обучения детей дошкольного возраста, назвав ее принципом развивающейся интриги. В ее основу заложены следующие положения. Для активизации мышления и творчества ребенка необходимо соблюдение меры неопределенности, незавершенности какой-то части знаний дошкольника. Если мы хотим, чтобы активность детей в процессе обучения не ослабевала, необходимо строить обучение таким образом, чтобы одновременно с формированием ясных, отчетливых знаний оставалась зона неопределенных знаний, чтобы удовлетворение полученными новыми знаниями в конце очередного занятия сочеталось у них со страстным нетерпением узнать, что же будет на следующем занятии. Этот путь обеспечивает и активизацию творчества: ребенок не ждет разъяснений взрослого, он сам активно ищет возможности уточнения того, что ему неясно, прогнозирует, строит догадки, предположения, пробует, ошибается и приобретает умение самостоятельно добывать новые знания

(конечно, в доступных ему пределах). Такое построение педагогического процесса способствует созданию высокого эмоционального тонуса на занятиях; дети в полной мере испытывают радость познания, напряженность поиска, радость первых самостоятельных находок и горечь сомнений.

Эта стратегия проблемного обучения оказалась очень эффективной в плане умственно и творческого развития детей дошкольного возраста. Ее высокая эффективность обусловлена тем, что она соответствует фундаментальной закономерности психического (умственного) развития ребенка. Умственное развитие выступает в единстве двух противоречивых тенденций: с одной стороны, как постоянный рост неопределенности основных психических образований, а с другой – как

непрерывное преодоление этой неопределенности с помощью все более совершенных средств и способов познавательной деятельности. Данные средства должны удовлетворять одному важному требованию: преодоление неопределенности в одних зонах когнитивной сферы должно сопровождаться возрастанием неопределенности в других ее зонах. Указанный фактор является важнейшим условием самодвижения, саморазвития мышления ребенка, его уникального творческого потенциала.

Литература

1. Поддьяков Н.Н. Психическое развитие и саморазвитие ребенка. М.: Речь, 2010.

© Поддьяков Н.Н., 2015.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО ПРОСТРАНСТВА И ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ОНТОГЕНЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Манвелян Н.Г., магистрант кафедры психологии образования АПП
Курносова Я.В., магистрант кафедры психологии образования АПП
Южный Федеральный Университет

Аннотация. Рассматривается понятие психологического пространства личности на разных возрастных этапах. Приведены данные по теоретическому анализу формирования личностного пространства, его содержательной стороны. Подчеркивается, что насыщение психологического пространства личности имеет место на всех этапах возрастного развития и связано со становлением индивидуальности.

Ключевые слова: личность, психологическое (личностное) пространство, онтогенетическое развитие, индивидуальность.

Abstract. Discusses the concept of psychological space of the personality at different age levels. The article States that the saturation of the psychological space of the personality occurs at all stages of development of age-related development of the personality

Keywords: personality, psychological (personal) space, the ontogenetic development of the personality.

В психологической науке неоспорим тот факт, что понятие «индивидуальность» используется для изучения психической и психологической специфики конкретного человека, а также для понимания различий между людьми. В этом понятии собрана совокупность характерных особенностей и свойств, отличающих одного человека от другого, а именно, своеобразие психики и личности, неповторимость и уникальность.

Уникальность и неповторимость личности в нашем исследовании психологического (личностного) пространства личности – это те дефиниции, которые являются содержательным ком-

понентом, а также условием сохранности границ такого пространства [3].

Индивидуальность характеризуется не только неповторимыми свойствами, но и своеобразием взаимосвязей между ними. Предпосылкой формирования человеческой индивидуальности в первую очередь является среда, где человек растет, опыт, накопленный им в детстве, воспитание, семейные ценности, традиции и обращение с ребенком. Соответственно, индивидуальность это составляющая часть личностного пространства человека, которое формируется и обретает содержательность в результате становления человека

как личности, влияния социальной среды, воспитания и образования, в ходе которых он меняется и либо приобретает качественные индивидуальные характеристики, необходимые ему для существования в обществе, либо теряет их, не взаимодействуя с социумом [3].

Интересно наблюдать, как в ходе онтогенеза у ребенка начинают обнаруживаться те или иные характеристики личностного пространства, проявляющиеся в определенный отрезок его жизни. В этой работе мы проанализировали исследования отечественных и зарубежных психологов по возрастной специфике развития личности, начиная с дошкольного и до подросткового возраста. В своем анализе возрастных этапов мы обратились к периодизации В.С. Мухиной, Г.С. Абрамовой; Э. Эриксона и др. [1; 2; 4]. Итак, начиная от рождения до одного года, содержание личностного пространства выражается в элементарных проявлениях сохранения своего физического пространства, телесности; первые способы защиты себя на физиологическом уровне (плач). Первый образ личностного пространства еще синкретичный и неустойчивый.

На этапе раннего детства (1–3 года) личностное пространство проявляется за счет выделения ребенком себя как персоны, обладателя определенного имени (имя собственное, местоимение «Я»; физический облик); стремления к самостоятельности («Я сам»); осознания ребенком себя как источника разных желаний и действий, отделенного от других людей [2].

Дошкольный этап (3–7 лет) наполняет психологическое пространство личности нравственными, социальными нормами поведения, привычками; появлением внутренней позиции ребенка; постепенным освоением детьми собственно человеческого знаково-символического мира, т.е. вербально очерченного пространства, стандартизирующего, социализирующего его, пространства, где преобладают образы воображения [2].

В младшем школьном возрасте увеличение проксемического и территориального пространства личности ребенка происходит за счет приобретения статуса школьника. Расширение гра-

ницы личностного пространства в этом возрасте возможно благодаря пониманию ребенком своей индивидуальности; особенностей развития самосознания; выбора психологической дистанции по отношению к миру людей. Личностное пространство наполняется значимым опытом культуры, науки, категориями прав и обязанностей [1; 2].

В подростковом возрасте содержание личностного пространства пополняется такими характеристиками, как негативизм. Это первичная форма механизма отчуждения и идеальное «отгораживание» мира своей личности, обособление своего «Я» от семейного и школьного «Мы». Далее следует индивидуализация, кризис идентификации со своей внешностью и представлениями о себе; обособление территориальными, знаковыми, смысловыми системами (сленг, внешний вид, пристрастия и т.д.). Особая значимость в притязании на свою уникальность; особенности идентификации с собственным «Я»; отношение подростка к правам и обязанностям; закладывание мировоззрения, чувства меры и свободы [2; 4].

Таким образом, психологическое пространство личности имеет место на всех этапах онтогенетического развития, заполняясь разными содержательными и индивидуальными характеристиками.

Литература

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология. 5-е изд. М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. 702 с.
2. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия, 1997. 456 с.
3. *Мозговая Н.Н.* Личностное пространство как предмет научной рефлексии в отечественной и зарубежной психологии // Научные труды Sworld. 2011. Т. 19. № 1. С. 31–36.
4. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер, 1997. 608 с.

© Манвелян Н.Г., Курносова Я.В., 2015.

ПОНИМАНИЕ ЧУВСТВА ГОРДОСТИ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Молчанова О.Н., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и экспериментальной психологии

Никитина А.С., выпускница факультета психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Обсуждаются особенности понимания детьми чувства гордости. Раскрывается роль сказки в становлении способности дошкольников распознавать чувство гордости у других людей. Выявлено влияние чтения и обсуждения специально составленных сказок на уровни понимания гордости. Отмечаются различия в понимании разных типов гордости.

Ключевые слова: понимание эмоций, чувство гордости, сказка, дети дошкольного возраста.

Abstract. Particular understanding of children's feelings of pride was discussed. The role of fairy tales in the development of the ability of preschool children to recognize a sense of pride in other people. We also identified the influence of reading and discussion of specially composed tales on the levels of understanding of pride. There are differences in the understanding of different types of pride.

Keywords: understanding emotions, pride, fairy tale, preschool children

Под чувством гордости понимается состояние удовлетворения собой за предпринятые усилия и достигнутые успехи. Психологи полагают, что ребенок начинает распознавать и понимать переживание гордости у других людей примерно с 4–5 лет [1; 4]. Понимание эмоций означает способность распознать эмоцию, идентифицировать и вербализовать ее; выделить причины и последствия возникновения данной эмоции. Умение понять эмоции имеет свои закономерности и этапы развития в онтогенезе. Способности ребенка распознавать и понимать эмоциональные состояния и переживания как у других людей, так и у себя, развиваются во взаимодействии со взрослыми людьми, в частности при чтении сказок.

Цель эмпирического исследования состояла в изучении динамики понимания чувства гордости под воздействием чтения и обсуждения специально составленных сказок. В исследовании приняло участие 54 дошкольника (27 мальчиков и 27 девочек) в возрасте от 4 до 6 лет. Для выявления уровня понимания гордости были отобраны 6 фотографий, в которых представлена наиболее типичная мимика гордости [3], и составлено 8 историй с ситуациями проявления гордости и радости. Истории поделены на типы:

- ◆ соответствие поступка нормам и получение похвалы от одного человека;
- ◆ соответствие поступка собственным нормам, похвалы нет, никто не узнал о поступке;
- ◆ соответствие поступка нормам, получение награды и похвалы от большого количества людей;
- ◆ история, в которой главный герой обрадовался, потому что получил то, что очень любит.

На первом этапе для выявления уровня понимания гордости детям предъявлялись 3 фотографии и 4 истории. Затем выборка была разделена на контрольную и экспериментальную группу, в которых дети были уравнены по полу, возрасту и уровням понимания гордости. На втором этапе дети из экспериментальной группы два раза

в неделю в течение месяца слушали и обсуждали сказки, раскрывающие разные типы гордости. На третьем этапе было проведено итоговое исследование, повторяющее первое, но включающее другие истории и фотографии.

Первичное исследование показало, что 44 % детей не могут вербализовать эмоцию даже после помощи экспериментатора; 56 % детей не называют чувство гордости, однако после перечисления ряда эмоций могут выбрать верную или похожую. При этом в первой группе в основном оказались дети 4 лет, во второй – 5–6 лет. Дети лучше всего понимают историю третьего типа, в которой главный герой получает похвалу и награду за хороший поступок.

Похожее распределение уровней понимания чувства гордости можно проследить и по идентификации эмоций по фотографиям: в целом ответы большинства детей можно отнести к первому и второму уровням понимания эмоций [2].

После серии прослушивания и обсуждения специально составленных сказок было проведено повторное исследование. Различия в уровнях понимания чувства гордости экспериментальной группы до и после прослушивания сказок оказались значимыми по всем историям (критерий Вилкоксона), тогда как в контрольной группе значимых изменений не выявлено. В результате обсуждения с детьми эмоциональных переживаний главных героев сказок произошло повышение уровней понимания гордости по историям первого и третьего типов, уровень понимания гордости по истории второго типа у большинства детей остался прежним. Таким образом, дети всех возрастов лучше понимают гордость, возникшую после похвалы и вручения награды, а хуже – историю с личным достижением в ситуации отсутствия похвалы и награждения.

После обсуждения сказок повысился уровень понимания гордости и по фотографиям, однако этот уровень оказался ниже, чем по предъявленным историям. У детей контрольной группы раз-

личий в распознавании эмоций по фотографиям по прошествии месяца не наблюдалось.

Результаты исследования показали, что сказка, а точнее ее обсуждение, может повысить уровень понимания гордости у детей дошкольного возраста, т.е. создать зону ближайшего развития в понимании различных типов гордости.

Литература

1. *Бреслав Г.М.* Психология эмоций. М.: Смысл, 2004.

2. *Щетинина А.М.* Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 60–66.

3. *Tracy J.L., Robins R.W.* Show Your Pride: Evidence for a Discrete Emotion Expression // Psychological Science. 2004. Vol. 15. No 3. P. 194–197.

4. *Tracy J.L., Robins R.W., Lagattuta K.H.* Can Children Recognize Pride? // Emotion. 2005. Vol. 5. No 3. P. 251–257.

© Молчанова О.Н., Никитина А.С., 2015.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА¹

Белова Е.С., кандидат психологических наук
Психологический институт РАО

Аннотация. Рассматриваются проблемы развития детей с признаками одаренности на этапе старшего дошкольного возраста. Представлены результаты экспериментального исследования особенностей и трудностей развития творчески одаренных детей 5–6 лет в сравнении со сверстниками. Выделены проблемные аспекты в развитии речи, внимания, общения у некоторых творчески одаренных дошкольников.

Ключевые слова: проблемы развития, одаренные дети, старший дошкольный возраст.

Abstract. The development problems of children with signs of giftedness at the stage of senior preschool age are considered. The experimental study results of the development of 5–6 years old creative gifted children in comparison with their peers are presented. Problematic aspects in the development of speech, attention, communication of some gifted preschoolers are highlighted.

Keywords: development problems, gifted children, senior preschool age.

Одной из актуальных проблем психологии индивидуальности является развитие способностей и дарований личности. Первые признаки одаренности ребенка могут быть выявлены уже на этапе дошкольного возраста. В связи с этим крайне важно вовремя их заметить и поддержать. Однако на практике это часто бывает сопряжено с выявлением проблем неординарного ребенка, обусловленных неравномерностью его развития. Как отмечает Е.И. Щербланова, у части одаренных детей эта неравномерность с возрастом может сглаживаться, у другой части – сохраняться и во взрослом возрасте, образуя уникальное сочетание сильных и слабых сторон [2].

Следует отметить, что в современной психологии и педагогике вопросы диссинхронии в развитии одаренных детей на этапе дошкольного возраста остаются недостаточно изученными.

В связи с этим целью проведенного исследования являлось выявление особенностей и трудностей в развитии одаренных дошкольников. Теоретическую основу исследования составили: концепция «Творческая одаренность» (А.М. Матюшкин), в соответствии с которой одаренность рассматривалась как творческий потенциал, заложенный в ребенке с рождения и реализующийся по мере взросления в разных областях и сферах деятельности [1]; разработанная Е.И. Щерблановой структурно-динамическая модель одаренности [3].

Было обследовано 230 детей 5–6 лет; дети посещали дошкольные учреждения г. Москвы. Использовались методики: фигурный тест творческого мышления Е.П. Торренса (адаптация для дошкольников Е.С. Беловой и Е.И. Щерблановой), методика экспресс-диагностики интеллек-

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 14–06–00741а.

туальных способностей (МЭДИС, форма А), разработанная Е.И. Щербановой, И.С. Авериной, Е.Н. Задориной; прогрессивные матрицы Дж. Равена (цветной вариант); опрос родителей и педагогов об особенностях индивидуального развития детей; наблюдения за детьми на занятиях и в условиях свободных игр; методика диагностики речевого развития дошкольника (М.А. Поваляева); анализ продуктов творческой деятельности детей (рисунков, поделок и др.); статистическая компьютерная обработка данных.

По полученным результатам дети с высоким творческим потенциалом, отнесенные к одаренным, составили 13,6 % от обследованных дошкольников. Сравнительный анализ показателей развития одаренных дошкольников и показателей развития их менее творческих сверстников (со средним, низким или ниже среднего уровнем творческого потенциала) позволил установить, что в целом одаренные дошкольники превосходят сверстников по творческому, интеллектуальному развитию, уровню сформированности коммуникативных умений, словарного запаса, у них более выражены познавательная потребность и стремление к творческому самовыражению (различия статистически значимы). Вместе с тем выявлено, что опережение в творческом развитии дошкольника не означает опережения во всем. Для некоторых одаренных дошкольников характерно сочетание высокого творческого потенциала с недостаточностью развития речи, общения, внимания.

Трудности речевого развития обнаружены у большинства (70 %) одаренных детей 5–6 лет. Специфика трудностей была обусловлена характером нарушений в развитии речи. Наиболее часто у одаренных дошкольников проявлялись трудности правильного произношения звуков, которые в основном выражались в искажении или замене звуков, чаще всего при нормальной иннервации речевого аппарата.

Трудности концентрации и удержания произвольного внимания были обнаружены у 50 % одаренных детей, при этом 26,7 % неординарных дошкольников очень часто отвлекались, у 23,3 % иногда отмечалась невнимательность.

При общении со взрослым трудности испытывали 20 % одаренных детей. У такого же количества неординарных детей выявлялись трудности при общении с ровесниками.

Полученные в исследовании данные свидетельствуют о сложности процесса раскрытия одаренности на этапе старшего дошкольного возраста.

Литература

1. Матюшкин А.М. Концепция творческой одаренности // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 29–33.
2. Щербанова Е.И. Неуспешные одаренные школьники. М.; Обнинск: ИГСОЦИН, 2008.
3. Щербанова Е.И. Одаренность как психологическая система: структура и динамика в школьном возрасте: автореф. ... докт. психол. наук. М., 2006.

© Белова Е.С., 2015.

ПРОДУКТИВНОСТЬ ВНИМАНИЯ ПОДРОСТКОВ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА

Толстова О.И., аспирантка II года обучения факультета психологии
Московский государственный областной гуманитарный институт

Аннотация. Представлены результаты исследования продуктивности внимания подростков с акцентуациями характера. Результаты данного исследования можно использовать в целях разработки профилактических, коррекционных и развивающих программ, направленных на исправление характера и на развитие процессов внимания учащихся.

Ключевые слова: акцентуации характера, внимание, подростковый возраст.

Abstract. There are stated results of the study of the productivity of the teenagers' attention with character's accentuations in the article. The results of this study can be used to develop programs' preventive, remedial and development designed to correct the nature and processes of attention to the development of students.

Keywords: character's accentuations, attention, teenagers.

Подростковый период характеризуется существенными изменениями как в физиологических, так и в психических процессах, протекающих у субъектов. Происходящие изменения, отражаются и на черты характера, и на аттенционные процессы подростков. В свою очередь, черты характера влияют на процессы сосредоточения сознания на предмете деятельности.

В этот период черты характера могут претерпевать существенные изменения и достигать крайней границы нормы. Таким образом возникает акцентуация.

Личко А. Е. определил акцентуации характера как «крайние варианты его нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим» [2].

Крайние проявления акцентуаций характера могут отрицательно влиять на успеваемость старших подростков: они не усваивают какую-то часть учебного материала, имеют низкие оценки, а также проблемы с дисциплиной. Одним из факторов успешности учебной деятельности являются аттенционные процессы.

Целью исследования было изучение продуктивности внимания старших подростков с акцентуациями характера. Была выдвинута гипотеза о том, что у подростков с акцентуациями характера показатели продуктивности внимания ниже, чем у подростков без нее.

Эмпирическое исследование охватило 55 испытуемых, в возрасте 15–16 лет. В экспериментальную выборку вошли 35 учащихся профессионального лицея, из них 15 мальчиков и 20 девочек, отличающихся наличием акцентуированного поведения. В контрольную выборку были отобраны 20 старшеклассников без акцентуаций характера, состоящие из 11 мальчиков и 9 девочек.

В качестве методов исследования использовались: счет по Э. Крепелину в модификации Н. И. Курочкина [3]; корректурная проба Б. Бурдона [3]; методика диагностики избирательно-

сти внимания Г. Мюнстерберга [3]; характерологический опросник «Акцентуации характера» К. Леонгарда – Г. Шмишека [3]. В качестве методов математической статистики использовался U-критерий Манна – Уитни и корреляционный анализ Пирсона.

С помощью данных методов мы исследовали основные свойства аттенционных процессов у подростков: скорость, точность, работоспособность, переключаемость, надежность. Мы определили, что в комплексный показатель надежности (продуктивности) входит: быстрое и правильное выполнение задания, т.е. скорость и точность, переключаемость как скорость перехода от одной деятельности к другой, устойчивость как продолжительная концентрация сознания на предмете деятельности.

Сравнивая полученные результаты исследования продуктивности внимания между экспериментальной и контрольной выборками, следует отметить, что у подростков с акцентуациями характера скорость процессов сосредоточения сознания на предмете деятельности низкая, а у подростков без акцентуаций характера находится в норме.

Это значит, что гипотеза частично подтвердилась: у подростков с акцентуациями характера показатели продуктивности внимания ниже, чем у подростков без акцентуаций характера.

Результаты данного исследования можно использовать в целях психологического и педагогического сопровождения акцентуированных подростков и для разработки профилактических, коррекционных и развивающих программ, которые направлены на исправление характера и на развитие процессов внимания учащихся.

Литература

1. Леонгард К. Акцентуированные личности / пер. В. М. Лещинская. Ростов-н/Д.: Феникс, 2000. 541 с.
2. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983. 168 с.
3. Столяренко Л. Д. Основы психологии: практикум. 7-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 704 с.

© Толстова О. И., 2015.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Анненкова Н. В., кандидат психологических наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Представлены результаты психологического исследования взаимосвязи прокрастинации и карьерных ориентаций студентов Финансового университета.

Ключевые слова: прокрастинация, карьерные ориентации, самоопределение.

Abstract. The psychological research's results of interrelation of a procrastination and students' career orientations are presented in the article.

Keywords: procrastination, career orientations, self-determination.

Один из ключевых вопросов возрастной психологии – личностное самоопределение. Большинство отечественных психологов термин «личностное самоопределение» анализирует именно в рамках профессионального самоопределения (Е.А. Климов, Н.С. Пряжников). Согласно организационной теории Э. Шейна профессиональное самоопределение – процесс медленного развития самоконцепции в терминах способностей, талантов, мотивов, ценностей и потребностей человека. Это выстраивание своей так называемой карьерной ориентации (или якоря карьеры), которая возникает в ходе социализации человека и является важной составляющей его профессиональной Я-концепции.

С психологической точки зрения процесс целеполагания индивидуума, его особенности отношения со временем важны, в том числе в рамках выстраивания карьеры. Так, тенденция откладывать выполнение необходимых дел «на потом», будучи поведенческим паттерном, может существенно влиять на особенности продвижения профессиональной самоконцепции человека. Данная особенность связана с прокрастинацией. [3]. Причины прокрастинации большинство авторов видит в качестве самих заданий, отмечая такие характеристики, как навязанность заданий извне, отсроченность последствий, скучные, рутинные, неприятные задания и проч. [2]

Целью исследования стало выявление взаимосвязи уровня прокрастинации и ценностных ориентаций студентов. В исследовании приняли участие 22 студента первого курса Финансового университета. В ходе исследования применялись: методика диагностики ценностных ориентаций в карьере «Якоря карьеры» Э. Шейна [1] и модификация опросника «Шкала студентов» С. Лэя, которая позволяет определить степень выраженности склонности откладывать дела на потом [4].

Анализ результатов проведенного исследования показал, что существует взаимосвязь между уровнем прокрастинации и ценностными ориентациями студентов – обратная корреляционная зависимость со шкалой «Интеграция стилей жизни» ($r = -0,76755, p \leq 0,01$) и прямая зависимость со шкалой «Профессиональная компетентность» ($r = 0,507782, p \leq 0,05$).

Для людей, имеющих высокие значения по шкале «Интеграция стилей жизни», характерно стремление к сохранению гармонии между сложившейся личной жизнью и карьерой; желание, чтобы организационные отношения оптимально встраивались в общий контекст жизни, предполагая посвящение полноценного времени семейным и личным делам и проблемам. Для таких людей развитие карьеры привлекательно только в том случае, если она не препятствует привычному стилю жизни. Согласно результатам исследования, данная категория людей склонна делать все незамедлительно, не откладывая дела в долгий ящик, по-видимому, не нарушая общего баланса между личными, семейными делами и карьерой.

Высокие показатели по шкале «Профессиональная компетентность» связаны с желанием быть профессионалом в своем деле. Люди с такой ориентацией хотят быть мастерами своего дела, они бывают особенно счастливы, когда достигают успеха в профессиональной сфере, но быстро теряют интерес к работе, которая не позволяет развивать их способности. Можно предположить, что категория дел, откладываемых на потом испытуемыми, ориентированными на профессиональную компетентность, не относится к «делу их жизни».

Таким образом, прокрастинация как характеристика сознательного откладывания намеченных дел позволяет в новом свете увидеть такие ценностные карьерные ориентации индивидуума, как «интеграция стилей жизни» и «профессиональная компетентность». Люди, чья ценностная ориентация направлена на интеграцию стилей жизни, склонны к незамедлительному выполнению дел, т.е. обратному прокрастинации паттерну поведения. Для людей, ориентированных на профессиональную компетентность, прокрастинация, по-видимому, является защитной реакцией, позволяющей справляться с рядом задач, выходящих за границы их «дела жизни».

Литература

1. Камнева Е.В., Анненкова Н.В. На пороге жизни: отношение к деньгам и карьерная ориентация // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 3 (15). С. 65–68.

2. Камнева Е.В. Взаимосвязь личностных особенностей и прокрастинации в студенческом возрасте // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб. научных статей. Саратов, 2015. С. 79–82.

3. Киселева М.А. Особенности прокрастинации личности // Роль прокрастинации в процес-

се самоопределения молодежи: сб. научных статей. Саратов, 2015. С. 31–34.

4. Полевая М.В. Социальная ответственность и прокрастинация личности // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб. научных статей. Саратов, 2015. С. 40–43.

© Анненкова Н.В., 2015.

ПСИХОДИНАМИЧЕСКАЯ ПОДСТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ЛОНГИТЮДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Венцова Т.Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Аннотация. Приведены результаты изменения характерологических черт, составляющих психодинамическую подструктуру индивидуального характера, по данным трехлетнего лонгитюда. Для описания составляющих психодинамической подструктуры индивидуального характера используется понятие акцентуации.

Ключевые слова: характер, акцентуации характера, лонгитюд.

Abstract. Results of change of the characterologic lines making a psychodynamic substructure of individual character according to a three-year longitude are given. For the description of components of a psychodynamic substructure of individual character the concept of accentuation is used.

Keywords: character, character accentuation, longitude.

В концепции характера, построенной на основе интегральной теории индивидуальности В.С. Мерлина [4] и специальной теории индивидуальности В.М. Русалова [5], мы выделили следующие подструктуры характера: мотивационно-смысловую, подструктуру инструментально-стилевых свойств и подструктуру, условно названную психодинамической. В последней преобладает динамический аспект психики, она является конституционально обусловленной, формируется в основном под влиянием законов логики тела. Психодинамическая подструктура индивидуального характера рассмотрена в нашей работе [1].

Описание психодинамической подструктуры индивидуального характера возможно на основе концепции акцентуации характера (К. Леонгард [2], А.Е. Личко [3]). Настоящее исследование проведено в рамках данной концепции. Предполагалось выяснить, являются ли акцентуации характера устойчивыми свойствами или они подвержены изменениям. Для достижения этой цели был организован лонгитюд. В качестве испытуе-

мых выступали студенты факультета психологии Ярославского госуниверситета (38 человек, пол женский). Определение профиля акцентуаций проводилось с помощью теста Шмишека на 2-м, а повторно на 5-м курсе. Длительность лонгитюдного исследования составила три года.

Были получены следующие результаты. Гипертичность, циклотимность, педантичность и тревожность оказались устойчивыми свойствами. (Связи показателей ранговой корреляции Спирмена по этим шкалам на 2-м и 5-м курсе значимы на 5 %-ном уровне). Такие типы акцентуаций, как дистимный, эмотивный, демонстративный, аффективно-экзальтированный, возбудимый и застревающий, не вошли в число устойчивых. Связи показателей по этим шкалам, полученные на 2-м и 5-м курсе, статистически незначимы.

Устойчивость – неустойчивость характерологических черт на уровне данной подструктуры связана как с действием биологических, так и социальных факторов. В группу устойчивых свойств вошли преимущественно акцентуации, называемые К. Леонгардом акцентуациями тем-

перамента. Они в большей мере зависят от нейродинамических свойств. Педантичность попала в эту группу в силу того, что она часто (как это было замечено в наших исследованиях на разных выборках) коррелирует с тревожностью, т.е. с устойчивым свойством. Группа неустойчивых свойств оказалась более многочисленной. Возможно, это связано с тем, что возраст ранней зрелости – это период наибольшей динамичности акцентуаций. Кроме этого, исследование проведено только на женской выборке и в сравнительно короткий промежуток времени. Если увеличить численность выборки, изменить ее половой и возрастной состав, увеличить длительность лонгитюда, результаты могут не подтвердиться. Полученные результаты нуждаются в дальнейшем уточнении.

Литература

1. Венцова Т.Б. Психодинамическая подструктура индивидуального характера личности // Ярославский психологический вестник. М. – Ярославль. 2007. Вып. 22. С. 70–73.
2. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.
3. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатии у подростков. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.
4. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
5. Русалов В.М. Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности человека // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 4. С. 23–35.

© Венцова Т.Б., 2015.

РАЗРАБОТКА ТЕСТА¹ «МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО. ДЕТСКИЙ ВАРИАНТ»

Сергиенко Е.А., доктор психологических наук, профессор
Лебедева Е.И., кандидат психологических наук
Королева Н.А.
Институт психологии Российской академии наук

Аннотация. Представлен первый этап создания теста оценки модели психического как способности, лежащей в основе социального познания и взаимодействия. Модель психического – широко развитое направление исследований за рубежом, но слабо разработанное в отечественной психологии. Создание отечественного теста для детей 3–7 лет (сензитивный период развития модели психического) позволит прогнозировать успешность социализации, коммуникации, адаптивных возможностей взаимодействия с разными социальными средами.

Ключевые слова: модель психического, понимание ментального мира, дошкольный возраст, диагностика развития модели психического.

Abstract. It presented the first phase of creating test for evaluation of theory of mind, as the ability underlying social cognition and interaction. The theory of mind – wide development direction of research abroad, but poorly developed in the national psychology. Creating a national test for children 3–7 years old (sensitive period of development of theory of mind), will provide an opportunity predict the success of socialization, communication, adaptive possibilities of interaction with different social environments.

Keywords: mental model, understanding the mental world, preschool age, the evaluation of mental models

В современной когнитивной психологии интенсивно развивается направление «Модель психического», известное в зарубежной психологии как «Theory of mind», и определяется как система концептуальных знаний о психическом как собственном, так и других людей. Модель психического позволяет понимать желания, мнения, на-

мерения других, объяснять их и прогнозировать по внешним проявлениям. Эта способность относится к уровню метакогнитивных психических процессов и выступает в качестве механизма социализации [1].

За 30 лет интенсивного развития этого направления были разработаны многочисленные задачи

¹ Государственное задание ФАНО РФ № 0159–2015–0006.

по оценке отдельных способностей понимания психических состояний (понимание эмоций, намерений, неверных мнений, разных видов обмана и др.). Значительные успехи в разработке модели психического как ключевой способности в социальном познании, а также возрастающее внимание исследователей к индивидуальным различиям развития модели в детском возрасте поставили вопрос о создании инструмента для оценки данной способности и ее составляющих, что необходимо для прогноза развития социализации, коммуникативных способностей и адаптации ребенка к социуму.

В настоящий момент разработка подобного теста на оценку модели психического находится в самом начале. Делаются попытки создания теста и в зарубежной психологии [3]. В отечественной психологии не существует диагностических батарей, разработанных самостоятельно российскими исследователями или адаптированных для русскоязычных детей. По результатам теоретического анализа, а также анализа результатов предыдущих исследований понимания ментального мира детьми дошкольного возраста, выполненными в лаборатории психологии развития ФГБУН ИП РАН на протяжении 15 лет [2], разработан диагностический тест «Модель психического. Детский вариант», который включает в себя оценку не только основных феноменов модели психического, но и ее предикторов. Тест включает в себя 20 задач по четырем субшкалам – понимание визуальной перспективы, эмоций и их причин, желаний и предсказание действий по ментальным состояниям, понимание неверных мнений и обмана – и ориентирован на типично развивающихся детей от 3 до 7 лет.

Для сравнения нами была переведена американская версия теста «Theory of Mind Task Battery», разработанного Т. Хатчинс с коллегами [3]. Тест предназначен для детей до 12 лет и состоит

из 11 задач, направленных на оценку распознавания эмоций, понимания визуальной перспективы, ментальных причин эмоций и неверных мнений (первого и второго порядка).

Пилотажный сравнительный анализ, проведенный на 24 детях 5–6 лет, американского и нашего вариантов тестов указывает на более удовлетворительное распределение полученных данных по нашему тесту. Американский вариант в большей мере концентрируется на задачах «неверное мнение» (первого и второго порядка), мало внимания уделяя другим феноменам и предикторам модели психического, успешность выполнения задания оценивается по бинарной шкале. Российский вариант имеет дифференцированную оценку для каждого из заданий, что позволяет более адекватно оценивать способности понимания психического. Создание диагностического инструмента для оценки модели психического является важной теоретической и практической задачей, предполагающей значительные научные усилия.

Литература

1. Сергиенко Е.А. Модель психического и социальное познание // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 19.10.2015).

2. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

3. Beyond false beliefs: The development and psychometric evaluation of the Perceptions of Children's Theory of Mind Measure – Experimental Version (PCToMM-E) / T.L. Hutchins, L.A. Bonazinga, P.A. Prelock et al. // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2008. Т. 38. № 1. С. 143–155.

© Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Королева Н.А., 2015.

РАННИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ КАК ПРЕДИКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ¹

Слободская Е.Р., доктор психологических наук, главный научный сотрудник
Козлова Е.А., научный сотрудник

Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 14-06-00139).

Аннотация. Представлены результаты продолжительного исследования значения темперамента в младенчестве и раннем детстве для развития личности в дошкольном и младшем школьном возрасте ($N = 98$). Результаты подтвердили некоторые из ожидаемых взаимосвязей и подчеркнули роль регуляторной способности/волевой регуляции в развитии детской личности.

Ключевые слова: темперамент, личность, дети, продолжительное исследование.

Abstract. The longitudinal study examined relationships of temperamental traits in infancy and toddlerhood with personality dimensions in the preschool and school years. Results have confirmed some but not all of the expected relationships and highlighted the role of early regulatory capacity/effortful control in the development of childhood personality.

Keywords: temperament, personality, children, longitudinal study.

В последние годы исследователи приходят к согласию в том, что особенности темперамента проявляются с младенчества и формируют основу черт личности [1; 5; 6]. Показана концептуальная связь между тремя факторами темперамента – экстраверсией, отрицательной эмоциональностью, регуляторной способностью/волевой регуляцией и личностными чертами «большой пятерки» – экстраверсией, нейротизмом и сознательностью. Однако эмпирических данных о взаимосвязи темперамента с последующей личностью недостаточно.

В связи с этим целью настоящего исследования явилось изучение прогностического значения темперамента в младенчестве и раннем детстве для развития личности в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Методы – в исследовании применяли международно признанные родительские опросники, адаптированные и валидизированные в России. Продолжительное исследование включало два этапа и охватило 98 детей (55 % девочек) из города Новосибирска и сельских районов Новосибирской, Оренбургской, Омской области и Алтайского края. Средний возраст детей на первом этапе исследования составил 16,3 месяца ($SD = 10,2$), на втором этапе – 7,8 лет ($SD = 2,1$). Интервал между исследованиями в среднем составил 6,9 лет ($SD = 2,3$). На первом этапе родители или основные воспитатели заполняли модифицированный опросник поведения младенцев (IBQ-R [2]; $N = 45$) или опросник поведения в раннем детстве (ECBQ[4]; $N = 53$) для оценки раннего темперамента; на втором этапе – краткую форму списка индивидуальных особенностей ребенка (ICID-S [3]) для оценки личностных черт. Процент возврата заполненных опросников на втором этапе был равен 73 %.

Корреляционный анализ показал, что регуляторная способность в младенчестве положительно связана с организованностью в дошкольном и младшем школьном возрасте ($r = 0,34$, $p < 0,05$), а удовольствие низкой интенсивно-

сти – с сознательностью ($r = 0,33$, $p < 0,05$); звуковая реактивность ($r = -0,42$, $p < 0,01$), длительность ориентировки ($r = -0,31$, $p < 0,05$), улыбки и смех ($r = -0,39$, $p < 0,01$) выступили факторами защиты в отношении последующего нейротизма. Волевая регуляция в раннем детстве позволяла прогнозировать последующую сознательность ($r = 0,30$, $p < 0,05$), эмоциональную стабильность ($r = 0,37$, $p < 0,01$) и открытость ($r = 0,29$, $p < 0,05$), а также все черты, входящие в состав данных факторов. Кроме того, экстраверсия в раннем детстве была предиктором последующей общительности ($r = 0,30$, $p < 0,05$), а тормозный контроль ($r = -0,35$, $p < 0,01$) и удовольствие низкой интенсивности ($r = -0,37$, $p < 0,01$) выступили факторами защиты в отношении нейротизма в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Таким образом, выявлен ряд существенных прогностических связей между особенностями раннего темперамента и чертами личности в дошкольном и младшем школьном возрасте. Результаты подтвердили некоторые из ожидаемых взаимосвязей и подчеркнули роль регуляторной способности/волевой регуляции в развитии детской личности.

Литература

1. Caspi A., Shiner R.L. Personality development // Handbook of child psychology: Social, emotional and personality development (6th edition) /W. Damon, R. Lerner, N. Eisenberg (Eds.). NY: Wiley. 2006. P. 300–365.
2. Gartstein M.A., Rothbart M.K. Studying infant temperament via a revision of the infant behavior questionnaire // Journal of Infant Behavior and Development. 2003. V. 26. P. 64–86.
3. Halverson C.F. et al. Personality structure as derived from parental ratings of free descriptions of children: The Inventory of Child Individual Differences // Journal of Personality. 2003. V. 71. P. 995–1026.
4. Putnam S.P., Gartstein M.A., Rothbart M.K. Measurement of fine-grained aspects of toddler

temperament: The Early Childhood Behavior Questionnaire // *Infant Behavior and Development*. 2006. V. 29. P. 386–401.

5. Rothbart M.K. Temperament, development and personality // *Current Directions in Psychological Science*. 2007. V. 16. P. 207–212.

6. Shiner R.L., DeYoung C.G. The structure of temperament and personality traits: A developmental perspective // *Oxford handbook of developmental psychology* / P. Zelazo (Ed.). NY: Oxford University Press. 2013. P. 113–141.

© Слободская Е.Р., Козлова Е.А., 2015.

СВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ И СОЦИОМЕТРИЧЕСКОГО СТАТУСА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Бабаева Ю.Д., кандидат психологических наук, доцент факультета психологии

Митина О.В., кандидат психологических наук, доцент факультета психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

Хаджиева С.Р., студентка IV курса факультета психологии

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ташкенте

Аннотация. Изучалась связь показателей интеллектуального развития, социометрического статуса и коммуникативных умений у подростков на выборке, включающей 148 русскоязычных учащихся средней школы в г. Ташкенте. Установлено, что связи исследуемых параметров являются статистически значимыми, а характер их соотношения в значительной степени опосредован факторами пола и возраста.

Ключевые слова: интеллект, социометрический статус, коммуникативные умения, подростки, половозрастные различия.

Abstract. The relationships between intelligence (verbal and non-verbal), styles of communicative skills and sociometric status were studied on the sample of 148 Russian-speaking high school students in the city of Tashkent (age from 12 to 16 years, 92 boys and 57 girls). The relationships between considered parameters are found to be statistically significant and differently mediated by factors of sex and age.

Keywords: intelligence, socio-metric status, communicative skills, teenagers, gender and age differences.

В современной психологии отсутствует единое представление о соотношении интеллектуальных способностей и коммуникативных умений, а эмпирические данные носят противоречивый характер. По мнению ряда ученых, высокий уровень интеллекта обеспечивает успешность человека во многих сферах жизни, включая общение. Вместе с тем был обнаружен феномен «диссинхронии» в развитии интеллектуальной, коммуникативной и аффективной сфер, который проявляется, например в трудностях в общении у людей с высоким уровнем интеллекта [1].

Цель исследования – анализ особенностей коммуникативных умений и социометрического

статуса у подростков с различными показателями интеллекта.

Гипотеза – особенности коммуникативных умений подростков и их статусные позиции определяются такими факторами, как показатели вербального и невербального интеллекта, а также возрастом и полом.

Выборка – 148 русскоязычных учащихся средней школы в г. Ташкенте в возрасте от 12 до 16 лет, 92 мальчика и 57 девочек.

Методики – стандартные прогрессивные матрицы Дж. Равена [5], два субтеста из теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра (TSI) («Аналогии» и «Обобщение») [2], тест коммуникативных умений Л. Михельсона [4], социометрический

выбор (интеллектуальный и эмоциональный критерий) [3]. Математическая обработка данных проводилась с помощью корреляционного и дисперсионного анализа, при сравнении выборок использовались критерий Крускала – Уоллиса и Т-критерий Стьюдента.

Согласно результатам дисперсионного анализа факторы вербального интеллекта и пола оказывают значимое влияние на проявление компетентного типа реакций ($p = 0,05$). При этом мальчики, обладающие высоким вербальным интеллектом, в большей мере проявляют компетентный тип реакции в общении по сравнению со сверстниками, имеющими более низкий вербальный интеллект. У девочек отмечена противоположная тенденция: компетентный тип реакции чаще выбирали те из них, кто обладал низким вербальным интеллектом, нежели девочки с высоким вербальным интеллектом. У младших подростков зависимый тип реакции чаще проявляют мальчики с низким вербальным интеллектом, а девочки – с высоким. У старших подростков аналогичных закономерностей не выявлено. Синхронно высокие показатели невербального и вербального интеллекта значимо ($p = 0,009$) связаны с большей выраженностью зависимого типа реакции у всех подростков. Результаты дисперсионного анализа показали влияние невербального интеллекта на агрессивный тип реакции ($p = 0,05$). Чем ниже уровень невербального интеллекта у подростков обоих полов, тем в большей степени у них выражена склонность к агрессии при коммуникативном взаимодействии. Дисперсионный анализ влияния возрастного фактора на зависимый и агрессивный типы реакций показывает, что младшие подростки обоего пола по сравнению со старшими чаще проявляют агрессивный ($p = 0,03$) и реже

зависимый ($p = 0,02$) типы реакции. Обнаружено также, что независимо от возраста у мальчиков более выражен агрессивный тип реакции (на уровне тенденции, $p = 0,06$) по сравнению с девочками, которые чаще проявляют зависимый тип реакции ($p = 0,03$). Согласно данным социометрии в ситуации выбора (и интеллектуального, и эмоционального) подростки отдали предпочтение одноклассникам с высоким интеллектом. При совершении эмоционального выбора они избегают сверстников, проявляющих агрессивный тип реакции. В качестве партнеров при решении учебных задач большинство респондентов выбирали одноклассников с компетентным типом реагирования на ситуации и с интеллектом не ниже среднего. Для подростков с низкими показателями интеллекта, которых выбирали в процессе социометрии, характерен зависимый тип реагирования в ситуации общения.

Литература

- Бабаева Ю.Д.* Современные тенденции в исследовании одаренности // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. 2008. № 2. С. 154–169.
- Елисеев О.П.* Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2001. 560 с.
- З. Кокурина И.Г.* Социометрический тест // Социальная психология. Практикум / под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс 2006. С. 105–131.
- Кривцова С.В.* Подросток на перекрестке эпох. М.: Генезис. 1997.
- Равен Дж.К., Стайл И., Равен М.* Стандартные Прогрессивные Матрицы. 2-е изд. стереотип. М.: Когито-Центр, 2007.

© , 2015.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С САМОУНИЧИЖИТЕЛЬНЫМ СТИЛЕМ ЮМОРА

Хонский С.И., аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук
Белорусский государственный университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматриваются результаты проведенного эмпирического исследования половых различий эмоционального интеллекта у индивидов с самоуничижительным стилем юмора. Автором сделаны выводы о причинах установленных различий.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект (далее – ЭИ), структурные характеристики ЭИ, содержательные характеристики ЭИ, стили юмора, самоуничижительный стиль юмора.

Abstract. The article covers an empirical study of sex differences in emotional intelligence among persons with self-defeating humor style. Author attempts to explain the causes of results.

Keywords: emotional intelligence (EI), structural characteristics of EI, substantial characteristics of EI, humor styles, self-defeating humor style.

В исследовании приняли участие 197 испытуемых в возрасте от 16 до 21 года, являющихся студентами различных факультетов БГУ и учениками СОШ № 95 г. Минска. У 45 испытуемых (22 девушки, 23 юноши) был выявлен самоуничижительный стиль юмора в качестве доминирующего.

Теоретико-методологическую основу исследования составили модель ЭИ Д. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо [3]; концепция ЭИ К. Борчард [1]; концепция стилей юмора Р. Мартина [2]. Для сбора эмпирических данных использовались: тест ЭИ Д. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо MS-CEIT V2.0 (адаптация Е.А. Сергиенко и И.И. Ветровой) [3]; опросник ЭИ К. Борчард (адаптация Г.Г. Князева и коллег) [1]; 3) опросник стилей юмора Р. Мартина (адаптация Е.М. Ивановой и коллег) [2].

Данные подверглись статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v.17. Взаимосвязи между показателями ЭИ изучались при помощи корреляционного анализа Спирмена. Для выявления половых различий в ЭИ нами использовался Т-критерий Стьюдента для двух независимых выборок.

В результате сравнительного анализа выраженности отдельных компонентов ЭИ у юношей и девушек с самоуничижительным стилем юмора нами были найдены статистически значимые различия ($p = 0,01$) по параметру «управление эмоциями».

Девушки показали более высокую способность к управлению эмоциями, чем юноши. Девушки с самоуничижающим стилем юмора, как было показано в исследовании J.A. Yip, обладают более развитой способностью контролировать свою активность. После 2–3 «самоосмеяний» вероятность того, что девушка прекратит использовать юмор, направленный против себя, выше, нежели у юношей [8]. Юношам в подобных ситуациях иногда сложно остановиться.

Девушки с самоуничижительным стилем юмора значимо превосходят юношей по параметру негативной экспрессивности ($p = 0,05$). Как в отношении себя, так и в отношении других, девушки, обладающие данным стилем юмора, являются

менее благосклонными, дружелюбными; чаще демонстрируют обвинительное поведение [4; 5].

Юноши, обладающие самоуничижительным стилем юмора, показали более высокие результаты по компоненту позитивной экспрессивности ($p = 0,01$). Юношам с данным стилем юмора также более свойственно, чем девушкам, сопереживать радости ($p = 0,01$) и несчастью ($p = 0,01$), принимать решения на основе эмоций ($p = 0,05$).

Проведенный нами корреляционный анализ позволил найти ряд взаимосвязей параметров ЭИ.

Так, в структуре ЭИ девушек с самоуничижительным стилем юмора способность понимать эмоции имеет положительную взаимосвязь со способностью фасилитировать мышление посредством эмоций ($r = 0,49, p = 0,02$).

В отношении параметра идентификации эмоции в структуре ЭИ девушек были обнаружены значимые положительные взаимосвязи данного показателя с позитивной ($r = 0,54, p = 0,01$) и негативной экспрессивностью ($r = 0,84, p = 0,001$). Исходя из результатов, полученных J.A. Yip, можно предположить, что благодаря переживанию разнополюсных эмоций девушкам эффективнее удается интерпретировать эмоциональные сигналы других субъектов [8].

Параметры позитивной и негативной экспрессивности также характеризуются положительной взаимосвязью ($r = 0,51, p = 0,02$). Данное обстоятельство может быть объяснено тем, что для девушек с самоуничижительным стилем более характерна быстрая смена настроений [6]. Кроме того, данный стиль юмора в целом подразумевает сочетание амбивалентных эмоциональных линий поведения, которые зачастую и служат генерированию юмора и реакции смеха [6].

Была показана отрицательная взаимосвязь между позитивной экспрессивностью и эмпатией у девушек с самоуничижительным стилем юмора ($r = -0,46, p = 0,03$). Поскольку, исходя из названия и описания данного стиля юмора, следует его направленность на себя [7], поведение, которое связано с эмоциональным откликом на активность других людей, оказываемой помощью и участием, может нести под собой цель утверж-

дения собственной самооценности, нежели быть реализацией эмпатического намерения.

В структуре ЭИ юношей с самоуничижительным стилем юмора была найдена значимая положительная связь между принятием решений на основе эмоций и сопереживанием радости ($r = 0,43$, $p = 0,05$). Таким образом, чем выше склонность руководствоваться эмоциями при выборе алгоритма действий, тем выше может быть вероятность того, что юноша будет разделять радость другого, например за счет большей восприимчивости к заражению эмоций.

Способность идентифицировать эмоции у юношей с самоуничижительным стилем юмора отрицательно связана с негативной экспрессивностью ($r = 0,80$, $p = 0,001$), т.е. с возрастанием интенсивности и частоты негативных эмоциональных переживаний у юношей с рассматриваемым стилем юмора способность адекватно оценивать эмоциональное состояние других и собственное уменьшается.

В отношении интегрального показателя ЭИ достоверных различий у юношей и девушек с самоуничижительным стилем юмора выявлено не было.

Литература

1. Князев Г.Г. Адаптация русскоязычной версии опросника эмоционального интеллекта К. Бор-

чард // Психологический журнал. Т. 33. № 4. С. 119–120.

2. Иванова Е.М. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 71–85.

3. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): руководство. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 176 с.

4. Cecen A.R. Humor styles in predicting loneliness among Turkish university students // Social Behavior and Personality. 2007. Vol. 35. № 6. P. 321–330.

5. Dozois D. Bieling early maladaptive schemas and adaptive/maladaptive styles of humor // Cogn Ther Res. 2009. Vol. 33. P. 585–596.

6. Falanga R. Humor Styles, Self-efficacy and Prosocial Tendencies in Middle Adolescents // Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 127. P. 214–218.

7. Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. Emotional intelligence: science and myth. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 697 p.

8. Vernon P.A. A behavioral genetic study of trait emotional intelligence // Emotion. 2008. Vol. 8. № 5. P. 635–642.

© Хонский С.И., 2015.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ У ПОДРОСТКОВ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ

Циринг Д.А., доктор психологических наук, профессор
Пономарева И.В., кандидат психологических наук
Челябинский государственный университет

Аннотация. Рассматривается проблема становления индивидуальности подростков с позиции концепции личностной беспомощности. Описываются средовые факторы формирования личностной беспомощности, которыми выступают нарушения семейных взаимоотношений. Приведены эмпирические данные, подтверждающие взаимосвязь нарушений семейных взаимоотношений и различных типов личностной беспомощности у подростков.

Ключевые слова: подростки, семья, индивидуальность, личностная беспомощность, типы личностной беспомощности.

Abstract. The problem of identity formation of adolescents from the perspective of the concept of personal helplessness. It describes the environmental factors of formation of personal helplessness, which are the violations of family relationships. Empirical evidence of violations of the relationship of family relationships and various types of personal helplessness in adolescents.

Keywords: adolescents, family, individuality, personal helplessness, types of personal helplessness.

В концепции личностной беспомощности данный феномен определен как единство личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности [2]. Личностная беспомощность, отражая особенности низкого уровня субъектности, проявляется в деятельности снижением ее успешности, а также в поведении субъекта, обуславливая ограничения в выборе совладающих стратегий поведения и склонность к психологическим защитами, а также сопровождается пониженным уровнем жизнестойкости у субъекта.

Одним из средовых факторов, определяющих становление личностной беспомощности, выступают нарушения в семейных взаимоотношениях. Причем различные нарушения семейных взаимоотношений способствуют становлению у подростков личностной беспомощности различного типа, накладывая, таким образом, индивидуальные отличия подростков с личностной беспомощностью. Эти индивидуальные отличия были классифицированы в типы личностной беспомощности.

Так, эмпирически было доказано, что личностная беспомощность достоверно чаще формируется при таких нарушениях семейных взаимоотношений, как доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, жестокое обращение и противоречивое семейное воспитание [1; 2]. Каждый из названных видов нарушения семейных взаимоотношений отличается уровнем протекции, степенью удовлетворения потребностей ребенка, строгостью санкций и запретов и др. [3] Особенности нарушений семейных взаимоотношений и специфика реализации того или иного стиля воспитания формируют личностную беспомощность у подростков с индивидуальными отличиями.

Эмпирическим путем было установлено, что при доминирующей гиперпротекции, проявляющейся в чрезмерной заботе и внимании к ребенку, формируется личностная беспомощность манипулятивного типа – отцы ($F = 5,375, p = 0,003$); матери ($F = 7,214, p < 0,001$). Субъекту с личностной беспомощностью манипулятивного типа присуще манипулятивное поведение. Индивидуальные личностные характеристики таких подростков состоят в отсутствии эмпатии, неспособности выстраивать доверительные отношения,

эмоциональной отчужденности, ориентированности на себя или на задачи, но не на партнера, отрицательной самооценке нравственных качеств, негативизме, подозрительности, недоверии, неудовлетворенности собственной жизнью, неверии в собственные возможности контролировать жизненные ситуации, категоричности в оценке окружающих, игнорировании внутреннего мира собеседника.

При повышенной моральной ответственности и жестоком обращении формируется личностная беспомощность защитного типа – отцы: регрессия ($F = 5,877, p = 0,002$); замещение ($F = 8,676, p < 0,001$); матери: регрессия ($F = 10,399, p < 0,001$) и замещение ($F = 5,487, p = 0,001$). Для субъекта с защитным типом личностной беспомощности характерны такие индивидуальные особенности, как сохранение стабильности самооценки посредством избегания ситуации принятия решений, снятие с себя ответственности за происходящее за счет убеждения в неподконтрольности событий, все это сохраняет самооценку, образ «Я» и целостность личности.

При реализации родителями противоречивого типа семейного воспитания достоверно чаще формируется личностная беспомощность адаптивного типа – отцы ($F = 5,818, p = 0,002$); матери ($F = 16,526, p < 0,001$). Адаптивный тип личностной беспомощности характеризуется совокупностью таких индивидуально-личностных характеристик индивида, которые основаны на принятии невозможности контролировать события, вследствие их субъективно оцениваемой высокой интенсивности и выражающиеся в пассивности, безразличии, приспособлении к ситуации.

Таким образом, нарушения семейных взаимоотношений, выступая средовым фактором формирования личностной беспомощности, опосредуют индивидуальность подростков, выражаясь в типах личностной беспомощности как системной характеристики личности.

Литература

1. Циринг Д.А., Пономарева И.В. Психологические функции личностной беспомощности // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 357. С. 173–175.
2. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия. 2010. 410 с.
3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 2-е изд. расшир. и доп. СПб.: Питер. 2000. 656 с.

ТРЕТИЧНЫЕ ФУНКЦИИ: НЕИССЛЕДОВАННАЯ ТЕРРИТОРИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПОДРОСТКА

Горлова Е.Л., кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии
Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация. Соотносятся понятия «третичные функции», «рефлексия», «самосознание», «индивидуальность» и «личность» в понятийном ключе Л.С. Выготского. Тексты подростков рассматриваются через призму механизма третичных связей, обуславливающих развитие индивидуальности в подростковом возрасте.

Ключевые слова: третичные функции, рефлексия, самосознание, подростковый период развития, индивидуальность, личность.

Abstract. Interrelationship tertiary functions, reflection, self-consciousness, individuality and personality in a conceptual key of L.S. Vygotsky are considered. The analysis of texts of adolescents through a prism of the mechanism of the tertiary functions causing development of individuality at adolescent is carried out.

Keywords: tertiary functions, cultural and historical psychology, reflection, self-consciousness, adolescent, individuality, personality.

В работе Л.С. Выготского «Педология подростка» существенное отличие подросткового этапа развития от предыдущих и последующих рассматривается в связи с образованием третичных функций, основанных на новом типе связей и отношений между отдельными процессами. «Все эти новые типы связей и соотношений функций предполагают в качестве основы рефлексия, отражение собственных процессов в сознании подростка. Мы помним, что только на основе такой рефлексии возникает логическое мышление. Характерным для психических функций в переходном возрасте становится участие личности в каждом отдельном акте» [1, с. 239]. Л.С. Выготский поясняет: «На основе рефлексии, на основе самосознания и понимания собственных процессов, возникают новые группы, новые связи этих функций между собой, и эти-то связи, возникающие на основе самосознания и характеризующие структуру личности, мы и называем ее третичными признаками» [1, с. 241]. В качестве прототипа, прообраза третичных функций и их функционирования Л.С. Выготский приводит пример из книги Л. Леви-Брюля о сне кафра. В этом примере миссионеры настаивают на том, чтобы предводитель племени магололо прислал своего сына в школу, он же им отвечает: «Я увижу сон об этом». Мы следуем далее за сравнением Л.С. Выготского: «Переходный возраст и есть пора образования третичных связей, механиз-

мов типа сна кафра» [1, с. 241]. «Те или иные внутренние убеждения, те или иные этические нормы, те или иные принципы поведения – все это в конечном счете воплощается в личности с помощью связей именно этого типа» [1, с. 241]. В третичных связях «становятся снятой категорией, подчиненной инстанцией задатки, характеризующие личность (первичные признаки), и приобретенный опыт (вторичные признаки)» [1, с. 240].

Выготский Л.С. связывает движение развития в подростковом возрасте, с одной стороны, с сознанием действительности и сознанием собственной личности, представленных в системе понятий – с другой, с появлением новой психологической системы, третичных функций (высших психических функций, опосредованных рефлексией). Можно сказать, что подросток впервые приближается к исследованию своей индивидуальности, занимая одновременно позицию действующего и рефлексирующего, и именно на выходе из подросткового возраста нарастают различия в самосознании, возникают «интериндивидуальные вариации». «То же, что принято обычно называть личностью, является не чем иным, как самосознанием человека, возникающим именно в эту пору: новое поведение человека становится поведением для себя, человек сам осознает себя как известное единство» [1, с. 227]. И далее Л.С. Выготский подчеркивает: «Там, где мы чувствуем себя источником

движения, мы приписываем личный характер своим поступкам, но именно на эту ступень овладения своими внутренними операциями поднимается подросток» [1, с. 227].

Если сравнить определения индивидуальности и личности, следует отметить сходства этих понятий в словаре Л.С. Выготского. Так, индивидуальность – своеобразная совокупность признаков каждой личности, характеризующая ее как целое и отличающая ее от всех других. «Личность» – термин, означающий единство и индивидуальность всех жизненных и психологических проявлений человека. Человек, сознающий сам себя как определенное индивидуальное единство и тождество во всех процессах изменения, происходящих в организме и психике, есть личность [3].

Целостность и единство – существенные характеристики как личности, так и индивидуальности. Соотнесение контекстов использования в «Педологии подростка» понятий «личность» и «индивидуальность» подводит нас к их условному различению. Личность соотносится в первую очередь с развитием самосознания и мировоззрения (высший синтез), а индивидуальность сопряжена с появлением третичных функций, когда весь арсенал имеющихся психологических средств и высших психических функций, весь путь культурного движения подростка становится предметом рефлексии (высший анализ). Каким образом можно при-

близиться к изучению этой неизвестной территории индивидуальности подростка? Первый гипотетический ответ – обратиться к содержанию рефлексии подростка в сравнении с предыдущим этапом развития. Мы предлагали подростку написать сказку «Красная Шапочка» от имени волка (методика Е.Е. Кравцовой, А.А. Катериной) [2]. Это задание – своеобразный плацдарм для проявления индивидуальности подростка, по содержанию текстов мы можем обнаружить особенности третичных связей. Здесь подросток обращается к своим уже сложившимся высшим психическим функциям – восприятию и речи, воображению и чувствам, произвольному структурированию и памяти, «пропускает» через рефлексию собственное сознание и создает некую историю – результат внутренней рефлексивной работы.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Педология подростка. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4 / под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984.

2. *Катерина А.А.* Особенности произвольного структурирования, проявляющегося у детей разногипсихологического возраста. [Электронный ресурс] // Социосфера. 2014. № 4. С. 71–74. URL: http://sociosfera.com/archive/sociosfera_4_2014/ (дата обращения: 20.10.2015).

3. Словарь Л.С. Выготского / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.

© Горлова Е.Л., 2015.

ЦВЕТОВЫЕ АССОЦИАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТВОРЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Юрина И.Г., преподаватель

Дальневосточный институт психологии и психоанализа

Аннотация. Анализ цветовых репрезентаций позволяет рассматривать представление о творческом возрасте с позиции многомерности психического образа, включающего как значение и личностный смысл, так и чувственную ткань, перцептивный модус рассмотрения представления.

Ключевые слова: творческий возраст, цветовые ассоциации, синестезия.

Abstract. Analysis of color representations can be considered an idea of the creative age from the perspective of multi-dimensional mental image that includes both the meaning and personal sense, and sensory fabric, perceptual mode of consideration of the submission.

Keywords: creative age, color associations, synesthesia.

Прецедент эмпирического подхода к проблеме творческого возраста создан средствами психосемантического (ассоциативного) эксперимента, в котором приняли участие 270 респондентов разных возрастных групп и профессиональной направленности. Это позволило в определенной мере реконструировать составляющие творчества и времени в субъективной картине образа мира личности, определить содержание понятия «творческий возраст» на имплицитном уровне субъективного пространства и его конвенционное, максимально общее значение как вневременной способности творить новое [3].

Позитивный контекст, положительная эмоциональная окраска большинства представлений о творческом возрасте позволяет говорить о репрезентации образа психического состояния высокого уровня мотивированной активности личности, желательного самоощущения, «потокowego» состояния. Данная лексическая форма, «иррационально» сближая категории творчества и времени, несет на себе метафорический оттенок, отражая в темпоральных терминах состояние души. Лежащий в основе метафорических переносов феномен синестезии позволяет выявить некие прилагательные свойства, сопутствующие образу – кинестетические, аудиальные, цветовые, – возникающие в ментальном пространстве, и дает возможность проникнуть в чувственную ткань [4].

По выражению П. Флоренского, слова и их сочетания – это художественные произведения малого размера, которым непременно соответствует некоторая наглядность, а эмоциональная окраска его образа говорит о наполненности личным смыслом, определяет его устойчивость и возможности оперирования им [1, с. 287].

Широко представленный в свободном ассоциировании на стимул *творческий возраст* цветовой аспект – «золотая осень», «голубая мечта», «краски», «черная дыра» – говорит о том, что при обработке новых не конвенциональных значений активизируется роль правого полушария, и на почти бессознательном, интуитивном уровне в сцепке со словом формируются целостные образы, что само по себе уже есть творчество [2, с. 234]. Анализ данных свободного цветоассоциирования на стимул «творческий возраст» показал практическое отсутствие цветов и оттенков коричневого, серого, черного и белого. Такие сложные цветоассоциации, как «бирюзовый», «цвет морской волны», «солнце»,

«радужный», «пастельный», «цвет неба», «сиреневый», «цвет магнолии», «янтарный», можно идентифицировать только с позиций личностного смысла и субъективного опыта испытуемого. Говорить об общем значении понятий можно тогда, когда имеет место схожесть индивидуальных значений, опосредующих чувственное значения перцептивного образа того же предмета у разных людей. Руководствуясь задачами однозначной интерпретации и решения проблемы выбора унифицированного цветового ряда, в качестве тестового материала участникам эксперимента были предложены классические 7 цветов радуги, составляющие каркас наших представлений о цветовом пространстве. Хотя эта цветовая градация общая и не отражает всех нюансов цветовой перцепции, в контексте нашего исследования она все же позволяет выявить некоторую синестетическую тенденцию.

В свободном ($n = 85$), и в направленном ($n = 61$) экспериментах позиции «холодных» и «теплых» цветов находились в соотношении 60:40. Доминирование синего, голубого и фиолетового – преобладание цветов «холодного спектра». Лидируют оранжевый (24,1 %), голубой (16,6 %), синий (15,2 %). В теории цвета это контрастное соотношение считается наиболее эмоционально эффективным и позитивным. Стабильна в обоих экспериментах позиция фиолетового, имеющего достаточный удельный вес в общем массиве (16,4), красный цвет (7,4 %). Наиболее весомое расхождение в долях представлений желтого и зеленого цветов. Свободное ассоциирование: желтый (и его оттенки) – 12,8 %, направленный – 0,0 %, зеленый 15,1 % и 6, % соответственно.

Подобное значительное расхождение может служить показателем «разницы потенциалов» между процессами субъективной цветовой атрибуции объектов внутреннего мира и ситуацией выбора в пределах заданного. Эти цвета выступают здесь индикаторами «свободы», что соответствует (в плане психорегуляции и восприятия) психологическим характеристикам зеленого – независимость, «уход от стимулов» [4]. «Желтое обладает волевыми свойствами; нечто внутренне активное, что само из себя создает свой характер. Желтое есть сияние духа» (Р. Штейнер) как отражение психологической потребности человека в индивидуальном раскрытии, возможности оторваться от окружающей реальности.

Литература

1. *Грановская Р.М.* Творчество и конфликт в зеркале психологии. СПб.: Речь, 2010. 416 с.
2. *Николаенко Н.Н.* Психология творчества. СПб.: Речь, 2007.
3. *Юрина И.Г.* Представление личности о творческом возрасте в контексте профессионализации // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 160–165.
4. *Невструева Т.Х., Юрина И.Г.* Психосемантическая реконструкция представления о творческом возрасте: материалы Всероссийской конференции «От истоков к современности» (г. Москва, 29 сентября – 1 октября 2015 г). М.: Когито-Центр. Т. 4. С. 134.
5. *Яньшин П.В.* Цвет как фактор психической регуляции // Прикладная психология. 2000. № 4 С. 14–27.

© Юрина И.Г., 2015

Раздел V

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В БИЗНЕСЕ И ОРГАНИЗАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сафиуллина Э.Р., Овчинникова Е.Ю.</i> Взаимосвязь соответствия личности организации с субъективным благополучием сотрудников организации	171
<i>Федорова А.А.</i> Влияние стрессовых и аффективных факторов на эффективность Прохождения ассессмента	172
<i>Штроо В.А., Елисеенко А.С.</i> Возможности использования полиномиальной регрессии для решения задачи поиска соответствия личности и организации	174
<i>Дервянко О.И.</i> Гендерные стереотипы в развитии ролевого конфликта личности руководителя: миф или реальность	175
<i>Кумар А., Антонова Н.В.</i> Имидж российских и зарубежных брендов одежды.....	177
<i>Ахмедова Р.Р.</i> Индивидуально психологические и групповые факторы выдвижения в позицию лидера	178
<i>Корягина Н.А.</i> К исследованию особенностей личностных характеристик самопрезентации будущих менеджеров	179
<i>Флоровский С.Ю.</i> Локус контроля в регуляции совместной управленческой деятельности руководителей.....	181
<i>Елисеенко А.С., Поддьяков А.Н.</i> Методика регистрации движения глаз для исследования процесса решения сложных задач в условиях неопределенности	183
<i>Антонова Н.В., Солорева М.А.</i> Образ отечественного и зарубежного бренда одежды	184
<i>Панов А.Ю., Белик В.В.</i> Организация как фактор становления стилей делового общения	186
<i>Журавлева Н.И.</i> Полнота использования ресурсов и социальная успешность профессионала	188
<i>Патоша О.И.</i> Потребление и психологическое благополучие личности	189
<i>Молокостова А.М.</i> Принятие решения и социальные риски	191
<i>Мужичкова Ю.Е.</i> Принятие финансовых решений партнерами по бизнесу в условиях доверия и недоверия	192
<i>Карнышев А.Д.</i> Природосообразность и традиционные деятельности как формы индивидуализации организационных структур	194
<i>Лилиенталь И.Е., Колесникова И.А.</i> Проблемы организации взаимодействия специалистов полипрофессиональных бригад	195
<i>Кострикина И.С.</i> Проблемы развития индивидуальности в системе корпоративного обучения.....	197
<i>Лефтеров В.А., Панченко О.А.</i> Психологические особенности адаптации личности к должностным переменам	198
<i>Федотова Ж.Э., Хачатурова М.Р.</i> Психологические факторы принятия организационных решений в условиях неопределенности	200
<i>Морозова В.Д., Антонова Н.В.</i> Различия восприятия отечественных и зарубежных брендов российскими потребителями	201
<i>Клюева Н.В.</i> Руководитель и команда: мифы, далекие от российской реальности	203
<i>Климов А.А.</i> Связь экстраролевого поведения и идентификации с рабочей группой у мужчин и женщин	205
<i>Липатов С.А.</i> Социально психологические факторы приверженности работников Коммерческих организаций	207
<i>Патоша О.И., Бирюкова О.И.</i> Стратегии потребительского поведения	209

ВЗАИМОСВЯЗЬ СООТВЕТСТВИЯ ЛИЧНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ С СУБЪЕКТИВНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Сафиуллина Э.Р., студентка магистерской программы «Прикладная социальная психология» департамента психологии факультета социальных наук
Овчинникова Е.Ю., заместитель проректора, доцент кафедры организационной психологии департамента психологии факультета социальных наук, старший научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Изучена взаимосвязь соответствия личности организации (POF) с субъективным благополучием ее сотрудников. Исследование представляет собой онлайн опрос 107 сотрудников европейской организации, функционирующей на территории Российской Федерации. Результаты показали, что сотрудники, имеющие высокий уровень POF, испытывают более низкий уровень субъективного благополучия, чем сотрудники, имеющие средний уровень POF.

Ключевые слова: соответствие личности организации (POF), субъективное благополучие, физическое и психологическое благополучие сотрудников.

Abstract. The purpose of this study is to investigate interconnection between Person–Organization Fit (POF) and subjective well–being of employees in organization. This study is an online survey done on a sample of 107 employees of European organization located in Russia. The results show that employees who perceive high level of POF perceive lower level of psychological well–being than employees who perceive middle level of POF.

Keywords: POF, subjective well–being, physical and psychological well–being of employees.

Результаты исследований в области соответствия личности организации говорят о том, что действия сотрудников по работе с персоналом, основанные на данной концепции, приводят к таким положительным последствиям, как снижение текучести кадров, повышение показателей приверженности и удовлетворенности условиями труда сотрудников компании [1; 2; 4; 5]. Однако при высокой степени развития у сотрудника соответствия личности организации последнее может перерасти в идентификацию сотрудника с организацией, что может приводить к негативному влиянию на физическое и психологическое здоровье сотрудников [3].

Исследовательская проблема состоит в том, чтобы выделить оптимальный уровень соответствия личности организации для сотрудников

с целью обеспечения их эффективности в организации, основанной на физическом и психологическом благополучии.

В настоящем исследовании мы предположили, что разный уровень соответствия личности организации, имеющийся у сотрудников, оказывает разнонаправленное воздействие на их субъективное благополучие. Измерения уровня субъективного благополучия сотрудников осуществлялись посредством опросника SF-36, а уровня соответствия личности организации проводили на основании опросника, разработанного самостоятельно.

Результаты исследования показали, что существует 8 категорий составляющих человеческого капитала организации, где преобладающей составляющей является физическое и психологи-

ческое благополучие сотрудников (25 %), затем следуют скорость социально-психологической адаптации (18 %) и соблюдение организационной культуры (18 %).

Согласно кластерному анализу уровень соответствия личности организации определяется по следующим параметрам: низкий уровень СЛЮ – показатель < 75, средний уровень СЛЮ – от 75 до 85, высокий уровень СЛЮ – от 85 до 100. Соответствие личности организации не коррелирует с уровнем физического и психологического благополучия, с занимаемой сотрудником должностью и его жизненный циклом. Сотрудники с высоким уровнем соответствия имеют более низкий показатель психологического благополучия, чем сотрудники со средним уровнем соответствия личности организации (разница рангов = 13).

Литература

1. *Chatman J.* Improving Interactional Organizational Research: A Model of Person-Organization

Fit // *Academy of Management reviews.* 1989. Vol. No 14 (3), P. 333–349.

2. *Kristof-Brown A.E., Zimmerman R.D., Johnson E.C.* Consequences of individuals' fit at work: a meta-analysis of person – job, person – organization, person – group, and person – supervisor fit // *Personnel Psychology.* 2005. Vol. 58. P. 281–342/

3. *Merecz D., Andysz A.* Relationship between person-organization fit and objective and subjective health status (person-organization fit and health) // *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health.* 2012. Vol. No 25 (2), P. 166–177.

4. *O'Reilly C.A., Chatman J., Caldwell D.F.* People and Organizational Culture: A Profile Comparison Approach to Assessing Person-Organization Fit // *Academy of Management Journal.* 1991. Vol. 34 (3). P. 387–516.

5. *Posner B.Z.* Another Look at the Impact of Personal and Organizational Values Congruency // *Journal of Business Ethics.* 2010. Vol. 97. P. 535–541.

© Сафиуллина Э.Р., Овчинникова Е.Ю., 2015

ВЛИЯНИЕ СТРЕССОВЫХ И АФФЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОХОЖДЕНИЯ АССЕССМЕНТА

Федорова А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»

Аннотация. В настоящее время частых кризисов и перемен проблема влияния стресса на эффективность работы и благополучие является особенно актуальной. Целью исследования являлось изучение влияния стрессовых факторов на креативность личности в трудовой деятельности. На основе полученных результатов может быть сформулирован ряд практических рекомендаций для тренинга формирования стрессоустойчивости.

Ключевые слова: стресс, аффективное воздействие, ассессмент, креативность, дефицит времени.

Abstract. The recent times of economical instability has raised a problem of stress impact on employees efficiency and well-being. The goal of this paper was to study the influence of stress factors on personal creativity in organizational aspect. On the paper's basis we formulated basic recommendations for the employees and the companies to raise the stress resistance level and a divergent way of problem solving.

Keywords: stress, affective influence, assessment, creativity, time pressure

Стрессовым состояниям в современном мире подвергается каждый человек. Чрезмерный стресс ведет к истощению организма человека, тем самым пагубно влияя и на его здоровье, благополучие, и эффективность работы компании [4]. Среди личностных особенностей, влияющих на стрессоустойчивость, особого внимания заслуживает креативность.

Можно выделить три основных подхода, встречающихся в исследованиях стрессовых состояний. Теория о тотальном пагубном воздействии стресса поддерживается рядом зарубежных и отечественных авторов, например, К. Бинвайс и Д.Б. Богдавленской [4]. К. Байрон и Д. Стоколс, напротив, отмечают, что все зависит от силы стрессора, а также личностных ка-

честв человека. Также можно отметить теорию Д. Камминс о позитивном и мотивирующем влиянии эустресса [5].

При этом мы выдвигаем *гипотезу* о том, что эустресс оказывает благоприятное влияние на креативность личности при предварительном воздействии аффективного стимула.

В исследовании приняли участие 300 человек, сотрудники крупных организаций, разделенные на четыре группы по типу стрессового и аффективного воздействия.

Наиболее высокий уровень креативности был продемонстрирован испытуемыми контрольной группы, которые не подвергались стрессовому воздействию. Наибольшая эффективность в выполнении заданий в контрольной группе подтверждает ряд распространенных теорий стресса, в частности Р. Лазаруса и Г. Селье, в которых утверждается, что работа в состоянии покоя всегда продуктивна [3].

Положительное эмоциональное состояние снижает тревожность и увеличивает фокус внимания. Таким образом, если сотрудник в ситуации оценивания получил положительное подкрепление перед заданием, он справится с ним лучше [7].

Негативное эмоциональное состояние также способно повышать эффективность работы. С одной стороны, это может объясняться с точки зрения закона Йеркса – Додсона: негативное состояние создает необходимое напряжение для преодоления стрессора. С точки зрения теории Д. Кауфмана и С. Восбург негативные эмоции запускают стратегию оптимизации, т.е. поиска наиболее верного решения проблемы из всех возможных [8].

Дефицит времени субъективно оценивается сотрудниками организаций как самый слабый стрессор, однако в реальности он снижает продуктивность работы практически в два раза от нормы. При этом выбирается когнитивная стратегия удовлетворения: сотрудник ставит своей задачей найти не оптимальное решение проблемы, а любое, подходящее под условия. В ситуации оценивания он будет излишне суетиться и не сможет эффективно справиться с заданием [2].

Многолюдные места и работа в состоянии ограниченной личной зоны фактически не мешает выполнению рабочих задач, хотя и создает неблагоприятные условия. Поэтому испытуемые этой группы спада в уровне креативности не показали, а само воздействие подтверждает теорию Г. Селье о раздражителе, который одновременно является мотиватором [3].

Негативные комментарии не являются прямым стрессором внешней среды, так как в данном случае сам комментатор представляет собой угрозу [4]. В ситуации оценивания негативные комментарии воспринимаются как излишняя враждебность интервьюера и создают повышенную тревожность, что отражается на эффективности работы.

Полученные результаты позволяют нам сделать следующие *выводы* и дать практические *рекомендации*:

- ◆ негативное эмоциональное состояние повышает креативность и эффективность работы в кризисной внешней обстановке;
- ◆ положительные эмоции стимулируют к поиску большего числа вариантов разнообразных решений проблемы и повышают эффективность в благоприятной внешней среде;
- ◆ оригинальность решений повышается при отсутствии аффективных воздействий;
- ◆ показ чего-либо неординарного может стимулировать сотрудника к поиску новых вариантов эффективного выполнения задания;
- ◆ критиковать работу стоит до или после выполнения задания сотрудником, критика во время выполнения снижает эффективность почти в два раза;
- ◆ по возможности не следует давать сотрудникам неожиданные дедлайны, так как все их ресурсы уйдут на соответствие выполняемой работы временным рамкам.

Литература

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. 2006.
2. Болотова А. Человек и время в познании, деятельности, общении. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. Прогресс, 1979.
4. Binnewies C., Sonnentag S. Feeling Recovered and Thinking About the Good Sides of One's Work // Journal of Occupational Health Psychology. 2009. No 14. P. 243–256.
5. Cummin J. Work Related Stress in the 1980s // The Practising Manager. 1985. No 5. P. 2.
6. Guilford J. Traits of Creativity, 1959.
7. Isen A., Daubman K., Nowicki G. Positive affect facilitates creative problem solving // Journal of Personality and Social Psychology., 1987. No 52 (6). P. 1122–1131.
8. Kaufmann G., Vosburg, S. «Paradoxical» mood effects on creative problem-solving // Cognition and Emotion. 1997. No 11. P. 151–170.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИНОМИАЛЬНОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ ПОИСКА СООТВЕТСТВИЯ ЛИЧНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ

Штроо В.А., кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии

Елисеенко А.С., магистр психологии, преподаватель кафедры организационной психологии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Abstract. We reviewed options for using polynomial regression in the problem of person–organization fit. We offer used as the dependent variable involvement in the work. In our opinion this parameter can describe an integral effect of person–organization fit outcome.

Keywords: person–organization fit, polynomial regression.

В современной теории и практике организационной психологии можно найти большое количество работ, так или иначе затрагивающих тему соответствия личности и организации (Person-OrganizationFit, POF), однако, на наш взгляд, если на теоретическом уровне имеют место попытки интеграции накопленных знаний в единую концептуальную модель, то на методическом (диагностическом) уровне мы наблюдаем разрозненность измерительных инструментов и неполноту получаемых данных. Дело в том, что в качестве основных диагностических приемов сегодня преимущественно используются: косвенные измерения, чаще всего сводящиеся к оценке соответствия ценностей личности и ценностей организации [4], и прямые измерения (воспринимаемого) соответствия личности и организации, например с помощью вопросов типа: «Оцените, насколько Вы подходите данной компании?». При этом следует подчеркнуть, что косвенные измерения страдают рядом существенных ограничений, вытекающих из таких проблем, как:

- ◆ проблема социальной желательности;
- ◆ проблема валидности и соизмеримости используемых шкал;
- ◆ проблема определения эталонного профиля;
- ◆ проблема неполноты концептуальной модели соответствия [3].

Прямые измерения скорее отражают лишь установки [5], и не дают достаточно надежной информации для полноценной теоретической интерпретации.

Таким образом, проблема состоит в том, что предлагаемые средства скорее усложняют интерпретацию получаемых эмпирических данных и принятие управленческих решений, чем обеспечивают их научную поддержку.

В качестве возможного решения мы предлагаем рассматривать полиномиальную регрессию [4]. Поскольку в качестве зависимой переменной в различных подходах к определению соответствия личности и организации чаще всего привлекаются такие, как удовлетворенность трудом, производительность (продуктивность) или субъективное благополучие, то уравнение, описывающее соответствия личности и организации, скорее всего, будет иметь следующий вид:

$$Z = a + b_1E + b_2P + b_3E^2 + b_4EP + b_5P^2 + \varepsilon^*,$$

где Z – итог соответствия (удовлетворенность трудом, продуктивность, благополучие), E – параметры среды, P – параметры личности, b – коэффициенты, a – константа, ε^* – ошибка.

Использование полиномиальных регрессий позволяет строить пространства, в которых легко найти оптимальное соотношение всех переменных мозаики соответствия, которые так или иначе оказались информативными предикторами. Чтобы воспользоваться этим методом, мы должны определить два множества переменных: дескрипторы личности и дескрипторы организации. В сумме этих двух множеств необходимо найти такие элементы, которые вносят наибольший вклад в удовлетворенность трудом, продуктивность и благополучие сотрудников. Таким образом, не обязательно иметь одинаковый набор переменных для сравнения, который описывает организацию и личность в одних и тех же единицах измерения, а следовательно, предписывает использование одних и тех же шкал (например, степень выраженности или ранговое значение ценности). Наборы переменных для личности, с одной стороны, и для организации, с другой – могут быть, как это ни странно на первый взгляд,

мало похожими друг на друга. Следовательно, наборы измерительных шкал тоже могут быть различными. Это, в свою очередь, способствует более удобному использованию теоретической концепции соответствия личности и организации в управленческой практике, например в процессе отбора и оценки персонала.

В заключение важно подчеркнуть, что чаще всего в исследованиях соответствия личности и организации в качестве зависимой переменной предлагается один из трех вариантов: удовлетворенность трудом, продуктивность, субъективное благополучие. Это может означать, что в конкретной исследовательской или управленческой ситуации могут понадобиться три разные модели. В целях оптимизации мы предлагаем использовать в качестве интегрального показателя «вовлеченность в работу» [2], полагая его основным результирующим следствием «полноценного» соответствия личности и организации.

Литература

1. Мандрикова Е.Ю., Сафиуллина Э.Р. Роль соответствия личности организации (person-or-

ganizationfit) в формировании человеческого капитала организации [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 4. С. 2–17. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 19.10.2015).

2. Bakker A.B., Leiter M.P. (Eds.) Work engagement: A handbook of essential theory and research. New York: Psychology Press, 2010.

3. Edwards J.R. Problems with the use of profile similarity indices in the study of congruence in organizational research // Personnel Psychology. 1993. No 46. P. 641–665.

4. Edwards J.R., Shipp A.J. The relationship between person-environment fit and outcomes: An integrative theoretical framework. In C. Ostroff, T.A. Judge (Eds.), Perspectives on organizational fit. San Francisco: Jossey-Bass, 2007. P. 209–258.

5. Yang L-Q. et al. Person-environment fit or person plus environment: A meta-analysis of studies using polynomial regression analysis // Human Resource Management Review. 2008. No 18(4). P. 311–324.

© Штроо В.А., Елисеенко А.С., 2015

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РАЗВИТИИ РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Дервянко О.И., магистр психологии, преподаватель кафедры общей и организационной психологии

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования ролевого конфликта в управленческой деятельности сферы здравоохранения и образования. Статистически достоверно доказано, что преобладание того или иного гендера в профессиональной среде не оказывает влияния на степень выраженности ролевого конфликта и его структурные характеристики.

Ключевые слова: ролевой конфликт личности руководителя, тип ролевого конфликта, локус ролевого конфликта, профессиональная среда, гендер.

Abstract. The results of empirical studies of role conflict in management of healthcare and education. Statistically proven that the predominance of one or another gender in a professional environment has no effect on the severity of role conflict and its structural characteristics.

Keywords: role conflict personalities, a type of role conflict, locus of role conflict, professional environment, gender.

На современном этапе большое теоретическое и практическое значение приобретают исследования, направленные на поиск психологических средств, обеспечивающих эффективность дея-

тельности управленческих кадров во всех отраслях экономики. Одним из вопросов при формировании кадрового управленческого резерва и его рационального использования является вопрос

гендерных предпочтений при назначении на руководящую должность.

Основными характеристиками содержания управленческой деятельности являются: высокий уровень ответственности, разнообразие и интенсивность рабочих перегрузок в условиях дефицита времени, большой объем получаемой и перерабатываемой информации, ненормированность рабочего дня, одновременное решение управленческих задач разного уровня, сложность и неопределенность возникающих ситуаций, необходимость осуществления частых контактов. При этом возможна нескоординированность деятельности отдельных объектов и/или субъектов управления, что способно приводить к расхождению в ожиданиях и к противоречивости требований к руководителю как ролевому исполнителю должностной позиции [2]. Обозначенные условия создают предпосылки к возникновению и развитию ролевого конфликта личности руководителя (РКЛР), под которым следует понимать состояние психической напряженности, которое возникает у руководителя в ситуации противоречивой и (или) несовместимой системы ожиданий и требований, предъявляемых к нему как исполнителю социальной роли, оказывающее определенное воздействие на его личностные характеристики и систему его межличностных отношений [2].

Однако логично предположить, что преобладание того или иного гендера в определенной профессиональной среде в большей степени способствует развитию РКЛР. Например, в профессиональных средах социономического типа, где подавляющее количество руководителей – женщины. В ряде исследований проблемы ролевого конфликта в управленческой деятельности установлена его связь с психологическим полом женщины. В частности, андрогинные женщины, по сравнению с другими группами, имеют наименее выраженный ролевой конфликт, т.е. они наиболее успешны в совмещении ролей [4]. В тоже время существующие исследования свидетельствуют о том, что черты андрогинного типа – высокая адаптивность, гибкость, высокая фрустрационная толерантность, стрессоустойчивость – являются стержневыми личностными характеристиками, необходимыми для успешного выполнения широкого круга задач [4]. Кроме того, достаточное количество научных исследований указывает на то, что женщины в большей степени подвержены стрессу, депрессиям, они более тревожны, боязливы

и застенчивы, более конформны, легче подвергаются фрустрациям и т.д. [3]

В нашем исследовании при выявлении и описании специфики РКЛР на примере профессиональных сред социономического типа (образование, здравоохранение) была выдвинута гипотеза о том, что специфику РКЛР определяет именно профессиональная среда, а не гендер, что и нашло свое подтверждение. Нами установлено, что статистически значимых различий в уровне выраженности ролевого конфликта в зависимости от гендера не обнаружено ни в медицинской профессиональной среде ($\chi^2 = 3,71, p = 0,294$), ни в сфере образования ($\chi^2 = 0,41, p = 0,816$). Анализ результатов свидетельствует о том, что тип ролевого противоречия (образование – $\chi^2 = 5,76, p = 0,123$; здравоохранение – $\chi^2 = 0,96, p = 0,616$) и локус ролевого конфликта (образование – $\chi^2 = 0,91, p = 0,635$; здравоохранение – $\chi^2 = 2,38, p = 0,496$) в обеих профессиональных средах не имеют зависимости от гендера. Полученные данные позволяют сделать вывод, о существовании статистически значимых различий в степени выраженности РКЛР в зависимости от наличия преобладающего типа организационной культуры ($\chi^2 = 13,81, p = 0,003$). Усиливающими РКЛР являются стрессогенные факторы: конфликтность коммуникаций, информационный стресс, стресс рабочих перегрузок, стресс вертикальных коммуникаций. Более детальный анализ показал, что разные стрессогенные факторы выражены в разных средах по-разному ($F(1,297) = 36,71; p < 0,00001$).

Таким образом, полученный фактологический материал убедительно подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Литература

1. Гаврилица О.А. Ролевой конфликт работающей женщины: дис. ... канд. психол. наук. Москва. 1998. 185 с.
2. Деревянко О.И. Ролевой конфликт в управленческой деятельности: теоретические подходы, психодиагностические методы измерения, современное состояние // Научные труды РИВШ. Истор. и псих. – пед. науки: сб. научн. статей. Минск. РИВШ, 2013. Ч. 2. С. 427.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008. 432 с.
4. Селезнева Е.В. Лидерство: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 429 с.

ИМИДЖ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ БРЕНДОВ ОДЕЖДЫ¹

Кумар А., студент образовательной программы «Психология», член научно-учебной группы «Психология потребительского поведения»,

Антонова Н.В., доцент кафедры организационной психологии, руководитель научно-учебной группы «Психология потребительского поведения»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Описано исследование имиджа российских и зарубежных брендов одежды среди россиян ($N = 175$) с помощью частной шкалы семантического дифференциала (СД). Факторный анализ показал различия имиджа российских и зарубежных брендов одежды: имидж отечественного бренда более сложен и включает четыре фактора, тогда как имидж зарубежного бренда включает два фактора.

Ключевые слова: имидж бренда, восприятие бренда, поведение потребителя.

Abstract. The article describes a study of image of Russian and foreign clothing brands among Russians ($N = 175$) with the help of the scale of semantic differential (SD). Factor analysis showed the differences in the image of Russian and foreign brands of clothing: the domestic brand image is more complex and includes 4 factors, while the image of foreign brands includes 2 factors.

Keywords: brand image, brand perception, consumer behavior.

Потребительское поведение россиян своеобразно в силу некоторых исторических и социокультурных причин. Большой объем воспринимаемой информации относительно различных брендов формирует отношение к ним, исходя из которого строится покупательское поведение. Предполагается, что принадлежность бренда к определенной стране может сформировать определенный имидж бренда. Имидж бренда (brand image) понимается как «совокупность воспринятых качеств и достоинств бренда, держащихся в памяти и влияющих на общее впечатление потребителя» [5].

Имидж бренда может служить одним из факторов его потребления. Согласно теории Дж. Сирджи человек может предпочитать различные бренды на основе того, насколько их имидж близок к его Я-концепции (self-concept) [4]. Дж. Аакер показала, что потребители предпочитают бренды с индивидуальными характеристиками, которые соответствуют характеристикам, образующим их «схемы Я» (self-schemas) [2]. Р.Л. Оливер утверждает, что для возникновения истинной лояльности потребляемый продукт бренда должен быть частью личной и социальной идентичности потребителя [3].

В данном исследовании сравнивается имидж российских и зарубежных брендов.

Респондентам предлагалось указать иностранный и российский бренды одежды, которые они покупают чаще всего, либо которые они признают наиболее привлекательными, и оценить их по 32 шкалам семантического дифференциала. Использовались шкалы, разработанные для исследования факторов потребительской лояльности Ф.Н. Винокуровым [1].

Для определения компонентов имиджа иностранного и российского бренда одежды был проведен факторный анализ. Отдельно анализировались компоненты имиджа бренда по всей выборке, а также имиджа российского и зарубежного бренда.

Анализ данных показал, что имидж иностранного бренда одежды включает два фактора, которые можно проинтерпретировать как «внушаемое доверие» и «индивидуальность бренда», тогда как в имидже российского бренда к ним добавляются еще фактора, проинтерпретированные как «статус бренда» и «дружелюбие бренда».

Фактор «внушаемое доверие» включает 19 шкал для иностранных брендов и 18 для российских (15 из них являются общими), в него входят «удобный – неудобный», «практичный – непрактичный», «высококачественный – низкокачественный», «надежный – ненадежный»,

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (15-05-0052) в рамках Программы «Научный фонд» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2015 г. с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

«плохой – хороший», «прочный – хрупкий» и др. Фактор «индивидуальность бренда» включает в себя 9 шкал для иностранных брендов и 6 шкал для российских (4 фактора являются общими), в него входят «легкий – тяжелый», «слабый – сильный», «хаотичный – упорядоченный», «глупый – умный». Фактор «статус бренда» в имидже российских брендов включает в себя шкалы «дорогой – дешевый» и «экономичный – расточительный», а фактор «дружелюбие бренда» – шкалы «злой – добрый» и «горячий – холодный».

Таким образом, имидж иностранного бренда одежды включает два фактора, тогда как российского – четыре. Данный результат может говорить о том, что восприятие иностранных брендов является более эвристичным, в нем имеет место механизм стереотипизации, облегчающий выбор. Имидж российского бренда воспринимается как более сложный, что может приводить к более рациональному, долговому процессу принятия решения о покупке. Такой имидж может быть сформирован в результате недоверия к отечественным брендам одежды. Перспектива данного

исследования включает содержательный анализ различий имиджа отечественного и зарубежного бренда.

Литература

1. *Винокуров Ф.Н.* Социально-психологические механизмы потребительской лояльности: дисс ... канд. психол. наук. М., 2012.
2. *Aaker J.* Dimensions of brand personality // *Journal of Marketing Research.* 1997. Vol. 34 (3). P. 347–356.
3. *Oliver R.L.* Whence Consumer Loyalty? // *Journal of Marketing,* 1999. Vol. 63. P. 33–44.
4. *Sirgy J.* Self-congruity: Toward a theory of personality and cybernetics. Self-congruity: Toward a theory of personality and cybernetics. Westport, CT, US: Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group. 1986. P. 226.
5. *Wu C.* The impact of hospital brand image on service quality, patient satisfaction and loyalty // *African Journal of Business Management.* 2011. Vol. 5(12). P. 4873–4882.

© Кумар А., Антонова Н.В., 2015

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ГРУППОВЫЕ ФАКТОРЫ ВЫДВИЖЕНИЯ В ПОЗИЦИЮ ЛИДЕРА

Ахмедова Р.Р., студентка (бакалавр)

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ташкент

*Мы имеем слишком много менеджеров
и недостаточно лидеров.*

У. Беннис

Аннотация. Анализируются факторы, способствующие выдвижению группой лидера. Установлено, что неформальный лидер в групповой работе является активным участником совместной деятельности и способен эффективно совмещать несколько групповых ролей. Однако не каждый лидер стремится приобрести формальный статус. Лидеру свойственно положительное отношение к изменениям, основанное на рациональном осмыслении ситуации.

Ключевые слова: лидер, неформальный лидер, стиль реагирования на изменения, групповые роли.

Abstract. This work analyzes the factors that contribute to choice the group's leader. Was found that the informal leader is an active participant of team work and able to combine group roles in a group work. However, not every leader is committed to gain a formal status. Leader is tends to have a positive attitude to changes based on the rational understanding of situation.

Keywords: leader, informal leader, style of response to changes, group roles.

Первоначально появившись еще во времена Конфуция, данная тема не только не теряет своей актуальности, но и активно изучается особенно в силу современных тенденций неопределенности и необходимости подстраиваться под изменения.

Отражая ситуацию через призму личности с ее особенностями, установками и целями, лидер является человеком, чье слово имеет вес в группе, оказывает определенное влияние на группу, что и становится критерием оценки степени эффективности результата. Поэтому имеют значение инди-

видуальные особенности, установки и ориентации лидера, которые воспринимаются и резонируются группой. Большое внимание в настоящее время уделяется нестабильности внешней среды, ввиду чего организации, сотрудники и лидер, который поведет за собой всю команду, должны выработать оптимальный стиль реагирования на изменения.

Говоря о лидерстве, необходимо сказать, что впервые лидерство возникает в обществе, в группах людей. При формировании группы идет ее становление как целостной структуры со своими нормами и ценностями. При таком построении происходит функциональное распределение и выполнение каждым членом группы определенной роли, за которой стоят специфичные задачи. При этом лидер может выполнять как все функции, так и какую-то часть, распределяя остальные между участниками. Лидер группы принимает на себя роль организатора, координатора, мотиватора, вдохновителя, способного к рациональному осмыслению ситуаций, позитивному отношению к неопределенности и принятию решений с учетом того, что будет лучше для всех членов группы.

Используемый в данном исследовании опросник Т.Ю. Базарова и М.П. Сычевой «Стили реагирования на изменения» [1] был создан в 2012 г. и впервые апробировался на ташкентской выборке.

В исследовании участвовало 156 человека: 87 женщин и 69 мужчин в возрасте от 18 до 27 лет. В результате проведенной обработки данный опросник является надежным ($p < 0,05$) по критерию фи-коэффициента Гилфорда. По коэффициенту α Кронбаха согласованность пунктов со шкалой «Реализаторы» составляет 0,710, «Консерваторы» – 0,657, «Инноваторы» – 0,658, «Реакторы» – 0,714. Показатели корреляции пункта со шкалой по критерию Пирсона означают, что согласованность пунктов высокая ($p < 0,05$, $r = -0,266$).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- ◆ люди с реализующим стилем реагирования на изменения чаще других выдвигаются группой в позицию лидера. 75 % выбранных лидеров

являются реализаторами, 25 % – консерваторами. Среди лидеров не было представителей, ведущим стилем реагирования на изменения которых являются реактивный и инновационный;

- ◆ неформальный лидер в групповой работе является активным участником совместной деятельности, а не только принимает роль председателя, контролирующего весь рабочий процесс. При этом по сравнению с остальными членами группы он проявляет активность и успешно справляется и с другими групповыми ролями [2], такими как генератор идей, секретарь, оформитель идей, критик, проблематизатор, душа группы, эффективно их совмещая. Уже обладая определенной властью над группой, не каждый неформальный лидер, как было выявлено в ходе исследования, стремится приобрести формальный статус лидера;
- ◆ только 25 % выдвинутых группой лидеров целенаправленно пытались территориально обозначить свой неформальный статус (центральное место стола, имеющего овальную форму). В большинстве случаев лидер предпочел не выделяться и быть частью группы.

Тем не менее остается неясным, что является более значимым при выборе лидера – социально-групповой принцип взаимодействия с остальными участниками или его индивидуально-психологические особенности, так как выбранные группой лидеры отличаются рациональностью при принятии решений и зрелой, не основанной на чувствах и эмоциях позицией по отношению к ситуациям изменений.

Литература

1. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» // Психологические исследования. 5(25), 12. <http://psystudy.ru>
2. Белбин Р.М. Типы ролей в командах менеджеров / пер.с англ. М.: НИРО. 2003. 232 с.

© Ахмедова Р.Р., 2015

К ИССЛЕДОВАНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК САМОПРЕЗЕНТАЦИИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ

Корягина Н.А., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организационной психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается применение комплексного подхода в определении феномена самопрезентации как неотъемлемой составляющей любого социального взаимодействия. Раскрыва-

ется специфика стратегий самопрезентаций менеджеров в процессе формирования профессиональных компетенций. Приведены данные пилотажного исследования, указывающие на роль личностных характеристик в формировании самопрезентации.

Ключевые слова: самопрезентация, личностные характеристики, менеджер, эмоциональный интеллект.

Abstract. The application of a comprehensive approach to the phenomenon of self-determination as an integral part of any social interaction. Specificity of self-management strategies in the process of formation of professional competence. The data pilot study, pointing to the role of personal characteristics in the formation of self-presentation.

Keywords: self-presentation, personality traits, manager, emotional intelligence.

Сегодня отсутствует какая-либо единая принятая концепция исследования проблемы самопрезентации в социальной психологии, однако существует большое разнообразие теоретических подходов к изучению данного феномена. Главным образом под самопрезентацией понимают управление впечатлением, которое в зарубежной психологии определяется как «различные стратегии и тактики, которые использует человек, чтобы произвести определенное впечатление на окружающих» [1]. Способы самопредъявления могут различаться в зависимости от целей в межличностном общении и личностных характеристик: по модусу существования личности, по наличию цели управления, по параметру меры активности личности, по содержанию, стратегии и тактике самоподачи. Можно говорить о «профессионально организованной самоподаче» и «стихийной» самоподаче образа «Я».

Однако в настоящее время все больше исследователей склонны подходить к самопрезентации как к комплексному явлению. Например, в монографии О.А. Пикулевой дано определение самопрезентации как «в различной мере осознаваемого и постоянно осуществляемого в межличностном взаимодействии процесса предъявления Я-информации в вербальном и невербальном поведении субъекта самопрезентации с учетом специфики социальной ситуации» [2].

В своем исследовании феномена самопрезентации мы придерживаемся положения, согласно которому самопрезентация – это неотъемлемая составляющая любого социального взаимодействия, коммуникации. Данный подход опирается на расширенную трактовку самопрезентации И. Гоффмана, согласно которой самопрезентация – это «запечатленное в большом количестве структурных обсуждений отражение мотива каждого участника взаимодействия для того, чтобы производить взаимодействие гладко и без инцидентов» [3]. В данном определении самопрезентация является постоянным процессом, который изменяет свой характер в зависимости от целей

человека и обстоятельств, это общая особенность социального поведения.

Успешная деятельность менеджера напрямую связана с его способностью представить себя (с позиционированием и отношением с коллегами), а в целом – с его самопрезентацией, обусловленной набором социальных, психофизиологических и нравственных качеств. Так, менеджер должен выработать собственную концепцию и стратегию управления данной организацией и далее строить свою самопрезентацию в соответствии с ней. Здесь также решается вопрос о том, какие цели и ценности лягут в основу концепции. Кроме того, для самопрезентации менеджеру важно определить свой статус и роль в организации. Таким образом, самопрезентация включает в себя статусно-ролевое позиционирование – процесс и результаты вхождения менеджера в структуры и корпоративную культуру компании. Выработанная менеджером собственная концепция может стать основой для создания функциональной стратегии управления.

В настоящее время в прикладных исследованиях стали особенно актуальны работы, посвященные личностной детерминации самопрезентации и самовыражения личности. В качестве примера приведем наше пилотажное исследование характеристик самопрезентации у будущих менеджеров (студентов 1–2-го курсов НИУ ВШЭ факультета менеджмента в 2012–2013 гг.). Исследование проводилось в три этапа:

- ◆ диагностика «эмоционального интеллекта» по методике «эмоционального интеллекта» Н. Холла (фиксировалось эмоциональное развитие личности), формирование на ее основе двух групп;
- ◆ практические занятия по развитию способности самопрезентации с использованием техники Питмана и Джонсона (формирование навыка саморегуляции поведения);
- ◆ опрос студентов.

Полученный результат мы обозначили как факт, на основе которого предположили, что

для успешной регуляции поведения необходимо иметь достаточно развитую способность «управления своими эмоциями» (по методике Н. Холла). Именно данная шкала «эмоционального интеллекта» в нашем исследовании при начальной диагностике не имела высоких показателей. После проведения серии занятий по развитию навыка самопрезентации (в экспериментальной группе) по результатам опроса мы можем говорить о развитии компонентов эмоциональной сферы у студентов.

В результате исследование показало некую связь между способностью понимать отношения, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмо-

циональной сферой и выраженностью навыка регуляции поведения, что в целом отражается на качестве самопрезентации.

Литература

1. *Амяга Н.В.* Самораскрытие и самопрезентация личности в общении // Личность, общение, групповые процессы. М., 2001.

2. *Пикулева О.А.* Психология самопрезентации личности: монография. М.: ИНФА-М, 2013. С. 13.

3. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. NY., Anchor Books, 1959.

© Корягина Н.А., 2015

ЛОКУС КОНТРОЛЯ В РЕГУЛЯЦИИ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Флоровский С.Ю., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления факультета управления и психологии Кубанский государственный университет

Аннотация. Обсуждаются закономерности регулирующего влияния локуса контроля на совместную управленческую деятельность (СоУД) руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов. Показано, что значимым фактором успешности руководителей в качестве субъектов СоУД является сочетание интернальности в сфере межличностных отношений и экстернальности в области отношений производственных.

Ключевые слова: локус контроля, совместная управленческая деятельность, управленческое взаимодействие.

Abstract. In article regularities of the regulating influence of a locus of control of managers (high and middle level) upon process of their joint managerial activities (JMA) are discussed. The personal and regulatory pattern of success of the manager as subject of JMA is revealed. It is a combination of internality in the sphere of the interpersonal relations with an externality in the field of work activity.

Keywords: locus of control, joint managerial activities, managerial interaction.

Во многих исследованиях, посвященных проблеме личностной детерминации эффективности управленческой деятельности, локус контроля рассматривается в качестве одной из значимых профессионально-ориентированных характеристик субъекта [2; 5; 6]. При этом, как правило, исходят из положения о том, что одним из важнейших оснований прогноза успешности личности в качестве руководителя является наличие у человека внутреннего локуса контроля; рост интернальности участников разнообразных обучающих и тренинговых программ также интерпретируется как показатель психологической эффективности таковых.

В то же время остается открытым вопрос о том, какое влияние оказывает локализация субъективного контроля индивида на степень его приемлемости со стороны социально-организационного окружения в качестве партнера по деловым контактам и члена ин-группы.

Предметом нашего исследования являлся характер функционального вклада локуса контроля руководителей в регуляцию их совместной управленческой деятельности (СоУД). Выборку составили управленцы высшего и среднего ранга двух крупных производственных организаций (122 человека).

СоУД понимается нами как вид совместной деятельности, предполагающий осуществление несколькими руководителями системы управленческих функций, связанных с регуляцией межгруппового взаимодействия возглавляемых ими структурных подразделений (организационных подсистем) и направленных на решение проблем функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности [3].

Операциональным средством раскрытия регулирующего влияния локуса контроля руководителей на процесс и результаты СоУД выступал корреляционный анализ взаимосвязей между параметрами локуса контроля и интегральными характеристиками СоУД: общей эффективностью, продуктивностью – непродуктивностью, легкостью – затрудненностью управленческого взаимодействия. Первая психологическая переменная диагностировалась при помощи созданного Е.Ф. Бажиным с соавторами опросника для изучения уровня субъективного контроля, вторая – посредством авторской методики оценки эффективности общения в условиях СоУД [3, с. 132–140].

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что наибольший вклад в регуляцию СоУД вносят ситуационно-специфические параметры локуса контроля, среди которых – интернальность в области производственных (Ип) и межличностных отношений (Им).

При этом проявления регулятивной функции Ип и Им противоположны по своей направленности. Усиление выраженности у руководителей Ип (независимо от должностного ранга) деструктивно сказывается на состоянии их управленческого взаимодействия как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях. В результате закономерно снижается общий уровень функционально-ролевой приемлемости интернально-ориентированных в сфере производственных отношений управленцев, причем наиболее ярко это выражено у руководителей среднего звена. Увеличение Им, наоборот, содействует комплексной оптимизации СоУД, выступая как фактор не только упрочения «объективного» положения руководителей в системе организационно-управленческих отношений, но и позитивной стенизации коммуникативных состояний при осуществлении совместной с другими руководителями деятельности по управлению организацией.

Данный регуляторный паттерн оказался стабильно воспроизводимым в различных органи-

зационно-управленческих контекстах, дифференцируемых как по отраслевым [1], так и по культурным доминантам [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значимым фактором успешности в качестве субъектов СоУД является сочетание у руководителей интернальности в сфере межличностных отношений и экстернальности в области отношений производственных. Восприятие себя как человека способного контролировать свои межличностные отношения (вызывать у окружающих уважение, симпатию и т.д.) при одновременном учете широкого круга факторов, влияющих на профессиональные успехи и карьеру (не только собственные усилия, но и состояние взаимоотношений с начальством, коллегами по работе, динамика ситуационного контекста, везение – невезение и т.п.) оказывается наиболее адекватной основой построения экологических условий СоУД стратегий интерперсонального поведения.

Литература

1. *Остащенко Е.И.* Личностные факторы регуляции делового взаимодействия руководителей (на примере производственных и торговых организаций): дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
2. *Реан А.А.* Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля личности // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 3–12.
3. *Флоровский С.Ю.* Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: Личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Ярославль: МАПН, 2000.
4. *Флоровский С.Ю.* Локус контроля в регуляции совместной управленческой деятельности руководителей предприятий с различными типологическими особенностями организационной культуры // Социальная психология труда: теория и практика / под ред. А.Л. Журавлева, Л.Г. Дикой. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2011. С. 279–295.
5. *Graen G.B., Uhl-Bien M.* Relationship-based approach to leadership: Development of leader-member exchange (LMX) theory of leadership over 25 years: Applying a multi-level multi-domain perspective // *Leadership Quarterly*. 1995. № 6. P. 219–247.
6. *Leavitt H.J., Bahrami H.* Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. 5th ed. Chicago–London, 1998.

МЕТОДИКА РЕГИСТРАЦИИ ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА РЕШЕНИЯ СЛОЖНЫХ ЗАДАЧ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹

Елисеенко А.С., магистр психологии

Поддьяков А.Н., доктор психологических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлена методика регистрации движения глаз при решении многофакторной динамической задачи по управлению виртуальной фабрикой. Констатируется высокий потенциал методики для идентификации познавательных процессов, вовлеченных в процесс решения.

Ключевые слова: решение комплексных задач, регистрация движений глаз.

Abstract. The method of using of eye-tracking to study solving a complex dynamic problem on control of a virtual factory is presented. High potential of the method allowing to identify cognitive processes of complex problem solving.

Keywords: complex problem solving, eye-tracking.

Одной из интенсивно развивающихся междисциплинарных областей является изучение процесса решения человеком сложных задач в условиях неопределенности, или решение комплексных проблем (РКП). Такого рода задачи встречаются в деятельности по управлению сложными системами и процессами: от технических систем до социально-политических структур. Проблемная область РКП распространяется от менеджмента организации до управления реактором на атомных станциях. В условиях РКП человек сталкивается с высокой неопределенностью и большим потоком разнородной информации от многофакторной управляемой системы. Это может приводить к тому, что задачи решаются неэффективно, либо к тому, что человек отказывается от их решения вообще. Результатом такого положения дел являются всевозможные кризисы управления.

Двумя важнейшими процессами РКП являются приобретение знаний и их применение. Однако об их выраженности и соотношении трудно судить, поскольку это в основном скрытые процессы. В этой связи необходимо применить такой инструментарий сбора эмпирических данных, который помог бы фиксировать процесс решения задач, опираясь на объективные показатели, доступные для обоснованной интерпретации.

В нашем исследовании мы объединили анализ субъективных и объективных переменных, дополнив последние анализом движений глаз в ходе РКП, чего раньше никогда не делалось. Мы полагали, что регистрация движений глаз (частот

и времени фиксации в зонах интереса, амплитуды саккад) способна пролить свет на процесс извлечения и применения знаний.

Методика состоит в следующем. Участнику предлагается управлять виртуальной фабрикой в течение 12 виртуальных месяцев, стараясь получить максимальную прибыль (авторы: D. D'gner, J. Gerdes; русификация И.А. Васильевой). Никакой информации о том, как устроена фабрика и как ею управлять, участнику не сообщается. Чтобы получить информацию о состоянии фабрики, он может открывать различные индикаторные табло со множеством показателей. Чтобы произвести цикл управления, он открывает различные окна, выполняющие функции пультов управления, в которых может менять управляющие параметры и запускать работу фабрики в соответствии с ними.

Регистрация движений глаз в контексте классификации действий на ориентировочные (работа с информационными табло) и исполнительные (работа с пультами управления) и анализа их взаимосвязи ранее никогда не проводилась. К настоящему моменту мы получили значительный массив наблюдений. Анализ соотношения процессов приобретения и применения информации, идентифицированных с помощью регистрации движений глаз, в синтезе с изучением объективного хода решения и учетом его субъективной оценки участником предоставляет значительно более достоверную информацию об индивидуальных особенностях РКП и позволяет надежнее прогнозировать успешность решения задачи до ее реального завершения.

¹ Работа поддержана РГНФ, проект № 15–06–10489а; НИУ ВШЭ, проект софинансирования № 15–09–0281.

Отметим здесь также ряд технических и процедурных сложностей:

- ◆ особую проблему, которую нам удалось успешно решить, представляла низкая программная совместимость вышеописанного компьютерного сценария «Шоколадная фабрика» и ай-трекера, ранее применявшаяся исследователями в основном для изучения относительно простых задач зрительного поиска, а не совладания со сложными (многофакторными) интеллектуальными проблемами;
- ◆ эксперимент требует высокой точности калибровки ай-трекера, чтобы при анализе глазодвигательной активности можно было точнее дифференцировать зоны интереса участника. Длительная настройка утомляет часть респондентов до решения задачи. Также респондентов утомляет необходимость фиксации головы, что ограничивает эксперимент 40–50 минутами. Эта проблема еще ждет своего методического решения.

При этом в целом данные, полученные с использованием регистрации движения глаз, оправдывают преодоление этих сложностей.

Результаты нашего исследования могут быть полезны для понимания того, как человек, решающий сложные задачи управления в организации, действует по отношению к неопределенности и большому потоку информации, которую он получает из различных источников.

Литература

1. Елисеенко А.С. Динамика субъективной неопределенности в решении комплексных проблем // Экспериментальная психология. 2013. № 3. С. 16–30.
2. Поддьяков А.Н., Елисеенко А.С. Связи субъективной неопределенности и эффективности решения комплексной проблемы (на материале деятельности управления виртуальной фабрикой) // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № . 28. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения:).

© Елисеенко А.С., Поддьяков А.Н., 2015

ОБРАЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО БРЕНДА ОДЕЖДЫ¹

Антонова Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, руководитель НУГ «Психология потребительского поведения»

Солорева М.А., студент образовательной программы «Психология», член НУГ «Психология потребительского поведения»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Анализируются различия образов отечественных и зарубежных брендов одежды в глазах российского потребителя. Выборка составила 178 человек. Использовалась методика исследования образа торговой марки, разработанная В.М. Марковой. Результаты показали, что коэффициент образа российских брендов одежды (25) значительно ниже коэффициента образа зарубежных брендов (63). Наиболее проблемными являются параметры образа бренда «доверие», «качество» и «персонификация».

Ключевые слова: бренд, восприятие бренда, образ бренда, доверие к бренду, персонификация.

Abstract. The article analyzes the differences in the images of Russian and foreign clothing brands in the eyes of Russian consumers. The sample consisted of 178 people. We used the technique which was elaborated by V.M. Markova to study the image of brands. The results showed that the image coefficient of Russian brands of clothes (25) is much lower than the image coefficient of foreign brands (63). The most problematic options are the parameters of brand image: «trust», «quality» and «personalization».

Keywords: brand, brand perception, brand image, brand trust, personification.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (15–05–0052) в рамках Программы «Научный фонд» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2015 г. с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Таблица 1

Составляющие образа отечественных и зарубежных брендов (%)

Измеряемый параметр	Зарубежный бренд (ЗБ)	Отечественный бренд (ОБ)	Разница (ЗБ-ОБ)
Качество	74,7	25,3	49,4
Представленность	72,5	38,2	34,3
Доверие	83,2	33,1	50,1
История	38,2	14	24,2
Уникальность	43,8	20,9	22,9
Персонификация	62,4	16,9	45,5
Общий коэффициент образа бренда	63	25	

Задача импортозамещения, провозглашенная в России, вполне успешно решается в отношении продуктов сельского хозяйства, однако оказывается практически неразрешимой в отношении продукции легкой промышленности. Отношение российских потребителей к отечественным брендам одежды остается достаточно амбивалентным. Чтобы его преодолеть, многие отечественные бренды «маскируют» свое российское происхождение, используя англоязычные названия, однако это помогает мало. В данном исследовании предпринята попытка сравнения образа отечественных и зарубежных брендов одежды, что поможет понять, в каких направлениях необходима работа по изменению образа отечественных брендов в первую очередь.

Исследование основывается на модели образа торговой марки, разработанной В.М. Марковой (2009). Исследователь понимает образ торговой марки как «...эмоционально окрашенный, социально-значимый объект, имеющий характер стереотипа, сложившийся в сознании потребителя, оказывающий психологическое влияние на потребительское поведение личности» [4, с. 13]. Структурными компонентами модели являются: субъекты, объекты, принципы, особенности, процессы организации и проведения, механизмы воздействия основных технологий на формирование образа торговой марки, обратная связь.

В соответствии с данной моделью воздействие коммуникатора на потребителя опосредовано механизмами воздействия. Сообщение в отношении бренда влияет на ценности установки потребителя, транслирует имиджевые атрибуты торговой марки (бренда). Потребитель совершает конкретные действия (например, покупку товара) в соответствии с субъективным образом товара или услуги, сформированным в результате влияния образа торговой марки. Эти действия представляют собой обратную связь, говорящую об эффективности торговой марки:

если товар покупают, это свидетельствует о том, что сформирован эффективный образ торговой марки. Автор модели выявила четыре основных механизма психологического воздействия бренд-коммуникации: убеждение заражение, подражание и внушение.

Согласно В.М. Марковой социально-психологическое содержание образа торговой марки проявляется в таких характеристиках, как:

- ◆ восприятие истории торговой марки;
- ◆ восприятие качества торговой марки;
- ◆ восприятие уникальности торговой марки;
- ◆ восприятие представленности торговой марки;
- ◆ доверие к торговой марке и
- ◆ персонификация (или степень отождествления) с торговой маркой.

Анализ профиля образа торговой марки на основе измерения приведенных шести показателей позволяет выявить сильные и слабые стороны анализируемой торговой марки.

Основной целью проводимого исследования стало сравнение образа зарубежного и отечественного бренда в сознании российского потребителя. Для этого была использована методика измерения образа торговой марки, разработанная В.М. Марковой [4]. Респондентам предлагалось оценить предпочитаемый отечественный и зарубежный бренд по шести параметрам: качество, представленность, доверие, история, уникальность, персонификация. Выборка составила 178 человек различного возраста и социального статуса.

Анализ результатов в соответствии с методикой состоял в подсчете количества человек (в процентах) из всей выборки, которые согласились с утверждением, соответствующим определенному параметру (табл. 1). По результатам анализа в соответствии с методикой вычислялся общий коэффициент образа бренда.

По результатам анализа были построены профили образов зарубежного (рис. 1) и отечественного (рис. 2) брендов одежды.

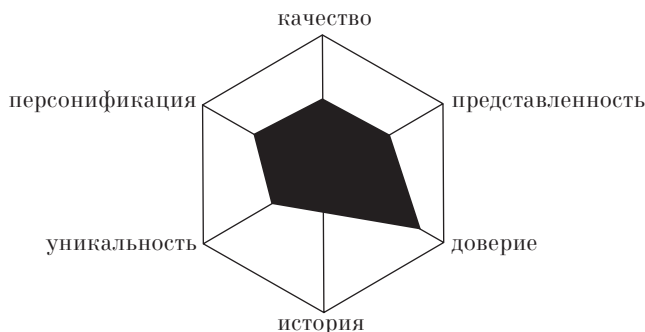

Рис. 1. Профиль образа зарубежного бренда

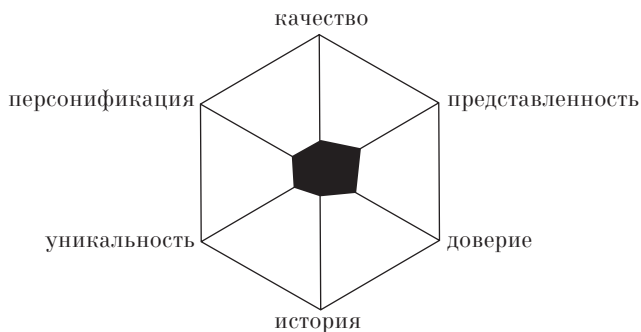

Рис. 2. Профиль образа отечественного бренда

Результаты исследования показывают, что образ отечественных брендов одежды отстает по каждому из измеряемых параметров. Особенно велика разница по параметрам «доверие», «качество» и «персонафикация», что, по-видимому, является основной причиной предпочтения зарубежных брендов отечественным. Российские потребители оценивают отечественные бренды одежды как некачественные, не доверяют им, при этом отсутствует персонафикация, что снижает возможности соотнесения образа бренда с собственной личностью.

Помимо этого, хотелось бы отметить, что многие респонденты не могли ответить на вопрос о том, какие отечественные бренды они потребляют. 55 человек, т.е. более трети опрошенных, отвечали, что не знают отечественных брендов одежды или не потребляют отечественную про-

дукцию вовсе. Это иллюстрирует низкий уровень осведомленности потребителей о существовании отечественных брендов одежды и низком уровне доверия по отношению к отечественной продукции в целом.

Таким образом, можно сделать выводы, что отечественным брендам одежды следует развиваться по всем шести параметрам и в первую очередь повышать доверие к качеству своего товара, а также формировать четкий персонафицированный образ, способствующий идентификации потребителя с брендом.

Литература

1. Маркова В.М. Социально-психологические характеристики образа торговой марки: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009.

© Антонова Н.В., Солорева М.А., 2015

ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ СТИЛЕЙ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Панов А.Ю., директор по продажам

ЗАО «Пронто Медиа Холдинг,

Белик В.В., аспирант

Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники

Научно-исследовательский институт технической эстетики

Аннотация. Рассматриваются организационные детерминанты стилей делового общения (СДО) сотрудников коммерческой компании. Выделенные в факторном анализе СДО не поддерживаются индивидуальными особенностями сотрудников, но отражают мощное влияние корпоративной культуры организации.

Ключевые слова: организация, детерминанты, стили, деловое общение, сотрудники, культура.

Abstract. We consider the organizational determinants of styles of business communication (SDO) of employees of a commercial company. We revealed that SDO is not supported by the individual characteristics of employees, but reflect the strong influence of corporate culture in the organization.

Keywords: organization, determinants, styles, business communication, staff culture.

Проблема общения и стилей делового общения (СДО) рассматривается в контексте совместной деятельности [1; 2; 3] в русле концепции стилей, в которых выделяются три иерархических уровня организации, три их подсистемы: «субъективно удобные условия деятельности», «операциональные структуры» и «идеальные регуляторы (тип деятельности)» [4; 5]. Полагается, что в СДО интегрируются два «пласта» – осуществления собственно деятельности и взаимодействия с другими субъектами. Становление вторых составляющих стилей всегда зависит от социальной среды, в том числе корпоративной культуры организации, групповых норм взаимодействующих субъектов, стилей руководства. Типичными для современных коммерческих организаций (концентрированно выраженных в условиях труда сотрудников компании «Пронто Медиа Холдинг»): взаимодействия, опосредствованные интернетом, часто ненормированная длительность рабочего дня; стресс, вызванный плотной, интенсивной и продолжительной работой, неудовлетворенностью руководства работой сотрудников; деловые взаимоотношения, практически исключают другие виды межличностного общения (неформальное общение ограничено комнатой отдыха или скайпом даже у сидящих рядом людей); вне работы межличностного общения чаще нет.

Объект исследования – деятельность и поведение сотрудников коммерческой компании; *предмет исследования* – взаимоотношения сотрудников в системе «руководитель – подчиненный», отражающиеся в структурах стилей делового общения (СДО); *цель* – изучение предпосылок, условий и эволюции СДО субъектов в системе «руководитель – подчиненный». *База исследования* – 41 чел. – менеджеры по работе с клиентами компании «Пронто Медиа Холдинг», 26 мужчин (63 %) и 15 женщин (37 %) в возрасте от 20 до 56 лет ($x = 30,3$ г. $СД = 7,3$), имеющих стаж работы от одного года до 32 лет. *Методы* – психодиагностика (методики Д. Денисона, Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой), опрос экспертов, исследовательская методика «СДО» В.А. Толочка.

Основные результаты исследования:

- ◆ при факторизации эмпирических результатов изучения СДО сотрудников компании выделяется шесть хорошо интерпретируемых факторов, характеризующих соответствующие стили делового общения;
- ◆ первый фактор и первый стиль («сотрудничество, содействие, поддержка, гибкость, компромисс») отражает проекции некоторого

«идеала» стиля в понимании респондентов, их представления об «идеальном стиле», не поддерживаемый индивидуальными особенностями субъектов и социальной микро- и мезосредой организации. Второй фактор и второй стиль («избегание деловых взаимодействий, дистантность») способствует успешной карьере субъектов в данной организации и успешной самореализации в семье, но не отвечает вероятным ожиданиям людей в межличностных взаимодействиях. Третий фактор и третий стиль («авторитарность, агрессивность, требовательность») беден в плане межличностных взаимодействий; он типичен для молодых людей, с успешной карьерой в компании. Четвертый фактор и четвертый стиль («спонтанное, эмоционально не контролируемое общение») присущ новичкам и недавно назначенным на должность; стиль детерминируется субкультурой организации и обеднен в плане содержания межличностных взаимодействий. Пятый фактор и пятый стиль («формальное, дистантное общение») типичен для «ветеранов» компании, также обеднен в плане межличностных взаимодействий. Шестой фактор и шестой стиль («эмоциональная взаимосвязь при неконструктивности деловых взаимодействий») характеризует экспрессивное поведение, не способствующее конструктивным взаимодействиям сотрудников;

- ◆ вероятными детерминантами становления и эволюции СДО сотрудников компании являются декларируемые и латентные особенности корпоративной культуры организации, закрепляющиеся традиции в построении отношений, транслирование руководителями типичного для компании стиля руководства.

Литература

1. *Журавлев А.Л.* Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования // Совместная деятельность: методология, теория, практика. М.: Наука, 1988. С. 19–36.
2. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1984.
3. *Толочек В.А.* Адаптация субъекта к социальной среде: парадоксы, парадигмы, психологические механизмы // Мир психологии. 2006. № 4. С. 131–146 с.
4. *Толочек В.А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2013.
5. *Толочек В.А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Институт психологии РАН, 2015.

ПОЛНОТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ И СОЦИАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА

Журавлева Н.И., кандидат психологических наук, ассоциированный научный сотрудник
Института психологии РАН

Аннотация. Рассматриваются данные сравнительного анализа динамики актуализации ресурсов и социальной успешности субъектов. Установлено, что последовательная актуализация ресурсов сопряжена с большей успешностью.

Ключевые слова: ресурсы, профессионал, динамика, успешность.

Abstract. We consider these comparative analysis of the dynamics of updating resources and social success of subjects. It was found that the consistent updating of resources is associated with greater success.

Keywords: resources, professional speaker, success.

Под профессионалом понимается субъект профессиональной деятельности, длительно и успешно специализирующийся в определенной трудовой сфере, интегрированный в профессиональном сообществе; под ресурсами – присущие субъекту свойства (интрасубъектные ресурсы), состояния и качества партнеров (интерсубъектные ресурсы), условия социальной среды (внесубъектные ресурсы), которые могут влиять на успешность и в опыте субъекта связываются с позитивным эффектом деятельности и поведения [1; 2; 3].

Цель исследования – изучение связей динамики и полнота использования ресурсов и социальной успешности субъектов.

Методы исследования – наблюдение, беседа, опрос, психодиагностика (16 Р.Ф. Р.Б. Кеттелла, УСК К. Томаса, методики Дж. Фланагана, Д. Денисона); исследовательская методика В.А. Толочка «Динамика ПСС». В разных программах обследовано 335 человек в возрасте от 30 до 62 лет. На втором этапе для последующего анализа были отобраны данные 68 менеджеров, 36 бухгалтеров, 43 предпринимателя (всего 147 человека в возрасте от 31 до 47 лет), понимаемых как представители сходных исторических и культурных когорт. Концентрированная выборка профессионалов пять раз разделялась по пяти разным признакам. Выделялись социальные группы, различающихся по:

- ◆ профессии – менеджеры, бухгалтеры, предприниматели;
- ◆ полу – мужчины и женщины (51 и 96 человек соответственно);
- ◆ должностной позиции – руководители (высшего звена – 62 человек) и специалисты (34 человек), данные лиц с нечетким статусом (замы и т.п.) исключались из анализа;

- ◆ как лица с высоким неформальным авторитетом, с высоким профессионализмом (имеющие управленческий опыт более 5 лет – 104 человека) и его не имеющие (19 человек); данные лиц с опытом 1–4 года исключались из анализа;

- ◆ лица, более полно по формальным критериям реализованные в семье (на момент исследования состоящие в браке, имеющие детей и семейный стаж не менее 5 лет – 101 человек) и не имеющие хотя бы одного из этих признаков (46 человек).

По результатам статистических расчетов (корреляционного и факторного анализа, t-сравнения и дискриминантного анализа, МРА) сформулирован ряд выводов:

- ◆ для представителей всех социальных групп характерна выраженная индивидуальная избирательность в отношении разных условий среды, актуализируемых как ресурсы; для представителей всех групп – типичная межгрупповая избирательность (различия по 10–25 % переменным констатируются как статистически значимые);

- ◆ представители всех рассматриваемых социальных групп отличаются низкой восприимчивостью к условиям социальной среды; представители групп с меньшей восприимчивостью характеризуются большими деструкциями, деформациями и профессиональными заболеваниями во второй половине карьеры (специалисты сравнительно с руководителями, не состоящие в браке, не имеющие детей, не имеющие управленческого и брачного опыта);

- ◆ представители полярных групп по каждому из критериев социальной успешности (долж-

ностному продвижению, наличию управленческого опыта, самореализации в семье) чаще контрастно различаются по полноте и спектру актуализируемых ими ресурсов на протяжении профессиональной карьеры – от 20 до 65 лет. Профессионализм успешных субъектов сопряжен с актуализацией разных ресурсов в широком спектре с относительно невысокой значимостью отдельных видов ресурсов, с изменением их состава, силы влияния и валентности (знака) в первой и во второй половине карьеры;

- ◆ стержневыми интрасубъектными ресурсами успешных профессионалов выступает профессиональная компетентность (в 20–45 лет), которая в 45–50 лет сменяется профессиональной интуицией и саморегуляцией интеллектуальной деятельности, эмоционального и физического состояния; ресурсами профессионализма в 25–30 лет также выступают широта жизненных интересов; в 35–40 лет – обучаемость; профессионализма в 40 лет – интеллектуальная работоспособность;
- ◆ последовательное обращение человека к использованию новых ресурсов на протяжении карьеры происходит при ограничении роли и ослаблении «функциональных», характеризующих физиологические функции организма, и первоначально формирующихся

в деятельности «операционных» систем, которые на более поздних стадиях развития реструктурируются и дополняются метасистемами – саморегуляцией, интуицией, цельностью интересов как новых вариантов и способов интеграции ресурсов;

- ◆ среди «базовых» внесубъектных ресурсов успешных профессионалов в 20–25–30 лет выступают роль матери, детей, место рождения; в 30–45 лет в состав ресурсов входит должность; в 50–65 лет ведущими становятся факторы социальных отношений – родственных и дружеских.

Литература

1. Толочек В.А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.
2. Толочек В.А., Денисова В.Г., Журавлева Н.И. Динамика и условия профессиональной эволюции субъекта в социоэкономических профессиях // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 41–48.
3. Толочек В.А., Журавлева Н.И. Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 87–103.

© Журавлева Н.И., 2015

ПОТРЕБЛЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ¹

Патоша О.И., кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии департамента психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются результаты существующих исследований психологического благополучия в связи с различными феноменами потребления, в частности исследования взаимосвязи психологического благополучия и демонстративного потребления, а также материализма [вещизма].

Ключевые слова: общество потребления, демонстративное потребление, материализм, вещизм, счастье, психологическое благополучие.

Abstract. This text considers results of several studies of psychological well-being and different aspects of consumerism – conspicuous consumption and materialism.

Keywords: consumerism, conspicuous consumption, materialism, happiness, psychological well-being.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12–06–00231).

В современном мире потребление продолжает оставаться значимым аспектом жизнедеятельности человека, причем оно направлено не только на удовлетворение жизненно важных потребностей. В настоящее время потребление становится значимым социальным механизмом, который выступает регулятором различных социальных взаимодействий. Потребление служит средством конструирования собственной идентичности, категоризации других людей. В связи с увеличением значения потребления возрастает и само количество покупаемых товаров, а потребление становится жизненной философией.

Тем не менее у ученых появляется все больше противоречивых мнений относительно того, повышается ли вместе с потреблением уровень психологического благополучия, показатель счастья населения. Так, одни исследования показывают, что уровень потребления отрицательно связан с психологическим благополучием. Повышенный интерес к приобретению материальных объектов негативно отражается на уровне субъективного благополучия и показателе удовлетворенности жизнью, так как потребление не всегда приносит ожидаемый статус и удовлетворение. Избыточные покупки способны развивать у человека чувство вины. В дополнение к этому поглощенность покупками зачастую приводит к пренебрежению социальными аспектами, снижая, в свою очередь, психологическую адаптацию [1].

С другой стороны, есть блок исследований, результаты которых могут свидетельствовать о наличии положительной связи между материализмом и уровнем потребления. Так, было выявлено, что в краткосрочной перспективе материальные ценности могут выступать копинг-стратегией для детей в ситуации развода родителей, предоставляя с помощью покупки и использования предметов ощущение стабильности и постоянства [2]. Позитивная связь между уровнем субъективного благополучия была выявлена у людей с высоким уровнем образования, с уровнем дохода выше среднего, в системе ценностей которых преобладают достижение, гедонизм и безопасность [2].

Таким образом, становится очевидным, что взаимосвязь потребления и субъективного благополучия личности опосредована различными переменными.

Для выявления особенностей взаимосвязи психологического благополучия и потребления было проведено несколько исследований. Изучая демонстративное потребление молодежи (149 человек, средний возраст 19 лет) и субъективное благополучие, в качестве промежуточной

переменной рассматривались установки к демонстративному потреблению. Было выявлено два типа установок – позитивная (восприятие демонстративного потребления в качестве современной тенденции общества, желание покупать предметы роскоши) и негативная (отрицание демонстративного потребления как феномена, отражающего неоправданную дороговизну продуктов, а также отрицательную оценку других людей, покупающих и использующих дорогие бренды). В результате было обнаружено, что люди, склонные к демонстративному потреблению, а также обладающие позитивной установкой, показывают более высокие результаты по субъективному благополучию.

В другом исследовании рассматривалась взаимосвязь субъективного благополучия с выраженностью у потребителей материальных ценностей (выборку составили 122 человека в возрасте 18 до 35 лет). В результате была получена отрицательная взаимосвязь, при этом ведущее значение имеет фактор «счастье», который свидетельствует о вере человека в то, что приобретение имущества приведет к удовлетворению, счастью в жизни. По сути, результаты демонстрируют основное противоречие общества потребления – покупатель стремится к увеличению уровня субъективного благополучия за счет наращивания объемов потребления, а в реальности благополучие снижается.

Тем не менее были выявлены медиаторные переменные, которые снижают данный отрицательный эффект. К ним относятся уровень дохода, удаленность региона проживания от столицы, а также самооценка.

Таким образом, действительно потребление и субъективное благополучие связаны между собой. Если рассматривать эту связь напрямую, то скорее она носит отрицательный характер. Тем не менее существуют как объективные (социально-демографические), так и психологические факторы, которые либо делают эту связь положительной, либо снижают этот отрицательный эффект.

Литература

1. Kasser T., Ahuvia A. Materialistic values and wellbeing in business students // *European Journal of Social Psychology*. 2002. No 32. P. 137–146.
2. Rindfleisch A., Burroughs J. Terrifying thoughts, terrible materialism? Contemplations on a terror management account of materialism and consumer behavior // *Journal of Consumer Psychology*. 2004. Vol. 14, No. 3. P. 219–224.

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Молокостова А.М., кандидат психологических наук, старший преподаватель
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи стратегии поведения в процессе принятия решения в группе и восприятия социальных рисков. Полученные результаты свидетельствуют о наличии значимых различий в восприятии статусного риска теми, кто уступает и избегает участия в обсуждении решения.

Ключевые слова: процесс принятия решения, малые группы, социальные риски.

Abstract. The results of empirical studies on the relationship strategy of behavior in the process of enterprise solutions in the group and the perception of social risks. The results indicate the presence of significant differences in the perception of the status of risk by those inferior and avoids solutions participate in the discussion.

Keywords: decision-making process, small groups, social risks.

Проектный метод обучения связан не только с исследовательской деятельностью и умениями находить решение, но и выстраивать процессы принятия решения в малой группе. В организационной психологии выделены закономерности принятия решения, этапы и критерии. Одно из основных условий, направляющих этот процесс, – это наличие лидера как участника, наиболее активно отстаивающего решение. Его стратегия и стиль взаимодействия могут определять результат решения, который может быть неправильным.

В отечественной социальной психологии малые группы стали предметом исследований достаточно давно. Г.М. Андреева отмечает, что группа в социальной психологии, в отличие от демографии, понимается, как правило, не условно, когда люди сгруппированы по какому-либо значимому для страны, нации или популяции признаку, а как реально существующее образование. В эксперименте группа выступает как субъект деятельности, обладающий групповыми целями, интересами, потребностями, нормами, ценностями и общим мнением. Результат совместной деятельности может зависеть от композиции группы, которая определяется численностью, возрастным и половым составом, национальностью и другими особенностями членов группы.

Общегрупповое решение имеет не только личные последствия для достижения индивидуальной цели каждого, но и любой участник оказывает воздействие на эффективность процесса создания продукта как материального, так и нематериального. К формальным признакам группы также относят структуру предпочтений, власти и коммуникаций. С другой стороны, тип задачи становится переменной, а сама задача может быть квалифицирована как источник и объект процесса принятия решения. Одна из наиболее простых классифика-

ций групповых задач разработана Д. Хакменом и Ч. Моррисом [Кричевский, Дубовская, 2001]. Она включает следующие типы групповых задач:

- ◆ продуктивные, когда решение должно привести к получению оригинальных и творческих продуктов, например к генерированию новых идей, образа продукта;
- ◆ дискуссионные, которые требуют от членов группы выражения мнения или позиции по конкретному вопросу и выработки согласованного решения;
- ◆ проблемные, которые требуют понимания специфики процесса, развертываемого с целью решения некоторой актуальной проблемы.

В работе В.А. Штроо представлено описание различных патологических типов организационных коммуникаций. Идея представляется нам интересной для понимания того, какие ограничения создает группа студентов. Личность, воспринимая гласные и негласные правила коммуникаций, оценивает собственные риски. В этой связи мы изучаем социальные риски, типология которых предложена нами. Под социальным риском мы понимаем угрозу личности, связанную с коммуникацией и взаимодействием с другими людьми и группами.

Таким образом, решение определенного типа задач, как и размер, структура и тип коммуникации в группе, связаны с эффективностью процесса, субъективными состояниями и с результатом решения. Создание реальных ситуаций обсуждения в экспериментальных группах позволяет установить закономерности взаимодействия членов в группе, в том числе тип коммуникации и лидерства.

Материал и методики исследования. В задуманном нами эксперименте участвовало 14 групп, каждая состояла из 5 человек. Задание «Этапы управленческого решения» было выбрано

Таблица 1

Данные, полученные в ходе эксперимента

Соотношение результата с групповым	Удовлетворен	Неудовлетворен	Мнение учтено	Мнение не учтено
Индивидуальный результат выше N = 26	5	21	4	25
Групповой результат выше N = 42	34	8	13	26
Сотрудничество	9	3	2	7
Борьба	4	14	8	24
Компромисс	24	5	6	12
Избегание	2	7	1	8

нами в качестве стимульного материала задачи. Содержание так называемого управленческого решения видится нам универсальным и применимым в жизни каждого человека, сталкивающегося с выбором в затрудненных или неясных обстоятельствах. Предлагаемая задача может быть полезна для понимания особенностей работы и соотношения индивидуального и группового результатов при ее решении. Мы определяли данные об индивидуальной и групповой ошибке по сравнению с эталонным решением. Испытуемые были разделены на тех, чья индивидуальная ошибка была выше, чем групповая, т.е. эти испытуемые были отнесены к тем, кто эффективнее работает в группе. Другая часть испытуемых показала более точный индивидуальный результат, чем при групповом решении (табл. 1). Мы предложили ответить на два вопроса: Получили ли вы удовлетворение от результата? Было ли учтено ваше мнение при принятии решения?

Во время групповой работы мы проводили наблюдение, в котором фиксировали такие типы поведения, как сотрудничество, компромисс, борьба и уход (избегание).

Полученные результаты показывают, что часто те, кто принимает более правильное решение в одиночку, не имеет достаточной настойчивости

и уверенности в своем решении, при этом он доверяет или вынужден уступить более активным членам группы. Те, кто настойчиво убеждает других в своей правоте и фактически принимает решение, чаще всего имеет менее правильный индивидуальный результат.

Мы предположили, что представители этих двух групп по-разному оценивают социальные риски. Социальные риски, типология которых предложена нами, оцениваются по степени вероятности в будущей профессии. Сравнение воспринимаемых социальных рисков показало, что статусный риск как воспринимаемая гроза авторитету и положению в глазах окружающих значимо отличает тех, кто показывает высокий индивидуальный результат, но не добивается его поддержки группой. Достоверных различий в оценках других видов социального риска не обнаружено.

Также мы сделали попытку описать особенности коммуникаций тех, кто показывает лучший индивидуальный результат, не принимая активного участия в работе группы. Эти члены группы, в отличие от тех, кто отстаивает свое решение, уступают в обсуждении после первого же возражения одноклассников или вовсе избегают участия в обсуждении.

© Молокостова А.М., 2015

ПРИНЯТИЕ ФИНАНСОВЫХ РЕШЕНИЙ ПАРТНЕРАМИ ПО БИЗНЕСУ В УСЛОВИЯХ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ¹

Мужичкова Ю.Е., кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Рассматривается модель принятия решений и влияние установки на доверие/недоверие в процессе принятия финансовых решений партнерами по бизнесу. Отмечается особое

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации 2015 г.

влияние объектного фактора (межличностных и межгрупповых взаимодействий) на процесс принятия решений в ситуации доверия и недоверия.

Ключевые слова: доверие, недоверие, принятие финансовых решений, партнеры по бизнесу.

Abstract. The model of decision making and the impact to installations on the trust/mistrusting business partners financial decisions was discussed. Special influence of object factor (interpersonal and intergroup interactions) on decision-making in a situation of trust and mistrust was noted.

Keywords: trust, mistrust, financial decision making, business partners.

Вопрос оценки уровня доверия и надежности партнеров поднимается во многих исследованиях. Дж. Барни и М. Хэнсен понимают доверие как взаимную уверенность в том, что партнеры не будут использовать «слабые» стороны друг друга при взаимодействии [2]. Р. Майер, Дж. Дэвис и Ф. Скурман определяют доверие как готовность одного партнера быть уязвимым к действиям другого, основанная на ожидании, что другой партнер будет действовать определенным образом независимо от способности наблюдать или контролировать действия другого партнера [3]. Для понимания решения как акта выбора, по мнению Т.В. Корниловой, оказываются наиболее важными три аспекта: учет когнитивных и личностных характеристик в подготовке и осуществлении выбора; необходимость предположения о приложении субъектом интеллектуально-личностных усилий, отражаемых новообразованиями; иерархизации «здесь и сейчас» тех парциальных систем психологической регуляции, в которых представлено динамическое структурирование всех опосредующих выбор процессов – как когнитивных, так и личностных [4].

На основе теоретического сравнительного анализа научной и научно-прикладной литературы мы разработали собственную модель принятия групповых решений в условиях доверия или недоверия партнерам по бизнесу. Были выделены три основных фактора – субъектные, объектные и внешние, – которые, в свою очередь, образуются сочетанием определенных компонентов. Так, субъектный фактор отражает характеристики субъекта взаимодействия (его индивидуальные особенности) и включает в себя когнитивный, когнитивный, эмоциональный и личностный компоненты. Объектный фактор представлен межличностным и групповым компонентами. Внешний фактор содержит ситуативный и средовой компоненты. В ходе констатирующего эксперимента нами была предпринята попытка выявить особенности группового и межгруппового взаимодействия, связанные с наличием или отсутствием установки команды на недоверие. Особое значение при этом уделялось объектному фактору, который представляет собой социальные процес-

сы, происходящие при объединении индивидов в группы.

Методы и методики исследования – деловая игра, моделирующая ситуацию доверия или недоверия партнерам по бизнесу, семантический дифференциал, незаконченные предложения, контент-анализ, статистический анализ. В качестве испытуемых выступили студенты и аспиранты Финансового университета, всего 139 человек в возрасте от 18 до 37 лет.

Деловая игра включала в себя три варианта проведения: отсутствие установки на недоверие для обеих команд (группы А и А1); установка на недоверие для одной из команд (группы В и В1); установка на недоверие для обеих команд (группы С и С1). Всем трем группам по итогам проведения переговоров было предложено оценить их процесс и результат. Опросник представляет собой методику «Незаконченные предложения». С помощью контент-анализа были получены соотношения смысловых единиц отдельно для каждой из групп.

Учитывая, что часть команд получила установку на недоверие, а часть нет, было изучено соотношение положительных и отрицательных ответов. Данный показатель был измерен при помощи коэффициента Яниса. Группа, в которой обе команды не получили установок на недоверие, склонна к положительным оценкам: коэффициент Яниса в группах А и А1 больше 0,5. В тоже время среди команд В и В1, отмечен высокий уровень отрицательных оценок у команды В и абсолютно нулевое соотношение у команды В1, которая получила установку на недоверие перед проведением переговоров. Тем не менее команды С и С1, которым сказали, что противоположная команда попытается ввести их в заблуждение, демонстрируют более высокий уровень коэффициента по сравнению с командами В и В1.

Таким образом, наличие или отсутствие установки на недоверие в группе влияет на восприятие ситуации принятия решения группой. При этом результат групповой работы оценивается выше в случае, когда обе стороны переговоров получили установку на недоверие, по сравнению с наличием установки на недоверие только у одной из сторон переговоров.

Литература

1. Корнилова Т.В. Риск и принятие решений: психология неопределенности: монография [Электронный ресурс] URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144693004.pdf> (дата обращения: 19.10.2015).

2. Barney J.B., Hansen M.H. Trustworthiness as a source of competitive advantage. // *Strategic Management Journal*. 1994. Vol. 15.

3. Schoorman F.D., Mayer R.C., Davis J.H. An integrative model of organizational trust // *Academy of management review*. 1995. Vol. 20. № 3.

© Мужичкова Ю.Е., 2015

ПРИРОДОСООБРАЗНОСТЬ И ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФОРМЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР

Карнышев А.Д., доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией Иркутский государственный университет

Аннотация. Традиционные виды деятельности предполагают особые варианты организационных структур, близкие как к внешним природным условиям, так и внутренней природе человека и этноса.

Ключевые слова: индивидуальные ресурсы труда, субъектная вариативность организаций.

Abstract. Traditional activities require specific versions of organizational structures, close to both the external natural environment, and to the inner nature of man and the ethnic group.

Keywords: individual resources of labour, subjective variability organizations.

Самым сложным в означенной в заголовке проблеме является анализ связи биологической и социальной природы организационных структур. Влияние общества, его культурных конструкций в данном вопросе чаще всего противопоставлялись природе. Но если «отмотать время назад», то первоначально они были иными, более природосообразными. Французский антрополог Ф. Дескола приводит известную в ученом мире метафору о механизме взаимодействия социума и внешнего мира через практическую деятельность первобытных людей: «Для охотников-собирателей не существует мира общества и мира природы, потому что первый проецируется на второй как организационный принцип; существует один-единственный мир, в котором человек является «организмом-личностью», поддерживающим отношения со всем существующим». Аналогии человеческих сообществ с организациями жизни пчел, муравьев, термитов, некоторых стай птиц и стад животных уводят первоначально социумов еще глубже в природу. Поскольку в природных сообществах наблюдается минимум конфликтов и коллизий, такое их свойство может служить определенным образцом для людей. В Средние века организация естественных сообществ

ставилась в пример человеку и в социальном, и в экономическом плане. Шекспир в «Генрихе V» рисует картину:

Так трудятся пчелы,
Создания, что людную страну
Порядку мудрому природы учат.
У них король и разные чины:
Одни, как власти, управляют ульем,
Ведут торговлю, вне его, другие...

Конечно, отношения в человеческих сообществах, даже примитивных, гораздо сложнее, чем в соответствующих образованиях животных и насекомых. Однако нельзя не согласиться с мыслью, что на «примитивных» сообществах насекомых, птиц, животных природа «прорепетировала» определенные «высшие» социальные отношения людей. Именно поэтому в последних можно уверенно сочетать природосообразность с индивидуальными особенностями исполнителей. Так, необходимость норм и привычек, понимаемых как обязанности индивида (особи) перед «окружающими», объединяет любые современные социальные структуры. Если раньше необходимость выполнения «рекомендуемых» природой правил была настолько высокой, что человек превращался в инструмент природы, используемый в целях

благополучного существования сообщества, то сегодня действуют иные принципы.

В свое время мы ввели понятие «субъектная вариативность организационных структур». Содержательная сущность данного понятия заключается в том, что при разработке производственных и иных социальных структур нужно ориентироваться на внутренние ресурсы людей, которым предстоит включиться в данные структуры. С первого взгляда такая задача выглядит утопической, поскольку производственные структуры создаются для дела, в деле важны прежде всего компетенции, а они часто не сходятся со способностями и дарованиями исполнителей. Предприниматели очень редко ориентируются на потенциалы людей.

Субъектная вариативность приемлема и оправдана в *традиционных видах деятельности*. Ведь они связаны, с одной стороны, с природными детерминантами разделения труда – с особенностями ландшафтов и климата, спецификой флоры и фауны, а, с другой – с индивидуальными и национальными характеристиками людей в сфере хозяйствования. Перечень тех из них, которые встречаются, к примеру в Восточной Сибири и Забайкалье, можно представить в следующем далеко не полном списке: традиционное скотоводство (коневодство, овцеводство, верблюдоводство и др.), а также переработка его продукции; оленеводство, переработка и реализа-

ция продукции оленеводства (включая сбор и заготовку сухих рогов, пантов, эндокринных желез, субпродуктов, оленьих шкур); изготовление национальной утвари, инвентаря, меховой одежды, обуви и их реализация; изготовление национальных сувениров и их реализация; сбор лекарственных трав и корней для лечения с помощью методов народной медицины.

Возрождение традиционного уклада жизни, быта, культуры коренных народов многих районов мира, в том числе Сибири и Дальнего Востока (особенно малых), считают вопросом жизни и смерти аборигенных этносов, поскольку в таких случаях индивиды чаще оказываются на «своих местах» с возможностями реализации внутренних ресурсов. Это весьма реальный и правильный подход. В условиях всевозможных санкций он должен распространиться на все без исключения сферы хозяйствования. Если вспомнить царское и отчасти советское время, то инфраструктура ряда регионов России, таких как азиатский Север, Сибирь, Приамурье, Камчатка и т.д., держалась в немалой степени на традиционных видах деятельности аборигенов и русских старожилов и позволяла всем им в том или ином виде сохранять свои этносы. Сейчас сферой, тесно связанной с природой и традиционными видами деятельности, становится экологический туризм.

© Карнышев А.Д., 2015

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЛИПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БРИГАД

Лилянталь И.Е., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования

Колесникова И.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Рассматриваются особенности организации продуктивного взаимодействия сотрудников междисциплинарных бригад, раскрываются возможности оптимизации работы полипрофессиональных бригад.

Ключевые слова: полипрофессиональная/междисциплинарная бригада, бригадная модель, проблемы взаимодействия, конфликты.

Abstract. The features of the organization of productive interaction of interdisciplinary teams of employees, expanded opportunities to optimize working multiprofessional teams.

Keywords: multiprofessional interdisciplinary brigade, brigadier model, the problem of interaction, conflict.

Введение в штат медицинских учреждений Российской Федерации ставок значительного числа специалистов разного профиля делает применение в повседневной практике бригадного стиля работы крайне актуальным, однако организация работы полипрофессиональных/междисциплинарных бригад с достижением продуктивного взаимодействия между входящими в нее специалистами крайне сложна.

Следует учитывать не только методолого-практическую необходимость организации такой работы, но и чисто организационные преимущества данной модели. Бригадный метод работы является необходимым и полезным, с одной стороны, поскольку обеспечивает более тесную координацию между различными дисциплинами, а также и потому, что делает более рациональным распределение труда внутри бригады как в области разработки терапевтических планов в отношении больных, так и для стимулирования работы членов бригады. Взаимная поддержка и стимулирующая со стороны коллег атмосфера в бригаде способствуют оптимальной реализации способностей и возможностей, повышению качества их труда. Вторых, при бригадном методе работы возникают серьезные проблемы взаимодействия между специалистами, так как в междисциплинарную бригаду нередко входят специалисты с разными способностями и занимающие различные места в управленческой иерархии; последние могут навязывать свои позиции и мнение другим сотрудникам бригады, что мешает эффективной работе и приводит к конфликтам. Однако конфликты связаны далеко не только с этим обстоятельством. Перечислим следующие источники подобных проблем:

- ◆ препятствием к гармоничной работе бригад нередко становятся вопросы лидерства и подотчетности, причем, чем больше сотрудников в бригаде, тем нередко больше бывает внутренней борьбы;
- ◆ трудности возникают также в связи с потерей индивидуальности и утратой своих ролей сотрудниками бригады, а также исчезновением профессиональных границ между ними;
- ◆ нередко приемы работы бригады могут отдалять ее от пациентов и медицинского учреждения. Решения, которые принимает бригада, иногда являются выхолощенными и оторванными от нужд больных. В то же время несоизмеренно много времени тратится на то, чтобы поддерживать связи внутри бригады в процессе ее работы.

Предполагаем, что члены бригады должны придерживаться таких форм поведения, чтобы расходящиеся взгляды не вели к конфликтам и разделению ответственности. В литературе отсутствуют научно обоснованные представления об оптимальной структуре бригады и модели ее работы. При наличии целого ряда выявленных недостатков бригадная модель обладает многими преимуществами как для больных, так и для персонала: непрерывность помощи – в медицинском учреждении и за его пределами, более легкий доступ к службам для пациентов, потенциальное предотвращение помещения в больницу, более интегральное предоставление видов помощи, более широкий спектр помощи в бригаде, чем пациенты получали в больнице, профессиональный взаимообмен и поддержка, лучшая связь между различными специалистами, уменьшение профессиональных ограничений, усиление связей между членами бригады разного профиля и др.

Автономия членов бригады предполагает определенные формы взаимодействия. В частности, в практику всех учреждений, где функционируют полипрофессиональные бригады, должны быть введены регулярные групповые обсуждения лечебно-реабилитационных планов и их последующего выполнения в отношении каждого находящегося под наблюдением пациента. Такие обсуждения предполагают лояльность, корректность и внимательное отношение всех участников к мнению каждого члена бригады. Естественно, в центре обсуждений должен быть поиск наиболее эффективного пути достижения целей лечения и реабилитации пациента; именно с этих позиций должны коллективно оцениваться предлагаемые методы и действия каждого специалиста. Понятно, что достижение эффективной работы бригады предполагает превращение ее в группу единомышленников в том смысле, что разные подходы при водят к достижению согласованного решения, основанного на понимании всеми членами бригады возможностей каждого специалиста и логики его подхода.

Частота и длительность подобных коллективных совещаний бригад должны быть установлены эмпирически и могут варьироваться в зависимости от условий работы, количества наблюдаемых больных и числа пациентов, которых во время такого совещания следует обсудить, а также прочих факторов [1]. Вместе с тем коллективные совещания бригад в каждом учреждении должны быть узаконены администрацией

и официально введены в существующее расписание работы. Во-первых, именно они приводят к продуманной сообща тактике, во-вторых, обеспечивают взаимную информацию каждого члена бригады обо всех проводимых в отношении пациента мероприятиях, в-третьих, взаимодействие специалистов различного профиля может основываться, в частности, на многоуровневой диагностике имеющихся расстройств,

в-четвертых, дают более полную картину динамики состояния больного, в том числе его социального восстановления, отношений с социальной средой.

Литература

1. URL:<http://medznate.ru/docs/index-50168.html?page=5> (дата обращения:).

© Лилянталь И.Е., Колесникова И.А., 2015

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Кострикина И.С., кандидат психологических наук, директор по персоналу ООО «Прейскурант»

Аннотация. Рассматривается проблематика соответствия индивидуальности организации, корпоративное обучение обозначается как система синергизации индивидуальных ресурсов работников. Приведены результаты анализа психометрических данных измерения интеллекта, формально-динамических свойств индивидуальности и мотивации сотрудников.

Ключевые слова: интеллект, индивидуальность, обучаемость, соответствие уровневых и качественных характеристик индивида и организации, обучение.

Abstract. Accordance individuality to structure and level organization is considered. Corporate learning and educating are defined as a system synergy of individual resource. Results of analysis of psychometric data of intelligent, individual feature, motivation are represented.

Keywords: intelligent, individual, learning ability, accordance to organization.

Развитие организации и развитие индивидуальности в организационной системе – нелинейно связанные процессы и не во всех случаях взаимодетерминируемые. Феноменологию различных типов соотношений индивидуальности с жизненным циклом организации детально описал И. Адизес. Определены возможные позитивные для организационного развития типы соотношения жизненного периода организации и соответствующие структуры индивидуальности, обозначены деструктивные соотношения [1]. С одной стороны, развитие индивидуальности в организации, приход «правильных» людей обеспечивают ей качественные изменения, позитивную динамику [3; 5]. С другой стороны, вхождение в определенную организацию, в профессиональное сообщество, требует индивидуального соответствия когнитивного и психофизиологического, личностного и социального. Профессиональная пригодность как способность выдерживать нагрузку физиологическую, когнитивную, коммуникативную рассматривается в работах В. Бодрова и др. [2] Организации на разных этапах развития предъявляют различные требования к нагрузке. Эффекты нижнего порога вхождения в профес-

сию и раскрытие индивидуального интеллектуального диапазона вне связи с особенностями организации предопределяют индивидуальную когнитивную эффективность [4].

Организации обладают и специфическим операциональным интеллектом, что имеет свои особенности обеспечения эффективности деятельности. Интеллект организации соответствует социальному пространству и сложности деятельности. При этом вопрос порога интеллектуального вхождения в профессию и организацию приобретает еще большую остроту.

Организация имеет свою когнитивную индивидуальность, свой индивидуальный стиль; это не сумма индивидуальностей работников, а скорее синергия индивидуальных ресурсов. Работник любого уровня (персонал, менеджмент, топ-менеджер) строит свою индивидуальную траекторию развития, которая на какой-то период совпадает с жизненным циклом и особенностями организации.

Обучение – это комплексный процесс, вовлекающий в развитие всей организации обучающихся сотрудников (менеджер-наставник, собственник, специалист по внутреннему обучению, внешний

бизнес-тренер) и обучающихся (новичков и продвигающихся специалистов). Обучение регулирует формирование организационных структур и их динамику. Адекватная содержанию и этапу развития организации система обучения способна придать рост на преодолении трудностей как внутренних, так и внешних.

Если рассматривать организационное развитие в контексте когнитивной индивидуальности или способностей, то ведущими параметрами являются адаптивность и обучаемость сотрудников, в том числе имплицитная [6].

Проведенные измерения и интервью на небольших выборках от 10 до 18 человек, состоящих из молодых предпринимателей, менеджеров по продажам (включая руководителей отделов), государственных служащих, педагогов общего школьного образования, позволили выявить общие особенности, обусловленные возрастом и периодом профессионализации, а также ряд деталей, связанных с особенностями профессиональной сферы. Особенности предпринимателей и менеджеров сопоставлены с особенностями бизнес-процессов, оргструктур и системы взаимодействия в компаниях.

В качестве основных проблем дисбаланса индивидуальности и организации определены

следующие: отсутствие востребованности потенциала работника и необходимых мер по экспликации его ресурсов; способность руководителя и организационной системы к работе с экспертами и специалистами высокого уровня операционного интеллекта; соответствие когнитивной и формально-динамической индивидуальности ключевых сотрудников жизненному циклу организации.

Литература

1. Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. СПб.: Питер, 2007.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учеб. пособие для вузов. М.: ПЕРСЭ, 2001.
3. Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М.: Академия, 1996.
4. Вэйдер М. Инструменты бережливого производства / под. ред. Э. Башкардина. Екатеринбург: Оргпром, 2014.
5. Кови С.Р. 7 навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности. 10-е изд., доп. М.: Альпина Паблишер, 2014.
6. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Издательство, 2000.

© Кострикина И.С., 2015

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К ДОЛЖНОСТНЫМ ПЕРЕМЕНАМ

Лефтеров В.А., доктор психологических наук, профессор заведующий кафедрой клинической психологии

Одесский национальный медицинский университет им. И.И. Мечникова

Панченко О.А., доктор медицинских наук, профессор кафедры медицинской информатики
Национальная медицинская академия последипломного образования им. П.Л. Шупика

Аннотация. Рассматриваются психологические аспекты жизненных перемен, изменений в профессиональной карьере человека. Анализируются особенности влияния на личность должностных переходов на равнозначную, нижестоящую и вышестоящую должность, а также пути и способы повышения личностной адаптации за счет психологического тренинга.

Ключевые слова: адаптация, личность, должностные перемены, тренинг.

Abstract. The article deals with the psychological aspects of life changes, changes in the professional career of the person and change in the position. The features of influence on the person of his appointment as an equal, a lower and a higher position, ways of increasing personal adaptation by psychological training.

Keywords: adaptation, personality, change in the position, training.

Жизнь современного человека динамична как никогда и потому полна перемен. Перемены как положительной направленности, так и негативные, происходят в течение всей жиз-

ни. Окончание школы, вуза, свадьба, рождение ребенка, болезни, потеря близких, смена должности, работы или места жительства. Независимо от сферы или варианта перемен они почти всегда связаны с проявлением стресса. Психологическая формула оптимальности перемен заключается в соотношении стресса и полученного результата с ресурсными затратами и риском. Причем переменные зависят от знака и уровня стресса: если он будет отрицательным, то и переменная будет иметь отрицательное влияние на психику человека.

Среди многообразия жизненных перемен выделяются переменные в профессиональной карьере, в особенности должностные переходы. Должностные изменения являются сложным процессом перемещения с одной должности на другую, что сопровождается изменением функциональных обязанностей, социального статуса, а также определенных временных и пространственных характеристик быта и в целом жизни человека. Специалисты акцентируют внимание на индивидуально-личностных сложностях данного процесса, обусловленных наличием различных механизмов «неперехода» – сдерживания перехода на другую должность, а также длительностью и сложностью адаптации.

Среди психологических механизмов должностных изменений выделяются: восприятие и осознание перемен, ломка стереотипов, иногда болезненная; эмоциональное реагирование на переменные, проявление защитных механизмов и психологических барьеров, саморегуляция стрессовых состояний; анализ ресурсов, возможных рисков и выгод, прогноз возможного развития событий; принятие решений и вариантов их реализации, составление планов и их корректировка. Психика людей, для которых должностной переход является серьезным испытанием, со временем перестает быть гибкой и готовой к любым жизненным неожиданностям.

Должностное перемещение персонала внутри организации на равнозначные должности называется ротацией кадров. В ходе ротации происходит поочередное пребывание сотрудников в той или иной должности для освоения смежных профессий, новых функций, смены профессиональных обязанностей. Этот вид должностного перехода менее сложен психологически. Ротация кадров используется как один из факторов трудовой мотивации, способствует накоплению разносторонних знаний и расширению практического опыта, может служить отличной профилактикой профессионального

выгорания, помогает сплотить трудовой коллектив, а также подготовить универсальных специалистов.

Понижение в должности – это перемещение работника в пределах компании, организации, подразделения на более низкую и менее важную должность. Обычно понижение в должности сопровождается снижением уровня оплаты труда. Понижение в должности практически всегда психологически негативно сказывается на работнике, за исключением случаев, когда это делается по его собственной просьбе. Внутреннее ощущение того, что человек достоин большего, и психологическая неудовлетворенность своей жизнью могут даже привести к депрессии.

Продвижение в карьере – это перемещение работника в пределах организации, подразделения с одной работы на другую, более важную и ответственную и, как правило, с более высокой оплатой. Зачастую новая работа имеет более высокий статус и сопровождается получением дополнительных льгот и привилегий. Бывают случаи, когда достойный кандидат получил повышение, однако оказался психологически не готов адаптироваться в новой должности. К тому же установлено, что чем выше должность, тем выше уровень эмоционального выгорания, который может привести к глубокому эмоциональному спаду, обострению хронических заболеваний или появлению новых расстройств. Именно поэтому часто процесс адаптации к вышестоящей должности требует от человека колоссальных психологических усилий.

В целом адаптации к жизненным переменам, в том числе к переменам в карьере, способствуют навыки личностной адаптивности, состоящие в объективном анализе и адекватном восприятии окружающей среды, искусстве остаться целостной личностью и избежать деструктивности под влиянием перемен. Для развития личностной адаптивности нами разработан тренинг «Психология жизненных перемен. Адаптация к переменам в карьере». Апробация тренинга показала, что у специалистов, деятельность которых предусматривает многовариантные должностные перемещения, в результате участия в тренинге развиваются умения и навыки адаптации к различным должностным переходам. Они легче входят в новый коллектив, начинают лучше ориентироваться, сохраняя работоспособность и высокую эмоциональную устойчивость в новой профессиональной ситуации.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Федотова Ж.Э.

Хачатурова М.Р., кандидат психологических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлены результаты проверки гипотез о влиянии аффективного и ситуативного факторов на выбор стратегий взаимодействия в условиях неопределенности. Описан эксперимент, в котором моделировалась ситуация принятия решений на основе задачи «дилемма заключенных». В пилотажном исследовании приняли участие 96 человек: 48 испытуемых – руководители подразделений, 48 – менеджеры среднего уровня.

Ключевые слова: принятие решений, стратегии взаимодействия, сотрудничество, конфронтация, аффективный фактор, «дефицит времени», «дилемма заключенных».

Abstract. We present the results of testing the hypothesis about the influence of affective and situational factors on choose interaction strategies. We describe a piloting experiment in which was modeled «Prisoners' Dilemma» game theory. The study involved 96 subjects, 48 – heads of departments, and the remaining 48 – mid-level managers.

Keywords: decision-making. Interaction strategies, cooperation, confrontation, affective factor, «time pressure», «Prisoner's' Dilemma».

В организационной психологии существуют противоположные взгляды на принятие решений о выборе стратегий взаимодействия. Как отмечает Л. Росс, выбор стратегии сотрудничества является оптимальным при межличностном взаимодействии [4]. Его позицию поддерживали Л. Дугаткин и Д. Боучер, которые рассматривали сотрудничество как неотъемлемую часть межличностного взаимодействия для достижения оптимальных результатов в процессе принятия решения по какому-либо вопросу [2]. Однако в противовес их мнению ряд исследователей рассматривают стратегию конфронтации как самую эффективную для достижения оптимальных результатов межличностного взаимодействия [5].

Изучением влияния аффективного фактора на принятие решений активно занимался Дж. Форгас. По его мнению, эмоциональный настрой человека оказывает влияние на выбор стратегии взаимодействия. Если человек испытывает положительные эмоции, увеличивается вероятность того, что он выберет стратегию сотрудничества [1]. Исследования проводились в обратном направлении, и результаты показали, что при отрицательных эмоциях выбор стратеги конфронтации становится наиболее актуальным [1]. Еще одним фактором, оказывающим влияние на принятие организационных решений, является ситуативный. В условиях неопределенности и при дефиците времени наблюдаются различные

паттерны поведения при межличностном взаимодействии. Во многих случаях эти два фактора являются определяющими для организации взаимодействия двух сторон и принятия каких-либо решений. Ряд исследователей, например Д. Янг и Д. Халл, утверждали, что при дефиците времени увеличивается вероятность выбора стратегии конфронтации. Кроме того, «в процессе принятия решения при ограниченном времени не следует ожидать успешного результата» [6]. Дж. Пэйн, Дж. Бэтмен и Е. Джонсон обнаружили, что «при индивидуальном принятии решения ограниченное времени оказывает разрушающее и негативное воздействие на качество решения» [3, с. 534].

Таким образом, *проблемой* нашего исследования является изучение процесса принятия решения о выборе наиболее оптимальной стратегии взаимодействия в условиях неопределенности. В нашем исследовании условия неопределенности были смоделированы на основе задачи «дилемма заключенных» из теории игр.

В соответствии с проблемой основной *целью* исследования является изучение факторов принятия организационных решений о выборе стратегий взаимодействия в условиях неопределенности.

В исследовании проверялись следующие *гипотезы*:

- ◆ существуют аффективные факторы, влияющие на принятие организационных решений о выборе стратегии взаимодействия:

- ◆ положительные эмоции увеличивают вероятность выбора стратегии сотрудничества у менеджеров среднего уровня;
- ◆ положительные эмоции не изменяют выбор стратегии сотрудничества у менеджеров топ-уровня;
- ◆ при дефиците времени увеличивается вероятность выбора стратегии конфронтации у менеджеров как среднего, так и топ-уровня.

В исследовании участвовало 96 человек, 48 из которых являются топ-менеджерами или руководителями, имеющими в подчинении людей, а 48 остальных – менеджеры среднего уровня. В эксперименте участвовали одна контрольная (24 испытуемых) и три экспериментальные группы (по 24 испытуемых в каждой группе).

В исследовании проводился эксперимент, на основе моделирования процесса принятия решения с использованием модифицированной задачи «дилемма заключенных» из теории игр. При воздействии аффективного фактора была использована методика «Эмос-18» Д.В. Люсина для определения эмоционального состояния испытуемого до воздействия фактора и после. Важно отметить, что в настоящей работе представлен пилотажный эксперимент.

По полученным результатам можно сказать, что выбор стратегии сотрудничества в контрольной и экспериментальной группах среди топ-менеджеров не изменился в отличие от выбора стратегий среди менеджеров среднего звена. Поэтому подтверждается гипотеза о влиянии положительного аффективного фактора на выбор стратегии взаимодействия у менеджеров среднего звена. Кроме того, получены результаты при влиянии противоположного эмоционального состояния, а именно, отрицательные эмоции влияют на

выбор стратегий менеджеров среднего звена, но не оказывают влияния на выбор стратегий среди топ-менеджеров.

При дефиците времени в экспериментальной группе увеличился выбор стратегии конфронтации как у топ-менеджеров, так и менеджеров среднего звена, что подтверждает гипотезу о влиянии дефицита времени на выбор стратегии конфронтации обеих групп.

Литература

1. *Forgas J.P., Cromer M.* On being sad and evasive: affective influences on verbal communication strategies in conflict situations // *J. Exp. Soc. Psychol.* 2004. No 40 (4). P. 511–518.
2. *Busemeyer J.R.* Decision making under uncertainty: a comparison of simple scalability, fixed-sample, and sequential-sampling models // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition.* 1985. No 11. P. 538–564.
3. *Payne J.W., Bettman J.R., Johnson E.J.* Adaptive strategy selection in decision making // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition.* 1988. No 14. P. 534–552.
4. *Ross L.* Situations perspectives on the obedience experiments // Review of A.G. Miller's *The obedience experiments.* *Contemporary Psychology.* 1988. No 33.
5. *Thompson L.L., Wang J., Gunia B.C.* Negotiation. Northwestern University, Evanston, Illinois: Psychol, 2010.
6. *Young D.L., Goodieb A.S., Hallb D.B.* Decision making under time pressure, modeled in a prospect theory framework // *Journal of organizational behavior and human decision process.* 2012. No 118. P. 180–188.

© Федотова Ж.Э., Хачатурова М.Р., 2015

РАЗЛИЧИЯ ВОСПРИЯТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ БРЕНДОВ РОССИЙСКИМИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ¹

Морозова В.Д., бакалавр психологии, студент магистратуры, член НУГ «Психология потребительского поведения»

Антонова Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии, руководитель НУГ «Психология потребительского поведения»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (15–05–0052) в рамках Программы «Научный фонд» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2015 г. с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Аннотация. Исследование посвящено изучению образа бренда потребителем. Для сравнения образов отечественного и зарубежных брендов были использованы две качественные методики: метод ассоциаций и метод персонификации. Работа выполнена в рамках междисциплинарного подхода с использованием психологической теории идентичности личности и психологических аспектов восприятия бренда потребителем. В основе теоретической модели лежит механизм персонификации бренда. Результаты показали, что образ зарубежного бренда более дифференцирован, более маскулинен и положителен. Наибольшие различия выявлены в категориях: «качество», «спорт», «мода», «удобство», «цена», «национальность».

Ключевые слова: бренд, образ бренда, персонификация.

Abstract. Research is devoted to the study of the brand image of the customer. To compare images of domestic and foreign brands we used two qualitative methods: the method of association and the method of personalization. The theoretical basis of this investigation is the theory of personal identity and psychological aspects of the perception of the brand by the consumer. The theoretical model is based on the mechanism of personification of the brand. The results showed that the image of foreign brands is more differentiated, more masculine and positive. The greatest differences were found in the categories of Quality, Sport, Fashion, Comfort, Price, Nationality.

Keywords: brand, brand image, personification.

За последние два десятилетия возрос интерес к исследованию отношений между брендом и потребителем. Начиная с 1998 г., когда С. Фурнер написала статью с теоретическим и эмпирическим обоснованием в области отношений «бренд – потребитель» [5], исследователи начали изучать различные аспекты этих отношений [4].

Ученые, работающие в области отношений «бренд – потребитель», пришли к следующим основным выводам:

- ◆ потребитель идентифицирует себя с брендом, который выбирает [2];
- ◆ индивидуальность бренда обеспечивает ему приверженных потребителей. Чем ярче идентичность бренда, тем больше вероятность успешно конкурировать с сильными брендами;
- ◆ отношение к бренду связано с личностными особенностями потребителя;
- ◆ при взаимодействии бренда и личности происходит коммуникация, причем эта коммуникация носит двусторонний характер [4].

Лояльность, или приверженность потребителя конкретному бренду, является фактически обязательным условием долгосрочных отношений, которые так необходимо изучить для понимания места бренда в жизни личности. Необходимость изучения идентичности потребителя в рамках отношений «бренд – потребитель» объясняется глубинными процессами, которые влияют на жизнь и поведение потребителя [1].

Исходя из результатов психологических исследований [5], коммуникация между брендом и личностью включает ряд специфических механизмов, таких как персонификация, идентифика-

ция и др. Таким образом, у потребителя возникает некий образ бренда, который по своему содержанию очень схож с образом другого человека. На основании сформированного образа бренда потребитель принимает решение о покупке.

Цель исследования – проанализировать образ зарубежных и отечественных брендов и установить различия между ними.

Эмпирическое исследование проводилось с использованием двух основных *методик*:

- ◆ для выявления образа бренда была использована методика персонификации. Респондентам давалась инструкция: «Представьте, что этот бренд – человек. Опишите этого человека» [3];
- ◆ методика ассоциаций с брендом.

Обработка результатов проводилась с использованием *метода контент-анализа*.

Выборка состояла из 200 человек в возрасте от 18 до 25 лет с различным уровнем образования.

Результаты контент-анализа методики персонификации показали, что количество описаний отечественного бренда как человека значительно меньше и однообразнее, нежели описание зарубежных брендов. Отечественный бренд чаще воспринимается как женский, а зарубежный – как мужской. Это свидетельствует о субдоминантности образа отечественного бренда одежды. В то же время отечественный бренд – «свой», «доступный», «обычный», «такой же как все», «легкий в общении», что говорит о психологической близости и легкости идентификации. Зарубежный бренд – «ответственный», «уверенный», «надежный».

По методике ассоциаций было выделено 18 категорий. Наибольшая разница между зарубежны-

ми и отечественными брендами была обнаружена по следующим категориям: «качество», «спорт», «мода», «удобство», «цена», «национальность». В отношении отечественных брендов значительно больше негативных ассоциаций, чем в отношении зарубежных.

Выводы:

- ◆ образ отечественного бренда субдоминантный, более фемининный. Образ зарубежного бренда более маскулинный, доминантный, включает характеристики, которые позволяют доминировать;
- ◆ образ отечественного бренда включает большее количество негативных ассоциаций и оценок, в первую очередь связанных с качеством;
- ◆ респонденты затруднялись при описании отечественных брендов, поскольку не могли вспомнить, какие бренды российские. Это свидетельствует о низкой представленности российских брендов одежды, часто российские бренды «маскируются» под иностранные, ис-

пользуя англоязычные названия и вводя таким образом потребителя в заблуждение.

Литература

1. Антонова Н.В. Идентичность личности в контексте новой коммуникативной реальности // Ученые записки ИМЭИ, 2013. Т. 3. № 1. С. 35–45.
2. Бровкина Ю. Социальная психология бренд-коммуникации: дисс. ... д-ра психол. наук, 2009, С. 466.
3. Aaker J. Dimensions of Brand Personality. // Journal of Marketing Research. 1997. № 34. P. 347.
4. Fetcshein M., Heinrich D. Consumer brand relationships research: A bibliometric citation meta-analysis. // Journal of Brand Management. 2014. № 21. P. 366–371.
5. Fournier S. Consumers and Their Brands: Developing Relationship Theory in Consumer Research // Journal of Consumer Research. 1998. № 24. P. 343–73.

© Морозова В.Д., Антонова Н.В., 2015

РУКОВОДИТЕЛЬ И КОМАНДА: МИФЫ, ДАЛЕКИЕ ОТ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Клюева Н.В., доктор психологических наук, профессор кафедры консультационной психологии Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Аннотация. Рассматриваются мифы, существующие у руководителей, относительно роли команды в деятельности бизнес-организации. Показано, что Россия относится к лидерскому типу общества и имеет определенные традиции и особенности управления и руководства, которые определяют более значимую роль руководителя в сравнении с вкладом команды в достижение результатов бизнеса.

Ключевые слова: мифы, команда, личность руководителя, ближнее окружение.

Abstract. We consider the myths that exist among leaders about the role of the team in the business activities of the organization. It is shown that the Russian leadership refers to the type of society and has certain traditions and peculiarities of management and leadership, which determine a greater leadership role in comparison with the contribution of the team in achieving business results.

Keywords: myths, the team, the personality of the head, inner circle.

В последние годы существенно вырос запрос на проведение тренингов командообразования [3]. По нашим данным, в 2015 г. более десяти руководителей бизнес-организаций (Ярославская область) обратились в Центр корпоративного обучения и консультирования ЯрГУ им. П.Г. Демидова для реализации командообразующих мероприятий для своих сотрудников. Приведем примеры задач, которые руководители ставили перед бизнес-тренерами: необходимо сформировать корпоративный дух, гордость, лояльность,

преданность и сплоченность в коллективе; существуют конфликты внутри или между подразделениями, жалобы друг на друга; в организации каждый за себя, сотрудники не понимают своего вклада в общий результат; необходимо стимулировать самостоятельные решения, повысить ответственность; научить работать самостоятельно, думать конструктивно и предлагать новые идеи; надо вывезти сотрудников на природу, отдохнуть, снять напряжение, расслабиться, поселиться.

Заказчики при этом сами предлагают в качестве метода решения поставленных задач тренинг командообразования. Проблематизация запроса и организационная диагностика практически всегда выявляет расхождение между первичным запросом и реальной проблемой, которая лежит в основе трудностей руководителя в работе с персоналом. Наши исследования показывают, что у руководителей, которые обращаются с такими запросами, чаще всего не выстроены организационные связи между сотрудниками и подразделениями; на втором месте стоит управленческая некомпетентность самого руководителя; на третьем – неэффективная система подбора и отбора персонала.

Несмотря на то, что проблематика команды руководителя и ее формирования сегодня в России достаточно хорошо разработана, следует обратить внимание на некоторые мифы, которые существуют и у руководителей, и у бизнес-тренеров и консультантов по поводу роли команды в управлении и функционировании организации.

МИФ 1. Для того чтобы сформировать команду, надо ввести стандарты, регламенты, описать процедуры. Многие руководители самостоятельно или с помощью консультантов, стремясь наладить организационный порядок, решают множество задач, связанных с определением основной функции, которую команда будет выполнять, результата, который должен достигаться. Создаются правила корпоративного поведения, определяются бизнесы-процессы в функциях (действиях, определенных во времени) и результатах, методики для качественного выполнения сотрудниками своих функций, системы подбора и оценки персонала, которые будут отвечать требованиям компании: «правильные сотрудники в нужное время», регулярно проводятся проверки соответствия сотрудников должностям с помощью аттестаций, проверок и т.д. В этом смысле показателен опыт внедрения систем менеджмента качества на предприятиях. Персонал вовлекается в разработку регламентов, обучается методам постоянного совершенствования. Тем не менее результат оказывается не соответствующим затратам. Правила прописаны, но им не следуют, процессы взаимодействия обозначены, но они не актуализируются. Регламенты живут своей жизнью, а сотрудники – своей. Это характерная черта российского бизнеса.

МИФ 2. Психология – важный ресурс создания команды. Представление о том, что благоприятная организационная атмосфера, доверительные отношения между руководителем и сотрудниками, бесконфликтное общение в коллективе – гарантия эффективности организации, не подтверждается результатами, в том числе наших исследований. Трудовые отношения не равны

психотерапевтическим, именно поэтому необходимо крайне внимательно относиться к призывам психологического сообщества, которые могут формулироваться следующим образом: создайте рабочую атмосферу всеобщей вовлеченности и позитивного настроения; снижайте уровень конфликтности, чтобы двигаться дальше; будьте внимательны к моральному духу команды; будьте примером для своих подчиненных и т.д.

МИФ 3. Правильный подбор ближайшего окружения – хорошие результаты бизнеса. В России ближний круг во многом определяет то, какие решения принимает руководитель. При этом семья (супруг или супруга, а порой и дети), секретарь или телохранитель могут быть более влиятельными фигурами, чем менеджеры высшего уровня, окружающие руководителя. Не многие руководители отдадут себе отчет в том, что есть ближайшее окружение, на основании чего руководитель приближает отдельных личностей к себе, каковы механизмы их влияния на управленческие решения. И.В. Калинин [1] выделил ряд оснований для подбора окружения. Среди них: компенсация чувства личной безопасности; в соответствии с вектором «достоинства – недостатки»; под существующее окружение; по степени удобства; друзья детства; по компетентности; по преданности и степени доверия; как компенсация чувства одиночества; по возможности сменить без больших усилий; по гибкости; по исполнительности по родству, словесию, степени «свойкости»; по силе влияния на окружающих; подбор по наличию связей; по степени нужности на определенном временном этапе; по обучаемости; по силе характера; под задачу, заданную извне или под свою задачу; под идею; подбор с учетом пола, национальности. Однажды на заседании Менеджер-клуба (г. Ярославль) один из руководителей заявил, какой способ он считает универсальным для организации эффективного бизнеса: «Надо правильно жениться, и ресурсов будет столько, сколько надо». Можно считать это шуткой, но, с нашей точки зрения, это часть реальности, в которой живут многие руководители.

МИФ 4. Россия – страна коллективистической направленности. По мнению А.И. Пригожина [4], в России не развит социальный и организационный порядок, нарушаются договорные нормы, цели и связи, сознательно выработанные и признанные. Недостаток порядка компенсируется лидерством (монарха, диктатора, харизматика). При этом механизмы прихода к власти – наследование, т.е. принятие власти по родству через смену поколений или другими близкими родственниками руководителя; захват власти насильно, нелегитимно; инверсионный тип лидерства: в признании лидера не столько в соот-

ветствии с его собственными идеями и заслугами, сколько благодаря преследованию и борьбе с предыдущим руководством; конструктивный тип лидерства, т.е. сформировавшийся и признанный легально на основе эффективной деятельности. Россию можно отнести к лидерскому типу общества, практически все бизнес-организации работают под началом безусловных лидеров.

Миф 5. Сотрудники в большинстве своем ответственны, мотивированы на достижения, активны. Такие есть, но их не более 15–20 %. При этом с учетом актуальной экономической ситуации в основе мотивации труда многих сотрудников лежат страх потерять работу, желание избежать ответственности, стремление к конформизму (данные получены на фокус-группе, проведенной нами с руководителями бизнес-организаций, входящих в Менеджер-клуб г. Ярославля). При этом неопределенность будущего многих бизнес-организаций является фрустрирующим фактором для персонала, в связи с чем руководителю приписывают защитные и опекающие функции, на него перекладывается ответственность за решение не только стратегических, но и тактических задач.

Также надо учитывать особенности русского характера. Особенности характера ярославского предпринимателя блестяще описаны в книге «Ярославский характер» [5]. В XVIII–XIX вв. в Ярославской губернии благодаря стечению ряда факторов сложилось отличное от соседних территорий общество, для которого была характерна деловитость, активность, свобода, урбанизированность, восприимчивость к инновациям. Это стало следствием массового отхода ярославцев в Петербург и Москву, где жители активно перенимали инновации столиц. Исследование, проведенное нами совместно с Н.С. Арефьевой [2], показывает высокий уровень развития манипулятивных способностей у руководителей современных бизнес-организаций и низкий уровень доверия к персо-

налу, предприимчивость, высокие миграционные настроения у молодых предпринимателей, что приводит к преобладанию краткосрочных целей в ущерб стратегическим, не сформирована ориентация на развитие командного ресурса, что в настоящее время находит проявление в управлении.

Таким образом, при проведении консультационных и образовательных проектов в бизнес-организациях необходимо учитывать экономический контекст, психологические особенности персонала, которые во многом обусловлены социокультурными детерминантами. Если мы говорим о командном менеджменте, необходимо учитывать, что в России традиционно личность была и есть важнее системы, сильны традиции централизованного управления, присутствует избыточный контроль и нечеткое распределение обязанностей, при этом строгость правил и необязательность их соблюдения, личные отношения доминируют над деловыми: ближний круг, а не команда топ-менеджеров во многом определяет решения руководителя.

Литература

1. *Калинин И.В.* Управленческая команда: подбор ближайшего окружения руководителем. Ульяновск: ИПК ПРО, 2012.
2. *Клюева Н.В., Арефьева Н.С.* Проявление доверия и манипуляций в управлении // Психология и психотехника. 2014. № 2 (65). С. 131–138.
3. Лидер и его команда. Практика работы тренеров и консультантов в организациях / под ред. Н.В. Клюевой. СПб.: Речь, 2008.
4. *Пригожин А.И.* Осмысление механизма политического лидерства сопряжено с труднейшими историческими признаниями // Общественные науки и современность. 1996. № 3.
5. Ярославский характер / под ред. Я.Е. Смирнова, Е.А. Ермолина, под общ. ред. В.В. Горошников. Рыбинск: Медиарос. 2013.

© Клюева Н.В., 2015

СВЯЗЬ ЭКСТРАРОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ С РАБОЧЕЙ ГРУППОЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Климов А.А., преподаватель кафедры организационной психологии факультета психологии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются различия связи идентификации с рабочей группой и экстраролевого поведения в зависимости от пола. Подчеркиваются, что у женщин связь экстраролевого поведения и идентификации с рабочей группой более тесная. Приведены данные опроса работников ($N = 251$), подтверждающие наличия этих различий.

Ключевые слова: экстраролевое поведение работника, идентификации с рабочей группой, организационная идентификация, пол.

Abstract. It considers identification with the work group and extra role behavior link differences based on gender. Stresses that women extra-role behavior and identification with the working group connected more closely than men. The survey data of employees ($N = 251$), confirming the existence of these gender differences.

Keywords: extra-role employee behavior, work group identification (WID), organizational identification, sex.

В исследованиях экстраролевого поведения пол чаще всего берется контрольной переменной, а не предметом отдельного изучения [2]. Немногочисленные исследования указывают, что нарушение баланса между личной и рабочей жизнью вследствие проявления инициативы на работе более характерно для женщин, чем для мужчин [1], альтруизм на рабочем месте присущ скорее женщинам ($r = 0,06$, [5]). Нужно признать, что это достаточно чувствительная тема, поскольку затрагивает различные гендерные стереотипы. Р. Карк отмечает, что стандартная теория ролей не справляется с описанием гендерной специфики в организациях, в том числе и гендерной специфики экстраролевого поведения.

Роль гендерных особенностей остается неясной, похоже, что от женщин ждут помощи чаще, а не получая ее, более жестко «штрафуют», например, используя систему оценки в организации [2]. Таким образом, для женщин «альтруистическое» поведение становится более затратным (потому что несет меньше выгод), но, с другой стороны, является более ожидаемым и, следовательно, менее произвольным.

Процедура и описание методов эмпирического исследования. После того, как испытуемые были проинформированы о том, что их данные будут использоваться в обобщенном (обезличенном) виде на условиях сохранения конфиденциальности, им предъявлялась батарея методик, которые они заполняли в присутствии экспериментатора, среди них:

- ◆ экстраролевое поведение измерялось методикой Б.Г. Ребзуева «Диагностика экстраролевого поведения» [8];
- ◆ организационная идентификация (идентификация с рабочей группой) измерялась с помощью методики «Пятифакторная модель идентичности» [6].

Характеристики выборки. Выборка нашего исследования составила 251 человек (110 мужчин, 141 женщин) в возрасте от 19 до 76 лет, средний (медианный) возраст – 40 лет ($SD = 14,72$). Около половины респондентов получили высшее образование – 124 человека. Средний стаж работы по профессии – 14 лет. В состав выборочной

совокупности вошли сотрудники трех промышленных организаций: заводов Вологодской области (машиностроение и металлообработка) [см. 7], завод в Московской области (оборонная промышленность), завод в Ярославской области (обрабатывающая промышленность).

Результаты. В нашей выборке непосредственные различия между мужчинами и женщинами оказались вне зоны значимости. Мы проверили, не может ли пол, как упоминалось в одном из первых метааналитических исследований [4], являться модератором связи между интересующими нас переменными. Оказалось, что пол взаимодействует со связью экстраролевого поведения и идентификации.

Процедура подсчета взаимодействия между полом и идентификацией с рабочей группой выполнялась аналогично описанному ранее взаимодействию возраста и стажа у школьных учителей [3]. Процент объясненной дисперсии компонентов экстраролевого поведения в модели с тремя предикторами (рис. 1): идентификацией с рабочей группой, полом и их интеракцией составляет $R^2 = 0,1$. В этой модели идентификация с рабочей группой объясняет 6,4% (здесь и далее частичный R^2), пол – 1%, интеракция между полом и идентификацией с рабочей группой объясняет 3,2% вариации экстраролевого поведения. Предсказательная сила модели с одним (идентификация с рабочей группой) и двумя предикторами (идентификация с рабочей группой, пол) значимо не отличались:

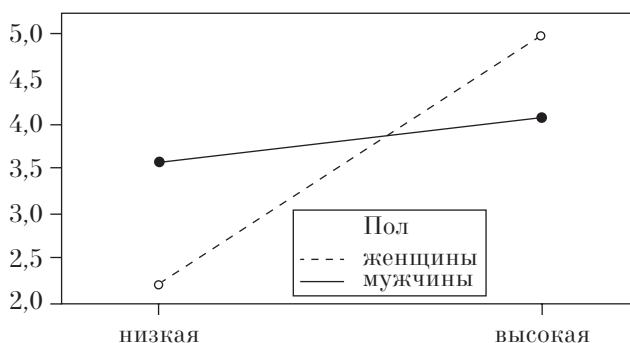

Рис. 1. Характер связи экстраролевого поведения и идентификации с рабочей группой у мужчин и у женщин

$\Delta R^2 = 0,01$, $F(1,248) = 1,16$, $p = 0,14$. Показатели модели с тремя предикторами (идентификация с рабочей группой, пол, идентификация с рабочей группой \times пол) были значимо лучше: $\Delta R^2 = 0,03$, $F(1,247) = 1,16$, $p = 0$.

Выводы. Возможно, мужчины и женщины отличаются не столько по степени, в которой они проявляют экстраролевое поведение, а по тому, как это поведение воспринимается их коллегами. В одном из исследований экстраролевое поведение, исходящее от женщин, выступало как само собой разумеющееся, в то время как исходящее от мужчин воспринималось более позитивно [2]. Полученные нами данные обнаруживают, что связь идентификации с рабочей группой и экстраролевым поведением зависит от пола. У женщин связь экстраролевого поведения и идентификация с рабочей группой более тесная. Это значит, что наиболее высокий уровень экстраролевого поведения можно ожидать от женщин, которые находятся в состоянии высокой идентификации со своей рабочей группой.

Литература

1. Exploring the dark side of organizational citizenship behavior / M.C. Bolino, A.C. Klotz, W.H. Turnley, J. Harvey // *Journal of Organizational Behavior*. 2012. Vol. 34. No 4. P. 542–559.
2. Heilman M.E., Chen J.J. Same Behavior, Different Consequences: Reactions to Men's and Women's

Altruistic Citizenship Behavior // *Journal of Applied Psychology*. 2005. Vol. 90. No 3. P. 431–441.

3. Klimov A.A. Extra-role performance behavior of teachers: the role of identification with the team, of experience and of the school as an educational organization // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2014. No 6 (36). P. 253–269.

4. Organ D.W., Ryan K. A meta-analytic review of attitudinal and dispositional predictors of organizational citizenship behavior // *Personnel Psychology*. 1995. Vol. 48. No 4. P. 775–802.

5. Organizational citizenship behaviors: A critical review of the theoretical and empirical literature and suggestions for future research / P.M. Podsakoff, S.B. MacKenzie, J.B. Paine, D.G. Bachrach // *Journal of Management*. 2000. Vol. 26. No 3. P. 513–563.

6. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10 № 4. С. 143–157.

7. Климов А.А. Восприятие целостности рабочей группы и организации как предикторы гражданского поведения в организации // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. Т. 12. № 1. 131–144 с.

8. Ребузов Б.Г. Разработка конструкта трудового поведения и шкалы экстраролевого трудового поведения // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2009. Т. 6. № 1. С. 3–57.

© Климов А.А., 2015

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИВЕРЖЕННОСТИ РАБОТНИКОВ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Липатов С.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Приводятся результаты эмпирического исследования, посвященного изучению социально-психологических факторов приверженности сотрудников организаций. В исследовании приняли участие сотрудники коммерческих организаций ($N = 90$). Участникам исследования предлагалась анкета, включающая в себя социально-демографические показатели и блок методик из восьми опросников, с помощью которых исследовалась взаимосвязь приверженности сотрудников организации (по модели Дж. Мейера и Н. Аллен) и следующих социально-психологических факторов: социальная вовлеченность в организацию (общение с коллегами), групповая сплоченность, социально-психологический климат, доверие к организации, воспринимаемый внешний престиж организации, воспринимаемая организационная поддержка, организационная справедливость. Полученные результаты свидетельствуют о наличии взаимосвязи аффективной и нормативной приверженности с социальной вовлеченностью в организацию, сплоченностью, доверием к организации, воспринимаемой организационной поддержкой, организационной справедливостью и престижем.

Ключевые слова: организационная приверженность, социальная вовлеченность в организацию, групповая сплоченность, доверие к организации, престиж организации, организационная поддержка, организационная справедливость.

Abstract. This article presents the results of the empirical study on the socio-psychological factors of the organizational commitment of employees. The study involved employees of commercial organizations ($N = 90$). Measurements include socio-demographic variables and block techniques of eight questionnaires: Social Support scale of «Work Design Questionnaire», «Group Cohesiveness Scale», «Trust in Organization Scale», «Survey of Perceived Organizational Support», «Distributive, Procedural, and Interactive Justice Scale», «Organizational commitment scale» by J.R. Meyer and N.J. Allen, questionnaire for identify the perceived prestige of the organization. Results: there is positive correlation between affective and normative organizational commitment and social involvement in the organization, the level of group cohesion, trust in the organization, the degree of positive perception of the external prestige of the organization, perceived organizational support, and organizational justice.

Keywords: organizational commitment; social involvement in the organization, group cohesion, trust in organization, perceived external prestige of the organization, perceived organizational support, organizational justice.

В течение последних десятилетий исследователи и практики уделяют большое внимание феномену приверженности сотрудников к своей организации. Руководители видят в создании и поддержании высокого уровня приверженности работников действенный механизм повышения эффективности организации. Для того чтобы стала возможной эффективная выработка мер, способствующих повышению уровня организационной приверженности сотрудников, необходимо более глубоко исследовать факторы, которые влияют на развитие ее компонентов. В связи с этим актуальным становится выявление социально-психологических факторов приверженности сотрудников коммерческих организаций.

Нами было предпринято эмпирическое исследование, целью которого было выявление характера взаимосвязи социально-психологических факторов и приверженности сотрудников российских коммерческих организаций. Теоретической основой исследования выступила трехкомпонентная модель Дж. Мейера и Н. Аллен [1], которая включает в себя аффективную приверженность; приверженность, обусловленную стажем; нормативную приверженность.

Аффективный компонент организационной приверженности выражается в эмоциональной привязанности (attachment) сотрудников и самоидентификации с организацией. Компонент, связанный со стажем («продолжительность») характеризует аспект приверженности, проявляющийся продолжением работы в организации, что связано с пониманием индивидом возможных неудобств и потерь в случае ухода из данной организации. Нормативный компонент характеризуется осознанием обязанности, обязательства сотрудников оставаться с организацией [1].

Выборка исследования – сотрудники коммерческих организаций ($N = 90$). В выборку вошли 59 женщин (66 %) и 31 мужчина (34 %) в возрасте от 20 до 61 лет (медиана: 28 лет) со стажем работы в организации от одного месяца до 20 лет (медиана: 3 года). Участники исследования заполняли анкету, включающую в себя блок социально-демографических показателей и блок методик из восьми опросников: шкала «Социальная поддержка» из методики «Опросник дизайна трудовой деятельности», «Шкала групповой сплоченности», «Шкала доверия к организации», «Опросник воспринимаемой организационной поддержки», «Шкала дистрибутивной, процедурной и интерактивной справедливости», «Шкала организационной приверженности» Дж. Мейера и Н. Аллен, опросник Ю. Липпонена на выявление воспринимаемого престижа организации. Исследовалась взаимосвязь приверженности сотрудников организации и следующих социально-психологических факторов: социальная вовлеченность в организацию (общение с коллегами), групповая сплоченность, социально-психологический климат, доверие к организации, воспринимаемый внешний престиж организации, воспринимаемая организационная поддержка, справедливость (дистрибутивная, процедурная, интерактивная). Полученные данные анализировались и обобщались с помощью методов математической статистики: дисперсионный и корреляционный анализ, а также критерии Колмогорова – Смирнова и Ливиня и коэффициент Кронбаха.

Основные результаты исследования: выявлена положительная корреляция аффективной приверженности с социальной вовлеченностью в организацию ($r = 0,365$) с уровнем групповой

сплоченности ($r = 0,696$), с доверием к организации ($r = 0,564$), с организационной поддержкой ($r = 0,405$), с дистрибутивной справедливостью ($r = 0,405$), процедурной справедливостью ($r = 0,401$), интерактивной справедливостью ($r = 0,442$), со степенью положительного восприятия внешнего престижа организации ($r = 0,465$), с возрастом ($r = 0,240$), выявлена положительная корреляция нормативной приверженности с социальной вовлеченностью в организацию ($r = 0,229$), с уровнем групповой сплоченности ($r = 0,503$), с доверием к организации ($r = 0,567$); с организационной поддержкой ($r = 0,427$), с дистрибутивной справедливостью ($r = 0,387$), процедурной справедливостью ($r = 0,396$), интерактивной справедливостью ($r = 0,526$), со степенью

положительного восприятия внешнего престижа организации ($r = 0,360$), продолженная приверженность взаимосвязана с дистрибутивной справедливостью ($r = 0,210$).

Результаты данной работы позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций и могут быть использованы в организациях при разработке мер, направленных на повышение приверженности сотрудников к своей организации.

Литература

1. Meyer J.P., Allen N. A three-component conceptualization of organizational commitment // Human Resource Management Review. 1991. Vol. 1(1). P. 61–89.

© Липатов С.А., 2015

СТРАТЕГИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

Патоша О.И., кандидат психологических наук, доцент кафедры организационной психологии департамента психологии

Бирюкова О.И., магистр психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Приводится теоретический анализ стратегий потребительского поведения. Дается определение понятия, рассматриваются типы стратегий потребителей.

Ключевые слова: стратегии потребительского поведения, принятие решений о покупке.

Abstract. This text deals with theoretical analysis of consumer's strategies. Types of strategies and their definition are considered here.

Keywords: consumer's strategies, consumer decision-making styles.

В условиях быстрых экономико-политических трансформаций все больше внимания ученых, публицистов занимают особенности поведения потребителей, наличие изменений в связи с переменами. Причем интерес вызывают не количество покупаемых продуктов и потраченная сумма, а обобщенные схемы принятия решения о покупке, наиболее часто используемые правила решений, которые определяют дальнейший выбор потребителей. Люди организуют свое потребительское поведение и задают ему определенную направленность с целью удовлетворения потребностей. В ходе ежедневного потребления, сопровождающегося стремлением к достижению поставленных целей, с одной стороны, и адаптацией к внешним условиям – с другой, формиру-

ются стабильные образцы поведения. Вследствие частого повторения принимаемые потребительские решения приобретают предсказуемый характер, что, в свою очередь, позволяет координировать действия с учетом внешних и внутренних факторов, влияющих на потребительский выбор, и придерживаться в конкретных обстоятельствах наиболее приемлемой системы действий – стратегии.

Таким образом, речь идет о стратегиях потребительского поведения, которые описываются как устойчивая система действий, осуществляемая субъектом потребления в связи с выбором, приобретением и конечным использованием товара для удовлетворения материальных и духовных потребностей наиболее приемлемым способом [1].

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15–05–0052) в рамках Программы «Научный фонд» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2015 г. с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Несмотря на высокий исследовательский интерес, до сих пор недостаточно данных относительно стратегий потребительского поведения. В литературе выделено большое количество типов и эффектов потребительского поведения, разработаны различные типологии, которые основаны на отношении к продукту, особенностях потребителей (например, ценностей, стиля жизни), способах обработки маркетинговой информации и т.п.

Существует множество определений понятия «стратегия». Анализ различных определений позволил нам определить его основные характеристики: план или программа поведения, устойчивость, ориентация на достижение целей, учет имеющихся ресурсов и внешних условий, определяет деятельность человека.

Обобщенную концептуальную схему потребительского поведения предложила Т.В. Фоломеева. Она выделила несколько уровней проявления потребительского поведения [1]:

- ◆ ведущие стратегии потребительского поведения (отражают стратегии экономического поведения);
- ◆ потребительские привычки (базируются на потребительских предпочтениях);
- ◆ ситуативное, спонтанное потребление (под влиянием ситуативных факторов и эмоций).

Таким образом, стратегии отражают базовый, наиболее общий уровень проявления потребительского поведения и определяют предпочтения и выбор потребителя. Основа стратегии потребительского поведения лежит в особенностях принятия решения.

В конце 1920-х гг. зарубежные ученые выявили стили принятия решения, которые представляют собой обобщенные стили принятия решения о покупке [2]. По мнению исследователей, эти

стили определяют поведение потребителей и являются устойчивыми во времени. Соответственно, они отражают стратегии потребительского поведения. Изначально было выявлено восемь стилей: поиск продуктов наивысшего качества; покупка наиболее дорогих, известных брендов; выбор новых инновационных продуктов; получение удовольствия от процесса хождения по магазинам, покупок; покупка продукта наименьшей стоимости; совершение спонтанных покупок с неконтролируемой тратой денег; затруднение в принятии решения в связи с богатством выбора, что приводит к информационной перегрузке; совершение покупок в одних и тех же магазинах одних и тех же брендов.

Исследование стилей принятия потребительских решений насчитывает не одно десятилетие. Было выявлено, что количество стилей культурно специфично [3]. Таким образом, стили принятия решения отражают стратегический уровень процесса принятия решения о покупках. Тем не менее для уточнения стратегии поведения российских потребителей требуется провести исследование на российской выборке.

Литература

1. Фоломеева Т.В. Социальная психология потребительского поведения: матер. конф. «Экономическая психология». Саратов, 2009.
2. Sproles G.B., Kendall E.L. A methodology for profiling consumers' decision-making styles // Journal of Consumer Affairs. 1986. No 20(2). P. 267–279.
3. Yi J.-S., Park S. Cross-cultural differences in decision-making styles: a study of college students in five countries // Social Behaviour and Personality. 2003. No 31 (1). P. 35–48.

© Патоша О.И.

Раздел VI

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверьянова О.Ю., Арсентьева А.А., Шавшаева Л.В.</i> Индивидуальные особенности взрослых учащихся, получающих дополнительное музыкальное образование	215
<i>Андреева О.И.</i> Экзистенциальные проблемы современного педагога в девиантном социуме	216
<i>Аристова И.Л.</i> Индивидуальные характеристики работников противопожарной службы.....	218
<i>Аршинова Е.В., Билан М.А.</i> Ценностно-смысловые аспекты переживания кризисов профессионального становления в процессе обучения в вузе	219
<i>Баканов А.С.</i> Экспериментальное исследование процесса структурирования текстовой информации	221
<i>Басинская И.В.</i> Эвристическая надежность в зависимости от личностных особенностей руководителей	222
<i>Белоус Е.И.</i> Духовность как важнейшая составляющая индивидуальности психолога-профессионала.....	223
<i>Бондарчук Н.В., Склейнис В.А.</i> Анализ семантических универсалий оценки образа жизни государственными служащими и работниками старательской артели.....	225
<i>Буравлёва Е.П.</i> Изменения мотивационной структуры личности у сотрудников полиции	227
<i>Валуйская Т.Л.</i> Интеллектуальная инициатива в профессионально-педагогическом мышлении студентов	228
<i>Виничук Н.В.</i> Эмпатия и синдром эмоционального выгорания у врачей	229
<i>Гадилия А.М., Месникович С.А.</i> Художественная перцепция в структуре познания и развития эмоционально-нравственной сферы личности	231
<i>Герасимова И.В.</i> Профориентация: практика применения инструментария	232
<i>Горбатова М.М.</i> Соотношение общих и специальных способностей в деятельности педагога-управленца.....	234
<i>Данилова М.В.</i> Сформированность профессиональной идентичности и мотивации профессиональной деятельности у студентов на завершающем этапе обучения	235
<i>Доценко Е.Л., Погорова Р.И.</i> Становление социально-психологической зрелости студентов-психологов	237

<i>Дьячук А. А.</i> Индивидуальные особенности организации деятельности.....	238
<i>Зеленова М. Е.</i> Профессионализм и уровень психической напряженности у военнослужащих.....	240
<i>Калита В. В.</i> Актуальность исследования факторов социально-психологической привлекательности дальневосточных столиц в ситуации индивидуального выбора места работы и места жительства.....	241
<i>Карнышев А. Д., Карнышева О. А.</i> Особенности природной ориентированности профессий и психологическое здоровье человека.....	243
<i>Карпов А. В.</i> Закономерности индивидуализации процессов принятия решения в профессиональной деятельности.....	244
<i>Колесникова И. А., Лилиенталь И. Е.</i> Индивидуально-личностные компоненты психологической устойчивости сотрудников полипрофессиональных бригад.....	246
<i>Коломинский Я. Л.</i> Мотивация профессионального выбора в связи с социальными установками родительской семьи (на примере студентов первого курса).....	247
<i>Кунгурцева О. Н.</i> Индивидуализация образовательных стратегий в рамках Болонского процесса.....	249
<i>Лобанов А. П.</i> Формирование креативной компетентности в учебно-профессиональной деятельности.....	250
<i>Маслов Е. В.</i> Образ подчиненного как ключевой элемент образа мира руководителя.....	251
<i>Митина О. В.</i> Влияние личностных характеристик специалистов на переживания в профессиональной деятельности.....	253
<i>Михеев В. А.</i> От жизни по «баллистической кривой» к неожиданным ее разворотам: самопроявление индивидуальности.....	255
<i>Морозовская Т. Д.</i> Формирование аутентичности будущих преподавателей искусства в общеобразовательной школе.....	256
<i>Неяскина Ю. Ю.</i> Временная перспектива военнослужащих женщин в период прохождения службы и предстоящего увольнения.....	257
<i>Никандрова Т. С., Нурлыгаянов И. Н., Хайртдинова Л. Ф.</i> Личностные и социально-психологические особенности учителей-дефектологов с разным уровнем профессиональной востребованности.....	259
<i>Новикова И. А., Шляхта Д. А., Обидина Н. В.</i> Гендерные особенности соотношения индивидуально-личностных факторов с профессиональной эффективностью менеджеров.....	261
<i>Поварёнков Ю. П.</i> Структурно-уровневый подход к периодизации профессионального становления личности.....	263
<i>Попова С. И.</i> Освоение будущими учителями процесса педагогического регулирования эмоциональных состояний школьника.....	264
<i>Радюк О. М., Пятницкая И. В., Колесникович А. Л.</i> Профессиональное выгорание и личностные особенности у представителей профессий типа «человек – человек».....	265

<i>Рунец О.В.</i> Индивидуально-личностные особенности фельдшеров с разным уровнем доверия к себе.....	267
<i>Серкин В.П.</i> 15 параметров описания профессионального образа жизни	269
<i>Серый А.В., Ханимова Н.Р.</i> Темпоральные аспекты переживания шахтерами травматического события на производстве	270
<i>Сизинова М.В.</i> Индивидуально-психологические особенности психологов-консультантов с различным стажем практической деятельности.....	271
<i>Склейнис В.А.</i> Исследование ядерного слоя образа мира специалистов по связям с общественностью.....	273
<i>Слепко Ю.Н.</i> Цели деятельности в период обучения в вузе	274
<i>Смирнова Ю.С., Зайцева Ю.В.</i> Эвристизация в профессиональной деятельности учителя.....	276
<i>Сокольская М.В.</i> Индивидуальность профессионала как показатель его личностного здоровья.....	277
<i>Степанян С.С.</i> Психологические корреляты эффективности принятия решений в условиях неопределенности	279
<i>Тапешкина С.А., Колесникова И.А.</i> Индивидуально-коммуникативные аспекты профессионализма менеджера в сфере сервиса и туризма	280
<i>Теплинских М.В.</i> Профессионализм и индивидуальность.....	282
<i>Термышева Е.Н.</i> Результаты опытно-экспериментальной работы по развитию креативности студентов технического вуза.....	283
<i>Цымбалюк А.Э.</i> Ментальная репрезентация профессиональных ситуаций в юношеском возрасте.....	284
<i>Чернявская В.С.</i> Вербальная креативность как предпосылка успешности учебной деятельности студентов вуза гуманитарных направлений подготовки.....	286
<i>Юхновец Т.И.</i> Представления студентов об опасности/безопасности жизни и уровень их академической субъектности как фактор развития индивидуальности	288
<i>Яницкий М.С., Браун О.А.</i> Динамика ценностей учителей в процессе профессионализации.....	289
<i>Ярославкина Е.В.</i> Нравственное развитие молодежи на этапе профессиональной подготовки в вузе.....	291

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗРОСЛЫХ УЧАЩИХСЯ, ПОЛУЧАЮЩИХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аверьянова О.Ю., старший преподаватель кафедры общей, возрастной и дифференциальной психологии

Арсентьева А.А., студентка

Шавшаева Л.В., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры консультативной психологии, психологии здоровья и развития

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Аннотация. Рассматривается проблема изучения индивидуальных особенностей взрослых учащихся, получающих дополнительное музыкальное образование, и обсуждаются результаты эмпирического исследования индивидуально-личностных особенностей взрослых учащихся.

Ключевые слова: способности, индивидуально-личностные особенности, музыкальное образование, взрослые учащиеся, саморегуляция, самоотношение.

Abstract. In the article the problem of studying the individual characteristics of adult learners who receive additional music education and discusses the results of empirical research of the characteristics of adult learners.

Keywords: ability, personality, personal features, creativity, music education, adult students, self-control, self myclassname orientation, reflexivity.

В отечественной психологии разработка проблемы способностей является одной из самых эмпирически и теоретически обоснованных. В этом направлении изучалась проблема способностей как свойств, находящихся у человека индивидуальное развитие и выражение, а также проблемы индивидуальных различий конкретных типов способностей, например математических, музыкальных и др. Особый интерес вызвало изучение способности как творчества, что связывалось с уровнем развития личности и ее таким качеством, как индивидуальность [2, с. 23].

Успешная творческая деятельность, в частности музыкальная, самым непосредственным образом связана с личностными особенностями самих музыкантов. Если занятия музыкой выступают как дополнительная деятельность, они могут

сказываться на параллельной деятельности учащихся, такой как работа, семейная деятельность, обучение в вузе, и наоборот. Все перечисленное может влиять на успешность или неуспешность музыкальной деятельности.

Исследование проводилось на базе музыкальной школы имени Н.А. Римского-Корсакова г. Санкт-Петербурга. Выборка 30 человек – 24 женщины и 6 мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Изучались индивидуально-личностные особенности учащихся, получающих дополнительное музыкальное образование, при помощи методики исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева, теста самоактуализации (САТ), теста смысложизненных ориентаций (СЖО), личностного опросника типа акцентуации К. Леонгарда, шкалы нейротизма личностного опросника Г. Айзенка, методики диагностики уровня рефлексивности А.В. Карпова, теста локус-кон-

троля Дж. Роттера, опросника «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой.

По данным опроса, преобладающими инструментальными направленностями выступили: клавишные (37 %) и струнные (43 %), в то время как духовые и вокал составили лишь по 10 %. Большинство респондентов имеют высшее образование (83 %), преимущественно гуманитарное, и лишь 5 % респондентов работают по творческой специальности. Опыт обучения музыке до школы был у 70 % респондентов, преобладающая мотивация обучения музыке в специальном учреждении – саморазвитие и дальнейшее профессиональное развитие в творческой специальности.

В ходе изучения уровня самоактуализации установлено: преобладают такие показатели, как поддержка, спонтанность, контактность, познавательная потребность, креативность; низкие показатели по шкале принятия и агрессии. У большей части респондентов отмечена средняя степень выраженности нейротизма, 23 % имеют высокие показатели, 13 % – очень высокие, у 10 % респондентов – низкий показатель. Большинству испытуемых присущ интернальный локус контроля, 70 % респондентов обладает средним уровнем развития рефлексии, 20 % выборки – низким уровнем и меньше 10 % – высоким.

Наиболее выраженной акцентуацией у взрослых учащихся является эмотивная. Результаты изучения самоотношения: высокие значения по

шкалам «самоуверенность» и «самопривязанность» не выявлены; высокие значения по шкале «конфликтность» не установлены, при этом низкие значения умеренно повышены; отсутствие низких значений по шкале «самоценность» при умеренном повышении высоких значений. Показатели по методике СЖО как у мужчин, так и у женщин находятся в диапазоне средних, в то же время общие показатели ОЖ (осмысленность жизни) – на достаточно высоком уровне.

Общий профиль саморегуляции взрослых учащихся характеризуется сформированностью моделирования, программирования и оценки результатов, но низкой развитостью звена планирования, а также гибкости и самостоятельности; уровень общей саморегуляции средний, близкий к высокому.

Таким образом, полученные данные подтверждают, что высокие результаты в музыкально-сценической деятельности при наличии способностей у личностей художественного склада могут в значительной степени достигаться за счет способности к самоорганизации [1].

Литература

1. Голубева Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс+, 2005. 512 с.
2. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под науч. ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: Изд-во МПСИ, 2009. 425 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА В ДЕВИАНТНОМ СОЦИУМЕ

Андреева О.И., доцент, кандидат педагогических наук
Донской педагогический колледж

Аннотация. Устойчивая деаксиологизация социума создает для педагога трудную жизненную ситуацию. Как при этом преодолеть внутренний конфликт и сохранить профессиональное уважение? В статье дана попытка ответить на вопрос: «Что сегодня может являться основным источником личной силы учителя?»

Ключевые слова: девиантность социума, аномия, внутренний конфликт, трудная жизненная ситуация, культура.

Abstract. Sustainable society creates deaxiologizacia for teaching difficult circumstances. How to overcome the internal conflict and maintain professional respect? Article tries to answer the questions: what today might be the primary source of personal power teacher?

Keywords: deviantnost' society, internal conflict, a difficult life situation, culture.

Человек может заблудиться в лесу. Такое несчастье происходит довольно часто с теми, кто плохо представляет, как устроен окружающий нас мир. Заблудиться можно не только в лесу, но и в собственных мыслях. Это происходит не так уж и редко с некоторыми народами. Оказаться на ложной исторической стезе так же легко, как потерять ориентировку в лесу. Чтобы выжить в этой ситуации, необходимо соответствующее мировоззрение. Искаженные мировоззренческие представления не позволяют нам понять, что с нами происходит и «куда несет нас рок событий» [3, с. 3].

Контурь общественного сознания заданы нам социальной традицией. Влияние этих стереотипов, часто бессознательных, заданность формы общественного сознания невозможно остановить на полном ходу, как идвигающийся поезд. Нужны очень большие усилия. Но их нет ни на уровне глубоких социологических, философских, психологических исследований, ни на уровне педагогической практики.

Если оценивать все это непредвзято, невозможно сохранить пусть даже частичную целостность общественного сознания. Мощный внутренний конфликт неизбежен. Но это в случае здорового общественного сознания, которое способно к самопониманию и самооценке. В нашем случае этого не произошло. Безусловно, в условиях длительного господства в обществе психологии двойной морали проблематично формирование здорового профессионально-педагогического сознания.

Двойное общественное сознание – это до сих пор наша бессознательная почва, наше неумение и невозможность противостоять цинизму (философствование «на кухне» как компенсация реальной беспомощности), недоверие к настоящему. Все это и сейчас находится в бессознательной сфере нашего бытия [1; с. 184]. Поэтому эмоциональная изуродованность, торможение интеллектуальной творческой самостоятельности, отсутствие чувства внутренней свободы и достоинства – неизбежные характеристики нашего времени. Такое невротическое общественное сознание хаотично, подвергнуто постоянным колебаниям, готово принять любые установки в зависимости от ситуации: сегодня в кого-то стрелять, уничтожать, подвергать остракизму, а завтра с легкостью поменять свои взгляды на противоположные. Эмоциональная и интеллектуальная нестабильность внутреннего стержня громадных слоев населения – это, увы, факт.

Как известно, отсутствие самосознания – состояние напряженное. Оно психологически тре-

бует выхода и принятия какого-то решения. Конформизм в этой ситуации служит удобной позицией: я должен быть как все. Это одна из форм подсознательного самообмана.

Принятие подрастающим поколением этих моделей поведения без каких-либо внутренних тормозов еще более усугубляет ситуации роста девиантности в социуме, так как они внутренне питают разные формы невротизма. Изменение личности педагога с таким невротическим радикалом может пойти и по пути формирования внешней агрессивности (отчужденности от ребенка, от своей профессии), и по пути самоотчуждения или самодеструктивного развития (алкоголизм и т.п.).

Наше общество поставило педагогов в ситуацию жизненных трудностей, т.е. неблагоприятных событий, превышающих их обычный адаптационный потенциал. Это очень болезненно для педагогов, чьи адаптационные ресурсы традиционно считаются сниженными за счет повышенной вероятности эмоционального выгорания. Сегодня педагогу нужно актуализировать те способности и умения, применение которых не требовалось в прежних условиях. Каждый ищет свои источники для обновления и пополнения своей личной силы.

В момент оценивания ситуации и выбора альтернатив поведения актуализируются ценности человека. Если выбор не может быть автоматическим (когда нет социального стандарта решения проблемы) или у человека недостаточно опыта для рационального выбора, именно система ценностей является той опорой, на основе которой формируются поступки человека. В этом смысле ценности педагога можно рассматривать как один из его личных ресурсов. Этот ресурс непосредственно влияет на стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией. При наличии большого количества других личностных и средовых ресурсов именно ценности могут «не позволить» педагогу их применить и, более того, определяют весь внутренний ресурс, который подвластен самому человеку, то, что способствует поддержанию физического, психического и социального здоровья, установка, которая придает жизни ценность и смысл в любых обстоятельствах [2].

Для современного педагога, которому не свойственны традиционное религиозное мышление, оптимизм, личностная зрелость и субъектность, именно культурный модус личности является выражением его духовности, а значит, и профессионализма. «Человеческое поведе-

ние – функция культуры. Изменяется культура, изменяется и поведение». Поистине, как мыслим, так и живем.

Литература

1. Аронсон Э., Праткинс Э. Эпоха пропаганды. СПб., 2002.

2. Петрова Л.Е. Ресурсы бывают разные... например, ценности. URL: <http://www.pchela.ru> (дата обращения: 5.01.2015).

3. Федорин А. Чтобы выжить, человечеству нужна мировоззренческая антикризисная концепция. URL: <http://top.oprf.ru/forum/forum/4564.html> (дата обращения: 15.01.2014).

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАБОТНИКОВ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ

Аристова И.Л., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. Рассматривается специфика профессиональной деятельности работников противопожарной службы в контексте связи личностных характеристик, жизнестойкости и эмоционального выгорания. Определены личностные ресурсы, препятствующие эмоциональному выгоранию. Полученные результаты свидетельствуют о высокой значимости ресурса жизнестойкости.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, противопожарная служба, индивидуальность, эмоциональное выгорание, жизнестойкость, профессиональный характер.

Abstract. The paper deals with the specific features of the professional activity of firefighters in the context of correlation of personal characteristics, hardiness and emotional burnout. The personal resources, that prevent emotional burnout, are determined. The results indicate that hardiness is a personal resource of high value.

Keywords: professional activity, fire service, personality, emotional burnout, hardiness, professional character.

В нашей жизни существует много профессий, включающих человека в экстремальные ситуации. Профессиональная деятельность специалистов пожарно-спасательных формирований является одной из них. Она характеризуется воздействием значительного числа стрессогенных факторов. Одновременно с этим деятельность пожарно-спасательных подразделений связана с ответственностью за жизнь и здоровье людей. Особую эмоциональную насыщенность деятельности этих специалистов придают переживания от контактов с телами погибших [1]. Длительная включенность в эмоционально напряженные и значимые ситуации, связанные с профессиональной деятельностью, может привести к формированию синдрома эмоционального выгорания. В контексте сказанного становится понятным, почему к числу выгорающих стали относить профессии, связанные с постоянным пребыванием в стрессовых ситуациях. Таким образом, было модифицировано само понятие «выгорание». Психическое выгорание теперь понимается как профессио-

нальный кризис, связанный с работой в целом, а не только с профессиональными межличностными взаимоотношениями. С этих позиций и понятие деперсонализации приобрело более широкое значение – как отрицательное отношение не только к клиентам, но и к труду, и его предмету в целом [2].

Некоторые зарубежные исследователи считают возможным говорить о спасающей личности, которая и берется за выполнение профессиональных задач в экстремальных условиях. Далеко не все авторы согласны с выделением данного типа личности. Однако при этом не отрицается возможность, что в будущем исследования могут привести к выделению специфических черт представителей спасающих профессий. Кроме того, ученые осознают, что экстремальные профессии разного рода обладают своей спецификой, поэтому необходимо отдельно изучать индивидуальные характеристики профессионалов разных спасающих профессий (полиция, пожарная служба, экстремальная медицина и т.п.). На данный момент нет оснований говорить об отчетливом личностном

типе, который был бы присущ всем спасающим профессиям в целом [3].

В работах отечественных психологов были выявлены психофизиологические и характерологические особенности личности, сочетание и выраженность которых образуют так называемый профессиональный характер. Однако наряду с этим немаловажную роль играют и индивидуальные особенности личности, проявляющиеся в жизнестойкости, успешных стратегиях поведения и др.

Для исследованной выборки работников противопожарной службы характерными оказались такие качества, как общительность, позитивное отношение к людям, доброта, отзывчивость, оптимистичность, чувство коллективизма и ответственность, а также тяга к острым возбуждающим впечатлениям и риску. Кроме того, в группе испытуемых преобладает высокая волевая регуляция поведения и эмоциональная устойчивость.

Высокие показатели по всем трем шкалам по методике С. Мадди продемонстрировали примерно 90 % испытуемых. Высокий уровень жизнестойкости определяет оценку событий как менее травмирующих. Благодаря высокой жизнестойкости испытуемые способны мужественно при-

нять стрессовую ситуацию и даже извлечь из нее пользу и опыт. Чем выше были показатели жизнестойкости в группе, тем менее сформированным были все фазы СЭВ.

Выявлена связь жизнестойкости и с такими личностными характеристиками, как экстраверсия, привязанность, самоконтроль и эмоциональная устойчивость, что может свидетельствовать о том, что они являются предпосылкой для формирования жизнестойкости.

Литература

1. *Титаренко М.С., Шклярчук С.П.* Влияние экстремальных ситуаций в профессиональной деятельности сотрудников ГПС МЧС России на возникновение морбидных рисков // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы. 2010. № 3. С. 84–88.
2. *Сокольская М.В.* Личностное здоровье профессионала: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. 303 с.
3. *Wagner Shannon L.* The «Rescue Personality»: Fact or Fiction? // The Australasian Journal of Disaster and Trauma Studies. 2005. Vol. 2. URL: <http://www.massey.ac.nz/~trauma/issues/2005-2/wagner.htm> (дата обращения:).

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ КРИЗИСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Аршинова Е.В., ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий
Билан М.А., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий
Немеровский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются проблемы ценностно-смысловых аспектов кризисов профессионального становления студентов в процессе обучения в вузе.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, кризисы профессионального становления, студенты, вуз.

Abstract. The problems of value-semantic aspects of crises of professional development of students in the learning process at the university.

Keywords: valued-semantic sphere, crises of the professional becoming, students, institute of higher.

Ценностно-смысловая сфера личности всегда привлекала внимание специалистов в области психолого-педагогических наук: А.Г. Асмолова, Б.Г. Ананьева, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьева, © Аршинова Е.В., Билан М.А., 2015

В.И. Слободчикова и др. Изучением особенностей развития и формирования ценностно-смысловой сферы личности студентов в процессе профессионального обучения занимались такие исследователи, как Л.Н. Антилогова, Е.А. Ман-

ченко, А.В. Серый, М.С. Яницкий и многие другие. Особо актуально стоит проблема преобразования ценностно-смысловой сферы студентов в процессе профессионального обучения в контексте кризисов профессионального развития. Как отмечается в работах Ф.Е. Василюка, Д.А. Леонтьева, А.В. Серого, М.С. Яницкого и ряда других исследователей, изучение кризисных и иных экстремальных ситуаций не будет полным без понимания изменений, происходящих в ценностно-смысловой сфере человека. М.Ш. Магомед-Эминов в своих работах определяет подход к изучению кризисных ситуаций с точки зрения специфических изменений ценностно-смысловых образований как «метапсихологический», уделяя особое внимание не только классическим симптомам и проявлениям кризисных ситуаций (когнитивные изменения, поведенческие особенности, изменения аффективной сферы), но в первую очередь особенностям бытия человека, его мироощущению и мировосприятию [2]. Такой подход созвучен и нашему пониманию изменений ценностно-смысловых образований в период кризисов профессионального становления студентов в процессе обучения в вузе. Как отмечалось нами в предыдущих работах, в постмодернистском обществе радикально изменяются требования к профессиональным качествам выпускника. Меняется и рынок труда, и условия профессиональной деятельности. Особое значение приобретают надпрофессиональные компетенции, т.е. способности быстро адаптироваться в коллективе, брать на себя ответственность, умение работать в команде. Это все происходит на фоне широкомасштабных и системных изменений в профессиональном образовании. Очевидно, и это в том числе вытекает и из наших исследований, сложившаяся ситуация предъявляет особые требования к личности студента [1]. Е.П. Савруцкая отмечает, что в современных условиях формирование ценностных ориентаций у молодежи претерпевает множество трудностей, связанных с реалиями социальной действительности, отсюда трудности выбора ценностных идеалов и ориентиров [4]. Это тоже, в свою очередь, создает предпосылки возникновению кризисов профессионального становления. В трудах таких исследователей, как Э. Эриксон, Е.А. Климова, Э.Ф. Зеер и других, личностные кризисы, возникающие в процессе обучения в вузе, рассматриваются, в том числе как кризисы профессионального самоопределения, профессиональной идентифика-

ции. В частности, В.Р. Манукян рассматривает кризисы становления личности не только как проявления общего адаптационного синдрома взросления, но и как проявления профессионального становления, выбора путей профессиональной самореализации, вхождения во взрослую жизнь [3]. Соглашаясь с обозначенными подходами к пониманию значимости ценностно-смысловых аспектов в контексте кризисов профессионального становления, хотелось бы отметить, что развитие личности студента лежит в плоскости пересечения двух реальностей, порожденных, с одной стороны, новым ведущим видом деятельности (учебно-профессиональным), а с другой – новыми ценностями, которые формируются самой ситуацией обучения в вузе. Этот процесс не всегда однозначен, предсказуем и успешен. Он зависит как от индивидуальных особенностей молодого человека, так и от условий, сложившихся в конкретном вузе. Понимание закономерностей и механизмов возникновения кризисов профессионального развития на пересечении этих двух реальностей мы считаем наиболее важным и актуальным для разработки методов и подходов для создания психолого-педагогических условий становления профессионала.

Литература

1. *Аршинова Е.В.* Проблема формирования ценностных типов и смысловых образований в процессе обучения в вузе // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (21). С. 17–20.
2. *Магомед-Эминов М.Ш.* Феномен экстремальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 28–38.
3. *Манукян В.Р.* Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 109–117.
4. *Савруцкая Е.П.* Политические и нравственные установки в ценностном сознании молодежи // Приволжский научный журнал. 2009. № 3. С. 246–251.
5. *Серый А.В.* Становление компетентности практического психолога // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 63–66.
6. *Яницкий М.С.* Состояния психической дезадаптации у студентов и пути оптимизации адаптационного процесса в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии. Кемерово, 1998. С. 58–67.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА СТРУКТУРИРОВАНИЯ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Баканов А. С., кандидат технических наук
Институт психологии РАН

Аннотация. Описывается проведенное экспериментальное исследование процесса структурирования текстовой информации, приводятся полученные результаты.

Ключевые слова: модели принятия решений, взаимодействие с информационной системой, когнитивные стили.

Abstract. Describes experimental studies of the process of structuring the text information, are the results.

Keywords: decision-making model, the interaction with the information system, cognitive styles.

На современном уровне развития информационных и компьютерных систем, а также телекоммуникационных технологий особую актуальность представляют вопросы эффективного взаимодействия человека с этими системами. Поскольку большая часть информации представлена в текстовом виде, особую актуальность приобретают вопросы структурирования и обработки текстовой информации человеком в процессе человеко-компьютерного взаимодействия с информационными системами.

В рамках проекта РФФИ № 15-07-01861 «Разработка модели принятия решений в процессе взаимодействия с системой документационного обеспечения управления с учетом когнитивного стиля лица принимающего решения» были проведены экспериментальные исследования, направленные на изучение процесса структурирования текстовой информации. В ходе исследований испытуемым на экране компьютера предъявлялись текстовые документы, после прочтения которых необходимо было принять решение о сортировке документа, т.е. принять решение о выборе из некоторого числа альтернатив. Испытуемым последовательно предъявлялись тексты, как прошедшие предварительную обработку системой поддержки принятия решений, так и без обработки. Обработка заключалась в определении структуры текста и проведении контент-анализа с использованием специально разработанного словаря (тезауруса). В результате обработки визуализировалась структура текста, а опорные слова выделялись цветом [1; 2]. Последовательность предъявления текстов (с обработкой и без обработки) на мониторе компьютера менялась, чтобы нивелировать привыкание испытуемого, после прочтения текста ис-

пытуемый принимал решение. Экспериментатор наблюдал и фиксировал траекторию движения взора испытуемого как в процессе чтения текста, так и в процессе принятия решения. На этапе принятия решения испытуемым предъявлялись (также на мониторе компьютера) вопросы двух типов. К вопросам первого типа относились вопросы, предъявляемые в следующем порядке:

- ◆ Выберите альтернативы (из некоторого списка) к которым относится данный документ/текст.
- ◆ Выберите альтернативы (из числа выбранных ранее), к которым данный документ/текст относится в наибольшей степени.
- ◆ Выберите только одну альтернативу (из выбранных ранее).

Таким образом, в процессе ответов на вопросы первого типа в приведенном выше порядке выявлялась структура, сформировавшаяся по прочтении конкретного документа/текста. Выявленный образ имел определенную структуру, которую можно было оценить количественно и качественно. Структура имела вид ориентированного или направленного графа, узлы которого соответствовали альтернативам, а направленные дуги, или ребра, соответствовали связям, которые выявлялись в процессе сортировки. Таким образом, если в результате все дуги сходились к одному узлу, т.е. одной альтернативе, это означало, что испытуемый решил задачу о сортировке. Например, если все дуги сходились к одному узлу на первом этапе сортировки, это означало, что испытуемый принял решение на первом шаге. Если на конечном этапе сортировки дуги сходились к двум и более узлам, это означало что испытуемый не смог сделать выбор в пользу какой-либо одной альтернативы. Количество уровней иерархии в структуре

и количество дуг, сошедшихся к одному узлу, характеризовали структуру ментальной репрезентации испытуемого, сформировавшуюся после прочтения текстового документа.

При ответе на вопрос (также предъявляемый на экране монитора) второго типа испытуемый должен был количественно оценить степень, в которой данный документ/текст относится к выбранной альтернативе. Таким образом, каждому ребру направленного графа назначался некоторый весовой коэффициент. Более подробно описание проведенных исследований и полученные результаты представлены в [2].

В ходе проведения исследований было замечено, что в процессе прохождения тестов на выявление структуры текста испытуемые обучались. Причем по мере обучения не только увеличивался процент правильных ответов и уменьшалось время, затрачиваемое испытуемым на решение задачи о сортировке, но и выявленная структура документов приобретала от теста к тесту более лаконичный или оптимальный вид, т.е. уменьшалось

количество узлов и уровней иерархии в структуре. Обработка и анализ материалов экспериментального исследования позволили обнаружить статистически достоверные корреляционные взаимосвязи когнитивных стилей с эффективностью выполнения заданий по сортировке и структурированию текстовой информации. Экспериментально подтверждено, что успешность деятельности по структурированию текстовой информации наиболее тесно связана с такими когнитивными стилями, как широкий/узкий диапазон эквивалентности и полнезависимость/полнезависимость.

Литература

1. Баканов А.С. Особенности психологического подхода к моделированию человеко-компьютерного взаимодействия // Вестник ГУУ. 2009. № 6. С. 15–18.
2. Баканов А.С., Зеленова М.Е., Алдашева А.А. Когнитивные стили и эффективность работы с документацией: сб. науч. трудов SWorld. Вып. 2. Т. 15, 2014. С. 74–78.

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ НАДЕЖНОСТЬ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Басинская И.В., старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии факультета социокультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет

Аннотация. Дается определение эвристической надежности и приводятся экспериментальные данные по определению эвристической надежности на примере решения элементарных комбинаторных задач (задачи со спичками). Рассматривается связь между личностными особенностями руководителей и эвристической надежностью.

Ключевые слова: эвристическая надежность, элементарные комбинаторные задачи, личностные особенности, пятифакторный опросник личности.

Abstract. Definition of heuristic reliability is given and experimental data by determination of heuristic reliability on the example of the solution of elementary combinatorial tasks are given (tasks with matches). Correlations between personal characteristics of leaders and heuristic reliability are considered.

Keywords: heuristic reliability, elementary combinatorial tasks, personal characteristics, Five-factorial questionnaire of the personality.

В данном исследовании под эвристической надежностью (ЭН) автор понимает способность находить решение проблемных задач заданных уровней сложности в течение заданного времени и в определенных условиях деятельности.

Выбор задач обусловлен исключением влияния прежнего опыта испытуемых и представлен

9 элементарными комбинаторными задачами (задачи со спичками) трех уровней сложности по 3 задачи в каждом уровне [1, с. 139]. В эксперименте приняли участие 147 человек – руководителей различного уровня управленческой иерархии.

Объективными показателями при решении комбинаторных задач являлись: результатив-

ность – количество правильно решенных задач в уровне (максимальное значение интегративной результативности в каждом уровне равно 3); время, затраченное каждым испытуемым на решение трех задач в уровне (время задавалось экспериментатором – 360 с, но при необходимости могло быть увеличено испытуемыми до 540 с). Средняя результативность ($\bar{x} \pm \sigma$) при переходе с низкого по сложности уровня на высокий составила $1,7 \pm 1,02$; $1,06 \pm 0,97$ и $0,50 \pm 0,67$ соответственно. На решение задач испытуемым понадобилось дополнительное время ($\bar{t} \pm \sigma$), с: 461 ± 127 – низкий, 503 ± 115 – средний и 507 ± 103 – высокий уровни сложности. Исходя из определения ЭН, из испытуемых выделили тех, кто при максимальной результативности в каждом уровне сложности затратил время, равное или меньше выделенного экспериментатором. В итоге ЭН при решении задач низкого уровня сложности показали 12 % испытуемых, при решении задач среднего уровня сложности – 4 %. ЭН при решении задач высокого уровня сложности никем из 147 испытуемых не была продемонстрирована.

Для определения личностных особенностей руководителей использовали «Пятифакторный опросник личности» (в адаптации А.Б. Хромова) [2]. Поведение человека в типичных жизненных ситуациях, в которых наиболее ярко проявляются его личностные черты, отражают 30 первичных факторов опросника, сгруппированных в 5 обобщенных: «экстраверсия – интроверсия», «привязанность – отделенность», «контролирование – естественность», «эмоциональность – эмоциональная сдержанность», «игривость – практичность». Исходя из средних значений, для данной выборки характерны высокие значения для факторов экстраверсия (53,6,32), привязанность (55,6,54), контролирование (60,2,80) и игривость (52,9,11). К области средних значений относится фактор «эмоциональность – эмоциональная сдержанность» (43,80,87).

Для выявления связи между эвристической надежностью и личностными особенностями руководителей использовали корреляционный анализ. Обнаружены достоверные корреляционные связи между ЭН при решении задач низкого уровня сложности и обобщенным фактором «эмоциональность – эмоциональная сдержанность» ($r_s = -0,228, p < 0,05$), а также его первичными факторами «тревожность – беззаботность» ($r_s = -0,225, p < 0,05$), «напряженность – расслабленность» ($r_s = -0,345, p < 0,01$) и «депрессивность – эмоциональная комфортность» ($r_s = -0,187, p < 0,05$). Наибольший вклад вносит фактор «напряженность – расслабленность». Достоверные корреляционные связи обнаружены между ЭН при решении задач среднего уровня сложности и обобщенным фактором «контролирование – естественность» ($r_s = -0,196, p < 0,05$), а также его первичным фактором «самоконтроль – импульсивность» ($r_s = -0,239, p < 0,05$).

Полученные связи позволяют заключить, что для повышения эвристической надежности при решении комбинаторных задач низкого уровня сложности необходимы такие личностные особенности испытуемых, как эмоциональная сдержанность и комфортность, неторопливость, расслабленность и самодостаточность. Повышению эвристической надежности при решении задач среднего уровня сложности предположительно будет способствовать низкая волевая регуляция поведения, тогда как излишний самоконтроль будет препятствовать успешному решению элементарных комбинаторных задач данного уровня сложности.

Литература

1. *Перепелица В.А., Тебуева Ф.Б.* Дискретная оптимизация и моделирование в условиях неопределенности данных. М.: Академия естествознания, 2007. 151 с.
2. *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2000. 23 с.

ДУХОВНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА-ПРОФЕССИОНАЛА

Белоус Е.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Школы гуманитарных наук Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. Рассматривается проблема духовности как важнейший компонент индивидуальности психолога. Особое внимание уделяется роли духовности в развитии профессионального са-

мосознания личности. Предлагается осмысление по развитию и воспитанию духовного самосознания личности психолога-профессионала как свойства ее индивидуальности.

Ключевые слова: дух, духовность, индивидуальность, духовное развитие, сознание, самосознание.

Abstract. The article deals with pressing issue of the spirituality as important component of professional psychologist's individuality. In the light of these facts special attention is paid to the role of spirituality in development of person's professional self-awareness. The author offers comprehension of the development and bringing up of person's self-awareness of professional psychologist as its individuality's characteristic.

Keywords: spirit, spirituality, individuality, the spiritual (mental) development, the awareness, the self-awareness.

В настоящее время в современном российском обществе, в его различных социально-культурных институтах усилилось значение феномена духовности. Активизируются процессы духовно-нравственного и философско-религиозного самоопределения личности, растет влияние нравственно-духовных ценностей на личность, а также различных сообществ, ставящих своей целью развитие духовного самосознания личности, в том числе духовного самосознания психолога-профессионала.

Как известно, самосознание является одним из свойств индивидуальности личности. Индивидуальность, по мнению Б.Г. Ананьева, есть интегральное свойство, объединяющее природные и социальные особенности человека. Через индивидуальность раскрываются: своеобразие личности, способности, предпочтительная сфера деятельности. Индивидуальность, как утверждал Б.Г. Ананьев, включает в себя следующие структурные компоненты: индивид, субъект деятельности и личность [1].

В качестве свойств индивидуальности М.К. Тутушкина называет: базовые – темперамент, характер, способности и программирующие – направленность, интеллект, самосознание [5].

Феномену духовности соответствует высший аспект человеческой индивидуальности, он задает главную цель развития человека и проявляется в чувстве духовного родства со всем миром посредством проявления любви, сочувствия, сострадания, милосердия, участия ко всему живому во Вселенной.

Д.А. Леонтьев предлагает рассматривать духовность как высший уровень человеческой саморегуляции, присущий зрелой личности [3].

Духовность (ноэтичность) рассматривается Г.В. Залевским как принцип самостроительства человека, как выход к высшим ценностным ориентирам конструирования личности и ее менталитета, он раскрывает духовность как неограниченный набор личностных мотиваций, норм поведения, опыта, ценностей и установок, которые основаны на поиске экзистенциального понимания смысла, цели и трансценденции [2].

Итак, духовность можно определить как ощущение целостности, гармонии с бытием, окружающим миром, осознание себя единой частью этого бытия. Духовность – это постижение и открытие бытия, устремление и приближение к истине. Духовные ценности становятся смыслополагающими для личности, и роль психолога неопределима в процессе движения личности к смыслоориентированию, смыслополаганию и смыслодостижению.

Духовность – это высшая природа человека, его сознание и самосознание, воля и образ мира. Человек способен выйти на уровень познания своей самости – духовного центра личности в процессе своего развития, находясь в гармонии реального и идеального, осознавая ситуацию «здесь и сейчас». Истинная духовность проявляется в способности к выстраиванию отношений с самим собой (архетипическими структурами своей души), с другими людьми, с миром в целом, с Богом. Только таким образом можно прийти к целостности в себе и со всем миром [1].

Развитие личности психолога-профессионала в процессе духовной самореализации и раскрытия собственной индивидуальности предполагает опору на принципы признания за человеком опыта обращения к собственным силам, выводящим его к духовному «Я» и дающим веру в самоисполняемость посредством глубокого осознания единства и целостности всего мира.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002. 288 с. (Мастера психологии).
2. Белоус Е.И. Психология духовности: монография. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. 474 с.
3. Залевский Г.В. Психология здоровья – проблемы образования и культуры // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 153–157.
4. Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности // Известия Таганрогского гос. радиотехн. ун-та. 2005. № 7. С. 16–21.
5. Тутушкина М.К. Практическая психология для преподавателей. М.: Филинь, 1997. 328 с.

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ ОЦЕНКИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ И РАБОТНИКАМИ СТАРАТЕЛЬСКОЙ АРТЕЛИ

Бондарчук Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Северо-Восточный государственный университет

Склеинис В.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры математических и гуманитарных дисциплин
Магаданский институт экономики Санкт-Петербургского университета управления и экономики

Аннотация. Приводятся результаты анализа семантического исследования значений образа жизни представителей различных профессий. Производится сопоставительный анализ оценок данных стимулов государственными служащими, а также работниками старательских артелей.

Ключевые слова: государственная служба, семантический дифференциал, образ мира, семантические универсалии, развитие значения.

Abstract. This article presents the results of the exploration of semantic values lifestyle representatives of various professions. Produced a comparative analysis of these assessments incentives the state employees and employees of mining communities.

Keywords: public service; semantic differentia; the image of the world; semantic universalities, the development of the meaning.

Проблема повышения качественного уровня управленческой деятельности в государственных органах власти представляется нам важной и актуальной. Реализация государственными служащими профессиональной деятельности связана не только с профессиональной компетентностью, но и с психологическими характеристиками, определяющими ее эффективность и направленность [2, 3]. В этой связи особую актуальность приобретает необходимость исследования профессионального образа мира и образа жизни государственного служащего.

В нашей работе инструментарий психологии субъективной семантики применен к изучению государственных служащих. Это позволяет построить содержательную модель профессионального видения мира посредством рассмотрения психологических особенностей субъекта труда, описания структуры его смыслов, значений в языковых конструктах, характерных для данной профессии.

Для изучения представлений государственных служащих об их образе жизни нами был использован специализированный семантический дифференциал (СД) В.П. Серкина для оценки образа жизни [4]. Выборку исследования составили государственные служащие города Магадана в количестве 22 человек в возрасте от 24 до 45 лет, из них 8 мужчин и 14 женщин.

Для демонстрации профессиональной специфики семантических универсалий оценки своего образа жизни государственными служащими мы сопоставили данные оценок с аналогичными дескрипторами, полученными при оценке своего образа жизни группой старателей (табл. 1) [1].

Государственные служащие оценивают понятие «образ жизни» с использованием преимущественно положительных характеристик. Так, образ жизни оценивается ими как понимающий, ответственный, уважительный, положительный, дружеский, уверенный, настоящий, осмысленный, нравственный, счастливый, смелый.

Характеризуя свой образ жизни в период рабочего сезона, старатели используют следующие дескрипторы: динамичный, активный, напряженный и подвижный. Это вполне объясняется такими объективными параметрами старательского труда, как длительный, активный и сезонный характер деятельности; напряженность графика работы (суточного, недельного, сезонного); дефицит времени, необходимого для восстановления сил, отдыха; большие физические нагрузки.

Таким образом, для государственных служащих характерно более разноплановое (наблюдается большее число дескрипторов в универсалии оценки) и положительное представление о своем образе жизни, нежели у старателей.

Таблица 1

Семантические универсалии оценки понятий «Образ жизни» и «Образ жизни в период рабочего сезона», полученные на группах государственных служащих и старателей (по 90 %-ному интервалу)

Понятие «Образ жизни» (госслужащие)		Понятие «Образ жизни в период рабочего сезона» (старатели)		Понятие «Образ жизни» (старатели)	
Признак	Вес признака	Признак	Вес признака	Признак	Вес признака
Понимающий	2,26	Активный	2,68	Активный	1,97
Ответственный	2,6	Динамичный	1,58	Достойный	1,71
Уважительный	2,21	Напряженный	2,47	Дружеский	2,18
Положительный	2,3	Подвижный	2,00	Понимающий	1,79
Дружеский	2			Напряженный	1,88
Уверенный	1,73			Подвижный	1,94
Настоящий	2,13			Нравственный	1,76
Осмысленный	1,91			Положительный	2,06
Нравственный	2,04			Ответственный	2,09
Счастливый	2,17			Сытый	1,85
Смелый	1,95				

На наш взгляд, данные различия в оценке образа жизни государственными служащими и образа жизни в период рабочего сезона старателями можно объяснить спецификой деятельности государственного служащего, имеющего высокий социальный статус и, вероятно, большую удовлетворенность работой и своим местом в обществе. Кроме того, разноплановость в оценке государственных служащих может свидетельствовать о большей многогранности их образа жизни, в то время как у старателей большая часть жизни занята профессиональной деятельностью, которая характеризуется отсутствием свободного времени, проведением большей части времени на производстве и осуществляется в условиях информационной и групповой изоляции в течение рабочего сезона.

Кроме того, понятие «образ жизни» оценивается старателями более положительно, нежели понятие «образ жизни в период рабочего сезона», и характеризуется такими дополнительными дескрипторами, как достойный, дружеский, нравственный, понимающий, положительный, ответственный, сытый. Данные оценки скорее всего касаются той части жизни старателей, которая не связана с их профессиональной деятельностью в период рабочего сезона, а приходится на время отпуска, насыщена контактами с близкими, решением различных бытовых и социальных задач. Отсюда такие дескрипторы, как сытый, достойный, положительный и др. Соответственно, образ жизни старателей как бы «разделен» на образ жизни, связанный с осуществлением профессиональной деятельности и связанный с отпускным периодом.

Интересно, что универсалии оценки понятия «образ жизни» государственными служащими и старателями совпадают по части дескрипторов, что указывает на большую целостность образа жизни государственных служащих и подчеркивает специфичность образа жизни разнотипных профессионалов.

Сопоставляя оценки образа жизни представителями различных профессий, можно отметить ряд как формальных, так и содержательных различий. Формальная сторона различий заключается в том, что оценки государственных служащих имеют большую степень согласованности и разнообразия, что обусловлено, на наш взгляд, необходимостью задействования данными специалистами вербального интеллекта в своей профессиональной деятельности. Содержательно оценки госслужащих включают в себя развернутое и положительное представление о своем образе жизни как об уверенном, положительном, настоящем, осмысленном, счастливом, смелом, в то время как в оценках старателей внимание в большей степени акцентируется на динамическом аспекте деятельности.

Литература

1. Бондарчук Н.В. Психологическое содержание старательского труда: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. На правах рукописи. Магадан, 2007. 26 с.
2. Деркач А.А., Марасанов Г.Л. Психолого-акмеологическое консультирование управленческих кадров. М: РАГС, 1996. 128 с.
3. Елина И.Е., Елин А.В. Место и роль категории качества в пространстве профессиональной деятельности государственных служащих // Реги-

он. К новому качеству правления. М.: Луч, 2000. С. 37–42.

4. Серкин В.П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2016. 378 с.

5. Склейнис В.А. Специфика развития образа мира в разнотипных профессиях: дисс. ... канд. психол. наук. На правах рукописи. Магадан, 2011. 25 с.

ИЗМЕНЕНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Буравлёва Е.П., кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. Рассматривается проблема изменений в мотивационной сфере сотрудников полиции, профессиональная деятельность которых предъявляет высокие требования к человеку. Приведены результаты эмпирического исследования, свидетельствующие о негативных тенденциях в «сдвиге мотивов» у старослужащих сотрудников полиции по сравнению с сотрудниками полиции первого года службы.

Ключевые слова: мотивационная сфера, мотив, профессионализация.

Abstract. Considers the problem of changes in motivational sphere of police officers, whose professional activity makes high demands on man. The results of empirical research showing negative trends in «shifting motives» experienced police officers compared to police officers the first year of service.

Keywords: motivational sphere, motive, professionalization.

Одной из важнейших составляющих индивидуального психологического потенциала профессионала является направленность личности. Игнорирование специфики содержания мотивационной сферы личности влечет за собой высокие риски, так как «деятельность, выполняемая по принуждению, приводит к отказам, срывам личности, которые могут оборачиваться психологическими травмами, издержками, являются своеобразной высокой психологической «ценой» за непосильную деятельность» [1, с. 123].

При этом направленность личности не является стабильным, раз и навсегда заданным условием изменения в мотивационной сфере. Особенно важно исследовать и учитывать изменения в мотивационной сфере тех, чья профессиональная деятельность предъявляет высокие требования к человеку. В качестве яркого примера выступают сотрудники полиции.

Исследования обнаруживают, что выбор работы в органах внутренних дел по большей части обусловлен утилитарными мотивами [2, 3, 4]. Однако эти исследования не дают представления об изменениях в мотивационной сфере сотрудника полиции в ходе профессиональной карьеры.

Был проведен анализ различий в мотивационной сфере сотрудников полиции первого года службы и старослужащих на основе результатов опроса с помощью методики «Опросник терми-

нальных ценностей» (ОТеЦ) И.Г. Сенина, теста «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана.

В целом, используя терминологию В.Э. Мильмана [5], можно сделать вывод о том, что у сотрудников первого года службы вырисовывается прогрессивный мотивационный профиль, характеризующийся превышением общего уровня мотивов производительного ряда над уровнем мотивов потребительного типа, что обычно положительно связано с успешностью рабочей активности, характерно для личности с социально направленной позицией. Для сотрудников, имеющих стаж службы более пяти лет, типичен регрессивный мотивационный профиль. Он характеризуется превышением общего уровня потребительных мотивов над производительными, развивающими мотивами, что является определенным менталитетом, жизненной позицией, которая в своем развитии может переходить от позиции равнодушия к социуму в позицию враждебности, вырождаясь в деструктивные формы поведения.

Таким образом, результаты представленного эмпирического исследования фиксируют наличие так называемого дрейфа мотивов в процессе профессионализации сотрудников полиции. Результаты исследования акцентируют внимание на негативных тенденциях. По мере роста стажа службы профессиональная деятельность не становится для сотрудника полиции ценной

сама по себе. В то же время учет особенностей изменения мотивов может дать представление о том, где находятся «точки роста», возможности для преодоления создавшейся негативной ситуации.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Личность как субъект деятельности: хрестоматия: психологические основы профессиональной деятельности / сост. В.А. Бодров. М.: ПЕР СЭ; Логос, 2007. С. 119–125.

2. *Вахина В.В.* Технологии диагностики ценностно-мотивационной сферы личности сотруд-

ников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2. С. 74–82.

3. *Дубнякова А.И.* Современные исследования мотивации сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2 (29). С. 19–21.

4. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.

5. *Мильман В.Э.* Мотивация творчества и роста: структура, диагностика, развитие: теоретическое, экспериментальное и прикладное исследование диалектики созидания и потребления. М., 2005.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ СТУДЕНТОВ

Валуйская Т.Л., кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии факультета социально-педагогических технологий
Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматривается сущность и структура интеллектуальной инициативы личности и профессионально-педагогического мышления. Акцентируется их общая основа. Приведены результаты исследования взаимосвязи интеллектуальной инициативы и профессионально-педагогического мышления студентов.

Ключевые слова: интеллектуальная инициатива, надситуативность, профессиональное мышление, студенты.

Abstract. The essence and structure of the intellectual initiative of the individual and professional-pedagogical thinking. Attention is their common ground. The results of studies on the relationship of intellectual initiative and professional-pedagogical thinking of students.

Keywords: intellectual initiative suprasituational, professional thinking, students.

М.М. Кашапов создал научную школу, в которой были разработаны акмеологические основы структурно-функциональной теории творческого мышления профессионала. В рамках этой теории в качестве единицы анализа профессионального мышления предлагается рассматривать проблемность, а в качестве единицы анализа деятельности – профессиональную проблемную ситуацию [2]. Профессиональное мышление включает два уровня: ситуативный и надситуативный.

В психологии проблема сущности надситуативной активности была поставлена и экспериментально проверена В.А. Петровским [4]. В.Т. Кудрявцев предложил считать показателями надситуативности инициативу и способы преоб-

разования проблемной ситуации [3]. Д.Б. Богоявленская экспериментально изучила феномен интеллектуальной инициативы и создала оригинальную авторскую концепцию творческой одаренности [1]. В нашем исследовании интеллектуальная инициатива определена как способность личности к обнаружению (постановке) проблемы и самостоятельной оптимизации процесса познавательной деятельности. Внешнее проявление интеллектуальной инициативы – это самостоятельная оптимизация субъектом способа познавательной деятельности на основе выявления скрытых закономерностей ситуации. Психологическая (внутренняя) сущность интеллектуальной инициативы – это движение мысли субъекта в наиболее глубокие пласты познаваемого объек-

та или ситуации с последующим преобразованием этого объекта или ситуации. Так как надситуативность определяется внутренними условиями субъекта и опирается на инициативу и стратегичность мышления, логично предположить, что надситуативность в профессионально-педагогическом мышлении тесно связана с интеллектуальной инициативой личности.

Эмпирическое исследование проведено на выборке студентов педагогического университета в количестве 41 человека в возрасте 19–22 года. С целью определения типа и уровня интеллектуальной инициативы студентов была применена авторская методика «Планиметрия». Диагностика профессионального мышления производилась при помощи «Опросника выявления ситуативного/надситуативного уровня педагогического мышления» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева). Творческие личностные черты и психометрическая креативность студентов изучались при помощи «Опросника творческих характеристик личности» и «Теста творческого мышления» (САР) Ф.Е. Вильямса в модификации Е.Е. Туник.

В среднем студенты со стимульно-продуктивным типом интеллектуальной активности предложили около четырех надситуативных решений ($\bar{x}_1 = 4,154$), что соответствует умеренному преобладанию ситуативности в их профессионально-педагогическом мышлении. Испытуемые с эвристическим и креативным типами интеллектуальной активности предложили в среднем шесть надситуативных решений ($\bar{x}_э = 6,136$; $\bar{x}_к = 5,375$), что соответствует умеренному преобладанию надситуативности в их профессиональном мышлении. Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь переменной «ситуативность/надситуативность профессионального мышления» с переменной «интеллектуальная инициатива» ($R = 0,54$, $p = 0,0003$). Чем выше уровень интеллектуальной инициативности студентов, тем более

высокий уровень надситуативности профессионального мышления они демонстрируют. Надситуативность профессионально-педагогического мышления студентов не взаимосвязана ни с одной из характеристик психометрической креативности. Надситуативность не коррелирует с такими чертами творческой личности, как сложность, рискованность и воображение.

В свою очередь, уровень интеллектуальной инициативы положительно взаимосвязан со всеми творческими характеристиками личности (наиболее тесно – со сложностью) и их суммарным показателем и не взаимосвязан ни с одной из характеристик психометрической креативности.

Полученные результаты позволяют предположить, что интеллектуальная инициатива выступает как посредник между творческими личностными чертами, с одной стороны, и надситуативностью педагогического мышления – с другой. Развитая интеллектуальная инициатива способствует обнаружению студентами глубоких противоречий в сфере профессиональных отношений и нахождению конструктивных, стратегически ориентированных решений.

Литература

1. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. Самара: ИД «Федоров», 2009.
2. *Кашапов М.М.* Акмеологические основы структурно-функциональной теории творческого мышления профессионала. URL: [yspu.org_images_f_ff_04_Кашапов_М.М..pdf](https://yurp.ucoz.ru/publ/04_kashapov_m_m_2015/0-1). (дата обращения: 30.08.2015).
3. *Кудрявцев В.Т.* Выбор и надситуативность в творческом процессе: опыт логико-психологического анализа // Психологический журнал. 1997. № 1. С. 16–30.
4. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

ЭМПАТИЯ И СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ВРАЧЕЙ

Виничук Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Школы гуманитарных наук

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. Рассматривается проблема взаимосвязи эмпатии и эмоционального выгорания у врачей. В результате проведенного исследования обнаружена обратная корреляция поликоммуникативной эмпатии и синдрома эмоционального выгорания у врачей разных профилей.

© Виничук Н.В., 2015

Таким образом, чем выше уровень эмпатии, тем менее выражен синдром эмоционального выгорания.

Ключевые слова: эмпатия, синдром эмоционального выгорания, врач.

Abstract. The problem of the relationship of empathy and emotional burnout among doctors. The study found an inverse correlation polikommunikativnoy empathy and burnout among doctors of different profiles. Thus, the higher the level of empathy, the less pronounced burnout syndrome.

Keywords: empathy, emotional burnout syndrome, the doctor.

В процессе трудовой деятельности на личность врача оказывает существенное влияние ряд особенностей: профессиональное развитие, высокий уровень умственного и психоэмоционального напряжения, специфические профессиональные ситуации, связанные с высоким уровнем ответственности, необходимость проявления эмпатии и многое другое.

В связи с тем, что профессия врача связана с повышенным уровнем социально-психологических требований и относится к субъект-субъектному виду деятельности, мы предположили, что существует связь между эмоциональным выгоранием и эмпатией.

Выборку исследования составили 60 врачей разных профилей государственных медицинских учреждений г. Владивостока (30 женщин и 30 мужчин) в возрасте от 30 до 55 лет. Сбор данных и первичную обработку осуществляла Е.Е. Могурян.

Для проверки гипотезы были применены две методики:

- ◆ методика диагностики уровня поликоммуникативной эмпатии (И.М. Юсупов) [3]. Данная методика предназначена для выявления уровня эмпатии, т.е. способности идентифицировать состояние другого человека и проявлять произвольную эмоциональную отзывчивость. Термин «эмпатия» был введен Э. Титченером в 1909 г. как результат перевода немецкого слова «*einführung*» – «вчувствоваться в...». В 1950-х гг. термин «эмпатия» получил большое распространение и обозначал процесс вчувствования, т.е. эмоциональное проникновение в состояние другого человека [2];
- ◆ опросник выявления эмоционального выгорания MBI (К. Маслач, С. Джексон; Maslach Burnout Inventory – MBI) [4]. В России опросник адаптирован Н.Е. Водопьяновой. Данная методика предназначена для выявления уровня эмоционального выгорания в профессиях типа «человек – человек». Она диагностирует следующие фазы синдрома эмоционального выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личностных достижений. Термин «эмоциональное выгорание» в 1974 г. ввел американский психиатр Х. Дж. Фрейден-

берг. Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова под синдромом психического выгорания понимают многомерный конструкт, включающий в себя совокупность негативных психологических переживаний и дезадаптивного поведения как следствие продолжительных и интенсивных стрессов общения [1].

Полученные результаты исследования показали, что уровень эмоционального выгорания в данной группе врачей достаточно высок. У 41,7 % врачей (25 человек) обнаружен высокий уровень эмоционального истощения; у 33,3 % (20 человек) – средний уровень эмоционального истощения и у 25 % (15 человек) – низкий. 61,7 % врачей (37 человек) показали высокий уровень деперсонализации; 31,7 % (19 человек) – средний уровень; 6,6 % (4 человека) – и низкий уровень деперсонализации. Высокий уровень редукции личностных отношений выявлен в 85 % (51 человек) случаев; средний – в 3,3 % (2 человека) и низкий уровень редукции личностных достижений обнаружен в 11,7 % (7 человек). Таким образом, наиболее выраженной фазой эмоционального выгорания является редукция личностных достижений. Это говорит о том, что у респондентов присутствует тенденция к негативной оценке своей продуктивности и занижение значимости результатов профессиональной деятельности.

Результатами диагностики уровня эмпатии являются следующие показатели: 23,3 % (14 человек) респондентов имеют очень высокий уровень эмпатийности; 23,3 % (14 человек) – высокий уровень; 30 % (18 человек) – нормальный; 20 % (12 человек) – и низкий и всего 3,4 % (2 человека) обладают очень низким уровнем эмпатийности. В целом в данной группе врачей наблюдаются высокие показатели уровня эмпатии, что говорит об их способности к пониманию, вчувствованию в эмоциональное состояние другого человека.

Проверка связи между поликоммуникативной эмпатией и синдромом эмоционального выгорания осуществлялась при помощи математического критерия Пирсона. Обнаружена отрицательная корреляция ($r = -0,489$), т.е. существует обратная связь между эмоциональным выгоранием и эмпатией. Это означает, что чем выше уро-

вень эмпатии, тем ниже эмоциональное выгорание, и наоборот. Таким образом, взаимовлияние поликоммуникативной эмпатии и синдрома эмоционального выгорания существует.

Литература

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 358 с.

2. Гинпенрейтер Ю.Б. Феномен конгруэнтной эмпатии // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 61–73.

3. Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии (И.М. Юсупов) / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. С. 153–156.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЗНАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Гадилия А.М., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Белорусский государственный экономический университет

Месникович С.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Аннотация. Рассматривается проблема влияния художественной перцепции как процесса восприятия и понимания человека, являющегося объектом отображения в искусстве, на развитие личности. Обобщены данные, подтверждающие эффективность актуализации художественной перцепции в учебно-воспитательном процессе.

Ключевые слова: художественная перцепция, обучение психологии.

Abstract. The problem of influence of art perception as process of the perception and understanding of the person which is object of display in art on development of the personality is considered. The data confirming efficiency of updating of art perception in teaching and educational process are generalized.

Keywords: art perception, training of psychology.

Эмоционально-нравственный компонент является важным и действенным в структуре общей направленности личности и предполагает организацию целенаправленной работы по его формированию и развитию посредством тех форм, методов, средств и содержания, которыми обладают современные образовательные программы. В связи с этим приобретает важность использование методов и технологий обучения, актуализирующих взаимосвязь образования и культуры. Искусство способно раздвинуть границы жизненного опыта человека. Согласно А.А. Леонтьеву, субъект учится чувствовать, хотеть, относиться к другим людям через искусство. Оно не только отражает окружающий и собственный мир личности, но и оценивает его, утверждает человеческий идеал. Для того чтобы художественное произведение оказывало влияние на субъекта, оно должно быть им воспринято, понято и усвоено [2]. Следовательно, важным фактором развития

личности является художественная перцепция как процесс восприятия и понимания человека, являющегося объектом отображения в искусстве.

В Беларуси существует основанное Л.Н. Ружиной научное направление – художественное познание психики человека. По данным автора, художественная перцепция приводит к формированию психологических обобщений, усвоение которых обеспечивает существенные изменения в развитии личности обучающегося. Особую важность в контексте названного направления приобретают экспериментальные исследования, позволяющие не только обогатить эмоционально-нравственную сферу обучающихся, но и существенно повысить качество усвоения психологии в высших учебных заведениях.

Изучение психологических дисциплин является неотъемлемой частью профессионального образования. Следовательно, для психологического сопровождения образования специалиста в любой отрасли науки и практики требуется

адекватная психологическая осведомленность, грамотность, готовность применять в работе полученные теоретические знания по психологии. Качество обучения на занятиях по психологии во многом определяется отношением обучающегося к учению как к совместно создаваемому и переживаемому опыту.

Серия осуществленных обучающих экспериментов, специально ориентированных на художественное познание человека и организованных в форме субъект-субъектного взаимодействия, показала, что художественная перцепция может выступать фактором эмоционально-нравственного развития личности при условии ее целенаправленной организации. При этом не только познается сложный мир человеческих переживаний, отношений, поступков, формируются представления о широком спектре чувств и переживаний, присущих человеку, адекватное понимание собственных эмоций и чувств, знание объективных признаков проявления эмоций, умение определять и вербализовывать гамму собственных чувств и переживаний, их тонкая дифференциация и нюансировка, но и осуществляется фасилитирующее воздействие искусства, развивающие эффекты которого экстраполируются на эмоционально-нравственную сферу человека. Воспринимаемая художественное произведение, индивид постоянно обогащает свои знания и представления о человеке, постигает сложность и противоречивость его природы, осмысливает различные свойства личности, проявляющиеся в ее поступках, переживаниях, размышлениях, отношении

к себе и другим, анализирует цели и мотивы поступков персонажа, обнаруживает вариантность его поведения в тех или иных обстоятельствах, т.е. приобретает опыт тончайшего познания психологии человека, опыт, который, соединяясь с научным и практическим познанием людей, значительно обогащает содержание представлений индивида о человеке, облегчает выработку психологических обобщений и критериев оценки людей и тем самым участвует в регуляции действий познающего субъекта, способствует формированию адекватных способов поведения [1].

Использование материала, обеспечивающего синтез научного и художественного познания эмоционально-нравственной сферы личности, должно варьироваться в зависимости от специфики психологической дисциплины и определяться задачами конкретного раздела психологии.

Таким образом, художественная перцепция как процесс восприятия и понимания человека, являющегося объектом отображения в искусстве, выступает фактором эмоционального и нравственного развития личности при условии ее целенаправленной организации.

Литература

1. Психологическая подготовка в контексте профессионального становления педагога // Гуманитарно-экономический вестник. 2010. № 3. С. 110–115.
2. Рожина Л.Н. Художественное познание и развитие личности старшеклассника. Минск: БГПУ. 1993.

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Герасимова И.В., кандидат психологических наук, доцент
Морской государственной университет им. адмирала Г.И. Невельского

Аннотация. Представлен опыт разработки автоматизированной системы психодиагностики для профориентации школьников. В диагностический пакет вошли «Дифференциальный диагностический опросник» Е.А. Климова, «Карта интересов» А.Е. Голомштока, «Анкета оптанта», которые были адаптированы к современным социокультурным и техническим условиям в обществе.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, компьютерная система психодиагностики, экспертное проектирование, экспертная оценка.

Abstract. The experience of the development of an automated system for psychodiagnosis career counseling students. The diagnostic package includes «Differential diagnostic questionnaire» Е.А. Klimov, «Map of the interests» А.Е. Golomshtok and «Questionnaire of the optant», which have been adapted to the socio-cultural and technological changes of society.

Keywords: professional orientation, computer system of psychoactivator, expert planning, expert estimation.

Вопрос «на кого пойти учиться?» не только личного характера, но и экономический, государственный, и первая задача, с которой сталкиваются психологи-практики, – это подбор соответствующего диагностического инструментария. Для ее решения сотрудниками НИИ морской психологии были отобраны «Дифференциальный диагностический опросник» (ДДО) Е.А. Климова, «Карта интересов» А.Е. Голомштока и «Анкета оптанта» (по А.А. Крылову, С.А. Маничеву). Однако в современных условиях формулировки ряда вопросов для школьников звучат архаично, не отражают социокультурные, экономические и технические изменения, поэтому возникла необходимость в их адаптации [1].

Как на этапе адаптации инструкций и вопросов методик, так и на этапе формулировки текстов презентации результатов и их графического предъявления применялась первоначальная и повторная экспертная оценка, экспертное проектирование (одиночная оценка; групповая оценка без взаимодействия и с взаимодействием; однотуровая, двухтуровая оценка). Помимо 8 сотрудников научно-исследовательской лаборатории морской психологии в основной состав экспертной группы вошли 16 соисполнителей, работающих на факультете. Еще 19 экспертов (инженеры, моряки, пилоты, юристы, экономисты, журналисты, музыканты и др.) привлекались со стороны.

Объектами проектирования являлись 14 из 20 вопросов методики «ДДО» (один полюс дихотомической шкалы или оба), 42 из 174 вопросов методики «Карта интересов», предварительно признанные нуждающимися в адаптации. Перед экспертами ставилась задача сохранить смысловое содержание вопроса в новой формулировке. В свою очередь, другие, независимые эксперты, оценивали не только содержательную сторону, но и сохранилась ли «отнесенность» вопроса к соответствующей шкале; нужно ли вносить дополнительные коррективы в новую редакцию вопроса («ДДО», «Карта интересов»); нет ли полностью повторяющихся формулировок вопросов, относящихся к одной шкале («Карта интересов»). В результате, помимо корректировки вопросов, в методике «Карта интересов» было изменено

в соответствии с содержанием название одной шкалы на «Авиация, морской и речной флот».

В «Карте интересов» три общие сферы – гуманитарная, естественнонаучная и математически-техническая – неравновесны по количеству входящих в них сфер деятельности. Кроме того, сами 29 входящих сфер неравновесны по широте понятий: так, авиация является частным случаем транспорта, а электротехника – частным случаем техники. Более того, многие современные профессии являются смешанными с точки зрения классификации, введенной автором. Все это ставит под сомнение целесообразность сфокусированности внимания на одной из трех общих сфер. В результате графу «сфокусированы в одной сфере» было решено исключить из алгоритма обработки. Некоторые коррективы внесены и в градацию интересов, предложенную Е.П. Ильиным для интерпретации результатов: введено шесть диапазонов вместо пяти, несколько видоизменены формулировки.

В «Анкете оптанта» откорректированы вопросы 9, 14; изменена последовательность предъявления шести вопросов и содержание вопросов 11, 12, 13, 14 для случая, когда школьник не определился с выбором профессии и в связи с тем, решил ли респондент, какую профессию выбирает или нет, в методику введена «развилка», два алгоритма дальнейшего опроса.

Адаптированными методиками проведено пилотажное эмпирическое исследование, что затем было учтено в окончательной компьютерной версии².

Презентация результатов рассчитана не только и не столько на профессиональных психологов, сколько на самих школьников и их родителей. После заполнения психологом-диагностом промежуточной формы старшеклассник уносит домой распечатку, содержащую графическое изображение результатов по каждой методике, пояснительный текст и резюмирующую текстовую часть. Описано, к каким областям деятельности у него обнаружен интерес по типу профессии и объекту изучения – научной сфере, приведены примеры рекомендуемых профессий по типам и сферам деятельности. Сопоставляются неосознанные интересы школьника со сде-

² Автоматизированная система профессиональной ориентации школьников. Модуль тестирования. Версия 2009-1. Зарегистрировано 25.03.2010. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2010612252. Автоматизированная система профессиональной ориентации школьников. Модуль анализа. Версия 2009-1. Зарегистрировано 24.06.2011. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011614991 РФ. Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам.

ланным им выбором профессии. Если выбор не сделан, респонденту предоставляется перечень сфер деятельности, типов профессий и примеров профессий, по отношению к которым выявлены предпочтения, интересы, склонности, а также информация о сопровождающих обстоятельствах – обнаруженных у него познавательных интересах и склонностях, особенностях планирования по-

лучения профессии, мотивации выбора, влиянии окружающих на выбор.

Литература

1. Программа профориентации старшеклассников / О.А. Истомина, И.В. Герасимова и др. // Вестник Морского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 37. С. 93–105.

СООТНОШЕНИЕ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА-УПРАВЛЕНЦА

Горбатова М.М., доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимосвязи общих и специальных способностей в педагогической управленческой деятельности.

Ключевые слова: общие и специальные способности, управленческая деятельность.

Abstract. The article is devoted the role general and special abilities in management educational activities.

Keywords: general and special abilities, management educational activities.

Управленческая деятельность, являясь самостоятельным видом профессиональной деятельности, предъявляет особые требования к субъекту труда. По мнению ряда авторов, эти требования, являясь едиными, неодинаково реализуются в зависимости от вида управленческой деятельности [2]. Одной из задач проведенного нами исследования стало выявление особенностей проявления способностей в педагогической и административной управленческой деятельности. Исследование проводилось на выборке административных работников департамента образования Кемеровской области, администраций городов, районов области, городских и районных департаментов образования, а также директоров школ. В исследовании приняли участие 599 человек.

В ходе исследования был проведен сравнительный анализ проявления способностей в педагогической и административной управленческой деятельности, в результате которого было установлено, что управленцы-администраторы характеризуются направленностью на соответствие нормативным критериям социального окружения, умением подчиняться установленному порядку, следовать инструкциям и директивам, высокой степенью исполнительности. Их отличает инертный стиль мышления, лишенный свободы, независимости и раскованности, опора на общепринятые точки зрения. Именно эти ка-

чества (пик профиля на первой шкале СМОЛ) отличают группу управленцев-администраторов от их коллег-педагогов ($p = 0,001$). Достоверные различия были получены также по шкале 7 ($p = 0,001$) и шкале 8 ($p = 0,001$). Однако общий рисунок профиля руководителей административных органов управления близок профилю управленцев-педагогов (табл. 1).

Диагностика общих интеллектуальных способностей выявила достоверные различия между обследованными группами управленцев. Полученные данные свидетельствуют, что интеллектуальный уровень работников системы образования является более высоким, они обладают более широкими интеллектуальными интересами, лучше понимают абстракции, демонстрируют более развитые способности к анализу сложных закономерностей. Как уже отмечалось, в системе образования наблюдается повышение общего интеллектуального уровня в зависимости от должностного статуса [1]. В группах управленцев-администраторов, разных по должностному статусу, достоверных различий в интеллектуальном уровне обнаружено не было. Иначе говоря, указанная зависимость является специфической именно для педагогической управленческой деятельности.

Сравнительный анализ успешных и малоэффективных руководителей в обеих группах показал, что общий интеллектуальный уровень успешных руководителей в системе образования оказался

Таблица 1

**Средние данные по тестам СМОЛ и Равена управленцев-администраторов
и управленцев-педагогов**

Шкалы	Управленцы административных органов управления	Управленцы системы народного образования	p
L	48,7	48,4	–
F	47,1	48,3	–
K	52,3	50,6	0,032
1	52,3	49,6	0,001
2	45,5	45,8	–
3	50,7	51,0	–
4	44,7	42,7	–
6	51,1	51,8	–
7	47,8	41,7	0,001
8	45,6	41,3	0,001
9	48,1	49,6	–
IQ	98,0	101,7	0,042

значительно более высоким (IQ = 114,00) как по сравнению с малоэффективными управленцами-педагогами (IQ = 90,2 $p = 0,04$), так и по сравнению с успешными руководителями административных органов управления (IQ = 99,2; $p = 0,009$).

Приведенные результаты позволяют сделать вывод, что управленческая деятельность как в системе образования, так и в системе административных органов требует наличия фактически идентичного набора специальных способностей, различающихся лишь степенью выраженности отдельных профессионально важных качеств,

роль общих способностей оказывается определяющей при выявлении специфики педагогической управленческой деятельности.

Литература

1. Горбатова М.М. Взаимосвязь общих и специальных способностей в педагогической управленческой деятельности: дисс. ... канд. психол. наук. Иркутск 1996. 131 с.
2. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб., Рыбинск, 1993. 54 с.

СФОРМИРОВАННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Данилова М.В., кандидат психологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Исследование направлено на выявление взаимосвязи характеристик Я-концепции, профессиональной идентичности и мотивационной сферы студентов. Показано, что устойчивые статусы профессиональной идентичности имеют тесные и многочисленные взаимосвязи с рабочей направленностью мотивации. При преобладании общежитийской мотивации характерны неустойчивые статусы идентичности и слабая интегрированность связей.

Ключевые слова: студенческий возраст, профессиональная идентичность, мотивация, профессиональная деятельность.

Abstract. The study aims to identify the relationship characteristics, self – concept, professional identity and motivational sphere of students. It is shown that sustainable statuses of professional

identity have a close relationship with the working orientation of motivation. The usual motivation of communication characterized by unstable condition of identity and a weak integration ties.

Keywords: student age, professional identity, motivation, professional activity.

Студенческий возраст – это время получения профессионального образования, подготовки к профессиональной деятельности, приобретения экономической ответственности, сепарация от родительского дома, а также полноценное включение в социальную и общественную жизнь [1; 4; 9]. Особую актуальность в этом возрасте приобретает формирование профессиональной идентичности и мотивации профессиональной деятельности как важнейшие условия будущей успешности в труде и удовлетворенности человека работой и жизнью в целом. Исследование понятия «идентичность» в психологии связано с именами Э. Фрейда, К. Ясперса, Э. Эриксона, Дж. Марсиа, Н.И. Сарджвеладзе, С.Р. Пантеева и др. Профессиональная идентичность – психологическая категория, отражающая осознание человеком своей принадлежности к определенной профессии и определенному профессиональному сообществу [7]. Говоря о профессиональной мотивации, надо отметить, что многие авторы [2; 3; 5; 6] едины во мнении, что мотивация составляет сложную иерархическую систему, которая развивается, подвергается изменениям в течение жизни человека и является важнейшим компонентом трудовой деятельности.

В нашем исследовании участвовали студенты 4–5-х курсов вузов Санкт-Петербурга. Были использованы методики: методика-фотоисследование «Каков Я есть?» (Х. Абельс), методика изучения статусов профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер), методика диагностики мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман).

Исследование показало, что для данной выборки студентов наиболее часто встречается статус преждевременной профессиональной идентичности, свидетельствующий о том, что процесс выбора профессионального обучения не был для них глубоко осознанным, а решение не было самостоятельным. В структуре Я-концепции наиболее выраженными оказались такие параметры, как «Я-досуговое» и «Я-рефлексирующее», тогда как «Я-учебное» и «Я-профессиональное» представлены слабо, несмотря на то, что в данный возрастной период учебно-профессиональная и профессиональная деятельность является ведущей. Таким образом, в целом студенты стремятся к самопознанию, самоанализу, однако в значительной мере они ориентированы на отдых и организацию своей досуговой сферы. Изучение мотивационно-потребностной сферы

показало, что среди параметров мотивационной направленности – общая активность (4,43 балла), творческая активность (5,42 балла), социальная полезность (5,22 балла), мотивы жизнеобеспечения (4,98 балла), достижение комфорта (4,03 балла), социальный статус (5,73 балла), общение (5,5 балла) – у испытуемых данной выборки более всего выделяются мотивы социального статуса и общения, т.е. для молодых людей представляет особую важность то, какое положение они занимают в обществе или в отдельной подсистеме общества, а также возможность неформального общения даже в профессиональной сфере. Полученные результаты обнаруживают признаки кризиса профессионального развития у студентов на этапе завершения обучения в вузе.

Анализ взаимосвязей параметров Я-концепции, профессиональной идентичности и мотивационной сферы студентов с различной направленностью мотивации (общезитейской и рабочей) показал разную структуру этих связей, а также их большую интегрированность в группе с рабочей направленностью мотивации. Наиболее яркие различия в структуре взаимосвязей между группами заключаются в том, что у студентов с рабочей направленностью мотивации в структуру связей включены только устойчивые статусы профессиональной идентичности (преждевременная, достигнутая, псевдопозитивная), тогда как у респондентов с общезитейской направленностью мотивации, наряду с устойчивыми статусами (преждевременная и достигнутая), представлены и неустойчивые (диффузная).

Для группы с общезитейской направленностью с целью усиления рабочей мотивации и способствования достижению профессиональной идентичности можно рекомендовать работу над повышением направленности на социальную полезность и общую активность, которые относятся к блоку рабочей мотивации. Усиление этого мотивационного блока может также способствовать ослаблению представленности «Я-досугового» в Я-концепции, освобождая возможности для проявления аспекта «Я-профессиональное».

Литература

1. Ананьев Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические

проблемы высшей школы. Л.: ЛГУ, 1974. Вып. 2. С. 3–15.

2. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирования личности. М.: Мысль, 1976.

3. *Аткинсон Дж.В.* Теория о развитии мотивации. М.: Акварель, 2006.

4. *Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В.* Психологические и социальные особенности студенческого, юношеского возраста // Устойчивое развитие муниципальных образований: вопросы теории, методологии и практики: матер. VI Международной научно-практической конференции (25–26 октября 2012 г.). В 3 т. /

под ред. С.И. Карповой. Одинцово: ОГИ. Т. 2. С. 68–82.

5. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011.

6. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

7. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007.

8. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006.

9. *Якунин В.А.* Психология учебной деятельности студентов. М.: Логос, 1994.

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Доценко Е.Л., доктор психологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет

Погорова Р.И., старший преподаватель
Ингушский государственный университет

Аннотация. Излагаются результаты эмпирического исследования студентов-психологов (в сопоставлении с гуманитариями и естественниками) из вузов Западной Сибири и Северного Кавказа. Показаны разнонаправленные тенденции в становлении социально-психологической зрелости для студентов различных специальностей. Обнаружена зависимость этого процесса от национально-культурных особенностей регионов.

Ключевые слова: профессиональные установки психологов, социально-психологическая зрелость.

Abstract. The results of empirical research of students-psychologists (in compare with humanitarians and naturalists students) from universities of Western Siberia and Northern Caucasus are presented. Multidirectional trends in becoming of social-psychological maturity for students of different specialties are showed. The dependence of the process from national and cultural characteristics of the regions are revealed.

Keywords: psychologists' professional attitudes, social-psychological maturity.

Профессиональное становление есть не только овладение релевантной профессией квалификацией, но и открытие студентом путей и средств ее использования для решения профессиональных задач. Ключевую роль в профессии психолога играет социально-психологическая зрелость – качество социального субъекта (человека или группы), выражающееся в необходимости и готовности к самореализации путем преобразования социальной действительности в отношениях и взаимодействиях с людьми, группами и социальной средой, сообразуясь с культурно-историческими условиями. Становление социально-психологической зрелости вообще, а у психологов в особенности исследовано очень слабо [1].

© Доценко Е.Л., Погорова Р.И., 2015

Цель данной работы – представить результаты исследования особенностей становления социально-психологической зрелости у студентов-психологов в сравнении со студентами-гуманитариями и естественниками.

Методика. Студенты Тюменского и Ингушского госуниверситетов – психологи (1-го, 2-го, 3-го и 4-го курсов), естественники и гуманитарии (1-го и 4-го курсов), всего 483 человека были обследованы с помощью российской версии опросника казуальных ценностей (РОКО) Э. Десса и Р. Райана в адаптации Д.А. Леонтьева, О.Е. Дергачевой, Л.Я. Дорфмана; теста жизнестойкости С. Мадди (ТЖС) в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой; модифицированного опросника диагностики самоактуализации личности САМОАЛ

(А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калиной); проективной методики «Я-Метафоры» (А.Г. Жилияева, М.В. Богдановой).

Результаты. На момент начала обучения в вузе не обнаружено различий между психологами и представителями других профессий в выраженности признаков социально-психологической зрелости. Отсутствие зависимости между выбором профессии и социально-психологической зрелостью говорит в пользу того, что психологи не столько отбираются, сколько готовятся уже в вузе.

Становление социально-психологической зрелости в ходе обучения у психологов выражено сильнее, чем у студентов других направлений; зависимость более характерна для студентов Западной Сибири. Обнаружены разнонаправленные тенденции для гуманитариев и естественников: за время обучения в вузе гуманитарии показывают прирост качеств, отнесенных к социально-психологической зрелости, тогда как у естественников наблюдается обратная тенденция. Сибиряки в целом обнаруживают более высокие показатели социально-психологической зрелости, чем студенты Северного Кавказа. Вероятно, попытки побудить студентов-психологов к достижению социально-психологической зрелости (в ее европейском понимании) в разных социально-культурных условиях дают разные эффекты. На Северном Кавказе они наталкиваются на национально-культурное и религиозное сопротивление [3].

Полученные с помощью методики «Я-Метафора», не содержащей исходных допущений о конструктах и культурно обусловленных процедурах, результаты лучше поддаются интерпретации. Выявлено, что социально-психологическое становление студентов-психологов имеет различные проявления в разных культурных условиях:

студенты Западной Сибири показывают рост социально-психологической зрелости (в ее западном понимании), тогда как студенты Северного Кавказа – снижение степени ее выраженности.

Вероятно, профессиональная подготовка гуманитариев в большей степени способна изменять их образ «Я», чем подготовка естественников; подготовка последних более традиционна и скорее ориентирует на ценности естественнонаучной добросовестности, чем на социальную конъюнктуру. По своему научному статусу психология занимает промежуточное положение между гуманитарными и естественными науками; это побуждает психологов быть более чуткими к региональным особенностям обыденного сознания своих потенциальных работодателей, заказчиков и клиентов. Соответственно, психологи Западной Сибири за время обучения смещают представления о самих себе в сторону социально-психологической зрелости (в ее западном понимании); а психологи Северного Кавказа за время обучения смещают представления о себе в сторону ожиданий, которые сформировались в обществе под влиянием коллективистских, родовых ценностей [2].

Литература

1. Журавлев А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
2. Николаев Р.М. Традиционные ценности как концептуальная основа культурной идентичности. Екатеринбург, 2011. 147 с.
3. Торосян Д.Р. Роль религиозного фактора, традиционных, духовно-нравственных ценностей в социализации российской молодежи в условиях глобализации. М., 2010. 173 с.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дьячук А.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Аннотация. Рассматриваются результаты изучения личностью организации деятельности. Кластерный анализ помог выделить устойчивые соотношения параметров деятельности, которые могут быть рассмотрены как проявления индивидуальных особенностей. Выделено, что самооценка выраженности параметров соотносится со спецификой осуществления деятельности.

Ключевые слова: деятельность, активность, внутренний план, самоэффективность.

Abstract. The paper considers results of study the personality characteristics of activity. The cluster analysis of the data showed that there are steady combinations of parameters of activity. These

combinations can be considered as individual characteristics. Self assessment of the parameters correlate with the fulfillment of the activity.

Keywords: activity, internal plan of action, self-efficacy, subjectivity.

Изучение особенностей осуществления профессиональной деятельности субъектом предполагает не только рассмотрение личностных качеств, обуславливающих отличительные признаки деятельности, но и выделение способов ее организации. Одним из оснований выделения особенностей организации деятельности является изучение того, как личность связывает в единое пространство деятельности объективно разобщенные объекты и явления, согласовывает уровень требований к себе и сложность поставленных задач, соотносит свои возможности и ресурсы с заданными сроками.

Для выявления личностных способов организации деятельности нами был проведен анализ индивидуальных особенностей активности студентов старших курсов, руководителей разного звена и выделено три параметра:

- ◆ активность как эргические возможности, определяющие стремление к продолжению деятельности, разнообразие и варьирование производимых действий, работоспособность, утомляемость и прочее;
- ◆ внутренний план действия как выделение значимых связей и отношений, выступающих в качестве ориентира при реализации действия в различных условиях;
- ◆ самоэффективность как обеспечение результата собственными усилиями, определение круга задач, которые личность может решить, и распределение ресурсов в соответствии с внешними требованиями, сроками.

В результате кластерного анализа методом *K*-средних были выделены определенные соотношения параметров. Если личность характеризуется высокой активностью, данный фактор становится ведущим при организации деятельности. При этом внутренний план в меньшей степени выражен. Таким образом, стремительность действий, постоянный подъем, возможность осуществления множества проб, с одной стороны, не способствует развитию внутреннего плана действия – с другой, компенсирует отсутствие видения последовательности шагов.

Если личность характеризуется инертностью, малой подвижностью, в этом случае значимую роль при осуществлении деятельности начинает играть внутренний план действия. В связи с этим при низком уровне активности внутренний план может быть рассмотрен как компенсирующий ее механизм.

Если внутренний план согласован с активностью, важную роль в осуществлении деятельности начинает играть фактор самоэффективности. Большая выраженность активности и внутреннего плана действия дает личности возможность реализовать различные варианты, осуществлять одновременно различные задачи, но при этом собственные ресурсы не являются определяющим условием в осуществлении деятельности. При низком уровне активности, согласованном с внутренним планом действия, индивид не имеет возможности реализовать разнообразные задачи, поэтому появляется необходимость выбора задач, которые он может решить, и распределения собственных ресурсов.

На основании полученных соотношений были выделены группы респондентов, которых просили оценить себя по выделенным параметрам. В результате было выявлено, что по параметру «активность» у групп, для которых характерна сбалансированность активности и внутреннего плана действия, собственные оценки совпадают с выделенным уровнем. При этом те, у кого внутренний план преобладает над активностью, оценивают свою активность как достаточную для осуществления деятельности, хотя внешне они оцениваются как пассивные. Те же, у кого активность преобладает, склонны оценивать себя как менее активных. Возможно, низкий уровень внутреннего плана приводит к трудностям в достижении результата и ощущению малого количества усилий, потраченных на его достижение.

Преобладание внутреннего плана над активностью приводит к переживанию его как более выраженного. Высокий уровень активности и внутреннего плана при менее выраженной самоэффективности связан с собственной недооценкой внутреннего плана, что скорее всего связано с большей значимостью активности в осуществлении деятельности.

При рассмотрении оценок по параметру «самоэффективность» у всех групп наблюдается отличие собственной оценки и выделенного уровня. Возможно, в расхождении играет роль переживание себя как источника деятельности, который организует, управляет ею, а также уровень притязаний и требований к себе.

Для группы с самыми низкими показателями активности и высоким уровнем внутреннего плана действия характерны высокие самооценки по всем показателям. В данном случае, наверно, можно говорить о расхождении образцов дея-

тельности: данная группа скорее ориентируется на собственные возможности без соотнесения с требуемыми, необходимыми образцами.

Представители группы, у которой низкий уровень самодетерминации по сравнению с другими факторами, склонны недооценивать себя, т.е. переживают трудности в осуществлении деятель-

ности как самодеятельности, регуляции ее в соответствии с поставленными задачами.

Полученные результаты позволяют рассматривать особенности включенности личности в деятельность, описания субъекта деятельности через сопоставление внешних оценок и самооценки.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И УРОВЕНЬ ПСИХИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ¹

Зеленова М.Е., кандидат психологических наук, научный сотрудник
Институт психологии Российской академии наук

Аннотация. Исследуется взаимосвязь профессиональных характеристик, уровня психической напряженности, социально-демографических и индивидуально-личностных особенностей военнослужащих. Показатели стресса, выгорания, хронического утомления рассматриваются в качестве индикаторов профессионального здоровья субъектов труда.

Ключевые слова: профессиональное здоровье, стресс, выгорание, хроническое утомление, профессионализм, индивидуально-личностные характеристики.

Abstract. We study the relationship of professional characteristics, the level of mental stress, socio-demographic and individual personality characteristics of the military. Stress, burnout, symptoms of chronic fatigue are considered as indicators of the military specialists professional health.

Keywords: professional health, stress, burnout, chronic fatigue, negative mental states, professionalism, individual personal characteristics.

Исследование взаимосвязей негативных психических состояний с эффективностью деятельности, профессиональными и индивидуально-личностными характеристиками субъектов трудовой деятельности является одним из актуальных направлений психологии труда.

В представленном эмпирическом исследовании применялся специально разработанный психодиагностический комплекс [1], позволяющий охарактеризовать социально-демографический, профессиональный и личностный статус обследованных специалистов. Уровень психической напряженности диагностировался с помощью таких методик, как «Опросник выявления профессионального выгорания» (МВИ) К. Маслач, С. Джексона, «Шкала стрессогенности событий» Т.Х. Холмса, Р.Х. Райха, «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А.Б. Леоновой, С.Б. Величковской, «Степень хронического утомления» (СХУ) А.Б. Леоновой, И.В. Шишкиной. Уровень профессионализма оценивался экспертами с помощью опросника В.А. Бодрова. Статистическая обработка данных проводилась с использо-

ванием программ SPSS. Участники исследования: кадровые военные, $n = 578$.

Результаты исследования:

- ◆ статистическая обработка и анализ данных экспертного опроса показал, что уровень профессиональной успешности военных специалистов напрямую коррелирует со степенью выраженности симптомов выгорания и стресса. Выявлено, что высококлассные профессионалы, несмотря на наличие признаков психической напряженности, более успешно справляются с поставленными задачами по сравнению с менее компетентными военнослужащими;
- ◆ показано, что уровень стресса ниже у военнослужащих с высоким уровнем профессионализма, большим опытом работы и выслугой лет, относящихся к группе «общительных» и имеющих высокие баллы «жизнестойкости» по шкалам опросника С. Мадди. «Стрессоустойчивые» военнослужащие считают себя более здоровыми, у них выше самооценки профессиональной подготовки и своих способностей выполнять рабочие задания. Руководи-

¹ Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2015-0008.

тели также более высоко оценивают работу подчиненных из группы с высоким уровнем стрессоустойчивости. Получено, что признаки стресса менее выражены у военнослужащих, имеющих семью;

- ◆ установлено, что большая часть обследованных имеет среднюю или низкую степень профессионального выгорания по шкалам «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» теста МВІ. Однако у 26,09 % специалистов зафиксирован высокий и очень высокий уровень шкалы «редукция личных достижений». Сравнение групп с разным уровнем выгорания показало также, что симптомы нарастают с увеличением выслуги лет и что уровень выгорания выше у военных, не имеющих семьи и детей. Получено, что значения всех шкал теста жизнестойкости С. Мадди достоверно выше в группе с низкими показателями выгорания. Согласно результатам применения теста FPI степень выгорания выше у «невротичных», «эмоционально-лабильных», «застенчивых», «склонных к депрессии» индивидов. Напротив, симптомы выгорания в меньшей степени наблюдаются у «общительных» и «уравновешенных» специалистов. Руководители при характеристике уровня профессионализма одинаково высоко оценивают как «выгоревших», так и «не выгоревших» специалистов, однако они менее удовлетворены работой подчиненных, имеющих высокие значения субшкал МВІ «эмоциональное истощение» и «деперсонализация». Кроме того, в группе с большим числом симптомов

«эмоционального истощения» чаще наблюдаются случаи нарушения дисциплины;

- ◆ результаты исследования выявили нарастание признаков хронического утомления с увеличением возраста обследованных. Симптомы утомления достоверно выше у военнослужащих с высоким уровнем «тревожности», «невротичности», «импульсивности», имеющих низкий самоконтроль и «склонных к асоциальным поступкам и риску», а также у индивидов менее общительных и предпочитающих формальные отношения дружеским. Напротив, значения показателей хронического утомления тем ниже, чем выше «жизнестойкость»;
- ◆ обнаружено, что показатели стресса и выгорания тесно связаны с индивидуально-личностными характеристиками, играющими важную роль в процессе социального взаимодействия и регуляции поведения человека. Среди них наиболее значимыми являются «невротичность», «уравновешенность», «общительность», «застенчивость», «открытость» и «эмоциональная лабильность», измеряемые по шкалам «Многофакторного личностного опросника FPI», а также степень «конфликтности – тактичности», измеряемая с помощью шкалы «личностная конфликтность».

Литература

1. Зеленова М.Е., Захаров А.В. Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С. 50–70.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СТОЛИЦ В СИТУАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВЫБОРА МЕСТА РАБОТЫ И МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Налита В.В., кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. Обоснована актуальность исследования факторов социально-психологической привлекательности дальневосточных столиц.

Ключевые слова: репутационные характеристики дальневосточных столиц, факторы социально-психологической привлекательности.

Abstract. The relevance of the study of social and psychological factors of attraction of Far Eastern's principal cities is grounded.

Keywords: Reputation characteristics of Far Eastern's principal cities; social and psychological factors of attraction.

Развитие Дальнего Востока провозглашено Президентом Российской Федерации В.В. Путиным национальным приоритетом в XXI в. В настоящее время в регионе создаются беспрецедентные условия для привлечения российских и зарубежных инвестиций в промышленные и инфраструктурные проекты. Говоря о перспективах развития Дальнего Востока России и векторах развития региона на первом Восточном экономическом форуме в сентябре 2015 г., В.В. Путин отметил, что «...задача не просто найти какие-то точки роста, а создать общий благоприятный климат, деловую среду для развития экономики и социальной сферы Дальнего Востока... помочь создать необходимые условия» [1]. Интенсивное развитие экономики и инфраструктуры российского Дальнего Востока призвано в конечном счете увеличивать привлекательность этой территории как для жителей Российской Федерации, так и для зарубежных инвесторов и предпринимателей.

Актуальность проблемы повышения социальной привлекательности городов Дальнего Востока связана с оттоком населения, продолжающимся, несмотря на перераспределение федеральных ресурсов в пользу Дальневосточных территорий и реализацию целого комплекса правительственных инициатив. Осмысленный индивидуальный выбор места работы и места жительства, переезд в другой регион детерминированы системой факторов социально-психологической привлекательности территории или конкретного населенного пункта.

Изучение факторов социально-психологической привлекательности места наиболее актуально в ситуациях экономического планирования, например при реализации планов развития определенных территорий. В 2015 г. стартовала программа изучения факторов социально-психологической привлекательности столиц Дальневосточного региона у студенческой молодежи Дальневосточного округа. Выявление критериальных показателей репутации городов у разных групп студенческой молодежи даст возможность разработать практические рекомендации по повышению привлекательности Дальнего Востока и позволит проводить работу по корректировке репутационных характеристик территории с целью привлечения высококвалифицированных, высокообразованных людей и создания (по терминологии Р. Флориды) метрополии богатства (meansmetros) [2].

В настоящем исследовании предполагается решить ряд задач:

- ◆ выявить и систематизировать ключевые критериальные показатели репутации и субъективные факторы социально-психологической привлекательности дальневосточных столиц;
 - ◆ разработать модель оценки и описания репутационных характеристик и факторов социально-психологической привлекательности дальневосточных столиц;
 - ◆ реконструировать и описать структурно-содержательные характеристики образа дальневосточных столиц: Владивостока, Хабаровска, Магадана, Биробиджана, Анадыря, Южно-Сахалинска, Петропавловска-Камчатского, Якутска у русских и зарубежных студентов, обучающихся в Дальневосточном федеральном университете, и студентов, обучающихся в других государственных вузах городов Дальнего Востока;
 - ◆ разработать практические рекомендации по повышению социально-психологической привлекательности Дальневосточной территории и корректировке репутационных характеристик городов – дальневосточных столиц. Реконструкция образа дальневосточных столиц в прикладном плане предполагает привлечение следующих взаимодополняющих групп психодиагностических методов:
 - ◆ комплекс психосемантических методик (частный семантический дифференциал, ассоциативный эксперимент, методика репертуарных решеток Дж. Келли и др.) [2];
 - ◆ опросные методы, в том числе глубинное интервью;
 - ◆ проективные методики.
- Ожидаемые результаты исследования:
- ◆ создание психологических портретов дальневосточных столиц, реконструированных на группе студенческой молодежи;
 - ◆ составление рейтингового перечня значимых (критериальных) признаков привлекательности (репутационных характеристик) дальневосточных столиц;
 - ◆ формулирование практических рекомендаций по повышению привлекательности дальневосточных столиц и корректировке их репутационных характеристик.

Литература

1. Новости (от 4 сентября 2015 г.): Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов // Президент России [Официальный сайт]. 04.09.2015 г. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/50234> (дата обращения: 15.10.2015).

2. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учеб. пособие для вузов. М.: Пчела, 2008. 382 с.

3. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / пер. с англ. М.: StrelkaPress, 2014. 368 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Карнышев А.Д., доктор психологических наук, профессор
Карнышева О.А., старший преподаватель
Иркутский государственный университет

Аннотация. Сегодня значим вопрос: чем человек может и должен стать через гармоничное взаимодействие с природой и что он теряет, не осуществив этого? Интеграцию гармонии индивида с природой можно обнаружить в обобщенном показателе, каковым является психологическое здоровье.

Ключевые слова: сферы профессиональной деятельности, типы отношения к природе.

Abstract. Today, the issue is significant, what man can and must become through harmonious interaction with nature and that he loses, did not realize this. Integration of individual harmony with nature can be found in the generalized index, which is the psychological health.

Keywords: sphere of professional activity, types of attitude to the nature.

Профессия может стимулировать развитие индивидуальности человека, если она с внешней, природной стороны требует творческих начал, а он сам по своей природе подготовлен к этому. С древних времен осуществлялась подобная практика. Многие из занятий были связаны с переработкой производимых и (или) собираемых продуктов природы (ткачи, хлебопеки, виноделы и т.п.) или с их продажей и транспортировкой (торговцы-купцы, мореходы, строители дорог и др.). Поэтому нередко возникала наследуемость определенных профессий (потомственный скорняк, виноградарь, свиновод и т.д.) и их связь с определенной продукцией. Способность ее производить становилась индивидуально-психологической «природой» человека (династии) и в качестве таковой высоко оценивалась всеми и формировалась с помощью педагогических и организационных мер. В этом смысле понятно выражение А. Смита о том, что рынок в первоначальном виде (обмен товарами, произведенными самостоятельно) был во многом обязан способностям людей. Более того, автор считал, что им же в высокой мере обязан еще один столп экономики – разделение труда.

Если вспомнить об атрибутах, которые так или иначе могут сближать занятия и (или) способности человека с природой, то здесь целесообразно обратиться к классификации профессий, предложенной Е.А. Климовым. В ее основе лежат «объекты» труда

человека. Причем профессии группируются следующим образом: человек – природа, человек – человек, человек – образ и т.п. К «кусту» профессий человек – природа относятся такие, как лесовод, агроном и др. Но все же однозначно утверждать, что в профессиях других групп нельзя встретить природосообразной ориентации, необоснованно. Например, художник (профессия типа «человек – образ»), специализирующийся на природных пейзажах, официально и неофициально может иметь соответствующее название, например маринист. Учитель биологии (профессия типа человек – человек) по содержанию своего предмета будет гораздо ближе к природе, чем учитель математики. Таких нюансов можно много найти в разных группах профессий.

В. Соловьев писал: «Возможно тройное отношение человека к природе: страдательное подчинение ей в том виде, как она существует, затем деятельная борьба с нею, покорение ее и пользование ею как безразличным орудием и, наконец, утверждение ее идеального состояния – того, чем она должна стать через человека». С современной точки зрения не менее значим вопрос, чем человек может и должен стать через гармоничное взаимодействие с природой и что он теряет, не осуществив этого. При этом стоит брать во внимание прежде всего профессиональную деятельность людей. Интеграцию гармонии индивида с природой можно обнаружить в обобщенном показателе, каковым является психологическое здоровье.

Таблица 1

Особенности отношения к природе в зависимости от позиций по психологическому здоровью

Вариант ответа	%	Позиции по психологическому здоровью		
Природа над человеком: по своей сути человек часть природы и во многом зависит от нее	42,6	48,2	32,1	20,0
Человек в единстве с природой: больше распространено равнозначное партнерство, гармония в отношениях	44,4	45,2	43,1	46,7
Человек над природой: предназначение человека изменять природу, совершенствовать ее	8,9	5,2	21,1	22,2
Затрудняюсь ответить	4,1	1,5	3,7	11,1

Чтобы выявить варианты такого отношения, мы провели опрос молодежи Иркутской области ($N = 638$) и сделали «перекрестную» обработку полученных данных. В табл. 1 установки по психологическому здоровью представлены цифрами: 1 – психологическое здоровье – это реалья, которая помогает сохранять спокойствие, самообладание, уверенность в себе и т.д. ($N = 465$); 2 – психологическое здоровье – это понятие, в которое можно верить и не верить ($N = 109$); 3 – психоло-

гическое здоровье – это ничего не значащее, абстрактное понятие ($N = 45$).

Психологическая взаимосвязь двух отношений, на наш взгляд, проиллюстрирована достаточно убедительно. Корреляции проявляются в разных сферах жизнедеятельности. Нефтяник, шахтер, химик-технолог, водитель фуры и представители многих других профессий могут и должны находить конкретные резервы собственной деятельности во взаимодействии с окружающей средой.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Карпов А.В., доктор психологических наук, профессор член-корреспондент РАО, декан факультета психологии

Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова

Аннотация. Представлены материалы, раскрывающие некоторые закономерности индивидуализации процессов принятия решения в профессиональной деятельности. Обоснован новый стилиевой параметр реализации этих процессов. Доказана структурная обусловленность обнаруженных стилиевых различий со стороны совокупности индивидуальных качеств субъекта.

Ключевые слова: принятие решения, индивидуализация, стилиевые различия, элиминативное поведение, индивидуальные качества, профессиональная деятельность.

Abstract. Contains materials that reveal some patterns of individualization of decision-making processes in their professional activities. Justified setting new stylistic realization of these processes. Structural conditionality proved stylistic differences detected by the combination of individual subjects.

Keywords: decision making, individualization, stylistic differences, eliminative behavior, individual quality, professional work.

Современная психологическая теория принятия решения характеризуется как целым рядом несомненных достижений, так и некоторыми особенностями негативного плана. Последние свидетельствуют обо все еще недостаточном уровне ее концептуальной зрелости и значительных перспективах дальнейшего развития. К их числу относится, в частности, то, что данная теория чрезвычайно слабо «контактирует» с дифферен-

циальной психологией в целом и с проблемой индивидуализации в частности. По отношению к процессам принятия решения (ПР) данный аспект рассматривается в основном лишь в плане влияния тех или иных индивидуальных качеств на их организацию, а также в плане парадигмы стилиевых различий реализации управленческих решений. Вместе с тем, как показывают исследования, проблема индивидуализации процессов ПР имеет существенно более общий характер

и затрагивает многие иные аспекты их организации. Так, в частности, было показано, что существенные индивидуальные различия имеют место не только в плане реализации процессов ПР, но даже и в плане того, насколько субъект склонен (или нет) использовать их в качестве одних из основных операционных средств организации деятельности. Данная закономерность была обнаружена нами в специальном цикле исследований, а ее сущность заключается в следующем.

При психологическом изучении профессиональной управленческой деятельности изначально и с достаточной высокой степенью очевидности и эксплицированности обнаруживаются процессы (и другие средства), направленные на то, чтобы избежать самой необходимости в принятии решений. Иначе говоря, в различных по содержанию видах деятельности первоначально наблюдается мощная, достаточно стабильная и, как оказалось, нарастающая со стажем тенденция к исключению, к элиминации из структуры деятельности процессов принятия решения и к их замене другими средствами организации деятельности. Уже феноменологически можно видеть, что субъект обычно рассматривает принятие решения как одно из наиболее нежелательных средств организации деятельности (скорее всего из-за интимно связанного с ним риска) и использует его, когда другие средства либо невозможны (например, из-за дефицита времени), либо не срабатывают (многокритериальность задачи, несопоставимость критериев и др.).

Эта тенденция – своего рода элиминативное (т.е. направленное на минимизацию актов принятия решения в деятельности) поведение в естественных условиях оказывает очень мощное влияние на динамику и результаты деятельности, а также на ее субъективные корреляты (например, напряженность). Более того, вопреки своему изначальному смыслу (устранению процессов принятия решения из деятельности) она глубоко и органично связана именно с этими процессами, поскольку, во-первых, ими порождена; во-вторых, оказывает сильное влияние на формирование субъективного представления о задаче выбора; в-третьих, само это поведение есть не что иное, как разновидность принятия решения, так как, реализуя его, субъект решает, идти ему на выбор или попытаться уйти от него. Конкретные средства элиминативного поведения подразделяются на три основные категории: адекватные, неадекватные, ситуативно-зависимые.

Очень показательным то, что на фоне этой общей закономерности существуют устойчивые индивидуальные различия в мере выраженности элиминативной тенденции, в связи с чем целесообразно

различать два типа стратегий организации деятельности: «элиминативную» и «неэлиминативную». Установлено также, что предпочтение той или иной стратегии является достаточно стабильным в интериндивидуальном плане. В связи с этим дифференцируются, во-первых, «гипопроблемные» субъекты (характеризующиеся явным предпочтением элиминативной стратегии и соответственно относительно малым количеством процессов ПР при реализации ими деятельности. Во-вторых, на противоположном по отношению к ним полюсе находятся «гиперпроблемные» субъекты, характеризующиеся предпочтением неэлиминативной стратегии и большим количеством проблемных ситуаций в процессе осуществления ими деятельности.

В силу этого появляются основания и для того, чтобы дифференцировать специфически деятельностный параметр индивидуально-стилевых различий в реализации процессов ПР. Данный параметр, как и любой иной индивидуально-стилевой параметр, в наиболее существенной степени проявляется в процессуальной (стратегической) стороне деятельности и в меньшей мере сказывается на ее результативной стороне. Кроме того, было установлено, что в основе выделенных типов лежат разные «симптомокомплексы» индивидуальных качеств, т.е. различные их структуры, являющиеся, как показали исследования, гетерогенными по критерию 2. Для «гипопроблемных» лиц доминирующее положение в этих структурах занимают прежде всего такие качества, как развитая интернальность, самоконтроль, долговременная память, нейротизм, а также фактор «высокое рабочее напряжение» по методике 16PF Р. Кэттела. Для «гиперпроблемных» лиц доминирующее место в этих структурах занимают уже иные индивидуальные качества: это прежде всего экстернальность, скоростные параметры интеллектуальных операций, эмоциональная стабильность, оперативная память. Таким образом, индивидуально-стилевые различия процессов ПР в деятельности определяются не каким-либо одним свойством (или их простой суммой – аддитивным множеством), а являются структурно-обусловленными. Кроме того, у «гипопроблемных» лиц в большей степени развиты процессы, которые условно можно обозначить как «процессы прогностического комплекса». В него входят такие регулятивные процессы, как антиципация, прогнозирование, планирование, а частично – и целеобразование. Наконец, необходимо отметить, что, наряду с процессуальными различиями, были обнаружены и результативные различия двух указанных стилей: в целом «гипопроблемные» лица характеризуются более высокими итоговыми параметрами профессиональной деятельности.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БРИГАД

Колесникова И.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления

Лилиенталь И.Е., кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования

Тапешкина С.А., старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Приведены данные экспериментального исследования компонентов психологической устойчивости сотрудников медицинских полипрофессиональных бригад, показана зависимость устойчивости к стрессу от индивидуально-личностных особенностей.

Ключевые слова: индивидуально-личностные особенности, психологическая устойчивость, полипрофессиональная бригада, профессиональные деформации.

Abstract. The data of experimental research components of psychological stability of personnel health paraprofessional teams, shows the stress resistance of the individual personality characteristics.

Keywords: individual personality traits, psychological stability, multiprofessional brigade professional deformation.

Отечественные и зарубежные исследователи, обогащая научные представления о природе психологической устойчивости, лишь доказывают сложность и многоплановость этого феномена. Особую значимость данная проблема приобретает в контексте психологической подготовки сотрудников медицинских полипрофессиональных бригад [2]. На них ежедневно оказывают воздействие различные факторы, зачастую имеющие стрессовый характер, что, в свою очередь, может привести к появлению усталости, переутомления, возникновению различных отрицательных эмоциональных состояний, к расстройствам профессионально-служебной деятельности [1]. Частое пребывание в экстремальных ситуациях требует от них умения владеть собой, быстро оценивать сложные ситуации и принимать наиболее адекватные решения, что будет способствовать более эффективному выполнению поставленных задач, срывов профессиональной деятельности и т.д.

В исследовании параметров психологической устойчивости личности приняли участие 20 сотрудников медицинских полипрофессиональных бригад республиканского государственного учреждения здравоохранения «Территориального центра медицины катастроф

Карачаево-Черкесской республики». В состав полипрофессиональной бригады входит высококвалифицированный средний и старший медицинский персонал обоего пола в возрасте от 28 до 50 лет. Круглосуточно на дежурстве находятся четыре реанимационные бригады: взрослая, детская, неонатологическая, акушерско-гинекологическая. В течение последнего года специалисты обслужили 3217 вызовов.

Для исследования у медработников компонентов психологической устойчивости и индивидуально-личностных особенностей мы использовали следующие психодиагностические методики и тесты: «Самооценка», «Уровень невротизации», «Индекс жизненного стиля», «Склонность к воспроизводству неотрагированных переживаний», методика оперативной оценки самочувствия, активности, настроения (САН), симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях», шкала Лемур-Тесье-Филлиона, LSI, СМЛЛ, «Профессиональное выгорание».

Анализ теоретических изысканий и данные экспериментального изучения индивидуально-личностных компонентов психологической устойчивости сотрудников медицинской полипрофессиональной бригады позволяет сделать следующие обобщения:

- ◆ психологическая устойчивость сотрудников полипрофессиональных бригад зависит от особенностей личности, стажа, условий труда;
 - ◆ у большинства испытуемых (80 %) низкая и средняя психологическая устойчивость к стрессовым факторам, наибольшая выраженность эмоциональной неустойчивости отмечена в возрастной группе 33–37 лет. Можно сделать вывод о низкой адаптации к стрессовым факторам данной возрастной категории;
 - ◆ психологическая устойчивость определяется такими компонентами, как самооценка, тревожность, адаптивность, уровень невротизации личности, внутриличностный конфликт, психологические защиты, воспроизводство неотредактированных переживаний, волевая регуляция, вегетативная устойчивость и т.д.;
 - ◆ сотрудников полипрофессиональных бригад отличают следующие индивидуально-психологические особенности: преобладание завышенной либо заниженной самооценки личности, преобладающим является средний или высокий уровень невротизации личности, наличие внутриличностного конфликта, склонность к воспроизведению неотредактированных переживаний, психофизическое истощение, снижение активности; преобладание личностных тенденций – интроверсии, эмоциональной лабильности; выраженность механизмов защит «проекция», «интеллектуализация», «компенсация» и «отрицание», преобладание среднего уровня выраженности стресса, преобладание среднего уровня психологической устойчивости к экстремальным ситуациям;
 - ◆ у большей части персонала (54 %) можно говорить о наличии профессиональных деформаций (признаки профессионального отчуждения, плохая интеграция личности, недостаточная стрессоустойчивость, наличие тревожно-депрессивной симптоматики, повышенная чувствительность к средовым воздействиям и т.д.), причем преимущественно это персонал со стажем работы от 16 лет, эмоциональное истощение отмечают 70 % исследуемых медиков.
- Для повышения психологической устойчивости рекомендуется формирование совладающего поведения, таких конструктивных вариантов стратегий, определяющих в целом адаптивный характер поведения, в частности в нашем случае – использование средним медицинским персоналом конструктивных механизмов совладания, связанных с когнитивной сферой, что должно отражать их стремление дать когнитивную оценку, найти объяснение происходящему и определить пути выхода из проблемной ситуации.

Литература

1. Александров А.А. Психодиагностика и психокоррекция. СПб., 2008. 384 с.
2. Колесникова И.А., Лилиенталь И.Е. Профессиональные деформации у медицинских работников // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: матер. IV Международной научно-практической конференции (08–10 октября 2015 г.). Ч. III. Симпозиум «Личностные трансформации субъекта труда в условиях относительной неопределенности» / под общ. ред. Т.Н. Банщиковой, В.И. Морасановой, Е.А. Фоминой. Кисловодск-Москва: ТЭСЭРА, 2015. С. 118–122.

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНЫМИ УСТАНОВКАМИ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА)

Ноломинский Я.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии факультета социально-педагогических технологий

Мещерякова А.В., магистрант

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Выполнен теоретический анализ проблемы влияния установок родительской семьи на профессиональный выбор студентов первого курса. Рассматриваются традиционные подходы к проблеме мотивации профессионального выбора, выделяются факторы выбора профессии.

Рассматривается понятие «социальные установки родительской семьи» в отношении субъектов профессионального выбора.

Ключевые слова: мотивация профессионального выбора, социальная установка, родительская позиция, мотивы учебной деятельности.

Abstract. This article is devoted to the theoretical analysis of the problem of influence of parental family attitudes on the professional choice of the first-year students. Traditional approaches to a problem of motivation of a professional choice are considered, the factors of the choice of profession are allocated. The concept «social attitudes of a parental family» concerning subjects of a professional choice is considered.

Keywords: motivation of a professional choice, social attitude, parental position, motives of educational activity of the students.

Современные исследования в области профессионального самоопределения свидетельствуют о том, что при решении такой важной проблемы, как выбор своего профессионального пути, юноши и девушки в большей степени ориентируются на существующие в обществе стереотипы, чем на свои личностные качества, желания и потребности [2; 4]. Это и гендерные установки (стереотипы), и установки относительно престижности, социального статуса субъекта труда, представления о возможностях самореализации и мнение близких людей, причем зачастую это мнение может стать решающим [2].

Несмотря на то, что феномен влияния социальных установок на поведение личности нашел свое существенное отражение в рамках социальной психологии, все еще недостаточно исследований и работ, в которых бы рассматривалась роль социальных установок и родительских позиций в профессиональном самоопределении юношей и девушек. Недостаточная изученность проблемы обусловила актуальность данного исследования.

Цель данного исследования – изучить взаимосвязь мотивации профессионального выбора студентов 1-го курса с социальными установками их родителей.

Объектом данного исследования являются мотивы профессионального выбора юношей и девушек. В качестве *предмета* выступает влияние социальных установок родителей на мотивацию профессионального выбора студентов 1-го курса.

Позиции родителей в отношении профессионального выбора детей – один из наименее изученных аспектов детско-родительских отношений. Среди отечественных психологов систематическое экспериментальное исследование в области родительских установок и родительских позиций проводили А.Я. Варга, О.А. Карабанова, А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер

и др. А.С. Спиваковская рассматривает родительские установки как реальную направленность с сознательной или бессознательной оценкой ребенка, выражающейся в способах и формах взаимодействия с детьми [5].

В западной социальной психологии для обозначения социальных установок используется термин «аттитюд». С точки зрения Г. Олпорта, социальная установка – состояние психологической готовности личности вести себя определенным образом, основанная на прошлом социальном опыте и регулирующая социальное поведение индивида. С точки зрения Д. Узнадзе, социальная установка рассматривается как «целостное состояние субъекта», «целостная направленность на определенную активность» и т.д. [4].

С нашей точки зрения, социальная установка родительской семьи – это устойчивое отношение родителей к какому-либо явлению на основе их убеждений и ценностей.

Выбор профессии не всегда происходит осознанно. Если ответственность за профессиональный выбор целиком перекладывается на родителей, то в процессе обучения в вузе юноши и девушки сталкиваются с рядом трудностей: снижение профессиональной мотивации, отсутствие интереса к учебе и будущей профессии, нежелание работать по специальности [3].

Таким образом, мы предполагаем, что социальные установки родителей оказывают влияние на мотивацию профессионального выбора детей. Однако только осознанный выбор профессии на основе углубленного самопознания и изучения индивидуально-личностных качеств юношей и девушек может явиться основой успеха будущей учебной и профессиональной деятельности.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.

2. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2004. 304 с.

3. *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 265 с.

4. *Пряжников Н.С.* Профорентация в школе: игры, упражнения, опросники. М.: Вако, 2005. 288 с.

5. *Спиваковская А.С.* Как быть родителями. М.: Педагогика, 1986. 160 с.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ В РАМКАХ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Нунгурцева О.Н., методист Центра международного сотрудничества
Республиканский институт высшей школы, г. Минск

Аннотация. Рассматривается роль индивидуализации образовательной стратегии в рамках Болонского процесса. Описываются основные подходы к пересмотру роли студента и тенденции дальнейшего развития образовательного пространства.

Ключевые слова: Болонский процесс, индивидуализация образовательных стратегий, индивидуальный подход.

Abstract. The role of an individualization of educational strategy within Bologna Process is considered. The main approaches to revision of a role of the student and a tendency of further development of educational space are described.

Keywords: Bologna Process, individualization of educational strategy, individual approach.

То, что сегодня называют Болонским процессом, становится все более многоплановым ответом на кризис европейских университетов и общественную потребность найти новое, более адекватное место для высшего образования в быстро развивающемся информационном обществе и экономике, основанной на производстве и применении знаний. Данный процесс базируется на очень важном принципе, который заключается в заинтересованности системы образования в личном успехе студента [2].

В документах Болонского процесса неоднократно подтверждалось, что любые реформы европейского образования возможны только на основе традиционных ценностей университетской автономии и академической свободы. Также трудно переоценить роль студентов в Болонском процессе. Само название процесса модернизации европейской высшей школы связано с Болонским университетом, который является не только старейшим непрерывно действующим университетом Европы, но и старейшей ассоциацией студентов (*universitas scholarium*), самостоятельно выбирающей руководителей. Это был университет студентов, а не университет профессоров. Принцип сотрудничества со студентами как полноправными партнерами является лейтмотивом всех Болонских коммуникаций [1].

Ключевой тезис о предоставлении студентам как можно больших свобод, прав и полномо-

чий реализуется благодаря стратегии развития гибких, индивидуальных личностно-ориентированных траекторий обучения. В основе данной стратегии лежит понимание необходимости непрерывного образования как единственного адекватного ответа на стремительное моральное устаревание старых и появление новых профессий, ужесточение конкуренции на рынке труда и переход к обществу, основанному на знаниях.

Так, в Европейском образовательном пространстве на уровне формального образования принцип индивидуализации образовательных траекторий проявляется в том, что образовательные программы имеют различную ориентацию и разные профили, отвечающие всему разнообразию индивидуальных потребностей, с одной стороны, и запросам рынка труда – с другой. Уже на бакалаврском уровне предполагается дифференциация по профилям (направленности) в зависимости от потребностей и возможных карьерных траекторий обучающихся. Гибкие образовательные траектории предполагают более активную позицию студента, который в значительной степени самостоятельно формирует свой образовательный портфель. Такая модель способствует формированию самостоятельной, ответственной и социально активной личности, способной конструировать свою собственную образовательную и карьерную траекторию. При данном подходе основной упор делается на поиск новых методик и совершенствование организации учебно-воспитательного процесса [3].

Таким образом, индивидуализация образовательной деятельности в вузе – это целенаправленное и организованное взаимодействие преподавателей и обучающихся, направленное на выявление и наиболее полное использование индивидуальных особенностей обучающихся в ходе образовательного процесса в вузе в целях их профессионального и личностного развития.

Литература

1. Болонский процесс как путь модернизации системы высшего образования Беларуси / С.С. Ветохин и др.; науч. ред. А.В. Лаврухин. Минск: Медисонт, 2014. 68 с.

2. Болонский процесс: 2007–2009 годы. Между Лондоном и Левеном / Лувен-ла-Невом / под науч.

ред. В.И. Байденко. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 302 с.

3. Шерайзина Р.М. Развитие творческой индивидуальности магистрантов – будущих образовательных менеджеров // Дифференциация и индивидуализация обучения и воспитания в системе непрерывного образования: сб. статей по матер. международной научно-практической конференции «Стратегии дифференциации и индивидуализации обучения студентов в русле Болонского процесса» (Великий Новгород, 16–17 мая 2011) и научно-практической конференции с международным участием «Педагогическое образование: история, современность, перспективы» (Великий Новгород, 6–7 октября 2011) / сост. Е.В. Иванов. Великий Новгород, 2012. С. 43–47.

ФОРМИРОВАНИЕ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лобанов А.П., доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматривается проблема формирования креативной компетентности будущих специалистов в процессе учебно-профессиональной деятельности. Подчеркивается, что тип креативной личности соотносится с усвоением определенной совокупности универсальных компетенций. Приведены экспериментальные данные о расхождении субъективной значимости оценки компетенций с их реальным вкладом в становление специалиста.

Ключевые слова: креативная компетентность, тип креативности, компетенции, учебно-профессиональная деятельность.

Abstract. The problem of formation of the creative competence of future professionals in the process of teaching and professional activities. It is emphasized that the type of creative person is related to the assimilation of a certain set of universal jurisdiction. Experimental data on the divergence of subjective importance of evaluating competencies with their actual contribution to the establishment of a specialist.

Keywords: creative expertise, the type of creativity, competence, educational and professional activities.

Результат любой деятельности обусловлен взаимодействием всех трех общих способностей. Такой подход давно стал аксиомой. Интеллект без компетентности умозрительен, а без креативности – приземлен и предсказуем. Компетентность без интеллекта и креативности – алгоритмична, а креативность без интеллекта и компетентности – наивна. Предметом нашего исследования выступает креативная компетентность как взаимодействие креативности и компетентности специалиста.

Под креативной компетентностью принято понимать способность приобретать и преобразо-

вывать креативные знания и компетенции, связанные с их реализацией в профессиональной и практической деятельности [1]. Или, перефразируя Д. Куна, это уровень креативных способностей и навыков, демонстрируемый человеком [2].

В нашем исследовании приняли участие 48 студентов 3-го курса, обучающихся по специальности «Социальная работа и практическая психология». В качестве инструментария мы использовали тест «Насколько Вы креативны» К. Венкера и «Анкету оценки компетенций», разработанную в рамках Европейского проекта «Настройка образовательных систем» (TUNING). Однако процедуру прямого ранжирования компетенций мы за-

менили шкалой Р. Лайкерта. Наименее значимая компетенция для профессионального становления специалиста и достижения мастерства оценивалась в 1 балл, наиболее значимая – в 5 баллов.

Установлено, что студенты-гуманитарии оценивают свои творческие способности выше среднего: 178,13 балла (средний показатель коэффициента творческих способностей согласно тесту К. Венкера равен 100 баллам). Доминирующими типами креативности студентов являются F «Нуждающиеся в гармонии» и H «Чувственные». В меньшей степени для них характерны черты типа E «Усердные» и A «Любители открытий». Другими словами, студентов более привлекают эмоционально окрашенные компоненты креативности как процесса и результата, чем собственно дивергентное мышление.

Несмотря на то, что субъективно тип «Усердные» получил у студентов самые низкие оценки, объективно именно он обеспечивает им наиболее значимые достижения в учебно-профессиональной деятельности. Это единственный креативный тип, который демонстрирует наличие значимых корреляций (по методу Пирсона) с суммарным показателем всех трех видов универсальных компетенций: инструментальными (0,44), межличностными (0,43) и системными (0,40). Креативность по типу «Усердные» способствует формированию лидерства (0,38), приверженности этическим принципам (0,40), навыков общения со специалистами смежных специальностей и пониманию обычаев других стран (0,45), формированию элементарных навыков работы с компьютером (0,48) и навыков работы в междисциплинарной среде (0,51).

Для студентов также характерна субъективная недооценка значимости типа «Стратегически мыслящие», показатели которого коррелируют с наличием у них инструментальных (0,42) и межличностных (0,48) компетенций. Кроме того, этот тип креативности взаимосвязан с навыками решения

проблем (0,38), способностью к анализу и синтезу (0,39), заботой о качестве (0,41), пониманием культуры и обычаев других стран (0,47), приверженностью этическим принципам (0,48).

Доминирующие, по оценке студентов, типы креативности способствуют формированию ограниченного количества компетенций: «Нуждающиеся в гармонии» – собственно креативности или способности к творчеству (0,39), а «Чувственные» – совокупности межличностных компетенций (0,43) и навыков работы в команде (0,57). Можно предположить, что студенты, обучающиеся по специальности «Социальная работа и практическая психология», отдают предпочтение коллективной (групповой) креативности и ее применению во взаимодействии с другими (в команде).

Развитие креативности по типу «Критически мыслящие» непосредственно согласуется со способностью учиться (0,40), а тип «Любознательные» способствует формированию навыков решения проблем (0,38), приверженности этическим принципам (0,39), способности к творчеству (0,43) и лидерству (0,57).

Таким образом, необходимо принимать во внимание когнитивную сложность креативной личности, проблематичность поиска креативов с одинаково высоким уровнем показателей всех типов. На практике можно руководствоваться двумя стратегиями: ориентироваться на общие высокие показатели креативного профиля и сопутствующих ему компетенций или формировать креативные команды, придерживаясь принципа функциональной дополнителности.

Литература

1. Лобанов А.П., Бурец Ю.М. Креативность: новый взгляд или испытание компетентностью // Народная асвета. № 11. 2012. С. 3–6.
2. Кун Д. Основы психологии: все тайны поведения человека. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

ОБРАЗ ПОДЧИНЕННОГО КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ОБРАЗА МИРА РУКОВОДИТЕЛЯ

Маслов Е.В., кандидат психологических наук, руководитель направления «Оценка персонала» Ассоциация Бизнес Мастерства

Аннотация. Рассматриваются особенности оценки руководителями своих подчиненных. Подчеркивается, что в основе оценки руководителями своих подчиненных лежат их ценности и представления об оптимальном процессе управления. Рассматриваются содержательные особенности оценки компетенций своих подчиненных руководителями, склонными к «строгости» или проявляющими «поддержку». Приведены данные проекта по оценке руководителей среднего звена методом «360 градусов».

Ключевые слова: образ подчиненного, компетенции, метод «360 градусов», стиль руководства.

Abstract. The essence in the evaluation by supervisors of their subordinates is considered. The special attention is given to the assumption, that the foundation of assessment of their subordinates are based on managers values and their views on optimal process control. Discusses substantive features of the competency assessment of their subordinates, leaders prone to «rigor» or with «support». Data of project managers evaluation through 360 degree feedback a presented.

Keywords: subordinate image, competence, 360-degree evaluation, leadership style.

Характеристики воспринимаемого объекта определяются не только его объективными свойствами, но и особенностями воспринимающего субъекта. Особенно ярко это проявляется в случае с восприятием социальных объектов, социальной перцепции. На восприятие людей влияет прошлый опыт, установки и ценности. Эти закономерности не могут не оказывать влияния на специфику взаимодействия руководителя с его подчиненными, на что еще в 1950-е гг. обратил внимание Д. МакГрегор. Выяснилось, что специфика управления персоналом определяется особенностями восприятия руководителями своих подчиненных («теория X, Y»). Здесь следует подчеркнуть, что речь шла не о выделении двух типов подчиненных, а о выделении двух типов руководителей с различным восприятием, т.е. отнесение подчиненного к тому или иному типу есть не столько характеристика оцениваемого, сколько оценивающего субъекта.

Ф. Фидлер пошел еще дальше, развив идею связи восприятия подчиненных с предпочитаемым стилем руководства. Выяснилось, что руководитель, ориентированный на отношения («демократичный»), склонен более позитивно воспринимать своих подчиненных, чем руководитель «авторитарный», ориентированный на задачу в ущерб отношениям. Для определения стиля руководителя применялась Анкета наименее предпочитаемого работника (НПР), построенная по типу семантического дифференциала. Данный подход в оценке стиля неоднократно критиковался еще современниками Ф. Фидлера. Однако обозначенная Фидлером тенденция авторитарных руководителей занижать качества подчиненных сотрудников в целом подтвердилась.

С нашей точки зрения, одним из недостатков этой анкеты являлась недостаточная содержательность многих оснований для шкалирования, не отражающих специфику требования к подчиненному, (например, «приятный – неприятный»; «добрый – злой»). Вместе с тем для конкретного анализа полезно понимать не столько проявление общей тенденции к строгости, сколько содержательные характеристики, по которым отмечается более строгая оценка. В своем пилотажном исследовании мы использовали компетентностный

подход, получивший широкое распространение в последнее время. Нам было интересно посмотреть, по каким компетенциям отмечается склонность к занижению или завышению оценок.

С этой целью мы проанализировали данные оценки по методу «360 градусов» в двух российских компаниях, относящихся к среднему бизнесу. Одна из них занималась оптовой продажей техники, другая – разработкой программного обеспечения для торговых предприятий. Выбор этих двух компаний определялся тем, что в обеих проводилась оценка руководителей среднего звена с целью выделения резерва на вышестоящие управленческие должности по следующему набору компетенций: деловая коммуникация, управление исполнением, лидерство и влияние, ориентация на результат, принятие решений, внедрение изменений, профессионализм. Анкета состояла из 35 пунктов по 5 индикаторов на каждую компетенцию, предъявляемых автоматизированной системой в случайном порядке.

В ходе оценки методом «360 градусов» оценку «сверху» осуществлял один руководитель (прямой и непосредственный). Количество респондентов-коллег одного иерархического уровня и подчиненных варьировалось от 4 до 10.

Критерии выделения «строгого» и «поддерживающего» отношения. В каждой из двух организаций мы отобрали по 5 случаев оценок, отражающих выраженную строгость со стороны руководителя, и столько же случаев оценки, отражающих поддержку со стороны руководителя (всего 20 случаев).

В качестве выделения индикатора «строгости» мы использовали снижение средней оценки руководителя на два и более балла (при использовании 9-балльной шкалы) по сравнению с усредненными оценками подчиненных и коллег. Выделение «поддерживающих» руководителей основывалось на противоположной тенденции – повышение средней оценки руководителя на два и более балла по сравнению с оценками подчиненных и коллег.

Результаты. «Строгость» в 8 случаев из 10 (80 %) проявлялась в максимальном снижении оценок по компетенции «Управление исполнением». Индикаторы компетенции «Управление

исполнением»: четко ставит цели, обозначает критерии достижения результата и сроки выполнения задачи; обеспечивает всеми необходимыми ресурсами, распределяет ответственность; делегирует задачи подчиненным; оперативно координирует работу других, корректирует ситуацию в случае неуспеха; осуществляет контроль на основе измеряемых и объективных критериев по результатам.

«Поддержка» во всех наблюдаемых 9 случаях из 10 сопровождалась наиболее высокими оценками по компетенции «Ориентация на результат». В последнем случае эта компетенция была на втором месте. Индикаторы компетенции «Ориентация на результат»: прикладывает максимум усилий для достижения наилучшего результата; упорен в преодолении трудностей для достижения намеченных целей; измеряет свой успех по достигнутому результату, а не по количеству приложенных усилий; стремится сделать работу качественно и в срок; контролирует качество и своевременно выявляет недостатки; использует все возможные внутренние и внешние ресурсы для повышения эффективности.

Возможные объяснения. Разумеется, здесь мы можем обсуждать только проявившиеся тенденции, для подтверждения которых необходимо провести детальный анализ результатов более широкой выборки с применением статистических критериев. Тем не менее, предварительные результаты можно объяснить следующим образом.

Не секрет, что руководители стремятся продвигать по карьерной лестнице подчиненных, близким им по духу и ценностным установкам. Соответственно, более позитивно будут оцениваться понятные и близкие по духу, и наоборот, более строго будут оцениваться другие, ведущие себя «неправильно». Строгость более всего проявляется у руководителей, ориентированных преимущественно на позиционную власть и формализованное администрирование. Согласно известной модели Г. Лэй-

на и Дж. Дистефано стиль управления и система контроля в организации основываются на представлениях о природе человека в обществе. Ориентация на «плохое» в природе человека служит основой авторитарного стиля управления и жесткой системы контроля. Возможно, низкие оценки «строгих» руководителей обусловлены ценностными (идеологическими) расхождениями в подходе к управлению персоналом. Некоторые особенности взаимодействия с подчиненными авторитарные руководители могут считать неприемлемыми. Например, авторитарные руководители считают недопустимым «излишнюю демократичность», которую они воспринимают как панибратство, неспособность навести должный порядок. Выставляя низкие оценки, руководитель предоставляет обратную связь, демонстрируя свои приоритеты. Он как бы подтягивает подчиненного руководителя под свою модель управления.

Наличие «поддержки» отражает менее формальный, демократический подход. В данном случае процесс управления строится на принципах партнерства – важна не субординация и порядок, а итоговая эффективность. В рамках «демократического» управления цели согласовываются, а задачи делегируются. Подчиненному оказывается поддержка и дается право на ошибку. Здесь важнее не соблюдение правил и стандартов, а достижение конкретных целей. Поэтому компетенция «Ориентация на результат» приобретает приоритетное значение. Оценка работы по действиям, характерная для формализованной, авторитарной системы управления, заменяется оценкой результатов.

Разумеется, мы не можем утверждать, что руководитель, проявивший строгость в оценке, для организации предпочтительнее, чем проявляющий поддержку. Факты говорят о том, что в ряде ситуаций руководитель авторитарного типа может быть гораздо более эффективным, чем его противоположность.

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СПЕЦИАЛИСТОВ НА ПЕРЕЖИВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Митина О.В., кандидат психологических наук, доцент факультета психологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Бондаренко А.С., специалист

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ташкент

Аннотация. Целью исследования выступило определение совокупного влияния специфики профессиональной деятельности и личностных особенностей специалистов на субъективные переживания в процессе этой деятельности. Было выявлено, что переживания в профессиональной деятельности соотносятся с различными личностными особенностями. Человек адаптируется к требованиям деятельности с целью оптимизировать свое состояние, сопровождающее процесс ее выполнения.

Ключевые слова: оптимальные переживания, состояние потока, позитивная психология, личность, профессия.

Abstract. The aim of the research was detection of total influence of professional activity specific and personal characteristics of specialists on subjective experience during this activity. We found that similar experience during professional activities of sportsmen, actors and programmers are related with discrepant personal characteristics. This is way of individual adapting to professional challenges for optimizing his own state.

Keywords: optimal experience, flow state, positive psychology, personality, profession.

Объектом нашего исследования выступили профессиональные артисты, программисты и спортсмены. *Целью* являлось определение совокупного влияния специфики профессиональной деятельности и личностных особенностей специалистов на субъективные переживания в процессе этой деятельности. Было доказано, что специфика профессиональной деятельности обуславливает структуру взаимосвязей переживаний в деятельности и личностных характеристиках специалистов.

Оптимальное переживание возможно тогда, когда все компоненты оптимального переживания – усилие, удовольствие и смысл – выражены одновременно [4]. Корреляционный анализ показал, как для артистов, так и для спортсменов, и для программистов корреляции компонентов удовольствия и смысла. У артистов связь была выражена сильнее, нежели у программистов и спортсменов. Более того, на основании анализа согласованности и коррелированности компонентов увлеченности работой можно говорить о том, что увлеченность работой выше у программистов, однако для подтверждения данного предположения требуются дальнейшие исследования.

Для каждой профессиональной группы наблюдается уникальная структура взаимосвязей между личностными особенностями и компонентами оптимальных переживаний. Так, для артистов характерно, что компоненты переживаний в профессиональной деятельности – смысл и пустота – связаны с большим количеством личностных особенностей. Среди компонентов увлеченности работой с личностными переменными в наибольшей степени связан энтузиазм. Для программистов свойственно большое количество связей личностных переменных с компонентом усилие в случае профессиональной деятельности, а по увлеченности работой наблюдается ситуация, аналогичная со спортсменами, – много лич-

ностных особенностей связаны с энергичностью, хотя при этом наблюдается меньше связей с поглощенностью. У спортсменов компонент переживания смысла в профессиональной деятельности связан с большим количеством личностных переменных, тогда как переживание усилия – с немногими личностными переменными, однако компонент увлеченности работой, энергичность у спортсменов также связан с большим количеством личностных переменных, характеризующих особенности саморегуляции.

Переживания в досуговых деятельности представителей различных профессий имеют различные личностные корреляты и носят компенсаторный характер по отношению к переживаниям в профессиональной деятельности. Так, представителей всех рассматриваемых профессий в контексте досуговой деятельности так или иначе объединяет компонент «удовольствие». Деятельность в свободное время приносит артистам удовольствие, если позволяет в ней так или иначе самоутвердиться и ярко проявить себя, при этом реальной цели чего-то получить в результате своих усилий не имеется, а все это имеет смысл как некий процесс, дающий пищу для размышлений и новых ощущений. Для спортсменов свободное время должно компенсировать энергетические затраты во время профессиональной деятельности сильными переживаниями удовольствия в досуговой, при этом без особых усилий (субъективных).

Перспективы дальнейших исследований мы видим в более детальном анализе не только личностных особенностей специалистов, но и анализе условий профессиональной деятельности, могущих способствовать переживанию потока. Наряду с этим представляется интересным исследовать вопрос о специфике взаимосвязи эффективности деятельности различных профессионалов и оптимальных переживаний.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Переживания, сопровождающие деятельность, и их диагностика // Современная психодиагностика России. Преодоление

кризиса: сб. матер. III Всероссийской конференции. В 2 т. / редколлегия: Н.А. Батулин (отв. ред.) и др. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. Т. 1.

ОТ ЖИЗНИ ПО «БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ КРИВОЙ» К НЕОЖИДАННЫМ ЕЕ РАЗВОРОТАМ: САМОПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Михеев В.А., научный сотрудник лаборатории психологии профессий и конфликта факультета психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Указаны четыре типа моделей профессионализации. Две из них учитывают, что самоопределение в точках ветвления идет через кризис и является проявлением индивидуальности. Предложены психотехники для помощи в самоопределении.

Ключевые слова: модели профессионального развития, самоопределение, смена профессии, самопроявление индивидуальности, психотехнические приемы.

Abstract. Further specifies four types of models of professionalization. Two of them take into account that self-determination at the branch points goes through the crisis, and is a manifestation of individuality. Are offered here psychotechnics to assist in the self-determination.

Keywords: models of professional development, self-determination, change of profession, self-manifestation of personality, psycho-techniques.

«Баллистический» дискурс служит удачной метафорой для рассуждений о жизненном пути человека, о его уникально-индивидуальной траектории. Но она часто нивелируется заведенным порядком жизни. Преодолев трудности самоопределения, жизнь втекает в привычное русло, и «все идет по плану».

Хотя жизненный путь человека виделся некоторыми мыслителями то как поиск выхода из лабиринта (Я.А. Коменский), то как блуждание по саду ветвящихся тропок (Х.Л. Борхес), типичная модель была линейной: прохождение определенных этапов. Эта линейная модель стала матрицей практически всех образовательных и жизнеустроительных программ.

Так, Е.А. Климов предложил модель восхождения к вершинам мастерства, где последовательность фаз уподобляется движению по лесенке [3]. Правда, автор уже ранее противопоставил ей гипотезу ветвящихся «метелок», попутно заметив, что «...нам мешает некоторая гипотетическая схема «линейности» исторического развития» [2]. Если первая модель «линейного развития» является нормативной и в этом смысле «внешней», то модель «ветвящихся метелок», акцентирующая необходимость самоопределения в каждой точке ветвления, может использоваться лишь в качестве

сугубо внутреннего ориентира. Остальные модели вписываются между этими двумя. Существенными видятся следующие: модель «двухфазного чередования» периодов развития Д.Б. Эльконина, позволяющая говорить о чередующихся фазах смысло-содержательного и инструментального освоения профессии. Более продвинутая к «внутреннему полюсу» модель «развития через кризис» предложена Э.Ф. Зеером и Э.Э. Сыманюк, по которой переход от одной стадии профессионального становления к другой сопровождается кризисами, в отдельных случаях приводящими к смене профессии.

Развитие по моделям третьего и четвертого типа подпадают под то, что на языке синергетики называется «режимом с обострением». В отношении профессионального становления это будет переход из инерциальной стадии развития в критическую, требующую очередного самоопределения – принятия самостоятельного решения о направлении и смысле следующего шага. В такие моменты это всегда индивидуальные решения, и другими они быть не могут. Хотя иногда бывают случаи вмешательства «высших сил». Проанализировать их – задача на будущее. Здесь укажем на менее радикальный случай.

Получение второго образования, освоение другой профессии. Что толкает человека на этот шаг? Опросы получающих второе образование

позволили выявить следующие причины: незрелость, неготовность к самостоятельной трудовой жизни (ситуация «вечного студента»); общий познавательный интерес (ситуация «всезнайки»); вынужденная смена вида деятельности (ситуация «обездоленного»); смещение интереса в смежную область (ситуация «профессионального дрейфа»); приобретение дополнительных знаний и навыков в русле основной профессии (ситуация «дефицитного специалиста»); наконец, кардинальная смена сферы профессиональной деятельности (ситуация в истинном смысле «профессионального самоопределения»), где и обнаруживает себя в полную силу самопроявление индивидуальности: «...проявить свою индивидуальность человек может только действуя как субъект – автор-творец и заинтересованный исполнитель своего жизненного проекта» [5, с. 132]. Фактически, только в двух последних случаях человек имеет дело с собой как с проблемой. И только здесь он сам определяет свою судьбу, принимая полную ответственности за свои выборы и решения.

Для возможности любого самоопределения требуется повышенная чувствительность к откликам души на вызовы жизни и построение образа желаемого будущего, который действует как смыслообразующий мотив дальнейшего жизнеутверждающего шага. Нуждающимся в прак-

тической помощи самоопределения могут быть предложены два психотехнических приема. Один учит внимать голосу, исходящему из глубин нашей души, «где собрано все, что нас касается, что нас трогает» – психотехника «Что заигрывает с Вами?» [1]; другой направлен на «прорисовывание» образа возможной профессии и своего места в ней [4]. Взаимодополняя друг друга, они и обеспечивают индивидуализирующий момент самоопределения как в русле профессионального становления, так и в жизни в целом.

Литература

1. Буякас Т.М. Феноменология смысла: смысл как зов души // Московский психотерапевтический журн. 2009. № 2. С. 94–109.
2. Климов Е.А. Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1992. № 3. С. 3–12.
3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д, 1996.
4. Михеев В.А. Самофутурирование: путь в профессию // Мир психологии. 1997. № 3. С. 95–108.
5. Психология индивидуальности: Новые модели и концепции. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009.

ФОРМИРОВАНИЕ АУТЕНТИЧНОСТИ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИСКУССТВА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Морозовская Т.Д.

Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины

Аннотация. Рассматривается феномен аутентичности преподавателя искусства в общеобразовательной школе. Анализируются факторы развития у будущих преподавателей искусства способности к аутентичному педагогическому взаимодействию.

Ключевые слова: аутентичность, ценности, личностное развитие, педагогическое взаимодействие, художественное восприятие, смыслотворчество.

Abstract. The article considers a phenomenon of authenticity of teacher of art at the secondary school. The factors of development of future teacher's ability of authentic pedagogical interaction are analyzed.

Keywords: authenticity, values, development of person, apprehension of art, pedagogical interaction, creation of sense.

Важную роль в развитии духовности и человечности молодого поколения могут и должны играть уроки искусства в общеобразовательной школе. Специалисты в области художественного образо-

вания обычно подчеркивают особую значимость личности преподавателя в обучении искусству, так как передача мастерства от учителя к ученику в непосредственном общении специфична для этого вида обучения. При этом наибольшего успе-

ха добьется тот учитель, который не демонстрирует привлекательную профессионально-ролевую маску всезнающего мастера, а способен раскрыть в педагогическом взаимодействии свою индивидуальность, искренне обмениваться с учениками мыслями и чувствами, выражая свое отношение к искусству и уважая при этом точку зрения собеседника. Ведь, как верно замечает С.К. Нартова-Бочавер, «ни один уважающий себя ученик не воспримет рекомендацию от неискреннего, не знающего себя, зависимого учителя». В случае расхождения между истинными и декларируемыми ценностями педагога возникает «подтекст-послание», который лишает убедительности все, что говорится [2, с. 19]. Таким образом, для эффективного педагогического взаимодействия на уроках искусства в школе значима аутентичность деятельности учителя, т.е. ее соответствие глубинным ценностям и установкам, свобода от неосознаваемых профессиональных клише и стереотипов.

Аутентичность учителя в педагогическом взаимодействии предполагает: осознание им своего истинного «Я», что требует развитой сензитивности к своим желаниям и потребностям; автономность и независимость, когда личность становится причиной самой себя; способность к адекватному самораскрытию в общении, отсутствие склонности к манипуляциям и фальши во взаимодействии. При этом необходимым фактором аутентичного поведения является умение субъекта ответственно воплощать в жизнь решения, принятые на основании личных ценностей. Таким образом, большое значение для психолого-педагогической подготовки будущих учителей искусства приобретает личностное развитие, формирование профессиональных ценностей, смыслов и установок. Будущий педагог в процессе обучения, как правило, знакомится с установками и ценностями профессионального сообщества. Однако, если это не затронет его убеждений, не будет ощущаться, говоря словами Г. Олпорта, «как нечто теплое и важное», принадлежащее «своейственной ему» области жизни [3], то либо его деятельность в рамках выученной профессиональной роли не будет аутентичной,

либо, будучи аутентичной, может не соответствовать педагогическим нормам и ценностям.

Развитие ценностно-смысловой сферы личности будущего преподавателя искусства не может происходить путем прямой трансляции установок и убеждений от педагога к студенту, а требует от субъекта развития интеллектуальных усилий, работы самоформирования, «культивирования своей души», поиска собственных ответов на вопросы: что означает быть человеком сегодня и как это возможно в современном мире [1]. Важными факторами этого поиска могут стать культура осознания реалий современной жизни, диалогическое общение с людьми своей и других культур, а также (учитывая специфику профессии будущих учителей) освоение воплощенного в произведениях искусства опыта переживания жизни другими людьми, что предполагает наличие у студентов высокого уровня художественного восприятия. Если произведение искусства приобретает личностную значимость для реципиента, полученные впечатления способствуют освоению новых смыслов и ценностей. Важную роль в смыслотворчестве будущих преподавателей играет характер обсуждения этих впечатлений. В процессе развития художественного восприятия студентов необходимо стимулировать свободное высказывание ими индивидуального видения многогранности художественных ценностей и бережно относиться к субъективным переживаниям будущих преподавателей. Все это помогает студентам глубже осознавать свои мысли и чувства, искренне выражать их и, таким образом, способствует развитию аутентичности.

Литература

1. Ахутин А. Европа – форум мира. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2015.
2. Нартова-Бочавер С.К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 18–29.
3. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЖЕНЩИН В ПЕРИОД ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ И ПРЕДСТОЯЩЕГО УВОЛЬНЕНИЯ

Неяскина Ю.Ю., кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии

Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

© Неяскина Ю.Ю., 2015

Аннотация. Рассматривается специфика осмысления временных компонентов жизненного пути и построения будущего женщинами, проходящими службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту, и также военнослужащими-женщинами, достигшими предельного возраста пребывания на военной службе. Включенность в профессиональную военную деятельность по-разному определяет специфику осмысления себя во времени у мужчин и женщин. Ориентация женщин на смену постоянного места жительства после окончания службы способствует повышению осмысленности будущего и позитивной реконструкции прошлого, одновременно повышая тревожность в отношении планируемого и опасения в отношении возможного отклонения от желаемого сценария.

Ключевые слова: временная перспектива личности, будущее, осмысленность жизни, образ жизни военнослужащего по контракту.

Abstract. We consider the specifics of time thinking about the components of the life and building the future of women serving in the Armed Forces of the Russian Federation under the contract, and also military-women who have reached the age limit for military service. Involvement in professional military activities differently determines the specific understanding of itself in time in both men and women. Targeting women to replace permanent residence after-service enhances the meaningfulness of the future and the positive reconstruction of the past, while increasing anxiety in respect of planned and concerns about possible deviations from the desired scenario.

Keywords: time perspective of the individual, the future, the meaningfulness of life, a way of life of contract.

Одной из основных задач исследования было выявление того, каким образом профессиональный образ жизни военнослужащих определяет специфику временной перспективы женщин, проходящих военную службу. В исследовании приняли участие 30 военнослужащих в возрасте 35–45 лет (все служат на узле связи, имеют военно-учетную специальность, проживают в военном городке в служебных квартирах). Контрольную группу составили 30 женщин гражданских профессий.

Аналогичные исследования на мужских выборках военнослужащих по контракту позволяют говорить о различном характере встроенности смысловых установок на будущее в общую картину смысловых установок и временных ориентиров мужчин – представителей военных и гражданских профессий. Анализ специфики временной перспективы военнослужащих-женщин проводился нами в сравнении как с достаточно объемной объединенной выборкой мужчин-военнослужащих по контракту (145 человек), так и с женщинами – представителями гражданских профессий. Обобщение результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

- ◆ включенность в профессиональную военную деятельность по-разному влияет на личностные особенности военнослужащих в зависимости от гендерной принадлежности: оказывает большее влияние на осмысленность жизни у мужчин и на временную перспективу у женщин;

- ◆ военнослужащие-женщины характеризуются тенденцией более позитивной реконструкции прошлого в сочетании с более оптимистичным видением будущего, наличием большего числа позитивных установок по отношению к своей будущей жизни (по сравнению как с женщинами гражданских специальностей, так и с мужчинами-военнослужащими);

- ◆ женщины, служащие по контракту, достаточно редко выделяют свое «настоящее» в качестве значимого периода жизни, склонны отодвигать получение удовольствия от жизни в настоящий момент в пользу «будущих дивидендов», выделяют «будущее» как более значимый и желанный компонент временного континуума;

- ◆ у военнослужащих-женщин, проживающих свыше 10 лет в местности, приравненной к регионам Крайнего Севера, и проходящих военную службу по контракту свыше 6 лет, формируются признаки сценария отложенной жизни (по В.П. Серкину): полноценная жизнь в плане реализации всего набора желаемых гражданских свобод видится им возможной после увольнения из рядов Вооруженных Сил.

На следующем этапе предпринималась попытка анализа особенностей осмысления временных компонентов жизненного пути и построения перспективы будущего женщинами, достигшими предельного возраста пребывания на военной службе. Очевидно, что предстоящее увольнение влечет за собой существенное переосмысление устоявшегося жизненного уклада

и нередко перемену места жительства. Факт скорого увольнения из Вооруженных Сил определяет специфику конструирования будущего уже сам по себе, выступая для личности своеобразным «трамплином» для нового жизненного этапа. Мы проверяли гипотезу о том, что временная перспектива женщин, подлежащих увольнению в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе, имеет ряд содержательных особенностей, связанных с местом рождения и предпочитаемым местом жительства после увольнения. Эмпирическую базу составили военнослужащие женщины, подлежащие увольнению в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе, в возрасте от 40 до 45 лет (все проходят военную службу более 10 лет).

Увольнение с военной службы (как и любая ситуация завершения профессиональной деятельности) влечет потерю одного из ведущих смыслов и необходимость перестройки жизни. Вероятно, наличие хорошо внутренне обоснованного (и нередко материально подкрепленного) «плана на переезд» лишает ситуацию исходной неопределенности, повышает мотивацию «вступления в будущее». Стремление к возвращению после окончания службы в родной регион (для тех, кто приехал на Камчатку) не является исчерпывающей предпосылкой мотивации к переезду: среди стремящихся уехать значительную долю составляют женщины, родившиеся на Камчатке. Выявленные эмпирически представления о более высокой осмысленности будущего и позитивной реконструкции прошлого как планирующих переезд, так и приехав-

ших когда-то на Камчатку из других регионов женщин, несмотря на статистическую достоверность, представляются в определенной степени идеалистическими. Возникает вопрос, сохраняется ли позитивный контекст будущего после факта переезда, заменяется ли сверхзначимый и определяющий смысл переезд на новое место жительства иными целями или происходит своего рода смысловой кризис. Женщины, которые после увольнения собираются остаться на Камчатке, негативно реконструируют свое прошлое, фаталистичны в отношении своего настоящего и не ставят себе конкретных целей изменения жизненных реалий, менее уверены в контролируемости жизни. Они хотят продолжить военную службу сверх предельного возраста пребывания на военной службе, но при этом размышляют о профессиональной деятельности после увольнения. Можно говорить о специфике построения военнослужащими женщинами временной перспективы при разных стратегиях планирования будущего в контексте выбора места постоянного проживания после увольнения.

Литература

1. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85–107.
2. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл. 2004 608 с.
3. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.

ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧИТЕЛЕЙ-ДЕФЕКТОЛОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ

Никандрова Т.С., кандидат педагогических наук, доцент кафедры олигофренопедагогики и специальной психологии

Московский педагогический государственный университет

Нурлыгаянов И.Н., кандидат психологических наук, доцент кафедры олигофренопедагогики и специальной психологии

Московский педагогический государственный университет

Хайрtdинова Л.Ф., кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Аннотация. В работе проводится сравнительный анализ личностных и социально-психологических особенностей учителей-дефектологов с разным уровнем профессиональной востребованности. Эмпирически выявлено, что индивидуальные особенности играют адаптирующую роль для каждой группы учителей-дефектологов.

Ключевые слова: профессиональная востребованность, учитель-дефектолог, личностные и социально-психологические особенности.

Abstract. The paper presents the comparative analysis of the personality and social-psychological traits of special educational needs teachers with different levels of professional employability. There are detected empirically that personality traits have an adapting importance for the each group of the SEN teachers.

Keywords: professional employability, teacher of children with special needs, personality and social-psychological traits.

Проблема изучения профессиональной востребованности личности становится особо актуальной как в теоретическом, так и в практическом аспектах в связи с усилением кризисных явлений в социально-экономическом развитии страны и модернизацией системы образования. В области сопровождения субъекта деятельности важной задачей выступает развитие таких личностных и социально-психологических особенностей, которые способствуют востребованности специалиста, усиливают его конкурентные преимущества. Целью настоящего исследования выступило изучение личностных особенностей учителей-дефектологов с разным уровнем профессиональной востребованности.

Методы исследования. Диагностика профессиональной востребованности осуществлялась посредством опросника «Профессиональная востребованность личности» (Харитоновна Е.В., Ясько Б.А. [3]), личностных и социально-психологических особенностей – многофакторным личностным опросником Р. Кэттелла (адаптация Капустиной Н.А. [2]) и опросником «Субъективная оценка межличностных отношений» (Духновский С.В. [1]). Обработка результатов осуществлялась посредством программы Statistica 10.0 для среды Windows. В исследовании для сравнения независимых выборок использовался t -критерий Стьюдента. В исследовании приняло участие 88 учителей-дефектологов, которые были разделены на две полярные группы испытуемых по показателю общего уровня профессиональной востребованности – ниже и выше медианного значения ($MD = 130, SD = 11,74$).

Результаты исследования и их обсуждение. Различия выявлены по факторам L «доверчивость – подозрительность» ($t = 2,54, p = 0,013$), $Q2$ «конформизм – нонконформизм» ($t = -3,42, p = 0,001$), B «низкий – высокий интеллект» было выявлено значимое различие ($t = 2,13, p = 0,036$), C «эмоциональная стабильность – нестабильность» ($t = 3,44, p = 0,001$), F «экспрессивность –

сдержанность» ($t = 3,32, p = 0,001$), а также по показателю «конфликтность в отношениях» ($t = 3,04, p = 0,003$).

Психологический портрет учителей-дефектологов с низким уровнем профессиональной востребованности. В коммуникативных характеристиках проявляются настороженность к людям, стремление к обвинению и перекладыванию ответственности за ошибки на коллег, и в то же время зависимость от мнения окружающих и мотивация на социальное одобрение. В интеллектуальном плане, как это ни парадоксально, они отличаются большей оперативностью мышления и сообразительностью, быстрой обучаемостью. В аффективной сфере выявлена эмоциональная устойчивость и выдержанность, экспрессивность, эмоциональная значимость социальных контактов. В социально-психологическом аспекте они характеризуются большей степенью противоречивости и противоборства в межличностных отношениях, доминированием собственных взглядов.

Психологический портрет учителей-дефектологов с высоким уровнем профессиональной востребованности. В коммуникативном плане они отличаются более выраженной терпимостью и уживчивостью, открытостью и покладистостью, ориентацией на собственные решения и самостоятельностью. В интеллектуальном контексте проявляют конкретность и ригидность мышления, трудности в решении абстрактных задач. В сфере эмоциональности характеризуются сниженной толерантностью в отношении фрустрирующих событий и эмоциональной неустойчивостью, склонностью к осторожному планированию будущего и построению межличностных отношений. В социально-психологическом аспекте учителя-дефектологи этой группы отличаются способностью конструктивно разрешать противоречия в области межличностного взаимодействия.

Полученные результаты свидетельствуют о динамическом и адаптирующем характере личностных и социально-психологических свойств

учителей-дефектологов в зависимости от уровня профессиональной востребованности.

Литература

1. *Духновский С.В.* Субъективная оценка межличностных отношений. СПб.: Речь, 2006.

2. *Капустина А.Н.* Многофакторная личностная методика Р. Кэттелла. СПб.: Речь, 2001.

3. *Харитонова Е.В., Ясько Б.А.* Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ МЕНЕДЖЕРОВ

Новикова И.А., кандидат психологических наук, доцент

Шляхта Д.А., кандидат психологических наук, доцент

Обидина Н.В., соискатель

Российский университет дружбы народов

Аннотация. Рассматриваются результаты эмпирического исследования гендерных различий в выраженности связей между факторами «Большой пятерки» и показателями профессиональной эффективности менеджеров коммерческой организации. Показано, что различия сильнее всего выражены по фактору добросовестность, который гораздо теснее связан с профессиональной эффективностью менеджеров-женщин.

Ключевые слова: менеджеры, профессиональная эффективность, «Большая пятерка», «Оценка 360», гендерные различия.

Abstract. The results of the empirical study on gender differences in relationships between the «Big Five» factors and the indicators of the managers' professional efficiency are discussed in the article. It is shown that the differences are most strongly for the Conscientiousness, which is much more closely linked to the professional efficiency of the female managers.

Keywords: managers, professional efficiency, «Big Five», «Assessment 360», gender differences.

В последнее время в отечественной психологии растет число исследований, в которых изучаются связи профессиональной эффективности представителей разных профессий с выраженностью у них тех или иных особенностей личности и индивидуальности [1–4 и др.]. Полученные данные используются для создания психологических портретов представителей разных профессий, которые востребованы в практике профориентации, профотбора, работы с кадрами и т.п. [2]. Однако в таких исследованиях не всегда учитывается пол изучаемых сотрудников, который, на наш взгляд, может являться фактором, опосредующим характер соотношения других особенностей индивидуальности с профессиональной эффективностью.

Нами было проведено исследование гендерных особенностей соотношения профессиональной эффективности менеджеров с выраженностью у них индивидуально-личностных факторов из

модели «Большая пятерка» («Big Five»). В исследовании приняли участие 313 человек: 82 мужчины и 231 женщина в возрасте от 21 до 42 лет (средний возраст 26 лет). Образование – среднее специальное и высшее. Все респонденты являются менеджерами среднего звена, работающими в данной компании не менее одного года. Сферой деятельности коммерческой организации, в которой проводилось исследование, является розничная торговля, управление сетью магазинов одежды и аксессуаров.

Для диагностики индивидуально-личностных факторов использовался «Пятифакторный опросник NEO FFI» в адаптации М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова [5]. Для оценки эффективности профессиональной деятельности менеджеров была проведена процедура «Оценка 360», разработанная специально для данной коммерческой организации с использованием корпоративной платформы Системы дистанционного обучения

Таблица 1

**Коэффициенты корреляции параметров «Оценки 360» с факторами «Большой пятерки»
в группах мужчин и женщин**

Оценка 360	Нейротизм		Экстраверсия		Открытость опыту		Согласие		Добросовестность	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Соблюдение корпоративных ценностей	-0,34	-0,32	0,31	0,36	0,36	0,19	0,30	0,27	0,33	0,55
Управленческие навыки	-0,38	-0,35	0,21	0,25	0,02	0,05	0,31	0,22	0,30	0,57
Общая оценка эффективности	-0,43	-0,38	0,31	0,31	0,21	0,15	0,38	0,23	0,35	0,61

(СДО). Итоговая оценка профессиональной эффективности сотрудника складывается из двух параметров: соблюдение корпоративных ценностей (клиентоориентированность, лояльность к компании, ориентация на результат, ответственность за него, инициативность, адаптивность, самостоятельность и навыки принятия решений, понимание бизнес-среды, устойчивость к процедурам и детальной работе, стрессоустойчивость, стремление к общению и навыки коммуникации с людьми в компании); управленческие навыки (управление текущей работой, управление командой, планирование, обучение, мотивирование). Для математической обработки данных использовался ранговый корреляционный анализ, критерий χ^2 и Z-преобразование Фишера. Основные результаты представлены в табл. 1.

Примечание: полужирным шрифтом выделены корреляции значимые на уровне $p \leq 0,01$; курсивом – значимые на уровне $p \leq 0,05$, серым фоном выделены корреляции, различия между которыми статистически значимы (Z-преобразование) на уровне $p < 0,03$.

Из таблицы следует, что теснее всего в обеих группах показатели «Оценки 360» отрицательно связаны с выраженностью нейротизма. Вполне логично, что более эмоционально стабильные менеджеры обеих полов более профессионально эффективны. Экстраверсия и согласие положительно связаны с показателями «Оценки 360»: в группе женщин корреляции статистически значимы, в группе мужчин корреляции близки к уровню статистической значимости, но различий между величиной корреляций по Z-критерию не выявлено. Соответственно, более активные, энергичные, доброжелательные сотрудники демонстрируют и более высокие показатели оцениваемых параметров управленческой деятельности. Открытость опыту слабее всего связана с показателями «Оценки 360» в обеих группах, выявлена только одна статистически значимая положительная корреляция в группе мужчин с показателем «соблюдение корпоративных ценностей». Скорее всего, управленческая деятель-

ность в коммерческих организациях в меньшей степени требует развития познавательных особенностей индивидуальности, что согласуется с данными других исследований [2]. Наконец, добросовестность очень тесно положительно связана с показателями «Оценки 360» в группе женщин, а в группе мужчин аналогичные связи гораздо слабее. При этом существуют статистически значимые различия между величиной корреляций в группах мужчин и женщин по Z-критерию.

Таким образом, гендерные различия в соотношениях факторов «Большой пятерки» с оценкой эффективности управленческой деятельности сильнее всего проявляются по фактору «добросовестность», который гораздо важнее для профессиональной эффективности менеджеров женского пола.

Литература

1. Замалдинова Г.Н., Новикова И.А. Соотношение особенностей уверенности и самоактуализации с профессиональной эффективностью сотрудников коммерческих организаций // Вестник университета (Государственный университет управления). 2010. № 25. С. 42–45.
2. Кибанов А.Я., Дуракова И.В. Управление персоналом организации: отбор и оценка при найме, аттестация. М.: Инфра-М, 2009.
3. Кужненко А.С. Индивидуально-психологические особенности и профессиональная эффективность работников банковской сферы // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2015. № 1. С. 49–54.
4. Кужненко А.С., Новикова И.А. Соотношение показателей профессиональной эффективности и психологических характеристик работников банковской сферы // Акмеология. 2014. № S3–4. С. 97–98.
5. Five-Factor Inventory. Adapted and reproduced by special permission of the Publisher, Psychological Assessment Resources, Inc., 16204 North Florida Avenue, Lutz, Florida 33549 from the NEO Five Factor Inventory by P. Costa, R. McCrae. Copyright 1978, 1985, 1989. Form S. / Translation and adaptation by M.V. Bodunov, S.D. Biryukov.

СТРУКТУРНО-УРОВНЕВЫЙ ПОДХОД К ПЕРИОДИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Поварёнков Ю.П., доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии

Ярославский государственный педагогический университет

Аннотация. Проанализированы основные подходы к периодизации профессионального становления личности. Выявлены их противоречия и недостатки. Описаны метасистемный, системный и субсистемный уровни анализа профессионального становления. Представлены принципы структурно-уровневого подхода к периодизации профессионального становления.

Ключевые слова: периодизация, профессиональное становление, структурно-уровневый подход.

Abstract. Basic approaches to periodization of the professional development of the individual analyzes. Their contradictions and shortcomings identified. Metasystem, A subsystem and system level analysis of professional development are described. The principles of structural-level approach to periodization professional development are presented.

Keywords: periodization, professional development, structural-level approach.

В настоящее время в психологии представлено большое количество периодизаций профессионального становления. По формально-временным основаниям выделяют онтогенетические, профессионалогенетические, качественные и смешанные. По содержательным основаниям выделяются периодизации карьерного, профессионального и карьерно-профессионального развития.

Существующие периодизации достаточно активно критикуют как теоретики, так и практики, поскольку многие периодизации содержат явные логические противоречия, а также обнаруживают серьезные нестыковки с реальностью.

Отметим лишь некоторые из них:

- ◆ онтогенетические периодизации критикуют прежде всего за то, что стадии профессионализации в них жестко привязаны к возрасту человека;
- ◆ профессионалогенетические периодизации критикуют за редуцирование процесса профессионализации;
- ◆ периодизации карьерного развития критикуют за то, что они акцентируют внимание только на статусных и событийных характеристиках профессионализации;
- ◆ периодизации профессионального развития критикуют за противоположную направленность, основной акцент они делают на изменениях ресурсных возможностей профессионала;
- ◆ все типы периодизаций критикуют за реализацию моноциклического подхода по принципу: одна жизнь – одна профессия.

Отметим некоторые причины, приводящие к появлению противоречивых периодизаций, которые слабо стыкуются с реальностью:

- ◆ большинство периодизаций разрабатывались для решения конкретных задач и на материале конкретных видов профессиональной деятельности;
- ◆ периодизации разрабатывались представителями различных отраслей психологии с учетом специфики их предмета;
- ◆ наиболее существенная причина связана с пониманием процесса профессионализации. Авторы периодизаций слабо учитывают сложный структурно-уровневый характер профессионального становления, не принимают во внимание специфику профессионального развития на каждом уровне и не учитывают особенности их взаимодействия.

Учитывая выявленные причины, мы считаем, что построение адекватных периодизаций профессионализации возможно только в том случае, если они опираются на структурно-уровневое понимание профессионального становления и реализации личности.

Мы выделили три базовых уровня профессионализации: метасистемный, системный и субсистемный. На метасистемном уровне профессионализация реализуется и изучается как часть жизненного пути. На системном уровне профессионализация осуществляется и изучается в процессе освоения и реализации конкретной профессии, специальности, должности и т.д. На субсистемном уровне профессионализация исследуется и осуществляет-

ся в процессе решения отдельных задач профессионального становления. Выделенные уровни тесно связаны между собой, но вместе с тем они обладают и определенными отличиями по ряду оснований.

Проведенный анализ позволяет нам обозначить следующие требования к адекватной периодизации профессионального становления:

- ◆ периодизация не может быть линейной, она должна учитывать структурно-уровневый характер профессионализации как процесса;
- ◆ в структурно-уровневой периодизации должны быть синтезированы три типа периодизаций с учетом трех уровней профессионализации;
- ◆ между тремя типами периодизаций должны быть установлены взаимосвязи, которые со-

ответствуют реальным взаимоотношениям между тремя уровнями профессионального становления и реализации личности;

- ◆ отношения между периодизациями должны выстраиваться как по иерархическим, так и по гетерархическим основаниям;
- ◆ в рамках структурно-уровневой периодизации необходимо учитывать цикличность профессионального становления и реализации личности, а также соотношение моноцикличности и полицикличности;
- ◆ в рамках структурно-уровневой периодизации необходимо отразить две стороны профессионального становления личности – карьерное и профессиональное развитие.

ОСВОЕНИЕ БУДУЩИМИ УЧИТЕЛЯМИ ПРОЦЕССА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ШКОЛЬНИКА

Попова С.И., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры и спорта факультета биологии и здоровья человека Череповецкий государственный университет

Аннотация. Анализируются результаты проведенного исследования, посвященного проблеме владения учителями педагогическим регулированием эмоциональных состояний школьника. Обосновывается важность профессиональной подготовки будущих учителей к реализации педагогического регулирования.

Ключевые слова: педагогическое регулирование, эмоциональные состояния школьника,

Abstract. Analyzes the results of the research devoted to the problem of ownership by teachers of the pedagogical regulation of the emotional state of the student. The importance of professional training of future teachers to implement pedagogical regulation.

Keywords: pedagogical control, the emotional state of the student.

Переход от объяснительного понимания дифференциации эмоций (В.М. Вундт, К.Э. Изард и др.) к эмоциональному интеллекту (Д.И. Гоулман, Д.В. Люсин, Д.В. Робертс и др.) и утверждение его определенной независимости от других личностных характеристик открывают широкие возможности для педагогического регулирования эмоциональных состояний школьника.

Педагогическое регулирование эмоциональных состояний школьника рассматривается как целенаправленный процесс поддержки благоприятных и преобразования неблагоприятных эмоциональных состояний учащегося в ходе организуемой педагогом совместной смыслообразующей деятельности. Основным критерием классификации эмоциональных состояний является

готовность школьника включиться в активную деятельность с целью его личностного развития. Источниками смыслообразования выступают базовые и инструментальные ценности культуры, предъявляемые педагогом на основе учета динамики эмоциональных состояний школьника.

С целью проведения диагностики владения учителями педагогическим регулированием были использованы следующие методики: «Распознавание выражения эмоций и эмоциональных состояний» (А.Я. Чебыкин), «Ориентация педагога на личностную или учебно-дисциплинарную модель взаимодействия с учащимися» (В.Г. Маралов), «Определение уровня развития рефлексивности» (А.В. Карпов), авторская методика «Определение уровня педагогического регулирования эмоциональных состояний школьника».

В исследовании приняли участие 810 учителей образовательных организаций Московской и Вологодской областей.

Анализ результатов проведенной работы показал, что в целом акцент делается на интеллектуальном потенциале учащегося, его осведомленности, умениях решать учебные задачи. Основные переживания учащегося в школе можно сформулировать так: «На меня никто не обращает внимания», «Меня настоящего не видят». Не будучи увиденным, школьник и не получает необходимой поддержки для развития своей личности. В то же время педагоги догадываются о том, что чувствует школьник в сложной жизненной ситуации, но, так же как и ученик, адекватно выразить свои чувства учитель не может и (или) не готов пока прилагать к этому свои усилия. Это выражается в защитных реакциях, призывающих к исполнению и угрозе наказаний. В результате наблюдается усиление эмоционального неблагополучия школьника.

В целом образ эмоциональных состояний учащегося в сознании учителей характеризуется как нечеткий и недифференцированный. Педагог преимущественно рассматривает роль эмоциональных состояний в контексте описаний деструктивного влияния отрицательных переживаний на деятельность. Наблюдается расхождение между «гуманистическими» стремлениями учителя, его ориентирами на диалог, с одной стороны, и неспособностью реализовать это на практике – с другой.

Педагог больше склонен к анализу содержания свершившихся и происходящих событий, к соотнесению своих действий в прошлой и актуальной ситуациях. Слабее сформирована

у учителя перспективная рефлексия, что характеризуется менее выраженной функцией анализа предстоящей деятельности; недостаточным прогнозированием вероятных последствий проживаемых школьником эмоциональных состояний. Педагог преимущественно воспринимает эмоциональные состояния как статичное явление, не обращая внимания на их динамику.

Необходима кардинальная смена педагогической позиции учителя. Совместная деятельность педагога со школьниками должна выстраиваться преимущественно как деятельность учащихся, а не как деятельность педагога.

С целью освоения будущими учителями процесса педагогического регулирования эмоциональных состояний школьника была разработана программа учебного курса «Педагогическое регулирование эмоциональных состояний школьника». Программа занятий включает теоретические, методические и технологические основы изучения данной проблемы. *Теоретические* основы охватывают изучение особенностей реализации воспитательного процесса в современных условиях, роли эмоциональных состояний школьника в контексте воспитания, теоретических основ регулирования состояний, отношений и действий. *Овладение методическими основами* предполагает освоение будущими педагогами методики регулирования, социально-ролевых форм, средств организации групповой и индивидуальной деятельности школьников. *Технологические основы* предусматривают овладение будущим педагогом технологиями, способами и приемами педагогического регулирования, способствующими актуализации оптимальных эмоциональных состояний школьника.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОФЕССИЙ ТИПА «ЧЕЛОВЕК - ЧЕЛОВЕК»

Радюк О.М., кандидат медицинских наук, доцент кафедры общей и клинической психологии факультета социокультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет

Пятницкая И.В., кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии и медицинской психологии

Белорусский государственный медицинский университет

Нолесникович А.Л., магистр психологии
Белорусский государственный университет

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь профессионального выгорания с личностными особенностями у представителей профессий типа «человек – человек».

Ключевые слова: личностные особенности, нейротизм, добросовестность, открытость опыту, сотрудничество, эмоциональность, контролирование, привязанность, «Большая пятерка», профессиональное выгорание, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений.

Abstract. Examines the relationship of burnout with the personal characteristics of the representatives of professions such as «man – a man».

Keywords: personality traits, neuroticism, conscientiousness, openness to experience, cooperation, emotion, control, affection, 'Big Five', burnout, emotional exhaustion, depersonalization, reduction of personal achievements.

Были обследованы 60 представителей профессий типа «человек – человек», из них 17 мужчин и 43 женщины. Средний возраст обследованных составил 25 лет. Для оценки уровня профессионального выгорания использовалась методика К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н. Водопьяновой и Е. Старченковой [1]. Личностные особенности исследовались с помощью пятифакторного личностного опросника NEO PI-R [3] и пятифакторного опросника личности в адаптации А.Б. Хромова [2].

При исследовании профессионального выгорания [1, с. 152] были обнаружены высокий уровень эмоционального истощения (25,30 балла), средние уровни выгорания по показателям деперсонализации (9,57 балла) и профессиональной эффективности (35,75 балла). Установлено, что от таких симптомов профессионального выгорания, как эмоциональное истощение и деперсонализация, страдает более 80 % обследованных.

При исследовании личностных особенностей сотрудников с помощью пятифакторного личностного опросника NEO-PI-R было обнаружено, что средние значения пяти личностных факторов были несколько выше медианных значений (96 баллов): нейротизм – 100,03; экстраверсия – 119,28; открытость опыту – 129,12; сотрудничество – 110,83; добросовестность – 112,77 балла. При этом показатель нейротизма был близок к медиане, сотрудничество и добросовестность характеризовались незначительным превышением, а экстраверсия и открытость опыту были существенно выше медианных значений. При изучении личностных особенностей с помощью пятифакторного личностного опросника «Большая пятерка» в адаптации А.Б. Хромова было обнаружено, что показатели по всем основным шкалам превышают средние значения (41–50 баллов): «экстраверсия – интроверсия» – 56,95, «привязанность – отделенность» – 58,85, «контролирование – естественность» – 52,18, «эмоциональность – эмоциональная сдержанность» – 50,37, «игривость – практичность» – 61,80 балла; при этом «эмоциональность» характеризуется ми-

нимальным, а все остальные показатели – более существенным превышением. Данные результаты в целом соответствуют картине, полученной с помощью опросника NEO-PI-R, поскольку нейротизму, добросовестности, открытости опыту и сотрудничеству опросника NEO-PI-R соответствуют шкалы «эмоциональность – эмоциональная сдержанность», «контролирование – естественность», «игривость – практичность» и «привязанность – отделенность» опросника «Большая пятерка». Таким образом, обследованную группу можно охарактеризовать как людей с повышенными уровнями экстраверсии, привязанности (ориентированных на сотрудничество), контролирования (добросовестных) и игривости (открытых новому опыту).

Обнаружены достоверные взаимосвязи между показателями профессионального выгорания и личностными особенностями. Как шкала «нейротизм» опросника NEO PI-R, так и ее эквивалент «эмоциональность» опросника «Большая пятерка», были связаны с показателем «эмоциональное истощение» (коэффициенты корреляции соответственно $r = 0,69$ и $r = 0,60$, в обоих случаях $p < 0,01$). Аналогичные связи были обнаружены между показателем «эмоциональное истощение» и шкалами «сотрудничество» ($r = 0,27$, $p < 0,05$, NEO PI-R) и «привязанность – отделенность» ($r = 0,53$, $p < 0,01$, «Большая пятерка»). Очевидно, что более склонны к профессиональному выгоранию люди с более высоким уровнем нейротизма и более открытые к сотрудничеству. С другой стороны, «экстраверсия» по тесту NEO PI-R отрицательно коррелировала со шкалой «эмоциональное истощение» ($r = -0,69$ при $p < 0,01$), а «экстраверсия» по тесту «Большая пятерка» положительно коррелировала с обратной шкалой «редукция личных достижений» ($r = 0,28$ при $p < 0,05$). Обнаруженные связи позволяют предположить, что у экстравертов профессиональное выгорание будет наблюдаться реже по сравнению с интровертами. Шкала «добросовестность» опросника NEO PI-R и ее аналог шкала «контролирование – естественность»

из опросника «Большая пятерка» с профессиональным выгоранием были связаны неоднозначно: с одной стороны, обе шкалы высокодостоверно положительно коррелировали с прямой шкалой «деперсонализация» (коэффициенты корреляции составили 0,53 и 0,54 соответственно, $p < 0,01$ в обоих случаях), с другой стороны, эти же шкалы положительно коррелировали с обратной шкалой «редукция личных достижений» (коэффициенты корреляции составили 0,36 и 0,47 соответственно, $p < 0,01$ в обоих случаях). Очевидно, у людей с высокими уровнями добросовестности/контроля картина профессио-

нального выгорания будет отличаться более выраженной деперсонализацией и менее заметной редукцией личных достижений.

Литература

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
2. Орел В.Е., Сенин И.Г. Личностные опросники NEO PI-R, NEO FFI: руководство по применению. 2-е изд. Ярославль, 2008. 39 с.
3. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб.-метод. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 23 с.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕЛЬДШЕРОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОВЕРИЯ К СЕБЕ

Рунец О.В., аспирант лаборатории психологии труда и организационной психологии
Институт психологии РАН

Аннотация. Рассматривается доверие к себе в условиях деятельности фельдшера скорой медицинской помощи (СМП). Выявляются индивидуально-личностные особенности групп с разным уровнем доверия к себе. Показано, что низкий уровень доверия к себе сопряжен с низким качеством работы.

Ключевые слова: доверие к себе, индивидуально-личностные особенности, фельдшер, стратегии поведения.

Abstract. We consider credibility in terms of activity paramedic ambulance (SMP). Are identified individually-personal features of groups with different level of credibility. It is shown that the low level of confidence in itself is associated with poor quality of work.

Keywords: credibility, individual personality traits, paramedic, behavioral strategies.

В настоящее время отмечается рост интереса к исследованию феномена доверия, актуальность изучения которого продиктована глобальными изменениями, неопределенностью и рисками современного общества, охватывающими практически все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и сферу профессиональной деятельности.

Специфика работы скорой медицинской помощи проявляется в том, что она нередко протекает в экстремальных условиях, в которых выделяются следующие риски: время, информация и особенности ситуации [6]. Качество работы фельдшера зависит от умения действовать в предложенных условиях, сохраняя эффективность, что обеспечивается сформированностью личностных качеств, составляющих личностный потенциал успешного профессионального развития и самореализации [1].

Согласно исследованиям [Ошибка: источник перекрестной ссылки не найден; 3; 4; 5] доверие к себе обеспечивает выполнение задач деятельности в ситуации неопределенности, способность контролировать и принимать ответственность за результаты своих действий, помогает совладать с рисками, прогнозировать исход профессиональной ситуации, преобразовать знания и умения сообразно новой профессиональной ситуации.

Нами было проведено исследование на фельдшерах скорой помощи, целью которого было рассмотреть индивидуально-личностные особенности фельдшеров с разным уровнем доверия к себе.

Основными методами эмпирического исследования выступали: опросник «Методика изучения доверия к себе» Н.Б. Астаниной, шкала «Межличностного (социального) доверия», разработанный

ная Дж. Роттером, адаптированная С.Г. Достоваловым, «Методика исследования самооотношения» (МИС); опросник «Шкала базисных убеждений» (ШБУ) в адаптации М.А. Падун, уровень социальной ответственности оценивался шкалой социальной ответственности К.К. Муздыбаева, опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП-98) В.И. Моросановой; «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко, шкала суверенности ценностей (СЦ) опросника «Суверенность психологического пространства» (СПП) С.К. Нартова-Бочавер, объективный критерий качества работы.

В исследовании приняли участие 100 фельдшеров станции скорой медицинской помощи им А.С. Пучкова г. Москвы. Средний возраст фельдшеров составил 32 года, средний стаж работы 9 лет. Для сравнения использовался t -критерий Стьюдента с применением программного пакета IBM SPSS19.

Согласно полученным результатам для группы с высоким уровнем доверия к себе (группа 1) характерен более высокий уровень открытости (МИС) ($t_{1,2} = 2,05, p < 0,05; t_{1,3} = 2,48, p < 0,05$), саморуководства (МИС) ($t_{1,2} = 3,40, p < 0,001; t_{1,3} = 2,58, p < 0,05$) и самопривязанности (МИС) ($t = 3,45, p < 0,001; t_{1,3} = 3,46, p < 0,01$), программирования (ССП) ($t_{1,2} = 2,64, p < 0,01; t_{1,3} = 2,96, p < 0,01$), в сравнении с группами 2 и 3. В то же время по сравнению с группой 3 группе 1 свойственен более высокий уровень социальной ответственности (К. Муздыбаева) ($t_{1,3} = 2,45, p < 0,01$). Таким образом, группа с высоким уровнем доверия к себе характеризуется желанием соответствовать общепринятому поведению и нормам взаимоотношений, представлением о себе как основном источнике развития своей личности, стремлением сохранить в неизменном виде свои качества, видение и оценку себя, а также осознанным программированием своих действий и поведения для достижения намеченных целей.

Группе со средним уровнем доверия к себе (группа 2) свойственен более высокий уровень суверенности ценностей (СПП) ($t_{2,1} = 2,59, p < 0,01; t_{2,3} = 3,84, p < 0,001$) в сравнении с группами 1 и 3. В отличие от группы 1 ей свойственно наличие установок, направленных на общение ($t_{2,1} = 2,10, p < 0,05$). В отличие от группы 3 ей свойственен более высокий уровень моделирования (ССП) ($t_{2,3} = 2,54, p < 0,05$), гибкости (ССП) ($t_{2,3} = 3,17, p < 0,01$) и саморегуляции в целом (ССП) ($t_{2,3} = 2,44, p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что группа со средним уровнем доверия к себе характеризуется кри-

тичностью по отношению к мировоззренческим системам других людей. Это позволяет обеспечить экзистенциальную уверенность (свободу, осмысленность, ценность собственного бытия), творческий подход к собственной жизни и личную ответственность. Представителям группы свойственна гибкость в поведении и способность перестраивать систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий для достижения поставленных целей.

В отличие от группы 1 и группы 2, представители группы с низким уровнем доверия к себе (группа 3) характеризуются высоким уровнем самообвинения (МИС) ($t_{3,1} = 3,40, p < 0,01; t_{3,2} = 3,53, p < 0,001$), низким уровнем убеждения о контроле (ШБУ) ($t_{3,2} = -3,58, p < 0,001; t_{3,1} = -3,38, p < 0,001$) и несправедливости мира (ШБУ) ($t_{3,2} = -2,14, p < 0,05; t_{3,1} = -2,20, p < 0,05$), а также низким уровнем качества работы ($t_{3,1} = -2,98, p < 0,01; t_{3,2} = -3,65, p < 0,001$). В сравнении с группой 2, респондентам данной группы свойственен более высокий уровень доверия другому и более развитый эмоциональный канал эмпатии. Группа с низким уровнем доверия к себе характеризуется порицанием, осуждением себя, высоким внутренним напряжением, ощущением невозможности удовлетворения своих потребностей, склонностью считать себя ненадежными и несамостоятельными, что приводит к росту ошибок в профессиональной деятельности.

Литература

1. Алдашева А.А. Индивидуальные стратегии адаптации человека в экстремальных условиях // Физиология человека. 2014. № 6. С. 15–23.
2. Астанина Н.Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. ИПРАН-М.: ИПРАН, 2011. 21 с.
3. Пушарева Т.С. Значение доверия в деловых отношениях // Социокультурные проблемы современного человека. Новосибирск, 2009. Ч. II. С. 155–158.
4. Скрипкина Т.П. Доверие в структуре профессиональной компетентности учителя // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5. № 1. С. 45–51.
5. Фатхи О.Г. Доверие как фактор повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях: дисс. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2003. 218 с.
6. Фиалко В.А. Проблемы тактики на догоспитальном этапе. Диагностические и тактические ошибки в работе скорой медицинской помощи. Екатеринбург: ГУЗО СМП, 1992. 50 с.

15 ПАРАМЕТРОВ ОПИСАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Серкин В.П., доктор психологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Описана специфичность профессионального образа жизни (15 параметров).

Ключевые слова: образ жизни, профессиональная специфика образа жизни.

Abstract. The specificity of a professional lifestyle are described (15 parameters).

Keywords: lifestyle, professional specifics of lifestyle.

Результаты наших работ и работ наших сотрудников по описанию психологического содержания труда разнотипных профессионалов [1–6] свидетельствуют о том, что одним из основных условий освоения вышеприведенных профессий является именно освоение (для каждого специалиста – формирование) профессионального образа жизни. То есть в профессии чаще остаются и долго работают те, кто не только хорошо обучался, но и успешно

освоил и принял специфичный профессиональный образ жизни [4]. Обобщая результаты вышеприведенных работ, можно сказать, что все сформировавшееся профессионалы ведут особый профессионально-специфичный образ жизни, осваиваемый в процессе профессионализации.

Выделенные ниже параметры описания профессионального образа жизни [4] присущи в той или иной мере большинству профессионалов (табл. 1).

Таблица 1

Особенности образа жизни профессионалов¹

Номер	Особенности
1	Специфические внутренние средства труда (функциональные органы, простые навыки, установки и др.), проявляющиеся в процессе профессиональной деятельности и в обыденной жизни
2	Специфика внешних средств труда (инструментарий в широком смысле слова) и взаимодействие с ними
3	Специфические временные циклы профессиональной деятельности (графики технологических процессов, проверок, сезонные, вахтовые, квартальные, отчетные и проч.) существуют у всех профессионалов
4	Специфические временные циклы жизни близких профессионала, связанные с временными циклами его профессиональной деятельности (общения, супружеской жизни, поездок, досуга и проч.)
5	Существование в рамках многих видов профессиональной деятельности трудовых династий обуславливает специфичность формирования профессионала
6	Специфические временные циклы других форм активности. Например, геолог планирует закончить ремонт квартиры до начала полевого сезона; старатель или рыбак планируют отдых не на лето, а на зиму
7	Специфика профессионального общения (круг, сленг, темы и проч.)
8	Специфические (специально оборудованные или подобранные) места осуществления профессиональной деятельности
9	Специфика межличностного общения
10	Развитие профессионально важных качеств, личностных качеств и (или) профессиональных деформаций личности
11	Стереотипы поведения (стиль общения, дресс-код, покупки и проч.), общения, качества и уровня жизни
12	Референтная для профессионала группа, ее система ценностей
13	Ряд современных профессий обуславливает переживание десинхроноза (как у летчиков при трансмеридиальных перелетах), смены климатических поясов (как у нефтяников, летающих на вахту с юга на север), смены культурной среды (летчики, коммерсанты и др.)
14	Социальный десинхроноз – несовпадение времени жизни специалиста с временем жизни значимых людей. Социальный десинхроноз часто переживается субъективно тяжелее физиологического
15	Адаптация и реадaptация в период начала и окончания сезона или вахты, отчетного и «обычного» периодов к уровню нагрузок (психологических, физических), группе общения, изменившимся условиям

Литература

1. *Бондарчук Н.В.* Психологическое содержание ста рательского труда [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 1. С. 78–94. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2013-3-1/102764525.html> (дата обращения: 30.06.2015).
2. *Гаранина О.А.* Особенности организации времени жизни специалистов, работающих в режиме сменного графика // Организационная психология. 2015. Т. 5. № 2. С. 10–25. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2015-5-2/151999667.html> (дата обращения: 30.06.2015).
3. *Серкин В.П.* Структура и функции образа мира в практической деятельности: дисс. ... докт. психол. наук. На правах рукописи. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 356 с.
4. *Серкин В.П.* Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. Т. 33. № 4. 2012. С. 78–90.
5. *Склеинис В.А.* Специфика развития образа мира в разнотипных профессиях // Организационная психология. 2015. Т. 5. № 1. С. 34–58. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2015-5-1/146303275.html> (дата обращения: 30.06.2015).
6. *Шуныкова С.В.* Особенности образа мира и образа жизни геологов (профессионалов и студентов) // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 12. С. 22–33. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru/2012-2-2/55653734.html> (дата обращения: 30.06.2015).

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ШАХТЕРАМИ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Серый А.В., доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий

Ханимова Н.Р., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития

Немеровский государственный университет

Аннотация. Рассматривается вопрос переживания травматического события работниками угледобывающего предприятия. Показана роль механизма синхронизации временных локусов смысла в переживании травматического опыта. Приведены экспериментальные данные, актуализирующие разработку программ психологической реабилитации шахтеров, пострадавших вследствие аварий на производстве.

Ключевые слова: травматическое событие на производстве, переживание травматического опыта, синхронизация временных локусов смысла.

Abstract. Discusses the experiences of the traumatic event by employees of coal producers. The role of synchronization mechanism temporal locus of meaning in the experience of traumatic experience. The experimental data, they update the development of programs of psychological rehabilitation of miners affected by accidents at work.

Keywords: traumatic event at work, experiencing a traumatic experience, synchronization time loci of meaning.

Риски производственного травматизма в угольной индустрии относятся к числу отраслевых. Несчастные случаи на угольных производствах зачастую являются травматогенными событиями для работников данной отрасли промышленности, способствующими возникновению у них психической травмы и длительных неблагоприятных психологических последствий. Перед специалистами стоит задача разработки

© Серый А.В., Ханимова Н.Р., 2015

программ психологической профилактики несчастных случаев в трудовой деятельности шахтеров и реабилитации работников, пострадавших вследствие аварий на производстве.

Имеющийся у нас опыт работы по проблематике совладания с травматическими событиями позволяет утверждать, что психическая травма, полученная в результате производственной аварии, не может быть рассмотрена ни как простая реакция, возникшая в ответ на экстремальные

требования, ни как манифестация одних лишь психологических особенностей человека [1; 2]. Отличительной особенностью психического состояния индивида, столкнувшегося с травматическими обстоятельствами, является неспособность к установлению временных связей и осмыслению событий разных временных модусов. Противоречия в смысловой сфере личности человека, переживающего кризисную ситуацию, обусловлены десинхронизацией временных локусов смысла.

В проведенном нами исследовании приняли участие 75 шахтеров, ведущих добычу угля подземным способом, имеющие опыт переживания травматического события на производстве.

Для исследования смысловых репрезентаций, лежащих в основе субъективного отношения к травматическому событию и к самому себе в континууме прошлое – настоящее – будущее, использовалась техника репертуарных решеток Дж. Келли. В качестве элементов предлагаемого ролевого списка выступали образы «Я», «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем», «Человек, переживший травматическое событие на производстве», сравниваемые в ситуации триадического выбора и ранжируемые по выявленному полюсу каждого конструкта. Также с целью выявления смысловых образований, обуславливающих переживание травматического опыта, проводился семантический анализ выявленных конструктов.

Результаты ранжирования коэффициентов близости элементов решетки и показатель индекса идентичности были использованы качестве объектов для кластеризации. В результате кластерного анализа были выделены три устойчивых кластера, характеризующие темпоральные аспекты смыслового отношения к травматическому событию: полная разорванность смысловых модусов в субъективной реальности; фиксация травматического

события в одном из временных локусов смысла; частичная или полная синхронизация субъективных образов прошлого, настоящего и будущего.

Для получения более полной информации о возможном характере выявленных переживаний травматического события использовался сравнительный анализ результатов, полученных при помощи следующих методик: опросник травматических событий LEQ; гражданский вариант Миссисипской шкалы для оценки посттравматических реакций; тест СЖО.

Полученные результаты позволили сделать заключение о том, что переживание травматического события работниками угольного предприятия обуславливается процессом трансформации связей между модусами временной перспективы личности и изменением смысловых ориентиров жизнедеятельности. Вышесказанное предполагает включение в программы психологической профилактики несчастных случаев в трудовой деятельности и реабилитации шахтеров, пострадавших вследствие аварий на производстве, методов, ориентированных на актуализацию личностных смыслов событий всех временных модусов с интеграцией травматического события в целостный временной контекст.

Литература

1. Полетаева А.В., Серый А.В. Ценностно-смысловые ориентации личности как фактор переживания последствий психической травмы // Социальная работа в Сибири: сб. научных трудов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 137–141.
2. Полетаева А.В., Серый А.В. Психологические факторы переживания несчастных случаев на производстве работниками угледобывающих предприятий // Вестник КРАУНЦ. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 2 (18). С. 143–151.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сизицова М.В., аспирантка департамента психологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Вопрос об индивидуальных особенностях психолога-консультанта, динамике развития профессионально важных качеств и способностей представителя данной профессии активно обсуждается в научном сообществе. Приведены результаты исследования таких профессионально

значимых качеств психолога-консультанта, как эмпатия, самоактуализация и профессиональная самооценка в контексте стажа практической деятельности.

Ключевые слова: эмпатия, профессионально важные качества психолога-консультанта, самоактуализация.

Abstract. The problem of personal and professional qualities that appear to be crucial to success in therapeutic practice has been discussed during the past fifty years. Still, the individual psychological characteristics, as well as the dynamics of professionally important skills and qualities of a counselor in terms of professional activity remain poorly understood. This article offers results of study of empathy, self-actualization and professional self-esteem of a psychotherapeutic counselor.

Keywords: empathy, professionally important qualities of the psychologist-consultant, self-actualization.

Проблема индивидуально-психологических особенностей, личностных и профессиональных качеств психолога-консультанта, влияющих на успех консультативного процесса, выступает предметом дискуссий ведущих психологов на протяжении многих десятилетий, оставаясь слабо подкрепленными эмпирическими данными. В работе рассматриваются результаты исследования таких профессионально значимых качеств психолога-консультанта, как эмпатия, самоактуализация и профессиональная самооценка в зависимости от стажа практической деятельности.

В ходе работы применялись такие методики, как «Диагностика уровня эмпатических способностей» [1], предназначенная для выявления выраженности различных компонентов эмпатии: направленности внимания, восприятия и мышления эмпатирующего на другого человека, проявление спонтанного интереса к другому.

Самоактуализационный тест [2] удобен для изучения профессионально важных качеств психологов консультантов – его шкалы отражают уровень таких значимых характеристик, как креативность, контактность и т.д. Компонентами самоактуализации являются способность субъекта жить «настоящим», независимость ценностей и поведения от воздействий извне, принятие своей реальной сущности и активное творческое начало.

Авторская анкета «Оценка себя в профессии» разработана специально для исследования и включает в себя перечень полезных для продуктивного результата консультирования качеств и способностей психолога-консультанта, выделенных К. Роджерсом. Методика отражает восприятие и удовлетворенность испытуемых собой в профессии, охватывая такие характеристики, как надежность, конгруентность, безоценочность, принятие.

В исследовании приняли участие 103 психолога-консультанта, стаж которых составил от одного месяца до 15 лет. Выборка была разделена на 3 группы по критерию профессионального стажа:

от одного месяца до 2,5 лет, от 3 до 7 лет и от 7 до 15 лет соответственно.

Результаты методики «Диагностика уровня эмпатических способностей» отражают падение общего показателя эмпатии с ростом стажа практической деятельности. Начинаящие психологи-консультанты выражают больше спонтанного интереса к окружающим, с большей активностью направляют свое внимание на сущность, состояние и проблемы любого другого человека, интенсивнее интуитивно отражают эмоциональное состояние клиента по сравнению с более опытными коллегами.

По результатам методики «Самоактуализационный тест» [2] выявлены тенденции к увеличению признаков по всем шкалам при переходе от первой группы к третьей. Это отражает способность опытных психологов переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, возможность быстрого установления глубоких контактов с людьми и субъект-субъектного общения, более стабильную самооценку и большую уверенность в себе вне зависимости от оценки своих достоинств или недостатков извне, большую гибкость поведения в быстро изменяющейся ситуации.

Анкета «Оценка себя в профессии» показала рост уверенности специалиста в собственном мастерстве и проявлении положительных качеств психолога-консультанта с увеличением профессионального стажа. Это означает, что опытные психологи-консультанты наиболее конгруентны, уверены в своей возможности оставаться отдельным от клиента с целью избегания «затопления» чувствами клиента, способны относиться к клиенту как к личности, обладающей безусловной ценностью.

При рассмотрении полученных результатов становится возможным выдвинуть гипотезу о том, что для успешного психолога-консультанта эмпатия выступает скорее как процесс или навык эмпатического отражения чувств клиента в ходе терапевтической работы, нежели как личностное качество. Наличие эмпатии как личностного ка-

чества сильно влияет на выбор профессии психолога. Для состоявшегося специалиста эмпатия значима в первую очередь как профессиональная способность (эмпатическое отражение чувств клиента). Спонтанная эмпатия личности может снизиться с целью избегания эмоционального выгорания; профессионал, обладающий эмпатическими способностями, может регулировать их по необходимости. Контроль над эмпатией помогает избежать симбиоза с клиентами и «затопления» их чувствами, сохраняя профессиональное и личностное благополучие.

Литература

1. Бойко В.В. Диагностика уровня эмпатических способностей. Практическая психодиаг-

ностика. Методики и тесты: учеб. пособие. 2001. С. 486–490.

2. Гозман Л.Я., Кроз М.В., Латинская М.В. Самоактуализационный тест. М.: Российское педагогическое агентство, 1995.

3. Карягина Т.Д. Некоторые проблемы изучения эмпатии в контексте психологического консультирования и психотерапии // Культурно-историческая психология. 2009. № 4. С. 115–124.

4. Орлов А.Б., Хазанова М.А. Феномены эмпатии и конгруэнтности // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 68–73.

5. Rogers C.R. Empathic: An unappreciated way of being // The counseling psychologist. 1975. № 5 (2). С. 2–10.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯДЕРНОГО СЛОЯ ОБРАЗА МИРА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Склеинис В.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры МиГН
Магаданский филиал Санкт-Петербургского Университета управления и экономики

Аннотация. Приводится анализ результатов исследования ядерного слоя образа мира студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». Указывается на наличие специфики ядерного слоя образа мира, обусловленной профессиональной деятельностью.

Ключевые слова: PR, связи с общественностью, образ мира, профессиональная специфичность образа мира, смысложизненные ориентации, локус контроля, профессиональная деятельность.

Abstract. This article is devoted to the results of the nuclear layer of an image of the world of students specializing in «public relations». The author of the article indicates the specificity of the nuclear layer of an image of the world, related to the specific professional activity.

Keywords: PR, public relations, image of the world, professional specificity image of the world, life meaning orientations, locus of control, professional activity.

Исследования образа мира разнотипных специалистов показывают, что его профессиональная специфичность, как правило, выявляется на уровне перцептивного и семантического словесных, не проявляясь при этом на уровне ядерного слоя [4]. Однако представители некоторых профессий характеризуются профессиональной специфичностью ядерных структур [4; 6]. Характеризуя деятельность специалистов по связям с общественностью, В.А. Ачкасова [1] указывает на интернальный локус контроля как на профессионально важное качество PR-специалиста, что позволяет нам сделать предположение о наличии специфичности ядерного слоя образа мира PR-специалиста.

Целью нашего исследования является изучение специфики ядерного слоя образа мира специалистов по связям с общественностью. Для сбора эмпирических данных нами были использованы Тест смысложизненных ориентаций [3], а также методика «Уровень субъективного контроля» [2]. Для определения достоверности различий между выборками испытуемых использовался U-критерий Манна – Уитни [5]. В качестве экспериментальной группы выступили студенты Магаданского института экономики, обучающиеся по специальности «Связи с общественностью». Контрольная группа была представлена студентами старших курсов, обучающимися на экономических специальностях («Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»).

При сопоставлении смысловых ориентаций нами были получены статистически значимые различия по шкале «общий показатель осмысленности жизни», а также по субшкалам «процесс», «локус контроля – Я» и «локус контроля – жизнь (более высокий средний показатель по всем указанным шкалам наблюдался в экспериментальной группе). При сопоставлении локуса контроля исследуемых групп были получены статистически значимые различия по следующим показателям: шкала общей интернальности, шкала интернальности в области достижений, шкала интернальности в области избегания неудач, в области межличностных отношений, в области здоровья. Во всех вышеперечисленных случаях более высокий показатель интернальности локуса контроля имеет группа PR-специалистов. Показатель различия между группами по шкале интернальности в области производственных отношений входит в зону неопределенности. По шкале интернальности в области семейных отношений статистически значимые различия отсутствуют.

Интерпретируя различия между группами, можно отметить, что большинство различающихся показателей могут быть проинтерпретированы, исходя из специфики профессиональной деятельности испытуемых. Так, высокая степень интернальности локуса контроля в области достижения успеха и избегания неудач обусловлена, на наш взгляд, большей степенью управляемости объекта труда и персональной ответственности за достигнутый результат. Высокую степень интернальности в области межличностных отношений

также можно объяснить спецификой профессиональной деятельности, содержанием которой является мониторинг общественного мнения и оказание целенаправленного влияния на его формирование [4].

Таким образом, мы можем утверждать, что положение о профессиональной специфичности ядерного слоя образа мира специалистов по связям с общественностью является эмпирически доказанным.

Литература

1. Ачкасова В.А., Володина Л.В. Связи с общественностью как социальная инженерия. СПб.: Речь, 2005. 336 с.
2. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.Л., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–162.
3. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
4. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: Пчела, 2008. 384 с.
5. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2004. 250 с.
6. Склейнис В.А. Специфика развития образа мира в разнотипных профессиях: дисс. ... канд. психол. наук. Магадан, 2011. 264 с.
7. Склейнис В.А. Исследование смысловых ориентаций студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 806–808.

ЦЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ¹

Слепко Ю.Н., кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Аннотация. Рассматривается развитие целей учебной деятельности студентов педагогического университета в период учебно-профессиональной деятельности. В качестве теоретического конструкта автор использует исследования проблемы системогенеза профессиональной деятельности В.Д. Шадринова, а также исследования проблемы цели и целеполагания Н.П. Ансимовой.

Ключевые слова: цель, цели учебной деятельности, академическая успеваемость, студенты педагогического вуза.

Abstract. We consider the development objectives of educational activity of students of pedagogical university in the period of teaching and professional activities. As a theoretical construct, the author

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-06-10290 «Системогенетическая концепция профессионального становления и сопровождения личности на современном этапе социально-экономического развития общества».

uses the study of the problem of professional activity systemogenesis V.D. Shadrkova and research goals and goal-setting problems of N.P. Ansimov.

Keywords: aim, target training activities, academic performance, students of pedagogical high school.

Основы успешной профессиональной педагогической деятельности закладываются в период обучения будущего педагога в вузе. Исследования, проведенные ранее [3; 4; 5], показали, что в период учебно-профессионального обучения в вузе происходит интенсивное формирование основных компонентов психологической структуры субъекта труда [4; с. 176–181]. Среди компонентов психологической структуры субъекта труда цели профессиональной активности занимают особое место, так как, «во-первых, они задают содержание и форму того, что надо получить, во-вторых, обеспечивают жесткую регуляцию активности в плане “удержания” ее в тех пределах, которые необходимы для достижения результата. Именно это имеют в виду, когда говорят, что цель, как закон, определяет характер и способы действия человека» [4, с. 177–178]. Таким образом, цель деятельности на этапе профобучения обеспечивает представление обучающегося о содержании и формах результата обучения, регулирует его действия в направлении получения конечного результата. Этот факт связывает проблему формирования целей профессионального обучения с успешностью учебной деятельности, с необходимостью определения тех качественных и количественных показателей целей, которые оказывают существенное влияние на успешность не только обучения, но и вступления в самостоятельную профессиональную деятельность.

В в настоящей статье представлены результаты решения ряда задач:

- ◆ результаты анализа качественной характеристики целей учебной деятельности студентов педвуза;
- ◆ охарактеризовано содержание целей деятельности на разных этапах профобучения – учебно-академическом и учебно-профессиональном;
- ◆ определен характер связи успешности профобучения и качественной определенности целей деятельности.

Попытаемся кратко охарактеризовать полученные результаты.

Исследуя цели-результаты как представления студентов о достижениях в учебной деятельности, мы установили, что на каждом курсе обучения наблюдается собственная динамика изменения значимости последних. При этом, конечно, наиболее значимыми на протяжении всего периода

обучения являются цели профессионального развития. Однако данный результат нельзя считать окончательным по ряду причин. Во-первых, для проверки надежности утверждения о высокой профессиональной ориентированности исследованных студентов необходим дополнительный анализ мотивов учебной деятельности, учебно- и профессионально важных качеств и других компонентов учебной деятельности, которые могли бы подтвердить или опровергнуть предположение о действительно высокой значимости целей профессионального обучения. Во-вторых, полученный результат может быть несовершенством использованного метода анкетирования, что также требует проведения дополнительного исследования.

В ходе анализа полученных результатов мы установили, что представления студентов о целях-результатах обучения различаются на этапе учебно-академического и учебно-профессионального развития. Это подтверждает неоднократно высказанные в исследованиях Ю.П. Поварёнова утверждения о наличии качественных различий в психологической структуре субъекта профессионального развития на двух указанных этапах обучения.

Важная информация была получена при анализе взаимосвязи успешности обучения и значимости отдельных типов целей для студентов разных курсов. Обнаруженные взаимосвязи позволили подтвердить полученные ранее результаты исследования профессионального развития студентов и предположить, что развитие целей учебной деятельности может быть объяснено в рамках теории профессионального становления и реализации личности Ю.П. Поварёнова [4].

Полученные в исследовании результаты должны быть подвергнуты дальнейшему анализу как в плане уточнения представлений о содержании целей учебной деятельности на разных курсах обучения, так и в плане связи этого компонента психологической структуры деятельности с другими компонентами, в частности с мотивами учебной деятельности.

Литература

1. Ансимова Н.П. Психология постановки учебных целей. Ярославль: ЯГПУ, 2006. 267 с.
2. Мазиллов В.А., Сленко Ю.Н. Новые перспективы психологии деятельности // Вопросы психологии. 2015. № 1. С. 162–163.

3. Поварёнков Ю.П., Сленко Ю.Н. Оценка эффективности педагогической деятельности. Ярославль: ЯГПУ, 2011. 167 с.

4. Поварёнков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов: СГСЭУ, 2013. 400 с.

5. Поварёнков Ю.П., Сленко Ю.Н. Противоречия в развитии личностных черт педагога в период учебно-профессиональной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Т. II. С. 174–180.

ЭВРИСТИЗАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ

Смирнова Ю.С., кандидат психологических наук, доцент

Зайцева Ю.В.

Белорусский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются эвристики принятия решений учителями при выставлении отметок ученикам. Анализируется взаимосвязь использования разных типов эвристик при принятии решений о выставлении отметок ученикам и направленности личности учителя.

Ключевые слова: эвристика, принятие решений, направленность личности.

Abstract. The teachers' decision making heuristics used in assessing pupils are considered. The correlation between different types of heuristics and personal orientation of teacher is analyzed.

Keywords: heuristic, decision making, personal orientation.

Эвристики представляют собой неформальные руководства, которые человек считает полезными при принятии решений, вынесении оценок, построении прогнозов. Использование эвристик может обеспечить как правильное решение, так и привести к ошибкам и искажениям. Условиями применения эвристик являются: дефицит времени, недостаток или избыток информации, низкая значимость точности оценок [1; 3; 4]. Рассмотрим эвристизацию в профессиональной деятельности учителей, которые нередко сталкиваются с такими условиями. Наличие строгих инструкций и четких критериев оценки результатов работы ученика не исключают некоторой степени свободы в их интерпретации. Функциональная нагруженность оценок и отметок высока, и то, какими критериями педагоги пользуются при их выставлении ученикам, во многом определяет эффективность их работы.

С целью выявления эвристик, применяемых учителями при выставлении отметок, было проведено эмпирическое исследование, в котором участвовало 46 учителей со стажем работы от 1 до 36 лет. Для сбора данных использовались методики «Эвристики принятия решений учителями» (Ю.В. Зайцева), «Диагностика парциальной направленности личности учителя» [2].

Чаще всего учителя при выставлении отметок опираются на эвристики доступности (32,1 %), репрезентативности (26,5 %) и моделируемые (24,2 %), реже – на приспособляемые (17,2 %) ($p \leq 0,026$). Педагоги могут ориентироваться на общий интеллектуальный уровень и способности ученика, его отношение к предмету, старательность в выполнении заданий. Учителю легко представить или вспомнить ситуацию, в которой старательный и способный ученик получил высокую отметку, а безответственный и менее способный – низкую. В таких случаях «плохое»/«хорошее» выполнение задания, которое не соответствует эвристике, атрибутируется внешними факторами, и, как следствие, при выставлении отметки может не учитываться или учитываться в малой степени. Учителя могут ориентироваться на характеристики школьника, которые являются «репрезентативными» для «хороших» или «плохих» учеников. Учащегося относят в одну из таких категорий-«выборок» и, исходя из этого, выставляют ему отметку. Несложно причислить нарушителя дисциплины, неуверенно говорящего, неаккуратного ученика к группе, которая заслуживает отметки ниже, а спокойного, вежливого, скромного, опрятного ученика с уверенной, выразительной речью и красивым почерком в группу, заслуживающую

более высоких отметок. Педагог также может выстраивать сценарий, описывающий возможные последствия выставления той или иной отметки, например, как она повлияет на отношение ученика к предмету и выполнение им заданий в будущем. Значимо реже учителя ориентируются при оценивании на отметки ученика по другим предметам и на его предыдущие отметки по «своему» предмету.

Различия в использовании эвристик при выставлении отметок могут быть связаны с индивидуальными особенностями учителей (направленностью личности, стажем профессиональной деятельности, профилем преподаваемой дисциплины). Наиболее выраженным типом направленности личности учителя по результатам исследования является мотивация одобрения. Была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляция мотивации одобрения с частотой применения учителем приспособляемых эвристик ($r = -0,376, p = 0,010$) и эвристик доступности ($r = -0,316, p = 0,032$), а также с общей суммой используемых эвристик ($r = -0,376, p = 0,010$). Вероятно, учителя, мотивированные на получение одобрения, более щепетильны в выставлении отметок и менее склонны опираться на неформальные руководства и критерии. Возможно, проявил себя фактор социальной желательности: отдавая себе отчет в том, что опора на та-

кие эвристические правила оценивания является «неправильной» и может привести к ошибкам, учителя отрицают их использование, стремясь избежать порицания. Статистически значимых корреляций использования эвристик с другими типами направленности и стажем педагогической деятельности, а также различий в зависимости от профиля преподаваемой дисциплины обнаружено не было.

Таким образом, учителя при выставлении отметок ученикам опираются не только на предписанные инструкцией четкие критерии оценивания, но и на упрощенные правила – эвристики. Чем выше уровень мотивации одобрения у учителя, тем меньше он признает возможным применение последних.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005.
3. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. Мн.: АСАР, 2005.
4. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // Science. 1974. Vol. 185. P. 1124–1131.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЕГО ЛИЧНОСТНОГО ЗДОРОВЬЯ

Сокольская М.В., доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей, юридической и инженерной психологии
Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Аннотация. Проявление индивидуальности профессионала в деятельности рассматривается в осуществлении процессов личностной саморегуляции. Приведены эмпирические данные, подтверждающие данную позицию: взаимосвязь саморегуляции с интеллектом, со степенью рациональности принятия решения, с самосознанием и др. Также показана взаимосвязь индивидуальности и личностного здоровья профессионала как интегративной характеристики личности.

Ключевые слова: индивидуальность, личность, профессионал, саморегуляция, индивидуальный стиль деятельности, личностное здоровье.

Abstract. The article manifestation of individuality in professional activity is seen in the processes of personal self-control. Are empirical data to support this position: relationship of self-regulation with intelligence, with a degree of rationality in decision-making, with self-consciousness, etc. Also shows the relationship of individuality and personal health professional as integrative characteristics of personality.

Keywords: personality, professional self-regulation, individual style of activities, personal health.

Проявление индивидуальности профессионала в деятельности выражается во многих аспектах и в первую очередь в осуществлении процессов саморегуляции, благодаря которой происходит сохранение и поддержание его личностного здоровья как средства профессионализации, профессиональной успешности, профессионального долголетия; как возможности и способности личности к активной самореализации в профессии и в жизнедеятельности в целом [5].

В современной психологии труда накоплены данные о существовании ярких индивидуальных различий в реализации отдельных регуляторных функций, обеспеченности психическими средствами разного уровня и сформированности, а также в развитости общей способности к саморегулированию [1; 2; 3; 4].

Проводятся исследования взаимосвязи саморегуляции произвольной активности с интеллектом. Доказано, что степень рациональности принятия субъектом решения обусловлена способностью индивида осознанно управлять своей активностью. Выявлена взаимосвязь саморегуляции с самосознанием, самоуважением. Фактически, чем выше субъектная активность человека, тем более интегрированы между собой самосознание и саморегуляция, тем в большей степени целенаправленная активность человека определяется направленностью его самосознания [2; 3].

Установлено существование различных типов системы саморегуляции функционального состояния, которые характерны для субъектов с разным уровнем профессиональной надежности. Наименее надежными являются лица, у которых в экстремальных условиях преобладали способы, направленные в основном на регуляцию эмоционального компонента. Более надежными проявили себя те, у кого отмечались более развитые механизмы психической саморегуляции и, в частности сочетание использования в этом процессе эмоциональных компонентов и волевых усилий. Наиболее устойчивыми к воздействию экстремальных факторов и надежными в деятельности оказались испытуемые, владеющими различными способами произвольной саморегуляции [4].

Различают индивидуальные особенности саморегуляции, соответствующие психологическим возможностям человека, имеющие в своей основе неоднозначную детерминацию. С одной стороны, они формируются в онтогенезе под влиянием темперамента и характера человека. Именно о них говорит К.А. Абульханова-Славская как о психологических ресурсах, детерминирующих оптимальный для человека способ деятельности [1].

С другой стороны, введено понятие индивидуального стиля, основная функция которого заключается в сопряжении, снятии конфликта (если он существует) между привычными для человека способами саморегуляции поведения и теми, которые необходимы для продуктивной деятельности в конкретных условиях.

К.А. Абульханова-Славская различает в системе саморегуляции два уровня: психическую и личностную регуляции. Уровень психической регуляции связан с поддержанием, мобилизацией и т.п. психической активности субъекта. Уровень личностной регуляции охватывает способы включения личности в деятельность, ее отношение к деятельности [1].

Чем выше индивидуальная степень осознанного саморегулирования, развитость, взаимосвязанность всех основных регуляторных процессов, тем меньше ограничений при выборе профессии, выше эффективность и легче проходит освоение разных видов деятельности, продуктивнее разрешаются жизненные проблемы.

Используя личностную саморегуляцию, человек в своих притязаниях выдвигает требования не только к ожидаемому успеху, но и к самому себе: уровню, качеству, способу своей активности в жизни, осуществляет самоконтроль своей жизнедеятельности, что, в свою очередь, отражает его индивидуальность.

Таким образом, система саморегуляции как проявление индивидуальности личности профессионала позволяет говорить о личностном здоровье, которое характеризует сбалансированное, гармоничное жизнеустройство личности, способность перераспределять не только собственные силы и средства (ресурсы) между различными сторонами жизнедеятельности, но и изменять направление личностного развития: не концентрироваться на деструктивном, вовремя выходить из разрушающей личностной деятельности; способность ставить альтернативные цели, находить перспективные для собственного развития виды деятельности [5].

В связи с тем, что личностное здоровье профессионала рассматривается как интегративная характеристика личности, которая формируется до начала профессионализации личности и на всем протяжении ее жизненного пути, решающую роль в поддержании и сохранении личностного здоровья играет именно индивидуальность личности.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Личностные механизмы регуляции деятельности // Про-

блемы психологии личности. М.: Наука, 1982. С. 92–99.

2. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (Структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.

3. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции

в произвольной активности человека. М.: Наука, 2001. 192 с.

4. *Никифоров Г.С.* Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 112 с.

5. *Сокольская М.В.* Личностное здоровье профессионала: дисс. ... д-ра психол. наук. Хабаровск, 2012. 500 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Степанян С.С., кафедра психологии управления
Академия государственного управления Республики Армения

Аннотация. Изучены внутренние детерминанты эффективности принятия решений в условиях неопределенности. Показано, что принятие решений в неопределенных условиях приводит к развитию активных и значимых для данной деятельности систем личности.

Ключевые слова: принятие решений, когнитивный стиль, экспрессивность, уровень притязаний.

Abstract. The internal determinants of the decision-making effectiveness under uncertainty was studied. It was shown, that decision-making in an uncertain conditions leads to the development of active and important systems for this activity.

Keywords: decision making, cognitive style, expressiveness, the level of claims.

Одной из центральных проблем современной психологии управления является принятие решений как особый вид психической деятельности людей, направленный на выбор способа достижения поставленной цели и играющий решающую роль в эффективности управления. Согласно современным исследованиям на процесс и эффективность принятия решений влияют как объективные, так и субъективные факторы, среди которых особое место принадлежит личностным характеристикам, когнитивным стилям, системе предпочтений и уровню притязаний, а также психолого-акмеологическим характеристикам личности [1; 2].

Особенно актуальным является исследование феномена принятия решений в сфере страхования, где этот процесс происходит в неопределенных условиях.

На основании изложенного мы предположили, что условия неопределенности предъявляют специфические требования к психологическим характеристикам лиц, принимающих решения, что приводит к изменениям активных систем принятия решений.

Целью данного исследования было проведение сравнительного анализа психологических харак-

теристик у лиц, принимающих решения в условиях определенности и неопределенности.

Предметом исследования явилось изучение личностных факторов принятия решений в условиях неопределенности.

Методы исследования – в исследовании участвовало 149 респондентов обоего пола в возрасте 35–50 лет.

Для выявления особенностей принятия решений в условиях неопределенности нами был проведен сравнительный анализ в двух группах исследуемых. Экспериментальную группу составили работники страховых компаний, чья деятельность связана с принятием решений в неопределенных условиях. Контрольную группу составили работники различного рода деятельности, связанной с принятием решений в определенных условиях.

Для определения уровня психологических характеристик использовали батарею тестов: тест «Большая пятерка», «Личностные факторы принятия решений», тест Шварцландера «Самооценка уровня притязаний», тест «Включенные фигуры Готтшльда». Полученные данные подверглись сравнительному анализу по t-критерию Стьюдента (пакет статистических программ SPSS22.0 для Windows).

Результаты исследования. Сравнительный анализ личностных характеристик по тесту Б-5 выявил значимые различия по факторам «экстраверсия – интроверсия» ($p < 0,05$), «привязанность – обособленность» ($p < 0,01$), «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» ($p < 0,001$) и «экспрессивность – практичность» ($p < 0,05$). При этом выраженность фактора «привязанности – обособленности» находилась на низком (46,57 усл. ед.), в контрольной группе – на среднем (53,72 усл. ед.) уровне. Испытуемые экспериментальной группы характеризовались высоким уровнем (33,58 усл. ед.), в то время как испытуемые контрольной группы – средним уровнем (45,28 усл. ед.) эмоциональной устойчивости. Респонденты экспериментальной группы характеризовались низким уровнем экспрессивности (46,68 усл. ед.), а респонденты контрольной группы – средним уровнем (53,56 усл. ед.). Достоверные различия ($p < 0,001$) получены также по уровню рациональ-

ности принятия решений (соответственно 5,82 и 4,75 усл. ед.). Статистически значимые различия получены по уровню притязаний, однако нужно отметить, что в обеих группах регистрируется оптимальный уровень притязаний (1,2 и 0,57 усл. ед. соответственно). Респонденты экспериментальной группы характеризуются выраженностью поле-независимости, в то время как респонденты контрольной группы – выраженностью когнитивного стиля полезависимости.

Таким образом, полученные данные позволяют судить о том, что принятие решений в неопределенных условиях предопределяет развитие значимых систем принятия решений.

Литература

1. Кулагин О.А. Принятие решений в организациях. СПб.: Сентябрь, 2001, 139 с.
2. Трояновский В.М. Разработка управленческого решения. М.: Изд-во РДЛ, 203, 208 с.

ИНДИВИДУАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА МЕНЕДЖЕРА В СФЕРЕ СЕРВИСА И ТУРИЗМА

Тапешкина С.А., старший преподаватель
Колесникова И.А., кандидат психологических наук
Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Рассматривается проблема организации эффективных речевых коммуникаций специалиста в сфере сервиса и туризма, так как коммуникативная подготовка является неотъемлемой составляющей его профессиональной подготовки.

Ключевые слова: речевая коммуникация, образовательный процесс, менеджер социально-культурной сферы, индустрия сервиса и туризма.

Abstract. It is about a problem of the organization of effective speech communications of the expert in the sphere of service and tourism since communicative preparation is the integral component it vocational training.

Keywords: speech communication, educational process, manager of the welfare sphere, industry of service and tourism.

Сфера сервиса и туризма неуклонно растет и развивается. В связи с этим на рынке труда высока потребность в высококлассных специалистах в этой области, особенно с высшим образованием, способных обеспечить постоянно повышающийся уровень качества предлагаемых услуг.

К специалисту в области сервиса и туризма предъявляются требования не только высокого профессионализма, но и глубокого понимания

принципов общения. Поэтому неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки специалиста является его коммуникативная подготовка. Из этого следует, что одной из основных задач менеджера сферы сервиса и туризма является организация эффективных речевых коммуникаций.

Профессия менеджера в сфере сервиса и туризма, как и любая другая, имеет свою специфику. Работа менеджера в туристической фир-

ме – это прежде всего огромная ответственность, ему нельзя ничего перепутать или забыть. Все проблемы с клиентами в процессе оформления виз и документов, бронирования тура или отеля, авиабилетов приходится решать именно менеджеру. Чтобы избежать неприятностей, ему необходимо все четко оговаривать и стараться все предусмотреть. Так, прежде чем оформлять клиенту путевку, менеджер должен задать ему множество вопросов, и здесь навыки правильной коммуникации просто необходимы.

Настоящий менеджер должен быть одновременно и грамотным психологом, и хорошим экономистом. Нужно догадаться, куда человеку будет лучше поехать, исходя из его личностных особенностей. Клиент останется недоволен, если менеджер как психолог не поймет, где человеку будет комфортнее. Еще тяжелее, когда клиент не знает, чего хочет. Нужно суметь правильно распознать, где ему хочется отдохнуть, и иногда этому может помочь информация о профессии клиента [3].

Менеджеру по туризму необходимо иметь широкий кругозор и хорошую память, держать в голове большой объем информации и уметь быстро в ней ориентироваться. Ему просто необходимо как минимум отлично ориентироваться в географии и владеть английским языком. Хороший менеджер – это человек, которому надо уметь быстро принимать решения в той или иной ситуации, работать с людьми и быть коммуникабельным.

Менеджер социально-культурной сферы должен образцово владеть русским языком, иметь сформированную речевую культуру, правильно и коммуникативно адекватно использовать языковые средства, т.е. обладать четкой и осознанной речевой культурой. Данные аспекты затронуты в материалах Второго международного конгресса ЮНЕСКО по техническому и профессиональному образованию (Сеул, 1999). В частности, отмечено, что работник сферы услуг XXI века должен быть не только хорошо образован как специалист в своей области, но и обладать широкими познаниями в области культуры и навыками общения [2].

Тем не менее речевой подготовке студентов сервисных специальностей до сравнительно недавнего времени уделяли недостаточное внимание. Хотя невозможно отрицать, что очень важным качеством профессионала в любой сфере является умение организовывать эффективную коммуникацию с людьми.

Эффективные коммуникации – построение ситуаций общения с клиентами (туристами) таким образом, чтобы менеджер имел возможность влиять на решения клиента, добиваясь макси-

мального удовлетворения потребностей клиента и доводить до него важную информацию.

Специалисты в сфере менеджмента утверждают, что отсутствие эффективной коммуникации является главным препятствием на пути достижения основной цели менеджера туристического предприятия – удовлетворения потребностей клиента. Коммуникация – это обмен, в ходе которого обе стороны играют активную роль: недостаточно лишь передать информацию, необходимо, чтобы другая сторона восприняла ее. Таким образом, главная цель коммуникационного процесса заключается в обеспечении понимания передаваемой информации [4].

Для предприятия сферы сервиса и туризма эффективная коммуникация с клиентом означает, кроме прочего, и большую прибыль. Организации, занятые в сфере туризма признают, что изменение условий рынка может привести к потере персонального контакта с клиентом. В этой связи на менеджера ложится обязанность поддержания моста между компанией и клиентами, которые воспользовались туристическими услугами. Ведь ключом к повторению и увеличению объема продаваемых туристической фирмой услуг является удовлетворенность клиента после оформления договора об услугах [4].

К сожалению, часто клиенты рассматриваются как безликая масса, а не индивидуумы со своими специфическими проблемами. В связи с этим возрастает необходимость утверждения индивидуального подхода к каждому клиенту со стороны менеджера как основополагающей доктрины всей его работы. Коммуникативный процесс с клиентом должен строиться по определенным правилам, которые описаны во многих пособиях по организации эффективных коммуникаций и которые менеджер обязан знать и уметь применять на практике, добиваясь максимального контакта с клиентом. В этом и состоит основная задача организации эффективной коммуникации.

Поэтому основными направлениями организации эффективных коммуникаций менеджером могут быть: завоевание доверия клиента и обеспечение адекватности содержания доводимой до него информации. Также менеджер должен обеспечивать последовательность и непрерывность коммуникации и добиваться ясности сообщения. Необходимо обращать внимание на готовность клиента к восприятию информации и находить оптимальные каналы передачи информации, которую менеджер доводит до клиента. Итак, мы отметили необходимость и важность эффективной

организации коммуникаций для высококвалифицированного менеджера сферы сервиса и туризма.

Литература

1. Кабушкин Н.И. Менеджмент туризма: учебник. 4-е изд., стереотип. Мн.: Новое знание, 2004. 409 с.

2. Квартальнов В.А. Туризм: история и современность: избр. произведения. В 4 т. Т. 2. М.: Финансы и статистика, 2002. 512 с.

3. Котлер Ф. и др. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. М.: Юнити, 2007. 1071 с.

4. Синяева И.М., Земляк С.В., Синяев В.В. Маркетинговые коммуникации: учебник. М.: Дашков и Ко, 2005. 304 с.

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Теплинских М.В.

Кемеровский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются вопросы соотношений понятий «профессионализм» и «индивидуальность». Описываются этапы индивидуализации в труде и их характеристики.

Ключевые слова: профессионализм, индивидуальность, этапы профессионализации, профессиональное самосознание.

Abstract. The article discusses the relationship between the concepts of «professionalism» and «personality». It describes the stages of individualization in labor and their characteristics.

Keywords: professionalism, personality, stages of professionalization, professional identity.

Актуальность исследования проблем индивидуальности касается множества социальных и личностных аспектов в проявлении и реализации человеческих возможностей. Особый психологический интерес представляют вопросы, касающиеся соотношения профессионализации и индивидуальности. В отечественной и зарубежной научной литературе вопросами взаимоотношения этих двух важных для психологии явлений посвящено достаточно много исследований (А.Г. Асмолов, В.Н. Дружинин, Е.А. Климов, А.К. Маркова, В.С. Мерлин, Б.М. Теплов и др.).

Согласно психологическому пониманию, представленному в словаре, под индивидуальностью понимается человек, «характеризуемый со стороны своих социально значимых отличий от других людей во всей своей неповторимости» [3, с. 155]. Все, что связано с профессиональной деятельностью человека, во многом обусловлено индивидуальными особенностями субъектов трудовой деятельности.

В целом в литературе выделяются три этапа индивидуализации в труде.

Первый касается операциональных индивидуальных различий, т.е. уникально проявляемых психофизиологических и психических операций, изначально присущих человеку. Люди уникальны по своему физическому строению и психофизиологическим функциям, они специфичны в позна-

вательных и когнитивных процессах, в разной степени обучаемости и работоспособности и т.д. [5; 7].

Второй аспект проявлен в формировании собственного, индивидуального стиля профессиональной деятельности, который подробно изучали Б.М. Теплов, Е.А. Климов и др. Согласно Е.А. Климову эта «устойчивая система способов и тактик деятельности» человека во многом детерминирована уникальными природными, социально и прижизненно сложившимися качествами личности [5, с. 24]. Механизмами становления индивидуального стиля является адаптация, компенсация, коррекция [7, с. 128].

Третий описывает неповторимость и самобытность личностных особенностей профессиональной деятельности человека, его индивидуальное профессиональное самосознание и мировоззрение. По мнению А.К. Марковой, индивидуальность в профессиональной деятельности – это самое позднее новообразование, в основе которого лежит «взаимодействие развития личности и субъекта профессиональной деятельности», а главной чертой становится приобретение «индивидуально неповторимого профессионального мировоззрения и самосознания» [4, с. 156]. В рамках третьего аспекта также обсуждают ряд признаков профессиональной индивидуальности: неповторимость, целостность, относительную закрытость и автономность, непроницаемость для внешней среды, самость и самобытность, активность и ее высший уровень – творчество и т.д. [1; 6].

Таким образом, представленная взаимообусловленность профессионализма и индивидуальности отражает определенную закономерность: на каждой из стадий становления человека как профессионала выявляется включенность тех или иных сторон собственной индивидуальности, в свою очередь, развитие индивидуальности поддерживает стадии профессионализации.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Психология индивидуальности. М., 2001.
2. *Бархаев Б.П., Сыромятников И.В.* Введение в профессию: от социальной роли к профессиональной субъектности. М., 2003.
3. *Душков Б.А.* и др. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности: словарь / под ред. Б.А. Душкова. 3-е изд. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 848 с.
4. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.
5. *Климов Е.А.* Пути в профессионализм. Психологический взгляд: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный ин-т: Флинта, 2003.
6. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
7. *Теплов Б.М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. 536 с.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Термышева Е.Н., старший преподаватель кафедры иностранных языков
Рязанский государственный радиотехнический университет

Аннотация. Приводятся итоги использования технологии, направленной на развитие творческих способностей обучающихся, и проводится сравнительный анализ результатов опытно-экспериментальной работы в военном и гражданском технических вузах.

Ключевые слова: креативность, способности, эксперимент, тестирование.

Abstract. The paper shows the comparative analysis of results of the author's experimental work for development of students' creativity in both a military and a civilian engineering university.

Keywords: creativity, abilities, experiment, test.

Креативность – это творческие возможности (способности) человека, которые могут проявляться в мышлении, чувствах, общении, отдельных видах деятельности, характеризовать личность в целом и (или) ее отдельные стороны, продукты деятельности, процесс их создания [2]. Будучи сложным синтетическим образованием, творческие способности представляют собой сплав способностей и личности [1]. Следовательно, можно предположить, что креативность *приобретает индивидуальную специфическую направленность и окраску под влиянием сферы интересов конкретного человека, его деятельности, образования, среды и прочих факторов.*

Практика высшей школы показывает, что у студентов технического вуза знания и профессиональный интерес в значительной степени сосредоточены в точных науках, при этом их знания отличаются логичностью, а интересы реалистичны. Студенты обладают техническими и ма-

тематическими способностями, предпочитают деятельность «человек – техника» [4]. Им часто свойственно ожидание логики, неприятие и отрицание внешне нелогичных наук, например гуманитарных дисциплин, что приводит к низким результатам обучения, отрицательному опыту в изучении данных предметов.

Нами проводилась опытно-экспериментальная работа по развитию креативности студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку. Была разработана технология формирования креативных качеств обучающихся на основе идей позитивной психологии, создания ситуации успеха, нивелирующей негативный опыт предыдущих этапов обучения. Были созданы соответствующие психолого-педагогические условия для включения студентов в креативную деятельность. Опытно-экспериментальная работа проводилась последовательно на базе двух технических вузов: военного и гражданского.

На констатирующем этапе работы с целью диагностики уровня и структуры креативности проводилось тестирование обучающихся по образцу теста Н.Ф. Вишняковой «Креативность». Тестировалась креативность в целом и восемь компонентов, ее составляющих (оригинальность, любознательность, воображение, интуиция, творческое мышление, эмоциональность, юмор, творческое отношение к профессии) [3]. Статистическая обработка данных проводилась с помощью стандартного статистического пакета SPSS17. Выборка составила 141 человек. Подтверждение значимости полученных результатов проверялось с помощью t-критерия Стьюдента для независимых и парных выборок. Также обе выборки проверили на нормальность распределения с помощью критерия Колмогорова – Смирнова и на однородность с помощью критерия Ливена. Было выявлено, что у курсантов и у студентов отсутствовали статистически значимые различия как в общем уровне креативности, так и по отдельным компонентам, однако у курсантов наблюдались более высокие показатели по такому параметру, как творческое отношение к профессии.

После проведения формирующего эксперимента, на контрольном этапе, результаты показали, что разработанная и реализованная нами технология повышает уровень креативности обучающихся в целом вне зависимости от того, гражданским или военным является технический вуз. Анализ структуры креативных способностей выявил положительную динамику по таким способ-

ностям, как оригинальность, любознательность, воображение, интуиция, творческое мышление, творческое отношение к профессии.

Однако контрольный эксперимент не показал роста по таким компонентам, как эмоциональность и юмор. Мы объясняем это тем, что содержание обучения, соответствующее требованиям программы и будущей профессиональной деятельности, и преобладающий вид деятельности контингента обучающихся технического вуза, по-видимому, недостаточно воздействовали на эмоциональную сторону психики студентов и курсантов. Однако следует отметить, что исходный уровень вышеупомянутых качеств у испытуемых был высоким.

Данная работа не завершена, окончательные итоги еще не подведены, однако полученные результаты позволяют рассчитывать на благоприятное решение проблемы развития креативности обучающихся в сфере технического образования.

Литература

1. *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей: монография. Самара: ИД «Федоров», 2009. 416 с.
2. Большой психологический словарь. 4-е изд., расшир. / сост. и общ. ред. Б.П. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.
3. *Вишнякова Н.Ф.* Креативная психопедагогика: монография. Ч. 1. Минск, 1995. 240 с.
4. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2004. 304 с.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Цымбалюк А.Э., кандидат психологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. Н.Д. Ушинского

Аннотация. Рассматриваются результаты эмпирического исследования ментальной репрезентации профессиональных ситуаций. Раскрываются содержание, структура и динамика ментальной репрезентации ситуации устройства на работу.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, жизненная ситуация, профессиональная ситуация.

Abstract. This article is devoted to the results of empirical research of mental representations of professional situations. The content, structure and dynamics of mental representations of the situation employment are described.

Keywords: mental representation, life situation, professional situation.

В данной статье мы рассмотрим основные результаты эмпирического исследования проблемы ментальных репрезентаций профессиональных ситуаций, в частности ситуации устройства на работу.

Под жизненной ситуацией мы понимаем систему субъективных и объективных факторов, детерминирующих поведение человека при решении определенной жизненной задачи [2; 3]. Под объективными факторами понимаются внешние по отношению к субъекту параметры ситуации, под субъективными – те, которые характеризуют субъект в ситуации. Жизненная задача понимается как значимое жизненное событие, которое произошло или планируется субъектом жизнедеятельности в будущем.

На основе анализа теорий ментальной репрезентации и соотнесения с базовыми понятиями отечественной психологической науки («представление», «образ», «образ мира», «оперативный образ», «информационная основа») мы определяем понятие «ментальная репрезентация» как психический информационный комплекс, в котором представлены субъективные и объективные условия жизнедеятельности. Ментальная репрезентация ситуации – это психический информационный комплекс, в котором представлены субъективные и объективные условия, детерминирующие решение субъектом жизненной задачи.

База исследования: вузы г. Ярославля, г. Калуги. Выборка составила 335 человек: 295 девушек, 40 юношей.

На основании метода описания жизненных ситуаций с использованием технологии контент-анализа был конкретизирован и дополнен состав факторов жизненной ситуации, которые девушки учитывают при решении жизненных задач. По результатам теоретического анализа было выделено два основных компонента жизненной ситуации: субъективный, который характеризует субъекта в ситуации, и объективный, характеризующий внешние по отношению к субъекту факторы ситуации. В состав субъективного компонента входят: эмоциональное состояние, внешность, возможности, интересы и потребности, ценности и смыслы, личностные свойства, отношение к значимому другому, к задаче, статус. В состав объективного компонента входят: предметные условия, социальные требования, значимый другой, структурные характеристики ситуации. Субъективные и объективные элементы имеют специфическое содержание в зависимости от жизненной задачи.

На первом этапе эмпирического исследования выявлены и уточнены основные задачи юношеского возраста. На основе анализа частоты встречаемости и степени значимости можно сделать вывод о том, что наиболее важными являются задачи, связанные с учебной деятельностью, семейной и профессиональной сферами, личными интересами. Можно предположить, что данные ситуации являются конкретным выражением социальных задач, которые являются значимыми для девушек на данном этапе жизненного пути (задач профессионального и личностного самоопределения как ведущих противоречий на данном этапе).

Обратимся к *результатам исследования*.

Выявлены качественные, количественные и структурные характеристики ментальной репрезентации ситуации устройства на работу. Наибольшую значимость в содержании ментальной репрезентации ситуации устройства на работу имеют элементы: возможности ($X_{ср} = 6,480$; $K_v = 10,957$), мотивационно-потребностный ($X_{ср} = 6,373$; $K_v = 11,888$), ценностно-смысловой ($X_{ср} = 6,047$; $K_v = 14,437$), предметные условия ($X_{ср} = 6,164$; $K_v = 13,493$), социальные требования ($X_{ср} = 6,282$; $K_v = 12,380$). Таким образом, при решении задачи девушки ориентируются на собственные способности, специальные знания, профессиональные интересы, потребности, ценности и смыслы, учитывая при этом условия работы, уровень заработной платы, престижность профессии, возможность карьерного роста, требования работодателя. В целом более значимым в содержании ментальной репрезентации является субъективный компонент, т.е. при решении задачи для девушек в большей степени значимы субъективные факторы ситуации. В структуре ментальной репрезентации ситуации устройства на работу ведущую роль играют следующие элементы: ценности и смыслы, профессиональные интересы и потребности, личностные свойства, отношение к работодателю, к задаче, предметные условия, социальные условия.

Выявлена тенденция и специфика изменений содержания и структуры ментальной репрезентации ситуации с возрастом. Изменения структуры ментальной репрезентации ситуации устройства на работу заключаются в том, что с возрастом снижается значимость субъективных и объективных факторов ситуации; происходит изменение структуры ментальной репрезентации ситуации с выделением в качестве ведущих элементов личностных свойств, социальных требований,

внешности; увеличивается количество интегрированных в структуру элементов при повышении их значимости. Это свидетельствует о том, что вы-

деляются наиболее адекватные и оптимальные элементы и их взаимосвязи для решения жизненной задачи.

ВЕРБАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УСПЕШНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Чернявская В.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии
Дальневосточный федеральный университет

Аннотация. Описываются результаты эмпирического исследования соотношения креативности и учебной успешности у студентов-первокурсников направлений «Психология» и «Юриспруденция». На основании анализа взаимосвязи базовых понятий и содержания образовательных направлений была выдвинута гипотеза о взаимосвязи уровня успешности учебной деятельности и креативности студентов-первокурсников на примере психологов и юристов Института права ВГУЭС. Результаты психодиагностического исследования, а также использование метода ранговой корреляции Спирмена позволили подтвердить гипотезу.

Ключевые слова: студент, креативность, успешность учебной деятельности, методы, взаимосвязь.

Abstract. It describes the results of an empirical study of creativity relations and educational success of the students' first-year trends «Psychology» and «Jurisprudence». Based on the analysis of how the basic concepts and the content of educational areas has been hypothesized about the relationship level of success of educational activity and creativity of first-year students as an example of psychologists and lawyers of the Institute of Law VSUES. The results of psycho-diagnostic research, and the use of the method of Spearman rank correlation allowed to confirm the hypothesis.

Keywords: student, creative, successful learning activities, methods, relationship.

Современное общество предъявляет новые требования к качеству профессионального образования и требует от него подготовки высококвалифицированных специалистов, способных решать сложные профессиональные задачи. Современные трудовые задачи связаны

- ◆ с их потенциально высоким уровнем неопределенности;
- ◆ с изменяющимися требованиями к личности и характеристикам деятельности;
- ◆ с готовностью к смене профессиональных позиций;
- ◆ с созданием инновационных проектов.

Данные характеристики трудовых задач имеют прямое отношение к креативности как личностному качеству, которое включает беглость, гибкость, оригинальность, разработанность. Креативность как личностное качество, которое формируется с раннего возраста, на этапе профессионального образования достигает расцвета и становится мощным ресурсом профессиональ-

ного творчества. В спектре гуманитарных профессий, к числу которых относятся направления «Психология» и «Юриспруденция», особенно значимой является вербальная креативность. Именно она способствует синтезу точных формулировок, детальных описаний, обозначению новых явлений. В процессе профессионального образования востребованы те же ресурсы.

В этом контексте представляется значимой проверка гипотезы о взаимосвязи между уровнем креативности и показателями учебной успешности (успешности учебной деятельности) студентов-первокурсников гуманитарных направлений.

Проведенный теоретический анализ позволил нам выяснить основания и взаимосвязи понятий: «академическая успешность», «учебная успешность» и «креативность». В данном исследовании под успешностью обучения мы понимаем интегральный показатель соотношения учебной успешности студентов с педагогической успешностью преподавателей как равнозначных субъ-

ектов процесса обучения, который измеряется показателями академической успеваемости при сохранении психологического благополучия личности. Студент-первокурсник, с одной стороны, имеет совершенно конкретные показатели учебной успешности в рамках общего образования – оценки по ЕГЭ, с другой – к концу первого курса он адаптируется к условиям вуза и приобретает первые показатели учебной успешности в профессиональном образовании.

Под креативностью мы понимаем общую способность личности к творчеству, которая базируется на конstellации общего интеллекта, личностных характеристик и способностей к продуктивному мышлению, т.е. способностей порождать необычные идеи, отклоняться от стереотипных схем мышления, быстро находить выход из проблемных ситуаций, используя необычные способы и гипотезы решения проблемы.

Целью данной работы являлось выявление закономерностей, отражающих взаимосвязь учебной успешности и креативности студентов психологов 1-го курса ВГУЭС (на примере студентов-психологов и студентов-юристов).

Объект – креативность как общая способность личности, определяющая успешность разных видов деятельности.

Предмет – взаимосвязь учебной успешности и креативности студентов психологов 1-го курса.

Гипотеза данной работы состоит в том, что уровень креативности студента имеет взаимосвязь с уровнем его учебной успешности. То есть человек с более высоким уровнем креативности более успешен в образовательном процессе вуза.

Исследование было проведено в рамках исследовательской работы совместно с Д.А. Сорокиной. Выборка состояла из 45 студентов-первокурсников (30 юристов, 15 психологов). Были использованы три субтеста из методики Торренса «Диагностика вербальной креативности»: «Причины», «Следствия» и «Необычное использование».

Учебная успешность определялась по баллам ЕГЭ и средней оценке аттестации первокурсников.

Для удобства сравнения баллы ЕГЭ были переведены в оценки.

Наибольшую выраженность у обеих групп имеет параметр «беглость», что отражает способность испытуемых создавать большое количество осмысленных идей. Наибольшие баллы по этому критерию связаны с результатами субтеста 5, который отражает способность порождать большое количество ответов. Показатели вербальной креативности по критерию «гибкость» практически равны и говорят о том, что у испытуемых достаточно развита способность применять различные стратегии при решении проблем, им не свойственна ригидность мышления, они умеют рассматривать имеющуюся информацию под разными углами зрения. Наибольшие различия результатов обнаружались по критерию «оригинальность»: у психологов более выражена способность придумывать необычные, выходящие за рамки привычного, очевидного и обычного решения и ответы. Важным фактом является то, что максимальное число баллов по этому критерию получили студенты с высокими оценками ЕГЭ и аттестации.

Для получения более достоверных результатов связи креативности с учебной успешностью результаты исследования креативности сравнивались с оценкой ЕГЭ, а затем со средней оценкой аттестации. Применение коэффициента ранговой корреляции Спирмена позволило подтвердить гипотезу о наличии связи между креативностью и учебной успешностью при погрешности 0,01 (табл. 1).

Представленные данные (табл. 1) показывают, что почти все полученные значения входят в зону значимости, так как они больше значения 0,01, т.е. большинство исследуемых признаков имеют прямую корреляционную связь – прямую зависимость признаков друг от друга. Прямая взаимосвязь не отслеживается только у психологов по результатам субтеста 2 при выявлении взаимосвязи вербальной креативности и средней оценки аттестации. Рассмотрев полученные данные, можно сказать, что между вербальной креативностью и учебной успешностью студентов-первокурсников есть прямая связь, которая

Таблица 1

Коэффициенты корреляции

Коэффициент корреляции	Методика	Студенты психологи	Студенты юристы
Креативность и оценка ЕГЭ	Субтест 2	0,689	0,670
	Субтест 3	0,879	0,632
	Субтест 5	0,802	0,665
Креативность и средняя оценка аттестации	Субтест 2	0,369	0,542
	Субтест 3	0,682	0,602
	Субтест 5	0,677	0,730

говорит о том, что чем выше один показатель, тем выше другой. Следовательно, можно сделать вывод о том, что чем выше у студентов уровень креативности, тем выше их учебная успешность.

Таким образом, гипотеза о том, что уровень креативности студентов-гуманитариев имеет взаимосвязь с уровнем учебной успешности, нашла свое подтверждение.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ОБ ОПАСНОСТИ/ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНИ И УРОВЕНЬ ИХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Юхновец Т.И., преподаватель кафедры основ специальной педагогики и психологии факультета специального образования

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь субъектности студента в учебно-профессиональной деятельности и представлений студентов о степени безопасности/опасности жизни как субъективного критерия готовности к преодолению барьеров профессионального развития. Анализируются результаты исследования по проверке гипотезы о том, что субъектные студенты обладают большими возможностями в процессе решения профессионально-деловых задач.

Ключевые слова: субъектность студентов в сфере учебно-профессиональной деятельности, представления об опасности/безопасности жизни, психологические барьеры профессионального развития.

Abstract. The interrelation of subjectivity of student's identity in educational and professional activity and their representations of safety/danger of life as subjective criterion of readiness for overcoming barriers of professional development are considered. Results of empirical research on verification of a hypothesis that subject students possess great opportunities in solving business tasks are analyzed.

Keywords: subjectivity of students in the sphere of educational and professional activity, representations of danger/safety of life, psychological barriers of professional development.

Процесс профессионального развития носит длительный, стадийный, нелинейный характер, требующий от личности актуализации имеющихся потенциалов и одновременно предоставляющих ей условия для формирования нового опыта, ресурсов. Анализ процессов и механизмов, обеспечивающих эти феномены, позволят расширить понимание становления индивидуальности как высшего уровня развития личности.

В концепциях профессионализации Т.В. Кудрявцева, Ф.Е. Зеера, А.К. Марковой, Л.М. Митиной подчеркивается значение для специалиста способности к сознательному самоизменению, самосохранению, самореализации, самосозиданию. Перечисленные способности соотносятся с понятием «субъектность» как «способности выйти за пределы своей биологической, социальной и даже психологической детерминированности, выступая субъектом своей жизни в изменяющемся мире» [2, с. 236]. Субъектность личности

как системное качество формируется длительное время и к юношескому возрасту, связанному, как правило, с периодом активной профподготовки, начинает приобретать целостный характер. В развитии этого качества личность особенно нуждается в периоды кризисов, сопровождающих, в том числе переходные периоды между стадиями профессионального развития для того, чтобы адекватно, конструктивно отреагировать на возникший дисбаланс внешних и (или) внутренних условий. Мы предположили, что субъектность способствует оптимальному разрешению кризисов у студентов уже на стадии их антиципации.

Объектом исследования выступила субъектность личности; *предметом* – взаимосвязь субъектности студентов и их представлений об опасных и безопасных объектах. *Гипотезой* явилось предположение о том, что субъектные студенты имеют более широкий диапазон объектов, вызывающих опасения как источники, инициирующие изменения, наряду с имеющимися безопасными объектами.

В исследовании, проведенном на базе БГПУ в 2014–2015 гг., приняли участие 90 студентов. Они выполнили задание по методике «Субъектная учебная активность» (А.А. Волочкова), описали образ мира со стороны его опасности/безопасности. Эмпирика обрабатывалась с помощью контент-анализа, программы SPSS-21.

Результаты: представления студентов об опасных объектах характеризуются большим количеством (607) и разнообразием (127), чем о безопасных (318 и 99 соответственно) и касаются таких областей жизни человека, как образ жизни, природные катастрофы, деструктивное межличностное взаимодействие людей, техногенные катастрофы, негативные общественные явления, состояние здоровья и болезни, психологическое неблагополучие. Студентки в умеренной степени обеспокоены предстоящей сессией. В группу представлений о безопасности включены: дом, семья, друзья, учебная деятельность, соблюдение общественных правил и норм, полноценное общение, самореализация. На уровне корреляционного анализа обнаружены взаимосвязи между количеством опасений и регулятивного компонента академической деятельности ($r_s = -0,357$; $p < 0,001$), самооценкой обучаемости ($r_s = 0,395$; $p < 0,001$); потенциалом академической активности ($r_s = 0,322$; $p < 0,01$); между количеством опасных и безопасных объектов ($r_s = 0,473$; $p < 0,001$).

Резюме: студенты с высокой самооценкой обучаемости, высоким потенциалом учебно-профессиональной активности, сниженным регулятивным компонентом учебно-профессиональной деятельности имеют более развитые представления и об опасностях, и о безопасностях жизни, что позволяет им корректировать свои действия адекватно ситуации.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
2. *Калитиевская Е.С.* Психологическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл. 1997.
3. *Карпинский К.В.* Человек как субъект жизни. Гродно: ГрГУ, 2002.
4. *Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
5. *Поварёнков Ю.П.* Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов: СГСЭУ. 2013.
6. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодетальности // Вопросы психологии. 1986. № 4.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ УЧИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Яницкий М.С., доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета

Браун О.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий

Неме́ровский государственный университет

Аннотация. На основании результатов эмпирического исследования описываются общие закономерности трансформации системы ценностей учителей в процессе их профессионального развития. Анализируется влияние профиля преподавания на процесс становления системы ценностей учителей.

Ключевые слова: ценности, педагогическая деятельность, учителя, профиль преподавания.

Abstract. On the results of the empirical study the general regularities of transformation of system of values of teachers in their professional development describes. Impact of profile to teach on the process of formation of system of values of teachers analyzes.

Keywords: values, pedagogical activity, teachers, profile of teaching.

Ценностная направленность учителя, в постнеклассической психологии рассматривающегося в качестве посредника между учащимся и культурой, в значительной степени определяет формирование ценностных ориентаций учеников. При этом передача гуманистических ценностей в процессе обучения становится возможна, если педагог их не просто транслирует, а действительно разделяет. Все это обуславливает актуальность исследования закономерностей становления системы ценностей педагогов как в процессе их профессионального образования, так и в профессиональной деятельности.

В нашем исследовании приняли участие 726 работающих учителей и будущих педагогов различного стажа и профиля преподавания либо обучения. Респондентам была предложена модифицированная нами методика Р. Инглхарта [1]. На основании выбора ценностей все респонденты были отнесены к одному из трех типов: «адаптирующиеся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток) – 39 %; «социализирующиеся» (семья, карьера, общественное признание) – 22 %; «индивидуализирующиеся» (самореализация, свобода, терпимость) – 8 %. Остальные 31 % исследуемых были отнесены к промежуточному типу. Приведенное распределение ценностных типов свидетельствует о более высоком уровне ценностного развития, чем в общих выборках: среди педагогов доля демонстрирующих ориентацию на высшие ценности ожидаемо выше, что вполне соответствует их основной миссии – развитию ценностной сферы учащихся, осуществляемому в том числе и собственным примером.

При разделении учителей на группы в зависимости от стажа педагогической деятельности были обнаружены достоверные различия, свидетельствующие об изменениях системы ценностей в процессе осуществления профессиональной деятельности. Наибольшими и положительными отличиями характеризуется группа «молодых» учителей со стажем до 15 лет, которые в два раза чаще ориентируются на ценности индивидуализации и значительно реже – на ценности адаптации и социализации. У студентов и учителей со стажем более 15 лет распределение ценностных типов фактически полярное – среди них наибольшая доля ориентируется на ценности адаптации и наименьшая – на ценности индивидуализации. Такая динамика, демонстрирующая, по существу, обратное развитие ценностной сферы, может объясняться как профессиональным выгоранием части педагогов, так и социальными особенностями данной возрастной группы. Доминирование «материалистических» ценностей адаптации, обычно связанное с фрустрацией потребности в экономи-

ческой безопасности, среди старшего поколения учителей может быть связано с тем, что наиболее значимые для становления их системы ценностей «формативные» годы пришлись на менее благополучный в экономическом плане период.

Для изучения характера влияния профиля преподаваемого предмета на изменение системы ценностей учителей все исследуемые были разделены на преподающих (изучающих) естественнонаучные дисциплины или же общественные и гуманитарные предметы. Как следует из полученных нами результатов, гуманитарный профиль обучения и профессиональной деятельности в целом оказывается положительным фактором становления ценностной системы, обуславливая в три раза большую частоту ориентирующихся на ценности индивидуализации. Динамика ценностных предпочтений в зависимости от профиля преподавания также неодинакова: среди «естественников» наблюдается последовательное увеличение числа отнесенных к адаптирующемуся и индивидуализирующемуся типам за счет снижения доли ориентирующихся на ценности социализации и «не определившихся» в ценностном отношении; изменения в группе «гуманитариев» не столь линейны и в целом соответствуют стажевой динамике общей выборки.

Таким образом, ценностная направленность учителей, выступающая важнейшим фактором формирования системы ценностей учащихся, не остается неизменной на протяжении времени, последовательно трансформируясь в ходе осуществления ими профессиональной деятельности. Наиболее соответствует современной гуманистической парадигме образования система ценностей учителей со стажем до 15 лет, имеющая более осознанный, интернализированный характер и отличающаяся значимо большей направленностью на личностное развитие и самореализацию. Студенты педагогических специальностей, еще находящиеся на стадии формирования системы личных и профессиональных ценностей, а также педагоги старшего возраста достоверно чаще ориентируются на «дефицитарные» ценности, обусловленные неудовлетворенностью значимых потребностей, или на «социально одобряемые» традиционные ценности. Важной детерминантой динамики системы ценностей педагогов выступает профиль преподаваемого предмета, при этом гуманитарный профиль обучения и профессиональной деятельности чаще оказывает положительное влияние на процесс ее становления, придавая ему гуманистический вектор.

Литература

1. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.

НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ НА ЭТАПЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

Ярославкина Е.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей педагогики и психологии

Сахалинский государственный университет

Аннотация. Рассматривается проблема нравственного развития студенческой молодежи. Приведены экспериментальные данные развития нравственности у студентов вуза. Подчеркивается необходимость построения целостной концепции по формированию нравственной зрелости молодежи посредством воспитательной среды вуза.

Ключевые слова: нравственность, профессиональная нравственность, формирование нравственной зрелости.

Abstract. The problem of moral development of students. Experimental data for the development of morals among students of the University. Stresses the need to build a holistic concept for the formation of moral maturity of young people through educational environment of the University.

Keywords: morality, professional morality and moral maturity.

Вопросы нравственности, духовности, ценностных ориентаций, наиболее часто поднимаются в современной отечественной психологии, что объясняется актуальностью данной проблемы, моральным кризисом общества. Характерной тенденцией научного поиска становится решение нравственно-психологических проблем, определение собственно психологических основ нравственности человека.

Профессиональная нравственность, являясь, по мнению Г.Н. Серикова, компонентом квалификации специалиста, – это способность человека проявлять духовность в процессе исполнения своих профессиональных компетенций. Таким образом, профессиональная деятельность специалиста должна быть пронизана «тканью» нравственного отношения к исполнению своих компетенций [2].

Нравственность имеет свойство развиваться в образовательном процессе, проявляя себя в качестве аспекта образованности. Данное положение позволяет выдвинуть воспитание нравственности студентов в качестве важнейшей задачи образовательного процесса [1, с. 26].

Перед психологической наукой встает задача построения целостной концепции формирования профессионально-нравственной культуры специалиста, синтеза профессионального и личностного самоопределения.

Для выявления динамики нравственного развития студенческой молодежи автором было проведено исследование нравственной воспитанности студентов при помощи методики «Раз-
© Ярославкина Е.В., 2015

мышляем о жизненном опыте» Н.Е. Щурковой. В исследовании приняли участие 50 студентов 1-го и 42 студента 5-го курсов СахГУ. При проведении сравнительного анализа нравственного развития студентов начального и заключительного этапов обучения выявлено, что только 18 % респондентов 1-го курса имеют достаточно развитую нравственную сферу, в то же время у респондентов 5-го курса высокий уровень развития нравственности выявлен уже у 59 % человек. У представителей данной группы сформирована ориентация на «другого человека», при этом можно смело утверждать, что в процессе обучения в вузе выявляется положительная динамика развития нравственности, что обусловлено взрослением, обучением и влиянием среды вуза.

Низкий уровень развития нравственности встречается достаточно редко как у первокурсников (4 %), так и у выпускников (5 %). Особого внимания заслуживает категория студентов с несформировавшейся сферой нравственных отношений. Среди первокурсников таких студентов выявлено 78 %, к 5-му курсу их количество снижается до 36 %. Поведение этой категории студентов отличается ситуативностью и импульсивностью, их нравственные предпочтения неустойчивы, что в целом свидетельствует о недостаточной личностной зрелости данной группы студентов.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить следующие важные моменты: с одной стороны, можно утверждать, что образовательная и воспитательная среда вуза благоприятно влияет на нравственное развитие студентов;

с другой – достаточно большое количество студентов даже на выходе из университета не отличается личностной зрелостью.

Студенческий возраст – это такой период жизни человека, когда интенсивно формируются мировоззрение и нравственные убеждения, т.е. данный возрастной этап является сензитивным с точки зрения формирования личностной зрелости. Исходя из этого, необходимо особое внимание уделять нравственному развитию студенческой молодежи, продумывать и планомерно реализовывать целостную систему воспитания в молодежной среде. Психолого-педагогическое воздействие должно носить системный, научно-обоснованный характер, в образовательном процессе вуза должны быть представлены разнообразные формы работы по развитию нравственной зрелости. На наш

взгляд, наибольшего эффекта можно достичь в таких формах работы с молодежью, когда юноши и девушки будут находиться в ситуации нравственного выбора, что создаст необходимые предпосылки для формирования осознанного и психологически зрелого отношения к окружающим людям и миру в целом.

Литература

1. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 2005. С. 25–90.
2. *Сериков Г.Н.* Влияние образования на развитие человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. № 2. Т. 6. С. 11–17.
3. *Юревич А.В.* Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 3–14.

Раздел VII

КЛИНИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ КОУЧИНГ, КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ И ПСИХОТЕРАПИЯ, ПСИХОАНАЛИЗ ГРУПП И ОРГАНИЗАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Балясова Е. Н.</i> Психоаналитическое консультирование как способ личностного развития и повышения уровня адаптации в условиях финансового кризиса	296
<i>Бареев Р. Р.</i> Психоаналитический метод в коучинге	298
<i>Бергаль О. Е.</i> Коучинг как инструмент повышения эффективности персонала	299
<i>Груздева М. А.</i> Лидеры и команды в поисках смысла	300
<i>Евдокименко А. С.</i> Диагностика эмоциональных рисков на примере принятия управленческих решений в коррупциогенной ситуации	302
<i>Изотова И. А.</i> Психоаналитический подход к групповому коучингу в бизнес-организациях	303
<i>Кан Л. В.</i> Феномен контрпереноса в первичном психоаналитическом интервью	305
<i>Карасаев В. А.</i> Коучинг и содействие обретению целостности	307
<i>Костина А. А.</i> Особенности терпимости матери по отношению к ребенку	308
<i>Курарарь Н. В.</i> Психоаналитический подход к феномену самообмана в коучинге	310
<i>Лесневский А. С.</i> Диалектика интерпретации в психоаналитическом коучинге	311
<i>Лужанская Н. В.</i> «Женское» и «работа женского» в концепции Жаклин Шаффер	312
<i>Малашенко М. Д., Стрижова Е. А.</i> Базовый аффект и психологическое конструирование эмоций	314
<i>Митневич Н. В.</i> Психоаналитический подход в консультировании организаций: от рефлексии лидерства к глубинным изменениям	316
<i>Михальченко Н. А.</i> Бионовские группы и протоментальная система в работах Уилфреда Биона и его последователей	317
<i>Михальченко Н. А.</i> Грезы о спасительном рае: сепарация с первичным материнским объектом	318
<i>Никифорова А. А.</i> Различие поколений X и Y в контексте карьерного развития	319
<i>Россохин А. В.</i> Нейтральная позиция в коучинге	321
<i>Семёнов Е. С.</i> Методика формирования оптимального учебного состояния (на примере студентов-психологов)	322
<i>Семёнов Е. С.</i> Специфические характеристики оптимального учебного состояния студентов (на примере студентов-психологов)	324

<i>Соломина Н. Ю.</i> Метапсихология аффекта в исследованиях французской психосоматической школы.....	325
<i>Соломина Н. Ю.</i> Практика психоаналитической психосоматики	327
<i>Стависский М. Ю.</i> Ответы психоаналитического коучинга на вызовы постоянно меняющейся бизнес-среды	328
<i>Третьяковская И. А.</i> Важное умение – общение с собой.....	331
<i>Улановский А. М.</i> Эволюция коучинга и качественные исследования.....	332
<i>Федорова С. М.</i> Психоаналитическая психодрама организационных конфликтов	333
<i>Чекункова О. В.</i> Нарциссизм и нарциссическое личностное расстройство: теория и клиническая практика	336
<i>Шаповалова Е. В.</i> Концепция психотической организации	338
<i>Шаповалова Е. В.</i> Скрытая сторона организационных изменений	340

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ И ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Балясова Е. Н.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь личностного развития со способностью эффективно адаптироваться к внешним изменениям. Исследуются различные аспекты личностного кризиса и внутриличностного конфликта, способствующие психосоциальному развитию. Описывается, как в ходе психоаналитического консультирования у человека формируются конструктивные пути преодоления внутренней и внешней ситуации неопределенности.

Ключевые слова: развитие личности, кризис, внутриличностный конфликт, психоаналитический подход, психологическая адаптация.

Abstract. The aim of the article is to analyze the interconnection between personal development and the ability to effectively adapt to external changes. Various aspects of intrapersonal conflict are researched that contribute to psychosocial development. The article demonstrates that through psychoanalytical counseling an individual can manage ways of overcoming internal and external situations of uncertainty.

Keywords: personal development, crisis, intrapersonal conflict, psychoanalytic approach, psychological adaptation.

Современная социально-психологическая ситуация развития нашего государства характеризуется радикальными изменениями в различных сферах жизни общества. Интерес к поиску новых эффективных моделей ведения бизнеса, руководства или работы с командой в условиях нынешней российской экономики значителен, о чем говорят исследования, обращенные в первую очередь к изучению влияния психологических свойств личности на эффективность деятельности в условиях выраженной неопределенности, развития организационного консультирования как фактора повышения эффективности деятельности сотрудников.

Понятие «кризис» (κρίσις) в переводе с древнегреческого языка означает выбор, поворотный

пункт. Индивидуальная реакция на кризис различается в зависимости от личностной структуры и жизненного опыта человека, поэтому для кого-то кризис – это возможность выхода на новый уровень развития, а для кого-то – катастрофа. По мнению Э. Эриксона, психосоциальное развитие каждого человека сопровождается кризисом как особым моментом выбора между прогрессом и регрессом. В кризисные периоды жизни повышается уязвимость Эго, основной функцией которого является психологическая адаптация. Кризис как неопределенность ситуации порождает внутреннюю борьбу, конфликт. Преодоление неопределенности жизненных этапов зависит от развития Эго [6].

Финансовый кризис может способствовать возникновению личностного кризиса (сопрово-

ждающегося тревогой, паникой или апатией), так как изменяющиеся жизненные события создают потенциальную угрозу удовлетворению жизненно важных потребностей личности путем привычных моделей поведения (G. Yacobson). В период интенсивных перемен и высокой «турбулентности» особенную ценность приобретает человеческий капитал, от эмоциональной зрелости, личностной гибкости и стабильной продуктивности которого в большей степени, чем от финансово-экономических условий, зависит успех развития бизнеса.

Личностный кризис обнаруживает неудовлетворенность человека процессом в какой-либо из сфер его жизни, а потому часто затрагивает ценностно-смысловые особенности личности и приводит к глубинной трансформации и изменению отношения к себе, к профессиональной деятельности или к жизни в целом. Профессиональное поведение или стиль управления бизнесом зависит от того, что имеет личностный смысл для человека, инициирует смысложизненные стратегии, составляет «ядро» его жизненной концепции [4]. По данным исследования Н.М. Кадыкиной (2009), тенденция к изменению и развитию у людей с высоким уровнем профессиональной самореализации более выражена, чем у людей с низким уровнем самореализации, которые гораздо чаще стремятся к сохранению того лучшего, что было создано ранее.

Наиболее ранними оформленными представлениями, связанными с проблематикой личностного кризиса и поиском путей его преодоления, считаются представления о внутриличностном конфликте в рамках психоаналитического подхода. Выдвинутые З. Фрейдом положения о внутриличностном конфликте как о глубинном противоречии между разнонаправленными структурами личности (Ид, Эго и Супер-Эго), характеризующимся различными переживаниями, в методологическом плане послужили основой для дальнейших работ других представителей глубинной психологии (А. Адлера К. Хорни, Э. Эриксона и др.). Психоанализ со времен З. Фрейда и его ближайших последователей, сохранивших ориентир на теорию либидо или теорию драйвов, сделал два важнейших шага, предопределивших его развитие: переход от выявления конкретной травмирующей ситуации к анализу структуры личности и смещение с биологической плоскости в социальную [8]. В социальном психоанализе подчеркивается, что неразрешенные внутренние конфликты, происходящие на более ранних стадиях развития (невозможность обеспечить ба-

зальную безопасность, преодолеть чувство стыда, вины, зависимости, ролевой неопределенности, отчужденности, отчаяния), остаются в бессознательном человека и препятствуют дальнейшему социально-психологическому развитию личности. Человеку важно выяснить, что в процессе индивидуального развития в прошлом (психоисторической действительности) возникли острые внутренние неосознаваемые препятствия, которые требуют разрешения в настоящем [7]. Большинство теоретиков и исследователей внутриличностного конфликта считает, что именно через борьбу, разрешение и преодоление внутриличностных противоречий происходит формирование воли, познание окружающей действительности, становление характера, фактически формируются и развиваются все основные структурные компоненты психики личности [2]. Формирование стабильного внутреннего мира опирается на учет своего позитивного и негативного жизненного опыта.

Конструктивные функции внутриличностного конфликта: мобилизация внутренних ресурсов личности, развитие структурных компонентов психики личности. способ сближения «Я» идеального и «Я» реального, активизация процессов самопознания и самооценки, способ самоактуализации и самореализации личности.

Конфликт и его преодоление – это фундаментальные элементы творчества (M. Klein). Таким образом, в процессе психоаналитического консультирования человек стремится вступить в контакт со своим внутренним миром, почувствовать его, найти возможность проработать новые, уникальные и более адаптивные способы восприятия и реагирования, тем самым высвобождая энергию и силы для поддержания изменений, развития и движения вперед. В ходе конструктивного разрешения **внутриличностного конфликта человек обретает большую целостность, уверенность** и становится готовым к новым достижениям, поиску уникальных решений имеющихся задач и, соответственно, количественным и качественным изменениям.

Литература

1. *Кадыкина Н.М.* Психологические особенности смысловой саморегуляции банковских служащих среднего звена в период экономического кризиса: дисс. ... канд.психол. наук. Ростов н/Д, 2009.
2. *Красильников И.А.* Феномен внутриличностного конфликта в социальном психоанализе // Известия Саратовского университета. Новая

серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 68–73.

3. *Кляйн М., Хайманн П.* и др. Развитие в психоанализе. СПб., 2001. 512 с.

4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: лекции. М., 1997. 479 с.

5. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М., 2012. 256 с.

6. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.

7. *Эриксон Э.* Трагедия личности. М., 2008. 256 с.

8. *Югов Е.А.* Развитие представлений о внутриличностном конфликте в психоанализе // Теоретические и прикладные проблемы психологии. Киев. 2013. № 2 (31). С. 240–246.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД В КОУЧИНГЕ

Бареев Р.Р.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается психоаналитический коучинг, перспективы его применения в современных институтах, бизнесе, раскрытие потенциала, лидерство как новый генерируемый ресурс, необходимый для неустойчивой бизнес-среды.

Ключевые слова: психоаналитический коучинг, бизнес, коуч, лидер.

Abstract. We consider the psychoanalytic coaching prospects for its use in modern institutions, business. Disclosure of potential leadership as the new generated the resources necessary for an unstable business environment.

Keywords: psychoanalytic coaching, business coach, leader.

Современный мир стремителен. Его технологии, вызовы и возможности удивительны и уникальны. Парадоксально, но единственный ресурс, который одновременно является и сильным, и слабым звеном, – это мы с вами.

Человек, группа, организация, действуя в различных сферах жизни, совершают, тем не менее, одинаковые общие движения.

Внешний мир, где любая информация оказывается перед тобой через секунду после нажатия клавиши компьютера, уже давно нас не удивляет. Всё на виду, открыто, доступно. И лишь только то, что внутри человека, его самости и множественности его внутренних «Я», осознанных и неосознанных, идеальных, дает нам право на возможность таких открытий, обладание такими ресурсами, что захватывает дух, то, что сверхинтересно и увлекательно, уникально и неповторимо.

«Психоаналитический коучинг» – что чувствует человек, впервые столкнувшись с этим понятием? В его голове рождаются различные ассоциации, например психоанализ (это что-то из Фрейда, фантазии, сновидения, бессознательное), коучинг (опять эти заимствования, можно же сказать проще – тренировка, наставничество, окончание -ing говорит о продолжительности

процесса, – приходит подсказка из сознания). Да, все примерно так.

На практике психоаналитический коучинг применяется сравнительно давно и в сферах, казалось бы, мало совместимых с бессознательным, иррациональным, ментальным. Это экономика, бизнес, образование и многие другие сферы, куда пришествие коучинга еще предстоит. Эти открытия перспективны для всех его участников.

Коучинг гораздо больше, чем только инструмент, а вкупе с психоаналитическим подходом он представляет собой новый взгляд на человека, группу и организацию. Тут нет ограниченных представлений, зато есть место обретению силы в творчестве благодаря стимулирующему его бессознательному.

Одно из наиболее перспективных направлений использования коучингового подхода – в бизнес-среде. Это приятный и успешный способ ведения дел [2]. Для амбициозных коучей это направление представляет наибольший интерес. Бизнес (рассмотрим российскую действительность) – это симбиоз недавнего коллективного прошлого, гениальности и креативности, недоверия и противостояния. Словами психологии можно сказать, что у бизнес-среды России ярко выражены психосоматические последствия от пережитых кризисов и стрессов.

Страх и унижение на бессознательном уровне идут рука об руку в большом и малом бизнесе, реагируют на экономические процессы, интерпретируют экономику в новых, несвойственных ей ракурсах, не в меру мнительность и подозрительность заставляют прибегать к неблагоприятным прогнозам. Отсутствие уважения, здоровой конкуренции, понятных целей, которые помогут двигаясь вперед одному вовлекать в движение и других, меняться и менять мир к лучшему, дышать полной грудью, творить и создавать, получать от этого удовольствие, измеримое не только в финансовом эквиваленте.

Первый шаг всегда сложен. Но это же всего только один шаг. Его нужно совершить просто из любопытства.

Потенциал, который имеют большинство из нас – экономисты, юристы, менеджеры, специалисты и руководители любого уровня, – можно и нужно раскрыть. Ключ к этому лежит в психоаналитическом подходе в коучинге.

Да, существуют ограничения, но они связаны только с личной мотивацией, желанием и необходимостью к переменам, исследованию и приня-

тию себя. Быть честным с собой в присутствии коуча, доверять ему. Это взаимовыгодный процесс в терминологии экономики, таких процентов роста нет ни в одном банке мира, да и налогами они не облагаются. Наоборот, ты потом будешь готов поделиться своими дивидендами. Приобретаешь еще больше, чем отдаешь.

Формируется новый тип лидера, который способен побуждать людей отправиться в путешествие к... местам исключительной важности [4].

Метафорически человек-коуч-лидер вынимает себя из существующей рутины и контекста, как барон Мюнхгаузен вытащил за косичку себя вместе с лошадью из болота, в новый контекст, который позволяет смотреть и реагировать на вещи так, как никогда прежде.

Литература

1. *Питерс Т.* Представьте себе! // Превосходство в бизнесе в эпоху разрушений. 1-е изд. СПб.: BestBusinessBook, 2007. С. 320–342.
2. *Уитмор Д.* Коучинг высокой эффективности. 3-е изд. М.: Международная академия корпоративного управления и бизнеса, 2005. С. 155–156.

КОУЧИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРСОНАЛА

Бергаль О.Е.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается применение коучинга как инструмента повышения эффективности персонала в бизнесе для изменения стиля руководства топ-менеджмента компании с целью улучшения взаимодействия с сотрудниками и максимального раскрытия и использования их потенциала в работе.

Ключевые слова: бизнес, коучинг, мотивация, потенциал, эффективность.

Abstract. The application of coaching as a tool to improve the efficiency of the staff in the business. Changing leadership style top management of the company to improve communication with employees and maximum disclosure and use of their potential for work.

Keywords: business, coaching, motivation, potential, efficiency.

Главный ресурс любого предприятия – люди, которые там работают, и эффективность любого бизнеса напрямую зависит от эффективности сотрудников. Современные руководители все чаще сталкиваются с тем, что старые методы мотивации больше не работают. Людям нужен новый метод управления, более гибкий и внимательный к каждому [2].

© Бергаль О.Е., 2015

В условиях экономической нестабильности предприятия сталкиваются с рядом проблем, которые мешают эффективному управлению персоналом. Основные из них: ограниченные возможности материального стимулирования сотрудников, увеличение объема работы в связи с сокращением штата сотрудников предприятия, необходимость удержания ценных, «ключевых» сотрудников и невозможность исключительно с помощью стро-

гого внешнего контроля, поощрений и наказаний «взрастить» ответственного, инициативного, организованного и преданного идее сотрудника.

Руководство предприятия мотивировано на необходимость постоянного повышения производительности труда, а также на важность чуткого отношения к персоналу, внимание к потребности сотрудников в профессиональном росте и развитии, задействование глубинной мотивации.

Наиболее эффективным средством решения вышеуказанных проблем является коучинг. Коучинг – это уникальная технология работы с сотрудниками, которая направлена на достижение целей человека и (или) организации. Он раскрывает потенциал человека и таким образом помогает ему достичь максимальной эффективности [3].

Управление персоналом с помощью коучинга направлено на организацию поиска максимально эффективных путей достижения целей компании и воплощение их в жизнь самими сотрудниками. Главным результатом применения коучинга в управлении кадрами является способность сотрудников самостоятельно решать многие задачи, проявлять инициативу, делать выбор, брать на себя ответственность и принимать решения. Это позволит:

- ◆ наиболее полно использовать внутренние ресурсы организации, повысить динамику развития компании;

- ◆ максимально раскрывать и использовать потенциал сотрудников;
- ◆ согласовывать цели организации, цели руководителей и цели сотрудников, что позволит достигать цели организации оптимальными (для организации и для сотрудников) путями и в оптимальные сроки;
- ◆ формировать глубинную мотивацию у сотрудников для решения организационных задач;
- ◆ повысить мотивацию сотрудников к личному и профессиональному развитию;
- ◆ повысить приверженность сотрудников целям и ценностям компании.

Лидеры должны знать, как изменить культуру компании на уровне отдельного сотрудника, команды или целого коллектива. Эти навыки критически важны для достижения долгосрочного успеха [1].

Литература

1. Рейнолдс М. Поколение Y провоцирует руководителей становиться коучами // E-executive. URL: <http://www.e-executive.ru/management/world-toplist/1498071-marsha-reinolds-pokolenie-y-provotsiruet-rukovoditelei-stanovitsya-kouchami> (дата обращения:).
2. Уитмор Д. Внутренняя сила лидера: Коучинг как метод управления персоналом. М.: Альпина Паблишер, 2012. 309 с.

ЛИДЕРЫ И КОМАНДЫ В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Груздева М.А., преподаватель

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Контекст кризиса смыслов лидеров и их команд в том или ином виде звучит сегодня почти в каждом запросе на бизнес-коучинг. Помочь лидеру осознать свой страх, принять ограничения/риски/неуверенность, снизить тревогу и, как следствие, увидеть возможности текущего состояния, для того чтобы использовать их в будущем, призван психоаналитический подход в бизнес-коучинге. Работа в групповом и индивидуальном формате не только с лидером, но и с каждым членом его команды позволяет направить поиск смыслов в общее конструктивное русло.

Ключевые слова: лидер, команда, кризис смыслов, экзистенциальный кризис, психоанализ, коучинг, бизнес-коучинг, групповой коучинг, организационное консультирование.

Abstract. The context of the crisis of meanings Leaders and their teams in one form or another sounds today almost every query on business coaching. To help the Leader realize his fear, to accept the limitations/risks/uncertainty, reduce anxiety and, consequently, see the current state, in order to use them in the future, called the psychoanalytic approach to business coaching. Work in group and individual format is not only the Leader but also every member of his team, allow you to direct the search of common meanings in a constructive direction.

Keywords: leader, team, crisis of meaning, existential crisis, psychoanalysis, coaching, business coaching, group coaching, organizational consulting.

В. Франкл писал о том, что люди не столько страдают от чувства неполноценности, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты. Ощущение пустоты внутри и страх встретиться с этой пустотой рождает у человека внутренние противоречия, обнажая разрыв между мечтами и реальностью, между желанием жить в согласии с миром и быть самим собой и отсутствием в окружающем мире значимых мотивов для этого.

Возможно, мысль о кризисах смысла для лидеров и их бизнесов не нова. Однако в текущей экономической ситуации она приобретает особую актуальность. Сегодня лидеры обращаются ко мне с запросами, связанными с управлением собственным бизнесом и людьми в состоянии неопределенности. Безусловно, лидеру отводится особая роль, но все ли лидеры понимают, с чем им приходится столкнуться в реальности? Многие из них задумываются: «Зачем это все мне?» Некоторых из них кидает из стороны в сторону: от тотального контроля за действиями команды до полной ее смены. Вопрос «Зачем это все мне?», т.е. вопрос о смысле, в той или иной форме звучит почти в каждом втором первичном интервью.

От бизнес-коуча в такой ситуации требуется понимание глубинного подхода, связанного с применением психоаналитических методик в своей работе как с лидером, так и с его командой в целом. То есть по большому счету требуется синхронизировать оба процесса работы – с лидером и его организацией. В этом контексте важно понимать, в чем состоит вызов для лидера. Самому справиться с собственным «кризисом смыслов в ситуации неопределенности» и оказать поддержку своей команде, которая находится в аналогичной ситуации, хотя и не всегда открыто заявляет об этом. Именно одновременно. Но те чувства, которые испытывает лидер и подсознательно транслирует своей команде, в той или иной степени могут быть испытываемы каждым членом команды в отдельности как кризис собственных жизненных смыслов.

Итак, лидер и его команда в поисках смысла. Кризис в квадрате? Экзистенциальная тревога и ощущение кризиса смыслов тесно переплетено. Около пяти лет назад Татьяна Шнелл из Университета Инсбрука провела исследования и опубликовала данные, которые показали связь осмысленности (ощущения себя в мире) и уровня кризисов смыслов. Результаты ее исследований можно суммировать и обобщить в четыре основ-

ные категории: осмысленность – высокий уровень осмысленности и низкий уровень смысла, кризис смысла – низкий уровень осмысленности и высокий уровень кризиса смысла, экзистенциальное безразличие – низкий уровень осмысленности и низкий уровень кризиса смысла, экзистенциальный конфликт – высокий уровень осмысленности и высокий уровень кризиса смысла. Люди первой и второй категорий одинаково испытывают высокий уровень ощущения смысла жизни, но если в первом случае это их не беспокоит, то во втором они испытывают недвусмысленный глубокий личный кризис. В развитии своей теории Татьяна Шнелл провела исследования среди 600 немецких участников. Результаты показали, что у 61 % людей обнаружилась осмысленность, у 35 % – экзистенциальное безразличие и у 4 % – кризис смысла. Безусловно, эти данные не могут быть полностью переложены на Россию, но хочется отметить следующее: высокий уровень осмысленности не всегда ведет к кризису смысла, а вот нахождение в конфликте приводит к большим поискам смысла, чем просто прохождение через него. Усиленные поиски смысла жизни соотносятся с более низкой жизненной удовлетворенностью и ощущением счастья. Это поднимает вопросы, связанные тем, насколько плодотворны поиски смысла как такового. Ясно, что люди вообще (и лидеры в частности) находятся в конфликте или кризисе и именно поэтому ищут смыслы. Как следствие, они не удовлетворены своей жизнью (бизнесом как частью своей жизни) и поэтому несчастны и пытаются «исправить ситуацию» всеми доступными им методами.

Что делать лидерам, если их одержимость по поиску смысла бесполезна? Как работать с собой и своей командой? Что поможет им и их командам переживать свои жизни так полно, как это возможно? Работа с коучем помогает осознать свой страх, принять ограничения/риски/неуверенность, это в свою очередь помогает снизить тревогу и, как следствие, увидеть возможности текущего состояния, для того чтобы использовать их в будущем. Получать поддержку и понимание от коуча и своих коллег помогают методы группового психоаналитического коучинга и индивидуальная работа не только с лидером, но и с каждым членом его команды для достижения общего, сформулированного в словах результата. Сочетание этих двух подходов позволяет согласовать видения лидеров и их команд, направив поиск смыслов в общее конструктивно-осознаваемое русло.

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РИСКОВ НА ПРИМЕРЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В КОРРУПЦИОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

Евдокименко А.С., кандидат психологических наук, доцент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Приведена процедура оценки эмоциональных рисков в экспериментальной ситуации решения кейса (коррупциогенная ситуация), в решении которой замеряется смена эмоциональной оценки последствий принимаемых решений после предъявления последствий отклоненного решения.

Ключевые слова: принятие решений, риск, ситуация неопределенности, эмоции, отклоненные альтернативы.

Abstract. The procedure of emotional risks assessment in the experimental situation (finding the solution of corruption situation case) is presented in the article. The procedure is based on measurement of the difference between emotional evaluation of the decision and emotional evaluation of the rejected alternative, which was presented to the participant after presentation of the decision.

Keywords: decision making, risk, uncertainty, emotions, rejected alternatives.

Анализ интуитивных решений в ситуациях выбора альтернатив позволяет предположить, что человек принимает решение, исходя из оценки (рефлексии) своего эмоционального состояния, возникшего в ответ на актуальную ситуацию (комплекс условий) выбора, объективные условия которой могут не осознаваться, подвергаться сомнению, вытесняться, обесцениваться и т.д. Однако, несмотря на подобную работу сознания, при ориентации на собственное эмоциональное реагирование может возникнуть сомнение (тревога) в правильности своих рациональных оценок ситуации. Таким образом, речь может идти о конкуренции между эмоциональным отреагированием на условия ситуации (в том числе и вытесненных, нежелательных) и рациональной оценкой этих условий (допускаемых). Эта проблематика активно исследуется коллегами [1; 2; 3; 4; 5].

Процедура исследования состояла из индивидуальной беседы, в которой предъявлялась ситуация – кейс, требующий управленческого решения. Причем из-за специфики коррупционных ситуаций выбирать приходилось из одинаково негативных альтернативных решений. Сам кейс представлял собой последовательно разворачивающуюся ситуацию (4 этапа), где развитие выбора ситуации из альтернативных вариантов зависело от принимаемого решения. При этом после принятия решения испытуемому сообщалось (на следующий день) как о последствиях принятого, так и последствиях от-

клоненного решения. Обратная связь строилась таким образом, что последствия отклоненного решения всегда оказывались лучше последствий принятого решения (о позитивных последствиях принятого умалчивалось). Текстовые описания последствий по принятому и отклоненному решению подлежали оценке: по эмоциям, которые они вызывают (разочарование и сожаление) [6], а также по завершении всего кейса производилась оценка защитных механизмов личности [7].

Оценке подлежали:

- ◆ разница эмоциональной оценки последствий принятого решения до сообщения о последствиях отклоненной альтернативы и после;
- ◆ связь стратегий выбора решения и выраженных защитных механизмов;
- ◆ связь защитных механизмов с разницей эмоциональной оценки последствий.

В результате удалось выявить паттерны работы с эмоциями, возникающими в ответ на сообщение о последствиях, которые показали устойчивую корреляцию с защитными механизмами личности. Субъективная оценка отклоненных решений и степень влияния таких эмоций, как разочарование и сожаление, стали ключевым фактором, который может иметь большое значение в оценке лидерского потенциала, лидерских черт и возможностей. Исходя из этого мы можем предположить, что последовательность выбора решений из кейса, содержащего развитие ситуации выбора, субъективная оценка выбранных и отклоненных альтернатив, оценка достигаемых результатов после каждого выбора (или их от-

сутствия) позволяет диагностировать отношение испытуемого к собственному эмоциональному отреагированию.

В продолжении своей работы мы предполагаем исследовать скрытые возможности лидеров и их склонность к противоправным действиям с помощью процедуры оценки отклоненных альтернатив. Мы полагаем, что люди, склонные к противоправным и коррупциогенным поступкам, будут иметь защитные механизмы сопротивления эмоциональным состояниям, связанным с разочарованием и сожалением, однако эти же качества могут говорить о максимальной эффективности в плане работы со своими чувствами и переживании в ситуациях неопределенных правил и неоговоренных обязательств.

Литература

1. *Пантелеев С.П.* Методика диагностики защитных механизмов личности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология: Научный журнал. 2009. № 1. С. 67–80.
2. *Arkes H.R., Herren L.T., Isen A.M.* The role of potential loss in the influence of affect on risk-taking behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1988. № 42. P. 181–193.
3. *Johnson E.J., Tversky A.* Affect, generalization, and the perception of risk // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. № 45. P. 20–31.
4. *Marcatto F., Ferrante D.* The regret and disappointment scale: An instrument for assessing regret and disappointment in decision making // *Judgment and Decision Making*. 2008. № 3. P. 87–89.
5. *Slovic P. et al.* Risk as Analysis and Risk as Feelings: Some Thoughts About Affect, Reason, Risk, and Rationality, 24 *Risk Analysis* 311, 2004.
6. *Peters E., Västfjäll D., Gärling T., Slovic P.* Affect and decision making: A «hot» topic // *Journal of Behavioral and Decision Making*. 2006. № 19. P. 79–85.
7. *Sitkin S.B., Pablo A.L.* Reconceptualizing the determinants of risk behavior // *Academy of Management Review*. 1992. № 12. P. 9–38.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ГРУППОВОМУ КОУЧИНГУ В БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЯХ

Изотова И.А.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Психоаналитический коучинг – высокоэффективный метод обучения и развития мобильных, самоорганизующихся, эффективно взаимодействующих, нацеленных на результат команд проектного типа. Следуя концепции Биона о группе как едином целом, обладающим групповым мышлением и групповой культурой, определяющей ее структуру, задачи и организацию для достижения целей, психоаналитический коуч работает на двух уровнях одновременно: рациональном, осознаваемом плане решения задачи, и бессознательном, эмоциональном, скрыто определяющим паттерны поведения и способ взаимодействия участников. Помогая группе разрешить конфликт между бессознательной коллективной волей и индивидуальными потребностями членов группы, коуч поддерживает способность группы функционировать в максимально продуктивном творческом режиме, не скатываясь в регрессию базовых эмоций тревоги и фрустрации, блокирующих конструктивную работу по достижению бизнес-целей.

Ключевые слова: психоанализ, группа, коучинг, бизнес, базовые допущения, рациональное, бессознательное, сопротивление, защита, мышление.

Abstract. Psychoanalytical coaching is a highly effective method of learning and development for mobile, self-organizing, effectively interacting, result-oriented project teams. Following Bion's concept of the group as a whole being possessing 'groupthink' and group culture which defines its structure, its tasks and the organization to achieve its goals a psychoanalytic coach performs at two levels simultaneously: rational, consciously perceived, overt plain of task solving and that which is unconscious, emotionally charged, covertly influencing the behavioral patterns of the participants. The task of a coach is to support the team in resolving the conflict between the unconscious collective

will and team members' individual needs, as well as to help them learn to sustain the level of utmost productivity and creativity without regressing to the level of basic emotions of frustration and anxiety that block constructive cooperation to achieve business goals.

Keywords: psychoanalysis, group, coaching, business, basic assumptions, resistance, defenses, thinking

Современные тенденции в области бизнес-коучинга демонстрируют все возрастающую потребность организаций опираться в своей деятельности не только и не столько на отдельных харизматичных лидеров, сколько на мобильные, самообучающиеся, эффективно взаимодействующие, нацеленные на достижение результата команды проектного типа.

В психоаналитической парадигме мы рассматриваем функционирование индивида в перспективе двух логик: индукции/дедукции, с их рационально прослеживаемыми причинно-следственными связями, и абдукции, где мы скорее заняты поиском скрытого, непроявленного, но, несомненно, влияющего на причинность происходящего с индивидом и группой. Иными словами, мы работаем «бинокулярно» [1]: удерживая фокус внимания одновременно и на осознаваемом контенте происходящего между индивидами в группе, и на бессознательных процессах, определяющих действия участников.

В групповом коучинге мы руководствуемся гипотезой Биона о том, что любая группа функционирует как единое целое и обладает групповым мышлением. Каждый член группы формирует это общее психическое пространство анонимно и неосознанно. Таким образом, формируется групповая культура, включающая в себя структуру группы, задачи, которые она намеревается решить, и организацию, которую она создает для достижения этих целей [2].

Групповая культура является взаимным переплетением группового мышления и желаний отдельных индивидов, ее составляющих. От того, как разрешается конфликт между бессознательной коллективной волей и потребностями отдельного члена группы, зависит уровень ее организации и способ принятия решений для достижения целей группы.

Выделяются два типа групп: рабочая группа и группа базовых допущений.

Базовые допущения, или психологические групповые защиты регресса от сильных примитивных эмоций, определяют организационную форму группы и способ удовлетворения групповых желаний. Они имеют иррациональное содержание и бессознательную природу и часто противопоставляются сознательным, рациональным мнениям отдельных членов группы.

Бион выделяет три типа базовых допущений: зависимость, сражение – бегство и фантазия о паре.

Группа базового допущения зависимости живет убеждением, что некто полностью выражает все ее чаяния и обязан удовлетворять все ее потребности. Этот «объект» обеспечивает безопасность группы как «незрелого организма». Ведущими эмоциональными состояниями являются беспомощность, благоговение, тревога.

Группа базового допущения сражения – бегства убеждена в существовании внешних и внутренних врагов и прибегает либо к атаке, либо к избеганию как единственно возможной защите. Ведущими эмоциональными состояниями являются агрессивность, ярость, враждебность, страх.

Группа базового допущения фантазии о паре разделяет коллективную бессознательную веру в то, что некто/нечто, еще не существующее, разрешит все проблемы и текущие потребности группы. Акцент делается на ожидание Мессии. Фокус направлен не на разрешение текущих проблем, а на ожидание чудесного избавления от них в будущем. Ведущими эмоциональными состояниями являются оптимизм и полное надежд ожидание.

Все основные базовые допущения характеризуются потерей связи с реальностью и имеют четкую бессознательную цель – избегание тревоги, связанной с научением через опыт, где требуется усилие, страдание и контакт с реальностью [1].

В группе базовых допущений язык как способ мышления не развивается, но используется как форма действия [2], что обеспечивает поддержку защиты от фрустрации, вымывая понятие времени и приводя к потере связи с реальностью, что делает диалог между участниками группы нефункциональным и порождает чувство враждебности к идеям роста и изменениям.

В реальности любая группа всегда функционирует и на этом регрессивном уровне, и одновременно на уровне рабочей группы. На разных этапах жизнедеятельности группы могут преобладать феномены, свойственные как одному, так и другому уровню функционирования.

Рабочая группа обладает типом группового мышления, ориентированного на восприятие реальности, кооперацию ее членов и приложение усилий для достижения общей цели. Члены

группы обладают достаточной психической зрелостью, чтобы терпеть фрустрацию, контролировать эмоции, проявлять толерантность, вступать в диалог для решения проблем индивида и группы. Групповая культура опирается на использование рациональных и научных методов работы, где лидером становится тот, кто максимально эффективен в обеспечении условий для такого уровня функционирования. Участники рабочей группы, нацеленные на решение задачи, проявляют тенденцию к самоорганизации и совместному обучению, выделению из своих рядов лидера под каждую конкретную задачу, что стимулирует их рост и развитие, значительно способствуя внедрению изменений к большей производительности и высвобождению творческого потенциала.

Одномоментное присутствие в пространстве жизнедеятельности группы и мышления базовых допущений, и мышления рабочей группы приводит к перманентному конфликту, когда группа базовых допущений срывает деятельность рабочей группы, а стремление индивида сепарироваться встречает сопротивление регрессивного желания не встречаться со страхами, связанными с развитием [1].

Понимание глубинных бессознательных процессов, самым непосредственным образом влияющих на продуктивность работы бизнес-организаций, позволяет психоаналитически ориентированному коучу успешно решать довольно амбициозную задачу: стимулировать способность команды и ее индивидуальных участников учиться сохранять мышление уровня рабочей группы путем развития осознанности о том, какие базовые допущения могут саботировать движение команды к намеченным целям, развивать устойчивость к фрустрации, консолидировать умение трезво и ясно мыслить, помогать команде налаживать конструктивный диалог и развивать мастерство предоставления качественной, развивающей обратной связи, удерживать ценнейший для принятия гибких и творческих решений контакт с реальностью и достигать бизнес-целей.

Литература

1. *Bion W.R.* Experiences in Groups. New York: Basic Books, 1961.
2. *Grinberg L., Sor D., de Bianchedi E.* Introduction to the Work of Bion. New York: Jason Aronson, 1977.

ФЕНОМЕН КОНТРПЕРЕНОСА В ПЕРВИЧНОМ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Кан Л.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается динамика взглядов психоаналитиков на проблему контрпереноса в консультационном процессе. Подчеркивается значимость контрпереноса как многогранного диагностического инструмента специалиста в первичном интервью.

Ключевые слова: контрперенос, перенос, первичное интервью.

Abstract. Discusses the dynamics of the views of analysts on the issue of countertransference in the counselling process. The importance of countertransference as a multifaceted diagnostic technique tool in initial interview.

Keywords: countertransference, transference, initial interview.

Проблема изучения контрпереноса как более сложного и многогранного феномена привлекает внимание многих исследователей. Явление контрпереноса впервые упоминает З. Фрейд в 1910 г. Описывая контрперенос как результат влияния пациента на неосознаваемые чувства аналитика, З. Фрейд рассматривал контрперенос как препятствие для анализа [5]. Только в 1950-х и 1960-х гг. благодаря работам

© Кан Л.В., 2015

П. Хайман, Х. Ракера, Д. Винникотта, Дж. Арлоу, М. Литл, А. Райх и других контрперенос стал восприниматься как неотъемлемая часть отношений в психоаналитическом процессе, помогающая специалисту лучше понимать клиента. Так, П. Хайман понимала контрперенос как явление, охватывающее всю совокупность осознанных и бессознательных реакций аналитика на пациента, в развитии которого основную роль играет проективная идентификация. Она от-

мечала ценность контрпереноса аналитика как важного инструмента исследования бессознательного клиента [6]. Х. Ракер провел различие между «неврозом контрпереноса», являющимся деструктивным для терапевтических отношений и «собственно контрпереносом». По аналогии с фрейдовской моделью переноса Ракер предложил рассматривать контрперенос в трех значениях: как препятствие (слепые пятна терапевта), как инструмент, помогающий понять происходящее с клиентом, и как особое поле, в котором клиент может приобрести новый опыт благодаря тому, что контрпереносные реакции влияют на изменение конфигурации поля [3].

Позднее исследователи предприняли попытки построения более целостной концепции, объединяющей явления контрпереноса и переноса. Дж. Шарфф и Д. Шарфф создали карту интегративной многомерной и обобщенной модели переноса и контрпереноса, описывающей терапевтическую ситуацию в целом и позицию пациента по отношению к терапевту в частности [7]. Р. Сторлоу и соавторы также подчеркивали, что перенос и контрперенос вместе образуют интересную систему с реципрокным взаимовлиянием [4]. Согласно Р. Wegner, многочисленные дискуссии по проблеме контрпереноса и переноса привели к созданию процесс-ориентированной «психологии двоих персон», которая пытается объяснить, как происходит взаимодействие с системой отношений, где один фактор также является функцией другого [10].

Ряд авторов исследует различные грани контрпереносных реакций. О. Кернберг анализирует взаимоотношения между контрпереносом и личностью психоаналитика в трех измерениях:

- ◆ «пространственное измерение», или «поле» контрпереноса, включающее в себя различные феномены контрпереносных реакций;
- ◆ «временное измерение», описывающее долготу реакций контрпереноса;
- ◆ третье измерение описывает континуум реакций контрпереноса в зависимости от тяжести патологии пациента [1].

А. Shore считает, что контрперенос проявляется в способности распознавать и использовать сенсорные (визуальные, слуховые, кинестетические, тактильные и полимодальные) и аффективные аспекты тех образов, которые генерирует пациент в консультанте. Исследуются также вопросы «соматического контрпереноса» для определения контрпереносных телесных сигналов [2].

В последние десятилетия появилось много публикаций, посвященных проблеме первичного психоаналитического интервью. Г. Аргелендер один из первых обратил внимание на роль кон-

трпереноса в анализе интервью. Он связал во едино регистрацию объективных фактов и субъективных переживаний в первичном интервью и подчеркивал фундаментальную значимость «бессознательной сцены» первой встречи, в организации которой огромная роль отводится обоим участникам процесса. При этом важно понимать, что осознание и мониторинг контрпереносных реакций в интервью осложняется тем, что сама ситуация первой встречи изначально провоцирует повышение уровня тревоги как у клиента, так и у консультанта. Как пишет Т. Огден, перспектива новой встречи со своим собственным внутренним миром и внутренним миром другого человека всегда вызывает тревогу [9] и обычно сопровождается «дестабилизацией психического равновесия» и «штормом эмоций». Г. Этчеоген поднимает еще одну проблему первичного интервью, состоящую в том, что аналитики не всегда могут обратиться к привычным процедурам, предотвращающим «дестабилизацию психического процесса» [8]. Поэтому эффективность первой встречи во многом зависит от умения специалиста сохранять профессиональную позицию в ситуации «эмоционального шторма», контейнируя бессознательные тревоги и переживания клиента, осознавать и дифференцировать собственные аффективные и контрпереносные реакции. Таким образом, дальнейшее исследование различных аспектов контрпереноса как диагностического инструмента в первичном интервью представляет несомненный научный и практический интерес.

Литература

1. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / пер. с англ. М.И. Завалова. М.: Класс, 2000. 464 с.
2. Палларо П. Соматический контрперенос: терапевт во взаимоотношениях // Журнал практической психологии и психоанализа, 2008. № 2. URL: http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2848#_ftn3 (дата обращения:)
3. Ракер Х. Значение и использование контрпереноса // Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949–1999 гг.) / гл. ред. И.Ю. Романова. М.: Академический проект, 2005. С. 292–350.
4. Сторлоу Р., Брандшафт Б., Атвуд Д. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 1999. 252 с.
5. Фрейд З. Будущие шансы психоаналитической терапии (1910) // собр. соч.: в 10 т. М.: Фирма СТД, 2008. Доп. том: Сочинения по технике лечения. С. 121–132.
6. Хайманн П. О контрпереносе // Эра контрпереноса: Антология психоаналитических ис-

следований (1949–1999 гг.) / гл. ред. И.Ю. Романова. М.: Академический проект, 2005. С. 239–247.

7. Шарфф Д., Шарфф Дж. Основы теории объектных отношений / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009. 304 с.

8. Etchegoyen R. Horacio. Fundamentals of Psychoanalytic Technique. London, GBR: Karnac Books, 2005. P. 876

9. Ogden T.H. Comments on transference and countertransference in the initial analytic meeting // Psychoanalytic Inquiry. 1992. № 12. P. 225–247.

10. Wegner P. Process-orientated psychoanalytic work in initial interviews and the importance of the opening scene // Int J. Psychoanal. 2014 Jun. № 95. P. 505–523.

КОУЧИНГ И СОДЕЙСТВИЕ ОБРЕТЕНИЮ ЦЕЛОСТНОСТИ

Нарасаев В.А.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается тревога как существенная часть человеческого бытия, а внимание и чувствительность к причинам тревоги рассматриваются как источник для направления органических изменений в коучинге и путь к восстановлению личной целостности. Роль коуча в этом случае – содействие осознанию и узнаванию клиентом собственных чувств.

Ключевые слова: психоаналитический коучинг, личность в критических ситуациях, личность, мотивация и качество жизни, консультирование и психотерапия.

Abstract. The article examines anxiety as an essential part of human existence, and the attention and sensitivity to the causes of the anxiety are treated as a source of direction for the organic changes in coaching and the way to restore the integrity of the person. The role of the coach in this case is to promote awareness and recognition of the client's own feelings.

Keywords: psychoanalytic coaching, the person in critical situations, personality, motivation and quality of life, counseling and psychotherapy.

В какой момент я как постоянно меняющийся человек становлюсь целостным и какова роль коуча в процессе обретения чувствительности?

Долгое время работая над жизненными целями, я подходил к себе с точки зрения продуктивности. Я рассматривал себя в качестве машины, у которой есть ресурс и для которой важно поставить правильную цель. Логичным казалось распланировать работу, сформулировать задачи по SMART, увязать их с ценностями. Очень логично. Звучит понятно, но не работает. Способ потерпел фиаско... Как выяснилось, я не робот. Гораздо более любопытным представляется способ, направленный на выявление и развитие органических изменений. Не абстрактных мечтаний где-то вдалеке, а потребностей и желаний, которые актуальны для меня прямо сейчас. Подобные потребности могут переживаться абсолютно по-разному, но в любом случае это что-то естественное, укорененное во всем теле, пульсирующее и готовое оформиться.

Изучая себя как объект, машину продуктивности, невозможно услышать свои естественные

потоки изменений. Только когда я погружаюсь внутрь себя, прислушиваюсь к водовороту чувств и эмоций и не пытаюсь что-то с ними делать, я могу прочувствовать свои внутренние запросы, услышать самого себя. Это чувство ни с чем не спутать. Я соприкасаюсь с актуальными переживаниями, с тем, что действительно важно прямо сейчас.

Между этими двумя подходами есть значительная разница. Когда я размышляю о себе со стороны, я являюсь объектом моих размышлений, оставаясь внутренне никак не вовлеченным. Я как бы ориентируюсь на что-то внешнее. Я могу думать о том, что пришло время поесть, просто потому что на часах 8 вечера, и наступило время ужина. Со всем другой вариант – ощутить, что происходит внутри меня, прочувствовать свой голод, осознать желание. Тогда мне нет никакой необходимости думать о еде, я просто знаю, что я голоден.

Современное общество не ориентировано на то, чтобы чувствовать себя. Компьютеры, смартфоны, реклама, общество потребления – все это толкает на то, чтобы предельно повышать свою продуктивность, бежать и не останавливаться.

Только постепенно появляется чувство тревоги – как будто что-то происходит не так. Появляется чувство разделенности – в постоянной нерво-трепке дней мы начинаем терять способность находиться в своем центре, быть своим переживанием, быть живым. Но это самое чувство тревоги, от которого порой хочется просто избавиться, как раз и есть путеводная нить, которая может помочь мне как человеку вернуться к своей человечности, начать чувствовать.

В самых сложных и кризисных ситуациях важно не закрываться от проблем. Не пытаться хоронить свои чувства, какими бы пугающими они не казались. Ведь вместе с тревогой можно случайно похоронить и себя. Другой способ – найти время, погрузиться в проблему. Позволить ей полностью воздействовать на меня. Пережить все эмоции, сколько бы на это не потребовалось времени. Не пытаться найти решение, а просто побыть со своими ощущениями. Отличным источником поддержки в такой ситуации могут стать друзья или близкие, которые смогут тебя просто выслушать. Без советов, без критики, без утуканий, но со вниманием, заботой, пониманием. Когда постепенно рассказываешь о своих переживаниях, появляется новое осознание, меняется восприятие ситуации, появляются новые решения.

Какие-то из этих решений кажутся бредовыми, какие-то – слабо реализуемыми или пока мне недоступными, а какие-то действительно становятся находкой.

Что же тогда моя личность? С одной стороны, личность – это просто история, которой я был какое-то время назад. Это как сброшенная кожа, результат моей жизни на сегодняшний момент. С другой стороны, есть «Я» как осознающее «Я», как нечто, что постоянно движется, исследует – мой внутренний взор, пребывающий здесь и сейчас.

В жизни действительно случаются разные ситуации. И дни бывают разными. Бывают хорошие дни, а бывают унылые. После них будут другие дни. Важно переживать свои эмоции, даже если

в них, как нам кажется, нет никакой пользы. Я как человек постоянно меняюсь, не могу быть одинаковым постоянно. В каждом человеке горит огонь изменений, пламя жизни и перемен. Это действительно немного парадоксально – осознавать, что перемены – это природа человека и в то же время бояться перемен. Но это в какой-то мере значит и быть живым – постоянно меняться, найти себя в каждом моменте жизни.

Когда разворачиваешь эту мысль в поле коучинга, становится очевидным, что не имеет смысла пытаться мотивировать человека, как бы он себя ни ощущал. Гораздо более важный вопрос – как помочь человеку вернуться к своему центру, как связать его с естественными мотивационными потоками, которые уже в нем присутствуют? Как помочь человеку услышать себя изнутри, пережить, ощутить то изменение, которое сейчас актуально?

Подобный взгляд помогает глубже осознать и роль коуча в процессе изменений. Если я стремлюсь дать совет, поддержать, помочь своему клиенту, имеет ли это хоть малейший смысл для его собственного осознания? В этом случае я начинаю поддерживать клиента не в изменениях, а как раз в еще большей разъединенности, помогаю ему уйти от переживания собственного опыта в сторону внешних советов и рекомендаций. Роль коуча – во многом быть зеркалом, помочь человеку узнать себя, почувствовать то, что он сейчас чувствует. Коуч – это прежде всего человек, взаимодействуя с которым клиент может исследовать и осознавать свой собственный мир. Зеркало с душой.

Целостным я становлюсь тогда, когда начинаю чувствовать, переношу свое внимание в настоящий момент, когда прислушиваюсь к своему внутреннему миру. Важно помнить о том, что все, что со мной происходит, происходит по хорошей причине, а ощущения, пусть даже тревожности или злости, – это уникальный шанс, путеводная ниточка к собственному ощущению возможности, к глубинной природе постоянных изменений и огромной жизненной силе каждого человека.

ОСОБЕННОСТИ ТЕРПИМОСТИ МАТЕРИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ

Костина А.А.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Приводятся результаты исследования особенностей проявления терпимости матерей по отношению к собственным детям дошкольного возраста при помощи проективной мето-

дики с элементами опроса. Стимульным материалом являются рисунки с инструкциями, которые описывают различные ситуации противопоставления действий ребенка родительской позиции. В качестве испытуемых выступили 44 ребенка-дошкольника.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, терпимость, дошкольники, конструктивная терпимость, нетерпимое отношение.

Abstract. This article focuses on the results of studies of the tolerance of mothers in relation to their own pre-school children.

Keywords: parent-child relationship, tolerance, preschoolers, constructive tolerance, intolerance.

Научным направлением, которое впервые рассмотрело проблемы в детско-родительских отношениях как основу развития личности ребенка, стал классический психоанализ [1; 3; 5]. Большой популярностью стала пользоваться теория привязанности [4]. Ее центральным понятием является «внутренняя рабочая модель», которая представляет собой неразрывное и взаимообусловленное единство себя и другого. Ребенок осознает себя через отношение к нему матери, а мать воспринимает своего ребенка как источник отношения к себе.

Именно поэтому объект приведенного исследования – это матери детей-дошкольников, а если быть точнее – их отношение к своим детям, проявление терпимых или нетерпимых позиций. При этом в качестве испытуемых выступили дети-дошкольники, которые являются непосредственным объектом родительского отношения. Выбор в качестве испытуемых детей оправдывается еще с позиции надежности, так как взрослые склонны к фальсификации данных, давая социально одобряемые ответы. Процедура тестирования заключалась в поочередном предъявлении ребенку шести рисунков, к каждому из которых дается определенная инструкция. Ребенок должен выбрать из нескольких вариантов ответов или предложить свой вариант ответа [2].

Следует отметить, что применительно к данному исследованию терпимость определяется как проявление выдержки и принятие родителями позиции или действий своих детей в ситуации совершения ими проступка (каприз, порча вещи, неаккуратность, потеря вещи, протест).

Исследование показало, что доминирующей позицией матерей в таких ситуациях является терпимость (63 %), за ней идет позиция нетерпимости (35 %), а безразличие занимает последнее место по частоте проявления (2 %). Позиция терпимости не является преобладающей во всех ситуациях. Исключение составляют ситуации порчи и потери вещи, в которых матери более склонны проявлять позицию нетерпимости. Эти две ситуации объединяет не только их материальный характер, но и интересная законо-

мерность – только в этих ситуациях проявляется позиция безразличия, что может говорить о наличии матерей, для которых материальный фактор совсем не важен – они не станут наказывать ребенка или кричать на него из-за какой-то вещи.

Матери склонны проявлять такие формы терпимости, которые отражают более конструктивный характер: пользуются разъяснением неправомерности проступка ребенка, объяснением смысла каких-либо налагаемых норм поведения, мотивируют ребенка на соблюдение этих правил или прибегают к уговариванию. Вместе с тем матери проявляют низкую склонность к тем формам терпимости, которые носят более деструктивный характер: компромиссу и потаканию прихоти ребенка.

Самой популярной формой нетерпимости, проявляемой матерями, является вербальная агрессия. За ней в порядке убывания меры проявления идут физическое насилие, лишение и моральное наказание. Такие данные говорят о том, что очень часто матери повышают голос на своих детей, могут обругать, обозвать или даже использовать ненормативную лексику. В ряде случаев эта форма нетерпимости является подкрепляющей, очень часто она идет в паре с физическим насилием, моральным наказанием или отчитыванием.

Результаты показывают, что практически в четверти случаев совершения ребенком проступка матери прибегают к физическому насилию. Это достаточно высокий показатель, если учесть тот факт, что современная психология придерживается позиции, согласно которой насилие является крайней мерой в воспитании ребенка.

В качестве заключения к данной статье хочется отметить, что взаимная и подчас немотивированная нетерпимость в детско-родительских отношениях не возникает на пустом месте, она есть следствие терпимости взрослых (их терпения и снисхождения), практиковавшейся в семейном воспитании ранее. Как свидетельствуют другие психологические исследования, ранняя

психологическая травматизация ребенка в семье, постоянное подавление его индивидуальных проявлений неизбежно приводят к развитию авторитарной интолерантной личности [3; 4].

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

2. Сидоренков А.В. Методики изучения терпимости детей и терпимости родителей по отношению к детям. Ростов н/Д: РГУ, 2004.

3. Фрейд А. Введение в детский психоанализ. М., 1991.

4. Фромм Э. Искусство любить. СПб., 2001.

5. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ланто АСТ, 1996.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФЕНОМЕНУ САМООБМАНА В КОУЧИНГЕ

Курарарь Н.В.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Важным условием успешной работы коуча является знание психоаналитических теорий защит и сопротивления, а также переноса и контрпереноса. Зная всю палитру этого психического явления, коуч может находить инструменты для устранения внутриспсихических конфликтных ситуаций у клиента, а также для поиска внутренних ресурсов, мотивации и творческих решений.

Ключевые слова: коучинг, консультирование, психоанализ, самообман, защиты, перенос, контрперенос

Abstract. The most important condition for success in a coaching format is a deeper acquaintance of experts with the psychoanalytic theory of protection and resistance, as well as transference and countertransference. Knowledge about the whole palette of mental phenomena can let to a coach to find a more subtle tools not only to resolve psychic client's conflicts, but also to find internal resources, motivation and creative solutions.

Keywords: coaching, consulting, psychoanalysis, self-deception, protection, resistance, transference, countertransference.

Феномен самообмана давно является объектом внимания ученых из различных областей науки – философии, психологии, биологии, психиатрии и проч. В последние годы к этой теме стали обращаться и специалисты сферы коучинга. Представители всех направлений соглашаются с тем, что самообман – явление системное, присущее человеку имманентно и проявляющееся на всех уровнях и во всех жизненных сферах – от личных отношений до рабочих и организационных ситуаций. Кто, как ни коучи, услуги которых становятся все более востребованы, должны владеть инструментарием для распознавания и эффективного управления ситуациями, наиболее сильно провоцирующими возникновение у людей самообмана.

В то же время, пожалуй, нет другой такой сферы знаний, которая бы вмещала больше теоретической информации и практических приемов по выявлению и устранению самообмана,

чем психоанализ. Изучение ситуаций, в которых различные части психики индивида как бы обманывают друг друга, искажая, отрицая, изолируя или переворачивая информацию о состояниях, переживаниях, целях и мотивах, фактически является ядром и основным предметом психоанализа как науки. Явления переноса, контрпереноса, сопротивления и защиты, лежащие в основе работы любого аналитика с пациентом, закономерности их возникновения, актуализации и трансформации, безусловно, должны приниматься в расчет и в рамках коучингового процесса, поскольку именно в этих феноменах кроются причины, мешающие достигать поставленных целей, эффективно выстраивать коммуникации с окружающими и комфортно себя ощущать при решении самых различных как внутренних, так и внешних задач.

При этом сами представители помогающих профессий, будь то консультанты, психологи или коучи, продолжают оставаться людьми,

психика которых подвержена всем тем же закономерностям, что и психика их клиентов, а значит, вероятно возможность возникновения в ходе работы с клиентом самообмана и с их стороны. Именно психоанализ наиболее глубоко и полно развивает эту проблематику и не только помогает осознать возникновение и проявление подобных трудностей, но и предлагает проверенные действенные подходы, позволяющие минимизировать негативное воздействие на работу с клиентом процессов, происходящих в психике специалиста.

Вместе с тем далеко не во всех ситуациях можно говорить только о негативных последствиях тех заблуждений, в которые мы сами себя вводим. В некоторых обстоятельствах самообман выполняет важную адаптивную функцию и служит задачам сохранения, а то и выживания личности, как, например, в экстремальных ситуациях. В детском возрасте и в творчестве именно способность в некоторой степени предаваться самообману и иллюзиям лежит в основе игры и креативности.

Как распознать самообман у клиента и использовать этот факт для проработки истинного глубинного запроса? Каким образом и в какой момент показать клиенту повторяющиеся в его

жизни модели самообмана? Как определить границы и возможную глубину проработки этих паттернов в рамках коучинга? Как самому коучу не попасться в ловушку собственного самообмана и что делать, если это уже произошло? Результаты исследования феномена самообмана и особенностей его проявления в аналитической, терапевтической и консультационной практике дают основание утверждать, что важнейшим условием успешной работы в коучинговом формате является более глубокое знакомство специалистов с психоаналитическими теориями защит и сопротивления, а также переноса и контрпереноса. Именно от этих знаний зависит способность коуча распознавать самообман и выбирать правильную тактику для дальнейшей проработки запроса клиента. Глубокое понимание этих механизмов способствует развитию более гибкого комплексного подхода к разрешению внутренних конфликтов.

Однако феномен самообмана содержит в себе не только угрозу утраты контакта с реальностью, но и массу игровых креативных возможностей. Только глубокое знание всех спектров этого механизма позволит соблюсти тонкую грань и использовать его полезные свойства без риска утонуть в бесплодные фантазии.

ДИАЛЕКТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ КОУЧИНГЕ

Лесневский А.С., доктор педагогических наук

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Одним из инструментов техники психоаналитического коучинга, как и в психоанализе, является интерпретация. Обосновано, что осмысленные и действенные интерпретации рождаются при условии восприятия коучем своего клиента как «культурно-исторического человека» [4].

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитический коучинг, интерпретация.

Abstract. Interpretation is an important technique in psychoanalytic coaching. To suggest efficient and valuable interpretation for the client the coach should take into account that his client is «cultural and historic person».

Keywords: psychoanalysis, psychoanalytic coaching, interpretation.

Для понимания контекста, в котором протекает психоаналитический коучинг, той арены, на которой рождаются смыслы, преобразующие мировосприятие клиента и побуждающие его к действиями, обратимся к диалектике мифа, данной А.Ф. Лосевым.

Смысл – эйдос, данный в своей интеллигентной полноте, интеллигентная выразительность во всей своей жизненной наполненности – это миф, который, по А.Ф. Лосеву, «не есть выдумка или фикция, но диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще... Для мифического субъекта миф не есть фикция, но подлинная не-

обходимость...», миф есть «жизненно ощущаемая и творимая реальность», «он до жуткости веществен и физичен» [3, с. 160–161], «миф есть наиболее полное осознание действительности, а не наименее полное и пустое» [2, с. 773].

Объединяя сам факт и его интеллигентную модификацию (миф) в одно целое, мы получаем личность, «Я», «личность есть интеллигентный миф как факт, или факт, данный как тождество внеинтеллигентного и интеллигентного смысла, или символически осуществленный миф» [1, с. 34].

Для нас важно, что миф осуществляется также и в слове. Как в любом символе, смысл в слове дан внесмысловыми средствами, в слове мы находим такое же тождество логического и алогического, как в любом другом символе. В слове мы находим три основных стихии: смысловую предметность – то, о чем говорит слово, что оно выражает; «физико-физиолого-психолого-социологическую природу» [1 с. 40], т.е. все, что относится к бытийности, факту слова, живущего среди людей, начиная от звуков и заканчивая переживаниями, которые необходимы для произнесения слова, и, наконец, бесконечно разнообразное понимание слова субъективно-человеческим сознанием. Важно понимать, что слово в данном контексте является продуктом вторичной символизации [5], когда психические репрезентации не просто вербализуются, но вовлекают весь аппарат устной речи в процесс синтеза, вызревания, образования символа.

Итак, каждый человек, тем более клиент коуча или психотерапевта, – это миф. Как справедливо отмечает А.В. Россохин, «для психоаналитика пациент – это всегда культурно-исторический человек, в котором одновременно сосуществуют события прошлого, настоящего и будущего» [4, с. 249]. В контакте психоаналитического коуча с клиентом рождается «миф-диада» коуч – клиент, которая предстает перед нами как психологическая химера Мишеля де М'Юзана. Химера представляет собою смесь бессознательного обоих

участников процесса – психоаналитического коуча и клиента, – возникающая благодаря вхождению обоих в измененное состояние сознания (ИСС) [4]. «Этот гибридный аппарат, созданный двоими и для двоих, М'Юзан рассматривает одновременно чудовищным и живым, обладающим пророческими способностями, способностями к предвосхищению и предсказанию, что *помогает интерпретациям аналитика рождаться изнутри химеры*» [4, с. 129] (курсив мой – А.Л.). Важную роль в мифе-химере играет «третий собеседник» – рефлектирующее, анализирующее «Я» клиента, миф-химера на наших глазах приобретает структуру полилога, в котором третий собеседник может вступать в диалог как с клиентом, так и с коучем/аналитиком. В психоаналитическом коучинге особенно важно уметь использовать этого третьего собеседника, без которого работа интерпретации невозможна.

Итак, интерпретации рождаются изнутри мифа-химеры, больше того, само существование этого мифа является условием появления интерпретаций. Именно поэтому так важно внимание к символическому материалу клиента и понимание укорененности этого материала в культурно-историческом контексте.

Литература

1. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995.
2. Лосев А.Ф. Философия имени // Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Мысль, 1991.
4. Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: интросознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. 304 с.
5. Русийон Р. Работа Символизации. Институт психоанализа на Чистых прудах. URL: <http://psychic.ru/articles/classic11.htm> (дата обращения: 18.05.2014).

«ЖЕНСКОЕ» И «РАБОТА ЖЕНСКОГО» В КОНЦЕПЦИИ ЖАКЛИН ШАФФЕР

Лужанская Н.В.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представляется феномен «женского» и концепция «работы женского», предложенные Жаклин Шаффер в контексте французской школы психоанализа, которая продолжает

и развивает классические психоаналитические теории З. Фрейда. Используя психоаналитический взгляд на проблему «отказа от женского», показано, что именно признание (а не отказ разницы полов) определяет качество сексуальных, эмоциональных и социальных отношений, которые устанавливает человек.

Ключевые слова: психосексуальное развитие, психосексуальная идентичность, психическое функционирование, разница полов, «женское», «работа женского».

Abstract. This article presents the phenomenon of «Feminine» and the concept of «Work of Feminine» suggested by Jacqueline Schaeffer in the context of French psychoanalysis, which continues and further develops classic psychoanalytic theories of Sigmund Freud. Using psychoanalytic view on the problem of «repudiation of Feminine», we hereby show that admission (rather than denial) of sexes' difference defines quality of sexual, emotional and social relations established by people.

Keywords: psychosexual development, psychosexual identity, psychic functioning, difference of sexes, «Feminine», «work of Feminine».

В современном мире борьба за равноправие полов в социальной, политической и экономической сферах ведется постоянно и с годами приобретает все большие масштабы. Если представить, что результатом этой борьбы становится все большее упразднение разницы полов, то переоценить, насколько могут быть вредны и губительны последствия такой борьбы для человека (индивида) и его психического функционирования, будет очень сложно.

В своем развитии – психосексуальном с точки зрения психоаналитического подхода – человек (индивид) должен пройти важные структурирующие стадии, которые организуют психическое функционирование и образуют его «Я». Успешное прохождение стадий психосексуального развития, в том числе открытие и интеграция «женского», приводит к формированию психики, способной функционировать на генитальном уровне, когда человек может сформировать собственную идентичность и устанавливать здоровые и счастливые отношения с другим (с целостным объектом) [1].

Психосексуальная идентичность человека проходит развитие от пары активное – пассивное (пары противоположностей) к паре фаллический – кастрированный (все или ничего) и лишь потом к паре женское – мужское, которая не устанавливается окончательно, но постоянно находится в процессе формирования – поддержания по причине постоянного давления либидинальных сил и конфликта разницы полов. Отметим, что в понятие «пол» мы включаем не только и не столько биологическую принадлежность к определенному анатомическому полу, совпадающему с присвоением определенного социального пола (гендера) – мужского или женского, сколько психосексуальную идентичность с точки зрения нарциссического и (или) объектного катексиса.

Феномен «женского» состоит в способности открыться навстречу либидо, несмотря на сопро-

тивление «Я», признать разницу полов в паре мужское – женское, а также «встретить» объект, наделенный влечением, – любовника, который подарит наслаждение. Для женщины это значит принять поражение, отказавшись от зависти к пенису; поражение женщины – это победа ее «женского». Для мужчины это значит идентифицироваться с постоянной силой влечений, впусив их в свое «Я», и стать таким любовником, способным противостоять своим страхам и дарить наслаждение.

«Женское» постоянно находится в процессе стремления к «отказу от женского». «Отказ от женского» – это то, что противостоит готовности открыться внутренним силам влечения. «Женское» находится внутри, оно невидимо, и отказ от него может совпасть с более значимым отказом – принять разницу полов, женский пол как носителя всех фантазий, связанных с его «открытием» (и для мужчины, и для женщины), и потребность во влечении.

«Работа женского» заключается в способности «Я» переработать образ инородного элемента, которым сначала является постоянная сила влечений, а потом становится объект, который не только является носителем влечений, но и образом, созданным в результате осознания различия полов. Тогда можно сказать, что «работа мужского» также начинается с открытия навстречу влечениям (идентификация с постоянной силой влечения) и заключается в способности желать женщину – открывать ее «женское», – т.е. выходить на какое-то время из-под контроля своего «Я», не быть напуганным фантазиями об опасностях, тающихся в теле женщины-матери.

В женщине изначально заложен конфликт: ее сексуальность хочет покориться (т.е. ее пол требует «поражения»), а ее «Я» ненавидит такое поражение. «Мужское» мужчины способно открыть «женское» женщины, побеждая защиты ее «Я»; в то время как «женское» женщины открывает «мужское» – антагониста фаллического – в мужчине.

«Женское» находится внутри; внешняя женственность может легко стать отказом от «женского». Если чрезмерное нарциссическое инвестирование мужчин направлено на пенис, то женщины могут инвестировать во все свое тело как в «фаллическую целостность». Поверхностная женственность видима, она хорошо сочетается с фаллической проблематикой, которой вторит, как эхо. По сути, она стремится придать большую значимость по той же самой модели тому, что можно увидеть, что показывает себя и выставляется напоказ, что ставит целью успокоить страх кастрации как у мужчин, так и у женщин.

Если женщина не встретит любовника (целостный объект), который доставит ей наслаждение – откроет ее «женское», она может регрессировать к своей зависти к пенису в фаллической фазе и прийти к отказу от «женского». Она, конечно, может найти прекрасное применение своей внешней женственности; она также может обрести много радости в чувственности и нежности материнства, но она станет женщиной со страдающим «женским».

Насколько в социальной, политической и экономической сферах идет борьба за равенство полов, настолько на «арене» сексуальных отношений различие полов должно быть доведено до максимума. Это единственный способ для обоих полов достичь сексуального наслаждения, которое при максимально выраженном различии приносит максимум пользы. Таким образом, чем больше «Я» (и женщины, и мужчины) признает сексуальное влечение внутри себя, разницу полов и делает над собой усилие, чтобы открыться другому, тем боль-

ше у него доступа к наслаждению (сексуальному прежде всего), тем богаче «Я», тем лучше живет, сильнее любит, меньше болеет и яснее мыслит.

Конфликт между либидо и «Я», между полом и «Я», между объектом и «Я» является постоянным и обогащающим. В любом случае все рассмотренное выше подтверждает то, что так очевидно в психоанализе: «Я» «не хозяин в своем доме», а конфликт как неизбежен, так, в общем, и бесконечен. З. Фрейд рассматривает данный вопрос «конечного и бесконечного» главным образом с точки зрения бесконечного повторения защит, симптомов и травм. В ответ Ж. Шаффер предлагает бесконечное «женское», которое признает бесконечное желание, повторение различий и «отказ от женского» как феномен, который, хоть и пытается победить себя, всегда остается актуальным [4].

Литература

1. Евсеева М.Л., Чибис В.О. Психоаналитический взгляд на роль матери и отца при формировании нормы и патологии в процессе развития // Психическое здоровье. 2012. № 12 (79). С. 75–82.
2. Шаффер Ж. Истерия: Кризис либидо в связи с дифференциацией полов // Уроки французского психоанализа / под ред. П.В. Качалова, А.В. Россохина. М.: Когито-Центр, 2007. С. 135–174.
3. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл. М.: Фирма СТД, 2006. 608 с.
4. Schaeffer J. Le refus du féminin (La Sphinge et son âme en peine). Sixième édition. Paris: «Quadrige» (deuxième édition). 2013 (1997, 2008).

БАЗОВЫЙ АФФЕКТ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭМОЦИЙ

Малашенко М.Д.

Стрижова Е.А., кандидат психологических наук, доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается группа теорий психологического конструирования эмоций, в рамках которой эмоция представляется не как целостная сущность, а как сложное образование, состоящее из набора элементов. Приведена концепция базового аффекта Дж.А. Расселла, а также результаты адаптации методики оценки базового аффекта, которые подтвердили ее надежность и валидность.

Ключевые слова: базовый аффект, эмоции, теория психологического конструирования эмоций.

Abstract. In the present article psychological construction theories are examined, within which emotion is viewed not as an integral unity but as a complex phenomenon consisting of various

elements. J.A. Russel's core affect concept is considered and the results of the adaptation of an evaluation method for core affect which confirmed its reliability and validity is presented.

Keywords: core affect, emotion, psychological construction theory.

Количество отечественных или адаптированных для русского языка методик оценки ситуативного эмоционального состояния здоровых индивидов невелико [1]. Развитие психологии и смежных областей вызывает необходимость создания или адаптации новых методик, одной из которых является методика оценки базового аффекта М. Йик, Дж.А. Расселла и Дж.Х. Штайгера.

Базовый аффект – понятие, используемое в рамках теории психологического конструирования эмоций, под которым понимается элементарное эмоциональное состояние, включающее два измерения: валентность (удовольствие – неудовольствие) и активность (активность – пассивность) [2; 6].

Теория психологического конструирования эмоций отрицает существование эмоций как естественных феноменов [2; 3]. То, что принято называть эмоцией, в рамках данной теории представляется как сложный конструкт, состоящий, помимо базового аффекта, из целого ряда элементов, которые по-разному комбинируются в зависимости от ситуации.

Идея о базовом аффекте позволяет сгладить различия, связанные с языковыми и культурными особенностями индивидов, так как при его оценке используются более универсальные понятия [6]. При этом с помощью базового аффекта можно объяснять ситуации, когда источника эмоционального переживания либо нет вовсе, либо он трудноопределим.

Концепция базового аффекта Дж.А. Расселла подразумевает, что все окружающие нас объекты обладают аффективным качеством (affective quality) – способностью влиять на базовый аффект человека. Объектами могут быть любые материальные либо нематериальные объекты и явления вне и внутри человека. То, что принято считать эмоцией, по Расселлу, складывается из базового аффекта, восприятия аффективного качества объекта, атрибуции, оценки ситуации, поведенческой реакции, определения собственных ощущений и эмоциональной регуляции. Данные элементы могут действовать в разной последовательности и комбинироваться в различных сочетаниях [6]. Некоторые нейробиологические исследования также подтверждают существование базового аффекта [4; 7].

Дж.А. Расселл предложил круговую модель оценки базового аффекта [4], которая подразумевает, что его можно представить в виде точки на круге, разделенном на 8 секторов. Впоследствии

модель была усовершенствована с увеличением количества секторов до 12. Главные оси циркумплекса представлены параметрами «валентность» и «активность», а остальные соответствуют промежуточным градациям [8].

Нами для русского языка была адаптирована 12-секторная модель. Для оценки надежности – согласованности методики был использован коэффициент α Кронбаха для шкал методики. Валидность исследовалась с помощью пошагового регрессионного анализа, в котором зависимыми переменными выступили факторы трех других методик, оценивающих ситуативное эмоциональное состояние человека, независимыми выступили итоговые показатели методики базового аффекта: «активность» и «удовольствие». Для подтверждения того, что модель представляет собой циркумплекс, использовалась процедура многомерного шкалирования. Результаты психометрической проверки позволили сделать выводы о валидности и надежности адаптированного инструмента.

Литература

1. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 91–110.
2. *Barrett L.F.* Are emotions natural kinds? // *Perspectives on Psychological Science*. 2006. № 1. P. 28–58.
3. *Lindquist K.A., Barrett L.F.* Constructing emotion: The experience of fear as a conceptual act // *Psychological Science*. 2008. № 19 (9). P. 898–903.
4. *Posner J., Russell J.A., Peterson B.S.* The circumplex model of affect: An integrative approach to affective neuroscience, cognitive development, and psychopathology // *Development and Psychopathology*. 2005. № 17 (3). P. 715–734.
5. *Russell J.A.* A circumplex model of affect // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. № 39 (6). P. 1164–1178.
6. *Russell J.A.* Core affect and the psychological construction of emotion // *Psychological review*. 2003. № 110 (1). P. 145–72.
7. *Wilson-Mendenhall C.D., Barrett L.F., Barsalou L.W.* Neural evidence that human emotions share core affective properties // *Psychological Science*. 2013. № 24 (6). P. 947–956.
8. *Yik M., Russell J.A., Steiger J.H.* (2011). A 12-point circumplex structure of core affect // *Emotion*. 2011. № 11 (4). P. 705–731.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИЙ: ОТ РЕФЛЕКСИИ ЛИДЕРСТВА К ГЛУБИННЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

Миткевич Н.В.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Обосновывается эффективность применения комплексного психодинамического подхода в исследовании организаций и влияния лидерства на бессознательные процессы внутри организации.

Ключевые слова: организация, психоаналитический, конфликты, лидерство, нарциссизм, невротическая организация, социальные защиты.

Abstract. This article proves the effectiveness of an integrated psychodynamic approach in the study of organizations and shows an impact of leadership on the unconscious processes within the organization.

Keywords: organization, psychoanalysis, unconscious, conflict, leadership, narcissism, neurotic organization, social defenses.

Когда организации сталкиваются с проблемами дисфункционального лидерства, межличностных конфликтов, неэффективных командных процессов и аналогичными организационными явлениями, психоаналитический метод исследования способен помочь выявить смысл самых личных, эмоциональных переживаний. Применение клинической парадигмы дает понимание как сознательной рациональной, так и бессознательной иррациональной жизни организации и первоначальных причин, лежащих в основе поведения и деятельности руководства. Основные конфликтные темы отношений во внутреннем театре человека становятся паттернами, согласно которым он относится к другим. Люди приносят свои основные конфликтные темы отношений в контекст отношений на работе. Лидеры проигрывают свой внутренний театр на сцене организации.

Можно выделить пять доминирующих организационных констелляций, отличающихся своим организационным стилем, корпоративной культурой, стратегическим стилем, лидером и основной ведущей темой:

- ◆ драматическая/циклотимическая организация;
- ◆ подозрительная организация;
- ◆ компульсивная организация;
- ◆ отстраненная организация;
- ◆ депрессивная организация.

Анализ лидерства с точки зрения клинической парадигмы в совокупности с пониманием основ-

ных характеристик различных типов невротических организаций дают возможность для реализации долгосрочных конструктивных изменений в организациях.

Роль нарциссизма в формировании лидерства. Большая часть нарциссизма является необходимым условием для реализации лидерства. Выделяют два вида нарциссизма: конструктивный (при здоровом нарциссизме) и реактивный (от избытка нарциссизма). Важно исследовать природу нарциссизма, так как она напрямую влияет на вопросы отношения с подчиненными, власти, собственной значимости руководителя.

Ярость и агрессия у руководителя. Учитывая силу, которой обладают лидеры, последствия от их ярости для их непосредственного окружения могут быть разрушительными. Кроме того, такие вспышки гнева могут спровоцировать регрессию к более детскому поведению у подчиненных.

Необходимость осознания теневой стороны лидерства. Лидеры, которые имеют искаженное представление о реальности, могут использовать своих последователей для достижения узкой нарциссической цели, которая не идет на пользу ни организации, ни ее сотрудникам.

Феномены сговора и защитные реакции. «Идентификация с агрессором» как защита от тревог, связанных с агрессией. Чем сильнее действия лидера, тем агрессивнее должны становиться защиты, и, следовательно, тем более заманчиво

для членов организации, став частью системы, разделить силу агрессора. «Безумие на двоих» в крайних случаях может привести к саморазрушению лидера и к краху организации.

Базовые социальные защиты. Социальная защита – система отношений, отраженная в социальной структуре, построенной группой, чтобы помочь членам группы иметь дело с тревогой преследования и депрессивной тревогой. Организационное руководство должно заниматься тревогой, возникающей в рабочем контексте, иначе на рабочем месте будут преобладать базовые допущения.

Рассматривая лидерство и организацию в целом с точки зрения клинической парадигмы, понимая природу возникновения различных феноменов (по большей части относящихся к защитам и характеризующихся дисфункциональным поведением) и используя психоаналитические методы, консультанты могут способствовать

глубинным долгосрочным трансформациям у руководителей и решению глубинных проблем в масштабах всей организации.

Литература

1. *Bion W.R.* Experiences in groups and other papers. London: Tavistock Publications, 1961. [Reprinted London: Routledge, 1989; London: Brunner-Routledge, 2001.]
2. *Kets de Vries M.* Organizations on the Couch: A Clinical Perspective on Organizational Dynamics // *European Management Journal*. 2004. № 22 (2). P. 183–200.
3. *Kets de Vries M., Miller D.* The Neurotic Organization. San Francisco: Jossey-Bass, 1990.
4. *Kohut H.* The Analysis of the Self. International Universities Press, New York, 1971.
5. *Coaching in Depth. The Organizational Role Analysis Approach / J., Newton S. Long, B. Sievers (Eds.).* London: Karnac, 2006.

БИОНОВСКИЕ ГРУППЫ И ПРОТОМЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА В РАБОТАХ УИЛФРЕДА БИОНА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Михальченко Н.А.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлен анализ работ Уилфреда Биона и его последователей о групповых динамиках и сформулированных Бионом базовых допущениях. Рассмотрены дополнения к теории базовых допущений, предложенные последователями Уилфреда Биона несколько десятилетий спустя.

Ключевые слова: психоанализ, групповая динамика, базовые допущения, бессознательные допущения, протоментальная система.

Abstract. This article presents analysis of the Wilfred Bion and his disciples texts on group dynamics and of basic assumptions presented by Wilfred Bion. Additionally this article considers additions to the theory of basic assumptions, which were proposed by Wilfred Bion's disciples several decades after his work.

Keywords: psychoanalysis, group dynamics, basic assumptions, unconscious assumptions, proto-mental system.

Работа Уилфреда Биона «Опыт в группах» является знаменательной. Фактически она стала основополагающей точкой в осмыслении и концептуализации бессознательного функционирования человека в группе. Гипотезы, которые Блон сформулировал о ментальной активности членов группы, выдержали проверку временем.

Блон предположил, что группа является неотъемлемой частью для целостности человеческой ментальной жизни, и продолжил работу

через описание качественной составляющей групповых динамик, чтобы показать инстинктивную природу нужды группы в выживании. Блон ограничивает свой анализ эмоциональных паттернов вокруг базовых допущений, предполагая, что мотивацией для определенной культурной группы является нужда группы в выживании и что единственный путь, который позволяет членам группы обеспечить свое выживание, а также обрести чувство защиты и чувство принадлежности, – это поведение в соответствии с таковыми

базовыми допущениями. Таким образом, Бион расширил идею Фрейда о бессознательном и инстинктивном желании включить дополнительное измерение, в котором физическое, эмоциональное и социальное не могут быть разделены. Это является протоментальной матрицей, которая формируется из базовых допущений. Характер протоментальной системы заключается в том, что в ней невозможно разделить физическое и эмоциональное. Это две стороны одной и той же медали.

Одна из общих гипотез Биона состояла в том, что, когда группа людей встречается для того, чтобы что-то сделать, например выполнить какую-то задачу, есть две конфигурации ментальной активности, существующие одновременно. Есть так называемая идеальная рабочая группа, которая называется «W», но данная группа «постоянно подвергается влиянию, которое исходит из ментального феномена другой группы», которую Бион называл группой базового допущения (ba-группа).

Бион выделял три ba-группы. Члены группы вели себя так, «как будто» они разделяли друг с другом одно и то же молчаливое бессознательное допущение. Жизнь в ba-группе ориентирована на внутреннюю фантазию, а не на внешнюю реальность. В жизни группы участники колеблются между культурой W-группы и какой-либо из культур ba-группы. Каждый индивид имеет «валентность» к какой-либо ba-группе. Соответственно, три Бионовских группы – это:

- ◆ ba-зависимость (baD);
- ◆ ba-парность (baP);
- ◆ ba-бей – беги (baF/F).

В дополнение к данным группам Биона Turquet добавил четвертую группу с базовым допущением единства (baO). BaO включает в себя

ментальную активность, в которой «члены группы объединяются в единое целое, обладающее всемогущей, недостижимой силой, чтобы принимать пассивное участие и за счет этого чувствовать себя существующими, целостными и благополучными».

В противоположность единству Gordon Lawrence, предлагает другое базовое допущение группы, которое выделяет разделение, ненавидящее идею «мы».

BaM, согласно теории Gordon Lawrence, становится более распространенным в наших индустриализированных культурах. Исследователь выдвигает идею, что по мере того, как существование в современном турбулентном обществе становится все более рискованным, индивид вынужден все более углубляться в свою внутреннюю реальность, чтобы исключить и отрицать тревожащую реальность внешнего окружения.

Работы Уилфреда Биона и по сей день остаются отправной точкой для изучения групповых динамик. Сформулированные им базовые допущения находят не только теоретическое, но и практическое применение в современных психоаналитических практиках.

Литература

1. *Bion W.R. Experiences in Groups And Other Papers / London: Tavistock, 1961. P. 139–189.*
2. *Morgan-Jones R. The Work Group as an Object of Desire: The Embodiment of Protomental Life // Organizational & Social Dynamics. 2010. № 10 (1). P. 79–98.*
3. *Lawrence G.W., Blain A., Gould L. The Fifth basic assumption // Free Associations. 1996. Vol. 6. Part 1 (№ 37). P. 2855.*

ГРЕЗЫ О СПАСИТЕЛЬНОМ РАЕ: СЕПАРАЦИЯ С ПЕРВИЧНЫМ МАТЕРИНСКИМ ОБЪЕКТОМ

Михальченко Н.А.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлен анализ роли первичного материнского объекта в жизни каждого человека и его влияние на дальнейшие отношения в паре.

Ключевые слова: бессознательное, материнский объект, симбиоз, сепарация.

Abstract. This article presents analysis of primary maternal object role in life of every human and its influence on following relationships in couple.

Keywords: unconscious, maternal object, symbiosis, separation.

Все отношения, в которые мы вступаем в жизни, заканчиваются разрывом, отделением, сепарацией. Здесь я совсем не имею в виду развод. Что бы ни случилось, от потери отношений будут страдать оба человека, состоящие в паре. Или, если конкретизировать, они будут страдать от потери внешнего выражения их чувств – проявления заботы и доброты. Но, по сути, эти два человека будут страдать от потери связи с лучшей частью своего «Я». Человек постоянно стремится вернуться домой, воссоединиться со своим «Я», но вскоре снова покидает свой дом. Фактически мы живем бездомной жизнью, ведь у нас нет возможности вернуться в материнское чрево, хотя мы постоянно пытаемся сделать это в надежде, что нам поможет Другой – спасет нас, исцелит от наших детских травм. Часто мы вынашиваем фантазию своего собственного спасения за счет других. Поэтому здесь хотелось бы отметить, что качество наших отношений с другим человеком полностью зависит от того, как мы относимся к самому себе, и, чтобы улучшить отношения с Другим, необходимо максимально полно понять собственное отношение к самому себе.

Когда речь идет о паре, возникает сразу несколько вопросов: «Почему этот человек выбрал именно этого человека, чтобы создать с ним пару?» и «Что определяет наше бессознательное влечение, которое нас ведет к другому?»

Когда мы образуем пару, в основе этого всегда лежат бессознательные мотивы, ведь мы никогда не выбираем Другого случайно – это всегда одновременно и сознательный, и бессознательный выбор.

Желание вернуться домой, в материнское чрево в дальнейшем выражается в паре в желании, чтобы Другой меня нес в себе, как моя мать, когда была беременна мной. Это всегда вопрос первичных отношений с матерью, первичный симбиоз с ней. Иначе говоря, мы находим партнера, Другого, чтобы он заменил нам мать. Задача отношений состоит в том, чтобы найти эту бессознательную часть, которая все время зовет нас домой, и чтобы каждый стал мужчиной и женщиной, сняв с себя роли дочери и сына в этих отношениях, т.е. избавился от того бессознательного симбиоза с матерью, или с материнским чревом. Для этого нужно принять независимость от Другого, чтобы каждый мог восстанавливаться, исцеляться самостоятельно, не имея потребности в Другом.

Получается, что стать зрелым – это не отрицать желания слияния с материнским объектом, а скорее осознание того, что каждый в паре на самом деле ищет возможность этого слияния. Осознание достигается через потерю Другого, через понимание, что Другой – это действительно другой человек.

Литература

1. *Джонсон Р.А.* Мы. Глубинные аспекты романтической любви / пер. с англ. 2-е изд., стереотип. М.: Когито-Центр, 2009. 318 с.
2. *Кинодо Ж.-М.* Приручение одиночества. Сепарационная тревога в психоанализе / пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2008. 254 с.
3. *Холлис Д.* Грезы об Эдеме: В поисках доброго волшебника / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013. 222 с.

РАЗЛИЧИЕ ПОКОЛЕНИЙ X И Y В КОНТЕКСТЕ КАРЬЕРНОГО РАЗВИТИЯ

Никифорова А.А., бизнес-коуч, психолог

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента

Аннотация. Рассматривается теория поколений Нейла Хоува и Вильяма Штрауса, представлены различия в ценностных установках представителей поколений X и Y. Рассмотрено карьерное развитие как область изучения различий в ценностных ориентирах поколений X и Y.

Ключевые слова: теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса, поколение X, поколение Y, различие поколений, карьера, карьерное развитие.

Abstract. In the article the theory of generations of Neil Howe and William Strauss is considered, distinctions in value system of generations X and Y are presented. Career development as area of studying of values distinctions of X and Y generations.

Keywords: theory of generations of Neil Howe and William Strauss, distinction of generations, career, career development.

Проблема взаимодействия поколений людей всегда привлекала внимание человека. Это касается общественной мысли в целом, которая проявляла свой интерес посредством литературы, живописи, музыки и других изобразительных форм. Этот интерес также применим к отдельно взятому человеку, потому что каждый из нас хочет понять, как строить отношения со своими родителями и детьми, представителями разных поколений общества и отдельной семьи для того, чтобы быть счастливым самому и сделать счастливыми своих близких.

Теория поколений, созданная в 1991 г. американскими учеными Нейлом Хоувом и Вильямом Штраусом, объясняет различие в поколениях через различие ценностных ориентиров [3]. Сегодня эти знания применяются для повышения эффективности бизнеса и управления человеческим капиталом, маркетинговых проектов, стратегий и других бизнес-задач.

Что касается бизнес-контекста, тема взаимодействия разных поколений стоит достаточно остро. Зачастую работодатели сталкиваются с конфликтом поколений, когда представители поколения X, уже занявшие руководящие посты, отказываются принимать ценности поколения Y, считая их инфантильными и неаргументированными. Перед специалистами по управлению персоналом достаточно четко стоит задача выявить различия поколений, показать их людям и найти пути их взаимодействия через обучение, которое затем должно перейти в каждодневную практику [1].

Для того чтобы понять, в чем различия представителей поколений X и Y в организационном контексте, обратимся к теме их карьерного развития.

Карьерное развитие – это часть понятия карьеры, представляющей собой большую область изучения. Это динамический процесс, обусловленный совершенствованием профессиональных навыков и компетенций, а также это движение по иерархической организационной лестнице для реализации карьерных устремлений, желаний и амбиций.

Представители поколения X, которым сейчас от 30 до 50 лет, в своей общей массе уже успели реализоваться в своей карьере и, как правило, руководят младшим поколением. Для них характерно:

- ◆ формальные отношения. Они разделяют рабочую и личную жизнь. Они ценят уважение к их экспертной позиции, зачастую они жалуются, что им не хватает этого уважения от «игреков» [4];

- ◆ самостоятельность. Они взрослые люди, сформировавшие не только свою мировоззренческую картину, но и добившиеся материальной стабильности. Но эта самостоятельность, на наш взгляд, обусловлена также условиями их рождения и личностного формирования. С детства они были самостоятельны, многое им приходилось делать собственными усилиями: учиться в школе, институте, управляться с бытом [3];

- ◆ одной из ключевых характеристик, которые они проявляют в карьере, является то, что им необходим выбор. Выбор для них ценная категория, так как в процессе своего становления они были лишены выбора вследствие изменения социально-экономической жизни нашей страны [3];

- ◆ редко меняют место работы. Зачастую они начали свою карьеру в компании, в которой продолжают работать до сих пор. А если и меняли место работы, то смена происходила не часто.

Представители поколения Y, которые либо закончили вузы и обладают небольшим опытом к настоящему моменту, либо заканчивают и только выходят на работу, характеризуются следующим:

- ◆ приоритет к усложнению содержания работы, а не просто повышению зарплаты. Им важно нести большую ответственность, решать сложные и интересные задачи [4];

- ◆ стремление к самореализации не только в работе (социальная активность, хобби, микропредпринимательство и т.д.). Отсюда ориентация на гибкий график работы, который позволит совмещать все активности;

- ◆ желание получать обратную связь по результатам своей работы. Это придает им большую уверенность в ситуации недостатка профессионального опыта [3];

- ◆ важность корпоративной культуры, «атмосферы» в компании. Молодые люди стремятся найти «свою компанию», в которой им будет комфортно и интересно работать, где их будут окружать близкие по духу люди [2];

- ◆ открытость в коммуникациях. Для поколения Y абсолютно нет сложностей в том, чтобы подойти к CEO и задать свой вопрос. Они уважают, а не боятся своего руководителя, поэтому если они обращаются с вопросом, значит, им важно мнение этого человека.

Ценности обоих поколений были сформированы в разных исторических и социально-экономических условиях, что и является объяснением описанных выше различий. В этом контексте очень важно наладить диалог между поколениями не только для понимания другого

поколения, но и для лучшего понимания ценностей своего поколения.

Литература

1. *Грошева Б.* Управление персоналом: сотрудники поколения Y. М.: Академический проект, 2014. 156 с.

2. *Манасерян В.* Миллениумы – поколение нарциссов. СПб.: Питер, 2014. 114 с.

3. *Howe N.* Generation in Pursuit of the American dream: born to be better off than your parents. NY: Saeculum research, 2014. 30 p.

4. HR Times Ecopsy. № 26. М.: Экспиконсалтинг, 2014. 27 с.

НЕЙТРАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ В КОУЧИНГЕ

Россохин А.В., профессор, доктор психологических наук, руководитель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Профессиональное коучинговое «Я» зарождается во внутреннем мире коуча и постепенно развивается путем множественных идентификаций с функциями профессиональных коучинговых «Я» преподавателей и супервизоров в ходе специальным образом организованного длительного образовательного процесса, включающего в себя непрерывное участие в еженедельных супервизиях.

Ключевые слова: психоанализ, коучинг, психоаналитический коучинг, личность.

Abstract. Individual mastery of key competencies allows the coach to find a stable coaching identity that nevertheless requires constant further development. This article argues that this identity is characterized by the fact that a consultant acquires a strong and mature a competent coaching Self that allows him or her to not only be truly open to his or her feelings and defenses, but also to experiences and resistances of the client.

Keywords: psychoanalysis, coaching, psychoanalytical coaching, personality.

Часто в коучинге мы привыкли оперировать понятием «коучинговая позиция», но по какой-то причине не задаемся вопросом: позиция кого? Кто занимает эту позицию и делает ее профессиональной? Использование термина «коучинговая позиция» позволяет нам избежать столкновения с психологией, личностью, эмоциями и внутренним миром того самого человека, чье профессиональное коучинговое «Я» как раз и занимает эту самую позицию и определяет ее границы в каждой коучинговой сессии. Однако если мы начнем говорить о личности коуча, тогда мы не сможем игнорировать трудные аспекты эмоционально заряженного взаимовлияния коуча и клиента друг на друга. Что тогда делать с «нейтральностью» коучинговой позиции, запретом на привнесение чего-либо своего в коучинговый процесс, формулой «подумать об коуча»?

Интересно, что психоанализ столкнулся с этой проблемой еще на самой заре своего развития, более 100 лет назад. У З. Фрейда тогда была идея разработать предельно объективный метод работы с другим человеком, при котором психоаналитик не привносил бы ничего своего субъективного в психоаналитический процесс. Именно тогда и по-

явилась метафора зеркала. Психоаналитик должен был занять позицию зеркала и только отражать то, что ему говорит пациент. Можно было бы сказать, что Фрейд предлагал «думать об зеркало».

Если клиент «думает об коуча», то коуч в таком случае из субъекта взаимодействия превращается в объект (сравните с зеркалом). Но тогда, чем мы отличаемся от аппарата биологически-обратной связи, «об который» человек может натренировать определенный навык? Вне всякого сомнения, такой коучинг также необходим и важен. Но все-таки есть много еще чего существенного.

Одним из критериев приближения к истинному запросу клиента является неизбежное, возможно, еле заметное возрастание его тревоги, пристрастности, усиление эмоционального фона сессии коучинга. Нейтральность позиции коуча не означает бесчувственности. Клиенты неосознанно выбивают нас из нашей зоны комфорта. Воспринимаем ли мы это как ограничение коучинга, или способны увидеть в этом его ресурс? Работать с истинным запросом означает принять вызов настоящего со всем его эмоциональным напряжением. То, что меня особо не волнует, вряд ли является моим истинным запросом.

Мы видим, насколько сложной является важнейшая компетентность коуча – способность сохранять нейтральную позицию. Нейтральность позиции может быть достаточно легко достигнута за счет включения собственных защитных механизмов коуча (то, что в психоанализе называется контрпереносом). Подобная потеря чувствительности, в свою очередь, не позволит ему реализовать другие свои компетенции: блокирует активное слушание, приведет к нарушению коучинговой позиции, создаст условия не для расширения осознания клиентом своих ограничений и ресурсов, а для его избегания.

Означает ли это неудачу коуча? Да, при условии, если коуч во многих случаях совершенно неосознанно пойдет на поводу у своих защитных психических механизмов (особенно, если он не имеет в отношении них никакого представления, знания, опыта). Нет, если обученный коучинговой рефлексии специалист окажется способен к коучинговому разделению «Я» на рефлексивное коучинговое «Я» и то самое «Я» (защитное «Я»), которое захвачено защитными механизмами, или (в других случаях) эмоциями, тревогой, возбуждением (эмпатическое «Я»).

Подобное разделение позволит его профессиональному коучинговому «Я», которое играет в этой ситуации интегративную роль Третьего, не идентифицироваться целиком ни с первым, ни со вторым «Я», но установить между ними продуктивное взаимодействие – диалог. Другими словами, он становится способным к самостоятельной проработке своего сопротивления работе коучинга в случае активизации защит и переходу от бесчувственной нейтральной позиции к позиции реального активного открытого слушания клиента. В случае возникновения эмоциональных переживаний, захватывающих «Я» в свои сети, профессиональное коучинговое «Я» продолжает сохранять фокус внимания на запросе клиента

и исследовать его с учетом своих эмоциональных реакций, как правило, являющихся лакмусовой бумажкой, помогающей прояснить имеющие отношения к запросу скрытые ограничения и ресурсы клиента.

Многолетний опыт проведения супервизии убеждает меня в том, что нет и не может быть правильной и устойчивой коучинговой позиции. Она может быть такой только в одном случае – если она ригидна. Позиция по-настоящему активного слушания неизбежно включает эмпатию или защиту от нее. И в том и в другом случае это часто совершенно незаметно для нас самих нарушает нашу «нейтральность», иногда способствуя работе коучинга, иногда препятствуя ей.

Что же тогда регулирует, например, процесс сохранения коучинговой позиции, а точнее ее постоянную потерю и новое обретение? Как можно немного терять идентичность и вновь находить ее, не заблудившись при этом и, напротив, использовать эту потерю как ресурс для слушания клиента и помощи ему? Без устойчивого профессионального коучингового «Я» это практически невозможно.

Профессиональное коучинговое «Я» зарождается во внутреннем мире коуча и постепенно развивается путем множественных идентификаций с функциями профессиональных коучинговых «Я» преподавателей и супервизоров в ходе специальным образом организованного длительного образовательного процесса, включающего в себя непрерывное участие в еженедельных супервизиях. В ходе последних рефлексивная способность смотреть на себя со стороны, сохранять устойчивый фокус на запросе клиента и переводить новое понимание в реальность действий как раз и зарождается, развивается и крепнет. В какой-то момент мы постепенно осознаем и чувствуем, что у нас появилась новая профессиональная идентичность – коучинговая.

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО УЧЕБНОГО СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ)

Семёнов Е. С.

Аннотация. В работе рассмотрена проблема оптимального учебного состояния. Модифицирована методика формирования данного состояния.

Ключевые слова: психические состояния, оптимальное учебное состояние, оптимальное боевое состояние, учебная деятельность, ауто-гипно-идеомоторная тренировка.

Abstract. This memoir improve problem of optimal learning state. Method of formation of the state modified.

Keywords: mental states, optimal learning state, learning activities, optimal martial state, auto-hypno-ideo-motor training.

Далеко не всегда студенты во время занятий находятся в оптимальном для учебной деятельности состоянии (внимательности, активности, восприимчивости, готовности, творческой, осмысленности и т.д.). При этом студенты отмечают, что хотели бы уметь самостоятельно входить в требуемое для учебы состояние, чтобы повысить свою эффективность.

Объект исследования – познавательная деятельность человека.

Предмет исследования – оптимальное учебное состояние студентов.

Цель исследования – формирование оптимального учебного состояния.

Гипотеза исследования – применение модифицированного нами метода ауто-гипно-идеомоторной тренировки позволит изменить характеристики внимания, повысив эффективность когнитивной деятельности.

Теоретическая часть. Наибольшее значение для нашей работы имеет концепция формирования оптимального боевого состояния А.В. Алексеева и разработанный им метод саморегуляции – ауто-гипно-идеомоторная тренировка [1].

Эмпирическая часть. Цель данного этапа – проверить работоспособность метода саморегуляции, модифицированного с помощью выявленных характеристик оптимального учебного состояния. Методом сбора данных выступил формирующий эксперимент.

Для формирующего эксперимента была определена зависимая переменная – эффективность когнитивной деятельности (эффективность решения экспериментальной задачи с таблицами Шульте), показателями которой являются скорость выполнения действия и его качество (измеряем по числу ошибок).

Контролируемые переменные: возраст и пол испытуемых, время проведения эксперимента.

Результаты. На первом этапе предъявлялись 5 разных таблиц Шульте и фиксировалась скорость выполнения работы как в контрольной, так и в экспериментальной группе.

После этого происходило формирование оптимального учебного состояния в экспериментальной группе. Контрольной группе давалось 5 минут отдыха, которые фиксировались экспериментатором. Примерно столько же времени занимало формирование оптимального учебного состояния.

После формирования состояния проходил второй этап работы с программой. Также предъявлялись 5 разных таблиц Шульте, фиксировалась скорость их выполнения.

Результаты обработаны с помощью статистического пакета Statistica 8.0. На первом этапе с помощью U-критерия Манна – Уитни мы сравнили различия в скорости выполнения таблиц между контрольной и экспериментальной группами. Было выявлено, что различия незначимы, т.е. участники контрольной и экспериментальной групп выполняли задание, словно одна группа.

После этого сравнили различия в скорости выполнения на втором этапе с помощью U-критерия Манна – Уитни. Было выявлено, что (в отличие от первого этапа) различия в результативности когнитивной деятельности значимы.

Критерием Уилкоксона мы оценили значимость прироста скорости в контрольной группе, и он оказался значим, что говорит о том, что люди освоились с программой и вторую серию предъявлений выполняют статистически значимо быстрее, т.е. присутствует эффект научения. Прирост скорости в контрольной группе в среднем составил 3,5 %.

Критерием Уилкоксона мы оценили значимость прироста скорости в экспериментальной группе, и он тоже значим. В среднем прирост скорости у экспериментальной группы составил 8 %.

Зная точное значение эффекта научения в контрольной группе, мы можем вычесть его из значения прироста скорости в экспериментальной группе и получаем значение прироста скорости от метода саморегуляции. Он составил 4,5 %.

Выводы:

- ◆ впервые выявлены характеристики оптимального учебного состояния, используя которые, студенты могут сформировать у себя данное состояние;
- ◆ экспериментально установлено, что использование модифицированного метода ауто-гипно-идеомоторной тренировки для целей создания оптимального учебного состояния позволяет повысить эффективность когнитивной деятельности. Повышается скорость выполнения задачи примерно на 7 % с сохранением качества работы;
- ◆ использование модифицированного метода ауто-гипно-идеомоторной тренировки позво-

ляет вызвать у себя состояния бодрости, радости, легкого возбуждения и другие состояния с положительной модальностью. Именно так описывали свое состояние студенты, на которых был опробован данный метод;

- ◆ экспериментально установлено, что метод аутогипно-идеомоторной тренировки работает даже без индивидуализации формул самовнушения. Это значит, что в дальнейшем любой студент может привести имеющиеся формулировки в наиболее удобный для себя вид, тем самым еще более повысив эффективность метода саморегуляции.

Литература

1. *Алексеев А.В.* Преодолей себя! Психическая подготовка в спорте. Феникс, 2006. С. 352.
2. *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.
3. *Прохоров А.О.* Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.
4. *Прохоров А.О.* Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН». 1998. 152 с.
5. *Чиксентмихайи М.* Поток. Психология оптимального переживания. М., 2011. 1123 с.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОПТИМАЛЬНОГО УЧЕБНОГО СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ- ПСИХОЛОГОВ)

Семёнов Е.С.

Аннотация. Рассмотрена проблема оптимального учебного состояния. С помощью метода структурированного интервью впервые выявлены характеристики данного состояния.

Ключевые слова: психические состояния, оптимальное учебное состояние, учебная деятельность.

Abstract. This memoir improve problem of optimal learning state. Methods of structured interview allowed reveal characteristics of optimal learning state.

Keywords: mental states, optimal learning state, learning activities.

Далеко не всегда студенты во время занятий находятся в оптимальном для учебной деятельности состоянии (внимательности, активности, восприимчивости, готовности, творческой, осмысленности, и т.д.). При этом студенты отмечают, что хотели бы уметь самостоятельно входить в требуемое для учебы состояние, чтобы повысить свою эффективность.

Несмотря на большое количество исследований, связанных с учебной деятельностью, психическими состояниями и методами саморегуляции, до сих пор остаются неописанными характеристики оптимального учебного состояния. Это не позволяет применять данные методы для целей оптимизации психического состояния студентов.

Объект исследования – познавательная деятельность человека.

Предмет исследования – оптимальное учебное состояние студентов.

Цель исследования – выявление общих характеристик оптимального учебного состояния студентов.

Теоретическая часть. Исследование опирается на методологию преобразующей парадигмы, существующие концепции описания психических состояний и управления ими.

Для определения специфических характеристик оптимального учебного состояния студентов был использован метод структурированного интервью.

План интервью был создан, опираясь на концепцию оптимального боевого состояния (А.В. Алексеев, 2006), согласно которой, оптимальное состояние описывается с помощью трех разделов: «физический компонент», «эмоциональный компонент» и «когнитивный компонент». В данном случае в разделе «физический компонент» описывается то, что происходит с телом в момент нахождения в оптимальном учебном состоянии; в разделе «эмоциональный компонент» описываются эмоции, чувства, настроение, возбужденность; в разделе «когнитивный компонент» описываются мысли, мыслительные операции, мысленный план действий и направленность нашей мысли.

Таблица 1

Компоненты и характеристики оптимального состояния

Компоненты оптимального состояния	Выделенные характеристики
Физический компонент	Мышцы слегка напряжены
	Сердцебиение слегка ускоренное/учащенное
Эмоциональный компонент	Легкая радость
	Сосредоточенность/концентрация на предмете
Когнитивный компонент	Мысли о предмете
	Задачи/трудности решаю легко
	Эффективен(а)
	Вижу несколько вариантов решения

Получен следующий план интервью.

Цель интервью – сбор информации у студентов об их оптимальном учебном состоянии. Во время интервью участников просили описать свое оптимальное рабочее состояние в процессе обучения.

Инструкция: прошу вас вспомнить ситуацию в учебе, когда вы чувствовали себя наиболее эффективным(ой). Новая информация усваивалась очень легко, воспроизводилась без затруднений.

Опишите то состояние, в котором вы находились.

Какие у вас ощущения? Были ли у вас особые ощущения в руках, груди или ногах? Как часто билось ваше сердце? Что происходило с вашими мышцами в этот момент?

Что вы чувствуете? Какое у вас эмоциональное состояние? Какое настроение? Попробуйте описать одним словом ваше эмоциональное состояние, в котором вы находились тогда. Насколько сильно вы сосредоточены на том, что делаете? Отвлекаетесь ли вы на другие дела?

О чем вы думаете в этот момент? Каков ход ваших мыслей? Быстро ли вы находите решение появившейся задачи? Как вы справлялись

с трудностями, которые возникали? Как вы себя оценивали в этот момент?

Есть ли еще что-то особенное в том состоянии, о котором мы сейчас говорили?

Дополнительные вопросы: Как бы еще вы описали состояние, в котором находитесь? Какой является ваша мыслительная деятельность, когда вы находитесь в этом состоянии?

В результате получены следующие характеристики (табл. 1).

Полученные характеристики были использованы в формирующем этапе эксперимента.

Литература

6. Алексеев А.В. Преодолей себя! Психическая подготовка в спорте. М.: Феникс, 2006. С. 352.
7. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.
8. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.
9. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. 152 с.
10. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. М., 2011. 1123 с.

МЕТАПСИХОЛОГИЯ АФФЕКТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Соломина Н.Ю.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается взгляд французской психоаналитической школы на аффект и соматическую регрессию в исторической перспективе. При достаточной способности к ментализации, по Марти, когда психическая переработка травмы и связанных с ней аффектов возможна, человек останется здоровым или может произойти легкая соматическая обратимая регрессия. При недостаточной способности к ментализации и (или) сильном переполнении при травме мо-

жет возникнуть прогрессивная дезорганизация, стирающая психическую продукцию и ведущая к тяжелым и смертельным заболеваниям.

Ключевые слова: психоанализ, метапсихология, психосоматика, соматизация, ментализация, негативация.

Abstract. This article discusses the psychoanalytic view of the French psychoanalytic school on affect and somatic regression in a historical perspective. With sufficient capacity for metallization (Marty), when the mental processing of trauma and its associated affects is possible, people will remain healthy or a mild reversible somatic regression may occur. In case of insufficient capacity for metallization and (or) in case of a severe overcrowding after a trauma there may be a progressive disorganization, of erasing mental products and leading to serious and fatal diseases.

Keywords: psychoanalysis, metapsychology, psychosomatics, somatization, metallization, negativation.

В концепции Фрейда структура аффекта является сомато-психической [1]. Два полюса этой структуры, один соматический и другой психический, можно рассматривать как два направления аффекта, один в результате ее интеграции в психические образования и другой в результате его трансформации в различные соматические режимы функционирования. Фактором, который будет играть важную роль в выборе движения аффекта в направлении одного из полюсов, является качество структуры Эго или психическое функционирование.

Первая топика Фрейда устанавливает концепцию аффекта, в которой он может противостоять репрезентации. Аффект может пойти по трем различным путям: быть подавлен, трансформирован в тревогу или в другой аффект.

Во второй топике новая метапсихологическая концепция аффекта была усилена Фрейдом. Он уже не рассматривает аффект в качестве оппозиции репрезентации, но видит его как второй элемент, проистекающий из начального статуса влечений, как психическую репрезентацию влечений.

Грин ясно показал в работе «Дискриминация и недискриминация между аффектом и репрезентацией» [4], что в контексте второй топики аффект и репрезентация могут быть недифференцированными в начале психической жизни, что обосновывает теоретический подход к самым тяжелым формам психосоматических болезней.

Понятие прогрессивной дезорганизации, созданное Марти в 1967 г., это масштабное движение со стиранием всех форм психических образований. И аффекты, и репрезентации проходят одинаковый процесс, процесс радикальной негативации. Таким образом, для Марти психосоматический праксис делится на два процесса соматизации, которые связаны с двумя различными уровнями ментального функционирования. В последней работе «Ментализация и психосоматика», которую он опубликовал в 1991 г., он определяет эти два уровня. Первый уровень возникает, когда возбуждение влечений выражено на среднем

уровне и не накапливается, а ментализация развития достаточно хорошо, тут отмечается самое начало соматических поражений, которое в большинстве случаев обратимо. В том случае, когда возбуждения инстинктов и влечений оказываются сильными и накапливаются и когда ментализация, наоборот, бедна, существует риск начала прогрессивных и тяжелых соматических поражений. Таким образом, процесс соматизации посредством регрессии контрастирует с процессом соматизации посредством прогрессивной дезорганизации [3].

Идентификация качества тревоги у пациента представляет регрессивный соматический аффект, а также оценку его характера во время спонтанной реорганизации или при психотерапевтическом лечении и имеет кардинальное значение в психосоматической практике [2].

Особенностью этого процесса является то, что соматизация развивается у субъектов, регрессивная способность которых временно или хронически недостаточна, как и способность к ментализации и символизации. Для них Марти разработал понятие нерегулярного психического функционирования. Это касается внезапных переходов этих пациентов из форм функционирования, использующих психическую проработку, к другим видам функционирования, таким как характеропатические, поведенческие, или соматические.

Марти рекомендует проводить лечение специально тренированным психоаналитикам. Это требование связано с наблюдением, что начало и развитие соматических болезней регулярно бывает вызвано временным или постоянным психическим дефицитом [6].

Именно поэтому Марти настаивает на важности выявления и наблюдения психических факторов, которые генерируют или поддерживают соматическую дезорганизацию. Таким образом, целью лечения психосоматических заболеваний является помощь пациенту в создании или восстановлении оптимального уровня психического функционирования. В неопубликованном тексте 1988 г. он

определяет терапевтическое отношение по формуле: «от материнской функции к психоанализу». Брауншвейг [3] предложил метапсихологический анализ этой материнской функции терапевта, который четко знает, что поставлено на карту. Эта работа, таким образом, имеет целью увеличение поля динамического бессознательного.

Литература

1. Фрейд З. Собр. соч. в 26 т. Т. 1. Исследования истерии / пер. С.С. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2005.
2. Смаджа К. Опературная жизнь. М., 2014. 255 с.

3. Braunschweig D. Les implications techniques de la théorie en psychosomatique // Revue Française de Psychosomatique. 1993. № 3. P. 144–160.

4. Green A. Sur la discrimination et l'indiscrimination affect-représentation // Revue française de psychanalyse. 1999. № 63 (1).

5. Marty P. Regression et Instinct de Mort. Hypothese a propos de l'observation psychosomatique. Revue française de psychanalyse, 1967. № 31 (5–6). P. 1113–1133.

6. Marty P. Mentalisation et psychosomatique [Mentalization and Psychosomatics]. Paris: Synthélabo. Coll. Empêcheurs de tourner en rond? 1991.

ПРАКТИКА ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОСОМАТИКИ

Соломина Н.Ю.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается взгляд французской психоаналитической школы на методы работы с психосоматическими пациентами. Авторы настаивают на том, что такая работа должна производиться специально подготовленными психосоматиками, т.е. психоаналитиками, получившими дополнительную подготовку.

Ключевые слова: психоанализ, психосоматика, соматизация, ментализация, эссенциальная депрессия, опературное функционирование.

Abstract. The paper considers the views of the French psychoanalytic school in the methods of work with psychosomatic patients. The authors insist that such work should be done by specially trained Psychosomatics, i.e. psychoanalysts who have received additional training.

Keywords: psychoanalysis, psychosomatics, somatization, metallization, essential depression, mechanical functioning.

По мнению психоаналитиков из парижского Института психосоматики, созданного П. Марти в 1972 г., психотерапевтическое лечение больных с соматической болезнью следует проводить психоаналитикам с теоретической и клинической психоаналитической подготовкой, которые также получили глубокую подготовку в области психосоматики. Это лечение должно рассматриваться как дополнение к традиционной медицинской и хирургической помощи, и цель его – найти оптимальный уровень психического функционирования пациента. Место, где проводится психосоматическая психотерапия, должно быть отделено от места, где пациент получает традиционную медицинскую помощь. Отдельность места должна позволить пациенту инвестировать свое психическое функционирование в новые терапевтические отношения. Таким образом, пси-

хосоматическая терапия может происходить либо в институте психоанализа и психосоматики, либо в больнице Пьер-Марти Парижского института психосоматики, либо в кабинете психоаналитического психосоматика [4].

Выбор рамок имеет большое значение из-за, как правило, хрупкого психического, а также соматического функционирования пациентов. Когда мы работаем с пациентами, которые обращаются с незначительными и потенциально обратимыми соматическими кризисами, и теми, чье психическое функционирование близко к нормально-невротическому, может быть пригоден выбор кушетки для классического психоаналитического лечения и трех сессий в неделю. С другой стороны, когда мы имеем дело с пациентами, которые обращаются с серьезным и прогрессирующим соматическим заболеванием, психическое функционирование которых регулируется нар-

цисической неполноценностью и большими или меньшими участками оперативного функционирования, выбор кадра должен быть сидя и лицом к лицу с частотой от одного до трех сеансов в неделю. Эта частота должна зависеть от способности пациента переносить источник возбуждения, который представлен присутствием психоаналитика, сидящего напротив. Выбор психоаналитика здесь должен руководствоваться правилом «не слишком много, не слишком мало». Во всех случаях живое наличие психоаналитика на сеансах представляет бесценную нарциссическую поддержку для пациента, без которой психическая реорганизация невозможна или непродолжительна.

Интерпретационная активность психоаналитика должна постоянно изменяться и адаптироваться к различным уровням психического функционирования пациента, в то же время следует держаться максимально возможной с учетом болезни и характеристик ее прогресса. Пьером Марти изложен ориентир в качестве основы с указанием гаммы возможностей в области интерпретирующей активности: «от материнской функции к психоанализу».

Материнская функция терапевта коренится в способности психоаналитика к нарциссической и первичной идентификации с пациентом, которая сопровождает все психические движения пациента. Она направлена на создание или восстановление защитного щита против возбуждения, когда он отсутствует у пациента, или же, с другой стороны, чтобы ввести новые источники возбуждения, когда они отсутствуют, особенно в случаях эссенциальной депрессии [2]. Когда начинается последняя, материнская функция нужна, чтобы ее рассеять, а как только психическая реорганизация пойдет полным ходом, психоаналитик может уменьшить свою материнскую активность и принять классическое психоаналитическое положение.

Во всех случаях дело в том, чтобы сохранить живые психотерапевтические отношения, которые обеспечивают нарциссическую и мазохистскую реорганизации пациента.

Сложные проблемы в случае соматических больных часто вызывает прекращение лечения. Для некоторых пациентов можно думать о закономерном уменьшении частоты сессий до окончания с постепенным разрывом между психоаналитиком и пациентом. Для других пациентов, напротив, мы должны смириться с продолжением лечения на неопределенный срок [5].

На самом деле, даже если психическое и соматическое состояние пациента стабилизировалось, не редкость, когда при прерывании лечения болезнь прогрессирует до потенциально смертельного исхода. Как бы то ни было, нет системы, которая подходит для всей группы пациентов, и это указание для психоаналитического психосоматика использовать весь спектр своих личных и психоаналитических возможностей по оказанию помощи пациенту к жизни в наилучших условиях.

Литература

1. *Фрейд З.* Собр. соч. в 26 т. Т. 1. Исследования истерии / пер. С.С. Панкова. СПб.: ВЕИП, 2005.
2. *Смаджа К.* Оперативная жизнь. М., 2014. 255 с.
3. *Green A.* Sur la discrimination et l'indiscrimination affect-representation // *Revue française de psychanalyse.* 1999. № 63 (1).
4. *Marty P.* Regression et Instinct de Mort. Hypothese a propos de l'observation psychosomatique. *Revue française de psychanalyse.* 1967. № 31 (5-6). P. 1113-1133.
5. *Marty P.* Mentalisation et psychosomatique [Mentalization and Psychosomatics]. Paris: Synthélabo. Coll. Empêcheurs de tourner en rond? 1991.

ОТВЕТЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО КОУЧИНГА НА ВЫЗОВЫ ПОСТОЯННО МЕНЯЮЩЕЙСЯ БИЗНЕС-СРЕДЫ

Стависский М. Ю.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются агрессивные вызовы внешней среды в модели VUCA и использование инструментов психоаналитически ориентированного коучинга на эти вызовы. Подчерки-

важется важность управления эмоциональной сферой, управление изменениями, осознанностью и осмысленностью в компаниях.

Ключевые слова: психоаналитический коучинг, модель VUCA, неопределенность, сложность, двусмысленность, изменчивость, видение, понимание, прояснение.

Abstract. «Answers of psychoanalytic coaching on the challenges of a constantly changing business environment». Aggressive challenges of the external environment in the VUCA model and the use of tools psychoanalytically oriented coaching to these challenges are discussed in this article. Discusses the importance of emotional sphere management, change management, awareness and meaningfulness in Companies.

Keywords: psychoanalytic coaching, VUCA model, uncertainty, complexity, ambiguity, volatility, vision, understanding, clarity.

В ситуации кризиса и неопределенности компании начинают оптимизировать бюджеты, в том числе и те, которые были предусмотрены на развитие и обучение персонала. Такая практика ведет к парадоксальной ситуации: когда компании, свернувшие у себя расходы на обучение и коучинг, становятся добычей для конкурентов, готовых вкладываться в развитие своего персонала. Первое, что надо сделать при наступлении кризисной ситуации, – выделить тех руководителей и специалистов, без успешной работы которых компания будет терять свою устойчивость и конкурентоспособность, и активно заниматься с ними. Второе – определить, что волнует людей в текущей ситуации, какие вызовы перед ними стоят, а затем решить, какими методами в этих условиях компания может помочь своим ключевым сотрудникам чувствовать себя уверенно и ресурсно.

Сегодня специалисты, составляющие ресурсный потенциал компании, не готовы работать только ради обеспечения комфортного уровня доходов. Когда рушатся устоявшиеся стереотипы, ситуация в бизнесе меняется ежедневно, людям нужно эмоциональное удовлетворение. Его можно назвать счастьем, как бы не казалось это слово лишним для бизнес-лексикона, именно его сейчас ищут многие руководители. Основным способом обеспечить эффективную работу компании становится демонстрация сотрудникам стратегии, согласно которой компания готова вкладываться в их рост и развитие, проявлять уважение, вовлечение в бизнес. Известная пирамида Маслоу подвергается трансформации – сотрудники не только сохраняют потребности высшего уровня, но и в условиях стресса и эмоционального напряжения, вызванного неопределенностью и неуверенностью, нуждаются в удовлетворении эмоциональных запросов.

Последнее десятилетие журнал «Time» назвал «Декада из Ада» из-за его хаотичности. Бизнес не может предвидеть и управлять изменчивостью и скоростью изменений. Ставшая известной мо-

дель VUCA описывает состояние волатильности и хаотичности бизнеса, экономики, которое мы сейчас наблюдаем. Хаос стал новым перманентным состоянием среды. Как писали древние китайские полководцы, проблема командования в ситуации хаоса – создание четкой организации, контролирующей главный элемент войска – дух. Если физическое или моральное состояние притупили дух, люди утратили стимулы, армия будет разбита. Так и в бизнесе – только те компании останутся на плаву, сотрудники которых крепки духом и сильны эмоционально.

Внешняя среда сегодня агрессивна и готовит следующие вызовы бизнесу:

- ◆ volatility (изменчивость, нестабильность, неустойчивость) – ситуация меняется быстро и непредсказуемо, на основе этих изменений нельзя предсказывать будущую ситуацию, экстраполировать, планировать;
- ◆ uncertainty (неопределенность) – прошлое сегодня не является предсказателем будущего. Каждый день психика человека оказывается один на один с вызовами внешней среды;
- ◆ complexity (сложность) – множество сложных и несвязанных причин и факторов приводят к невозможности планирования, затруднению прогнозирования и бюджетирования, потере управляемости;
- ◆ ambiguous (неясность, двусмысленность) – становится сложно ответить на вопросы «кто, что, когда и почему?».

Изменчивость среды приводит к главному фокусу в компаниях – управлению изменениями в двух аспектах:

- ◆ как структурный подход к переводу компаний и команд из текущего состояния в желаемое будущее состояние. Целью этого организационного процесса является расширение прав и возможностей сотрудников принять и поддержать процесс постоянных изменений;
- ◆ как управление процессом изменения, управление изменением самого субъекта управления (привычками, состоянием, сущностью).

Почти все в современной системе HR-управления создавалось под более предсказуемые условия и времена. В хаотичной среде VUCA многое из созданного ранее в практиках обучения и развития не работает. Скорость, динамика, размер изменений стали влиять на бизнес разрушительно. Используя инструменты коучинга и организационного консультирования, компании сегодня делают акцент на новых составляющих бизнес-успеха: гибких, быстрых сотрудниках, способных действовать в непредсказуемых ситуациях, гибких и подвижных процессах, самоустаревании процессов, развитии креатива и умения решать непредвиденные проблемы, быстром избавлении от лишних компетенций и уровней управления, гибких должностных инструкциях, использовании аутсорсинга для удовлетворения неожиданных потребностей и готовности к волатильности рынка. Все эти вопросы сегодня остро встают как перед руководителем, так и перед коучем, консультантом, но зачастую не получают ответов. Возможно, искать их следует в непривычном для многих руководителей и организационных консультантов направлении – в психоаналитическом коучинге, который ставит своей задачей создание такой корпоративной культуры, которая способствует не только профессиональному, но и личностному развитию сотрудников и поощряет их к разнообразным эмоционально-смысловым инвестициям в компаниях. Приняв во внимание эмоциональные запросы и влечения сотрудников, можно достичь их вовлечения в бизнес-процессы. Когда сотрудники ощущают, что компания относится к ним не как к объектам, а как к развивающимся личностям, они начинают внутренне и внешне открываться, обретают смысл своей работы, обретают то самое счастье и удовольствие от работы. Внешний контроль постепенно уступает место самоконтролю. Инвестиции компании в сотрудника как в личность – основа новой корпоративной культуры. Такая культура приведет не только к повышению результативности, эффективности, но и к активизации коллективных ресурсов в компаниях, бывших ранее скрытыми и неосознанными. Конечно, такие процессы не могут проходить без сопротивления. Ведь любые изменения для человека, для бизнеса – это потенциальная опасность. Технологии понимания, проработки и преодоления сопротивлений изменениям, разработанные в психоаналитическом коучинге, помогают достигать глубинных, устойчивых результатов. Еще одной задачей психоаналитически ориентированного коуча, консультанта является помощь бизнесу в создании условий, необходимых для

возникновения прочной связи между эмоциональными смыслами сотрудников и компании в целом как цельного развивающегося организма. Это позволит бизнесу обрести силу саморазвития, самообучения и уверенного конкурентного поведения. Предназначение психоаналитически ориентированного коуча сегодня – помочь руководителям отвечать на вызовы постоянно меняющейся бизнес-среды через:

- ◆ vision – формирование видения – коммуникации как поиск смыслов движения и изменения, осознания людьми куда, с кем, почему и зачем они идут, веру руководителей в себя и в своих сотрудников, фокусировании всех усилий команды на общих целях и задачах;
- ◆ understanding – понимания себя, своих эмоций, своих целей через любопытство, умение задавать вопросы, не бояться делать «маленькие шаги» к цели, эмпатию, понимание того, что происходит с людьми в компаниях, какие у них надежды, ожидания, страхи, мотивация, управление агрессией, принятие людей, открытый и гибкий ум, возможность совершить путешествие внутрь себя, поиск новых идей, возможностей, смыслов;
- ◆ clarity – прояснение происходящего во внутренней и внешней среде компании через упрощение и отбрасывание всего лишнего: в структуре, документообороте, бизнес-процессах, организации бизнеса, интуицию – доверие своему внутреннему голосу, опыту, своему бессознательному, умение ассоциировать, фантазировать, системное мышление – рассмотрение проблем в психодинамической перспективе, во взаимодействии всех аспектов;
- ◆ agility – быстрота реакции – обучение быстрому принятию решений, гибкой адаптации к изменяющимся обстоятельствам и управление своим эмоциональным миром, постоянные внутренние изменения руководителей, саморазвитие, обучение на ошибках и постоянном поиске новых альтернатив в своем поведении и проекциях на внешнюю среду, предоставление людям возможностей, избавление от страхов и неуверенности, наделение людей силой и полномочиями, укрепление ценностей в параллельных связях, а не только в иерархической структуре, фокус на сотрудничестве, а не на контроле, мотивация творчества и креативности.

Коучи помогают руководителям, вовлекая в обдуманые и рефлексивные диалоги с персоналом, таким образом настраивая системы управления на большую отзывчивость к потенциалу сотрудников и их желание совершенствования.

Лидеры с помощью коучей могут стимулировать рост и зрелость в собственной управленческой карьере и карьерах своих подчиненных. Такая чувствительность к потребностям работников в современной глобальной экономике неопостоянности и неустойчивости стала особенно актуальной. Возможность наблюдать, обсуждать и рефлексировать становится сегодня важной управленческой компетенцией. Понимание руководителями переносных и контрпереносных реакций, паттернов поведения, причин страхов и конфликтов принимает сегодня важнейшее значение для осознания себя и бизнес-ситуации. Чувства, мысли, паттерны, которые находятся за пределами сознания руководителей, могут существенно влиять на то, как они действуют и принимают решения.

В условиях стресса и требования перемен руководители с помощью психоаналитически ориентированных коучей обнаруживают, что реактивные и оборонительные решения для уменьшения тревоги и страхов становятся трудно управляемыми или неприемлемыми, что сокрытие информации неэффективно и забирает у персонала чувство уверенности в себе и компетентности. Жестким диспозициям характеров руководи-

телей бросают вызов обстоятельства, в которых гибкость и открытость к изменениям являются обязательными. Глубокие изменения могут произойти только при наличии взаимной аутентичности, уважения и общей ответственности между лидерами и подчиненными. Коучи поддерживают безопасное творческое пространство для участников изменений. Осознанность руководителей является первым шагом на пути к минимизации последствий нарциссизма и негативного влияния чрезмерных защит на организационную культуру, укрепляя тем самым компанию и повышая ее устойчивость в условиях неопределенности.

Литература

1. Кернберг О. Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях. М.: Класс, 2015.
2. Кетс де Врис М. Лидер на кушетке. Клинический подход к изменению людей и организаций. СПб.: BestBusinessBooks, 2008.
3. Салливан Д. VUCA: новая среда управления талантами и планирования персонала. М.: HRM, 2012.
4. The Wiley-Blackwell Handbook of the Psychology of Coaching and Mentoring / J. Passmore, D. Peterson, T. Freire, M. Diamond. NY, 2012.

ВАЖНОЕ УМЕНИЕ - ОБЩЕНИЕ С СОБОЙ

Третьяковская И. А.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлен анализ роли самопознания в жизни каждого человека в перспективе взаимодействия с людьми в частности и с окружающим миром в целом.

Ключевые слова: общение с собой, анализ, понимание себя и окружающих.

Abstract. This article presents analysis of the role of self-discovery in the life of each person in the long term interaction with people in particular, and with the world around them at large.

Keywords: self talk, analysis, understanding yourself and others.

Как часто мы сталкиваемся с личными кризисами: поиск себя, истины, смысла жизни... Кто мы? Кем мы сами себя ощущаем, как позиционируем? Как нас воспринимают окружающие в частности и общество в целом? Все ответы есть в нас самих. Самое главное не врать себе. Строгим правилом должно стать общение с самим собой. У каждого из нас есть внутренний голос, с которым мы имеем возможность вступить в контакт. Рассуждаем, оцениваем, обдумываем, размышляем, решаем, приходим к консенсусу.

© Третьяковская И. А., 2015

В зрелом возрасте наш внутренний голос может стать нашим партнером в беседах; между нами может наладиться настоящий диалог и выработаться умение приходить к общему знаменателю.

Этот внутренний голос может стать нам лучшим собеседником, ибо кто, если не мы сами, искренне желаем себе добра, удачи, достижения лучших результатов и реализации наших задумок и планов. Наш внутренний голос станет нашим личным психологом, который сможет успокоить, подбодрить, вновь вселить уверенность

и дать силы идти дальше, несмотря ни на какие трудности.

В процессе общения следует использовать технику Сократа: «Посредством правильных вопросов прийти к правильным ответам». Задавая себе вопросы, начиная от простых и развивая мысль до самых сложных, мы приходим к ответу, истине и осознанному решению всех волнующих непониманий.

Нам важно научиться прислушиваться к себе, понимать себя, осознавать мотивы своих действий и поведения, формы побуждения к действиям, анализировать опыт и делать выводы, учиться на ошибках. Для этого необходимо структурировать, классифицировать наши знания, навыки и компетенции, чтобы сложить их в единую логическую картину. Важно научиться контролировать и сдерживать свои первозданные инстинкты и эмоции, практиковать самоограничение, воспитывать себя, силу воли и духа, на протяжении всей жизни. Таким образом, будет сформирована сильная личность и характер.

Как мы можем помочь другому человеку, если нам плохо с самим собой? Как только человек научится ладить с самим собой, разговаривать, рас-

суждать и быть довольным итогом переговоров, приходиться к взаимопониманию, только тогда он сможет быть в гармонии с собой. Только тогда он может начинать учиться ладить с другими, потому что налажен самый главный контакт – контакт с самим собой.

На начальном этапе общение с собой представляет большую сложность: это невыносимое мучение и тяжелая саморефлексия. Порой нам сложно оставаться наедине с собой: нас посещают странные, на первый взгляд глупые мысли. Это говорит о том, что ситуация находится в запущенной стадии, и внутреннюю работу необходимо начать как можно скорее. Со временем мы обретаем способность слушать и слышать себя, становимся мудрее и умнее, и наше поведение также изменяется.

Что дает внутреннюю силу, уверенность в себе? Знание о себе и о своих возможностях, знание о своих желаниях и страхах, знание о своих силах и о своих слабостях. Человеку важно проделать необходимую внутреннюю работу для достижения внутренних и внешних изменений, используя новые возможности и скрытые ресурсы, раскрывая весь свой потенциал.

ЭВОЛЮЦИЯ КОУЧИНГА И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Улановский А.М., кандидат психологических наук

Международная лаборатория позитивной психологии мотивации и личности
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлен краткий обзор тенденций развития коучинга и его связи с психологией. Обсуждается методология качественных исследований коучинга, позволяющая глазами коуча и клиента «изнутри» взглянуть на процесс и содержание сессий.

Ключевые слова: коучинг, психология, методы, качественные исследования.

Abstract. The article depicts some tendencies of coaching development. It provides analysis of contemporary state of relationships between coaching and psychology, and a methodology of qualitative research of coaching, which reveal a «view from within» of a coach and client position and experience.

Keywords: coaching, psychology, qualitative research, experience.

В последние десятилетия можно наблюдать эволюцию коучинга. Он развивается от исходно достаточно простых моделей и техник работы с клиентом (модели постановки цели, осознания сильных и слабых сторон, шкалирования и др.) к более комплексным подходам и большим традициям (когнитивно-бихевиориальной, пси-

ходинамической, нарративной и др. (Cox, 2009; Passmore et al., 2013)); от сепарации и отвоёвывания границ к большему наведению мостов с другими дисциплинами (Brock, 2008); от отсутствия регулирования деятельности к профессиональным стандартам и компетенциям (Gray, 2012); от отсутствия эмпирических исследований к существенному возрастанию их количества

и качества (Grant, 2013; Theeboom, 2014). В то же самое время коучинг по-прежнему не является монолитной деятельностью (Grant, 2013), переживает эффекты фрагментации (Brock, 2008), а будущее обретение статуса полноценной профессии совсем не гарантировано (Gray, 2012). И все же очевидно, что с момента своего появления в 1970-е гг. он проделал длинный путь от первоначальных методов вдохновения и тренировки к более широким рефлексивным и ответственным практикам.

Одним из элементов эволюции коучинга является воссоединение с психологией, ее областями, современным корпусом ее исследований и концепциями (мотивации, самоэффективности, личностного потенциала, благополучия и др.). Важнейшую роль в этом сыграла позитивная психология, показавшая, что мы можем надежным образом увеличивать благополучие с помощью интервенций, дающих измеряемые выгоды (Kauffman et al, 2010). Естественным стало появление и развитие коучинговой психологии (Passmore, 2010). В то же время в литературе можно встретить множество различных точек зрения на место, ценность, ограничения и необходимые пропорции психологических подходов, знаний, образования и интервенций в различных видах коучинга и, в частности, в executive-коучинге (Ahern, 2003; Berglas, 2002; Kilburg, 2004; Bono et al, 2009).

В последние годы специальное внимание уделяется анализу методов и дизайна исследований в коучинге (Grant et al, 2010, Theeboom, 2014). Качественные исследования коучинга хоть и не массово, но представлены в рецензируемых академических изданиях. Значительная их часть представляет собой кейс-стади, основанные на наблюдениях, интервью, личной рефлексии и интерпретациях (Peterson, 1996; Wasylyshyn, 2004; Winum, 2006; Korotov et al., 2012). Некоторые из

этих кейс-стади представляют собой достаточно оригинальный и перспективный дизайн: описания восприятия коучинга с обеих точек зрения – и со стороны коуча-консультанта, и со стороны клиента, опубликованные в соавторстве с ним/ней (Peterson, Miller, 2004; Freedman, Perry, 2010). Кроме этого, можно также отметить исследования с использованием дизайна grounded theory (Brock, 2008; Passmore, 2010b) и ряд ранних качественных исследований коучинга без аффилиации с какой-то особой методологией (Kiel et al, 1996; Hall et al, 1999; Hart et al, 2001).

Несмотря на эти и некоторые другие качественные исследования, мы полагаем, что их потенциал в коучинге далек от реализации. Их преимущества – в способности видеть в контексте, глубине и полноте деталей. Внимание к культурному, политическому, организационному контексту испытуемых, характеру отношений между коучем и клиентом, опора на включенные наблюдения, отчеты клиентов «от первого лица», насыщенные описания, анализ разговоров (например, записей сессий), нарративов, метафор, дискурса, прояснение структуры переживания и личностных смыслов клиента, анализ документации, аудио- и видео-материалов (Denzin, Lincoln, 2000; Banister et al, 1994) – все это разнообразие методов качественного исследования способно, на наш взгляд, стать источником ценных данных.

Как отмечает А. Грант, «хорошо проведенные качественные исследования в коучинге могут предоставить важные инсайты, которые попросту невозможно получить в количественных подходах, и подлинная доказательная база для любой дисциплины должна осознавать и отвечать многообразию практики через предоставление надежной информации, полученной из широкого набора приложений, контекстов и методологий» (Grant, 2013, p. 33).

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОДРАМА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

Федорова С.М., старший преподаватель

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Описан метод психоаналитической психодрамы организационных конфликтов, разработанный автором.

Ключевые слова: психоанализ, психодрама, организационные конфликты, групповая динамика.

© Федорова С.М., 2015

Abstract. A method of psychoanalytic psychodrama of organizational conflict developed by the author was described.

Keywords: psychoanalysis, psychodrama, organizational conflicts, group dynamics.

Метод психоаналитической психодрамы был изобретен французскими психоаналитиками Рене Дяткином и Эвелин Кестенберг в 1950 г. для работы с тяжелыми пациентами. По моему мнению, он может быть также успешно применен и для решения проблем, вызванных организационными конфликтами. Проводя групповой коучинг в одной из российских компаний, я столкнулась с некоторыми сложностями: все члены группы были очень закрыты, не слышали друг друга, каждый из них находился в собственной крепости и держал оборону. Компания находилась в сложной ситуации: будучи лидером на рынке долгое время, она перестала развиваться, в то время как конкуренты поджимали по всем фронтам. Золотой состав топ-менеджеров законсервировал себя и компанию в ощущении «Мы лучшие!» и не хотел принимать вызовы и идти навстречу изменениям. Казалось, что эти достаточно молодые люди перепрыгнули через поколение и утратили всякую связь со своими «внутренними детьми». Они разучились мечтать, играть, получать удовольствие от жизни. На третьей встрече, едва увидев серьезные знакомые лица, я неожиданно для себя произнесла: «А сегодня мы будем играть!» Аудитория насторожилась: «Как играть?», «Во что играть?», «У нас пару недель назад был тимбилдинг».

Игра – это некое безопасное пространство, в котором мы можем более спонтанно проявлять себя, изучать и усваивать новые способы поведения, не бояться оценки и осуждения со стороны окружающих, ведь это все не на самом деле, это просто игра. Игра – это еще и действие, которое позволяет репрезентировать и символизировать то, что нам сложно обозначить словами. Я попросила участников группы сыграть сцену совещания в кабинете руководителя, которую они все описывали, где каждый идеально делает свою работу и не понимает, чего еще от него хотят. Сцена началась довольно скованно, но со временем начала оживать, подавленные эмоции стали выходить наружу. После игры мы обсуждали чувства участников в сцене и за ее пределами, делились мыслями и эмоциями, атмосфера стала более теплой и доверительной. Мы проиграли еще несколько сцен про желание быть лучшими, про страх проявить себя и ошибиться, про подавленную агрессию. И каждый раз я просила участников после сцены ассоциировать, когда еще они испытывали подобные чувства. У каждого всплывала та или иная похожая по эмоциональному накалу история из

детства. Все истории были разными, но в то же время в них наблюдалось нечто общее. Шестеро из восьми человек были единственными детьми в семье, все закончили лучшие вузы с красными дипломами и все выбрали вуз и профессию по настоянию родителей, отказавшись от своей мечты. Кто-то хотел быть биофизиком, кто-то футболистом или актером. Но в начале 1990-х гг. самыми престижными профессиями были юрист и экономист, в семьях работников НИИ было нечего есть, и родители возлагали на своих детей миссию успешности, стабильности и защищенности. Они были хорошими исполнителями, но утратили свое живое творческое начало, а вместе с этим и способность создавать что-то свое, отстаивать идеи, в которые они верят. Они сформировали ригидное ложное «Я», стали теми, кем их хотели видеть. С появлением историй из детства в нашей групповой работе открылось второе дыхание, участники разделили друг с другом некий сокровенный опыт, начали вступать в диалог и слышать друг друга, перестали бояться конфликта. Но все же оставались некоторые сложности, и я, работая в организационном формате, понимала необходимость возврата к реальной ситуации и необходимости проделать работу по синтезу этих двух пластов: актуального и детского.

В психоаналитической работе важно не только осознать внутренний конфликт, но и пережить его в отношениях с аналитиком, наделяя его качествами той или иной фигуры из детства. На бессознательном уровне устанавливается перенос, благодаря которому и возможна проработка конфликтных чувств. В групповой работе я предложила проигрывать еще и сцены из детства, которые всплывали в процессе обсуждения. Это означало регрессировать, но в то же время давало возможность пережить ситуацию заново и посмотреть на нее со стороны. Анализируя схожесть двух историй, участники группы получали массу инсайтов, и конфликт постепенно терял свой деструктивный заряд. Это давало возможность порассуждать о том, как можно было бы повести себя в первичной ситуации организационного конфликта, более гибко и конструктивно. А впоследствии мы стали проигрывать и третью сцену осознанного выхода из конфликтной ситуации, чтобы закрепить результат. Я провела 10 встреч с этой группой топ-менеджеров, и мы достигли отличных результатов. Команда стала работать более слаженно, люди начали проявлять инициативу, научились вступать

в диалог и отстаивать свою точку зрения. Если организация готова к изменениям, для каждого работника это может быть ресурсом собственных изменений и поиска новых смыслов.

Я очень благодарна этому непростому опыту за то, что в процессе работы с командой, каждый раз принимая вызовы, я смогла создать новый метод работы с группой, который позволяет во всей полноте проработать скрытые конфликты в организации.

Итак, обозначились три основных этапа:

- ◆ обсуждение и проигрывание актуального организационного конфликта. Один из участников выступает в роли протагониста и предлагает свою конфликтную ситуацию, он выбирает других участников группы на роли. При этом человек может как сыграть себя сам, так и попросить кого-то сделать это, а для себя выбрать другую роль. После проигрывания сцены участники делятся чувствами и мыслями, ассоциируют по поводу ситуаций из детства, эмоционально напоминая эту сцену;
- ◆ протагонист выбирает сцену из детства, которая у него эмоционально резонирует, и участники группы проигрывают эту сцену. Снова происходит шеринг. После чего ведущий направляет группу к синтезу этих двух сцен и поиску путей выхода из конфликта. Протагонисту предлагается переформулировать начальную сцену организационного конфликта, исходя из своего нового понимания истоков этого конфликта;
- ◆ проигрывается третья сцена, которая повторяет первую или незначительно от нее отличается, но предполагает новые, более конструктивные способы поведения в данной ситуации. Происходит обсуждение в группе. Если появляются новые инсайты, и есть ощущение незавершенности в игре, можно переиграть сцену еще раз, или оставить эти мысли для дальнейшей внутренней работы.

Ведущий группы не участвует в игре, но сохраняет за собой право вводить в игру дополнительные персонажи, если сцена не продвигается и замыкается. Так, мне иногда приходилось вводить в сцену отцовскую фигуру, которая размыкает симбиотические сильно заряженные отношения с авторитарной матерью (начальником) и дает силу протагонисту отстаивать свою позицию в конфликте. Однажды я интуитивно ввела в сцену нерожденного ребенка, который хочет появиться на свет и просит об этом родителей, что позволило протагонисту осознать природу своего страха конкуренции с новичками. В детстве, узнав, что мама ждет ребенка, он яростно атаковал

родителей и заявлял о своем нежелании иметь брата или сестру. У матери замерла беременность, после чего он стал в семье негласным виновником произошедшего и был очень подавлен. В ситуации на работе он, наоборот, боялся конкурировать и отказывался от возможного карьерного роста, уступая место другим.

Опыт показал, что, несмотря на то, что у каждого участника своя конфликтная история, так или иначе в процессе работы в команде выкристаллизовывается некая общая конфликтная тема, которая препятствует организационным изменениям и несет в себе дезинтегрирующую функцию. В связи с этим в дальнейшем я предлагаю заказчику формат работы по следующей схеме: полуторачасовые групповые встречи раз в неделю, где количество встреч равно количеству участников группы плюс 2. Эти две дополнительные встречи важны для более детальной проработки центрального конфликта и интеграции полученного опыта.

Дальнейший опыт работы с использованием этого метода показал его эффективность и принес мне множество открытий. Всплывающие скрытые конфликты каждый раз рождали удивление и желание их исследовать. Наблюдая за структурой организации и корпоративной культурой, я заметила, что сама организация в целом может выступать как некий объект в сознании ее участников, а организационная культура зачастую несет на себе функцию Супер-Эго, говоря психоаналитическим языком. Эти образы с моей подачи начали появляться в сценах участников групп и создавать новые возможности для расширения пространства игры, создания более многогранной картины организационных взаимодействий, развития и рождения новых смыслов и целей.

Внутренний конфликт является движущей силой развития личности. Но не стоит думать, что конфликт из прошлого не оказывает на нашу актуальную жизнь никакого воздействия. Неразрешенный, не пройденный конфликт продолжает жить в нашем подсознании, несет в себе мощный дезинтегрирующий заряд, мешает нам проявлять себя и получать удовольствие от жизни. Мы можем искать в себе ресурсы для развития, позитивное понимание и новые знания, пытаясь тем самым двигаться вперед в обход конфликта. Но, стремясь быть разрешенным, он снова и снова будет проявляться неосознанно в самые непредсказуемые моменты. Психодрама дает уникальную возможность встретиться со своими конфликтами в безопасной ситуации принятия и разделения чувств, а пространство игры способствует проявлению спонтанности и креативности.

НАРЦИССИЗМ И НАРЦИССИЧЕСКОЕ ЛИЧНОСТНОЕ РАССТРОЙСТВО: ТЕОРИЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Чекункова О.В.

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются психоаналитические концепции нарциссизма, в которых это понятие описывается как психопатология, так и как отдельный этап психосексуального развития ребенка, влияние нарушенных ранних отношений с первичным объектом привязанности на формирование патологического нарциссизма, психоаналитический подход к терапии пациентов с нарциссическим личностным расстройством и особенности аналитического процесса с данной категорией пациентов. В работе рассматриваются различные подходы к пониманию феноменологии нарциссического личностного расстройства, фокус внимания направлен на исследование причин формирования нарциссической психопатологии, при этом качество ранних взаимоотношений ребенка с матерью в период первичного нарциссизма считается одним из важнейших факторов, оказывающих значительное влияние на дальнейшее психическое, когнитивное и эмоциональное развитие ребенка, недостаточно хорошие отношения с первичным объектом являются предпосылкой для формирования патологического нарциссизма.

Ключевые слова: нарциссическое личностное расстройство, нарциссическая психопатология, деструктивный нарциссизм, нарциссические защитные механизмы, негативная терапевтическая реакция, симбиоз, идеализация, обесценивание, экспрессивная психоаналитическая психотерапия, нарциссический селф-объектный перенос.

Abstract. The article «Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theory and Clinical Practice» addresses psychoanalytical concepts of narcissism in which this notion represents as psychopathology and as a separate stage of psycho-sexual development of the child, the influence of disordered early relations with primary object of attachment on formation of pathological narcissism, psychoanalytical approach to therapy of patients with narcissistic personality disorder and focuses on analytical process with this category of patients. The work to be presented describes the various approaches toward understanding the phenomenology of narcissistic personality disorder, the major focus of attention is directed on the reasons of narcissistic psychopathology formation research, at the same time, the quality of early maternal-infant relations over the period of primary narcissism is considered as one of the major factors having considerable impact on the following mental, cognitive and emotional development of the child, insufficiently good and inadequate relations with primary object constitute the precondition for formation of pathological narcissism.

Keywords: narcissistic personality disorder, narcissistic psychopathology, destructive narcissism, narcissistic defense mechanisms, negative therapeutic reaction, a symbiosis, an idealization, devaluation, expressive psychoanalytic psychotherapy, narcissistic self-object transference.

Понятие «нарциссизм», которое берет начало в греческой мифологии и зародилось у истоков развития психоаналитической мысли, знакомо сейчас многим и вошло в разговорный язык. В многочисленных научных работах, посвященных исследованию нарциссизма, можно наблюдать две общепризнанные тенденции: во-первых, теория нарциссизма представляет собой один из важнейших векторов развития психоанализа, во-вторых, данная концепция отличается противоречивым характером.

В настоящее время теория нарциссизма интенсивно развивается. Актуальность данной темы исследования определяется постоянно увеличивающимся количеством обращений за помощью пациентов с проблемами нарциссического спектра. Если в конце XIX – начале XX в. типичными пациентами психоаналитиков были люди с расстройствами истерического регистра, вспомним наиболее известные клинические случаи З. Фрейда, середину XX в. Р. Мэй описывает скорее как «шизоидный мир», то последние десятилетия можно без преувеличения назвать «эпо-

хой нарциссизма», поскольку, по мнению психологов, психотерапевтов и социологов, данный феномен приобретает характер пандемии.

«Эпоха нарциссизма», эпоха высоких идеалов, характеризуется необходимостью постоянно соответствовать нереалистичным общественным требованиям и ожиданиям, всеобщее распространение социальных сетей, повышенное внимание к собственной внешности и впечатлению, производимому на окружающих, вызывает сильную тревогу. Особенно заметно данная тенденция проявляется у поколения Y, людей, родившихся между 1980 и 2000 гг., которое журналисты называют поколением ЯЯЯ (generation MeMeMe). В 1950 г. только 12 % американских подростков признались, что считают себя «необыкновенными, особенными», в 2005 г. это соотношение повысилось до 80 %, кроме того, на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы о Вас написали книгу?» 93 % подростков ответили утвердительно. Существуют данные, подтверждающие эпидемический характер распространения нарциссизма в последние десятилетия: у представителей поколения Y нарциссическое личностное расстройство встречается в три раза чаще, чем у их родителей.

Таким образом, можно увидеть, что за последние десятилетия нарциссическая проблематика привлекает к себе все больше и больше внимания. Появление новых исследований, которые наполняют теорию неизвестными ранее фактами и теоретическими представлениями, острейшие дискуссии вокруг ее отдельных понятий свидетельствуют о том, что это направление находится в фокусе научного интереса.

Итак, год назад психоаналитики всего мира отметили столетний юбилей понятия «нарциссизм», век эволюции теории нарциссизма... Более ста лет назад была опубликована знаковая статья Фрейда «Введение в нарциссизм», представляющая собой своеобразный водораздел в развитии его психоаналитической мысли. В этой статье он вводит новое клиническое понятие – «нарциссизм», которое уже находилось в употреблении в психиатрических кругах и, начиная с 1909 г., использовалось психоаналитиками при описании гомосексуальности и психоза.

В дальнейшем концепция нарциссизма получила свое развитие в теоретических исследованиях и клинических разработках таких психоаналитиков, как К. Абрахам, Л. Андреас-Саломе, М. Кляйн, Г. Розенфельд, Дж. Стайнер, О. Кернберг и др. Вслед за Фрейдом другие авторы рассматривали такие аспекты нарциссизма, как деструктивность (Розенфельд), а также исследовали двойную природу нарциссизма: нарцис-

сизм жизни и нарциссизм смерти (Андре Грин). В работах таких авторов, как Ж.-К. Ракамье, П. Федерн, Б. Грюнберже, акцент делается на либидинальном балансе между инвестированием объекта и нарциссическим инвестированием.

В данной публикации будет исследоваться взаимосвязь между неблагоприятным характером ранних отношений матери и ребенка в первые годы жизни, приводящая к фиксации на стадии первичного нарциссизма, на которой на первый план выходят всемогущество и грандиозное «Я», и предрасположенностью к формированию нарциссической патологии характера и нарциссических личностных расстройств в разнообразных проявлениях. Патологический нарциссизм, который можно рассматривать как результат негармоничных ранних отношений с первичным объектом, приводит к патологической идеализации своего «Я», спутанности границ между «Я» и объектом, преобладанию защит нарциссического спектра и представляет собой существенное препятствие для психоанализа в силу преобладания специфического переноса нарциссического характера.

Методологической основой являются психоаналитические теории З. Фрейда, психоаналитические концепции, освещающие значимость ранних объектных отношений, таких авторов, как М. Балинт, У. Бион, Д. Винникотт, М. Кляйн, Х. Сигал, С. Лебовиси, Э. Эриксон и других; психоаналитические теории, рассматривающие особенности терапии пациентов с нарциссическим личностным расстройством, в работах таких психоаналитиков, как А. Грин, Б. Грюнберже, П. Дени, Ж. Лакан, Г. Розенфельд, О. Кернберг, Р. Бриттон, Ж.-К. Ракамье, Л. Кан, Х. Кохут, Дж. Стайнер, Р. Руссийон, К. Смаджа и других специалистов.

Литература

1. *Andreas-Salomé L.* La Double Orientation du Narcissisme // *Le narcissisme. Monographies de Psychanalyse de la Revue Française de Psychanalyse / sous la direction de Durieux M.-C., Janin C.* Presses Universitaires de France. P. 149–175.
2. *Bateman A.W.* Thick- and thin-skinned organization and enactment in borderline and narcissistic disorders // *International Journal of Psychoanalysis.* № 79. P. 13–25.
3. *Bergeret J.* Les états limite en 2010. Soigner quoi? // *Revue française de psychanalyse / La cure des états limite.* 2011. T. LXXV. Paris: Presses Universitaires de France, 2011. P. 366–374.
4. *Brooks D.* *The Road to Character.* NY: Random House, 2015. 320 p.
5. *Combe C.* *Narcissisme de vie, narcissisme de mort: André Green, lecteur d'André Green.* Le nar-

- cissisme // Monographies de Psychanalyse de la Revue Française de Psychanalyse / sous la direction de Durieux M. – C., Janin C. Presses Universitaires de France. P. 107–130.
6. Denis P. Le Narcissisme. Paris: Presses Universitaires de France, 2012. 127 p.
 7. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th Edition: DSM-5. NY: American Psychiatric Association, 2013. 947 p.
 8. Ferruta A. Le chemin de Narcisse // Revue française de psychanalyse / Cent ans de narcissisme. 2014 T. LXXVIII. Presses Universitaire de France. P. 33–43.
 9. Girard M., Kapsambelis V. Argument: Cent ans de narcissisme // Revue française de psychanalyse. Cent ans de narcissisme. 2014. T. LXXVIII. Presses Universitaire de France. P. 9–13.
 10. Green A. Life Narcissism Death Narcissism. London: Free Association Books, 2001. 262 p.
 11. Grunberger B. Essai sur la situation analytique et le processus de guérison (la dynamique) // Le Narcissisme. Paris: Payot, 1971. P. 53–72.
 12. Jamet P. Le noeud de l'inconscient: Nouer la clinique. Paris: Erès, 2006. 284 p.
 13. Kaës R. Un singulier pluriel. Paris: Dunod, 2007. 211 p.
 14. Kahn L. Le psychanalyste apathique et le patient postmoderne. Paris: Editions de l'Olivier, 2014. 173 p.
 15. Kamieniak M.I., Kapsambelis V. Argument: la cure des états limite // Revue française de psychanalyse / La cure des états limite. 2011. T. LXXV. Paris: Presses Universitaires de France, 2011. P. 325–330.
 16. Klein M. Notes on Some Schizoid Mechanisms. Developments in Psychoanalysis. London: Hogarth Press, 1952. 110 p.
 17. Racamier P.-C. Le Génie des origines: Psychanalyse et psychoses. Paris: Payot, 1992. 420 p.
 18. Racamier P.-C. Les Perversions Narcissiques. Paris: Payot, 2012. 125 p.
 19. Riedmatten de H. Narcisse au miroir trouble. Du Caravage à Bill Viola // Revue française de psychanalyse / Cent ans de narcissisme. 2014. T. LXXVIII. Presses Universitaire de France. P. 16–31.
 20. Roussillon R. Agonie, clivage et symbolisation. Paris: Presses Universitaires de France, 2012. 245 p.
 21. Roussillon R. The deconstruction of primary narcissism // International Journal of Psychoanalysis. № 91. P. 821–837.
 22. Schafer R. Generative Empathy in the Treatment Situation // Psychoanalytic Quarterly. 1959. № 28. P. 342–373.
 23. Stern A. Les états limite hier et aujourd'hui? // Revue française de psychanalyse / La cure des états limite. 2011. T. LXXV. Paris: Presses Universitaires de France, 2011. P. 331–348.
 24. Winnicott D. W. The maturational processes and the facilitating environment: Studies in the theory of emotional development. London: Hogarth, 1965. 312 p.

КОНЦЕПЦИЯ ПСИХОТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Шаповалова Е.В., старший преподаватель

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Концепция психотической организации является развитием исследования механизмов формирования защитных систем организации. Под воздействием требований внешней среды или принимаемых решений и стратегий организации способны вызывать психотические тревоги в своих участниках и индуцировать, навязывать им психотические защитные механизмы и соответствующее организационное поведение.

Ключевые слова: психотическая организация, защитные механизмы организации, организация-в-представлении.

Abstract. The concept of psychotic organization elaborates on the research for organizational defense mechanisms development. As a result of external environment forces or internal organizational decisions or strategies organizations can cause psychotic anxieties among its members and induce them to develop psychotic defense mechanisms and behaviors.

Keywords: psychotic organization, organizational defense mechanisms, organization-in-the-mind.

Буркард Сиверс, один из современных исследователей психоаналитического подхода в организации, развивает тему защитных механизмов организации и предлагает концепцию психотической организации [3]. Он исходит из того, что бессознательные эмоции и феномены организации оказывают социально-принудительное воздействие на участников данной организации и, как следствие, интроецируются ими. Когда в организации преобладают психотические способы защиты против тревоги, члены организации ощущают бессознательную необходимость в мобилизации собственных психотических частей, таким образом вступая в бессознательный сговор с «социальным психозом» организации [4].

Для иллюстрации Сиверс приводит пример Британской национальной системы здравоохранения [8], которая в 1990-е гг. претерпевала существенные реформы внедрения традиционных инструментов управления в госпиталях, что повлекло за собой распространение тоталитаристских способов мышления, несовместимых с профессиональными ценностями и установками врачей и младшего медперсонала. С учетом того, что традиционные практики и инструменты менеджмента направлены на максимизацию прибыли и экономическое выживание, «дух госпиталя» постепенно терялся. Медработники и пациенты редуцируются до уровня экономических объектов – человеческих ресурсов и клиентов. Страх аннигиляции – потери работы и потери профессиональной идентичности – реактивирует более ранние аналогичные тревоги среди членов госпиталей, в результате чего они теряют свою способность контейнировать тревогу аннигиляции своих пациентов, которую те испытывают в связи со своей болезнью или ожиданием смерти.

Сиверс подчеркивает, что в приведенном примере тоталитаристское мышление, появление бессознательных фантазий и тревог среди сотрудников госпиталя в ответ на внешние рыночные угрозы не может быть объяснено индивидуальными личностными и характерологическими свойствами участников, а может рассматриваться как социально индуцированное. Чем в большей мере психодинамика госпиталей будет тяготеть к тревогам и защитным механизмам параноидно-шизоидного типа, тем в меньшей степени участники организации будут способны занимать депрессивную позицию в отношении пациентов и обеспечивать им в достаточной мере заботу, любовь и принятие амбивалентных чувств [3].

В связи с таким взглядом на психодинамику организаций и предположение о том, что социальные психотические защиты действуют инду-

цирующе на участников организаций, Сиверс акцентирует значимость феномена «организация-в-представлении» («organization-in-the-mind»). Поскольку можно говорить о внутреннем резонансе, репрезентациях и опыте членов организации в связи с организацией, она может быть описана как «организация-в-представлении». Организация с присущей ей структурой, системой задач, корпоративной идентичностью является не столько «объективной реальностью», сколько представлением людей о ней. Без представления не было бы организации. Мышление – определяющая характеристика жизни и работы людей в организации и в любой социальной общности. Это мышление может быть как сознательным, так и бессознательным [6].

Сиверс отмечает, что подобно тому, как пациенты с острыми психическими нарушениями часто не выглядят очень психотичными, а скорее производят впечатление, что их психическое нарушение зафиксировалось на определенном уровне, социальные организации (в особенности коммерческие) часто покрывают свои внутренние тревоги относительно нормальным «внешним видом».

В своей работе в качестве организационного консультанта Сиверс часто встречается с организациями, которые производят впечатление застрявших в нескончаемой попытке борьбы с внешней очевидной угрозой преследования со стороны рынка и конкурентов, которых они в то же время стремятся контролировать в высокой степени агрессивно, садистично и деструктивно. Их психодинамика охвачена поведением и мышлением, типичным для параноидно-шизоидной позиции. В постоянной погоне за превосходством, ростом и выживанием, в попытке постоянно увеличивать долю рынка не остается ни малейшего шанса на выход в депрессивную позицию и тревоги. Внешний мир и реальность сужаются под воздействием внутренних психотических тревог и защит против них [1].

Лоуренс [2] описывает психоз в общем как «процесс, при котором индивид защищает себя от понимания значения и значимости реальности, потому что считает это понимание болезненным. Для этого он использует свое ментальное функционирование таким образом, чтобы в некоторой степени разрушить сам процесс мышления, который потенциально мог бы вынудить их соприкоснуться с реальностью».

Психотическая организация, таким образом, может быть описана как социальная система (или подсистема), которая провоцирует (постоянные или временные) психотические реакции в участниках организации. В той степени, в которой члены организации бессознательно мотивированы

мобилизовать свои психотические части в большей мере, чем это было бы при других обстоятельствах вне организации, и терять собственную способность к мышлению, они склонны редуцировать организационную реальность до уровня, кажущегося очевидным, т.е. до данных, адекватных, соотносящихся с их доминирующими бессознательными фантазиями [6].

Литература

1. Cardona F. Not born to compete: Individual and organizational reluctance to compete // *Organizational & Social Dynamics*. 2010. Vol. 10 (2). P. 207–18.
2. Lawrence W.G. 'Thinking refracted', in *Tongued with fire: Groups in experience*. London: Karnac, 2000.
3. Shapiro E.R. *Derailment in Organizational Development: Consultations to the Austin Riggs Center // Organizational & Social Dynamics*. 2013. Vol. 13 (1). P. 41–54.
4. Sievers B. Competition as war // *Socio-Analytic*. 2000. Vol. 2 (1). P. 1–27.
5. Sievers B. Socio-analytic thoughts on betrayal and cynicism in organizational transformation // *Culture and Organization*. 2007. Vol. 13 (1). P. 1–21.
6. Sievers B. The psychotic organization // *Ephemera*. 2006. Vol. 6 (2). P. 104–120.
7. Sievers B. Thinking organizations through photographs: the social photo-matrix as a method for understanding organizations in depth // *Socio-analytic methods. Discovering the hidden in organizations and social systems*. London: Karnac, 2013.
8. *Psychoanalytic Studies of Organizations: Contributions from the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations*. Karnac Books, 2009.

СКРЫТАЯ СТОРОНА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Шаповалова Е.В., старший преподаватель

Магистерская программа «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается психодинамический подход к управлению организационными изменениями. Развитие защитных механизмов организации в ответ на тревогу, связанную с ответственностью, рисками и турбулентностью среды, требует создания рефлексивных пространств. Организационная рефлексия и осознанность необходимы для эффективного развития организации. Негативная компетенция лидера способствует формированию рефлексивных пространств в организации.

Ключевые слова: психодинамика организационных изменений, защитные механизмы организаций, рефлексивные пространства в организации, организационная осознанность, негативная компетенция лидера.

Abstract. Psychodynamic approach to organization change management is described. Organizational defense mechanisms that develop as reaction to anxiety caused by organizational risks, responsibilities and the turbulence of organizational environment, can be managed by creating organizational reflexive space. Organizational reflexiveness and awareness are essential for successful organizational development. Negative capability of the leader facilitates reflexive spaces in the organization.

Keywords: organizational change psychodynamics, organization defense mechanisms, reflexive space in the organization, organizational awareness, leadership negative capability.

До сих пор большая часть теории и практики управления организационными изменениями была центрирована вокруг рациональных моделей и подходов. Рациональность – основной драйвер управленческой мысли, обучения

и практики. В подобных условиях эмоциональные реакции организации и ее участников на изменения зачастую расцениваются как неважные и игнорируются [8]. Необходимость развития способности управлять и адаптироваться к изменениям требует обращения наше-

го внимания к внутренней жизни организации. Участники организации привносят с собой свои индивидуальные особенности, не исключая слабых сторон. Возможно, использование рационалистических, системных и технологических подходов к управлению изменениями не столько не верны, сколько неполны в понимании и описании организационных процессов [1]. Анализ внутренних психодинамических процессов становится не менее важным для понимания организации, чем анализ манифестных образований, лежащих на поверхности организационной культуры.

Психоаналитический подход в организации фокусируется на психологической природе невидимых аспектов организационной культуры – субъективных представлениях о причинах, скрытых мотивациях и субъективном значении и смыслах организационного поведения. Поверхностная картина часто лишь симптом и символ, в который участники организации инвестируют, так как он предлагает им защиту от боли и тревог. Организации часто не знают того, что на бессознательном уровне они знают очень хорошо [5].

В организационной жизни постоянно действует целый ряд скрытых сил, снижающих способность организации и ее лидеров действовать и принимать решения рационально и эффективно: искажающее воздействие переносных реакций на индивидуальном и групповом уровнях, тревога, связанная с ответственностью и рисками выполнения участниками своих основных задач. Внутреннее психологическое состояние организации (степень регресса и защитные механизмы против тревоги) может служить препятствием к адекватной реакции на внешнюю среду, угрожая выживанию организации. Именно бессознательные конфликты, которые возникают и прочно устанавливаются в организационной жизни, являются главными препятствиями к выполнению задач, необходимых для выживания организации во внешней среде. Если компании удастся устранить барьеры к рациональности, которые происходят из-за бессознательных конфликтов в групповых и организационных отношениях, если организация может придать смысл и найти значение неосознанных, но постоянно действующих феноменов (например, неэффективного принятия решений, негласного саботажа работы, хождений «по кругу» и т.п.), она может высвободить энергию, необходимую для выполнения задач и эффективной реализации ролей в организации. Отрицание реальности скрытых процессов и отказ от того,

чтобы включить их в ментальную картину организации, приводит к тому, что разрыв между организационной реальностью и риторикой укореняется [9].

Если организация не предоставляет участникам возможности осознать и переработать возникающую тревогу, они самостоятельно, неосознанно, в бессознательном стоворе создают организационные защитные механизмы (неэффективные с точки зрения организации принципы поведения, структуры, культурные нормы), которые создают иллюзию спокойствия и снижения тревоги [6].

Потребность в рефлексивном пространстве становится императивом для современных организаций. Под рефлексией в организационном пространстве можно понимать «процесс посвящения времени и места для осмысливания организационного опыта». Рефлексия в организации подразумевает осмысление своей работы, а не того, как эта работа делается [4]. Создание рефлексивного пространства, в котором участники организации могли бы соприкоснуться со своими чувствами, вызывающими их тревогами и распознать созданные деструктивные механизмы защиты и способы искажения восприятия реальности, является необходимым условием повышения способности организации к осознанности и, как результат, реализации организационных изменений и организационного развития.

Психодинамический подход к организационному развитию предлагает целый набор индивидуальных и групповых методик рефлексивной работы в организации – глубинный психодинамический коучинг, групповые методики работы с организационным рисунком, организационной метафорой, фотографиями и сновидениями (организационные матрицы), а также психодинамические форматы проработки бессознательных конфликтов в организациях. Подобный процесс повышает способность участников и организации в целом видеть и принимать реальность. По мере того как организационные защиты модифицируются и изменяются, растет и организационная способность к развитию и обучению. Организации, в которых отсутствуют рефлексивные пространства, находятся в состоянии «слепоты» относительно собственного же поведения: организационная осознанность становится новым ключевым уровнем сознательного организационного поведения [3].

В свете этого можно переосмыслить роль лидеров организации в процессе изменений. Роль

лидера изменений заключается в том, чтобы стать медиатором для организации между «познанным» и «непознанным», между «явным» и «скрытым» [7]. Лидерство в организации должно способствовать любопытству и обеспечивать ресурс – время и место – для реализации этой цели. Современной управленческой культуре присущ определенный манифестный образ лидера: активного, энергичного, достигающего результатов, обладающего всеми нужными навыками и компетенциями («позитивная компетенция лидера»). Способность лидера претерпевать неопределенность, парадокс, амбивалентность (которые часто сопровождают все скрытое и эмоциональное в организации), принимать свое и других незнание и сомнение и пребывать в нем, а также принимать и давать пространство для тревоги и страха, давать время для появления нового, может быть обозначено «негативной компетенцией лидера» [2].

Развитость этой «негативной компетенции» лидера обеспечивает его способность к самопознанию и открытию внутренних смыслов, а следовательно, и возможность организационной рефлексии и осмысления, придания значения текущим феноменам, без чего невозможны изменения в организации. Именно в результате комбинирования «позитивной» и «негативной способностей» лидера проявляется способность к творчеству, к созданию нового в организации.

Литература

3. *Allcorn S., Godkim L.* Dealing with organizational inertia: Psychoanalytical insight and instruction // *International Business Journal*. 1996. Vol. 18 (4). P. 378–87.
4. *French R.* Negative capability: Managing the confusing uncertainties of change // *Journal of Organizational Change Management*. 2001. Vol. 14 (5). P. 480–492.
5. *Levine D.P.* Know no limits: The destruction of self-knowledge in organizations // *Psychoanalytic Studies*. 2001. Vol. 3 (2).
6. *Long S.* The associative unconscious // *Socio-analytic methods. Discovering the hidden in organisations and social systems*. London: Karnac, 2013.
7. *Kets de Vries, M. Balazs K.* A clinical perspective on organizational consultation // *Organizational Dynamics*. 2005. Vol. 34 (1). P. 1–17.
8. *Sievers B.* The psychotic organization // *Ephemer*. 2006. Vol. 6 (2). P. 104–120.
9. *Psychoanalytic Studies of Organizations: Contributions from the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations*. Karnac Books., 2009.
10. *Vince R., Broussine M.* Paradox, defense and attachment: Accessing and working with emotions and relations underlying organizational change // *Organization Studies*. 1996. Vol. 17 (1). P. 1–21
11. *Zaleznik A.* The case for not interpreting unconscious mental life in consulting organizations // *Psychiatry*. 1995. Vol. 58 (4). P. 357–70.

Раздел VIII
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Герасимова Ю.А., Кулешова Е.П., Сидорина В.В., Мержанова Г.Х.</i> Активность нейронов субталамического ядра в осуществлении тормозного контроля задержанных реакций у животных с индивидуальной стратегией поведения при принятии решения	347
<i>Усенко А.Б.</i> Взаимосвязи между компонентами психического и нейрофизиологического уровней в структуре индивидуальности	348
<i>Веневцева Ю.Л., Елисеев Д.Е.</i> Взаимосвязь вегетативного статуса и личностных особенностей будущих врачей	349
<i>Давыдова Е.Ю., Давыдов Д.В., Сорокин А.Б.</i> Влияние индивидуально-типологических особенностей личности на процесс решения латентной задачи	351
<i>Кулешова С.Л., Мухамадеев Р.А.</i> Влияние нарушения зрения на образ жизни человека.....	352
<i>Мурафа С.В.</i> Гендерные тенденции в развитии способностей памяти школьников 7–12 лет с различным темпом психического развития	354
<i>Перепелкина О.В., Тарасова А.Ю., Голибродо В.А., Полетаева И.И.</i> Генетические различия в поведении животных – один из путей исследования индивидуальности.....	356
<i>Нуксо П.А., Мочалов С.М., Нуксо О.Г.</i> Два типа реагирования студентов на экзаменационный стресс по показателям СМИЛ.....	357
<i>Дробница И.П.</i> Зависимость выраженности экстраверсии — интроверсии от меры эквипотенциальности полушарий мозга.....	359
<i>Перегида С.Н.</i> Индивидуально-типологический аспект структурно-динамической модели антиципации	360
<i>Черёмушкин Е.А., Петренко Н.Е.</i> Индивидуальные особенности и уровень десинхронизации альфа-ритма субъектов с разным уровнем тревожности при опознании лицевой экспрессии в исследованиях установки	363
<i>Лапина А.А., Новиков Н.А., Чернышев Б.В.</i> Индивидуальные особенности феномена ухода в свои мысли и их поведенческие корреляты при выполнении слуховой конденсационной задачи	364
<i>Новалева А.В., Кузьмина Т.И., Горбачева А.К., Панова Е.Н., Кубряк О.В., Бирюков Е.А.</i> Индивидуальные психологические и психофизиологические особенности студентов с высокой и низкой частотой альфа-ритма ЭЭГ	366
<i>Берлов Д.Н.</i> Индивидуальные различия в восприятии мультистабильных изображений.....	367

<i>Пучкова А.Н., Ткаченко О.Н., Скороходов И.В.</i> Индивидуальные различия в когнитивных зрачковых реакциях	369
<i>Мнацаканян Е.В., Ребриков Д.В., Усман Н.Ю.</i> Индивидуальные различия вызванной активности мозга при неосознанном ожидании негативных и нейтральных стимулов в норме: влияние пола и генотипа.....	370
<i>Гут Ю.Н., Мучкина Н.Н.</i> Индивидуальные различия подростков с девиантным поведением	372
<i>Переверзева Д.С., Горбачевская Н.Л., Данилина Н.Н., Мамохина У.А.</i> Когнитивный профиль и особенности ЭЭГ у женщин с премутацией гена FMR1	373
<i>Конарева И.Н.</i> «Коронарный» тип личности: регрессионная модель показателей кардиоинтервалограммы	375
<i>Игнатъев Г.А., Власова Р.М., Акинина Ю.С., Иванова М.В., Драгой О.В.</i> Латерализация речевой обработки у правшей и левшей: фМРТ-исследование.....	376
<i>Демидова Т.Н.</i> Личностный аспект функциональных асимметрий.....	377
<i>Степанян Л.С.</i> Локализация ФМА-вызванных потенциалов коры головного мозга как показатель эффективности коррекции агрессивности у подростков.....	379
<i>Новиков Н.А., Брызгалов Д.В., Чернышев Б.В.</i> Модуляция тета- и альфа-активности после совершения ошибок в слуховом варианте конденсационной задачи	381
<i>Сварник О.Е., Булава А.И., Зворыкина С.В.</i> Направленное увеличение ошибочных актов при обучении крыс: экспрессия транскрипционного фактора Fos и поведение	382
<i>Бартош Т.П.</i> Нейродинамические показатели подростков северных народов магаданской области.....	383
<i>Станякина М.В.</i> Нейропсихологические предикторы адаптации к школьному обучению учащихся первого класса общеобразовательной школы	385
<i>Базанова О.М.</i> Опорная афферентация и психологические функции (обзор).....	386
<i>Рымарева Ю.М., Савостьянов А.Н., Бочаров А.В., Кавай-оол У.Н., Мокур-оол Е., Базовкина Д.В., Науменко В.С., Князев Г.Г.</i> Особенности мозговой активности русских и тувинцев в условиях распознавания лицевых эмоций	388
<i>Попова И.С.</i> Особенности навыков письма у второклассников по данным нейропсихологического мониторинга	390
<i>Князев Г.Г., Савостьянов А.Н., Бочаров А.В.</i> Осцилляторные корреляты моральных решений: влияние личности.....	391
<i>Михайлова А.А., Орехова Л.С., Павленко В.Б.</i> Отражение «отрицательной эмоциональности» в биоэлектрической активности мозга детей раннего возраста.....	393
<i>Монич Д.В.</i> Половозрастные особенности моторных и сенсорных асимметрий гемисфер.....	394
<i>Азарных Т.Д.</i> Посттравматические стрессы: пол, характер и темперамент	396
<i>Лазарев И.Е., Чернышев Б.В.</i> Предстимульный альфа-ритм как показатель уровня когнитивного контроля зависит от индивидуальной выраженности альфа-ритма покоя	397

<i>Москвин В.А., Москвина Н.В.</i> Проблема индивидуальности в Спортивной психофизиологии	398
<i>Байгужин П.А., Нирсанов В.М.</i> Простая зрительно-моторная реакция в оценке адаптации студентов к условиям учебно-профессиональной деятельности	400
<i>Юров И.А.</i> Психодиагностика спортивной индивидуальности	402
<i>Симакова И.Н.</i> Психофизиологические аспекты восприятия музыки различных культурных традиций российскими и китайскими женщинами в разных нейрогуморальных состояниях	404
<i>Никишина Н.А.</i> Психофизиологические механизмы произвольного внимания у школьников с разным профилем моторной асимметрии	405
<i>Халезов Е.А., Халезов А.Л.</i> Психофизиология умственных способностей: ультразвуковая диагностика	407
<i>Федорова О.В.</i> Рабочая память и русский язык: от речепонимания к речепорождению	408
<i>Данилова Н.Н.</i> Способности к математике и их отображение в тета-ритме	411
<i>Зайченко М.И., Мержанова Г.Х., Демина А.В., Баженова Д.А.</i> Способность к обучению у крыс зависит от уровня импульсивности	412
<i>Николенко Е.Д., Кондратенко А.В., Базанова О.М.</i> Сравнение отношения альфа-ЭЭГ/ЭМГ при выполнении психомоторной задачи у мужчин и женщин	414
<i>Махин С.А., Эйсмонт Е.В., Павленко В.Б.</i> Электрофизиологические корреляты характеристик личности, связанных с эмпатией	415
Account of signs of asymmetry and cyclical fluctuations of functional state in study of dynamic indicators of motor and cognitive processes of women.....	417

АКТИВНОСТЬ НЕЙРОНОВ СУБТАЛАМИЧЕСКОГО ЯДРА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ТОРМОЗНОГО КОНТРОЛЯ ЗАДЕРЖАННЫХ РЕАКЦИЙ У ЖИВОТНЫХ С ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТРАТЕГИЕЙ ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ

Герасимова Ю. А.

Нулешова Е. П.

Сидорина В. В.

Мержанова Г. Х., лаборатория условных рефлексов и физиологии поведения
Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН

В исследовании импульсивного и самоконтролируемого поведения важным является вопрос о нейронных механизмах, через которые реализуется тормозный контроль при задержанных реакциях. Одним из участников нейронной сети, связанной с регуляцией произвольных движений, является субталамическое ядро (Mink, 1996). Субталамическое ядро (STN) входит в комплекс базальных ядер головного мозга и получает проекции как от моторных, так и от фронтальных областей коры в составе «суперпрямого пути» («hyperdirect pathway», Nambu et al., 2002; Baunez and Lardeux, 2011). Микростимуляция субталамического ядра (Deep Brain Stimulation) вызывает не только улучшение моторики у пациентов с паркинсонизмом, но и изменения в когнитивной сфере, проявление импульсивности (Kuhn et al., 2005; J Bastin et al., 2014). В исследованиях на обезьянах было показано, что частота спайков у нейронов STN меняется не только при подготовке моторного ответа, но и при получении подкрепления (Espinosa-Parrilla et al., 2015). В настоящее время роль нейронов STN в регуляции разных типов поведения неясна.

Целью нашего исследования был сравнительный анализ активности нейронов STN у животных с импульсивным и самоконтролируемым поведением в условиях выбора ценности подкрепления. Исследование было проведено на 5 кошках с использованием модели «активного выбора» подкрепления (Мержанова, Берг, 1991).

Животным предлагался выбор: нажать на педаль в течение первых 3 секунд после включения условного сигнала (света) и получить малоценное подкрепление (хлебо-мясная смесь) или совершить нажатие на педаль в период с 3,1 секунды по 11,0 секунду и получить более ценное подкрепление (мясо). По предпочтению выбора кошками коротко- или длиннотентных реакций были сформированы две группы животных: «импульсивная» и «самоконтрольная» (*t*-test). У свободноподвижных животных во время тестирования регистрировали мультисклеточную активность из STN. Анализ перистимульных гистограмм нейронов STN показал, что у животных, отнесенных к группе «самоконтрольных», частота разрядов нейронов STN (нормированная на их частоту в фоновый период до начала пробы) в период подготовки к нажатию на педаль выше, чем у животных из «импульсивной» группы. У животных с «самоконтролем» наблюдались нейроны, которые активировались при получении высокоценного подкрепления, а при получении низкоценного их активность снижалась. В то же время в группе «импульсивных» животных нейроны STN активировались в период ожидания и получения как хлебо-мясной смеси, так и мяса.

Полученные данные свидетельствуют о том, что нейроны субталамического ядра включены в нейронные сети оценки подкрепления и в то же время участвуют в осуществлении тормозного

контроля задержанных реакций у животных, нацеленных на получение ценного подкрепления.

Нет аннотации и ключевых слов на английском и русском яз.

Нет списка литературы.

ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ ПСИХИЧЕСКОГО И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Усенко А.Б., кандидат биологических наук, доцент Института психологии им. Л.С. Выготского Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация. Индивидуальность рассматривается как многоуровневая гетерархически организованная саморегулирующаяся система. Показано, что, с одной стороны, особенности нейрофизиологических свойств индивидуальности создают предпосылки для формирования профиля свойств темперамента, акцентуаций характера, психологических защит. С другой стороны, сформированные компоненты психического уровня определяют особенности профиля нейрофизиологических свойств. Подчеркивается, что целостная структура индивидуальности формируется в ходе онтогенеза гетерохронно в единстве динамических взаимодействий и взаимовлияний компонентов психического и нейрофизиологического уровней.

Ключевые слова: темперамент, акцентуации характера, психологические защиты, саморегуляция, индивидуальность, вегетативное реагирование.

Abstract. Personality is regarded as a multilevel hierarchical self-regulating system. It was demonstrated that neurophysiologic properties features of personality are predictors for a properties profile of temperament, character accentuations, psychological defenses. On the other hand, components formed on a psychical level may be predictors for the features of neurophysiologic properties profile. It is emphasized that the integral structure of individuality is heterochronically formed in the process of ontogeny as a result of complex dynamical interactions and interferences of different components on psychical and neurophysiologic levels.

Keywords: temperament, character accentuations, psychological defenses, self-regulation, personality, autonomic response.

В контексте системного подхода индивидуальность рассматривается как многоуровневая саморегулирующаяся система, организованная по гетерархическому принципу, существующая в единстве психических и нейробиологических свойств [1; 4; 6; 9]. Системная целостность индивидуальности обусловлена многомерными междууровневыми и внутриуровневыми взаимосвязями между ее компонентами, что и составляет основу саморегуляции [1; 2; 4]. В структуре индивидуальности условно выделяют два уровня: психический и нейрофизиологический. Регуляторные компоненты психического уровня обеспечивают организацию и контроль целенаправленного поведения [4; 5]. На нейрофизиологическом уровне ведущую роль играет вегетативная нервная система, осуществляющая формирование и поддержание функционального состояния, которое обеспечивает максимальную эффективность

функционирования компонентов психического уровня [2; 3; 6; 9; 10]. В ходе онтогенеза индивидуальная структура системных свойств формируется гетерохронно в процессе субъектной деятельности [1; 2; 5; 6]. Индивидуальный профиль автономных механизмов (вегетативное реагирование – ВР), сформированный как устойчивое свойство уже на ранних этапах онтогенеза, рассматривается как природная предпосылка особенностей регуляторных механизмов психического уровня, формирующихся позднее [6; 10].

В наших исследованиях показано (данные МРА), что особенности профиля ВР в определенной степени обуславливают особенности свойств темперамента, акцентуаций характера, предпочитаемых психологических защит [7; 8]. В частности, стратегия накопления функциональных ресурсов (ФР) создает предпосылки для широких социальных контактов [8], а невысо-

кий уровень напряжения высших регуляторных центров – для использования энергозатратных психологических защит. В свою очередь, компоненты психического уровня в определенной степени обуславливают особенности профиля ВР. Так, характерные для подросткового возраста эмотивность, экзальтированность и возбудимость сопряжены с мобилизацией и затратами ФР [7], тогда как склонность к социально одобряемому поведению в этом возрасте существенно снижает уровень напряжения нейрорегуляторных центров, что можно, по-видимому, рассматривать в качестве компенсаторных механизмов, обеспечивающих стабилизацию разбалансированных нейрорегуляторных процессов [7]. С возрастом структура межуровневых связей изменяется, они становятся более многозначными. Так, если в подростковом возрасте эмоциональность обусловлена высоким уровнем мобилизации ФР, то в зрелом возрасте – стратегией их рационального распределения и расходования [8]. Таким образом, устойчивая иерархическая структура индивидуальности формируется как динамическая система взаимодействующих и взаимовлияющих компонентов нейрофизиологического и психического уровней.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер. 2010. 288 с.
2. *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука. 1980. 196 с.
3. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука. 1988. 270 с.
4. *Мерлин В.С.* Психология индивидуальности: Избранные психологические труды / под ред. Е.А. Климова. М.: Моск. психол. – соц. ин-т. 2009.
5. *Моросанова В.И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. Наука. 2010. 520 с.
6. *Русалов В.М.* О природе темперамента и его места в структуре индивидуальных свойств человека // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 19–32.
7. *Ткаченко Д.П., Усенко А.Б.* Взаимосвязь акцентуаций характера и особенностей вегетативного реагирования у подростков // Вестник РГГУ. 2015. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». № 4 (147). С. 47–55.
8. *Усенко А.Б., Кузьмина К.А.* Вегетативный баланс как природная предпосылка процессов психической саморегуляции // Психологические исследования. Электронный научный журн. 2011. № 3(17).
9. *Damasio A.* The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness. Harcourt. 1999. 256 p.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕГЕТАТИВНОГО СТАТУСА И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ

Веневцева Ю.Л., доктор медицинских наук, заведующая кафедрой пропедевтики внутренних болезней

Елисеев Д.Е., соискатель

Медицинский институт «Тюльский государственный университет»

Аннотация. Корреляционный анализ выявил взаимосвязи психологических черт по данным пятифакторного опросника личности с параметрами вегетативного баланса по данным спектрального анализа вариабельности сердечного ритма у 66 студентов 6-го курса медицинского института. Обнаружены некоторые гендерные различия.

Ключевые слова: пятифакторный опросник, студенты, вариабельность сердечного ритма, корреляционный анализ.

Abstract. Correlation analysis revealed associations between psychological factors and traits assessed by FFI and sympatho-vagal balance examined by spectral analysis of heart rate variability in 66 VI-year medical students. Gender differences were obtained.

Keywords: five factors inventory, students, heart rate variability, correlation analysis.

В настоящее время повышается значимость вклада психологических особенностей личности в успешность профессиональной деятельности врача, особенно при выборе субспециальностей, требующих непосредственного контакта с пациентом. Методика оценки вариабельности сердечного ритма (ВСР) в последние 20 лет широко используется для изучения вегетативного тонуса и регуляции организма, в том числе при исследовании психической сферы [1]. Так как взаимосвязь психологических особенностей личности с вегетативным балансом у здоровых молодых людей представляется не полностью изученной [2], весной 2013 г. было обследовано 66 студентов 6-го курса лечебного факультета Медицинского института ТулГУ (51 девушка и 15 юношей), которые заполнили один из русскоязычных вариантов опросника «Большая пятёрка» [3].

Вегетативный тонус определяли при 3-минутной записи ЭКГ в положении сидя с расчетом общепринятых показателей ВСР в области временного и спектрального анализа. Для статистической обработки использовали пакет анализа Excel 11.0. Приведены только достоверные корреляционные связи.

Результаты. В соответствии с пятифакторной моделью (FFM, McCrae & John, 1992) и пятифакторной теорией (McCrae, Costa, 1996, 1999), пять базовых личностных факторов (экстраверсия, нейротизм, сотрудничество, добросовестность, открытость опыту) являются эндогенными и относительно стабильными в течение жизни. Определяемые данным опросником 25 дополнительных черт расширяют психологический портрет.

Достоверных гендерных различий в показателях выраженности психологических характеристик мы не нашли. Вместе с тем, несмотря на большую частоту сердечных сокращений ($86,2 \pm 1,5$ у девушек, $80,6 \pm 2,5$ уд/мин у юношей), относительная мощность волн HF, отражающая тонус парасимпатического отдела вегетативной нервной системы (ВНС) и резервы адаптации, у девушек оказалась достоверно выше ($25,2 \pm 1,9$ и $16,9 \pm 2,2$ %; $p = 0,03$), а относительная мощность волн LF соответственно ниже.

По данным корреляционного анализа, психологические особенности личности достаточно тесно связаны с особенностями вегетативного статуса. Так, чем выше мощность волн LF, отражающих тонус симпатического отдела ВНС у девушек, тем больше были выражены сотрудниче-

ство и настойчивость, и ниже – общительность. Чем выше активация регуляторной оси «гипоталамус – гипофиз – кора надпочечников» (мощность волн VLF), тем выше сензитивность и пластичность, однако ниже стремление к поиску впечатлений, теплота, сотрудничество, уважение других, самоконтроль и напряженность. С повышением парасимпатического тонуса (мощность волн HF) возрастает выраженность таких черт, как теплота в отношениях, самоконтроль и артистичность.

В отличие от девушек, у юношей выраженность самоконтроля положительно коррелирует со сдвигом симпато-вагального баланса в сторону симпатикотонии, при этом возрастает уважение других. Чем выше мощность волн VLF, тем выше доверчивость. Как и у девушек, настойчивость положительно связана с симпатическим тонусом ВНС. В то же время при повышении активности ее парасимпатического отдела (HF%) снижается самоконтроль, аккуратность, настойчивость и артистичность.

Полученные нами данные совпадают с недавно опубликованными результатами исследования 127 детей и подростков 10–17 лет, у которых относительная мощность волн HF была отрицательно связана с депрессивными симптомами, в то время как относительная мощность волн VLF – положительно [2].

Таким образом, обнаружены некоторые гендерные различия в направленности взаимосвязей вегетативного баланса с психологическими чертами личности здоровых молодых людей. Необходимы дальнейшие исследования в этом направлении с включением большего числа респондентов.

Литература

1. Blood, J.D., Wu, J. et al. The variable heart: High frequency and very low frequency correlates of depressive symptoms in children and adolescents. *J Affect Disord.* 2015. №1. № 186. P. 119–26.
2. Eliseev D., Venetseva Y. et al. Personality and heart rate variability in medical students during 2009–2013. Book of abstracts of the Fifth International Symposium on Neurocardiology «NEUROCARD2013», Belgrade, Serbia. October 17–18, 2013. P. 95/
3. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учеб. – метод. пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 23 с.

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ НА ПРОЦЕСС РЕШЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ЗАДАЧИ

Давыдова Е. Ю., кандидат биологических наук

Давыдов Д. В., кандидат биологических наук

Сорокин А. Б., кандидат биологических наук

НОЦ нейробиологической диагностики наследственных психических заболеваний детей и подростков

Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Оценивались характеристики элементарной деятельности в ситуации свободного выбора. Было показано, что паттерн разномодальных параметров (время и точность реакции, последовательность действий, спонтанные реакции) отражает индивидуальные когнитивно-психологические особенности испытуемого. При этом отдельные параметры значимо коррелируют с мнестическими, психологическими и психофизиологическими характеристиками, тестируемыми стандартными методами.

Ключевые слова: время реакции, внутренняя мотивация, когнитивная деятельность, индивидуальная интерпретация

Abstract. We investigated features of basic cognitive activity in a free-choice setting. The pattern of multimodal features, such as response time, accuracy, sequence, and spontaneous reactions, was shown to reflect cognitive and psychological profile of the individual. Some of the parameters significantly correlate with psychological and psychophysiological features, including memory performance, as tested with standard assessment methods.

Keywords: reaction time, intrinsic motivation, cognition, individual interpretation.

К настоящему моменту накоплено большое количество данных о связи времени реакций человека с показателями тестов интеллекта [3]. Значительное внимание уделяется изучению ориентировочной реакции, особенности которой, как было показано еще Бернштейном [4], подвержены многочисленным когнитивным и мотивационным эффектам и связаны с характеристиками темперамента и личности. Феномен мотивации, в свою очередь, близок вниманию, являющемуся координационной структурой процессов оперативного достижения цели [1]. Также хорошо изучено влияние установок на зрительное опознание и их связь с контекстом когнитивной деятельности. Вместе с тем учет индивидуально-типологических и мотивационных влияний при выполнении когнитивных задач весьма затруднен из-за сложности учета таких переменных, как личная актуальность и индивидуальная интерпретация

Цель и методы исследования. Основная цель настоящего исследования – изучение влияния индивидуально-типологических особенностей испытуемых на процесс решения простой латентной задачи.

В исследовании участвовало 62 испытуемых обоого пола в возрасте от 19 до 35 лет. Использо-

валась компьютерная методика измерения временных характеристик элементарной деятельности в ситуации свободного выбора [2], кроме того, все испытуемые прошли комплексное психологическое тестирование.

Результаты и обсуждение. Результаты корреляционного анализа полученных данных свидетельствуют о связи показателей решения латентной задачи с различными личностными характеристиками, что позволило выделить четыре основных фактора, определяющих индивидуальную специфику решения задачи.

◆ динамический фактор определяет не только скорость работы, но и ее изменения. Значения времени свободной реакции ожидаемо коррелируют с динамическими показателями, полученными традиционными методами, что свидетельствует о наличии индивидуального оптимума темповых характеристик деятельности;

◆ регуляторный фактор определяет реакцию испытуемого на изменения предъявляемых стимулов. Так, показатель временной задержки при смене цвета-стимула, по-видимому, отражает баланс ориентировочной и оборони-

тельной реакций, что подтверждает его связь с уровнем косвенной агрессии;

- ◆ мотивационный фактор влияет на многие показатели решения задачи, что подтверждает связь ВСП с суммарным показателем перфекционизма (по тесту Гаранян). Также выявлялась связь перфекционизма с динамическими характеристиками деятельности;
- ◆ интерпретационный фактор отражает индивидуальную оценку условий и автопостановку задачи, определяя качественные характеристики результата. Так, при восприятии задачи как «механической» наблюдалось уменьшение времени реакции на всех этапах и сглаживание различий, отражающих процессы анализа и принятия решения. В противоположном случае – при восприятии задачи как «проблемной» – наблюдались различные варианты интерпретации и, соответственно, различные типы взаимодействия с материалом.

Заключение. Комплексный анализ полученных данных позволил предположить, что результат определяется типом взаимодействия испытуемого с материалом задачи, который, в свою очередь, является результатом взаимодействия

интерпретационного и мотивационного факторов при модулирующем влиянии фоновых, динамических и регуляторных факторов. Таким образом, индивидуально-типологические особенности являются не столько константной конституциональной характеристикой, сколько результатом динамического взаимодействия факторов.

Литература

1. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2 т. М.: Академия, 2006.
2. *Давыдова Е.Ю.* и др. Психофизиологические характеристики процесса решения латентной задачи как отражение когнитивно-психологической индивидуальности // Современная проблема науки и образования. 2015. № 1.
3. *Чурпикова Н.И., Ратанова Т.А.* Связь показателей интеллекта и когнитивной дифференцированности у младших школьников // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 104–114.
4. *Bernstein A.S.* The orienting reflex as novelty and significance detector // Psychophysiol. 1979. № 16. С. 263–273.

ВЛИЯНИЕ НАРУШЕНИЯ ЗРЕНИЯ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Кулешова С.Л.

Мухамадеев Р.А., кандидат биологических наук
Всероссийский центр глазной и пластической хирургии

Аннотация. Исследовано восприятие влияния снижения зрения на образ жизни у пациентов со слабым зрением, у врачей-экспертов и людей с хорошим зрением. Острота зрения у людей с нарушением зрения составляла 0,006–0,011, у врачей и у лиц из контрольной группы была на уровне 1,0. Индивиды с нарушением зрения или связанные с лечением глазных болезней лучше других понимают те ограничения, которые накладывает нарушение зрения. Эти ограничения имеют отношение к сфере профессиональной деятельности и к материальным затратам на лечение. Пациенты, в отличие от других групп, менее критично относятся к потерям времени, которое уходит на лечение.

Ключевые слова: слабое зрение, образ жизни, качество жизни, восприятие ограничений жизнедеятельности.

Abstract. Researched perception of the effect of vision loss on your lifestyle in patients with low vision, doctors-experts and people good eyesight. Visual acuity of people with visual impairment was 0,006–0,011, doctors and patients from the control group was 1.0. Individuals with visual impairment or related to the treatment of ocular diseases, understand the limitations of impaired vision. These limitations are related to the field of professional activity and material costs for treatment. Patients, unlike other groups, less critical attitude towards the loss of time that is spent on treatment.

Keywords: poor eyesight, lifestyle, quality of life, perception of disability.

Основным каналом получения информации об окружающем мире является зрение. Не вызывает никаких сомнений, что человек как социальный уникум не может полноценно существовать, не общаясь с миром либо посредством пассивного наблюдения, либо через различного рода деятельность. И в том и в другом случае зрение играет существенную роль. Важным условием высокого качества жизни является хорошее зрение, а также сохранение достаточного уровня зрительных функций, который не приводит к значительному ограничению жизнедеятельности человека. По данным зарубежных исследований, было выявлено, что наличие зрительных расстройств является одним из основных факторов, снижающих качество жизни, причем его значимость превосходит влияние симптомов ряда сердечно-сосудистых заболеваний, в том числе представляющих непосредственную угрозу для жизни [2]. Сохранение зрения на должном уровне является актуальной проблемой современной медицины. Это связано с тем, что с увеличением продолжительности жизни, по крайней мере в индустриально развитых странах, растет количество людей с возрастными нарушениями зрения. В связи с этим важно понять, как снижение зрения сказывается на собственном восприятии изменений в качестве жизни, изменений различных аспектов образа жизни. Кроме того, важно понять, как эти изменения оценивают другие индивиды, которые не испытывают затруднений со зрительным восприятием.

В нашем исследовании приняли участие 60 добровольцев. Испытуемые были разделены на три группы. Первая группа – слабовидящие пациенты, 10 мужчин и 10 женщин. Средний возраст в первой группе – $41,90 \pm 13,22$ лет (21–66 лет). Средняя острота зрения правого глаза – $0,006 \pm 0,005$ (0,0–0,02, средняя острота зрения левого глаза – $0,007 \pm 0,012$ (0,0–0,05), средняя бинокулярная острота зрения – $0,011 \pm 0,011$ (0,0004–0,05). Вторая группа – эксперты-врачи, 9 мужчин и 11 женщин, средний возраст $45,50 \pm 6,87$ лет (32–58 лет). Средняя острота зрения правого и левого глаз, бинокулярная острота зрения – $1,0 \pm 0,0$. Третья группа – нейтральные люди, не имеющие проблем со зрением, но и не связанные с лечением глазных болезней, 11 мужчин и 9 женщин, средний возраст – $44,20 \pm 13,05$ года (22–68 лет). Средняя острота зрения правого и левого глаз, бинокулярная острота зрения – $1,0 \pm 0,0$. Для оценки субъективного восприятия влияния заболевания на образ жизни использовали опросник А.И. Сердюка [3]. Исследование было проведено в соответствии с требованиями Хельсинской декларации Всемирной медицинской ассоциации

по этическим принципам проведения научных медицинских исследований с участием человека 2000 г. Использовали непараметрический метод статистического анализа – U-критерий Манна – Уитни [4].

По возрасту между группами статистически достоверных различий выявлено не было ($p > 0,05$). Индивиды первой группы (слабое зрение) статистически значимо отличались от индивидов двух других групп более низкой остротой зрения правого и левого глаз, бинокулярной остротой зрения ($p << 0,0004$).

При приведении статистического анализа полученных результатов было выявлено, что группа лиц со слабым зрением отличается по нескольким аспектам влияния заболевания на образ жизни от групп врачей-экспертов и контрольной группы с нейтральными людьми. А именно, пациенты острее чувствуют свои ограничения в еде, употреблении спиртного, возможности общаться с другими людьми, в развлечениях ($p = 0,038$). В тоже время пациенты, в отличие от других групп, менее критично относятся к потерям времени, которое уходит на лечение ($p = 0,0043–0,014$). Люди со слабым зрением и врачи лучше других знают, что восстановление, поддержание здоровья требует существенных материальных затрат ($p = 0,023–0,04$). Кроме того, люди из контрольной группы слабее других представляют, что заболевание накладывает ограничения по профессиональному продвижению, сужает область освоения и применения профессиональных навыков, что также приводит к материальным ограничениям ($p = 0,00006–0,0003$). Накопление психоэмоциональной напряженности, обусловленной снижением качества жизни и отношением пациента к влиянию заболевания на образ жизни, может оказывать существенное влияние на течение соматического заболевания. Это было показано на примере офтальмологических пациентов с глаукомой. Кроме того, неблагоприятные психофизиологические особенности усложняют проводимое лечение, приводят к подключению дополнительных методов лечения, в том числе психотерапевтических мероприятий [1].

Таким образом, по результатам нашего исследования можно сказать, что люди, либо имеющие зрительную патологию, либо связанные с лечением глазных болезней, лучше других понимают те ограничения, которые накладывает нарушение зрения. В первую очередь эти ограничения имеют отношение к сфере профессиональной деятельности и к материальным затратам на лечение. Кроме того, для пациентов является привычным, что на лечение, нахождение в лечебном учреждении

уходит много времени. Отчасти это может быть связано с тяжестью заболевания и, как следствие, с увеличением времени на лечебный процесс, а также может быть связано с несовершенством организации деятельности лечебных учреждений и бюрократического медицинского аппарата.

Литература

1. Качество жизни и психологический статус больных с глаукомой и катарактой / Э.В. Бойко, В.Н. Сысоев, А.А. Новик и др. // Глаукома. 2010. № 1. С. 21–25.

2. Подходы к оценке качества жизни офтальмологических больных / Е.С. Либман, М.Р. Гальперин, Е.Е. Гришина и др. // Клиническая офтальмология. 2002. Т. 3. № 3. С. 119–121.

3. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005.

4. Реброва О.Ю. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. М.: Медиа Сфера, 2002.

ГЕНДЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СПОСОБНОСТЕЙ ПАМЯТИ ШКОЛЬНИКОВ 7-12 ЛЕТ С РАЗЛИЧНЫМ ТЕМПОМ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Мурафа С.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Рассматривается подход к изучению способностей памяти через анализ их структуры. Приведены экспериментальные данные, подтверждающие, что мнемическая деятельность включена в причинно-следственные отношения при патологическом изменении психической деятельности. Проведен анализ гендерных различий: мнемических способностей, зрительной, слуховой памяти и опосредованного запоминания школьниками 7–12 лет с различным темпом психического развития.

Ключевые слова: гендерные различия, мнемические способности, память, младшие школьники, задержка психического развития.

Abstract. The approach to the study of memory abilities through the analysis of their structure. Experimental evidence that mnemonic activity is included in the causal relationship with the pathological changes of mental activity. The analysis of gender differences: mnemonic abilities, visual, auditory memory and memory indirect schoolchildren 7–12 years with different rates of mental development.

Keywords: gender differences, mnemonic abilities, memory, junior high school students, mental retardation.

В исследовании для оценки эффективности и качественного своеобразия мнемических способностей применялся метод развертывания мнемической деятельности В.Д. Шадрикова, Л.В. Черемошкиной и методика диагностики мнемических способностей Л.В. Черемошкиной [2]. Для изучения зрительной, слуховой памяти и опосредованного запоминания использовались: методика измерения объема кратковременной слухоречевой памяти А.Р. Лурия, методика измерения кратковременной памяти Джекобсона, методика измерения кратковременной зрительной памяти, метод двойной стимуляции (по Ле-

онтьеву) и пиктограмма А.Р. Лурия. В ходе качественного анализа результатов исследования было также проведено гендерное исследование с применением U-критерия Манна – Уитни [1].

Испытуемыми были учащиеся 1–4 классов с ЗПР (задержка психического развития) в возрасте 7–8 лет (25 человек), 9 лет (29 человек), 10–12 лет (46 человек) в количестве 100 человек, 105 учащихся составила контрольная группа. В выборке ЗПР – мальчиков 66 учащихся, девочек 34. В контрольной группе – мальчиков 50, девочек 55. На рис. 1 представлены среднее значения запоминания с опорой на ФМ МС (функциональ-

ные механизмы мнемических способностей) школьников 7–8 лет, 9 лет, 10–12 лет в выборке ЗПР (71 человек) и контрольной группы (103 человек) по результатам запоминания простого невербального материала.

Рис. 1. Продуктивность запоминания с опорой на ФМ МС (среднее значение)

Анализ гендерных различий в развитии ФМ МС. На основе анализа достоверности различий гендерные различия в развитии запоминания с опорой на ФМ МС не выявлены. Это свидетельствует о том, что развитие ФМ не зависят от половой принадлежности у школьников 7–12 лет с задержанным и обычным темпом психического развития. Среднее время запоминания простого невербального материала у мальчиков – 25,29, у девочек – 23,5 с ЗПР, в контрольной группе – 15,41 и 13,07 соответственно.

Анализ гендерного различия зрительной, слуховой памяти и опосредованного запоминания. Результаты школьников с ЗПР: зрительная память, концентрация внимания, непосредственное слуховое воспроизведение, отсроченное слуховое воспроизведение слухоречевого материала, опосредованное запоминание не имеют значимых различий. Только выявлен факт, что девочки (34 человека) в отличие от мальчиков (66 человек) быстрее включаются в процесс запоминания при первом предъявлении слухоречевого материала (методика «10 слов»), уровень значимости составил $p = 0,015$ ($p < 0,05$).

Результаты школьников с обычным темпом психического развития – зрительная память, концентрация внимания, непосредственное слуховое воспроизведение (методика Джекобсона) – не имеют значимых различий. Однако выражены различия при первом предъявлении слухоречевого материала (методика «10 слов»): у группы 9 лет уровень значимости составил $p = 0,0283$ ($p < 0,05$) и в общей группе 7–12 лет $p = 0,027$ ($p < 0,05$). Для девочек характерны более высокие показатели запоминания (среднее 4,25), чем для мальчи-

ков (среднее 3,7). Девочки быстрее включаются в процесс запоминания.

Далее, различия выявлены при заучивании слухоречевого материала (методика «10 слов») в возрастной группе 7–12 лет. У девочек показатели заучивания материала выше (среднее 8,05), чем у мальчиков (среднее 7,32) на уровне значимости $p = 0,021$ ($p < 0,05$). Показатели отсроченного воспроизведения материала в возрасте 7–12 лет (долговременная память) у девочек также оказалась лучше (среднее 7,45 и 6,4 у мальчиков).

Выявлены различия в возрастной группе 7–12 лет при опосредованном запоминании. Опосредованные связи, применяемые для запоминания, девочкам помогают лучше запоминать материал, чем мальчикам. Уровень значимости составил $p = 0,015$ ($p < 0,05$) по методике двойной стимуляции и $p = 0,031$ ($p < 0,05$) по методике пиктограммы.

Таким образом, можно говорить, что развитие ФМ МС обусловлено индивидуальной спецификой психического дизонтогенеза школьников 7–12 лет и имеет свою возрастную тенденцию развития. Уровень развития ФМ МС зависит от того, задержанный или обычный темп психического развития.

Гендерные различия показывают тенденцию более быстрого включения в процесс запоминания слухоречевого материала как девочками с ЗПР, так и девочками с обычным темпом психического развития, а также лучшее использование опосредованных связей для запоминания девочками 7–12 лет с обычным темпом психического развития.

Литература

1. *Мурафа С.В.* Мнемические способности младших школьников с задержкой психического развития: дисс ... канд. психол наук. М., 2012.
2. *Шадриков В.Д., Черемошкина Л.В.* Мнемические способности: развитие и диагностика. М.: Педагогика, 1990.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОВЕДЕНИИ ЖИВОТНЫХ – ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ¹

Перепелкина О.В., кандидат биологических наук
Тарасова А.Ю., аспирант

¹ Работа частично поддержана РФФИ. Грант 13-04-00747.

Голибродо В.А., кандидат биологических наук
Полетаева И.И., доктор биологических наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Оценка роли генотипа в определении когнитивных признаков у мыши – перспективный путь изучения индивидуальной изменчивости поведения. Селекционным путем сформирована линия мышей, которые отличны по когнитивному поведению (тест на неисчезаемость, реакция на новизну, но не отличаются по тесту на экстраполяцию). Мыши, селектированные на разный вес мозга, обнаруживают сходные различия.

Ключевые слова: генетика поведения, когнитивные признаки, селекция, реакция на новизну, вес мозга, взаимоотношение «генотип – среда», мыши.

Abstract. The evaluation of the role which genotype plays in determination of in cognitive traits in mice is the fruitful way to study the individual behavior variability. The selection was used to create the mouse strain which differs from the control population by cognitive behavior (object permanence, novelty, but not by extrapolation test). Mice, selected for different brain weight reveal similar differences.

Keywords: behavior genetics, cognitive traits, selection, novelty reaction, brain weight, genotype-environment interaction, mice.

Фенотипическая индивидуальная изменчивость – сложный феномен, который анализирует и психология, и генетика количественных признаков, и, разумеется, психогенетика. «Уникальность генотипа каждого человека, высокая индивидуализированность многих психологически значимых средовых факторов, ковариация и взаимодействие одного и другого – вот те силы, которые формируют бесконечное разнообразие людей» (Равич-Щербо и др., Психогенетика, 1999). Очевидная сложность феноменологии индивидуальных различий осложняет оценку их роли в социальных ситуациях, в том числе кризисных, в патопсихологии и др.

Важным аспектом исследования индивидуальности является поиск коррелятов психофизиологических признаков и психологических черт личности, т.е. тех или иных особенностей психики отдельного индивида. В то же время, несмотря на колоссальные различия в уровнях сложности психики человека и особенностей организации когнитивных признаков животных, экспериментальный подход, т.е. анализ групповых и индивидуальных различий в проявлении когнитивных способностей животных, также может способствовать поиску биологических корней индивидуальности.

В качестве одной из иллюстраций этого положения в настоящей работе предлагается мета-анализ особенностей организации поведения мышей, селектированных линий, у которых обнаруживаются различия по «базовым» когнитивным способностям. Согласно существующим представлениям когнитивной науки и нейробиологии в понятие «когнитивные способности животных» включаются феномены разного уровня

сложности. Их можно условно подразделить как минимум на две категории: универсальные «базовые» способности (свойственные всем позвоночным, например, пространственное поведение, решение элементарных логических задач и др.) и способности, свойственные только достаточно высокоорганизованным млекопитающим и птицам. Эти способности позволяют животному решать сложные логические задачи, изготавливать орудия в новых ситуациях и др. Очевидно, что сегодня анализ биологических основ индивидуальных различий в экспериментальных исследованиях возможен только для базовых когнитивных способностей. Решение элементарной логической задачи – теста на экстраполяцию направления движения – обнаруживает у лабораторных мышей значительную индивидуальную изменчивость. На его проявление влияют особенности организации кариотипа, генотип, вес мозга, ряд фармакологических воздействий. В настоящее время проводится селекция мышей на высокий уровень этой способности – экстраполяции направления движения корма, исчезнувшего из поля зрения. В первых поколениях селекции доля особей, успешно решающих данный тест, выросла. Однако позднее, к 13–14-му поколениям, успешность решения этого теста мышами селектируемой линии ЭКС не изменилась, и она была не выше, чем у мышей контрольной неселектированной популяции (КЭКС). Параллельно, начиная с 10-го поколения, стали обнаруживаться непостоянные по «знаку» половые различия. Решение теста на экстраполяцию предполагает быстрое запоминание животным факта исчезновения корма, (декларативная память), направления движения пищи (процедурная память), что,

по-видимому, является достаточно трудной для мыши задачи. У животного должно быть и понимание таких «правил», как неисчезаемость (по Ж. Пиаже) и элементарного эмпирического закона движения (по Л.В. Крушинскому). Очевидно, что индивидуальные особенности поведения (диктуемые генотипом, средовыми условиями и их взаимодействием) могут обнаруживаться по каждой из перечисленных категорий явлений. Однако, несмотря на явный «неуспех» селекции, мыши ЭКС достоверно успешнее решают другой когнитивный тест – на поиск входа в укрытие. Из ярко освещенной части камеры через «лаз» мышь может попасть в темную «безопасную» зону. Мыши ЭКС и КоЭКС убежали в темноту одинаково быстро, однако при введении препятствий (засыпании лаза стружкой или закрывании его

легкой пробкой, которую легко вынуть зубами) мыши ЭКС достоверно превосходили неселектированный контроль. Между мышами этих групп выявились также различия в тестах на новизну, в том числе на новую пищу. Оказалось также, что общий «рисунок» корреляций показателей тестов (и на экстраполяцию, и на поиск входа в укрытие) у мышей ЭКС содержал большее число корреляций этих признаков, по сравнению с мышами КоЭКС, что может свидетельствовать о более четкой структурированности поведения мышей ЭКС при решении когнитивных тестов. Следует отметить, что сходный характер различий в решении когнитивных тестов отмечается и у другой пары линий – мышей, селектированных на большой и малый относительный вес мозга.

ДВА ТИПА РЕАГИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ НА ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ СТРЕСС ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ СМИЛ

Нуксо П.А., кандидат биологических наук, доцент

Мочалов С.М., доктор философских наук

Башкирский государственный университет

Нуксо О.Г., доцент

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Институт экономики, информатики и управления, кафедра управления и информатики

Аннотация. Исследован экзаменационный стресс у студентов. Выделены два типа реагирования студентов на экзаменационный стресс по показателям СМИЛ. В проведенном исследовании выявлена связь между некоторыми индивидуально-психологическими характеристиками по СМИЛ и физиологическими показателями студентов при экзаменационном стрессе.

Ключевые слова: экзаменационный стресс, индекс Робинсона, омега-потенциал.

Abstract. In this work we studied the examination stress among students. We have identified two types of response of students to examination stress using SMMIP. Thorough research has revealed a certain relationship between some individual psychological characteristics (using SMMIP) and physiological indications in students under examination stress.

Keywords: examination stress, Robinson's index, omega-potential.

Экзаменационный стресс занимает одно из первых мест среди причин, вызывающих психическое напряжение у студентов высшей школы. Вопрос экзаменационного стресса привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей [2; 3; 4]. Разработка теории общих свойств нервной системы человека В.Д. Небылицыным, раскрывающей связь типологических особенностей нервной системы со структурой личности, позволила более глубоко понять осо-

бенности вегетативного реагирования при различных влияниях стрессоров. В предыдущих работах мы выделяли группы по реагированию сердечно-сосудистой системы на экзаменационный стресс [3]. В данной работе мы выделили два типа реагирования студентов на экзаменационный стресс по показателям СМИЛ.

В качестве психологических показателей были взяты черты характера, выявленные посредством опросника СМИЛ. Это известные шкалы: от 1-й –

шкала «самоконтроля» и до 0-й – шкала социальной «интроверсии» (методика ММРІ–\$5МИЛ – Л.Н. Собчик [2007]), также была взята методика «Определение уровня тревожности» (Ч.Д. Спилберг, Ю.Л. Ханин). Цель работы – проанализировать индивидуально-личностные особенности студентов и их вегетативные показатели в стрессовой ситуации.

До и после экзамена у студентов измерялись показатели ЧСС и АД, по которым вычислялся индекс Робинсона, позволяющий характеризовать реагирование сердечно-сосудистой системы в ходе развивающегося экзаменационного стресса. Делались замеры уровня постоянного потенциала головного мозга (омегатенциал) до и после экзамена. В качестве омегаметра использовался прибор Мультиметр М890G. Посредством программ Excel и STATISTICA 10.0 осуществлялась математико-статистическая обработка данных. В исследовании приняли участие 48 человек (студенты факультета психологии).

Мы выделили два типа реагирования студентов на экзаменационный стресс по показателям СМРІЛ посредством кластерного анализа с использованием метода *k*-средних. В первый тип вошли 31 человек в возрасте от 19–23 лет. Это составляет 64,6 % испытуемых. Здесь мы видим, что среднее значение по шкалам СМРІЛ находится в коридоре нормы. Во второй тип вошли 17 студентов в возрасте от 18–23 лет, что составляет 36,4 %. Здесь наблюдается повышение профиля по 1-й шкале, которая как в норме, так и при психических нарушениях несет в себе стержневую тенденцию сензитивно-тревожной гиперсоциальной личности, а также выявлены варианты высоких значений таких шкал, как 4-я, 6-я и 9-я, формирующих стенический тип реагирования; 4-й шкалы с 6-й, указывающих на эксплозивный (вспыльчивый) тип реагирования; 7-й с 4-й с отражением внутренне противоречивого, смешанного типа реагирования, в котором сталкиваются самые разнообразные тенденции.

Корреляционный анализ индивидуально-психологических и физиологических показателей проводился с использованием коэффициента Спирмена для каждого кластера. У испытуемых первого кластера выявлена связь между следующими показателями: прямая связь индекс Робинсона (перед экзаменом) с 7-й «тревожностью» с ($r = 0,57; p < 0,05$), 8-й «индивидуалистичностью» ($r = 0,40; p < 0,05$) и 0-й «социальной интроверсией» ($r = 0,43; p < 0,05$), ситуативной тревожностью ($r = 0,59; p < 0,05$); прямая связь между индексом Робинсона (после экзамена) с ситуативной тревожностью ($r = 0,63; p < 0,05$)

и личностной тревожностью ($r = 0,49; p < 0,05$), обратная связь омега-потенциала до экзамена и после экзамена с показателем 3-й шкалы «эмоциональной лабильности» ($r = -0,37; r = -0,36; p < 0,05$), прямая связь омега-потенциала после экзамена связана с личностной тревожностью ($r = 0,36; p < 0,05$), кроме того, связь омега-потенциала до и после экзамена ($r = 0,81; p < 0,05$).

У испытуемых второго кластера выявлена связь между показателями шкал: 9-й «оптимизмом и активностью» и личностной тревожностью ($r = -0,61; p < 0,05$), 5-й «женственности – мужественности» и ситуативной тревожностью ($r = -0,52; p < 0,05$), прямая связь между индексом Робинсона (перед экзаменом) и 5-й шкалой «женственности – мужественности» ($r = 0,54; p < 0,05$), прямая связь между индексом Робинсона перед и после экзамена и личностной тревожностью ($r = 0,67; r = 0,66; p < 0,05$), связь омега-потенциала после экзамена со 2-й шкалой «пессимистичности» ($r = 0,48; p < 0,05$), кроме того прямая связь омега-потенциала перед и после экзамена ($r = 0,61; p < 0,05$).

Таким образом, проведенные исследования выявляют наличие сложных системных отношений во взаимосвязи физиологических (вегетативных) и личностных индивидуальных показателей при реагировании на экзаменационный стресс как важный эколого-социальный фактор. Этим также подчеркивается необходимость индивидуального подхода для правильного формирования личности студентов, как и необходимость разработки индивидуальных подходов к развитию их стрессоустойчивости.

Литература

1. Влияние психологических особенностей личности на реакцию сердечно-сосудистой системы при экзаменационном стрессе / Л.С. Бекасов, А.М. Гриненко, Ю.Н. Лазарев и др. // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 104–111.
2. Куксо П.А., Куксо О.Г. Взаимосвязи психологических характеристик с физиологическими показателями кровообращения у студентов при экзаменационном стрессе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 6–14.
3. Chappel A.M. A Longitudinal Investigation of Stress, Complete Mental Health, and Social Support among High School Students. Doctor of Philosophy degree // Master's thesis. 2012. ProQuest Dissertations Publishing.
4. Prato C.A. Physiological and psychological stress in nursing students during written exam-

inations. Doctoral dissertation // Master's thesis. 2007. ProQuest Dissertations Publishing.

ЗАВИСИМОСТЬ ВЫРАЖЕННОСТИ ЭКСТРАВЕРСИИ – ИНТРОВЕРСИИ ОТ МЕРЫ ЭКВИПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ ПОЛУШАРИЙ МОЗГА

Дробница И.П.

Челябинский государственный педагогический университет

Аннотация. Экспериментальное исследование, проведенное на правшах с разной степенью амбидекстрии, показало, что фактор экvipотенциальности полушарий связан с экстраверсией – интроверсией опосредованно (через факторы межполушарного доминирования и меры взаимосвязности работы полушарий).

Ключевые слова: функциональная асимметрия мозга, экстраверсия, латеральные пробы.

Abstract. Experimental results suggested that three lateral factors of hemispheric asymmetry were interacted with extraversion: a degree of lateralization, a interhemispheric dominance and a measure of interhemispheric interaction.

Keywords: extraversion, hemispheric asymmetry, lateralization.

Многие психологи детерминантой ЭИ считают фактор строгости – нестрогости критерия принятия решения о запуске действия (строгий критерий принятия решения они соотносят с интроверсией, а нестрогий – с экстраверсией). Представляется, что эта гипотеза не вполне адекватна, поскольку индивид со строгим критерием принятия решения о запуске действия, обладающий при этом достаточной силой мотивированности, имеет тенденцию сопровождать задержку запуска преобразовывающего действия запуском исследовательской деятельности. Ее итогом станет уточнение образа ситуации, образа цели и программы действий. Эта исследовательская активность может осуществляться двояким образом: как через внешний контур уточнения образа реальности и образа действий, предполагающий изменения взаимодействия с окружающей ситуацией и окружающими людьми (например, распросы окружающих), так и через внутренний контур, использующий внутримозговую активность. Выбор внешнего или внутреннего контура (т.е. экстравертированной или интровертированной установки в ходе реализации процесса принятия решения) должен проявлять зависимость и от индивидуальных особенностей субъекта деятельности.

Можно выдвинуть гипотезу о существенной значимости фактора меры экvipотенциальности полушарий мозга в детерминации баланса вы-

раженности внешнего и внутреннего контуров уточнения образа реальности и образа действий. Наиболее простой является следующая модель. Если половины мозга экvipотенциальны, они создают продукты отражения высокоизоморфные отражаемой реальности, незначительно отличающиеся друг от друга. При этом неизбежен этап внутренних межполушарных «прокруток» информации, что усиливает баланс «внешняя активность – внутренняя активность» в сторону внутреннего полюса, т.е. интроверсии. Во втором случае две половины мозга вследствие высокой специализации имеют различающиеся информационные «полуфабрикаты». Результатом взаимодействия полушарий этого типа является создание средневзвешенного итогового продукта, проверить истинность которого легче при помощи внешних перемен во взаимодействии с объектом отражения, т.е. через внешнюю обратную связь. Эмпирическим подтверждением такой модели стало бы нахождение положительной корреляции между амбидекстрией и интроверсией.

Анализ научной литературы, тем не менее, дал иную картину. Часть авторов не нашла никакой корреляции меры экvipотенциальности – специализированности полушарий по мануальной функции с ЭИ, часть авторов выявила слабую корреляцию амбидекстрии с интроверсией, а часть, наоборот, – с экстраверсией. Такой экспериментальный результат означает либо полную

несостоятельность выдвинутой гипотетической модели, либо неполноту учета опосредующих факторов. Для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи ЭИ и фактора эквипотенциальности полушарий с опосредующим влиянием фактора доминирования полушарий и фактора степени тесноты межполушарного взаимодействия было проведено экспериментальное исследование на выборке 200 взрослых человек (праворуких с разной степенью амбидекстрии) [1, с. 105]. Индивидуально-психологические характеристики замерялись опросниками FPI, EPI, 16 PF, Кей-ерси, Леонгарда-Шмишека, Зворыкина и рисуночным тестом РНЖ. Латеральные замеры были выполнены с помощью анкеты Аннет, пробы на аплодирование, ведущий глаз по прицеливанию, ведущую ногу, миокинетического теста Мира-и-Лопеса, теппинг-тесту для двух рук.

Новизной нашего исследования было уточнение подхода к определению меры эквипотенциальности полушарий. Помимо замера отличия рук по показателям успешности тонкой моторики, в которой у правой лидирует правая рука, мы использовали показатель успешности целостной моторики, в котором у правой лидирует левая рука. В группе, где оба полушария были одинаково умелы и в тонкой и в целостной моторике, а значит, эквипотенциальны как по элементному, так и по целостному механизму, экстравертированность наблюдалась в случае, когда

одно из полушарий (неважно какое) доминировало в контроле позы Наполеона и позы «перекрест пальцев» и при этом имело малую степень взаимодействия с другим полушарием. В группе, где правое полушарие имело более полную представленность двух механизмов, чем левое, экстравертированность наблюдалась либо когда правое полушарие доминировало в контроле обеих поз и при этом мало взаимодействовало с левым полушарием, либо когда контроль двух поз был распределен между тесно взаимодействующими полушариями. В следующей группе, зеркальной относительно предыдущей, т.е. в той, где левое полушарие имело более полную представленность двух механизмов, экстравертированность наблюдалась либо когда левое полушарие доминировало в контроле обеих поз и при этом мало взаимодействовало с левым полушарием, либо когда контроль двух поз был распределен между тесно взаимодействующими полушариями.

Литература

1. Дробница И.П. Функциональная асимметрия полушарий как фактор предопределяющий выраженность экстраверсии // Фундаментальные проблемы нейронаук. Функциональная асимметрия. Нейропластичность. Нейродегенерация: матер. Всероссийской научной конференции с междунар. участием. М.: Научный мир, 2014. С. 104–110.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АНТИЦИПАЦИИ

Перегуда С.Н., студент кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии факультета клинической психологии

Курский государственный медицинский университет

Аннотация. Рассматриваются проблемы антиципации как высшей психологической функции в рамках нейропсихологии. Указаны возможные перспективы их решения. В качестве одного из вариантов решения проблемы применения диагностики антиципации автором предлагается методика «АТИЛ (Антиципационный тест имени А.Р. Лурия)». Приведены предварительные результаты апробации данной методики.

Ключевые слова: антиципация, высшие психические функции, антиципационная состоятельность, вероятностное прогнозирование, компенсация.

Abstract. The problems of anticipation as the HMF within neuropsychology. The possible prospects of their solution. As one of the solutions to the problem of the use of diagnostic anticipation author of the technique of «ATNL (anticipation test name Luria)». The preliminary results of this testing method.

Keywords: anticipation, higher mental functions, anticipational validity, probabilistic forecasting, compensation.

По нашему мнению, при рассмотрении антиципации как высшей психической функции (ВПФ) в рамках нейропсихологии можно условно выделить три основных проблемы: существование антиципации как высшей психической функции; применение диагностики антиципации как основательного признака выявления патологических синдромов; антиципация как компенсаторный механизм нарушений ВПФ. Проблемы применения диагностики антиципации как основательного признака выявления патологических синдромов и существования антиципации как ВПФ мы бы хотели теоретически обосновать и продемонстрировать предварительные результаты, полученные в лаборатории, предположительно имеющие начальные элементы их решения.

Рассмотрение антиципации как ВПФ носит противоречивый характер. Многие отечественные (П.К. Анохин [2], Н.А. Бернштейн [4], Д.А. Ширяев, Т.Ф. Базылевич [3], Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков [5], Л.А. Ретуш [11; 12], Е.А. Сергиенко [14], В.Д. Менделевич [9] и др.) и зарубежные (У. Найссер [8], С. Плаус [10], Р. Нисбетт, Л. Росс [13], А. Бертоз [1] и др.) исследователи объясняют феномен антиципации с разных позиций. Преимущественно с позиции ее уровневого строения и включения в деятельность (Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков) как универсальный механизм психической организации человека, включающий избирательность и упреждение событий при взаимодействии со средой (Е.А. Сергиенко [14]), как форму и свойство когнитивной схемы (У. Найссер [8]), как психофизиологический механизм адаптации организма (П.К. Анохин [2], Н.А. Бернштейн [4], И.М. Фейгенберг [15]), как общая, универсальная функция головного мозга (А. Бертоз [1]), как способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением (В.Д. Менделевич [7]). Однако, несмотря на расхождения во взглядах, можно выделить два общих аспекта рассмотрения данными исследователями феномена антиципации: универсальность (неспецифичность) и отсутствие объяснения антиципации как ВПФ.

Как известно, ВПФ имеет три основных свойства: произвольность, опосредованность и социальность (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия [6]). Качественно обоснована в работах Е.А. Сергиенко избирательность антиципации в процессе

онтогенеза человека [14]. То есть специфичность антиципации может объясняться как в рамках взаимодействия со средой в общем, так и с определенными составляющими среды – стимулами определенной модальности и др. Учитывая усложнение структурно-функциональной организации психической деятельности человека в процессе онтогенеза, антиципация проявляется более развитой универсальностью (укрепляются функциональные связи с другими ВПФ) и в то же время специфичностью (за счет преимущественного развития определенных связей функционирования ВПФ).

Качественный анализ структуры антиципации в рамках деятельностного подхода (Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков и др.) позволил выделить следующие с постепенным усложнением уровни: субсенсорный, сенсомоторный, перцептивный, уровень представлений, речемыслительный (вербально-логический) [5]. Вероятно, если рассмотреть антиципацию с четырех позиций – относительно уровневого строения антиципации, уровней организации ВПФ, основных свойств ВПФ и индивидуальных свойств ЦНС и психической деятельности в целом – можно выделить антиципацию как высшую психическую функцию. Говоря о социальном происхождении, можно указать, что при социальном взаимодействии между людьми, обучении и воспитании, т.е. в процессе интериоризации («вращивании» социальных форм поведения во внутренний план), антиципация формируется и приобретает более качественный иерархический уровень. Произвольность антиципации ярко выражена на примере деятельности: формируются мотивы и цели, выполняются определенные операции, контролируется выполнение и оценивается результат, деятельность носит опережающий характер и т.д. Опосредованность антиципации выражается в ее универсальности: каждый созданный образ при восприятии и закреплении в памяти уже имеет опережающий характер; человек опосредует прогнозы в процессе символической деятельности, при помощи речи выстраивает возможные результаты.

Проблема применения диагностики антиципации как основательного признака выявления патологических синдромов тесно связана с проблемой нейропсихологической диагностики. Давние различия между отечественным и зарубежным подходами к нейропсихологической диагностике перешли на новый уровень взаимодействия в виде современного интегративного подхода. Но при

этом интегративный подход к нейропсихологической диагностике ограничен в применении из-за сложности по причине возможностей системного одновременного выявления качественных и количественных характеристик функционирования ВПФ и их интерпретации. Поэтому в зависимости от целей применяются преимущественно либо количественные методы, либо качественные. Значительный результат при выявлении нейропсихологических симптомов и синдромов показывает отечественный подход к нейропсихологической диагностике (А.Р. Лурия [6], Л.И. Вассерман, С.А. Дорофеева, Я.А. Меерсон и др.). При рассмотрении нейропсихологической диагностики необходимо обязательно учитывать социальное развитие общества, его переход на новый уровень информационного развития, соответственно влияющего на особенности функционирования ВПФ и тем самым на нейропсихологическую диагностику в целом.

Как один из возможных вариантов решения данной проблемы мы предлагаем методику «АТИЛ (Антиципационный тест имени А.Р. Лурия)», направленную на диагностику антиципации и ее особенностей. Целью теста является квалификация содержательных и динамических компонентов антиципации.

Внутренняя структура методики включает все вышеперечисленные позиции, позволяющие, по нашему мнению, рассматривать антиципацию как ВПФ и соответственно квалифицировать данную функцию в совокупности с ее особенностями в процессе диагностики. Основными содержательными компонентами антиципации являются: приоритетность уровня организации относительно уровня сложности деятельности, гибкость и осознанность. Приоритетность уровня организации раскрывается через тенденцию в выборе определенного по модальности стимула в ситуации наличия определенного уровня сложности деятельности (низкая/высокая). Гибкость указывает на моновариативность или многовариативность выбора стимулов. Осознанность показывает уровень качества проявления антиципации в зависимости от закономерности или случайности предъявления стимула. Основным динамическим компонентом – время выполнения теста и каждого его этапа в соответствии с определенным уровнем сложности.

На данном этапе апробация проводилась на выборке здоровых людей (студенты в возрасте 18–25 лет) относительно переменных: пол, профиль латеральной организации (ПЛО). Предварительные результаты указывают, что досто-

верных различий не имеется, но при этом можно выделить следующие специфические тенденции. Многовариативность в выборе стимулов преимущественно использует женская выборка. Интуитивный уровень осознанности антиципации также преимущественно использует женская выборка. Относительно ПЛО: испытуемые с левым ПЛО практически не используют многовариативность в выборе стимула и преимущественно используют закономерный уровень осознанности антиципации в отличие от правого профиля ПЛО.

В итоге мы получили, что методика «АТИЛ» выявляет выделенные нами содержательные и динамические компоненты антиципации, при этом указывает их специфику относительно переменных: пол и ПЛО. Это предварительные результаты, не обладающие достаточным основанием для квалификации антиципации и соответственно использования представленной методики для данной цели. Для решения указанной проблемы необходимы дальнейшие исследования.

Литература

1. *Berthoz A.* The Sense of Movement. Paris: Editions Odile Jacob, 1997.
2. *Анохин П.К.* Избранные труды: Кибернетика функциональных систем / под ред. К.В. Суданова. М.: Медицина, 1998. 400 с.
3. *Базылевич Т.Ф.* Введение в психологию целостной индивидуальности. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 247 с.
4. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности // Биомеханика и физиология движений. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1997. 478 с.
5. *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980. 279 с.
6. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека. М.: МГУ, 1969. 426 с.
7. *Менделевич В.Д., Соловьёва С.Л.* Неврология и психосоматическая медицина. М.: МЕДпресс-информ, 2002. 600 с.
8. *Найссер У.* Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. 225 с.
9. *Ничипоренко Н.П., Менделевич В.Д.* Феномен антиципационных способностей как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 2006. № 5. С. 5–60 с.
10. *Плаус С.* Психология оценки и принятия решений / Пер.с англ. М.: Филинь, 1998. 368 с.
11. *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с.

12. *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: способность, ее развитие и диагностика. Киев: Вицашк, 1997. 250 с.

13. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии // пер. с англ. В.В. Румынского; под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2000, 429 с.

14. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: ИП РАН, 2006. 464 с.

15. *Фейгенберг И.М.* Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М.: Наука, 1977. 387 с.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И УРОВЕНЬ ДЕСИНХРОНИЗАЦИИ АЛЬФА-РИТМА СУБЪЕКТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ ПРИ ОПОЗНАНИИ ЛИЦЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УСТАНОВКИ

Черёмушкин Е.А., кандидат биологических наук
Петренко Н.Е., кандидат биологических наук
Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии

Аннотация. Показана связь тревожности субъектов с пластичностью установки, формируемой с помощью лицевых стимулов, и реакцией десинхронизации альфа-колебаний. У испытуемых с более высокой тревожностью наблюдается более пластичная установка и более выраженная десинхронизация на предъявление стимулов.

Ключевые слова: тревожность, психофизиологическая установка, ЭЭГ, десинхронизация, альфа-колебания.

Abstract. Communication of anxiety with plasticity of the set formed by means of face stimuli, and reaction of desynchronization of EEG alpha-potentials is shown. At subjects with higher anxiety more plastic set and more expressed desynchronization on presentation of stimuli is observed.

Keywords: anxiety, psychophysiological set, EEG, desynchronization, alpha potentials.

Восприятие эмоционального выражения лица имеет большое значение в межличностных отношениях. На неадекватное восприятие лицевой экспрессии оказывают влияние многие факторы, например психофизиологическая установка, непосредственно предшествующая восприятию, и тревожность. Нейрофизиологические механизмы опознания эмоций и их связь с тревожностью исследованы недостаточно. *Целью* работы было выявить у испытуемых с высоким и низким уровнем тревожности индивидуальные особенности и различия в мощности альфа-ритма при опознании негативной лицевой экспрессии (на модели зрительной установки по Узнадзе) [1].

Испытуемые. Исследовали 32 взрослых здоровых человека (13 женщин и 14 мужчин). Средний возраст 24 ± 1 год.

Методика. На стадии формирования установки испытуемым 20 раз предъявляли одновременно два лица с «нейтральным» и «неприятным»,

а на стадии тестирования 40 раз лица только с «нейтральным» выражением. Через 8 с после лиц предъявляли кондиционирующие стимулы (круг зеленого или синего цвета). Если круг был зеленого цвета, испытуемый должен был спустя 8 с при появлении пускового стимула (точка белого цвета) нажимать на кнопку и отвечать, одинаковое было выражение лиц или одно из них более неприятное; если синего, то только отвечать. В течение опыта отводили ЭЭГ. Мощность колебаний биопотенциалов оценивали на основании вейвлет-преобразования. Перед экспериментом испытуемые отвечали на тесты оценки тревожности Тейлор и индивидуальности Кеттла.

Результаты исследования. На основании результатов теста Тейлор из 32 взрослых здоровых испытуемых были выделены две группы с высоким ($n = 14$, 7 мужчин и 7 женщин, $M = 26,9 \pm 1,4$) и низким ($n = 13$, 7 мужчин и 6 женщин, $M = 8,8 \pm 1,0$) уровнем тревожности. Ис-

пытуемые с более низким уровнем тревожности характеризуются большим количеством ошибок опознания лицевой экспрессии на стадии тестирования эффекта установки ($M = 14,4 \pm 4,4$), т.е. более устойчивой установкой по сравнению с более тревожными испытуемыми ($M = 9,6 \pm 2,9$). Исследуемые с низкой тревожностью отличались достоверно большими эмоциональной стабильностью и самоконтролем (шкалы С и Q3). В свою очередь, субъекты с высокой тревожностью характеризовались большей чувствительностью (I), подозрительностью (L), неуверенностью в себе (O) и напряженностью (Q4).

На секундном отрезке ЭЭГ при предъявлении стимула «лица» на стадии тестирования эффекта установки у субъектов с высоким уровнем тревожности, по сравнению с низкотревожными испытуемыми, наблюдается более выраженная десинхронизация альфа-ритма. Этот результат отмечается в левой лобной, лобно-височных и передне-височных областях обоих полушарий, а также в отведении O1. На секундном отрезке ЭЭГ от начала предъявления стимулов типа Go/№Go десинхронизация также более выражена у более тревожных испытуемых. Так, при стимулах «Go» на стадии формирования установки различия значимы в лобно-височных, передне-височной областях левого полушария, в затылочной, теменной и задне-височной областях правого полушария; на стадии тестирования различия от-

мечаются в левой лобной и лобно-височной областях. При стимулах «№Go» различия значимы на стадии тестирования установки в центральной, передне- и задне-височных, а так же лобно-центральной областях правого полушария.

Обсуждение результатов. Более выраженная, особенно в передних областях отведения ЭЭГ, десинхронизация колебаний альфа-ритма на предъявление стимулов у «тревожных» испытуемых свидетельствует о большей активации мозговых процессов. Реакция десинхронизации отражает большей частью активность нисходящих процессов когнитивного контроля [2], на который, как мы предполагаем, воздействует состояние тревожности, что приводит к более быстрому освобождению от влияния сформированной у них установки и адекватному восприятию поступающей извне информации.

Литература

1. Изменения альфа-ритма при введении сигналов Go/№Go в контекст эксперимента с установкой на сердитое лицо / Э.А. Костандов, Е.А. Черёмушкин и др. // Физиология человека. 2014. Т. 40. № 1. С. 13–25.
2. Klimesch W., Sauseng P., Hanslmayr S. EEG alpha oscillations: the inhibition-timing hypothesis // Brain Research Review. 2007. Vol. 53. № 1. P. 63–88.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА УХОДА В СВОИ МЫСЛИ И ИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУХОВОЙ КОНДЕНСАЦИОННОЙ ЗАДАЧИ¹

Лапина А.А., аспирант департамента психологии, лаборант лаборатории когнитивной психофизиологии

Новиков Н.А., младший научный сотрудник лаборатории когнитивной психофизиологии

Чернышев Б.В., кандидат биологических наук, заведующий лабораторией когнитивной психофизиологии, доцент департамента психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследовались индивидуальные особенности «ухода в свои мысли», их связь с чертами личности и поведенческие проявления при выполнении слуховой конденсационной задачи. Показано, что фактор «открытость опыту» связан с мечтательностью, с преобладанием креативных фантазий и исследовательского поведения, а также с предпочтением сложных задач. Высокие показатели «открытости опыту» связаны с большей выраженностью ускорения перед ошибками. Вероятно, испытуемые с высокими показателями «открытости опыту» выбирают стратегию, позволяющую им лучше воспроизводить и поддерживать репрезентацию правил задачи.

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Ключевые слова: «уход в свои мысли», когнитивный контроль, личность.

Abstract. We studied individual characteristics of mind wandering, their relation to personality dimensions, and their behavioral manifestations during execution of the auditory condensation task. «Openness» was related to daydreaming with the predominance of creative imagination and exploratory behaviour, as well as to the preference of complex tasks. Higher values of «Openness» were related to greater manifestation of pre-error acceleration. Supposedly, the participants with higher «Openness» tend to choose a strategy that allowed them to better sustain the representation of task rules.

Keywords: mind wandering, cognitive control, personality.

Феномен «ухода в свои мысли» (mind wandering) – особое состояние сознания, связанное с полным или частичным отключением внимания от восприятия внешней сенсорной информации и его переключением на внутренние ментальные процессы [2]. «Уход в свои мысли» характеризуется высокой спонтанностью и высокой произвольностью в отношении своего содержания. При данном состоянии в сознании возникают мысли, которые концентрируются вокруг значимых для личности целей, но при этом негативно интерферируют с обработкой наличной информации, повышая риск возникновения «сбоев внимания» и ошибок в текущей деятельности. С явлением «ухода в свои мысли» связана мечтательность как черта личности.

В эксперименте участвовали 50 добровольцев в возрасте от 18 до 29 лет. Использованы следующие опросники: Методика оценки стилей мечтательности – Short Imaginal Process Inventory [3] (адаптация: П. Егорова, Е.Н. Осин), Личностный опросник NEO FFI (адаптация: В.Е. Орел, И.Г. Сенин), Шкала «Отношение к сложным задачам» методики Шкала толерантности к неопределенности МакЛейна (модификация: Е.Н. Осин). Испытуемые выполняли слуховую конденсационную задачу; им предъявляли четыре звуковых стимула, каждый из которых характеризовался одним из двух значений двух признаков: высоты и тембра. Участники эксперимента должны были нажимать на одну из двух кнопок в зависимости от комбинации признаков. Для выявления содержания мыслей испытуемых при выполнении задачи был применен метод опроса с прерыванием эксперимента.

Высокие баллы по фактору «открытость опыту» были связаны с преобладанием позитивно-конструктивного стиля мечтательности и с предпочтением сложных задач. Высокие показатели по фактору «открытость опыту» были связаны с большей выраженностью ускорения перед ошибками, т.е. с более значительным укорочением времени правильной реакции, пред-

шествующей совершению ошибочной реакции. Видимо, испытуемые с высокими значениями «открытости опыту» лучше поддерживают репрезентацию правила задачи, что позволяет им выполнять задачу более «автоматически» на основе выработанного навыка, при более низком уровне когнитивного контроля [1]. Это эпизодически приводит к недостаточной активации репрезентации правила задачи, в результате чего уровень активности правильной и ошибочной моторной программы оказывается сходным. При попытке перекодирования и восстановления репрезентации правила задачи и моторной программы может произойти ошибка, что выражается в замедлении латентного периода ошибочного ответа. «Открытость опыту» соотносится с некоторыми аспектами интеллекта, например с дивергентным мышлением, которое применяется для творческого решения проблем и задач. Позитивно-конструктивный стиль «ухода в свои мысли» связан с воображением, креативностью, что, видимо, позволяет человеку с высокими показателями «открытости опыту» найти оптимальную для себя стратегию выполнения задачи, позволяющую лучше воспроизводить и поддерживать репрезентацию правил задачи.

Литература

1. Исследование автоматизации принятия решения в условиях умеренно высокой когнитивной нагрузки / И.Е. Лазарев, Б.В. Чернышев, Д.В. Брызгалов и др. // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. № 2 (28), С. 87–91.
2. Лапина А.А., Чернышев Б.В. Феномен «ухода в свои мысли» (mind wandering) и его место в континууме сознания // Психология. Журнал Высшей школы экономики, Т. 12. № 4 (в печати).
3. Singer J.L., Antrobu, J.S. Imaginal processes inventory [by] Jerome L. Singer and John S. Antrobus. New York: Center for Research in Cognition and Affect Graduate Center, City University of New York, 1966.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С ВЫСОКОЙ И НИЗКОЙ ЧАСТОТОЙ АЛЬФА-РИТМА ЭЭГ

Ковалева А.В., кандидат биологических наук

Кузьмина Т.И., кандидат психологических наук

Горбачева А.Н., кандидат биологических наук

Панова Е.Н.

Московский Городской психолого-педагогический университет

Кубряк О.В., кандидат биологических наук

НИИ Нормальной физиологии им. П.К. Анохина

Бирюков Е.А., кандидат биологических наук

Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского

Аннотация. Исследование посвящено изучению особенностей саморегуляции и нервно-психической устойчивости и постурального контроля у испытуемых с высокой (ВЧ) и низкой (НЧ) индивидуальной частотой альфа-ритма. Группы ВЧ и НЧ отличались по особенностям саморегуляции, также НЧ имели большую вероятность нервно-психических срывов, худшие показатели устойчивости в тесте Ромберга, более высокую мощность в альфа-диапазоне и более выраженную реакцию активации в ЭЭГ.

Ключевые слова: ЭЭГ, индивидуальная частота альфа-пика, саморегуляция, нервно-психическая устойчивость, стабилметрия, тест Ромберга.

Abstract. The aim of this study was to identify the interrelations between self-regulation, postural control and EEG characteristics in students with high and low individual alpha peak frequency (IAPF). We found that IAPF is related to self-regulation ability. In addition, students with low IAPF were worse in performing Romberg test, were more vulnerable to psychological pressure, but had higher alpha power and arousal amplitude.

Keywords: EEG, individual alpha peak frequency, self-regulation, stabilometry, Romberg test.

В различных исследованиях неоднократно показано, что индивидуальная частота альфа-пика ЭЭГ связана с некоторыми психологическими особенностями (Bazanov, Vernon, 2013; Mierau et al., 2015; Grandy et al., 2013). Для студентов первого курса актуальной проблемой является адаптация к новым условиям обучения, жизни, общению в новом коллективе. Большая информационная нагрузка создает условия для развития стресса и снижения нервно-психической устойчивости. В настоящем исследовании была поставлена задача изучения особенностей саморегуляции и нервно-психической устойчивости у испытуемых с высокой и низкой индивидуальной частотой альфа-ритма, а также связь этого параметра ЭЭГ с другими ЭЭГ-параметрами и контролем постуральной устойчивости.

Методы. В исследовании приняли участие 36 студентов гуманитарного вуза (15 юношей и 21 девушка). Всем испытуемым записывалась электроэнцефалограмма (энцефалограф фирмы Ates-

Medica, Италия) от 10 отведений монополярно (Fp1, Fp2, C3, C4, P3, P4, T3, T4, O1, O2). Студенты заполняли два опросника: стиль саморегуляции (В.И. Моросанова, 1995) и «Прогноз» (оценка нервно-психической устойчивости). Кроме того, отдельно только с группой юношей было проведено стабилметрическое исследование (стабилоплатформа ST-150 фирмы БИОМЕРА, Москва) – тест Ромберга (с открытыми и закрытыми глазами). Обработка ЭЭГ проводилась при помощи программы MATLAB и WinEEG. По доминирующей частоте альфа-ритма всех студентов разделили на высокочастотных (индивидуальная частота альфа-пика (ИЧАП) более 10 Гц) (25 человек, ВЧ), и на низкочастотных (ИЧАП менее 10 Гц) (11 человек, НЧ).

Результаты. У НЧ-студентов по опроснику на стиль саморегуляции были достоверно ниже значения шкал «программирование» и «планирование» (хуже выражены соответствующие свойства и навыки), а по шкале «гибкость» до-

стоверно выше, чем у ВЧ (по критерию Манна – Уитни, $p < 0,05$). По методике «Прогноз» у НЧ результаты были на 4 балла больше, чем у ВЧ (24 и 20 соответственно), но недостоверно. По стабилметрическим показателям две группы достоверно не отличались, однако можно отметить на уровне тенденции, что у НЧ средние значения площади колебания центра давления и показателя энергозатрат (О.В. Кубряк, С.С. Гроховский, 2012) в тесте Ромберга (как при открытых, так и при закрытых глазах) выше, чем у ВЧ. Что касается картины ЭЭГ, то у НЧ амплитуда активации в альфа-диапазоне была почти в 3 раза больше, чем у ВЧ. Мощность альфа-ритма также была выше у НЧ. Достоверные различия наблюдались по альфа-1 диапазону в лобно-центральных отведениях и по альфа-2 диапазону в лобных, центральных и передне-височных отведениях.

Заключение. У низкочастотных испытуемых вероятность нарушения нервно-психической устойчивости была несколько выше, хуже развита способность к программированию и планированию, но они демонстрировали большую гибкость в процессах саморегуляции. Низкочастотные испытуемые хуже справлялись с поддержанием вертикальной позы. В целом большинству студентов необходимо повысить свою нервно-психическую устойчивость, развивать способности к саморегуляции. С обеими задачами позволяет справиться метод тренировок с биологической обратной связью. В связи с этим полученные нами

результаты позволят прогнозировать эффективность БОС-тренингов, подбирать показатели для обратной связи по индивидуальным параметрам, что повысит эффективность таких тренингов.

Литература

1. Практикум по психологии состояний: учеб. пособие / под ред. проф. А.О. Прохорова. СПб: Речь, 2004. 480 с.
2. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психологический журнал. 1995. № 4. С. 2635.
3. Кубряк О.В., Гроховский С.С. Практическая стабилметрия. Статические двигательнo-когнитивные тесты с биологической обратной связью по опорной реакции. М.: Маска, 2012. 88 с.
4. Bazanova O.M., Vernon D. Interpreting EEG alpha activity. *Neurosci. Biobehav. Rev.* 2013. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.neubiorev.2013.05.007> (дата обращения:).
5. Mierau A., Felsch M. et al. // The interrelation between sensorimotor abilities, cognitive performance and individual EEG alpha peak frequency in young children. *Clinical Neurophysiology*, In Press, Corrected Proof, Available online 23 March 2015.
6. Grandy TH, Werkle-Bergner M. et al. Individual alpha peak is related to latent factors of general cognitive abilities // *NeuroImage*. 2013. Vol. 79. № 1. P. 10–18.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ МУЛЬТИСТАБИЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Берлов Д.Н., младший научный сотрудник кафедры общей физиологии биологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Разнообразие мультистабильных явлений в восприятии поднимает вопрос о наличии общих механизмов, лежащих в их основе и определяющих индивидуально-устойчивые характеристики их протекания. Обсуждаются аргументы в пользу и против такого предположения, а также предлагается подход к решению данного вопроса.

Ключевые слова: мультистабильные изображения, индивидуальные различия, бинокулярная конкуренция, куб Неккера, скорость переключений.

Abstract. Variety of multistable phenomena in perception raises the question of whether common mechanisms underlying and determining the individual typological characteristics of their passing. We discuss the arguments for and against such an assumption, as well as an approach to solving this issue.

Keywords: multistable perceptual phenomena, individual differences, binocular rivalry, Necker cube, the switching speed.

Феномен мультистабильного восприятия заключается в субъективном чередовании перцептов в ситуации, когда не может сформироваться один устойчивый перцепт. Наиболее характерным случаем являются бистабильные (многозначные) изображения, когда восприятие колеблется между двумя интерпретациями. Бистабильные изображения всегда связаны с неоднозначностью возможной интерпретации, однако природа такой неоднозначности различна. Это может быть неоднозначность сегментации «фигура – фон» (изображения Рубина, Боринга и т.д.), неоднозначность трехмерной интерпретации двухмерного изображения (куб Неккера), неоднозначность интерпретации движения (квартет точек), неоднозначность монокулярных входов (бинокулярная конкуренция) [1].

До сих пор неясно, является ли общее сходство мультистабильных эффектов восприятия чисто внешним, поверхностным, либо оно имеет глубинную природу [2–4]. О последнем свидетельствуют сходное распределение фаз различных типов стимулов [2; 3] и индивидуально-устойчивая вариабельность в характеристиках мультистабильных явлений, прежде всего скорости переключений [4], что дало основание выдвинуть гипотезу существования единого ритмического генератора для мультистабильных явлений [3].

Распространенная трактовка мультистабильного восприятия заключается в том, что каждая из перцептивных интерпретаций кодируется своей группой нейронов, находящейся в реципрокных тормозных отношениях с группами нейронов, кодирующих альтернативные перцептивные интерпретации. При таком подходе переходы между перцептивными фазами могут быть связаны с процессами нейронной адаптации и определяться факторами, влияющими на общие динамические особенности возбуждения и торможения в нейронных сетях. Данное предположение подтверждается рядом фактов: индивидуальные отличия в скорости переключений могут обуславливаться морфологическими или нейрохимическими [5] различиями, изменение скорости переключений может быть маркером наследственных заболеваний [6] и т.д. Наши данные также свидетельствуют о высокой индивидуальной устойчивости скорости бинокулярной конкуренции: средний уровень индивидуальной тест-ретест корреляции при измерении бинокулярной конкуренции в 9 различных условиях со-

ставил 0,78, что очень близко к показателю 0,8, найденному в [6].

Однако корреляции между скоростными параметрами при восприятии разных мультистабильных стимулов не всегда достоверны, особенно если сравниваются явления в разной модальности. Нам также не удалось убедительно показать связь между скоростью бинокулярной конкуренции и скоростью реверсии куба Неккера: для большинства условий такая связь была недостоверной. В тоже время представляется, что отсутствие такой корреляции в отдельных исследованиях не может быть надежным основанием для отклонения гипотезы об общей индивидуально-типологической основе протекания восприятия мультистабильных изображений. Дело в том, что в перцептивной динамике различных мультистабильных явлений наблюдается много специфического, например степень произвольного контроля над переключениями или однозначность выделения фаз. Ряд методических особенностей, например степень ознакомления испытуемых с используемыми стимулами и вызываемыми ими эффектами, также может вносить искажение в получаемые результаты.

Мы полагаем, что ответ на поставленный вопрос невозможен без привлечения данных нейрогенетики. Основная стратегия должна заключаться в выделении довольно устойчивых индивидуальных признаков, характерных для разных видов мультистабильных явлений восприятия, и поиске генов, определяющих вариабельность данных признаков. Совпадение эффекта генов для разных явлений вместе с объяснением физиологического эффекта их действия позволит нам продвинуться в понимании этого вопроса.

Литература

1. Kim C.Y., Blake R. Psychophysical magic: rendering the visible «invisible» // Trends in cognitive sciences. 2005. Т. 9. № 8. С. 381–388.
2. Brascamp J.W., Van Ee R., Pestman W.R., Van Den Berg A.V. Distributions of alternation rates in various forms of bistable perception // Journal of Vision. 2005. Т. 5. № 4. С. 287–298.
3. Carter O.L., Pettigrew J.D. A common oscillator for perceptual rivalries? // Perception. 2003. Т. 32. № 3. С. 295–305.
4. Ee R. van. Dynamics of perceptual bi-stability for stereoscopic slant rivalry and a comparison

with grating, house-face, and Necker cube rivalry // *Vision Research*. 2005. Т. 45. № 1. С. 29–40.

5. *Loon A.M. van, Knapen T.* et al. GABA shapes the dynamics of bistable perception // *Current Biology*. 2013. Т. 23. № 9. С. 823–827.

6. *Pettigrew J.D., Miller S.M.* A «sticky» inter-hemispheric switch in bipolar disorder? // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 1998. Т. 265. № 1411. С. 2141–2148.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КОГНИТИВНЫХ ЗРАЧКОВЫХ РЕАКЦИЯХ¹

Гучкова А.Н., кандидат биологических наук

Ткаченко О.Н., кандидат биологических наук Московский педагогический государственный университет

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН

Скороходов И.В.

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Рассматриваются индивидуальные различия в зрачковых реакциях на когнитивную нагрузку. Особое внимание уделяется взаимодействию когнитивной нагрузки и других эндогенных факторов, влияющих на реакцию зрачка: усталость, эмоциональное возбуждение. Полученные результаты предполагают дальнейшие исследования с целью разработки более точных методов интерпретации зрачковых реакций.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка, зрачковые реакции, ай-трекинг, видеоокулография, индивидуальные различия

Abstract. The article describes individual differences in task-evoked pupillary responses (TEPR) to cognitive load. Differentiation between cognitive load and other possible endogenous causes of pupil reaction (emotional arousal, fatigue) is one of the focus areas. The results require further investigation on the subject in order to develop a valid approach to pupil reaction interpreting.

Keywords: cognitive load, task-evoked pupillary response, eye tracking, VOG, individual differences.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 15–06–10874.

Кратковременные зрачковые реакции в виде расширения зрачка могут служить маркерами возникновения различных состояний: боль, эмоциональное возбуждение, когнитивная нагрузка и т.п. [1] Одним из потенциальных применений этого явления является определение когнитивной нагрузки по изменениям зрачковой реакции (task-evoked pupillary response, TEPR) [2] при помощи видеоокулографии (ай-трекинга). Несмотря на возможности практического использования, особенности применения методы изучены недостаточно, особенно в части индивидуальных различий.

В представленном исследовании изучались когнитивные зрачковые реакции при решении арифметических примеров у испытуемых в возрасте 18–28 лет. Задачи состояли из четырех различных случайных двузначных чисел, между которыми в произвольном порядке стояли два знака «+» и один знак «-». Испытуемый должен был полностью вычислить решение предложенной

задачи максимально быстро и точно. После этого испытуемому предлагалось два варианта ответа: правильный и неправильный. Выбрать правильный ответ требовалось максимально быстро. Расположение правильного ответа справа или слева было случайным. Исследование продолжалось 90 минут без перерыва для каждого испытуемого. Во время исследования проводилась видеоокулографическая запись с регистрацией движений глаз и диаметра зрачка, а также запись движений компьютерной «мыши».

Одной из задач исследования было определение влияния усталости на выраженность зрачковых реакций. Общей для всех испытуемых тенденции выявлено не было. Не было обнаружено и четкой корреляции между сложностью примера или временем, потраченным на его решение, и выраженностью зрачковых реакций. Была выявлена значимая разница в выраженности зрачковых реакций в зависимости от попытки, с которой был дан правильный ответ. У некото-

рых испытуемых было обнаружено выраженное различие в диаметре зрачка между вычислением и поиском ответа. Однозначной связи со средней длительностью фиксации (глазодвигательным маркером когнитивной загрузки) [4] выявлено не было. В целом выраженность динамики изменения зрачковых реакций оказалась гораздо более индивидуализированной, чем это считалось ранее, что требует проведения дополнительных исследований в данной области.

Литература

1. Beatty J. Task-evoked pupillary responses, processing load, and the structure of processing re-

sources // Psychological bulletin. 1982. Т. 91. № 2. С. 276.

2. Beatty J., Lucero-Wagoner B. The pupillary system // Handbook of psychophysiology. 2000. Т. 2. С. 142–162.

3. Duchowski A. Eye tracking methodology: Theory and practice. Springer Science & Business Media, 2007. Т. 373.

4. Van Gog T. et al. Uncovering cognitive processes: Different techniques that can contribute to cognitive load research and instruction // Computers in Human Behavior. 2009. Т. 25. № 2. С. 325–331.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВЫЗВАННОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА ПРИ НЕОСОЗНАННОМ ОЖИДАНИИ НЕГАТИВНЫХ И НЕЙТРАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ В НОРМЕ: ВЛИЯНИЕ ПОЛА И ГЕНОТИПА

Мнацаканян Е.В., кандидат биологических наук

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Московский НИИ психиатрии Минздрава

Ребриков Д.В., доктор биологических наук

Усман Н.Ю., кандидат биологических наук

Институт общей генетики им Вавилова, DNA-Technology JSC

Аннотация. Исследованы возможные источники индивидуальных различий электрической активности мозга, вызванной предъявлением предупреждающего стимула и последующим неосознанным ожиданием изображений. В качестве источников вариабельности рассматривались гены BDNF и COMT, а также пол испытуемых.

Ключевые слова: ЭЭГ, эмоции, ожидание, гены, пол.

Abstract. We aimed to study the possible sources for individual variability in electrical brain activity elicited by the warning stimulus and the following unconscious waiting for a visual stimulus. As possible sources we considered BDNF и COMT genes, as well as the gender of our participants.

Keywords: EEG, emotion, anticipation, genes, gender.

Индивидуальные особенности когнитивной деятельности определяются в большой степени нейрохимией мозга, которая, в свою очередь, зависит от генотипа. Например, носительство определенных аллелей генов BDNF (brain-derived neurotrophic factor) и COMT (catechol-O-methyltransferase) в какой-то степени объясняет индивидуальные различия в рабочей памяти, внимании, ожидании, эмоциональном восприятии и т.д. Пол человека закладывается генетически, а развитие мозга и его работа во взрослом состоянии

зависят в том числе и от влияния половых гормонов. При корреляции генотипа и активности мозга иногда наблюдается также и влияние пола испытуемых [2; 3]. Ранее нами были получены данные о том, что носительство определенных аллелей BDNF и COMT коррелирует с различиями в вызванной активности мозга в CNV-парадигме [4]. Предъявление пар стимулов (предупреждающего и пускового) вызывает ожидание, при котором между ними со скальпа регистрируется медленная волна, известная как CNV (contingent

negative variation). Участники не были информированы о связи предупреждающего стимула (ключа) и определенной категории изображений, но между ними происходила ассоциация и наблюдалась эмоциональная модуляция – различия при неосознанном ожидании эмоциональных изображений по сравнению с нейтральными. В данной работе мы предполагали исследовать возможное модулирующее влияние пола, вместе с генотипами по BDNF и COMT, на вызванную электрическую активность мозга.

В исследовании участвовало 110 здоровых добровольцев (54 женщины и 56 мужчин), в возрасте от 20 до 60 лет, соматически и психически здоровых. Рассматривались известные полиморфизмы, вызванные точечной заменой нуклеотида G на A для обоих генов, что приводит к замене валина (Val) на метионин (Met) в конечных продуктах (Val66Met для BDNF и Val158Met для COMT) и к изменению их активности. Для подачи стимулов и сбора поведенческих показателей использовалась программа E-prime Professional версия 2 (PST Inc., USA). В качестве стимулов использовались 160 черно-белых фотографий людей и животных, разделенных на 4 категории: нейтральные (HN) и эмоциональные (HE) изображения людей, нейтральные (AN) и эмоциональные (AE) изображения животных. Инструкция была нажимать на кнопку 1 для изображений людей и на кнопку 2 для изображений животных. За 2 с перед фотографией подавался предупреждающий стимул (ключ).

ЭЭГ записывалась на оборудовании Netstation 4.4 (EGI, USA) от 128 каналов с частотой дискретизации 500 Гц, отфильтровывалась от частот выше 30 Гц и сегментировалась относительно момента подачи ключа – 100 мс до и 2000 мс после. Усредненные ответы были получены для каждой из четырех категорий стимулов для каждого испытуемого. Статистический тест проводился для амплитуд синхронных точек в каждом из каналов для всего анализируемого периода. Для выделен-

ных временных промежутков строились топокарты и отмечались области мозга, где наблюдались различия ($p < 0,05$).

Время моторной реакции (ВР) для правильных ответов показало взаимодействие пола и генотипа (ANOVA, $p < 0,01$), но только для человеческих лиц (категории HN и HE). В целом по группам генотипов ВР было короче для мужчин. Для вызванной активности также наблюдалось взаимодействие генотипа и пола. Некоторые варианты генотипов были представлены недостаточным числом испытуемых, для того чтобы результаты были достоверными. Самая большая группа (46 человек, из них 20 женщин) в нашей выборке была представлена генотипом: гомозиготы GG (или Val/Val) по гену BDNF и гетерозиготы GA (Val/Met) по гену COMT. В этой группе наблюдались различия между мужчинами и женщинами в CNV.

Литература

1. Мнацаканян Е.В., Ребриков Д.В., Усман Н.Ю. Индивидуальная вариабельность вызванной активности мозга при неосознанном восприятии негативных эмоций в норме связана с носительством определенных аллелей COMT и BDNF // Мышление и речь: подходы, проблемы, решения: Матер. 15-х международных чтений памяти Л.С. Выготского. (Москва, 17–21 ноября 2014) / под ред В.Т. Кудрявцева. В 2 т. М.: Левъ, 2014. Т. 1. С. 139–146.
2. Harrison P.J., Tunbridge E.M. Catechol-O-methyltransferase (COMT): a gene contributing to sex differences in brain function and to sexual dimorphism in the predisposition to psychiatric disorders // Neuropsychopharmacology. 2008. № 33. P. 3037–3045.
3. Witte A.V., Flöel A. Effects of COMT polymorphisms on brain function and behavior in health and disease // Brain Res. Bull. 2012. № 88. P. 418–428.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Гут Ю.Н., кандидат психологических наук, ассистент кафедры общей и клинической психологии педагогического института

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Мучкина Н.Н.

Средняя общеобразовательная школа № 29 г. Белгорода

Аннотация. Проведена эмпирическая проверка гипотезы о взаимосвязи определенных сочетаний показателей функциональной асимметрии и личностных характеристик в качестве предпосылок девиантного поведения подростков.

Ключевые слова: функциональная асимметрия, временная перспектива, личностная зрелость, девиантное поведение.

Abstract. Empirical verification of the hypothesis about the relationship of specific combinations of indicators of functional asymmetry and personality characteristics in the premise of deviant behavior of teenagers.

Keywords: functional asymmetry, time perspective, personal maturity, deviant behavior.

В последнее время в России проблема девиантного поведения приобрела особую значимость. Оптимизация процессов профилактики отклоняющегося поведения молодежи является одной из главных задач государственной молодежной политики. Актуальность разработок в этой области настолько велика, что исследования ведутся в контексте различных научных дисциплин: психологии, социологии, педагогики, медицины, криминологии.

Несмотря на длительность и широту применения понятия «девиантное поведение», до сих пор его объяснение неоднозначно. Большинство исследователей сходятся во мнении, что девиантным является поведение, отклоняющееся от норм и принятых в обществе стандартов и, как правило, рассматривается как негативное явление, вызывающее неодобрение окружающих и дезадаптацию [1].

Традиции изучения природы девиантного поведения представляют собой историю соотношения двух факторов: биологических и социальных. Социологические подходы акцентируют внимание на влиянии среды, определяющей формирование личностных качеств, биологические – на природообусловленности личности.

В современной психологии существует и третий вариант – формирование личности определяется диалектическим взаимодействием этих факторов. Важным направлением являются нейро- и дифференциально-психологические подходы, позволяющие вскрыть нейропсихологические и индивидуально-психологические детерминанты девиантного поведения подростков.

В нейропсихологии доказана вариативность ролей левого и правого полушарий мозга в обеспечении различных форм и параметров психической активности (функциональная асимметрия мозга – ФАМ). Особенно важную роль в регуляции состояний активности играют префронтальные отделы коры (третий блок, по А.Р. Лурия), обеспечивая формирование планов и программ действий, регуляцию поведения в соответствии

с требованиями среды, а также контроль над сознательной деятельностью [2].

Согласно концепции А.Р. Лурия, роль префронтальных отделов мозга в синтезе целой системы раздражителей и в создании плана действия проявляется не только в отношении актуально действующих сигналов, но и в формировании активного поведения, направленного в будущее.

По мнению Е.И. Головахи, А.А. Кроника, интегральным субъективным фактором формирования возраста самооценки является степень реализованности психологического времени [3]. Кроме того, самооценивание и ориентировка во времени определяют успешность саморегуляции. Личностная зрелость обусловлена степенью осознанности действий и оценкой временных перспектив.

Наше исследование «Личностные и нейропсихологические предпосылки девиантного поведения подростков» [4], в котором приняли участие 120 подростков, посвящено изучению связи нейропсихологических предпосылок, обнаруживаемых в проявлении функциональной асимметрии, с личностными особенностями и временной перспективой у подростков из общеобразовательной школы и воспитанников колонии. Мы попытались изучить природообусловленные влияния на формирование личностных качеств, свойственных отклоняющемуся поведению.

В результате было установлено, что испытуемые с левым показателем моторной пробы, по А.Р. Лурия, ориентированы в прошлое, обособлены, необщительны, пренебрегают общепринятыми нормами и ценностями, склонны к аддиктивному поведению – уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния и вступления в конфликт с правовыми нормами.

Испытуемые с правым показателем ориентированы в будущее, они более динамичны, адекватны и эффективны в ситуациях общения, склонны демонстрировать соблюдение социальных норм.

В исследовании у испытуемых с левым перекрестом рук с такими характеристиками эмоционально-волевой и коммуникативной сфер, как импульсивность, возбудимость, беспечность, эмоциональная неустойчивость, были обнаружены различные склонности к девиантному поведению.

На наш взгляд, при обнаружении временной перспективы, направленной в будущее, – показателя личностной зрелости, возможно упреждение развития склонностей к девиантному поведению подростков с латентной леворукостью путем создания условий для реализации их потенциаль-

ных творческих ресурсов, связанных с доминированием правополушарных функций.

Литература

1. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. М.: Медпресс, 2001.
2. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: МГУ, 1973.
3. Головаха Е.А. Кроник А.А. Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008.
4. Гут Ю.Н. Личностные и нейропсихологические предпосылки девиантного поведения подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.

КОГНИТИВНЫЙ ПРОФИЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭЭГ У ЖЕНЩИН С ПРЕМУТАЦИЕЙ ГЕНА FMR1¹

Переверзева Д.С., кандидат психологических наук

Горбачевская Н.Л., доктор биологических наук

Данилина Н.Н.

Мамохина У.А.

Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Рассматриваются особенности ЭЭГ и когнитивного невербального профиля у женщин с премутацией гена FMR1. Было показано, что часть испытуемых характеризуется снижением способностей к восприятию фрагментированных и незавершенных изображений, нарушениями абстрактно-логического мышления, пространственного воображения и пространственных представлений. По данным ЭЭГ группа женщин с премутацией отличалась от возрастной нормы повышенным содержанием высокочастотной тета-активности (6,5–8 Гц) и бета-активности, а также сниженным уровнем межполушарной когерентности.

Ключевые слова: премутация гена FMR1, когнитивный профиль, ЭЭГ.

Abstract. The study aimed to investigate nonverbal cognitive profile and EEG pattern in women with FMR1 premutation. Decreased abilities of fragmented pictures recognition, abstract thinking, and spatial perception was shown. EEG was characterized by increased level of high-frequency theta (6,5–8 Hz) and beta band activity as well as decreased inter hemispheric coherence.

Keywords: FMR1 premutation, cognitive profile, EEG.

¹ Работа поддержана грантом РФФИ14-06-31284.

Ген FMR1, расположенный в длинном плече X-хромосомы, содержит полиморфные тринуклеотидные повторы, количество которых в норме варьирует от 20 до 50. Увеличение количества повторов (200 и более) приводит к подавлению экспрессии белка FMRP (Fragile X mental retardation protein). Отсутствие этого белка является причиной формирования синдрома умственной отсталости, сцепленной с ломкой хромосомой X (FXS – Fragile X syndrome), который характеризуется специфическим фенотипом, включающим соединительнотканную патологию, нарушение

умственного развития и особый поведенческий профиль. «Промежуточное» количество CGG-повторов (50–200) называется премутацией. У лиц с премутацией обнаруживается умеренный дефицит белка FMRP и значительное повышение уровня FMR1 mRNA. Мальчики с премутацией имеют повышенный риск развития симптомов аутизма, синдрома дефицита внимания и гиперактивности [3]. После 40 лет при этом синдроме в ряде случаев развивается синдром тремора и атаксии (FXTAS – fragile X tremor/ataxia syndrome). У женщин этот синдром развивается

реже, но у них в 20 % случаев наблюдается преждевременное истощение яичников и раннее наступление климакса. Несмотря на то, что женщины с премутацией гена FMR1 обычно не имеют выраженных нарушений интеллектуальной функции, поведения и социальной адаптации, когнитивный профиль имеет ряд особенностей. В первую очередь в исследованиях отмечаются нарушения исполнительного контроля, более низкие, чем в норме, показатели рабочей памяти и математические способности [1; 2].

Целью исследования было изучение невербального когнитивного профиля и особенностей ЭЭГ у женщин – носительниц премутации гена FMR1.

Характеристика выборки. В экспериментальную группу вошли 10 женщин с премутацией гена FMR1. В контрольную группу вошли 10 женщин, имеющих нормальный аллель гена FMR1. Группы были уравнены по возрасту и уровню образования методом подбора схожих пар.

Методы исследования: регистрация ЭЭГ, невербальная шкала батареи тестов Кауфмана (КАВС).

Результаты электрофизиологического обследования. ЭЭГ женщин – носительниц премутации отличается большим разнообразием: преобладал низкоамплитудный тип ЭЭГ с повышенным уровнем бета-активности, организованный тип отмечен в 20 % случаев, дезорганизованный с альфа-ритмом также в 20 % случаев. Практически у всех женщин с премутацией регистрировались всплески тета-активности в лобно-центральных зонах коры, было отмечено достоверное снижение межполушарных связей преимущественно между лобными и височными зонами коры головного мозга.

Результаты исследования когнитивного профиля. По результатам исследования экспериментальная группа была разделена на 2 подгруппы: высокофункциональную (4 человека) и низкофункциональную (6 человек). В низкофункциональную группу попали испытуемые, результаты

которых хотя бы по одной шкале отличались от нормативных показателей на 2 стандартных отклонения и более. В контрольной группе было невозможно произвести такое разделения, так как ни у одной женщины не было подобных отклонений от среднего. Результаты испытуемых из высокофункциональной группы не отличались от контрольной. В низкофункциональной группе наибольшие трудности вызывали субтесты, направленные на диагностику следующих функций: восприятие незавершенных (фрагментированных) изображений, пространственные представления и пространственное воображение, абстрактно-логическое мышление, исполнительный контроль. Характерно, что единственным субтестом, не вызвавшим трудности ни у одного испытуемого, были задания на распознавание лиц.

Таким образом, согласно предварительным результатам исследования женщины – носительницы премутации гена FMR1 обладают неравномерным профилем невербального интеллекта и определенными особенностями ЭЭГ. Сочетание выраженных нарушений восприятия незавершенных/фрагментированных изображений и сохранных возможностей распознавания лиц требует дополнительного анализа. Представляется интересным дальнейшее исследование профиля восприятия и выявление возможных электрофизиологических маркеров указанных нарушений.

Литература

1. Cornish K.M., Li L., Kogan C.S. et al. Age-dependent cognitive changes in carriers of the fragile X syndrome // *Cortex*. 2008. № 44 (6). P. 628–636.
2. Goodrich-Hunsaker N.J., Wong L.M., McLennan Y. et al. Young adult female fragile X premutation carriers show age- and genetically-modulated cognitive impairments // *Brain Cogn.* 2011. № 75(3). P. 255–260.
3. Hagerman P.J., Hagerman R.J. The fragile-X premutation: A maturing perspective // *Am. J. Hum. Genet.* 2004. № 74. P. 805–816.

«КОРОНАРНЫЙ» ТИП ЛИЧНОСТИ: РЕГРЕССИОННАЯ МОДЕЛЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАРДИОИНТЕРВАЛОГРАММЫ

Конарева И.Н., кандидат биологических наук, доцент кафедры общей психологии и психофизиологии,

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Аннотация. В группе здоровых лиц обоего пола проведено исследование взаимосвязи показателей кардиоинтервалограммы (КИГ) в состоянии физиологического покоя (сидя) с оценками по опроснику Дженкинса. В результате проведения регрессионного анализа были определены КИГ-предикторы (LFмс², отношение LF/HF, АМо), которые предсказывают значения показателя «поведение типа А», составлено регрессионное уравнение.

Ключевые слова: «коронарный» тип личности, опросник Дженкинса, кардиоинтервалограмма, регрессионный анализ.

Abstract. The association between cardiointervalogram (CIG) in a state of physiological rest (sitting) with scores on the questionnaire Jenkins is investigated in the group of healthy individuals of both sexes. As a result of the regression analysis there were identified CIG-predictors (LFms², LF/HF ratio, AMo) that predict the values of «type A behavior» the indicator and the regression equation is written.

Keywords: coronary-prone personality type, Jenkins's questionnaire, cardiointervalogram, regression analysis.

Постановка проблемы. Личностные и поведенческие особенности представителей типа А (соперничество, агрессивность и враждебность, нетерпеливость, стремление к контролю других) считаются явным фактором риска развития ишемической болезни сердца, инфаркта миокарда, стенокардии, атеросклероза, поэтому данный тип получил название «коронарный». Людей с противоположными чертами личности и поведенческим паттерном отнесли к типу Б [1]. Для ранней диагностики поведения типа А и, соответственно, предупреждения возможных сердечно-сосудистых заболеваний, необходимо знать его объективные психофизиологические предикторы, в качестве которых могут выступать показатели кардиоинтервалограммы (КИГ).

Методика исследования. В исследовании приняли участие 144 практически здоровых волонтеров обоего пола в возрасте 18–30 лет (с отсутствием заметных проявлений сердечно-сосудистой патологии). Для регистрации ЭКГ и анализа КИГ использовали аппаратно-программный комплекс, состоящий из электрокардиографа и компьютера с программным обеспечением «ОРТВ» (Н.П. Костенко, Винницкий национальный медицинский университет им. Пирогова, Украина). Запись отрезков ЭКГ длительностью по 5 мин (300 с) осуществлялась во II стандартном отведении в положении испытуемых сидя с закрытыми глазами. В соответствии с рекомендациями Европейского общества кардиологии и Североамериканского общества электростимуляции и электрофизиологии измеряли и анализировали статистические и спектральные показатели КИГ, показатели вариационной пульсометрии (по Бавескому). Психологическое тестирование проводили с использованием опросника Д. Дженкинса (Jenkins Activity Survey, 1967) в адаптации А.А. Гоштаутаса. Возможность прогноза оцени-

валась с помощью построения модели множественной регрессии.

Результаты и их обсуждение. Для расчета регрессионного уравнения мы выбрали в качестве зависимой переменной оценки по шкале Дженкинса, а в качестве независимых переменных – все значения КИГ. Чтобы узнать, какие из независимых переменных КИГ вносят больший вклад в предсказание зависимой психологической переменной «тип А», рассмотрим результаты модели «пошаговая регрессия с включением предикторов». Стандартизированный регрессионный коэффициент В был статистически значим для величин LFмс² (В = –0,006 при $p = 0,013$) и LF/HF (В = 3,933 при $p = 0,024$). Иными словами, именно эти два показателя КИГ из всех рассмотренных являются предикторами оценок по шкале Дженкинса. Стандартизированный регрессионный коэффициент В для показателя АМо не достигал уровня значимости (В = –0,919 при $p = 0,060$), но его также следует учитывать в уравнении. Заметим, что направление связи между переменными было различное: для предикторов LFмс² и АМо – отрицательное, а для LF/HF – положительное. В связи с тем, что большим баллам по шкале Дженкинса соответствует выраженность поведения типа Б, при интерпретации направления взаимосвязи КИГ-предикторов и оценок «коронарного» типа необходимо инвертировать знаки. Таким образом, больший вклад в предсказание зависимой переменной «поведение типа А» вносили такие независимые переменные, как LFмс², а также соотношение LF/HF и АМо. В результате было получено следующее уравнение:

$$\text{Оценки по шкале Дженкинса} = 423,9 + (-0,006) \cdot \text{LFмс}^2 + 3,9 \cdot \text{LF} / \text{HF} + (-0,9) \cdot \text{АМо}.$$

Общая эффективность прогноза на основе регрессионного уравнения оценивается с помощью подсчета коэффициента множественной корреляции.

ляции R^2 и последующей оценки его значимости по критерию Фишера. В данном случае для модели регрессии с тремя независимыми переменными и свободным членом скорректированное $R^2 = 0,056$ и F Фишера = 3,117 при $p = 0,017$ (свободный член $B = 423,9$ при $p = 0,000$). Величина R^2 показывает, что 56 % общей дисперсии зависимой переменной объясняются влиянием трех независимых переменных, остальные 44 % обусловлены влиянием неучтенных в уравнении факторов. Найденные результаты согласуются с немногочисленными фактами ретроспективного анализа литературы о наличии взаимосвязи между поведением типа А и показателями КИГ [1].

Выводы. Найденные КИГ-предикторы демонстрируют достаточно высокий исходный уровень симпатической активации «коронарного» типа личности. По-видимому, у лиц типа А повышена активность центрального вазомоторного генератора сосудодвигательного центра стволовой ретикулярной формации.

Литература

1. *Конарева И.Н.* Психологические и физиологические особенности «коронарного» типа личности (обзор) // Проблемы сучасної психології. 2014. Вып. 24. С. 386–404.

ЛАТЕРАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ ОБРАБОТКИ У ПРАВШЕЙ И ЛЕВШЕЙ: фМРТ-ИССЛЕДОВАНИЕ

Игнатьев Г.А.

Власова Р.М., кандидат психологических наук

Акинина Ю.С.

Иванова М.В., кандидат психологических наук, PhD

Драгой О.В., кандидат филологических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследовалась связь доминантной руки и латерализации речи, измеренная с помощью метода фМРТ. Результаты не выявили значимых различий в латерализации между группами правшей и левшей, не было обнаружено значимой корреляции между латерализацией и степенью доминантности руки. В группе левшей была найдена бо льшая вариативность латерализации речи. Были обнаружены общие различия в латерализации речи в лобных и височных долях.

Ключевые слова: латерализация речи, фМРТ, доминантная рука.

Abstract. Effect of handedness on language lateralization was studied. Results: no significant difference in lateralization between the groups of right- and left-handers was found, but the main effect of the lobe (frontal vs. temporal) was revealed. No significant correlation was found between language lateralization and handedness degree. The group of left-handers showed higher variability in lateralization.

Keywords: language lateralization, functional MRI, handedness.

Латерализация речевой обработки как фено-тип варьирует в популяции. Одним из факторов, связанных с этой вариативностью, является руко-сть, т.е. доминантность правой или левой руки. Для оценки связи между рукостью и латерализа-цией речевой обработки используются различ-ные методы. Предыдущие исследования сравни-вали средние значения индексов латерализации (ИЛ) между группами [1], находили корреляцию между ИЛ и коэффициентом руко-сти (КР) [2], а также измеряли вариативность по доминант-ности полушарий в группах правшей и левшей

[3]. Целью настоящего исследования было из-мерить функциональную латерализацию речевой обработки у правшей и левшей, и проверить сле-дующие гипотезы: различаются ли средние пока-затели ИЛ между группами; есть ли корреляция между ИЛ и КР и наблюдается ли бо льшая вари-ативность по связанной с речью доминантности полушарий в группе левшей?

Для оценки латерализации речевой обра-ботки использовался метод фМРТ. Для получения фМРТ-контрастов было использовано задание на завершение предложений в блочном дизайне.

Каждый блок состоял из незавершенных предложений длиной в пять слов с опущенным прямым дополнением. Пример: «Вчера детектив осторожно отпер ...». В качестве контрольного условия были использованы последовательности слогов длиной, равной словам в предложениях основного условия. Пример: «Роооо рооооооо роооооооо роооо ...». Стимулы предъявлялись визуально. Задачей испытуемых было прочитывать предложения вслух и заканчивать их одним словом; в случае слогов – повторять в конце строки последний слог.

В исследовании приняли участие 13 здоровых добровольцев (6 правшей, 7 левшей; средний возраст 24 года). КР для каждого испытуемого был рассчитан с помощью адаптированного на русский язык Эдинбургского опросника [4]. Сканирование проводилось на 1.5Т томографе Siemens Magnetom Avanto с использованием процедуры задержки сканирования (sparse-sampling) для минимизации шума томографа во время выполнения испытуемыми задания и записи их ответов на диктофон. ФМРТ-данные обрабатывались с помощью пакета SPM12. ИЛ каждого испытуемого рассчитывался с помощью LI toolbox [5] с использованием взвешивания вокселей по t -значению и применением масок лобной и височной долей. Для сравнения ИЛ между группами был использован двухфакторный ANOVA с фактором «руконость» (правая/левая) для группы и фактором «доля» (лобная/височная) для испытуемого.

Не было обнаружено значимых различий в ИЛ между группами правшей и левшей ($F = 1,8$, $p = 0,21$), при этом значимая разница в латерализации была обнаружена между лобной и височной долями ($F = 7,2$, $p = 0,02$): более высокие показатели ИЛ в лобной доле ($M = 0,69$, $SD = 0,31$)

по сравнению с височной ($M = 0,34$, $SD = 0,36$). Не было обнаружено значимой корреляции между ИЛ и КР ($r = 0,24$, $p = 0,45$). При этом в группе правшей наблюдалась низкая вариативность по доминантности полушарий (у всех левополушарная доминантность, порог = 0,25), в группе левшей вариативность возрастала: у двух испытуемых этой группы отсутствовала доминантность полушарий и наблюдалась билатеральная активация. Возможно, отрицательный результат связан с небольшим размером выборки. Более высокие показатели ИЛ в лобной доле по сравнению с височной могут свидетельствовать о более строгой латерализации речевой обработки в передних речевых отделах по сравнению с задними.

Литература

1. Ramsey N.F. et al. Combined analysis of language tasks in fMRI improves assessment of hemispheric dominance for language functions in individual subjects // *Neuroimage*. Elsevier, 2001. Vol. 13, № 4. P. 719–733.
2. Szaflarski J.P. et al. Language lateralization in left-handed and ambidextrous people fMRI data // *Neurology*. AAN Enterprises, 2002. Vol. 59, № 2. P. 238–244.
3. Pujol J. et al. Cerebral lateralization of language in normal left-handed people studied by functional MRI // *Neurology*. AAN Enterprises, 1999. Vol. 52, № 5. P. 1038.
4. Oldfield R.C. The assessment and analysis of handedness: the Edinburgh inventory // *Neuropsychologia*. Elsevier, 1971. Vol. 9, № 1. P. 97–113.
5. Wilke M., Lidzba K. LI-tool: a new toolbox to assess lateralization in functional MR-data // *J. Neurosci. Methods*. Elsevier, 2007. Vol. 163, № 1. P. 128–136.

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ АСИММЕТРИЙ

Демидова Т.Н., аспирант кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии и социальной работы

Московский гуманитарный университет

Аннотация. На основе анализа эмпирических исследований функциональных асимметрий выдвигается предположение о том, что функциональные асимметрии лежат в основе личностного психического благополучия. Выявлены особенности взаимосвязи адаптационно-личностных механизмов и структурно-динамических характеристик, выступающих индикаторами ресурса психического здоровья с моторными, сенсорными и психическими асимметриями.

Ключевые слова: ресурс психического здоровья, функциональные асимметрии, адаптационный потенциал личности, психическое состояние.

Abstract. Based on the analysis of empirical studies of functional asymmetries put forward the assumption that functional asymmetry underlie personal mental well-being. The features of adaptation and personal relationships and mechanisms of structural and dynamic characteristics, serve as an indicator of mental health resources with motor, sensory and mental asymmetry.

Keywords: mental health resources, functional asymmetry, the adaptive capacity of personality, mental state.

Индивидуально-психологические особенности личности обусловлены физиологическими, психологическими и социальными составляющими. В зависимости от особенностей функциональных асимметрий выделяют те или иные свойства психических состояний с определенными показателями ресурса психического здоровья личности. В условиях современного ритма жизни следствием личностной дезадаптации чаще всего выступают неравновесные психические состояния, которые сигнализируют о рассогласовании в психической организации человека [4; 5]. Ресурс психического здоровья не ограничивается только лишь индивидуально-типологическими свойствами субъекта, но также включает в себя некоторые личностные характеристики. В настоящем исследовании под ресурсом психического здоровья понимается способность индивида к адаптации и гиперадаптации, т.е. к приспособлению, изменению себя под среду и, наоборот, к приспособлению среды под себя, ее творческой трансформации [2]. В связи с этим можно предполагать взаимообусловленность психических состояний индивидуальными особенностями личности [4].

Анализ имеющихся эмпирических исследований функциональных асимметрий, являющихся важнейшими психофизиологическими характеристиками человека, позволяет рассматривать их проявление в двух основных аспектах: в аспекте специализации полушарий мозга, посредством которого рассматриваются индивидуальные различия в организации и реализации психической деятельности, и в аспекте динамического обеспечения психической деятельности человека [3; 5].

Оценивая частные проявления межполушарного взаимодействия, можно выделить индивидуальные профили латеральной организации мозга, которые и оценивались нами в настоящем исследовании, а именно: моторный (ручная, ножная, оральная, глазодвигательная и др.), сенсорный (зрительная, слуховая, тактильная, обонятельная и др.) и психический (асимметрия мозговой организации речевых и психических функций (пер-

цептивных, мнестических, интеллектуальных) [5].

Поскольку, как мы указали ранее, психические состояния являются непосредственными индикаторами ресурса психического здоровья, а ресурс, в свою очередь, может быть детерминирован свойствами функциональных асимметрий, обратимся к результатам настоящего эмпирического исследования.

Была выявлена взаимосвязь ресурса психического здоровья у мужчин и женщин с функциональными асимметриями, а именно: свойства психических состояний связаны с моторными и сенсорными асимметриями, а половые характеристики связаны с определенным распределением частных асимметрий – у мужчин чаще других встречаются «левополушарный» тип, а у женщин данное распределение менее дифференцировано. Наиболее устойчивыми относительно времени оказались такие показатели психического состояния, как адаптационный потенциал личности, потенциал психической активности и ресурс психологического здоровья. При этом достаточно определенно можно судить о наличии связи личностно обусловленных показателей психического состояния с «левополушарной» асимметрией, а именно: чем она выраженнее, тем более ограничен адаптационный потенциал у мужчин и женщин. Подобный результат находит свое подтверждение в установленной связи левополушарной асимметрии с деструктивной тревогой, общей деструктивностью и общей дефицитностью личности мужчин и женщин. Поскольку за адаптивные способности у человека в частности отвечает прошлый ментальный опыт и наличие выработанных приспособительных механизмов, можно предполагать, что при более тесном взаимодействии с правым полушарием, например, как в случае с амбидекстрией, показатель общей деструктивности личности может корректироваться и снижаться.

Таким образом, можно заключить, что личностные характеристики находятся в тесной взаимосвязи с функциональными асимметриями, более того они взаимообусловлены, а полученные

эмпирические данные относительно взаимосвязи адаптационно-личностного потенциала и структурно-динамических свойств личности с функциональными асимметриями могут служить для построения адекватных психокоррекционных и психотерапевтических программ по поддержанию ресурса психического здоровья человека.

Литература

1. Белашева Х.В., Демидова Т.Н. Особенности взаимосвязи ресурсов психического здоровья с межполушарными асимметриями // Вестник Университета (ГУУ). 2015. № 5. С. 276–283.

2. Катков А.Л. Стратегия охраны психического здоровья населения в новых социально-эконо-

мических условиях (теоретический, организационный и экономический аспекты): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1998. 38 с.

3. Ройзман И.В., Звоников В.М. Динамические характеристики психомоторных и сенсорных функциональных асимметрий как фактор 27 психологической адаптивности студентов // Вестник восстановительной медицины. 2013. № 4 (56). С. 57–60.

4. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: ИП РАН, 1998. 152 с.

5. Нейропсихология индивидуальных различий / Е.Д. Хомская, И.В. Ефимова, Е.В. Бudyка, Е.В. Ениколопова. М.: Российское педагогическое агентство, 1997. 284 с.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ФМА-ВЫЗВАННЫХ ПОТЕНЦИАЛОВ КОРЫ ГОЛОВНОГО МОЗГА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОРРЕКЦИИ АГРЕССИВНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Степанян Л.С., кандидат биологических наук, доцент кафедры общей психологии
Ереванский государственный университет

Аннотация. Исследована проблема коррекции агрессивного поведения подростков с учетом этиологии его формирования. Показана роль передних областей коры головного мозга в контроле агрессивного поведения.

Ключевые слова: агрессивность, подростки, нейрофизиологические корреляты, ФМА, фронтальная область.

Abstract. The problem of correction of teenage' aggressive behavior with considering the aggressiveness' etiology was studied. The role of the front region of the cerebral cortex in the control of aggressive behavior was found out.

Keywords: aggression, teenagers, neurophysiological correlates, FMA, frontal area.

Девиантное поведение имеет многообразие форм проявлений, начиная от незначительных проступков и заканчивая стойкими психическими отклонениями, и многообразие причин возникновения, начиная от генетических и заканчивая социальными факторами. Наибольшее распространение имеют сравнительно несложные варианты девиантности детей и подростков, причины которых лежат в социальной сфере. В этом случае целенаправленные корректирующие воздействия педагогического и психорегулирующего характера могут дать устойчивый эффект, если в наибольшей мере отражают индивидуальные особенности адресата – в данном случае девиантного подростка. Подобные воздействия должны

быть оптимально сопряженными и взаимно дополняющими [2].

Для относительно целостного понимания феномена личностной агрессивности необходимым является многосистемный подход к изучению этого феномена, что требует комплексного изучения как на психологическом, так и на нейрофизиологическом уровнях.

Целью данного исследования было выявление эффективности влияния комплекса психокоррекционных мероприятий на изменения уровня агрессивности по нейрофизиологическим показателям.

В исследовании участвовали 123 подростка в возрасте 13–16 лет обоего пола. Для проведения психокоррекционных мероприятий были отобра-

ны 43 подростка обоего пола с высоким уровнем личностной агрессивности. Агрессивность диагностировалась на основе батареи тестов, направленных на выявление мотивационной и ситуационной агрессивности.

Программа психокоррекционных мероприятий была составлена с учетом гендерной, возрастной принадлежности, а также этиологии агрессивного поведения.

Эффективность влияния комплекса психокоррекционных мероприятий оценивалась по нейрофизиологическим показателям – уровню активности различных областей коры головного мозга. Активность исследуемых областей диагностировалась с помощью метода регистрации вызванных потенциалов, на основании которого вычислялся фокус максимальной активности (ФМА). Системный анализ внутрикорковой интегративной структуры по локализации в коре фокуса максимальной амплитуды (ФМА) амплитудных характеристик компонентов ВП – выявить ведущие в реализации предложенной деятельности корковые области.

В существующих нейрофизиологических исследованиях отмечено, что возникновение и развитие агрессивности человека основывается на определенных морфофункциональных изменениях ряда корковых и подкорковых структур головного мозга, в частности миндалевидного тела и лобных долей коры головного мозга [1; 3; 5]. В контексте нашего исследования интересны также работы Hirono и др. (2001), где показана важная роль передне-височной коры в формировании отрицательных эмоций [4].

Результаты наших исследований показывают, что в исходных регистрациях у «высокоагрессивных» испытуемых локализация ФМА на разных этапах восприятия и оценки сигнала носила незакономерный характер. К концу эксперимента

в обеих группах по всем исследуемым компонентам наблюдалось появление ФМА в левой фронтальной области коры головного мозга, а также локализация доминантного очага в правой орбито-фронтальной области. В то же время показано, что к концу проведения психокоррекционных мероприятий наблюдается понижение активности в передне-нижне-височных и височных областях коры больших полушарий.

Выявленные данные об активизации фронтальных и орбито-фронтальных областей и ослаблении активности в передне-нижне-височных областях в результате проведенной психокоррекции свидетельствуют об усилении контроля над эмоциональной сферой, что позволяет говорить о высокой эффективности и целенаправленности комплексных психокоррекционных работ для «высокоагрессивных» испытуемых.

Литература

1. Симонов П.В. Мозговые механизмы эмоций // Журнал высшей нервной деятельности. 1997. Т. 47. Вып. 2. С. 320–328.
2. Степанян Л.С. Пути диагностики, профилактики и коррекции агрессивного поведения подростков. Ереван: ЕГУ. 2014. 42 с.
3. Frierson RL, Finkenbine RD. Psychiatric and neurological characteristics of murder defendants referred for pretrial evaluation. // J Forensic Sci. 2004 Vol. 49. № 3. P. 604–609.
4. Hirono N., Mega M.S., Dinov I.D. Neuroimaging correlates of aggressive behavior in dementia patients // Research and practice in Alzheimer's disease. Vol. 5. Serdi Publishing (Paris). Springer Publishing Company (NY). 2001. P. 1723–1735.
5. Moya-Albiol L. The neuronal foundations of human violence [article in spanish] // Rev Neurol. 2004. Vol. 38. № 11. P. 1067–1075.

МОДУЛЯЦИЯ ТЕТА- И АЛЬФА-АКТИВНОСТИ ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ ОШИБОК В СЛУХОВОМ ВАРИАНТЕ КОНДЕНСАЦИОННОЙ ЗАДАЧИ¹

Новиков Н.А., младший научный сотрудник лаборатории когнитивной психофизиологии
Брызгалов Д.В., стажер-исследователь лаборатории когнитивной психофизиологии
Чернышев Б.В., кандидат биологических наук, заведующий лабораторией когнитивной психофизиологии, доцент департамента психологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Аннотация. В работе исследована модуляция электроэнцефалографической альфа- и тета-активности после совершения ошибок в слуховом варианте конденсационной задачи. Показана связь наблюдаемых спектральных модуляций с успешностью выполнения задачи и с замедлением времени реакции после совершения ошибок. Полученные данные указывают на межличностные различия в работе трех систем, связанных с обнаружением ошибок, поддержанием устойчивого внимания и контролем моторного порога соответственно.

Ключевые слова: конденсационная задача, ошибки, устойчивое внимание, моторное торможение, тета-ритм, альфа-ритм.

Abstract. In this work, we studied the modulations of post-error EEG theta and alpha activity in the auditory condensation task. We found the correlations between these modulations, percentage of errors, and post-error slowing. Our data suggest the existence of inter-individual differences in three brain systems, related to error detection, sustained attention and motor inhibition, respectively.

Keywords: condensation task, errors, sustained attention, motor inhibition, theta oscillations, alpha oscillations.

Успешное выполнение когнитивных задач требует скоординированной работы различных систем мозга, связанных, в частности с поддержанием уровня внимания и с торможением нежелательных реакций [1]. Совершение ошибок приводит к адапционным процессам, отражающимся в поведенческих показателях и в изменении электрической активности мозга. Например, усиление фронтального тета-ритма отражает активацию медиальной фронтальной коры, связанную с обнаружением ошибок [2], а подавление альфа-ритма после ошибок свидетельствует об активации областей коры, вовлеченных в выполнение задачи [3]. Выраженность конкретных адаптаций зависит как от характера задачи, так и от индивидуальных особенностей испытуемого [4].

В данном исследовании испытуемые ($N = 71$, правши) выполняли слуховой вариант конденсационной задачи [5], подразумевающий установление соответствия между четырьмя звуковыми стимулами и двумя реакциями на основе сочетания двух признаков стимула (высоты и зашумленности) [6]. В среднем участники совершали $10,2 \pm 7,9$ % ошибок. Для каждого испытуемого вычислялся показатель постошибочного замедления (ПОЗ) как среднее отношение времени реакции, следующей за ошибкой, к самой ошибочной реакции. Данный показатель составлял $0,99 \pm 0,08$ и достоверно не отличался от единицы ($t = -0,53, p = 0,60$).

Анализ различия нефазово связанной мощности ЭЭГ-сигнала после ошибочных и после правильных реакций выявил три эффекта, наблюдаемых после совершения ошибок: усиление фронтального тета-ритма (4–7 Гц, обнаружение ошибки), подавление теменного альфа-ритма (8–13 Гц, адаптация сети внимания), подавление альфа-активности в левой части сенсомоторной

коры (8–13 Гц, предположительно повторная обработка стимула).

Был проведен анализ взаимосвязи индивидуальных различий выраженности трех обнаруженных эффектов с долей допущенных ошибок и с ПОЗ (при помощи коэффициента корреляции Спирмана). Были обнаружены следующие взаимосвязи: (1) повышение фронтального тета-ритма после ошибок отрицательно коррелировало с долей ошибок ($r = -0,35, p = 0,015$) и положительно – с ПОЗ ($r = 0,27, p = 0,045$); (2) снижение теменного альфа-ритма отрицательно коррелировало с долей ошибок ($r = -0,31, p = 0,028$); (3) снижение сенсомоторного альфа-ритма отрицательно коррелировало с ПОЗ ($r = -0,29, p = 0,033$). Взаимосвязь (1) указывает на межличностные различия в системе обнаружения ошибок, «запускающей» все последующие адаптации. Взаимосвязь (2) указывает на различия в способности испытуемых к адаптации работы сети внимания, от которой критически зависит успешность выполнения задачи. Взаимосвязь (3), предположительно, указывает на способность испытуемых к активации сети моторного торможения, определяющей замедление времени последующих реакций.

Литература

1. Van Driel J., Ridderinkho, K.R., and Cohen M.X. Not all errors are alike: theta and alpha EEG dynamics relate to differences in error-processing dynamics // *J Neurosci.* 2012. Vol. 32. P. 16795–16806.
2. Cavanagh J.F., Frank M.J. Frontal theta as a mechanism for cognitive control // *Trends Cogn Sci.* 2014. Vol. 18. P. 414–421.
3. Mazaheri A., Nieuwenhui, I.L. et al. Prestimulus alpha and mu activity predicts failure to in-

hibit motor responses // Hum Brain Mapp/ 2009. Vol. 30. P. 1791–1800.

4. Danielmeier C., Ullsperger M. Post-error adjustments // Front Psychol, 2011. 2. № P. 233.

5. Posner M.I. Information Reduction in the Analysis of Sequential Tasks // Psychol Rev. 1964. Vol. 71. P. 491–504.

6. Chernyshev B.V., Lazarev I.E. et al. Spontaneous attentional performance lapses during the auditory condensation task: an ERP study // Psychology & Neuroscience. 2015. Vol. № 8(1). P. 4–18.

НАПРАВЛЕННОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ ОШИБОЧНЫХ АКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ КРЫС: ЭКСПРЕССИЯ ТРАНСКРИПЦИОННОГО ФАКТОРА FOS И ПОВЕДЕНИЕ¹

Сварник О.Е., кандидат психологических наук
Булава А.И.

Зворыкина С.В., кандидат биологических наук
Институт психологии РАН

Аннотация. Анализируются индивидуальные различия при формировании нового опыта у крыс. Показано, что увеличение числа нейронов, подвергающихся нейрогенетическим изменениям, зависит от числа ошибок, совершаемых животным при обучении.

Ключевые слова: научение, нейрон, ошибки.

Abstract. The article analyzes the individual differences in the formation of a new experience in rats. It is shown that an increase in the number of neurons undergoing changes in gene expression depends on the number of mistakes made by an animal during learning.

Keywords: learning, neuron, mistakes.

¹ Данное исследование было поддержано РГНФ, грант № 14-06-00690а.

Современное понимание нейрофизиологических механизмов научения включает в себя представление о формировании специализаций нейронов относительно специфического поведения [2]. Изучение импульсной активности нейронов показало, что в разнообразных поведенческих моделях у животных разных видов обнаруживаются нейроны, импульсная активность которых специфически связана с осуществлением конкретных поведенческих актов. Такая «поведенческая специализация» – долговременная, стабильная характеристика нейрона, поскольку она может детектироваться при анестезии и в течение длительных периодов времени (часы, недели и месяцы после обучения [2]).

В настоящее время накоплены данные, позволяющие предполагать, что в основе формирования поведенческих специализаций нейронов лежат молекулярно-генетические изменения функционирования нейрона. В многочисленных исследованиях было показано, что научение сопровождается изменениями в экспрессии генов, которые

приводят к морфологическим изменениям мозга, причем первым этапом каскада таких изменений является экспрессия ранних генов и, в частности, раннего гена *c-Fos* [1]. Блокирование экспрессии этого гена путем введения бессмысловых последовательностей препятствует формированию долговременной памяти, что указывает на причинную роль этого транскрипционного фактора в обучении. Было выявлено, что экспрессия *c-Fos* при формировании инструментального пищеводобывательного поведения крыс происходит в большом числе нейронов ретроспленальной коры головного мозга, которая характеризуется большим числом нейронов, специализированных относительно формируемого поведения нажатия на педаль по сравнению с моторной областью, где не наблюдается такой экспрессии. Однако число нейронов, экспрессирующих *Fos* при формировании поведения нажатия на педаль, несопоставимо превышает число нейронов, специализированных относительно нажатия на педаль [3]. Возникает вопрос: чем обусловлено вовлечение

больших массивов нейронов в процесс экспрессии этого транскрипционного фактора?

Можно предполагать, что индивидуальные различия в числе Fos-положительных нейронов при обучении связаны с числом пробных актов, выполняемых животными. В настоящей работе производили направленное увеличение числа ошибок (за счет неподкрепляемых, но тем не менее правильных актов) при формировании нового поведения и сопоставляли полученные поведенческие параметры с числом нейронов, подвергающихся нейрогенетическим изменениям. Нейрогенетические изменения определялись по индукции экспрессии c-Fos, которая оценивалась иммуногистохимически в соответствии с протоколом стрептавидин-биотин-пироксидазного иммуногистохимического набора (VectastainElite ABC KIT, Vector, USA). Для реакции были использованы поликлональные кроличьи антитела к c-Fos (AB-5, OncogeneScience, USA) в разведении 1:2000. Анализ поведения показал, что неподкрепление правильно выполненных актов приводит к относительному увеличению числа проверок кормушек, что косвенно свидетельствует об увеличении пробных актов. При этом

чем больше было намеренных неподкрепленных актов у конкретного животного, тем больше оказалось число Fos-положительных нейронов у данного животного в ретроспленальной коре. Таким образом, индивидуальные различия в поведении приводили к различиям в нейронном субстрате, обеспечивающим данное поведение. Такие различия предположительно могут приводить и к различиям в стабильности данного приобретенного навыка.

Литература

1. Анохин К.В. Молекулярные сценарии консолидации долговременной памяти // Журнал высшей нервной деятельности. 1997. № 47 (2). С. 261–279.
2. A subset of cingulate cortical neurons is specifically activated during alcohol-acquisition behavior / Yu.I. Alexandrov, Yu.V. Grinchenko et al. // Acta Physiol. Scand. 2001. № 171. P. 87–97.
3. Fos expression and task-related neuronal activity in rat cerebral cortex after instrumental learning / O.E. Svarnik, Yu.I. Alexandrov // Neurosci. 2005. № 136. P. 33–42.

НЕЙРОДИНАМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПОДРОСТКОВ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Бартош Т.П., кандидат биологических наук доцент
Научно-исследовательский центр «Арктика» ДВО РАН

Аннотация. Исследовали нейродинамические свойства и функциональное состояние ЦНС по параметрам времени сенсомоторных реакций у мальчиков-подростков аборигенных популяций Севера. Выявлено значительное улучшение этих показателей к 14–15 годам. Показана меньшая подвижность нервной системы, относительно низкое текущее функциональное состояние центральной нервной системы по сравнению с европейскими сверстниками.

Ключевые слова: Север, подростки, аборигенные популяции, нейродинамические показатели, сенсомоторные реакции.

Abstract. The article explores neurodynamic characteristics and functional status of the central neural system according to the time parameters of sensory motor reactions in native adolescent males of the Extreme North. The study revealed a significant improvement of these measures in subjects approaching 14–15 years ($p < 0,05$). The aboriginal subjects demonstrated lower nervous mobility, relatively low current functional state of the central nervous system as compared to the European subjects.

Keywords: the North, adolescents, aboriginal populations, neurodynamic measures, sensory-motor reactions.

На формирование психофизиологического статуса детей и подростков, проживающих в условиях Севера, влияет целый комплекс негативных природно-климатических и экологических факторов, которые предъявляют повышенные требования к функциональным системам, а также влияют на скорость морфофункционального созревания организма [1; 3]. Исследователи отмечают большие индивидуальные колебания в становлении основных свойств нервной системы [1; 3]. В то же время мало данных о нейродинамических особенностях детей и подростков из числа коренных малочисленных народов Севера.

Цель исследования – оценить нейродинамические свойства и функциональное состояние ЦНС по параметрам времени сенсомоторной реакции у мальчиков-подростков северных народов.

В обследовании приняли участие 81 подросток из числа аборигенной популяции (42 эвена и 39 коряков) мужского пола 12–17 лет, обучающийся в школе-интернате п. Эвенск Магаданской области. Подростки были разделены на 3 возрастные группы: 1-я группа – 12–13 лет; 2-я группа – 14–15 лет; 3-я группа – 16–17 лет. Оценку нейродинамических характеристик проводили с помощью АПК «НС-ПсихоТест» фирмы «Нейрософт» (г. Иваново). Определяли время реакции (ВР) простой зрительно-моторной реакции, а также вычисляли количественные критерии по Т.Д. Лоскутовой [2], которые характеризуют с различных сторон текущее функциональное состояние ЦНС: функциональный уровень системы (ФУС), устойчивость реакции (УР) и уровень функциональных возможностей (УФВ). Обработка полученных данных проводилась стандартными методами с помощью программы Statistica для Windows 6.0.

Данные показали наличие возрастной динамики в сторону укорочения времени ПЗМР и его среднеквадратического отклонения (SD), характеризующего уравновешенность нервных процессов. С возрастом у мальчиков-аборигенов среднее ВР сокращалось. Происходит естественное совершенствование нейродинамических функций, увеличивается подвижность и уравновешенность нервных процессов. Следует отметить, что средние показатели ВР ПЗМР во всех возрастных группах обследуемых превышали среднеширотные возрастные нормы, прилагаемые к АПК

«НС-ПсихоТест» [2]. Можно говорить о некотором запаздывании сроков созревания и инертности нервных процессов у обследуемых подростков аборигенной популяции по сравнению европейскими сверстниками. С возрастом, несмотря на значимое снижение ($p < 0,05$) опережающих реакций к 14–15 годам, преобладание силы возбуждения в этой возрастной группе сохраняется. К 16–17 годам число опережающих реакций уже незначительно превышало число запаздываний. Таким образом, с возрастом у подростков северных народов происходит закономерное улучшение баланса и силы нервных процессов и увеличение подвижности нервных процессов.

Исследование функции ЦНС подростков по критериям ФУС, УР, УФВ [2] показало значительное улучшение средних показателей к 14–15 годам ($p < 0,05$), которые оставались стабильными к 16–17 годам. В каждой возрастной группе аборигенов выявлялись лица с низким функциональным уровнем ЦНС: в 1-й группе более 50 % обследуемых, во 2-й группе – 13 % и в 3-й группе – 27 %. Состояние этих подростков характеризуется ослабленным вниманием, повышенной утомляемостью, ухудшением временных и точностных параметров деятельности, в целом снижением работоспособности функции ЦНС.

Таким образом, для обследуемых подростков аборигенной популяции в основном характерна низкая подвижность нервных процессов, низкое текущее функциональное состояние ЦНС, нарушение процессов внутреннего торможения, ослабленное внимание.

Литература

1. Бартош Т.П., Бартош О.П., Мычко М.В. Возрастные особенности нейродинамических показателей мальчиков-подростков аборигенной популяции Магаданской области // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 91–96.
2. Мантрова И.Н. Методическое руководство по психофизиологической и психологической диагностике «Нейрософт». Иваново, 2006.
3. Сороко С.И., Сергеева Е.Г., Рожков В.П. Особенности морфофункционального развития ЦНС у детей в условиях Европейского Севера / Проблемы адаптации человека к экологическим и социальным условиям Севера. Сыктывкар-СПб.: Политехника, 2009. С. 12–29.

УЧАЩИХСЯ ПЕРВОГО КЛАССА ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Станякина М.В., кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии и психофизиологии Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск

Аннотация. Рассматривается проблема прогнозирования адаптации первоклассников на основании комплексного лонгитюдного психолого-психофизиологического и педагогического обследования ребенка на этапах старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Выделены нейропсихологические предикторы адаптации первоклассников к обучению.

Ключевые слова: адаптация, нейропсихологические предикторы, дошкольный возраст, учащиеся первого класса, высшие психические функции.

Abstract. The problem of predicting adaptation of first-graders on the basis of an integrated longitudinal psychological and psycho-physiological examination of the child and teacher at the stages of preschool and primary school age. Obtained neuropsychological predictors of adaptation of first-graders to learn.

Keywords: adaptation, neuropsychological predictors, preschool age, pupils of the first class, the higher mental functions.

Проблема адаптации первоклассников к обучению в школе является одной из важных для образования. От того, как ребенок адаптируется, зависит не только успешность его обучения, но и способность к дальнейшему психическому, личностному и социальному развитию.

Адаптация к обучению в школе – процесс приспособления познавательной, мотивационной, эмоционально-волевой сфер и в целом организма школьника к новым условиям жизнедеятельности, новому виду деятельности, нагрузкам, связанным с систематическим обучением [1].

Прогнозирование адаптации в нашем случае носит междисциплинарный характер, так как включает результаты изучения психологических, педагогических, психофизиологических и физиологических явлений. Методы построения прогноза – методы математического моделирования, что позволяет сделать прогноз более объективным. В ходе анализа можно выделить предикторы – исходные характеристики индивида или его окружения, по которым можно предсказывать другие (целевые) характеристики того же индивида. Нейропсихологические предикторы адаптации – показатели развития ВПФ, значения которых позволяют прогнозировать особенности адаптации ребенка на этапе начала школьного обучения в первом классе.

Изучение теоретических основ проблемы позволило сформулировать *цель исследования*: выявить и описать показатели сформированности ВПФ, на основании оценки которых можно прогнозировать особенности адаптации ребенка на

этапе начала школьного обучения в первом классе.

При планировании эксперимента мы опирались на положение о структуре интегральной индивидуальности В.С. Мерлина [1]. Для более полной характеристики изучаемых явлений мы сочли необходимым не ограничиваться только констатацией состояний ВПФ, относящихся к психофизиологическому уровню индивидуальности, но и рассмотреть их во взаимосвязи с другими компонентами готовности к обучению в школе, показатели которых отражают состояние следующих уровней: соматического, нейродинамического, психодинамического, психических свойств личности, социальной роли в группе и коллективе.

Методы и методики исследования. Методика системного нейропсихологического исследования ВПФ И.Ф. Марковской в нашей модификации [2]; субтесты методики Л.А. Ясюковой. Для оценки адаптации проведены: анализ школьных журналов (пропуски по болезни), экспертная оценка учебной деятельности учащихся учителем, «Социометрия» (Дж. Морено), «Что мне нравится в школе?» (Н.Г. Лусканова), «Домики» (О.А. Орехова). Метод обработки данных – факторный анализ (метод главных компонент, ортогональное вращение, ППП «Stadia-prof», А.П. Кулаичев, 1999).

В процессе лонгитюдного исследования 75 детей определены особенности ВПФ, особенности интеллектуальной готовности к обучению дошкольников ($6,5 \pm 0,2$ лет) и особенности адап-

тации первоклассников ($7 \pm 0,2$ лет). Полученные данные о ВПФ старших дошкольников во многом согласуются с данными литературы, что свидетельствует о наличии общих закономерностей становления ВПФ в дошкольном возрасте. В то же время выделены специфические характеристики, которые свидетельствуют о некоторой задержке формирования функций у дошкольников, проживающих в северных регионах России. Большая часть детей готова к школьному обучению, но у ряда испытуемых наблюдается недостаточная сформированность различных форм мышления, зрительной памяти, что соотносится с выявленными особенностями ВПФ.

Выявлены особенности адаптации первоклассников к обучению в школе: представлены четыре типа адаптации к школьному обучению: 1 – низкий уровень адаптации, 2 – средний, 3 – высокий, 4 – уровень со смешанными показателями адаптации.

Факторный анализ результатов позволил выявить нейропсихологические предикторы, специфичные для каждого типа адаптации. Предикторами высокого уровня являются показатели сформированности кинестетического праксиса и речи, среднего уровня – динамического прак-

сиса, речи, предикторами уровня адаптации со смешанными показателями будут показатели кинестетического праксиса, динамического праксиса и речи. Полученные предикторы являются межуровневыми, онтогенетическими.

Нами разработаны рекомендации педагогическому психологу, направленные на оптимизацию адаптации первоклассников на основании диагностики и коррекции ВПФ (нейропсихологических факторов) детей в дошкольном возрасте и на этапе начала школьного обучения.

Литература

1. Ахутина Т.В. Нейропсихология индивидуальных различий детей как основа использования нейропсихологических методов в школе // Первая Международная конференция памяти А.Р. Лурия: сб. докладов. М., 1998.
2. Мерлин В.С. Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
3. Станякина М.В., Минина О.Г., Комаровская Е.В. Нейропсихологический мониторинг состояния высших психических функций старших дошкольников и младших школьников: метод пособие. Архангельск: Солти, 2011.

ОПОРНАЯ АФФЕРЕНТАЦИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ (ОБЗОР)¹

Базанова О.М., доктор биологических наук

Лаборатория аффективной, когнитивной и трансляционной нейронауки

Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины, г. Новосибирск

Аннотация. Рассматривается роль опорной афферентации в системе поддержания равновесия и в эффективности реализации аффективных, психомоторных и когнитивных процессов. Показано, что постуральные реакции регулируются как на подсознательном уровне, так и с участием корковых структур. На основании анализа литературы и результатов собственных исследований предполагается взаимосвязь между опорной афферентацией и процессами высшей нервной деятельности.

Ключевые слова: опорная афферентация, постуральный контроль, эмоции, когнитивные функции, стабилметрия, ЭЭГ, ЭМГ.

Abstract. In this review the growing body of evidence that supports the role of postural responses of plantar forefoot area have significance not only in highly sophisticated neural network for controlling upright balance, but inhuman affective and cognitive functions will be presented. Although historically these reactions were considered within the sub cortical domain, mounting evidence reveals a distributed cerebral network for sensorimotor integration in postural control and psychomotor performance.

Keywords: support afferentation, postural control, emotions, cognitive functions, psychomotor performance, stabilometry, EEG, EMG.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-06-00951а.

Сидячий малоподвижный образ жизни является одной из основных причин нарушения физиологических и психологических функций человека. В этой связи представляется актуальным исследование влияния системы поддержания вертикального положения тела на оптимизацию психофизиологических функций. Роль ощущений опоры на ноги в поддержании равновесия мало исследована в комплексной системе сохранения баланса [3; 4; 7; 12]. Влияние опорной афферентации на эффективность сознательной деятельности человека практически не исследовано.

Настоящий обзор современных литературных данных и результатов собственных исследований предпринят с целью изучения роли опорной афферентации в реализации аффективных и когнитивных функций человека.

Проведен литературный поиск в базах данных NCBI, Scopus, Google Scholar по ключевым словам: «posture», «balance», «vestibular system», «vision», «proprioception», «plantar sensitivity», «support afferentation», «gravity», «EEG», «EMG», «sensorimotor integration», «cognitive functions», «affective disorders», «anxiety».

Начиная с работ И.М. Сеченова и Н.А. Бернштейна, к настоящему времени установлена неоспоримая роль ощущений опоры на ноги в стабилизации позы и постуральном контроле [3–5; 10]. Причем роль афферентации от опорных зон стопы в поддержании баланса не ограничивается только биомеханическим и проприоцептивным или вестибуло-рефлекторными механизмами [3; 4], но и участвует в эффективной сенсомоторной интеграции [1; 2; 10; 13]. Однако только с началом космической эры появляются доказательства влияния опорной афферентации на нормальное функционирование таких важных систем жизнеобеспечения, как зрение [14], сердечно-сосудистая [9] и дыхательная [15].

Гипотеза о значении опорной афферентации для повышения эффективности когнитивных и психомоторных функций сначала получила подтверждение в ряде теоретических работ об эволюционном значении опоры на ноги в формировании тонкой моторики пальцев рук и развитии коры головного мозга человека [13; 16]. Только в последнее время, когда развитие технологий стабилометрии позволило дискриминировать вклад ощущений опоры в общую систему поддержания равновесия, появились возможность экспериментально и теоретически исследовать влияние опорной афферентации на аффективные и когнитивные процессы [1; 7; 11]. В обзоре также представлены результаты экспериментальных исследований роли тренинга опорной афферен-

тации в улучшении самочувствия [1,], снижении психоэмоционального напряжения [1] и тревожности [11; 17], повышении эффективности когнитивной и психомоторной деятельности [1; 17].

Литература

1. *Базанова О.М., Холодина Н.В.* и др. Стабилометрические, электромиографические и электроэнцефалографические показатели женщин в постменопаузе зависят от тренинга ощущения опоры на ноги // Физиология Человека. 2014. Т. 41. № 4. С. 1–9.
2. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Медгиз, 1947. 214 с.
3. *Григорьев А.И., Шенкман Б.С., Козловская И.Б.* Роль опорной афферентации в организации тонической мышечной системы // Российский физиологический журнал. 2004. № 5. С. 508–521.
4. *Гурфинкель В.С., Левик Ю.С., Лебедев М.А.* Концепция схемы тела и моторный контроль. Схема тела в управлении позными автоматизмами: сб. «Интеллектуальные процессы и их моделирование. Пространственно-временная организация» / ред. А.В. Чернавский. М.: Наука, 1991. С. 24–53.
5. *Скворцов Д.В.* Стабилометрия – функциональная диагностика функции равновесия, опорно-двигательной системы и сенсорной системы // Функциональная диагностика. 2004. № 3. С. 78–84.
6. *Bolton D.A.* The role of the cerebral cortex in postural responses to externally induced perturbations. *Neurosci Biobehav Rev.* 2015 Aug 29. № 57. P. 142–155.
7. *Buyukdura J.S., McClintock S.M., Croarkin P.E.* Psychomotor retardation in depression: biological underpinnings, measurement, and treatment // *Prog Neuropsychopharmacol Biol Psychiatry.* 2011. V. 35. № 2. P. 395–409.
8. *Cheron G., Leroy A., Palmero-Soler E.* et al. Gravity influences top-down signals in visual processing. // *PLoS One.* 2014. V. 9. № 1. e82371.
9. *Chomistek A.K., Chiwe S.E.* et al. Healthy lifestyle in the primordial prevention of cardiovascular disease among young women // *J Am Coll Cardiol.* 2015. V. 65. P. 43–51.
10. *Cullen K.E.* The vestibular system: multimodal integration and encoding of self-motion for motor control // *Trends Neurosci.* 2012. V. 5. № 3. P. 185–96.
11. *Deschamps T.* et al. Balance characteristics in patients with major depression after a two-month walking exercise program: A pilot study. // *Gait Posture.* 2015 V. 31.

12. *Delwaide P.J., Crenna P.* Cutaneous nerve stimulation and motoneuronal excitability. II: Evidence for non-segmental influences // *J. Neurol. Neurosurg. Psychiatry* 1984. V. 47. P. 190–196.

13. *Hicks T.P., Onodera S.* The mammalian red nucleus and its role in motor systems, including the emergence of bipedalism and language // *Prog Neurobiol.* 2012. V. 96. № 2. P. 165–175.

14. *Iatridou K., Mandalidis D., Chronopoulos E., Vagenas G., Athanasopoulos S.* Static and dynamic body balance following provocation of the visual and vestibular systems in females with and with-

out joint hypermobility syndrome // *J Bodyw Mov Ther.* 2014. V. 18 (2). P. 159–164.

15. *Janssens T., Martens F., Storms N., Van den Bergh O.* Generalization of Respiratory Symptom Triggers // *Behav Ther.* 2015. V. 46 (5). P. 689–698.

16. *Mantini D., Corbetta M.* Evolutionarily novel functional networks in the human brain? // *J. Neurosci.* 2013. V. 33. P. 3259–3275.

17. *Smith P.F., Darlington C.L., Zheng Y.* Move it or lose it: is stimulation of the vestibular system necessary for normal spatial memory? // *Hippocampus* 2010. V. 20. P. 36–43.

ОСОБЕННОСТИ МОЗГОВОЙ АКТИВНОСТИ РУССКИХ И ТУВИНЦЕВ В УСЛОВИЯХ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦЕВЫХ ЭМОЦИЙ

Рымарева Ю.М.^{1, 3}

Савостьянов А.Н.^{1, 2, 3}

Бочаров А.В.^{1, 3}

*Навай-оол У.Н.*⁴

*Моңур-оол Е.*⁴

*Базовкина Д.В.*²

*Науменко В.С.*²

*Няязев Г.Г.*¹

¹ ФГБУ НИИ физиологии и фундаментальной медицины

² ФГБУ Институт цитологии и генетики РАН

³ Новосибирский государственный университет

⁴ Тувинский государственный университет

Аннотация. Актуальность исследования этнических особенностей реагирования испытуемых на социально значимые стимулы связана с необходимостью сравнительного изучения генетической и психологической специфики у представителей разных народов для выявления клинически информативных параметров и развития персонализированной медицины. Изучены межэтнические особенности взаимосвязи между аллельными полиморфизмами транспортера серотонина и ЭЭГ-коррелятами личностных свойств у тувинских и русских испытуемых при распознавании лицевых эмоций.

Ключевые слова: психофизиология, индивидуальность этноса, ЭЭГ корреляты личностных свойств, личностная тревожность.

Abstract. The study is aimed to the exploration of EEG correlates of personality traits in the Tuvinians and Russians during the facial emotionality recognition task. The analysis included the factor of the intergroup differences in the allelic polymorphisms of serotonin transporter between the Russians and Tuvinians. Our approach is important for the comparison of the genetic and psychological features among different ethnic groups. The results of this study can be applied for the searching of the clinically informative parameters in psychiatry and for the developing of personalized medicine.

Keywords: psychophysiology, individuality of ethnic group, EEG correlates of personality traits, trait anxiety.

По данным Росстата за 2013 г. Республика Тува является регионом, в котором наблюдается высокая степень социальной нестабильности [1]. В связи с этим актуально проведение научных исследований, которые могли бы помочь выявить факторы, влияющие на социальное поведение испытуемых. Некоторые из этих факторов могут быть определены при помощи анализа ЭЭГ-реакций в условиях распознавания лицевых эмоций. В работе Г.Г. Князева и соавторов исследовались ЭЭГ-корреляты личностной тревожности [2]. Интерес к тревожности в современной психологии вызван ее взаимосвязью с рядом психических и психосоматических расстройств, а также значительной ролью личностной тревожности в регуляции поведения здоровых людей [3]. Имеются сведения о том, что одним из факторов формирования тревожности являются различные полиморфизмы гена, кодирующего серотониновый транспортер [4].

Цель исследования – сравнение ЭЭГ-реакций у 63 здоровых русских и 62 тувинцев в условиях распознавания лицевых эмоций.

Задачи исследования:

- ◆ установить связь уровня личностной тревожности с полиморфными вариантами гена, кодирующего транспортер серотонина (5-НТТ);
- ◆ установить ЭЭГ-корреляты личностной тревожности в условиях распознавания эмоционального выражения на лицевых фотографиях для различных этнических групп испытуемых;
- ◆ установить взаимосвязь между аллельными вариантами локусов 5-НТТLPR и Stin2 гена серотонинового транспортера (5-НТТ) и ЭЭГ-коррелятами личностной тревожности у русских и тувинцев.

Вывод. Было обнаружено различие в уровнях активации и вовлеченности мозговых отделов в процесс зрительного распознавания лицевых эмоций между различными группами испытуемых. Для тувинцев, в сравнении с русскими, были характерны более выраженные реакции в тета-диапазоне (4–8 Гц), и менее выраженные в бета-2-диапазоне (16–20 Гц). У тувинцев вы-

явлена незначительная разница в ЭЭГ-реакциях при оценке мужских и женских лиц, тогда как у русских эти различия значительны. У высокотревожных тувинцев наблюдается более сильная синхронизация в тета-диапазоне при распознавании нейтральных, дружелюбных и агрессивных лиц по сравнению с русскими. Высокая амплитуда синхронизации в диапазоне дельта-тета ассоциирована с обладанием генотипа SS (эффект был маргинален). Генотип 12/12 по STin2 связан с более слабой десинхронизацией в альфа-диапазоне.

Ранее было высказано предположение [5], что различия в тревожности между русскими и тувинцами вызваны одновременно генетическим (аллельным полиморфизмом транспортера серотонина) и социальным (различия в гендерных ролях) факторами. Причем взаимодействие этих факторов может увеличивать риск развития психиатрических нарушений. В данном исследовании эта гипотеза соотнесена с результатами анализа ЭЭГ.

Литература

1. Федеральная служба российской статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения:).
2. Anxiety and oscillatory responses to emotional facial expressions / G.G. Knyazev, A.V. Vocharov et al. 2008.
3. *Афтанас Л.И.* Эмоциональное пространство человека. Психофизиологический анализ. 2000.
4. *Lesch K.P., Bengel D., Heils A.* Association of anxiety-related traits with a polymorphism in the serotonin transporter gene regulatory region. 1996.
5. Взаимосвязь уровня тревожности с полиморфными вариантами гена серотонинового транспортера у русских и тувинцев / А.Н. Савостьянов, В.С. Науменко и др. 2014.]
6. *Greenberg B.D. et al.* Association between the serotonin transporter promoter polymorphism and personality traits in a primarily female population sample. 2000.

ОСОБЕННОСТИ НАВЫКОВ ПИСЬМА У ВТОРОКЛАССНИКОВ ПО ДАННЫМ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Попова И.С., магистр

Филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Рассматриваются трудности письма учащихся второго класса с позиции нейропсихологического подхода. Подчеркивается, что письмо формируется, как бы надстраиваясь над психическими функциями более низкого порядка. Чтобы своевременно определить уровень зрелости данных психических функций, выявить особенности трудностей письма у второклассников, мы предлагаем использовать нейропсихологический мониторинг. Приведены экспериментальные данные, подтверждающие эффективность данного подхода.

Ключевые слова: письмо, нейропсихологический мониторинг, функциональные системы мозга, ВПФ, второклассники.

Abstract. We consider the difficulties of writing the second class of students from the perspective of neuropsychological approach. It is emphasized that the letter is formed, as it were nadstraivayas on mental functions of a lower order. To determine the level of maturity of timely data of mental functions, to identify particular hardship letter from the second graders, we suggest using neuropsychological monitoring. Experimental data supporting the efficacy of this approach.

Keywords: writing, neuropsychological monitoring, functional brain systems, RFT, second-graders.

Работу по оказанию помощи детям с трудностями в обучении очень важно начинать именно в начальной школе, пока школьная неуспешность не оказала отрицательное влияние на самооценку и уровень притязаний ребенка. Комплекс трудностей в учебной деятельности, приобретая устойчивость, дестабилизирует личность и ее внутренний мир, порождает внутриличностные противоречия между желаниями и возможностями, требованиями социума и собственными устремлениями [2].

Вопросам изучения письма и чтения посвящено значительное количество работ педагогов, психологов, лингвистов, физиологов, в своей совокупности создавших мультидисциплинарную основу для понимания этих сложных явлений. Современные представления о письме и чтении базируются на фундаментальных исследованиях Б.Г. Ананьева, П.К. Анохина, Т.В. Ахутиной, М.М. Безруких, Т.Н. Волковой, Л.С. Выготского, О.Б. Иншаковой, А.Н. Корнева, Р.И. Лалаевой, А.Р. Лурия, Л.С. Цветковой. Мы же будем рассматривать письмо, основываясь на исследованиях в области нейропсихологии. Таким образом, письмо – это сложный навык, базирующийся на работе функциональных систем, в состав которых входит много компонентов, опирающихся на работу различных участков мозга, играющих свою особую роль, и недоразвитие любого из них ведет к специфическим затруднениям формирования всей функции в целом [2].

Для оценки специфики навыка письма, возникшей из-за незрелости функциональных систем мозга младшего школьника, мы предлагаем использовать такой метод нейропсихологического исследования, как мониторинг. Под нейропсихологическим мониторингом мы будем понимать процесс обследования высших психических функций с оценкой текущего состояния функций

и краткосрочное прогнозирование развития ребенка с целью принятия решения об организации его обучения и воспитания, при необходимости о функциональной реабилитации, а также об оптимальном режиме обучения и отдыха [4].

С целью изучения навыка письма мы обследовали 68 учащихся второго класса общеобразовательной школы. Обследование осуществлялось путем выполнения письменных работ: диктант, списывание с печатного текста, также была использована качественно-количественная нейропсихологическая методика А.Р. Лурия, в модификации И.Ф. Марковской [3].

После проведения методик, направленных на изучение сформированности навыка письма и обработки полученных результатов мы выявили, что продуктивность написания диктантов у детей второго класса ниже, чем продуктивность списываний. В работах присутствуют различные дисграфические ошибки: моторные, зрительно-моторные, ошибки звукового анализа и синтеза, фонематические.

При изучении особенностей ВПФ мы обратили внимание на следующие особенности детей, испытывающих трудности письма: низкий уровень оптико-кинестетической организации движений рук, зрительного и фонематического гнозиса, трудности планирования и регуляции своих действий, не критичность к ошибкам, что осложняется повышенной утомляемостью. Данные особенности развития высших психических функций могли негативно отразиться на формировании учебных навыков, таких как письмо.

Мы проанализировали факторные модели взаимосвязей показателей сформированности высших психических функций и навыков письма у второклассников, имеющих трудности в освоении данного навыка. Мы можем отметить наличие только ортогональных, жестких связей. Это

свидетельствует об ограниченных адаптационных возможностях детей этой группы.

Почти у всех детей, которые имеют трудности письма, благоприятный прогноз осуществим только при наличии специально организованной коррекционно-развивающей работы. Мы предложили учителю и психологу рекомендации, направленные на коррекцию недостаточно зрелых психических функций и с помощью нейропсихологического мониторинга планомерно отслеживали эффективность их реализации. При итоговом анализе нашей мониторинговой работы мы выявили следующие результаты: уменьшилось количество учащихся, которые выполнили контрольный диктант и списывание на оценки «неудовлетворительно» и «удовлетворительно»; в работах учащихся стало меньше дисграфических ошибок всех видов.

Литература

1. Дубровинская Н.В., Фарбер Д.А., Безруких М.М. Психофизиология ребенка: психофизиологические основы детской валеологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 144 с.
2. Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неудачающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: Педагогическое общество России, 2001. 157 с.
3. Методология системного нейропсихологического исследования высших психических функций дошкольников: метод. рекомендации / А.В. Пятков, М.В. Станякина, О.Г. Минаина, Е.В. Комаровская. Архангельск, 2006. 98 с.
4. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / под ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. М.: В. Секачев, 2008. 128 с.

ОСЦИЛЛЯТОРНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ МОРАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ: ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ

Нязев Г.Г., доктор биологических наук, доцент
Савостьянов А.Н., доктор философских наук
Бочаров А.В., кандидат биологических наук
Институт физиологии и фундаментальной медицины

Аннотация. Роль эмоций в принятии моральных решений до сих пор является предметом споров. Грин с соавторами утверждают, что при принятии личных моральных решений люди руководствуются эмоциями, а безличные моральные суждения в основном опираются на логику. В данном исследовании изучение осцилляторных коррелятов принятия моральных решений указывает на роль личности в активации связанных с эмоциями центров мозга.

Ключевые слова: эмоции, моральные решения, личность, ЭЭГ, осцилляции.

Abstract. The role of emotion in moral decision-making is still a matter of debate. Greene et al. argue that 'personal' moral judgments are driven by emotional responses, while 'impersonal' judgments are largely driven by cognitive processes. In this study, oscillatory correlates of decision-making were compared in moral personal, moral impersonal, and nonmoral conditions, as well as in trials associated with utilitarian (i.e., favoring the «greater good» over individual rights) and non-utilitarian choices. Event-related synchronization in delta and theta bands was greater in the right temporal lobe in personal than in both nonmoral and impersonal moral condition. Graph-theoretical analysis of connectivity patterns showed the prominent role of orbitofrontal and cingulate cortices in personal moral decision-making, implying greater emotional- and self-processing. Higher conscientiousness and intellect and lower behavioral activation were associated with larger difference in oscillatory responses between utilitarian and non-utilitarian choices in personal than in impersonal condition, indicating that sensitivity to moral issues and the ability to grasp the nuances of moral situation are essential for understanding the implications of utilitarian choices in personal and impersonal conditions.

Keywords: moral dilemmas; personality; EEG; source localization; connectivity

Начиная с Сократа, философы спорят о том, что лежит в основе морали: разум или чувства. В наши дни эти споры переключались в лаборатории ученых, занимающихся исследованием мозга. Грин с соавторами [1] на основе своих исследований с использованием фМРТ утверждают, что при личных моральных суждениях люди руководствуются эмоциями, а безличные суждения в основном опираются на разум. Личные моральные суждения оценивают возможность личного нарушения моральных норм. Типичная личная дилемма – так называемая дилемма пешеходного мостика, в которой единственный способ спасти пять человек от надвигающегося поезда – столкнуть с моста под колеса поезда толстого человека. Типичная безличная дилемма – дилемма запасного пути, в которой аналогичная задача решается путем перевода стрелок на запасной путь, где поезд задавит одного человека. В исследованиях Грина с соавторами при принятии личных моральных решений наблюдалась активация в центрах мозга, связанных с эмоциями, а при принятии безличных решений – в центрах, связанных с рабочей памятью и другими когнитивными процессами. Выводы Грина с соавторами впоследствии критиковались некоторыми учеными на основании того, что выявленные в этих исследованиях центры мозга нельзя однозначно отнести к разряду либо эмоциональных, либо когнитивных [2]. Дополнительную информацию в пользу того или иного мнения может дать исследование ЭЭГ, так как связь ритмов ЭЭГ с эмоциональными и когнитивными процессами достаточно хорошо изучена. В частности, получено много данных, указывающих на связь низкочастотных осцилляций дельта- и тета-диапазонов с мотивационными и эмоциональными процессами [3].

В данной работе, помимо решения этого основного вопроса, мы ставили себе целью исследовать влияние личности испытуемого на паттерны активации в мозгу при принятии моральных решений. Исследование проведено на 34 здоровых испытуемых, которым показывали сопровожда-

емые текстом изображения ситуаций морального выбора и просили, представив себя на месте изображенного персонажа, принять то или иное решение. ЭЭГ анализировалась в последние 3 с перед принятием решения. После эксперимента испытуемые заполнили комплект личностных опросников. Анализ проводили как на уровне каналов, так и на уровне источников с использованием пакета sLORETA. Кроме анализа мощности осцилляций анализировалась сила связей между отдельными центрами мозга, а также с помощью граф-аналитических методов выявлялись центры, через которые проходят наибольшие потоки информации. Анализ поведенческих данных показал, что в ситуации личного выбора принятие «утилитарных» решений (пожертвовать одним человеком для спасения пятерых) в среднем требовало большего времени. В ЭЭГ наиболее сильные эффекты наблюдались в дельта- и тета-диапазонах в областях мозга, связанных с генерацией эмоций (правая височная кора и островок). Центры информационных потоков обнаружены в передней поясной извилине и орбитофронтальной коре. Разница между утилитарными и не-утилитарными решениями в ситуации личного выбора была больше у испытуемых с высокими оценками сознательности и интеллекта и низкой импульсивностью. Данные в целом подтверждают роль эмоций в принятии моральных решений и показывают, что сила эмоциональной реакции зависит от личностных особенностей.

Литература

1. Greene J.D., Sommerville R.B. et al. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293. P. 2105–2108.
2. Klein C. The dual track theory of moral decision-making: a critique of the neuroimaging evidence // *Neuroethics*. 2011. V. 4. P. 143–162.
3. Knyazev G.G. Motivation, emotion, and their inhibitory control mirrored in brain oscillations // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2007. V. 31. P. 377–395.

ОТРАЖЕНИЕ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ» В БИОЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА

Михайлова А. А., аспирант кафедры физиологии человека и животных и биофизики факультета биологии и химии

Орехова Л. С., аспирант кафедры общей психологии и психофизиологии факультета психологии

Павленко В. Б., доктор биологических наук, заведующий кафедрой общей психологии и психофизиологии факультета психологии
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Аннотация. Рассматриваются психофизиологические механизмы формирования фактора темперамента «отрицательная эмоциональность» у детей в раннем возрасте. Приведены экспериментальные данные, касающиеся выраженности «отрицательной эмоциональности» в зависимости от активации лобных и теменных областей коры головного мозга.

Ключевые слова: темперамент, отрицательная эмоциональность, теменно-фронтальный градиент ЭЭГ, дети раннего возраста.

Abstract. The paper discusses the psychophysiological mechanisms underlying the «negative affectivity» factor of temperament in early childhood. Based on the experimental data, there has been demonstrated the dependency of «negative affectivity» intensity on the activation of prefrontal and parietal brain cortex.

Keywords: temperament, negative affectivity, anterior-posterior EEG gradient, early childhood.

Темперамент ребенка является основой для последующего формирования личности. В связи с этим актуальными являются исследования мозговых механизмов становления темперамента детей раннего возраста. Поскольку высокий уровень проявления фактора темперамента «отрицательная эмоциональность» у детей может привести к возникновению поведенческих проблем в последующие возрастные периоды [2], всестороннее изучение формирования указанного фактора заслуживает особого внимания. Ранее показано, что особенности темперамента детей тесно связаны с ЭЭГ-асимметрией. В исследованиях на взрослых также было показано, что надежным показателем особенностей темперамента является теменно-фронтальный градиент ЭЭГ [3]. Однако изучение взаимосвязей формирования фактора темперамента «отрицательная эмоциональность» с показателями теменно-фронтального градиента ЭЭГ у детей ранее не проводилось. Поэтому *целью работы* явилось выявление индивидуальных особенностей формирования «отрицательной эмоциональности» в зависимости от активации теменных и лобных регионов коры головного мозга у детей в раннем возрасте.

Методика исследования. В исследовании приняли участие 27 детей (14 мальчиков и 13 девочек) в возрасте от 17 до 37 месяцев. Для определения характеристик темперамента родителям предлагали заполнить краткую версию «Опросника поведения в раннем детстве» (ОПРД) [4; 1]. С помощью ОПРД оценивали три фактора темперамента: «подъем/экстраверсия», «волевая регуляция» и «отрицательная эмоциональность» (этот фактор и анализировали в работе). ЭЭГ регистрировали в 16 отведениях в состоянии устойчивого зрительного внимания ребенка (с экрана компьютера показывали видеозапись вращающегося

мяча с меняющимся геометрическим рисунком). Рассчитывали теменно-фронтальный градиент ЭЭГ на основе показателей мощности альфа-ритма (6–9 Гц) по формулам: $\text{LnP4} - \text{LnF4}$; $\text{LnP3} - \text{LnF3}$.

Результаты исследования. Средние значения по шкале «отрицательная эмоциональность» составили: у мальчиков $2,62 \pm 0,64$, у девочек $-2,86 \pm 0,79$ баллов. Выявлено достоверное влияние выраженности теменно-фронтального градиента ЭЭГ правого полушария на уровень «отрицательной эмоциональности» ($F(2,24) = 5,35$, $p = 0,011$). Мы провели отдельный анализ влияния градиента ЭЭГ у детей разного пола. При этом статистически значимое влияние правого теменно-фронтального градиента ЭЭГ на уровень «отрицательной эмоциональности» было выявлено только в группе девочек ($F(2,11) = 4,740$, $p = 0,032$). Так, у девочек с выраженной активацией правой теменной области по отношению к правой лобной (в локусе P4 меньше альфа-ритм по сравнению с F4) отмечается высокий уровень «отрицательной эмоциональности». У девочек с выраженной активацией правой лобной области по отношению к правой теменной (в локусе F4 меньше альфа-ритм по сравнению с P4) – низкий уровень «отрицательной эмоциональности». Наши данные частично подтверждают результаты недавних исследований [5], касающихся связи теменной ЭЭГ-асимметрии с факторами темперамента у детей в возрасте 42 месяцев. Авторами указанного исследования была выявлена преобладающая активация в правой теменной области как при высокой «отрицательной эмоциональности», так и при низкой «положительной эмоциональности». Вероятно, у детей раннего возраста активация правой теменной области связана

с обработкой эмоциональных стимулов и эмоциональным возбуждением.

Литература

1. Колмагорова А.В., Слободская Е.Р., Гарштейн М.Э. Адаптация русскоязычной версии опросника для изучения темперамента детей раннего возраста // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 82–87.

2. Frick P.J., Morris A.S. Temperament and developmental pathways to conduct problems // Journal of clinical child and adolescent psychology. 2004. Vol. 33. № 1. P. 54–68.

3. Knyazev G.G. Antero-posterior EEG spectral power gradient as a correlate of extraversion and behavioral inhibition / The Open Neuroimaging Journal. 2010. Vol. 4. P. 114–120.

4. Putnam S.P., Gartstein M.A., Rothbart M.K. Measurement of fine-grained aspects of toddler temperament: The early childhood behavior questionnaire // Inf. Behavior and Dev. 2006. Vol. 29. P. 386–401.

5. Shankman S.A., Klein D.N. et al. Do positive and negative temperament traits interact in predicting risk for depression? A resting EEG study of 329 preschoolers // Dev Psychopathol. 2011. Vol. 23. № 2. P. 551–562.

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТОРНЫХ И СЕНСОРНЫХ АСИММЕТРИЙ ГЕМИСФЕР

Монич Д.В., младший научный сотрудник,

Научно-методическое учреждение Белорусского государственного университета «Республиканский центр проблем человека»

Аннотация. Исследуются особенности моторных и сенсорных функциональных асимметрий гемисфер в зависимости от возрастной и половой принадлежности и с учетом специфики региональной выборки.

Ключевые слова: моторные и сенсорные латеральности, микровозрастные интервалы, половозрастная динамика.

Abstract. The article examines the characteristics of motor and sensory laterality depending on age and gender, taking into account the specifics of the regional samples.

Keywords: motor and sensory laterality, age intervals, age and gender characteristics.

Функциональная асимметрия гемисфер характеризует распределение психических функций между правым и левым полушариями и представляет собой одну из фундаментальных закономерностей работы мозга человека. В различных системах характер функциональной асимметрии может быть неодинаков, что определяется эмпирически получаемыми индивидуальными коэффициентами. Традиционно выделяют моторные и сенсорные асимметрии, при этом наибольшим диагностическим весом в моторных парных органах обладает определение ведущей руки, а в сенсорных органах – ведущего уха.

В исследовании функциональных асимметрий гемисфер мы опирались на метод возрастных срезов, разработанный Е.И. Степановой [1] в рамках девяти микроинтервалов: 18–21, 22–25, 26–29, 30–33, 34–35, 36–40, 41–45, 46–49, 50–60 лет. Проанализированы данные по региональной вы-

борке (Республика Беларусь) 2650 человек: 1465 мужчин и 1185 женщин.

Для оценки моторной и сенсорной латеральностей использовался компьютеризированный вариант методики выявления индивидуального профиля функциональных асимметрий, предложенный Т.И. Тетеркиной [2]. Степень преобладания ведущей руки определялась на основании серии тестовых проб, выявляющих привычность действий, а также релевантных тонкомоторных, силовых и координационных параметров. Функциональное преобладание ведущего уха определялось по компьютеризированному варианту методики «дихотического прослушивания» Д. Кимуры [3]. В итоге рассчитывались соответственно коэффициент преобладания правой руки и коэффициент правого уха.

Применительно к функциональному доминированию руки прослеживается преобладание симметрии (50 %) и значительный процент

левой асимметрии (41 %) в возрастной группе 18–21 год, затем такое же значимое (60 %) преобладание правой в следующей возрастной группе (22–25 лет) с некоторым снижением (53 %) в возрастном интервале 26–29 лет. В остальных возрастных интервалах соотношение правой и левых индивидов с симметрией примерно одинаково (46–47 %) и не имеет значительных колебаний.

Для слухового канала наибольшее представительство во всех возрастных микроинтервалах имеют индивиды с функциональной симметрией (в среднем – 60 %). При этом с возрастом несколько увеличивается процент индивидов с преобладанием правого уха (с 20 до 30 %). Вопреки литературным данным функциональное доминирование левого слухового канала наименее часто встречается во всех возрастных микропериодах (в среднем 13 %).

Функциональное преобладание правой руки в большей степени присуще женщинам (49 %), мужчинам – функциональная симметрия (46 %). В противоположность литературным данным не было выявлено значимого преобладания левой асимметрии у мужчин по сравнению с женщинами (7 % и 8 % соответственно).

У женщин функциональная симметрия господствует в возрастных интервалах 18–21 год (50 %) и с 40 до 50 лет (51 %). Выраженное «правшество» наблюдается в возрасте 22–29 лет (более 60 %). С возрастом, после 50 лет, как и в период 22–29 лет, снова доминирует правая асимметрия при выраженном минимуме представителей левой доминирующей руки, что способствует стабильности высших психических функций.

У мужчин выявлен небольшой «всплеск» симметрии в интервале 18–21 год (49 %) и правой асимметрии в интервале 22–25 лет (55 %). В остальном характерно примерно равное представительство как правой, так и левых индивидов с функциональной симметрией рук.

По функциональному доминированию слухового канала и у женщин, и у мужчин преобладает представительство индивидов с функциональной симметрией развития слуховых каналов (66 % женщин и 61 % мужчин), соотношения по левым асимметриям практически одинаковы (41 % и 42 %).

Таким образом, исследование показало наличие половозрастной специфики функционального доминирования моторных и сенсорных органов. Если для мужчин характерно примерно равное представительство как правой, так и левых индивидов с функциональной симметрией рук, то у женщин в период 22–29 лет, а также после 50 лет значимо доминирует правая асимметрия при выраженном минимуме левых.

Литература

1. Степанова Е.И. Психология взрослых: экспериментальная акмеология. СПб.: Алетей, 2000. 288 с.
2. Тетеркина Т.И. Функциональная асимметрия головного мозга: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Л., 1985. 21 с.
3. Kimura D. Cerebral dominance and perception of verbal stimuli // Canadian J. Psychol. 1961. Vol. 15. P. 166–178.

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССЫ: ПОЛ, ХАРАКТЕР И ТЕМПЕРАМЕНТ

Азарных Т.Д., кандидат биологических наук, доцент кафедры философии
Воронежский университет инженерных технологий

Аннотация. Целью исследования являлось определение корреляционных связей между посттравматическими стрессами (по Миссисипской шкале) и характером, темпераментом. Установлено, что у девушек наиболее сильные связи существуют только с характером, тогда как у юношей – как с характером, так и темпераментом.

Ключевые слова: посттравматические стрессы, пол, юношеский возраст, характер, темперамент.

Abstract. The purpose of the study was shown determination correlation relationships between posttraumatic stress and character traits, temperament. It is installed that beside girl most tight bindings exist with character traits only then beside youth both with character traits, and temperament.

Keywords: posttraumatic stress, sex, juvenile age, character traits, temperament.

Определялись:

- ◆ наличие посттравматического стресса (ПТС) по Миссисипской шкале, гражданский вариант (MS) (Т.М. Keane) [3];
- ◆ темперамент через формально-динамические свойства индивидуальности (ФДСИ) [2, С. 356–360; С. 362–367; С. 393–397],
- ◆ черты характера в концепции Леонгарда – Русалова через опросник ОЧХ-В [2, С. 444–447; С. 453].

Исследования проведены на студентах в возрасте 18–20 лет (445 девушек и 144 юноши) дневных отделений вузов г. Воронежа в 2003–2012 гг. Во всех случаях после стресса, генерировавшего ПТС, прошло не менее шести месяцев. При статистической обработке вычислялись коэффициенты корреляций Спирмена, а также проводился факторный анализ по методу главных компонент (вращение Varimax). Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS (вариант 13).

Установлено, что коэффициенты корреляций по абсолютной величине между MS и чертами характера составляют $r = 0,14–0,43$ у девушек и $r = 0,27–0,44$ у юношей, параметрами и индексами ФДСИ – $r = 0,14–0,41$ и $r = 0,18–0,53$ соответственно. В свою очередь, корреляционные связи между чертами характера и параметрами, индексами ФДСИ варьируют как по количеству, так и по величине, при этом самые высокие коэффициенты корреляций установлены между гипертимностью и индексом общей активности ($r = 0,73$) у девушек, дистимностью и коммуникативной эргичностью ($r = -0,73$) у юношей.

При проведении факторного анализа были приняты во внимание: наличие отрицательных связей между психометрическими показателями ПТС и гипертимностью, демонстративностью, а также положительных – с дистимностью; наличие сильной отрицательной связи между гипертимностью и дистимностью (согласно К. Леонгарду эти черты являются диаметрально противоположными). Поэтому из числа рассматриваемых черт были исключены гипертимность и демонстративность. При рассмотрении в системе «MS – черты характера – параметры ФДСИ» установлено, что у девушек MS входит в третий фактор вместе с комплексом черт (облигатным) в виде возбудимости, циклотимности, застреваемости, экзальтированности. У юношей MS входит в первый фактор вместе с облигатным комплексом, а также эмоциональностью в психомоторной и коммуникативной сферах, поделенными с третьим. Факторизация матрицы интеркорреляций составляет 63,1 % у девушек и 65,9 % у юношей.

Связь с облигатным комплексом черт означает, что независимо от пола для ПТС характерны колебания настроения как в течение дня с включенностью соматического контура реагирования (экзальтированность), так и с более длительным периодом от нескольких дней и месяцев по типу качелей гипертимии – дистимии (циклотимность). Кроме того, характерными являются импульсивность, развитие эмоциональных реакций по аффективному типу (возбудимость), а также длительность переживаний отрицательных эмоций, враждебность, агрессивность, злопамятность с возможным появлением идей мести (застреваемость). Высокая выраженность двух последних черт при ПТС, как показано на взрослых выборках, связана с нарушением социальной адаптации [1]. Связь с темпераментальной эмоциональностью у юношей означает сильное эмоциональное переживание в случае расхождения между ожидаемым и реальным результатом физической работы, а также ощущение постоянного беспокойства в процессе социального взаимодействия.

Полученные данные означают, что у девушек тяжесть течения ПТС будет напрямую связана только с характерологическими особенностями, тогда как у юношей как с характерологическими, так и темпераментальными. Между тем на этой же выборке установлено, что из рассмотренных показателей только один и только у юношей является предиктором ПТС – застреваемость. Поэтому, учитывая возраст выборки, можно сделать вывод о том, что ПТС независимо от пола являются фактором, формирующим характер, а у юношей – также и темперамент. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- ◆ у девушек наиболее сильные связи ПТС существуют с характером, тогда как у юношей – как с характером, так и темпераментом;
- ◆ ПТС являются фактором формирования характера у юношей независимо от пола и темперамента.

Литература

1. Ахмедова Х.Б. Изменения личности при посттравматическом стрессовом расстройстве (по данным обследования мирного населения, пережившего военные действия): автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2004.
2. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: ИП РАН, 2012.
3. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и ме-

тоды / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков и др. М.: Когито-Центр, 2007.

ПРЕДСТИМУЛЬНЫЙ АЛЬФА-РИТМ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ КОГНИТИВНОГО КОНТРОЛЯ ЗАВИСИТ ОТ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВЫРАЖЕННОСТИ АЛЬФА-РИТМА ПОКОЯ¹

Лазарев И.Е., кандидат биологических наук, старший преподаватель департамента психологии, научный сотрудник лаборатории когнитивной психофизиологии

Чернышев Б.В., кандидат биологических наук, заведующий лабораторией когнитивной психофизиологии, доцент департамента психологии

Новиков Н.А., младший научный сотрудник лаборатории когнитивной психофизиологии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследовалась модуляция выраженности предстимульного альфа-ритма в зависимости от успешности выполнения слуховой конденсационной задачи и от индивидуальной выраженности альфа-ритма покоя. Ошибки выполнения были связаны с меньшими значениями предстимульного альфа-ритма. Этот эффект был больше выражен у испытуемых с высокими значениями альфа-ритма покоя.

Ключевые слова: внимание, альфа-ритм покоя, конденсационная задача.

Abstract. Prestimulus alpha oscillations were investigated in dependence of the success of auditory condensation task performance and of the individual resting state alpha. Performance errors were found to be accompanied by the lower values of prestimulus alpha. This effect was more pronounced in the individuals with greater values of resting state alpha.

Keywords: attention, resting state alpha, condensation task.

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Многие современные авторы полагают, что альфа-ритм ЭЭГ соответствует уменьшению активности коры или даже активным процессам торможения [1; 2]. Соответственно, ухудшение когнитивного контроля в зрительной модальности может быть связано с увеличением мощности альфа-ритма, а улучшение – с его уменьшением. Не вполне понятно, можно ли это утверждение обобщить на задачи в слуховой модальности, и как меняются проявления динамики когнитивного контроля в зависимости от стабильных индивидуальных особенностей, одной из которых является ЭЭГ покоя и, в частности, выраженность альфа-ритма покоя [3; 5]. В данном исследовании была проанализирована мощность предстимульного альфа-ритма в слуховой конденсационной задаче, создающей высокую нагрузку на систему внимания [4]. В эксперименте участники ($N = 47$) выполняли задачу, в которой предъявлялись четыре тона, каждый из которых имел две отличительные особенности: был либо «низким», либо «высоким» (синусоидальный сигнал 500 Гц или

2000 Гц), либо «зашумленным», либо «чистым» (т.е. с или без наложенного широкополосного шума). Участники эксперимента должны были нажимать одну или другую кнопку в зависимости от комбинации двух отличительных особенностей. Также предъявлялись частые дистракторы (чистые тоны 400 Гц). Длительность каждого стимула составляла 40 мс. Межстимульный интервал был случаен в пределах 2500 ± 500 мс. Инструкция не налагала ограничений на скорость ответа или на необходимость ответа в случае неопределенности. Мощность предстимульной ЭЭГ в 21 отведении (FP1, FPZ, FP2, F3, FZ, F4, FC3, FCZ, FC4, C3, CZ, C4, CP3, CPZ, CP4, P3, PZ, P4, O1, OZ, O2) анализировали для правильных и ошибочных ответов. Перед выполнением конденсационной задачи регистрировали ЭЭГ в состоянии спокойного бодрствования с закрытыми глазами (выраженность альфа-ритма покоя вычислялась для медиального затылочного отведения OZ). Было обнаружено достоверное ($p < 0,05$) взаимодействие факторов «выполнение задачи»

и «мощность альфа-ритма покоя» для выраженности предстимульного альфа-ритма (8–13 Гц). Правильному выполнению задачи соответствовала бóльшая (по сравнению с ошибками) мощность альфа-ритма, если она была изначально (в покое) велика, и меньшая, если она была мала. Эти результаты показывают, что в условиях слуховой задачи на внимание уменьшение мощности ЭЭГ в альфа-диапазоне не обязательно является индексом увеличения уровня когнитивного контроля. Альфа-ритм покоя, являясь стабильной характеристикой индивида, также оказывает влияние на направление проявлений динамики когнитивного контроля.

Литература

1. Klimesch W., Sauseng P., Hanslmayr S. EEG alpha oscillations: The inhibition – timing hypoth-

esis // *Brain Research Reviews*. 2007. V. 53 (1). P. 63–88.

2. Pfurtscheller G., Stancák Jr.A., Neuper C. Event-related synchronization (ERS) in the alpha band – An electrophysiological correlate of cortical idling: A review // *International Journal of Psychophysiology*. 1996. V. 24 (1–2). P. 39–46.

3. Pollock V.E., Schneider L.S., Lyness S.A. Reliability of topographic quantitative EEG amplitude in healthy late-middle-aged and elderly subjects // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1991. V. 79 (1). P. 20–26.

4. Posner M.I. Information reduction in the analysis of sequential tasks // *Psychological Review*. 1964. V. 71 (6). P. 491–504.

5. Salinsky M.C., Oken B.S., Morehead L. Test-retest reliability in EEG frequency analysis // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1991. V. 79 (5). P. 382–392.

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СПОРТИВНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ

Москвин В.А., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии

Москвина Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма

Аннотация. Анализируется проблема функциональных асимметрий в спорте, отмечено, что назрела необходимость и целесообразность создания нового прикладного направления – спортивной психофизиологии, – имеющего собственный предмет изучения. Новый подход должен обеспечить разработку системы физического воспитания и спортивной тренировки с учетом функциональных асимметрий мозга спортсменов.

Ключевые слова: психофизиология, мозг, функциональный асимметрии, спорт высших достижений, подготовка спортсменов.

Abstract. The problem of functional asymmetries in the sport, it is noted that there is a need and feasibility of creating a new application areas – sports psychophysiology having its own subject matter. The new approach is to ensure the development of physical education and sports training based on functional brain asymmetry athletes.

Keywords: Psychophysiology, brain functional asymmetry, elite sport, the preparation of athletes.

Исследования последних лет свидетельствуют о развитии нового направления, которое можно обозначить как психофизиологический подход к проблеме индивидуальных различий с учетом особенностей функциональных асимметрий человека [2–9]. Концепция А.Р. Лурия [4] о парциальном доминировании зон мозга позволяет говорить о том, что основы индивидуальных различий здоровых людей связаны с вариабельностью сочетаний парциального доминирования сенсорных и моторных признаков (что опреде-

ляет их разный вклад в процессы реализации высших психических функций). Для изучения особенностей функциональных асимметрий человека в настоящее время широко используются методики А.Р. Лурия, направленные на оценку «парциального левшества» (или парциального доминирования определенных зон мозга), а также пробы других авторов, включенных в «Карту латеральных признаков» [2–3].

А.Р. Лурия, касаясь проблемы способностей и одаренности в целом, говорил о наличии «плюс-

симптомов» и «минус-симптомов» в функционировании психики. «Плюс-симптомы», например в виде парциального доминирования зрительных зон правого полушария, обеспечивают более быструю переработку зрительно-пространственной информации (с учетом специализации правого полушария для реализации данной функции). «Плюс-симптомы» в виде парциального доминирования височных (слуховых) зон правого полушария обеспечивают более быструю переработку музыкальной информации (мелодия, звуки), а при парциальном доминировании височных зон левого полушария происходит более качественная переработка слухо-речевой информации. Таким образом, парциальное доминирование определенных зон мозга усиливает соответствующие функции (в том числе и в сфере двигательной активности), что имеет самое прямое отношение к проблеме одаренности в спорте [2–5].

Учет особенностей функциональных асимметрий мозга (ФАМ) в спортивной деятельности имеет значение в плане выявления одаренности в определенных сферах психики (например, в двигательной сфере), что связано с парциальным доминированием лобных (двигательных) отделов мозга, в особенности его левой лобной доли. Воспитание спортсменов высокого класса часто ведется на уровне предельных физических и психических напряжений, что определяет углубление научных представлений о физиологических механизмах совершенствования функциональных резервов человеческого организма в процессе адаптации к возрастающим нагрузкам и требует обязательного учета индивидуальных особенностей спортсмена (в том числе и латеральных).

Из спортивной психологии известно, что попытки обучать юных спортсменов посредством усиления и тренировок неведущего органа (руки, ноги), т.е. без учета индивидуальных особенностей асимметрий, могут приводить к отрицательным результатам в виде задержек развития при формировании спортивного мастерства. Проблема леворукости имеет большое значение и в спортивной практике. Левый профиль асимметрии у борцов, боксеров, теннисистов, фехтовальщиков делает их крайне неудобными соперниками для чистых правшей. Во многих исследованиях затрагиваются проблемы переучивания левшей, в том числе в процессе физического воспитания или обучения технике и тактике в разных видах спорта. Показано, что обучение юных футболистов левшей техническим приемам через неведущую (правую) ногу замедляет физическое развитие. Поэтому учет левых моторных асимметрий у леворуких спортсменов и правильное их развитие

способствует более высоким спортивным достижениям, правильному выбору амплуа и тактики действий спортсмена. Обучение юных спортсменов с учетом их индивидуальных латеральных профилей является одной из центральных задач применения знаний нейропедагогики в спорте. Психофизиологическая диагностика индивидуальных особенностей (в том числе и двигательных способностей) может быть использована для тестирования и выявления двигательно одаренных детей и подростков к определенным видам спорта [2–9].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что назрела необходимость и целесообразность развития нового прикладного направления – спортивной психофизиологии, – имеющего собственный предмет изучения, общие и специфические понятия, методологические основы, условия и средства педагогического обеспечения системы физического воспитания и спортивной тренировки с учетом функциональных асимметрий мозга, психофизиологических, социально-психологических характеристик спортсменов, и на этой основе – последующее дифференцированное обучение с учетом индивидуальных особенностей функциональной специализации и взаимодействия зон мозга.

Литература

1. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2000. 512 с.
2. *Москвин В.А., Москвина Н.В.* Психофизиология индивидуальных различий человека. М.: Изд-во МИП, 2011. 178 с.
3. *Москвин В.А., Москвина Н.В.* Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М.: Смысл, 2011. 367 с.
4. *Москвин В.А., Москвина Н.В.* Психофизиология индивидуальных различий в спорте. М.: НИИ спорта РГУФКСМиТ, 2013. 128 с.
5. *Москвина Н.В.* Мозг, индивидуальные различия и произвольная регуляция человека. М.: РГУФКСМиТ, 2015. 150 с.
6. *Moskvin V.A., Moskvina N.V.* Psychophysiology and features volitional regulation sport university students // *European Journal of Education and Applied Psychology*. 2015. № 3. P. 62–65.
7. *Moskvin V.A., Moskvina N.V. et al.* Tendency to risk and impulsiveness at students of sports university // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 7–8. P. 80–84.
8. *Moskvin V.A., Moskvina N. V et al.* Control over the actions in sports psychology // *Austrian*

Journal of Humanities and Social Sciences. 2015. № 7–8. P. 84–86. in sport psychology // European Journal of Education and Applied Psychology. 2015. № 3. P. 59–62.

9. *Moskvina N.V., Moskvina V.A.* Hemispheric asymmetry and features communication processes

ПРОСТАЯ ЗРИТЕЛЬНО-МОТОРНАЯ РЕАКЦИЯ В ОЦЕНКЕ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УСЛОВИЯМ УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Байгужин П.А., доктор биологических наук, профессор кафедры анатомии, физиологии человека и животных

Нирсанов В.М., кандидат психологических наук, доцент кафедры психолого-педагогических дисциплин

Челябинский государственный педагогический университет

Аннотация. Представлены результаты описательной статистики вариационного ряда значений латентного периода ПЗМР, полученного в ходе выполнения студентами хронорефлексометрической методики Т.Д. Лоскутовой в модификации М.П. Мороз.

Ключевые слова: хронорефлексометрия, простая зрительно-моторная реакция, студенты, статистические показатели.

Abstract. Results of descriptive statistics of a variation number of values of the latent period of simple visual and motor reaction received during performance by students of a variation hronorefleksometriya T.D. Loskutova's technique are presented to modifications M.P. Moroz.

Keywords: hronorefleksometriya, simple visual and motor reaction, students, statistics.

¹ Статья является частью научного проекта «Изучение закономерностей интегративных процессов в центральной нервной системе в условиях учебно-профессиональной деятельности» (рег. № 2669) в рамках выполнения проектной части государственного задания в сфере научной деятельности образовательным организациям высшего образования, подведомственным Минобрнауки России.

Известно, что сенсомоторная реакция реализуется через формирование функциональной системы, работа которой зависит от согласованности, синхронности временных и пространственных параметров этой системы и совпадения ритмов возбуждения в нервных клетках. Время реакции или ее латентный период рассматривают как интегральный показатель функционального состояния ЦНС, отражающий возбудимость, лабильность и реактивность нервной системы [6].

Применяя хронорефлексометрическую методику Т.Д. Лоскутовой в модификации М.П. Мороз [7], исследовали латентный период ПЗМР – индикатора функционального состояния центральной нервной системы у практически здоровых 905 студентов, средний возраст которых составил $19,37 \pm 2,85$ лет. Обследованные студенты не имеют спортивной квалификации, не являются представителями физкультурных вузов; 88 % обследованных – девушки. Обследование проводили в межсессионный период с 11 до 13

часов в условиях учебно-профессиональной деятельности, стационарно.

Ниже представлены результаты описательной статистики вариационного ряда значений латентного периода ПЗМР, полученного в ходе выполнения хронорефлексометрии. Средняя арифметическая (M) – 285,12 мс; стандартная ошибка (m) – 1,60; стандартное отклонение (s) – 48,21 мс; медиана (Me) – 284,5 мс; мода (Mo) – 278 мс; коэффициент вариации (CV) – 16,9 %. Представленные данные в целом сопоставимы с ранее полученными результатами оценки ЛП ПЗМР способом вариационной хронорефлексометрии [5; 8].

Распределение значений латентного периода ПЗМР (мс) у студентов при выполнении ими теста «Вариационная хронорефлексометрия» соответствует ранее описанным возрастным закономерностям [3]. Следует указать на выявленную полимодальность (250 и 290 мс) в полученном распределении ЛП ПЗМР как признак качественной неоднородности выборки абсолютных

значений, несмотря на достаточный для заключения об однородности коэффициент вариации равный 16,91 %.

Сравнительно высокие значения ЛП ПЗМР обследуемых студентов обусловлены рядом объективных факторов:

- ◆ условиями тестирования на фоне сочетанного воздействия условий образовательной среды и учебно-профессиональной деятельности [9];
- ◆ особенностями выполнения методики вариационной пульсометрии (двигательная реакция – нажатием на клавиши клавиатуры пальцами двух рук одновременно – синхронно);
- ◆ модуляцией значимого сигнала – особенностями его восприятия с экрана монитора [2].

Наряду с этим статистические параметры сенсомоторной активности в значительной мере зависят от способности обследуемого к избирательной перцепции и поддержанию мышечного тонуса на оптимальном уровне [4].

Однако скрытое время двигательной сенсомоторной реакции определяется не только характеристиками раздражителей (модальность, сигнальное значение) и степенью сложности задания, но в значительной степени также функциональным состоянием и индивидуально-типологическими свойствами нервной системы каждого обследуемого. Доказано, например, что параметры ПЗМР достаточно полно отражают силовые отношения в коре головного мозга [1].

Оптимальный с точки зрения однородности значений ЛП ПЗМР коэффициент вариации (16,9 %) не является препятствием к дифференциации общей выборки. В основу разделения обследованных на группы положен метод центильной оценки, результатом которой явилось распределение изучаемого показателя по уровням, характеризующим проявление функциональной подвижности нервных процессов. Так, 25-я центиль – 247 мс, 75-я – 312 мс.

При использовании методики хронорефлексометрии в модификации М.П. Мороз значения ЛП ПЗМР меньше 247 мс могут свидетельствовать о подвижности нервных процессов, больше 312 мс – об инертности нервных процессов у студентов в возрасте 17–22 лет. Таким образом, получены данные, которые целесообразно использовать в скрининговых обследованиях как маркеры функционального состояния студентов для оценки адаптивно-компенсаторных реакций организ-

ма в ответ на воздействие сочетанных факторов образовательной среды.

Литература

1. *Александровский Ю.А.* Пограничные психические расстройства. М.: Медицина, 2000. 301 с.
2. *Байгужин П.А.* Факторы результативности психофизиологического исследования функционального состояния центральной нервной системы у студентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Образование, здравоохранение, физическая культура». 2011. № 26 (243). Вып. 28. С. 131–136.
3. *Байгужин П.А.* Закономерности психофизиологической адаптации организма студентов с различной пластичностью нервной системы в условиях учебно-профессиональной деятельности: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Челябинск, 2012. 47 с.
4. *Балабанова В.А.* Оценка функционального состояния мозга человека при различных уровнях эмоционального напряжения // Методика и техника исследования операторской деятельности. М., 1985. С. 40–46.
5. *Литовченко О.Г, Арент Е.А., Макляк А.Н.* Функциональное состояние центральной нервной системы допризывников Среднего Приобья по данным вариационной хронорефлексометрии // Теория и практика физической культуры. 2011. № 7. С. 91–93.
6. *Лоскутова Т.Д.* Оценка функционального состояния центральной нервной системы человека по параметрам простой двигательной реакции // Физиологический журнал. 1975. Т. 61. № 1. С. 3–12.
7. *Мороз М.П.* Экспресс-диагностика работоспособности и функционального состояния человека: метод. руководство. СПб.: Иматон, 2007. 40 с.
8. *Сафонова В.Р.* Анализ показателей работоспособности студентов медицинского вуза с разным уровнем здоровья // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 364.
9. Особенности функционального состояния центральной нервной системы студентов в процессе учебной деятельности / Т.В. Челышкова, Н.Н. Хасанова, С.С. Гречишкина и др. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 4. Естественно-математические и технические науки. 2008. № 9. С. 71–77.

ПСИХОДИАГНОСТИКА СПОРТИВНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Юров И.А., старший преподаватель кафедры психологии и дефектологии
Сочинский государственный университет

Аннотация. Представлена диагностика индивидуальности (на примере спортсменов-пловцов). Из всех подходов к пониманию сущности индивидуальности выбран интеграционный подход Б.Г. Ананьева. В результате исследования были получены как уровневые, так и структурные характеристики индивидуальности. Целостность и неделимость индивидуальности в данной работе подтверждается прямыми и опосредованными связями между отдельными подсистемами индивидуальности.

Ключевые слова: индивидуальность, психодиагностика, индивид, личность, корреляция, система.

Abstract. Presented personality diagnosis (for example, swimmers). Of all the approaches to understanding the essence of individuality integration approach selected BG Ananiev. The study was prepared as leveled and structural characteristics of the individual. The integrity and indivisibility of the personality in this work confirmed by direct and indirect relationships between the individual sub-systems of personality.

Keywords: personality, psichodignostika, individual personality, the correlation system.

Существует несколько подходов к пониманию сущности индивидуальности: интеграционный (Б.Г. Ананьев, 1980), индивидуальность личности (А.Г. Асмолов, 1990), интегральная индивидуальность (В.С. Мерлин, 2005; Б.А. Вяткин, 2005), неповторимости, единичности, уникальности свойств человека (В.П. Тугаринов, 1965), самобытности индивида, егоспособности быть самим собой, быть независимым, суверенным, самостоятельным существом (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, 1999), индивидуально-психологического различия (психофизиология индивидуальных различий) (Т.Ф. Базылевич, 1998), своеобразии психологических свойств человека, проявляющихся в разных сферах (В.М. Русалов, 1979).

Б.Г. Ананьев отмечал, что общим эффектом слияния, интеграции всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности является индивидуальность с ее целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией. По его мнению, полный набор характеристик человека – необходимое условие понимания его индивидуальности. В конечном счете в качестве индивидуальности «единичный человек... может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» (Ананьев, 1977, С. 178).

Исходя из вышеизложенного, нами было обследовано 70 пловцов 17–20 лет с учетом спортивной («мастера» – мастера спорта меж-

дународного класса и мастера спорта и «немастера» – кандидаты в мастера спорта и перворазрядники) и половой (две группы по 35 спортсменов) дифференциации, занимающиеся спортивным плаванием в среднем 6,5 лет как в фоне, так и в условиях тренировочной деятельности (комплексность по свойствам и состояниям). Динамический соматотип определялся с помощью методики В. Шелдона – Б. Хит – Дж. Картер, гемодинамика – тонометрии, активность ВНС – проб Б. Ашнера – Г. Данини и «биометра», температура – прибора Н. Мищука, нейро- и психодинамические свойства – опросников Я. Стреляу и Г. Айзенка, мышечная сила и тонус – приборов П. Колена и Г. Лопаткова, внимание и память – корректурной пробы и ряда из 12 слов, состояние – теста А. Уэссмана и Д. Рикса, личностная и реактивная тревожность – ШРЛТ Ч. Спилбергера, фрустрация – теста С. Розенцвейга, мотивация – теста Б. Кретти, черты – теста Р. Кеттелла, уровень притязаний – собственной методики, интеллект – 1, 2, 8, 10 субтестов Д. Векслера, социально-психологические статусы – социометрии (Ганзен, Головей). Полученные данные подвергнуты математической обработке с помощью линейной корреляции К. Пирсона.

Целостность и неделимость индивидуальности в данной работе подтверждается прямыми и опосредованными связями между отдельными подсистемами индивидуальности. Приводим по всем группам испытуемых средние значения корреляций и их статистическую значимость. Анализ корреляционных плеяд показал, что морфо-

логические характеристики связаны с силовыми и температурными показателями ($r = 0,44$ и $0,37$, $p < 0,05$). Силовые характеристики связаны с тремором ($r = 0,41$, $p < 0,05$), тремор – с мышечным тонусом ($r = 0,47$, $p < 0,05$), который коррелирует с температурными характеристиками ($r = 0,45$, $p < 0,05$). Тремор связан с гемодинамикой ($r = 0,39$, $p < 0,05$), показатели гемодинамики – с самооценкой психического состояния ($r = 0,52$, $p < 0,05$), самооценка коррелирует с фрустрацией ($r = 0,62$, $p < 0,01$). Температурные показатели связаны со свойствами нейродинамики ($r = 0,40$, $p < 0,05$), последние – с психологическими особенностями темперамента ($r = 85$, $p < 0,01$).

Большое количество показателей психомоторики коррелирует с личностной и реактивной тревожностью ($r = 0,48$, $p < 0,05$), последние связаны с показателями внимания и памяти ($r = 0,39$, $p < 0,05$).

Показатели внимания и памяти коррелируют с характеристиками интеллекта ($r = 0,81$, $p < 0,01$), которые связаны с чертами личности по Р. Кеттеллу ($r = 0,69$, $p < 0,01$). Черты личности коррелируют с психодинамическими свойствами и мотивацией ($r = 0,76$, $p < 0,01$). Типы и направленность фрустрации, черты личности и мотивация связаны с социально-психологическим

статусом спортсменов ($r = 0,47$ $p < 0,05$). Все обнаруженные нами корреляционные зависимости между изучаемыми характеристиками, описывающими индивидуальность, относятся к категории структурных, но каждая структура обладает саморегуляцией.

Анализ корреляционных связей свидетельствует об интеграции компонентов индивидуальности спортсменов-пловцов. Становление целостности индивидуальности связано с установлением оптимального соотношения между ее компонентами и связями между ними. Система связей у мужчин и немастеров более жесткая, чем у женщин и мастеров. Таким образом, структура индивидуальности у мужчин и немастеров имеет более определенный и четко выраженный характер, тогда как у мастеров и женщин структура очерчена более «мягко», а индивидуальность представляет собой более динамичную и гибкую систему.

Литература

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
2. Юров И.А. Психограмма спортсменов-пловцов. Сочи: СГУТиКД, 2008.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКИМИ И КИТАЙСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ В РАЗНЫХ НЕЙРОГУМОРАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Симакова И.Н., кандидат биологических наук
Психологический институт Российской академии образования

Аннотация. Исследованы психофизиологические характеристики восприятия музыки. Рассматривается влияние перцепции музыкальных отрывков с разными темпорально-ритмическими характеристиками и этнокультурной принадлежностью на параметры альфа-активности ЭЭГ и показатели ЭМГ женщин российской и китайской групп с учетом нейрогуморального состояния испытуемых.

Ключевые слова: восприятие музыки, стилевая и этническая принадлежность, характеристики альфа-активности ЭЭГ, ЭМГ, нейрогуморальное состояние.

Abstract. The article investigates the psycho-physiological characteristics of music perception. The article considers dependence psycho-physiological characteristics on neurohumoral states during listening music with different rhythmic characteristics and ethnic and cultural identity in Chinese and Russian females.

Keywords: music perception; rhythmic, ethnic and cultural characteristics; EEG; EMG indices; neurohumoral state.

Исследование психофизиологических индикаторов при восприятии музыки были продиктованы тем, что музыкальный фон часто используется в повседневной жизни; музыкальное воздействие улучшает настроение, снижает психоэмоциональное напряжение, ускоряет обучение [6; 7].

Изменение психофизиологических показателей при прослушивании музыки зависит от стиля музыкального произведения, личностных качеств индивидуума, настроения слушателя и т.д. [4; 7] Во многих исследованиях выявлена связь характеристик альфа-активности ЭЭГ с восприятием музыки [1; 5]. Однако в настоящее время данных о влиянии на психофизиологические параметры слушателей музыки разных этнокультурных и музыкально-языковых традиций недостаточно. Также практически не изучена связь нейрогуморального состояния и показателей реакции на слушание музыки.

Таким образом, целью настоящего исследования явилось изучение психофизиологических особенностей восприятия музыки различных культурных традиций российскими и китайскими женщинами в разных нейрогуморальных состояниях.

В исследовании приняли участие 20 российских (средний возраст $28,9 \pm 4,2$) и 17 китайских (средний возраст $27,8 \pm 3,8$) женщин – все студентки музыкального факультета МПГУ. На основании самоотчетов в зависимости от нейрогуморального состояния все участницы были разделены на две группы: находящиеся на предовуляторной и постовуляторной фазах менструального цикла. Параллельная запись ЭЭГ (в отведении Pz) и ЭМГ мышц лба проводилась в течение 2 минут при закрытых и 1 минуту при открытых глазах в покое и при прослушивании трех фрагментов музыкальных произведений (фрагменты аутентичного фольклора восточно-славянской и китайской традиции цинь и европейской скрипичной классики (Паганини)).

В состоянии покоя параметры ЭЭГ и ЭМГ в русской и китайской выборках достоверно не отличались.

При прослушивании восточно-славянской музыки и в российской, и в китайской группах обнаружено достоверное ($p < 0,05$) увеличение мощности в низкочастотном альфа-диапазоне по сравнению с состоянием покоя, что указывает на усиление процессов произвольной релаксации [2]. Интересно отметить, что данные изменения

в разных группах проявились на различных фазах менструального цикла: в группе российских женщин – на предовуляторной фазе, в группе китайских – на постовуляторной.

Аналогичные данные были получены и для ширины низкочастотного альфа-диапазона как ЭЭГ-показателя креативности [3]: достоверное ($p < 0,05$) расширение диапазона при прослушивании классической и восточно-славянской музыки на предовуляторной фазе менструального цикла в российской группе и на постовуляторной – в китайской.

Прослушивание восточно-славянского и китайского музыкальных фрагментов привело к увеличению мощности в высокочастотном альфа-диапазоне в обеих этнических группах женщин лишь на постовуляторной фазе менструального цикла, что по литературным данным соответствует усилению когнитивного (сознательного) контроля [2].

Кроме того, российские и китайские женщины продемонстрировали сходную динамику ЭМГ при прослушивании музыки: восприятие всех музыкальных произведений сопровождалось снижением напряжения мышц лба при открытых глазах, более выраженным на предовуляторной фазе менструального цикла, что указывает на уменьшение уровня психоэмоционального напряжения слушателя [8].

Таким образом, изменения психофизиологических показателей в группах российских и китайских женщин при прослушивании музыки в большей степени зависели от нейрогуморального статуса, чем от этнической принадлежности музыкальных произведений.

Литература

1. *Bazanova O.M., Mernaya E.M.* Alpha-activity fluctuations in various hormonal states and associated with them musical performance proved differently in the opposite individual alpha peak frequency groups // *Revista Espanola de Neuropsicologia*, 2008. Vol. 10. №. 1 Proceedings of the 2nd meeting for Society for Applied Neuroscience (SAN), Seville, 7–11 May. P. 100–101.
2. *Bazanova O.M., Vernon D.* Interpreting EEG alpha activity // *Neurosci Biobehav Rev.* 2013. May 20. 17 p.
3. *Bazanova O.M., Aftanas L.I.* 2008. Individual measures of electroencephalogram alpha activity and non-verbal creativity // *Neurosci. Behav. Physiol.* 2008. Vol. 38. P. 227–235.

4. Crawford H.J., Strapp C.M. Effects of vocal and instrumental music on visuospatial and verbal performance as moderated by studying preference and personality // *Pers. Individ. Differ.* 1994. Vol. 16. P. 237–245.

5. Flohr J.W., Persellin D.C. et al. Relationships among music listening, temperament, and cognitive abilities of four-year-old children // *Visions of Research in Music Education.* 2011. Vol. 17. 12 p.

6. Fox J.G., Ebrey E. Music: an aid to productivity // *Appl Ergon.* 1972. Vol. 3. P. 202–205.

7. Hallam S., Price J., Katsarou G. The effects of background music on primary school pupils' task performance // *Educ. Stud.* 2002. Vol. 28. P. 111–122.

8. Nahar N.K. Interactions of visual and cognitive stress // *Optometry.* 2011. Vol. 82. №. 11. P. 689–696.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВНИМАНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ ПРОФИЛЕМ МОТОРНОЙ АСИММЕТРИИ

Никишина Н.А., кандидат психологических наук, доцент
Курский государственный медицинский университет

Аннотация. Исследовалась возрастная динамика показателей эффективности процессов внимания у детей с 1-го по 7-й класс. Выявлен больший объем внимания у левшей по сравнению со сверстниками-правшами. Половые особенности проявились в большем объеме внимания у девочек по сравнению с мальчиками, в меньшем количестве ошибок, в большей точности и продуктивности внимания. Во всех исследуемых группах коэффициенты корреляции между ВР и объемом внимания были выше для правополушарных реакций.

Ключевые слова: левши, правши, реактивность, сенсорная зона, кора головного мозга, познавательные способности.

Abstract. We studied the processes of attention at school from 1st to 7th grade. The effectiveness of the attention in left-handers more than right-handers. Efficiency more attention in girls than boys. The correlation coefficients between BP and the amount of attention above for right-brain reactions

Keywords: left-handed, right-handed, reactivity, sensory area, the cerebral cortex, cognitive abilities.

Целью настоящего исследования являлось изучение нейрофизиологических механизмов произвольного внимания у школьников с разным профилем моторной асимметрии.

В лонгитюдном семилетнем исследовании приняли участие 105 школьников. С помощью методик на выявление профиля моторной асимметрии все дети были разделены на четыре группы: мальчики-правши (36), мальчики-левши (15), девочки-правши (43), девочки-левши (11). Исследования одной и той же группы детей проводилось в процессе их обучения с 1-го по 7-й класс в школе № 50 г. Курска на протяжении 7 лет в ноябре – декабре каждого года.

Для выявления профиля моторной асимметрии использовался опросник на определение скрытого левшества, а также психомоторные методы диагностики: тешинг-тест, тремор, проба на совместную работы рук, проба «праксис», проба

«ротор», кинематометрия, динамометрия, проба «мышечная память».

Основным эмпирическим методом исследования являлся метод измерения времени право- и левополушарных реакций на зрительные, слуховые и кожные сигналы, осуществляющийся в два этапа.

Первый этап состоял из трех последовательных циклов, включающих в себя измерение показателей времени право- и левополушарных реакций на попарное предъявление зрительных, кожных и звуковых сигналов (этап «фон»). Второй этап – «умственная нагрузка» – заключался в регистрации показателей времени реакции (ВР) в промежутках между выполнением корректурной пробы.

Результаты исследования показали, что объем внимания у мальчиков-левшей с 1-го по 7-й класс был больше по сравнению с мальчиками-правшами, продуктивность внимания у левшей

всегда была выше. У девочек наблюдалась аналогичная закономерность, за исключением 5-го класса, когда большее количество ошибок снизило продуктивность внимания у девочек-левшей. Половые особенности эффективности процессов внимания проявились в большем объеме внимания у девочек по сравнению с мальчиками, в меньшем количестве ошибок, в большей точности и продуктивности внимания.

Проведенные исследования подтвердили положение о том, что специализация полушарий у правшей и левшей одинакова, и корректурная проба выполняется у всех испытуемых с преимущественным участием правого полушария.

У мальчиков левшей ВР было быстрее по сравнению с правшами, т.е. процессы восприятия быстрее аналогичных показателей правшей, что создает изначальное преимущество левшам. У девочек-левшей ВР медленнее, но продуктивность внимания выше. Вероятно, это объясняется тем, что эффективность познавательных способностей определяются личностными особенностями испытуемых, отношением к эксперименту, ответственностью, тревожностью и т.д.

Вероятно, действием множества операционных и регулирующих механизмов в процессах внимания можно объяснить то, что произвольное

внимание у мальчиков с доминированием правополушарной моторной асимметрией с 1-го по 7-й класс характеризовалось более высокими показателями объема и продуктивности внимания по сравнению с правшами. Объем внимания у девочек-левшей также был выше аналогичных показателей девочек-правшей, за исключением 5-го класса, когда большее количество ошибок снизило продуктивность внимания у девочек-левшей [2, с. 78].

Таким образом, профиль функциональной асимметрии является той постоянной индивидуально-психологической характеристикой личности, которая подлежит обязательному учету при организации обучения и воспитания.

Литература

1. Вольф Н.В., Разумникова О.М. Половой диморфизм функциональной организации мозга при обработке речевой информации // Функциональная межполушарная асимметрия. М.: Научный мир, 2004. С. 386–410.

2. Мачинская Р.И., Мачинский О., Дерюгина Е.И. Функциональная организация правого и левого полушарий мозга человека при направленном внимании // Физиология человека. 1992. Т. 18. № 6. С. 77–85.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ: УЛЬТРАЗВУКОВАЯ ДИАГНОСТИКА

Халезов Е. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Халезов А. Л.

Государственное учреждение здравоохранения Областная клиническая психиатрическая больница «Богородское»

Аннотация. Сосудистая патология связана не только с сосудистой деменцией, но и со снижением умственных способностей разной этиологии. Мы исследовали связь между параметрами кровоснабжения головного мозга и умственными способностями детей 14–17 лет. Мы измеряли параметры кровоснабжения головного мозга у 31 ребенка с легкой умственной отсталостью и 79 детей с нормальным общим интеллектуальным показателем и обнаружили статистически значимую разницу между параметрами двух групп.

Ключевые слова: когнитивные функции, умственные способности, ультразвуковая диагностика, УЗДГ сосудов головы и шеи.

Abstract. Vascular-associated pathologies have been associated with worse cognitive function not only in patients with vascular dementia. We investigated the association of parameters of cerebral blood flow and cognition in children, aged 14 to 17 years. We measured parameters of cerebral

blood flow in 31 children with mild intellectual disability and in 79 children with normal IQ and discovered statistically significant difference between parameters of two groups.

Keywords: cognitive functions, medical ultrasound, duplex ultrasonography.

Ультразвуковое исследование широко используется в медицине для диагностических целей. Ультразвуковая доплерография (УЗДГ) сосудов головы и шеи применяется для выявления факторов риска и механизмов инсульта [1]. Например, нарушение проходимости крови по сосуду может приводить к ишемии головного мозга или инсульту. Последствием инсульта и ишемии мозга может быть развитие сосудистой деменции (СД) в результате смерти нейронов. В ходе УЗДГ сосудов головы и шеи можно также установить снижение скоростей кровотока по внутренним сонным, позвоночным или внутримозговым артериям на фоне развития СД. В 2000-е гг. УЗДГ сосудов головы и шеи также начинает применяться для определения вклада сосудистого фактора риска в развитие болезни Альцгеймера (БА). Множество работ показывают значимое снижение параметров кровотока в артериях головы и шеи у пациентов с СД и БА по сравнению со здоровыми людьми той же возрастной группы [4].

У пациентов с СД и БА наблюдается снижение ряда когнитивных функций и общего интеллектуального показателя (ОИП). Низкие значения ОИП и сниженное по сравнению с возрастной нормой развитие ряда когнитивных функций наблюдаются у детей с умственной отсталостью. Около четверти случаев вызваны генетическими причинами [3]. В то же время этиология умственной отсталости для почти половины случаев остается неизвестной.

Нами была сформулирована гипотеза: между детьми с нормальным ОИП и детьми с умственной отсталостью неизвестной этиологии существуют различия в показателях кровотока в сосудах головы и шеи. Предыдущие исследования с использованием УЗДГ сосудов головы и шеи касались преимущественно здоровых детей или детей с особыми генетическими заболеваниями [2].

Эмпирическую базу исследования составили школьники в возрасте от 14 до 17 лет с легкой умственной отсталостью и с нормальным ОИП. Первую группу представляли 31 ребенок из ОГКОУ Комсомольской школы-интерната (коррекционная), вторую – 79 детей из МБОУ «Гимназии № 30» г. Иваново.

У всех детей из первой группы (ОИП находится между 50 и 69, гетерохрония интеллектуальных функций) поставлен диагноз «легкая умственная отсталость» (F-10 по МКБ-10). Все

дети из второй группы справляются со школьной программой старших классов гимназии, что предполагает ОИП не ниже 70.

Метод исследования – УЗДГ экстракраниальных отделов.

Объект исследования – позвоночные артерии, связанные с кровоснабжением затылочной доли, а также частично височных и теменной долей головного мозга.

Для всех измеренных параметров медиана находится близко к среднему значению, 68 % наблюдений обеих выборок лежит в интервале плюс-минус одного стандартного отклонения от среднего, а 95 % – двух. Распределение наблюдений в обеих выборках соответствует нормальному. Среднее значение диаметров артерий на 0,3 мм меньше у детей из первой группы, но по *t*-критерию Стьюдента различие 1,72 не оказалась статистически значимым ($p > 0,05$).

Среднее значение пиковой систолической скорости кровотока в правой позвоночной артерии составило 46,2 см/с в первой группе и 56,5 см/с во второй, в левой позвоночной артерии – 48,8 см/с в первой группе и 59,4 см/с во второй. Среднее значение максимальной конечной диастолической скорости кровотока в правой позвоночной артерии составило 12,6 см/с в первой группе и 18,4 см/с во второй, в левой позвоночной артерии – 12,8 см/с в первой группе и 18,3 см/с во второй. Среднее значение общей объемной скорости кровотока, проходящего через позвоночные артерии, составило 310 мл/мин в первой группе и 188 мл/мин во второй группе. По *t*-критерию Стьюдента все указанные различия оказались статистически значимыми ($p < 0,001$).

Полученные результаты подтверждают гипотезу и могут иметь практическое значение в применении метода ультразвуковой диагностики для идентификации психофизиологических различий в умственных способностях.

Литература

1. Цвибель В., Пеллерито Дж. Ультразвуковое исследование сосудов / пер. с англ. 5-е изд. М.: ВИДАР, 2010.
2. Bakker et al. Cerebrovascular function and cognition in childhood: a systematic review of transcranial Doppler studies // BMC Neurology. 2014. № 14. P. 43
3. Daily D.K., Ardinger H.H., Holmes G.E. Identification and evaluation of mental retardation //

American Family Physician. 2010. № 61 (4). P. 1059–1067.

4. Sabayan B. et al. Cerebrovascular hemodynamics in Alzheimer's disease and vascular de-

mentia: A meta-analysis of transcranial Doppler studies // Ageing Research Reviews. 2012. № 11. P. 271–277/

РАБОЧАЯ ПАМЯТЬ И РУССКИЙ ЯЗЫК: ОТ РЕЧЕПОНИМАНИЯ К РЕЧЕПОРОЖДЕНИЮ

Федорова О.В., доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета

Потанина Ю.Д., аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Когнитивные психологи занимаются изучением рабочей памяти (РП) уже более 100 лет, последние 35 лет им в этом активно помогают психолингвисты, первые исследования которых датируются 1980-ми гг. До недавнего времени подавляющее большинство психолингвистических работ проводилось на материале английского языка. Данная статья будет посвящена описанию взаимодействия РП и механизмов порождения речи, исследования в области изучения которых на русском материале начались совсем недавно. Сначала мы опишем методику определения объема вербальной РП и беглости речи, а потом продемонстрируем результаты корреляционного исследования речевого поведения испытуемых и объема их вербальной РП.

Ключевые слова: психолингвистика, рабочая память, речепонимание, речепорождение

Abstract. Working memory and long-term memory differ in many ways. One difference is in the storage capacity of each. Traditionally, the capacity of the working memory has been measured by a memory span task in which the individual hears series of items and must repeat them. Most of the research has focus on individual differences in working memory capacities. In 1986 Daneman and Green developed the Speaking span test [6]. Most of the research has done on English-speaking individuals. The main goal of this paper is to provide and describe the Verbal span tests on Russian material. The present study shows how the use of the notion of verbal working memory contributes to our understanding the individual differences in language comprehension and language production mechanisms. Using Russian adaptations of the working memory reading span and speaking span tests we demonstrated that the working memory capacity is really correlated with verbal fluency.

Keywords: working memory, psycholinguistics, language comprehension, language production.

Термин «рабочая память» (англ. working memory, далее РП) был впервые использован в книге Миллера [1]. А. Бэддели и Дж. Хитч [2] представляли себе РП как сущность, состоящую из трех отдельных компонентов: центрального исполнителя (англ. central executive), фонологической петли (англ. phonological loop) и визуально-пространственной матрицы (англ. visuospatial sketchpad). В работе [3] в модель был добавлен четвертый компонент – эпизодический буфер (англ. episodic buffer), используемый для синтеза и интеграции информации из фонологической петли и визуально-пространственной матрицы, а также для связи с долговременной памятью. В отличие от прежних моделей кратковременной памяти, в модели Бэддели утверждается, что по-

ступающая в РП информация не только пассивно хранится, но и активно обрабатывается. Подобная идея проходит лейтмотивом по всем исследованиям РП последних десятилетий.

В данной работе нас в первую очередь будет интересовать вопрос взаимодействия РП и языка, т.е. вербальный компонент РП, а также проблема определения объема РП. Вскоре после выхода работы [2] термин «рабочая память» был впервые использован в психолингвистической работе, описывающей процессы понимания речи [4]. Авторы статьи разработали тест, получивший название Reading span, который тестировал процессы, связанные как с пассивным хранением поступающей информации, так и с ее обработкой: в ходе эксперимента испытуемый читал отдель-

ные предложения и одновременно удерживал в РП последние слова ранее прочитанных предложений. Таким образом, «теория кратковременной памяти была заменена теорией РП [2], а методика измерения кратковременной памяти – методикой измерения РП [4] [5, С. 443].

В конце 1980-х гг. один из авторов статьи (Daneman, Carpenter, 1980) М. Данеман разработала новый тест на определение объема РП, связанный с порождением речи. Данный тест получил название *Speaking span* [5; 6]. Для эксперимента было отобрано 100 слов, которые были распределены в группы по 2, 3, 4, 5 и 6 слов. Каждое слово появлялось на экране на 1 с. Испытуемый получал инструкцию читать слова и, увидев пустой экран, придумывать с каждым прочитанным словом по одному предложению. Например, прочитав слова *shelter*, *muscles* и *dangers*, англоязычный испытуемый произносил предложения: *Trees provide poor shelter during a thunderstorm*; *Mr. Universe has very big muscles*; *There are dangers associated with every occupation*. В результате объем РП равнялся количеству слов, с которыми испытуемый мог придумать предложения. В работе [5] автор продемонстрировала, что объем РП коррелирует с беглостью речи при порождении речи.

Настоящая работа посвящена проверке гипотезы о зависимости беглости речи от объема РП на материале русского языка. Эксперимент, проведенный с 22 испытуемыми, состоял из нескольких этапов:

- ◆ определение объема РП;
- ◆ тест на порождение речи;
- ◆ тест на чтение вслух;
- ◆ тест на оговорки,
- ◆ тест со скороговорками,
- ◆ пересказ фильма о грушах [7];
- ◆ онлайн комментирование видеогры.

При создании русскоязычной версии теста *Speaking Span* были использованы следующие ограничения: слова были семибуквенными, высокочастотными, сбалансированными по частеречной принадлежности и равномерно распределенными по грамматическим признакам в соответствии с частотностью употребления грамматической формы; кроме того, между словами в группе нельзя было установить ассоциативные связи.

Для теста на порождение речи была выбрана фотография семьи за обедом. Испытуемых просили в течение одной минуты описывать картинку. Мерой беглости речи считалось общее количество произнесенных слов.

В ходе теста на чтение вслух испытуемых просили прочитать отрывок длиной в 328 слов («Подросток», Ф.М. Достоевский), как можно быстрее и четче произнося слова. При обработке результатов для каждого испытуемого было посчитано число ошибок (повторы, фальстарты, оговорки, добавления, пропуски и замены) и время, за которое он прочитывал весь текст.

Процедура теста на оговорки повторяла тест Данеман: на экране предъявлялись 309 пар слов, по 1 с на каждую пару. Испытуемые читали слова про себя за исключением определенных пар (маркированных звуковым сигналом), которые они читали вслух. 30 экспериментальных пар были подобраны таким образом, чтобы вызвать оговорку; кроме того, в тесте было 39 филлерных пар, необходимых для того, чтобы скрыть от испытуемого реальную цель теста. Оговорка провоцировалась тремя парами фонологически похожих слов, например: суетные мысли, сушит мышцы, сунул мыло, мушки сыты. Первые три пары слов похожи на ожидаемую оговорку сушки мыты – они имеют аналогичную ритмическую структуру и одинаковые начальные звуки. Кроме того, ожидаемая оговорка представляла собой грамматичное словосочетание.

Тест со скороговорками состоял в следующем: испытуемым было предложено на скорость прочитать 15 скороговорок (например: Щebetал щегол с щеглихой, щекотал своих щеглят, а щеглиха-щеголиха и щеглята-щеголята по щеглинному пиццат). У испытуемых было две попытки – неподготовленное чтение и чтение после пятиминутной подготовки. Мерой беглости речи считались время чтения и количество ошибок/оговорок (в обеих попытках).

На следующем этапе исследования испытуемые смотрели фильм о грушах и пересказывали его собеседнику, незнакомому с содержанием фильма. На данном этапе нас интересовало количество речевых сбоев в пересказе и скорость речепорождения.

Последний этап заключался в небольшом тесте на способность испытуемых порождать онлайн комментарий к видео игре «Том и Джерри». Участники должны были посмотреть и прокомментировать ролик, в котором игрок ведет мышонка Джерри по коридору, уводя его от преследования Тома, уворачиваясь от препятствий и собирая сыр. Испытуемые должны были комментировать игру онлайн, как спортивные комментаторы. Мы предполагали, что качество комментария будет коррелировать с объемом вербальной РП.

В результате мы получили значимые корреляции между объемом РП и (1) количеством слов

в тесте на порождение речи (по картинке и фильму о грушах); (2) временем чтения вслух; (3) результатом теста на оговорки и (4) временем чтения скороговорок. Кроме того, мы обнаружили следующие тенденции: испытуемые с большим объемом РП склонны порождать более лексически богатые комментарии (содержат большее количество различных номинаций для объектов в игре) и порождать пересказы и комментарии с меньшим количеством речевых сбоев. Однако, в отличие от результатов Данеман, значимой корреляции между объемом РП и количеством ошибок при чтении вслух (как художественного текста, так и скороговорок) обнаружить не удалось. Тем не менее результаты в целом показывают, что объем РП является значимым фактором, коррелирующим с беглостью речи русскоязычных испытуемых.

1. Miller G.A., Galanter E., Pribram K.H. Plans and the structure of behavior. New York, 1960.

2. Baddeley A.D., Hitch G.H. Working memory // G.A. Bower (ed.) Recent advances in learning and motivation. New York, 1974

3. Baddeley A.D. The episodic buffer: A new component of working memory? // Trends in Cognitive Sciences 4, 2000.

4. Daneman M., Carpenter P.A. Individual differences in working memory and reading // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1980. № 19.

5. Daneman M. Working memory as a predictor of verbal fluency // Journal of Psycholinguistic Research. 1991. № 20.

6. Daneman M., Green I. Individual differences in comprehending and producing words in context // Journal of Memory and Language. 1986. № 25.

7. The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production / Wallace Chafe (ed.). Norwood, New Jersey: Ablex, 1980.

СПОСОБНОСТИ К МАТЕМАТИКЕ И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В ТЕТА-РИТМЕ¹

Данилова Н.Н., доктор психологических наук, профессор кафедры психофизиологии факультета психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Исследуются мозговые механизмы способностей к математике, тестируемых тестом К. Мангины. Представлены экспериментальные данные, подтверждающие роль тета-активности в обеспечении способностей к математике.

Ключевые слова: способности к математике, частотно-селективные тета-генераторы, локализация диполей, атлас мозга человека, тест К. Мангины.

Abstract. Brain mechanisms of math abilities as measured by the test K. Mangina were investigated. Experimental data a represented, confirm in the role of Theta-activity in providing mathabilities.

Keywords: mathematics abilities, frequency-selective theta-generators, localization of dipoles, stereotactic atlas of the human brain.

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 13-06-0031 и РФФИ № 14-18-03253.

Цель работы – выявить различие способностей к математике и их связь с мозговыми механизмами при решении одних и тех же задач у двух групп студентов, обучающихся и получающих профессиональное образование на математическом факультете и факультете психологии. Для этого был использован тест К. Мангины, выявляющий математические способности и способности к чтению и пониманию текста [3]. В состав теста входит набор парных геометрических фигур, в которых первая фигура пары является элементом более сложной второй фигуры. Испытуемый

в условиях дефицита времени должен опознать простую фигуру в составе сложной геометрической фигуры. Для выявления психофизиологических механизмов способностей человека был использован авторский метод Микроструктурного анализа осцилляторной активности мозга (МАО), базирующийся на пейсмекерной гипотезе ритмогенеза [4]. Метод работает с частотно-селективными генераторами, выделяемыми из состава ВП и отвечающими свойствам пейсмекерных нейронов. По локализации в структурах мозга эквивалентных дипольных источников ча-

стотно-селективных генераторов определяются локальные нейронные сети, активированные осцилляторной активностью. Координаты диполей частотно-селективных генераторов переводятся в координаты структур Стереотаксического атласа мозга человека [4]. Метод МАО отличается высокой дискретностью во времени и пространстве [4]. Для обеих групп испытуемых – «математиков» и «психологов» (по 11 человек в каждой группе) – задачи, тестирующие математические способности, оказалось более трудными. «Математические» задачи у «психологов» вызывали большее количество ошибок, чем задачи на «чтение» (11,3 против 4,8 при $p < 0,01$, $n = 11$) и пропусков (5,5 против 2,7 при $p < 0,05$, $n = 11$). В группе «математиков» выявилась та же тенденция: больше ошибок возникало при решении «математических» задач (8,2 против 2,6 при $p < 0,01$, $n = 11$). Эти результаты подтвердились и большим временем, которое требовалось на решение «математических задач» в сравнении с задачами на «чтение». Среднее время, затрачиваемое на решение математических задач, составило 3,4 с против 2,4 с при решении задач на «чтение» ($p < 0,01$, $n = 10$). Однако группа «математиков» допускала меньшее число ошибок при решении «математических» задач, чем группа «психологов». Решение обеих типов задач вызывало усиление активности частотно-селективных тета-генераторов. Сравнение двух групп испытуемых показало, что при решении «математических» задач рост активности частотно-селективных тета-генераторов у «математиков» был выше и длился дольше, чем у «психологов» [2]. Локализация дипольной активности частотно-селективных тета-генераторов в структурах мозга подтвердила более высокий уровень тета-активности у «математиков», связав его со следующими структурами: Anterior

Cingular, BA 24 (Тэмп = 8,5, $p < 0,05$), Anterior Cingular, BA 32 (Тэмп = 10, $p < 0,05$), Caudate Body (Тэмп = 9, $p < 0,05$) и в Talamus, Medial Dorsal Nucleus (Тэмп = 6,5, $p < 0,05$). При решении задач на «чтение» у математиков активность тета-генераторов также была выше, чем у «психологов», но это было показано только для Cingulate Gyrus, BA 23 (Тэмп = 10, $p < 0,05$), что говорит о меньшем использовании тета-активности при решении задач на «чтение». Полученные результаты содержат новизну. Они подтверждают эффективность метода Микроструктурного анализа осцилляторной активности мозга, который позволяет выявлять локальные очаги активности в отдельных структурах мозга, включая подкорковые образования.

Литература

1. Данилова Н.Н., Быкова Н.Б. Осцилляторная активность мозга и информационные процессы // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. ИПРАН. 2003. С. 271–283.
2. Данилова Н.Н., Страбыкина Е.А., Плигина А.М. Когнитивные способности человека и их отображение в осцилляторной активности мозга // Творчество, наука, искусство, жизнь. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 129–133.
3. Constantine A. Mangina, Evgeni N. Sokolov. Neuronal plasticity in memory and learning abilities: Theoretical position and selective review // International Journal of Psychophysiology. 2006. № 60. P. 203–214.
4. Talairach J., Tournoux P. Co-Planar Stereotactic Atlas of the Human Brain. New York: Theime Medical. 1988.

СПОСОБНОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ У КРЫС ЗАВИСИТ ОТ УРОВНЯ ИМПУЛЬСИВНОСТИ

Зайченко М.И., доктор биологических наук
 Мержанова Г.Х., доктор биологических наук
 Демина А.В.
 Баженова Д.А.

Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН

Аннотация. Исследованы особенности обучения крыс, различающихся по уровню импульсивности, с применением методики двустороннего избегания, инструментальной реакции нажатия на педаль, поиска пищи в 8-рукавном лабиринте и пространственного обучения. Были выявлены

различия между исследуемыми группами крыс, которые проявлялись на разных стадиях обучения и зависели от характера вырабатываемого навыка.

Ключевые слова: импульсивность, обучение, двустороннее избегание, инструментальная реакция, водный лабиринт, 8-рукавный лабиринт.

Abstract. The learning ability was investigated in rats with different level of impulsivity using the methods of active avoidance reactions, spatial learning in a water maze and search for food reinforcement in 8-arms maze. The differences between the studied groups of rat were discovered that manifested at different stages of training and depended on the nature of acquisitioned reflex.

Keywords: impulsivity, learning, two-way avoidance reaction, condition operant reaction, water maze, 8-arm maze.

В последнее время участились случаи выявления синдрома дефицита внимания, связанного с гиперактивностью (ADHD) у детей, что проявляется в трудностях, связанных с их обучением. Известно, что одним из факторов, определяющих причины этого заболевания, является импульсивность [2]. Существуют также работы, показывающие пониженный уровень мотивации у таких пациентов [3]. Различия в мотивационном уровне и поведении были выявлены и на животных, различающихся по уровню импульсивности [1]. В то же время существует мало работ, в которых напрямую исследовалось влияние уровня импульсивности на способность к обучению. Результаты такой работы могли бы способствовать совершенствованию методов обучения детей с синдромом ADHD.

В настоящей статье представлены результаты исследования способности к обучению крыс, различающихся по уровню импульсивности. Разделение крыс высоко- и низкоимпульсивных проводилось при использовании метода выбора ценности подкрепления (delay-discounting). Исследовали особенности обучения животных выделенных групп, применяя методики двустороннего избегания, условной реакции замирания, инструментальной реакции нажатия на педаль для получения пищевого подкрепления, поиска пищевого подкрепления в 8-рукавном лабиринте и пространственного обучения в водном лабиринте.

Двустороннее избегание. В шаттл-боксе крыс обучали избавляться от болевого электрического раздражения, перебегая в другой отсек камеры. За 3 с до начала раздражения включался звуковой сигнал. Оценивали латентный период избегания и количество реакций избавления. Результаты показали, что высокоимпульсивные крысы статистически значимо быстрее перебегают в другой отсек камеры, избавляясь от электрического раздражения, и демонстрируют больше реакций избавления.

Инструментальная реакция нажатия на педаль для получения пищевого подкрепления. Крыс обучали нажимать на педали для получения пищевого подкрепления – стандартной пищевой гранулы. Рассматривались две фазы обучения: выработка связи между педалью и пищей и собственно инструментальная реакция нажатия на педаль. Было выявлено, что низкоимпульсивные животные быстрее (хотя и недостоверно) достигали первой фазы обучения, тогда как на втором этапе обучения различий выявить не удалось.

Пространственное обучение в водном лабиринте Морриса. Крыс обучали находить скрытую под водой платформу. Изучались проявления как долговременной памяти, когда положение платформы не менялось на протяжении 18 экспериментальных сессий (по 2 сессии в день), так и рабочей памяти, когда в каждый из 4 дней сессии положение платформы менялось (4 сессии в день). Низкоимпульсивные животные лучше обучались в тестах как с использованием долговременной, так и кратковременной памяти. Об этом судили по латентному времени достижения платформы и проплытой дистанции.

8-рукавный лабиринт. В 8-рукавном лабиринте крыс обучали находить приманку, ориентируясь на фактуру покрытия пола рукавов. Приманка помещалась в дальний конец рукавов, имеющих покрытие, тогда как рукава без покрытия были пустыми. Оценивалось время сбора всех приманок и количество ошибочных заходов. Высокоимпульсивные крысы статистически значимо быстрее собирали корм, однако по количеству ошибок различий между группами выявлено не было.

Таким образом, в нашей работе были выявлены различия между исследуемыми группами крыс, которые проявлялись на разных стадиях обучения и зависели от характера вырабатываемого навыка (пищевой или оборонительный). Реакции, связанные с оборонительным поведением, быстрее вырабатывались у высокоимпульсивных животных, у них также была более высокая ско-

рость выполнения задач. Пространственное обучение лучше проявлялось у низкоимпульсивных крыс.

Литература

1. Зайченко М.И., Мержанова Г.Х. Исследование проявлений импульсивности у крыс в ситуации выбора пищевого подкрепления разной

ценности // Журнал высшей нервной деятельности 2010. № 60 (1). С. 56–64.

2. Bari A., Robbins T.W. Inhibition and impulsivity: behavioral and neural basis of response control // *Prog. Neurobiol.* 2013. № 108. P. 44–79.

3. Volkow N.D., Wang G.J., Baler R.D. Reward, dopamine and the control of food intake: implications for obesity // *Trends Cogn. Sci.* 2011. № 15. P. 37–46.

СРАВНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ АЛЬФА-ЭЭГ/ЭМГ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ПСИХОМОТОРНОЙ ЗАДАЧИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН¹

Николенко Е.Д.

Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины

Кондратенко А.В.

Базанова О.М., доктор биологических наук

Македонская государственная филармония

Аннотация. С целью сравнения эффективности выполнения психомоторной задачи мужчинами и женщинами показатели ЭЭГ и ЭМГ регистрировались каждые 2–3 дня в течение менструального цикла у 47 женщин и в тест-ретест исследовании через 14 дней у 39 мужчин 18–30 лет. Установлена ассоциация альфа-ЭЭГ/ЭМГ с беглостью и эффективностью выполнения психомоторной задачи и ее зависимость от нейрогуморального состояния.

Ключевые слова: эффективность выполнения психомоторной задачи, альфа-ЭЭГ/ЭМГ отношение, нейрогуморальное состояние, женщины, мужчины.

Abstract. In order to compare the psychomotor task performance efficiency in male and female healthy subjects EEG and EMG recorded every 2–3 days during the menstrual cycle in 47 women and in test-retest investigation across 14 days in 39 males aged 18–30. We demonstrated the positive association between fluency and alpha-EEG/EMG level while motor tasks performance and its dependence on the neurohumoral state.

Keywords: efficiency of psychomotor tasks performance, alpha EEG/EMG ratio, neurohumoral state, women, men.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 14-06-00951а.

Исследование зависимости сенсомоторной интеграции от нейрогуморального статуса – одна из фундаментальных задач психофизиологии. Наши предыдущие результаты продемонстрировали влияние нейрогуморального состояния женщин на характеристики альфа-активности ЭЭГ и тонус мышц лба в покое, а также в ответ на зрительную активацию [1]. Ранее мы установили, что отношение мощности в высокочастотном альфа-2 диапазоне ЭЭГ к мощности ЭМГ мышц лба указывает на эффективность решения моторных задач [4]. Эффективная сенсомоторная координация предполагает, что снижение избыточного мышечного напряжения ведет к увеличению

амплитуды высокочастотных альфа-волн-ЭЭГ с одновременным снижением ЭМГ избыточно-активированных мышц во время решения психомоторных задач [2; 4; 6]. И наоборот, снижение амплитуды альфа-волн с одновременным увеличением напряжения мышц лба указывает на увеличение кортикальной активации и психоэмоционального напряжения [3; 5].

Цель настоящего исследования – сравнить отношение альфа-2-ЭЭГ/ЭМГ во время выполнения психомоторной задачи у мужчин и женщин и изучить зависимость этого показателя от нейрогуморального состояния женщин.

Методы. ЭЭГ регистрировалась у 39 мужчин и 47 женщин в возрасте 18–30 лет с частотой дискретизации 720 Гц от Pz-отведения. Одновременно регистрировалась ЭМГ биполярно с помощью двух электродов, помещенных на кожу лба. Мужчины проходили тест-ретест исследование с интервалом в 14 дней, а женщины через каждые 2–3 дня в течение одного-двух менструальных циклов. Период фолликулярной фазы принимался от дня окончания менструальной и до повышения базальной температуры, связанной с овуляцией. Период лютеиновой фазы начинался, когда уровень прогестерона в слюне повышался более чем на 20 % по сравнению с днем ранее, а началом предменструальной фазы принимался день, когда уровень прогестерона снижался более чем на 20 % по сравнению с предыдущим. ЭЭГ и ЭМГ регистрировались в покое в течение реального выполнения и воображения моторного теста при закрытых (60 с) и открытых (30 с) глазах. Моторный тест предполагал касание каждого пальца по большому пальцу в определенной последовательности и повторение этих движений по «кругу». Испытуемые докладывали, сколько «кругов» они выполнили или вообразили. Изменения альфа мощности ЭЭГ и ЭМГ, связанные с выполнением моторного теста или его воображением, определялись как $\ln\%$ по отношению к состоянию покоя. Эффективность выполнения психомоторной задачи оценивалась по проценту длительности «успешных интервалов», во время которых мощность альфа-ЭЭГ увеличивалась, а мощность ЭМГ снижалась (Bazanovae et al., 2009). Серия ANOVA повторных измерений проводилась по внутрииндивидуальным сравнениям по факторам УСЛЮ-ВИЯ (3 уровня: покой, реальное и воображаемое движение пальцами), для мужчин тест-ретест и для женщин нейрогуморальное состояние. От-

дельно проводились межиндивидуальные сравнения по фактору «группа» (два уровня: мужчины и женщины).

Результаты. Отношение альфа-2-ЭЭГ/ЭМГ увеличивается на лютеиновой фазе и снижается на предменструальной и менструальной фазах у женщин [$F(1,230) \geq 15,43, p = 0,000$] и не изменяется в тест-ретест исследовании у мужчин. Альфа-2-ЭЭГ/ЭМГ снижается во время реального и воображаемого движения у женщин на всех фазах менструального цикла, кроме лютеиновой, больше, чем у мужчин.

Литература

1. Альфа-активность ЭЭГ в зависимости от стадии менструального цикла и уровня прогестерона / О.М. Базанова, А.В. Кондратенко, О.И. Кузьмина и др. // Физиология человека. 2014. Т. 40 № 2. С. 31–40.
2. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. М.: Физкультура и спорт, 1991.
3. Barry R.J., Clarke A.R. et al. EEG differences between eyes-closed and eyes-open resting conditions // Clin. Neurophysiol. 2007. Vol. 118. № 12. P. 2765–2773.
4. Bazanova O.M., Mernaya E.M., Shtark M.B. Biofeedback in psychomotor training. Electrophysiological basis // Neurosci. Behav. Physiol. 2009. Vol. 39. № 5. P. 437–447.
5. Bazanova O.M., Vernon D. Interpreting EEG alpha activity // Neurosci. Biobehav. Rev. 2014. № 44. P. 94–110.
6. Kiefer A.W., Gualberto Cremades J., Myer G.D. Train the Brain: Novel electroencephalography data indicate links between motor learning and brain adaptations // J. Nerv. Physiother. 2014. Vol. 4. № 2. P. 198.

ЭЛЕКТРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ, СВЯЗАННЫХ С ЭМПАТИЕЙ

Махин С.А., кандидат биологических наук, доцент кафедры общей психологии и психофизиологии

Эйсмонт Е.В., кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии человека и животных и биофизики

Павленко В.Б., доктор биологических наук, профессор кафедры общей психологии и психофизиологии

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Аннотация. Представлены данные экспериментального исследования особенностей реактивности мю-ритма ЭЭГ в ситуациях, ассоциируемых с активацией «зеркальной» системы мозга. Описаны результаты анализа корреляций между особенностями реактивности мю-ритма и свойствами личности, связанными с эмпатией.

Ключевые слова: система «зеркальных» нейронов, ЭЭГ, мю-ритм, эмпатия.

Abstract. The paper provides the results of an experimental study on the effects of mu-rhythm reactivity under different conditions presumably evoking the activation of the brain «mirror» system. The correlation analysis of the relationship between the mu-rhythm reactivity and different empathy-related personality traits has been presented.

Keywords: «mirror» neuron system, EEG, mu-rhythm, empathy.

Концепция «зеркальных» нейронов стала результатом выделения особого класса нервных клеток, для которых наблюдается сходная активность как при самостоятельном выполнении, так и наблюдении за целенаправленными действиями других [3; 4]. Сопоставление результатов, собранных методами фМРТ, ЭЭГ и транскраниальной магнитной стимуляции, позволило подтвердить валидность использования эффекта депрессии мю-ритма в качестве маркера активации участков мозга, принадлежащих системе «зеркальных» нейронов (СЗН) человека [1; 5]. В качестве психологического коррелята индивидуального уровня активности СЗН часто рассматривают способность к эмпатии [2; 6; 7; 9]. Такого рода связь лучше всего показана для ситуаций наблюдения за вызывающими болевой ответ стимулами [6; 8]. Исследования, в которых эмпатия рассматривается как черта личности и измеряется с помощью психологических тестов, демонстрируют противоречивые данные.

В рамках нашего эксперимента регистрация паттернов ЭЭГ осуществлялась последовательно в рамках четырех ситуаций: выполнение самостоятельных ритмичных движений компьютерной мышью по кругу (СД), наблюдение за аналогичными движениями, выполняемыми экспериментатором (НД), имитация движений, выполняемых экспериментатором (ИД), слуховое восприятие звуков, сопровождавших выполняемые экспериментатором движения мышью в ситуации с закрытыми глазами (СВД). Ситуация СД закономерно вызвала значимое падение амплитуды мю-ритма в локусах Cz, C3 и C4. Ситуация НД сопровождалась достоверной десинхронизацией мю-ритма испытуемых в контралатеральном наблюдаемой руке полушарии. Ситуация СВД приводила к значимому падению амплитуды мю-ритма в локусах Cz и C3. Ситуация ИД вызвала достоверную десинхронизацию мю-ритма в локусах Cz, C3 и C4. При этом величина десинхронизации мю-ритма в локусе Cz оказалась статистически значимо больше, чем

в ситуации СД. Уровень самооценки общих эмпатических способностей в выборке взрослых испытуемых, измеренный с помощью опросника А. Меграбяна и Н. Эпштейна, продемонстрировал значимую положительную корреляцию ($r = 0,47$) с усредненной для трех центральных отведений ЭЭГ реакцией десинхронизации мю-ритма в ситуации СВД. То есть более выраженная реакция депрессии мю-ритма в ситуации слухового восприятия движений наблюдалась у испытуемых, характеризующихся более высоким уровнем личностной эмпатии. При этом не обнаружены значимые корреляции для ситуаций наблюдения и имитации движений. Высказана гипотеза, что эмпатические свойства личности могут быть в большей степени связаны с общей активностью подгруппы «логически связующих» зеркальных нейронов, и в меньшей – со «строго конгруэнтными», отражающими операциональные характеристики действий человека.

Литература

1. Braadbaart L., Williams J.H., Waiter G.D. Do mirror neuron areas mediate mu rhythm suppression during imitation and action observation? // International Journal of Psychophysiology. 2013. V. 89. № 1. P. 99.
2. Cooper N.R., Puzzo I., Pawley A.D. et al. Bridging a yawning chasm: EEG investigations into the debate concerning the role of the human mirror neuron system in contagious yawning // Cognitive Affective & Behavioral Neuroscience. 2012. V. 12. P. 393.
3. Di Pellegrino G., Fadiga L., Fogassi L. et al. Understanding motor events: a neurophysiological study // Experimental Brain Research. 1992. V. 91. P. 176.
4. Gallese V., Fadiga L., Fogassi L., Rizzolatti G. Action recognition in the premotor cortex // Brain. 1996. Vol. 119. P. 593.
5. Keuken M.C., Hardie A., Dorn B.T. et al. The role of the left inferior frontal gyrus in social per-

ception: An rTMS study // *Brain Research*. 2011. Vol. 1383. P. 196.

6. *Perry A., Troje N.F., Bentin S.* Exploring motor system contributions to the perception of social information: evidence from EEG activity in the mu/alpha frequency range // *Social Neuroscience*. 2010. Vol. 5. № 3. P. 272.

7. *Puzzo I., Cooper N.R., Vetter P., Russo R.* EEG activation differences in the pre-motor cortex and supplementary motor area between normal individ-

uals with high and low traits of autism // *Brain Research*. 2010. Vol. 1342. P. 104.

8. *Whitmarsh S., Nieuwenhuis I.L., Barendregt H.P., Jensen O.* Sensorimotor Alpha Activity is Modulated in Response to the Observation of Pain in Others // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2011.

9. *Woodruff C.C., Martin T., Bilyk N.* Differences in self- and other-induced Mu suppression are correlated with empathic abilities // *Brain Research*. 2011. Vol. 1405. P. 69.

ACCOUNT OF SIGNS OF ASYMMETRY AND CYCLICAL FLUCTUATIONS OF FUNCTIONAL STATE IN STUDY OF DYNAMIC INDICATORS OF MOTOR AND COGNITIVE PROCESSES OF WOMEN

E. V. Budyka, E. V. Grigoryan, A. A. Efremova, E. N. Proshkina
Lomonosov Moscow state university, Moscow

Abstract. Types of differences of fluctuations of dynamic characteristics of motor and cognitive processes during a menstrual cycle at girls with various signs of functional asymmetry in motor and sensory systems are revealed. The unidirectional and multidirectional relations between these fluctuations and features of asymmetry at the examined girls during a cycle were described.

Keywords: functional asymmetry, menstrual cycle, dynamic characteristics of the motor and cognitive processes.

Здесь нет самой статьи

Раздел IX

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

Нарнацкая Е.А., Шумский В.Б.

Близкие межличностные отношения мужчины и женщины: быть парой, сохраняя индивидуальность
345

Заикин В.А.

Взаимосвязь группового и индивидуального морального решения 348

Визгина А.В.

Внутренний диалог в экзистенциальном анализе 350

Дагаева Е.А.

Конгруэнтность как условие эффективности индивидуального имиджа 351

Леснов А.В.

Конструктивистский компонент в герменевтике индивидуальности 353

Станковская Е.Б.

Переживание «я могу»: субъектность личности в практике психологического консультирования 354

Колпачников В.В.

Фасилитация самоактуализации клиента в процессе клиентоцентрированной психотерапии 356

Дербенева А.А.

Феномен «Собеседника» в рефлексии личности 357

Буякас Т.М.

Феноменологический подход к становлению духовной индивидуальности 358

Горькая Ж.В.

Феноменологическое исследование ценностей личности 359

Старовойтенко Е.Б.

Формы генеза «Я» в отношении к Другому 361

Гусейнов А.Ш.

Формы протестной активности личности: содержательные основания дифференциации 362

Золотарева А.А.

Эффект самообмана в практике психологических измерений 364

БЛИЗКИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ: БЫТЬ ПАРОЙ, СОХРАНЯЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Карнацкая Е.А., магистр психологии

Шумский В.Б., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности департамента психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлены результаты качественного исследования динамики близких отношений мужчины и женщины. Феноменологический анализ интервью респондентов позволил выделить микроструктуру отношений, которые распались: этапы их трансформации и существенные содержания, характерные для каждого этапа. Эксплицированы существенные содержания близких отношений мужчины и женщины, которые продолжают развиваться и углубляться, несмотря на произошедший в отношениях кризис.

Ключевые слова: межличностные отношения, динамика отношений, принятие решения, феноменологический анализ.

Abstract. The paper presents the results of qualitative research of the dynamics of close relations of man and woman. Phenomenological analysis of respondent's interviews allowed to identify the microstructure of a relationship that fell apart: the stages of their transformation and substantial content, specific to each stage. The essential contents of the relationships between man and woman, which continue to develop and become closer, despite the fact that they had a crisis, also have been shown.

Keywords: interpersonal relationships, relationship dynamics, decision-making, phenomenological analysis.

В современном обществе форма и содержание близких межличностных отношений между мужчиной и женщиной претерпели существенное изменение. Браки давно уже не совершаются большинством людей один раз и на всю жизнь. Широкое распространение получил так называемый гражданский брак – близкая связь и совместное проживание мужчины и женщины без официального оформления отношений и обязательств. Содержание партнерских отношений мужчины и женщины, в свою очередь, трансформируется от совместного решения социальных и экономических задач, воспитания детей и удовлетворения сексуальной потребности к достижению эмоциональной близости и глубокому межличностному общению.

Современное общество, не предписывая ценностные основания выбора партнера, ставит человека перед задачей самостоятельного нахождения ориентиров как для вступления в близкие отношения, так и для их продолжения. Тем самым психологическая проблематика близких отношений мужчины и женщины приобретает коннотации, выходящие за пределы предметных областей социальной и семейной психологии, и становится проблематикой психологии личности и ее специальной области – психологии межличностных отношений, в основе которой находится представление о «чистых отношениях» (pure relations) [1; 3]. Такие отношения радикально отличаются от функционально-ролевых, укорененных во внешних социальных или экономических факторах. «Чистые отношения»

самоценны, являются результатом свободного выбора, нацелены на поиск и достижение психической и духовной близости и взаимообогащающий обмен партнеров.

Именно в контексте «чистых отношений» мы подходили к изучению близких отношений мужчины и женщины в современном российском социокультурном контексте. Основной вопрос нашего исследования: «Как выглядят близкие отношения между мужчиной и женщиной на уровне индивидуального опыта?» предполагал качественную исследовательскую методологию: как метод сбора данных использовалось полуструктурированное интервью, тексты интервью анализировались посредством феноменологического метода в операционализации А. Джиорджи [4].

Для того чтобы получить возможность изучить динамику и этапы трансформации близких отношений мужчины и женщины, мы использовали следующий методический прием: исследовали отношения, в которых присутствовала «точка принятия решения» о расставании или сохранении отношений. Иными словами, мы приглашали респондентов, переживших в близких отношениях кризис, в процессе которого принималось решение о продолжении или прекращении близких отношений с партнером.

К исследованию приглашались респонденты, близкие отношения которых (актуальные или прошлые) также соответствовали следующим критериям:

- ◆ продолжительность отношений не менее двух лет;
- ◆ отношения должны были изначально рассматриваться как «серьезные», а именно, должно было присутствовать искреннее желание респондента заключить брак с партнером;
- ◆ в отношениях должен был присутствовать этап совместного проживания и ведения общего хозяйства продолжительность не менее 6 месяцев.

Респонденты для исследования набирались посредством объявлений, размещенных в социальных сетях. К сожалению, наши попытки привлечь мужчин к интервью, предусматривающему рефлексивное исследование собственного опыта длительных близких отношений с женщиной, не увенчались успехом. Поэтому участниками нашего исследования были только женщины.

Мы провели интервью с 15 респондентами, близкие отношения которых отвечали критериям, обозначенным выше. Длительность бесед составила от 1,5 до 4 часов, с некоторыми участницами проводилось несколько встреч. В связи

с тем, что некоторые участницы исследования из-за все еще переживаемых ими сильных эмоций, связанных с отношениями, не смогли быть в достаточной степени рефлексивными и последовательными в общении с интервьюером, для феноменологического анализа мы отобрали тексты 9 интервью.

Таким образом, выборка нашего исследования составила 9 женщин в возрасте от 25 до 35 лет. Шесть случаев близких отношений закончилось расставанием с партнером, в трех случаях, несмотря на имевший место кризис, отношения успешно продолжаются. Две респондентки состояли в официально зарегистрированном браке, у обоих был ребенок от мужчины, отношения с которым они описывали (в одном случае отношения распались, в другом продолжаются). Остальные семь участниц исследования находились в гражданском браке.

Феноменологический анализ интервью респондентов, которые приняли решение о расставании с партнером, позволил выделить инвариантную структуру трансформации таких отношений. Этапы и существенное содержание каждого этапа распавшихся отношений представлены в табл. 1.

Для тех случаев близких отношений из нашей выборки, в которых процесс принятия решения об их завершении или продолжения закончился решением в пользу продолжения, нам не удалось выделить столь четко очерченные этапы трансформации отношений, как в случае отношений распавшихся. Тем не менее мы можем выделить следующие существенные содержания, которые были обнаружены нами в близких отношениях, в которых было принято решение об их продолжении:

- ◆ постепенное сближение с партнером;
- ◆ видение реального, а не идеализированного образа партнера;
- ◆ отсутствие в образе партнера сверхзначимых черт;
- ◆ привлекательность личности партнера в целом;
- ◆ спокойный эмоциональный фон отношений;
- ◆ высокий уровень открытости партнеров в конфликтных ситуациях;
- ◆ рефлексивная оценка собственных негативных эмоций в конфликтных ситуациях;
- ◆ привлечение точек зрения других людей для создания более целостного образа партнера и отношений с ним;
- ◆ удержание в фокусе внимания положительных сторон партнера даже в моменты кризиса отношений;

Таблица 1

**Этапы трансформации близких отношений между мужчиной и женщиной,
заканчивающихся расставанием**

Этап	Существенное содержание этапа
1. Начало отношений	<ul style="list-style-type: none"> • Идеализация образа партнера. • Переживание партнера как свехценного. • Восприятие партнера через стереотипизированные образы. • Аперсональный подход к выбору партнера. • Наличие у респондента экзистенциального дефицита. • Зафиксированность на конкретной ценности партнера, связанной с компенсацией экзистенциального дефицита. • Восприятие недостатков и слабостей партнера как переносимых, временных или доступных изменению. • Несоответствие собственного поведения представлениям о себе
2. Накопление негативных переживаний, связанных с партнером	<ul style="list-style-type: none"> • Восприятие партнера как не замечающего потребности и желания другого. • Переживание партнера как не желающего идти на компромисс. • Переживание партнера как обесценивающего. • Отсутствие единого образа будущего с партнером. • Достижение негативными переживаниями уровня непереносимости. • Утрата смысла в продолжении отношений
3. «Пробное» расставание	<ul style="list-style-type: none"> • Переживание решения расстаться как импульсивного и неокончательного. • Переживание негативных черт партнера как подлежащих исправлению/временных/незначительных. • Переживание романтических чувств к партнеру. • Переоценка решения расстаться как ошибочного
4. Восстановление отношений	<ul style="list-style-type: none"> • Переживание отношений как приносящих большое удовлетворение. • Построение совместных планов на будущее
5. Повторное столкновение с негативными чертами партнера	<ul style="list-style-type: none"> • Восприятие партнера как несоответствующего ожиданиям респондента. • Переоценка ранее ценных черт партнера как негативных. • Восприятие негативных черт партнера как неизменных. • Прекращение борьбы за изменение партнера. • Потеря чувства связанности с партнером. • Переживание одиночества в отношениях. • Исключение партнера из планов на будущее. • Укрепление собственного «Я» респондента
6. Окончательное расставание	<ul style="list-style-type: none"> • Осознанное принятие решения о расставании и спокойный эмоциональный фон, связанный с решением. • Временной разрыв между принятием решения о расставании и его осуществлением

- ◆ переживание трудностей в отношениях как возможности для позитивной взаимной трансформации партнеров;
- ◆ рассмотрение трудностей как нормального этапа развития отношений;
- ◆ взгляд на прекращение отношений как на бегство от проблем;
- ◆ совпадение у партнеров образа желаемых отношений;
- ◆ наличие у партнеров общих целей и задач в будущем;

- ◆ совершение партнерами конкретных действий, направленных на сохранение отношений.
- Самыми существенными факторами, способствующими тому, что пара принимает решение продолжать и развивать отношения, с нашей точки зрения, являются следующие:
- ◆ диалогический обмен партнерами и искреннее обсуждение трудностей во взаимоотношениях;
 - ◆ восприятие проблем одного из партнеров как общих проблем пары;

◆ взаимная готовность к реальным компромиссам в поведении.

Интересным и важным результатом, полученным нами, является выделение спонтанно происходящего в отношениях этапа «пробного расставания». Самым поразительным фактом, которому мы пока не можем дать однозначного объяснения, является небывалый взлет отношений после «пробного» расставания. Именно на этом этапе воссоединения происходит небывалый взлет отношений, женщины отмечают построение серьезных планов на будущую совместную жизнь и реальное возникновение чувства «Мы» со своим партнером. Пространственная и временная дистанция, которая приобретает на этапе «пробного» расставания, высвечивает для партнеров значимость друг друга, а также несоразмерность взаимных претензий. То, что потенциал отношений оказывается в итоге неиспользованным, вызывается, по-видимому, тем, что на этапе «пробного» расставания не была проведена адекватная «работа над ошибками» в отношениях. Тогда важной становится помощь психолога, основные линии которой можно выделить из опыта пар, отношения которых продолжились.

Важность диалога партнеров и взаимная готовность идти на компромиссы отмечается всеми авторами и школами, занимающимися психологической помощью, связанной с укреплением близких межличностных отношений. На наш взгляд, проведенное исследование позволяет сделать к этому существенное дополнение: не-

обходимость понимания проблем одного из партнеров как общих проблем пары. Именно при наличии такой установки партнеры и становятся собственно «парой» – самостоятельной единицей, объединяющей две отдельные индивидуальности в целостность.

Мы надеемся, что проведенный нами анализ распавшихся и развивающихся отношений, а также тщательное рассмотрение содержания этапов, через которые проходят женщины в близких отношениях с мужчиной перед тем, как решат эту связь прекратить, может способствовать более полному пониманию генеза и динамики человеческих отношений, быть полезным при анализе консультативных и психотерапевтических случаев, а также в практике принятия решений в повседневной жизни.

Литература

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
2. Карнацкая Е.А., Шумский В.Б. Динамика и этапы трансформации близких межличностных отношений между мужчиной и женщиной // Экзистенциальный анализ. 2015. № 7. С. 77–104.
3. Кон И.С. Дружба. 4-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 330 с.
4. Giorgi A. The Descriptive Phenomenological Method in Psychology. Pittsburgh: Duquesne University Press, 2009.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРУППОВОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО МОРАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

Заикин В.А., кандидат психологических наук, психолог, преподаватель психологии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются теория и практика изучения моральных решений как на индивидуальном уровне, так и на уровне группы. Приводятся данные эмпирического, социально-психологического исследования о влиянии группового морального решения на индивидуальные моральные решения. Эмпирически обосновывается тезис о том, что решения, принимаемые на уровне группы, соответствуют более низкому уровню развития морального сознания, чем решения, принимаемые индивидуально.

Ключевые слова: психология морали, групповая дискуссия, моральное решение, стадийная теория морального развития.

Abstract. Thesis are devoted to the theory and practice of studying moral decisions, at the individual level and at the group level. Describing the data of empirical, social-psychological research on the

impact of group moral decisions on individual moral decisions. Empirically substantiated the thesis that the decisions taken at the level of the group correspond to a lower level of moral consciousness than the decisions taken individually. Detailing the process of group discussion and decision-making process.

Keywords: moral psychology, group discussion, moral decision, the theory of stages moral development.

Процесс принятия групповых решений и изучение группы как субъекта деятельности являются одними из наиболее важных направлений эмпирических и методологических социально-психологических исследований как в исторической ретроспективе, так и сегодня. Проблема перехода от индивидуального к групповому субъекту и изучение всех промежуточных этапов еще очень далека от своего завершения [2]. Под групповым субъектом в социальной психологии чаще всего понимается малая группа, которая имеет в качестве результата своей деятельности коллективный продукт, не сводимый к сумме вкладов отдельных членов группы [4]. Есть основания считать продуктом совместной деятельности в том числе и групповые решения [1].

Согласно ставшей уже традиционной точке зрения, групповые решения являются результатом групповой дискуссии, которая выступает как форма организации совместной деятельности. Групповая дискуссия как социально-психологический феномен привлекала внимание множества исследователей, но наряду с этим остались без внимания многие ее аспекты, в частности моральные решения группы и сам процесс принятия группой морального решения. Наша задача состоит в том, чтобы осветить существующие представления о процессах групповой дискуссии и принятии групповых решений, а также обосновать необходимость изучения групповых моральных решений сегодня.

Безусловно, групповая дискуссия и групповые решения являются разными аспектами единого процесса коммуникативного взаимодействия членов группы друг с другом [1]. Наряду с этим устоявшимся является тезис о том, что процесс групповой дискуссии не сводится к обмену информацией и принципиально не детерминирован когнитивными процессами участников дискуссии, а значимую и в ряде случаев решающую роль в дискуссии играют процессы эмоционального взаимодействия в группе. Критичная оценка качества группового решения часто недоступна как отдельным членам группы, так и группе в целом. В ряде случаев подобная оценка принципиально недостижима, особенно когда в ее выработку вмешиваются феномены

ингруппового фаворитизма, подлинного конформизма и когнитивных барьеров [3].

Цель исследования – изучить феноменологию процесса принятия группового морального решения, определить влияние группового морального решения на индивидуальное моральное решение в процессе групповой дискуссии.

Объект исследования – моральное сознание, моральные суждения и решения.

Предмет исследования – процесс принятия группового и индивидуального морального решения.

Выборку основной части исследования составили 86 человек, которые были разделены на шесть групп. В первой части исследования мы выявили социометрическую структуру трех групп; затем для контроля достоверности полученных данных мы подобрали еще три группы, сходные по численности и социометрической структуре.

Основная гипотеза – уровень морального развития является устойчивой структурой личности и не зависит от влияний группы.

После того как участники заполнили методику моральных дилемм, группа приступила к дискуссии. Процесс групповой дискуссии был организован следующим образом: участникам предлагалось принять участие в групповом обсуждении моральной дилеммы Хайнца. Ведущим было поставлено условие, что решение группы должно быть единогласным, его должны разделять все участники дискуссии. Отказа от участия никто не высказал.

В целом дискуссии отличались высокой степенью заинтересованности участников. Часто движение по фазам дискуссии не требовало значимого участия со стороны ведущего, так участники двух групп сами предложили перейти к обсуждению группового решения.

После завершения групповой дискуссии участникам было предложено повторно заполнить бланк методики Л. Колберга «Оценка уровня развития морального сознания». Это было необходимо для оценки динамики индивидуального уровня развития морального сознания респондентов. По результатам этой работы свое индивидуальное отношение к дилемме не

изменил никто. Участники повторяли ту же логику своих ответов, что и в первом измерении индивидуального уровня развития морального сознания, только теперь использовали аргументы, которые противоречили принятому в рамках групповой дискуссии решению или, если их позиция совпадала с решением группы, использовали аргументы из дискуссии, обосновывая свою позицию.

Изучение того, как именно соотносится индивидуальный и социальный уровень в психике человека, эмпирические исследования, направленные на прояснение этого вопроса, актуальны для социальной психологии как никогда. В рамках нашего исследования мы стремились как продолжить традиции, так и обобщить существующее на настоящий момент научное знание. Безусловно, многие аспекты остались неразрешенными, но пролить свет на соотношение индивидуального и социального в психологии морали, а также за-

ложить основы эмпирического изучения процесса принятия индивидуальных и групповых моральных решений мы считаем важной задачей нашей работы.

Литература

1. Бовина И.Б. Групповая дискуссия: Теоретический и прикладной аспект // Методы социально-психологического исследования / под. ред. Т.В. Фоломеевой. Кемерово: ЮНИТИ, 2002. С. 131–158
2. Донцов А.И., Токарева М.Ю. Меньшинство как источник социального влияния // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 50–62.
3. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. 286 с.
4. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 318 с.

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ

Визгина А.В., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры методологии психологии факультета психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Рассматривается специфика понимания внутреннего диалога (ВД) в экзистенциальном анализе (ЭА) как диалога с сущностным в себе (Person). ВД является одним из главных действующих факторов ЭА психотерапии. Приводится последовательность шагов, позволяющих человеку прийти к истинному диалогу с собой, через который формируется индивидуальность человека, происходит обнаружение Собственного и укрепляется самооценочность.

Ключевые слова: диалог, внутренний диалог, экзистенциальный анализ, Person, «Я», индивидуальность.

Abstract. The specifics of existential-analytic approach to inner dialogue (ID), as a dialogue with spiritual force in oneself (Person) is concerned. ID is one of the main working factors in. There is a consequence of steps, allowing one to come to a true internal dialogue, through which the processes of individuality formation, as well as discovery of personal specifics and strengthening the Self occur.

Keywords: dialogue, inner dialogue, existential analysis, Person, Self, individuality.

Базовым понятием для понимания сущности экзистенции человека является диалог. Принцип двойной открытости (или двойного диалогического обмена), выдвигаемый А. Лэнгле, заключается в том, что для становления человека, обретения собственной индивидуальности и открытия себя в своей сущности, человеку необходим не

только диалог с Другим, но и диалог с самим собой [1]. Поэтому одним из главных действующих факторов в ЭА является ВД. По сути, ЭА, как психотерапия, строится на том, чтобы научить человека внутреннему диалогу с самим собой, причем не любому, а специально выстроенному, исходя из понимания структуры экзистенции, и направленному на установление контакта с собой, уси-

ление доступа к своим ценностям, чувствам, своей сущности (Person). Человек учится задавать себе вопросы и прислушиваться к себе в поисках правильного ответа. Без такого постоянного соотношения своих действий, решений, поступков с собой он рискует потерять свою индивидуальность. А. Лэнгле описал последовательность шагов, приближающую человека к истинной Встрече с собой:

- ◆ самодистанцирование – выход на дистанцию и восприятие самого себя;
- ◆ установление связи с тем, как я себя чувствую в данный момент, принятие себя всерьез в том чувстве, которое возникает, ощущение важности своего Собственного;
- ◆ занятие позиции по отношению к самому себе и вынесение суждения о себе, согласуясь с внутренним чутьем [3].

Прохождение этих шагов на практике способствует формированию и укреплению «Я», усилению самооценности, обнаружению Собственного. Так, уважительное внимание к своим границам на первом шаге способствует выстраиванию индивидуальности, отличности от других; далее на основании чувствования себя и открытия доступа к себе формируются аутентичность и совесть; на третьем шаге происходит обретение самости, укрепление самооценности и способности вынести суждение о себе. Эти процессы развития «Я» и обнаружения самооценности происходят на протяжении всей жизни, каждый раз, когда в новой ситуации перед человеком вновь встает задача обнаружения себя. Таким образом, ВД – это то, в чем постоянно воспроизводятся, реконструируются такие аспекты «Я», как индивидуальность, аутентичность, совесть, самооценность.

Важно отметить, что за словами и мыслями во ВД, всегда есть чувства, которые вдыхают в него жизнь и делают его подлинным, и даже более того – когнитивно-вербальное содержание здесь вторично по отношению к чувству. Предложенная А. Лэнгле схема наглядно демонстрирует эту особенность экзистенциального понимания ВД: мы сначала открываемся навстречу своим чувствам, даем им подействовать на себя, затем соотносим их с нашими представлениями, видением ситуации и выносим суждение, которое вновь, уже на третьем шаге соотносим с внутренним чутьем. То, к чему обращается наше внутреннее чутье, – это Person, или «Говорящее во мне» [2].

Person является центральным понятием ЭА для обозначения духовного измерения в человеке и его способности к экзистенции, чьей сущ-

ностной характеристикой является способность к диалогу. Для того чтобы подвести человека к осуществлению диалога с Person в качестве внутреннего визави, А. Лэнгле разработал метод персонального экзистенциального анализа (ПЭА), задача которого состоит в том, чтобы подхватить и дать выйти наружу этому говорению, идущему из его сущности. В основе ПЭА лежит все та же вышеприведенная схема установления контакта с самим собой. Постепенно позиция терапевта интериоризируется: клиент не только научается задавать себе вопросы, следуя шагам ПЭА, но и, переживая персональное отношение к себе с его стороны, усваивает сам способ такого обхождения с собой, переносит его вовнутрь. У него появляется позиция серьезности в открытом исследовании собственного интуитивно чувствуемого, когда он не просто задает себе вопросы или комментирует свои действия, но входит во взаимообмен с собой, слышит возникающую в нем обратную связь, идущую из глубины со стороны своей Person.

В ЭА не отрицается существование и других форм ВД, в том числе отражающих внутренние конфликты человека, или действие защитных механизмов, которые необходимо отслеживать у себя, с целью лучшего самопонимания и умения их отличать от истинного голоса, идущего из глубины. Как показало недавно проведенное эмпирическое исследование, голос совести (воплощающий Person) имеет свои особенности: доброжелательное отношение к «Я», вопросительный или предлагающий стиль обращения, тихое и мягкое звучание, чувство внутреннего согласия и освобождения, которым сопровождается его звучание и некоторые другие характеристики [4].

Литература

1. Лэнгле А. Экзистенция индивидуальности. Персональный экзистенциальный анализ // Психология индивидуальности. Новые модели и концепции / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009.
2. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности: сб. статей / пер. с нем. М.: Генезис, 2009.
3. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ (Логотерапия). Третья фундаментальная мотивация: учеб. пособие / пер. с нем. Вена: GLE-International, 2013. (рукопись).
4. Лэнгле А., Уколова Е.М., Шумский В.Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования. М.: Логос, 2014.

КОНГРУЭНТНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИМИДЖА

Дагаева Е.А., кандидат социологических наук, доцент кафедры управления факультета управления

Таганрогский институт управления и экономики

Аннотация. Рассмотрена эволюция методологических подходов к анализу понятия «имидж» в поисках ответов на вопросы: может ли имидж быть неманипулятивным явлением? Возможен ли имидж как целостное, гармоничное явление или он обречен восприниматься лишь как иллюзия, не имеющая под собой оснований?

Ключевые слова: имидж, акмеологический подход, интерсубъективный подход, конгруэнтность.

Abstract. The evolution of methodological approaches to the analysis of the concept of «image» in the search for answers to the questions: Can the image be nemanipulyativnym phenomenon? Is image as a coherent, harmonious phenomenon or it is doomed to be perceived only as an illusion that has no baseless?

Keywords: image, akmeologicheskij approach intersubjectivity approach congruence.

В последние годы наметились новые методологические подходы к рассмотрению имиджа, опровергающие абсолютизацию его манипулятивной природы.

Динамично развивающимся методологическим подходом к изучению имиджа является акмеологический подход (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.П. Костенко, Е.Б. Перелыгина, А.П. Федоркина). Эвристическая ценность данного подхода состоит в том, что он включает в себя показатели профессионализма и компетентности, способность личности к самопознанию, саморазвитию, самосовершенствованию, самореализации.

Использование акмеологического подхода к изучению имиджа является своевременным откликом на социальный заказ российского общества, озабоченного подменой глубокого содержания имиджа субъекта его поверхностной формой, стремлением «не быть, а казаться», превращением политика, руководителя, профессионала в «товар» на соответствующем рынке, нарушением симметричности и равноправности коммуникативного процесса.

Развиваемый Е.Б. Перелыгиной на основе акмеологического интерсубъективный подход является одной из наиболее удачных попыток преодолеть антигуманистическую объектную парадигму в изучении имиджа. Согласно автору, в основе имиджа «лежит активная и целенаправленная деятельность субъекта имиджа, ориентированная на его самопознание, самовыражение и самосовершенствование в индивидуальном, личностном и профессионально-деятельностном аспектах» [4, с. 11].

© Дагаева Е.А., 2015

В свете анализируемой проблемы представляет интерес точка зрения Т.Ю. Быстровой. Основываясь на терминологической связи слов *imago* и *image*, автор пытается провести параллель между природным явлением *imago* (хитиновый покров, оболочка насекомых, взрослое животное) и *image* – имиджем как социально-коммуникативным явлением.

Как имаго в животном мире в наибольшей степени служит узнаванию и выживанию, так и «имидж» в социальной среде выполняет функцию символического опознавания и адаптации. Имидж работает как инструмент воздействия на соответствующие аудитории: он обеспечивает узнавание и принятие в своей среде, а также проводит черту между «своими» и «чужими».

Что касается второго значения *imago* – достижение половозрелого состояния, взросления, Т.Ю. Быстрова обращает внимание на то, что слово «взросление» маркирует какой-то рубеж, границу. Как пишет автор, «взросление – процесс, окончательно приводящий индивида в социум. Рассматриваемый с этой точки зрения имидж приобретает социальную и коммуникативную окраску. Он создается ради донесения необходимой информации о себе другим людям. Имидж – следствие социальности человека и, не исчерпывая человеческую природу, связан с его социальной ролью. В нем с необходимостью должно быть достигнуто (более-менее) органичное единство индивидуального и общественного: осознать и показать себя среди других. Других, себе подобных» [2].

По мнению Т.Ю. Быстровой, «имиджу не грозит стать «мыльным пузырем» даже в тех слу-

чаях, когда кто-либо желал бы воспользоваться его внешними достоинствами с неблагоприятными целями. До какой-то степени имидж повторяет очертания владельца и оказывает на него обратное воздействие» [2].

Данный аспект заслуживает особого внимания, так как диаметрально образом меняет угол зрения на имидж: из инструмента манипуляции он превращается в средство развития и совершенствования личности.

В имидже как социокультурном феномене заложен значительный развивающий потенциал. Это не только форма социального поведения, средство влияния на социум и адаптации к нему, но и стратегия саморазвития и самосовершенствования.

Важнейшим условием эффективности индивидуального имиджа является его конгруэнтность – соответствие самоимиджа транслируемому имиджу вовне. Поэтому самый удачный из

всех типов имиджа тот, в котором сочетаются и не противоречат друг другу внутренние и внешние цели его построения.

Таким образом, значимым достижением последних лет в изучении имиджа можно считать переход от манипулятивной объектной парадигмы к гуманистической интерсубъектной, начало которой было заложено работами А. Маслоу, Р. Мэя, К. Роджерса, Э. Фромма и др.

Литература

1. Быстрова Т.Ю. Определение имиджа: аналитика и феноменология. URL: http://www.taby27.ru/tvorcheskie_raboty/50/imagelogija_statji/image_analytic.html (дата обращения: 28.09.2015).

2. Перельгина Е.Б. Имидж как феномен интерсубъектного взаимодействия (Содержание и пути развития): дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 697 с.

КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ КОМПОНЕНТ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Леснов А.В., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и философии
Северо-Восточный государственный университет

Аннотация. Рассматривается вопрос о влиянии принципов эпистемологии конструктивизма на методологические основы герменевтики индивидуальности. Высказывается предположение о том, что в контексте такого влияния значительно возрастет значение коммуникативной характеристики субъекта.

Ключевые слова: конструктивизм, герменевтика, индивидуальность, эпистемология, субъект, коммуникативность.

Abstract. The author offers to consider the question of the influence of the principles of the epistemology of constructivism in the methodological foundations of hermeneutics of individuality. It is suggested that in the context of such influence will significantly increase the value of the communicative characteristics of the subject.

Keywords: constructivism, hermeneutics, individuality, epistemology, subject, communicability.

Внимание к эпистемологии конструктивизма как заметному течению в современной науке началось с опыта философской рефлексии, осуществленной в течение ряда последних десятилетий на границах предметных областей социальных и гуманитарных наук. Претензии конструктивистской эпистемологии в отношении психологии индивидуальности в основном распространяются на те области знания и теоретизирования, в которых возможна содержательная переинтерпретация всего комплекса связей в контексте субъект-объектного

отношения, а также и пересмотр самих семантических полюсов данного отношения [2; 3; 4]. Отсюда возникают вопросы о предлагаемых конструктивизмом альтернативах стандартной модели, которая определяется им как выражение традиции «метафизического реализма». Говоря о традициях «метафизики», конструктивизм наполняет данный термин всеми теми коннотациями, которые происходят от традиционных для западных метафизики и диалектики идей об онтологической самостоятельности субъекта и объекта в их взаимном противопоставлении. Таким образом,

отталкиваясь от тезиса об ограниченности и содержательной нерелевантности «метафизического реализма», с одной стороны, и о непоследовательности традиционного диалектизма – с другой, конструктивизм видит возможности преодоления данных ограничений средствами новой парадигмы, способной переинтерпретировать традиционную проблему субъекта и его индивидуальности в ключе собственных принципов.

Принципиальная новизна конструктивистского подхода здесь определена его отказом от признания самой возможности онтологической фиксации не только объекта, но и субъекта: вместо традиционных понятий эпистемологии (как в философском, так и в конкретно-научном ключе) предлагается рассматривать конструкции, в качестве которых выступают автореферентные семантические континуумы и их содержательно релевантные друг другу совокупности, последовательности, ряды. Радикальный онтологический и методологический разворот, предлагаемый конструктивизмом, означает собой пересмотр всей системы логико-эпистемологических принципов и допущений, лежащих в основе методологических правил конкретных научных областей. Оценка и взвешенный анализ таких претензий возможны лишь в контексте масштабных исследований, которые определяют меру методологической адекватности конструктивистских интенций, однако уже сейчас можно наблюдать умеренное влияние этого нового эпистемологического течения на широкий спектр исследований, особенно в науках социально-гуманитарного направления [1; 4]. В таких случаях происходит умеренная переинтерпретация логико-эпистемологических основ той или иной методологии и соответствующих ей решений.

Такая переинтерпретация отмечается в рамках герменевтического дискурса; она близко подходит к его основам, дополняет его, а также позволяет снять ряд «трудных» проблем, традиционно характерных для герменевтики, но иррелевантных современному научному опыту. Так, проблема понимания, центральная пробле-

ма герменевтики индивидуальности, смещается в другую плоскость, где уже и само понятие индивидуальности как гештальтизированной конструкции выступает в новом для него контексте (авто)референтной значимости и замкнутости, становясь выражением коммуникативности. Например, дополняя понятие «герменевтического круга» и связанной с ним герменевтической интерпретации, П. Ватцлавик, занимавшийся проблемами психотерапии, отмечает, что «суть человеческих отношений... это чистое конструирование, лежащее в области представлений, которые в большей или меньшей степени совпадают у контактирующих сторон» [5, с. 27]. Добавление коммуникативного компонента, на котором акцентирует внимание Ватцлавик, значительно изменяет общую ориентировку герменевтического дискурса индивидуальности. Коммуникативность переносит акценты с проблемы описания сущностных свойств субъекта на его функциональные характеристики, а в смысловом пределе своего применения – полностью снимает саму возможность утверждения о существовании «чистого субъекта», делая понятие такового исключительно инструментальным, т.е. без реального денотата.

Литература

1. *Кезин А.В.* Радикальный конструктивизм: познание «в пещере» // Вестник Московского университета. Сер. 7 «Философия». 2004. № 4. С. 3–24.
2. *Петренко В.Ф.* Конструктивизм как новая парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113–121.
3. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 75–82.
4. *Цоколов С.А.* Радикальный конструктивизм: эпистемология без онтологии? // Вестник Московского ун-та. Сер. 7 «Философия». 1999. № 2. С. 105–117; № 3. С. 71–83.
5. *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Munchen, 2000.

ПЕРЕЖИВАНИЕ «Я МОГУ»: СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Станковская Е.Б., кандидат психологических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. С феноменологической точки зрения сущность субъектности представлена переживаниями «я могу». Для развития субъектности в процессе психологического консультирования полезно обращаться к этим переживаниям непосредственно, содействуя их интеграции в образ «Я» клиента. Представлено краткое описание случая, демонстрирующего реализацию этого принципа.

Ключевые слова: субъектность, экзистенциальный анализ, логотерапия, психологическое консультирование, феноменология.

Abstract. From a phenomenological perspective, the core of personal agency consists of experiences «I can». Thus, to develop one's agency, these experiences may be addressed directly and be integrated in a client's self image during counselling. Brief description of sessions are presented to show how to apply this principle on practice.

Keywords: personal agency, existential analysis and logotherapy, counselling, phenomenology.

Субъектность личности как способность самостоятельно инициировать и осуществлять значимые действия – жить, «руководствуясь» собой, – неизменно находится в центре внимания психологов-практиков. В частности, развитие этой характеристики личности традиционно рассматривается в качестве одной из ключевых целей психотерапии [4; 5]. В то же время в литературе отмечается недостаток феноменологических исследований субъектности [6]. В статье представлена авторская попытка осмысления этой темы и описаны возможности ее применения в процессе психологического консультирования.

В феноменологическом пространстве личности сущность модуса субъекта раскрывается в переживаниях «я могу» [1; 2; 3]. Именно благодаря подобным переживаниям личность обнаруживает и «присваивает» способность влиять на происходящие события, произвольно преобразовывать реальность. Данный класс переживаний обладает также и мотивирующей природой, что подробно раскрыто в переходах «я могу» в «я хочу» в работах В.А. Петровского [1]. Соответственно, одним из способов развития субъектности в процессе психологического консультирования выступает непосредственное обращение к переживаниям «я могу» клиентов и содействие их интеграции в образ «Я».

Рассмотрим конкретные примеры реализации этого принципа в процессе психологического консультирования.

Когда Анна (32 года) впервые пришла на консультацию, она была «раздавлена отчаяньем». Незадолго до этого умерла ее мать, а партнер внезапно оставил ее без разъяснений причин своего ухода. По словам женщины, эти события окончательно выбили и без того шаткую «почву из-под ног». Она оказалась в замкнутом круге: для того чтобы начать процесс горевания, ей

нужно было найти некоторое безопасное внутреннее пространство; в то же время она не могла его обнаружить из-за сильных болезненных чувств, связанных с потерями. Поэтому на начальном этапе консультирования мы направили свои усилия на изучение и восстановление ее субъектности.

В частности, слушая ее историю, я возвращала ей признаки ее субъектности. «Выглядит так, что Вам было очень тяжело столкнуться с болезнью матери. Вместе с тем Вам удалось найти необходимые деньги на лечение и съездить к ней в другой город»; «Вы смогли выдержать собственный страх»; «Больше всего меня затронуло то, что даже в этих ужасных обстоятельствах каким-то образом Вам удалось принять это решение»; «Что было для Вас самым трудным во время похорон? ... Как Вам удалось справиться с этим?» Таким образом, в работе особое внимание уделялось двум аспектам: жизненной ситуации клиентки (ее чувствам, мыслям и действиям по этому поводу) и способности Анны инициировать действия.

Значительная часть первой сессии была посвящена теме злоупотребления. Анна жаловалась на плохое обращение со стороны партнера, членов семьи и матери. Более того, в известной мере она считала подобное обращение с собой нормальным, оправдывала его правомерность в свой адрес. Таким образом, помимо несправедливого отношения со стороны других людей, она, не отдавая себе в этом отчет, страдала от несправедливого отношения к себе. В какой-то момент беседы Анна вдруг упомянула ситуацию, в которой ее отчим вступился за нее. Я попросила ее описать этот опыт более подробно, делая акцент на ее способности вызывать справедливое отношение со стороны других людей: «Что вы чувствовали, получив такое внимания со стороны отчима? ... Как это для Вас – то, что Вы можете

вызывать подобный чувства и действия со стороны других людей? Можете ли рассказать еще немного о том, как Вы сейчас чувствуете себя в связи с этим опытом?»

На следующей встрече мы работали похожим образом над страхами. В частности, я спросила, как именно страх воздействует на нее и какие возможности у нее остаются, несмотря на это. «Выглядит так, что сейчас Вы охвачены страхом, чего конкретно он Вас лишает, что он у Вас отбирает? Что Вы можете сделать, чтобы уменьшить страх? Как это для Вас – то, что Вы можете немного его уменьшить?» Анна отметила, что подобные вопросы помогли ей укрепиться в своей способности принимать решения и почувствовать силу справиться с этой ситуацией. Важно отметить, что речь идет именно о феноменологическом анализе переживаний «я могу»: необходимо, чтобы клиент внутренне обратился к ним, позволил им воздействовать на себя; когнитивного перечисления возможностей оказывается недостаточно.

Литература

1. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
2. Станковская Е.Б. Переживания «я могу»: персонологический опыт реконструкции субъекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 125–132.
3. Старовойтенко Е.Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 121–142.
4. Cooper M. Existential Therapies. London: SAGE Publications, 2003
5. Meekums B. (2006). Embodiment in dance movement therapy training and practice // Payne, H. (Ed) Dance Movement Therapy: Theory, research and practice. 2nd ed. (). London: Routledge, 2006. P. 167–183.
6. Tsakiris S., Schutz-Bosbach S., Gallagher S. On Agency and Body-ownership: Phenomenological and neurocognitive reflections. Consciousness and Cognition. 2007.

ФАСИЛИТАЦИЯ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ КЛИЕНТА В ПРОЦЕССЕ КЛИЕНТОЦЕНТРИРОВАННОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Колпачников В.В., доцент кафедры психологии личности департамента психологии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается сущность фасилитации психотерапевтом самоактуализации клиента в процессе клиентоцентрированной психотерапии. Акцентируются важные теоретические и практические аспекты этого процесса.

Ключевые слова: актуализация, самоактуализация, фасилитация, организмический процесс.

Abstract. The essence of facilitation by the psychotherapist of self-actualizing of the client in the course of a Client-Centered psychotherapy is considered. Important theoretical and practical aspects of this process are emphasized.

Keywords: actualizing, self-actualizing, facilitation, organismic process.

Согласно теории личности и ее изменения, развитой Карлом Роджерсом, движущей силой развития и активности человека является тенденция к актуализации в наличных условиях. Актуализация – это организмический процесс воплощения оптимального способа жизни в имеющихся условиях.

У человека тенденция к актуализации опосредована сознанием, превращаясь в самоактуализацию. Полноценная самоактуализация связа-

на с открытостью опыту, доверием себе, жизнью в настоящем, эмпирической свободой и творчеством [2].

Задачей клиентоцентрированного консультанта является фасилитация самоактуализации клиента. При этом клиент в ситуации психотерапии осмысливает свой актуальный жизненный опыт, прислушиваясь к себе, своим чувствам и интуиции, и ищет ответы на актуальные для него вопросы [1].

Клиентоцентрированный психотерапевт эмпатически сопresentствует поиску и переживаниям

клиента, не теряя контакта с собственным опытом, и тем самым фасилитирует – катализирует, содействует нахождению клиентом наилучших решений возникающих у него проблем.

Важно организмическое соприсутствие организмическому процессу самоактуализации клиента. Это буквально означает «всем организмом» – в единстве его телесной и психической составляющих, – где задействованы телесная настроенность, чувства и интуиция психотерапевта. Об этом необходимо сказать, поскольку опыт супервизии начинающих психотерапевтов показывает, что типичной ошибкой является интеллектуальное (рассудочное) стремление содействовать развитию и поиску клиента. Тогда эмпатия превращается либо в выспрашивание, либо в акцентирование некоторого локального и частного аспекта опыта клиента, который и становится фокусом внимания терапевта, а затем и самого клиента, уводя последнего от настоящих

значимых переживаний, связанных с поиском наилучшей актуализации себя в его жизненной ситуации.

В случае организмического соприсутствия психотерапевта его полная открытость опыту, чуткость и доверие себе позволяют почувствовать и акцентировать те аспекты переживаний и опыта клиента, которые являются центральными для клиента в его поиске и осмыслении наилучшего пути самоактуализации. Акцентирование их для клиента позволяет последнему эффективнее двигаться к самоактуализации.

Литература

1. Колпачников В.В. Деятельность по осмыслению жизненного опыта: статус, процесс и результат // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 7–12.

2. Роджерс К.Р. Становление человека. Взгляд на психотерапию. М.: Прогресс, 1994. 480 с.

ФЕНОМЕН «СОБЕСЕДНИКА» В РЕФЛЕКСИИ ЛИЧНОСТИ

Дербенева А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается феномен «Собеседника» и ресурс, который он в себе содержит в контексте показателей успешности социального позиционирования и экзистенциальной исполненности личности. Делается вывод о наличии связи показателей полноты описания значимых собеседников, адаптивности, экстраверсии, субъективного переживания одиночества и экзистенциальной исполненности личности.

Ключевые слова: собеседник, «Я», Другой, диалог, рефлексия, экзистенциальная исполненность, социальное позиционирование, ресурс.

Abstract. Research is devoted to the phenomenon of Interlocutor and the resources it contains in the context of the successful sociality and existential fulfillment identity. The link between verbal completeness of interlocutors in person's mind, adaptability, extraversion, loneliness, and existential fulfillment proved to be quite strong (adaptability: $r = 0,001$, existential fulfillment: $r = 0,038$).

Keywords: interlocutor, Self, Other, dialogue, reflection, existential fulfillment, social positioning, resource.

«Я» личности открывается в сочетании двух факторов: обособленности, независимости «Я» и в то же время различных зависимостей от субъектов и объектов окружения [1]. Собеседник, представляющий в ипостаси именно близкого Другого-для-личности, раскрывает ее в наиболее полной мере, дарует ей колоссальный ресурс встречи с самой собой, осознания и понимания,

что «Я» могу и чего «Я» не могу [3]. Рассмотрение личностью Других из своего жизненного окружения в качестве «возможных собеседников» раскрывает ее социальное бытие как сферу, полную потенциального партнерства, дружбы, любви, творчества, которые могут быть осуществлены на основе высказываний, текстов, значений, смыслов, рожденных в диалогах с уже обретенными собеседниками [4].

На основе проведенного теоретического и герменевтического анализа было сделано предположение, что полнота рефлексивного охвата взаимосвязанных Собеседников, а также открытость личности к их субъективной активности может способствовать ее эффективному осуществлению в социуме и проживанию своей исполненности в мире среди других людей. В ходе исследования была поставлена задача эмпирического обоснования данного предположения.

Участниками исследования выступили 40 человек в возрасте от 22 до 30 лет. Испытуемым предлагалось заполнить батарею методик, включавшую авторскую исследовательскую методику «Мои Собеседники», Дифференциальный опросник переживания одиночества, опросник аффилиации А. Мехрабиана, шкалу социальной адаптивности, личностный опросник Айзенка и шкалу экзистенции А. Лэнгле. Полнота описания значимых собеседников положительно коррелирует с показателями: субъективная значимость Реального Собеседника (0,045), Идеального Собеседника (0,014), Воображаемого Собеседника (0,000), Тайного Собеседника (0,000), Адаптивность (0,001), Доминирование (0,007), ЭИ (G) (0,038), Самотрансценденция (0,023), Свобода (0,024), Person (0,043). Обладая большим количеством «иных», отличных от «Я» собеседников, личность как субъект «совместного знания» склонна познавать их во все больших

трансформациях, «обновлять» имеющиеся о них данные, тогда как «Я» как свой собеседник является относительно константным, а иногда и труднодостижимым [2].

Результаты свидетельствуют о более высоком уровне экзистенциальной исполненности и успешности социального позиционирования у молодых людей, наиболее полно представивших внутренних и внешних собеседников.

Основными результатами исследования выступили герменевтика феномена «Собеседника» в культурном, научном контекстах, эмпирические данные о пространствах бытия, субъектности, взаимосвязях, полноте рефлексивной данности Собеседников «Я», а также их социальном и экзистенциальном ресурсах в жизни личности.

Литература

1. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гум. литературы, 2008. 416 с.
2. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
3. Старовойтенко Е.Б. Возможности Я в отношении к Другому: герменевтика и рефлексия // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 121–142.
4. Старовойтенко Е.Б. Возможности Я в диалоге с Другим // Мир психологии. 2013. № 4. С. 189–203.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СТАНОВЛЕНИЮ ДУХОВНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Буякас Т.М., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии профессий и конфликта факультета психологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация. Диалогические отношения «Я – Ты» рассматриваются как условия становления духовной индивидуальности. Опыт работы с использованием инициальной психотехники «Работа мечом» показывает, что процесс невербальной коммуникации партнеров открывает возможность феноменологического движения к своей подлинности.

Ключевые слова: внутренняя необходимость, инициальная психотерапия, невербальный диалог, феноменологическое движение.

Abstract. Dialogic relationships «I – You» are considered as conditions of formation of spiritual individuality. Work experience with the use of initial psychotechnics «Work with sword» shows that the

process of nonverbal communication of partners opens the possibility of phenomenological movement to own identity.

Keywords: inner necessity, initial psychotherapy, nonverbal dialogue, phenomenological movement.

В персоналистической традиции личность человека рассматривается как его духовная индивидуальность. О духовной индивидуальности человека мы и будем говорить. Духовное начало возвышает человека над природным и социальным миром, делает его свободным от психофизической и социальной детерминации, ставит в место подлинной, картезианской, свободы. Декарт утверждает, что свобода содержит необходимость в себе, а не вне себя – свобода как осознание внутренней необходимости. Внутренняя необходимость есть голос некоей целостности в человеке, его некоей сокровенной сердцевине. Выслушивая сообщения собственной несомненности, человек воплощает свою индивидуальность – тот уникальный способ, которым он присутствует в мире.

Находясь в измерении своей целостности, он скажет: I am, I become, I happen. От лица Эго говорит: I can, I do, I make, I want, I will, I need, I should. Звучит приказывающая сила Эго. Целое выражает себя силой внутреннего голоса.

Целое в нас никогда не становится объектом, ибо это не то, что человек имеет, а то, что он есть в своей глубинной сердцевине. Однако это не естественный, изначально заложенный в человека и содержательно предопределяющий его замысел, а скорее некое при-звание, пред-назначение, навстречу которому человек раскрывается, которое он всегда должен творчески выслушивать и реализовывать в своей жизни. «Человек есть не предмет, а состояние определенного усилия быть человеком» [1, с. 254].

Это собственное «усилие быть человеком» позволяет Д.А. Леонтьеву говорить о психологии самодетерминируемой личности, которая рассматривает человека как субъекта, т.е. автора собственной жизни. Того, кто способен сам принимать свободные и ответственные решения.

Эту авторскую позицию В.А. Петровский называет самополаганием. На пути самополагания человек «высваивает» себя (М. Хайдеггер), свои возможности, свою потаенность и таким образом становится субъектом (автором) самого себя. Субъектность есть способность быть причиной себя.

Как установиться в это личностное начало, чтобы начать «высваивать» себя? «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому

проникновению в нее» (М.М. Бахтин). Однако диалогические отношения «Я – Ты» (М. Бубер) – очень непростая встреча партнеров: словно проникая друг в друга, им важно сохранить состояние бытия собой. Подобная встреча открывает возможность не только реализовывать себя как личность, но и переживать другого как личность. Из такого сущностного соприкосновения «Я – Ты» образуется межперсональное поле «Мы», в котором происходят взаимообогащающие изменения.

Как попасть в это поле? Инициальная психотерапия Карлфрида Дюркхайма нацелена на то, чтобы понимать своего клиента от Целого и открывать ему возможность для собственного соприкосновения с побудительной силой Целого.

Психотехника инициальной терапии «Работа мечом» открывает возможность такого сущностного соприкосновения средствами невербального диалога. Беря меч в руки, человек начинает понимать, почему к нему с таким почтением относились воины, кузнецы, самураи, жрецы. Работа мечом позволяет сосредоточиться, прочувствовать свой внутренний стержень, почувствовать себя собранным, выстроенным вдоль этого стержня и твердо стоящим на ногах.

Находясь в состоянии полноценного присутствия, человек готов «открыть» себя миру: открыто предъявить себя другому – без масок, не опасаясь, что о нем помыслит партнер.

В парной работе терапевт особым образом сопровождает свободные акты клиента: он производит вслед за ним и вместе с ним свой собственный свободный акт. Это встреча «Я – Ты», в которой сказана и выслушана подлинность каждого. Чтобы такая встреча состоялась, терапевт должен «раскрывающе сопровождать» клиента, т.е. открывать ему возможность высвобождения сообщений своей целостности, с помощью которых Целое само себя сказывает. Сопровождение терапевта устанавливает клиента в процесс феноменологического движения к своей подлинности – к тому, что внешне ничем не детерминируемо: помогает клиенту «упереться в ту скалу под песком» (М. Мамардашвили), которая есть он сам.

Такая встреча устанавливает человека в «тело, не которое он имеет, а в тело, которое он есть» (К. Дюркхайм). Память тела, которое «я есть»,

теперь хранит опыт себя-подлинного, полноценно присутствующего, соответственно, способного заметить потерю этого состояния, заметить, когда коммуникация переходит в стиль «пинг-понг»; опыт иного качества другого, когда тот установлен в свою подлинность; память радости решительного действия, точного высказывания, внутренней

свободы и ясности; своего индивидуального стиля коммуникации и проч.

Литература

1. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Горькая Ж.В., кандидат психологических наук, доцент

Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)

Аннотация. Представлены результаты психофизиологического исследования феномена индивидуальных ценностей. Определена степень согласованности нормативных и индивидуальных ценностей. Выявлены особенности взаимосвязи лексического и аффективного компонентов в структуре индивидуальных ценностей. Обосновано выделение эксплицитных и имплицитных компонентов в системе ценностных ориентаций личности.

Ключевые слова: феноменология ценностей, лексический и аффективный компоненты, психофизиологическое исследование ценностей, эксплицитные, имплицитные ценности.

Abstract. The results of the psycho-physiological studies of the phenomenon of individual values. The degree of regulatory consistency and individual values. The features of the lexical relationship and affective components in the structure of the individual values. Substantiated selection explicit and implicit components in the system of value orientations of the individual.

Keywords: phenomenology of values, lexical and affective components psychophysiological study of values, explicit, implicit values.

Современный человек принимает значимые решения в ситуации очевидного конфликта социальных ценностей. Действительность, отражаясь в сознании, образует систему разнонаправленных, а порой и взаимоисключающих ценностных предпочтений. В таком случае особенно важным является понимание того, что имеет в виду человек, говоря о том, какой ценностной ориентации он придерживается [2; 3].

Категория ценности как предельно общее понятие включает в себя все богатство представлений, позволяющее в гегелевской традиции понимания сходства сохранять многообразие в единичном понятии. Таким образом, ценность в предельно общем понимании выступает самой бедной в содержательном смысле категорией. Индивидуальное, субъективное наполнение всеобщих ценностей, выступающее как акт субъективных переживаний, отличается максимальным разнообразием и отражает особенности отноше-

ния к себе и предпочитаемый способ адаптации в действительности [1; 2].

Феномен ценности анализировался через лексическое значение, определяющее направленность на какой-то более или менее определенный объект и эмоциональное переживание, которое при этом возникает.

Целью исследования было описание индивидуальных особенностей в восприятии всеобщих ценностей.

Предметом исследования выступало индивидуальное значение ценности как переживания, как особой, объективно существующей реальности, проявляющейся в комплексе психофизиологических характеристик (длительность, необратимость, последовательность, темп и проч.).

Для определения взаимосвязи лексического и аффективного компонентов в структуре индивидуальных ценностей проводилось экспериментальное исследование, состоящее из двух фаз: тестовой и экспериментальной. В качестве диа-

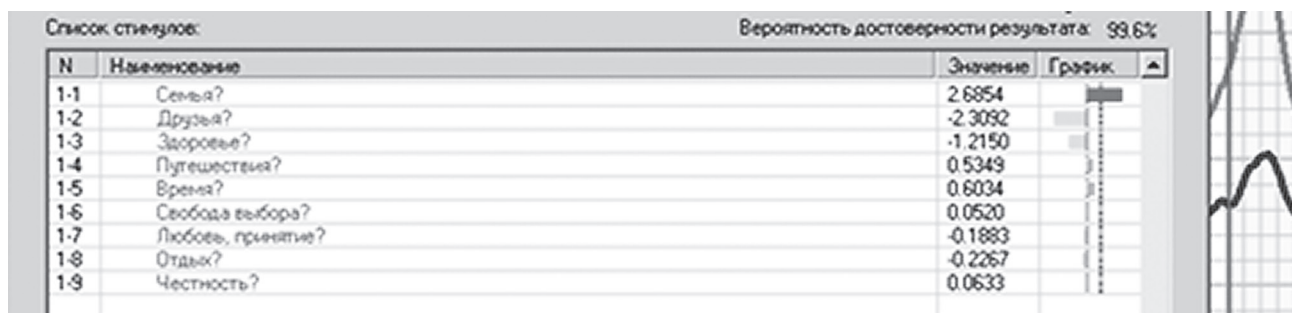

Рис. 1. Индивидуальный профиль ценностей личности

гностического инструментария в тестовой фазе использовалась методика рефлексивных ценностных выборов [2; 4], в экспериментальной фазе применялась батарея психофизиологических тестов.

При определении лексического значения ценности испытуемый делал два выбора: нормативных ценностей референтной группы и личный выбор. На основании личного выбора составлялась иерархия индивидуальных ценностей личности. Ценности, которые признавались испытуемым недостаточно важными или «не самыми главными», в экспериментальной фазе не использовались. Многоканальное психофизиологическое исследование позволяло фиксировать кожно-гальваническую реакцию, фотоплетизмограмму, амплитуду дыхания и частоту сердечных сокращений испытуемого. Батарея тестов включала стимульный адаптационный тест, тест общих контрольных вопросов, тест пика напряжения, тест оценки психологической значимости. На основании психофизиологических реакций респондентов составлялся индивидуальный профиль ценностей личности. Пример индивидуального профиля ценностей личности представлен на рис. 1.

Обработка полученных результатов ($n = 370$, $p < 0,05$) позволила разделить все ценности индивидуального профиля на эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные (осознаваемые) ценности характеризуются соответствием лексического и аффективного значения. Имплицитные (неосознаваемые) ценности обнаруживают

различия лексического и аффективного значений. В зависимости от выраженности психофизиологических реакций имплицитные ценности могут быть разделены на имплицитно значимые и незначимые.

Статистическая обработка полученных результатов позволяет говорить о том, что имплицитные ценности при высокой согласованности нормативных и личных выборов субъекта согласуются с нормативным выбором личности ($n = 67$, $r = 0,46$, $p < 0,05$).

При отрицательных значениях согласованности внутриличностных ценностных предпочтений имплицитные значения не согласуются с личными выборами субъекта ($n = 102$, $p < 0,05$).

Таким образом, выделение лексического и аффективного компонента в системе ценностей личности позволяет описать индивидуальное своеобразие ценностных переживаний, определяющих реальное поведение человека.

Литература

1. Горькая Ж.В. Психология ценностей: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 96 с.
2. Знаков В.В. Ценности как проблема психологии человеческого бытия // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 83–93.
3. Петровский В.А. Человек над ситуаций. М.: Смысл, 2010. 559 с.

ФОРМЫ ГЕНЕЗА «Я» В ОТНОШЕНИИ К ДРУГОМУ

Старовойтенко Е.Б., доктор психологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследуется проблема концептуального моделирования форм генеза «Я» в отношении к Другому. Способом решения проблемы стала разработка взаимно преломляемых теоре-

тических моделей: модели базовых условий развития «Я», модели зрелых свойств «Я», модели форм генеза «Я» в отношении к Другому. Выделены следующие формы генеза «Я»: развитие «Я» в отношении к Другому, необретение «Я» в Другом, потеря «Я» в Другом, открытие Другого в «Я», усиление «Я» в отношении к Другому.

Ключевые слова: личность, индивидуальное «Я», отношение, Другой, генез, условия развития, свойства «Я», формы генеза, модель.

Abstract. The problem of conceptual modeling of the forms of the Genesis of I in relation to Other is studied. Solution offered to the problem is the development of mutually refracting theoretical models: the model of basic terms of development of I, the model of mature features of I, the model of forms of genesis of I in relation to the Other. The following forms of genesis of I are found: development of I in relation to Other, non-acquisition of I in Other, loss of I in Other, discovery of Other in I, strengthening of I in relation to Other.

Keywords: personality, individual I, relation, Other, genesis, conditions of development, features of I, forms of genesis, model.

Становление «Я» выступает предметом поиска в западной и отечественной психологии развития, культурно-исторической психологии, психологии рефлексии, имеет обширные перспективы в современной психологии личности. В данной области психологического познания наиболее распространены акценты на развивающий потенциал и зрелость «Я» личности как основы ее субъектной активности в мире, самопознания и конструктивного обращения с бессознательным. На наш взгляд, они должны быть дополнены акцентами на индивидуальные отклонения в развитии высших свойств «Я», разрешение и неразрешение противоречий генеза «Я», жизненные отношения личности, где «Я» реализует или не реализует «критические» возможности своего становления. Особое значение в индивидуализации генеза «Я» принадлежит отношению к значимому Другому в «измерениях» между-»Я»-и-Другим, «Я»-в-Другом, Другой-в-»Я», «Я»-в-себе.

Наше исследование «Я» в отношении к Другому основывалось на интерпретации и новом синтезе релевантных идей философско-психологических концепций М. Хайдеггера, М.М. Бахтина, Ж.-П. Сартра, П. Рикера, Э. Левинаса, М.К. Мардашвили,

Проблемой исследования выступило концептуальное моделирование форм генеза «Я» в отношении к Другому, заключающем, как богатые возможности для развития «Я», так и ограничения, противоречия, перспективу утраты потенциала этого развития.

Способом *решения* данной проблемы стала последовательная разработка взаимно преломляемых теоретических моделей: модели базовых условий развития «Я», модели зрелых свойств «Я», модели форм генеза «Я» в отношении к Другому. В процессе моделирования были намечены критерии различения форм генеза «Я»: рефлексия

личностью различных «измерений» отношения к Другому; активность «Я» в реализации возможностей и разрешении противоречий отношения к Другому; зрелость свойств «Я» в отношении к Другому (свойств быть самостью и основанием себя, свойств реальности, фактичности, телесности, означенности, идентичности, самотождественности, сохранения себя, диалогичности, субъектности).

В результате исследования были намечены следующие формы генеза «Я»:

- ◆ развитие «Я» в отношении к Другому – рефлексия, конструктивное разрешение противоречий «Я» во всех «измерениях» отношения к Другому, открытие себя как ценности для Другого. Утверждение своей самости, реальности, фактичности и телесности, достижение идентичности, самотождественности, диалогичности, субъектности, уникальной означенности, способности быть основанием себя;
- ◆ необретение «Я» в Другом – отсутствие рефлексивной фокусировки на представленности себя во внутреннем мире Другого при смещении активности в измерение между-»Я»-и-Другим. Принятие «Я» власти Другого над собой или установление собственной власти над ним во внешнем взаимодействии, отчуждение от поиска своей внутренней значимости для Другого и его ценности для своего развития. Отсутствие перспектив «Я» в становлении идентичности, диалогичности субъектности, самотождественности, уникальной означенности, осознания необходимости Другого;
- ◆ потеря «Я» в Другом – рефлексия своей непредставленности или искаженной данности во внутреннем мире значимого Другого, сознание утраты части своего бытия, связанной с существованием и самопознанием «Я»-в-Другом, неразрешение этого противоречия.

Ограничения в утверждении «Я» своей фактичности, телесности, диалогичности, разносторонней субъектности, означенности другой индивидуальностью, возможный регресс способности испытывать необходимость Другого;

- ◆ открытие Другого в «Я» – рефлексия личностью высокой значимости Другого в своей внешней и внутренней жизни, богатства его потенциалов, к которым можно встать в объективное и субъективное отношение. Освоение и умножение возможностей Другого с признанием его свободы. Диалог «Я» – Другой-в-«Я» без отождествления с «моим Другим». Развитие «Я» своей идентичности, самоидентичности, диалогичности, свойств сохранять себя, испытывать необходимость Другого и быть возможностью себя;
- ◆ усиление «Я» в отношении к Другому – рефлексивное раскрытие новых возможностей Другого для развития «Я» во всех измерениях отношения к нему. Повышение на этой основе активности «Я» во внешнем взаимодействии с Другим, в познании «Я»-в-Другом, в диалоге «Я» – Другой-в-«Я», в диалоге «Я» – «Я»-в-себе. Вовлечение потенциалов Другого в достижение «силовых» паритетов и преимуществ «Я» в отношении к Другому. Развитие способности быть самостью, основанием себя, самоидентичности, сохранения себя при

возможной редукции диалогичности и идентичности.

Выделенные формы конструктивного и деструктивного генеза «Я» в отношении к Другому могут служить концептуальными координатами при интерпретации индивидуальных случаев в контексте психологического консультирования.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986.
2. Левинас Э. Путь к Другому / пер. Е. Бахтиной). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 2007.
3. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути // М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт. 1997.
4. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 2008.
5. Сартр Ж. – П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика. 2002.
6. Старовойтенко Е.Б. Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект. 2015.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект. 2013.

ФОРМЫ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Гусейнов А.Ш., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Аннотация. Дано концептуальное обоснование дифференциации протестных форм на негативизм, эскапизм, оппозицию, нигилизм, высший эскапизм, эмансипацию. Показано, что различия в протестных формах обусловлены особенностями субъектной активности и экзистенциального самоопределения личности, проявляющих способы удовлетворения экзистенциальных потребностей.

Ключевые слова: становление протестных форм, дифференцирующие признаки, экзистенциальное самоопределение, субъектность, модусы бытия.

Abstract. The article gives conceptual justification of differentiation of protest forms on negativism, escapism, opposition, nihilism, the highest escapism, emancipation. It is shown that differences in the protest forms are due to the peculiarities of subjective activity and existential personal identity of personality which reveal ways of satisfaction of existential needs.

Keywords: formation of protest forms, differentiating features, existential personal identity, subjectivity, modes of being.

Растущий интерес научного сообщества к онтологическому аспекту существования человека (проблемам субъектности, свободы, ответственности, духовных усилий, стойкости, личностного выбора) [3; 6; 7] связан с попыткой объяснить вариативность индивидуальных способов бытия личности. А.В. Петровский и В.А. Петровский, обосновывая несостоятельность объяснения интегральных феноменов в контексте адаптивной парадигмы, отмечают: «Мысля личность свободной, мы раскрываем перед ней простор самоопределения... привязывая ее к решению задач адаптации, мы сковываем личность, лишаем ее спонтанности» [4, с. 96]. Поэтому мы отошли от принятого в психологии рассмотрения протеста как абстрактного, однозначно деструктивного, вырванного из жизненной ситуации феномена и сразу ввели проблему в бытийный контекст, включающий социокультурный, исторический, экзистенциальный аспекты реальности. Использование субъектного подхода в качестве принципа позволило расширить ценностно-смысловые контексты решаемой проблемы и сконцентрироваться на сложной диалектике внешнего и внутреннего, порождающей различные протестные формы. В контексте концепции протестной активности личности [1; 2] разработана типология протестных форм, выделены и проанализированы деструктивные (негативизм, эскапизм, оппозиция, нигилизм) и конструктивные формы (высший эскапизм, эмансипация), связанные с особенностями субъектной активности и экзистенциального самоопределения личности. В процессе концептуализации протестных форм мы обращали внимание на кардинальные различия в спектре, масштабе, осознанности, движущих силах и причинах протеста, который варьируется от неосмысленного, стихийного действия до поступка, «неоправданного с точки зрения низших биологических регуляторов, но уникального и предельно осмысленного с точки зрения высших человеческих ценностей» [3, с. 37]. При выделении форм мы опирались на разработанные С.Л. Рубинштейном положения о стихийном и рефлексивном способах существования, тождественных сущности личности, каждый из которых характеризуется качественной определенностью его субъектов [5], а также на их конкретизацию в концепции бытия личности в экстремальных условиях с выделением модуса бытия [6]. Опора на данные положения позволила выделить критерии дифференциации протест-

ных форм по основаниям: ценностно-смысловая направленность личности, особенности мотивационно-потребностной сферы, конструирование «образа мира», характер противоречий. Обнаружено, что деструктивным и конструктивным формам соответствуют разные типы противоречий (ценностно-смысловые, внутриличностные, экзистенциальные, в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность – общество» и «личность – государство»). Анализ противоречий позволил уяснить степень конструктивности взаимодействия личности и общества, установить специфику протестных форм и получить представление о вариантах самоопределения личности: бездуховно-бесплодном, деструктивном и конструктивно-преобразовательном, творческом. В дальнейшем в качестве одного из основных дифференцирующих признаков деструктивных/конструктивных форм выделена субъектность. Введение в анализ данного конструкта позволило дополнительно заострить специфику форм, различия в которых связаны с типом личностной субъектности (ложной/истинной), обусловленной объектным или субъектным тяготением личности [2]. Кроме того, протестные формы дифференцированы по способам удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации [1]. Обращение к взглядам Э. Фромма, М. Мамардашвили и К. Ясперса, касающимся подлинной независимости, выбора самобытия или отказа от него и определения формой, возникающей среди людей, позволило уточнить философские основания дифференциации деструктивных и конструктивных протестных форм и их содержательное наполнение.

Литература

1. Гусейнов А.Ш. Генезис радикальных форм протестной активности личности // Армия и общество. 2015. № 2. С. 114–120.
2. Гусейнов А.Ш. Проявления субъектности в формах протестной активности личности // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5. С. 148–151.
3. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
4. Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальный строй психологии сегодня // Развитие личности. 2014. № 2. С. 92–124.

5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М.: Питер, 2003.

6. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуля бытия. Краснодар: КубГУ, 2006.

7. Шиповская В.В. Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Известия СГУ. 2013. № 4–2 (28). С. 89–93.

ЭФФЕКТ САМООБМАНА В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

Золотарева А.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных, психологических и правовых коммуникаций

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Аннотация. Представлены размышления об эффекте самообмана как адекватной и желательной реакции респондента на психодиагностику. Приводятся научные доказательства и практические следствия данного положения.

Ключевые слова: самообман, социальная желательность, психодиагностика, психометрика.

Abstract. The paper presents the reflections about the effect of self-deception as an adequate and desirable response of the subject on the psychodiagnostics. The author provides scientific evidence and practical implications of this proposition.

Keywords: self-deception, social desirability, psychodiagnostics, psychometric.

Любая попытка психолога изучить психическую реальность или душу конкретного человека неустанно рискует получить на выходе фальшивую картину мира. Причина подобного риска двояка. С одной стороны, достоверное измерение названных объектов требует крайне высоких стандартов от средств психодиагностики (с которыми, к сожалению, далеко не все методы и методики в состоянии справиться). С другой стороны, даже при исключении ошибки первого рода у респондента всегда остается шанс как нечаянного, так и вполне осознаваемого искажения результатов диагностики. Если с качеством психодиагностических средств все более-менее ясно и просто (чем выше уровень и качество методики, тем успешнее результат тестирования), то с индивидуальным сознанием респондента и его отношением к диагностике следует считаться в каждый момент происходящего измерения.

Как правило, в психологии об искажении психической реальности в процессе или результате диагностики говорят в контексте эффекта социальной желательности. Канадский психолог Д. Паулус тщательно проработал концепцию данного феномена, понимаемого им как склонность респондента давать необоснованно позитивные самоописания [5]. Важным моментом является то, что Д. Паулус различает в самообладании сознательно избранное респондентом искажение результатов психодиаг-

ностики (impression management, или управление впечатлениями) и неосознаваемую установку на приукрашивание собственных оценок (self-deception, или самообман) [4]. Собственно говоря, на протяжении последних десятилетий преодоление сознательного искажения самоописаний представляет обыденную задачу психометриков. Сложнее обстоит дело с эффектом самообмана, когда речь идет о неосознанной переоценке своих возможностей и собственной успешности.

Несомненно, роль самообмана в искажении результатов диагностики очевидна. Однако прежде чем искать пути преодоления данного эффекта, необходимо разобраться в его природе. Во-первых, в психологии описан феномен так называемого депрессивного реализма, в соответствии с которым люди в обычном душевном состоянии склонны идеализировать свой образ, а в состоянии депрессии оценивают себя более реалистично [2]. В этом случае самообман является адекватной реакцией респондента на ситуацию вторжения в его личное пространство. Во-вторых, самообман, по сути, порождает иллюзию контроля как собственной жизни, так и ее самоописаний у респондента, что вопреки распространенному стереотипу о пагубном влиянии такого состояния на реальное положение дел помогает человеку преодолевать жизненные трудности [3]. В этом смысле самообман выступает уже желательной реакцией респондента на психодиагностику.

Самообман, признанный адекватно-желательной реакцией респондента на психологическое измерение его душевной организации, перестает быть угрозой для процесса и результата диагностики. Практическим следствием данного заключения следует считать не столько то, что психодиагност вправе закрывать глаза на погрешности измерения, связанные с эффектом самообмана его респондента, сколько то, что психометрик, имеющий дело с самой тканью психической жизни, при создании измерительных средств должен с ювелирной точностью соотносить иллюзорное и реальное видение мира. В остальном можно смело довериться тонкому наблюдению Р. Мэя о том, что «если иллюзия по-настоящему действенна, это уже не совсем иллюзия» [1, с. 161].

Литература

1. Мэй Р. Любовь и воля. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер» 1997.
2. Alloy L.B., Abramson L.Y. Judgment of contingency in depressed and nondepressed students: Sadder but wiser? // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1979. Vol. 108. P. 441–485.
3. Giannetti E. Lies we live by: The art of self-deception. London: Bloomsbury, 2000.
4. Paulhus D.L. Manual for the Balanced Inventory of Desirable Responding. Toronto: Multi-Health Systems, 1998.
5. Paulhus D.L. Socially Desirable Responding: The evolution of a construct // *The role of constructs in psychological and educational measurement* / H.I. Braun, D.N. Jackson, D.E. Wiley (Eds.) Mahwah (NJ): Erlbaum. 2002. P. 49–69.

Раздел X

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л.</i> Агрессивное поведение у обских угров: гендер и культура	444
<i>Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Галяпина В.Н.</i> Ассимиляция или интеграция: несоответствие аккультурационных установок мигрантов и принимающего населения в Центральном федеральном округе России	445
<i>Татарко А.Н., Лепшокова З.Х.</i> Всегда ли интеграция ведет к субъективному благополучию? Межкультурные отношения в Кабардино-Балкарии	447
<i>Чистовский Д.И.</i> Гражданская идентичность в современных психологических исследованиях	448
<i>Берберян А.С.</i> Исследование представлений об этнокультурном идеале в структуре самоидентификации студенческой молодежи	450
<i>Феденок Ю.Н., Буркова В.Н.</i> Кросскультурное исследование концепта «идеального дома» в городской молодежной среде: Россия и Танзания	451
<i>Завгородняя Е.В.</i> Культура в контексте индивидуализации человека	453
<i>Хотинец В.Ю.</i> Культурные ценности и экономическая культура	455
<i>Зацепин А.С.</i> Межкультурные различия в функциональной нагрузке структурных единиц автобиографической памяти (Баку, Ташкент, Москва)	456
<i>Бутовская М.Л., Карелин Д.В.</i> Меру Танзании и их соседи: установки на оказание помощи своим и чужим	458
<i>Аникеенко О.А.</i> Некоторые особенности восприятия справедливости наказания русскими и татарами	459
<i>Татарко А.Н., Лебедева Н.М., Берри Дж. У.</i> Опасны или выгодны межкультурные контакты для общества и личности. Межкультурные отношения в России и Латвии	461
<i>Медведева Т.Ю., Старостина Е.С.</i> Особенности восприятия молодежью рекламных образов в сети интернет в контексте современной массовой культуры	462
<i>Ковалёва Ю.В.</i> Особенности просоциального поведения личности	464
<i>Знаменская И.И.</i> Отношение к животным в русской и казахской культурах	466

<i>Маслова О.В.</i>	
Представления о любви: результаты кросс-культурного исследования	467
<i>Постникова Д.В., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л.</i>	
Проявление черт личности в игровом поведении школьников г. Тольятти.....	468
<i>Ермакова Е.С., Чернова Г.Р.</i>	
Психологическая адаптация женщин к новым кросс-культурным условиям	470
<i>Норобейникова Я.П.</i>	
Психологические механизмы продуктивного совладающего поведения в поликультурных условиях	471
<i>Фанталова Е.Б.</i>	
Психотерапия и музыка: о восприятии песнопений иеромонаха Романа современниками.....	473
<i>Тушнова Ю.А.</i>	
Репрезентация профессиональной сферы в системе значений студентов арабской, армянской и русской национальностей.....	474
<i>Митина О., Чукарин Б.</i>	
Связь ценностно-смысловой сферы и некоторых характеристик личностного потенциала в юношеском возрасте (на материале студентов г. Ташкента).....	476
<i>Котова М.В.</i>	
Социально-психологические факторы принятия политики мультикультурализма в России.....	477
<i>Хван А.А.</i>	
Социокультурная ситуация как фактор личностных особенностей городских и сельских подростков	479
<i>Павлова О.С.</i>	
Структура и виды социальной идентичности мусульман Северного Кавказа	481
<i>Молчанова Н.В., Гриценко В.В.</i>	
Фольклор как фактор становления этнической идентичности младшего школьника	483
<i>Татарко А.Н., Миронова А.А.</i>	
Ценности и доверие как факторы отношения личности к коррупции: кросс-культурный анализ.....	484
<i>Налиненко А.А.</i>	
Ценностно-смысловые факторы намерений личности в условиях принудительной социальной изоляции	486
<i>Алишев Б.С.</i>	
Этноконфессиональные аспекты удовлетворенности жизнью русских и татар	488
<i>Григорьев Д.С.</i>	
A Theoretical Model of the Socio-Economic Adaptation of Immigrants: the Case of Russian-Speaking Immigrants in Belgium	489
<i>Dubrov D.I.</i>	
Similarities and differences in values of adolescents and their parents in urban and rural area.....	491

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ОБСКИХ УГРОВ: ГЕНДЕР И КУЛЬТУРА¹

Буркова В.Н., кандидат исторических наук
Феденко Ю.Н., кандидат исторических наук
Бутовская М.Л., доктор исторических наук, профессор
Институт этнологии и антропологии РАН

Аннотация. Представлены результаты анализа агрессивного поведения у обских угров (ханты и манси) с учетом влияния пола, возраста и культуры. В основу исследования легли полевые материалы, собранные в Ханты-Мансийском автономном округе в течение ряда лет.

Ключевые слова: ханты, манси, агрессия, агрессивное поведение.

Abstract. In this paper we present the data on aggressive behavior in Ob Ugric people (Khanty and Mansi) and demonstrate the role of gender, age and culture in self-ratings on aggression. This study is based on field data collected by us in Khanty-Mansiyskiy Autonomous Okrug.

Keywords: Khanty, Mansi, aggression, aggressive behavior

Агрессия – комплексный биосоциальный феномен, присутствующий во всех без исключения человеческих обществах. В экспрессии различных форм агрессивного поведения существенную роль играют как культурные, так и биологические факторы [1]. Во всех культурах жестко регламентируются рамки дозволенной агрессии и присутствуют механизмы контроля агрессивного поведения. Степень терпимости общества к агрессии и способы ее выражения существенно варьируются на кросс-культурном уровне [6]. На последнее существенное влияние оказывают различные факторы (гендерные, социальные, экологические, контакты с другими культурами и т.д.) [2].

Данное исследование проводилось в 2009–2011 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе. Нами было опрошено 409 ханты и манси, в том числе 143 мужчины и 266 женщин в возрасте от 16 до 70 лет. Исследовательская работа проводилась с респондентами, поведение которых не выходит за пределы нормы. Ханты и манси – два близкородственных народа, относящиеся к малочисленным народам Западной Сибири. На протя-

жении всей истории они изучаются вместе и имеют общее название – обские угры [4].

Агрессивное поведение было измерено методом самооценки с помощью опросника по агрессии Басса-Перри [5]. Мы использовали русскую версию опросника, переведенную, валидизированную и многократно апробированную нами в предыдущих исследованиях [1; 2]. Для статистической обработки данных применялась программа SPSS-15.

Как и в большинстве изученных культур, у обских угров были выявлены гендерные различия агрессивного поведения. Мужчины ханты и манси имеют более высокие оценки по физической агрессии, чем женщины, что согласуется с большинством работ других исследователей, проведенных на различных выборках [1; 2; 3; 6]. Это доказывает, что применение физической силы в конфликтах среди мужчин – универсальная черта поведения человека, встречаемая во всех культурах. Женщины – ханты и манси, при сравнении с женщинами из других культур, как и русские женщины, выделяются более высоким уровнем физической агрессии. Возможно, это связано с тем, что респондентки не скрывают

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-36-01027.

самых фактов агрессии при ответах на вопросы. Выявлена также связь уровня физической агрессии с возрастом: у женщин она снижается после 18–25 лет, у мужчин такого резкого снижения не наблюдается – в более старшем возрасте они также зачастую используют физическую силу.

Гендерные различия в вербальной агрессии у обских угров оказались незначимы, так же как и во многих других культурах [3]. В то же время только у русских и обских угров женщины имеют чуть более высокие оценки по этому виду агрессии, тогда как в остальных выборках – мужчины. Видимо, на этот тип агрессии большое влияние оказывает культурный контекст, тогда как физическая агрессия более предопределена биологическими различиями мужчин и женщин [1; 2; 3]. Гнев и враждебность как тип агрессии чаще используют женщины ханты и манси, чем мужчины. По этим параметрам культура обских угров схожа с изученными английской, немецкой и голландской культурами [3].

Результаты проведенного исследования еще раз показали, что применение физической силы в конфликтах – универсальная черта мужского поведения, наблюдающаяся в большинстве изученных культур. Также однозначно можно отметить, что использование любых видов агрессии с возрастом снижается. Использование таких видов агрессии, как вербальная агрессия, гнев

и враждебность, скорее можно отнести к видам агрессии, формирующимся под влиянием культуры.

Литература

1. Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека. М.: Научный мир, 2006.
2. Буркова В.Н. Агрессивное и постконфликтное поведение детей и подростков в кросскультурной перспективе (на примере русских и осетинских школьников): дис. ... канд. истор. наук. Москва. 2011.
3. Агрессивное поведение у народов ханты и манси: этнический аспект / В.Н. Буркова, Ю.Н. Феденок, Д.А. Дронова и др. // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. [Электронный документ].
4. Пивнева Е.А. Из истории этнографического изучения манси // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 23–26.
5. Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. No 63. P. 452–459.
6. Sex differences in 2D:4D and aggression in children and adolescents from five regions of Russia / M. Butovskaya, J. Fedenok et al. // American Journal of Physical Anthropology. 2013. No 152. P. 130–139.

АССИМИЛЯЦИЯ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ: НЕСООТВЕТСТВИЕ АККУЛЬТУРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РОССИИ¹

Рябиченко Т.А.

Лебедева Н.М., доктор психологических наук, профессор

Галяпина В.Н., кандидат психологических наук, доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования взаимных установок русских и мигрантов из Центральной Азии, проведенного в Центральном федеральном округе. Участниками исследования стали 168 мигрантов (возраст от 19 до 66 лет, 66 % мужчин) и 158 русских (возраст от 19 до 69 лет, 22 % мужчин). Основной целью исследования была проверка трех гипотез в группе русского этнического большинства и группах этнических меньшинств: гипотезы контакта, гипотезы интеграции и гипотезы мультикультурализма. При обработке данных ис-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 15-18-

пользовался путевой анализ. Гипотезы интеграции и контакта получили полное подтверждение в группе русских, и частичное – в группе мигрантов. Гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично.

Ключевые слова: ассимиляция, аккультурация мигрантов, мультикультурализм, интеграция, адаптация, межкультурные отношения

Abstract. This work presents the results of an empirical study of mutual attitudes of Russians and migrants from the Central Asia in Central Federal District of Russia. 168 migrants (aged from 19 to 66, 66 % males), and 158 ethnic Russians (aged from 19 to 69, 22 % males) participated in the study. Our main objective was to test three hypotheses in Russian ethnic majority and Asian minority groups: the contact hypothesis; integration hypothesis; and multiculturalism hypothesis. Data processing was carried out using path analysis. Contact hypothesis and Integration hypothesis was fully supported in the Russian sample and partially supported in the sample of migrants. Multiculturalism hypothesis was partially supported.

Keywords: assimilation, acculturation of migrants, multiculturalism, integration, adaptation, intercultural relations

В период с 2000 до 2013 г. в общем миграционном потоке в Россию количество мигрантов из Центральной Азии выросло с 24,4 до 40,4 % [3]. В настоящее время данная категория мигрантов является самой многочисленной среди групп мигрантов на российском рынке труда. Для большинства ее представителей миграция в Россию является стратегией, позволяющей повысить качество жизни своих семей. В то же время аккультурационные ожидания представителей принимающего населения могут не совпадать с аккультурационными установками мигрантов, поэтому психологические последствия межкультурного взаимодействия могут различаться при выборе различных стратегий этого взаимодействия.

В основу исследования легла теория аккультурации Дж. Берри [1]. В исследовании проверялись три гипотезы: контакта, интеграции и мультикультурализма [2]. В гипотезе контакта выдвигается предположение о том, что контакты с представителями других этнических групп ведут к большему взаимному принятию членов этих групп. В гипотезе интеграции предполагается, что отдельные индивиды или группы, оказывающиеся в ситуации принадлежности как к собственной культуре, так и к культуре принимающего общества, достигают большего успеха в жизни и лучше адаптируются. Согласно гипотезе мультикультурализма уверенность в сохранении собственной идентичности и безопасности своей группы ведет к принятию других и к улучшению межгрупповых отношений.

В исследовании применялся метод социально психологического опроса. Были использованы шкалы опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies), переведенные

и адаптированные для российской выборки. При обработке данных применялся путевой анализ.

Участниками исследования стали 168 мигрантов из Узбекистана и Таджикистана (возраст 19–66 лет, 88 узбеков и 80 таджиков, 103 мужчины и 65 женщин) и 158 русских (возраст 19–69 лет, 34 мужчины и 124 женщины).

В группе мигрантов частота межкультурных контактов оказалась позитивно взаимосвязанной с этнической толерантностью. В группе русских данная взаимосвязь тоже оказалась позитивной, не значимой. Межгрупповые контакты в группе русских негативно взаимосвязаны с установками на ассимиляцию и позитивно – с установками на интеграцию мигрантов. В группе мигрантов сходных взаимосвязей не обнаружено. Таким образом, гипотеза контакта полностью подтвердилась в группе русских и получила частичное подтверждение в группе мигрантов.

Установки на ассимиляцию в группе мигрантов приводят к их успешной социокультурной адаптации и удовлетворенности жизнью, в то время как установки на интеграцию позитивно взаимосвязаны с самоуважением представителей данной группы. В группе русских предпочтение интеграции позитивно взаимосвязано как с самоуважением, так и с удовлетворенностью жизнью, полностью подтверждая гипотезу интеграции.

Позитивные взаимосвязи между воспринимаемой безопасностью и мультикультурной идеологией найдены в обеих группах. При этом воспринимаемая безопасность оказалась не взаимосвязанной с этнической толерантностью. То есть гипотеза мультикультурализма нашла лишь частичное подтверждение.

Литература

1. *Berry J.W.* Immigration, Acculturation, and Adaptation. *Applied Psychology // An International Review*. 1997. Vol. 46. No. 1. P. 5–68.

2. *Berry J.W.* Intercultural Relations in Plural Societies: A Comparative Perspective. *The Contri-*

bution of Diversity to Social Cohesion. Brill Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 279–295.

3. Regional migration report: Russia and Central Asia / Ed. Di Bartolomeo A., Makaryan Sh., Weinar A. European University Institute. Migration Policy Centre, 2014. 73 p.

ВСЕГДА ЛИ ИНТЕГРАЦИЯ ВЕДЕТ К СУБЪЕКТИВНОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ? МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ¹

Татарко А.Н., доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Лепшокова З.Х., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследование направлено на изучение межкультурных отношений между представителями титульного населения и русскими в Кабардино-Балкарии путем проверки трех гипотез межкультурных отношений. В результате исследования выявлено, что у русских стратегия интеграции отрицательно связана с их субъективным благополучием, тогда как контакты с кабардинцами и балкарцами наоборот способствуют ему. У кабардинцев и балкарцев аккультурационные ожидания интеграции и ассимиляции положительно связаны с их субъективным благополучием.

Ключевые слова: стратегии аккультурации/аккультурационные ожидания, межкультурные контакты, межкультурные отношения, мультикультурная идеология, удовлетворенность жизнью, воспринимаемая безопасность.

Abstract. This study examines intercultural relations between representatives of the titular population and Russians in Kabardino-Balkaria by empirical testing of three hypotheses of intercultural relations. The results showed that the integration strategy of Russians is negatively related to their well-being, but contacts with Kabardins and Balkars is positively related to well-being. While acculturation expectations of integration and assimilation of Kabardins and Balkars are positively related to their subjective well-being.

Keywords: acculturation strategies/expectations, intercultural contact, intercultural relations, multicultural ideology, life satisfaction, perceived security.

Представленное исследование посвящено проверке трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта), которые были сформулированы Д. Берри [3] и проверены в разных странах [4]. В фокусе данного исследования – проверка данных гипотез в Кабардино-Балкарии.

Кабардино-Балкария является одной из республик Северного Кавказа, в которой кабардинцы, русские и балкарцы составляют более 90 % населения республики. Данные этнические группы живут мирно вместе не в одном поколении, но, несмотря на это, в последние десятилетия заметно увеличился отток русского населения из республики [1]. По мнению известного северокавказского

© Карнацкая Е.А., Шумский В.Б., 2015

этнолога А.Б. Дзадзиева, отток русского населения из республик Северного Кавказа обусловлен рядом причин социально-экономического и этнополитического характера [2], которые, на наш взгляд, тесно связаны с социально-психологическими аспектами межкультурного взаимодействия в республике. Данные аспекты в нашем исследовании изучаются с помощью эмпирической проверки следующих трех гипотез межкультурных отношений:

- ◆ гипотеза мультикультурализма заключается в том, что если люди чувствуют культурную, физическую, экономическую безопасность, они будут с большей готовностью принимать тех, кто отличается от них;
- ◆ гипотеза контакта заключается в том, что люди в большей степени будут готовы принять отли-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 15-18-00029.

чающихся от них других людей, если они контактируют с ними;

- ◆ гипотеза интеграции заключается в том, что люди будут чувствовать себя хорошо в психологическом и социокультурном планах, если они вовлечены как в культуру своей этнической группы, так и в культуру доминирующего общества.

В результате исследования выяснилось, что подтвердилась гипотеза мультикультурализма как в группе титульного населения, так и в группе русских. Чем больше русские, кабардинцы, балкарцы ощущают себя в безопасности, тем больше они настроены на принятие мультикультурной идеологии.

Гипотеза контакта частично подтвердилась в как группе титульного населения, так и в группе русских. Оказалось, что чем больше у русских контактов с кабардинцами и балкарцами, тем больше выражена стратегия ассимиляции и тем меньше выражена установка на групповое равенство. У кабардинцев и балкарцев контакты с русскими ведут к выраженности аккультурационного ожидания «интеграция» и при этом не связаны с установками на групповое равенство.

Относительно гипотезы интеграции можно сказать, что у русских она подтвердилась частично, так как чем больше предпочтения они отдают стратегии интеграции, тем меньше уровень удовлетворенности жизнью, но выше уровень социокультурной адаптации. Это свидетельствует о том, что у русских Кабардино-Балкарии поддержание

своей культурной идентичности одновременно с поддержанием контактов с представителями титульных этнических групп не способствует их субъективному благополучию. У представителей титульных этнических групп аккультурационное ожидание «ассимиляция» связано с удовлетворенностью жизнью, тогда как аккультурационное ожидание «интеграция» связано с высокой самооценкой.

Литература

1. Акжиева С.И., Гекжиев К.Б. Демографический потенциал модернизации народов КБР в начале XXI века // Russian journal of Earth Sciences. № 12 (12). 2012. URL: <http://ores.su/index.php/-12122012/228-2012-12-24-13-22-02> (дата обращения:)
2. Дзадзиев А.Б. Русское население республик Северного Кавказа // Пути мира на Северном Кавказе. Коллективная монография. Институт этнологии и антропологии РАН. 1999. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_.html (дата обращения:)
3. Berry J.W. Intercultural relations in plural societies: A comparative perspective // A. Azzi, E.X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (Eds), Identity and participation in culturally diverse societies Oxford: Wiley Blackwell, 2012. P. 279–295.
4. Berry J.W. (2013). Research on multiculturalism in Canada // International Journal of Intercultural Relations. 2013. No 37 (6). P. 663–675.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Чистовский Д.И., аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, преподаватель кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью

Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Рассматриваются основные психологические проблемы национальной (гражданской) идентичности в современных исследованиях. Выделены основные вопросы, поднятые в зарубежной и отечественной психологии в отношении национальной (гражданской) идентичности, условий ее формирования и влияния на ее развитие и проявление.

Ключевые слова: гражданская идентичность, национальная идентичность, национализм, патриотизм.

Abstract. The article examines the main psychological problems of the national (civil) identity in contemporary studies. It highlights the main issues raised in the foreign and domestic psychology in

relation to the national (civil) identity, conditions of its formation and influence on its development and manifestations.

Keywords: civil identity, national identity, nationalism, patriotism.

Понятие идентичности широко используется в социальных науках для анализа взаимосвязи общественных трансформаций и стратегий поддержания «самотождественности», начиная с работ Э. Эриксона, который подчеркивал динамический аспект идентичности, ее включенность в социальные и культурные аспекты и взаимосвязь с культурными ценностями и идеологией [2]. В этом ракурсе идентичность (в том числе и гражданская) изучается и в последующих исследованиях. Проведя обзор современных зарубежных и отечественных психологических исследований по гражданской идентичности, можно выделить следующие активно изучаемые в науке вопросы.

Гражданская идентичность анализируется в системе идентичностей (личностной, социальной и ее частных случаев – религиозной и этнической) и понимается как одна из коллективных, имеющая основание на религиозной, этнической, отношении к государству и тесно связанная с ними. Так, результаты исследования О.Т. Малдун, К. Трю, Дж. Тодд, Н. Ружье, К. МакЛафлин демонстрируют преобладание религиозных и национальных идентичностей, которые с самого начала формировались как противостоящие друг другу [5]. При исследовании национальной идентичности О. Дэвид и Д. Бар-Тал используют два уровня анализа – микроуровень (как конкретные члены общества позиционируют себя членами группы с соответствующими когнитивными, эмоциональными и поведенческими последствиями) и макроуровень (как индивиды соотносят себя с понятием коллективной идентичности) на основе видовых особенностей и внутренних характеристик коллективной идентичности [4].

В исследованиях также выделяют три группы факторов, влияющих на представления о национальности (гражданстве) в контексте понимания «своих» и «чужих» – этнические, культурные и гражданские. Так, если в структуре национальной (гражданской) идентичности важны этнические и культурные составляющие, то национальные предрассудки выражены ярче, чем у тех, кто считает более важной гражданскую идентичность [6].

Другой стороной в изучении данной темы является проблема патриотизма и национализма, рассматриваемая в ракурсе ингрупповой идентичности и отношения к аутгруппе. Патриотизм представляется как положительное отношение к своей родине при нейтральном отношении

к внешним группам, а в то же время национализм негативен к аутгруппам [3]. В данном направлении исследований также изучается влияние государственной символики на проявление национализма или патриотизма. Так, по данным американских экспериментальных исследований, те, кто отвечал на поставленные вопросы в помещении «с флагами», показывали по шкале национализма более высокое чувство превосходства своей нации над другой [4]. Отечественные данные, собранные социологами, также представляют важность символики в вопросе регулирования среди населения представлений патриотического или националистического характера. Так, Н.Б. Помозова в своей кандидатской диссертации отмечает, что формирование гражданской идентичности обуславливается возрастающей значимостью виртуальной реальности и преобладанием в последней процессов перформативности, спектаклизации, игризации, что приводит к преобладанию контекстуально-лабильных идентификаций. Одним из важнейших инструментов управления процессами формирования гражданской идентичности являются политические символы, от динамики смысла которых напрямую зависит выбор самоидентификаций граждан [8, с. 12–13].

Также в современных отечественных психологических исследованиях гражданская идентичность анализируется как один из факторов социально-экономического развития. В российских исследованиях показано, что существуют различия во взаимосвязях гражданской и религиозной идентичности с экономическими установками и представлениями [7; 9, с. 30].

Подводя итог настоящему обзору, можно заключить, что в современной зарубежной науке гражданская идентичность рассматривается как психологическая структура, включающая много компонентов и взаимосвязанная с этническими, культурно-символическими, религиозными, общественными и экономическими представлениями членов группы. При этом в российской психологии проблемное поле гражданской идентичности практически не проработано, хотя в других отраслях науки данный феномен обширно изучается.

Литература

1. David O., Bar-Tal D.A Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of Na-

tional Identity as an Example // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. Vol. 13. No 4. P. 354–379.

2. Erikson E.H. *Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things Selected Papers* / ed. by Schlein New York, 1995.

3. Finell E. Liebkind K. National symbols and distinctiveness: Rhetorical strategies in creating distinct national identities // *British Journal of Social Psychology*. Vol. 49. No 2. P. 321–341.

4. Kemmelmeier M., Winter D.G. Sowing patriotism, but reaping nationalism? Consequences of exposure to the American flag // *Political Psychology*. 2008. Vol. 29. No. 6.

5. Religious and national identity after the Belfast Good Friday Agreement / O.T. Muldoon,

K. Trew et al. // *Political Psychology*. Vol. 28. No 1. P. 89–103.

6. Beyond the Ethnic-Civic Dichotomy: Cultural Citizenship as a New Way of Excluding Immigrants / A. Reijerse, K. Van Acker et al. // *Political Psychology*. Vol. 34. No 4. P. 611–630.

7. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 528 с.

8. Помозова Н.Б. Символы как инструмент управления формированием гражданской идентичности: сравнительный анализ России и Китая: автореф/ дис. ... канд. социол. Наук.; М., 2012.

9. Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ИДЕАЛЕ В СТРУКТУРЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Берберян А.С., доктор психологических наук, профессор
Российско-Армянский (Славянский) университет

Аннотация. Рассматриваются особенности самоидентификации армянской студенческой молодежи в зависимости от социокультурного характера среды. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о значительных различиях в самопонимании и самоидентификации у представителей одной и той же общности.

Ключевые слова: самоидентификация, социокультурная среда, студенческая молодежь.

Abstract. The article deals with the features of the Armenian identity of students, depending of the socio-cultural environment. The results of empirical studies show significant differences in the self-understanding and self-identification of the members of the same community.

Keywords: identity, socio-cultural environment, youth.

В настоящее время проблема формирования этнической идентификации приобретает особенную актуальность, так как этот процесс предопределен не только различными внешними ориентационными индикаторами, значимыми для социализации, но и внутренними, психологическими, проявляющимися в особенностях личности и ее самопонимании.

Цель исследования: выявить особенности самоидентификации армян титульного этноса и российской диаспоры.

Гипотеза исследования: различия в содержании понимания идеала армянина в структуре этнической идентичности студенческой молодежи

обусловлены социокультурным характером среды – родной или иноэтничной.

В психологии дефиниция «самоидентификация» определяется как отвечающая потребностям и ценностным ориентациям человека структура, интериоризирующая социальные нормы поведения и проявляющая себя через персонификацию [2; 4]. Понятие самоидентификации, на наш взгляд, близко понятиям осознаной самодиагностики, желаниям человека овладеть знаниями, умениями и навыками, стремлением достичь значимых личностных качеств и индивидуально-психологических особенностей. Исследователи справедливо высказывают мнение о том, что самоидентификация может выступать в качестве

психологической регуляции в личностном и профессиональном развитии [1; 3]. Эта проблема является особенно актуальной для студенческой молодежи, для значимого на данном этапе их профессионального и личностного роста. В эмпирическом исследовании мы использовали методику «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда для выявления представления об идеальном армянце, методику «Приписывание качеств» (Д. Кац и К. Брейли) для выявления авто- и гетеростереотипов. Респондентов, этнических армян, мы поделили на две группы: 1-я группа – студенческая молодежь из России, проживающая в Армении от 1 года до 3 лет общим количеством 100 студентов, 2-я группа – студенческая молодежь, коренные жители, проживающие в титульном этносе общим количеством 100 студентов. Респонденты оценивали идеальные качества по 5-балльной системе. Психологические качества были сгруппированы по следующим критериям: отношение к труду (добросовестность, ответственность, работоспособность, трудолюбие, терпение), отношение к людям (надежность, взаимовыручка, готовность помочь, гостеприимство, доброта, дружелюбие, общительность, отзывчивость, уважение к старшим), отношение к Родине (патриотизм и следование традициям), личностные характеристики (настойчивость, находчивость, практичность, рассудительность, ум, уравновешенность, честность, отсутствие склонности к вранью, честолюбие, щедрость) и жизнелюбие (жизнерадостность, оптимизм, чувство юмора). По результатам исследования по первой методике студенты, проживающие в Армении (1-я группа), представляют себе идеального армянина более трудолюбивым (4,6 против 4,3), надежным (4,65 против 4,3) и уважающим старших (4,8 против 4,5). Вместе с тем респонденты титульного этно-

са (2-я группа) склонны считать идеального армянина менее следующим традициям (3,45 против 4,76), менее патриотичным (3,7 против 4,21) и менее дружелюбным (4,25 против 4,4). Респонденты обеих групп высоко оценивают личностные характеристики идеального армянина (4,2 и выше). По результатам обработки данных по второй методике мы выявили, что существуют кардинальные различия между авто- и гетеростереотипами двух групп: совпадение наблюдается всего лишь в пределах 10 %, что свидетельствует о существенных различиях в самопонимании их этнической идентичности. Мы провели статистическую обработку данных и выявили значительное расхождение в самопонимании у представителей одной и той же этнической общности. В отношении к другой группе различие не было столь явно выражено. Анализ результатов проведенного исследования с представителями армянского этноса, территориально представленного в Армении и российской диаспоре, позволяет сделать вывод о взаимосвязи социокультурной среды и представлений об этнокультурном идеале в структуре самоидентификации молодежи.

Литература

1. Введение в практическую психологию / под. ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М.: Смысл, 1996. 374 с.
2. Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
3. Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 35–48.
4. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge Univ. Press, 1982.

КРОССКУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ИДЕАЛЬНОГО ДОМА» В ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: РОССИЯ И ТАНЗАНИЯ

Феденюк Ю.Н., кандидат исторических наук

Буркова В.Н., кандидат исторических наук

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Аннотация. Представлены результаты исследования представлений об идеальном доме среди подростков в двух контрастных регионах (Россия и Танзания). Полученные данные демонстриру-

ют культурные и гендерные различия проксемического поведения, сложившиеся под влиянием этнических, экономических и экологических факторов.

Ключевые слова: проксемика, организация пространства, «дом мечты», Россия, Танзания.

Abstract. In this paper presents results of research concept of «ideal house» among adolescents in two contrasty regions (Russia and Tanzania). Our datas how cultural and gender differences of proxemics behavior, developed under the influence of ethnic, economic and ecological factors.

Keywords: proxemics, organization of space, «ideal house», Russia, Tanzania.

В ходе историко-культурного развития формируется определенная стереотипная модель жилища, свойственная тому или иному народу. Такие культурные стандарты стереотипны и чрезвычайно устойчивы, а многие из них остаются почти без изменения в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры. Определенные способы организации пространства всегда этнически специфичны и являются одним из компонентов культуры народа [1]. Структурирование пространства жилого дома является отражением социальных связей в пределах семьи, усваивается детьми с раннего возраста и воспроизводится во взрослой жизни зачастую неосознанно. Поэтому образ «идеального дома» есть своего рода культурная модель организации жилого пространства, воспринимаемая, а затем и воспроизводимая подростками [3].

В исследовании «Дома мечты» в представлении современных подростков двух культур (России и Танзании) мы использовали рисуночный метод Э. Холла [5]. Школьникам было предложено нарисовать «идеальный» дом. При этом ставилась задача изобразить план-схему дома, прорисовав его обстановку, подписав комнаты и их принадлежность членам семьи. Исследование было проведено в двух столичных городах: Москве (Россия) и Дар-эс-Саламе (Танзания).

Республика Танзания представляет собой регион, где в условиях всеобщей глобализации и активной пропаганды ценностей западной цивилизации продолжают сохраняться традиционные представления в самых разных сферах жизни, в том числе во многом сохраняются и нормы пространственного поведения и организации дома. В экономическом и демографическом смысле Республика Танзания является одной из беднейших стран мира.

Полученные нами данные позволяют говорить как об универсальных, так и культурно-специфичных чертах проксемического поведения. Русские школьники, изображая идеальные дома или квартиры, часто указывают, что мечтают жить у моря, в горах или в крупных городах. У танзанийских подростков большее значение имеет не расположение дома, а его размеры и наличие

удобств. В представлении идеальной организации пространства дома прослеживаются четкие гендерные различия по параметрам: количество комнат, наличие деталей и функциональности помещений, принадлежность комнат членам семьи, наличие детских помещений и частного пространства и т.д. Традиция проживания молодых семей с родителями мужа в России сохраняется в провинциальных городах, где большинство юношей отметили этот факт. В столице только незначительная часть девушек согласна проживать с родителями в будущем [3]. В Танзании молодые семьи изначально живут отдельно от своих родителей в силу экономических и экологических причин – постройка нового дома требует минимальных затрат. Следуя этой традиции, лишь небольшое количество опрошенных школьников указало, что хотели бы жить с родителями [2].

Зачастую проектирование будущего пространства дома становится для подростков игрой с реалиями «красивой жизни», стереотипные представления о которой они усвоили из средств массовой коммуникации. Человек оперирует тем опытом, который он накопил в течение своей жизни. Чем младше ребенок, тем, естественно, у него меньше возможностей для комбинации различных систем в силу небольшого жизненного опыта. Тем интереснее представляется комбинация бытовых реалий современных семей со стереотипами «красивой жизни» по западному образцу, транслируемой СМИ [3; 4]. Однако в Танзании, в отличие от России, такому влиянию дети и подростки подвержены гораздо меньше в силу того, что телевизор – предмет роскоши, который имеет далеко не каждая семья.

Стоит отметить, что тенденции к размыванию традиционных норм структурирования пространства дома быстрее происходят в крупных городах, чем в провинциальных малых городах и селах. У русских, проживающих в сельской местности и в малых городах, сохранилось много черт традиционного патриархального уклада русских семей, в то время как в больших городах они почти полностью утрачены [3]. Как и в России, в Танзании, мы наблюдаем большую размытость традиционных представлений об организации

пространства и этикетных нормах поведения в городской популяции по сравнению с сельской. Однако у танзанийцев большую значимость имеет этнический фактор – среди народов, продолжающих вести традиционный образ жизни, структура и тип домов остаются практически неизменными [2]. Кроме того, в Танзании представления об «идеальном доме» более приближены к реальной жизни, чем в России, в силу меньшей доступности средств массовой информации в данном регионе, более низкого уровня жизни и меньшей образованности населения Танзании.

В Танзании, по сравнению с Россией, люди намного терпимее относятся к тесноте и скученности людей, а структурирование жилого пространства (деление на жилые зоны, обособление индивидуальных мест и т.п.) и этикетные нормы поведения в жилище (как с родственниками, так и с гостями) отражают разное отношение к приватному (персональному) пространству. Экономическая бедность большинства танзанийцев по сравнению с россиянами, не позволяет им жить в больших домах даже в пригородных районах. Дома примитивны и имеют крайне скудную обстановку. Кроме того, количество членов семьи, проживающих в одном доме, и общее количество детей в семье у танзанийцев значительно выше. Однако пространственная организация дома все же регламентируется и в свете дефицита мест. Прежде всего, это касается половозрастной се-

грегации – взрослые члены семьи спят отдельно от младших (за исключением кормящих матерей и грудных младенцев), до определенного возраста все дети спят вместе на одной кровати, а потом их стараются разделить по комнатам. Половозрастная сегрегация регламентируется и в отношении гостей. В силу экологических условий и низких доходов большая часть жизни танзанийца проходит на улице, а часть жилых помещений вынесена наружу [2].

Литература

1. *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М.: Научный Мир, 2004. 437 с.
2. *Буркова В.Н., Бутовская М.Л.* Традиционный дом в Танзании: охотники-собиратели, скотоводы, земледельцы // Традиционная культура. 2016 (в печати).
3. *Феденок Ю.Н.* Образ «дома мечты» у российских школьников: мегаполис vs малый город // XI Конгресс антропологов и этнологов России. М., Екатеринбург, 2015. С. 111–112.
4. *Феденок Ю.Н.* Трансформация организации жилого пространства у русских: от традиции к современности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. С. 64–68.
5. *Холл Э.* Язык тела. Как понять иностранца без слов. М.: Вече, 1997. 432 с.

КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Завгородняя Е.В., доктор психологических наук
Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины

Аннотация. В контексте проблемы индивидуализации рассматриваются способы означения субъектом реальности. Охарактеризованы разные уровни использования в процессе означения семиотических ресурсов культуры.

Ключевые слова: культура, индивидуализация, означение, семиотические ресурсы.

Abstract. In an article in the context of the individualization of the subject discussed ways to refer to reality. Characterized different levels in the process of signifying semiotic cultural resources.

Keywords: culture, individualization, signifying, semiotic resources.

Степень свободы человека зависит как от внешних условий, так и от самопознания человека. Обстоятельства (природные и социальные) могут быть крайне неблагоприятны для человека, ограничивая его возможности, калеча судьбу. В частности, репрессивные режимы обычно

культивируют жестокое отношение к детям. При неблагоприятных условиях раннего детства индивидуализация ребенка затруднена, ее высокие уровни становятся недостижимы. Неосознанные детские травмы обостряют потребность в симбиотической зависимости (меняются только ее фор-

мы), инфантилизованный взрослый будто обречен на «бегство от свободы».

Культура хранит смысловое послание, варианты человеческих судеб и воплощенных в них экзистенциально важных смыслов. «...Культура оказывается не кунсткамерой ценностей прежних поколений и не сводом законов, норм, готовых истин, а неисчерпаемым резервуаром прецедентов (человеческих судеб), сотворенных конкретными историческими личностями. Их переосмысление, рефлексия и является механизмом творения опыта собственной жизни и ее культурного, духовного смысла» [1, с. 110].

Индивидуализация связана со становлением самосознания и воли, выражается в движении человека от зависимости к автономности, свободному самоопределению. Индивидуализация проявляется в отношении к своему внутреннему миру, в частности в способах переживания событий и их означивания с помощью семиотических ресурсов культуры. Означивание реальности с помощью разного уровня культурных схем позволяет человеку упорядочивать происходящее, оценивать его, выстраивая свои версты внутренних и внешних событий. Можно выделить следующие уровни означивания (от менее к более индивидуализированным):

- ◆ Культурно дефицитарный. Человек в силу возраста, депривации, болезни, других причин в очень слабой степени владеет имеющимися в культуре схемами означивания реальности, осуществляет это причудливо неадекватным способом, особенно это касается травмирующих ситуаций, острых болезненных переживаний. Продуцируемые при этом непонятные для других означивания переживаний в комплексе с неадекватной трактовкой внешних событий могут дать начало последующему причудливому отражению реальности (в некоторых случаях развивается в бред). Способ характерен, в частности, для детей, переживших «преждевременную травму» [2].
- ◆ Девиантный. Человек означает переживания с помощью схем, характерных для определенной субкультуры и понятных в ее пределах. Этот способ не есть результат свободного выбора, а следствие узости семиотических ресурсов, недостаточного освоения широкого диапазона культурных средств, что обычно ограничивает возможности социальной адаптации человека. Этот способ можно считать субадаптивным.
- ◆ Культурно достаточный, адаптивный. Человек владеет основными ресурсами культуры своего социума, ориентирован на доминирующие тенденции. Означивает реальность с помощью освоенных им способов, характерных для большинства людей данной культуры, налагая на свой опыт соответствующие ей стереотипы, схемы и, продуцируя означивания, понятные для представителей этой культуры. Этот способ облегчает социальную адаптацию, но при этом теряется глубина и уникальность индивидуальных переживаний.
- ◆ Альтернативный. Человек владеет основными ресурсами культуры своего социума, но доминирующий канон чувствует для себя недостаточным, ориентирован на альтернативные проявления культуры. Означивает свой опыт с помощью избранных им нестандартных способов, характерных для определенного культурного круга. Если в случае вынужденной девиантности человек, возможно, хочет, но не может быть «как все», то в данном случае (свободного выбора) человек может, но не хочет быть «как все». Девиантность в этом случае является свободным предпочтением, проявлением индивидуальности. Продуцируемые при этом означивания, интерпретации, формы самовыражения понятны не всем, а тем, кто принадлежит к предпочитаемому субъектом культурному кругу.
- ◆ Креативный. Означивает переживания индивидуализированным способом, сформированным на основе широкого диапазона освоенных им существующих в культуре схем, но реконструированных, трансформированных соответственно индивидуальности и уникальности переживаний. При этом продуцируются означивания, интерпретации, выразительные формы, в которых соединяются как универсальные, так и уникально-индивидуальные измерения. Такие формы на поверхностном уровне могут быть понятны многим, а на глубоким – духовно близким. Два последних способа постадаптивны.

Литература

1. Степанов С.Ю. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций. М.: Наука, 2000.
2. Devereux G. Cultural thought models in primitive and modern psychiatric theories // *Psychiatry*. 1958. Vol. 21. P. 259–374.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА¹

Хотинец В. Ю., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии

Удмуртский государственный университет

Аннотация. Анализируется проблема связи базовых культурных ценностей с экономической культурой (культурой организации и культурой управления). На основе синтагматической композиции – уникального сочетания культурных ценностей и параметров организационной культуры – обосновывается возможность получения разнообразных моделей управленческой культуры, действенных и эффективных в современном мультикультурном мире.

Ключевые слова: ценности культуры, культура организационная, культура управленческая.

Abstract. The article discusses the interrelations of culture values and company's management and organizational culture. The author justifies the possibility to develop the variety of effective models of management culture that can be used in modern multicultural world. The justification is based on the syntagmatic composition which is a unique combination of cultural values and criteria in organizational culture.

Keywords: culture values, organizational culture, management culture.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в Удмуртском государственном университете (г. Ижевск, Россия) в рамках научного проекта № 15–18–00049.

Связь базовых культурных ценностей с социально-экономическими индикаторами развития современного общества обсуждается не только как проблема на различных научных форумах, но и реально подтверждается в мировой практике [1]. Сегодня переход из одного подразделения в другое в пределах одной корпорации практически подобен переезду из одной страны в другую, не говоря уже о смене экономических культур [2, с. 363]. Расхожее мнение о том, что миром будет править глобальная информационно-коммуникационная система управления (мировая информационная сеть), спотыкается о культурные подмостки.

В современных исследованиях организационной культуры авторами в большей мере уделяется внимание ее описанию в терминах функциональных компонентов, а именно, понимание ее в контексте производственных ценностей. До сих пор не теряется интерес к результатам исследований культурных измерений для понимания структуры организации и поведения ее членов Г. Хофстеде [6], который выделил четыре основных параметра: индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность – феминность. Не менее привлекательна теория универсальных культурных ценностей Ш. Шварца [7], считающего, что индивиды решают свои жизненные проблемы и регулируют свою деятельность (в частности, профессиональную), опираясь на такие ценности

культуры, как «иерархия и эгалитаризм», «автономия и принадлежность», «мастерство и гармония». Наряду с универсальным, разработан культурно-специфический подход к группировке ценностей российской культуры [1, с. 342–385], который позволил изучить влияния ценностей: «самореализации», «поиска удовольствий», «духовности», «временной перспективы», «религиозности» на экономическое развитие российского общества напрямую и опосредованно уровнем межличностного доверия и состоятельностью гражданской идентичности.

В свое время прорывом в науке стала разработка метода Многоуровневого профиля организационной культуры (*Multi-Level Organizational Culture Profile*) К. Колвиным и др. [5] с опорой на исследования в организационной психологии, бизнесе и менеджменте, позволяющего охватить три уровня: индивидуальный (культурные факторы), интраорганизационный (человеческие ресурсы, исполнение и организационная культура), интерорганизационный (факторы окружающей среды) [см. 2, с. 379–380], что предопределило возможность не только измерять организационную культуру, но и моделировать управление экономической системой с целью обеспечения требуемого ее поведения, проектировать деятельность субъекта управления по организации деятельности предприятия.

В своем новом состоянии в мире разностилья и алеаторики культур управленческую культу-

ру, по всей видимости, требуется рассматривать через синтагму (сопорядок устойчивости) составляющих многоуровневой организационной культуры и культурных ценностей, с которыми соотнобразуется менталитет народа [1; 4; 7]. Синтагматическая композиция фундаментальных оснований жизнедеятельности (национальная культура) и смысловых оснований профессиональной деятельности (организационная культура) позволяет менеджменту в неустойчивой среде превзойти границы выживаемости, уверенно развиваться и решительно отвечать всевозможным вызовам и рискам. Эффективность и конкурентоспособность той или иной модели управления зависит от ее адекватности жизненным ценностям, объективированным в культуре народа [3], формирующим определенную микрокультуру организации. Теоретические положения работы легли в основу построения цели и формулирования исследовательских гипотез дальнейших эмпирических исследований.

Литература

1. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007.
2. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. 416 с.
3. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99–108.
4. Хотинец В.Ю. Со-бытие культур. Психологические универсалии в культурном многообразии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 152 с.
5. Colvin C., Matsumoto D., Taylor S. The organizational culture assessment scale (OCAS). Culture and Emotion Research Laboratory, Department of Psychology, San Francisco State University, 1600 Holloway Avenue, San Francisco, CA, 94132. 1997.
6. Hofstede G.H. Cultures Consequences: International Differences in Work-related Values, Sage, Beverly Hills, CA, 1980.
7. Schwartz S.H. Rethinking the Concept and Measurement of Societal Culture in Light of Empirical Findings // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2014, Vol 45 (1). P. 5–13.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКЕ СТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (БАКУ, ТАШКЕНТ, МОСКВА)

Зацепин А.С., студент факультета психологии

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ташкенте

Аннотация. Проведено эмпирическое исследование структуры автобиографической памяти у представителей разных культур (жители Ташкента, Москвы и Баку). Обнаружены количественные различия элементов целостного представления о личном прошлом, специфичные для данных культур, и выявлены различные структуры связей характеристик представления о своем прошлом с личностными ценностями.

Ключевые слова: автобиографическая память, личностные ценности, культурные различия, «фотографические» воспоминания.

Abstract. A Empirical Study of the structure of autobiographical memory in different cultures (the residents of Tashkent, Moscow and Baku). Quantitative differences found elements holistic view of their personal past, specific to these crops, and identified various structures relations characteristics notions of his past with personal values.

Keywords: autobiographical memory, personal values, cultural differences, flashbulb memories.

Основываясь на положениях культурно-исторического подхода, можно предположить, что

структура индивидуальной автобиографической памяти (АП) во многом задается внешними куль-

турно специфичными образцами, а значит, должна различаться в зависимости от культурной принадлежности ее носителя. В пользу этой гипотезы свидетельствуют данные ряда кросс-культурных исследований [3; 4]. Однако в названных работах исследовались отдельные воспоминания, а не структура целостного представления о личном прошлом, в них также не рассматривалась проблема возможно межкультурной вариативности функциональной нагрузки структурных компонентов АП.

Предметом нашего исследования выступили различия и функциональные особенности единиц АП на уровне целостного представления о личном прошлом у представителей культур городов Ташкента, Баку и Москвы.

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики:

- ◆ графическая методика «Линия жизни» (ЛЖ), разработанная в рамках культурно-исторического подхода [1], где результаты анализируются по 33 параметрам – как содержательным, так и формальным;
- ◆ опросник выявления 19 ценностей личности Ш. Шварца, адаптированный на российской выборке [2].

В качестве респондентов в исследовании выступили русскоязычные жители Ташкента, Москвы и Баку – мужчины и женщины в возрасте от 30 до 55 лет. Общий объем выборки составил 202 человека. Из них: 64 представителя города Ташкента (средний возраст 49,91), 94 представителя города Москвы (средний возраст 48,04) и 44 представителя города Баку (средний возраст 47,7).

Для анализа значимых различий между переменными с нормальным распределением, характеризующими целостное представление человека о своем прошлом, применялся однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Различия по переменным с распределением, отличным от нормального, выявлялись непараметрическим U-критерием Манна – Уитни. Для переменных с номинальными шкалами вычислялись кросстабуляции. Для анализа связи характеристик целостного представления о личном прошлом с ценностями личности подсчитывался коэффициент корреляции Спирмена.

В результате анализа данных значимые различия обнаружены по пяти параметрам методики «Линия жизни» и четырем параметрам методики Шварца. Особый интерес представляют параметры «количество фотографических воспоминаний» и «расстояние до первого воспоминания» на линии жизни. У жителей Ташкента по сравнению с москвичами чаще встречаются фотогра-

фические воспоминания как в абсолютном значении ($U = 1585, p = 0,001$, ср. 1,4 против 0,6), так и в относительном ($U = 1538, p = 0,001$, ср. 7,5 % против 2,7 %). Аналогичное положение наблюдается и на выборке из Баку – в абсолютном ($U = 751, p = 0,013$, ср. 1,4 против 0,6) и в относительном значении ($U = 744, p = 0,006$, ср. 7,5 % против 2,8 %). У москвичей данный тип воспоминаний положительно связан с ценностью «стимуляция» ($r = 0,31, p = 0,03$) и отрицательно с ценностями «конформизм: правила» ($r = -0,45, p = 0,01$) и «конформизм: межличностный» ($r = -0,31, p = 0,03$), в то время как у ташкентцев он связан лишь с ценностью «универсализм: забота о природе» ($r = 0,4, p = 0,03$).

Выявлены следующие культурные различия по параметру линии жизни «расстояние до первого воспоминания»: у ташкентцев первое воспоминание раньше, нежели у москвичей ($U = 1337, p = 0,001$, ср. = 17,8 мм против 26,1 мм), также и у бакинцев ($U = 742, p = 0,001$, ср. = 13,2 мм против 26,1 мм). При этом у москвичей данный параметр отрицательно связан с ценностями «Стимуляция» ($r = -0,35, p = 0,02$), «Открытость изменениям» ($r = -0,42, p = 0,008$), «Безопасность: общественная» ($r = -0,4, p = 0,01$), «Личностным фокусом» ($r = -0,38, p = 0,01$), а у ташкентцев он связан лишь с ценностью «Стимуляция» ($r = 0,39, p = 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют, что феноменологически схожие психические явления (по результатам проведенного исследования – так называемые фотографические воспоминания – яркие и детальные воспоминания эпизодов прошлого и субъективная продолжительность детской амнезии) могут выполнять качественно различные функции, отличающиеся в зависимости от культуры. Следовательно, важно измерение не только формальных показателей структуры АП, но и описание функционального потенциала конкретных автобиографических феноменов в зависимости от культуры, что представляет собой более глубинную, но еще неизученную психологическую реальность.

Литература

1. Нуркова В.В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2. С. 64–82.
2. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова и др. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.

3. Functions of autobiographical memory in Taiwanese and American emerging adults / H. – W. Liao et al. // *Memory*. 2015. No 1.

4. Wang Q, Ross M. What we remember and what we tell: the effects of culture and self-priming on memory representations and narratives // *Memory*. 2005. No 13 (6). P. 594–606.

МЕРУ ТАНЗАНИИ И ИХ СОСЕДИ: УСТАНОВКИ НА ОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ СВОИМ И ЧУЖИМ¹

Бутовская М.Л., доктор исторических наук, профессор
Нарелин Д.В., доктор биологических наук
Институт этнологии и антропологии РАН
Московский государственный университет им. М.В. ломоносова

Аннотация. Представлены результаты полевого исследования, проведенного авторами в мае-июне 2015 г. в Меруленде, Северная Танзания. Объект исследования: меру старшей возрастной группы, проживающие в сельской местности и подростки из общеобразовательной школы Макумира. Показана специфика формирования данного этноса на базе интеграции нескольких племенных обществ. Проанализировано сходство установок на оказание помощи и поддержки у меру, чага и масаев.

Ключевые слова: меру, чага, масаи, этническая идентичность, помощь и защита.

Abstract. The results of field study conducted by the authors in May and June 2015 in Meruland, Northern Tanzania are presented. The object of study were: endery Meru people rural areas and senior pupils of Makumira secondary school. This paper discusses the specificity of the formation of Meru ethnics on the basis of the integration of several tribal societies. Similarity and differences in intentions for support and protection in Mery, Chaga, and Maasai as referred to ethinc, gender and age factors are discussed..

Keywords: Mery, Chaga, Maasai, ethic identity, support and protection.

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15–01–18077.

Меру (вамеру) Танзании – одна из этнических групп, занимающаяся интенсивным земледелием и проживающая на юго-восточных и восточных склонах горы Меру. Меру порой называют себя варво, что в переводе с языка кимеру означает карабкающиеся вверх [1]. Кимеру – один из банту-ских языков, близкородственный диалекту чага Западного Килиманджаро. Меру близки к чага не только в языковом, но и в культурном плане. Эта близость, по мнению большинства специалистов, не случайна: исторически значительное число кланов вамеру считаются потомками ма-чаче и сиха/нг’уни – относящихся к общности чага [2]. Предположительно, выходцы из района Мачаче покинули склоны Килиманджаро и переселились в район горы Меру примерно 400 лет назад [3]. Важно помнить, что вамеру не имеют родственных связей с амеру, проживающими в Кении, кроме общей принадлежности их языков к бантуской группе. Численность вамеру сегодня оценивается примерно в 150 тыс. человек [4]. Традиционно меру представляли собой ти-

пичный пример выраженного патриархального общества. Для них было характерно институализированное доминирование мужчин над женщинами и детьми в семье и в обществе в целом [5]. Их организация традиционно строилась по клановому признаку. Меру объединены в 26 кланов. Большинство исследователей полагает, что в подавляющем большинстве кланов меру ведет свое происхождение от чага [3]. Однако несколько кланов имеют масайское происхождение (кланы паланджо, нко, сикава) [1]. Антропологически меру сегодня являются метисной популяцией, сформировавшейся от смешения восточных банту и масайских племен.

В рамках данного исследования были протестированы установки учащихся старших классов общеобразовательной школы Макумира в возрасте 13–19 лет, представителей нескольких этнических групп (меру, аруша, чага и другие группы банту) на оказание помощи и поддержки своим и чужим. Респонденты заполняли демографическую анкету, отвечали на 7 вопросов, касающихся

ся стратегий их поведения в конкретных ситуациях, а также о насилии в их собственной семье. Ответы ранжировались по шкале Лайкерта от 1 (никогда) до 7 (всегда). Выборка составила 274 человека. Для статистической обработки данных применялась программа SPSS-15.

Для анализа данных использовали общие линейные модели. В качестве независимых переменных выступали этническая принадлежность, возраст и пол респондентов. Зависимую переменную представляли самооценки подростков по каждому из вопросов о помощи и поддержке, а также бьет ли подростка отец и мать. Установлено, что факторы этнической принадлежности не оказывали достоверного влияния на самооценки подростков по этим показателям. Фактор «возраст» оказался достоверно значим при оценке утверждений: «Если кто-то угрожает моей семье, я буду ее защищать» ($R^2 = 0,121$, $F = 13,743$, $p = 0,0001$, $n = 274$) и «Если мне придется участвовать в драке, я приму сторону сильного» ($R^2 = 0,072$, $F = 9,336$, $p = 0,0001$, $n = 273$). Фактор «пол» являлся достоверным предсказателем положительного ответа в отношении утверждения: «Я буду защищать моих друзей в конфликте с другими людьми независимо от того, правы они или нет» ($R^2 = 0,084$, $F = 5,924$, $p = 0,016$, $n = 274$). Коррелятивный анализ самооценок по помощи и поддержке с насилием в семье (спрашивали, бьет ли их отец или мать) показал, что респонденты, которых чаще бьет отец, реже отве-

чали, что «Предпочитают принимать в драке сторону сильного» ($R^2 = -0,148$, $p = 0,014$, $n = 273$). Было показано, что насилие в семье демонстрирует этноспецифический паттерн. Достоверным предиктором оказалось взаимодействие факторов «этнос – пол» в случае «бьет отец» ($R^2 = 0,068$, $F = 3,650$, $p = 0,007$, $n = 273$).

Таким образом, анализ наших данных показал, что фактор этнической принадлежности не оказывает достоверного влияния на установки подростков относительно помощи и поддержки родственников, друзей и просто членов группы в конфликтных ситуациях. Показано, что использование телесных наказаний в отношении детей отражает этническую специфику. Полученные данные согласуются с результатами глубинных интервью с представителями различных кланов меру.

Литература

1. Интервью с респондентом № 1 от 08.06.2015.
2. Spear T.T. Mountain farmers: Moral economies of land & agricultural development in Arusha & Meru. Univ of California Press, 1997. P. 18.
3. Mlola G.T. The Ways of the Tribe. E & D Vision Publishing. Dar es Salaam. 2010. P. 78–95.
4. Mesaki S. Recapping the Meru Land Case, Tanzania // Global Journal of Human Social Sciences (Economics). 2013. Vol. 13. No.1. P. 15–23.
5. Lerner G. The creation of patriarchy. Oxford: Oxford University Press. 1986. P. 239.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ НАКАЗАНИЯ РУССКИМИ И ТАТАРАМИ

Аникеенко О.А., кандидат психологических наук, доцент
г. Казань

Аннотация. В кросскультурном разрезе рассматривается проблема выбора принципов справедливого наказания (ретрибутивная справедливость) представителями двух разных культур в ситуациях разного типа в зависимости от тяжести совершенного нарушения, наличия и отсутствия в нем намерения, «близости – отдаленности» нарушителя или жертвы от респондента. Выборку исследования составляют группы татар и русских.

Ключевые слова: наказание, ретрибутивная справедливость, восприятие ретрибутивной справедливости, кросскультурные отличия в восприятии ретрибутивной справедливости.

Abstract. The paper analyses the cross-cultural aspect of the problem of selection of principles of fair punishment (retributive justice) by representatives of too different cultures in situation varying in gravity of the offence committed, presence or absence of the motive, «proximity or distance» of the offender or victim to or from the respondent. The subjects selected groups Tatar and Russian.

Keywords: punishment, retributive justice, perception of retributive justice, cross-cultural differences in perception retributive justice.

В данном исследовании рассматривается специфика восприятия справедливости наказания (ретрибутивная справедливость) татарами и русскими, проживающими на территории Республики Татарстан.

Принято считать, что справедливо все то, что принимается индивидуумом как норма, правило, закон. Таким образом, утверждение Дж. Бьюкенена «...понятие справедливости обретает смысл благодаря правилам того общественного порядка, в рамках которого оно применяется» [3, с. 175] положено в основу методики исследования предложенной и проверенной в работах Б.С. Алишева и О.А. Аникеенок [1; 2]. Она представляет собой матрицу, в столбцах которой размещены 18 ситуаций, связанных с наказанием за проступки и правонарушения, а в 17 строках указаны принципы и нормы наказания, которым может следовать человек, используя не более трех при вынесении справедливого наказания в каждой конкретной ситуации (принципы могли быть использованы многократно).

Индивидуальные ответы респондентов по предложенной методике суммировались путем наложения и в результате представляли собой числовые матрицы, которые показывали, как часто в конкретной ситуации был использован данный принцип справедливости. Для установления достоверности отличий в предпочтении принципов использовался ϕ -критерий Фишера.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что представления о справедливости наказания являются сложно структурированными, но в большей степени зависят от характеристики ситуации наказания, чем от этнической принадлежности. Сильное влияние на них оказывают такие параметры как:

- ◆ противоправные проступки и проступки, связанные с нарушением норм, как правило, не наказуемых законом («тяжелые» и «легкие» ситуации);
- ◆ «близость» – «отдаленность» нарушителя (или потерпевшего) к респонденту (принцип «свой – чужой»).

Для проверки гипотезы было проведено исследование, в котором принимали участие 153 респондента в возрасте от 23 до 67 лет (средний возраст 40,5 лет). Из них 88 – татары (35 – мужчин и 45 – женщин), 65 – русские (28 – мужчин и 37 – женщин). Все респонденты относились к одному социальному слою.

Основные результаты исследования. Восприятие справедливости наказания в исследуемых группах не являются однородным. Чаще всего в них образуются от двух до четырех подгрупп, которые в разном сочетании (от 65 до 20 % респондентов) концентрируются вокруг 3–4 принципов наказания в той или иной ситуации. Сходство между этническими группами в представлениях о ретрибутивной справедливости проявилось, во-первых, в преобладающем восприятии ее как соблюдения законности. Сама законность, как правило, понимается как в плане ее карательной составляющей (законность, строгость, беспристрастность, учет обстоятельств), так и восстановительной (возмещение ущерба). Во-вторых, сходство проявляется в предпочтении для разных типов ситуаций частично специфических, но в целом одинаковых принципов наказания. В частности, в обеих этнических группах на выбор принципов наказания влиял фактор «свой – чужой», однако характер этого влияния имел различия. В-третьих, в ситуациях «легких» проступков татары и русские не разделяли людей четко по критерию «свой» и «чужой» и предпочитали принципы: «замечание или выговор», «возмещение ущерба», «не надо наказывать», «учет обстоятельств».

Основные кросскультурные различия в представлениях о ретрибутивной справедливости проявляются в большей активности выборов (общее количество выборов) принципов справедливого наказания в русской группе, в большем акценте русских на принципе «беспристрастность» как основе справедливого наказания «по закону»; в отсутствии у татар различий между мужчинами и женщинами в выборе принципов справедливого наказания.

Литература

1. Алишев Б.С., Аникеенок О.А., Крючкова А.И. Особенности восприятия справедливости наказания в разных культурах // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 44–56.
2. Аникеенок О.А. Диагностические решетки для изучения представлений о справедливости // Методы изучения социальных и ценностных представлений студентов: метод. рекомендации / под ред. Б.С. Алишева. Казань: Данис, 2006. С. 27–33.
3. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономика. СПб.: Экономическая школа. 2005.

ОПАСНЫ ИЛИ ВЫГОДНЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И ЛАТВИИ¹

Татарко А. Н., доктор психологических наук

Лебедева Н. М., доктор психологических наук

Берри Дж. У., PhD

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследование направлено на проверку трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта). В ходе исследования был проведен социально-психологический опрос представителей двух доминирующих этнических групп (русские в России и латыши в Латвии) и двух недоминирующих этнических групп (мигранты с Северного Кавказа в Москве и русские в Риге). Исследование позволило подтвердить три гипотезы межкультурных отношений на данных выборках, но с некоторыми ограничениями.

Ключевые слова: интеграция, мультикультурализм, аккультурационные стратегии/ожидания, межкультурные контакты, межкультурные отношения, мультикультурная идеология, удовлетворенность жизнью, воспринимаемая угроза/безопасность, толерантность.

Abstract. This study is designed to examine the three hypotheses of intercultural relations (multiculturalism hypothesis, integration hypothesis and contact hypothesis) that have been derived from the Canadian multiculturalism policy. Socio-psychological surveys of two dominant groups (Russian Muscovites and Latvians), and two non-dominant groups (migrants from Caucasus in Moscow and Russian minority in Riga) employing structural equation modeling. The study has confirmed three hypotheses on intercultural relations the Russian and Latvian samples, but with some limitations.

Keywords: integration, multiculturalism, acculturation strategies/expectations, intercultural contact, intercultural relations, multicultural ideology, life satisfaction, perceived threat/security, tolerance.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 15-18-00029).

Представленное исследование, направлено на проверку трех гипотез межкультурных отношений (мультикультурализма, интеграции и контакта), которые были выведены на основе канадской политики мультикультурализма [1] и проверены в ряде стран [2]. Цель настоящего исследования состояла в проверке данных гипотез в России и Латвии.

В ходе исследования был проведен социально-психологический опрос представителей двух доминирующих этнических групп (русские в России и латыши в Латвии) и двух недоминирующих этнических групп (мигранты с Северного Кавказа и Азии в Москве и русские в Риге). Эмпирические данные исследования обрабатывались при помощи моделирования структурными уравнениями.

Данные математико-статистического анализа позволили получить следующие результаты. Чувство воспринимаемой безопасности способствует этнической толерантности в трех выборках (мигранты Москвы, русские Москвы и русские в Латвии). Воспринимаемая безопасность не

имеет статистически значимых связей с мультикультурной идеологией на московской выборке, но в латышской выборке мы обнаружили такую взаимосвязь. Предпочтение стратегии интеграции среди мигрантов в Москве, а также среди русских в Латвии способствует их социокультурной адаптации и оказывает существенное позитивное влияние на удовлетворенность жизнью у русских москвичей, но не имеет никакого влияния в латвийской выборке.

Результаты нашего исследования говорят о том, что есть влияние контакта принятия других в трех группах: мигранты в Москве, русское меньшинство в Риге и русские в Москве. Однако среди русских в Латвии, существует отрицательная связь между контактами и воспринимаемой безопасностью.

В целом исследование позволило прийти к следующим выводам. Гипотеза мультикультурализма была подтверждена на примере доминирующей группы в Латвии (латыши) и была

частично подтверждена на выборках мигрантов и русских в России.

Гипотеза контакта получила частичную поддержку в обеих группах в Москве и на выборке русского меньшинства в Риге, но не подтвердилось на выборке латышей. Также мы получили частичную поддержку предположения о значительной роли стратегии интеграции для социокультурной адаптации и субъективного благополучия мигрантов Москвы, русских москвичей и для русского меньшинства в Риге. Эти выводы требуют дополнительного анализа социально-политического и исторического контекста Латвии для того, чтобы понять психологические по-

следствия аккультурации русского меньшинства в этой стране.

Литература

1. *Berry J.W.* (2012). Intercultural relations in plural societies: A comparative perspective // A. Azzi, E.X. Chrysochoou, B. Klandermans, B. Simon (Eds), Identity and participation in culturally diverse societies. Oxford: Wiley Blackwell. P. 279–295.

2. *Berry J.W.* Research on multiculturalism in Canada // International Journal of Intercultural Relations. 2013. No 37 (6). P. 663–675.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЕЖЬЮ РЕКЛАМНЫХ ОБРАЗОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Медведева Т.Ю., кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой продюсерства и музыкального образования

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Старостина Е.С., PR-директор

ЧУДО «Студия «Ювента»

Аннотация. Рассмотрены особенности восприятия молодежью рекламных образов в социальных сетях ВКонтакте, Instagram, Facebook. На основе проведенных опросов среди молодежи, аналитики социальных сетей и данных ресурсов по мониторингу и аналитике социальных медиа, авторы описывают особенности восприятия рекламного контента, оказывающего наибольшую обратную связь и вовлеченность молодой аудитории: количественные и качественные характеристики информации.

Ключевые слова: реклама, социальные медиа, молодежь, массовая культура.

Abstract. Article is devoted to questions about peculiarities of perception of advertising images of young people in social networks ВКонтакте, Instagram, Facebook. On the basis of surveys among young people, the analysts of social networks and this resources on monitoring and analytics of social media, the authors describe the features of perception of advertising content, that has the greatest feedback and involvement of the young audience: quantitative and qualitative characteristics of information.

Keywords: advertising, social media, youth, mass culture.

В условиях социокультурной трансформации российского общества изучение рекламы с точки зрения психологии приобретает все большее значение, так как сегодня реклама становится частью повседневной общедоступной культуры, информационной составляющей коммуникационных процессов и выступает одним из показателей развития общества. Рекламу по праву счита-

ют одним из мощнейших средств воздействия на массовое сознание.

Для выполнения своего основного предназначения реклама стремится найти способ привлечь внимание, завоевать потенциального покупателя, в связи с чем количество рекламных средств, применяемых на практике, непрерывно возрастает. Психологическое воздействие рекламной

информации проявляется в процессах переработки рекламных сообщений – эмоциях, мыслях, возможных решениях, обуславливающих конкретные поведенческие акты покупателя. С одной стороны, в рекламный процесс оказываются вовлеченными феномены переработки информации – ощущения, восприятия, внимание, памяти. С другой стороны, в процессах переработки рекламной информации активно участвуют отношение человека к рекламному сообщению, его эмоции и чувства, например чувства удовольствия, собственного достоинства, зависти, его понимание и принятие в сознание или, напротив, отторжение воспринятого и понятого, но не разделенного, не принятого потребителем содержания.

Динамика социально-экономических и культурных преобразований в обществе XXI в. связана с активным внедрением новых информационных технологий, актуализацией самореализации «человеческого потенциала», что требует переосмысления содержания рекламного контента [2].

Популярная сегодня интернет-реклама имеет определенные вполне сформировавшиеся жанры, которые можно объединить в целостную единую систему. Универсальные свойства интернета позволили собрать примеры всех классических видов рекламы воедино и обогатить этот арсенал оригинальными формами рекламирования [3].

По данным Росстата, молодежь составляет 22 % от общей численности населения страны, в связи с чем представляет особый интерес в изучении особенностей восприятия рекламы в современном обществе.

С целью выявления наиболее эффективных каналов донесения информации до молодежи нами было проведено исследование, в котором приняли участие более 300 молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет, проживающих в г. Нижнем Новгороде. Респондентам было предложено заполнить анкету, предлагающую по 5-балльной шкале оценить 18 различных источников, через которые они привыкли получать информацию.

Мы выяснили, что большую часть своих познаний молодые люди черпают из сети интернет, в частности социальные сети (VKontakte, Instagram, Facebook) – наиболее популярные коммуникационные сетевые площадки для современной молодежи (1). В связи с этим изучение характера рекламных сообщений, особенностей интернет-рекламы становится наиболее актуальным.

Помимо того факта, что молодежь в большинстве своем склонна воспринимать интернет, в частности социальные сети, как основной источник информации, она не склонна проверять контент на достоверность. В качестве примера можно привести эксперимент одного из самых популярных сообществ в социальной сети ВКонтакте – MDK (более 7 млн подписчиков), который опубликовал пост о смерти Джима Керри, чтобы проверить, насколько они влиятельны среди своих читателей. Данный пост набрал тысячи репостов и лайков (аудитория на тот момент была 2 млн человек): люди соболезновали, писали комментарии, однако не проверили информацию в других источниках, что говорит о высокой лояльности к социальным медиа.

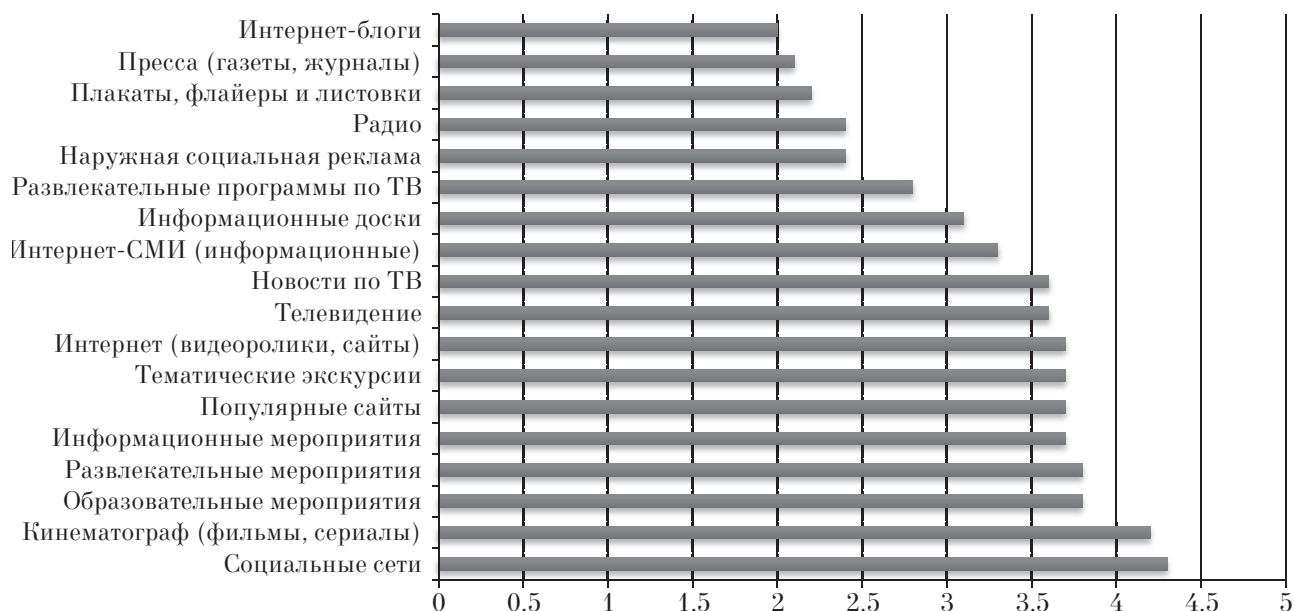

Рис. 1. Оценка привлекательности источников информации по 5-балльной шкале

В связи с этим продвижение продуктов и услуг через таргетинговую рекламу, паблики и группы видится наиболее целесообразным инструментом рекламной деятельности. Необходимо отметить, что работа в социальных сетях подразумевает систематическое генерирование контента (посты) преимущественно визуального формата (видео, комиксы, мемы и т.д.).

Американский нейрофизиолог Дэниел Левитин в своей книге «Организованный ум: мышление в век информационной перегрузки» приводит следующие данные: 21 274 телевизионных станции производит 85 тыс. часов оригинальных программ в день, из которых люди в среднем смотрят по 5 часов в сутки, что составляет порядка 20 гигабайт фото- и видеоданных. При этом на YouTube каждый час заливается более 6 тыс. часов роликов. Всего люди создали уже порядка 300 экзатбайтов данных (три в двадцатой степени, шесть триллионов романов «Война и мир»). Каждое обновление статуса, каждый твит, каждое текстовое сообщение борется за ресурсы мозга с более важными вопросами, утверждает автор. По оценке двух независимых исследователей, психолога Михая Чиксентмихайи и инженера Роберта Лаки, сознание человека может воспринимать не более 120 бит информации в секунду. Именно такому количеству данных он может уделять внимание в каждый конкретный момент [1].

Целью нашего исследования является изучение особенностей восприятия молодежью рекламных образов в социальных сетях (VKontakte, Instagram, Facebook). Совместно с коммуникативным агентством «Космос-4» было проведено исследование. В течение месяца в двух сообществах нейтрального характера (более 5 тыс. подписчиков в возрасте от 16 до 30 лет) публиковались разные типы постов, в том числе рекламного характера. Всего было опубликовано 143 поста.

По итогам исследования были сделаны следующие выводы по данным аналитики данных сообществ в социальных сетях VKontakte, Instagram, Facebook:

- ◆ наибольшее количество просмотров (более 500 просмотров) набирал видеоконтент продолжительностью не более 2 минут;
- ◆ тексты, содержащие более 2 абзацев, также представляли меньший интерес аудитории по сравнению с текстами, состоящими из 1–2 абзацев (обработка результатов проводилась при помощи ресурса по аналитике и мониторингу социальных медиа <http://wobot.ru/>);
- ◆ контент, не содержащий зрительных образов, также снижал вовлеченность аудитории в 5 раз;
- ◆ аудитория показывала большую вовлеченность при использовании информации, в которой показана жизнь, которой хотели бы жить молодые люди, т.е. веселиться, развлекаться, устраивать вечеринки. Большее количество комментариев и лайков набирали записи с образами молодежи, с которой молодые люди идентифицируют себя и делают то же, что и они.

Таким образом, социальные сети являются наиболее эффективным каналом донесения информации до современной молодежи. Зрительные образы, тексты, имеющие размер не более 2 абзацев, и видео продолжительностью не более 2 минут увеличивают вовлеченность молодежной аудитории и повышают интерес к рекламируемому продукту.

Литература

1. Daniel J. Levitin. The Organized Mind: Thinking Straight in the Age of Information Overload. 2014 528 p.
2. Медведева Т.Ю., Марик В.Б. Возможности применения информационных технологий в процессе профессионального самоопределения будущего специалиста сферы искусства и культуры // Сетевое издание «Вестник Мининского университета». 2015 № 1. http://www.mininuniver.ru/mediafiles/u/files/Nauch_deyat/Vestnik/2015-04-16/Medvedeva_T.YU..pdf (дата обращения:)
3. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях. М. Манн, Иванов и Фербер, 2014. 240 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Рассматриваются содержательные особенности просоциального поведения и культура как основной регулятор социального поведения личности.

Ключевые слова: просоциальное поведение, виды, нормы, мотивация, мера, частота, парциальность, культура.

Abstract. Considers the meaningful peculiarities of prosocial behavior and culture as the primary regulator of social behavior.

Keywords: prosocial behavior, types, norms, motivation, measure, frequency, parcelnet, culture.

Просоциальное поведение (от лат. *pro* – приставка, обозначающая действующего в интересах кого-то, и *socialis* – общественный) – это поведение индивида, ориентированное на благо отдельного человека или социальных групп. При этом большинство просоциальных поступков не являются абсолютно бескорыстными, а совершаются ради своего имиджа, завоевания дружбы и так далее или самовознаграждения [1; 4]. Изучение такого поведения становится особенно актуальным в условиях возрастающей жестокости, цинизма и агрессии, характерных для современного общества.

Г. Карло выявляет шесть типов просоциального поведения: уступчивый (оказание помощи в ответ на просьбу), публичный (оказание помощи перед другими), анонимный (помогающий анонимно), экстренный (помогающий в чрезвычайных ситуациях), эмоциональный (помогающий в эмоциональных ситуациях) и альтруистический тип (помогающий без ожидания награды) [7].

Мотивацию просоциального поведения раскрывают теория социального обмена, рассматривающая все межличностные отношения, в том числе и оказание помощи, как меновые (получить вознаграждение/минимизировать издержки) [4] и теория социальных норм, (в обществе существуют определенные правила – социальные нормы) [4]. Среди них: норма взаимности (отвечать добром тем, кто пришел нам на помощь), норма социальной ответственности (забота о тех, кто нуждается в этом, не надеясь на благодарность), норма социальной справедливости (помощь тем, кто «заслуживает» ее, вера в справедливое устройство мира).

Рассматривая просоциальное поведение с точки зрения категории «деятельность», для анализа которой воспользуемся «инвариантной структурой деятельности», включающей в себя ее мотивацию, оперативный образ объекта деятельности и совокупность исполнительских действий [6].

Относительно мотивов просоциального поведения используется термин «просоциальная мотивация», под которой понимается целостная система побудительных процессов, направленных

на благо других людей или общества в целом, обладающих социальными последствиями, классифицируемые как социально полезные действия [2].

Для описания объекта помощи и его нуждемости используются категории «мера», «парциальность» и «частота просоциального поведения», вскрывающие, кому (какому объекту), что (какая помощь) и как часто оказывается [5].

Как независимая переменная, влияющая на поведение человека, как общий контекст, на фоне которого осуществляется поведение личности, как фактор, опосредующий и определяющий взаимосвязи между другими переменными в современной кросс-культурной и этнической психологии рассматривается культура [3].

Иными словами, важнейшей функцией культуры является регуляция социального поведения личности, выполняемая на основе ценностей, составляющих ядро любой культуры. Под ценностями понимаются обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения.

Организация ценностей зависит от иерархии потребностей человека, образует содержательную сторону направленности, определяя мотивы поведения и деятельности, а также склонности и характер человека, является идеалом жизни и деятельности, а также критерием их оценки. Система ценностей образует внутренний стержень культуры каждого отдельного этноса и всего человечества в целом.

Таким образом, ценности рассматриваются как одна из главных психологических и культурно обусловленных характеристик, определяющих отношение человека к окружающим людям.

Литература

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
2. Брессо Т.И. Социокультурные детерминанты просоциальной мотивации студентов социально-экономических профессий: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2013. 172 с.

3. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.

4. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 2007.

5. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление: дисс. ... д-ра психол. наук. Ростов н/Д, 1998. 392с.

6. Шамионов Р.М. Психология социального поведения личности. Саратов: Наука, 2009. 186 с.

7. Sociocognitive and behavioral correlates of a measure of prosocial tendencies for adolescents / G. Carlo, A. Hausmann et al. // The journal of early adolescence. 2003. Vol. 23. P. 107–134.

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРАХ¹

Знаменская И.И.

Александров Ю.И., доктор психологических наук, профессор
Лаборатория психофизиологии имени В.Б. Швыркова Института психологии РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Изучались моральные суждения русских и казахов, носителей русского языка, живущих на одной территории ($n = 59$). Обнаружено, что выбор «пожертвовать или нет жизнью животного ради комфорта человека» связан с этнокультурными традициями взаимодействия с теми или иными животными. Моральные оценки поступка агрессора также связаны с полом.

Ключевые слова: субъективный опыт, нравственное отношение к животным, русские, казахи, этнокультурные различия.

Abstract. The actual problem of the human's moral attitude toward animals is discussed. We constructed a new method for moral attitudes' researches. Our preliminary data have shown that new method is valid, discriminative and consistent. Finally we discuss some differences between Russian and Kazakh culture within the same territory.

Keywords: moral attitude toward animals, Russians, Kazakh, subjective experience, ethnocultural differences.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-06-10895).

Настоящее исследование направлено на изучение структуры отношения к животным у людей разных национальностей (русских и казахов), живущих на одной территории (Саратов, Россия). Эти люди являются носителями русского языка, однако их менталитет во многом формируется под влиянием разных традиций, связанных с русской и казахской культурами, включающими православие и ислам соответственно. Тестировались альтернативы исследовательской гипотезы о сходстве и различиях в моральных суждениях людей, принадлежащих разным национальностям, но живущих на одной территории; при этом выделялись переменные выбора стратегии (поддержка человека-агрессора либо животного-жертвы) и оценки поступка агрессора.

Участники исследования. 59 человек, живущих в г. Саратове и являющихся носителями рус-

ского языка; 34 казаха (18 женщин), 25 русских (13 женщин), в возрасте 18–31 год ($Med = 20$).

Методика представляет собой онлайн-документ на основе платформы «Google Формы», состоящий из восьми страниц: вводная инструкция, 6 дилемм, анкетные данные респондента. Две дилеммы тестируют отношение к диким животным, две – к домашним, две – к гипотетическим инопланетным существам. Время выполнения всей методики – 15–30 минут. Доказана удовлетворительная надежность – согласованность, дискриминативность и валидность методики [1].

Результаты. В группе казахов стратегия поддержки жертвы (не убивать животное ради комфорта человека) является преобладающей в двух дилеммах об инопланетянах и одной о собаках (отличие от равномерного распределения, соответственно, $\chi^2 = 10,839$, $p < 0,001$; $\chi^2 = 8,758$, $p < 0,005$; $\chi^2 = 8,758$, $p < 0,005$). В группе русских

стратегия поддержки жертвы преобладает в тех же дилеммах ($\chi^2 = 21,160, p < 0,0001$; $\chi^2 = 11,560, p < 0,001, \chi^2 = 11,560, p < 0,001$). В дилемме о сусликах у казахов преобладает стратегия поддержки агрессора (пожертвовать жизнью животного ради комфорта человека) ($\chi^2 = 7,529, p = 0,006$). В дилемме о сусликах у русских не выявлено преобладающей стратегии ($\chi^2 = 1,960, p = 0,162$). В дилемме об отношении человека и собаки в ответах казахов нет преобладающей стратегии ($\chi^2 = 0,471, p = 0,493$), а у русских наблюдается тенденция к преобладанию стратегии поддержки собак ($\chi^2 = 3,240, p = 0,072$).

Ответы на дилемму о сусликах достоверно коррелируют с национальностью (τ Кендалла = 0,375, $p = 0,004$). Казахи (традиционно использующие суслиный жир как средство народной медицины) чаще считают приемлемым убийство сусликов ради получения лечебного жира для людей, в то время как для русских ответ на эту дилемму не является таким очевидным. Но при этом в моральных оценках поступка агрессора (по 5-балльной шкале «плохо – хорошо») не было обнаружено различий между двумя нацио-

нальными группами. Оценки в группе казахов достоверно связаны не с национальностью, а с полом ($U = 85,500, p = 0,003$): женщины-казашки склонны оценивать убийство сусликов строже, чем мужчины-казахи. В группе русских таких связей не обнаружено.

Заключение. Таким образом, выявлено, что отношение к животным связано с этнокультурными традициями, но при этом оценка поступка человека, причинившего вред животному, связана также с полом оценивающего. На следующих этапах исследования планируется сравнение людей одной национальности, но живущих в разных социокультурных условиях (в России и Казахстане).

Литература

1. Знаменская И.И., Александров Ю.И. Отношение к животным в русской и казахской культуре: разработка и апробация методики // 7-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы / отв. ред. М.О. Мдивани. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 190–192.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Маслова О.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета
Российский университет дружбы народов

Аннотация. Рассматриваются результаты проведенного эмпирического исследования представлений о любви жителей Центральноафриканской Республики ($n = 50$) и России ($n = 50$), анализируется психологическое значение любви в этих культурах.

Ключевые слова: представления о любви, ценностно-смысловой аспект любви, кросс-культурное исследование.

Abstract. In the article the results of the conducted empirical investigation of ideas about the love of the representatives of Central African Republic ($n = 50$) and Russia ($n = 50$) are examined.

Keywords: idea about the love, the value- semantic aspect of the love, intercultural study.

Трудно назвать другое, более фундаментальное и значимое для человека чувство, чем любовь. Люди испытывают его повсеместно. Но одинаковы ли компоненты и психологическое значение любви в отличающихся культурах? На основе данных кросс-культурных исследований Д. Мацумото выдвинул гипотезу о том, что концепты любви различаются в разных культурах [3]. Выдвинутая ученым гипотеза представляется нам убедительной, и мы попытались ее проверить,

сравнив представления о любви в двух различающихся культурах.

В исследовании Э. Коянонго, проведенном под нашим руководством, приняли участие 100 человек: 50 представителей Центральноафриканской Республики (ЦАР) и 50 россиян. Группы были уравнены по полу и сопоставимы по возрасту. Был применен опросник «Представления о любви» [2, с. 112–118], направленный на выявление ценностно-смысло-

го аспекта любви и ассоциативный эксперимент на слово «любовь».

В целом все испытуемые – как центрафриканцы, так и россияне – рассматривают любовь как возвышающую человека силу, как источник всего доброго и светлого, проявление уникального и лучшего в человеке. Они склонны идеализировать данное чувство, рассматривать его как некий романтический идеал, созидательную силу, способную преодолевать различные трудности. Общим в представлениях и россиян, и центрафриканцев, является также ее связь с самоотдачей, служением, умением отдавать, а также со смыслом жизни.

Однако показатели по шкалам (отражающие степень согласия) «Любовь – возвышающая человека сила» и «Любовь – самоотдача» у центрафриканцев значимо выше, чем у россиян. С наиболее позитивными и нравственно возвышенными высказываниями о любви представители ЦАР согласны в большей степени, чем россияне. Так, они в большей степени, чем россияне, согласны с такими высказываниями о любви: «Любить глубоко – это значит забыть о себе» ($p < 0,05$), «Любить – значит жить жизнью того, кого любишь» ($p < 0,001$), «Сострадание – высшая стадия любви, а, возможно, и сама любовь» ($p < 0,001$) и др. Россияне, напротив, значимо сильнее, чем центрафриканцы, согласились с некоторыми условно отрицательными утверждениями о любви, такими как «Любовь – помеха в жизни» ($p < 0,01$); «Любовь – торжество воображения над разумом» ($p < 0,001$); «Любовь зла, полюбишь и козла» ($p < 0,05$). Это свидетельствует об их меньшей романтизации значения любви.

Различия по данным опросника были дополнены результатами ассоциативного эксперимента. Для выявления структуры представлений была использована методика П. Вержеса [4]. В «ядро» представлений о любви у центрафриканцев вошли: любовь, чувства, нежность, уважение и уме-

ние отдавать, в то время как у россиян в области ядра оказались: семья, доверие, надежда, страдание, страсть, самопожертвование и дружба. Как видим, у обеих групп любовь ассоциируется прежде всего с эмоциями и отношением к другому. Но сами эмоции – очень разные по тональности. Концепт любви у россиян получился более амбивалентным, чем у центрафриканцев.

Показательно, что только 3 ассоциации являются общими для двух групп. Это страсть, дружба и терпение. Невольно напрашивается аналогия с теорией Р. Стернберга, в которой выделяются 3 стороны любви: страсть, интимность (понимаемая как теплота, близость, откровенность, взаимопомощь) и преданность [3]. Таким образом, результаты проведенного ассоциативного эксперимента подтверждают справедливость трехкомпонентной модели любви Р. Стернберга.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что представления о любви в столь далеких друг от друга культурах во многом схожи. Однако концепт любви у россиян в большей степени амбивалентен. Вероятно, это одно из проявлений «загадочной антиномичности» и «двойственности» русской души, о которой так ярко писал Н. Бердяев [1, с. 18].

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
2. Джидарьян И.А., Беловол Е.В., Маслова О.В. Разработка методики изучения представлений о любви // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 111–119.
3. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб., Прайм-Еврознак, 2008.
4. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. 1992. Т. XLV. No 405. P. 203–209.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ В ИГРОВОМ ПОВЕДЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ Г. ТОЛЬЯТТИ

Постникова Д.В.

Феденюк Ю.Н., кандидат исторических наук

Бутовская М.Л., доктор исторических наук, профессор

Институт этнологии и антропологии РАН

Аннотация. Представлены результаты исследования взаимосвязи пяти основных черт личности (экстраверсии, нейротизма, согласия, открытости опыту и сознательности) и игрового поведения подростков. Для анализа использованы данные, собранные в учебных заведениях г. Тольятти.

Ключевые слова: черты личности, пятифакторная модель, игра, стратегии поведения, адаптивность, экстраверсия, нейротизм, согласие, открытость опыту, сознательность.

Abstract. This paper presents the results which show how five main personality traits (extraversion, neuroticism, agreeableness, openness to experience, conscientiousness) correlate with play behavior among teenagers. The analysis is based on field data collected in schools of Tolyatti city.

Keywords: personality traits, five-factor model, play, behavior strategy, adaptability, extraversion, neuroticism, agreeableness, openness to experience, conscientiousness.

Согласно эволюционной теории поведения черты личности человека должны быть функциональны, т.е. соответствовать условиям среды формирования вида. В настоящее время можно констатировать несогласованность динамики развития человеческого общества и эволюционной приспособленности человека к условиям среды [2; 3].

Одной из наиболее востребованных моделей изучения черт личности является пятифакторная модель [8]. *Пятифакторной моделью называют* комплексную классификацию черт личности, отображающую склонность к определенному стилю мышления, способам действия, специфическому эмоциональному состоянию. Пятифакторная модель состоит из независимых друг от друга факторов: экстраверсии, нейротизма, согласия, сознательности и открытости новому опыту [7]. В рамках модели личность рассматривается с позиции теории личностных черт, согласно которой предполагается их социокультурная и генетическая обусловленность. Данные факторы наследуются генетически на уровне приблизительно равном 50 % [10, с. 61]. Оставшиеся 50 % изменчивости факторов объясняются влиянием индивидуальной среды. Данная модель универсальна для всех изученных по этой схеме культур [9].

Одним из аспектов проявления черт личности являются стратегии игрового поведения [4]. Игра встречается в своих основных проявлениях в животном мире, в детской среде и во взрослом обществе, ничем принципиально не отличаясь. Игра – это свободный вид деятельности, направленный на развлечение, развитие навыков, самовыражение, соревнование. Игра основана на строгом своде правил, способствует образованию сообществ, установлению иерархий [1]. Ограничено время и замкнуто пространство игры [5]. Игровое поведение имеет также непосредственное отношение ко многим видам социальной деятельности, которые в обыденном понимании не связаны с игрой: это может быть потлач и другие чрезмерные акты дарения, демонстративные уничтожения вещей,

театральные представления, государственные и религиозные церемонии, ритуальные действия, спортивные состязания, право, порядок, общение, предпринимательство, ремесло, искусство, поэзия, наука, спорт [6].

Объектом данного исследования стали учащиеся ПТУ и вузов г. Тольятти. Объем выборки составил 341 человек, из них 183 юноши и 158 девушки. Исследование проводилось методом анкетирования с применением двух различных опросников: инструментария НЕО, предназначенного для оценки пяти основных факторов личности, и опросника по стратегиям игрового поведения.

В результате исследования нами установлена достоверная связь между чертами личности и стратегиями игрового поведения подростков. Выявлены гендерные различия в игровых предпочтениях (индивидуальные или коллективные игры), стиле игры и стремлении лидировать и побеждать. Экстраверты в целом более открыты в общении, предпочитают инициировать игры, менять свои роли в процессе игры и подшучивать над другими. Напротив, учащиеся с высокой степенью нейротизма не инициируют игры и не стремятся к лидерству. Подростки с высоким уровнем открытости к новому опыту предпочитают соревновательным играм те, в которых можно чему-либо научиться, и также не стремятся к лидерству, но при этом ратуют за справедливость и соблюдение правил игры. Это также верно и для учащихся с высоким уровнем согласия. Таким образом, уже в детстве через игру закладываются модели поведения личности, которые во взрослой жизни могут применяться в различных сферах – от актерского мастерства до бизнеса и политики.

Литература

1. Агрессия и мирное сосуществование: универсальные механизмы контроля социальной напряженности у человека / под ред. М.Л. Бутовской. М.: Научный мир, 2006. 276 с.

2. Социальная среда как фактор отбора адаптивных комплексов в современном обществе / М.Л. Бутовская, Е.В. Веселовская, В.Н. Буркова и др. // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 192–198.

3. Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Прудникова А.В. Модели биосоциальной адаптации человека и их реализация в условиях индустриального общества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44) С. 143–154.

4. Морозов И.А., Слепцова (Кызласова) И.С. Игра как фактор формирования личности и определения жизненных стратегий в этнографических и этнокультурных контекстах // Вестник РГНФ. 2011. № 1. С. 16–24.

5. Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. «Дом моей мечты»: игра с реальностью в представлениях современных подростков молодежи // Личность: Игра и реальность. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 235–258.

6. Хейзинга Й. Homo ludens Человек играющий. СПб.: Азбука классики, 2007. 387 с.

7. Acton G.S. Resources on five major dimensions of personality, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.personalityresearch.org/bigfive.html> (дата обращения:)

8. Costa P. T. Jr., McCrae R. R. The NEO Personality Inventory Manual, Psychological Assessment Resources. Odessa, FL, 1985.

9. McCrae R. R., Costa P. T., Jr. Personality trait structure as a human universal // American Psychologist. 1997. 52. P. 509–516.

10. Handbook of Psychology / I.B. Weiner, D.K. Freedheim et al. // Personality and social psychology. Vol. 5. 2003. 668 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЖЕНЩИН К НОВЫМ КРОСС-КУЛЬТУРНЫМ УСЛОВИЯМ

Ермакова Е.С., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной психологии

Чернова Г.Р., кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной психологии
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I

Аннотация. Рассматриваются особенности психологической адаптации женщин к новым кросс-культурным условиям. Выявлены связи психологической адаптации с показателями личностного адаптивного потенциала, мотивационными установками и ожиданиями женщин, социально-демографическими и личностными чертами адаптантов.

Ключевые слова: психологическая адаптация, кросс-культурная адаптация женщин, аккультурация.

Abstract. Features of women' psychological adaptation to new cross-country-cultural conditions are considered. Communications of psychological adaptation with indicators of personal adaptive potential, motivational installations and expectations of women, socially-demographic and personal adaptant's lines are revealed.

Keywords: psychological adaptation, women cross-country-cultural adaptation, acculturation.

В настоящее время, когда происходит активное взаимодействие разных культур, особую актуальность приобретает изучение процесса адаптации к новым кросс-культурным условиям, в широком смысле понимаемым в качестве сложного феномена, способствующего соответствию (совместимости) с новой культурной средой. Для адаптирующегося человека важна внутренняя сторона адаптации, выражающаяся в чувстве удовлетворенности и полноты жизни, и ее внеш-

няя сторона, проявляющаяся в участии индивида в социальной и культурной жизни новой страны [2].

В процессе аккультурации каждый человек одновременно решает две важнейшие проблемы: стремится сохранить свою культурную идентичность и включается в чужую культуру. Комбинация возможных вариантов решения этих проблем дает четыре основные стратегии аккультурации:

ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация [4].

В нашем исследовании изучалась связь психологической адаптации с личностным адаптивным потенциалом, коммуникативным потенциалом, поведенческой регуляцией и морально-нравственной нормативностью; с мотивационными установками и ожиданиями, связанными с переездом; с социально-демографическими факторами (возраст, социальный статус, предшествующий опыт долговременной миграции) и с личностными свойствами русских женщин в возрасте от 23 до 61 года, переехавших на постоянное место жительства в Швейцарию.

Выяснено, что высокий уровень интернальности является предпосылкой для более успешной адаптации женщин к новой кросс-культурной среде. Значимую роль в адаптации к новой культуре играет самый близкий человек – муж. Если его поддержка достаточна, адаптация проходит легче. Легкость в адаптации к новой культуре связана с кругом общения: облегчает адаптацию включения в свой круг общения коренных представителей новой культуры.

Значима роль в адаптации карьерных стремлений: если они высоки, адаптация затрудняется, поскольку респонденты испытывают сложность построения карьеры в новой среде. Если испытываемые больше ориентированы на творчество, чем на карьеру, то адаптация проходит легче.

У женщин с высоким уровнем личностной тревожности наблюдаются ярко выраженные негативные переживания, представленные рядом тревожно-депрессивных эмоций (вина, стыд, гнев), что осложняет процесс адаптации к новым кросс-культурным условиям.

Выявлены достоверные корреляционные связи между адаптацией и возрастом: чем старше возраст женщин изучаемой выборки, тем легче проходит адаптация, что можно объяснить более адекватными объективными ожиданиями от переезда и снижением карьерных амбиций с возрастом.

Нами отмечено наличие обратной корреляционной связи между уровнем личностного адаптационного потенциала (ЛАП) и уровнем адаптации: чем выше уровень ЛАП, тем хуже адаптация. Кроме того, обнаружена обратная корреляционная связь между уровнем поведенческой регуляции и уровнем адаптации. Полученные данные позволяют полагать зависимость успешности адаптации женщин от их личностного адаптивного потенциала, состоящего из коммуникативного потенциала, поведенческой регуляции или нервно-психической устойчивости и морально-нравственной нормативности, что сопровождается развитием стресса аккультурации, проявляющегося в виде сложного динамического комплекса эмоциональных состояний, структура и характер изменений которого обусловлены индивидуально-психологическими особенностями адаптантов. При этом наилучший результат дает использование такой стратегии аккультурации, как интеграция, т.е. принятие основных ценностей и образцов поведения в новой культуре с опорой и сохранением основных ценностей своей исконной культуры.

Полученные в исследовании результаты позволили разработать рекомендации по улучшению уровня адаптации женщин к новым кросс-культурным условиям, исходя из особенностей поведенческой регуляции и коммуникативного потенциала адаптантов.

Литература

1. Берри Дж.У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 183–194; // Развитие личности. 2002. № 1. С. 291–296.
2. Лебедева Н.М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество / под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Старый сад, 1997. С. 271–289.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОДУКТИВНОГО СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ¹

Норобейникова Я.П., аспирант кафедры общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15–13–18001а (р).

Удмуртский государственный университет

Аннотация. Копинг-механизмы рассматриваются как способы реализации поведения по преодолению трудной жизненной ситуации в согласовании копинг-стратегий с резервными и ресурсными возможностями человека. Установлено, что характер отношений между копинг-стратегиями и ресурсными возможностями этнических субъектов выражается в этнотипических особенностях совладающего поведения.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг-механизмы, культурное взаимодействие, культурная обусловленность копинга.

Abstract. The article coping mechanisms are considered as means to implement the behavior to overcome a difficult situation in reconciling the coping strategies with the backup and resources of a person. It is established that the nature of the relationship between coping strategies and resources, ethnic actors is expressed in an ethno typical the features of coping behavior.

Keywords: coping behavior, coping mechanisms, cultural interaction, cultural conditionality of coping.

В эпоху формирования единого экономического, образовательного и социального пространства межкультурное взаимодействие является необходимостью и нормой современной жизни [1]. Культурное исследование таких феноменов, как осознание личностных особенностей «своих» и «чужих» [5; 6], трудных жизненных ситуаций в разных культурах и различных паттернов совладания с ними, способствует лучшему пониманию друг друга, налаживанию успешного сотрудничества между представителями разных стран [4].

Цель исследования – выявить вероятность выбора копинг-стратегий в ситуации инкультурного и интеркультурного взаимодействия респондентами с высокой и низкой активностью преодоления трудностей в связи с их резервными и ресурсными возможностями.

Участники исследования – 168 студентов в возрасте 17–22 года, обучающиеся в Удмуртском государственном университете на факультетах удмуртской филологии (85 студентов) и русской филологии (83 студента).

Методики – для диагностики особенностей поведения в проблемной ситуации культурного взаимодействия применялся тест рисуночной фрустрации Розенцвейга (Picture-FrustrationStudyS. Rozenzweig); для выявления функционального резерва использовался опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова; для исследования субъектного ресурса – тест суждений А.И. Крупнова; для выявления интересубъектного ресурса – метод диагностики межличностных отношений Т. Лири и методика К.Н. Томаса для диагностики поведения в конфликтной ситуации; для выявления копинг-стратегий – методика психологической диагностики копинг-стратегий Е. Хайма.

В ходе обобщения результатов выявлено, что в проблемной ситуации культурного взаимодействия заявляет о себе механизм снятия адаптивных и относительно-адаптивных копинг-стратегий. Теряется целесообразность использования определенных копинг-стратегий за счет мобилизации культурно обусловленных ресурсов (этнопсихологических особенностей). «Зависимый – послушный» тип межличностных отношений (интерсубъектный ресурс) у удмуртов в инкультурном взаимодействии снижает вероятность выбора (снятие) стратегии «сохранение самообладания» (когнитивная, адаптивная). «Экстернальность» (субъектный ресурс, регуляторный компонент) русских в интеркультурном взаимодействии снижает вероятность выбора (снятие) стратегии «компенсация» (поведенческая, относительно-адаптивная).

Очевидно, что снимается необходимость в дополнительных усилиях для сохранения самообладания у удмуртов и потребность в отвлекающем исполнении каких-либо собственных желаний у русских в противодействии факторам, приводящим к дестабилизации межэтнических отношений. Значит, мощность ресурсов (этнопсихологических особенностей) достаточна для противостояния вызовам и рискам без дополнительных усилий (способов совладания), так как сам по себе копинг включен в этнотипические модели поведения [3; 5].

Литература

1. Кросскультурная психология. Исследования и применение / Д.В. Берри, А.Х. Пуртинга, М.Х. Сигалл и др. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 558с.
2. Васюра С.А., Коробейникова Я.П. Стратегии совладания юношей и девушек студенческого возраста в связи с уровнем их коммуникативной

активности // Казанский педагогический журнал. 2014. № 1. С. 123–131.

3. *Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю.* Интегральная индивидуальность и этнические особенности человека. Пермь: Изд-во ПГПУ, 1997. 65 с.

4. *Крюкова Т.Л.* Социальные представления и установки как факторы совладания с трудностями межкультурного диалога россиян и западноевропейцев // Вестник РГНФ. 2010. № 1. С. 157–166.

5. *Хотинец В.Ю.* К вопросу об основных подходах к изучению этничности в зарубежной и отечественной науке (позиция этнопсихолога) // Мир психологии. 2001. № 4. С. 135–145.

6. *Хотинец В.Ю., Молчанова Е.А.* Опосредующая роль этнического образа в межэтнических отношениях // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 40–57.

ПСИХОТЕРАПИЯ И МУЗЫКА: О ВОСПРИЯТИИ ПЕСНОПЕНИЙ ИЕРОМОНАХА РОМАНА СОВРЕМЕННОКАМИ

Фанталова Е.Б., кандидат психологических наук, профессор кафедры нейро-и патопсихологии развития

Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Раскрывается тема творчества Иеромонаха Романа (Матюшина), основной жанр которого – духовные песнопения. На конкретных примерах, через свой личностный опыт и через опыт других людей, имеющих разный интеллектуальный и социальный уровень, раскрывается отражение прослушанных песнопений во внутреннем мире современников и их (песнопений) духовно-ориентированный психотерапевтический потенциал.

Ключевые слова: иеромонах Роман, духовные песнопения, душевно-духовная реальность, данность и поддержка свыше, внутренний мир человека.

Abstract. Reveals the theme of creativity Hieromonk Roman (Matyushin), the main genre of which – spirituals. Using concrete examples, through their personal experience and through the experience of others, with different intellectual and social level, revealed listened chants reflected in the inner world of their contemporaries and (chant) spiritually-oriented psihoterapevtichechesky potential.

Keywords: Roman monk, spirituals, soul and spiritual reality, and given the support from above, man's inner world.

Целительное влияние музыки на душевное состояние человека известно с древних времен. Понятие «музыкальной медицины» было предложено еще Пифагором, когда он наблюдал лечебное воздействие звуков. При этом одни мелодии использовались им для лечения упаднических настроений, пассивности души, другие – против ярости и гнева, против заблуждений. В отношении классической музыки известно, что в психотерапевтических целях используются различные классические произведения, одни из которых действуют успокаивающе (в частности, мазурки и прелюдии Шопена, кантаты Баха), другие помогают в случае психических зависимостей и при фиксации на «неразрешимых проблемах жизни», заставляя задуматься о других возможных целительных путях выхода из тяжелых душевных состояний (в частности, «Лунная соната»

Бетховена, «Метель Свиридова», «Времена года» Чайковского). Песнопения иеромонаха Романа – жанр необычных духовных авторских произведений, находящихся «на стыке» духовной и светской музыки, исполняемых под тихий аккомпанемент гитары и оказывающих свое психотерапевтическое воздействие посредством проникновения в самые сокровенные глубины человеческого «Я».

Имя поэта и песнопевца Иеромонаха Романа (в миру Александра Матюшина) на сегодняшний день уже достаточно хорошо известно как в православных кругах, так и в далеких от церкви светских сообществах. Диски его песнопений и книги стихов сегодня можно достать в православных магазинах Москвы и Питера, разошлись они по всей России, стали известны за рубежом, попали теперь и в интернет. При всей разности толко-

вания его творчества современниками, от людей гуманитарного склада и различных творческих и сложных профессий до рабочих, медсестер и даже детей, мало кто не заметит присутствие редкого, необычного песенного, поэтического и духовного дара, который своей силой, неисклонной прямоотой и пронзительностью столь быстро притягивает к себе любого, кто услышит его песнопения, откроет книгу стихов. Как обращение к чьей-то знакомой душе звучат слова одной из его песен:

Мой старый друг. Когда на склоне дня
Устану петь, сомкну глаза свои,
Запеленая в безмолвие меня,
Водю умиления напои.

Коротко о личностном опыте автора в связи с восприятием песнопений Отца Романа [1]. В период затянувшейся травмы ноги мне была предложена кассета с его песнопениями в Новоспасском монастыре. Прослушивание песни «В келии лампаду затеплю» открывало сразу не просто утешение и умиротворение, с которыми вообще так связана духовная музыка, а какой-то совсем иной, глубокий, потаенный душевно-духовный пласт, до боли близкий. Может быть он и был раньше погружен в глубинах души, да вот не раскрывался до того момента, когда довелось услышать эту песню, не резонировал внутри. Как профессиональный психолог автор признает, что это было не просто открытие, а новое вхождение теперь уже в свою, вновь обретенную душевно-духовную реальность.

Проанализируем, что же происходило, когда отдельные песнопения отца Романа стали действовать как один из оптимальных вариантов духовной психотерапии. Отец Роман вроде бы ничего неизвестного не открывал, сверхъестественного – тоже, но была какая-то тайна в его поэзии, в песнопениях, заключающаяся в обретенности данности свыше. Уединение, отшельни-

ческое общение с Богом, Природой, Вечностью и уже душевно-духовный (а не просто физический) уход от мира, мирских тупиков и соблазнов, душевной обремененности, с одной стороны, и опустошенности – с другой, – все это вместе открывало неистощимый источник духовного питания, умиротворения, просветления, общения с Высшим, с Вечным. Да, услышав под тихое звучание гитары его «Келью», другая, целительная, духовно питающая келья открывалась в глубине внутреннего мира. Происходила постепенная «децентрация Я». Для сравнения напомним: во всех наиболее известных функционирующих психотехниках делается обратное: одна «часть Я» обращается к другой «части Я», первая ей что-то отвечает, они дискутируют между собой, пытаются выяснить, что же хочет их «целое Я», фрагменты которого они являются.

Со временем в православном мире, среди исполнителей и поклонников творчества Отца Романа стал известен случай с одной женщиной, которая решила покончить жизнь самоубийством, но неожиданно включенная кем-то кассета с песнопениями отца Романа остановила в ней это намерение. Почему остановила? Видимо потому, что она получила эмоциональную и не всегда внятно осознаваемую поддержку с другой стороны, а именно, поддержку свыше, которую не поимела в миру и потому не нашла в нем выхода своим самым острыми переживаниями.

Литература

1. Фанталова Е.В. Духовный опыт в психотерапии. «Душа песнопений» или творчество Иеромонаха Романа как возможный источник духовно-ориентированной психотерапии (личностный опыт автора) [Электронный ресурс] // Профессиональная Психотерапевтическая газета. 2013. Вып. 4. URL: <http://www.oppl.ru/cat/vyipusk-4.html> (дата обращения:).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СИСТЕМЕ ЗНАЧЕНИЙ СТУДЕНТОВ АРАБСКОЙ, АРМЯНСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Тушнова Ю.А.

Южный федеральный университет

Аннотация. Представлены результаты исследования особенностей репрезентации профессиональной сферы в предметном слое образа мира студентов арабской, армянской и русской национальностей, обучающихся на территории ЮФО.

Ключевые слова: образ мира, значение, профессиональная сфера.

Abstract. The publication presents the results of studies of the representation of the professional sphere in the object layer image of the world of the students Arab, Armenian and Russian nationalities studying in the territory of the Southern Federal District.

Keywords: image of the world, the value professional sphere.

В современный образовательный процесс включены представители разных культур и этносов, что обуславливает его поликультурный характер. Данная проблема актуальна для современной науки (И.С. Бессарабова, 2013; Е.В. Говердовская, 2008; Ш.С. Демисенова, 2008; Л.Т. Зембатова, 2010; Г.В. Миронова, 2007; Л.Л. Супрунова, Ю.С. Свиридченко, 2013; О.В. Хухлаева, Э.Р. Хакимов, О.Е. Хухлаев, 2015; Н.А. Шоркина, 2010 и др.). Поликультурность предполагает ассимиляцию традиций, смыслов, ценностей студентов разных национальностей, наполняющих данную образовательную среду. Жизнедеятельность в такой среде приводит к трансформации образа мира.

Исследование содержательных характеристик профессиональной сферы у студентов целесообразно осуществлять в рамках понятия «образ мира», а именно, его предметного слоя [3; 4]. Образ мира имеет деятельностный, активный характер и включает актуальную психологическую ситуацию, которая состоит из активной и потенциально активной областей. Содержание последней и определяет, какие психологические свойства в дальнейшем войдут в образ мира, а, следовательно, будут определять образ жизни [4]. Предметный слой образа мира, по В.Е. Ключко, состоит из значений, т.е. понятий, которыми люди определенной культуры обозначают предметы [3]. Значения как составляющая образа мира, так или иначе, рассматриваются многими исследователями: Е.Ю. Артемьевой (1999), Г.А. Берулава (2011), А.А. Леонтьевым (1966), Д.А. Леонтьевым (1999), В.С. Мухиной (1999), В.В. Петуховым (1984), С.Д. Смирновым (1985), В.П. Серкиным (2005) и др. Существующие исследования позволяют определить предметный слой образа мира как базисный, что акцентирует особую роль изучения содержательных характеристик систем значений различных групп.

Для изучения предметного слоя образа мира мы использовали свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). При участии трех экспертов к сфере образования были подобраны 20 слов-стимулов: абстрактные понятия, понятия организации профессиональной деятельности, понятия непосредственно профессиональной деятельности. В выборку исследования были включены

студенты различных национальностей, обучающиеся на территории ЮФО. Эмпирическую группу составили 212 студентов русской (87 человек), армянской (65 человек) и арабской (60 человек) национальностей, в возрасте от 18 до 23 лет. Для определения этнической идентичности мы учитывали собственное мнение респондентов, исходя из позиций теории социального конструктивизма [2; 5].

Результаты исследования позволили выделить сходные и диссоциирующие области в репрезентации профессиональной сферы в системе значений студентов арабской, армянской и русской национальностей. Так, сходные области профессиональной сферы характеризуются направленностью на организацию профессиональной деятельности; преобладанием в поле значений тематических признаков, что можно трактовать как повышение актуализации одноуровневых связей на основе ситуативной или смысловой смежности; семантика поля значений характеризуется дифференциацией; в ядре значений преобладают понятия, относящиеся к категории «реалии»; общими являются реалии «деньги», «успех» и качество «большой».

Диссоциирующие области представлены различиями в направленности, типах семантических признаков и степени дифференцированности поля значений, а именно:

- ◆ у студентов арабской национальности репрезентация профессиональной сферы характеризуется направленностью непосредственно на профессиональную деятельность с преобладанием предметно-предикативных признаков, семантика сферы характеризуется дифференциацией, является понятийно-описательной, с акцентированием ее деятельной природы;
- ◆ у студентов армянской национальности репрезентация профессиональной сферы характеризуется направленностью на организацию профессиональной деятельности с преобладанием категориальных и тематических признаков, семантика сферы характеризуется тенденцией к иерархизации, является понятийно-описательной;
- ◆ у русских студентов репрезентация профессиональной сферы наполнена абстрактными понятиями с доминированием тематических

и категориальных признаков, семантика сферы характеризуется тенденцией к иерархизации, является понятийно-описательной.

Литература

1. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов н/Д, 2002. 360 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
3. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский гос. ун-т, 2005. 174 с.
4. Клочко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал (Томск). Вып. 8 1998. С. 10.
5. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 623с.

СВЯЗЬ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ И НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТУДЕНТОВ Г. ТАШКЕНТА)

Митина О., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Чукарин Б., студент факультета психологии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются культурно-специфичные особенности ценностно-смысловой сферы личности в юношеском возрасте, анализируется взаимосвязь отдельных личностных ценностей с характеристиками личностного потенциала: общим уровнем осмысленности жизни и жизнестойкостью.

Ключевые слова: личностные ценности, общий уровень осмысленности, жизнестойкость.

Abstract. Culturally determined specialties of personal values and meanings in young adults are investigated, Correlations between personal values and integral traits of personality: general level of meaningfulness of live and hardiness are analyzed.

Keywords: personal values, general level of meaningfulness of live, hardiness.

Проблема формирования автономной ценностно-смысловой сферы личности – одна из наиболее важных и активно изучаемых в современной психологии индивидуальности.

Трансформация человека из «элемента» социокультурной группы в ее субъекта, который реализует и отстаивает в своем уникальном жизненном пути именно те ценности, которые придают жизни смысл, осуществляется в процессе ассимиляции социокультурных ценностей в мотивационно-потребностную структуру личности. В ходе данной трансформации социокультурные ценности становятся реально действующими мотивами, придающими определенный смысл жизнедеятельности человека. Личностные ценности мы можем определить как мотивационно-смысловые

образования, терминальные отношения человека к действительности, задающие направленность всей жизнедеятельности человека. Их источником выступает коллективный опыт социальной общности, поэтому необходимо говорить о культурной специфике ценностно-смысловой сферы личности [1].

Косвенным показателем наличия ценностей, устойчивых смысловых образований в структуре личности является общий уровень осмысленности жизни, определяемый как мера направленности субъекта в своей жизни на тот или иной смысл [1].

В тоже время трансформация общественной ценности в личности происходит в ходе практической деятельности субъекта, следовательно

но, формирование ценностно-смысловой сферы личности необходимо связано с проблемой жизнестойкости, представляющей собой систему представлений о себе, мире и отношениях с ним, способствующей активному отношению к жизни и активному преодолению различных трудностей [2].

Теоретический анализ показывает, что, несмотря на различие в определениях и функциях понятия «ценность», ряд авторов указывают на их смысловую природу, однако отсутствуют эмпирические данные, подтверждающие предположение о наличии взаимосвязи отдельных ценностей с осмысленностью и жизнестойкостью.

В исследовании приняли участие 87 человек: юноши и девушки в возрасте от 21 до 23 лет, являющиеся студентами Ташкентских вузов.

Методический инструментарий составили следующие методики: Ценностный спектр Шварца, определяющий представленность в сознании личности 19 ценностей (стоит отметить, что согласно теоретическим положениям Ш. Шварца отдельные личностные ценности образуют более сложные мотивационные конструкты, которые, в конечном счете, определяют индивидуальную или социальную направленность мотивации человека [3]); Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева [1] и Тест жизнестойкости Мадди [2].

Анализ надежности шкал по выбранным методикам и описательная статистика распределения

баллов по шкалам свидетельствует о применимости методик на данном контингенте. По результатам корреляционного анализа Пирсона (коэффициенты корреляции с уровнем значимости $< 0,05$) выявлено, что осмысленность и жизнестойкость взаимосвязаны с такими ценностями, как возможность самостоятельно мыслить и действовать, получать разнообразный жизненный опыт. Осмысленность жизни в юношеском возрасте придают также ценности, связанные с возможностью заботиться о близких людях, окружающей среде, а также с пониманием и терпимостью к другим людям, отличающимся по взглядам и представлениям, в то время как жизнестойкость связана с возможностью чувствовать себя в безопасности и сохранять честь и достоинство в глазах других людей.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
2. Рассказова Е., Леонтьев Д. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 178–209.
3. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012 No 2 (1).

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В РОССИИ

Нотова М.В., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организационной психологии департамента психологии Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Обобщены социально-психологические факторы, которые связываются исследователями с принятием политики мультикультурализма: этническая и гражданская идентичность большинства и меньшинства; взаимные установки этих групп; воспринимаемая дискриминация; отношение к политике мультикультурализма. Проведен анализ специфики проявления данных факторов в условиях российского контекста.

Ключевые слова: политика мультикультурализма, гражданская идентичность, этническая идентичность, межгрупповые установки, воспринимаемая дискриминация, Россия.

Abstract. Key social psychological factors promoting multicultural policy acceptance are summarized. These factors are: majority and minority national and ethnic identity, mutual intergroup attitudes, per-

ceived discrimination, attitudes toward multicultural policy. General and unique tendencies of these factors performance in Russia are analyzed.

Keywords: multicultural policy, national identity, ethnic identity, intergroup attitudes, perceived discrimination, Russia

Мультикультурность общества в настоящее время стала скорее правилом, нежели исключением. Политика мультикультурализма, ее принципы, причины успеха и неудачи обсуждаются не только исследователями, но и политическими деятелями [5]. При этом понятие мультикультурализма и политики мультикультурализма трактуются очень разнородно, и зачастую критика политики мультикультурализма основана на излишне широком понимании этого термина [3; 4; 5]. В рамках данной работы мы будем опираться на подход, при котором политика является мультикультурной, если она одновременно учитывает культурное разнообразие общества и поддерживает равную включенность во взаимодействие этнокультурных групп, проживающих в государстве [4].

Анализ литературы показывает, что существует ряд социально-психологических факторов, которые наиболее часто выделяются и обсуждаются исследователями как способствующие или препятствующие принятию политики мультикультурализма в обществе. Среди них: этническая и гражданская идентичность большинства и меньшинства; взаимные установки этих групп; воспринимаемая дискриминация; отношение к политике мультикультурализма [2; 4]. Действие указанных факторов связано с двумя особенностями. Во-первых, перечисленные факторы действуют не по отдельности, но взаимосвязаны и могут как усиливать, так и ослаблять друг друга. Наиболее типичное и важное для политики мультикультурализма взаимодействие факторов обобщено Дж. Берри в виде трех гипотез (мультикультурализма, интеграции и контакта), неоднократно подтвержденных эмпирическими исследованиями [4; 6]. Во-вторых, формирование и проявление каждого из феноменов, входящих в факторы, тесно связано с политическими и социальными институтами общества, в частности с правовыми аспектами статуса и взаимодействия групп и с системой образования [2; 3; 4].

Анализ специфики проявления и взаимодействия выделенных факторов в условиях российского контекста позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, изменения в социальных и политических институтах России в последнее время оставляют двоякое впечатление. С одной стороны, изменена стратегия государственной национальной политики и создано Федеральное

агентство по делам национальности, что свидетельствует о систематичном изменении национальной политики, с другой стороны, изменения в системе образования и миграционном законодательстве привели к неблагоприятным последствиям для процессов интеграции меньшинств и мигрантов. Восприятие жителями страны этого расхождения и его последствия систематически не изучены, мониторинги таких крупнейших организаций, как ФОМ и ВЦИОМ, не позволяют получить подобные данные. Тем не менее данная информация крайне важна, поскольку восприятие политических решений с необходимостью связано с восприятием взаимного статуса групп в обществе, справедливости статусных отношений, чувства безопасности, воспринимаемой дискриминацией и т.п. [2; 3; 5], т.е. основными составляющими гипотез Дж. Берри. Во-вторых, отечественные эмпирические исследования в целом подтверждают правомерность для российского контекста гипотез, предложенных Дж. Берри [5]. Однако на данный момент большее внимание приковано к изучению взаимных установок, отчасти этнической и гражданской идентичности в основном в Центральной России и на Северном Кавказе [1; 6]. В дальнейшем нуждается описание специфики регионов Российской Федерации, изучение воспринимаемой дискриминации и восприятия политических решений о межгрупповых отношениях, миграционной и национальной политике.

Литература

1. Григорян Л.К. Гражданская идентичность и антииммигрантские установки // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. в 4 кн. Книга 3 / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 446–457.
2. Arasaratnam L.K. A review of articles on multiculturalism in 35 years of IJIR // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. P. 676–685.
3. Introduction Multiculturalism and the welfare state: Setting the context // K. Banting and W. Kymlicka (Eds.), Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 1–46.

4. *Berry J.W.* Research on multiculturalism in Canada // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. P. 663–675.

5. *Koopmans R.* Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Compar-

ison // *Annual Review of Sociology*. 2013. Vol. 39. P. 147–69.

6. *Lebedeva N., Tatarko A.* Multiculturalism and immigration in Post-Soviet Russia // *European Psychologist*. 2013. Vol. 18 (3). P. 169–178.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ФАКТОР ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОДРОСТКОВ

Хван А.А., кандидат психологических наук, доцент
Новокузнецкий филиал Кемеровского государственного университета

Аннотация. Показано, что в зависимости от социокультурной ситуации места проживания городские и сельские подростки качественно различаются по личностным параметрам. Городские подростки реагируют формированием устойчивых форм различных видов утомления и увеличением ипохондричности. Сельские подростки адаптируются к окружающей среде через формирование высоких уровней тревожности и агрессивности.

Ключевые слова: социокультурная ситуация, «утомление – ипохондричность» городских и «тревожность – агрессивность» сельских подростков.

Abstract. It is shown that, depending on the socio-cultural situation, place of residence, urban and rural adolescents qualitatively different in personal settings. Urban teens react forming stable forms of various types of fatigue and increase hypochondriacal. Rural teenagers adapt to the environment through the formation of high levels of anxiety and aggression.

Keywords: socio-cultural situation, fatigue, anxiety and hypochondriacal urban-rural adolescent aggression.

В настоящее время социальный институт детства – школа – испытывает колоссальные изменения и во многих случаях не в состоянии обеспечить адекватную социализацию подрастающего поколения. Как полагает Д.И. Фельдштейн, мы просто обязаны изучать, в какой мере и в какую сторону изменяются ранее устойчивые характеристики личности подростков под влиянием «социально-культурной ситуации российского социума в целом и до различных отдельных макро- и микросред, в которые включен ребенок» [1, с. 9]. Поэтому представляется важным изучение личностных особенностей подростков в связи с меняющейся социальной ситуацией в местах их проживания (город – село).

Методика исследования включала: опросник агрессивных и враждебных реакций А. Басса – А. Дарки, опросник эмоциональной напряженности Е.С. Романовой, Гиссенский опросник, шкалу реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера – Ю.Л. Ханина, шкалу астенического состояния Л.Д. Мойновой и опросники физического, умственного и хронического утом-

ления А.Б. Леоновой. Все опросники были предварительно стандартизированы на других выборках подростков. Проведены последовательные обследования трех территориально независимых выборок городских и сельских подростков, более 2000 человек в возрасте 12–18 лет.

На первом этапе рассматривались особенности агрессивности городских и сельских подростков по стандартизированным данным. Установлено, что с возрастом происходит значительная дифференциация в уровне проявления агрессивности. Так, в возрасте 12–14 лет выявлено примерное равенство между городскими (43 % с «высоким» уровнем) и сельскими подростками (27,3 % с «высоким» и 14,3 % с «очень высоким» уровнем агрессивности). А уже в возрасте 15–16 лет у городских подростков выявлено только 29 % лиц с «высоким» уровнем агрессивности, а у сельских подростков выявлено 27 % с «высоким» и 15 % с «очень высоким» уровнем агрессивности. Очевидно, что у городских подростков происходит определенная социализация через купирование крайних форм проявления агрессивности,

а у сельских подростков уровень агрессивности с возрастом не снижается. Отметим, что агрессивность у сельских мальчиков и девочек выше, чем у их городских сверстников: более 40 % сельских мальчиков и девочек демонстрируют «высокий» и «очень высокий» уровни агрессивности, у городских мальчиков это же показатель составляет 25 % и 27 % у обследованных девочек. Интересно, что сельские девочки проявляют агрессивность практически одинаково с сельскими сверстниками, аналогичная картина наблюдается при сопоставлении городских мальчиков и девочек, что лишней раз подчеркивает особенности адаптации в городских и сельских условиях.

Приведенные данные показывают, что сельские подростки, по сравнению с городскими, более склонны к проявлению агрессии независимо от пола. Это проявляется как в уровне агрессии, так и в ее специфических проявлениях (все рассмотренные различия достоверны на уровне $p < 0,01$). То, что сельские подростки более агрессивны, чем городские, возможно, связано с восприятием диссонанса между возможностями большого мира, представленного средствами массовой информации, и реальностью, окружающей сельского подростка. Некоторые основания думать таким образом дают материалы обследования 60 подростков 13–15 и 16–17 лет (по 30 человек в каждой группе). Использовался известный метод корреляционных плеяд.

Анализ показал наличие существенных различий в формировании корреляционных плеяд в различных возрастных группах. В среднем подростковом возрасте зарегистрированы две изолированные линейные плеяды, включающие два и три показателя. В старшем подростковом возрасте формируется жестко сцепленная, замкнутая кольцевая структура (все связи на уровне $p < 0,01$; $p < 0,001$), включающая показатели тревожности, агрессивности, ипохондричности, астенизации и эмоционального напряжения. Лидируют показатели «эмоционального напряжения» (8 связей) и «личностной тревожности» (8 связей). Эти два показателя являются своеобразными системообразующими факторами состояния напряженности (стресса) сельских старших подростков [4]. Полученные данные позволяют предположить, что и городские, и сельские подростки находятся в состоянии стресса, но проявления этого стресса имеют свою специфику в зависимости от места проживания.

Проверке этого предположения было посвящено дальнейшее исследование. Было обследовано 620 городских и 580 сельских подростков 13–18 лет на юге и севере Кемеровской области

(сельские районы) и в г. Новокузнецк и Междуреченск. Сравнительный анализ показывает, что городские подростки 13–15 лет, по сравнению с их сельскими сверстниками, испытывают большее физическое утомление и предъявляют гораздо больше жалоб на состояние здоровья. Сельские подростки намного более склонны к проявлениям физической агрессии практически во всех проявлениях.

Установлено, что с увеличением возраста резко (в два раза) увеличивается количество личностных параметров, по которым выявлены значимые различия между старшими городскими и сельскими подростками. При этом сохраняются основные тенденции, выявленные в среднем подростковом возрасте. Городские подростки больше устают и больше предъявляют жалоб на состояние здоровья. Сельские подростки предъявляют достоверно большую агрессивность и тревожность. Так, количество городских подростков с высоким уровнем «физического» и «умственного утомления» в 1,5–2 раза превышает аналогичное число сельских. Почти 90 % старших сельских подростков характеризуется высоким уровнем развития ситуативной тревожности и более половины (52 %) – высоким уровнем личностной тревожности. Аналогичные результаты городских старших подростков значительно ниже (63 % и 40 % соответственно), но также очень велики сами по себе.

В целом с возрастом у городских подростков увеличиваются все показатели утомления: доля лиц с высоким уровнем утомления возрастает в группе 16–18 лет до 47 % по «физическому утомлению», до 38 % по «умственному утомлению» и до 20 % по «хроническому утомлению». Также значительно вырастает доля старших городских подростков (36 %) с высоким уровнем жалоб на истощение, упадок сил, общую астенизацию, что свидетельствует об опасных тенденциях в развитии городских школьников. В группе сельских подростков с возрастом начинают доминировать два других важных процесса. Во-первых, резко увеличиваются показатели «обида» и «враждебности», при этом явная «физическая агрессия» отходит на второй план. Во-вторых, резко увеличиваются показатели тревожности: количество подростков с высоким уровнем развития «ситуативной тревожности» возрастает более чем в два раза (с 41 % в группе 13–15-летних до 89 % в группе 16–18-летних), что означает колоссальную базу роста людей с высоким уровнем «личностной тревожности» в более старших возрастных группах.

Проведенный факторный анализ показывает, что городские и сельские подростки (с учетом пола и возраста) качественно различаются между собой. Городские подростки реагируют на формирование устойчивых форм различных видов утомления увеличением ипохондричности (иногда без объективных признаков болезни). Сельские подростки адаптируются к окружающей среде через формирование высоких уровней тревожности и агрессивности. При этом у сельских юношей доминирует «обида», у сельских девушек – «чувство вины». Фактически мы видим, что подростки выбирают различные способы адаптации. По-видимому, это означает, что в городе и селе мы имеем принципиально различные социокультурные ситуации, которые объединяет только одно – школа как институт образования. Особенности социокультурных ситуаций в городе и селе описаны нами ранее в [3; 4]. Полагаем, что выявленные различия в личностном развитии подростков в определенной степени связаны именно со спецификой социокультурной ситуации места проживания.

Полученные данные позволяют отнести старших подростков, как городских, так и сельских, к группе риска. Эта проблема приобретает еще большую актуальность в связи с социальным и материальным неравенством молодежи в доступе к качественному образованию [2]. Как нам

представляется, анализ и учет групповых особенностей развития личности подростков в зависимости от места проживания позволяет в некоторой степени прогнозировать возможные риски развития конкретных индивидуальностей.

Литература

1. *Фельдштейн Д.И.* Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. № 4 (29). С. 3–12.
2. *Константиновский Д.Л.* Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи. М.: ЦСП, 2008.
3. *Хван А.А.* Изменения социокультурной ситуации, инновации и психологическое здоровье субъектов образовательного процесса // Тенденции развития образования: Образование в многоконфессиональном и поликультурном обществе: матер. VII Междун. научно-практ. конф. М.: Дело, 2011. С. 243–248.
4. *Хван А.А.* Особенности личности городских и сельских подростков в контексте психологического здоровья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2015. № 2 (38). С. 182–189.

СТРУКТУРА И ВИДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУСУЛЬМАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Павлова О.С., кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования
Московский городской психолого-педагогический университет

Аннотация. Приведены результаты социально-психологического изучения структуры и видов социальной идентичности представителей этносов Северного Кавказа: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов. Описано содержание этнической и религиозной идентичности, ее отдельных компонентов. На основе факторного анализа раскрываются особенности соотношения между различными компонентами социальной идентичности у представителей мусульманских северокавказских этносов.

Ключевые слова: социальная идентичность, этническая идентичность, религиозная идентичность, мусульмане, ислам, Северный Кавказ.

Abstract. The structure and types of the social identity of North Caucasian Muslims. The article presents the results of a social and psychological study of the structure and types of the social identity

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15–06–10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ».

of the representatives of North Caucasus ethnicities: the Chechens, Ingushes, Balkars, Adyghe. It describes the substance of the ethnic and religious identity and its individual components. The particularities of the relation between different components of the social identity of the North Caucasian ethnicities' representatives are revealed based on the factor analysis.

Keywords: social identity, ethnic identity, religious identity, Muslims, Islam, North Caucasus.

Изучение социальной идентичности личности как многомерной структуры – актуальная задача современной психологии [1; 4]. Наличие у каждого человека нескольких видов социальной идентичности одновременно задает определенный характер отношений между ними: «содержание и важность каждой из них зависит от важности и содержания других» [1, с. 43]. Характер связей между различными идентичностями в структуре мультиидентичности личности [4], наиболее актуализированная социальная идентичность – все это находится в фокусе социально-психологических исследований и представляет большой интерес для них. По мнению Г.У. Солдатовой, «групповой «Я-образ» – это не всеобъемлющая характеристика группового самосознания, а его наиболее очевидная и центральная часть... это совокупность идентичностей» [3, с. 32].

Изучение структуры социальной идентичности представителей российских этносов, исповедующих ислам, представляет большой интерес, так как у каждого из них по-разному складываются отношения в структуре социальной идентичности, в частности в контексте соотношения между этнической, религиозной (конфессиональной) и гражданской идентичностью.

С целью изучения структуры и видов социальной идентичности этносов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов) проведено социально-психологическое исследование. Всего в исследовании приняли участие 1713 респондентов, из них 508 чеченцев, 478 ингушей, 470 адыгов (435 респондентов идентифицировали себя как кабардинцы, 35 – как черкесы), 132 карачаевца, 125 балкарцев. Для изучения структуры и видов социальной идентичности использовались следующие методики: тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?», неоконченные предложения (авторский вариант), опросник (авторский вариант). Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета SPSS для Windows 18.0.

Результаты проведенного исследования показали, что этническую и религиозную идентичность чаще всего указывали на первом и втором местах чеченцы и ингуши соответственно, что свидетельствует, во-первых, об их высокой значимости для вайнахов, а, во-вторых, о ярко

выраженном коллективистическом характере культуры этих народов, поскольку религиозная и этническая идентичность – категории социальной идентичности. В большинстве ответов чеченцев и ингушей этническая и конфессиональная идентичности слиты в одно целое.

У представителей народов Северо-Западного Кавказа, напротив, на первом месте в рейтинге оказались такие категории, как «человек» и позитивные характеристики личности: умный, добрый, общительный, честный, скромный, гордый и так далее, т.е. категории личной, а не социальной идентичности. Этническая идентичность у этой группы респондентов оказалась на четвертом месте, а религиозная – на седьмом, что свидетельствует о том, что данные категории менее значимы для респондентов и находятся (особенно это касается религиозной идентичности) на периферии ценностного ядра личности. Слабая степень религиозной идентичности народов Северо-Западного Кавказа подробно описана в современных исследованиях. В частности, по мнению И.И. Маремшаовой, «при общей богобоязни карачаево-балкарцев отнесение себя к той или иной конфессии вторично» [2, с. 212]. Тем не менее следует уточнить, что наибольшую религиозность среди народов Северо-Западного Кавказа демонстрируют карачаевцы, у которых в ответах на тест «Кто Я» религиозная идентичность располагается на втором месте после категории «человек» и находится даже выше этнической идентичности, которая располагается на четвертом месте.

Для того чтобы определить, в какие блоки группируются различные виды социальной идентичности, мы провели факторный анализ по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу varimax с нормализацией Кайзера. У нас выделилось 4 фактора. Интересно, что этническая, гражданская и религиозная идентичности вошли в один мощный фактор, в котором оказались также профессиональная идентичность, понятие о себе как о личности и половая идентификация.

Литература

1. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.

2. *Маремшаова И.И.* Эволюция этнического сознания карачаево-балкарского народа: дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2002.

3. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

4. *Хулаев О.Е., Хайт М.А.* Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккаса и М. Брюера // Социальная психология и общество. 2012. № 3.

ФОЛЬКЛОР КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА¹

Молчанова Н.В., кандидат психологических наук, доцент

Гриценко В.В., доктор психологических наук, профессор, кафедры общей и социальной психологии

Смоленский гуманитарный университет

Аннотация. Подчеркивается значимость влияния устного народного творчества в формировании образа себя как представителя определенного этноса. Перечисляются и содержательно раскрываются компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный и поведенческий. Дается описание методического инструментария для выявления механизмов и динамики формирования этнической идентичности младшего школьника.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, этническая идентичность, этнопсихологический и этнопедagogический потенциал фольклора.

Abstract. It emphasized the importance influence of folklore in portraying himself as a representative of a particular ethnic group. Lists and substantially expanded the components of ethnic identity: cognitive, affective and behavioral. A description of methodological tools to identify the mechanisms and dynamics of formation of the ethnic identity of the younger schoolboy.

Keywords: cross-cultural interaction, ethnic identity, ethnopsychological and ethnopedagogical potential Folklore.

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15–26–04001 «Русский и белорусский фольклор как фактор формирования этнической идентичности детей младшего школьного возраста в поликультурном социуме»).

Межкультурное (межэтническое) взаимодействие всегда сопровождается взаимным обогащением или разрушением личностного потенциала человека. Научные исследования должны быть направлены на изучение тех психологических факторов, которые способствуют формированию и расширению общепринятых ценностей, верований, норм и знаний, не нарушая при этом усвоения человеком специфики тех этнических особенностей мышления и поведения, традиций, которые транслируются в его культуре.

Фольклор является бесценным наследием для постижения этнического знания и опыта. Отождествление с историей, обычаями своего народа способствует обогащению и развитию отдельно взятой личности, пониманию себя как неотъемлемой части своего этноса. Предмет нашего исследования – влияние фольклора на формирование этнической идентичности школьников младших

классов. Известно, что то, чего не было в детстве, что через детство не прошло – того нет и во взрослой личности. Через знакомство с фольклором своей культуры ребенок осознанно и (или) неосознанно усваивает, что есть добро или зло, ценность общественных взаимоотношений и знаний, накопленных предками.

В контексте знакомства и изучения фольклорного наследия ребенок постигает смысл и предназначение себя как представителя своей культуры через яркие и понятные ему образы героев сказок, пословиц, былин, песен, поговорок. Известно, что образ – это регулятор взаимодействия. Постигая смысл, заложенный в образе, формируются конкретные представления о чем-либо или о ком-либо, на которых строится дальнейшая индивидуальная программа действия. Преломляясь через природные задатки ребенка и его готовность к творческому (активному) постижению смысла,

формируются те или иные жизненные приоритеты. Таким образом, восприятие и усвоение народного творчества способствует преобразовыванию самого воспринимающего и постигающего это творчество.

Присвоение культуры всегда предполагает как внутреннюю психическую активность самого ребенка, так и внешнее влияние со стороны других людей, ситуации. Поэтому в нашем исследовании мы рассматриваем не только этнопсихологический, но и этнопедагогический потенциал в формировании этнической идентичности младшего школьника посредством устного народного творчества. В школьной среде внешним (социокультурным) источником формирования этнической идентичности может выступать группа(ы), в которой(ых) ребенок пребывает, общение с учителями. К этнопедагогическому потенциалу, наряду с содержанием (изучением) школьных учебников по литературному чтению, можно отнести методы и способы организации изучения фольклорного материала, которые использует педагог.

Одной из задач эмпирического исследования является выявление роли фольклора в формировании когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов этнической идентичности младшего школьника. Показателями когнитивного компонента выступают уровень знаний о своем и других этносах, проживающих в Смоленске, степень осознания принадлежности к своему этносу, степень идентификации себя с этнической группой. Содержательными характеристиками

аффективного компонента являются чувства ребенка, которые он испытывает к родной земле, своему народу; степень субъективной значимости отношений, которые возникают в процессе совместной деятельности младших школьников. Для поведенческого компонента характерно приобретение навыков и умений в освоении традиционной этнической культуры. Перечисленные психологические характеристики выявляются на протяжении учебного года, до и после знакомства и изучения младшими школьниками народного фольклора, представленного в учебниках по литературному чтению.

В качестве методического инструментария используется модификация методики М. Баррета с целью измерения оценки степени этнической идентификации детей со своей этнической группой, а также оценки субъективной значимости своей этнической идентичности. С целью изучения позитивных и негативных характеристик оцениваемых групп используется модификация методики расовых и этнических установок (Multiresponse Racial Attitude) Э. Дойл и Ф. Эбауд (Doyle, Aboud, 1995). Полуструктурированное интервью и опросник нацелены на выявление этно- и социокультурного контекста развития младшего школьника. Наряду с вопросами о формальном окружении ребенка (поликультурный состав класса, семьи, учителей), определяется степень удовлетворенности своим окружением и социальными достижениями, что важно для понимания развития этнической идентичности в целом.

ЦЕННОСТИ И ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К КОРРУПЦИИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ¹

Татарко А.Н., доктор психологических наук

Миронова А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследование направлено на поиск личностных факторов, определяющих индивидуальные установки по отношению к коррупции. Результаты опроса ($N = 705$) жителей России, Латвии, Германии и Франции позволили выявить ряд универсальных, повторяющихся во всех исследованных культурах закономерностей. Обнаружено, что доверие влияет на отношение к коррупции как характеристика социально-психологического климата общества, а ценности

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

личности – власть, конформизм, универсализм – оказывают статистически значимое влияние на приемлемость коррупции.

Ключевые слова: ценности, доверие, приемлемость коррупции.

Abstract. This study examines individual determinants of attitudes towards corruption. The survey was conducted in Russia, Latvia, Germany and France ($N = 705$). The results of the study revealed a number of universal relations between values and attitudes toward corruption. We found that trust influences attitude towards corruption as a part of socio-psychological climate of the society. And such human values as Power, Conformity, Universalism demonstrated a statistically significant impact on the acceptability of corruption.

Keywords: values, trust, acceptability of corruption.

Коррупция может быть определена как злоупотребление служебным положением или властью в целях личной выгоды [3; 4; 5; 6]. В фокусе нашего исследования – психологические феномены, и мы сосредоточим внимание на наиболее психологическом аспекте коррупции – общей толерантности личности к принятию и предложению взятки. В качестве основной зависимой переменной мы будем рассматривать приемлемость для личности коррупционных отношений или сокращенно – «приемлемость коррупции». В данное понятие мы включаем совокупность представлений личности о том, насколько допустимо прибегать к коррупции как к инструменту достижения своих целей, т.е. в различных ситуациях использовать возможности подкупа государственных служащих. С нашей точки зрения, такой индикатор хорошо репрезентирует отношение личности к коррупции. Если в обществе в целом распространено лояльное отношение к коррупции, то искоренить коррупцию, конечно, сложно. Безусловно, существование коррупции обусловлено рядом структурных характеристик общества, а именно: политическими, экономическими, институциональными и социально-культурными особенностями [2]. Однако, какова роль таких психологических факторов, как ценности и доверие в системе факторов, влияющих на коррупцию? На социетальном уровне социальный капитал препятствует коррупции [1], но сохраняется ли этот факт на индивидуальном уровне? В исследовании мы рассматриваем влияние ценностей и доверия (как базового компонента социального капитала) на отношение личности к коррупции в четырех странах (Россия, Латвия, Германия, Франция).

Организация и процедура исследования. Исследование проводилось с октября 2014 по февраль 2015 г. Для сбора ответов респондентов использовался метод «снежного кома». В исследовании приняли участие 705 человек. Выборка представлена несколькими подгруппами: россиянами

(269 человек), латышами (178 человек), немцами (101 человек), французами (108 человек).

Исследование проводилось при помощи ряда подобранных или специально разработанных методик. Методики направлены на изучение базовых индивидуальных ценностей по Ш. Шварцу; генерализованного доверия личности; одобрения коррупционного поведения (авторская методика).

Результаты и выводы. На индивидуальном уровне генерализованное доверие личности не демонстрирует отрицательной связи с приемлемостью коррупции, как это обнаруживалось при проведении исследований на уровне обществ. Таким образом, доверие влияет на отношение к коррупции не как индивидуальная ценность или характеристика личности, а как характеристика социально-психологического климата общества. Данная закономерность оказалась универсальной и характерной для принявших участие в исследовании граждан всех четырех стран.

Обобщая результаты исследования влияния ценностей на приемлемость коррупции в четырех культурах, можно сказать, что есть четыре ценности, которые оказывают универсальное влияние на коррупционное поведение. Побуждает людей к принятию коррупции ценность «власть». Стремление к власти как к источнику влияния и источнику ресурсов сопряжено с тем, что человек будет с высокой вероятностью использовать незаконные способы получения ресурсов или обогащения. Данный вывод имеет большое значение для профотбора и профориентации на государственной службе. Люди, у которых в ценностной иерархии высокие значения занимают ценности «власть – доминирование» и «власть – ресурсы», потенциально более склонны к коррупции, чем люди, у которых данные ценности выражены в меньшей степени. Это можно учитывать при назначениях и кадровых перестановках на государственной службе.

Также универсальным является отрицательное влияние на приемлемость коррупции ценно-

стей «конформизм – правила» и «универсализм – забота о других». Данные ценности выступают в роли ограничителей коррупционного поведения. Причем они характеризуют различные виды мотиваций, которые стоят за данным ограничением. Ценность «конформизм – правила» характеризует внешнюю мотивацию – подчинение индивида правилам, принятым в обществе. Ценность «универсализм – забота о других» характеризует внутреннюю мотивацию ограничения коррупционного поведения. Мотивационная цель данной ценности – стремление к равенству, справедливости и защите людей. Поэтому ограничение, накладываемое на приемлемость коррупции данной ценностью, носит не нормативный, а моральный характер. Выраженность двух указанных ценностей в ценностно-мотивационной структуре личности также может приниматься во внимание при кадровых перестановках или назначениях на государственной службе.

Литература

1. *Бинюкова И.С.* Социальный капитал как сила в борьбе с коррупцией // *Культура. Духовность. Общество.* 2012. № 1. С. 188–122.
2. *Ashour A.* Combating corruption: systemic and strategic perspectives // UNDP POGAR concept paper. Beirut: United Nations Development Program, 2006.
3. *Heidenheimer A.J.* Perspectives on the perception of corruption // A.J. Heidenheimer, M. Johnston and V.T. LeVine (Eds.), *Political Corruption: A Handbook.* New Brunswick, NJ.: Transaction Publishers, 1989. P. 149–163.
4. *Park H.* Determinants of corruption: a cross-national analysis // *The Multinational Business Review.* 2003. Vol. 11. No 2. P. 29–48.
5. *Svensson J.* Eight questions about corruption // *The Journal of Economic Perspectives.* 2005. Vol. 19. No 3. P. 19–42.
6. *Van Klaveren V.J.* The concept of corruption // A.J. Heidenheimer, M. Johnston and V.T. LeVine (Eds.), *Political Corruption: A Handbook.* New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1989. P. 89–91.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ФАКТОРЫ НАМЕРЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Налиненко А.А., аспирант кафедры общей психологии Института педагогики, психологии и социальных технологий

Удмуртский государственный университет

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования ценностно-смысловых факторов намерений личности: структуры и особенностей намерений личности, кросс-культурных различий в показателях базовых культурных ценностей, ценностей на индивидуальном уровне и смысловых ориентаций лиц, находящихся в трудных жизненных ситуациях, и в нормальных условиях жизнедеятельности.

Ключевые слова: намерения личности, трудная жизненная ситуация, этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы.

Abstract. The results of empirical study of value-meaning intentions of the individual factors: the structure and features of the intentions of the person; cross-cultural differences in the basic cultural values, values at the individual level and life orientations of persons in difficult life situations and in normal life.

Keywords: intentions of the person, difficult situations, ethnic religious values and religious meanings.

Сложные условия неустойчивости, неопределенности состояния общества, такие как экономические трудности, массовая миграция и маргинализация населения, нравственный кризис и социальная аномия, деформация институтов

социализации и рост ненаказуемого антисоциального поведения повлекли за собой разрушительные тенденции в менталитете общества [1; 4]. Нахождение в условиях принудительной социальной изоляции как трудной жизненной

ситуации в реализации будущих замыслов и намерений приводит к усугублению и усилению дезорганизации ценностно-смысловой сферы личности, что при выходе из пенитенциарных учреждений может способствовать повторному совершению преступлений, приводящих к обострению социальной напряженности [3].

Нами была поставлена цель установления связи ценностно-смысловой сферы личности с ее намерениями в трудных жизненных ситуациях. В реализации поставленной цели был использован следующий диагностический инструментарий: для определения намерений личности применялась методика «Жизненное предназначение» О.И. Моткова, для измерения культурных и индивидуальных ценностей применялись опросники Ш. Шварца в адаптации Н.М. Лебедевой, для выявления жизненных смыслов применялся тест «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; методы обработки эмпирических данных (процедуры математической статистики). В исследовании приняли участие мужчины в возрасте 20–37 лет:

- ◆ находящиеся в условиях принудительной социальной изоляции (осужденные отбывающие наказание): мужчины, идентифицирующие себя с русскими (всего 87 человек) и причисляющие себя к финно-угорским народам – удмуртам (всего 50 человек);
- ◆ мужчины, находящиеся в нормальных условиях жизнедеятельности (всего 60 человек), идентифицирующие себя с русскими (всего 30 человек) и удмуртами (всего 30 человек), организованные методом фокус-групп.

Этнокультурная принадлежность участников исследования определялась по самоотчетам с учетом объективных и субъективных признаков и подтверждалась в индивидуальных беседах.

По результатам эмпирического исследования установлено, что в группе лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, в частности в принудительной социальной изоляции, разрыв и рассогласование аффективного (переживания нужды) и интеллектуального (конкретных способов и средств достижения цели) компонентов намерений выражаются дефицитностью интеллектуальной активности, рассогласованностью цели и способов ее достижения, замещением интеллектуального компонента в связи с имеющи-

мися сомнениями в действенности собственных способов и средств достижения цели религиозными притчами или благотельством божественных сил. В группе лиц, находящихся в нормальных условиях, аффективный и интеллектуальный компоненты в преобладающей мере согласованы друг с другом.

Установлено что, в трудной жизненной ситуации предикторами потенциала реализации жизненных намерений личности выступили:

- ◆ ценности на групповом уровне: наряду с ценностью субъектной активности, этноконфессиональные ценности и религиозные смыслы, сопоставимые с ценностями православия в русской группе; исходящие от языческих воззрений и религиозно-мифологических представлений финно-угорских народов в удмуртской группе [2];
- ◆ ценности на индивидуальном уровне: эффекты не продемонстрировали;
- ◆ смысложизненные ориентации: «процесс жизни», «локус контроля – Я».

В результате мы можем допустить, что выявленные ценности и смыслы, синтезируя аффективный и интеллектуальный компоненты намерения, наделяют его побудительной силой, а значит, вызывают побуждение к его реализации [4].

Литература

1. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2007.
2. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99–108.
3. Хотинец В.Ю., Вяткин Б.А., Калининко А.А. Ценностно-мотивационные факторы жизненных предназначений осужденных пенитенциарных учреждений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2. С. 7–11.
4. Хотинец В.Ю., Калининко А.А. Ценностно-смысловые факторы жизненных намерений лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях // Психологический журн. 2015. Т. 36. № 2. С. 55–69.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ РУССКИХ И ТАТАР

Алишев Б.С., доктор психологических наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Представлены основные результаты исследования, в котором изучалась связь между религиозностью и уровнем удовлетворенности жизнью в этнических группах русских и татар. Показано, что у татар в целом удовлетворенность жизнью выше, чем у русских, а среди верующих татар (мусульман) этот показатель повышается еще более.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, религиозность, толерантность к неопределенности, русские, татары, мусульмане, православные, атеисты.

Abstract. The main results of the study, which examined the relationship between religiosity and life satisfaction level in the ethnic groups of Russians and Tatars is presented. It is shown that Tatars have in general higher level of life satisfaction than the Russians and among the believers Tatars (Muslims), this figure rises even more.

Keywords: life satisfaction, religiosity, tolerance of uncertainty, Russians, Tatars, Muslims, Orthodoxes, atheists.

Во многих исследованиях [1; 3; 4] было показано, что удовлетворенность жизнью положительно связана с религиозностью, хотя сила этой связи невелика и неодинакова в разных возрастных, гендерных, этнических, конфессиональных, социально-экономических и прочих группах. Однако большая часть таких исследований проведена в западных странах преимущественно на различных группах христиан и атеистов, а соответствующих данных по различным этноконфессиональным группам россиян немного [2].

В данном исследовании мы ставили задачу выяснить, связана ли и, если да, то в какой степени, удовлетворенность жизнью с религиозностью у татар (мусульмане-сунниты) и русских (христиане-православные). Поскольку как среди первых, так и среди вторых имеется немало атеистов, отдельно рассматривались и эти группы. Таким образом, выборку исследования составили 4 группы респондентов: верующие татары-мусульмане (92 человека), верующие русские-православные (82 человека), атеисты (91 человек). Респонденты во всех группах относились к разным возрастным группам (от 19 до 62 лет, но более половины имели возраст до 25 лет), группы были выровнены по полу.

Для проведения исследования использовался комплекс из следующих методик: Шкала удовлетворенности жизнью Э. Диенера – SWLS (Е.А. Осин и Д.А. Леонтьев, 2008), Опросник самоуважения М. Розенберга – RSES (Д.В. Лубовский, 2006), шкала толерантности к неопре-

деленности С. Баднера – TAS (Т.А. Корнилова, М.А. Чумакова, 2014), Пенсильванский опросник беспокойства – PSWQ (Б.С. Алишев, М.В. Габдулхакова, 2014). Для отнесения респондентов к этническим и конфессиональным группам использовались прямые вопросы анкетного типа. Для измерения уровня религиозности применялась 7-балльная шкала самооценки от 1 до 7. Лица, считавшие себя атеистами, выделялись в отдельные группы (т.е. им не приписывался самый низкий балл), так как в противном случае искажалась нормальность статистических распределений.

Как можно видеть из табл. 1, различия по измерявшимся параметрам между этническими и конфессиональными группами невелики. Например, по уровню самооценки и уровню «беспокойства – тревоги» никаких статистически достоверных различий между какими бы то ни было группами не обнаружено. Такое различие есть между русскими и татарами по уровню толерантности к неопределенности ($\alpha \leq 0,05$ по t -критерию Стьюдента), которая несколько выше у первых (возможно, что при увеличении размеров выборки такое же различие появится между православными и мусульманами). Оно невелико, но свидетельствует о том, что татары испытывают большую потребность жить в хорошо структурированном, более однородном и понятном им мире.

Наибольшими являются различия по уровню удовлетворенности жизнью. По этому параметру отличаются друг от друга русские и татары

Таблица 1

Выраженность психологических параметров в различных этноконфессиональных группах

№	Группы респондентов	Религиозность	Удовлетворенность жизнью	Самоуважение	Толерантность к неопределенности	Беспокойство-тревога
1	Татары (145)	2,37	24,95	50,23	64,70	47,74
2	Русские (120)	2,42	23,38	49,61	66,78	48,29
3	Мусульмане (92)	3,73	25,57	50,08	64,78	48,21
4	Православные (82)	3,55	23,94	49,45	66,39	48,44
5	Атеисты (91)	0	23,21	50,32	65,79	47,23

($\alpha \leq 0,05$ по t -критерию Стьюдента), мусульмане и православные ($\alpha \leq 0,05$ по t -критерию Стьюдента), атеисты и мусульмане ($\alpha \leq 0,01$ по t -критерию Стьюдента). Таким образом, татары-мусульмане более удовлетворены жизнью, нежели русские-православные и атеисты, принадлежащие к разным этническим группам. Но, поскольку среди атеистов индекс удовлетворенности жизнью тоже заметно выше у татар, мы не можем считать, что обнаруженные различия обусловлены исключительно влиянием конфессионального фактора. Необходимо отметить, что в группах верующих (и у мусульман, и у православных) наблюдается некоторое увеличение уровня удовлетворенности жизнью по мере усиления уровня религиозности, что подтверждается статистически значимыми

положительными значениями коэффициента линейной корреляции.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
2. *Ефремова М.В., Лазуткина М.А.* Исследование взаимосвязи религиозности с показателями отношения к работе: на примере православия и ислама // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. Т. 21. № 1. С. 27–34.
3. *Ingelhart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
4. *Veenhoven R.* Correlates of happiness. Rotterdam: RISBO, 1994.

A THEORETICAL MODEL OF THE SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION OF IMMIGRANTS: THE CASE OF RUSSIAN-SPEAKING IMMIGRANTS IN BELGIUM¹

Григорьев Д.С., стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного института
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается построение и тестирование теоретической модели социоэкономической адаптации (СЭА) мигрантов, включающей психологические факторы в качестве основных. Для построения теоретической модели в ходе анализа проведенных ранее исследований в качестве ключевых психологических факторов СЭА были выделены аккультурационные установки мигрантов; в качестве контрольных в модели используются такие переменные, как продолжительность пребывания в стране и языковые навыки, а характеристики этнической и религиозной идентичности рассматриваются в качестве предикторов аккультурационных установок.

Ключевые слова: социоэкономическая адаптация, аккультурационные установки, этническая идентичность, религиозная идентичность, аккультурация мигрантов, иммиграция.

Abstract. This summary of the report describes the construction and testing of a theoretical model of the socio-economic adaptation (SEA) of immigrants, considering psychological factors as basic. In the analysis of previous studies, acculturation attitudes of immigrants were identified as key psychologi-

¹ The research was conducted within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

cal factors of SEA for the construction of a theoretical model; the length of stay in the host country and language skills were used as control variables; ethnic and religious identification were used as predictors of acculturation attitudes.

Keywords: socio-economic adaptation, acculturation attitudes, ethnic identification, religious identification, acculturation of immigrants, immigration.

Moving to a new country is an extremely difficult and stressful process because it brings on changes in all areas of life – social, cultural and psychological [3]. Therefore, despite the fact that immigrants moving to a new country are seeking to improve their quality of life, they face different problems, discrimination and economic challenges. Immigrants are more likely to be unemployed or work part-time, often facing difficulties in getting recognition of their educational qualifications and professional experience. Particular difficulties are related to unacceptable housing conditions, unemployment, low income, discrimination, social exclusion, lower socioeconomic status, and a low quality of life [5]. Therefore, the socio-economic adaptation (SEA) of immigrants to a new environment is an acute problem, which is the result of advances in acculturation toward such socio-economic positions that allow immigrants to completely participate in the social and economic life of the host society. This situation is attracting a lot of attention and an increasing number of studies aim to help facilitate the adaptation of immigrants and to improve their quality of life. Nevertheless, the subject of SEA in general has been little studied [2].

Based on a detailed literature review on this topic [1; 2; 4], it proposed the following a theoretical model, considering general psychological factors as basic.

The level of immigrant SEA is primarily dependent on the acculturation attitudes, the level of language skills and the length of stay in the host country. In turn, the acculturation attitude depends on the ethnic and religious identification of immigrants and the initial level of their language skills. Acculturation attitudes are usually characterized by a change in orientation towards the host society, depending on the length of stay in the host country. Acculturation attitudes involving contact with the host group – the integration attitude and the assimilation attitude – are positively associated with high levels of SEA, and separation attitude, suggesting preferential contact with their ethnic group, is negatively associated. Immigrants with higher levels of language skills, and a longer time spent in the host country, have higher levels of SEA. Strong ethnic and religious identification prevents the assimilation of immigrants and promotes the choice of the separation attitude. Better language skills contributes to a more integrational profiles, and vice versa.

The longer immigrants reside in the host country, the more they are inclined to focus on integration into the host society and to a lesser extent on their ethnic group.

Based on this theoretical model for its verification has been formulated and tested several hypotheses as a result of which according to the analysis of the survey 132 Russian-speaking immigrants in Belgium, it was found that: (1) acculturation attitudes of immigrants is associated with their level of SEA independently, i.e. regardless of length of stay in the host country or language skills; (2) a high level of SEA is positively associated with orientation toward the host society (integration and assimilation), and negatively associated with orientation toward their own ethnic group (separation); (3) the level of SEA is considerably higher among immigrants with the assimilation profile than among immigrants with the integration profile; (4) the level of SEA is higher among immigrants with the length of stay in the host country more than 5 years; (5) strong ethnic and religious identification may facilitate the orientation of immigrants to their ethnic group, and strong ethnic identification prevents assimilation.

It can be concluded that this study confirms the relationship between acculturation attitudes of immigrants and their level of SEA, and significantly supplements and expands the understanding of the role of social identity and acculturation attitudes in the process of acculturation. At all desire of immigrants fully to settle their social and economic life in the host society, they do it is not always possible for several reasons. One of these reasons is the reliance in their SEA toward their own ethnic group and neglect or lack of opportunity for orientation toward the host society.

Литература

1. Григорьев Д.С. Аккультурационные профили мигрантов и уровень их социоэкономической адаптации // Мир образования – образование в мире. 2015. № 3. С. 75–85.
2. Григорьев Д.С. Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 71–85.

3. *Benish-Weisman M., Shye, S.* Life Quality of Russian Immigrants to Israel: Patterns of Success and of Unsuccess // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 101 (3). P. 461–479.

4. *Grigoryev D.* Ethnic and Religious Identification, Acculturation Attitudes and the Socio-Economic Adaptation of Immigrants (April 30, 2015). Higher School of Economics Research Paper No.

WP BRP 37/PSY/2015. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2600845> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2600845> (дата обращения:)

5. *Wong W.K.F., Chou K.L., Chow N.W.S.* Correlates of Quality of Life in New Migrants to Hong Kong from Mainland China // *Social Indicators Research*. 2012. Vol. 107 (2). P. 373–391.

SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN VALUES OF ADOLESCENTS AND THEIR PARENTS IN URBAN AND RURAL AREA

Dubrov D.I., laboratory assistant of International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Abstract. Our current study investigates the role of the place of living (rural and urban society) and its social-cultural context in determining the parent-adolescent child value similarity. To determine it, we interviewed representatives of two generations: parents and children from 91 families in Moscow and 62 families in villages ($n = 306$ people). Our findings indicate both similarities and differences in values of adolescents and their parents in urban and rural area.

Keywords: individual human values, value transmission, value similarity, adolescents, socialisation.

At the very end of the 20th century Russia began to undergo social and economic changes that many observers believe will be more successful in weakening the traditional values of duty and obligation within the Russian family. Russia aggressively began what is generally believed to be an irreversible shift from a socialist system to a capitalist, free-market economy [5]. The increased opportunity for the attainment of wealth and property through individual initiative in free-market economies has seemingly weakened familistic traditions in other societies in the past.

There are the differences between the urban and rural societies and families and children in the two areas vary greatly in their daily experiences and opportunities for the future. Families in rural Russia live largely agricultural lives, with children being expected to assist their parents in their farming and household maintenance duties. Nowadays in rural area there are some elements of «traditional neighborhood community» such as: permanent set of residents, the presence of close family-neighborhood relations.

That is why we expect that urban and rural adolescents, therefore, should differ in their values just as parent-child value similarity. Thus, we suppose that: degree of adolescents and their parents' simi-

larity on four blocks of values is different in urban and rural areas; in the urban society Openness to change values are more distinct among adolescents and their parents, and in the rural society – Conservation values;

Also after analyzing the research of Patricia Steca and her colleagues [4], we came to the conclusion that in adolescence peer influence on values is more significant than parent one. Based on this, we assumed that: the values of adolescents in the urban society will be more similar to the values of peers than parents. These are 3 hypotheses of our research.

To determine the similarities and differences of values of adolescents and parents in urban and rural society, we interviewed representatives of two generations (parents, children) living in Moscow (91 family – 182 people) and villages of Yaroslavl, Tver and Ivanovo regions (62 family – 124 people). We used the questionnaire of individual values by S. Schwartz PVQ-R.

After MANOVA analysis we found statistically significant differences between the values of adolescents and their parents in urban and rural areas. The largest contribution to these differences makes Self-Transcendence values.

Also, on the level of tendency we found that in the urban society Openness to change values are more distinct among adolescents and their parents, and in the rural society – Conservation values.

To test the hypothesis that the values of adolescents in the urban society will be more similar to the values of peers than parents we count value profiles of urban and rural adolescents, intraclass correlations between the values adolescents and their parents in each family and between adolescent values and value profiles of adolescents, and then MANOVA and T-criterion of Student were used to determine the significance of differences. In both samples the value profile of adolescents was closer to the value profile of peers than to the value profile of parents. Thus this hypothesis was partly confirmed.

The lack of significant differences between values of families and peers living in urban and rural areas can be explained by the presence of common values climate prevailing in the society (zeitgeist) [2] and other researchers. The same effect we observed on the sample of urban adolescents: their values were more similar to the values of their peers rather than their parents' values. Similar results were obtained by Patricia Steca and her colleagues [4].

Our results largely correlate with the findings of other studies [1; 4; 3]. Therefore, it is possible to argue that the process of intergenerational transmission of values has some common features in different culture-social contexts.

References

1. *Barni D., Ranieri S.* et al. Value transmission in the family: do adolescents accept the values their parents want to transmit? *Journal of Moral Education*. 2011, Vol. 40. No. 1. P. 105–121
2. *Boehnke K., Ittel A., Baier, D.* Value transmission and 'Zeitgeist': An under-researched relationship // *Sociale Wetenschappen*. 2002. No 45. P. 28–43.
3. *Fuligni A., Zhang, W.* Attitudes toward family obligations among adolescents in contemporary urban and rural China // *Child Development*. 2004. No 74. P. 180–192.
4. *Steca P., Monzan D.* et al. Similarity in self-enhancement and self-transcendence values between young adults and their parents and friends // *Family Science*. 2012. Vol. 3. No 1. P. 34–45
5. *Tang W., Parish W.L.* Chinese urban life under reform: The changing social contract. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Раздел XI

ЛИЧНОСТЬ, МОТИВАЦИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Альтман Ю.И.</i> Особенности взаимосвязей рефлексивности и ценностных ориентаций в процессе субъективного переживания аномии у индивидов с высоким уровнем правого авторитаризма (по материалам кросс-культурного исследования жителей Германии и России).....	496
<i>Аминов Н.А., Жамбеева З.З., Кабардов М.Н.</i> К методам оценки «самоценности» подростка в учебной деятельности	499
<i>Батаев В.Г.</i> Мотивационный профиль сотрудников с различным типом организационной культуры.....	501
<i>Власова Ю.М.</i> Фанатизм как добровольный отказ быть личностью	502
<i>Гаярова Ю.А.</i> Развитие психологической культуры личности студента в эпоху техноморфных символов-образов мира	503
<i>Глазырина Т.М.</i> Особенности личности и качества жизни мужчин призывного возраста с артериальной гипертензией	505
<i>Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шелдон К.М.</i> Парадоксы экспрессии счастья, психологическое благополучие и культура.....	506
<i>Гусейнов А.Ш., Шиповская В.В.</i> Протестная активность личности: преодоление или отказ от жизненных усилий	508
<i>Дерманова И.Б.</i> Метакогнитивные свойства личности и характеристики ее позитивного функционирования	509
<i>Доценко О.Н., Бондаренко И.Н.</i> Роль позитивных эмоций в достижении целей учебной деятельности.....	511
<i>Ишанов С.А.</i> Личностные предпосылки переживания уединения	512
<i>Нарабин А.С., Кострикина И.С.</i> Особенности мотивационной сферы и удовлетворенности работой у специалистов, работающих в условиях риска, и специалистов по оценке риска	513
<i>Карпов А.А.</i> Исследование личностных качеств самоактуализирующейся личности	515
<i>Нашкаров П.</i> Социальная депривация «особых» детей с сохранным интеллектом методом библиотерапии	516
<i>Hozlov D.D.</i> 'Trait' and 'State' Authenticity: (Re)test of Dispositional, Social-cognitive and 'Whole Trait' Models.....	518

<i>Костенко В. Ю.</i> Рефлексивные процессы на различных уровнях развития личности.....	520
<i>Нупренюк С. М.</i> Инклюзивное образование в системе дополнительного образования детей.....	522
<i>Нупченко В. Е.</i> Влияние самоконтроля на психологическое благополучие личности	523
<i>Лебедева А. А.</i> «Обходные пути» развития личности в затрудненных условиях.....	525
<i>Ледовая Я. А., Качесова М. В.</i> Психологическое благополучие пользователей социальной сети Инстаграм	527
<i>Леонтьев Д. А.</i> Счастье как феномен саморегуляции: двумерная модель и альтернативные стратегии достижения	528
<i>Машарский З. В.</i> Практические способы мотивации персонала	530
<i>Мизгирёва М. Ю.</i> Особенности взаимосвязи мотивационной структуры личности и видов самопрезентации в электронных социальных сетях у юношей и девушек.....	531
<i>Нартова-Бочавер С. Н., Резниченко С. И., Дмитриева Н. С., Брагинец Е. И.</i> Дружественный дом – моральные жильцы?	533
<i>Стехов А. В., Гордеева Т. О.</i> Психологическое благополучие и мотивация достижения у одаренных старшекласников...	534
<i>Фам А. Х.</i> Готовность к выбору как индивидуально-психологическая переменная	536
<i>Фоменко Г. Ю., Нуашева Е. Р.</i> Личность как субъект разрешения противоречий: особенности жизнестойкости (на примере сотрудников силовых ведомств).....	538
<i>Черткова Ю. Д., Егорова М. С., Зырянова Н. М., Фоминых А. Я.</i> Взаимосвязь негативных черт личности и показателей удовлетворенности жизнью.....	539

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РЕФЛЕКСИВНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ АНОМИИ У ИНДИВИДОВ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ПРАВОГО АВТОРИТАРИЗМА (ПО МАТЕРИАЛАМ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГЕРМАНИИ И РОССИИ)

Альтман Ю.И., аспирант кафедры социальной и политической психологии
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Аннотация. Изучаются взаимосвязи между психологическим ощущением аномии, уровнем правоавторитарных установок, рефлексивностью и динамическими противоречиями в системе ценностей. Описываются общие для респондентов Германии и России особенности ценностных мотиваций, проявляющиеся в группе с высоким уровнем правого авторитаризма при усилении переживания аномии как ослабление рефлексивности; осознанный отказ в мотивации к самостоятельности мышления при усилении мотивации к самостоятельности поступков, самоутверждению и росту самооценки экзистенциальной исполненности. Делается наблюдение о сходстве крайних проявлений высокого уровня правого авторитаризма с особенностями характера при социопатии.

Ключевые слова: аномия, рефлексивность, ценностные ориентации, конфликт ценностей, противоречивость, смысложизненная ориентация, экзистенциальная исполненность, социопатия.

Abstract. Examined the relationship between psychological sense of anomie, the right level of authoritarian systems, reflexive and dynamic contradictions in the system of values. Describes common for respondents in Germany and Russia particularly valuable motivations that appear in the group with high levels of authoritarianism right at enhancing the experience of anomie as a weakening of reflexivity and deliberate denial of the motivation for independent thinking at strengthening motivation for acts of independence and self-assertion and self-existential growth performance. Make observations about the similarity of the extremes of high level right from the authoritarian character traits in the sociopathy.

Keywords: anomie, reflexivity, values, conflict of values, contradictory, life orientations, existential performance, sociopathy.

В проведенном кросс-культурном исследовании жителей Германии и России участвовало в каждой национальной выборке по 150 человек с различным уровнем образования, обоих полов, в возрасте от 60 лет и старше. Выбор респондентов старших возрастных групп был обусловлен обостренным состоянием субъективного ощущения аномии,

© Альтман Ю.И., 2015

характерным для процессов кардинальных социально-политических, социально-экономических и социально-правовых изменений, сопровождающихся антагонизмами норм морали и культуры к указанным изменениям. Для Германии это процессы коренных преобразований тоталитарного нацистского государства в общество потребления. Для России – не менее глубокие преобразования

советской системы в посттоталитарные формы перехода к управляемой рыночной экономике.

Объект исследования – люди, имеющие различный уровень правоавторитарных установок в Германии и России, выявление общего и особенного в уровнях и структуре этих установок, а также выделение специфики образования, развития ценностных ориентаций, их взаимовлияния на мыслительные и поведенческие сценарии.

Предмет исследования – взаимосвязь правоавторитарных установок человека с субъективным ощущением анонии, рефлексивностью, смысло-жизненными ориентациями, экзистенциальной исполненностью и ценностными ориентациями.

Цель исследования – изучение особенностей людей с различными уровнями правого авторитаризма.

Задачи исследования – выделение уровней правого авторитаризма у респондентов, особенностей рефлексивности, ценностных ориентаций, смысло-жизненных ориентаций и экзистенциальной наполненности.

Соответственно цели и задачам исследования были использованы следующие *методики*: методика правого авторитаризма (RWA) Р. Альтмайера; разработанная авторская методика субъективного ощущения анонии, выдержавшая психометрическую адаптационную проверку под руководством кандидата психологических наук И.Г. Сенина; методика смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева; методика рефлексивности А.В. Карпова; методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца в вариантах уточненных специально для России (PVQ-R) и для Германии; методика экзистенциальной наполненности – исполненности А. Лэнгле.

В каждой из национальных выборок в результате исследования были выделены три группы по критерию выраженности правоавторитарных установок: высокий, средний уровень правого авторитаризма, незначительный (ниже) среднего уровень. В группе российских респондентов с повышением уровня субъективного переживания анонии отмечается тенденция к понижению мотивации к проявлению ценности «самостоятельность в мышлении», т.е. к свободе развивать собственные идеи и способности (уровень корреляции по уточненной для России шкале Ш. Шварца 0,466**¹) при одновременном усилении мотивации к свободе определять собственные поведенческие действия, или к ценности «самостоятельность поступков» (коэффициент корреляции по шкале Ш. Шварца 0,686**). Это находит свое отражение

в практически синхронном снижении показателей рефлексивности по методике рефлексивности А.В. Карпова, увеличении трудностей при выборе и определении смысло-жизненных позиций, но и более высокой удовлетворенностью собственной экзистенциальной исполненностью. С ростом субъективного переживания анонии у российских респондентов с высоким уровнем правого авторитаризма значительно снижается ценность «толерантность», в частности толерантность к фрустрациям выбора в условиях неопределенности и риска, которые характерны для ситуаций перманентных кардинальных перемен, вызывающих аномию. Такое же снижение проявляется в ценностях «забота о других», «забота о природе», «чувство долга» – до полной безответственности, а также «благожелательность – забота». Эти тенденции особенно ярко проявляются в группе российских респондентов с высоким и выше среднего уровнями правого авторитаризма. Носители наиболее выраженных проявлений правого авторитаризма манифестируют одновременно целеустремленность и безответственность; противоречивость установок, доходящую до двоемыслия; почти полное отсутствие рефлексии и способности планировать свои действия, особенно в длительной перспективе; отсутствие раскаяния, заботы об интересах других людей и сочетают эти качества с высокой степенью своей экзистенциальной исполненности, что позволяет говорить о сходстве высоких авторитариев с проявлениями социопатии. Последняя имеет тенденцию распространения в условиях обострения конкуренции общества потребления, при хроническом обострении субъективного ощущения анонии. По нашему мнению, анония как ощущение противоречивости социальных, правовых, моральных, культурных норм, как субъективное переживание тотальности разочарования имеет конативно-психологическими последствиями особенность личности, при которой все указанные нормы игнорируются и (или) постоянно нарушаются, социальные привязанности и ценности «самоопределения» выбраковываются в пользу ценностей «самоутверждения» как ненужные для выживания в высококонкурентной среде – человек концентрируется лишь на целях достижения, понимаемых как ценности «самоутверждения и реализации власти» как получения основного ресурса для «доминирования, безопасности и гедонизма». В отечественной и зарубежной литературе этот вопрос не разработан. Так, у этих респондентов усиливается мотивация к ценностям «стимуляция» (0,349*) и «гедо-

¹ Знак * соответствует коэффициентам корреляции, значимым на уровне $p \leq 0,05$, знак ** – на уровне $p \leq 0,01$. Критическое значение для $N = 42$ – 0,3 ($p \leq 0,05$) и –0,39 ($p \leq 0,01$).

низм» (0,363), а также «власть доминирование» (0,370*), «власть ресурсы» (0,645**), «безопасность личная» (0,4**), «безопасность общественная» (0,545**), «традиция» (0,434**). Характерной особенностью высоких правоавторитариев в российской выборке можно считать то, что ценности гедонизма, стимуляции, обеих форм власти, репутации, конформизма правил и межличностного конформизма, безопасности эти респонденты одновременно ассоциируют с ценностью «достижение» (0,268), подразумевая под достижениями власть, репутацию, гедонизм, общественную и личную безопасность, конформизм при условии стимуляции себя со стороны признанного лидера/группы. При отсутствии стимуляции «сверху» высокие правоавторитарии сталкиваются в этой ассоциации с противоречиями между ценностями личной и общественной безопасности, репутации, гедонизма и конформизма. Усиление стимуляции отрицательно коррелирует со значительным ослаблением рефлексии (-0,352*). Стимуляция со стороны лидера, избранного образцом для подражания и следования его указаниям, снимает эти противоречия. В любом случае группа российских респондентов с высоким уровнем правого авторитаризма демонстрирует противоречивость оппонентных бинарных пар в ценностных ориентациях группы «открытость изменениям» и группы «сохранение», группы ценностей «самоопределение» и «самоутверждение». На круговом мотивационном континууме уточненной для России теории Ш. Шварца эти оппонентные пары соответствуют диаметрально противоположным секторам ценностей. С повышением уровня субъективного переживания аномии у индивидов с высокой выраженностью правоавторитарных установок наблюдается усиление мотивации в правой верхней части круга ценностей. С обострением субъективного ощущения аномии возрастают противоречия между оппонировавшими ценностями, что особенно наглядно для ценностей «самостоятельность поступков» и «самостоятельность мышления», «толерантность» и «власть доминирования», «чувство долга» и «власть», «благожелательность – забота» и «власть» обеих форм, и характеризует правоавторитарную личность как противоречивую и способную к двоемыслию, что соответствует выводам многих исследователей правого авторитаризма. Как сформулировали в форме пословицы, отражающей «наивную» психологию, несколько российских респондентов во время интервьюирования: «Хочешь быть хозяином жизни, надо стать слугой народа».

У респондентов с высоким уровнем правого авторитаризма в германской выборке с ростом уров-

ня субъективного переживания аномии снижается мотивация к «самостоятельности в мышлении» (-0,692*), чему соответствует падение показателей по шкале рефлексивности и усиление мотивации к «самостоятельности поступков» (0,799**). Оппонирующие ценности «сохранения»: «безопасность личная» (0,678*), «традиция» (0,654*) и «конформизм правила» (0,65*) конфликтуют с «самостоятельностью поступков» (0,799**) и положительно коррелируют с показателями шкалы «аномия», достигая уровня статистической значимости. Ценностные ориентации «самоутверждения»: «достижения» (0,717*), «власть ресурсы» (0,712*) и «власть доминирование» (0,673*) с нарастанием аномии конфликтуют с ценностью «универсализм забота о других» (0,615*), что выражено в достоверно значимой положительной корреляции. Снижение мотивации к ценностям «самоопределения» также находит свое симметричное отражение в уменьшении показателей по рефлексивности и выбору смысловжизненной ориентации при усилении показателей экзистенциальной наполненности своей жизни. В этой группе нарастает конфликтность между ценностями стремления к собственным интересам и ценностями преодоления личных интересов ради других. Последнее расхождение также говорит в пользу вывода о сходстве проявлений правоавторитарной личности с социопатическими особенностями, для которых характерно пренебрежение чужими интересами. Высокая самооценка при слабой самокритичности не приводит ее носителя к мучительным переживаниям конфликта ценностей. Противоречивость ценностных ориентаций снимается решительным поступком и осознанным отказом от самостоятельности мышления. Установки доминирующего влияния на людей легко «меняются» на установки подчинения и делают из таких людей идеальных последователей авторитарного лидера, если сила не на стороне респондента с высоким уровнем правого авторитаризма. Для группы немецких респондентов с высоким уровнем правого авторитаризма так же, как для россиян, характерно ослабление рефлексивности при усилении стимуляции.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2007.
2. Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. Киев: Наукова Думка, 1989.
3. Дьяконова Н.А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американ-

ских студентов: дисс. ... канд. психол. Наук. М., 2001. С. 71–77.

4. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. М.: Речь, 2004. С. 26–34, 35–45, 57–63.

5. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

6. Орел В.Е., Сенин И.Г. Основы психодиагностики: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2002.

7. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России» / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова // Психология. Журнал ВШЭ. Т. 9. № 2. С. 49–51.

8. *Altemeyer Bob. The Authoritarian Specter.* Harvard University Press, 1996. P. 112–116.

9. *Altemeyer Bob. The Authoritarians.* Lulu. 2006. P. 37.

К МЕТОДАМ ОЦЕНКИ «САМОЦЕННОСТИ» ПОДРОСТКА В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Аминов Н.А., кандидат психологических наук

Жамбеева З.З., кандидат психологических наук

Кабардов М.К., доктор психологических наук, профессор

Психологический институт Российской академии образования

Аннотация. Приводятся результаты проверки гипотезы, согласно которой мотивированность школьника к учебным достижениям является результатом взаимодействия внешних форм мотивирования (индивидуальные и социальные нормы оценивания учителем учебных достижений подростка) и внутренних форм мотивирования (острая реакция на несправедливость или «страдания» подростком, чувство боли, которое он пережил от других или по своей вине).

Ключевые слова: индивидуальные и социальные нормы оценивания, чувство несправедливости, аутентичность подростка.

Abstract. The hypothesis, according to which, student's motivation to academic achievements is a result of an interaction between outside forms of motivation (individual and social norms of teacher assessments of teenager's educational achievements) and inside form of motivation (teenager's overreaction to injustice and «sufferings» [the feel of pain that he experienced from others or from himself]).

Keywords: individual and social norms of assessment, feeling of injustice, authenticity of a teenager.

В результате анализа литературы было выявлено: поскольку взаимодействие учителя с учениками в процессе педагогического общения подчиняется тем же законам групповой динамики, что и в психотерапии, учитель способен «достучаться» до переживания своих учеников, стимулировать их выражение и прийти к их пониманию [1; 6; 7]. Следовательно, можно предположить, что у учеников может выявляться усиление мотивации достижения, лучшая подготовка по основным предметам для сдачи ЕГЭ, а также принятие решения в других судьбоносных моментах жизни.

К 9-му классу у подростков, как правило, могла сформироваться система представлений об оценках учителями их успешности и об организа-

ции учебного процесса в современных условиях образования. Эта система ценностных ориентаций усиливает либо ослабляет поиск подростком смысла получения образования и связанный с ним первичный мотивационный процесс [10; 5].

Следствием этого может быть усиление (ослабление) сознательно планируемых усилий и ответственности за достижения по базовым учебным дисциплинам. Кроме того, у подростков, ориентированных на успех, внешняя оценка их достижений учителем создавала у них ожидания, что прилагаемые ими усилия приведут к предвосхищаемой пользе или помогут избежать будущих трудностей при сдаче ЕГЭ и выборе профессии [3].

Проверка этих предположений стала целью данного исследования. В эксперименте участво-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 13-06-00689а.

вали 41 школьник – учащиеся 9-х классов одной из московских школ. Обследование школьников происходило в 2014–2015 гг. Для проверки нашей гипотезы были использованы наиболее референтные психодиагностические *методы*: шкала экзистенции Л. Лэнгле и К. Орглера для подростков [8]; методика распознавания эмоции (сопереживания) и их осознания (понимания), предложенная Н.А. Аминовым и З.З. Жамбеевой [2; 4]; годовые оценки по профилирующим предметам: а) русскому языку и литературе; б) математике (алгебре и геометрии); опросник профессиональных предпочтений Дж. Холланда (ОПП в адаптации А.Н. Воробьева, И.Г. Сенина, В.И. Циркова) [9].

С переменными «объективных» тестов и показателей субтестов шкалы экзистенции вначале производилась оценка межгрупповых различий по показателям шкалы экзистенции и переменным «объективных» тестов между «крайними» группами по каждому из показателей по непараметрическому критерию Манна – Уитни. Только затем выявленные статистически значимые различия по показателям «объективных» тестов и шкалы экзистенции подвергались регрессионному анализу. При обработке данных использовалась статистическая программа STATISTICA 10.

Были получены данные о статистически значимых различиях по показателям четырех «объективных» тестов и шкалы экзистенции и коэффициенты уравнения регрессии, отражающие статистически значимые «вклады» показателей четырех объективных тестов в показатели субшкалы шкалы экзистенции и «вклады» показателей шкалы экзистенции на величину показателей четырех «объективных» тестов. Это позволило оценить степень влияния «объективных» показателей на сформированность представлений подростков об организации учебного процесса, с одной стороны, и влияние сформированных представлений на их собственное поведение в процессе учебной деятельности – с другой.

Найденная связь такого острого чувства «страдания» с субшкалами «самотрансцендентности», «ответственности», «персональности», «экзистенциальности» и «исполненности» у школьников 9-х классов, объясняется тем, что, только осознав свои переживания и ситуации, породившие в душе подростка чувство несправедливости, он делает шаг к своей аутентичности или зрелости.

В то же время отсутствие связи этого чувства со субшкалами «самодистанцирования» и «свободы» может указывать на важную роль усвоенных подростком индивидуальных и социальных норм учителя, предопределяющих не только смысл учебной ситуации, но и возможных последствий нерадивости в учебе в будущем [3]. То есть для

девятиклассников важна роль учителя и родителей в их взрослении и умении относиться к учебной деятельности серьезно.

Как показали результаты статистического анализа, школьники, в большей степени переживающие «страдание» (отвержение) и более адекватно оценивающие свои личностные ресурсы или способности, по-видимому, более мотивированы к сознательно планируемыми усилиям по математике (алгебре) и менее склонны к профессиям предпринимательского типа, чем их более «безответственные» одноклассники. Тем не менее этот вывод требует более тщательного анализа и комментария.

Литература

1. Аминов Н.А., Морозова Н.А., Смятских А.Л. Психодиагностика педагогических способностей. Претесты: метод. пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994.
2. Аминов Н.А., Кабардов М.К., Жамбеева З.З. Дифференциальный подход к исследованию механизмов распознавания эмоциональных состояний и их осознания // Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий: коллективная монография / под ред. проф. В.А. Москвина. Москва-Белгород: Издательско-полиграфический центр «Политера», 2007. Вып. 2. 299 с. С. 226–247.
3. Аминов Н.А., Осадчева И.И. Реформа современного образования как основа трудового воспитания // Культура. Духовность. Общество / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск. Изд-во УРНС, 2014. С. 103–109.
4. Жамбеева З.З. Коммуникативные способности как фактор личностного и профессионального самоопределения: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007.
5. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни. М.: Генезис, 2014.
6. Мартенс Р. Социальная психология и спорт. М., 1979.
7. Маслова Е.А. Формирование фасилитативной направленности будущих учителей в образовательной среде педагогического колледжа: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2012. 25 с.
8. Пергаменщик Л.А., Пузыревич Н.Л. «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер для подростков: процесс и результаты адаптации // Психологическая диагностика. 2011. № 1. С. 95–119.
9. Психодиагностика. Теория и практика: учебник для бакалавров / под ред. М.К. Акимовой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
10. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986.

МОТИВАЦИОННЫЙ ПРОФИЛЬ СОТРУДНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Батаев В.Г., студент кафедры психологии факультета философии и социальных наук
Белорусский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются результаты проведенного эмпирического исследования мотивационного профиля сотрудников компаний с клановым типом организационной культуры. Показана взаимосвязь между параметрами мотивации работников предприятия с клановым типом организационной культуры. Сделаны выводы о причинах значимых положительных связей между мотиваторами.

Ключевые слова: мотивационный профиль, организационная культура, клановая организационная культура, профессиональные навыки.

Abstract. The following article covers an empirical study of the motivational profile of corporate employees from different types of organizational environments. A correlation of motivational parameters of employees from a «clan»-type organizational environment had been determined. In the course of this study interesting findings on important causes of positive connections between motivators had been uncovered.

Keywords: motivational profile, organizational culture, «clan»-type organizational culture, professional skills, positive correlations, organizational.

В данный момент можно говорить о том, что рассмотрение таких вопросов, как мотивация и организационная культура, является актуальным. Есть достаточно много исследований этих феноменов, проведенных независимо друг от друга, однако их взаимосвязь рассматривается очень редко. В связи с этим мы предприняли попытку установить взаимосвязь между мотивационным профилем и организационной культурой компании.

В исследовании приняло участие 52 работника (21 мужчина и 31 женщина) некоммерческой организации г. Минска. Средний возраст сотрудников составил 32 года. С целью изучения мотивационного профиля сотрудников с различным типом организационной культуры использовался опросник К. Камерона и Р. Куинна «ОСАИ», адаптированный Т.О. Соломанидиной, а также опросник «Диагностика рабочей мотивации» Р. Хакмана и Г. Олдхэма, адаптированный И.Н. Бондаренко. Гипотеза исследования состояла в предположении, что мотивационный профиль сотрудников организаций с различным типом организационной культуры будет иметь отличия: компании с клановым типом организационной культуры будет иметь более располагающие условия для мотивации сотрудников. Для проверки данной гипотезы нами был выбран метод корреляционного анализа, позволяющий определить взаимосвязь между мотиваторами и организационной культурой.

© Батаев В.Г., 2015

При проведении корреляционного анализа были выявлены следующие особенности мотивации сотрудников организаций с клановым типом организационной культуры. Между такими параметрами мотивации, как «разнообразие профессиональных навыков» и «завершенность задания», была выявлена сильная положительная взаимосвязь ($r = 0,76$; $p \leq 0,05$), т.е. с увеличением разнообразия профессиональных навыков мотивация завершить задачу также возрастает. Это может быть обусловлено тем, что организационная культура кланового типа создает условия коллективного взаимодействия и работы над проектами, что позволяет сотрудникам лучше фокусироваться на решении задач. Работники принимают решения коллективно, имеют общую цель независимо от должностей.

Также была установлена значимая положительная связь между мотиватором «разнообразие профессиональных навыков» и мотиватором «удовлетворенность защищенности от потери работы» ($r = 0,83$; $p \leq 0,05$), а также между первым мотиватором и обратной связью от работы ($r = 0,78$; $p \leq 0,05$). Таким образом, чем более разнообразной будет работа и чем больше сотрудники будут получать обратную связь от руководства и коллег, тем больше они будут удовлетворены тем, что они защищены от потери работы. Это может быть вызвано тем, что сотрудник имеет возможность развиваться и апробировать свои знания на практике, что, возможно, создает у него представление о соб-

ственной востребованности. Так может проявляться защищенность от сокращения или увольнения с занимаемой им должности. Что касается «обратной связи от работы», здесь можно предположить, что чем больше у сотрудников профессиональных навыков и чем они разнообразнее, тем выше шанс на то, что будет даваться обратная связь от работодателя при выполнении поставленных задач. Это может быть обусловлено тем, что работодатель видит, что его сотрудник имеет большой потенциал в различных видах профессиональной деятельности, и дает ему обратную связь на должном уровне.

Это, в свою очередь, может способствовать росту заинтересованности в работе и дальнейшему продвижению по карьерной лестнице.

Литература

1. Бондаренко И.Н. Адаптация опросника «Диагностика рабочей мотивации» Р. Хакмана и Г. Олдхэма на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 3. С. 109–124.
2. Камерон К.С., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ. А. Токарев. СПб.: Питер, 2001. 311 с.

ФАНАТИЗМ КАК ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ

Власова Ю.М., аспирант кафедры общей и социальной психологии
Тюменский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются особенности современного фанатизма, описан процесс формирования фанатизма – трансформации личности в мничность. Рассмотрены личностные выгоды как фактор становления фанатизма.

Ключевые слова: фанатизм, субъектность, мничность.

Abstract. The article deals with peculiarities of modern fanaticism. The process of fanaticism's formation – the personality's transformation in «mnichnost» is described. Personality's benefits as a factor of fanaticism's formation are examined.

Keywords: fanaticism, subjectness, mnichnost.

Фанатизм меняется вместе с обществом. Начиная с эпохи Возрождения, личность отделяет себя от социального индивида, «высвобождаясь» от сословных перегородок. Ответственность за сохранение культурных норм становится персональной [2]. Современного фанатика невозможно интерпретировать как продукт своего времени, как жертву социальных условий и сословного давления. В наше время у индивида есть возможность самостоятельного созидания собственной идентичности, а общество предоставляет человеку множество путей реализации своего потенциала.

Исследователи определяют фанатизм через состояние (Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, М.Н. Кузнецова, В.В. Ким), преданность (У. Джеймс, Т.Н. Санаева, О.К. Токтомагов), убежденность (В.С. Поликарпов, В.А. Поликарпов) и нетерпимость (В.В. Ким). Пока еще слабо освещен вопрос добровольного самоопределения как основы формирования и становления фанатизма.

Опираясь на работы Е.В. Улыбиной (2012) и Л.В. Алексеевой (2004), удалось показать, что

субъектная личность является для самой себя наблюдателем и одновременно созидателем. Формирование фанатизма сопровождается изменением субъектности: некритично принимая жесткую ценностно-нормативную основу группы, индивид перестает быть «автором» самого себя. Перепоручая свое «авторство» группе, человек делегирует свою субъектность группе. Главной выгодой, которую получает индивид с фанатичной позицией, – снятие необходимости быть личностью (нести ответственность).

В становлении религиозного фанатизма личность трансформируется в мничность (мнимую личность) – человека, склонного избегать поступков в изменившейся социокультурной ситуации, когда требуется найти новые смыслы в существующих культурных нормах и запретах [2]. Мничность не склонна решать ценностные конфликты, она их избегает, приняв готовую «канву» принципов действия и ценностей, которые предложила группа. Внешне фанатизм выглядит как индивидуальное упрямство, ревностная борьба за свои убеждения, стремление отстаивать свои индивидуальность. Но по своей смысловой сути

Таблица 1

Количество обнаруженных семантических единиц

Категории для контент-анализа	Фанатики	Рядовые верующие
1. Вербализация ценностей группы	5	6
2. Цитирование, ссылка на писания	8	6
3. Религиозные ответы на нерелигиозные вопросы	5	2
4. Игнорирование нерелигиозных вопросов	4	3
5. Безличные высказывания	7	4
6. Вера как опора, смысл	7	4
7. Представления о будущем с религией	8	7
8. Будущее в других сферах (семья, профессия...)	3	8

фанатизм – это трансформированная (в сторону деформации) субъектность и добровольный отказ от своей личности.

В пилотажном исследовании проверялось предположение, что делегирование субъектности имеет вербальные индикаторы, отражающие добровольность отказа от себя в пользу выбранной группы. Вербальный материал собран в соцсетях, группах и форумах, специализирующихся на религиозной тематике. Выделены две группы респондентов:

- ◆ «фанатики» (с выраженными признаками фанатичной религиозной позиции) – религиозный символ на аватаре, на «стене» религиозные посты, в подписках и группах преобладают религиозные группы, в информации о себе заявлено религиозное мировоззрение;
- ◆ «рядовые верующие» – на аватаре нет религиозных символов, а на «стене» религиозных постов или сравнительно малое их количество, в подписках и группах по интересу присутствуют не только религиозные, но и нерелигиозные группы, в информации о себе заявлено религиозное мировоззрение.

Респондентов просили написать эссе «Место религии в моей жизни», ответить на вопросы, касающиеся разных сфер жизни. Ответы обрабатывались с помощью контент-анализа (перечень категорий представлен в табл. 1).

Судя по признакам 3, 5, 6, 8 у группы «фанатиков» в сравнении с группой «рядовых верующих», респонденты позиционируют себя не как личность, а как группу (выступая от лица группы). Групповые ценности являются опорными, смыслообразующими, тесно связаны с представлениями о будущем, свидетельствуют о делегировании своего «авторства» группе.

Анализ путей прихода в религию показал, что представители группы «фанатиков» были гораздо активнее в поисках «искомой гавани» – они достигли ее, приложив довольно много усилий для «обретения веры» (своей референтной группы). Таким образом, фанатизм есть результат добровольного выбора группы, которой делегируется своя субъектность – заимствуется воля и уверенность ценой отказа от себя как автора своих решений и поступков.

Литература

1. Алексеева Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. 520 с.
2. Петухов В.В. Природа и культура. М.: Трифола, 1996, 160 с.
3. Улыбина Е.В. Быть автором себя: изменимость идентичности как проявление субъектности по отношению к самому себе // Мир психологии. 2012. № 1. С. 48–61.

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ЭПОХУ ТЕХНОМОРФНЫХ СИМВОЛОВ-ОБРАЗОВ МИРА

Гаюрова Ю.А., кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный институт культуры

Аннотация. В качестве метода развития психологической культуры личности студента рассматривается метод интерпретации произведений искусства, в ряду которых важное место

для социализации современной молодежи имеет жанр антиутопии. Это обосновано тем, что многое в современной реальности подверглось изменению, но не нашло достойного средства осмысления и способа освоения, последствия чего могут быть непредсказуемыми для человечества

Ключевые слова: психологическая культура личности, образ мира, техноморфные символы мира, социализация молодежи.

Abstract. In this work the genre dystopia is proposed as a method of student's psychological culture development. This is justified by the fact that much in today's reality has been changed, but has not found a viable means of thinking and mode of development this, the consequences of which can be unpredictable for humanity

Keywords: culture and ecology of thinking, psychological thinking culture of person, worldview, techno-similar symbols of world, dystopia, socialization of youth

Одной из основных функций культуры, по мнению В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова, является развитие процесса осознания противоречий бытия и помощь в поиске смыслов как пути к спасению [1]. Современный психологический взгляд на роль культуры в жизни человека рассматривает культурные представления (верования, убеждения) как некие буферы или преграды на пути стрессов, защищающих человека от травмирующего осознания неизбежности смерти. В то же время современная эпоха «не позволяет надлежащим образом срабатывать механизму обратных связей в процессах социальной самоорганизации, ибо результаты тех или иных социальных действий просто не успевают еще проявиться в должной мере. Из-за этого не поступает и адекватная информация о соответствующих процессах, необходимая для принятия надлежащих решений и проведения требуемых поведенческих коррекций» [2, с. 89]. Модель мира в эпоху НТП не рефлексирована и, возможно, ее свойства утопически воспринимаются незатронутыми изменениями. Модель мира, пришедшая на смену моделям прошлого (Мировое Древо, Человек как мера всех вещей, Бог и т.д.), в настоящее время является техноморфной; миф о богах, героях и прочем сменился мифом о Машине. Все звенья бытийной цепи в техноморфном мире герметичны, лишь условно связаны с другими элементами, и человек сам не понимает, что тоже является элементом, легко заменимым, занимающим строго определенное место уже не просто в Мире, а в Технологическом процессе, приобретая предметные и утрачивая человеческие свойства. Эпоха НТП создала новую, неизученную и потому небезопасную для личности реальность – виртуальную. На уровне культуры поведения это отражается в феномене эскапизма, благодаря которому осуществляется подмена реальности вымыш-

ленным миром утешительных образов. Важнейшей задачей современного цивилизованного общества является необходимость развития психологической культуры личности молодежи в процессе ее социализации в вузе. Неотрывная связь человека и техники есть проблема самого глобального уровня, а не семьи или школы. Потребность быть с техникой максимально близко – это реакция на новую неотрефлексированную модель мира, техноморфную (в этом, по Фромму, состоит «кибернетическая религия» [4]), которая в силу естественных обстоятельств сменила прежнюю.

Интересным является сам факт возникновения жанра «антиутопии», как некоей естественной защитной реакции современного общества на появившуюся угрозу мировоззренческого хаоса и полной дезориентации. Антиутопия есть своего рода «антивирусная программа», позволяющая развить способность человека к построению метафорических образов реальности с целью их критического осмысления и в связи с этим к обретению независимой личностной позиции в социальных вопросах. Одним из наиболее значительных и познавательных с социально-психологической точки зрения романов-антиутопий является произведение Дж. Оруэлла «1984» [3]. В качестве предмета критического анализа в романе выступает трансформация различных сфер культуры и ее социально-психологические последствия. Автор раскрывает утопичность многих изменений, на которые современное общество согласилось, отказавшись от традиционных основ культуры. Основная ценность этого жанра – содействие развитию способности к системному мышлению в противовес фрагментарному и утопичному. Именно антиутопия может рассматриваться как наиболее действенное психологическое средство, способное разрушить стереотипность

и псевдонаучность мышления и обратить внимание молодого поколения на непредсказуемость и деструктивность последствий отхода от традиций в культуре, отказа от преемственности и эволюционности как принципов самосохранения социума. Антиутопия есть актуальный в наши дни способ рефлексии на уровне культуры, который вызван как своего рода принцип, диктуемый временем и играющий роль правил безопасности при взаимодействии с незнакомой реальностью.

Литература

1. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
2. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Сов. этнография. 1981. № 2. С. 78–97.
3. Оруэлл Дж. 1984: [роман] / пер. с англ. В. Голышева. М.: АСТ, 2015. 318 с.
4. Фромм Э. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998. 400 с.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ МУЖЧИН ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА С АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИЕЙ

Глазырина Т.М., аспирант отдела медико-психологического сопровождения научно исследовательского центра

Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, Санкт-Петербург

Аннотация. Рассмотрены личностные особенности и качество жизни мужчин призывного возраста с артериальной гипертензией. Показано, что больные артериальной гипертензией имеют личностные особенности, предположительно способствующие формированию заболевания. Отмечается, что больные артериальной гипертензией имеют значимо более низкий уровень качества жизни за счет физической, психологической сфер и сферы «окружающая среда».

Ключевые слова: призывник, качество жизни, личностные свойства.

Abstract. Considered personal characteristics and quality of life of men of military age with hypertension. It is shown that hypertensive patients have the personal characteristics, presumably contributing to the formation of the disease. It is noted that patients with hypertension have a significantly lower quality of life through physical, psychological spheres and the field of environment.

Keywords: recruit, quality of life, personal properties.

Военная служба является видом деятельности, сопряженным с повышенными стрессовыми нагрузками на человека, что, в свою очередь, способствует формированию психосоматических заболеваний на различных этапах прохождения военной службы [2]. Нередко в течение призывного периода мужчины испытывают нагрузки на психику, иногда даже превышающие таковые во время службы [3; 4].

Роль личности больного психосоматическим заболеванием вызывает интерес, поскольку некоторые личностные особенности могут быть своего рода фактором развития заболевания, также отмечается трансформация личностных качеств в связи с заболеванием [1; 5].

Материалы и методы. Обследовано 60 мужчин призывного возраста средний возраст $21 \pm 1,8$ лет,

© Глазырина Т.М., 2015

из них группа 1 ($n = 30$) с нормальными показателями артериального давления (АД), группа 2 ($n = 30$) с АД 1–2 степени. Использовались методики: ВОЗКЖ-100, FPI. Статистическая обработка проводилась с использованием t -критерия Стьюдента.

Результаты. По результатам методики FPI выявлены статистически значимые различия в группах обследованных. Отличительными личностными чертами обследованных с АГ была депрессивность ($5,83 \pm 1,74$), в группе 1 ($4,23 \pm 1,55$; $p = 0,0004$), спонтанная агрессия ($4,73 \pm 1,14$; $3,77 \pm 1,98$; $p = 0,02$) и низкая открытость ($4,57 \pm 1,85$; $5,87 \pm 1,89$; $p = 0,01$ соответственно).

В обеих группах отмечается высокий уровень выраженности следующих черт личности: невротичность (группа 1 – $5,17 \pm 2,04$; группа 2 –

5,23 ± 1,22, $p = 0,88$) и застенчивость (группа 1 – 5,43 ± 2,19; группа 2 – 5,53 ± 1,41, $p = 0,83$), что является скорее всего типичным для молодых людей призывного возраста.

По результатам методики ВОЗКЖ-100 выявлены статистически значимые различия в группах обследованных. Обследованные с АД 1–2 степени имеют более низкий уровень общей оценки качества жизни 78,18 ± 8,39; в группе 1 – 83,70 ± 11,68, $p = 0,04$. Также у них статистически значимо ниже качество жизни: физическая сфера (12,40 ± 2,05; 15,45 ± 2,60; $p = 0,000005$), психологическая сфера (12,64 ± 1,28; 14,49 ± 2,86; $p = 0,002$) и сфера «окружающая среда» (12,68 ± 1,53; 14,22 ± 2,22; $p = 0,003$ соответственно).

Выводы:

- ◆ обследованные с АД 1–2 степени имеют статистически значимо ($p < 0,05$) больший уровень депрессивных переживаний, менее открыты, что сказывается на их меньшем общении с окружающими, склонны к спонтанной агрессии, что связано с поведением типа А;
- ◆ обследованные с АД 1–2 степени имеют статистически значимо более низкий уровень качества жизни за счет физической, психологической сфер и сферы «окружающая среда». Это связано с физическими ограничениями, сопутствующими АД, а также отражает влияние психологических проблем на формирование АД, включая такие аспекты, как личная свобода, физическая безопасность и чувство за-

щищенности, обеспечиваемые индивиду там, где он в данный момент проживает, а также окружающей средой в местах его постоянного проживания.

Литература

1. Днов К.В., Тарумов Д.А., Ятманов А.Н. Особенности отношения к болезни соматических больных и больных неврозами // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2012. Т. 7. № 2. С. 632–633.
2. Медико-психологическое сопровождение военнослужащих в военном вузе / А.С. Солодков, В.В. Юсупов, К.В. Днов и др. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2015. № 5 (123). С. 254–258.
3. Медико-психологическое сопровождение кандидатов на поступление в военный вуз / А.С. Солодков, В.В. Юсупов, К.В. Днов и др. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2015. № 5 (123). С. 258–263.
4. Медико-психологическое сопровождение обучающихся призывного возраста / А.С. Солодков, В.В. Юсупов, И.М. Чернега и др. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2015. № 6 (124). С. 247–250.
5. Ятманов А.Н. Патогенетические детерминанты внутренней картины болезни у пациентов с эссенциальной гипертензией: дисс. ... канд. мед. наук. СПб: ГОУ ВПО «Военно-медицинская академия». 2010. 147 с.

ПАРАДОКСЫ ЭКСПРЕССИИ СЧАСТЬЯ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И КУЛЬТУРА

Гордеева Т.О., доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник

Осин Е.Н., кандидат психологических наук

Шелдон К.М., PhD

Международная лаборатория Позитивной психологии личности и мотивации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Представлены результаты исследования феномена скрытия счастья и несчастья по отношению к незнакомым людям и друзьям и их связи с психологическим благополучием у представителей двух культур, различающихся уровнем «индивидуализма – коллективизма» (Россия и США).

Ключевые слова: экспрессия счастья, психологическое благополучие, культура.

Abstract. Two studies were conducted to understand the phenomenon of emotions hiding in different cultures. Russians concealed happiness more, but it was associated with a wider range of negative outcomes in the USA (lower basic need satisfaction, subjective well-being, autonomy, authenticity, intrinsic aspirations) than in Russia.

Keywords: happiness, unhappiness, psychological well-being, culture.

Психологические исследования показывают, что переживание счастья и других положительных эмоций имеет множество преимуществ, включая успешность в таких жизненных областях, как брак, дружба, уровень дохода, успешность на работе и здоровье [3]. Напротив, склонность подавлять свои эмоции соотносится с рядом негативных следствий для благополучия и здоровья. Насколько важна внешняя эмоциональная экспрессия положительных эмоций, способствует ли она также тем позитивным результатам, которые связываются с переживанием позитивных эмоций и состояний? Кросс-культурные исследования показывают, что представители разных культур отличаются различными нормами экспрессии эмоций. Одни культуры являются более экспрессивными и эмоциональными, другие склонны к контролю своих эмоций. Американская культура принадлежит к числу культур, наиболее склонных к открытому выражению позитивных эмоций, где принято открыто проявлять радость, счастье и другие позитивные эмоции, ежедневно активно стремиться к достижению ощущения счастья [4].

Нормы выражения эмоций счастья в российской культуре достаточно сложны и противоречивы, соответственно, неочевидны следствия скрытия счастья для психологического благополучия россиян. С одной стороны, представители российской культуры воспринимаются как склонные к грусти, подавлению эмоций, не улыбкающие, меньше, чем американцы, стремящиеся к переживанию счастья (Matsumoto et al, 1998; 2008). С другой стороны, следует прислушаться к мнению известной исследовательницы культур А. Вежбицкой, которая утверждает, что у представителей русской культуры наблюдается «эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [4, с. 33–34]. Напротив, кросс-культурные исследования последних лет показывают, что для членов азиатских культур, отличающихся высоким уровнем вертикального коллективизма, скрытие эмоций является весьма характерным, выступает ценимой культурной нормой и не ведет к негативным последствиям для психологического благополучия [2].

Сотрудниками лаборатории Позитивной психологии была проведена серия исследований, направленных на изучение степени скрытия позитивных и негативных эмоций представителями русской и американской культур, а также уровня их психологического благополучия. В двух иссле-

дованиях участвовали студенты России и США (в первом $N = 680$, во втором $N = 612$).

Вопреки данным предыдущих исследований не было обнаружено феномена меньшего психологического благополучия у русской выборки по сравнению с американской (по шкале удовлетворенности жизнью Э. Динера); напротив, русская выборка обнаружила более высокие показатели удовлетворенности базовых психологических потребностей. Полученные результаты свидетельствуют как о сходстве, так и о специфике скрытия эмоций представителями двух культур. Как и ожидалось, представители обеих культур были в большей степени склонны скрывать несчастье, чем счастье, и эффект скрытия в большей степени проявлялся в отношении незнакомых людей, чем друзей; в обеих культурах интроверты скрывают эмоции больше, а экстраверты – меньше; горизонтальный коллективизм был связан с меньшей склонностью скрывать эмоции счастья и, напротив, с большей – скрывать несчастье.

Наиболее консистентным результатом исследований является склонность русских скрывать счастье от незнакомцев ($d = 0,55–0,60$), причем имела место выраженная специфика реагирования (скрытия эмоций) на друзей и незнакомцев, значительно более выраженная у русских, чем у американцев. Этот последний результат хорошо согласуется со склонностью представителей коллективистических культур делить мир на «Мы» и «Они», «своих» и «чужих» с соответствующими нормами поведения в группе и вне ее. Наиболее интересным и интригующим результатом также является то, что сам факт выраженного скрытия позитивных эмоций перед незнакомыми людьми не связан с уровнем психологического благополучия у русской выборки, в отличие от американской, у представителей которой склонность скрывать позитивные эмоции является предиктором неблагополучия, фрустрации базовых потребностей и низкой аутентичности.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
2. Ford B.Q., Mauss I.B. Culture and emotion regulation // *Current Opinion in Psychology*, 2015. Vol. 3. P. 1–5.
3. Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? // *Psychological Bulletin*. 2005. Vol. 131. P. 803–855.
4. Matsumoto D., Yoo S.H. et al. Development and initial validation of a measure of display rules: The Display Rule Assessment Inventory (DRAI) // *Emotion*, 2005. Vol. 5 (1). P. 23–40.

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ИЛИ ОТКАЗ ОТ ЖИЗНЕННЫХ УСИЛИЙ

Гусейнов А.Ш., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Шиповская В.В., кандидат психологических наук, докторант кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии

Кубанский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются качественные различия двух вариантов экзистенциального выбора и их последствия для личности: преодоление, сопряженное с ответственностью за происходящее, результатом которого становится совершенствование человека, или отказ от жизненных усилий, порождающий деструктивный протест, безответственность, деградацию.

Ключевые слова: выбор, сопротивление, экзистенциальное усилие, трансценденция, преодоление, отказ от саморазвития, протест.

Abstract. We consider qualitative differences between the two versions of existential choice and their consequences for personality: negotiation connected with responsibility for current developments, resulting in either an improvement of a person or the rejection of life strivings, generating destructive protest, irresponsibility, retrogression.

Keywords: existential choice, resistance, existential effort, transcendence, negotiation, rejection of self-evolution, protest.

Актуализация деструктивной протестной активности в рамках всего многополярного мира, возросший глобализм террористических атак, расширение географии горячих точек, возрождение неонацистских идей заостряют проблему экзистенциального выбора личности. Экзистенциальный выбор представляет собой сложный конструкт, который связан с ответственностью, рефлексией, совестью, внутренней независимостью, субъектной позицией, трансценденцией, преодолением. Понятие выбора используется для того, чтобы подчеркнуть характер духовной жизни личности и степень затраченных усилий на пути самостановления. Сутью этого конструкта является обязательность и невозможность уклониться от решения. Реализация выбора возможна как на основе интенциональности, в которой личность осмысливает свой опыт и прогнозирует будущее, так и на основе бессознательных процессов. Главный вопрос: что движет людьми, когда они делают тот или иной выбор? В созданных на разных этапах исследования моделях протестной активности личности мы пытались ответить на этот вопрос [1]. Иерархическая модель показывает, что неспособность контролировать стихийные архаические силы (слабость «Я») приводит к полной утрате свободы выбора позитивных дей-

ствий, проявляющейся в самых жестких формах протеста, жестоких бунтах, а также в захваченности личности любой идеологией. Трансформационная модель демонстрирует процесс поиска самотождественности, выбора собственного образа. Показано, что в случае неуспешной самоидентификации образ наспех «списывается» с деструктивной личности и подтверждается в референтной группе (как это случилось с воспитанниками «Гитлерюгенда» и современными террористами). Выбор в пользу слияния с организацией порождает уход от ответственности, отказ от уникальности и личной судьбы. «Как показывает история XX века, – пишет Д.А. Леонтьев, – у человека есть выбор, и достаточно часто этот выбор делается не в пользу того, чтобы быть человеком [2, с. 129]. Структурно-диалектическая модель, в которой в качестве структурных компонентов использовалась структура модусов бытия [5], позволяет уяснить траектории развития, результатом которых становится конструктивная или деструктивная протестная активность личности. По С.Л. Рубинштейну, конструктивный выбор возможен только в случае неодностороннего подчинения внешнему, особой активности субъекта, связанной не столько с действиями по преобразованию действительности, сколько с преобразованием самого себя [4]. Этот выбор сопряжен со само-

становлением, т.е. «...с работой над чем-то в мире, что имеет смысл» [3, с. 83]. Это значит, что выбор предполагает преодоление внешних и внутренних ограничений. По Д.А. Леонтьеву, через усилия определяются как количественные различия в мере человечности, так и качественные различия способов бытия. Зажатость человека между жесткими данностями биологического и социального и безграничными возможностями культуры и жизненного мира «приводит к осознанию эволюционного выбора, который стоит перед каждым в данной точке его жизни и эволюции человечества» [3, с. 83]. Автор подчеркивает, что нет такого эскалатора, который может вне усилий возносить нас к вершинам личностного развития. Поскольку отсутствуют условия, автоматически порождающие человеческое в нас, необходимо сохранять «экзистенциальный тонус», осознавая, что личностное развитие и трансценденция – это путь наибольшего сопротивления, тернистый и тяжелый путь [2, с. 132–133]. Экзистенциальный тонус соотносится с понятием «экзистенциальное усилие», которое лишено автоматизма

и не имеет причинного объяснения, но которое, по М. Мамардашвили, только и может порождать добро и подлинную человечность.

Литература

1. Гусейнов А.Ш. Профилактика деструктивных форм протестной активности личности в среде студенческой молодежи // Армия и общество. № 4. 2015. С. 61–68.
2. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. Т. 5. Вып. 3. 2010. С. 120–140.
3. Леонтьев Д.А. Человечность как проблема // Человек – наука – гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 2009. С. 69–85.
4. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М.: Питер, 2003.
5. Фоменко Г.Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар: КубГУ. 2010. № 1. С. 83–99.

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕЕ ПОЗИТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Дерманова И.Б., кандидат психологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Рассматриваются вопросы соотношения метакогнитивных свойств личности (осмысленности, рефлексивности) с показателями ее позитивного функционирования. Автор проверяет предположение о существовании оптимума осмысленности (по аналогии с оптимумом рефлексивности). Выдвигается предположение о влиянии некоторых бессознательных установок на осмысленность жизни.

Ключевые слова: метакогнитивные свойства, оптимум рефлексивности, осмысленность, позитивное функционирование, психологические защитные механизмы

Abstract. The article deals with such an issue as the relationship between metacognitive personality features (meaningfulness, reflexivity) and indicators of its positive personality functioning. The author checks the assumption of the existence of comprehension optimum (by analogy with reflexivity optimum). The article also proves the assumption about the influence of some unconscious installations on the meaningfulness of life.

Keywords: metacognitive features of the individual, optimum reflexive, meaningful, positive personality functioning, psychological defense mechanisms.

Позитивное функционирование личности не вполне сложившееся понятие в психологии. Мы в данном случае соотносим его с такими параме-

трами функционирования человека, как направленность на самореализацию, адаптивность, личностный рост, психологическое благополучие, эмоциональное благополучие и т.д. Под метаког-

нитивными свойствами личности понимаются такие ее интегральные характеристики, которые предполагают включенность в них процессов контроля и регулирования человеком своих чувств, действий, мыслей, целеполагания и осознанного влияния на себя и свою жизнь.

К таким метакогнитивным свойствам относятся, в частности, осмысленность и рефлексивность. Осмысленность жизни определяется как понимание цели, переживание ее онтологической значимости. Осмысленность и осмысление выступают как результат и процесс рефлексии высшего уровня побуждений человека, включающих оценку человеком самого себя, своих чувств, мыслей, действий в общем потоке жизни в отношении к основным ее параметрам – целям, процессу, результату, – оценку контролируемости жизни и контролируемости себя [2]. Считается, что умение адекватно осмыслять может способствовать ее позитивному функционированию (лучшей адаптации, гармоничности личности, формированию жизненной позиции, более эффективному разрешению межличностных и внутренних конфликтов, самореализации и психологическому благополучию) [3].

Рефлексивность как личностная характеристика определяется как способность человека выходить за пределы собственного «Я», осмысливать, изучать, анализировать что-либо с помощью сравнения образа своего «Я» с какими-либо событиями, личностями. Рефлексивность как психическое свойство раскрывается через способности к самовосприятию содержания собственной психики и к пониманию психики других людей, предполагающей способность встать на место другого [1]. Исследователи отмечают, что существует закономерность оптимума между уровнем рефлексивности и ее позитивным функционированием, в частности, такими характеристиками, как самоактуализация, адаптированность личности, точность Я-концепции и др. В соответствии с данной закономерностью лучше адаптированным, высоко самоактуализированным людям, с более высоким уровнем «Я-концепции» не свойственен высокий уровень рефлексии. Более высокую эффективность функционирования обнаруживают субъекты, характеризующихся либо средним уровнем рефлексивности, либо уровнем чуть выше среднего [4]. То есть отношения между рефлексивностью и характеристиками позитивного благополучия приобретают вид U-образной зависимости.

В связи с тем, что в основе обеих характеристик (рефлексивности и осмысленности) лежит процесс осознания, осмысления и отрефлексирования, встает вопрос: можно ли говорить об оптимуме осмысленности жизни (по аналогии

с оптимумом рефлексивности)? Второй вопрос, который имеет непосредственные отношения к заявленной теме: можно ли утверждать, что осмысление и осознание замещают бессознательные и зачастую неконструктивные механизмы психики? Ведь когнитивным психологам известно, что в процессе осмысления, на базе которого и формируются метакогнитивные свойства, могут возникать метакогнитивные искажения, проявляющиеся, в частности, в эффекте Даннинга – Крюгера, при котором люди с низкими когнитивными способностями более убеждены в собственной правоте и уверены в себе, чем более компетентные люди, которые больше склонны к сомнениям. Если процесс осознания так или иначе подвержен этим когнитивным иллюзиям, то не базируется ли и осмысленность как свойство личности на иллюзорных представлениях и механизмах?

В серии работ, проведенных под нашим руководством, соотношения показателей осмысленности и позитивного функционирования личности изучались в группах испытуемых разного возраста, мужчин и женщин, с разным уровнем психологического благополучия, самореализации, с разным уровнем кризисных переживаний и т.д. Для исследования осмысленности жизни использовался тест СЖО (Д.А. Леонтьева). Характеристики позитивного функционирования измерялись с помощью группы методов, среди которых были: САТ, САМОАЛ, Шкала психологического благополучия К. Рифф, анкеты кризисных переживаний (Манукян) и др. Для измерения бессознательных установок личности использовались психологические защитные механизмы (методика ИЖС в адаптации института Бехтерева) и иррациональные установки (тесты Джонса и Эллиса). По результатам этих исследований были получены некоторые подтверждения нашего предположения об оптимуме осмысленности как личностной характеристики человека. Кроме того, было выявлено влияние защитных механизмов личности и иррациональных установок на показатели осмысленности. Было обнаружено также, что наибольшее влияние испытывают на себе «цели» и «локус контроля – жизнь».

Литература

1. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
2. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М: Смысл, 1992.
3. Чернов Д.Ю. Осмысленность как самостоятельное понятие и его место в системе наук о человеке. Ученые записки СПбГИПСР. Вып. 2. Т. 14. 2010. С. 52–57.

РОЛЬ ПОЗИТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Доценко О.Н., кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции

Бондаренко И.Н., кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции

Психологический институт РАО

Аннотация. Рассмотрена роль позитивных эмоций в достижении целей учебной деятельности в средней школе. Получены четыре эмпирических типа, различающихся по показателям познавательной активности, мотивации достижения, саморегуляции и эмоциям. Выявлены различия в механизме поддержания этих феноменов, связанные с позитивными эмоциями в типичных учебных ситуациях.

Ключевые слова: позитивные эмоции, саморегуляция, мотивация.

Abstract. We examined the role of positive emotions in learning goals achievement on a sample of secondary school students. We established four types of students, differed in the measures of cognitive activity, achievement motivation and self-regulation. The differences were revealed in the mechanism of maintaining the abovementioned phenomenon by experiencing positive emotions.

Keywords: positive emotions, self-regulation, motivation.

Одним из приоритетных направлений современной мировой науки является повышенное внимание к феноменам, связанным с развитием личности, и ее субъективного благополучия. В определении счастливой жизни М. Селигман особую значимость придает положительным чувствам, связанным с прошлым и будущим, а также с позитивными переживаниями в настоящем при достижении целей [2]. В последние два десятилетия появились работы, изучающие эмоции учащихся, их источники, развитие и роль в обучении, становлении личности и поддержании здоровья [5; 3; 4]. При этом практически нераскрытым остается вопрос о роли позитивных переживаний в достижении академической успешности. Целью исследования является изучение взаимосвязи ситуационной специфики позитивных эмоций с мотивацией достижения (МД), познавательной активностью (ПА), осознанной саморегуляцией (СР) и успешностью учащихся средней школы. Выбор позитивных эмоций (ПЭ) (радость, интерес, восторг, удовлетворенность) обусловлен результатами ранее проведенного исследования [1].

Методы исследования: Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУД-М (Моросанова, 2013); Методика определения мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы (Андреева, Прихожан, 2006); Мотивация достижения/избегания неудач (Реан); анкета «Позитивные и негативные эмоции, переживаемые учащимися в различных си-

туациях учебной деятельности» (Доценко, Бондаренко, 2015) – список позитивных и негативных эмоций, испытываемых учащимися в четырех типичных ситуациях учебной активности (утром до школы, при выполнении домашнего задания, до и после выполнения тестового задания); академическая успешность по математике. Выборка: 88 учащихся 7-х и 8-х классов.

В результате корреляционного анализа получены положительные взаимосвязи ПЭ с ПА, МД и успешностью. Наибольшее количество взаимосвязей с процессами СР было получено с радостью, связи других эмоций и процессов СР имеют ситуационную специфику. Полученные данные дали основание для проведения кластерного анализа (метод *k*-means), в результате которого получены 4 эмпирических типа («позитивно-вовлеченные» (15), «эмоционально стабильные» (25), «не вовлеченные в учебный процесс» (26), «неуспешные, негативно настроенные» (16)).

Проведен сравнительный анализ ПЭ у представителей эмпирических типов в четырех типичных ситуациях учебной активности. ПЭ «позитивно-вовлеченных учащихся» стабильны и направлены на поддержание их вовлеченности в учебный процесс во всех четырех изучаемых ситуациях. При среднем уровне СР ПЭ, возникающие в результате этой вовлеченности, поддерживают интерес к учебе, ПА и МД, что, в свою очередь, приводит к высокой академической успешности. При средней ПА «эмоционально стабильные» учащиеся отличают-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-06-10855а.

ся высокой СР, которая помогает им достигать хороших результатов. Повышение ПЭ наблюдается в ситуации до и после выполнения тестового задания, когда есть возможность проверить свои силы и способности, что поддерживает ПА и МД у представителей этого типа. У «не вовлеченных в учебный процесс» наблюдается сниженная учебная ПА и низкая СР. Привычные учебные задания – выполнение ДЗ – приводят к росту негативных эмоций. «Всплеск» интереса и радости наблюдался при выполнении тестового задания, которое предъявлялось в необычной форме (компьютерная игра). Возможно, учебная деятельность не является для них субъективно приоритетной, и ПЭ они получают в другой сфере деятельности. Эмоциональный профиль «неуспешных, негативно настроенных» учащихся отличается высокой выраженностью эмоций тоски, злости и страха, а выполнение трудных заданий является источником получения ПЭ, что характерно для мотивации избегания неудачи. Полученные данные могут помочь психологам и педагогам в организации учебного процесса, учитывающего индивидуальные

особенности переживания позитивных эмоций, что поддержит развитие их ПА, МД и СР.

Литература

1. Доценко О.Н., Бондаренко И.Н. Опросник «Эмоциональные переживания в профессиональной деятельности-ЭППД» // Диагностика саморегуляции человека / под ред. В.И. Моросановой, И.Н. Бондаренко. М.: Когито-Центр, 2015. С. 164–195.
2. Селигман М. Новая позитивная психология, М.: София, 2006.
3. Fredrickson B.L. The Role Positive Emotions in Positive Psychology // American Psychologist. 2001. No 56 (3). P. 218–246.
4. Academic emotions in students' self-regulated learning and achievement: A program of qualitative and quantitative research / R. Pekrun, T. Goetz. Educational Psychologist/ 2002. No 37. P. 91–105.
5. Schutz P.A., Lanehart S.L. Introduction: Emotions in education // Educational Psychologist. 2002. № 37. P. 67–68.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕЖИВАНИЯ УЕДИНЕНИЯ

Ишанов С.А., магистр

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Изучается влияние личностных предпосылок (экзистенциальной исполненности и уровня развития Эго) на создание ситуаций уединения. Описывается и обсуждается корреляционная связь экзистенциальной исполненности, уровня развития Эго с особенностями переживания уединения и одиночества.

Ключевые слова: уединение, одиночество, экзистенциальная исполненность, уровень развития Эго.

Abstract. In the article analyzes the impact of personal preconditions (existential fulfillment and the level of ego development) at creating situations of solitude. In the paper is describes and discusses the correlation of existential fulfillment, level of ego development and features the experiences of solitude and loneliness.

Keywords: solitude, loneliness, existential fulfillment, the level of ego development.

В пространстве российской психологии только в последнее время стали предприниматься попытки понимать уединение как близкий к одиночеству, однако самостоятельный и независимый феномен жизни личности. В связи с тем, что понятие «уединение» только начинает занимать свое место в научно-психологическом пространстве, возникает необходимость его изучения и описания связи данного феномена с различными личностными предпосылками.

© Ишанов С.А., 2015

Цель исследования: изучение личностных характеристик, связанных с особенностями переживания ситуаций уединения.

Объект исследования: субъективные переживания в ситуациях уединения, *предмет исследования* – связь личностных характеристик (экзистенциальной исполненности и уровня развития Эго) с особенностями субъективных переживаний в уединении.

Гипотезы исследования:

- ♦ уровень развития Эго обратно связан со склонностью к переживанию одиночества;

◆ экзистенциальная исполненность личности позитивно связана со способностью находить ресурс в ситуациях уединения.

Эмпирические методики исследования: Незаконченные предложения вашингтонского университета (методика на определение уровня развития «Эго» Д. Лёвинджер); Адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, Н.А. Михайловой; Дифференциальный опросник переживания одиночества (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев); Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер.

Математическая обработка осуществлялась в программах STATISTICA 6.0 и SPSS Statistics 16.0 для Windows с применением коэффициента корреляции Пирсона. Стратегия проведения исследования: интернет-опрос, в котором приняли участие 215 респондентов (170 женщин и 45 мужчин).

Уединение – ситуация пребывания наедине с самим собой, которая является добровольной, выбранной и принятой [Осин, Леонтьев, 2013]. Уединение может быть как эмоционально позитивным, так и негативным опытом, который является ценным ресурсом рефлексии, творческой деятельности и внутреннего диалога. Экзистенциальная исполненность – понятие, которое отражает степень осмысленности происходящего в жизни человека: как часто он живет с внутренним согласием, насколько решения и поступки соответствуют его сущности, чувствует ли он, что вносит хорошее в жизнь [Кивцова, Лэнгле, Орглер, 2009]. Понятие «Эго» в теории Д. Лёвинджер выражает управляющее начало в личности, которое осуществляется через сознание и контроль над другими функциями. Создатель теории развития Эго Д. Лёвинджер описывает 9 последовательных стадий развития Эго.

В результатах исследования обнаружилось, что связь между уровнем развития Эго и переживанием одиночества ($p = 0,296$) отсутствует. Связи не было обнаружено также и со шкалами «зависимость от общения» ($p = 0,614$) и «пози-

тивное одиночество» ($p = 0,170$). Можно сказать, что уровень развития Эго не оказывает влияния на переживание одиночества и стремление создавать ситуации уединения. Уровень развития Эго не способствует уменьшению переживания одиночества. Высокие показатели развития Эго не прогнозируют более толерантное отношение к переживанию одиночества, ситуациям уединения и одиноким людям.

Экзистенциальная исполненность не связана со способностью находить ресурс в ситуациях уединения ($p = 0,883$). Обращение к уединению с внутренним согласием не предсказывает, что это время будет посвящено творческой активности, самопознанию и саморазвитию. Экзистенциально исполненные респонденты не обязательно испытывают положительные эмоции в ситуациях уединения и найдут в нем для себя ресурс.

Таким образом, способность создавать ситуации уединения не определяется прямо предложенными нами личностными предпосылками. Экзистенциальная исполненность и уровень развития Эго позволяют проследить сознательное влияние личности на создание ситуаций уединения, в то время как способность находить ресурс в уединение может определяться «побочным» результатом сознательного решения остаться наедине с самим собой.

Литература

1. Кивцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. Бюллетень. 2009. № 1. С. 141–70.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., Михайлова Н. Апробация методики незаконченных предложений Вашингтонского университета // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 6–5.
3. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ У СПЕЦИАЛИСТОВ, РАБОТАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ РИСКА, И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОЦЕНКЕ РИСКА

Карабин А.С., аспирант факультета клинической психологии
Московский городской психолого-педагогический университет

Нострикина И.С., кандидат психологических наук, доцент, директор по персоналу
ООО «Прейскурант»

Аннотация. Представлены результаты измерений различных мотивационных паттернов, таких как мотивация достижения и избегания, мотивация принятия группой и страх отвержения, склонность к риску на группах рядовых пожарных, специализирующихся в пожаротушении и офицеров, специализирующихся в надзорной деятельности. Определены эффективные и неэффективные мотивационные группы специалистов и обозначены связи полученной мотивационной типологии с удовлетворенностью работой.

Ключевые слова: мотивация, удовлетворенность работой, риск.

Abstract. Results of measurement of motivational patterns, as motivation for achievement and avoiding, motivation for group acceptance and fear of rejecting, inclination to risk are represented. Two groups specialist are researched, the firemen and fire inspectors. Effective and noneffective groups are defended by cluster analysis.

Keywords: satisfaction from working, motivation, risk.

Изучение мотивации в рамках деятельностно-смыслового подхода как основы трансформации личности и ее позитивного развития [1; 2; 3] особенно важно для сфер профессиональной деятельности, связанных с риском и угрозами жизни. В рамках данного исследования изучены две категории профессионалов: лица, непосредственно действующие в условиях риска для жизни, и лица, оценивающие возможные риски и угрозы пожарной опасности.

Методики измерения: опросник «Уровень готовности к риску» А.М. Шуберта; опросник мотивации достижения А. Мехрабиана и мотивации избегания неуспеха А. Мехрабиана (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова); опросник «Уровень субъективного контроля» (вариант методики «Локус контроля» Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда); опросник «Мотивация аффилиации» А. Мехрабиана в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова; опросник уровня эмпатийных тенденций И.М. Юсупова; оценка уровня удовлетворенности работой от 1 до 10 баллов; анкета социо-биографических данных, включающих пол, возраст, образование, стаж работы в ФПС в месяцах, семейное положение, категорию обучения (профессиональная подготовка по профессии 16781 «Пожарный» и офицерская группа профессиональной переподготовки лиц среднего начальствующего состава, принятых в ФПС после окончания образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования).

Измерения проведены на группе офицеров (63 человека) и группе рядовых пожарных (60 человек).

Результаты кластерного анализа данных позволили определить интегрированность таких параметров, как мотивация достижения, склонность к риску и локус контроля в единые паттерны свойств, связанные со спецификой профессионального опыта в сфере пожарной безопасности и обозначить типологию индивидуального прояв-

ления мотивационных структур, выявить группы с проблемами в развитии ценностно-мотивационной сферы.

На основе дисперсионного анализа данных выявлены различия в структуре мотивации, склонности к риску и удовлетворенности работой между исследуемыми группами. В отношении параметра «удовлетворенность работой» различия между пожарными и офицерами статистически значимы, при этом офицеры менее удовлетворены. В целом большинство испытуемых высоко оценивают свою удовлетворенность работой (более половины от всей выборки обозначили оценки выше среднего значения – от 7 баллов и выше).

Сфера эмпатии и взаимодействия определена в качестве значимого мотивационного компонента и проблемной зоны для успешной профессионализации специалиста пожарной безопасности, что является новым эмпирическим фактом. Наиболее неудовлетворенными работой оказались лица с низким уровнем эмпатии, экстернальным локусом контроля и высоким уровнем мотивации достижения.

В качестве ключевых параметров, с которыми необходимо работать психологу в практике подготовки и психологического сопровождения специалиста по пожарной безопасности, определены следующие – это эмпатия и страх отвержения, удовлетворенность работой – в группе офицеров, специалистов по надзорной деятельности; локус контроля и склонность к риску – в группе пожарных, специалистов по пожаротушению.

Кластерный анализ данных применим не только в исследовательских целях, но позволяет формировать тренинговые и консультативные группы на основе кластеризации испытуемых по результатам измерений мотивационной сферы.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании:

виды, детерминанты и изменения во времени // Психология и бизнес. Сайт HR-сообщество и публикации. URL: <http://hr-portal.ru/article/da-leontev-cennostnye-predstavleniya-v-individualnom-i-grupповom-soznanii-vidy-determinanty> (дата обращения: 02.01.2014).

2. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия. В 2 т. ПАРФ, 2007. Т. 1.

3. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. 2-е изд. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 2008.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ САМОАКТУАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ

Карпов А.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Аннотация. Рассматриваются психологические особенности структурной организации личностных качеств самоактуализирующейся личности. Выявлена зависимость степени структурной организации личностных качеств от уровня самоактуализации личности. Сформулированы и обоснованы ее основные характеристики.

Ключевые слова: самоактуализация, личностные качества, структурная организация, зависимость.

Abstract. We consider the psychological characteristics of the structural organization of the personal qualities of self-actualizing personality. The dependence of the degree of structural organization of the personal qualities of the level of self-actualization. Formulated and proved its basic characteristics.

Keywords: self-actualization, personal qualities, structural organization, dependency.

Как известно, теория самоактуализации личности является ключевым, системообразующим элементом гуманистического направления в психологии. Вопросы, касающиеся изучения содержания категории самоактуализации личности, в настоящее время представляют собой чрезвычайно востребованную и перспективную в научном отношении проблематику.

Необходимо отметить, что различные авторы выделяют значительное количество свойств, особенностей, аспектов, характеризующих личность как самоактуализирующуюся. В то же время до настоящего момента фактически не рассматривалась возможность описания структуры личностных качеств людей, в той или иной мере стремящихся к удовлетворению потребности высшего уровня.

Таким образом, высокая актуальность проблемы в сочетании с явно недостаточной степенью ее разработанности обуславливает необходимость проведения эмпирического исследования.

Целью проведенного исследования является выявление уровня структурной организации личностных качеств самоактуализирующейся личности. Данная цель конкретизировалась

в следующих основных *задачах*: формирование выборки; диагностика необходимых психологических факторов (переменных); статистическая обработка данных исследования и их последующая интерпретация.

Объектом исследования выступил уровень выраженности личностных качеств и уровень самоактуализации личности.

Предметом исследования является зависимость уровня самоактуализации личности от степени развития личностных качеств.

Исходя из представленных целей и задач исследования, следует выдвинуть следующую *гипотезу*: по мере увеличения уровня самоактуализации личности повышается степень структурной организации личностных качеств. В исследовании принимали участие 80 человек от 19 до 25 лет. В ходе исследования были использованы: тест диагностики уровня самоактуализации личности САМОАЛ Э. Шострома, личностный опросник Р.Б. Кеттела (16PF).

Все полученные в ходе проведенного исследования результаты были разделены на два больших блока. Первый блок – результаты всех испытуемых по методике САМОАЛ Э. Шострома. Второй блок – данные всех испытуемых по личностному

опроснику Р.Б. Кеттелла (16PF), которые были переведены в шкалу стенов.

Далее они подверглись обработке, в итоге которой вначале в соответствии с результатами, полученными по тесту САМОАЛ, все испытуемые были разделены на четыре группы. В группу I вошли испытуемые с наиболее низким уровнем выраженности самоактуализации личности, в группу II – с уровнем самоактуализации ниже среднего, в группу III – преимущественно с уровнем выраженности самоактуализации выше среднего и, наконец, в группу IV – с высоким уровнем самоактуализации. Затем было осуществлено вычисление матриц интеркорреляций личностных качеств, соответствующих шкалам 16PF. На основании уже полученных результатов по САМОАЛ построены структурограммы личностных качеств в каждой группе, отражающие общую структурную организованность личностных качеств, а также наличие между ними значимых взаимосвязей, подсчитаны индексы когерентности, дивергентности и организованности структур личностных качеств (ИКС, ИДС и ИОС) [1; 2].

По мере возрастания уровня развития самоактуализации отчетливо возрастает степень когерентности, т.е. интегрированности структуры личностных качеств, и уменьшается степень ее дивергентности, дифференцированности. Степень развития самоактуализации является значимой детерминантой уровня структурной организации личностных качеств. Характер этой детерминации проявляется в прямо пропорциональной зависимости между ними. Следовательно,

но, возрастание степени развития самоактуализации приводит к усилению, а не к ослаблению структурной организации личностных качеств. Возрастание уровня структурной организации личностных качеств у лиц с наивысшими показателями выраженности самоактуализации свидетельствует о необходимости развития у них не какого-либо одного или нескольких свойств личности, а всей их совокупности, структуры. Именно в таком организованном виде данные личностные качества способны обеспечить удовлетворение наивысшей потребности в самоактуализации, гармонично способствовать эффективности профессиональных и иных видов деятельности. Вместе с тем метод структурного анализа позволяет рассмотреть наличие такого понятия, как «автофункция личности». Самоактуализирующаяся личность стремится к максимальному развитию своих личностных качеств в разных аспектах: как по отдельности, так и в их структуре. Именно данное положение определяет конкретного человека как всесторонне развитую личность, ориентированную на внутреннее развитие и на достижение целей деятельности.

Литература

1. Карпов А.А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. Ярославль, ЯрГУ, 2014 272 с.
2. Карпов А.В. Разработка принципов психологической диагностики интегральных способностей // Способности и деятельность/ под ред. В.Д. Шадрикова, В.Н. Дружинина. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1989. С. 28–42.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕПРИВАЦИЯ «ОСОБЫХ» ДЕТЕЙ С СОХРАННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ МЕТОДОМ БИБЛИОТЕРАПИИ

Нашкаров П., аспирант кафедры коррекционной психологии, магистр педагогики
Институт специальной педагогики и психологии им. Р. Валленберга, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Рассматриваются проблемы позитивной психологии и мотивации личности с сохранным интеллектом с ограниченными возможностями здоровья. Анализируются возможности библиотерапии как мотивирующего фактора при коррекции вторичных дефектов и вторичных поведенческих нарушений в процессе непрерывного обучения. Приведены экспериментальные данные, подтверждающие эффективность библиотерапии в развитии личности с ОВЗ.

Ключевые слова: адаптация, ограниченные возможности здоровья, обучение, личностные потребности, дефекты развития, коррекционная работа, библиотерапия, мотивация к чтению, способности, интеллект.

Abstract. The paper deals with a classification of children with cerebral palsy secondary signs based on several scientific schools within correctional psychology, as well as it deals with promising opportunities of book therapy as a factor to correct secondary signs and secondary behavior violations.

Keywords: adaptation, disabilities, education, personal needs, defects, remedial works, ability, intelligence, correctional work, book therapy, motivation to reading.

Воспитание личности на основе культурных ценностей, с высокими морально-деловыми качествами, способностями к адекватному анализу ситуации, сопереживанию и состраданию есть основная задача современного социума, многополярного с точки зрения возможностей и навыков его социальных страт. Эта задача стала особенно актуальной сегодня, когда в отсутствии понятной (и воспринимаемой) идеологии (дающей личности принципы сосуществования, коммуникации, формирующие цели и задачи цивилизованных отношений) возникла угроза гегемонии гедонистического общества, ориентированного на удовольствия и потребление, с нарушенными «горизонтальными» коммуникативными связями и нивелированным духовным потенциалом личностей, составляющих общество.

Социальные страты не равны, поэтому существуют различные условия воспитания детей, генез семей, отклонения (разные факторы возникновения) в психике, провоцирующие или явившиеся причиной социальной депривации. В этой связи существенное значение уделяется адаптивным механизмам «особых» детей в социум, детей с сохранным (парциально нарушенным) интеллектом, с физиологическими ограничениями различного генеза. По меткому выражению Л.С. Выготского [3], «особый» ребенок не плохо, а иначе развит. И он вовсе не потерян для общества, как нравится думать некоторым. Таковую развивающуюся личность нельзя признать безнадежной.

Нарушения поведения как результат замедленного или нарушенного формирования эмоционально-волевой сферы при сохранном интеллекте исследовали Л.С. Выготский, Л.В. Занков, Б.С. Братусь, Е.С. Иванов, Д.Н. Исаев, В.В. Ковалев, К.С. Лебединская, С.С. Мнухин, М.С. Певзнер, Л.М. Шипицына и др. Были признаны перспективными такие формы сопровождения в специальных (коррекционных) учреждениях, как интегрированное (в том числе дистанционное) обучение [12]. Однако почти никто из признанных в научном сообществе специалистов не дал однозначного заключения об эффективности метода библиотерапии для развития интеллекта «особых» детей с сохранным интеллектом, что остается дискуссионным вопросом [21].

Изучив научные источники, мы полагаем, что воздействие интегрированного обучения и при-

емы воспитания детей с сохранным интеллектом посредством приобщения к чтению (мотивации) окажут влияние на врожденные вторичные дефекты, не влияющие на интеллект, и приведут к компенсации культурной депривации личности. Таким образом, создание специальной образовательной программы окажет положительное влияние на культурный уровень сообщества граждан, адаптировав в социум его потенциально изолированные элементы.

В этой связи упор делается на гендерные особенности участников реферируемой группы, на понятийный аппарат депривации, доказавшие свою эффективность приемы общей и коррекционной психологии при нарушенном физиологическом развитии, но при условии парциально сохранного интеллекта в сравнении с социально адаптивными сверстниками.

Результаты исследований эмоционально-волевой сферы развития, познавательной деятельности ребенка, описанные М.С. Певзнер, а также другие результаты исследований (Х.С. Замская, Л.В. Занков и др.) интенсивности мыслительного процесса, реакции при недостаточности структурных компонентов мышления, нарушений словесно-логического мышления ребенка позволили сформировать основные направления нашей работы: изучение характера и выраженности вторичных дефектов при сохранном интеллекте и разной степени выраженности депривирующих факторов (способствующих формированию вторичных дефектов). Посредством культурологического воздействия методом библиотерапии у членов реферативной группы активизируются вторичные признаки высших психологических функций: память, внимание, мышление. При этом особое внимание уделено эмоционально-волевой сфере – сензитивной готовности ребенка и мотивирующим инструментам воздействия [10]. Для получения результатов исследования в процессе поиска проективных ценностей (методика Шварца) применяются методы: экспериментальный психодиагностический, биографический, наблюдения, беседы (с анкетированием родителей, детей и педагогов, занимающихся с детьми), мотивационный, а также метод когнитивной стимуляции. Таким образом, мы ведем речь о комплексном подходе. Сказанное предполагает дифференцированность знаний, выделение воле-

вой составляющей и средств воздействия с учетом мотивационной готовности (специальной предварительной подготовки) личности.

Для развития сохранного интеллекта апробируется программа мотивации посредством чтения, основанная на базовых понятиях: «мотивация», «активизация», «анализ», «сопереживание», «привыкание», «замещение свободного времени чтением». Особое значение придается терапии влияния в работе с семьей, в основе которой лежат системные и психоаналитические знания, концепция системно-динамической семейной терапии, в том числе с упором на семейное бессознательное [2].

Освоение и отработка базовых техник психодиагностической терапии нашли подтверждение в исследовании реферируемых групп четырех школ Адмиралтейского района Санкт-Петербурга. Особенности развития высших психических функций личности, изученных нами в процессе лонгитюдного исследования, позволяют уточнить действующие методики мотивации и чтения (библиотерапии) при психолого-педагогическом воздействии на детей в сензитивном возрасте с выявленными признаками культурной депривации различного генеза, создают возможности для развития их сохранного интеллекта, купируют девиацию, вызванную влиянием вторичных дефектов развития. Исследование проведено с опорой на типичные и распространенные формы девиантного поведения в части типологии, возрастной психологии с учетом патологического фактора коррекционной работы.

Литература

1. *Алехина С.В.* Инклюзивная образовательная практика как объект психолого-педагогических исследований: матер. II Международной научно-практической конференции «Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации об-

разования» (г. Ростов-на-Дону, 24–25 ноября 2011 г.). Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2011. Т. 1. С. 155–163.

2. *Асламазова Л.А.* Детско-родительские отношения в замещающих семьях, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья: дисс. ... канд. психол. наук, 2012.

3. *Выготский Л.С.* Психология искусства / под ред. В.В. Иванова. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 41.

4. *Кашкаров А.П.* Проблемы семейного чтения // Воспитание школьников. 2012. № 9. С. 30–34.

5. *Кашкаров А.П.* Проблематика чтения в семье // Наука и школа. 2012. № 5. С. 96–100.

6. *Кашкаров А.П.* К вопросу об эффективности программ продвижения чтения и современной библиотеке // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 12. С. 323.

7. *Кашкаров А.П.* Педагогические условия усиления культуроведческих функций домашнего чтения // Человек и образование. 2012. № 4. С. 148–152.

8. *Кашкаров А.П.* Как приохотить ребенка к чтению: нестандартные методики. Ростов н/Д: Феникс. 2013. 76 с.

9. *Кашкаров А.П.* Приобщение к чтению: инновации для родителей, инструментарий библиотекаря. Вып. 138. М.: Либеря-Бибинформ. 2012. 96 с.

10. *Рубинштейн С.Л.* Способности. Хрестоматия по общей психологии: Психология индивидуальных различий / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, МПСИ, 2006. С. 20–39.

11. *Соболева А.Е.* Коррекция высших психических функций младших школьников с задержкой психического развития средствами игровой деятельности: дисс. ... канд. психол. наук, 2009.

12. *Фадеева Е.В.* Влияние двигательной патологии на личностное развитие подростков с церебральным параличом: дисс. ... канд. психол. наук, 2010.

‘TRAIT’ AND ‘STATE’ AUTHENTICITY: (RE)TEST OF DISPOSITIONAL, SOCIAL-COGNITIVE AND ‘WHOLE TRAIT’ MODELS

Hozlov D.D., Senior Lecturer, Chair of Social Psychology
Samara State University

Abstract. Dispositional and social-cognitive frameworks in personality science provide different views on authenticity. The lack of empirical evidence for dispositional model is discussed and alterations

to the model are proposed and empirically tested, as well as integrative 'whole trait' model. The study fails to find out empirical evidence for dispositional models, but provide additional supports for social-cognitive point of view on authenticity. Consequences for understanding authenticity are discussed.

Keywords: Authenticity, dispositions, personal standards, social-cognitive framework.

Authenticity is usually defined as «to be true to, or to act in accord with, oneself» [10, p. 1380] and is linked to happiness, well-being and human potential [4; 9]. Trait model assumes that authenticity arises when someone's behavior fits his or her personality traits, and acting 'out of character' promotes unauthenticity. Moreover, authenticity itself can be conceptualized as a trait, and a measure to assess it has been proposed recently [11]. Social-cognitive theories emphasize variability of behavior across different situations and question the very existence of traits [1]. In a social-cognitive framework, to be and to feel authentic means to behave oneself in a certain way, regardless of the congruence between dispositions and their manifestation in behavior, although it may seem to be counterintuitive. Two independent researches, in which retrospective [9] and real-time assessments in daily life [4] were used, showed empirical evidence for social-cognitive point of view: it turned out that to feel authentic means to behave oneself in more extravert, more open to experience, more agreeable, more conscious and more emotionally stable way, regardless of the actual big five personality profile.

The 'whole trait' theory by W. Fleeson [3] tries to integrate dispositional and social-cognitive approach by viewing personality traits as density distributions of states, where dispositional level measures the mean and social-cognitive mechanisms explain the variance of a distribution. This theory works fine for 'big five' traits, but it has never been tested for authenticity.

But what can be wrong with the trait model itself? Authenticity does not mean congruence between the trait and its manifestation only; it also assumes the acceptance the manifested traits. Discrepancies between the real and desired selves (ideal and ought) promote decrease of positive affect and increase of negative affect [5] thus should decrease authenticity as well. Our previous research has shown that personal standards for desired selves are much more stable across situations than perceived levels of corresponding traits [7]. These findings support a proposition that dispositional model of authenticity should incorporate personal standards, not personal traits, as the real dispositions. Indeed, authenticity is more about self-concept than about objective dispositions, and a 'true self' is more a personal construct than a characteristic that can be observed.

The present study tests this proposition as well as the whole trait theory for authenticity and tries to reproduce previous findings by Fleeson and Wilt [4] to compare with. For this purpose experimental design resembles that of Fleeson and Wilt a lot.

Participants. 63 undergraduate and graduate students at Samara State University (9 men and 54 women, age $M = 19,9$; $SD = 3,35$).

Measures for dispositional level. Russian version of NEO-FFI for 'big five' personality traits; SHPANA (Russian analogue of PANAS inventory) [2] for dispositional positive and negative affect; Authenticity scale [11], preliminary pilot Russian version of which has been created by the author. The last measure has proved to be of good reliability (all alphas $> 0,7$) and has passed construct validity tests concerning correlations with NEO-FFI and SHPANA scales. Measures of perceived real self and personal standards for ideal and ought selves were created following the guidelines provided by Higgins [6].

Measures for situational level. Two objectives were selected to assess each state corresponding to the every variable measured at the dispositional level. All the measures have at least acceptable reliability (all alphas $> 0,6$).

Procedure. All the participants provided complete data for all variables at dispositional level and at least 9 complete sets of data for all variables at situational level ($M = 12,33$), using a web interface. The time interval between two consecutive cuts varied from 4 hours to several days.

Results summary and discussion. Hierarchical linear models were used to handle multilevel data using HLM7 package software (student edition) [8]. Several hierarchical models built in accordance with dispositional, social cognitive and whole trait frameworks were conducted. The replicative part of the study was congruent with previous findings [4;10] in favor for social-cognitive model. Contrary to our proposition, trait models, in which standards for ideal or ought selves were used instead of traits, had non-significant β -coefficients. The whole trait model fitted the data well, but significance of β -coefficients decreased dramatically when controlled for positive and negative affect. These findings strongly support social-cognitive model of authenticity. It seems that authenticity has nothing to do with any kind of dispositions, whether they are

traits, personal attributes or self-concept. In terms of traits, there is a universal (and thus hardly 'authentic') behavioral profile to boost the experience of being authentic. It looks like feeling authentic is not the same as being 'truly' authentic as we used to think about, because the very existence of the 'true self' is now questioned.

Литература

1. *Капрара Дж., Сервон Д.* Психология личности. СПб.: Питер, 2003.
2. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
3. *Fleeson W., Jayawickreme J.* Whole Trait Theory // Journal of Research in Personality. 2015. Vol. 56. P. 82–92.
4. *Fleeson W., Wil, J.* The Relevance of Big Five Trait Content in Behavior to Subjective Authenticity: Do High Levels of Within-Person Behavioral Variability Undermine or Enable Authenticity Achievement? // Journal of Personality. 2010. Vol. 78 (4). P. 1353–1382.
5. *Higgins E.T.* Self-discrepancy: A theory relating self and affect // Psychological Review. 1987. Vol. 94(3). P. 319–340.
6. *Higgins E.T., Klein R., Strauman T.* Self-concept discrepancy theory: A psychological model for distinguishing among different aspects of depression and anxiety // Social Cognition. 1985. Vol. 3. P. 51–76.
7. *Kozlov D.D.* Self in its Entirety: a Social-Cognitive Perspective // Пятая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. В 2 т. Т. 1. Калининград: 2012. С. 94–95.
8. *Raudenbush S.W., Bryk A.S.* et al. HLM7: Hierarchical Linear and Nonlinear Modelling. Lincolnwood, IL: Scientific Software International, inc., 2011.
9. *Ryan R.M., Deci E.L.* On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 141–166.
10. *Sheldon K.M., Ryan R.M.* et al. Trait Self and True Self: Cross-Role Variation in the Big-Five Personality Traits and Its Relations With Psychological Authenticity and Subjective Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 73(6). P. 1380–1393.
11. *Wood A.M., Linley P.A.* et al. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. Vol. 55 (3). P. 385–399.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ¹

Костенко В.Ю., младший научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Изучается роль рефлексивных процессов на разных этапах развития личности. В исследовании с участием 259 человек в возрасте от 14 до 25 лет измерялись уровень развития Эго по проективной методике НПВУ, параметры рефлексии, а также переменные «Большой пятерки». Данные демонстрируют различные значимые линейные зависимости между формами рефлексии и уровнем развития личности.

Ключевые слова: развитие личности, личностная зрелость, рефлексия.

Abstract. The research of reflective processes and personality development was conducted with participation of 259 respondents aged from 14 to 25. We measured the ego development level, different facets of reflectiveness and the Big Five traits. The data demonstrates the significant linear dependencies between the forms of reflectiveness and the ego development levels.

Keywords: personality development, personality maturity, reflectiveness.

¹ Работа выполнена при поддержке РФГФ в рамках научного проекта № 14-36-01035.

Развитие личности, взятое в перспективе жизни и в самых обобщенных терминах, проходит через следующие этапы: 1) биологического вызревания и 2) адаптации к требованиям социальной среды, вступая (или не вступая) затем в 3) открытый и весьма неопределенный период «развития личностного в личности» [7]. При этом «на смену непосредственной природной индивидуальности... приходит вооруженная культурой и благодаря этому самодетерминированная индивидуальность» [6, с. 161]. Этот третий и фактультативный вектор предположительно требует особых механизмов, посредством которых личность овладевает собственными произвольными процессами. Одним из таких механизмов, по мнению многих авторов, выступает рефлексия [2; 3; 4].

Наше исследование посвящено изучению рефлексивных процессов на разных этапах развития личности. Ключевой гипотезой выступило предположение о возрастании роли системной рефлексии в ходе развития личности и, следовательно, предполагаемых различиях в уровнях рефлексивности, характерных для каждого этапа.

Теоретические подходы к развитию личности на разных возрастных и качественных этапах с трудом поддаются операционализации и дальнейшему эмпирическому исследованию. Немногочисленные инструменты, доступные на русском языке [напр., 5, 10, 11], обладают рядом ограничений по психометрическим свойствам или методологическому основанию. Главное их ограничение состоит в том, что все они представляют измеренную переменную в качестве некоторого континуума, с помощью которого практически невозможно дифференцировать этапы, или уровни, развития личности. Основной инструмент нашего исследования (Проективная методика незаконченных предложений Вашингтонского университета (НПВУ)) ограничен по-своему: процедура обработки полученных с его помощью данных достаточно сложна и требует специальной подготовки исследователя. Однако подход Дж. Левинджер [1], лежащий в основе данного инструмента, достаточно успешно (на языке психодиагностики – валидно и надежно) дифференцирует по меньшей мере 8 уровней личностной зрелости (подробнее об уровнях развития Эго см. [8]). Наше исследование ограничилось изучением четырех из них: стадии конформизма (Е4), самосознания (Е5), совестливости (Е6) и индивидуалистической стадии (Е7).

Для диагностики различных аспектов рефлексивных процессов мы использовали дифференциальный тест рефлексии, позволяющий из-

мерять показатели как позитивной (системной) рефлексии, так и негативных ее форм – интроспекции и квазирефлексии [9]. В дополнение к перечисленным измерениям мы использовали методику «Большая пятерка».

В исследовании приняло участие 259 учеников летней школы в возрасте от 14 до 25 лет ($M = 20,03$, $SD = 3,92$). Полученные данные свидетельствуют о наличии статистически значимой восходящей линейной связи уровня системной рефлексии (как способности к планомерному и конструктивному самодистанцированию и самоанализу) и уровня развития Эго. Подобную траекторию демонстрирует и фактор открытости опыту из «Большой пятерки». Квазирефлексия (как форма рефлексии, направленная на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации и как уход в посторонние размышления) обнаруживает нисходящую линейную связь с уровнем развития личности по методике НПВУ. Схожие и значимые показатели проверки полученных данных на линейность закономерности были обнаружены и для переменной интроспекции (самокопания).

Полученные в нашем исследовании данные демонстрируют ортогональность позитивных и негативных рефлексивных процессов в ходе развития личности и подтверждают гипотезу о возрастании роли системной рефлексии на каждом из изученных нами уровней развития Эго. Немаловажной оказывается и роль открытости опыту как условия и механизма становления личности.

Литература

1. *Loevinger J.* The meaning and measurement of ego development // *Am. Psychol.* 1966. Vol. 21. No 3. P. 195–206.
2. *Pfaffenberger A.H., Marko P.W., Combs A.* The Postconventional Personality: Assessing, Researching, and Theorizing Higher Development. SUNY Press, 2011.
3. *Westenberg P.M., Blasi A., Cohn L.D.* Personality Development: Theoretical, Empirical, and Clinical Investigations of Loevinger's Conception of Ego Development. Psychology Press, 2013.
4. *Westenberg P.M., Block J.* Ego development and individual differences in personality // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1993. Vol. 65. No 4. P. 792–800.
5. Диагностика самоактуализации личности (А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / под ред. Н.П. Фетишкина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова. М., 2002. С. 426–433.

6. Леонтьев Д.А. Личностная зрелость как опосредствование личностного роста // Культурно-историческая психология развития / под ред. И.А. Петуховой. М.: Смысл, 2001. С. 154–161.

7. Леонтьев Д.А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67–80.

8. Леонтьев Д.А. Подход через развитие эго: уровневая теория Дж. Лёвинджер // Личностный потенциал: Структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 59–78

9. Леонтьев Д.А. Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: От объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.

10. Тест-опросник личностной зрелости / под ред. Ю.З. Гильбуха. Киев: НПЦ Психодиагностика и дифференцированное обучение, 1994.

11. Щукина М.А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2004.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

Нупренюк С.М., педагог

Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы инклюзивного образования при попытках его внедрения в систему дополнительного образования детей.

Ключевые слова: система дополнительного образования детей, творческие объединения, индивидуальный образовательный маршрут, добровольность, доступность, конкурсные испытания.

Abstract. Some problems of inclusive education at attempts of its introduction into the system of an additional education of children.

Keywords: system of supplementary education for children, creative associations, individual educational routes, voluntary service, availability, competitive tests.

Проблема развития инклюзивного образования в нашей стране стоит достаточно остро. В России существуют разные варианты обучения детей с ОВЗ. Наряду с системой общего образования, в Российской Федерации успешно действует система дополнительного образования детей, в которой остаются широкие возможности для интеграции таких детей.

По отношению к общей системе образования дополнительное выступает подсистемой, но одновременно оно может рассматриваться как самостоятельная образовательная система, так как обладает необходимыми качествами, целостностью и единством составляющих ее элементов, которые имеют определенную связь друг с другом. Это целостная, многоступенчатая система, которая отличается открытостью и вариативностью.

Занятия в кружках и объединениях могут проводиться по дополнительным общеобразовательным программам различной направленности (технической, естественно-научной, физкультурно-спортивной, художественной, туристско-кра-

еведческой, социально-педагогической). В работе объединений при наличии условий и согласия руководителя объединения совместно с несовершеннолетними обучающимися могут участвовать их родители (законные представители) без включения в списочный состав.

Последний пункт, как может показаться на первый взгляд, открывает широкие перспективы для реализации Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где было введено понятие «инклюзивное образование». К сожалению, на практике приходится сталкиваться с множеством проблем, хотя наблюдаются и позитивные тенденции:

- ◆ изменение территориального пространства в соответствии с потребностями детей с ОВЗ (проектирование и постройка пандусов и лифтов, перестройка мест общего пользования и т.д.) не везде возможно;
- ◆ транспортная мобильность в системе дополнительного образования детей становится частной проблемой конкретного ребенка и его сопровождающих;

- ◆ расширение штата сотрудников: введение в него большего числа социальных работников, психологов, дефектологов, тем более сурдопереводчиков, тифлосурдопереводчиков на данном этапе сталкивается с множеством сложностей. Это требует серьезного пересмотра бюджета учреждений, штатного расписания, должностных обязанностей и всегда связано с дополнительным финансированием;
 - ◆ несмотря на широчайший охват различных сфер деятельности, не все они доступны детям с ОВЗ в системе ДОД. Есть направления, где только специально разработанные программы и специально обученные педагоги будут допущены до таких групп, там есть и отбор/конкурс (например, бюджетные группы СДЮШОР, специализированных музыкальных и художественных школ);
 - ◆ Бывают ситуации, когда законные представители обращаются с просьбой допустить до занятий своих подопечных на общих условиях, полагая, что это будет способствовать лучшей интеграции. На данный момент родители обычно под свою ответственность и при обязательном своем присутствии посещают заинтересовавшие объединения;
 - ◆ на разных административных уровнях все чаще поднимается вопрос о путях реализации индивидуального образовательного маршрута, который нужен как одаренным детям, так и детям с ОВЗ. На данном этапе сложно говорить, что эффективное внедрение такого маршрута в государственной системе дополнительного образования состоялось. Пока решаются методическая и административная задачи, педагоги дополнительного образования чутко реагируют на запросы учащихся, и можно увидеть замечательные педагогические находки, уникальные методические разработки и тонко выстроенные воспитательные ходы;
 - ◆ многие творческие объединения проводят свои (узкопрофильные или, наоборот, междисциплинарные) конкурсные испытания. Такие конкурсы, фестивали, игры могут проводиться в два этапа: заочный, доступный широкому кругу заинтересованных лиц, очный, куда допускаются сопровождающие, помогающие с перемещением, но лишённые права помощи по существу конкурсных испытаний.
- Подводя итог, можно констатировать, что система дополнительного образования обладает широкими возможностями для инклюзивного образования детей. Большинство педагогов дополнительного образования без предубеждения относятся к детям с ОВЗ. Реже, чем в обычной школе, возникают ситуации с родительским неприятием ситуаций взаимодействия здоровых детей и детей с ОВЗ. Общая заинтересованность одним предметом способствует установлению доброжелательных отношений среди сверстников. Добровольность посещения и отличные от школьных уроков формы проведения занятий способствуют успешному включению детей с ОВЗ в социум, а поначалу маленькие успехи в общении часто приближают и профессиональные достижения в выбранной области.

ВЛИЯНИЕ САМОКОНТРОЛЯ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ

Купченко В.Е., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Аннотация. Проанализированы взаимосвязи между уровнем самоконтроля, его составляющими и выраженностью общего показателя психологического благополучия, его компонентами у лиц в возрасте 30–55 лет. Эмпирически установлено, что чем выше уровень самоконтроля, тем выше общая выраженность психологического благополучия.

Ключевые слова: самоконтроль, самодетерминация, психологическое благополучие, зрелость.

Abstract. Article contains the analysis of interrelation between the self-checking level, its components and expressiveness of the general indicator of psychological wellbeing, its components at persons

aged from 30 to 55. It is empirically established that the self-checking level is higher, the general expressiveness of psychological wellbeing is higher.

Keywords: self-control, self-determination, psychological wellbeing, maturity.

Изучение психологического благополучия на сегодняшний день является одним из самых актуальных и перспективных направлений исследовательской работы в области психологии. Об этом свидетельствует большое количество научных публикаций в психологических журналах за последние три года, открытие научных кружков, проведение конференций и круглых столов, посвященных проблеме благополучия личности.

В настоящем исследовании мы будем обращаться к психологическому благополучию с точки зрения эвдемонистического подхода, полагая, что «люди, действительно субъективно счастливее, когда они вовлечены в полное смысла самовыражение» [2, с. 4]. Ключевая роль здесь отводится самореализации, самодетерминации личности. Самоконтроль является необходимым условием для формирования внутренней мотивации, которая служит основой автономного поведения человека, повышению уровня сложности выполняемой задачи, гармонизации отношений с другими людьми, а также понижению уровня стресса.

Таким образом, представляется перспективным изучение влияния самоконтроля, его уровня и свойств на переживание человеком психологического благополучия.

Целью настоящего исследования, выполненного под нашим руководством Е.В. Анфорович, стало выявление взаимосвязи уровня самоконтроля и выраженности общего показателя психологического благополучия у лиц в возрасте средней зрелости.

В исследовании приняли участие 45 человек в возрасте от 30 до 55 лет. Все испытуемые занимаются трудовой деятельностью, сферы профессиональных интересов различны. Для диагностики волевого самоконтроля использован опросник ВСК, разработанный А.Г. Зверковым и Е.В. Эйдманом [1]. Изучение психологического благополучия осуществлялось при помощи шкалы психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко [3].

Анализ полученных результатов показывает, что 62 % испытуемых обладают средним уровнем волевого самоконтроля, 9 % – низким, 29 % – высоким. Средний уровень психологического благополучия имеют 60 % испытуемых, 20 % оценивают свое психологическое благополучие на низком уровне, другие 20 % – на высоком.

По данным корреляционного анализа между уровнем самоконтроля и выраженностью общего показателя психологического благополучия выявлена умеренная положительная (прямая) связь средней степени статистической значимости ($r = 0,542$ при $p \leq 0,01$). Это означает, что при увеличении уровня самоконтроля выраженность общего показателя психологического благополучия также увеличивается.

Более высокую связь уровень самоконтроля имеет с управлением средой ($r = 0,489$ при $p \leq 0,01$) и личностным ростом ($r = 0,460$ при $p \leq 0,01$), чуть меньшую с самопринятием ($r = 0,446$ при $p \leq 0,01$) и целями в жизни ($r = 0,445$ при $p \leq 0,01$). С автономией уровень самоконтроля имеет наименьшую связь при низкой статистической значимости ($r = 0,368$ при $p \leq 0,05$).

Чем выше уровень самоконтроля, тем человек лучше способен организовать собственную деятельность, распределяя усилия в соответствии с приоритетными делами. Не вызывает сомнения тот факт, что способность к самоорганизации является залогом успешной деятельности в целом и саморазвития в частности, ведь последнее есть успех в отношении самого себя. Высокий уровень самоконтроля подразумевает прежде всего активность, независимость и самостоятельность, без которых невозможно представить максимально полную реализацию человеком своих ресурсов.

В ходе исследования эмпирически установлено, что уровень самоконтроля положительно коррелирует с самопринятием. Такие показатели самоконтроля как спокойствие, уверенность в себе, реалистичность взглядов помогают человеку в формировании адекватного представления о себе и своих возможностях.

По итогам исследования выявлено, что самоконтроль также взаимосвязан с автономией личности. Такие показатели самоконтроля, как эмоциональная зрелость, активность, самостоятельность, уверенность в себе позволяют человеку быть независимым, способным противостоять социальному давлению в своих мыслях и поступках.

Литература

1. Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Исследование волевой саморегуляции. Психологические методики изучения личности: Практикум. М.: Ось-89, 2007. С. 100–106.

2. Рущак Е.А. Мясникова С.В. Копинг-стратегии как ресурсы психологического благополучия сотрудников организаций малого бизнеса // Петербургский психологический журнал. 2014. № 6. С. 1–18.

3. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–122.

«ОБХОДНЫЕ ПУТИ» РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ЗАТРУДНЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Лебедева А.А., научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Ограничение возможностей здоровья представляет собой один из вариантов развития личности в затрудненных условиях. Синтез культурно-исторической теории и современного подхода к личности позволяет рассматривать структурную организацию ресурсов личности лиц с ограниченными возможностями здоровья с точки зрения построения «обходных путей» развития, компенсирующих на уровне высших форм поведения те или иные связанные с инвалидностью дефициты и недостатки.

Ключевые слова: «обходные пути» развития, затрудненные условия, личностные ресурсы, лица с ограниченными возможностями здоровья.

Abstract. Disabilities is one of the options for the development of personality in difficult conditions. Synthesis of cultural-historical theory and modern approach to identity allows us to consider the structural organization of the resources of the person of persons with disabilities in terms of building «detours» of offsetting at the level of higher forms of behavior or another disability related deficiencies and disadvantages.

Keywords: «workarounds» development difficult conditions, personal resources, people with disabilities.

Наличие ограничений возможностей здоровья предполагает целый ряд объективных трудностей жизнедеятельности субъекта во внешнем мире. В психологии развития выделяются две основные силы, влияющие на ход развития: некоторая данность (например, задатки) и среда (в широком смысле). По мере формирования представлений о личности как об активном субъекте своей жизнедеятельности стало оформляться представление о «третьем факторе» развития личности – самой личности, ее позиции, отношении и активности [5]. Исходя из этого, физические недостатки выступают в качестве условий или предпосылок, оказывающих влияние на развитие. Вслед за Д.А. Леонтьевым мы используем термин «затрудненные условия развития», под которыми понимается «неоптимальное состояние биологических и (или) социальных предпосылок личностного развития, требующее существенно повышенных усилий для решения задач развития и предъявляющее в силу этого повышенные требования к личности» [5, с. 99]. Стоит отметить,

что развитие личности лиц с ОВЗ представляет собой вариант нормального развития, о чем свидетельствуют проведенные исследования [1].

Мы рассматриваем инвалидность с точки зрения того, что личностные факторы опосредуют влияние стрессогенных и травматических ситуаций на здоровье и субъективное благополучие. Жизненные трудности, воспринимаемые как вызов, брошенный личности самой жизнью, могут спровоцировать запуск совершенно иных механизмов саморегуляции, чем когда они принимаются субъектом как данность, не поддающаяся изменению [6]. М. Чиксентмихайи называет это вызовом сложности. Когда личность сталкивается со сложностью внешнего мира, ей необходимо реагировать либо принятием мира путем собственного усложнения, либо субъективным упрощением мира путем ухода от вызова [7]. На определенном этапе личность обращается внутрь себя, находя новые ценности, становится внутренне автономной, не зависящей прямо от уровня своих физических ограничений здоровья. На высших уровнях «спирали самосовершенствования»

ния» [5] личность качественно изменяется, перестраивается, раскрывает свои глубины и обретает подлинные смыслы существования.

Таким образом, начиная с самого первого этапа развития – саморазвития – отношение к миру, к себе, к тем или иным условиям (будь то инвалидность или соматические заболевания) определяет траекторию, по которой идет развитие. Это отношение формируется в результате взаимодействия с миром, в процессе переживания той самой драмы, возникшей сначала между людьми, а затем перешедшей во внутренний план. Этот принцип развития высших форм поведения Л.С. Выготский описывал, говоря о развитии ребенка. Однако и в дальнейшем развитие не перестает быть драмой, столкновением, результатом таких социальных отношений, которые приводят к полной качественной перестройке личности [2, с. 145].

Результатом этой перестройки будет переосмысление себя в изменяющемся мире. В зависимости от смысла, который инвалидность с этих пор имеет для субъекта, она может восприниматься им как безвыходная и как ресурсоемкая [4]. В ситуации затрудненных условий развития, предъявляющей повышенные требования к функционированию личности, становятся актуальными те ресурсы, которые она может задействовать, принимая и отвечая на жизненный вызов. Под ресурсами мы понимаем те уникальные (отличные от других) индивидуальные особенности личности, за счет которых решаются задачи мобилизации, адаптации и преодоления стрессовой ситуации [4].

Д.А. Леонтьев различает три наиболее глобальных класса ресурсов [4]: физиологические (например, общее состояние здоровья или тип нервной системы, от которого зависит физиологическая «цена» адаптации к стрессу), психологические (особенности личности, характера, способностей, психических процессов) и социальные (ресурсы реальной или виртуальной социальной поддержки). Основой позитивного личностного развития является способность личности при столкновении с психотравмирующей ситуацией осваивать и использовать имеющиеся внешние и внутренние ресурсы с целью осознания и раскрытия своего потенциала, а также сохранения внутренней гармонии и целостности.

Культурно-историческая психология Л.С. Выготского позволяет методологически подкрепить описанные идеи раскрытия потенциала личности. Описывая механизмы компенсации дефектов развития, он говорит о превращении слабости в силу, о возможности в том числе позитивных из-

менений психики ребенка путем задействования альтернативного пути развития. Л.С. Выготский предлагает термин «обходные пути культурного развития ненормального ребенка» с целью описания механизмов психического развития в обход инвалидности, снимающих в какой-то мере последствия инвалидности [3, с. 258]. Личность «представляет собой прежде всего картину сложных обходных путей развития» [2, с. 173]. В связи с этим он призывает «учитывать не только негативную характеристику ребенка, его минусы, но и позитивный снимок с его личности» [2].

Иными словами, исследование личности лиц с ограниченными возможностями здоровья должно включать в себя не только количество имеющихся ресурсов личности, но и анализ качества отношений между отдельными ресурсами, учитывая те «обходные пути» развития личности, которые сформировались в ответ на физические или психологические дефициты.

Литература

1. Личностные ресурсы и совладание в затрудненных условиях развития / Л.А. Александрова, Д.А. Леонтьев // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 579–610.
2. *Выготский Л.С.* Основы дефектологии. Собр. соч. в 6 т. / под ред. Т.А. Власовой. М.: Педагогика, 1983. Т. 5. 368 с.
3. *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры / под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Институт практической психологии, Воронеж: Модек, 1996. 512 с.
4. *Леонтьев Д.А.* Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе: матер. II Междунар. научно-практической конференции / под ред. Т.Л. Крюковой, М.В. Сапоровской, С.А. Хазовой (Кострома, 23–25 сентября 2010). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Т. 2. С. 40–42.
5. *Леонтьев Д.А.* Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 97–106.
6. *Леонтьев Д.А., Александрова Л.А.* Вызов инвалидности: от проблемы к задаче // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: матер. сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2010. С. 114–120.
7. *Чиксентмихайи М.* Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. 461 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ИНСТАГРАМ¹

Ледовая Я.А., старший преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии
Начесова М.В., выпускница факультета психологии
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Рассматривается уровень субъективного благополучия в двух аспектах – как самочувствие и как удовлетворенность жизнью и достижениями – у двух групп пользователей сети Инстаграм. Те, кто публикует фотографии более редко (в среднем один раз в неделю), имеет более высокие показатели удовлетворенности жизнью (шкала Э. Динера, SWLS), чем те, кто публикует фотографии в среднем один раз в день.

Ключевые слова: субъективное благополучие, общее самочувствие, удовлетворенность жизнью, социальная сеть Инстаграм.

Abstract. Subjective well-being among Instagram users was studied. E. Diener's SWLS revealed significant difference in satisfaction with life between «one photo per day» and «one photo per week» Instagram users: the latter are more satisfied. WHO-5 index did not reveal any differences between the groups.

Keywords: subjective well-being, satisfaction with life, current mental well-being, Instagram.

Исследование психологического благополучия пользователей различных социальных сетей началось совсем недавно, и на сегодняшний день есть результаты нескольких исследований пользователей сети Facebook (из опубликованных на сегодня работ, посвященных оценке эмоционального воздействия коммуникации в социальных сетях на личность, большинство указывает на снижение настроения и самооценки после просмотра новостей [4; 5]. В то же время работ, посвященных изучению психологического благополучия пользователей социальной сети Инстаграм, имеющей свою уникальную специфику, ранее, насколько нам известно, не проводилось.

Целью настоящего исследования стала попытка выявить наличие и характер взаимосвязей между активностью пользования социальной сетью Инстаграм и психологическим благополучием.

Инстаграм – это бесплатное приложение для смартфонов. Сервис дает возможность редактировать фотографии, сделанные с помощью камеры мобильного телефона, и моментально публиковать их в своем аккаунте. Созданная пять лет назад, эта социальная сеть развивается наиболее быстрыми из всех социальных сетей темпами. Популярность феномена «селфи» (фото-автопортрета) также во многом связана с ростом популярности сети Инстаграм: в ней публикация

«селфи» одобряется и поддерживается самой субкультурой и внутрисетевыми социальными нормами [1].

Понятие «психологическое благополучие», несмотря на свою популярность, определяется множеством трактовок, и согласования в едином определении до этого момента нет. Для Э. Динера благополучие личности по самой своей природе является субъективным [3]. П. Бех, датский психиатр, работающий в подразделении ВОЗ, создал Краткую шкалу общего самочувствия (WHO-5, Index of subjective well-being) [2]. Два этих метода отражают социальную и физическую сторону благополучия. Мы предположили, что более активные пользователи сети Инстаграм будут отличаться от менее активных по показателям обеих методик (благополучие более активных пользователей будет ниже).

Исследование проводилось через сервис опросов Google: помимо анкеты, в которой собирались демографические данные, данных о частоте посещения сети Инстаграм и предпочитаемых видах фотографий, в опрос были включены две методики, измеряющие уровень субъективного благополучия (методика Satisfaction with Life Scale Э. Динера прошла процедуру прямого и обратного перевода, методика WHO-5 доступна на русском языке на сайте ВОЗ). Также респонденты продолжали четыре незаконченных пред-

¹ Исследование поддержано грантом СПбГУ № 8.38.351.2015.

ложения о возможностях и ограничениях сети Инстаграм и реального общения с друзьями (результаты качественного анализа в данной статье не приведены). С помощью специальной программы, ссылку на которую мы предоставляли в опросе, респонденты узнавали точное количество своих публикаций за последние 11 месяцев и сообщали это число в ответах.

Было получено 134 анкеты. По ряду формальных причин для анализа и обработки были оставлены данные 86 респондентов (18–49 лет, 84 % – женщины). Кластерный анализ показал деление выборки на две группы по параметру «частота публикаций фотографий» (в среднем одно фото в неделю – для группы в 57 человек и в среднем одно фото в день – для группы в 29 человек).

По результатам методики ВОЗ (ANOVA) группы не различались. По результатам Шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера группы различались: в среднем, уровень субъективного благополучия тех, кто реже публикует фотографии в сети Инстаграм, выше (ANOVA). Мы объясняем эти различия по двум методикам, диагностирующим субъективное благополучие, тем, что содержание вопросов первой связаны с общим самочувствием и здоровьем, а содержание вопросов второй связаны с удовлетворенностью жизнью и своими достижениями. По всей видимости, именно удовлетворенность жизнью – важнейший показатель психологического благополучия,

по-разному проявляющий себя у более и менее активных пользователей сети Инстаграм.

Литература

1. *Bakhshi S., Shamma D.A., Gilbert E.* Faces Engage Us: Photos with Faces Attract More Likes and Comments on Instagram // Session: Personal Values and Preferences. CHI 2014, One of a CHIInd, Toronto, ON, Canada. URL: <http://comp.social.gatech.edu/papers/chi14.faces.bakhshi.pdf> (дата обращения: 18.10.2015).

2. *Bech P.* Measuring the dimension of Psychological General Well-Being by the WHO-5 119 // Quality of Life Newsletter. 2004. No 32. P. 15–16.

3. *Diener E.* (ed.) Assessing Well-Being: The Collected Works of Ed Diener, Social Indicators Research Series. 2009. No 39. P. 101–117.

4. *Donnelly L.* Facebook and Twitter feed anxiety, study finds // The Telegraph, 08.07.2012 <http://www.telegraph.co.uk/technology/9383609/Facebook-and-Twitter-feed-anxiety-study-finds.html> (дата обращения: 18.10.2015)

5. *Krasnova H., Wenninger H et al.* Envy on Facebook: A Hidden Threat to Users' Life Satisfaction? // 11th International Conference on Wirtschaftsinformatik, 27.02–01.03.2013, Leipzig, Germany. URL: http://warhol.wiwi.hu-berlin.de/~hkrasnova/Ongoing_Research_files/WI%202013_%20Final%20Submission%20Krasnova.pdf (дата обращения: 18.10.2015).

СЧАСТЬЕ КАК ФЕНОМЕН САМОРЕГУЛЯЦИИ: ДВУМЕРНАЯ МОДЕЛЬ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ

Леонтьев Д.А., доктор психологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация. Предложено новое осмысление феномена счастья, значимой характеристикой которого выступает не только дистанция между желаемым и действительным, но и качественный уровень потребностно-целевых ориентиров. Отсюда вытекают альтернативные стратегии стремления к счастью, описываемые как игра на понижение и игра на повышение.

Ключевые слова: счастье, эмоция, саморегуляция, субъективное благополучие, потребность, поток.

Abstract. The paper offers a new understanding of happiness, its important characteristic being, besides a distance between the desirable and the actual, also the qualitative level of needs and goals. Optional strategies of the pursuit of happiness that follow from this model are described as «dealing for a fall» and «dealing for a rise».

Keywords: happiness, emotion, self-regulation, subjective well-being, need, flow experience.

Исследования проблемы счастья в последние два десятилетия переживают бурный рост (см. [2]). В подавляющем большинстве психологических исследований по этой теме счастье традиционно сводится к эмоционально-оценочному переживанию как чисто субъективному явлению, часто выступая под псевдонимом субъективного благополучия.

Вместе с тем природа переживания счастья, как и других эмоциональных явлений, более сложная. Еще в 1970-е гг. эмоциональные явления начали рассматриваться отдельными авторами в контексте саморегуляции, как сигналы обратной связи, характеризующие соотношение между актуальной ситуацией и субъективными критериями желаемого, такими как потребности, цели, ценности и т.п. [4; 6 и др.]. Подобный взгляд становится в наши дни все более и более популярным. Под этим углом зрения видится наиболее адекватным и анализ феномена счастья.

В одной из предыдущих публикаций [3] на основе обобщения исследований и теоретических взглядов была предложена двухуровневая модель счастья: Счастье 1 прямо связано с мерой удовлетворения базовых потребностей и имеет предел насыщения; Счастье 2, напротив, связано с осмысленными целями и значимыми отношениями, являющимися продуктами усилий индивида; в отличие от Счастья 1, оно не имеет верхнего предела и не может быть даровано индивиду кем-то другим. Счастье 2 лучше всего описывается теорией потока М. Чиксентмихайи [5].

Здесь мы делаем следующий шаг, переходя от двухуровневой к двумерной модели счастья.

Субъективное благополучие [2] в его общепринятом значении действительно сводится к простой эмоциональной оценке, а знак эмоций определяется степенью близости к удовлетворению потребностей. Это одно из двух главных измерений счастья: дистанция между желаемым и действительным, между должным и сущим (исчезновение которой и порождает переживание счастья). Счастье предстает как сигнал обратной связи, оповещающий, что в данный момент в нашей жизни все происходит именно так, как мы желаем.

Однако помимо этого измерения есть еще другое. Для полной картины необходимо дополнить этот параметр ортогональным ему параметром качественного уровня желаемого, от чего зависит качество переживаемого субъектом счастья или, соответственно, несчастья. Будем рассматривать его в традиционных терминах потребностей. Потребности – это форма отношений с миром [1]. Они могут образовывать континуум от ограниченных и невзыскательных до очень качественно разнообразных потребностей. Одни пытаются

ограничить спектр своих потребностей, другие, наоборот, стремятся к его неограниченному расширению. Качественные различия между разными категориями потребностей описал, в частности, А. Маслоу в своей теории мотивации нужды и мотивации роста [7].

Мы можем иметь близкое совпадение желаемого с действительным, но при этом потребности могут быть невзыскательными, и это выражается понятием «удовольствие». А если критерии высокие, цели высокие, смысл высокий – при приближении к ним мы испытываем более качественное счастье, переживание потока. Если жизнь далека от идеальной, желания скромны, но далеки от удовлетворения, это переживание можно описать словом «убожество». А если мы, прилагая массу усилий и стремясь к высокому смыслу, терпим неудачу и оказываемся далеко от желаемого, эта ситуация описывается как трагедия. Чтобы увидеть различия, необходимо дополнить измерение удовлетворенности другим качественным измерением.

Отсюда следуют две возможных стратегии достижения счастья. 1. Игра на понижение – снижение качества желаний: чем меньше хотеть, тем больше вероятность того, что жизнь будет им соответствовать, положительные эмоциональные сигналы будут поступать без чрезмерных усилий. 2. Игра на повышение: если многое в жизни интересно, придется прикладывать усилия, развиваться, двигаться, усложняться для того, чтобы быть на уровне растущих в качественном отношении желаний и добиваться успеха в их удовлетворении.

Предлагаемая модель легко поддается операционализации и позволяет по-новому подойти к традиционной проблеме о соотношении этики и личностного развития, с одной стороны, и гедонистического самоублажения – с другой. Гедонистическая ориентация повышает вероятность достижения счастья, одновременно ограничивая его качественную характеристику.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 107–120.
2. Леонтьев Д.А. Переживание счастья как зависимая переменная в психологических исследованиях // Психология психических состояний. Вып. 6. / под ред. А.О. Прохорова. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. С. 36–58.
3. Леонтьев Д.А. К антропологии счастья: состояние благополучия и путь радости // Человек. 2011. Т. 5. С. 34–46.

4. *Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность человека: мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975.

5. *Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл; Альпина Нон-фикшн, 2011.

6. *Klinger E.* Meaning and Void: Inner Experience and the Incentives in People's Lives. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.

7. *Maslow A.H.* Toward a psychology of Being. 2nd ed. New York: Van Nostrand, 1968.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Машарский З.В., кандидат психологических наук
Белорусская государственная академия авиации

Аннотация. Руководители всегда сознавали, что в современном менеджменте все большее значение приобретают мотивационные аспекты. Мотивация персонала является основным средством обеспечения оптимального использования ресурсов, мобилизации имеющегося кадрового потенциала.

Ключевые слова: мотивация, материальное мотивирование, соционика.

Abstract. The leaders always knew that in modern management are becoming increasingly important motivational aspects. Staff motivation is the main tool for ensuring optimal use of resources, mobilization of available human resources.

Keywords: motivation, material motivation, socionics.

Мотивация (от лат. *movere*) – побуждение к действию; динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности [1].

Как известно, мотивация представляет собой совокупность мер, которые побуждают людей к работе, направляют и поддерживают их в достижении определенных целей. Традиционно мотивацию разделяют на материальную и нематериальную. Последняя приобретает все большую популярность среди руководителей в связи с активными действиями по сокращению затрат на персонал и повышению эффективности и рентабельности производства.

Нематериальными принято называть все формы вознаграждения, ценность которых для сотрудника не определяется или не исчерпывается их денежным эквивалентом. Выбирая способы воздействия на подчиненных, руководителю первым делом следует задуматься над таким вопросом: как конкретные меры будут восприниматься сотрудниками на самом деле? Для ответа на данный вопрос можно обратиться к соционике. Согласно этой науке люди делятся на группы в соответствии с теми способами, которыми они предпочитают принимать и выдавать информа-

цию. При этом известно, какие методы мотивации можно применять к каждому из типов. Это будет адресная мотивация, которая действительно нужна сотруднику, чтобы стимулировать его к эффективному выполнению той или иной работы. Соционика вводит понятие «стимульные группы». Их всего четыре: «престиж», «уникальность», «интерес», «благополучие».

Рассмотрим данные группы подробнее.

- ◆ Стимульная группа «настрой на статус, престиж» – сотрудники ориентированы на повышение влияния, признание. Представители данной группы требуют почта и внимания к своим заслугам. Мотивация для них – продвижение по служебной лестнице. Если в компании нет возможности для вертикального карьерного роста, вполне приемлем вариант перемещения «по горизонтали».
- ◆ Стимульная группа «настрой на уникальность» – сотрудники ориентированы на реализацию новых, необычных проектов. Люди, входящие в данную группу, хорошо себя чувствуют там, где есть прогресс. Свободный график, новейшая техника для работы позволят им стимулировать себя, делая все новые и новые открытия. Необходимо предоставить им возможность повышения квалификации или получения дополнительного образования, и они не захотят покидать свое рабочее место.

◆ Стимульная группа «настрой на личный интерес» – ориентированы на то, что необходимо лично им: в данный момент или для дальнейшего развития. Представителей данной группы важно убедить, что работа, которую предстоит выполнить, нужна не только фирме, но и им самим. Так же как и для «уникальных», им важна возможность повышения квалификации или получения дополнительного образования.

◆ Стимульная группа «настрой на благосостояние» – ориентированы на удобство и комфорт. Такие сотрудники должны комфортно себя чувствовать на рабочем месте и получать зарплату, соответствующую их физической и умственной активности, для того чтобы хорошо отдохнуть и восполнить силы. Все, что связано с повышением уровня комфорта на рабочем месте, будет рассматриваться сотрудниками как стимуляция к деятельности. Хорошей мотивацией также служит социальный пакет, направленный на улучшение здоровья [2].

Отдельно стоит сказать о материальных стимулах. Проблема заключается в том, что привыкание к внешним воздействиям у людей, как правило, наступает очень быстро. Последствия очевидны: величина или частота использования стимула должна постоянно увеличиваться. Отсюда вытекает мысль об ограниченной эффективности материального стимулирования: в условиях насыщенного рынка любая зарплата рано или поздно начинает казаться невысокой. Поэтому такой стимул, как повышение заработной платы, стоит использовать очень осторожно.

Из нематериальных стимулов стоит подробно остановиться на таких методах, как поощрение и наказание. Поощрение (похвала) должно быть справедливым и своевременным. Премирование или объявление благодарности за достижение спустя три-четыре месяца существенно снижает эмоциональный отклик (а значит, и мотивиру-

ющий эффект будет очень слабым). Стоит поощрять не только выдающиеся достижения, но и промежуточные результаты. Поощрение не должно быть эпизодическим или необычным явлением в коллективе [3].

Поощрение, неважно, материальное или словесное, как правило, делается достоянием общест-венности. Справедливое поощрение мотивирует не только автора, но и окружающих. При этом обязательно нужно сопроводить поощрение комментариями: что именно вознаграждается, какие усилия предпринял человек для достижения этого результата и т.д. В поощрении не должно быть «двойного дна», т.е. одновременно с похвалой не нужно делать критических замечаний, а вместе с премией не стоит объявлять сбор средств на общественные нужды.

Наказание (выговор), как правило, делается один на один. Так же, как и при поощрении, обязательна «детализация» – что именно произошло, что было сделано не так, как следовало сделать. Наказание может и должно быть инструментом развития, а не карательной санкцией.

Необходимый этап в наказании – поддержка. Она состоит в том, чтобы показать, что вы осуждаете поступок, а не человека, верите в него самого и видите ресурсы для исправления ситуации.

Все перечисленные способы – это далеко не исчерпывающий список, а перечень мер, которые можно использовать для мотивации сотрудников. Главное – творческий подход к данному процессу и искренний интерес и внимание к коллективу.

Литература

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. Серия Мастера психологии. СПб.: Питер, 2000.
2. Кейт Кинан. Эффективная мотивация. М.: Эксмо-Пресс, 2007.
3. Ключков А.К. КРП и мотивация персонала: полный сборник практических инструментов. М.: Эксмо, 2010.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ И ВИДОВ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Мизгирёва М.Ю., студентка факультета философии и социальных наук
Белорусский государственный университет

Аннотация. На теоретическом и эмпирическом уровне проанализированы такие психологические феномены, как мотивационная структура личности и самопрезентация в электронных со-

циальных сетях, особенности мотивационной структуры и самопрезентации в электронных социальных сетях в юношеском возрасте, а также была выявлена и охарактеризована взаимосвязь мотивационной структуры личности и самопрезентации в электронных социальных сетях в юношеском возрасте.

Ключевые слова: самопрезентация, мотивационная структура личности, электронные социальные сети, юношеский возраст.

Abstract. Theoretically and empirically analyzed such psychological phenomena as the motivational structure of personality and self-presentation in electronic social networks, especially the motivational structure and self-presentation in electronic social networks in adolescence and was identified and characterized the relationship of motivational structure of personality and self-presentation in electronic social networks in adolescence.

Keywords: self-presentation, motivational structure of personality, electronic social networks adolescence.

Современные электронные социальные сети предлагают множество возможностей для экспериментирования со своим «Я». На основании этого можно утверждать, что то или иное самопрезентационное поведение может быть реализовано как в реальности, так и в виртуальности. В результате корреляционного анализа была выявлена взаимосвязь мотивационной структуры и самопрезентации в электронных социальных сетях в юношеском возрасте [1].

В ходе корреляционного анализа была выявлена слабая положительная взаимосвязь между шкалами «реальная рабочая (учебная) статусно-престижная мотивация» ($r = 0,229, p < 0,05$) и «актуальная вариативность».

Установленная взаимосвязь позволяет сделать вывод о том, что субъект, являясь активным пользователем электронных социальных сетей, не боится быть разным, открыт новому опыту в познании себя и создании новых образов самопрезентации. При экспериментировании со своим «Я» субъект тем самым получает внимание от окружающих, что является для него важным. С помощью самопрезентации в электронных социальных сетях субъект может самоутвердиться и даже диктовать новые тенденции в самопрезентировании в своих аккаунтах». Также существует тенденция к тому, что субъекты с высоким уровнем «актуальной вариативности» ощущают ценность собственной личности. Такие люди любят себя, открыты по отношению к себе и другим. Активное экспериментирование со своим «Я» в электронной социальной сети позволяет субъекту активно самопрезентировать свой статус, умения, успехи на работе (учебе), положительные качества, с помощью этого субъект пытается добиться расположения других пользователей, их признания и положительной оценки [1; 2].

В ходе корреляционного анализа была выявлена слабая положительная корреляция между шкалой «инвариантность» и «идеальная рабочая (учебная) статусно-престижная мотивация» ($r = 168, p < 0,05$).

Установленная взаимосвязь позволяет утверждать, что субъекты, обладающие инвариантной самопрезентацией, отстаивают свою точку зрения, имеют собственный стиль общения, что может свидетельствовать о стремлении к привлечению внимания за счет собственного стиля самопрезентации. Склонность к лидерству оправдывает стремление к влиянию, власти и доминированию. Спонтанность самопрезентации в электронных социальных сетях характеризуется независимостью, а также опорой на самого себя. Данное положение позволяет субъекту стремиться к комфорту в социальной сфере с помощью электронных социальных сетей [1; 2].

В ходе корреляционного анализа была выявлена слабая отрицательная взаимосвязь между «статусной инвариантностью» и «идеальной рабочей (учебной) мотивацией общения» ($r = -150, p < 0,05$). Согласно данной закономерности субъекты, которым присуща «статусная вариативность» и самопрезентации в электронных социальных сетях, меньше стремятся к общению и присоединению к другим социальным группам в реальности. По мнению И. Игли, возможности электронных социальных сетей позволяют субъекту как бы отрешиться от реальности, а общение и самопрезентацию в общении перенести на возможности электронных социальных сетей [3]. В связи с этим может снижаться стремление к реальному общению и присоединению к социальным группам, заменяя это возможностями электронных социальных сетей [1; 2]. По мнению С. Томпсона, замена реальности виртуальностью происходит потому, что в виртуальном пространстве меньше

вероятности быть отвергнутым, больше вероятности при желании стать замеченным другими пользователями [4].

В ходе анализа была выявлена положительная корреляция между шкалами «нравственная актуальная вариативность» и «реальная рабочая (учебная) статусно-престижная мотивация» ($r = 0,222$, $p < 0,05$). В данном случае это может характеризовать субъектов, которые активно самопрезентуют свои нравственно-этические составляющие самопрезентационного поведения. Это позволяет таким пользователям в выгодном для них свете продемонстрировать свою зрелость и положительные качества. Таким образом они надеются получить одобрение со стороны других пользователей, их позитивную оценку, а также признание. Получая позитивные оценки и признания, такой субъект получает возможность занимать определенное положение в обществе,

определенную лидерскую позицию, которая позволяет выглядеть более престижным в глазах других [1; 2].

Литература

1. Шевченко И.С. Вариативность самопрезентации личности в интернет-общении: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003. 160 с.
2. Мильман В.Э. Мотивационный профиль личности // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и мотивация саморегуляции / под ред. В.С. Мерлина, В.С. Бабина и др. М., 1990.
3. Eagly A. The Internet and the Future of Psychiatry. NY: Plenum Press. 1999. 340 p.
4. Thompson S. Internet Connectivity: Addiction and Dependency Study, Honors Thesis in Media Studies // The Journal of psychology. 1998. № 140. P. 209–212.

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ ДОМ - МОРАЛЬНЫЕ ЖИЛЬЦЫ?¹

Нартова-Бочавер С.К., доктор психологических наук, профессор департамента психологии

Резниченко С.И., научный сотрудник

Дмитриева Н.С., кандидат психологических наук, научный сотрудник

Брагинец Е.И., магистрант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается связь дружелюбности домашней среды и моральной мотивации респондентов юношеского возраста. Участвовало 260 человек (55 мужского пола). Использовались опросники «Функциональность домашней среды», «Личностная релевантность домашней среды», «Шкала моральных мотивов». Обнаружена сильная положительная взаимосвязь рассматриваемых переменных; в мужской подвыборке связей значительно больше.

Ключевые слова: домашняя среда, дружелюбность, юношество, моральный мотив.

Abstract. Connection between the home environment friendliness and moral motives in youth is investigated. 260 respondents (55 males) participated in the survey. Questionnaires «Functionality of home environment», «Personal relevance of home environment», «Model of moral motives scale» were used. The strong connection between investigated variables has been found; there are much more links in males.

Keywords: home environment, friendliness, youth, moral motive

Гуманные проявления личности нередко рассматриваются как эффект позитивного состояния, удовлетворенности собой и миром, высокого базового доверия. Все это возникает в условиях дружелюбной и стабильной среды, не требующей от человека затрат энергии на оборонительное поведение. В настоящем исследовании мы изучали связь дружелюбности домашней среды

и выраженности моральных мотивов в юношеском возрасте. Домашняя среда понимается нами как единство физических, социальных и экзистенциальных характеристик дома – места постоянного обитания человека. Дружелюбность домашней среды – это степень соответствия возможностей среды (affordances) потребностям ее обитателей [1; 2; 3; 4].

¹ Исследование осуществлено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 14-18-02163.

Гипотеза исследования состояла в том, что чем более дружелюбна домашняя среда, тем сильнее выражены моральные мотивы ее обитателей. Выборка включала 260 человек (55 мужского пола), $M_{возраст} = 20,6$, $SD = 4,6$. Для оценки уровня дружелюбности домашней среды использовались разработанные нами опросники «Функциональность домашней среды», «Личностная релевантность домашней среды», а также любезно предоставленная профессором Р. Янофф-Бульман Шкала моральных мотивов (Model of Moral Motives (MMM) Scale) [3; 5]. Согласно модели Р. Янофф-Бульман, моральная мотивация может быть предписывающей и запрещающей, а также быть направлена на себя, на конкретного другого человека или на группу.

Использовался корреляционный и регрессионный анализ. Обнаружено, что в соответствии с ожиданиями присутствует выраженная положительная связь между изучаемыми переменными. Более того, некоторые параметры дружелюбности домашней среды, описывающие степень соответствия дома личности его обитателей («ресурсность», «самопрезентация», «эргономичность», «отчужденность», «пластичность») оказались предикторами моральных мотивов. Примечательно, что показатели функциональности жилища не вносили вклада в генерирование моральных мотивов («самоограничения», «социального порядка», «помощи/справедливости», «социальной справедливости»). Таким образом, дружелюбная домашняя среда стимулирует моральную мотивацию, отмеченную преимущественно не эмпатией, а стремлением к понижению энтропии в мире.

Изучение мужской и женской групп привело к неожиданным результатам. Оказалось, что в объемной женской группе получено всего семь значимых положительных связей между изучаемыми переменными, в то время как в относи-

тельно малочисленной мужской таких связей обнаружено 54. Этот факт контрастирует с ранее полученными данными о том, что дружелюбность домашней среды представляет собой мощный предиктор психологического благополучия в женской выборке, в то время как в мужской эти закономерности почти отсутствуют [4].

Полученные данные сложны для однозначной интерпретации. Если условно попытаться рассматривать психологическое благополучие как индикатор адаптации личности, а мораль – как показатель ее развития, то функции дома становятся яснее с учетом гендерных задач и экзистенциальной оппозиции «очаг – космос» [1]. Впрочем, понимание полученных результатов требует дальнейшего осмысления.

Литература

1. Бочавер А.А. Представления о доме как элемент персонального опыта // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
2. Валединская О.Р., Нартова-Бочавер С.К. Личное пространство человека и возможности его «измерения» // Психология зрелости и старения. 2002. № 2. С. 66–77.
3. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» / С.К. Нартова-Бочавер, С.И. Резниченко и др. // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
4. Nartova-Bochaver S.K., Dmitrieva N.S., Resnichenko S.I., Bochaver A.A. How do home environments contribute to the mental health: case of Russian adolescents // INPACT 2015. International psychological applications conference and trends (Ljubljana, Slovenia, 2015, May 02–04). P. 374–378.
5. Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the moral landscape moral motives and group-based moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. № 17 (3). P. 219–236.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ У ОДАРЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Стехов А.В., магистрант программы «Консультативная психология. Персонология»
Гордеева Т.О., доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматриваются источники психологического неблагополучия у одаренных школьников с высокой мотивацией достижения. Объектом исследования стали представления одаренных и менее одаренных старшеклассников о счастье. Полученные результаты помогают понять причины дефицита психологического благополучия у одаренных детей.

Ключевые слова: психологическое благополучие, мотивация достижения, одаренность, представления о счастье.

Abstract. The study examines the problem of psychological well-being in academically gifted students. The main focus of the study was the conceptions of happiness in gifted and less gifted high school students. Empirical data help to understand the causes of the deficiency of psychological well-being in gifted children.

Keywords: psychological well-being, achievement motivation, giftedness, conceptions of happiness.

Исследование посвящено изучению особенностей мотивации достижения и психологического благополучия у одаренных старшеклассников.

В современных исследованиях одаренности получены данные о том, что интеллект и мотивация достаточно тесно связаны друг с другом [4; 5; 6]. Мотивация как система внутренних и внешних мотивов, целей и намерений позволяет индивиду реализовать свой потенциал в достижении того уровня, на который он способен. Внимание исследователей привлекла особенность мировосприятия высокоуспешных (одаренных) старшеклассников – их «негативное критическое мышление в отношении своей жизни, школы и учебной деятельности» [1, с. 666]. Получается, что чем больше успехов в учебной деятельности, тем более критично и негативно индивид настроен по отношению к окружающему миру. Это, в свою очередь, может привести к тому, что психологическое благополучие оказывается в зоне риска. Важным источником психологического благополучия являются социальные отношения, а для счастливых людей крайне необходима устойчивая связь с другими людьми [3, с. 81]. Одаренные дети часто жертвуют социальными отношениями ради своих интересов. Можно предположить, что причина дефицита психологического благополучия у одаренных детей кроется в том, как они вообще понимают психологическое благополучие и счастье.

Объектом нашего исследования является представление одаренных и менее одаренных старшеклассников о счастье и счастливом человеке. В сознании людей вопросы достижения напрямую связаны со счастьем, как одной из целей заявляемой человеком. Люди хотят быть счастливыми, и многие видят в состоянии счастья объект деятельности достижения. Поэтому вопрос о том, как люди описывают собственные представления о счастье, помогает прояснить, почему они стремятся что-то делать как можно лучше (мотивация достижения).

В исследовании приняли участие ученики 10-х классов двух московских школ ($N = 82$): 37 человек из школы, входящей в тройку лидеров в списке лучших школ Москвы и России (математический и гуманитарный классы) и 45 человек из гимназии, входящей в третью сотню лучших школ Москвы (социально-экономический, биолого-химический и физико-математический классы). Поскольку в первую школу дети проходят жесткий отбор и впоследствии демонстрируют высокие достижения на всероссийских и международных олимпиадах школьников, были заданы две группы детей по уровню выраженности мотивации достижения и одаренности – высокая и средняя.

Для диагностики уровня психологического благополучия использовалась батарея опросников, а также методика открытых вопросов. Респондентам предлагалось написать ответы в свободной форме на следующие вопросы: 1) Напишите, пожалуйста, что такое, по-вашему, счастье? Какой Вы себе представляете жизнь счастливого человека? 2) Согласны ли Вы с тем, что все счастливые люди похожи друг на друга (перефразируя известную мысль Л. Толстого о счастливых семьях «Все счастливые семьи похожи друг на друга...»)?

Для анализа и интерпретации полученных данных использовался метод тематического анализа [2], который предполагает кодирование утверждений и выделение базовых категорий. Интеллектуально одаренные школьники определили понятие «счастье» в трех различных формулировках: 1) чувство («чувство, когда вокруг тебя находится мир, близкий к идеальному»); 2) ощущение («ощущение себя счастливым»); 3) состояние («состояние, ради которого стоит жить»). В результате процесса обобщения данных для концепта «счастье» были выделены следующие категории: чувство радости и удовольствия, любовь, достижения, свобода, состояние гармонии, семья и близкие люди, наполненность жизни,

внутренний комфорт, достаток, добро. В зависимости от профиля класса вышеуказанные категории имели различное содержание.

Помимо указанных категорий, учащиеся второй группы детерминантами счастья определяют достаток («счастье – это достаток»; «у счастливого человека высокооплачиваемая работа, которую он любит, он ни в чем не нуждается»; «когда все, что мне надо, у меня есть»), и добро («когда человек совершает хороший поступок, то автоматически становится более счастливым»). Достижения во многом связаны с успехом и удачной карьерой («добиться успеха в жизни, исполнить свои мечты»; «успешно поступить [в вуз], состояться в карьере и личной жизни»). Для этой группы учащихся больше характерно гедонистическое отношение к жизни: например, категория «чувство радости и удовольствия» представлена подкатегориями «полностью наслаждаться жизнью», «жизнь без забот», «в жизни все хорошо», «удовольствие». Для респондентов первой группы эта же категория в большинстве своем раскрывается в кодах «внутреннее чувство, ощущение», «удовлетворенность», «радость».

Проведенное исследование показало, что для старшеклассников с высокими академическими достижениями (интеллектуально одаренные) представления о счастье индивидуализированы и связаны с акцентом внимания на собственные

внутренние чувства, для менее одаренных учеников важнее социальные отношения и аффилиация, которые в свою очередь могут способствовать психологическому благополучию [3].

Литература

1. Гордеева Т.О., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Вклад личностного потенциала в академические достижения // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 642–667.
2. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. № 3. P. 77–101.
3. Diener E., Seligman M.E. Very happy people // Psychological Science. 2002. Vol. 13 (1). P. 81–84.
4. Garn A.C., Jolly J.L. High ability students' voice on learning motivation [Электронный ресурс] // Journal of Advanced Academics. 2014. Vol. 25(1). P. 7–24. URL: <http://joa.sagepub.com/content/25/1/7.full.pdf+html> (дата обращения:).
5. Meier E., Vogl K., Preckel F. Motivational characteristics of students in gifted classes: The pivotal role of need for cognition // Learning and Individual Differences. 2014. Vol. 33. P. 39–46.
6. Phillips N., Lindsay G. Motivation in gifted students // High Ability Studies. 2006. Vol. 17. Issue 1. P. 57–73.

ГОТОВНОСТЬ К ВЫБОРУ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕННАЯ

Фам А.Х., кандидат психологических наук, научный сотрудник Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается такая важная, но малоизученная индивидуально-психологическая характеристика, как готовность к выбору. Согласно концепции личностного потенциала Д.А. Леонтьева, готовность к выбору выступает в качестве интегральной характеристики потенциала самоопределения и обуславливает возможность человека совершать качественные выборы в жизни.

Ключевые слова: выбор, готовность к выбору, качество выбора, личностный потенциал, индивидуально-психологическая характеристика.

Abstract. The article is focused on such an important but under-investigated individual psychological characteristics as readiness for choice. According to personality potential theory of D.A. Leontiev, readiness for choice is acting as an integral characteristics of self-determination potential, inducing a capacity of a person to make good choices in life.

Keywords: choice, readiness for choice, choice quality, personality potential, individual psychological characteristics.

Умение правильно выбирать – один из наиболее востребованных навыков современного человека, живущего в условиях высокой неопределенности и постоянно происходящих внешних и внутренних изменений. Одной из важнейших предпосылок совершения качественных выборов в жизни является готовность к выбору: «комплексная индивидуально-психологическая характеристика личности, отражающая ее способность делать значимые выборы осознанно, самостоятельно, с осмыслением возможных последствий и принятием на себя ответственности и риска» [1, с. 513; см. также 2]. Готовность к выбору претерпевает изменения в процессе индивидуального развития и напрямую связана со становлением «стержня», или «каркаса», личности – личностного потенциала, – выступая в качестве интегральной характеристики одной из его подсистем: потенциала самоопределения [1].

Эта способность чрезвычайно важна при совершении человеком выборов в новых, нестандартных, исключительно важных для него ситуациях, в которых стереотипные, привычные решения невозможны. Согласно данным исследования ($N = 1833$), посвященного изучению индивидуальных особенностей выбора в ситуациях различной значимости, у 56 % респондентов субъективное качество так называемого судьбоносного выбора (т.е. степень его продуманности, самостоятельности, удовлетворенности от его процесса и итога) оказалось значительно ниже качества «повседневных» выборов, и лишь у 44 % респондентов субъективное качество выбора повышалось по мере увеличения значимости ситуации. Таким образом, человек с низкой готовностью к выбору может эффективно принимать рутинные решения, последствия которых не оказывают значительного влияния на его жизнь, но при этом обнаруживает неспособность к развернутой деятельности самоопределения в переломной жизненной ситуации.

Кроме того, как показывают результаты другого исследования [3], сама способность видеть возможности для выбора в жизни присуща разным людям в неодинаковой степени. В данном исследовании мы просили респондентов ($N = 74$) вспомнить и описать ситуации «повседневных» и «судьбоносных» выборов из их собственного опыта. В качестве последних различные респонденты называли тематически сходные ситуации, имеющие высокую личностную значимость (выборы в сфере личных отношений, высшего образования, работы, здоровья, разные этические

дилеммы и т.д.). В то же время при описании «повседневных» выборов наблюдался большой индивидуальный разброс (указывались такие разноплановые ситуации, как «в какую дверь вагона метро войти» и «брать или не брать щенка с улицы», «выбор между друзьями» или «выбор кафедры»). Подобная неоднородность ответов является, на наш взгляд, следствием того, что «повседневные» выборы в силу их большей легкости, ситуативности, зачастую формального характера вообще сложнее «заметить», а следовательно, и описать. Вследствие этого люди с более высоким «порогом чувствительности» к ситуациям выбора осуществляли невольную подмену задания, указывая вместо малозначимого случая принятия решения ситуацию, оказавшую сильное или умеренное влияние на их жизнь.

Таким образом, дефицит готовности к выбору может проявляться как в ухудшении качества выборов по мере повышения их субъективной значимости, так и в низкой способности человека к распознаванию малозначимых ситуаций выбора в жизни. Тем не менее нам представляется возможным формирование и укрепление этой способности: напрямую, путем систематического использования различных психотехник для облегчения процесса выбора и повышения его качества [см. 4], либо косвенным образом, через воздействие на индивидуально-личностные предпосылки готовности к выбору: толерантность к неопределенности, жизнестойкость, внутренний локус контроля, витальность, самооффективность и др. [1; 5]

Литература

1. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал: структура и диагностика / Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Мандрикова и др.. М.: Смысл, 2011. С. 511–546.
2. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003.
3. *Фам А.Х.* Особенности деятельности выбора в реальных ситуациях разного уровня значимости // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 143–153.
4. *Фам А.Х.* Подходы к повышению качества выбора и готовности к нему // Экзистенциальный анализ. 2015. № 7. С. 155–172.
5. *Фам А.Х., Леонтьев Д.А.* Субъективное конструирование выбора в ситуациях разного уровня значимости. Ч. 2 // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2013. № 2. С. 93–105.

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ: ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ)

Фоменко Г.Ю., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии

Куашева Е.Р., соискатель кафедры психологии личности и общей психологии
Кубанский государственный университет

Аннотация. Анализируются и уточняются психологические основания жизнестойкости личности через обращение к содержанию ее ценностно-смысловых предпочтений и специфики противоречий профессионального бытия. Выявляются особенности проблематизации этой противоречивости, а также способы ее преодоления и разрешения на индивидуальном уровне.

Ключевые слова: личность как субъект разрешения противоречий; ценностно-смысловые предпочтения, жизнестойкость, феномен экстремальности на фоне экстремизации.

Abstract. Psychological foundations of resiliency of personality are analyzed and clarified through an appeal to the content of its axiological preferences and specificity of contradictions of professional being. Peculiarities of problematization of this inconsistency are elicited, as well as the ways of its overcoming and solution at the individual level.

Keywords: personality as a subject of conflict resolution; axiological preference, resiliency, a phenomenon of extremality on the background of extremalization

В контексте субъектно-бытийного подхода успешность/неуспешность процесса профессионализации, в том числе и профессиональные деструкции, анализируются и интерпретируются с точки зрения особенностей разрешения личностью разноуровневых противоречий с акцентом на ценностно-смысловую составляющую этого процесса [3]. В плане прогнозирования эффективности деятельности и особенностей процесса профессионализации сотрудников силовых ведомств как представителей экстремальных видов деятельности имеет особое значение феномен жизнестойкости [1; 2]. Соответственно, целесообразно изучение особенностей проявления жизнестойкости личности как субъекта разрешения противоречий во взаимосвязи с особенностями ее ценностно-смыслового позиционирования, что может способствовать уточнению психологических оснований жизнестойкости личности.

Резюмируем основные теоретико-эмпирические положения и выводы нашего исследования.

Особенности профессионального бытия сотрудников силовых ведомств определяются совокупностью следующих условий: экстремальный вид деятельности; социально значимый вид труда на фоне экстремизации профессиональной деятельности; иерархическая среда замкнутого корпоративного типа (согласно терминологии

и концепции Е.П. Ермолаевой), с преобладанием гомеостатической тематики (по Х. Томэ).

Феномен экстремальности на фоне экстремизации («экстремальность умноженная на экстремизацию») может быть раскрыт через систему разноуровневых противоречий: между возрастанием субъектной активности личности как тенденции современной жизни и требованиями строго регламентирующей, иерархической (гомеостатической) среды; необходимостью оперативного и ответственного принятия решений как сущностной характеристики деятельности и требованиями беспрекословного подчинения с исключением возможности выбора; между социальной ролью человека и его индивидуальностью; во внутриличностном плане: между профессионалом и социальным исполнителем; требованием субъектности от сотрудников на фоне авторитарного субъект-объектного стиля управления; между властными полномочиями и необходимостью подчиняться приказам.

В качестве базового на индивидуальном уровне для личности выступает противоречие между «самостоятельностью» и «безопасностью», т.е. между субъектным и объектным стандартом ценностных предпочтений.

Одновременное присутствие в приоритетных ценностях «самостоятельности» и «безопасности» согласуется с повышением жизнестойкости

в том случае, если это, с одной стороны, рефлексруется личностью (наличие вышеуказанного противоречия осознается как проблема), с другой стороны, она получает возможность (парадоксальную!) одновременной реализации данных ценностей.

Одновременное предпочтение ценностей «безопасности» и «самостоятельности» на фоне восприятия невозможности быть подлинным субъектом профессиональной деятельности и жизни в целом, несмотря на высокую увлеченность работой, связаны со снижением жизнестойкости.

Общая жизнестойкость личности повышается при согласованности ее жизненных принципов с реальным поведением и жизненных принципов с групповыми ценностями (независимо от их содержания) в случае высокой осмысленности жизни и возможности ее контроля.

Тенденция к повышению жизнестойкости на завершающем этапе профессионализации сви-

детельствует, на наш взгляд, об успешном разрешении личностью разноуровневых противоречий профессиональной бытийности и умении находить оптимальный баланс между субъектным и объектным позиционированием в каждой конкретной служебной и жизненной ситуации.

Литература

1. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
2. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
3. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация с позиций субъектного и событийного подходов // Социальная психология труда: теория и практика / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев М.: Изд-во «Институт психологии РАН» 2010. Т. 1, с. 82–101.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕГАТИВНЫХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

Черткова Ю.Д., кандидат психологических наук
Егорова М.С., доктор психологических наук
Зырянова Н.М., кандидат психологических наук
МГУ имени М.В. Ломоносова

Фоминых А.Я.

Психологический институт РАО

Аннотация. В исследовании рассматриваются две альтернативные по содержанию группы негативных черт личности, связанные со склонностью к нарушению социальных норм и с преувеличением ценности и незыблемости социальных норм. Первая группа включает в себя импульсивность и компоненты «Темной триады». Во вторую группу входят авторитарность, консерватизм и перфекционизм. Показано, что психологические характеристики, относимые к негативным чертам личности, могут играть положительную роль в адаптации и быть положительно связаны с удовлетворенностью жизнью, карьерной успешностью, компетентностью в межличностных отношениях и т.д.

Ключевые слова: диспозиционные черты личности, базовые черты, негативные черты личности, удовлетворенность жизнью.

Abstract. In the study there are considered two groups of negative personality traits which reflect tendency to violation social rules and norms, exaggeration of value and stability of social norms. It is shown that psychological characteristics attributable to negative personality traits, can play a positive role in the adaptation and to be positively associated with life satisfaction, career success, competence in interpersonal relations, etc.

Keywords: dispositional personality traits, negative personality traits, life satisfaction

Проведенные в последние несколько лет исследования роли личностных характеристик © Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Зырянова Н.М., 2015

в жизненной успешности (устойчивости брака, удовлетворенности профессией, сохранения активности и интереса к жизни в пожилом возраст-

те) показывают, что негативные черты личности играют, во-первых, значимую и, во-вторых, не обязательно негативную роль в разных показателях удовлетворенности жизнью [1; 2]. Отсутствие деструктивного воздействия негативных черт связано с тем, что их деструктивность может либо больше сказываться на окружающих, чем на носителях этих черт, либо не обнаруживаться в некоторых ситуациях, либо проявляться «светлой стороной». Последнее – «светлая сторона» негативных черт – интенсивно исследуется как возможная точка личностного роста и основа для компенсации нежелательных последствий [3; 4].

Интересно также то, что, казалось бы, противоположные по содержанию негативные черты (например, перфекционизм и импульсивность), могут действовать однонаправленно на характеристики, свидетельствующие о благополучии и неблагополучии (напр., [5]).

Таким образом, есть основания предполагать, что на российской выборке негативные черты личности могут быть положительно связаны с показателями социальной адаптации.

В статье представлены результаты первого этапа исследования, посвященного оценке роли генетических и средовых факторов в формировании межличностных различий по негативным чертам личности (проект «Природа вариативности негативных черт личности: близнецовое исследование» поддержан РГНФ, № 15-06-10847, руководитель Ю.Д. Черткова).

Задачами этой части работы были:

- ◆ разработка комплекса методов для диагностики негативных черт личности;
- ◆ определение роли негативных черт личности в уровне общего благополучия (удовлетворенности межличностными отношениями, профессией, карьерой, здоровьем);
- ◆ определение места негативных черт в общей структуре личности.

Для анализа были отобраны две альтернативных по содержанию группы негативных черт личности: связанные, во-первых, со склонностью к нарушению социальных норм (импульсивность,

неклиническая психопатия и т.д.) и, во-вторых, с преувеличением ценности и незыблемости социальных норм (авторитарность, консерватизм, перфекционизм и т.д.). У испытуемых также оценивалась общая удовлетворенность жизнью и ее отдельные аспекты, связанные с удовлетворенностью карьерой и межличностными отношениями.

К настоящему времени получены данные о более 300 испытуемых в возрасте от 18 до 74 лет, сбор данных продолжается. Включение в выборку респондентов такого широкого возрастного диапазона позволяет провести дифференциально-психологический анализ возрастных изменений структуры психологических характеристик.

Первичный анализ данных показывает, что психологические характеристики, относимые к негативным чертам личности, могут играть важную роль в адаптации и быть положительно связаны с показателями удовлетворенности жизнью, карьерной успешности, компетентности в межличностных отношениях и т.д.

Литература

1. *Paunonen S.V., Ashton M.C.* On the prediction of academic performance with personality traits: A replication study // *Journal of Research in Personality*. 2013. Vol. 47. № 6. P. 778–781.
2. *Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L.* The Dark Triad of personality: A 10 year review // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. Vol. 7. № 3. P. 199–216.
3. *Hogan R., Hogan J.* Assessing leadership: A view from the dark side // *International Journal of Selection and assessment*. 2001. Vol. 9. № 1–2. P. 40–51.
4. *Furnham A., Trickey G., Hyde G.* Bright aspects to dark side traits: Dark side traits associated with work success // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 52. № 8. P. 908–913.
5. *Boone L., Claes L., Luyten P.* Too strict or too loose? Perfectionism and impulsivity: The relation with eating disorder symptoms using a person-centered approach // *Eating behaviors*. 2014. Vol. 15. № 1. P. 17–23.

Раздел XII

**СПОСОБНОСТИ И ПРЕДМЕТНАЯ
МЫСЛЬ ЧЕЛОВЕКА**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Губенко А. В.</i> Творческие интеллектуальные способности личности в свете процессов опредмечивания и распределмечивания мышления.....	543
<i>Дьячук А. А.</i> Индивидуальная организация деятельности и временные способности.....	544
<i>Нашапов М. М., Низовцева Т. Р.</i> Надситуативное мышление как метакогнитивное средство реализации ментальных качеств профессионала	546
<i>Нияткина А. Д.</i> Индивидуальные различия в процессе мыслетворчества.....	547
<i>Круглик А. В.</i> Мысленное вращение трехмерных фигур как фактор пространственного интеллекта	549
<i>Нузьменко Г. А.</i> Воспитание интеллекта подростка-спортсмена.....	550
<i>Мазилев В. А., Слепко Ю. Н.</i> Диагностика и развитие индивидуальности одаренного ребенка	552
<i>Макарова Н. В., Гаврилова Л. В.</i> Личностные и профессионально-важные качества супервизора как механизм личностной регуляции развития профессиональных способностей магистрантов	553
<i>Пермогорский М. С.</i> Индивидуальные особенности решения задач с использованием объектов, находящихся в нетранзитивных циклических отношениях превосходства	555
<i>Поддьяков А. Н.</i> Парадокс теста творческого мышления и ошибка в международном тестировании PISA-2012...	556
<i>Потапова О. Г.</i> Теоретические вопросы изучения интеллектуальных операций в младшем школьном возрасте ..	558
<i>Суворова Г. А.</i> О новом этапе в разработке проблем психологии способностей и интеллекта человека.....	559
<i>Сурякова М. В.</i> Способность личности к интерпретации: общепсихологический подход	561
<i>Ясюкова Л. А.</i> Природа интеллектуальных способностей	563

ТВОРЧЕСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ ПРОЦЕССОВ ОПРЕДЕМЕЧИВАНИЯ И РАСПРЕДЕМЕЧИВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ

Губенко А.В., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент
Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины

Аннотация. Рассматривается проблема преодоления инерции мышления в процессе творческой деятельности. Особое внимание уделено взаимодействию процессов опредмечивания и распредемечивания. Установлено, что творческая интеллектуальная деятельность протекает в единстве двух видов интеллекта – статического и динамического.

Ключевые слова: мышление, творчество, опыт.

Abstract. The article is informed about the methods of overcoming of inertia of thought in the process of creative activity. Particular attention is paid to the interaction processes of objectification and disobjectification. It was found that the creative intellectual activity takes place in the unity of the two types of intelligence – static and dynamic.

Keywords: thought, creation, experience.

Большое место в проблематике изучения творческих интеллектуальных способностей занимают категории опредмечивания и распредемечивания. Эти понятия тесно связаны с фундаментальными сторонами деятельности. В процессе опредмечивания имеет место превращение и переход человеческих сил и способностей из формы движения в форму предмета. При этом происходит как бы кристаллизация человеческих сущностных сил, которые объективируются и «застывают» в продуктах деятельности.

Распредемечивание обычно понимается как процесс, в котором свойства предмета становятся достоянием субъекта деятельности, благодаря чему интеллектуальные и практические силы и способности последнего наполняются конкретным содержанием [2, с. 175].

Процесс распредемечивания связан с преобразованием предмета в форму человеческой деятельной активности и превращением его сущностных характеристик в способности субъекта. Опредмечивание характеризует переход деятель-

ности из процессуальной формы в кристаллизованную, объективированную и материализованную. Распредемечивание характеризует переход деятельности из кристаллизованной, объективированной формы в процессуальную форму живой творческой активности субъекта. Творчество, по определению В.Д. Шадрикова, проявляется прежде всего в умении человека выйти за рамки нормативного способа решения задачи [3, с. 376], т.е. в умении распредеметить окостеневшую норму.

Активность субъекта содержит в себе две стороны – процессуальную и кристаллизованную, динамическую и статическую. На процессуальном этапе деятельность имеет текучую форму становления. Все в деятельности находится в развитии, формы изменчивы и недостаточно определены. На этапе кристаллизации продукты деятельности принимают завершённую, неподвижную форму готовых идей, технологий и т.п. Динамическая и статическая стороны интеллектуальной деятельности, как представляется, предопределяют существование двух форм интеллекта – динамического и статического. В основу деления нами

положены три признака: степень подвижности или ригидности познавательных структур (понятий и т.п.), степень преодоления мышлением наличного бытия, а также способность к постижению реальности в ее истории, возникновении и развитии.

В соответствии с вышесказанным динамический интеллект отражает в себе этап становления идей и понятий и их всестороннюю подвижность в процессе поиска нового в творчестве. Поэтому ему свойственны следующие отличительные черты и признаки:

- ◆ подвижность и неопределенность понятий и образов;
- ◆ высшая подвижность и симультанность интеллектуальных процессов;
- ◆ отказ от шаблонов и стереотипов: упомянутая выше подвижность не позволяет мыслительным формам «застыть» и «кристаллизироваться» в шаблоны и стереотипы;
- ◆ «отбрасывание» законов формальной логики, значительное развитие интуитивно-мыслительных компонентов [3];
- ◆ одна из его главных особенностей – преодоление, «размыывание» и «расплавление» рамок налично данной реальности и границ сложившихся когнитивно-эмпирических матриц; разрушение привычных и устоявшихся ассоциативных связей;
- ◆ динамическое мышление находится в состоянии психосемантического потока, которому свойственна текучесть познавательных структур и в котором понятия проникают друг в друга, меняются и взаимоперетекают, семантические единицы многозначны и полимодальны [3];
- ◆ познание синкретично, целостно.

Статическому интеллекту, ориентированному на кристаллизовавшийся познавательный опыт, присущи следующие особенности:

- ◆ неподвижность понятий и ригидность мышления;
- ◆ ориентация на стереотипы;
- ◆ рассудочность, ориентация на ограниченную формальную логику и обыденный опыт;
- ◆ абсолютизация налично данной реальности и мира явлений, данных в опыте и т.п. Последнее представляет собой одну из его основных особенностей.

Перед психологией стоит задача создания методик развития интеллекта, позволяющих «расплавливать» накопленный опыт в потоке динамического мышления. Мы активно занимаемся созданием подобных технологий. При этом перестройка алгоритмических модулей мышления осуществима следующими путями и приемами: с помощью выхода за когнитивные рамки путем создания воображаемых виртуальных реальностей; путем поиска скрытых возможностей явлений; методом изучения явлений в их становлении, например изучение истории технических объектов и бытовых объектов и т.д.; путем семантического переструктурирования и т.д.

Литература

1. Губенко А. В. Распредмечивание, интеллектуальная ригидность и творчества // Практическая психология и социальная работа. 2009. № 12. С. 74–78.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1981. 445 с.
3. В.Д. Шадриков. От индивида к индивидуальности. Введение в психологию. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 656 с.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВРЕМЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ

Дьячук А.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Аннотация. Представлены результаты изучения организации деятельности, выделены компоненты, с помощью которых можно описать индивидуальные особенности осуществления деятельности. Показано, что для каждого компонента необходимы определенные временные способности.

Ключевые слова: время, способности, активность, планирование.

Abstract. This article presents findings of a study the organization of activities. The analysis of the data showed that there are components of activity which describe the individual characteristics. The paper discusses that each component needs specific temporal ability.

Keywords: time, temporal ability, organization of activities, planning.

Для выявления индивидуальных особенностей организации и осуществления деятельности, мы полагаем, необходимо обратиться к изучению временных способностей. Как было выявлено в проведенных нами ранее исследованиях [2], описание индивидуальных особенностей осуществления деятельности может быть представлено через анализ выраженности и соотношения трех компонентов: общая активность личности, внутренний план, самоэффективность.

Общая активность рассматривается нами как самовыражение динамических особенностей, эргичность, напористость, разнообразие производимых действий, их варьирование и проч.

Внутренний план понимается как построение внутренней структуры деятельности, выделение значимых связей и отношений, выступающих в качестве ориентира при реализации действия в различных условиях.

Самоэффективность – инициирование и организация действий, необходимых для достижения результата с учетом своих возможностей.

Каждый из этих компонентов разворачивается во времени, предполагает, как отмечает К.А. Абульханова, «создание особого пространственно-временного континуума, в котором личность... связывает объективно разобщенные во времени и пространстве объекты и явления, придает им свою временную целостность и цикличность и собственно временные параметры и ритм» [1, с. 22].

Необходимо согласовывать определенные характеристики, процессы и явления относительно каждого компонента. Активность предполагает схватывание определенного ритма, темпа проявления своей активности, чередования состояний, а также временные возможности, позволяющие ускоряться или замедлять темп при осуществлении действий.

Во внутреннем плане происходит конструирование образа желаемого результата, выделение шагов, необходимых для достижения данного результата, а также соотношение последовательности и одновременности событий и собственных действий, различных вариантов их выполнения в конкретной ситуации.

Самоэффективность связана с согласованием индивидуальных возможностей и кругом задач, которые личность может решить, распределение ресурсов для обеспечения выполнения задач в поставленные сроки.

В связи с тем, что каждый из рассмотренных компонентов связан с временным фактором, мы

полагаем необходимо выделение временных способностей. Опираясь на представление С.Л. Рубинштейна о способностях как «закрепленной в индивиде системе психических процессов, посредством которых действия и деятельности регулируются» [3, с. 197], нами были изучены переживания времени как отражение в сознании личности способностей человека конструировать временные процессы, динамические характеристики деятельности.

В результате обобщения и анализа переживания времени было выделено три группы характеристик времени: одну группу составили описания времени, которые предполагают анализ, разделение целого на части, выделение совокупности и построение связей. Во второй группе представлены переживания напряженности, растяжимости и субъективной скорости, динамичности. Третью группу составили характеристики, которые связаны с чувственными, интуитивными механизмами схватывания времени, субъективными оценками своего опыта попадания в определенные сроки. Данное разбиение позволяет предположить, что можно выделить временные способности: связанные с целеполаганием, планированием; с динамикой и напряжением, интенсивностью и ускорением либо замедлением; согласованностью собственных ритмов и заданных сроков.

Сопоставляя компоненты деятельности и выделенные способности, мы можем увидеть, что для активности необходимы способности, которые позволяют распределить активность, согласовать ее, регулировать во времени напряжение, изменять темп осуществления деятельности.

Для внутреннего плана необходимы способности целеполагания, планирования, анализа последовательности и одновременности действий. Самоэффективность предполагает наличие способностей, связанных с рефлексией собственных ритмов и заданных извне сроков, своевременность.

Проводимые нами исследования показали, что если данные способности не сформированы, возникают трудности в организации деятельности, если в переживании времени происходит разбиение характеристик по рациональным и чувственным инструментам схватывания времени, тем более успешно осуществление деятельности. Таким образом, дальнейший анализ состоит в изучении того, как развиваются данные способности, сопоставлении их со структурными компонентами деятельности для по-

нимания эффективности ее организации как временного объекта.

Литература

1. Абульханова К.А. Березина Т.Н. Время жизни и время личности. СПб.: Алетейя, 2001.

2. Дьячук А.А. Личностные особенности организации деятельности и возможности их оценки // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 2. С. 160–165.

3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

НАДСИТУАТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК МЕТАКОГНИТИВНОЕ СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ПРОФЕССИОНАЛА¹

Кашапов М.М., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Низовцева Т.Р., старший преподаватель кафедры психиатрии и клинической психологии
Северный государственный медицинский университет

Аннотация. Представлено обоснование ситуативности/надситуативности мышления в качестве метакогнитивного средства решения коммуникативных проблемных ситуаций. Показано, что при движении от ситуативного к надситуативному типу мышления акты решения проблемной ситуации характеризуются направленностью на саморазвитие, творчество. Описаны стадии реализации ментального ресурса субъекта.

Ключевые слова: ситуация, событие, профессионализация, ресурс.

Abstract. Substantiates situational/suprasituational thinking as a metacognitive means for solving problem situations in communication. It shows that, while switching over from situational to suprasituational type of thinking the acts of solving a problem situation can be described as being aimed at self-development and creativity. The stages of a subject's mental resources realization are also given.

Keywords: situation, event, professionalization, resource.

В процессе профессионализации субъект реализует свои ресурсы, обусловленные стремлением добиться успехов в деятельности. Рассмотрение внутренних условий деятельности позволяет выйти на понимание ментальных ресурсов, обеспечивающих развитие профессионала. Мобилизационные ресурсы организма характеризуются формированием новой функциональной системности. На этой основе делается попытка разрешения задачи адаптации субъекта к изменяющимся условиям [3, с. 128]. Способность к саморазвитию, проявляющаяся в стремлении к самоизменению, позитивном преобразовании своей профессиональной деятельности, реализации творческих возможностей, представляет собой творческий ресурс для изменения отношения к конфликту, выстраивания взаимоотношений на новом уровне [4, с. 240]. Важным для творчества является метакогнитивный опыт,

способствующий осуществлению рефлексии, планированию, оцениванию работы собственного ума [5].

На разных этапах профессионализации психическое развитие является сложным многоплановым процессом. Так, на вузовском этапе становление идентичности русских студентов определяется факторами адаптации в группе, безопасности и стабильности личности. Становление идентичности иностранных студентов определяется факторами активности, безопасности, стабильности личности и сотрудничества [2]. В качестве регулятора развития профессионала можно рассматривать надситуативное мышление как средство реализации ментального ресурса личности. Причем надситуативная проблемность может также выступать в качестве регулятора позитивного функционирования человека как субъекта деятельности [1].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-06-10823а.

Надситуативный уровень обнаружения проблемности в процессе конструирования желаемой ситуации позволяет актуализировать и реализовать творческие ресурсы субъекта, поскольку субъект не ограничивается только ситуационными признаками познания и преобразования. Именно надситуативный уровень характеризуется установлением фундаментальных и менее поддающихся наблюдению объективных и субъективных характеристик ситуации, лежащих в основе поверхностных проявлений. Данный уровень позволяет устанавливать противоречие, которое может воплощаться не только в прямом противоборстве людей, но и в устойчивом, стабильном фоне происходящих событий. Реализация этого уровня обнаружения проблемности придает определенный (новый) смысл профессиональной деятельности. Происходит более глубокое познание тех латентных отношений между элементами проблемной ситуации, которые имеют существенное значение для разрешения конфликтной проблемности.

Одна из особенностей надситуативной проблемности заключается в структурировании конкретной ситуации. В целях понимания происходящего субъект мысленно выходит за рамки ситуационной обусловленности возникших затруднений и рассматривает себя как неотъемлемую часть познаваемой и преобразуемой ситуации. Следовательно, надситуативное мышление способствует кристаллизации характеристик мышления как личностных особенностей восприятия и осмысления ситуации. Событие целенаправленно создается системой умственных действий. Причинно-следственные связи умственных действий субъекта исследуются посред-

ством выхода за пределы их носителя. Именно выбор, в отличие от реакции, является предпочтением и определяет траекторию трансценденции, выхода за пределы ситуации и возможностей субъекта.

Реализация ментального ресурса субъекта проходит ряд стадий:

- ◆ снятие эмоционального напряжения способствует ощущению внутренней свободы существования;
- ◆ создание ментальных ресурсов;
- ◆ реализация ресурсного мышления, характеризующегося умением субъекта находить источники творческого вдохновения, оптимизма в самых разнообразных сферах жизнедеятельности.

Поэтому творческий потенциал раскрывается на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях.

Литература

Кашанов М.М. Формирование профессионального творческого мышления: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 136 с.

Низовцева Т.Р. Индивидуально личностные особенности студентов первого курса как основа создания психологического портрета первокурсника // Бюллетень СГМУ. 2005. № 1. С. 74–75.

Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.Д. Шадрикова. М.: Юрайт, 2015. 411 с.

Панов В.И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.; СПб.; Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. 304 с.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОЦЕССЕ МЫСЛЕТВОРЧЕСТВА

Кияткина А.Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Исследование позволяет утверждать, что «мысль» как психологическая категория должна быть возвращена в число фундаментальных понятий психологической науки. Результаты данного исследования позволяют продвинуться в изучении следующих вопросов: что такое мысль, какова ее структура и функции. Сущность мысли раскрывается через понятие субстанции, включающей в себя предметное содержание, мотивацию и переживание. Результаты исследования показали, что среди испытуемых наблюдаются значительные количественные различия в процессе мыслетворчества в конкретной ситуации.

© Кияткина А.Д., 2015

Ключевые слова: мысль, мышление, индивидуальные различия, механизмы порождения, структура, когнитивные процессы, диагностика, категориальный аппарат.

Abstract. The study suggests that the «thought» as a psychological category should be returned to the fundamental concept of psychology. The results of the following research allow advancing in such scientific issues as: what is the thought, what are the structure and function of this phenomenon. The essence of the «thought» is revealed through the concept of substance that includes content, motivation and emotions. The results illustrate that there is a significant quantitative and qualitative differences among the research participants in a particular producing thought situation.

Keywords: thought, thinking, individual differences, mechanisms of generation, structure, cognitive processes, diagnostics, the categorical apparatus.

В повседневной жизни люди нередко оперируют понятием «мысль», употребляя его в различных смыслах и контекстах. При этом человек редко задается вопросом определения этого понятия, и, если на уровне бытового общения этот термин интуитивно воспринимается как весьма понятный, несмотря на отсутствие универсального его понимания, то на уровне научном представляет собой особо важную и малоизученную область исследования. Об этом свидетельствует отсутствие научного понимания мысли и процесса ее появления.

В современной психологии отсутствует научное понимание феномена «мысли». Однако для психологической науки эта сфера исследования имеет фундаментальное значение. Аристотель писал о том, что мысль занимает ключевое место в понимании природы и сущности человека. Одним из наиболее систематизированных и полных анализов данного феномена является работа В.П. Зинченко «Опыт думания о думании», основанная на базе исследований таких отечественных ученых, как Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн. Несмотря на то, что мысль многими была признана как основополагающий компонент всех познавательных процессов, она исчезла из категориального аппарата психологической науки. Многие работы когнитивной психологии, написанные в ключе психологии мышления, обращаются к понятию «мысль» лишь косвенно, определяя ее как «продукт мышления», тем самым отодвигая саму мысль на второй план. Если первые общепризнанные труды, посвященные процессу мышления, датируются второй половиной XIX в., то вопрос изучения человеческой мысли становится наиболее важной тематикой XXI в.

Таким образом, целью исследования стала разработка и апробация методики, позволяющей выявить и изучить индивидуальные различия в процессе порождения мыслей посредством сравнения качественных и количественных характеристик данного процесса. Объектом исследования является процесс порождения предметной мысли. Предмет исследования – индивидуальные различия в процессе мыслетворчества.

В качестве теоретической и методологической основы для проведения данного исследования выступают следующие идеи: положение о том, что мысль порождается в процессе установления связи вещи и ее свойства, выдвинутое И.М. Сеченовым; особенность мышления, предложенная и разработанная С.Л. Рубинштейном, заключающаяся в том, что процесс решения проблемы раскрывает новые свойства и качества объекта, т.е. субъекту открываются новые содержания и стороны объекта с точки зрения поставленной перед ним задачи; и концепция В.Д. Шадрикова, изложенная в труде «Мысль и познание» и предлагающая определение мысли, исходя из понимания ее функций и свойств.

Таким образом, структура мысли включает в себя три компонента: потребности, или мотивы, переживания, или эмоции, и содержание.

В исследовании приняли участие 20 человек соответствующих возрастной категории от 17 до 25 лет, являющихся студентами НИУ ВШЭ. Каждый испытуемый проходил эксперимент в индивидуальном порядке, в одинаковых условиях. Испытуемым была дана следующая инструкция: «Вам будет предъявлен предмет, который с большей вероятностью Вам вполне знаком – CD диск. Постарайтесь описать данный предмет по возможности наиболее полно и точно, используя односложные описания, выделив все его признаки (свойства), которые Вы можете обнаружить. Выделенные признаки запишите в бланк ответов. При выполнении данного задания Вам необходимо в графе (*) по просьбе экспериментатора фиксировать этап, на котором Вы находитесь в данный момент. В процессе эксперимента Вы можете проводить желаемые манипуляции с предметом. На выполнение задания отводится 20 минут».

В качестве стимульного материала был подобран предмет, не ограничивающий испытуемого в процессе выделения его свойств – CD диск. Предмет хорошо знаком испытуемому, достаточно прост и не отличается усложненными конфигурациями. Количество выделяемых признаков в пробной серии достигало 80 признаков-свойств. Предмет позволяет дифференцировать испытуемых по числу называемых признаков-свойств,

а свойства описываемого предмета выведены на уровень фиксируемых, измеряемых, наблюдаемых и анализируемых проявлений.

Результаты исследования показали, что среди испытуемых наблюдаются значительные количественные различия в процессе мыслетворчества в конкретной ситуации. Однако прослеживаются две основные тенденции-зависимости: 1) подробное рассмотрение внешних описательных признаков ведет к увеличению личностной значимости предмета для субъекта мыслетворчества; 2) выделение функциональных признаков находится в зависимости от ассоциативных связей стимульного материала и других предметов. В целом полный набор предметных мыслей в конкретной ситуации относительно объекта восприятия формирует свой субъективный образ восприятия субъекта. Результаты исследования подтверждают положение об индивидуально-обусловленном процессе порождения мысли, который опосредуется эмоциональным состоянием субъекта, его потребностями и предшествующим опытом, наполняющим данную деятельность содержательной информацией о предмете. Ценность данного исследования заключается в выявлении закономерностей в подходах к анализу процесса порождения

мысли, их интеграции в отечественной и зарубежной литературе разных научных школ и времен, на основе которых производится попытка создания диагностической методики анализа процесса мыслетворчества.

В процессе дальнейшего исследования данной тематики автор предполагает следующие пути развития:

- ◆ выявить основные факторы, влияющие на процесс порождения предметных мыслей и процесса их индивидуализации;
- ◆ соотнести результаты, получаемые в ходе разработанной экспериментальной процедуры, с результатами других методик, отражающих такие сферы личности, как мотивационная, интеллектуальная и эмоциональная;
- ◆ провести апробацию представленной методики на различных возрастах и проследить методом поперечного среза эволюцию процесса порождения предметной мысли в онтогенезе.

Литература

Шадриков В.Д. Мысль и познание. М.: Логос, 2014.

Шадриков В.Д. Мысль, образ и психическая функция // Мир психологии. 2013. № 3

МЫСЛЕННОЕ ВРАЩЕНИЕ ТРЕХМЕРНЫХ ФИГУР КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Круглик А.В., аспирант, заведующая лабораторией
НМУ «Республиканский центр проблем человека», Минск

Аннотация. Рассматриваются особенности мысленной трансформации и вращения абстрактных фигур. Подчеркивается, что мысленное вращение трехмерных фигур является неотъемлемым показателем уровня развития пространственного интеллекта. Приведены экспериментальные данные, которые описывают возрастные характеристики ментальной ротации абстрактных объектов в подростковом возрасте.

Ключевые слова: пространственный интеллект, мысленное вращение, развитие способностей, подростковый возраст.

Abstract. Peculiarities of abstract figures' mental transformation and rotation are considered. Special attention is paid to the role of three-dimensional figures' mental rotation as integral index of spatial intellect development. Experimental data describe age-related characteristics of abstract objects' mental rotation in adolescence.

Keywords: spatial intellect, mental rotation, development of abilities, adolescence.

Впервые пространственный фактор интеллекта был выделен Л. Терстоуном. Под этим термином он понимал способность оперировать мысленными пространственными образами, схемами и моделями реальности. По его мнению,

пространственный интеллект, во-первых, определяет успешность и скорость восприятия пространственных отношений и, во-вторых, связан с мысленным манипулированием зрительными представлениями в трехмерном пространстве [3].

Г. Гарднер определял пространственный интеллект как способность воспринимать объекты «в уме» и манипулировать ими, создавать зрительно-пространственные композиции [2]. Сформированность четких представлений об объектах реальности, разработанность их пространственной представленности и способность их адекватной трансформации выступают в качестве индикаторов пространственного интеллекта.

Изучением особенностей мысленного вращения трехмерных фигур в контексте пространственного интеллекта занимались многие зарубежные (И. Бидерман, Р. Грегори, Т. Ричардсон, С. Кослин, Д. Марр, Р. Шепард, Д. Дэнис, А. Палмер, Р. Паркс) и отечественные (В.А. Барабанщиков, В.И. Белопольский, Б.М. Величковский, Л.Л. Гурова, Е.А. Сергиенко) ученые [4].

С целью исследования особенностей пространственного вращения абстрактных фигур нами были протестированы 185 учащихся средних школ г. Минска в возрасте от 13 до 15 лет. Для исследования пространственных способностей учащихся были использованы тест пространственной ротации фигур и тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра.

Анализ полученных в ходе исследования результатов с помощью непарного t -критерия Стьюдента позволил выявить некоторые устойчивые тенденции, характерные для подросткового возраста. Во-первых, в 8-м классе способности к пространственной ротации фигур лишь незначительно выше у мальчиков, чем у девочек ($r_m = 6,8$, $r_o = 6,0$, при $p \leq 0,05$). К 9-му классу данные практически уравниваются ($r_m = 7,4$, $r_o = 7,2$, при $p \leq 0,05$). Можно предположить, что предложенная ранее концепция о доминировании мальчиков в уровне развития пространственных способностей утратила свою однозначность в условиях современной школы [1].

Если оценивать различия пространственных способностей относительно фактора возраста, становится очевидным, что способность пространственной трансформации и ротации фигур развивается от 8-го к 9-му классу ($r_8 = 6,6$, $r_9 = 7,5$, при $p \leq 0,05$). Так, в 8-м классе в среднем учащийся решает правильно только 42 % заданий теста, к 9-му классу в среднем учащийся способен решить 50 % заданий.

Также учащиеся 8–9-х классов выполняли задания из субтеста 7 (Пространственное воображение) и субтеста 8 (Пространственное обобщение) теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра. Анализ данных показал рост показателей пространственного интеллекта к 9-му классу по обоим субтестам ($Am7_8 = 10,5$, $Am7_9 = 10,9$; $Am8_8 = 8,1$, $Am8_9 = 8,5$, при $p \leq 0,1$).

Корреляционный анализ показал значимые связи между данными теста пространственной ротации фигур и субтестами 7 и 8 теста структуры интеллекта ($n_7 = 0,36$; $n_8 = 0,44$, при $p \leq 0,05$).

Наше исследование подтверждает утверждение И.С. Якиманской о том, что подростковый возраст является одним из наиболее чувствительных для развития пространственного интеллекта, в частности в этот период значительно увеличиваются показатели способности оперировать в умственном плане трехмерными объектами.

Литература

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006, 431 с.
2. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М.: Вильямс, 2007, 512 с.
3. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2006, 368 с.
4. Ричардсон Т.Э. Дж. Мысленные образы: когнитивный подход. М.: Когито-Центр, 2006, 175 с.

ВОСПИТАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА ПОДРОСТКА-СПОРТСМЕНА

Кузьменко Г.А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физической культуры и спорта

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Рассматривается процесс воспитания интеллектуальных и сопряженных с ними способностей у подростков-спортсменов, основанный на соотношении их с этапами спортивной деятельности, констатацией содержания, смыслов и временной структуры способностей в контекстах решения актуальных интеллектуальных задач.

Ключевые слова: подросток-спортсмен, интеллектуальные способности, структура деятельности, интеллектуальная задача.

Abstract. The educational process of the intellectual capabilities development and of the abilities of teenagers-sportsmen is being studied, alongside the basis of their coordination with the stages of the sports activity, analyzing the contents, the terms and the sense of the temporary structure of capabilities inside the solution to actual intellectual assignments.

Keywords: teenager-sportsman, intellectual capabilities, structure of activity, intellectual assignment.

Процесс воспитания интеллектуальных способностей у подростков-спортсменов основан на понимании их сущности, взаимосвязей с другими качествами личности и представленности в структуре спортивной деятельности. В качестве методологических предпосылок к исследованию выступили воззрения П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, В.Д. Шадрикова. Педагогическое исследование осуществлялось на контингенте подростков-спортсменов ($n = 270$) с применением методов сочинений, самоописаний, ранжирования, контент-анализа, обеспечивающих самооценку значимости способности и качества в успешной реализации этапа деятельности – от 1 до 3 баллов; методов непараметрической математической статистики (коэффициент конкордации Кендалла, W).

Проявленные подростком-спортсменом интеллектуальные способности предопределены этапами деятельности. Так, одна из интеллектуальных задач на этапе мыслительности – «быть информированным, своевременно собрать и проанализировать информацию о сопернике» – реализуется на фоне избранных интеллектуальных и других способностей, в той или иной степени отражающих информационный, мотивационный, когнитивный (в том числе стилевую характеристику деятельности), операционально-деятельностный, эмоционально-волевой, регулятивный аспекты спортивной деятельности. В ряду актуальных интеллектуальных способностей (ИС): мотивация к познанию, (научно-)исследовательского поиска, достижения; способность к критическому анализу в ходе обработки информации; концентрация внимания; оперативное, проблемное мышление; аналитичность; (долговременная) память; организованность; помехоустойчивость; способность не противодействовать тренерским установкам и указаниям, не формировать для себя образ «неудобного соперника» и др. ($X_{\text{ср.}} = 3$; $W = 0,72$); регулятивных способностей (РС) – способность к саморегуляции настроения, самочувствия, активности ($X_{\text{ср.}} = 2,92$; $W = 0,72$); волевых качеств (ВК) – целеустремленность, настойчивость ($X_{\text{ср.}} = 2,92$; $W = 0,72$); ($p < 0,01$).

Интеллектуальная задача на этапе отражения действительности – «сопоставить модельное ис-

полнение техники упражнения с собственным, определить погрешности индивидуальной техники» – инициирует проявления интеллекта через активизацию способностей: ИС – поисковой мотивации; зрительного, слухового кинестетического восприятия; концентрации внимания; мысленного, вербального анализа исполнения техники упражнения; мышления; аналитичности; схематизации; дискурсивного мышления; критичности; рационализации ($X_{\text{ср.}} = 2,92$; $W = 0,86$); РС – концентрации; самообладания ($X_{\text{ср.}} = 2,8$; $W = 0,86$); ВК – самостоятельности, дисциплинированности, терпеливости, упорства, выдержки ($X_{\text{ср.}} = 2,84$; $W = 0,86$); ($p < 0,01$).

Показатели самооценочных суждений на других этапах позволяют нам выявить некоторую неопределенность в выборе способностей для реализации этапов деятельности (средний балл ≤ 2). Так, на этапе принятия решения, формирования плана и программы поведения – ИС : $X_{\text{ср.}} = 2,83$; $W = 0,87$; РС : $X_{\text{ср.}} = 1,94$; $W = 0,87$; ВК : $X_{\text{ср.}} = 1,93$; $W = 0,87$; $p < 0,01$; на этапе программы реализации функции, выполнения действия и программы поведения, коррекции – ИС : $X_{\text{ср.}} = 2$; $W = 0,78$; РС : $X_{\text{ср.}} = 1,83$; $W = 0,78$; ВК : $X_{\text{ср.}} = 1,1$; $W = 0,78$; $p < 0,01$; на этапе отражения операции как результата действия – ИС : $X_{\text{ср.}} = 1$; $W = 0,75$; РС : $X_{\text{ср.}} = 0,9$; $W = 0,75$; ВК : $X_{\text{ср.}} = 0,91$; $W = 0,75$; $p < 0,01$; на этапе отражения результатов операции – ≤ 2 ; отражения параметров результатов – ≥ 2 ; на этапе представления функциональных признаков результата или программы – ≤ 2 ; на этапе пополнения знаний, обогащения операционных механизмов, определения цели функции в деятельности – 2,6; 1,6; 1,8. Этапы с меньшими средними показателями характеризуются большей трудностью и наличием в их реализации случайных и автоматизированных двигательных ошибок, отражая отсутствие полноты ментального и двигательного образа действия.

Литература

- Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 546 с.
Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007. 284 с.

ДИАГНОСТИКА И РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ОДАРЕННОГО РЕБЕНКА

Мазиллов В.А., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии

Слепко Ю.Н., кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Аннотация. Рассматриваются результаты эмпирического исследования познавательных способностей детей с высоким уровнем интеллектуальных способностей. Указывается, что в понимании психологических особенностей одаренных детей могут быть выделены две существенные проблемы: во-первых, различия между оценкой индивидуальных способностей таких детей экспертами и результатами субъективной диагностики самих детей; во-вторых, противоречие между высоким уровнем объективных достижений одаренных детей и показателями их интеллектуального развития.

Ключевые слова: индивидуальность, одаренный ребенок, способности, экспертная оценка, сопровождение.

Abstract. The results of an empirical study of cognitive abilities of children with high intellectual abilities. It is stated that in the understanding of the psychological characteristics of gifted children can be identified two significant problems: firstly, the difference between the assessment of the individual abilities of children by experts and the results of subjective diagnosis of the children themselves; Second, the contradiction between the high level of achievement of the objective indicators of gifted children and their intellectual development.

Keywords: personality, a gifted child ability, expert evaluation, support.

В отношении проблемы одаренности вообще и математической одаренности в частности одна из трудностей работы психолога и педагога со способными детьми состоит в определении психометрического статуса такого ребенка среди всех остальных детей. Наличие высоких показателей по стандартным тестам измерения интеллектуальных способностей не гарантирует того, что ребенок не будет относиться к числу оказавшихся способными к освоению нормативно одобренного способа учебной деятельности. Математически одаренный ребенок должен обладать высоким уровнем развития как интеллектуальных способностей вообще, так и математических способностей в частности. Однако, оценить стандартными диагностическими средствами реальный уровень их развития достаточно трудно, так как исследователь будет получать в качестве результата либо крайне высокие показатели, либо средние – типичные для выборки. Оба результата будут вызывать массу вопросов и сложностей. Например, если в отношении потенциально математически одаренного ребенка получены сверхвысокие показатели уровня интеллекта, исследователь будет и дальше использовать данный тест, однако часто он будет сталкиваться с тем, что прогноз одаренности конкретного ребенка будет расходиться с результатами того или иного

теста, поэтому принятие решения будет зависеть не от объективной ситуации, а от личных предпочтений исследователя. Это относится и к соотношению результатов использования экспертной оценки одаренности ребенка и его диагностике средствами стандартных тестов.

С рядом идентичных проблем столкнулась психометрическая парадигма в исследовании творчества и одаренности, одним из наиболее ярких представителей которой был американский ученый Джо Гилфорд [1; 2].

В связи с тем, что в психологии существуют вполне обоснованные трудности стандартной оценки одаренности детей и взрослых, сегодня требуется пересмотр не только средств диагностики, но и методов и форм работы с одаренными детьми. На примере проведенного авторами и коллегами в 2013–2015 гг. исследования математической одаренности школьников выскажем ряд предложений о том, как средствами дополнительного образования можно приблизиться к решению актуальных проблем сопровождения и развития творчества и одаренности.

Целью проведенного исследования [3] была оценка интеллектуальных способностей школьников, уровень интеллектуального развития которых может говорить о потенциальном наличии математической одаренности.

Среди всех интеллектуальных способностей наиболее развитыми оказались: оперативная логическая память, пространственное мышление; образный синтез; формально-логическое мышление; математическая интуиция. То есть по основным компонентам факторов математического, пространственного и мнемического интеллекта группа детей оказалась развита наиболее всего.

В результате был составлен комплексный профиль развития способностей математически одаренного ребенка, что является условием для организации работы с ним. На наш взгляд, организация работы по развитию и сопровождению развития математически одаренного ребенка не может быть сведена либо только к школьным формам, либо только к различным формам дополнительного образования.

Источниками сопровождения и развития интеллектуальных способностей математически одаренных детей могут быть, во-первых, различные формы дополнительного математического образования, направленные на развитие

формально-логических средств мышления и математической интуиции; во-вторых, различные формы дополнительного эстетического развития, направленные на развитие средств образного синтеза и пространственного мышления; в-третьих, совершенствование мнемотехнических приемов, направленных на развитие оперативной логической памяти.

Литература

1. *Богоявленская Д.Б., Сусоколова И.А.* Психометрическая интерпретация творчества. Научный вклад Дж. Гилфорда. М.: МГППУ, 2011. 267 с.
2. *Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н.* Психометрическая парадигма в решении проблем творчества и способностей // Вопросы психологии. 2013. № 6. С. 150–153.
3. Психологическая диагностика математической одаренности школьников / Ю.Н. Слепко, В.А. Мазиллов и др. Ярославль: Канцлер, 2013. 144 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВАЖНЫЕ КАЧЕСТВА СУПЕРВИЗОРА КАК МЕХАНИЗМ ЛИЧНОСТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ МАГИСТРАНТОВ

Макарова Н.В., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии младшего школьника

Гаврилова Л.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии младшего школьника

Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Раскрывается понятие «супервизия», особенности реализации супервизии в процессе встроенной педагогической практики магистрантов в системе сетевого взаимодействия «вуз – школа», рассматриваются роль и функции учителя-супервизора. Личностные и профессионально-важные качества супервизора актуализируются в структуре личности магистрантов и сказываются на качестве их профессиональных способностей.

Ключевые слова: супервизия, супервизор, педагог-супервизор, сетевое взаимодействие, рефлексия, магистрант, преподаватель вуза, развитие способностей, педагогические способности, структура механизмов способностей.

Abstract. The article describes the concept of «supervision», particularly its formation and implementation of the process of pedagogical practice masters built in the networking «university-school» considers the role, functions, stages of formation of the teacher-supervisor. Personal and professional-important qualities supervisor updated in the personality structure of undergraduates and affect the quality of their abilities of professionals.

Keywords: supervision, supervisor, teacher-supervisor, supervision model, networking, reflection, undergraduate, high school teacher, development of abilities, teaching abilities, structure of mechanisms of abilities.

По своей сущности супервизия представляет собой смысловое и ценностное ядро профессиональной подготовки магистров на стажировочной площадке в условиях образовательного учреждения. Супервизия в современных условиях реализуется и имеет особое значение, когда будущий учитель заканчивает обучение в вузе или находится в процессе прохождения обязательной практики. Такое взаимодействие способствует формированию общепрофессиональных, профессиональных компетенций и становлению трудовых действий начинающего педагога, а также развитию педагогических способностей магистрантов, которые имеют такую же трехкомпонентную структуру механизмов, как и любые другие способности человека (функциональные, операционные и личностно-регулирующие механизмы). Фактически супервизор решает ряд задач психолого-педагогического и социального сопровождения профессиональной деятельности молодого специалиста, ответственно анализируя его работы. Супервизор стремится к разрешению проблем, возникающих в учебно-воспитательном процессе, тем самым влияет на личностно-регулирующие механизмы способностей магистрантов.

Супервизор помогает начинающему учителю систематически видеть, осознавать, понимать и анализировать свои профессиональные действия и свое профессиональное поведение через развитие рефлексии. Педагог-супервизор, исходя из своего педагогического опыта, может систематизировать информацию, поступающую от магистрантов, и определенным образом реагировать на нее. Супервизор помогает молодым специалистам наращивать ресурс соответствия этическим, общекультурным и профессиональным стандартам в педагогической практике и развивать творческий подход к работе.

Такое взаимодействие является сотрудничеством двух педагогов, двух профессионалов – более опытного и менее опытного. В этом смысле супервизия является творческим процессом. Как процесс супервизия включает несколько этапов. На заключительном этапе ведущим принципом профессионального взаимодействия является принцип коллегиальности и принятия позиций сотрудничества на равных.

Основными видами супервизии являются индивидуальная и групповая супервизия, предполагающие разнообразные методы работы.

Главное требование к супервизорам – знание психологических основ акмеологии, отношение

к своей профессионально-педагогической деятельности как к социально-значимой, владение приемами супервизии, навыками саморегуляции и самоконтроля, способность проявлять оптимальное профессиональное поведение, иметь свой имидж, задавать вектор эмоциональности и сопровождать взаимодействие положительными эмоциями.

В рамках разработки и апробации новых модулей основной профессиональной образовательной программы педагогической магистратуры по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование» (Учитель начальных классов) усиливается практико-ориентированная направленность подготовки учителя, значительная часть материала осваивается в реально идущем образовательном процессе школы. Учитель должен быть готов к реализации требований профессионально-ориентированной встроенной практики и задач, поставленных магистранту и супервизору. Важным условием успешного прохождения практики является подбор стажировочной площадки, отвечающей требованиям сетевого взаимодействия в системе «вуз – школа» и конкретным задачам углубленной встроенной учебной практики; сопряженность теоретических основ магистерской программы с разными видами практической подготовки.

К задачам супервизора в этой системе относятся: создание условий реализации встроенной учебной практики, организация атмосферы сотрудничества магистрантов и учителей школы, моделирование ситуаций супервизии магистрантов, их апробация в контексте задач встроенной практики, рефлексия результатов решения поставленных задач, обсуждение их в рамках встроенной практики и развитие собственного ресурса супервизии. В этом взаимодействии супервизор реализует ряд практических функций: образовательную, поддерживающую, консультирующую, оценочную, административную, менеджерскую. Эффективность реализации перечисленных функций зависит от гармоничного сочетания личностных и профессионально важных качеств супервизора. К их числу можно отнести гуманистическую направленность личности, общительность, эмпатию, ответственность, оптимизм, доброжелательность, педагогический такт, рефлексивность, стремление к профессиональному совершенствованию и саморазвитию.

В рамках дисциплин психологического цикла разных модулей магистерской программы, разра-

ботанных преподавателями кафедры психологии младшего школьника ФНО Института детства МПГУ, предусмотрены разнообразные задания, отражающие спектр задач профессиональной деятельности учителя в условиях современной школы и способствующие развитию его ОПК и ПК.

Качество профессиональной подготовки магистрантов в процессе углубленной профессионально-ориентированной практики во многом будет определяться эффективностью функционирования сетевого взаимодействия в системе «вуз – школа». В результате этого взаимодействия в школу придет новый учитель начальных классов, в практической подготовке которого принимали участие супервизоры и другие субъекты образовательного процесса школы как представители работодателей современной школы.

Литература

Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: Академия, 2004.

Организация сетевого взаимодействия общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, принимающих участие в конкурсе на государственную поддержку / под ред. А.И. Адамского. М.: Эврика, 2006.

Профессионализм современного педагога: методика оценки уровня квалификации педагогических кадров / под науч. ред. В.Д. Шадрикова. М.: Логос, 2011.

Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007.

Шадриков В.Д. Профессиональные способности. М.: Университетская книга, 2010.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБЪЕКТОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В НЕТРАНЗИТИВНЫХ ЦИКЛИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПРЕВОСХОДСТВА

Пермогорский М.С., магистр, стажер НУЛ когнитивных исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается проблема использования интеллектуальной операции транзитивности при совершении умозаключений о превосходстве. Экспериментально показано, что информация типа « $A > B$ и $B > C$ » провоцирует людей совершать ложные транзитивные умозаключения о превосходстве в условиях объективно «нетранзитивных» сред. Представители «гуманитарного» профиля обучения более подвержены этому влиянию.

Ключевые слова: транзитивность, отношения превосходства, решение задач, принятие решений.

Abstract. The study is intended to cover problem of using transitive inference in decision making about the superiority. It is experimentally shown that information « $A > B$ and $B > C$ » provokes people to make false transitive conclusions in case of objective intransitivity. Humanities are more liable to be mistaken.

Keywords: transitivity, superiority relations, problem solving, decision making.

Одной из основных линий исследования человеческого мышления является изучение индивидуальных особенностей овладения транзитивными умозаключениями [1]. Напомним, что интеллектуальная операция транзитивности позволяет выносить суждения типа: «Если $A > B$ и $B > C$, то $A > C$ » и в повседневной жизни наиболее часто используется при сравнении объектов по определенному признаку и при определении отношений превосходства между ними (что больше, лучше, эффективнее и т.д.).

© Пермогорский М.С., 2015

Не все отношения превосходства транзитивны. Однако и в обучении, и в психологических исследованиях тотально доминирует только такое содержание и такие задачи, которые требуют совершения исключительно транзитивных умозаключений о превосходстве [2], что, с нашей точки зрения, формирует у человека искаженные представления об универсальности схемы рассуждений об объективности «нетранзитивных» сред, практически ний типа «Если $A > B$ и $B > C$, то $A > C$ ». Проектов, посвященных изучению индивидуально-

психоне встречается. Данная работа направлена на исправление сложившейся ситуации.

Методика. Каждому участнику эксперимента предлагалось решить одну из трех эквивалентных задач (о карандашах, о спортсменах, об игральные кости) с использованием объектов, находящихся в нетранзитивных циклических отношениях превосходства, после чего высказать свое мнение о степени ее сложности. Проверялось воздействие двух факторов на успешность решения задачи (ЗП): наличие в условии задачи подсказки типа «А > В и В > С» (НП1), содержание задачи (НП2). Было сформировано три экспериментальные группы и три контрольные группы (в условии задач отсутствовала подсказка).

Эмпирические гипотезы исследования:

- ◆ наличие в тексте задачи «нетранзитивного» типа информации «А > В и В > С» значительно повысит количество ошибочных ответов, обусловленных совершением решателями транзитивных умозаключений;
- ◆ испытуемые с образованием гуманитарного профиля будут чаще совершать ошибочные транзитивные умозаключения, чем испытуемые с образованием технического и математического профилей.

Выборка. В основной серии эксперимента приняли участие 132 человека (из них 69 женщин, что составляет 52,3 %) в возрасте от 15 до 54 лет ($M = 24,34$, $SD = 7,771$), представители разных профессий. Все группы примерно уравниены по количеству участников, их полу и возрасту.

Результаты. Сравнение показателей успешности решения задач (соотношение правильных и неправильных ответов) в экспериментальных и контрольных подгруппах выявило значимые различия только между данными второй экспериментальной и второй контрольной подгрупп ($\chi^2 = 6,691$, $p = 0,01$). В первой и третьей экспериментальных подгруппах количество ошибочных «транзитивных» ответов оказалось уравновешено

количеством других ошибочных ответов, которые дали испытуемые контрольных подгрупп. Количественные показатели ошибочных «транзитивных» ответов между экспериментальными группами различаются незначительно ($p > 0,05$).

Таким образом, гипотеза № 1 подтвердилась частично. Использование информации типа «А > В и В > С» действительно провоцирует людей совершать ложные транзитивные умозаключения в условиях объективно «нетранзитивных» сред. Однако различная успешность решения задач в экспериментальных подгруппах позволяет утвердительно говорить о влиянии контекста на выбор способа решения. При одном содержании задачи испытуемые чаще совершали ложные транзитивные умозаключения, чем давали правильные или неправильные ответы, при другом, даже при наличии информации типа «А > В и В > С», чаще давали правильный ответ, чем неправильный или ложный транзитивный, при третьем чаще давали неправильный ответ, нежели правильный или ложный транзитивный.

Выявление индивидуальных различий в решении задач «нетранзитивного» типа показало, что успешнее с ними справляются представители «технического» профиля обучения, тогда как представители «гуманитарного» профиля совершают гораздо больше ошибочных транзитивных умозаключений ($p = 0,037$). Целью ближайших эмпирических исследований ставится дальнейшее изучение индивидуальных особенностей мыслительной деятельности при решении задач с использованием объектов, находящихся в нетранзитивных циклических отношениях превосходства.

Литература

Пиаже Ж. Психология интеллекта / пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 191 с.

Поддьяков А.Н. Непереходность отношений превосходства и принятие решений // Психология. Журнал ВШЭ. 2006. Т. 3. № 3. С. 88–111.

ПАРАДОКС ТЕСТА ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ОШИБКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ТЕСТИРОВАНИИ PISA-2012

Поддьяков А.Н., доктор психологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Обсуждаются проблемы тестов творческого мышления как «стандартов измерения нестандартности». На примере задания в PISA-2012 показана ограниченность и ошибки «стандартных списков творческих ответов».

© Поддьяков А.Н., 2015

Ключевые слова: тест, творческое мышление, креативность, PISA.

Abstract. Problems with creativity tests as «standards of measuring the non-standard» are discussed. Based on a creative problem from PISA2012, limitations and mistakes of «standard lists of creative answers» are shown.

Keywords: tests, creative thinking, PISA.

Суть парадокса теста творческого мышления состоит в следующем. Творчество – это выход за рамки заданного и известного, прорыв за пределы стандартов, «полет над барьерами», а тест – это стандартная процедура обследования по заданному набору параметров. Поэтому комбинация «тест и творчество» представляет собой, метафорически выражаясь, «лед и пламень». Это такая комбинация, в которой и инструмент измерения (тест), и измеряемое качество (творчество) чувствуют себя максимально дискомфортно. Тест творчества должен быть стандартом измерения способности ломать стандарты. А демонстрируемые человеком акты творчества (т.е. нестандартности его мышления) должны выглядеть так, чтобы подпадать под этот стандарт. И это не единственный парадокс.

Из-за длительности применения (тесты разрабатываются на годы или даже десятилетия вперед) любой тест творчества становится не новым и хорошо всем известным способом оценивать новизну. Из-за массового применения на множестве людей (смысл тестирования – именно в массовом охвате) тест творчества должен стать массовым методом оценки оригинального – уникальной творческой мысли. Однако массовость противостоит оригинальности. И так далее.

Рассмотрим конкретные примеры возникающих в связи с этим проблем.

В тесте творческого мышления Торренса изначально заложен фиксированный (!) диапазон оригинальности возможных ответов (от 40 до 160 баллов), выше которого, как, видимо, уверены разработчики, никто из тестируемых не поднимется. И на самом деле не поднимется – процедура получения и обработки данных не позволит. (Дело обстоит так, словно двум прыгунам, прыгнувшим в высоту на 5 и 8 метров соответственно, объявили один и тот же результат: «Молодцы, 3 метра», поскольку у судей нет рулетки длиннее.) Это такой недостаток дифференцирующей силы теста, который не позволяет считать валидность данного теста удовлетворительной. Ведь эта валидность такова, что тест не позволяет сравнивать оригинальность индивидуальных ответов, не попавших в стандартные, заранее известные списки. А именно такие ответы в творчестве наиболее интересны.

При этом в тесте Торренса ситуация все-таки лучше, чем в творческом задании PISA-2012, которое будет рассмотрено ниже. В тесте Торренса

любой ответ, который экспериментатор расценил как не входящий в заранее заготовленный им список, получает максимально возможный балл. Идея такова: «Испытуемый придумал то, что пока никому не приходило в голову – он отлично справился, оценим это максимально высоко в рамках заданного нами потолка».

Иначе обстоят дела с творческим заданием в PISA-2012. PISA – масштабный международный проект оценки достижений школьников. Тестирование проводится раз в 3 года и охватывает десятки тысяч человек из десятков стран, в том числе выборку из России.

В 2012 г. участникам среди прочих задач было дано творческое изобретательское задание: на основе обследования виртуального MP3-плеера, к которому нет инструкции (но по его виртуальным кнопкам можно самому кликать мышкой, наблюдая его реакции), надо понять, как он работает, и затем изобрести такой способ управления им, чтобы можно было обходиться двумя кнопками вместо имеющихся трех. Для оценки ответов участники разработчики создали список возможных правильных творческих ответов. В него входят 6 определенных изобретательских решений, а все остальные оцениваются в 0 баллов. При этом разработчики удивительным образом пропустили возможные решения, основанные на одновременных нажатиях двух клавиш и быстрых двойных кликах. Возможная причина: авторы находились в плену цитируемого ими запрета, выдвинутого минимум 15 лет назад, до эпохи массового пришествия мультитачей: «Ни при каких условиях нельзя нажимать две кнопки одновременно».

В любом случае сама идея «стандартного списка творческих ответов» представляется нонсенсом, оксюмороном. Она совершенно удивительным образом контрастирует с провозглашенной разработчиками ценностью индивидуальных решений и декларированием того, что отклонение – не обязательно ошибка. Со своей стороны подчеркнем: настоящие оригинальные решения имеют тенденцию не попадать в список известных, а расширять его.

К сожалению, указанная ошибка не обсуждается разработчиками публично. Из-за этого учителя, школьные психологи, администраторы могут пользоваться выложенными в открытый доступ заданиями PISA и руководством по оцениванию

как образцовыми, ничего не зная о том, что критерии оценивания творческих заданий составлены некорректно, и среди прочего обнулять оценку ученикам за ответы, достойные намного большего.

Есть ли выходы для изучения творческого мышления? Да, но они значительно сложнее идеи «стандартных списков творческих ответов», столь удобных при массовом тестировании.

Литература

Поддьяков А.Н. Решение комплексных проблем в PISA-2012 и PISA-2015: взаимодействие со сложной реальностью // Образовательная политика. 2012. № 6. С. 34–53. English translation: Poddiakov A. Complex problem solving at PISA 2012 and PISA 2015. <http://ssrn.com/abstract=2432598> (дата обращения:).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Потапова О.Г., аспирант кафедры психологии младшего школьника
Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Рассматриваются понятие интеллектуальных операций, подходы к изучению, характеристика и особенности взаимосвязи интеллектуальных операций, их роль в учебной деятельности младших школьников.

Ключевые слова: интеллектуальные операции, анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, мышление, функциональные механизмы, операционные механизмы.

Abstract. In article the concept of intellectual operations, approaches to studying, the characteristic and features of interrelation of intellectual operations, their role of educational activity of younger school students are considered.

Keywords: intellectual operations, analysis, synthesis, comparison, generalization, classification, thinking, functional mechanisms, operational mechanisms.

В условиях современного общества значительно возрос объем учебной информации, которую должен усвоить современный школьник. Вся современная учебная деятельность по достижению образовательных результатов направлена на самостоятельность и активность учеников, что требует обновления способов, приемов и средств работы с учебным материалом и развитию у них интеллектуальных операций.

В ФГОС НОО прописано, что одним из требований к метапредметным результатам освоения основной образовательной программы НОО обучающихся является «овладение логическими действиями сравнения, анализа, синтеза, обобщения, классификации по родовидовым признакам, установление аналогий и причинно-следственных связей, построение рассуждений, отнесение к известным понятиям». Данное требование, вынесенное в отдельный пункт, говорит о большой значимости развития интеллектуальных операций у детей младшего школьного возраста [3, с. 7].

Впервые термин «интеллектуальные операции» был введен Ж. Пиаже, чтобы обозначить

действия, перешедшие во внутренний план и ставшие обратимыми благодаря координации с другими умственными действиями. Когда действия из внешней формы переходят во внутреннюю, они оказываются доступными для перестраивания и обращения. Ж. Пиаже выделял четыре стадии формирования интеллектуальных операций: сенсомоторный период, дооперациональное мышление, стадию конкретных операций, стадии формальных и пропозициональных операций, а также факторы интеллектуального развития, не включая в их число обучение [1].

С.Л. Рубинштейн определял интеллектуальную операцию как такую, которая учитывает существенные условия той объективной ситуации, в которой она совершается. По его мнению, операция будет интеллектуальной, если она оперирует предметами сообразно с их объективной природой и существенными для данной задачи отношениями. Практически он отождествляет чи, по его мнению, есть мыслительный процесс, интеллектуальная операция. Понятие интеллектуальной операции с процессом мышления и решения задачи. Процесс решения задаекту-

альной операции включает в себя мыслительные операции различных видов и уровней. Высшей формой интеллектуальных операций является мышление в понятиях [2].

В теории системогенеза деятельности и способностей В.Д. Шадрикова показано, что развитие познавательных способностей связано с овладением интеллектуальными операциями. По его мнению, интеллектуальные операции – это осознанные психические действия, связанные с познанием и разрешением задач, стоящих перед индивидом. Это познание осуществляется через познавательные процессы. Функциональными механизмами познавательных процессов выступают конкретные функциональные физиологические системы (ощущения, восприятия, память, мышления). Операционными механизмами выступает система приобретенных операций (познавательных действий, отнесенных к условиям познания). Интеллектуальные операции выступают в единстве функциональных и операционных механизмов [4].

В ряде экспериментальных работ, проведенных исследователями (Е.Ю. Акимова, Е.Г. Заверткина, Н.А. Зиновьева и др.), показано, что интеллектуальным операциям требуются специальные условия обучения, разные образовательные системы создают различные условия для формирования интеллектуальных операций [4].

Наиболее часто в начальной школе активизируются следующие интеллектуальные операции:

анализ, синтез, сравнение, обобщение. Операции анализа и синтеза объединяются не только друг с другом, но и с операциями сравнения и обобщения. Объединение интеллектуальных операций осуществляется в поведении и деятельности и обуславливаются объективными связями свойств предметов внешнего мира на основе функционального значения этих свойств. Особенно интенсивно данные интеллектуальные операции начинают развиваться в младшем школьном возрасте [4].

Интеллектуальные операции играют важную роль в учебной и повседневной жизни учеников младшего школьного возраста. Уровень развития интеллектуальных операций сильно зависит от условий, системы и программы обучения младших школьников.

Литература

Пиже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2013.

Шадриков В.Д. Интеллектуальные операции: монография. М.: Логос, 2006.

Шадриков В.Д. Способности и интеллект человека. М.: Логос, 2004.

О НОВОМ ЭТАПЕ В РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМ ПСИХОЛОГИИ СПОСОБНОСТЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕЛОВЕКА

Суворова Г.А., доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии младшего школьника факультета начального образования Института детства Московский педагогический государственный университет

Аннотация. Изложена точка зрения на способности и интеллект с позиций новой методологии системогенеза жизнедеятельности: общенаучное понимание интеллекта как познания конкретизировано в «развивающееся мышление как формирующийся интеллект», при этом интеллект выступает «как системное проявление познавательных способностей», а интеллектуальная задача – как средство развития способностей и интеллекта.

Ключевые слова: способности, интеллект, мышление, задачи познания, интеллектуальная задача, интеллектуальные операции, системогенез жизнедеятельности.

Abstract. The abilities and intelligence explained from the standpoint of a new methodology of systemogenesis of life: general scientific understanding of intelligence as knowledge specified in «developing thinking as the forming intelligence», thus the intellect acts «as a systemic manifestation of cognitive abilities» and intellectual challenge as a means of developing abilities and intelligence.

Keywords: abilities, intelligence, thinking, knowledge, intellectual challenge, intellectual operations, systemogenesis of life.

В настоящее время разработка проблем психологии способностей и интеллекта находится на новом этапе своего развития – этапе системогенеза жизнедеятельности человека [11, с. 11]. Эта методология сформирована системой взглядов видного российского ученого В.Д. Шадрикова и его учеников [2; 5]. Как уже отмечалось [3; 4], исследования способностей и интеллекта в психологии разрозненны. В психологической литературе содержание понятия «интеллект» является дискуссионным; содержание понятий, близких к интеллекту, – мышления и способностей – не совпадают. Общенаучное содержание понятия «интеллект» дано в Большом энциклопедическом словаре: «Интеллект (от лат. *intellectus* – познание, понимание, рассудок), способность мышления, рационального познания. Лат. перевод другого греческого понятия «нус» («ум»), тождественный ему по смыслу» [1]. То есть понятие «интеллект» в общенаучном значении имеет несколько ракурсов. Первый ракурс – интеллект как познание; второй – интеллект как понимание; третий – интеллект как рассудок; четвертый – интеллект как ум; пятый – интеллект как способность мышления [3].

Выделим теоретические тезисы В.Д. Шадрикова в разработке проблем психологии способностей и интеллекта.

Тезис 1. В изучении интеллектуальной деятельности человека общенаучное содержание рассматриваемых выше понятий конкретизируется в общепсихологическом плане: развивающееся мышление рассматривается как формирующийся интеллект, интеллект определяется как системное проявление познавательных способностей, для которых умственные способности выступают в качестве общего фактора (общей способности), влияющего на другие способности.

Тезис 2. Интеллект складывается из нескольких способностей (функций) для выживания человека и достижения им успехов в определенной культуре [7, с. 25].

Тезис 3. Развитие интеллекта будет выступать как интеграция способностей, знаний и умений в их структурных компонентах и новообразованиях [10, с. 590]. Ученый еще ранее пишет, что «формирование и развитие психических функций одновременно выступает как процесс интеграции интеллекта» [6, с. 45].

Тезис 4. Существуют качественные различия в характеристиках интеллекта ребенка 3 лет, 7 лет, 11–12 лет и 14–16 лет, которые пока не учи-

тываются в разного рода тестах на интеллект [7, с. 590–591].

Тезис 5. Новое понимание интеллекта: «Интеллект можно определить как интегральное проявление способностей, знаний и умений» [7, с. 590].

Тезис 6. Ученый предложил свою модель структуры интеллекта [6, с. 251–254].

Тезис 7. Дать характеристику конкретной способности можно только с учетом ее взаимосвязи с другими способностями, ученый предложил использовать для этого регрессионный анализ. Матрица уравнений регрессии отражает связь одной способности со всеми остальными [6, с. 46].

Тезис 8. В мышлении отдельные познавательные способности интегрируются, выступают в системном проявлении, в режиме взаимодействия [6, с. 45].

Тезис 9. В.Д. Шадриков отмечает, что мышление нацелено на разрешение задачи и что любая задача разрешается определенным способом. Выделяя интеллектуальные операции в особый класс психических действий, связанных с познанием и разрешением задач, стоящих перед индивидом, он констатирует, что именно интеллектуальные операции и являются этими обобщенными способами, реализующими мышление и познание [9, с. 131–183; 12]. Ученый предложил новую классификацию интеллектуальных операций (в восприятии и памяти, в предметно-практическом мышлении, в понятийном мышлении, в мета-интеллектуальных процессах) [10, с. 465–526] и новую классификацию задач познания [8] по основным видам познавательных процессов и способностей и показал, как они соотносятся с задачами развития способностей. Основные способы познания он относит к интеллектуальным операциям. В новой классификации задач познания выделено две категории задач: относящиеся к результату интеллектуальной деятельности и относящиеся к процессу этой деятельности, которые и характеризуют учебные действия.

Тезис 10. В.Д. Шадриков по новому ставит задачу «научить ученика учиться», она заключается в освоении «учеником основных способов познания», которые он относит к интеллектуальным операциям, и в разработке «...научно обоснованных информационных технологий образования» [11, с. 9], позволяющих ученику ими овладеть.

Тезис 11. В.Д. Шадриков показывает, что способности классифицируются так же, как в позна-

вательные процессы (функции). Таким образом, преодолен разрыв между психическими процессами и способностями: характеристики продуктивности психических процессов и являются характеристиками способностей. Ученый ставит задачу поиска показателей продуктивности психических процессов и поиска приемов обнаружения операционных механизмов этих процессов (способностей).

Тезис 12. Системы познавательных действий разного уровня интеграции и являются, по В.Д. Шадрикову, операционными механизмами способностей. Системы познавательных действий семи общих (познавательных) способностей, (это «способности познавать» [9, с. 82]) по-разному взаимосвязаны между собой у конкретного человека – это первый уровень интеграции познавательных действий; второй уровень интеграции – это системы интеллектуальных операций и их взаимосвязи.

Г.А. Суворова показала, что у ученика психологическая система деятельности (ПСД) формируется прежде всего при выполнении заданий учебников. Содержание учебных задач организует психические процессы ученика в ПСД. Учебную деятельность ученика можно развернуть в систему задач познания разного содержания и уровня психологической сложности, изменение этого уровня в соответствии со способностями ученика в процессе обучения и позволяет индивидуализировать процесс формирования психологических механизмов научения [3; 5]. Интеллектуальная задача, решаемая познавательными действиями разного уровня интеграции, может рассматриваться как средство развития способностей и интеллекта.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 1997, с. 452.

2. Суворова Г.А. О системогенетическом подходе в психологии // Преподаватель 21 век. 2010. Ч. 1. № 2. С. 53–58.

3. Суворова Г.А. Интеллектуальная задача как средство развития способностей /V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: матер. участников съезда. Т. 3.М.: Российское Психологическое Общество, 2012. Научные материалы. Т. 3. Развитие способностей в учебной и профессиональной деятельности. С. 263–264.

4. Suvorova G.A. Intellectual Task as a Means of Development of Skills // Procedia – Social and Behavioral Sciences Volume. 2013. No 10. P. 563–567.

5. Суворова Г.А. Современный этап в разработке проблемы психологии способностей человека: системогенетическое направление. Всероссийская конференция с международным участием «От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете»: сб. матер. юбилейной конференции: В 5 т. Т. 1. /отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015, 492 с.

6. Шадриков В.Д. О структуре познавательных способностей // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 3. С. 38–46.

7. Шадриков В.Д. Индивидуализация содержания образования. М.: Вентана Граф, 1977.

8. Шадриков В.Д. Цель учебной деятельности. М.: МОРУ, 2001.

9. Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс. 2007.

10. Шадриков В.Д. От индивида к индивидуальности: введение в психологию. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2009.

11. Шадриков В.Д. Качество педагогического образования: монография. М.: Логос, 2012.

12. Шадриков В.Д. Мысль и познание. М.: Логос, 2014.

СПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ: ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Сурыкова М.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики Национальная металлургическая академия Украины, Днепрпетровск

Аннотация. Рассмотрена способность к интерпретации как особое свойство личности, обеспечивающее общую эффективность осознанной регуляции жизнедеятельности. Представлено обоснование определения способности к интерпретации как общей способности. Определена

важность развития способности к интерпретации, что обусловлено необходимостью личности постоянно вырабатывать собственное мнение в решении жизненных задач, принятии решений, определении позиции.

Ключевые слова: интерпретация, понимание, мнение, отношение, способность.

Abstract. The article is devoted to the ability to interpret as a special property of the person providing interpretive activities and determines the overall effectiveness of the regulation of conscious life. The substantiation of the author to determine the ability to interpret as a general ability. Determine the importance of developing the ability to interpret, due to the need of the person constantly develop their own opinion in solving life's problems.

Keywords: interpretation, understanding, opinion, attitude, ability.

Интерпретация в психологии понимается как интеллектуальный и оценочно-смысловой процесс, обусловленный личностными образованиями, который позволяет личности осознать действительность, установить отношения с миром и достигать определенности. Интерпретация осуществляется как процесс осмысления и переосмысления субъектом событий, отношений и поведения людей, их личностей, жизни в целом, себя самого [4; 5]. Личностный характер интерпретации проявляется в том, что она осуществляется усилиями личности, является результатом работы мышления и сознания: субъект сам «творит» истину, превращая объект самого себя и собственное знание о мире и объекте [2]. Общей функцией интерпретации является достижение определенности позиции личности. На уровне сознания такая определенность существует как особый результат интерпретации – личностное мнение.

Феномен интерпретации может быть определен как особое психическое образование, как способность личности к интерпретационной деятельности. Мы полагаем, что способность к интерпретации можно рассматривать как общую способность в контексте общепсихологических исследований способностей. В психологии выделены качественные характеристики общих способностей, которые большинство исследователей связывает с глобальной активностью субъекта, в первую очередь познавательной, и саморегуляцией. К общим способностям чаще всего относят интеллект, креативность, обучаемость [1]. Кроме того, общими способностями считают также познавательные стили, способность к исследовательскому поведению, рефлексивность [2; 3].

Способность личности к интерпретации, на наш взгляд, также может быть на основе ее существенных характеристик отнесена к общим способностям, которая определяет общую эффективность регуляции жизнедеятельности человека. Способности обеспечивают соответ-

ствующий уровень развития функциональных систем психики. Функция психической регуляции деятельности осуществляется несколькими регулятивными феноменами, в том числе и интерпретацией. Представляется, что способность к интерпретации должна быть рассмотрена наряду с такими общими способностями человека, как интеллект, обучаемость, креативность, рефлексивность. Основой такого предположения является то, что способность к интерпретации также имеет внутреннюю детерминацию (в отличие от деятельностной, наружной), является универсальной и индифферентной к содержанию деятельности. Важной характеристикой способности к интерпретации является полифункциональность. То есть способность к интерпретации может быть обозначена как особая способность, которая определяет общую эффективность осознанной регуляции деятельности.

Личность выступает как субъект особой интерпретационной деятельности, в которой возможно выделить потребности, мотивы, цели, условия, средства и механизмы ее реализации. Интерпретационная деятельность возникает в определенной интерпретационной ситуации, в которой актуализируется потребность личности в интерпретации. Прежде всего это неопределенность, неожиданность реальности.

Общая цель интерпретационной деятельности личности – иметь собственное мнение – обеспечивает ей уверенность через определенность. Вероятно, цель может конкретизироваться в зависимости от уровня потребности: удовлетворение потребности в безопасности должно привести к упорядоченности представлений, на социальном уровне потребность в принятии – к согласованности позиций, на экзистенциальном уровне потребность в самовыражении – к утверждению как личности. Наличие тех или иных потребностей приводит к активизации интерпретационной деятельности личности. Мышление, речь выступают механизмами, благодаря которым достигается цель интерпретационной деятельно-

сти. Условиями интерпретирования выступают личностные смыслы и ценности. Средством осуществления интерпретационной деятельности, вероятно, должна быть определена именно способность личности к интерпретации.

Можно предположить также, что способность к интерпретации имеет индивидуальную степень выраженности, опосредованная интеллектуальными, возрастными, профессиональными и другими особенностями личности.

Литература

Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 448 с.

Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 424 с.

Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002. 240 с.

Чепелева Н.В. Влияние интерпретационных процессов на личностное функционирование и развитие личности // Понимание и интерпретация жизненного опыта как фактор развития личности: монография / под ред. Н.В. Чепелевой. Кировоград: Имекс-ЛТД, 2013.

ПРИРОДА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Ясюкова Л.А., кандидат психологических наук доцент
Институт практической психологии «Иматон»

Аннотация. Излагаются результаты лонгитюдного исследования динамики интеллектуальных способностей 44 учащихся с 7 по 11 класс (тест Амтхауэра), которое показало, что при углубленном изучении математики у большинства учащихся к 11-му классу формируется идентичный тип интеллекта, что проявляется в высоко значимых корреляциях (0,80–0,98).

Ключевые слова: интеллект, лонгитюдное исследование, корреляционный анализ, генетика, образовательные программы.

Abstract. The results of a longitudinal study of the dynamics of mental abilities of 44 pupils from the 7th to 11th grade (Amthauer test), which showed that in-depth study of mathematics in the majority of students for the 11th class formed an identical type of intelligence that manifests itself in a highly significant correlation (0,80–0,98).

Keywords: intelligence, longitudinal study, correlation analysis, genetics, educational programs.

Лонгитюдное исследование развития интеллектуальных способностей проводилось в лицее (с углубленным изучением математики с 8-го класса). Тестирование учащихся двух параллельных классов (всего 44 человека) проводилось в 7-м, 9-м и 11-м классах с использованием теста структуры интеллекта Амтхауэра. Тест содержит задания на общую осведомленность (I), логические вербальные (II, III, IV), численные (V, VI), графические способности (VII, VIII) и память (IX), т.е. задания направлены на исследование различных интеллектуальных способностей с использованием разнообразного стимульного материала. Методом парных корреляций проводилось сравнение данных по 9 субтестам теста Амтхауэра двух учащихся (Никиты Г. и Милы П.) со всеми остальными учащимися. Никакого родства между Никитой и Милой, а также всеми остальными учащимися лицея, естественно, не было, т.е. ге-

© Ясюкова Л.А., 2015

нетический фактор исключен полностью. В качестве значимого был выбран уровень 0,999 (или значения коэффициентов корреляции от 0,80 до 0,98), т.е. такие корреляции обычно ожидаются только в случае однойцовых близнецов.

При обследовании в 7-м классе корреляция между интеллектуальными показателями Никиты и Милы отсутствовала, также не было обнаружено корреляций между интеллектом Никиты и остальными учащимися, однако данные Милы значимо коррелировали с данными четырех одноклассников. С 8-го класса в лицее началось углубленное изучение математики. На основании данных тестирования этих же учащихся в 9-м классе были получены высокосignимые корреляции по интеллекту между Никитой и 15 учащимися, Милой и данными 8 учащихся. Сравнительный анализ интеллекта учащихся 11-х классов выявил значимые корреляции между показателями интеллекта Никиты и 15 учащихся (в том числе

и Милы), показатели интеллекта Милы значимо коррелировали с данными 21 учащегося.

Фактически все современные исследования, проводимые на близнецах, показывают появление и усиление корреляций между интеллектуальными способностями с возрастом. На основании этого делается вывод о том, что генетика (или наследственность) усиливает свое проявление (или влияние) по мере взросления [2]. Проведенное исследование и его результаты свидетельствуют о том, что интеллект полностью формируют социальные факторы, и наиболее сильное влияние оказывают учебные программы, в то время как генетика не имеет к этому никакого отношения.

Природа и закономерности развития индивидуальных интеллектуальных способностей до сих пор представляют собой, как говорил еще Л.С. Выготский, «совершенно неисследованную область психологии. Причина в том, что легче усвоить тысячу новых фактов в какой-нибудь области, чем новую точку зрения на уже известные факты. Односторонность и ошибочность традиционного воззрения на факты развития высших психических функций заключается прежде всего в неправильном принципиальном понимании природы изучаемых явлений» [1, с. 6–7]. Полученные в результате исследований на различных возрастных этапах характеристики интеллекта определяются как закономерности его развития, хотя при этом их происхождение никак не исследуется. Как писал Л.С. Выготский, «данные генезиса заменяются обычно хронологическим приурочиванием возникновения того или иного высшего психического процесса к тому или иному возрасту. Психология, например, сообщает нам, что образование отвлеченных понятий складывается у ребенка около 14 лет подобно тому, как смена молочных зубов

совершается около 7 лет. Но психология не может ответить на вопрос, почему образование отвлеченных понятий относится именно к этому возрасту, ни на вопрос, из чего и как оно развивается. Психология до сих пор не уяснила различия между органическими и культурными процессами развития, между двумя принципиально различными рядами закономерностей» [1, с. 7]. Данный подход закрепился благодаря работам Ж. Пиаже, в которых применяется лишь одна переменная – календарный возраст. Как говорил Л.С. Выготский, «принципиальное игнорирование специфических особенностей высших функций, естественно, сочетается с основной установкой на анализ биологического истолкования всякого культурой созданного психологического образования» [1, с. 19]. Сегодня до сих пор, к сожалению, ни у кого не возникает сомнений в генетической основе интеллектуальных способностей.

Интеллект – это не некая самореализующаяся способность, основы которой заложены генетически, а структура операций, которая формируется, как подчеркивал Л.С. Выготский, в результате обучения ребенка. Характер этой структуры, тип интеллекта, который будет сформирован, определяется не генетически, а зависит от уровня развития культуры, в которой растет ребенок, принятой в ней системы образования и конкретных программ, используемых при его обучении. Этим и обуславливается индивидуальное своеобразие интеллектуальных способностей.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6-и т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983.
2. *Ушаков Д.В.* Психология интеллекта и одаренности. М.: ИП РАН, 2011.

Раздел XIII

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО КОНТРОЛЯ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Blagoveshchensky E., Fedele T., Nazarova M., Iscan Z., Nikulin V.</i> Long-Range Temporal Correlations in neuronal oscillations as predictors of TMS effects in paired-pulse paradigms	567
<i>Москвина Н.В.</i> Индивидуальные особенности когнитивного контроля в речевых коммуникациях.....	568
<i>Новицкий Н.Ю., Мячиков А.В., Штыров Ю.Ю.</i> Межъязыковое взаимодействие и когнитивный контроль у поздних русско-английских билингвов: поведенческие и электроэнцефалографические данные	569
<i>Оголь М.П.</i> Природа приобретенных страхов и порог эмоционального контроля в неравновесных психических состояниях.....	570
<i>Pokhoday M., Shtyrov Y., Myachykov A.</i> The role of attention in sentence production: beyond the visual modality.....	572
<i>Yaple Z., Matteo F., Bhuvanesh A., Martinez-Saito M., Shestakova A., Hlucharev V.</i> Frequency-specific modulation of risk, certainty and cognitive control under gains and losses	573

LONG-RANGE TEMPORAL CORRELATIONS IN NEURONAL OSCILLATIONS AS PREDICTORS OF TMS EFFECTS IN PAIRED-PULSE PARADIGMS

Blagoveshchensky E.¹

Fedele T.^{1, 2}

Nazarova M.^{1, 3}

Iscan Z.¹

Nikulin V.^{1, 4}

¹ Centre for Cognition and Decision Making, National Research University «Higher School of Economics», Russian Federation

² Neurosurgery Department, University Hospital Zurich, Zurich, Switzerland,

³ Research Center of Neurology, Moscow, Russia

⁴ Charité – University Medicine Berlin, Berlin, Germany

While the intra- and inter-subject variability of TMS effects is widely acknowledged, little is known about its central origin. One of the plausible explanations is that such variability might be due to different neuronal dynamics relating to the stimulated cortical area.

Methods. In the present study we used Long-range Temporal Correlations (LRTC, Linkenkaer-Hansen et al., 2001; Nikulin et al., 2012) in the amplitude dynamics of neuronal oscillations in order to predict the inter-individual differences in the strength of intracortical facilitation (ICF) and short-interval intracortical inhibition (SICI) produced by paired-pulse TMS (ppTMS). Effects of ICF/SICI and single pulse TMS were measured with motor evoked potentials (MEPs). LRTC in the alpha frequency range were calculated with Detrended Fluctuation Analysis applied to multichannel EEG recordings obtained at rest before and after ppTMS and single pulse TMS protocols. The application order ICF, SICI and single pulse TMS protocols was counterbalanced across subjects.

Results. LRTC in the alpha frequency range showed moderate intra-class correlation between the two rest sessions thus indicating a relative stability of the temporal dynamics between the sessions. Topographically, intra-class correlation was

least pronounced over the stimulated areas thus demonstrating a potential long-lasting offline effect of TMS on neuronal activity. This was further confirmed by showing that there was a positive correlation between the magnitude of ICF and the magnitude of LRTC in 8–13 Hz range. Importantly, such correlation was regionally specific demonstrating strongest values over sensorimotor areas where TMS was applied. A less pronounced correlation was found between LRTC (in 10–12 Hz) and SICI. Neither LRTC before TMS nor the amplitude of alpha oscillations, however, were predictive of the strength of SICI/ICF. The amplitude of MEPs in a single pulse TMS paradigm was not correlated with either amplitude or LRTC in any rest condition.

Conclusions. We showed that while effects of ppTMS can not be predicted from the neuronal dynamics at the resting state, recorded before the TMS experiments, ppTMS could sufficiently influence neuronal activity leading to the correlation between ICF/SICI and LRTC in the post-stimulation rest condition. Such correlations are most likely due to the fact that stronger ICF/SICI are likely to be associated with a more pronounced effect of ppTMS on the cortical activity in general. Moreover, the existence of such correlation indicates that ppTMS can have a previously unobserved long lasting effect on the temporal dynamics of neuronal oscillations.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО КОНТРОЛЯ В РЕЧЕВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Москвина Н.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма

Аннотация. Исследованы особенности коммуникативных процессов на примере студентов спортивного вуза (юноши и девушки в возрасте 17–20 лет, $n = 122$) с разными признаками межполушарной асимметрии мозга. Выявлены особенности коммуникативных функций человека, обусловленные индивидуальными межполушарными асимметриями.

Ключевые слова: коммуникативные процессы, индивидуальные различия, межполушарные асимметрии, мозг, спортивная психология.

Abstract. The features of communication processes on an example of students of sports high school (boys and girls aged 17–20 years, $n = 122$) with different signs of asymmetry of the brain. The features of the communicative functions of the person due to individual hemispheric asymmetry.

Keywords: communication processes, individual differences, hemispheric asymmetry, brain, sports psychology

Сегодня успешно развивается такое новое направление, как психофизиологический подход к проблеме индивидуальных различий [3–7]. Речевые способности человека различны, имеют индивидуальные особенности, связанные и с психофизиологическими параметрами [1]. В работе изучен вопрос о возможных связях индивидуальных особенностей коммуникативных функций у лиц с разными вариантами функциональной асимметрии мозга (ФАМ).

В настоящее время индивидуально-психологические особенности праворуких с разными вариантами профилей латеральной организации в определенной степени уже исследованы. Изучена связь вариантов латеральных профилей с рядом психических процессов [3–7]. Хотя методика дихотического тестирования широко используется для исследования функциональных асимметрий, до настоящего времени не изучена возможная связь речевых функций с профилями латеральности. Психодиагностические исследования обнаруживают более высокий уровень активности (эргичности) у «левополушарных» индивидов (праворуких), особенно с правым показателем в пробе А.Р. Лурия «перекрест рук» [3]. Предположительно, такая корреляция может быть обусловлена преимущественной связью активирующих влияний ретикулярной формации со структурами левого полушария. У леворуких центр речи в большинстве случаев также (как и у праворуких) располагается в левом полушарии. С. Спрингер и Г. Дейч (1983) свидетельствуют о том, что в 70 % случаев центр речи

у леворуких расположен в левом полушарии. Для решения проблемы исследования связи психофизиологических параметров с коммуникативными процессами человека нами была поставлена цель: изучить индивидуальные особенности коммуникативных функций у здоровых людей с разными вариантами профилей латеральности.

Методика. В качестве испытуемых выступили студенты спортивного вуза в возрасте 17–20 лет ($n = 122$), из них 35 юношей и 85 девушек. Исследование индивидуально-психологических особенностей испытуемых проводилось с помощью дихотического теста и следующего набора психометрических опросников: ММРІ, методики Леонгарда-Шмишека, Краунда-Марлоу, опросника Айзенка и цветового теста Люшера.

В числе методик диагностики межполушарных отношений использовались показатели пробы «перекрест» рук (ПППР) по А.Р. Лурия [2], которые отражают парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга. Для исследования асимметрии слухо-речевого восприятия использовался вариант методики дихотического теста (факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова). Статистическая обработка проводилась с использованием критерия Вилкоксона – Манна – Уитни, также был использован факторный анализ.

Результаты. При анализе результатов психодиагностического тестирования группы юношей ($n = 36$) и девушек ($n = 86$) были разделены на две подгруппы с разными показателями пробы «перекрест рук» (ПППР) – правым и левым. Результаты факторного анализа показали, что в обеих выборках (юношей и девушек) в матрицах

наблюдений для параметра «правый перекрест рук» характер объединений получился иным, чем для матриц наблюдений с показателем «левый перекрест рук». По результатам дихотического тестирования более высокие показатели коэффициента правого уха были отмечены у юношей с правыми ПППР – 29,7 б, у лиц с левыми ПППР этот показатель составил 28,5 б. У девушек была выявлена аналогичная закономерность – 19,3 б. и 6,7 б. соответственно ($p < 0,05$).

Анализ других параметров показал, что у девушек с правыми ПППР отмечаются более высокие значения «экстраверсии» Айзенка по сравнению с левыми ПППР (14,6 б. и 12,4 б. соответственно), а также более низкие значения «эмотивности» (16,3 б. и 18,6 б.), «дистимичности» (6,2 б. и 7,6 б.) и «экзальтированности» (14,8 б. и 18,5 б.) в методике Леонгарда-Шмишека. Юноши с правыми ПППР (по сравнению с левыми) также обнаружили более высокие значения «экстраверсии» Айзенка (14,0 б. и 12,2 б.) и «гипертимности» ММРІ (69,4 б. и 66,3 б.), более низкие показатели «нейротизма» Айзенка (9,9 б. и 10,7 б.). У юношей с левыми ПППР отмечены более высокие показатели потребности в одобрении (методика Краунда-Марлоу), «ипохондрии», «депрессии», «истерии» и «психастении» ММРІ. При разделе выборки юношей на две подгруппы по ведущему уху (в моноауральных поведенческих актах) было установлено, что испытуемые с правым ведущим ухом обнаруживают более низкие показатели «гетерономности» в цветовом тесте, что соответствует психологическим характеристикам автономности, активности, инициативности, независимости.

Эксперимент выявил, что правый показатель в пробе «перекрест рук» коррелирует с более высокими показателями «экстраверсии» и коэффициента правого уха в дихотическом тесте, что свидетельствует о более выраженной левополушарной локализации двигательного центра речи у лиц с правым показателем в пробе А.Р. Лурия «перекрест рук», а также определяет и более высокий уровень коммуникативных возможностей

индивидов. Указанные особенности могут быть обусловлены более тесными связями ретикулярной формации с левым полушарием, что и определяет преимущественную локализацию моторного центра речи в левом полушарии (как у праворуких, так и у леворуких), а также более высокие показатели «экстраверсии» и «коэффициента правого уха».

Выводы. Выявлено, что правый показатель в пробе «перекрест рук» коррелирует с более высокими показателями «экстраверсии» и коэффициента правого уха при диагностике коммуникативных процессов, а также обнаруживаются различия по ряду шкал использованных методик. Это позволяет говорить о наличии индивидуальных особенностей контроля коммуникативных функций, связанных с межполушарными асимметриями. Полученные данные могут быть использованы в целях дифференциальной диагностики.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб.: Питер, 2009. 352 с.
2. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2000. 512 с.
3. Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М.: Смысл, 2011. 367 с.
4. Москвин В.А., Москвина Н.В. Психофизиология индивидуальных различий в спорте. М.: НИИ спорта РГУФКСМиТ, 2013. 128 с.
5. Москвина Н.В. Мозг, индивидуальные различия и произвольная регуляция человека. М.: РГУФКСМиТ, 2015. 150 с.
6. Moskvina V.A., Moskvina N.V. Psychophysiology and features volitional regulation sport university students // European Journal of Education and Applied Psychology. 2015. No 3. P. 62–65.
7. Moskvina N.V., Moskvina V.A. Hemispheric asymmetry and features communication processes in sport psychology // European Journal of Education and Applied Psychology. 2015. No 3. P. 59–62.

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КОГНИТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ У ПОЗДНИХ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ БИЛИНГВОВ: ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ И ЭЛЕКТРОЭНЦЕФАЛОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Новицкий Н.Ю.¹

Мячиков А.В.^{1, 2}

Штыров Ю.Ю.^{1, 3}

© Новицкий Н.Ю., Мячиков А.В., Штыров Ю.Ю., 2015

¹ Центр нейроэкономики и когнитивных исследований, Национальный исследовательский институт «Высшая Школа Экономики»

² Department of Psychology, Northumbria University, Newcastle upon Tyne, UK

³ Center of Functionally Integrative Neuroscience, Institute for Clinical Medicine, Aarhus University, Denmark

Современные глобализационные процессы стимулируют изучение иностранных языков и приводят к увеличению распространенности двуязычия в мире. Когда в мозге сосуществуют два языка, возникает два важных вопроса: как взаимодействуют эти языки и как добавление языка воздействует на развитие других когнитивных функций? Согласно современным лингвистическим теориям все слова всех языков многоязычного индивида хранятся в общем лексиконе в мозге, и определение языка осуществляется уже после распознавания слова (Dijkstravan Heuven, 1998, 2002). Таким образом, жизнь с двумя языками приносит дополнительную нагрузку на систему когнитивного контроля. Действительно, в ряде исследований было показано так называемое билингвистическое преимущество, т.е. лучшее выполнение билингвами невербальных задач на когнитивный контроль.

В нашем исследовании была поставлена задача исследовать нейрофизиологические корреляты функционирования двуязычного лексикона в мозге, а также понять влияние степени двуязычия на работу системы когнитивного контроля. С этой целью мы тестировали поздних несбалансированных русско-английских билингвов в задаче с маскированным праймированием, где русские слова (L1) использовались как маскированные праймы, а английские слова (L2) служили целевыми стимулами. Задача испытуемого была запоминать целевые стимулы и соотносить их с периодически

предъявляемыми контрольными стимулами. Влияние фонологического сходства между праймами и целевыми стимулами проверялось при помощи пар омофонных слов (например, дичь – DITCH, суд – SOOT), псевдослов (например, дас – DUSS, сучь – SOOTCH), и пар слово-псевдослово (например, дочь – DOTCH, скрип – SCREEP). Влияние семантического сходства проверялось при помощи пар переводов или семантически близких слов (например, ров – DITCH, пыль – SOOT). Случайные сочетания слов изофонных пар служили контролем (например, суд – DITCH, дичь – SOOT). Во время исследования мы непрерывно записывали 128-канальную электроэнцефалограмму (ЭЭГ) и выделяли вызванные потенциалы (ВП) на целевые стимулы. Работа системы когнитивного контроля тестировалась отдельно при помощи задачи на сети внимания Attentional Network Task (ANT). Опросник языкового опыта и уровня владения языками (Language Experience and Proficiency Questionnaire, LEAP-Q) и специально созданный тест словарного запаса использовались для оценки уровня владения английским языком.

В этом докладе полученные поведенческие и электроэнцефалографические данные будут обсуждаться в терминах межъязыкового фонологического и семантического облегчения и торможения, а также в русле сравнения результатов языкового задания и задания на когнитивный контроль.

ПРИРОДА ПРИОБРЕТЕННЫХ СТРАХОВ И ПОРОГ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В НЕРАВНОВЕСНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ

Оголь М.П., студент-бакалавр

Московский городской психолого-педагогический университет

Нургинян С.С., кандидат психологических наук, заведующий научно-учебной лабораторией психологии способностей

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. На основе анализа междисциплинарных исследований по проблеме страха как психоэмоционального состояния выдвигается гипотеза о существовании порога эмоционального контроля при переживании человеком неравновесных психических состояний. Показывается,

что экспериментальное подтверждение феномена порога эмоционального контроля имеет практическую значимость для нахождения способов работы со страхом и такими его патологическими формами, как панические расстройства и фобии. Особый акцент делается на проблеме когнитивного контроля эмоций, которая требует комплексного изучения.

Ключевые слова: неравновесные психические состояния, порог эмоционального контроля, приобретенный страх, когнитивный контроль.

Abstract. Based on the analysis of interdisciplinary researches in fear as psychoemotional state it is hypothesized that there is an emotional control threshold in experiencing the unstable psychic states. It is shown that an experimental verification of the emotional control threshold phenomenon has a practical implication for identifying the ways to cope with the fear and its pathological forms including panic disorder and phobias. The issue of cognitive control of emotions has been stressed and the possibilities for complex interdisciplinary study are discussed.

Keywords: unstable psychicstate, emotional control threshold, acquired fear, cognitive control.

В отечественной и зарубежной психологии исследования, посвященные изучению фундаментальных проблем психических состояний человека в различных областях его жизнедеятельности, как правило, обращались к эмоциональным феноменам, обеспечивающим его функциональное состояние. В настоящее время все большую актуальность приобретают исследования междисциплинарного характера, в которых особая роль принадлежит методам объективной оценки функционального состояния человека в условиях осуществляемой им деятельности, наряду с субъективной оценкой собственного состояния. К проблеме порога эмоционального контроля при неравновесных психических состояниях ученые не обращались, несмотря на имеющийся задел в данной области. Еще большую значимость приобретает данная проблема при обращении к исследованию приобретенных страхов.

А.О. Прохоров предложил оригинальный подход, базирующийся на энергетическом факторе психической активности человека [5]. Это позволило ученому дифференцировать все психические состояния – наравновесные и неравновесные. Динамика состояний в рамках данного подхода рассматривается с учетом индивидуальных особенностей психики человека. В рамках концепции А.О. Прохорова страх относится к группе отрицательно окрашенных неравновесных состояний с высоким уровнем выраженности психической активности. По мнению ученого, 95 % неравновесных состояний можно отнести к группе эмоциональных, среди которых можно выделить состояние страха.

В большинстве психологических исследований страх определяется как одна из базовых эмоций, наряду с гневом и радостью (К.Э. Изард, В.К. Вилюнас, Е.П. Ильин и др.). Страх рассматривается учеными как эмоциональное состояние, отражающее защитную биологическую реакцию организма, способное принимать раз-

личные формы – от испуга, тревоги и беспокойства до ужаса и патологических форм, таких как фобии, панические атаки или расстройства в виде навязчивого невроза [2; 3; 6]. Особый вклад в понимание природы возникновения этих реакций внесли исследования в области нейропсихологии и нейрофизиологии.

Нейроисследования Джозефа Леду позволили установить нейронные пути формирования эмоциональных реакций – короткий и длинный. Он показал, что сенсорные сигналы проходят в головном мозге сначала в таламус, а потом через одиночный синапс в миндалевидное тело. Второй сигнал из таламуса направляется в неокортекс. Миндалевидное тело начинает реагировать раньше неокортекса, который, в свою очередь, затрачивает время на обработку информации на нескольких уровнях мозговых контуров [8].

Открытие Дж. Леду опровергает представление о том, что в отношении формирования эмоциональных реакций миндалевидное тело полностью зависит от сигналов, поступающих от неокортекса [1]. Связь между миндалевидным телом (и соответствующими лимбическими структурами) и неокортексом является каналом когнитивно-эмоциональной регуляции. В стандартной ситуации разум дает команды, соответствующие проанализированной ситуации, эмоциональный отклик приобретает когнитивную опору и далее может отражаться в виде эмоций [1]. В исследовании приобретенных страхов Э.Р. Канделем был подтвержден открытый Дж. Леду механизм двойного пути. Изучая грызунов, ученый показал, что в случае приобретенного страха реакция на знакомый раздражитель более выражена. По мнению исследователя, это происходит благодаря тому, что в гиппокампе и миндалене уже хранится информация о специфике реакции на данный раздражитель [4].

Подобные исследования открывают перспективы изучения психических состояний, которые

могут иметь «приобретенную» основу. С развитием цивилизации, культуры, социальных структур, источники человеческих страхов меняются. Известно, что человеку свойственны биологические, социальные, экзистенциальные страхи. Многие из них являются приобретенными и отражают широкий спектр потребностей человека. Важно заметить, что детерминантами эмоциональной активности могут становиться не только объекты внешнего мира, воздействующие непосредственно, но и такие психические феномены, как воспоминания, образы воображения и мысли. Именно благодаря этому возможно развитие фобических и невротических страхов. В ситуации, когда человеку не угрожает реальная опасность, но механизм генерирования страха был запущен условным раздражителем, когнитивные процессы, вместо «гашения» проявлений страха, усиливают реакцию. Примером может служить «страх полета». Это приобретенный техногенный страх, который может принимать фобическую форму, как у пассажиров, так и у летного и кабинного состава.

Отечественные исследования по психологии труда, авиационной психологии и медицине, как правило, косвенно освещают данную проблему. Главный акцент делается на профилактике безопасности полета, психофизиологической готовности и психологии летчика в аварийной ситуации (В.А. Пономаренко и др.), на психофизиологическое изучение функциональных состояний специалистов и их реабилитацию в случае функциональных нарушений (В.А. Бодров), на разработку методов психологического анализа деятельности летчика (К.К. Платонов). Среди зарубежных стоит выделить исследование, проведенное коллективом норвежских психологов [7], которые одними из первых попытались разработать мультифакторный опросник, направленный на выявление влияния критических этапов полета (взлет, посадка, турбулентность) и авиа-инцидентов на психоэмоциональное состояние членов экипажей коммерческих авиалиний.

Учитывая отмеченное, можно было бы предположить, что такое состояние, как «страх полета»

проявляется на критических этапах полета, когда первичная реакция, обусловленная работой короткого нейронного пути, усугубляется «ложными» сигналами неокортекса, мобилизующими весь организм так, если бы это было критической ситуацией, связанной с прямой и сильной угрозой жизни. При этом контекст ситуации не предполагает внешнего проявления эмоциональной активности в поведении, а субъективно, в силу индивидуальных особенностей личности, ситуация находит острый эмоциональный отклик. В таком случае встает вопрос о когнитивном контроле эмоционального состояния. До определенного момента эмоциональный процесс находится под когнитивным контролем, но в случае продолжительного интенсивного воздействия раздражителя и субъективной (возможно иррациональной) оценки его как угрожающего жизни происходит «эмоциональный взрыв». Такой подход позволяет понять, почему в ситуациях, связанных с реальной опасностью или обусловленных психическими феноменами, эмоциональные процессы не всегда поддаются когнитивному контролю.

Литература

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2009.
2. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001.
4. Кандель Э.Р. В поисках памяти. М.: Астрель, 2012.
5. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: Институт психологии РАН, 1998.
6. Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984.
7. Dyregrov A., Skogstad A, Hellesøy OH, Haugli L. Fear of flying in civil aviation personnel // Aviation, Space Environmental Medicine. 1992. No 63 (9), P. 831–838.
8. LeDoux JE. The Emotional Brain. New York, 1996.

THE ROLE OF ATTENTION IN SENTENCE PRODUCTION: BEYOND THE VISUAL MODALITY

Pokhoday M.¹

Shtyrov Y.^{1, 2}

Myachykov A.^{1, 3}

¹ Centre for Cognition and Decision Making, National Research University «Higher School of Economics»

© Pokhoday M., Shtyrov Y., Myachykov A., 2015

² Aarhus University, Denmark

³ Northumbria University Newcastle, United Kingdom

In a fully developed production system, perception provides an input of information about the event, attention for egounds relevant/important information for the conceptual analysis, and subsequent language production mechanisms collaborate to generate speech (Levelt, 1989). A part of this complex process is the necessity to select between simultaneously available syntactic alternatives. For example, English language provides several options that can describe the same visual event, e.g., an officer chasing a burglar. These minimally include (1) The officer is chasing the burglar and (2) The burglar is (being) chased by the officer. These active- and passive-voice alternatives differ in assigning object and subject roles to agent (officer) and patient (burglar). Existing evidence suggests that the system responsible for assigning the grammatical roles is sensitive to the distribution of the speaker's attention within the described scene (Tomlin & Myachykov, 2015, for a recent review). Specifically, a speaker of English is more likely to choose a passive-voice frame when her attention is directed to the patient of the described event and she is more likely to use an active-voice frame when the agent is in her intentional focus (e.g., Myachykov, et al., 2012). While this and other studies indicate a regular interplay between attention and syntactic choice, they also exclusively used variants of the *visual cueing* paradigm (Posner, 1980). As a result, the reported link between attention and syntactic choice cannot be generalized beyond the visual modality. A more ecologically valid proposal needs to take into account a multi-modal nature of attention.

Here, we report results of a sentence production study, in which English native speakers described visually presented transitive events (e.g.

kick, chase, push). In half of the trials the agent appeared on the left and in the other half – on the right. Speakers' attention to the referents was manipulated by means of a lateral cue. The cue was either *auditory* (beep played monaurally) or *motor* (participants were prompted to press a left or a right key depending on the color of the central fixation cross). Hence, the Cued Referent (Agent/Patient) was crossed with the Cue Type (Auditory/Motor). The proportion of the produced passive-voice sentences was the dependent variable. First, we replicated previous findings by registering a main effect of Cued Referent (more passive-voice sentences in Patient-Cue condition). Second, there was a main effect of Cue Type (more passive-voice sentences in Motor-Cue condition). Third, there was no interaction between the two factors suggesting that only one intentional at a time can impact syntactic choice. Overall our findings replicate previous findings using visual cueing paradigm and extend them to auditory and motor modalities.

Reference

1. Levelt W.J. (1993). Speaking: From intention to articulation. Vol. 1. MIT press.
2. Myachykov A., Garrod S., Scheepers C. Determinants of structural choice in visually situated sentence production // *Actapsychologica*. 2012. No 141 (3). P. 304–315.
3. Myachykov A. Tomlin R.S. Attention and salience // Dabrowska E., Divjak D. (Eds.). (2015). *Handbook of Cognitive Linguistics*. Vol. 39. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2014.
4. Posner M.I. Orienting of attention // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1980. No 32. P. 3–25.

FREQUENCY-SPECIFIC MODULATION OF RISK, CERTAINTY AND COGNITIVE CONTROL UNDER GAINS AND LOSSES¹

Yaple Z.

Matteo F.

Bhuvanesh A.

Martinez-Saito M.

Shestakova A.

Klucharev V.

¹ This work is supported with a subsidy granted to the HSE by the government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

National Research University Higher School of Economics

Keywords: tACS, reward processing, cognitive control, prefrontal cortex, risk, task switching, gain promotion, loss prevention

Transcranial Alternating Current Stimulation (tACS) is a noninvasive stimulation technique that has been shown to enhance cognitive performance by means of entraining neural oscillations within adjacent cortical structures. For this study, we investigated whether it was possible to influence reward processing and cognitive control of individuals by frequency-specific tACS by targeting the bilateral prefrontal cortex. Stimulation was delivered online at 5, 10, 20, 40 Hz on the left and rightlateral prefrontal cortex while respondents performed a modified volunteer task switching paradigm, in which gains and losses were granted

depending on whether respondents chose to switch or repeat mental sets. This design allowed us to determine whether behavioral measures of cognitive control and risk versus certainty differed with respect to gain and loss domains. Preliminary results revealed a frequency specific modulation of 20HztACS delivered on the left prefrontal cortex significantly modulated reaction time of rewarded switch costs and decisions associated with risk and certainty under gains. We infer that this effect may underline frequency-specific and state-specific modulation of individual differences of risk and cognitive control.

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Составитель А.С. Елисеенко

Сборник статей

Редактор Н.В. Герценштейн

Корректор А.А. Нотик

Вёрстка А. Дубка

Публикуется на основе материалов (файлов),
предоставленных А.С. Елисеенко

Подписано в печать 15.12.2015. Формат 60х90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Плот. 80 г.
72 печ. л. Тираж 1000 экз.

Литературное агентство «Университетская книга»

Юридический адрес: 105120, Москва

ул. Нижняя Сыромятническая, д. 5/7, стр. 8.

Почтовый адрес: 111024, г. Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31

Тел.: (495) 221-50-16

По вопросам приобретения и издания литературы обращаться по адресу

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31

Тел.: (495) 221-50-16

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте: www.logosbook.ru